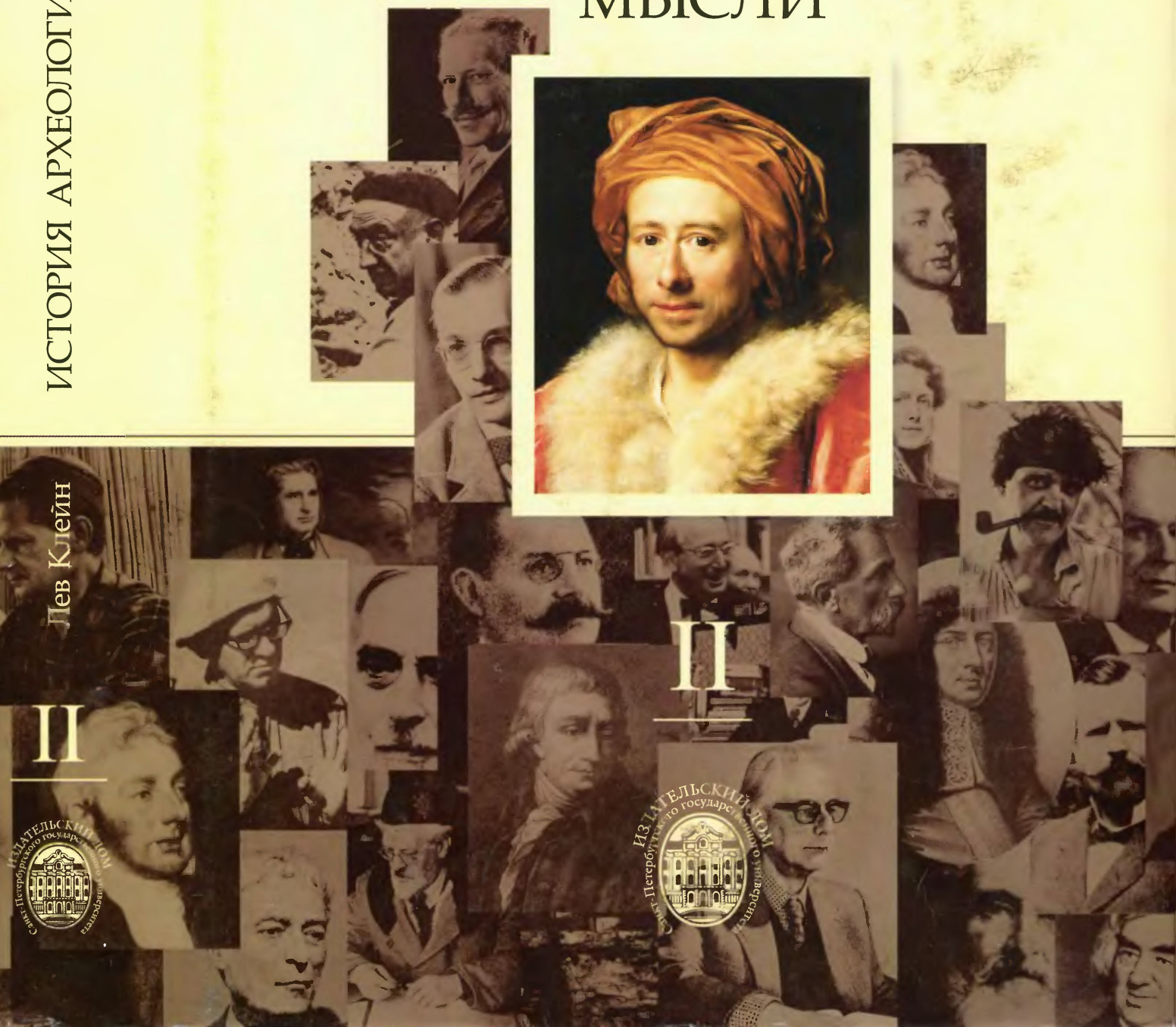
АРХЕОЛОГИЯ

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

II

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Лев Клейн

II

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербургского государственного университета

”...Как бы ни обусловливали социально-экономические сдвиги общую направленность идейного развития, темпы, форма и яркость формирования концепций и их успех зависели от того, кого судьба поставит на этом пути и какой контекст образует.

...На протяжении всей истории археологического мышления можно было убедиться, что, несмотря на материальную незаинтересованность, археология все же всегда оставалась наукой, задевающей людей за живое. Но это происходило по причинам идейным, и археология поставляла доказательства и опровержения для идеологических концепций религиозных, расовых, национальных, классовых и государственных.

...История эта показывает, что археология и ее отрасли неоднократно менялись. Не нужно считать, что современное состояние той или иной отрасли археологии, да и всей дисциплины, вечно. Нужно смотреть вперед и равняться на требования будущего, насколько их можно увидеть. Не оправдывать свое наплевательское отношение к передовым требованиям пессимизмом, неверием в будущее. Будущее очень быстро становится настоящим, а затем и прошлым, которое можно изучать. Все мы живем под объективом истории. Это не стоит забывать. Не знаю, как вы, а я давно уже это ощущаю, и это ощущение не оставляет меня ни на минуту. Я живу в истории нашей науки.

unipress.ru
издательствоспбгу.рф

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
Лев Клейн
II

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ Санкт-Петербургского государственного университета

АРХЕОЛОГИЯ

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

II

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ Санкт-Петербургского государственного университета

АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

II

Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета

ББК 63.4
К47

Клейн Л. С.
К47 **История археологической мысли.** В 2 т. Т. 2. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. — 624 с.
ISBN 978-5-288-05167-8 (Т. 2)
ISBN 978-5-288-05165-4

Монография является первым трудом по истории мировой археологии на русском языке, объединившем все её отрасли от первобытных времен до наших дней. Развитие направлений показано в тесной связи с историей антропологии, искусствоведческими, филологическими и культурологическими аспектами. Большое внимание уделено биографиям и работам ведущих ученых, представлены конкретные научные школы, отражена логика их появления и развития.

Развитие археологических идей рассмотрено не только в связи с социально-экономическими и политическими процессами, но и в конкретном историческом контексте — во взаимодействии сложившихся традиций и характеров личностей. Наглядно представлена история археологического мышления: накопление и смена понятий, идей и теорий. Структура работы отражает конкуренцию различных течений, их связи, взаимодействие и роль в истории науки.

Издание адресовано археологам, специалистам в области истории, социологии, антропологии, этнографии и др., а также широкому кругу читателей, интересующихся археологией. Оно может быть использовано в качестве учебника для студентов и аспирантов, специализирующихся в указанных областях.

ББК 63.4

Редактор *Л. Б. Вишняцкий*
Художественное оформление *А. В. Костюкевича*
Компьютерная верстка *А. М. Вейцторт*

© Л. С. Клейн, 2011
© Издательство С.-Петербургского университета, 2011

ISBN 978-5-288-05167-8 (Т. 2)
ISBN 978-5-288-05165-4

Глава 27. СТАДИАЛИЗМ И МАРКСИЗМ

1. Археология в революции и революция в археологии (1917–1934). Уже предшествующие главы показали, что, хотя в системе образования предусматривается отдельный курс истории отечественной археологии, в курсе истории мировой (всеобщей) археологии невозможно избежать рассмотрения некоторых российских тем (Кондаков, Ростовцев, Городцов), и, таким образом, некоторого дублирования. Это темы, в которых российская археология выступает инициатором или главной силой, давшей археологов, получивших мировое значение и выдвинувшей учения, в которых она оказалась ведущей. Рассматривая эти учения и этих археологов в общем курсе, неизбежно придется быть более кратким, чем хотелось бы и чем это нужно для детального анализа, а сосредоточиться на тех аспектах, которые выделяются на фоне мировой науки или имели значение для развития мировой археологии.

Если Кондаков и Ростовцев интересны тем, что возглавили новое течение в мировой науке, наметившееся в ней и ранее, а Городцов дал начало общемировому течению, то советские археологи первых послереволюционных десятилетий оказались интересны именно своей специфичностью, ярко отражая воздействие политического учения на археологию. Ведь марксизм, хотя и существовал и интенсивно развивался задолго до пролетарской революции, тем не менее, в дореволюционной русской археологии и нигде вне России не формировал соответствующей концепции — для этого ему потребовались захват политического господства и воздействие советской власти. То есть сам по себе марксизм не формирует соответствия в археологии, и возникшие при советской власти концепции не являются естественным образованием на базе марксизма. Они были искусственным созданием, были навязаны археологии политической властью марксистов после политической революции.

Только тогда возникли новые концепции, новые течения, связанные с марксизмом, и мы рассмотрим, в какой мере это можно считать научной революцией в археологии и, если можно, то когда она началась и какие этапы проходила. Во всяком случае, ясно, что на российской археологии сказалась политическая революция, а этим понятием я охватываю и Февральскую революцию и Октябрьский переворот 1917 года, хотя последний, если быть социологически точным, новой революцией не являлся. Он был лишь этапом общей революции 1917 года, в котором радикальная политическая группировка, опиравшаяся на часть рабочих, батраков, люмпен-пролетариат и национальные меньшинства, захватила власть государственным переворотом и ликвидировала демократические свободы, завоеванные Февральской революцией и даже сформированные царскими реформами 1860-х годов.

2. Катастрофа и смена структур (1917–1924). Дореволюционная Россия имела весьма развитую археологическую науку, с мощной организацией работ (Императорская Археологическая Комиссия как головное учреждение, Археологические Общества для мобилизации сил, особенно мощные — Московское и Российское, регулярные всероссийские археологические съезды, периодика, множество местных краеведческих организаций). Слабее было с преподаванием археологии в университетах. Кроме того, на европейском уровне российская археология тогда не выдвинула лидеров ни в одном из основных течений кроме комбинационизма (Кондаков и Ростовцев) и таксономизма (Городцов). Виднейшие российские фигуры — Спицын, Волков, даже отчасти Городцов — при всей их значительности для российской археологии были всё же в рамках мировой археологии фигурами второго плана: Спицын в миграционизме (хотя в чем-то и опережал Косинну), Городцов — в трансмиссионизме (повторяя Софуса Мюллера), Волков — в эволюционизме (продолжая Мортилье). Хотя в таксономизме Городцов оказался стимулятором.

Революция поначалу не внесла ничего нового в содержание археологических исследований, но означала резкое их сокращение (не до того было) и полный слом старых структур археологии (Формозов 1995). Императорская Археологическая Комиссия и Эрмитаж подчинялись Министерству двора — не стало ни министерства, ни двора. Московское Археологическое общество состояло в значительной части из знати и духовенства — знать перестала быть знатью, духовенство было подавлено, сокращено и частично репрессировано. Археология развивалась в России как «наука людей богатых» — в стране не стало богатых. Частные коллекции были частично разграблены и уничтожены, частью национализированы и влились в крупные музеи.

Сильный урон развитию археологии в стране нанесла гибель одних крупных ученых-археологов (смерть Д. Н. Анучина и Ф. К. Волкова от потрясений и истощения, самоубийство А. А. Иностранцева) и эмиграция других (Э. Штерна — еще до революции, Н. П. Кондакова, М. И. Ростовцева, А. А. Бобринского, П. С. Уваровой и др.).

В то же время революционные власти стремились придать стихии цивилизованную форму. Уже в ноябре 1917 г. новосозданный Народный Комиссариат Просвещения обратился к населению с призывом оберегать памятники культуры; 19 сентября 1918 г. было принято постановление о государственной их регистрации и учете; 10 октября 1918 г. были запрещены вывоз и продажа за границу памятников искусства и старины, хотя в то же время Троцкий инициировал распродажу сокровищ Эрмитажа (а Сталин продолжил).

Весной 1918 г. обсуждался членами ИАК план создать на ее месте Академию Археологии или Академию Археологических Знаний. Но потом по совету большевистского историка М. Н. Покровского, ведавшего наукой в Наркомпросе, решили в угоду материалистическим властям назвать ее Академией Материальной Культуры — материальной культуры вообще, что́ сбивало традиционные хронологические границы предмета занятий. Продвигая свой план, археологи уповали на родственные и дружеские связи членов оргкомитета: Фармаковский был приятелем детских лет Ленина, а Ростовцев — кузеном Луначарского. Ленин одобрил план, однако заметил сбивчивость и собственной рукой вписал в название слово «истории». Это не спасало от сбивчивости, но хоть ориентировало на протяженность во времени. Так возникла Российская Академия Истории Материальной Культуры (РАИМК). В нее было избрано 28 действительных членов.

Академии придали обширные функции, включая занятия историей, этнографией, лингвистикой, антропологией и искусствоведением. Структура была не только

всеохватной, но и гораздо более централизованной, чем Археологическая Комиссия: в Москве существовала лишь секция Академии. В Петрограде (быв. Петербурге) при Академии был создан Институт археологической технологии, в Москве — Институт художественных изысканий и музеев. Но Музей антропологии и этнографии (быв. Кунсткамеру) оставили в Академии наук, по отношению к которой РАИМК была совершенно отдельным учреждением, а Эрмитаж не подчинялся ни той, ни другой. В 1924–25 гг. «действительных членов» (распорядителей) было по-прежнему немного, но в системе РАИМК работало 128 сотрудников в Петрограде и 100 в Москве (Пескарева 1980; Платонова 1989; Длужневская 1991).

Важным нововведением была организация специализации по археологии в университетах, где с 1919 г. были организованы ФОН (факультеты общественных наук). В 1922 г. в составе ФОН были открыты археологические отделения. Одновременно были закрыты оба археологических института — Петроградский и Московский. В Москве руководителем археологического отделения стал археолог В. А. Городцов, а в Петрограде — историк профессор С. Ф. Платонов, за которым стоял его лучший друг приват-доцент А. А. Спицын, археолог (он-то практически и возглавлял археологию в этом отделении, в составе которого еще были и архивисты, унаследованные от археологического института). В следующем году московское отделение было преобразовано в Институт археологии и искусствознания, возглавленный Луначарским, а в составе института было отделение археологии, которым руководил Городцов.

До революции в стране было несколько более 150 музеев, в революционной смуте часть из них погибла. Но за послереволюционные десятилетия число их увеличилось почти в 6 раз (с 94 до 576) за счет небольших местных музеев. Многие из них были краеведческими, и почти непременно с археологическими экспонатами (Формозов 1995: 31).

Раскопочная деятельность, почти прекратившаяся в годы революции, понемногу развертывалась снова. С двух десятков экспедиций в 1920 г. она дошла до трех сотен в 1925.

В новых структурах работали в основном старые кадры, хотя и поредевшие, и работали по-старому, сохраняя старое направление и содержание исследований. Поскольку же за пределами археологии жизнь резко переменилась, эта ситуация не могла быть стабильной. Не были стабильными и новые структуры — революционный зуд не был еще исчерпан, и их всё время перестраивали. Это, конечно, не способствовало серьезным исследованиям.

3. Академик Марр, лингвист и археолог. Во главе РАИМК с самого начала оказался акад. Николай Яковлевич МАРР (1864–1934; рис. 27.1), полугрузин-полушотландец, языковед-ориенталист по образованию и основной деятельности, организовавший раскопки древней армянской столицы Ани. Человек он был талантливый, но психически неуравновешенный и несамокритичный. Образование его было высокопрофессиональным, но очень узким и неархеологическим (специалист по истории древнеармянской литературы), а претензии — огромными. Он выступал со все более революционными идеями относительно всего языкознания в целом.

Отец его, шотландец Джеймс Марр, приглашенный князем Гуриели в Гурию, был садовником. Он первым вырастил на Кавказе некоторые сорта чая. Авантюрист по натуре, в возрасте более 80 лет он женился на малообразованной молодой грузинке. От этого брака и родился в 1864 г. сын Николай. Мать и отец не имели общего языка в буквальном смысле: отец так и не выучился говорить по-грузински,

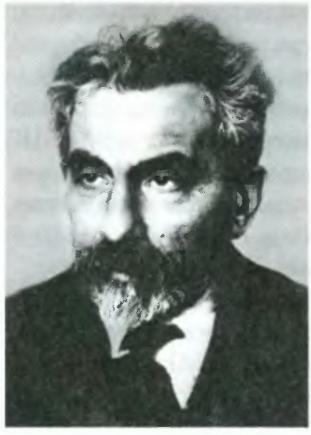

Рис. 27.1. Н. Я. Марр (из архива ИИМК).

а мать не говорила ни на одном языке кроме грузинского. В детстве грузинский был единственным языком будущего полиглота.

Был он взбалмошным, конфликтным и бежал из гимназии в Тифлис. Его чуть не исключили и выдали документ: «Дано сие в том, что ученик 8 класса Кутаисской гимназии действительно болен нервным расстройством, выражающимся в чрезвычайной раздражительности, а по временам нелогичности поступков, и что состояние его здоровья в настоящее время требует безотлагательного специального лечения». Но всё же не исключили. Он бежал еще раз. Директор гимназии написал письмо попечителю учебного округа: «Сегодня я получил от ученика Марра письмо из Тифлиса. По письму этому можно положительно заключить, что несчастный молодой человек находится в сильной степени психического расстройства. По моему мнению, его необходимо поместить в больницу для душевнобольных» (Беридзе 1935: 138–139).

Окончил он гимназию в 1884 г. с золотой медалью, только по русскому языку была четверка (он всю жизнь говорил по-русски с кавказским акцентом и писал со стилистическими ошибками). Тем не менее, как и многие молодые грузины, он подался в Петербург. Сам только наполовину грузин, он обладал особой чувствительностью к национальному вопросу, жаждал утвердиться в своем грузинском достоинстве — доказать себе, что оно ничем не хуже утерянной еще до рождения шотландской принадлежности. Возможно, что стояла перед ним и проблема как-то совладать с обидной для национального самолюбия несамостоятельностью Грузии — эта страна древней культуры была под властью России, и предстояло доказать, что грузины и в составе России могут занять высокие места.

Поступив на восточный факультет, Марр с энтузиазмом учил древние и восточные языки. Но знание языков это еще не языкознание! А курсы по языкознанию — сравнительная лингвистика, методика исследования, теории языка — читались только на филологическом факультете, а на восточном не читались. Этих курсов Марр не прослушал ни одного. Этих отраслей науки, которыми обладали квалифицированные лингвисты, он вообще не знал, школы не получил.

Недостаток образования, нехватка методики его не смущали — его обширные знания усиливали его природную самоуверенность. Особенно волновала его изолированность грузинского языка. Стремление найти своему языку «знатного родственника» оказалось сильнее научности. Уже на втором курсе, только-только начав учить арабский, он пришел к выводу о родстве грузинского языка с семитическими. Доказательства не приводились. Свои выводы он оформил как курсовую работу, и, несмотря на скептическое отношение к ней руководителя, акад. Розена, в 1888 г. опубликовал ее под заглавием: «Природа и особенности грузинского языка» в грузинской газете «Иверия». Это была его первая печатная работа. Именно по лингвистике, которую он не знал, в которой специалистом не был.

Вообще отдельные сходства слов могли быть случайными и локальными, могли быть результатом заимствования. По правилам компаративистики надо было сопоставлять не грузинский язык с арабским, а всю картвельскую семью, ее праязык, со всей семитской семьей, с прасемитическим. Но эти принципы Марр игнорировал,

а, скорее всего, просто не знал. Да и методика сопоставлений хромала. Коллега Розена акад. К. Г. Залеман сказал Марру: «У вас все звуки переходят во все звуки» (Миханкова 1949: 159). Выпускник съездил за границу. При встрече со знаменитым французским лингвистом Антуаном Мейе высказал и ему свои идеи. Мейе расценил их как «поразительные фантазии, в которых нет лингвистики» (Миханкова 1949: 31).

Марр обиделся на всю европейскую науку — он почувствовал, что там рассчитывать на признание не приходится. Обида держалась всю жизнь. Будущий глава советской лингвистики установленных законов лингвистики не изучал, не знал их и в них не верил.

По окончании университета Марр написал ряд солидных работ по истории древней грузинской и армянской литературы, открыл несколько новых грузинских и армянских памятников (некоторые из них — в своих поездках на Синай и в Палестину), обработал их и издал. Он вошел в науку как кавказовед, специалист по истории культуры. С 1900 г. он стал экстраординарным профессором Петербургского университета, с 1902 г. — доктором и ординарным профессором. В 1909 г. он становится адъюнктом Академии наук, а в 1912 г. 48-летний ученый избирается академиком. Он стал признанным главой кавказоведения в России. У него талантливые ученики по филологическому кавказоведению — И. А. Орбели, И. А. Джавахишвили (оба впоследствии стали академиками), А. Г. Шанидзе (впоследствии член-корр. АН СССР), у него учится и очень его почитает знаменитый поэт Грузии Тициан Табидзе.

С самого начала самостоятельной научной деятельности Марра в ней появляется еще одна струя — археология. В 1890 г., собирая в Армении рукописи, Марр осмотрел и развалины древней армянской столицы Ани. В 1892 г. Археологическая комиссия поручила молодому кавказоведу, хорошо знающему древнюю Армению, раскопки этого памятника. И комиссия, и, надо отдать ему должное в этом, сам Марр понимали, что он совершенно не подготовлен к этому делу — не имел ни должного образования, ни школы, ни опыта раскопок. Но Комиссия не имела выбора и надеялась, что преподаватель университета сумеет восполнить этот пробел на ходу. Да и памятник считался не столь важным, как северно-причерноморские. А необходимость раскопок была связана с тем, что там уже проводил раскопки французский археолог Жак де Морган.

Самоуверенный молодой ученый, однако, и тут положился в основном на свою сообразительность. Методы раскопок, опыт раскопок на Ближнем Востоке не изучал. Судя по сохранившемуся списку подготовительных мероприятий, учился только фотографировать и пополнял знания о древних армянских постройках по письменным источникам. Он приступил к раскопкам Ани в те же годы, когда Шлиман окончил раскопки Илиона, продолжавшиеся с перерывами 20 лет. Шлимана жестоко корят за его неподготовленность и оплошности. Копал ли Марр через несколько десятков лет лучше?

Первые же отчеты с места работ ошарашили Комиссию: «вещественных находок никаких, но зато богатый материал для истории армянского искусства, архитектуры, скульптуры и даже живописи» (Марр 1892: 7). По этому поводу А. В. Арциховский (1953: 55) отмечает: «Вещественных находок, как во всех городах, было много, но он их выбросил. Судя по беглым упоминаниям в отчетах, анийские слои чрезвычайно насыщены вещами». Марр интересуется в основном архитектурой, монументальными сооружениями, а под вещественными находками, которых «никаких», он имел в виду, вероятно, художественные ценности — статуи, статуэтки, вазы и т. п.

Однако если рассмотреть анийские раскопки на фоне тогдашней российской археологии, то обозначится кое в чем и новаторский подход Марра. Погоня за вещами для музеев обусловливала тогда преобладание курганных раскопок, так что прогрессом был уже сам выбор именно городища. Если городища и копались тогда, то траншеями — именно потому, что главной задачей раскопок представлялись вещи. Марр же поставил перед собой задачу вскрыть сооружения, весь архитектурный облик города. В 1915 г. Русское Археологическое Общество присудило ему высшую награду по археологии в России — большую Уваровскую медаль. Конечно, тут сказались не только его сугубо археологические заслуги, но и его научное реноме в целом, его позиция в научном сообществе: столичный профессор, академик, глава кавказоведения.

Таким академик Марр подошел к черте, за которой начиналась новая эпоха. Если бы не революция, Марр так и остался бы в анналах науки солидным кавказоведом-филологом с полудилетантскими экскурсами в лингвистику и археологию, главой кавказоведения, весьма консервативным политически администратором науки. Психопатические свойства его натуры проявлялись тогда только в том, что он был не очень приятным коллегой, раздражительным, агрессивным и честолюбивым. К своим идеям, талантливым и порою новаторским, он относился крайне некритически, ожидая их принятия на веру — без доказательств. Это перекрывалось огромным трудолюбием и выдающимися знаниями.

В Грузии образовалось самостоятельное правительство, и она объявила себя независимой от России. Марр в юности мечтал о свободном развитии грузинской культуры, но так далеко в мечтах не заходил — развитие мыслилось в рамках Российской империи. Он добился высокого положения в России и не собирался с ним расставаться. Променять лидерство в одной из мировых столиц на провинциальную суету? Это было не для Марра. «В распаде России, — пишет он в 1918 г., — залог ее воскресения здоровой, сильной и цветущей как никогда» (Марр. 1922: 60).

Тут его постигло несколько ударов. К националистам примкнули многие ученики Марра. Лучший из учеников, И. А. Кипшидзе, уехал в Грузию и погиб. В 1921 г. погиб на южном фронте и младший сын Марра. Вокруг всё рушится, и возникают совсем новые, непривычные структуры. Можно с уверенностью сказать, что из революционных передряг Марр, и без того психически неуравновешенный, вышел с основательно потрясенным и поврежденным сознанием. Он утратил многие связи, ориентиры и устои цехового ученого, но сохранил основные эмоциональные особенности своей психики — лихорадочную жажду деятельности, экспансию и честолюбие.

Между тем, революционная Россия представляла благодарное, хотя и опасное поле для натур деятельных и честолюбивых. На Марра работали накопленный им за прошлую жизнь авторитет, привычное уважение консервативных коллег и готовность новых властей открыть ему двери в новые структуры: всё-таки нацмен, в некоторых своих идеях (например, классовость языка и культуры) созвучный времени. Революционная Россия очень нуждалась в таких людях.

В 1918 г. восточный факультет Петербургского университета объединяется с историко-филологическим в факультет общественных наук (ФОН) — деканом избирается академик Марр. В Археологической Комиссии отменяется назначение председателя свыше и вместо графа Бобринского ее возглавляет выборный председатель — это оказывается академик Марр. Он носится с идеей расширить поле археологии — оно всегда казалось ему слишком узким. Не без его хлопот 18 апреля 1919 г. Археологическая Комиссия упраздняется и на ее месте учреждается всевластная и

многофункциональная Академия Истории Материальной Культуры, сначала как Российская, потом, после организации СССР — всесоюзная Государственная (РАИМК — ГАИМК). Ее возглавляет, конечно, академик Марр. Так Марр оказался во главе археологии страны.

Для реализации грандиозных планов Марра в его Академию вошли представители разных наук — историки, социологи, искусствоведы, языковеды, этнографы, естественники. Это имело свою положительную сторону — импульс для комплексных исследований, для интеграции наук. Но археология среди них как-то затерялась. Она стала стесняться своего узкого вещеведческого профиля. Под влиянием широких интересов председателя «голое вещеведение» стало бранной кличкой. Началось распредмечивание археологии, депрофессионализация археологов. Сам Марр археологией уже не занимался. Его поглотили языковедческие интересы. Даже своего самого близкого ученика и наперсника этих лет, И. И. Мещанинова, юриста, ставшего археологом еще до знакомства с Марром, он направил в языковедение.

4. «Яфетическая теория» и «новое учение о языке». В начале 20-х гг. Марр выдвинул «яфетическую теорию». Кавказские языки («яфетические», по его терминологии — от имени библейского Яфета, брата Сима и Хама) он объявил распространенными в древности по всей Европе — вплоть до Испании, где их потомок — язык басков, действительно чуждый индоевропейским языкам. Иберия на Западе и Иверия (Грузия) на востоке — две горные оконечности Европы, где в неприступных горах сохранились остатки древнего яфетического населения всей Европы. Таким образом, в европейских языках, по Марру, обнаруживается яфетический субстрат. Это было еще в рамках традиционной лингвистики.

Но вскоре он объявил яфетические языки просто предшествующей стадией индоевропейских — не только по структуре, но и по материалу (по лексике и морфемам). Это и было «новое учение о языке». Историю речи эта теория рисовала как серию языковых революций, в ходе которых языки одной семьи (скажем, яфетической, т. е. кавказские) без всякого стороннего вмешательства превращались в языки совершенно иной семьи — иного типа и иного материала (например, в индоевропейские). Так было преобразовано учение Шлейхера о стадиях развития грамматической структуры языков. Но как доказать родство явно чуждых друг другу языковых элементов? Для этого он придумал «палеонтологический анализ». В индоевропейской речи действовали одни законы преобразования слов, установленные специалистами, а в яфетической речи — другие, устанавливаемые Марром весьма свободно. Но если предположить, что яфетическая речь предшествовала индоевропейской как стадия в речи одного и того же населения, то к сравнению слов можно уже применять обе серии звуковых соответствий сразу. А их уже много. Тогда оказывается, что любое слово можно объявить родственным любому другому.

«Русский язык, — писал Марр, — оказался по пластам некоторых стадий более близок к грузинскому, чем русский к любому индоевропейскому, хотя бы к славянскому» (Марр: 1934/1936: 455). «У французского языка больше общего и в настоящее время с яфетическими языками, чем с древними индоевропейскими языками» (Марр 1926/1936: 194).

Строгость методики исчезла и создалась свобода для любых фантазий, которые диктовало революционное сознание. Доказательств не было по существу никаких. Однако «революционная» фразеология и шельмование индоевропеистики как буржуазной науки обеспечило Марру поддержку партийных идеологов.

Ведущим языковым процессом он провозгласил не деление, а скрещивание языков. Родословному древу индоевропеистов (по его сравнению, пирамиде, стоящей на вершине) он противопоставил пирамиду, поставленную на основание — от множества языков к одному языку будущего. Так было преобразовано учение Гуго Шухардта и Иоганна Шмидта о субстратах и скрещениях. «Новое учение о языке» напрочь отвергало хорошо разработанную поколениями языковедов концепцию индоевропейского праязыка и объясняло близкое сходство языков не их родством (общим происхождением), а их смешиванием и скрещением. Первобытная речь рисовалась очень примитивной, состоящей всего из нескольких звуковых элементов, потому что, признавая все слова родственными почти всем другим, Марр дошел до утверждения, что все они восходят всего к четырем первичным элементам: *сал, бер, йон и рош.* Каждый имел массу значений, связывая в первичном синкретизме целые пучки понятий.

Тайным желанием Марра было найти этой теории признание на Западе. Но признания не было. Марр утвердился в своем давнем впечатлении, что на Западе ему делать нечего — там успеха не будет. Западные ученые слишком закоренели в своем европоцентрическом предубеждении, в чувстве собственного превосходства. В бытность на Западе Марр опубликовал там кое-что из своих выводов. В рецензиях на эти публикации Мейе и Шухардт пеняли Марру, что прежде, чем устанавливать родство яфетических языков с другими, надо бы построить сравнительную грамматику яфетических языков. Марр воспринял это как унижение:

> «Почему же от меня, специалиста, всю жизнь и все труды посвятившего этим именно языкам и на основе этих трудов получившего всё-таки и степень доктора соответственных наук, и звание члена Академии наук, и профессора факультета восточных языков, требуют получения квалификации путем писания учебников?! ... Они, эти herr'ы и messieurs, хотят быть господами положения и судьями, ... а я в поучатели никого не имею основания производить... Мой метод известен всем, кто следит за тем, что печатаю, а если этого мало, пусть приезжают слушать: читаю 13 лекций в неделю» (Марр, письмо от 8/3 1924. — Миханкова 1949: 327).

Не найдя понимания на Западе, он с тем большим рвением стал насаждать «новое учение о языке» в России, особенно среди недавней рабочей молодежи с ее революционным сознанием и полным отсутствием критичности. Российские же лингвисты долго закрывали глаза на его бредовые идеи, считая, что зато он хорошо знает культуру и владеет археологией, а археологи терпели его очевидное невежество в археологии, учитывая всё-таки его опыт в раскопках города и считая его великим лингвистом. Про гениальность Марра рассказывали чудеса, и подобным сказкам верили даже такие люди, как акад. А. Ф. Иоффе, знаменитый физик. «Общеизвестен факт, — писал он, — когда в течение одного дня Николай Яковлевич сумел изучить раньше неизвестный ему язык в таком совершенстве, что к вечеру он уже мог разговаривать на нем с представителями местного населения» (Иоффе 1935: 212).

Китаевед акад. В. М. Алексеев, очень почитавший Марра, на одном из юбилеев вспоминал о живой речи мэтра:

> «Многие из нас, встречавшихся с ним в жизни, помнят эти марровские речи, начинавшиеся как бы нехотя, вялым, полусонным голосом, рядом мало расчлененных фраз, скорее каких-то намеков, заставок. И вдруг на одном слове, как на дуговом угле, человек загорался, преображался: голос крепчал, звенел, гремел, — и в зале ... воцарялся страстный пафос подлинного вдохновения, сотни мыслей бросались в недоговоренные

десятки слов, торопливых, бегущих, казалось, недостаточно быстро, чтобы скорее дать место следующим и следующим и следующим» (Алексеев 1935: 64).

Если убрать из этого наброска авторское восхищение, останется описание типичной речи душевнобольного из учебника психиатрии. А чего стоят одни только названия научных статей — скажем, «Бабушкины сказки о Свинье Красное Солнышко или яфетические зори на украинском хуторе». Да это бред сумасшедшего!

Давно известно, что гениальность сродни сумасшествию. Ломброзо написал книгу «Гений и сумасшествие». Но граница между ними всё-таки есть. Ее подчас искусственно замазывают, объявляя подлинного гения сумасшедшим. Чаадаев тому пример. А здесь явно противоположная ситуация: спятившего ученого возводили в гении. Кто из кастовых побуждений (коллеги), кто из личных симпатий (ученики, друзья). Но основу для этого мифа создавала общественно-политическая ситуация в стране.

К 1923 г. Марр завершил формулирование «нового учения о языке», но на археологии это пока (лет 7–8) не отражалось. Всё это время новации в археологии возникали в Москве.

5. Революция в археологии: московский порыв (1924–1929). Еще до смерти Ленина, когда он тяжело болел, а точнее — с 1922 г. (с конца Гражданской войны) Сталин забрал в свои руки важные рычаги управления страной, но действовал сдержанно, так как положение его было шатким. После смерти Ленина (январь 1924) он начал быстро оттеснять от власти «ленинскую гвардию» и становиться единоличным правителем. Это означало более жесткий стиль руководства, ликвидацию послаблений частному сектору в экономике, курс на крайнее усиление идеологической монополии.

С 1926 г. РАИМК была преобразована из Российской во всесоюзную — Государственную (ГАИМК), т. е. ее функции были распространены на весь Союз ССР. С мая 1924 г. все обществоведческие научно-исследовательские институты Московского университета, в том числе и Институт археологии, были объединены в Ассоциацию, а с 1926 г. она была выделена из МГУ в особое учреждение — РАНИИОН (Российская Ассоциация Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук). Это было сделано для централизации контроля за развитием общественных наук. С 1927 г. и ГАИМК вошла в эту ассоциацию.

В 1925 г. в университетах из ФОНов выделились более специализированные факультеты: в Ленинграде (как теперь назывался Петроград) факультет языка и материальной культуры, а в Москве — этнологический факультет, куда входило и археологическое отделение.

В Московском университете при Этнологическом институте и Музее антропологии (на физико-математическом факультете) сложилась *палеоэтнологическая школа.* Ее возглавлял Борис ЖУКОВ, ученик Анучина. Приверженцы этой школы (в будущем известные археологи Отто Бадер, Сергей Толстов, Михаил Воеводский и др.) стремились восстановить по археологическим данным формирование древних этносов под влиянием природной среды. Формальным анализом они выявляли культурные комплексы (культуры), как можно дробнее, и приписывали им этническое значение. Социальная интерпретация археологических данных проводилась «методом наложения» этнографических сведений на археологический материал. Это можно рассматривать как новое течение, но развивающееся в общемировом направлении — схожие можно отметить в Англии (экологическая школа) и других странах.

А вот в рамках РАНИИОН была организована переподготовка кадров в марксистском духе. Особое внимание было уделено молодежи. Известный большевистский социолог и искусствовед акад. В. М. Фриче собрал вокруг себя группу учеников Городцова. Это были Артемий Владимирович Арциховский, Александр Яковлевич Брюсов (брат знаменитого поэта), Сергей Владимирович Киселев, Алексей Петрович Смирнов — всё в будущем известные советские археологи. Под влиянием Фриче эти молодые археологи увлеклись идеями марксизма и решили «построить марксистскую археологию». Они стремились наложить марксистские понятия и принципы на археологический материал — изучить развитие орудий и показать, как это развитие обусловливало весь облик хозяйства и культуры, проследить связь форм жилища с хозяйством и социально-экономической структурой общества, и т. п. С 1924–25 гг. начались их доклады на секциях РАНИИОН — о социологическом значении эволюции земледельческих орудий (Арциховский), о социологической истории жилища (Брюсов), поселения (Киселев) и т. д.

6. Арциховский: «метод восхождения». Для марксистской реконструкции прошлого по материальным остаткам они разработали «*метод восхождения*». Полагая, что марксизм, провозглашающий зависимость всего развития общества от производительных сил, в частности от орудий труда, дает безусловно достоверные схемы однозначного соответствия их типов социально-экономическим структурам общества, эти археологи сделали выводы для своей науки. Они считали возможным «восходить» в реконструкции от орудий труда как основы общественного здания к зависимым от этой основы экономическим структурам (в марксизме — к базису) и социальным, а также идейным отношениям (в марксизме — надстройкам). Коль скоро такое «восхождение» признавалось возможным, отпадала необходимость обращаться к смежным источниковедческим наукам — этнографии, лингвистике и даже к письменным источникам. Археология сама становилась историей — даже более достоверной, чем письменная, ибо материальные источники считались более объективными свидетельствами прошлого, свободными от субъективных искажений и примесей.

Правда, история подразумевает интерес к личностям и конкретным событиям, а они для археологов большей частью недоступны. Но в марксистской науке господствовало другое представление об истории, в котором вместо личностей и событий выступали коллективы (общества, массы) и процессы, а личности и события фигурировали лишь как «продукты» и «показатели» социальных отношений. Это была социологизированная история, вполне доступная археологическому рассмотрению.

Рис. 27.2. А. В. Арциховский (из энциклопедического словаря Я. Филипа).

К 1929 г. молодые археологи, слушатели Фриче, подготовили коллективный доклад «Новые методы в археологии» для диспута с палеоэтнологической школой. От имени всех троих с докладом выступил Арциховский (рис. 27.2).

Артемий Владимирович АРЦИХОВСКИЙ (1902–1978. — Янин 1973) родился в Петербурге в семье известного ботаника, впоследствии профессора, но детство и юность провел в Новочеркасске. Там по окончании школы юноша поступил в Политехнический институт, к тому времени переведенный из Варшавы в столицу Донского казачества, и проучился в нем два

года. Семья была атеистической и сочувствовала революционному движению. По окончании Гражданской войны, в 1922 г., молодой Арциховский перевелся в Московский университет на факультет общественных наук. Тут под влиянием профессоров Ю. В. Готье и В. А. Городцова он увлекся археологией, столь удачно сочетавшей в себе свойства естественных наук (эволюционные схемы и классификации, технические анализы) и живость социально-исторической дисциплины. Особенно импонировал юноше Городцов своей страстью к классификациям и систематике. Диффузионистские идеи Городцова не очень привлекали Арциховского, но, как всякий диффузионист, Городцов стремился прослеживать конкретные перипетии судеб древних народов, восстанавливать исторические события — взаимовлияния, передвижения и т. п., словом, историю. Диффузионизм ведь везде приводил к образованию «исторических школ». Еще круче ориентировал студента в эту сторону Готье, сам больше историк, чем археолог.

Под руководством Городцова Арциховский написал свою первую статью «Сердоликовые бипирамидальные бусы» (1926) и свою кандидатскую диссертацию «Курганы вятичей» (защищена в 1929, опубликована как книга в 1930) — работы, безусловно, вещеведческие. По теме диссертация продолжает и детализирует знаменитую работу Спицына о расселении древнерусских племен (1899), а по методу в ней реализована классификационная схема Городцова — сортировка вещей по функциям в категории, по очертаниям — в типы и т. д.

В семинаре Фриче он применил к археологии формулу Маркса. Маркс учил, что система экономических, политических и идеологических отношений определяется уровнем производства, прежде всего развитостью орудий труда:

> «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй...» (Маркс 1846/1962: 402).

У Маркса был и более конкретный пример такого умозаключения: «Ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталом» (Маркс 1847/1955: 133).

«Возьмите определенную ступень», — говорил Маркс. И возьмем, — решил Арциховский. На этом он построил свой «метод восхождения» — от основы (орудий труда, обнаруживаемых археологией) к надстройкам (общественному устройству и т. п.). Археология получалась у него могущественной наукой: надо только знать установленные марксизмом соответствия, и можно запросто восстанавливать любые социальные и ментальные структуры прошлого: по сохранившимся орудиям — без письменных источников, без этнографии. Археология оказывалась наукой, равнопорядковой с историей.

Однако «марксистская археология» Арциховского и его команды не успела взойти на трон, и помешали ей не московские «палеоэтнологи». Удар пришел из Ленинграда. Слабейший пункт в «методе восхождения» — однозначность соответствий. Но критика того времени была обращена на другие стороны метода.

7. Революция в археологии: ленинградская кампания (1930–1934). В Ленинграде же над всей археологией и не только над ней витал образ Марра. Орга-

низационные и административные успехи Марра просто сказочны. Всё ему удается, всё разрешается. Он, глава ГАИМК и директор Института языка и мышления, декан ФОН, директор Института национальностей СССР, назначается еще и директором Публичной библиотеки (ныне Национальная библиотека в Петербурге). Он также председатель Центросоюза научных работников и председатель секции материалистической лингвистики Коммунистической академии общественных наук. С 1930 г. он вице-президент Академии наук СССР, а с 1931 г. член ВЦИК и ВЦСПС, т. е. входит в официальное верховное руководство государством (на деле правила, конечно, партийная верхушка, а не государственный аппарат). Изыскиваются всяческие поводы, чтобы отметить его почестями. К 40-летию научной деятельности Коммунистическая Академия присуждает ему премию имени Ленина. Он проводит в академики своих учеников: в 1931 г. — Мещанинова, в 1932 — Державина.

В 1930 г. академик вступил в партию. Его приняли без кандидатского стажа.

Между тем, к 1930 г. Сталин окончательно утвердился как диктатор, коллективизация сельского хозяйства была завершена, с нэпом (новой экономической политикой Ленина) было покончено. Идеи свободы, мировой революции и ликвидации государственного аппарата стали мешать диктатору, его лозунг был — построение социализма в одной стране (и быстро!) при усилении государственной власти, диктатуры «пролетариата» и обострении классовой борьбы. Сопротивление надлежало безжалостно подавлять. Остатки «ленинской гвардии» (Бухарин и др.) были лишены власти.

Обстановка в стране была напряженная. Быстрая и сплошная коллективизация (крестьян загоняли в колхозы) сопровождалась массовым «раскулачиванием», вывозом зажиточных крестьян, лишенных имущества, в Сибирь, кровавыми репрессиями. Жестокие гонения обрушились на традиционную духовную опору крестьянского сопротивления — религию и церковь. Преследованиям подверглось археологическое краеведение — за его любовь к старине и заботы о древних церквях. Глава краеведов ленинградский профессор Гревс был изгнан из науки, журнал «Советское краеведение» закрыт, краеведческие организации по всей стране распущены. Число провинциальных музеев было сокращено с 342 до 155 (Формозов 1995: 35).

Шла беспрецедентная травля старых кадров археологии. Самое малое им вменялись в вину «ползучий эмпиризм», «голое вещеведение», замкнутость в формально-типологических штудиях. Хуже было, если в их произведениях усматривались идеализм, национализм и прочие -измы. Ученых заставляли публично отрекаться от своих взглядов и каяться.

В ГАИМК Марр, насаждая «новое учение о языке», расправлялся со скептиками. Он совершенно не выносил критики, утверждая, что при «обостренной классовой борьбе» яфетическая теория «естественно, становится мишенью ожесточенных, часто злостных нападок... Против нее ополчаются в академической среде отнюдь не одни антисоветские элементы» (Марр 1931/1933: 276). Вот теперь попробуй, ополчись! Марр быстро освоил большевистский жаргон, особенно в клеймении своих противников: «всякая сволочь, зарубежная не только (чёрт с нею!), но и у нас», «пророческие каркания и шипения», «паскуднейший нигилизм», «рынок с тухлым товаром», «идеологическая реставрация прошлого», «преступное действие оппортуниста», «буржуазно-классовая лазейка», «борющиеся вредительские разновидности капиталистического идеализма и национализма», и в довершение «покаянные декларации загнанных в тупик». Всего через несколько лет Вышинский станет генеральным прокурором и заговорит тем же языком на политических процессах.

В 1931 г. подготовка кадров для идеологических дисциплин, в том числе и археологии, была выведена из университетов в самостоятельные Институты Философии, Литературы и Истории — Московский и Ленинградский (МИФЛИ и ЛИФЛИ). Это было сделано для более жесткого контроля за особо идеологически важными науками — власти не доверяли университетам. В ГАИМК направляются руководителями в помощь Марру сотрудники Коммунистической академии (не путать с Академией наук!) Сергей Николаевич Быковский и Федор Васильевич Кипарисов. Быковский пришел в революцию недоучившимся студентом-математиком, в годы гражданской войны был комиссаром, затем сотрудником ЧК (Чрезвычайной Комиссии — предшественника КГБ), в Комакадемии стал историком. Кипарисов, получив филологическое образование и даже слушая в прошлом лекции Жебелева, до Комакадемии работал профсоюзным функционером. В аспирантуру ГАИМК был принят и отличившийся в Гражданскую войну следователь ЧК, окончивший пединститут. Он занялся разработкой криминалистических методов исследования функций древних орудий — в противовес вещеведческим штудиям типологов. Это был Сергей Аристархович Семенов, известный впоследствии всему археологическому миру как создатель *функционально-трасологического метода* (Семенов 1957).

Марр выступает на XVI партсъезде с приветствием Сталину на грузинском языке, и Сталин в своем докладе дважды провозглашает идею о будущем слиянии всех языков в один — идею Марра. Марр вступает в большевистскую партию, и его учение становится обязательным для всех языковедов в СССР — «новое учение о языке», содержащее положения о скрещении языков как основном процессе языкового развития и о революционных скачках, преобразующих одни языки в другие, другого семейства.

В Ленинграде ученик Спицына Равдоникас выступил с явно заказанной руководством программной работой, нацеленной на разгром старой археологии.

8. Красный Равдоникас. Владислав Иосифович РАВДОНИКАС (1894–1976) был сыном обрусевшего литовца, фельдшера уездной больницы. По-литовски фамилия звучала Раудони́кас — «рыженький», «красненький» (тот же корень, что в русском «рудой»), в русской глубинке она стала звучать Равдоника́с, с жестким ударением на последнем слоге. Родившись в декабре 1894 г. в Тихвине, мальчик к 4 годам потерял мать, к 5 годам — отца, умершего от алкоголизма. Сирота был воспитан в семействе учителя, среднее образование получил в Петербурге, в реальном училище. В общем, он вырос очень образованным человеком, с большими культурными запросами. Знал языки; много читал, хорошо играл на рояле, увлекался археологией.

В 1916 г. Равдоникас был призван в армию. Окончив Михайловское артиллерийское училище, молодой офицер ушел на фронт. Участвовал в боях, за мужество награжден офицерским Георгиевским крестом. В 1918 поступил в Петербургский университет, но вскоре оставил учебу, чтобы вступить в Красную Армию. Сначала рядовым, потом командиром артиллерийской батареи на Северо-Западном фронте. Затем он становится адъютантом начальника Петроградского укрепрайона, а под конец военной карьеры он — начальник артиллерии Петропавловской крепости. В начале 1919 г. вступает в партию большевиков.

Демобилизовавшись, продолжает занятия археологией в музее и связь с университетом. В 1922 г. получает партийный приказ переехать на работу из Тихвина в Череповец. 28-летний Равдоникас взорвался и объявил, что выходит из партии!

Распоряжаться своей судьбой он не позволяет никому. Карьера его была надолго испорчена, но зато он смог спокойно окончить университет в 1923. Несколько лет его не видно и не слышно. Возможно, в эти годы, потеряв всех близких и отрубив прежние связи и пути продвижения, он попросту ударился в запой (это с ним бывало и позже — наследственный недуг). Но скорее проявилось другое: он осмысливал перемены в стране (дело шло к полной диктатуре Сталина) и усердно штудировал литературу по отечественной археологии. Иначе не понять стремительность его старта в конце двадцатых.

В 1928 он уже в Ленинграде и поступает на работу в Кунсткамеру — Музей антропологии и этнографии Академии наук. По-видимому, он вполне в курсе положения в науке, и достаточно нескольких встреч, бесед на заседаниях, чтобы его потенциал оценили те, кому это могло бы пригодиться. В это время руководителей ГАИМК Быковского и Кипарисова беспокоила чрезмерная активность московских претендентов на лидерство во внедрении марксизма в археологию.

Через несколько месяцев Равдоникаса зачисляют аспирантом в ГАИМК и поручают подготовить важный доклад. Осенью 1929 года никому до того не известный 35-летний провинциал, аспирант, выступил в зале Академии с громовым докладом «Археологическое наследство», потрясшим аудиторию. Ярко, грамотно, с блеском и сарказмом были подвергнуты сокрушительной критике основы дореволюционной русской археологии и ее еще живой московский носитель Городцов. Досталось и продолжателям старых традиций — Арциховскому, Жукову, Я. И. Смирнову, Шмидту, Эдингу, Мацулевичу и др. Вполне в марксистском духе был произведен классовый анализ этих традиций, и «анализируемые» археологи были расклассифицированы по этим разрядам — кто попал в буржуазные, кто в мелкобуржуазные, а кто и в дворянские.

Напечатан был этот доклад в виде книжки «За марксистскую историю материальной культуры» (1930). Она содержала негативную оценку дореволюционного состояния российской археологии как эмпиристской и узко-вещеведческой, а ее направления трактовала как классово обусловленные. Вся она была наполнена резкими критическими выпадами против многих современных археологов за их неумение или нежелание работать по-новому. В соответствии с ленинским названием Академии предлагалось строить науку о древностях как историю материальной культуры.

С этого доклада начался стремительный взлет Равдоникаса. Парение продолжалось недолго — всего два десятилетия. А за эти годы он выковал теорию стадиальности, раскопал знаменитый Оленеостровский могильник эпохи мезолита, описал и издал петроглифы Онежского и Беломорского побережья, организовал многолетние раскопки средневекового городища в Старой Ладоге, гораздо более древнего, чем Новгород и Киев, написал первый советский учебник истории первобытного общества. Первые послевоенные годы он возглавлял ленинградское отделение ГАИМК, 15 лет — с момента восстановления — заведовал кафедрой археологии Ленинградского университета, где почти не оставил учеников. И трудно объяснимый парадокс: этот красный громовержец, вдохновенный строитель марксистской археологии, гневный обличитель буржуазной науки и разоблачитель ее пережитков — все эти годы, Сталинские годы самого жестокого всевластия партийного аппарата — был беспартийным. В 1947 г. его попытка повторить Лысенковский раскол дисциплины, разоблачив в ней антимарксистское московское крыло, с треском провалилась — это было время подготовки ленинградского дела с разгромом и расстрелом всей ленинградской верхушки. Равдоникас выступил явно не во время. Он был уволен со всех руководящих

постов, запил и ушел из науки. Дальнейшие три десятилетия своей жизни прожил в забвении.

А. Д. Столяр, боготворящий его, видит в его облике смесь дюреровского Христа с Мефистофелем (Столяр 1988: 19), Формозов — только Мефистофеля. Я, пришедший на кафедру позже, знал лишь Равдоникаса времени его последних баталий. Ничего от лика Христа я в нем не видел, а от Мефистофеля, это верно, было очень много. Запомнились высокий рост, а вверху большие очень светлые глаза, орлиный нос, презрительно выпяченная нижняя губа с эспаньолкой под ней и темная шевелюра (рис. 27.3). В довершение демонического облика — он носил черную крылатку.

Рис. 27.3. В. И. Равдоникас (из архива ИИМК).

9. Возможна ли марксистская археология? Всю жизнь он вызывал споры, как, впрочем, и после смерти (Столяр и Белановская 1977; Столяр 1988, 1994; Аникович 1994; Бочкарев 1994; Савинов 1994; Klejn 1997: 228–245; Формозов 1995: 50–54; 2004: 56–59). Вот и тогда, в 1930 г., его предложение заменить археологию историей материальной культуры вызвало сомнения. Иван Иванович Смирнов (впоследствии видный историк) написал статью «Возможна ли марксистская история материальной культуры?» Маркс и Энгельс вообще ведь почти не употребляли термина «культура», и марксисты должны распределять весь материал по социально-экономическим формациям (первобытная, рабовладельческая, феодальная и т. д.), а орудия пусть фигурируют в этом плане не как материальная культура, а как техника.

Однако общая линия Равдоникаса, его критический анализ состояния старой русской археологии и негативная оценка школы Городцова были приняты и одобрены.

Увлеченная только что начатой перестройкой и «социологизацией», РАНИИОН не уловила этих новых веяний и была упразднена. Часть московских археологов была влита в ГАИМК, став ее московским отделением. В «новых методах» Арциховского усмотрели Бухаринские идеи. Кроме того, нехорошо было отвергать этнографию: ведь периодизация Моргана была одобрена Энгельсом. Да и вообще стоит ли марксизму признавать такую вещеведческую науку — археологию? Можно ли в принципе сделать ее марксистской? Критика со стороны ленинградцев была обобщена Быковским в его докладе на Всероссийском археолого-этнографическом совещании: «Возможна ли марксистская археология?» (1932). Ученик Марра В. Б. Аптекарь в 1928 г., а за ним и С. Н. Быковский в 1932 вообще предложили ликвидировать деление наук по видам источников (история, археология, этнография) — источники ведь только зеркало, в котором отражается материал, вид источника не влияет на характер отражения. На характер влияет классовое авторство источника и только. Жизнь отражается в разных видах источников одинаково просто — как в зеркале. И исследования, стало быть, надо группировать не по зеркалам (археологическому, этнографическому и т. д.), а по тому, что в них отражается, т. е. по видам общества, по социально-экономическим формациям, по эпохам. Но, упраздняя археологию, Быковский примирялся с необходимостью оставить археологов, владеющих методами добывания и обработки материальных древностей.

Московским новаторам пришлось каяться. В ответ на критику из Ленинграда они (Арциховский, Киселев, Смирнов) срочно печатают статью «Возникновение, развитие и исчезновение марксистской археологии», а Брюсов, отсутствовавший при ее написании, присылает покаянное «Письмо в редакцию». Они заявляют, что «археология теряет право на существование как самостоятельная и даже как вспомогательная наука». После одного из «проработочных» заседаний разгоряченные создатели «марксистской археологии» сорвали со стены портрет своего учителя Городцова и растоптали его.

Таким образом, радикальные критики, поставили под вопрос вообще возможность и необходимость археологии как особой науки. На торжественном совещании проф. Никольский выступил с призывом «разрушить старую археологию, не оставляя от нее камня на камне». Однако этот нигилистический радикализм был тут же отвергнут, совещание не приняло эти лозунги и признало за археологией право на существование в качестве вспомогательной источниковедческой дисциплины. Но авторитет «формационного подхода» остался непоколебленным.

Позже теоретическая основа «метода восхождения» более не восстанавливалась его создателями (Арциховским, Киселевым, Смирновым, Брюсовым), которые стали известными и авторитетными советскими археологами. Но те же исследователи и их ученики проводили этот методологический принцип в своих трудах и всю археологию рассматривали как ту же историю, только «вооруженную лопатой» (Арциховский). Это стало исходной предпосылкой школы, которая получила поддержку властей. Арциховский, прославившийся раскопками Новгорода и открытием берестяных грамот, возглавил кафедру археологии Московского Университета и журнал «Советская археология», его младший соратник и отчасти ученик Рыбаков в послесталинское время три десятилетия возглавлял головное учреждение страны (Институт археологии АН СССР) и всю советскую археологию. У одних советских ученых это течение характеризовалось больше собственно историческими интересами, у других — больше социологическими, но различия были несущественными. Общий взгляд на археологию в течение всего XX века оставался тем, который был выработан Арциховским и его товарищами в семинаре Фриче во второй половине 20-х годов.

10. Теория стадиальности. В поисках соответствующей марксизму археологической идеи молодые ленинградские археологи обратились к «новому учению о языке», которое они не отличали от «яфетической теории». Это была для них одна теория. Насильственно навязанная лингвистам и назойливо пропагандируемая в ГАИМК, эта теория была подхвачена некоторыми молодыми археологами. Вдохновленные Марром ленинградские археологи Владислав Иосифович Равдоникас, Евгений Юльевич Кричевский и др. перенесли в археологию идеи «нового учения о языке» и на этой основе построили в ней «теорию стадиальности». На место языков были подставлены этнические культуры, и всё этническое развитие изображалось как серия скачков с одной стадии на другую, во время которых этнический облик культуры враз трансформировался.

Сам Марр в создании этой теории непосредственно не участвовал, он лишь подбрасывал, как Пифия, туманные речения яфетически-палеонтологического характера и внимательно следил за тем, чтобы работы по археологии в ГАИМК не отклонялись от генеральной линии «нового учения о языке», шли параллельным курсом. Заставлял археологов штудировать его упражнения в «палеонтологии речи».

Последние годы жизни рассудок и силы Марра явно угасали. На лекции его водили под руки. Студенты, слушавшие его лекции в начале 30-х гг., вспоминают о них как о беспорядочном наборе постоянно повторявшихся клише (Алпатов 1991: 76). Лингвист, знавший Марра хорошо, пишет, что под конец жизни у него было «сильнейшее нервное расстройство» (Яковлев 1949: 45). 15 октября 1933 г. во время заседания Марра постиг инсульт, отнялись рука и нога. В конце 1933 и начале 1934 гг. начались гонения на языковедов, в том числе из Марровского Института языка и мышления в Ленинграде, а в Москве и аресты. Близкая марровцам по левацкому радикализму РАПП была распущена. Когда славист Л. П. Якубинский зашел к Марру, он обнаружил академика забравшимся под кровать: тот опасался ареста и так отреагировал на утренний звонок коллеги в дверь (Алпатов 1991: 107).

В ночь на 20 декабря 1934 г., через три недели после убийства Кирова, не дожив до 70 лет, Марр умер.

В ту же ночь об этом сообщили по радио. Уже утром в газетах появились некрологи. Хоронили Марра с величайшей помпой. Город был одет в траур, по ходу погребальной процессии шпалерами стояли войска. Были отменены занятия в школах. Погребли его в почетнейшем месте — в некрополе Александро-Невской лавры.

Итак, теория стадиальности создавалась в начале 30-х годов по идеям Марра, но без его участия. Согласно этой теории, общество развивалось повсеместно путем революционных скачков со стадии на стадию, перестраивая под воздействием экономики социальные структуры, причем перестройка эта приводила к этническим преобразованиям.

Первой заметной реализацией этой теории была работа Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья» (1932). В ней Равдоникас предлагал читателю поверить в то, что в жившие ранее в Северном Причерноморье киммерийцы были яфетидами (т. е. были схожи по языку с нынешними кавказцами), что они в результате революционных языковых трансформаций экономики и всего общества (толкуемых как диалектические скачки) превратились в скифов (которые, как теперь ясно, были ираноязычны), те — в германоязычных готов, а готы — напрямик в славян. И что никто из них ниоткуда в Крым не приходил — всё происходило там на месте. Просто под воздействием хозяйственных сдвигов сменялись язык и культура. Почему? Да потому, что резкая смена — это диалектический закон бытия, а язык — надстройка над базисом, базис изменился — должен измениться и язык.

Тогда же Борисковский (1932) и Ефименко (1933) пытались переложить стадиальность на факты палеолита, совмещая этапы этнографической периодизации Моргана с археологической Мортилье (наиболее полно это проделал Равдоникас в своей «Истории первобытного общества» 1939 г.).

Двое молодых археологов, Круглов и Подгаецкий, рассматривали по стадиям бронзовый век степей, наполняя стадии социальным содержанием («Родовое общество степей Восточной Европы», 1935). У них, однако, уже начисто отсутствовал этнический колорит. Они приурочивали стадии к техническим сдвигам, к этапам в развитии производства, и, показывая скачкообразность этих сдвигов, старались раскассировать по этим этапам все явления культуры, в том числе и надстроечные. Это выглядело более реалистично, чем фантастические трансформации языков и народов. Но чем реалистичнее это выглядело, тем меньше оставалось от теории стадиальности. Ведь суть стадиальности заключалась именно в чудесности преобразований, в возможности отказаться от поисков логики и преемственности развития.

А здесь именно поиск логики и даже промежуточных звеньев цепи — «стадиальных переходов», как это называли Круглов и Подгаецкий.

Теория стадиальности снимала труднейшие проблемы этногенеза — любую культуру можно было произвести из любой. В культуре такие разовые трансформации было представить легче, чем в языке. Миграции решительно отвергались; миграционизм и диффузионизм были объявлены реакционными буржуазными учениями. Большая роль отводилась взаимодействию культур, их слиянию, скрещиванию. Так что скрещения не отвергались, но их прежняя теоретическая функция как-то испарилась: новые языки и культуры возникали не благодаря им. Вопрос о корнях, о предках попросту отпадал. Все народы оказывались смешанными, предки у всех получались одинаковыми и в известной мере общими — у всех позади многообразная и мелко накрошенная смесь, из которой постепенным объединением и стадиальными трансформациями сформировались современные народы.

При всей бездоказательности теория стадиальности внесла некоторые освежающие идеи в объяснение труднейших проблем археологии. Она обратила внимание археологов на внутренний источник преобразований в каждом обществе, т. е. на значение социально-экономических сдвигов для преобразования культуры, на действительно присущую всякому развитию скачкообразность. Впоследствии эти идеи стали всерьез обсуждаться во многих археологических школах Запада, особенно в «новой археологии».

В трактовке Геннинга (1982: 180–190) теория стадиальности совершенно отделяется от Марра и отождествляется с давним использованием термина «стадия» эволюционистами и с марксистской схемой социологических этапов развития по формациям. Да, у них есть нечто общее — представление о прогрессе, о скачкообразном (или революционном) развитии по этапам, но специфика теории стадиальности именно в гиперболическом и упрощенном, схематическом понимании скачкообразности развития, в наполнении этой схемы этническим содержанием и полном отрицании миграций и влияний, в повсеместном автохтонизме. Это было тем новшеством, которым молодые археологи-марристы дополнили идею смены социально-экономических формаций, наложенную на старое представление о развитии по стадиям. В этом был смысл теории стадиальности. Теория стадиальности не была простым терминологическим переодеванием традиционных построений.

В годы, когда надо было по-новому цементировать многонациональное государство, признавая в то же время права наций и национальных культур на существование, теория стадиальности как нельзя лучше соответствовала государственной политике большевиков, нивелируя своеобразие народов и объясняя локальные различия не столько этническими традициями, сколько уровнем развития.

В Отечественной войне 1941–45 гг. проявилась значительная оппозиция народных масс сталинскому режиму (во власовское движение втянулись сотни тысяч), и это подвигло сталинское руководство обратиться к патриотическим чувствам и националистическим настроениям народов Советского Союза, в первую голову — русского народа. Принялись культивировать их своеобразие, самобытность, самостоятельность формирования, и заботливо искать их корни. «Новое учение о языке» с его «яфетической» составляющей, препятствовало этому. В 1950 г. в центральном органе партии, газете «Правда», была проведена многонедельная лингвистическая дискуссия, в которой принял личное участие Сталин. Он выступил против учения Марра. С «новым учением о языке» была отвергнута и «теория стадиальности» в археологии.

Вот когда стало можно критиковать акад. Марра, и выяснилось, что он был неважным лингвистом, а археологом — вовсе никаким за пределами своего раскопочного опыта. Не знал даже, что металла в палеолите не было (или знал, но в пылу витийствования находило затмение).

11. Марксистский социоисторизм. Даже в антикварианистский период считалась бесспорной мысль, что древности собираются для прояснения истории. Позже это обратилось в максиму «археология — служанка истории», и в археологии постепенно складывалось отношение к материальным древностям как к потенциально историческим источникам — отрабатывались принципы стратиграфии, обращение с замкнутыми комплексами и т. п. Но даже со всеми этими особенностями археология не выглядела исторической дисциплиной — в ней не было речи о структурах общества, об идейных движениях, о причинах и законах исторического развития.

Когда в России победили большевики, всей науке стали сверху навязывать марксистские доктрины и ценности. В этой обстановке молодые археологи стали искать, какие методологические идеи могли бы быть восприняты как отличия их деятельности от «буржуазной» археологии. Одним из первых на роль такого отличия был выдвинут «комплексный метод» (Никольский 1923) — смутный конгломерат идей, который понимался то как требование рассматривать вещи в замкнутых комплексах (что для Европы, однако, не было новым), то как призыв к соединению многих источниковедческих наук для полноценной исторической реконструкции, то как принцип интеграции с естествознанием, в частности организация «комплексных» (т. е. междисциплинарных) экспедиций. Но и это было известно со времен Шлимана. Первым в СССР такую экспедицию организовал археолог и этнограф С. П. Толстов, но принципы готовил его учитель Б. С. Жуков.

Археологи стали искать археологические соответствия марксистским понятиям, в частности, адоптированным в марксизм понятиям Моргана. В этом особенно преуспели ленинградцы. Равдоникас разрабатывал согласование этнографической периодизации Моргана-Энгельса с археологической схемой «трех веков». Ефименко озаглавил свой большой труд о палеолите «Дородовое общество» (1934), а, кроме того, усмотрел в женских статуэтках палеолита и энеолита свидетельства матриархата (статья 1931 г.). Равдоникас (в небольшой статье 1929 г.) и Артамонов (в статье 1934 г.) увидели в парных и коллективных погребениях бронзового века отражение угнетенного положения женщин в патриархальной семье. С. А. Семенов (рис. 27.4) разработал метод определения следов работы на древних орудиях под бинокулярным микроскопом, назвал этот метод функционально-трасологическим и противопоставил его традиционному определению функций орудий по типологии и этнографическим аналогиям (статья 1940 г. и книга 1957 г. «Первобытная техника»). Это рассматривалось как достижение, обусловленное марксизмом, потому что Семенов отверг «буржуазную формальную типологию» (она занимается формами вещей) и выдвинул орудия труда и следы труда, производство, на первый план.

Рис. 27.4. С. А. Семенов (из архива ИИМК).

В остальном же как бывшие московские социологизаторы, так и бывшие ленинградские стадиалисты старались, чтобы их интерпретации археологического материала не выходили за рамки марксистской исторической схемы развития — пятичленной схемы исторического прогресса. Это развитие по пяти социально-экономическим формациям — от родоплеменного и бесклассового общества к формированию классов и классовой борьбы, выявлению роли орудий труда, производственных отношений и идеологии и т. п.

В проблематике этногенеза эти исследователи предпочитали автохтонизм, не расходясь в этом с концепцией Марра, а после ее дискредитации восстановили аргументацию старых русских автохтонистов Самоквасова и Забелина, соединив ее с марксистскими рассуждениями о внутренних источниках возникновения государственности в каждом обществе. Брюсов же обратился к принципам и методике Косинны (автохтониста для центра Европы и миграциониста для периферии), подставив Юг Европейской части СССР на место косинновского центра и реконструируя в бронзовом веке радиально расходящиеся миграции с территории Советского Союза на всю Европу.

Это социоисторическое течение, ближе других соответствовавшее советской идеологии и умело подстраивавшееся под нее, под ее зигзаги, оказалось очень живучим. В последние десятилетия советской власти с методологическими разработками в духе социологического историзма выступал и В. М. Массон в Ленинграде (Массон 1976). А В. Ф. Геннинг в Киеве выдвинул подробное методологическое обоснование «социологической археологии», как он ее понимает — вполне в духе 30-х годов (Геннинг 1982, 1983, 1989). Рекомендации Массона не выходят за пределы поиска стереотипных соответствий социальным структурам в археологических материалах, а пространные труды Геннинга отличаются изрядным догматизмом и схоластикой. Так что, можно сказать, течение выдохлось.

В последнее время, однако, аналогичные интересы стали проявляться и на Западе («социологическая археология» Ренфру и др.), так что российские археологи этого плана явились застрельщиками общемирового движения. Но не только в этом. Руководимый своей марксистской ориентацией, отдельные достижения ранней советской археологии признал и решил заимствовать Чайлд, а через его работы это стало достоянием мировой археологии. Некоторые принципы как московских социологизаторов, так и ленинградских стадиалистов были выдвинуты заново американскими и английскими инициаторами «новой археологии» в 60-е годы XX века (это теоретизм и презрение к эмпиризму, отвержение миграций и трансмиссий, внимание к социально-экономической сфере и предпочтение внутренних стимулов развития, стремление обойтись без этнографии и реконструировать весь процесс развития на археологических данных). «Новые археологи» повторяли не только плодотворные идеи ранних советских археологов, но и их слабости и ошибки.

Вопросы для продумывания

1. В какой мере можно говорить о научной революции в археологии применительно к ее послереволюционной перестройке, к методу восхождения и теории стадиальности?

2. Почему марксизм не смог сформировать своего соответствия в археологии без воздействия политической власти?

3. Сталин в 1950 г. расценил учение Марра о языке как антимарксистское. Антимарксистским оно вряд ли было, скорее немарксистским. Но можно ли расценить его как антинаучное и если можно, то по каким основаниям?

4. В общем, работы, выполненные в семинаре Фриче молодыми археологами, несомненно, были попытками применить к археологии марксистское понимание истории, и их авторы продвигались в том же направлении, что позже западные инициаторы «социальной археологии». Было ли что-либо негативное в этих попытках и что именно?

5. Что порочного в «методе восхождения»?

6. Можно ли в принципе сделать археологию марксистской?

7. Негативный эффект знаменитой брошюры Равдоникаса несомненен – нигилизм по отношению к научному наследию дореволюционной археологии, несправедливая критика заслуженных археологов, грозившая им вполне реальными гонениями. А было ли нечто ценное в его критике и что именно?

8. Что археология не совпадает с историей материальной культуры, это ясно. Но чем именно они различаются и чем опасна подмена одной другою?

9. Современные защитники «теории стадиальности» нередко трактуют ее как простое выделение стадий развития или резких рубежей между стадиями, скачков. Чем теория стадиальности отличалась от простого выделения стадий и скачков?

10. Что общего между ленинградскими стадиалистами и московскими социологизаторами, и что их разделяло?

Литература

Внедрение марксистской идеологии в археологию: Никольский 1923; Формозов 1995, 2004; Klejn 1997; Геннинг 1982.

Марр как глава советской археологии: Марр 1892, 1922, 1926/1936, 1931/1933, 1934/1936; Алексеев 1935; Беридзе 1935; Иоффе 1935; Миханкова 1949; Яковлев 1949; Арциховский 1953; Алпатов 1991.

Равдоникас и теория стадиальности: Столяр 1988, 1994; Столяр и Белановская 1977; Аникович 1994; Бочкарев 1994; Савинов 1994.

Арциховский и метод восхождения: Маркс 1846/1962, 1847/1955; Янин 1973.

Советские археологические учреждения: Пескарева 1980; Платонова 1989; Длужневская 1991.

Глава 28. НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМ

1. Неоэволюционизм как направление. К рубежу XIX и XX веков эволюционизм в археологии уступил лидерство другим направлениям, а в 20-е годы еще изредка проявлялся, но воспринимался как архаизм. В культурной антропологии он тоже в начале XX века был в состоянии кризиса и ревизии, а в 20-е годы появлялись только труды эпигонов, и то редко. Заметно отшатнуло от него европейскую интеллигенцию то, что его схемы были использованы Марксом и Энгельсом, а после превращения России в 1917 г. в марксистское государство обострившаяся идейная вражда с марксизмом отразилась и на отношении к эволюционизму.

Однако к середине 30-х годов Советский Союз утвердил свое положение как европейская держава, в ряде европейских стран компартии и социализм привлекли много сторонников, а Вторая мировая война, в которой Советский Союз оказался сильным союзником Англии, Франции и США, обеспечила уважительное отношение к его идейным опорам. Поэтому когда диффузионистские концепции исчерпали возможности роста и были в значительной мере дискредитированы, эволюционизм снова поднял голову. В 30-е годы в этом направлении двинулись только наиболее смелые и сильные лидеры, а после Второй мировой войны это стало уже заметным направлением в науке (Schott 1961; Horton 1968; Wagar 1972).

Но это был уже не тот эволюционизм. На его облике сказались не только сдвиги в обществе, но и изменения в важной сфере его бытования — биологии. Учение Дарвина покоилось на опыте селекционеров и на аналогиях с социальными процессами капитализма (конкуренции). Дарвин был убежден в постепенности эволюции, и его последователи в основном были озабочены построением филогенетических древес.

Биология XX века прежде всего расширилась за счет возникновения новых отраслей — биофизики, биохимии с ее открытием энзимов, гормонов, витаминов, вирусов. Открытые еще в 1869 г. математические законы Г. Менделя были тогда не приняты и забыты, но в начале XX века оценены Бейтсоном и де Фризом и воскрешены. В 1894 г. У. Бейтсон признал скачкообразные изменения более важными, чем постепенные. В 1901 г. А. де Фриз открыл мутации. Начав в 1910 г. исследования изменений плодовой мушки дрозофилы, американец Т. Морган обнаружил, что внешним изменениям соответствуют изменения видных под микроскопом хромосом, и связал совместные изменения признаков с привязкой их к определенным местам хромосом, что позволило ему предположить, что изменению каждого признака соответствует в хромосоме особая материальная частица — ген (впоследствии и гены были обнаружены под электронным микроскопом). Возникла генетика как наука о материальной основе наследственности.

Это подвигло и социологов к поискам материальной основы эволюции общества и культуры. Эволюционизм в изучении культуры тоже изменился.

2. Чайлд как марксист. Основоположником этого направления в археологии можно считать Гордона Чайлда, избравшего новые ориентиры, когда его диффузионистские построения зашатались. Стимул к формированию нового направления дали марксистские убеждения Чайлда. Американский археолог Марк Лиони (Marc Leone) заявил это весьма категорично: «Одна из причин, по которой Гордон Чайлд является лучшим археологом из всех, каких наше поприще производило, это то, что он обладал могущественной парадигмой — марксовым материализмом» (Leone 1972b: 18).

Это утверждение оспаривается по разным основаниям. Английский археолог Крофорд заметил: «Хоть он и объявлял себя марксистом, он был слишком великим человеком и слишком оригинальным мыслителем, чтобы носить ярлычок какой-либо секты» (Crawford 1957: 13) Другой английский археолог Глин Дэниел пояснил эту идею более пространно:

> «Великая загадка Чайлда на все времена оставалась: в какой мере он был марксистом (или марристом) и в какой мере он отдавал лишь словесные почести философии аутсайдеров? Он имел обыкновение публично жаловаться на завтраках в отеле, что нет под рукой и нельзя почитать «Дейли Уоркер» (газету английской компартии. — Л. К.), хотя «Таймс» ему доставляли в номер с утренним чаем. В какой мере его прокламируемая любовь к России и его интеллектуальные вывихи в «Шотландии до шотландцев» были позой? ... Скорее всего, это не была сознательная поза» (Daniel 1958: 126–66?).

Грэйем Кларк в статье «Преистория со времени Чайлда» (Clark 1976: 4) высказался резко и скептически:

> «С точки зрения внешнего поведения... самая буржуазная персона в мире. Пусть он даже пришел на конференцию Преисторического общества с "Дейли Уоркер" под мышкой, будьте уверены, он провел ночь в самом лучшем отеле. Его любимое местечко в Лондоне — "The Athenaeum" (клуб с дорогими номерами. — Л. К.), где официант приносил ему его usual (обычное, излюбленное. — Л. К.) без специального заказа. В "Who's who" не отмечено ничего более революционного, чем: бридж, пешие прогулки, автомобилизм».

В Советском Союзе знали, что Чайлд — марксист, удовлетворенно подчеркивали это, но полностью своим не считали. Своими западных деятелей там считали, только если они из компартий, а вольных опасались: мало ли чего им взбредет в голову наговорить! Лучше было считать Чайлда близким к марксизму, движущимся к марксизму, но еще не вполне марксистом. Монгайт в своем некрологе писал:

> «Будущий историк археологии в своем очерке европейской археологии второй четверти XX в., несомненно, уделит значительное место Чайлду, его взглядам, его влиянию на науку, его открытиям и его ошибкам. Сам научный путь Чайлда, его постепенное приближение к марксизму символичны для развития общественных наук в наши дни» (Монгайт 1958: 287).

Газеркоул на Шеффилдском симпозиуме 1971 г. уточнил: «Его обращение к марксизму не было постоянным и прогрессирующим. Оно имело подъем и спад» (Gathercoul 1971). По этому вопросу Грэйем Кларк высказался опять достаточно резко:

> «Марксизм, однажды метнув его, так сказать, рикошетом в археологию, оказал серьёзное тормозящее воздействие на его период среднего возраста. Это объясняет,

почему после 1930 г. творческий период Чайлда окончился, а в конце жизни Чайлд осознал, что его пророк наврал ему. Как извлекать историю из археологии? Чайлд решил для себя этот вопрос в 1922–25 гг. и больше уже ничего нового и важного в археологическую науку не внес. К 1930 г. всё было кончено. Since Childe (Со времени Чайлда — из названия этой статьи Кларка. — Л. К.) — означает: с 1930 года» (Clark 1976: 8).

Сам Чайлд, однако, писал незадолго до смерти о своих взглядах первого периода своей жизни, до 1930 года, так: «This was childish, not Childeish» («Это было детским, а не Чайлдовским». — Childe 1958a: 79). То есть взрослый, серьёзный Чайлд только с 1930 г. и начался.

3. От диффузии к эволюции: экономика первобытного общества. Социализмом Чайлд увлекался с юности (дружба с Палмом Даттом, участие в лейбористском движении). Это предполагало, по крайней мере, знакомство с марксизмом. Но приложить марксистские идеи к науке вначале не приходило ему в голову. Еще в начале 1930-х он называл себя не марксистом, а крочеанцем. Энгельса и Моргана он тогда считал «ужасающе старомодными» (Trigger 1984b: 4, 1984c: 71). Немецкий переводчик одной его книги Г. Кнеплер в 1949 г. писал в предисловии:

> «Несколько лет тому назад в одной лекции профессор Чайлд — он был тогда уже на шестом десятке — рассказывал, что в юности прочел однажды одну книгу, которая тогда не произвела на него особого впечатления, Теперь, в зрелом возрасте, он снова взялся за эту книгу, и теперь только из этого возник в нем ряд побуждений и мыслей... Книга эта — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Она побудила профессора Чайлда поближе заняться идеями научного марксизма» (Knepler in Childe 1949: 8).

Судя по приведенным данным, лекция с этим высказыванием состоялась где-то около конца войны. Новое прочтение Энгельса, значит, было незадолго до этого. Но и раньше, в 30-е годы, учет марксистских идей и некоторое внимание к ним для человека с социалистическими убеждениями естественны. Возможно, первым следствием этого для исследовательских занятий Чайлда преисторией было самое общее извлечение из марксизма — придание серьёзного значения экономике. Еще в некоторых книгах до 1930 г. он заинтересовался экономикой первобытных обществ (Trigger 1980b).

В книге «Древнейший Восток» (1928 год), в которой он обратился к исходному очагу диффузии, встал вопрос том, что же вызывает развитие в самом исходном очаге. В заимствующих землях народы, испытывающие влияние, развиваются под воздействием этих влияний — как первотолчков. Но что же толкает к развитию само население, от которого исходят влияния? Это также вопрос о причинах экспансии — что побуждает расселяться и распространять влияния? Несмотря на свою убежденность в особой талантливости индоевропейцев, Чайлд не мог объяснять исходные импульсы расовым превосходством — и в силу своих либеральных и интернационалистических взглядов, и просто потому, что на Ближнем Востоке речь не могла идти об индоевропейцах. Это были народы, обогнавшие индоевропейцев и давшие им основные культурные блага!

Обратившись к причинам достижений в исходном очаге, Чайлд невольно оказался перед эволюционистскими задачами. Видимо, знакомство с Морганом и марксизмом сказалось в том, что Чайлд стал искать исходные стимулы в хозяйственных достижениях, успехах в развитии производства. Это не было исключительно марксистским подходом, ведь экономикой интересовались и другие исследователи.

Следом за некоторыми другими учеными (Эллиот Смит в 1915 г., Гаролд Пик и Герберт Флёр в 1927) он объявил появление земледелия решающим событием в человеческой истории и ключевым в определении неолита (а не появление керамики или шлифованного камня). От Пика и Флёра Чайлд, видимо, впервые узнал об оазисной гипотезе одомашнивания животных и культивации растений, выдвинутой в 1904 г. американцем Рафаэлом Пампелли и принял ее. В книге «Бронзовый век» (1930 г.) детально исследована технология ранней металлургии и специализация ремесел, выделение ремесленников. По Чайлду, выплавка металла требовала полной специализации на металлургии, полного выделения из сельской общины, а малый размер тогдашних общин означал ограниченность потребностей одной общины в металлических изделиях своего мастера. Плавильщики и кузнецы вынуждены были переходить от общины к общине, становится бродячими мастерами, а это приводило к распространению техники металлургии и типов изделий на всё новые территории.

4. Функционализм и эволюция: хозяйственно-культурные революции. Таким образом, в начале 30-х годов у Чайлда наметился некий идейный кризис, связанный с общим кризисом диффузионизма. Чайлд много размышлял о том, нужна ли археология обществу. К 1935 г. для Чайлда, как можно судить по его «Президентскому обращению», археологические культуры перестали быть скоплениями музейных экспонатов и превратились в отражения функционировавших социальных систем — он заинтересовался функционализмом культурной антропологии, стал читать Малиновского и Рэдклиф-Брауна. В «Ретроспекте» Чайлд писал: «Из марксизма я взял идею экономики как интегрирующей силы в обществе, но я находился столь же под влиянием функционализма Малиновского и старался склеить археологические кусочки, имея в виду их возможную роль в работающем организме». Возможно, под впечатлением функционализма (тезис Малиновского о биологических потребностях в основе культуры) Чайлд выдвинул положение о культуре как инструмента адаптации человека к природе.

Чайлд сильно переработал свою книгу «Древнейший Восток» и выпустил ее в 1935 г. под названием «Новый свет на древнейший Восток» (русский перевод вышел под названием «Древнейший Восток в свете новых раскопок»). К этому времени диффузионизм в глазах Чайлда приобрел особое значение, так как наглядно противостоял расовой теории германских нацистов: «нордические арийцы» не являются культуртрегерами, культурные блага в Европу идут как раз с Востока, от восточных народов. Диффузия с Востока в этой книге сохраняется, констатация ее четко выражена и интерес к археологии Востока объяснен так:

> «Археология доисторического и протоисторического периодов Древнего Востока является ключом к правильному толкованию европейской предистории. Последняя в начальной стадии является главным образом историей подражания восточным достижениям или, в лучшем случае, их усвоения. О самих же достижениях мы узнаем из археологии Востока» (Чайлд 1956: 24–25).

Но достижения эти излагаются не только не так, как это делали диффузионисты, но и не так, как это делали старые эволюционисты — у Чайлда постулировался не постепенный, плавный переход от старых форм к новым, а резкое, разовое введение новых достижений. В этом тоже сказывается воздействие марксизма. Даже термины подобраны с марксистским звучанием — *«революции»*. Это «словарь революционных изменений», — как выразился один исследователь (Greene 1999). Правда, это

революции хозяйственные, того же рода, что Промышленная революция XVII века. Две революции выявил Чайлд в развитии первобытного общества — *неолитическую* и *городскую*. Первая ввела производство пищи вместо собирательства, вторая — городские центры в среду деревенских общин. Революции эти происходят на хронологических рубежах, разделяющих большие эпохи Моргана — Энгельса: дикость, варварство и цивилизацию. На стыке дикости и варварства происходит неолитическая революция, на стыке варварства и цивилизации — городская.

Неолитическая революция названа так потому, что, состоя в одомашнении животных, культивации растений и создании земледелия и скотоводства, она ввела, по Чайлду, важнейший признак неолита и тем самым с нее начинается неолит. Керамика явилась следствием этого развития (потребовались надёжные ёмкости для хранения продуктов), а усовершенствование кремнёвых орудий (шлифовка камня и т. п.) была нужна для успешного ведения сельского хозяйства (кремнёвые серпы, ножи для обработки кожи).

Городская революция наступала с появлением городов, отделением ремесла от земледелия, накоплением излишков труда, концентрацией торговли и управления в укрепленных центрах. А для этого понадобились счёт и письменность, что означало возникновение цивилизации.

Каждая революция означала бóльшую производительность экономики и резкий рост народонаселения, перенаселенность, а это вызывало миграции излишнего населения, а также увеличение сбыта произведенных благ, распространение орудий и навыков их производства. Но эту эволюцию (если ее можно так назвать), это развитие Чайлд видел не однолинейным, а многовариантным, многолинейным — в Европе развитие шло иначе, чем на Востоке.

Концепция хозяйственно-культурных революций имела огромную влиятельность в археологии: после инициативы Чайлда началось умножение революций. Для начала в 1968 и 1973 гг. Фойстель (Feustel) из ГДР различил две революции в палеолите: «охотничью» и «верхнепалеолитическую», потом к ним прибавилась еще одна — «человеческая» (появление современных людей), которую ввели в 1989 г. Мелларс и Стрингер (Mellars and Stringer) в Англии. Жак де Морган (Jeaqcue de Morgan) еще в 1924 г. считал «революционными» мезолитические нововведения, и Бинфорд в 1968 г. в общем поддержал оценку этих изменений как драматических, хотя революцией их и не называл. Но уже Кент Флэннери (Kent Flannery) в 1969 г. предложил и название: «революция широкого спектра» (Broad Spectrum Revolution), имея в виду расширение диапазона используемых в мезолите дичи и полезных растений. Совсем недавно, в 1994 он ввел еще одну революцию — «революцию рангов» (Rank Revolution) между неолитической и городской. Термин «энеолитическая революция» еще в печати не объявился, но соответствующий ему этап давно намечен (Пиотровский 1961: 18; Массон 1966: 165). Близко к этому месту на шкале революций находится установленная в 1981 г. Эндрю Шерратом (Sherratt) «революция вторичных продуктов» — он имеет в виду начало использования молока, шерсти и тягловой силы животных, а не только их мяса и шерсти. Итого уже семь революций. Полагаю, счет не закрыт...

5. Советские влияния: марксизм и возрождение Моргана. В 1933 г. Гитлер пришел к власти в Германии, и это толкнуло Чайлда к сближению с коммунистами, которых в это время в Англии возглавил его приятель студенческих лет Палм Датт.

В 1935 г. Чайлд впервые побывал в Советском Союзе, осмотрел музеи, встретился с советскими археологами, получил некоторое количество советских книг. Это было как раз в конце теоретического десятилетия, когда советские археологи внедряли марксизм в археологию. Чайлд увёз новаторские работы, в которых изучение экономики вело к изменению методов раскопок (поселения широкой площадью), а культурные изменения возводились не только и не столько к техническим новациям, сколько к воздействию социальных и политических структур — к производственным отношениям, их социально-политическому оформлению. Это было отличие ленинизма от экономического марксизма социал-демократов (кстати, в схожем направлении двигались и западные неомарксисты, но в резко отличном варианте: к первенству идеологии и большей революционности интеллигенции и студентов по сравнению с рабочим классом). Чайлд был весьма увлечен этим советским сдвигом акцентов. Сталинских репрессий этих лет он то ли не заметил (как многие иностранцы), то ли не стал о них говорить при виде более для него страшного врага — гитлеровского нацизма. Но в отличие от обязательного оптимизма советской науки он был пессимистом: успехи нацизма страшно тревожили его, прогресс и автоматическое восхождение по формациям (к коммунизму) он не считал гарантированным и опасался, что Европу ждет возвращение в средневековье.

В 1936 г. он опубликовал книжку «Man makes himself» («Человек творит себя»), название которой носит атеистическое звучание: по Библии Бог сотворил человека, у эволюционистов его творят законы природы, а для Чайлда важна активность человека, его труд, его увеличивающиеся знания, дающие ему контроль над природой. Но, производя излишки, он создает и возможности обогащения для власти. У властей возникает интерес не к развитию производства, а к сохранению ситуации, приводящей к обогащению тех, кто у власти.

В 1939 г. Чайлд при очередном переиздании «Рассвета» археологические культуры описывал по марксистской схеме: от базиса к надстройкам. Но он отнюдь не был ортодоксальным марксистом, слепо повторявшим классиков и копировавшим советские схемы. Он никогда не применял пятичленную схему социально-экономических формаций: первобытная, рабовладельческая, феодальная и т. д. Его старый друг коммунист Палм Датт в 1939 г. даже писал в письме издателю Энгельса, рассчитывавшему на предисловие Чайлда, что Чайлд «не только критичен в своем отношении к Энгельсу, но решительно неприязнен и не дает знака понимания позитивного значения книги; вот почему его замечания создают эффект враждебной немарксисткой критики» (цит. по: Gathercole n.d.).

Разумеется, марксистские взгляды и коммунистические симпатии Чайлда отчуждали его от его коллег, в массе гораздо более консервативных. В годы альянса Советского Союза с Гитлером он был в особенной изоляции, и его вдохновило начало войны Советского Союза против нацистской Германии. С этого времени выходит несколько его наиболее марксистских работ: в 1942 г. «Что произошло в истории», в 1944 г. небольшая книжка «Прогресс в археологии», а в 1946 г. вышли его лекции 1944 года в Эдинбурге под названием «Шотландия до шотландцев».

В первой из этих книг, «Что произошло в истории», были четко сформулированы марксистские объяснения культурных изменений — не просто как следствие усовершенствований в технике, а через посредство и в контексте производственных отношений, социальных ролей и структур. Чайлд считает, что создание тоталитарных деспотий было неизбежно на Древнем Востоке, но, в общем, доминирование надстроек над экономическим базисом и построение многослойных иерархий ведет

к застою и деградации. В этой книге также влияние советской археологии проявилось в том, что Чайлд начинает вводить в свои работы периодизацию Моргана — Энгельса (дикость — варварство — цивилизация с их подразделениями) и стремится слить ее с Томсеновской периодизацией по технике орудий. В этой работе 1942 года и в статье 1944 г. «Археологические века как хронологические стадии» он склеивает эти две схемы и пишет о «палеолитическом собирательстве», «неолитическом варварстве», «высшем варварстве медного века» и «цивилизации бронзового века». Тем самым он придает собственно археологической периодизации Томсена, узко технической и классификационной, более эволюционное звучание и расширяет ее критерии до общехозяйственной и общеисторической.

Таким образом, марксистские убеждения и советское влияние толкнули Чайлда на смягчение принципов диффузионизма и освоение эволюционистских принципов Моргана. Но это не был эволюционизм старого толка — с упором на постепенность развития и его психологические корни. Это был по сути *неоэволюционизм*, материалистический и с принятием революционных трансформаций. От марксизма, особенно советского пошиба, он отличался отвержением политических революций и противоположной оценкой роли социальных и идеологических надстроек — не позитивной, а негативной.

В «Шотландии до шотландцев» Чайлд постарался сблизить свое изложение с советскими образцами марксистского истолкования источников. Он признал, что западные исследователи слишком сильно упирали на диффузию и миграции в объяснении культурных изменений, хотя и остался при своем мнении, что без диффузии и миграций не обойтись. Он был чужд автохтонистским крайностям советской теории стадиальности и говорил в своем президентском обращении к Британскому Преисторическому Обществу о «псевдомарксистских материалистах», которые хотят видеть в каждом месте независимое развитие — это казалось ему абсурдным. Из анализа погребений он, подобно своим советским образцам, выводил имущественное и социальное неравенство первобытных обитателей Шотландии, а из анализа поселений — сложность социальных структур.

В 1945 г. Чайлд посетил СССР во второй раз. Ему показалось, что там появляются признаки либерализации: советские ученые заговорили о миграциях (об этом он писал американцу Брейдвуду). Это не была либерализация — это была смена идеологических установок: вместо автохтонности потребовалось патриотическое возвеличение русского этноса среди других этносов, и миграции рисовались односторонне — из области Руси, но не извне в эту область. У Косинны было ведь то же самое, только с другим центральным очагом...

6. Лондонское десятилетие: решение загадки европейской уникальности. В 1946 г. Чайлд покинул Эдинбург, где проработал 20 лет, и переселился в Лондон, куда его позвали на должность профессора археологии и директора Института археологии Лондонского университета. Здесь ему предстояло проработать 10 лет. Он также стал одним из создателей и сотрудником английского марксистского журнала «Past and Present» («Прошлое и современность»). В это время началась холодная война, между Западом и Востоком Европы опустился железный занавес. Стыд обуял сторонников социализма при виде советских кампаний против генетики и кибернетики, против космополитизма и новых форм в искусстве. Чайлд страдал молча. Он был очень одинок между двумя борющимися лагерями. В 1950 г. Чайлд приветствовал расправу Сталина с марризмом: наконец-то покончено с повсемест-

ным автохтонизмом! (хотя это было лишь утверждение новой идеологической установки).

В 1956 г. он написал книгу «Piecing together the past: the interpretation of archaeological data» («Составление прошлого из обломков: интерпретация археологических данных»). Все воспринимают эту книгу как учебник археологической методологии, и это верно. Но, прежде всего, это оправдание дисциплины, определение ее возможностей, нечто вроде «Апологии истории» М. Блока. Чайлда постоянно одолевали сомнения в ценности археологии, в ее и, следовательно, его полезности для общества. Сомнения из-за неполноты археологических фактов, а значит и рискованности формулировать по ним законы (Allen 1967: 53).

В это десятилетие он также окончательно определился со своим отношением к эволюции и со своим умеренным диффузионизмом.

В 1951 г. вышла его книга «Социальная эволюция». В ней он проследил, как при одном и том же комплексе домашних животных и культурных растений, расходившемся из одного региона, природные различия и разные старые традиции в разных странах обусловили в этих странах различия неолитических культур (Gathercole 1971). Это был принцип *многолинейного эволюционизма.*

В 1950 г. в Осло была напечатана его работа, написанная в 1949 г., «Преисторические миграции в Европе». В ней он признает, что русские идеи местного развития хорошо объясняют ряд явлений и поэтому увлечение миграциями надо бы ограничить. Но глупо было бы их совсем отрицать.

> «Я диффузионист, — писал он, — в следующем смысле: я предполагаю, что важнейшие технические открытия и изобретения ... были сделаны, как правило, однажды и распространялись из единых центров ... Изменения могли наступить и в результате внутренних социального и технического развития», но первобытные (primitive) общества были весьма консервативны. Они мало изобретали. «Я убежден, что в древности вообще культурные изменения так же, как и соответствующие им существенные изменения в обществе, происходили только в результате внешнего точка» (Childe 1950: 9–10).

Тут возникало противоречие: все новации с Востока, но как же стало возможным отличие Европы от Востока и опережение его?

В 1956 г. он опубликовал статью «Общество и знание. Рост человеческих традиций». Это преистория науки. В этой статье он приходит к выводу, что история динамична и полмиллиона лет человеческого развития показывают не только повторы, но и новшества. Позже он писал об этой работе: «Наконец-то я очистил свое мышление от трансцендентных законов, определяющих историю, и от механических причин, всё равно экономических или природных, автоматически формирующих ее курс» (Childe 1958a: 73). Другу в письме он сообщал о ней: «она не марксистская, по крайней мере, мои советские коллеги не признали бы ее марксистской, хотя старик Маркс мог бы и признать» (Trigger 1984c: 76).

В 1958 г. вышла посмертно его книга «Преистория Европейского общества», в последней главе которой содержался его ответ на мучившую его всю жизнь загадку причин отличия европейцев от остальных. Приведу пространную цитату с этой мыслью Чайлда:

> «В умеренной зоне Европы ок. 1500 г. до н. э. сложилась особая политико-экономическая структура — такая же, какая существовала уже за тысячу лет до того в Эгейском мире, но больше нигде в бронзовом веке. Международная торговая система связала воедино вихрящееся множество крошечных политических единиц. Все они, блюдя рев-

ностно свою самостоятельность и в то же время пытаясь подчинить друг друга, тем не менее, жертвовали своей хозяйственной независимостью, принимая необходимость импортировать важные материалы для своего обеспечения.

В качестве добавочной награды за эту жертву они также пользовались благами от свободной циркуляции идей и людей, их представителей, в то время как новые возможности жизнедеятельности были открыты для младших сыновей крестьян. Кто проявлял упорство, пожиная плоды проникновения в секреты техники, и проявлял отвагу идти на огромный риск и суровые тяготы, тот мог избежать необходимости самому выращивать свою пищу и мог стряхнуть с себя узы зависимости от господина или более жесткие оковы племенных обычаев.

Национальные государства, которые со временем возникали, были, само собой, гораздо крупнее, чем племена бронзового века, и их было меньше. Но все они проявляли ту же ревность в политике и соревнование в хозяйственной жизни... [Тем не менее] ремесленники, представители прикладной науки, сохранили свою традиционную свободу передвижения внутри сверх-национальной хозяйственной общности. Метеки Афин, бродячие поденщики средних веков и мигрирующие члены ремесленных союзов девятнадцатого века являются прямыми наследниками указанных путешественников. Но таковы же были и натурфилософы и софисты классической Греции, разъездные ученые средневековой Европы и ученые-натуралисты, которые со времен Галилея и Ньютона до 1945 г. свободно обменивались информацией и идеями с помощью публикаций, переписки и визитов не взирая на политические границы (Childe 1958b: 172–173).

Таким образом, в интенсивности торгово-обменных связей и сложении слоя бродячих из страны в страну ремесленников, купцов и ученых, освободившихся от оков общины или господина, Чайлд видел специфику Европы и ростки ее политических и духовных свобод. «Эта система бронзового века предвосхищала особенности европейской политической системы в древности, средние века и новое время» (ibid.: 172). В том, что ничего подобного не было в древности и средние века на Востоке, можно усомниться (купцы, ремесленники, дервиши и пророки и там бродили по странам). Границей свободного перемещения людей и идей Чайлд поставил 1945 год потому, что в 1945 г. была Фултонская речь Черчилля, после которой «железный занавес» и «холодная война» разделили Европу. Виновными в «железном занавесе» он считал западные государства, хотя запреты на выезд господствовали именно в восточном блоке.

7. Кризис и уход. Чайлд хорошо знал диалектику — и Гегеля и Маркса. Он понимал, что внутренние противоречия приводят к взрывам. Он мог бы применить это к самому себе. Он старался примирить диффузионизм с эволюционизмом. Более всего разительно было его двоякое отношение к советскому марксизму: он не принимал однолинейную схему исторического развития, отвергал классовую борьбу, ненавидел тоталитарную власть и диктатуру, но, чтобы не навредить общему делу борьбы с фашизмом, никогда об этом публично не говорил; восхвалял Сталина, в день его смерти надел траур. В этот год, 1953, он в третий раз посетил СССР.

Ударом был для него февральский доклад Хрущева на XX съезде партии в 1956 г. с «разоблачением культа личности». Всё, что Чайлд так долго не решался говорить, было сказано. Сталин — деспот и тиран, система концлагерей с миллионами вымирающих заключенных — реальность. Весь мир марксизма был потрясен. Весной Чайлд прибыл в СССР в последний раз, посетил Москву и Ленинград, поглядел вокруг протрезвевшими глазами. По словам Н. Я. Мерперта, он ничего критического не говорил, разве что Брюсову, потому что на малейшее замечание гостя с оттенком

критики Брюсов разражался целой критической тирадой, не скрывая своего раздражения окружающей действительностью — несмотря на присутствие Мерперта.

Вернувшись в Лондон (рис. 28.1), Чайлд летом за несколько месяцев до срока выхода на пенсию (то есть до достижения 65 лет) подал в отставку со всех своих постов. В декабре он написал подробное письмо виднейшим советским коллегам — Рыбакову, Арциховскому, Артамонову и другим, где высказал свое разочарование советской археологией, ее низким уровнем методики, ее отсталостью, бездоказательностью ее выводов. Арциховский принес свой экземпляр в партбюро, держа конверт за уголок двумя пальцами, чтобы не оставить отпечатков, и сказал: «Возьмите, мне оно не нужно. Вероятно, его вынудили». Письмо обсуждали на закрытом заседании и оставили в секрете. Но оно ходило в тайных списках. Один из этих списков я привез в Лондон на конференцию к столетию Чайлда в 1993 г., и оно было опубликовано. Тогда и «Советская Археология» его опубликовала.

Рис. 28.1. Гордон Чайлд, Лондон, 1955 или 1956 год (Harris 1994, tabl. 4a).

В августе 1957 г. Чайлд написал и письмо в Кембридж Глину Дэниелу — как издателю:

> «Полагаю, Вы всё еще надеетесь получить от меня книгу о русской преистории. Но не получите... Даже если кто-нибудь исследует неопубликованные коллекции в отдаленных музейных хранилищах... я не нахожу фактов для связной истории, которая была бы для меня убедительной, ибо я не верю, что она уже существует... относительная и абсолютная хронология для нео- и палеометалической стадий просто безнадежно слаба. Официальные русские схемы, право же, догадки, которые даже не занимают меня, не то, чтобы убеждать. Но сводка русских догадок, как если бы это были факты, а ля Ханчар, хуже, чем бесполезна» (Daniel 1958: 66–67).

Он сжег многие свои бумаги и переписку и уехал в Австралию, на родину. Там 19 сентября 1957 г. он забрался на высокий уступ отвесной скалы в Голубых Горах, где древние изображения, и упал вниз с высоты более 300 метров. Только его очки и трубка остались на уступе. Весь мир узнал, что в результате несчастного случая (оступился без очков) погиб крупнейший археолог мира Вир Гордон Чайлд. Догадки о самоубийстве посыпались сразу же, но доказательств не было.

Отосланная Кларку в сентябре из Австралии автобиография Чайлда была опубликована посмертно в «Антиквити» (под названием «Retrospect» — Childe 1958a). В ней он очень придирчиво и скептически оценивал результаты своей работы:

> «Теперь я признаю, что весь мой обзор может оказаться ошибочным; мои формулировки, возможно, неадекватны; мои интерпретации, быть может, плохо обоснованы; моя хронологическая система — а ведь без такой нельзя же говорить о стыках — откровенно шаткая. Всё же я подтверждаю, что результат стоило публиковать» (ibid.: 74).

Посмертно же и в том же году была опубликована его прощальная лекция лондонским студентам, посланная уже из Австралии и напечатанная под названием «Valediction» («Прощальное слово»). Она была не менее самокритичной. В ней было сказано: «Есть меньше всеобщих законов, и они менее важны, чем марксисты

думали до 1950 г. (вехой избрано всё-таки выступление Сталина против марризма. — Л. К.) ... В объяснении разницы между культурами марксизм совершенно не подтверждается, он даже скрывает и смазывает наблюдаемую разницу». Признавать это было необыкновенно горько, но это еще не доказательство самоубийства.

И лишь 20 лет спустя, в 1977 г., было опубликовано признание его преемника по лондонскому Институту Граймза, которому Чайлд перед отъездом в горы отправил прощальное письмо с точным и недвусмысленным извещением о планируемом самоубийстве и с обоснованием своего намерения покончить с собой. Он писал о том, что в результате выхода на пенсию его финансовое положение резко пошатнулось, а он не привык жить стесненным в средствах. Кроме того, ему предстоит медицинская операция (по-видимому, удаление аденомы простаты), последствий которой он очень боится. А главное, он чувствует, как слабеет его некогда совершенная память и ухудшается разум, а он не хочет превращаться в обузу обществу. Он ничего не пишет о разочаровании в советской реализации марксизма, но, надо думать, это сыграло немалую роль в нагнетании той депрессии, того мрачного настроения, в котором он решил, что жить дальше не имеет смысла.

Действительно, перспективы сохранения его авторитета были мрачными. Три десятилетия спустя Эндрю Шеррат написал:

> «Однако, несмотря на факт, что многие современные школы археологии всё еще славят его как своего отца-основателя, многое из его писаний по преистории полностью вытеснено. Со времени его смерти прогресс археологических открытий был примечательно скорым. Новая информация накапливалась с еще большей скоростью, и с помощью новых методов многие из его фундаментальных идей были подвергнуты проверке. Результат не был удачным для его теорий. Не будет неверным сказать, что многие из его главных заключений по европейскому неолиту и бронзовому веку оказались почти полностью неверными. Один за другим его главные постулаты о преисторических обществах Европы были сбиты. Поколение спустя немногое из его детального объяснительного строения осталось» (Sherratt 1989: 153).

При всем том, Триггер прав, заявив в 1993 г., что Чайлд «остается наиболее признанным и читаемым археологом XX века». Движение Новой Археологии началось со статьи Бинфорда «Археология как антропология» в 1962 г. Но мало кто помнит, что статья с точно таким же названием была написана Чайлдом за 16 лет до того — в 1946. Мало кто из археологов помышляет сейчас вернуться к советским марксистским догмам, а вот порожденные марксизмом новации Чайлда живут в науке, принимаются всерьез и разрабатываются дальше (неолитическая, городская и другие революции в археологии, идея диффузии — неолитизации Европы и др.).

Через несколько десятилетий после гибели Чайлда Брюс Триггер написал статью «Если бы Чайлд был жив...» (Trigger 1983). В ней он между прочим писал, что Чайлд воспринял бы с удовлетворением многие из новаций последних десятилетий. Я, однако, пришел к иному выводу. Если бы Чайлд был жив в наши дни, написал я (Klejn 1994: 89), он бы совершил самоубийство снова. Он был человеком своего времени, а время это окончилось. В Чайлде сосуществовали лидер диффузионизма и инициатор неоэволюционизма. Оба течения пришли в упадок и, возможно, окончились. Чайлд был марксист, а марксизм во второй половине XX века вошел в жесточайший кризис, и многие построенные на его основе государства рухнули (хотя и не все). В Англии у него не нашлось прямых продолжателей, хотя почти все испытали в той или иной мере его воздействие. В новой эпохе появлялось всё больше места для развития идей Чайлда и совсем не оказалось места для него самого.

8. Социо-антропологический неоэволюционизм в Америке. Наиболее интенсивное развитие неоэволюционизма происходило в США. Там хронологический разрыв между эволюционизмом и неоэволюционизмом не был таким значительным, как в Европе. Во-первых, Морган вступил в науку позже европейских лидеров, и его ученики процветали до Первой мировой войны. Во-вторых, там для эволюционизма прочную линию преемственности заложил спенсерианец («социальный дарвинист») Самнер, социолог и антрополог из Йельского университета.

Уильям Грэм САМНЕР (Sumner 1840–1910), сын бедных родителей, в юности тяготел к монархии и аристократии и готовился стать священником. Одетый всегда в черное, он никогда не улыбался. Благодаря успешной учебе он получил стипендию на академическую поездку в Европу. Из Германии этот ортодоксальный христианин вывез библейскую критику, сменил веру в божественный план на эволюционный детерминизм и, наконец, увлекся писаниями Спенсера. Он женился и был оставлен в Йейле профессором (у нас принято называть этот университет не Йейлским, а Иельским).

Самнер абсолютизировал взгляды Спенсера и придал им жесткий и безоговорочный характер. Социальная эволюция у него протекает автоматически и неуклонно, подчиняясь социальным законам и всесильным принципам естественного отбора и борьбы за существование. Он был решительным противником любых реформ и сторонником стихийности социального развития. Одна из его работ, направленная против реформаторов и социалистов, называется «Абсурдное усердие перевернуть мир» (1894). Как и Спенсер, он придерживался девиза *laisser-faire*, и был противником государственных программ социальной помощи и всякого государственного вмешательства в экономику. «Конкуренция так же не может быть уничтожена, как гравитация», — утверждал он.

Его книга «Народные обычаи» («Folkways» 1906) построена на большом этнографическом материале. Под обычаями понимаются стандартизированные групповые формы поведения людей. Они не созданы сознательно волей человека, а действуют стихийно. Человек подчиняется обычаям своей группы, они для него норма и идеал. Всё чужое — плохое, нелепое и смешное. Самнер принял и разработал введенное Гумпловичем понятие «этноцентризм» для характеристики этой зацикленности примитивной группы на своем.

Уже много после его смерти, в 1927 г., на основе его черновиков А. Келлер издал под двойным авторством, Самнера и своим, 4-томный труд «Наука об обществе».

Здесь содержался общий план *мировой эволюции* вполне в спенсеровском духе — с *биологической* передачей культурных характеристик. То есть социальная эволюция полностью уподоблялась биологической — с борьбой за существование, внутривидовой конкуренцией, выживанием сильнейших и т. д.

Так тонкая ниточка связи протянулась в Америке через разрыв между эволюционизмом и неоэволюционизмом. Лидерами американского неоэволюционизма были Уайт и Стюард.

9. Неоэволюционизм Лесли Уайта. Уайта многие историки науки (Лоуи, Голденуайзер и др.) называют неоэволюционистом. Сам он возражал: не неоэволюционист, а просто эволюционист, потому что он просто восстанавливает эволюционизм Тайлора и Моргана. Марвин Харрис поправляет: это не простое восстановление. Налицо существенные новации: нет сведения социокультурных процессов к биологическим и психологическим явлениям, «культура должна быть объяснена

как культура». Правда, зато есть редукция к физике. Есть вклад марксизма (Артановский 1963).

Лесли Элвин УАЙТ (White, 1900–1975) — ровесник века. В 1918 г. вступил в военно-морской флот и служил на эсминце. Окончив социологический факультет Чикагского университета, первую работу получил в Буфалло, в резервации ирокезов Сенека. Это обусловило его интерес к Моргану, который у них-то в свое время и жил. Уайт занялся публикацией его архивов. От Моргана вполне естественно перешел к чтению Маркса и Энгельса. Впрочем, в отличие от них, моргановские положения о матриархате и о стадиях эволюции семьи не принял.

В 1930 г. поступил преподавателем в Мичиганский университет (Анн Арбор), где и проработал 40 лет — до выхода на пенсию в 1970 г.

Это был очень необычный для тогдашних США преподаватель. Увлечение эволюцией по Моргану, марксизмом, поездки в СССР в 1929 и 1932 гг. — всё как у Чайлда. Резкие выступления против клерикализма и религии, вызвавшие его отлучение от католической церкви. В антропологии он воевал с учениками Боаса, особенно со школой исследований «культура и личность» (персоналистской). Период их засилья в науке он называл «мрачным веком». В результате ему долго не давали ходу, он очень долго состоял в ассистентах — это низшая преподавательская должность. Только в 1943 г., т. е. на пятом десятке, когда США были союзниками СССР в войне, Уайт стал профессором. Очень долго его почти не публиковали.

В 1949 г. вышла его книга «Наука о культуре» (White 1949). Вскоре он возглавил антропологический факультет, хотя деканом его не утверждали очень долго. В 60-х гг. были опубликованы две его книги по историографии: «Этнография и этнология Франца Боаса», (1963) с разрушительной критикой Боаса, и «Социальная организация этнологической теории: монография по культурной антропологии» (1966). А в 1964 г. он был избран президентом Антропологического общества США, что показывает, как возросли его личный авторитет и популярность эволюционизма.

Через 10 лет после «Науки о культуре» вышла вторая его теоретическая книга «Эволюция культуры: Развитие цивилизации до падения Рима» (White 1959), которая была готова давно, но ее не печатали чуть не четверть века. А в год его смерти, 1975, вышла третья и последняя: «Концепция культурной системы: Ключ к пониманию племен и наций».

Некоторые ученики Уайта чрезвычайно знамениты. Маршалл Салинз — автор общепринятой новой эволюционной классификации обществ, Люис Бинфорд — основатель и лидер Новой Археологии 60-х — 70-х годов.

В своей автобиографии Люис Бинфорд, человек очень агрессивный, пишет:

> «Мой учитель был Лесли Уайт, дракон-убийца боасинизма, устрашающий в спорах, вспыльчивый "еретик"... Каждый студент должен был проходить его историю антропологии. Я воображал себе крупного человека с мощным голосом, с суровым лицом и холодной, неприступной внешностью. Я вошел в аудиторию, уселся на третьем месте спереди, прямо перед столом преподавателя. Перед тем, как занятиям начаться, все студенты были уже на местах. Тихий разговор послышался из коридора. В комнату вошел маленький человечек с застенчивой улыбкой и кипой бумаг под мышкой. Он положил бумаги на стол, перебрал их, огляделся и спокойно произнес: "Мое имя — Лесли Уайт".
>
> Он выглядел скорее как почтмейстер из маленького средне-западного городка, чем как дракон-убийца моего воображения. Вынув свои карточки, он начал лекцию».

Бинфорду показалось, что преподаватель неправильно толкует Боаса. Студент заготовил карточку с цитатой. На следующей лекции

> «я поднял руку, получил разрешение и начал читать цитату, которая, как я полагал, опровергала Уайта... Сперва Уайт слушал внимательно, затем постепенно его лицо покраснело. Маленькая вена, бегущая по его лбу набухла, и он окаменел, произнеся повышенным голосом:
>
> "Это не по существу, мистер Бинфорд. Зайдите в мой кабинет. Класс свободен".»
>
> В кабинете он сказал: «Мистер Бинфорд, знаете ли Вы, какие аргументы значимы? Боас — как Библия. Вы можете найти в его сочинениях всё, что угодно. ... У Боаса каша в голове. Уж лучше читать отцов церкви — по крайней мере, эти знают, почему придерживаются своего мнения».
>
> Никогда более я не пытался спорить с Уайтом» (Binford 1972a: 6–7).

В уайтовской книге 1949 г. «Наука о культуре» для слова наука было употреблен термин «science» — обозначение естественных и точных наук. Было ясно дано понять, что культуру надо изучать как естественное явление, теми же методами. Но это не означало, что она сводится к биологии. Какие же свойства отличают человеческий вид от животных, создавая возможность передавать информацию не генетически (внутри тел), а научением, экстрасоматически (вне тел)? Это способность к *символизации* — фундаментальное отличие человеческого вида от животных. Культура — это совокупность символов и способность к символизации. Суть символизма — способность людей произвольно наделять вещи значениями, которых они сами не имеют. «Членораздельная речь — наиболее важная форма символического выражения... Без речи не было бы человеческой социальной организации»... (White 1949).

Культура, по Уайту, нечто совершенно иное по сравнению с обществом. Общество — это скопление живущих вместе организмов, значит, оно есть и у животных. Многие животные организованы в общества. Для нас и для многих антропологов или этнологов или этологов стадо или стая — не общество. Для Уайта — общество, хотя человеческое и отличается от него. Специфика человеческого общества — наличие культуры.

> «Культура, — писал Уайт, — должна объясняться в присущих ей терминах, и, хотя это может показаться парадоксальным, непосредственным объектом изучения человечества оказывается вовсе не человек, а культура. Наиболее реалистичная и научно адекватная интерпретация культуры будет достигнута в том случае, если мы отвлечемся от существования самого человека».

Для Уайта характерен известный *физикализм* — если не редукция, то уподобление социокультурных явлений физическим, а их изучения — физике, ведущей науке первой половины XX века.

Культуру (напоминаю, он сюда относил всё человеческое поведение, всё социальное) он считал *термодинамической, механической системой* — системой преобразования энергии. Ведь именно в результате работы культуры построены и работают все электростанции, движутся поезда и самолеты, взрываются атомные бомбы. А раз так, то к культуре должны быть применимы законы термодинамики. По законам термодинамики энергия стремится к равномерному рассеянию в пространстве, а структура Вселенной — к упрощению (увеличению энтропии). В живых организмах процесс направляется в противоположную сторону — к накоплению энергии, к усложнению структуры. Культура служит механизмом для обуздания, «запрягания» (harnessing) энергии, т. е. для связывания ее в целях использования.

И Уайт формулирует «*основной закон эволюции культуры*»: «культура развивается вместе с возрастанием количества энергии, ежегодно обуздываемой на душу населения» (он есть уже в первой его книге 1949 г.). А средство обуздания — технология. При равной энергии прогресс зависит от развития техники.

Он даже предложил формулу на манер физических:

$$C = E + T,$$

где C есть culture, E — energy, T — technology.

Технологический аспект культуры у Лесли Уайта воздействует на другие ее аспекты — социологический, идеологический, сентиментальный (аспект чувства). Эту позицию можно определить как *технологический детерминизм*. Тут у Уайта близкое к марксизму понимание механизмов построения общества и механизмов развития культуры. Близкое, но отнюдь не совпадающее. У Маркса, как известно, практически вообще понятие культуры отсутствует в системе категорий исторического материализма, тогда как у Уайта это ключевое понятие. У Маркса базис воздействует на надстройки, но под базисом имеются в виду производственные отношения, поскольку именно они находятся внутри общества как системы. У Уайта же воздействие осуществляют непосредственно производительные силы, и то не все — без самих людей.

Стадии развития культуры разделены у Уайта революциями. В первобытное время единственной рабочей силой был сам человек, в единицах измерения энергии это 1/20 лошадиной силы. Затем следуют три революции: 1) аграрная, 2) топливная, 3) термоядерная. История человечества у Уайта есть, прежде всего, история техники.

Уайт измеряет общественный прогресс 1) количеством обуздываемой за год энергии на душу населения, 2) эффективностью технологических средств, с помощью которых энергия обуздывается, 3) количеством производимых продуктов и услуг. Советский этнограф Юлия Аверкиева (1979: 208) едко замечает: «Он измеряет эволюцию культуры в лошадиных силах».

Для советской науки было привычно измерять прогресс, конечно, положением общественного строя на пятиступенчатой лестнице социально-экономических формаций. Капитализм выше феодализма, социализм выше капитализма и т. п. Но население социалистической Камбоджи уменьшилось на много миллионов человек всего за несколько лет социалистического правления — неужели это прогресс? Если же как-то измерять качество жизни, то и подавно социалистические страны не выдерживают проверки на прогрессивность.

Однако все эти измерения прогресса совершенно не учитывают успехов в социальной организации и в достижении гуманной морали, а они нередко гораздо важнее для людей.

В последней книге (1975) Уайт изменил представления о роли культуры. Прежние были чересчур телеологичны и оптимистичны. Всё равно, что считать функцией Земли — служить человечеству, кормить и поить его и т. п. Иллюзия жила, пока Уайт, подобно большинству антропологов, занимался первобытными культурами, дописьменными. Там можно видеть взаимную поддержку, кооперацию, равенство, законы гостеприимства. Словом, культура выступает как благожелательный опекун человечества.

С переходом к классовому обществу проявляются ее деструктивные начала. Культура оказывается фатальной, неуправляемой силой, схожей по масштабу со стихийными катастрофами — геологическими и космическими. Именно от культуры

исходит уничтожение природы, опустошение целых местностей, загрязнение природной среды. С помощью достижений культуры происходит взаимное массовое уничтожение людей. С этими печальными констатациями Уайт ушел из жизни.

10. «Многолинейный эволюционизм» Стюарда. Джулиан Х. СТЮАРД (Steward, 1902–1972) младше Уайта на два года и умер на несколько лет раньше. Практически они прошли по жизни параллельно, но эволюцию Стюард стал пропагандировать позже, чем Уайт, и не столь беззаветно.

Студент Крёбера в Калифорнийском университете, в Беркли, он в молодости, как и положено воспитаннику ученика Боаса, опровергал Моргана — его идею матриархата и его эволюцию семьи (впрочем, эти положения Моргана и Уайт не принимал). Заинтересовался же он темой воздействия среды на развитие культуры и формированием в связи с этим разных регионов развития культуры.

Стимулом к этим размышлениям послужили работы Витфогеля. Китаист Карл ВИТФОГЕЛЬ (Wittfogel, 1896–1987) взялся за проблему, поставленную еще Карлом Марксом. Маркс выделил для первобытной эпохи «азиатскую формацию», явно как локальную. Карл Витфогель постарался выяснить, в чем своеобразие этой провинции. В книге 1938 г. «Теория ориентального общества» (на немецком языке) он построил так называемую *«гидравлическую теорию»*. На Востоке в засушливых странах кто владеет водой, тот владеет всем. Поэтому те, кто мог организовать ирригацию и владеть ее постройками и соответствующей речной территорией, оказывались властелинами всех, кто ею пользовался, и могли контролировать обширные пространства и массы людей. На этом основывался восточный деспотизм. В 1957 г. он дополнил эту теорию книгой «Восточный деспотизм».

Уже у Витфогеля сделан переход от частного китайского материала к теории, охватывающей весь Древний Восток и даже более поздние времена — вплоть до аллюзий к деспотическим режимам коммунистического Китая и СССР. Стюард организовал симпозиум для развития результатов Витфогеля (опубл. в 1955: «Ирригационные цивилизации: Сравнительное исследование. Симпозиум по методам и результатам в межкультурных закономерностях»). Еще раньше он возвел эту теоретическую конструкцию на более высокую ступень обобщения, написав статью «Культурная причинность и закон: опыт формулирования развития ранних цивилизаций», одновременную с первой книгой Уайта (Steward 1949). В то же время он стал редактором 6-томного издания «Руководство по Южно-Американским индейцам» (1946–1950).

В 1955 г. вышла его основная теоретическая книга «Теория культурных изменений» (Theory of culture change»). Речь тут шла об эволюции, но он пользовался этим термином неохотно — «за неимением лучшего». Он, признававший себя неоэволюционистом, боялся, что термин «эволюция» введет читателя в заблуждение, представит автора как однолинейного эволюциониста прежних времен, а он этого не хотел. Такой эволюции он чурался. Ведь он установил, что эволюция по-разному проходила в разных регионах, в разной среде, в разных природных условиях. Поэтому он придерживался теории *«многолинейной эволюции»* (то есть *множественности эволюций*).

Вообще его ученики различали три вида эволюционных теорий (Carneiro 1973):

1) т. *однолинейной эволюции* — это старики Тайлор и Морган, теория формировалась из философского обобщения сразу всего материала и принимала единые для всех стран ступени эволюции;

2) т. *универсальной эволюции* — Лесли Уайт, эта теория выводилась дедуктивно из неких общих принципов и выявляла общие для всего человечества законы;

3) т. *многолинейной эволюции* — Джулиан Стюард (и Чайлд), теория выводилась индуктивно из региональных результатов.

Стюард считал, что обобщать можно, но лишь после отдельного исследования каждого конкретного варианта. Уайт язвит по этому поводу: Джулиан Стюард «принимает эволюцию поштучно», он похож на человека, который готов признать, что эта река течет с горы и та река течет с горы, но боится признать, что реки текут с гор.

На этой основе сложилось учение Стюарда о «*культурной экологии*», как видно по его книге «Эволюция и экология: очерки социальной трансформации» (1977).

Причины различий развития в разных регионах — воздействие природной среды, к которой культура должна *адаптироваться*, ибо она и есть *средство адаптации человека к среде*. Как мы помним, это еще Чайлд провозглашал. А среда в разных регионах разная.

«Культурная экология» определяет процесс приспособления данной культуры к данной естественной среде. Культурная экология отличается от «человеческой экологии» и «социальной экологии»: те суть просто биологическое приспособление человека и общества к среде. А культурная экология объясняет различные особенности культуры.

Могло бы сложиться впечатление, что многолинейный эволюционизм больше *географический детерминизм*, чем эволюционизм. Однако это не совсем географический детерминизм. Географический детерминизм учитывает всю совокупность естественных особенностей среды, а культурная экология — лишь те ресурсы, от которых зависит существование данной популяции. Это мог бы быть *техно-средовой детерминизм*. Но выбор этих ресурсов определяется культурными факторами. Так, китайцы могли бы пить молоко, но не пьют. Татары могли бы есть свиней, но не едят. То есть зависимость от среды не прямая. Так что правильнее было бы определить этот детерминизм как *культурно-экологический*.

Такие регионы со своеобразной, отличной от других регионов культурой, в школе Боаса было принято называть «*культурными ареалами*» (этот термин часто применяется и до сих пор). Стюард предложил несколько иное понятие — «*культурный тип*». Там, в «культурном ареале», учитываются все элементы культуры, а здесь лишь совокупность некоторых избранных функционально взаимосвязанных черт, которые присутствуют в двух или более культурах, но не обязательно во всех. Выбор определяется поставленной проблемой. Культурный тип характеризуется чертами, которые образуют ядро культуры (core), возникают вследствие адаптации к среде и характеризуют одинаковый уровень интеграции. То есть здесь учитывается и динамика культурно-исторического процесса, диахроническое развитие.

11. Ученики Уайта и Стюарда. И Уайт, и Стюард по американскому определению — социо-антропологи, но, занимаясь эволюцией, они неизбежно разрабатывали преисторию, и, как пишут историки американской археологии Уилли и Сэблоф, «Уайт и Стюард имели больше влияния в археологии, чем в своей собственной отрасли» (Willey and Sabloff 1974: 182). Всё же учениками их были очень видные антропологи.

Ученики детализировали развитие культуры. Развитость культуры, ее место в поступательном ходе истории характеризуется *уровнем социокультурной интеграции.* Традиционные уровни: семья — племя — государство.

Двое учеников — ученик Стюарда Элман СЕРВИС (Service) и ученик Уайта Маршалл САЛИНЗ (Sahlins, род. 1930) разработали новую классификацию единиц социальной интеграции на разных уровнях, разных ступенях культурно-исторического процесса. Критериями послужили формы обмена и т. п. Существенным было введение между племенем и государством промежуточной ступени, которую они назвали «вождество» (в какой-то мере вождество соответствует «военной демократии» Энгельса). Схема получилась такой:

band — tribe — chiefdom — state (орда — племя — вождество — государство).

Это сформулировано наиболее полно в книгах Э. Сервиса «Первобытная социальная организация» (1962) и «Происхождение государства и цивилизации» (1975) и М. Салинза «Люди племени» (1968). Мортон Фрайд (1967) предложил иное членение, также применяемое: *эгалитарные* общества, *ранжированные* (с имущественным неравенством и неравенством статуса) и *стратифицированные* (с политическим контролем одного слоя над другим).

Учеником обоих лидеров, Уайта и Стюарда, был Марвин ХАРРИС (Harris, род. 1929). Это ему принадлежит термин и понятие «*культурный материализм*», выражающее философский аспект неоэволюционизма (Drew 1984). Основоположником этого философского течения он считает Маркса, но от Маркса берет только *материализм*, отвергая *революционность* и связанную с ней *диалектику.* В революционной партийности и ангажированности ему претят подтасовки фактов, необъективность, предубеждения, чуждые науке. В диалектике он видит всего лишь игру словами, хитрое выкручивание из трудных ситуаций, попытку уйти от противоречий философскими выкрутасами, метафизику. Гегеля, считает он, никто бы и не вспоминал сейчас, если бы Маркс не придал ему значения. «Гегель — это мартышка, взобравшаяся на плечи Маркса».

Однако, поскольку Харрис принимает *материальный детерминизм* — обусловленность духовной и социальной жизни материальными факторами, — убеждения его материалистичны. Он считает, что дальнейшее развитие материализм Маркса получил у Уайта и Стюарда, а сам он, Харрис, лишь усовершенствовал его. Усовершенствование заключается в том, что его детерминизм шире, даже чем *техно-средовой детерминизм* Стюарда. Харрис предпочитает говорить о «техно-экономико-экологическом детерминизме» или «*демо-техно-экономико-экологическом детерминизме*». То есть он придает главную роль в формировании культуры технике, демографии и экономическим отношениям. Всё это разные сферы культуры. Поэтому он считает возможным называть материализм неоэволюционистов вместо диалектического *культурным.*

Эти его заключения были сформулированы главным образом в его книге «Природа культурных вещей» (1964).

Через четыре года вышел его монументальный труд по истории антропологических учений — «Становление антропологической теории: история теорий культуры» (1968).

Одним из первых применений неоэволюционной теории американцев непосредственно к археологии было выступление Бетти Меггерс, ученицы Уайта. В 1960 г. в статье «Закон культурной эволюции как практический инструмент исследования» она переделала формулу Уайта, приблизив ее к идеям Стюарда. Исходя из того, что

в малых обществах нет других источников энергии, кроме человеческих, E в формуле культуры можно понимать не как Энергию (Energy), а как Среду (Environment). Формула получится:

$$\text{Культура} = \text{Среда} \times \text{Техника}.$$

А это значит, что любой археолог, способный реконструировать среду и технику, может определить по ним уровень культуры.

12. Кросс-культурный анализ неоэволюциониста Мёрдока. Одновременно с Уайтом и Стюардом в антропологии подвизался еще один крупный неоэволюционист, очень своеобразный. Джордж Питер МЁРДОК (Murdock, 1897–1985) учился и работал в Йельском университете, где работали Самнер и Келлер. Он старше Уайта на 3 года и начал свою карьеру ассистентом Келлера. Для него, как и для Уайта и Стюарда (и разумеется Самнера с Келлером) эволюция — центральная тема интересов. Он стремился выявить ее закономерности, видел антропологию номотетической наукой, но его не очень интересовала диахрония, поступательное развитие. Он не был историком. Его занимал вопрос, как эти законы выявить в синхронных срезах, сопоставляя разные регионы, разные культуры. В этом плане он ближе к структуралистам.

В 1945 г. вышла его статья «Общий знаменатель культур». Сопоставляя разные культуры, он устанавливал их сходства и пришел к выводу, что такие сходства неизбежны. Он сформулировал «*принцип ограниченных возможностей*» («*principle of limited possibilities*»). Суть его в том, что природа человека, условия внешнего мира, физические и химические возможности материала и т. д. налагают ограничения на действия человека, на его поступки, творчество и, следовательно, на изменчивость культуры. Она не безгранична. Самнер и Келлер учили: культура не варьирует бесконечно. Поэтому *культурные сходства* — не случайность, а *закономерность*.

Но Мёрдок делает тут оговорку. Природные ограничения применимы к некоторым областям культуры — к тем, где есть границы человеческим реакциям на вызовы среды, т. е. к конструкции вещей, к эксплуатации материальных ресурсов, к демографическим отношениям и т. п. А в других вопросах — нет. Язык, церемонии, фольклор, искусство, даже технические изобретения — здесь потенциальные возможности бесконечны. В этих сферах если есть культурное сходство, то его нужно объяснять диффузией.

Через четыре года вышла его теоретическая книга — «Социальная структура» (1949). Она одновременна с пионерскими работами Уайта и Стюарда, но продолжает традицию спенсеризма. Мёрдок полностью отрицает какие бы то ни было различия между биологической и социальной эволюцией (это против него и его учителей была направлена впоследствии критика Салинза). Обе они одинаково многолинейны, случайны и непредсказуемы — в этом он согласен со Стюардом, первая крупная книга которого вышла в один год с этой книгой Мёрдока. Эволюцию, пишет Мёрдок, «нельзя ни предсказать, ни предопределить, ни целенаправить».

Но есть законы эволюции. Эволюция идет в сторону равновесия. Изменения культуры — нарушения и восстановления равновесия. Нарушения происходят из-за воздействия природных условий, природа ведь меняется — климат, география, растительность, животный мир; меняются и местности, в которые попадают люди. А восстановление равновесия — это дело адаптации. *Эволюция культуры есть процесс приспособления (адаптации) человека к среде.* Тут Мёрдок тоже согласен со Стюардом.

Культуры образуются из разных устойчивых комбинаций одних и тех же элементов, число их ограничено. Меняются лишь их сочетания. Это еще один стимул сопоставлять культуры.

Все неоэволюционисты были исполнены пафоса научности, оптимизма в уподоблении антропологии естествознанию, по крайней мере, в методологии. Уайт выражал свои законы в формулах. Но у Мёрдока сциентификация антропологии нашла наиболее полное выражение. Свои сопоставления культур он поставил на базу статистики и комбинаторики, устанавливал статистические характеристики культурных явлений и проводил их корреляции.

Еще с 1937 г. он стал собирать материалы для статистического обследования культур — «*межкультурный обзор*» (cross-cultural survey»). Он старался выразить все данные о культурах полно и точно, в математических терминах. При этом, как и подобает неоэволюционисту, он с презрением отзывался о предшественниках — Боасе и его школе. Те требовали сравнивать культуры только как цельные единства. Мёрдок же заявлял, что сравнивать имеет смысл, только расчленив на элементы, по элементам. Утверждать, что можно сравнивать культуры только в целом — значит утверждать, что они не сопоставимы вообще.

Его кросс-культурный обзор стал внушительным проектом и получил название «По-региональная Картотека Человеческих Отношений» (Human Relations Area Files — HRAF). К 1967 г., за тридцать лет работы, картотека разрослась чрезвычайно. Она содержала описание св. 240 культур, почти полмиллиона страниц с данными, упорядоченными по явлениям, областям и культурам (хотя компьютеров еще не было в обиходе). Картотека хранится в Йельском университете, а микрофильмированные копии к концу 80-х были также во Франции, ФРГ и Швеции. Сейчас благодаря Интернету возможен более широкий доступ.

Первая часть картотеки — «Общее описание культур мира» — географическая: она делит человечество на 8 регионов, а те на субрегионы, внутри каждого — конкретные этнокультурные группы. Каждой присвоен код, в котором первая буква обозначает регион (Африку, Северную Америку и т. п.), вторая субрегион (обычно государство), а цифры — порядковый номер группы. Вторая часть — предметная: «Общее описание культурных материалов». Здесь сферам культуры и группировкам культурных компонентов соответствуют 79 разделов, каждый из которых делится на рубрики, обозначаемые тройным цифровым кодом: род явления, его вид и конкретная спецификация. Указав соответствующие коды обеих рубрикаций, исследователь может быстро получить ксерокопию или микрофильм всех собранных по этому вопросу данных с указанием времени сбора информации в поле, автора текста и его профессиональной квалификации по пятибалльной шкале, точно совпадающей с нашей школьной (от единицы до пятерки).

Выявляя законы по этим материалам, можно спутать сходства, обусловленные едиными законами, с теми, которые вызваны просто родством или контактом (*«проблема Гальтона или Гэлтона»*). Чтобы этого не произошло, Мёрдок и Уайт опубликовали в 1969 г. стандартную кросс-культурную выборку культур мира (World Ethnographic Sample) из 186 отобранных и проверенных (на взаимонезависимость) культур и стратифицированную выборку из 60 культур. Скажем, в 34 шкалах представлены сведения об обхождении с детьми — пеленание, техника ношения, отношение к плачу, наказания, церемонии и проч.

В журнале «Этнолоджи», основанном им в 1962 г., с 1967 г. Мёрдок начал публиковать «Этнографический атлас мира» (World Ethnographic Atlas). Это готовые

таблицы сведений по огромному числу обществ (более 1000). Материалы кодированы и сведены в 100 с лишним шкал, указывающих, представлено ли в данном обществе то или иное явление и в какой степени (по 6-бальной шкале). Правда, к неопубликованным таблицам доступа нет.

Теперь можно было устанавливать корреляции: где больше А, там больше (или меньше) Б, и т. п. В трудах Мёрдока содержатся не только материалы описательного характера, но и установленные корреляции между различными показателями в разных обществах. Корреляций множество, и они составляют почву для разного рода закономерностей, которые теперь можно обсуждать на основе точных данных. Так, сон мальчиков до позднего возраста в одном помещении с матерью и патрилокальность поселения связаны с инициациями, матрилокальность поселения — с кувадой, и т. д.

Отношения между этими данными Мёрдок исследует и сам, формулируя их в виде теорем и аксиом. Тут он сталкивается с критикой. Харрис, например, заявляет, что его теоремы и аксиомы бессодержательны, не связаны с реалиями. Он предлагает различать формулы по содержанию: последовательность во времени, причинную зависимость и предсказательные возможности корреляций. Мёрдок их отождествляет, а это разные вещи. Как и все сциентизаторы, Мёрдок несколько механистичен (Coult and Haberstein 1965; Erasmus and Smith 1967; Naroll 1970).

Но, так или иначе, корреляции проделаны, представлены и являются достоверными данными, которыми можно пользоваться, их можно обсуждать. Труд жизни Мёрдока грандиозен. Это сильное продвижение по пути сциентизации некоторых сфер культурной антропологии. Аналогичного труда в археологии пока нет.

13. Роберт Брейдвуд и неолитическая революция. Хотя неоэволюционисты-антропологи имели огромное влияние на американскую и всю мировую археологию, сами они археологией мало интересовались. Чайлда они практически не замечали. Иное дело американские археологи, особенно занимавшиеся Ближним Востоком и ездившие туда в экспедиции. Развитие и реализацию идей Чайлда на археологическом материале осуществили два американца, два Роберта — Роберт Брейдвуд и Роберт Эдамс, а третий американец, Ричард МакНиш, развивал идеи Стюарда.

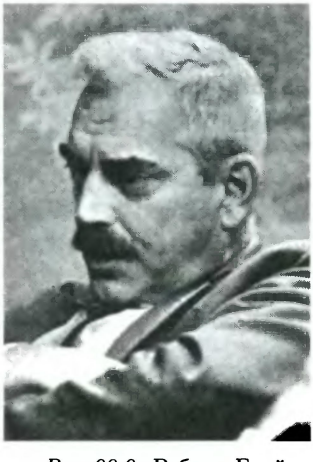

Рис. 28.2. Роберт Брейдвуд (Braidwood 1972: 43).

Роберт Джон БРЕЙДВУД (Robert John Braidwood, 1907–2004, рис. 28.2) сын фармацевта из Детройта, происходит из семейства с шотландскими корнями. Получив профессию архитектора в Мичиганском университете к 1929 г., он обнаружил, что в обстановке Великой Депрессии не может найти ей применения. Тогда он вернулся в университет, чтобы получить диплом по антропологии и истории искусства. В числе экзаменов, которые годились для этого, он решил избрать древнюю историю, как самый легкий предмет, но неожиданно для себя заинтересовался содержанием. Его преподаватель так восхитился иллюстрацией, которую молодой архитектор изготовил для своей курсовой работы, что пригласил Брейдвуда участвовать в экспедиции. Так в 1930–31 гг. Брейдвуд попал в Селевкию в Сирии (работы там велись зимой: летом слишком жарко), а с 1933 г. свя-

зался с экспедицией Восточного Института Чикагского университета (это соседний с Мичиганским) в Сирии.

Тем временем, в 1933 г. он окончил университет, в 1937 г. женился на Линде Шрейбер, и они стали работать вместе в экспедициях Восточного Института, которым в Чикагском университете руководил известный ориенталист Брестед. Это тот самый Брестед, который под влиянием Флиндерса Питри искал в Ираке древнейшую цивилизацию, давшую начало египетской, и которому принадлежит название для стран Ближнего Востока «Плодородный Полумесяц» (имеется в виду дуга, идущая от долины Нила через Палестину и Сирию к Месопотамии). Сначала это была Амукская экспедиция Генри Фрэнкфорта (Henry Frankfort, 1897–1954), у которого Брейдвуд учился. Фрэнкфорт, эмигрант из Голландии, копал в Египте, а после 1929 г. — в Ираке и пришел к выводу, что эти культуры совершенно различны, самостоятельны и не могут иметь общего происхождения. Поскольку Фрэнкфорт не был профессором, руководить диссертацией он не мог. Он посоветовал Брейдвуду обратиться к Чайлду в Эдинбург, и Брейдвуд отправился в Шотландию. Чайлда застал на раскопках и получил согласие, но тут умер Брестед, Фрэнкфорт был назначен профессором и смог руководить диссертацией Брейдвуда. Однако добрые отношения с Чайлдом остались, и Брейдвуд попал под его влияние. Кроме определяющего влияния Чайлда, Брейдвуд впоследствии также находился под впечатлением работ Гаролда Пика и Герберта Флёра (их книга «Крестьяне и керамисты» была опубликована в 1927 г.) и Грэйема Кларка («Доисторическая Европа» 1952 г.). Интересовался он и междисциплинарными экспедициями С. П. Толстова в Средней Азии.

В 1938 г. работы в Амуке окончились (опубликованы они будут только в 1960 г., через 22 года) и 31-летний Брейдвуд с женой были зачислены студентами в Чикагский университет, где посещали семинар Фрэнкфорта и лекции историка Древнего Востока Олмстеда, в 1943 Брейдвуд защитил диссертацию. Никакие раскопки на Ближнем Востоке вести во время войны не было возможно, и Брейдвуд немного поработал на раскопках в Мексике. Как он пишет в воспоминаниях: «Притягательность, которой ранние народы Ближнего Востока обладали для меня, не распространялась на обитателей Американского Юго-Запада. Не знаю, почему» (Breadwood 1989: 92).

Тогда между мезолитической натуфийской культурой и неолитическими Сиалком, Хасунной, Амуком, Иерихоном IX и Фаюмом A был резкий разрыв. С 1946 сохранилась схема Брейдвуда, на которой эта лакуна была изображена. Эту зияющую лакуну и заполнили раскопки Джармо. Брейдвуд был полон энтузиазма уловить начало неолитической революции Чайлда. Он понимал, что ее главный фактор — это доместикация животных и растений, а для нее нужны пригодные дикие формы. По разным данным (для растений они были выявлены еще Вавиловым) он предположил, что этот очаг находился не совсем в районе Плодородного Полумесяца, а где-то рядом, но это нужно было подтвердить археологическими фактами — датированными находками в стратифицированном поселении. В 1947 г. начались раскопки Брейдвуда в Джармо, ранненеолитическом поселении в Ираке. В Джармо Брейдвуд провел три полевых сезона, продолжавшихся с сентября по июнь. Но во время раскопок Джармо Брейдвуд старался придерживаться такого календарного плана: на один сезон полевых работ два года обработки материалов (так что три сезона, начавшись в 1947, окончились в 1955). Полная публикация результатов трех сезонов исследований в Джармо последовала лишь в 1983 г., т. е. через 28 лет после окончания полевых работ.

Сам Брейдвуд так сравнивал прежние экспедиции на Ближнем Востоке со своей. Прежние экспедиции выбирали для раскопок пункт, связанный с громким историческим названием, т. е. упоминаемый в Библии или других письменных источниках — site-name digging — «раскопки памятников-имен» — называет это Брейдвуд (Braidwood 1972: 48), стремились открыть дворцы, крепости и статуи, ну и, конечно, таблички с письменностью. Они нанимали сотни землекопов (иногда более тысячи), которые работали под наблюдением нескольких археологов. Брейдвуд же искал никому не известную деревню бесписьменного народа, чтобы ухватить начало земледелия и скотоводства. Он нанимал несколько десятков человек, а в сотрудничестве с ним работали в поле геоморфолог, палеонтолог (Фредерик Барт, впоследствии известный антрополог), палеоботаник, палинолог, специалист по радиоуглероду и микроанализам керамики, сам он специализировался по типологии керамики, а жена Линда — по каменным орудиям. Это была междисциплинарная (как у нас говорят, комплексная) экспедиция.

В третий сезон разгорелся спор за самое раннее неолитическое поселение между ним и Кэтлин Кеньон из Лондона, давно копавшей Иерихон в Палестине. В Иерихоне она установила самые ранние городские стены и докерамический неолит, получивший радиоуглеродную дату (еще не калиброванную) ок. 6000 лет до н. э., тогда как Джармо получил дату 4750 лет до н. э. Выходило, что Иерихон с его ранним урбанизмом опережал во всем Джармо. Последующие радиоуглеродные даты для Джармо расположились вокруг 6750 до н. э. (до калибрации).

В 1958 г. националистическая революция в Ираке сделала невозможными дальнейшие работы там. На рубеже 50-х и 60-х Брейдвуд провел один полевой сезон в Иране, тоже на нагорье. С помощью палинологов, реконструировавших растительность, Брейдвуд выяснил, что климатические условия начала неолита были в этих местах такие же, как сейчас, — дававшие условия для степной растительности. Это означало, что долинно-оазисная теория доместикации, выдвинутая Пампелли и принятая Чайлдом, не подтверждается. «Пока что эта теория почти вся — из догадок, и определенно остается ряд вопросов без ответа. Я скажу вам совсем откровенно: есть моменты, когда я чувствую, что всё это просто вздор» (Braidwood 1951: 85). Брейдвуд отверг энвиронментный детерминизм для Востока. Он считал, что стремление к усовершенствованию внутренне присуще человеку. Одомашнение животных и окультуривание растений происходило на нагорьях, окаймлявших Плодородный Полумесяц, где пригодные для этого животные и растения водились.

С 1963 г. Брейдвуд занялся раскопками еще одного раннего неолитического поселения, Чейёню в юго-восточной Турции, совместно с турецким археологом Халетом Чамбелом. По словам Брейдвуда (Braidwood 1972: 51), он увидел, что для западных археологов в условиях укрепления национальных суверенитетов не остается иных перспектив, как работать в совместных экспедициях с местными археологами. С его работ и раскопок Кеньон в Иерихоне началось выявление таких памятников, ныне уже покрывающих значительную территорию.

Он так проникся целями изучения «хозяйственной революции производителей пищи», что отказался от традиционной периодизации, основанной на системе трех веков. Взамен он изобрёл (1952 г.) собственную периодизацию и терминологию («эпоха присвоения пищи» и «эпоха производства пищи» с их подразделениями). Он даже запрещал своим студентам употреблять термины «мезолит», «неолит» и т. д., по крайней мере, применительно к Ближнему Востоку (Watson 1999). Даже «неолитическую революцию» Чайлда он переименовал в «сельскохозяйственную ре-

волюцию». В 1959 г. он выступил со статьей «Археология и эволюционная теория», в которой, связывая эволюционную теорию с идеями Дарвина, проследил ее судьбы в археологии от Мортилье до Чайлда.

Последний его полевой сезон был в Турции в 1989 г. Уже 80-летним он вместе с женой копал Чейёню. Умер Брейдвуд через полтора десятилетия в возрасте 94 лет от воспаления легких. Его постоянная спутница в экспедициях 92-летняя Линда умерла в тот же день от той же болезни.

14. Ричард МакНиш и археоботанические исследования. Междисциплинарность, свойственная экспедициям Брейдвуда, в еще большей мере была характерна для экспедиций Ричарда Стоктона МАКНИША (Richard Stockton MacNeish, 1918–2001; см. Flannery 2001; Flannery and Marcus 2001), который был моложе Брейдвуда на 11 лет и которого коллеги называли Стоки. Потомок мятежников из Нью-Джерси и внук владельца часовой фабрики, с детства он увлекся культурой майя и связался с Элфридом Киддером, позже стал заниматься археологией в университете Колгейта в Гамильтоне (штат Нью-Йорк). В 1938 г. он выиграл Золотую Перчатку по боксу в Бингхэмтоне (штат Нью-Йорк), но археология пересилила бокс. В 1939 г. перевелся в Чикагский университет, где попал под крыло Фей-Купер Коула и осваивал антропологию у Роберта Редфилда. По заданию Редфилда он делал рефераты о Рут Бенедикт, Эмиле Дюркгейме и Джулиане Стюарде. Именно работы Стюарда более всего впечатлили студента, а метод МакКерна он отвергал. Поработал и в Мичигане и много спорил с Гиффином.

Копал он в разных местах США, Канады и Мезоамерики, но с 1945 г. его раскопки сосредоточились в Мексике, в горных пещерах и долинах рек. С 1949 г. (по 1962) он работал от Национального музея Канады. В 1949 г., копая в каньоне Дьявола, он собрал и отправил экспертам свой не-артефактный материал из раскопок за несколько лет — кости, камень, уголь, почвы. Получил резко расходящиеся ответы. Для обгорелых початков кукурузы, обнаруженных при раскопках, выбрал одного, но крупного специалиста-палеоботаника из Гарвада, Пола Мангельсдорфа, а тот сказал ему, что для настоящего анализа нужны серии зерен и предложил ему организовать специальную экспедицию для их поисков в археологически опознанных слоях. Учением Стюарда о культурной экологии МакНиш был вполне подготовлен к осознанию значения данных о природной среде. В 1952 он сформулировал свои принципы междисциплинарного подхода к археологии:

1) изыскивать подходящих профессионалов-естественников;

2) посылать специалистам в достаточном для анализов количестве образцы, правильно взятые и снабженные полными сопроводительными записями;

3) специалисты эти должны побывать на раскопках и осмотреть район;

4) специалисты должны быть высшей квалификации и для их заинтересованности нужно давать им право на публикацию своих результатов;

5) в конце работы созвать конференцию специалистов разного рода для обсуждения палеоэкологических проблем.

Экспедиция в Тамаулипас была сформирована в 1954 г. и под конец включала палеоботаников, остеологов, геологов и других специалистов.

Так начались междисциплинарные экспедиции МакНиша, из которых особенно весомый вклад внесли его работы в долине Техуакана в Мексике (1960–1967, результаты опубликованы в 1974). Там МакНиш со своими сотрудниками-естественниками, раскопав 456 местонахождений, проследил процесс окультуривания растений — ма-

иса (кукурузы) и бобов на протяжении нескольких тысячелетий, внеся тем самым важный вклад в изучение перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Позже, уже в 1990-х он включил в свои исследования и происхождение риса в Китае.

МакНиш интересовался не только самими естественнонаучными данными, но и их использованием в культуре. Он недаром слушал функционалистов и исследователя крестьянской общины Редфилда. Жизнь докерамических общин он прослеживал не только диахронически, в их эволюции, но и по сезонам. Интересовался он и теориями, идеи системного подхода воспринимал только в том плане, что старался учитывать многие факторы воздействующие на культуру. Но основным стимулом к культурным изменениям считал демографический фактор.

Рис. 28.3. Скотти МакНиш у пещеры Кокскатлан в Мексике в 1979 г. (Antiquity 2001, 75 (287): 11).

За сорок лет карьеры МакНиш, как он подсчитал, провел 5683 дня на раскопках (рис. 28.3). В 1964 г. он основал кафедру археологии (первую в Америке отдельную по археологии) в университете Калгари в Канаде. С 1968 по 1983 г. он был главой фонда Пибоди по археологии. С 1986 по 88 гг. он работал на новоучрежденной кафедре археологии Бостонского университета — тоже первой, но уже в США.

Задачей археологии он считал по старинке «реконструкцию способа жизни древних людей и построение этих исчезнувших культур в историческую последовательность» (MacNeash 1978: XI). Это он пишет в своих мемуарах. О Сполдинге он там пишет, что тот «протестовал против всего, что мы делаем». Сполдинг издевался над археологами, которые считают что единственной задачей археологии является доставлять археологам счастье» (Spaulding 1953b: 590). МакНиш упрямо утверждает, что «наверное, это реальное «благо» от археологии — личное удовлетворение» (MacNeash 1978: XII).

В конце жизни он много болел, перенес инфаркт, но погиб не от болезни, а от автомобильной аварии в горах Майя.

Как Брейдвуд, так и МакНиш показали, что неолитическая революция была значительно более растянута во времени (до нескольких тысячелетий) и более постепенной, чем это представлял себе Чайлд. И в этом смысле название революции, введенное Чайлдом не без влияния марксизма, становится условным. МакНиш кроме того показал, что в Америке неолитическая революция (или, как Дэниел поправил его, «скорее неолитическая эволюция» — Daniel 1965: 83) произошла самостоятельно, а не перенесена из Старого Света, и конечно, это был успех эволюционизма.

15. Роберт Эдамс и судьба городских цивилизаций. Еще один археолог-неоэволюционист, можно сказать лидер неоэволюционистов в археологии Америки, Роберт МакКормик ЭДАМС (Robert McCormick Adams, 1926–, рис. 28.4), тоже работник Восточного Института Чикагского университета, моложе Брейдвуда на 11 лет. Он по интересам шире и теоретичнее Брейдвуда (Yoffee 1999). Его привлекла не только эволюция сельского хозяйства, но и эволюция ранних государств и

городов, цивилизаций в целом. Если Брейдвуда мало привлекали американские цивилизации, то Эдамса занимали и они. На сравнении Центральной Америки и Месопотамии (независимых друг от друга очагов) он стремился вывести общие закономерности, следуя Эггану (Eggan 1954). Кроме того, если Брейдвуд интересовался возникновением цивилизаций, то Эдамса больше интересовал их коллапс, распад. Возможно, сказалось то, что он формировался в условиях кризиса всей мировой политической системы с наступлением атомного века.

Рис. 28.4. Роберт Эдамс (Yoffee 1999: 792).

Уроженец Чикаго, он еще мальчиком участвовал в естественнонаучных играх в Нью Мексико, во время которых посетил много древних памятников. В 1943 г. поступил в Массачусетский Технологический Институт изучать физику, но шла война, и уже в следующем году он был зачислен во флот радиотехником. Война окончилась прежде, чем он вышел из «учебки», но 19-летнего солдата отправили в Шанхай, где он служил на эсминце в береговом патрулировании. По закону о льготах для молодых ветеранов он поступил в Чикагский университет, но уже на социальные науки — экономику, историю и антропологию, одновременно работая на сталелитейном заводе с подвижной сменой — лекции мог посещать из трех недель две, участвовал в рабочем движении.

В 1950 г. Линда и Роберт Брейдвуды, планируя свой второй сезон в Джармо, пригласили его на место выбывшего студента-участника, пригласили как хорошего техника, который сможет ремонтировать машину в случае поломки. Так он перенесся из сталелитейного цеха под Чикаго в Иракский Курдистан. В экспедиции он подружился с молодым Фредериком Бартом, который, имея образование биолога, переориентировался на социальную антропологию. Вместе они посещали соседнюю курдскую деревню, изучая жизнь крестьян, и Барт убедил Эдамса перейти в Университете на антропологию (напоминаю, у американцев она включает и археологию). Повлияли на Эдамса и антрополог Фред Эгган, специализировавшийся на сравнительном методе, и, разумеется, Роберт Брейдвуд, а от Брейдвуда Эдамс заразился интересом и почтением к Чайлду и даже успел еще съездить к нему в Англию, проведя с ним целый день незадолго до его отъезда в Австралию. Важным для формирования Эдамса как ученого было также влияние переселившегося из Дании шумеролога Торкила Якобсена, ставшего директором Восточного Института в Чикаго и занимавшегося также философией истории, и американского археолога Гордона Уилли, проводившего разведки в Перу и изучавшего демографию и характер расселения.

Свою дипломную работу Эдамс защитил в 1952 г. по керамике Джармо, степень получил в 1956 г. После короткой экспедиции в Мексику он вернулся в Ирак на самостоятельную полевую работу. Монархическое правительство Ирака в это время уже столкнулось с народными выступлениями против крупного землевладения, державшего весь народ в нищете, и решило избежать передела собственности улучшением сельского хозяйства на существующих участках. Потекшие в страну нефтедоллары позволяли это предпринять. Правительство запросило ученых, почему некогда плодородные земли стали засоленными и непригодными для сельского хозяйства — как этого избежать? Требовалось обследование древних поселений. Пригласили Торки-

ла Якобсена как эксперта, но тот, уведя молодую жену у Сетона Ллойда, был занят личными делами и передал это поручение Эдамсу. Эдамс совместно с иракским архитектором Фуадом Сафаром провел в поле 10 месяцев, изучая поселения вдоль древней сети водных артерий и применяя аэрофотосъемку.

В 1955–56 появилась его статья в сборнике Джулиана Стюарда «Ирригационные цивилизации», а в 1958 г. его совместная с Торкилом Якобсеном статья в журнале «Сайенс», привлекшая всеобщее внимание. Якобсен установил, что в III тыс. до н. э. на этих землях господствовало смешанное земледелие пшеницы и ячменя, а в начале II тыс. перешли только на ячмень. Интенсивное использование монокультуры привело к истощению почв и засолению, а это имело следствием передвижку политических центров из южных районов Месопотамии в центральные. Эдамс объяснил, как происходило засоление почв. Смена посева и оставления земли под паром позволяла земле промываться дождями, и соль, приносимая весенними паводками, уходила в грунтовые воды. А как только перешли к ежегодным посевам, соль стала оседать выше уровня грунтовых вод, образуя панцирь, непроницаемый для подпитки корней грунтовыми водами.

Его разведка в районе Дияла к востоку от Багдада показала, что преисторические и раннеисторические поселения древней Месопотамии располагались по течению постоянных рек, и никакой сильной власти не требовалось для поддержания в порядке сети малых каналов от этих рек. Хотя письменные источники величают города-государства III тыс. «могучими», на деле это были маленькие городишки, и весь облик страны был сельским. Сильная централизованная власть позднеантичного времени и ранних арабских халифатов устроила большие каналы, началось интенсивное земледелие, и земли быстро истощились и засолились. Когда эти государства пали, некому стало поддерживать большие каналы в рабочем состоянии, и всё пришло в запустение. Заброшенность полей и городов была результатом не природных, а социополитических факторов. Результаты были опубликованы Эдамсом через 10 лет, в книге 1965 г. «Земли за Багдадом».

В 1958–59 и в начале 60-х годов Эдамс опять копал в Мексике. Хотя с начала 60-х он стал профессором Чикагского университета и директором Восточного Института, он снова работал в Ираке, копая Урук совместно с немцем Гансом Ниссеном, а с 1967 г. поселился в Багдаде со всем семейством (женой и тремя детьми). Но при возросшей политической напряженности в Ираке ему всё реже удавалось получать разрешение на полевые работы (особенно смущало власти его прежнее участие в аэрофотосъемках), поэтому он работал то в Иране, то в Сирии, то в Саудовской Аравии. Только в 1973 г., уже будучи деканом факультета общественных наук в Чикаго, он смог выехать в поле в Ираке и работал там до 1977 г. Продлить это разрешение не удалось.

Тем временем в 60-е годы вышли его основные труды, сделавшие его знаменитым. Это его большая статья в сборнике 1960 года «Неодолимость города» (подзаголовок сборника: «Симпозиум по урбанизации и культурному развитию на Древнем Ближнем Востоке»)) и в том же г. еще и статья «Происхождение городов» в журнале «Сайентифик Американ»), а также книга 1966 г. «Эволюция городского общества». Как видим, упор сделан на городскую революцию Чайлда.

Статья в сборнике «Неодолимость города» называлась «Эволюционный процесс в ранних цивилизациях». В ней Эдамс выяснял, какие следствия имело интенсивное землепользование в разных условиях, и привлекал этнографические аналогии для выводов о социальном устройстве. Он прослеживал, как крупные государства рас-

падаются на семейные общины; показывал, что пластичность и приспособляемость родоплеменных групп к трудным природным и политическим условиям очень велика.

Книга 1966 г. «Эволюция городского общества: Ранняя Месопотамия и предиспанская Мексика» стала классикой. Как показывает подзаголовок, это сравнительный анализ двух независимых очагов городской революции. Книга показала, что социальные антропологи, даже столь выдающиеся, как Уайт, Стюард, Салин, Сервис, Фрайд) не имеют возможности проверить свои выводы об эволюции на материале, тогда как археология дает такую возможность. Эдамс показал, что гипотеза Витфогеля о крупномасштабной ирригации как экономической базе восточного деспотизма не подтверждается. Он показал, что такая ирригация была не причиной, а следствием возникновения деспотических государств. Один из его основных выводов — что «рост общества больше обусловлен его историей, чем непосредственным воздействием природных условий».

В 1972 г. к этому труду Эдамс добавил книжку о ранней урбанизации в Месопотамии: «Сельская периферия Урука». Он показал, что после коллапса самых ранних небольших городов Месопотамии и превращения ее в сельскую местность наступил новый перелом: население раннединастического периода (сер. III тыс.) было сугубо городским. Но дальнейшая централизация и ирригация имели негативный эффект: когда район стал объектом выкачивания средств для дальних деспотов, государства уже не могли поддерживать в порядке систему каналов и произошло заболачивание местности. Так что общий вывод — *дестабилизирующее воздействие сверхцентрализованной власти.* Вот был урок для новых лидеров арабских стран. И не только для них. Как вы знаете, у нас тоже были любители строить большие каналы. Правда, у нас книги Эдамса не читали.

В статьях первой половины 70-х годов Эдамс всё больше отходил от представления о сугубой постепенности эволюции, характерного для Брейдвуда, и убеждался в спазматичности процесса: периоды стабильности сменяются сильными и сравнительно быстрыми сдвигами.

В 1981 г. Эдамс издал книгу «Сердцевина городской цивилизации» («Heartland of cities»), основанную на его разведках 1968, 1973 и 1975 годов в Ниппуре и на юге Месопотамии. В книге он постарался разгадать Месопотамский парадокс: почему регион, бывший очагом самых ранних городских цивилизаций мира, в наши дни предстает совершенно пустынным. Вполне в духе «длинного времени» Броделя он прослеживает взаимодействие климатических изменений, землепользования и социально-политических сдвигов на протяжении семи тысячелетий. Он описывает возникновение первых городов в конце урукского периода и развитие первого преимущественно городского общества в раннединастическом I. Затем в уже разработанном ключе описывает, как сверх-централизованные государства поздней античности и Сассанидского периода провели большие каналы, от которых стало зависеть всё хозяйство, и пластичность системы пастушески-городского сосуществования исчезла. Скоро земля была заболочена на юге, засолена на севере Месопотамии. Таким образом, вся исследовательская деятельность Эдамса была нацелена на жизненные проблемы современности.

В 80-е годы он был проректором Университета, а с 1984, переехав в Вашингтон, стал директором Смитсоновского института, головного учреждения Американской антропологии. А жена его, Рут, редактировала журнал американских атомщиков и была активным участником движения за ядерное разоружение и разрядку. В это время Эдамс, встревоженный нависшими над миром угрозами, написал ста-

тью «Контексты цивилизационного коллапса» в сборник 1988 г. «Коллапс древних государств и цивилизаций». А потом вообще занялся проблемами современного общества, выпустив в 1996 г. книжку «Пути огня: Исследование антропологом техники в формировании современного Запада». Это исследование роли материальной культуры, науки и техники в истории Европы. Это были размышления не столько над загадкой, мучившей Чайлда — о причинах, по которым европейцы вырвались вперед, — сколько о дальнейших перспективах.

16. Предварительный итог: эволюционизм и неоэволюционизм. Теперь самое время выяснить, чем же отличается неоэволюционизм от классического эволюционизма XIX — начала XX века.

1. Классический эволюционизм был основан на философии позитивизма и ориентировался на биологию. Новый эволюционизм проникнут материализмом и многое заимствовал из марксизма, а из природы интересуется экологией.

2. В старом эволюционизме исследователя, прежде всего, интересовали психологические мотивы событий. Неоэволюционизм на их место поставил социально-экономические проблемы.

3. Девизом классического эволюционизма была постепенность изменений. Неоэволюционизм заговорил о революциях, хотя и не политических.

4. Для классических эволюционистов развитие рисовалось однолинейным — во всех странах по единому образцу. В новом эволюционизме оно видится многовариантным, везде по-разному, хотя и с некими общими характеристиками и законами.

5. Для придания своим заключениям объективности классические эволюционисты упирали на массовость материала, на регулярности (повторительность) и ограничивались скромным введением статистики. Неоэволюционисты склонны к более радикальной сциентизации — уподоблению антропологии и археологии точным наукам, физике: они вводят теоремы, аксиомы, формулы.

17. Французский неоэволюционизм: Андре Леруа-Гуран. Как правило, концепцию неоэволюционизма ограничивают Соединенными Штатами. Рассматривают как типично американское течение (относя Чайлда наполовину к диффузионизму, наполовину к марксизму). Между тем свои представители были и в других странах. Здесь, прежде всего, должен быть назван выдающийся французский антрополог, этнолог и археолог Андре Леруа-Гуран (Audouze 2003).

Андре-Жорж-Леандр ЛЕРУА-ГУРАН (André-George-Léandre Leroi-Gourhan) несколько младше американских столпов неоэволюционизма. Родился в 1911 г., умер в один год с Мёрдоком — в 1986. Между этими датами прошла жизнь, чрезвычайно насыщенная работой в трех дисциплинах — физической антропологии, этнологии и преисторической археологии.

Осиротев во время Первой мировой войны, он воспитывался у родителей матери и добавил к отцовской фамилии Леруа девичью фамилию матери Гуран. Четырнадцати лет оставил школу и поступил работать в магазин. Образование получал самоучкой и посещая лекции в Парижской Антропологической школе. В начале 30-х гг. он окончил Школу восточных языков по русскому и китайскому языкам. Выбор языков говорит о его интересе к социалистическим странам. К России питал особые симпатии с юности — любил переодеваться в «казака», т. е. в черкеску (снимался в черкеске как в юности, так и уже пожилым), играл на балалайке. Посещал семинар Марселя Мосса, ученика Дюркгейма. В 1936 г. вышла его работа по палеолиту

«Культура охотников на оленей». В 1937 поехал (с женой) в Японию изучать айнов, пробыл там почти три года, выучил японский язык и привез оттуда материал для защиты диссертации по археологии северной части Тихого океана. Но в 1954 г. защитил также диссертацию на степень доктора естественных наук. Во время войны был активным участником Сопротивления, работал профессором общей этнологии и преистории в Лионе до 1956 г., потом вернулся в Париж и был профессором Сорбонны до 1968 г. и Коллеж де Франс до 1982.

Работы его по археологии очень известны. Это «Религии палеолита» (Leroi-Gourhan 1964) и «Преистория западного искусства» (Leroi-Gourhan 1965). Что касается идейной направленности его работ, то обычно его относят к структуралистам, хотя сам он против этого решительно возражал. Можно усмотреть в его археологических работах нечто общее со скептической школой, что-то роднит его с таксономистами, но, как мне представляется, его фундаментальные антропологические труды явно проникнуты идеями неоэволюционизма.

Общим проблемам эволюции человечества посвящен его капитальный труд «Эволюция и техника» — 2 тома, вышедшие во время войны, в 1943–1945 гг. Автор занят главным образом прослеживанием эволюции материальной культуры. Он начал собирать материалы по технологическим процессам с 1935 г. — почти одновременно с началом сборов Мёрдока — и ко времени войны собрал до 40 тысяч карточек. Он полагал, что исследует новую отрасль знания — *«техноморфологию»*.

Первый том — «Человек и материя». В биологической эволюции развитие идет по пути, детерминированном средой. Это она накладывает ограничения на количество форм, между которыми эволюция может делать выбор (поссибилизм). В истории же культуры проявляется «технический детерминизм»: материал и функциональное назначение накладывают такие же ограничения. Почти везде, где есть условия для появления некоторой формы, она появляется. Общие тенденции могут порождать одинаковость форм. Тут закономерность. Как Кювье восстанавливал по одной кости весь скелет вымершего животного, так этнограф и преисторик могут по части орудия восстановить его полностью и определить способ его употребления. Как видите, своим *техническим детерминизмом* Леруа-Гуран напоминает Уайта, своим *принципом ограниченных возможностей* — Мёрдока, и в обеих идеях он независим от своих американских коллег.

Классификацию вещей он производил по материалу и способам производства — по техническим операциям, которые для этого задействованы. Детализация — по формальным различиям, характерным для разных народов.

Второй том — «Среда и техника» состоит из двух разделов: «Техника добывания» (охота, рыболовство, скотоводство, земледелие) и «Техника потребления» (пища, одежда, жилище). Систематика опять же по операциям. В качестве субъекта технического прогресса Леруа-Гуран рассматривает этническую группу. Она имеет тенденцию концентрироваться, сохранять внутреннее сцепление — «напряжение». Если оно потеряно, группа теряет свою этническую обособленность. «Технические традиции — это шаткий фонд... Роль традиций состоит в том, чтобы передавать следующему поколению весь технический массив целиком, избавляя его от бесполезных опытов...». Но технические формы меняются.

«Моральный, религиозный, социальный прогресс постоянно ставятся под вопрос; мы не можем сказать, что мы очень улучшили моральное наследие первых христиан; тогда как технический прогресс неоспорим». При этом технические достижения, раз приобретенные, уже не теряются.

Законы развития техники, т. е. средств адаптации человека к среде, подчиняются общим закономерностям развития органического мира.

В этом труде, написанном на 5 лет раньше первых книг Уайта и Стюарда и одновременно с первой теоретической статьей Мёрдока, Леруа-Гуран высказывает очень близкие к американским мысли. Можно сказать, что он предвосхитил некоторые идеи Лесли Уайта и Стюарда и выступил одновременно с Мёрдоком.

Зато свой теоретический второй двухтомник по эволюции «Жест и слово» (1964–65) Леруа-Гуран выпустил позже, чем у Уайта и Стюарда вышли их вторые капитальные труды (у них это было в 1955 и 1959 гг.). Правда, работал над ним, естественно, раньше — в 1950-е годы. Этот труд посвящен материальному поведению человека, взаимосвязи физического развития человека и эволюции интеллекта, значению «социальной символики». Здесь он опять перекликается с Уайтом, но рассматривает этот вопрос значительно глубже и полнее. Он снова прослеживает именно эволюцию, а не историю — располагает факты хотя и в причинно-следственной связи, но не в хронологическом, а в логическом порядке.

В первом томе («Техника и язык») Леруа-Гуран рассматривает биологическую предысторию человека. Так же, как Уайт, он отвергает трудовую теорию происхождения человека. Прямохождение, а с ним освобождение руки от функций передвижения и передача ей хватательных функций высвободило от этих функций рот. Это создало условия для возникновения речи. Признаки зарождения речи — не в строении нижней челюсти, а в строении мозга. Свидетельством существования речи являются и орудия, ибо традиция их изготовления невозможна без передачи значительной информации с помощью речи. Это не совсем так, ибо некоторые животные обучаются в природе изготовлять весьма сложные постройки, пользуясь только инстинктами и наглядным примером — освоением опыта старших. Сам же Леруа-Гуран замечает, что на первых порах «техника, видимо, следует ритму биологической эволюции, и чопперы и бифасы составляют одно целое со скелетом».

Способов фиксации мысли два — изобразительное искусство и письменность. Исследуя древнейшие серии зарубок (мустьерские), Леруа-Гуран приходит к выводу, что «графизм начинается не с наивного воспроизведения реальности, а с абстракции», что древнейшие знаки передавали не формы, а лишь ритм и что это «символическая транспозиция, а не калька реальности». Аналогичным образом древнейшая письменность начинается не с пиктографии, как многие считают, а с идеографии. Линейное письмо начинается с попыток отразить числа и количества и известно только земледельческим народам. Письмо и язык развиваются параллельно, и только с изобретением алфавита письмо окончательно подчиняется звуковой речи, подстраивается под нее.

Сам он частенько выражал свою мысль почти пиктограммами — карикатурами и шаржами, изображая своих коллег на заседаниях в виде животных.

Во втором томе («Память и ритмы») автор рассматривает, как память передает от поколения к поколению *цепи операций* (chaînes opératoires) — у животных инстинктом, у людей языком. Благодаря ему создается социальная память — память как бы выносится за пределы индивидуального организма в социальный организм. Этнологи уже применяли понятие «цепи операций» для описания превращения сырья в изделия, а Леруа-Гуран перенес это понятие на археологический материал, различив в каменных артефактах разные операции этой цепи. Далее, он прослеживает, как всё разделяется. Сначала от руки и зубов отделились орудия, теперь

дошло дело и до экстериоризации языка и мозга — коммуникация и мыслительные операции (память и прочее) передаются электронике.

Наконец, он обращает внимание на «доместикацию времени и пространства». Время из естественно циклического становится абстрактным, разделенным на линейные отрезки. А пространство сначала было «*маршрутным*» (*itinérant*), воспринимаемым как трасса, дорога. Такое динамическое линейное восприятие (человек движется сквозь пространство) характерно для бродячих охотников-собирателей и скотоводов-кочевников. Это представление о пространстве сменяется «*радиальным*» (*rayonnant*): человек воспринимает пространство, как бы находясь в его центре, — как серию концентрических кругов, расходящихся от него; такое восприятие характерно для оседлых земледельцев и горожан.

Отношения между индивидами в обществе — господства и подчинения, дружбы и ненависти — выражаются, как и у животных, телесными сигналами, но над этим общебиологическим кодом выражения у человека возвышается мощная символическая надстройка. Она у человека экстериоризована не в общевидовой системе знаков, а в этнической — в украшениях и одежде, в позах и жестах, языке, искусстве. Однако сейчас идет процесс этнической дезинтеграции — в Африке интеллигенты непременно носят очки, даже если у них хорошее зрение, а галстук часто опережает рубашку. Есть тенденция к формированию макроэтносов и мало надежды на сохранение микроэтносов.

Каковы же перспективы эволюции по Леруа-Гурану? Прогресс будет сосредоточен в руках небольшой элиты. Они будут производить эталоны моды, поведения и идеалы для остального человечества. Мы идем ко всё большей экстериоризации социальной деятельности, т. е. она все больше выносится вовне. «Уже есть налицо миллионы людей, представляющих для этнолога нечто новое... Их участие в личном творчестве меньше, чем у прачки XIX века». Всё механизировано, хронометрировано, отчуждено от личности.

> «Зато их участие в общественной жизни даже больше, чем у их предков: через телевизор, транзистор они легко воспринимают весь мир; они присутствуют уже не при деревенском обряде, а при приемах великих мира сего, видят не свадьбу дочери булочника, а бракосочетание принцессы, смотрят футбольные матчи лучших команд континента и с самой выгодной позиции».

Однако у автора не указано, а чем, собственно, качественно наблюдение за свадьбой принцессы отличается от глазения на свадьбу дочери булочника.

Его футурологический пессимизм, высказанный опять же раньше Уайта (тот пришел к этому через десять лет), конечно, обусловлен реалиями пост-военного мира, индустриального общества и супер-урбанизма. Однако Леруа-Гуран оптимистичнее Уайта: положительную сторону этой перспективы он видит в грядущем устранении войн и политических границ. Сочувственно перелагая труды Леруа-Гурана и отмечая его слабую надежду на «регуманизацию», известный и талантливый советский этнограф профессор Сергей Токарев с неподражаемым высокомерием, возможно, напускным, замечает: «жаль, что он относит ее к неким абстрактным «людям», как бы забывая, что одно дело — «люди», живущие в капиталистическом обществе, а совсем другое — строители социализма и коммунизма» (Токарев 1973: 221). У этих, мол, совсем иная перспектива... Что ж, три десятилетия назад, в 1973 г., подобные оговорки были почти обязательны.

18. Неоэволюционист во Франции: глас вопиющего в пустыне. Я специально остановился подробнее на трудах Леруа-Гурана, чтобы было видно, что они ничем не слабее американских образцов. Но у американских лидеров, несмотря на отчаянное сопротивление среды, выросла мощная школа, и неоэволюционизм стал ассоциироваться с американской антропологией, а Леруа-Гуран так и остался одиноким маяком. Он не имел ни последователей, ни отзвука во французской этнологии и археологии.

Можно указать еще на одного французского этнографа и археолога, работавшего одновременно с Леруа-Гураном и пытавшегося сколотить в 30-е — 60-е гг. школу вокруг проблем эволюции, но с гораздо меньшими на то основаниями, чем у Леруа-Гурана. Это Анри Вараньяк (Henri Varagnac), ученик Брёйля, выступивший в 1963 г. со статьей «Археоцивилизация. Понятие и методы» в сборнике Курбэна «Археологические исследования», а в 60-е — 70-е годы издававший серию «Археоцивилизация». До этого он в 1938 г. выпустил книжку «Определение фольклора», а в 1948 защитил диссертацию «Традиционная культура и традиционное понятие «образа жизни».

Чтобы сопоставить социально-экономические системы разных эпох истории страны, он задался целью определить некоторые принципы и понятия эволюционизма. Для Вараньяка культурное явление не вполне регламентировано, но содержит преемственность и инновации. «Инновация» — понятие гораздо более широкое, чем «инвенция» (изобретение) ортодоксального эволюционизма: оно охватывает не только индивидуальные изобретения и коллективные открытия, но и заимствования, интересующие диффузионизм. Вараньяк предлагает различать два вида инноваций — «традиционные», являющиеся логическим продолжением и сохранением традиции (без них традиция не может адаптироваться к изменениям среды и умирает), и «революционные», ломающие традицию, как, например, аккультурация аборигенов при вторжении промышленной цивилизации.

Вараньяк и его сторонники (в частности Г. де Роан-Чермак) рассматривают «традиционные инновации» как мелкие количественные изменения (индивидуальные микро-инновации), которые, накапливаясь, приводят к качественному прогрессу в духе гегелевской диалектики. Это трудно признать гегелевской диалектикой, ибо количественные накопления и революционные скачки рассматриваются авторами порознь как движущиеся по разным каналам, вторые не вытекают из первых, а приносятся в эволюцию извне (скорее в духе диффузионизма). Преемственность признается авторами, но ее значение оказывается ограниченным, а радикальное изменение системы не обусловлено внутренним развитием.

В становлении цивилизации взаимодействуют разные структуры — энергетические, технические, социально-экономические, духовные, — и в этом взаимодействии ощущается борьба двух принципов — тенденции к интеграции и механизмов, гарантирующих стабильность каждой структуры, так сказать, консервирующих ее в старой, традиционной форме. Традиции особенно стабильны в сфере непроизводственной. Это обусловлено гетерогенным характером цивилизаций, особенно наиболее древних: цивилизация обычно состоит из структур разного стадиального возраста. Вараньяк в 1938 г. назвал этот феномен «археоцивилизацией».

Отсюда необходимость исследовать корни и понимание культурных явлений не только в современности, но и в прошлом, наводя мостики между различными эпохами, и нужно сравнивать современные культурные явления с аналогичными явлениями обществ, которые не дошли до того же уровня развития. «Каждый факт без аналогий должен вызывать подозрение» (Varagnac 1963: 226).

Такая интерпретация не открывает радикальных новшеств: преемственность документирована анахронизмами. Но, за их исключением, каков критерий согласованности явления с данным уровнем развития? Когда и где возможно распознать анахронизм? Вараньяк вводит идею правил согласованности между различными сферами социо-культурной системы: коллективные представления (понятие Дюркгейма и Леви-Брюля) должны соответствовать по содержанию и происхождению социальным структурам, технике и определенным энергетическим ресурсам. Эти последние рассматриваются как детерминанты и непосредственно. «Культурная энергология» Вараньяка смыкается с неоэволюционизмом Лесли Уайта и Леруа-Гурана: это принцип *техно-энергетического детерминизма.* В отличие от марксизма этот подход игнорирует роль экономических отношений (марксизм придает им решающее значение), выдвигая на их место производительные силы.

Концепция Вараньяка покоится на чрезвычайно абстрактных декларациях, иллюстрированных изолированными примерами, и утверждается страстным повторением звучных терминологических инноваций («археоцивилизация»! культурная энергология»! «диалектическая теория микроэволюций»!). Конкретная связь между «энергетическими структурами» и коллективными представлениями не исследуется и не аргументируется, методология сводится к общим принципам, операционализация минимальна. Вараньякку приходится сожалеть, что «во Франции недостаточно археологов, которые бы приняли этот взгляд» (Varagnac 1963: 222). Где уж им принять слабо сработанную концепцию Вараньяка, когда и гораздо более мощный призыв Леруа-Гурана остался гласом вопиющего в пустыне!

Вся французская этнология валом повалила не за Леруа-Гураном — за Леви-Строссом, а археология — за Бордом. Почему это так, трудно сказать. Тем более, что в других отношениях Леруа-Гуран оказался очень влиятельным в археологии, и сейчас можно сказать, что его школа полевой археологии палеолита стала основной во Франции. А вот с теориями не так.

Вероятно, это вообще вопрос об основе неэволюционизма в США. Что привело там к взрыву этих тенденций с середины 50-х? В стране, которая вышла самой сильной и могущественной из II мировой войны, естественны были настроения исторического оптимизма. С другой стороны, победа СССР над фашистской Германией и установление коммунизма в Китае, появление у русских спутника и атомной бомбы порождали у либеральной интеллигенции некоторую переоценку отношения к материализму, марксизму и дарвинизму. Одновременно конкуренция с СССР за первенство в мире, внешняя политика сдерживания и маккартизм внутри страны создавали атмосферу поляризации: либералы, поддерживаемые президентом Трумэном, против консерваторов и клерикалов.

Такого расклада не было во Франции, еще не оправившейся от недавнего поражения в войне, от позора Виши, и там трудно было ожидать таких настроений. Левые во Франции были в массе на стороне компартии, а у нее была своя перспектива истории. На ее знамени были не Спенсер или Дарвин, а Маркс и Ленин, а то и Мао Цзедун. Леруа-Гуран ведь и сам начал с увлечения Россией и Китаем.

Кроме того, в 1960-е годы и сам Леруа-Гуран отошел от активной разработки своих неоэволюционистских взглядов. Его новое увлечение рассмотрим в другой связи.

19. Советская археология: эволюция и марксизм. В СССР над проблемами, схожими с теми, которые подняли Брейдвуд и Эдамс, работал Вадим Михай-

лович Массон (рис. 28.5). Он родился в 1929 г. (т. е. на три года младше Эдамса). Сын ташкентского профессора археологии, специализировавшегося на археологии Средней Азии, и сам профессор археологии с той же специализацией, в 1954 г. В. М. Массон перебрался из Ташкента в Ленинград. Там он возглавил сначала сектор Средней Азии и Кавказа, а потом и весь восстановленный Институт истории материальной культуры. В послевоенные годы он раскопал Джейтун и другие неолитические телли Туркмении, а затем Алтын-Депе и другие телли энеолитической культуры Анау в Туркмении, некогда копавшейся Пампелли. С тех пор он много трудился над осмыслением этого и ряда более ранних и более поздних памятников Средней Азии («Неолитические земледельцы Средней Азии» 1962; «Средняя Азия — Древний Восток» 1964 и др.).

Рис. 28.5. В. М. Массон (из архива ИИММК).

В его теоретических работах (Массон 1976, 1990) много декларативных утверждений приверженности марксизму, есть попытки сформулировать теоретические положения марксистской археологии с ориентировкой на работы советских археологов 30-х годов. Но как только дело доходит до интерпретации конкретного материала, каких-либо принципиальных отличий от западных работ не обнаруживается. Это те же проблемы, те же способы их решения и те же выводы, которые характерны для работ неэволюционистов на Западе — Чайлда, Брейдвуда, Эдамса. Обобщающие книги Массона, в сущности, повторяют классические обзоры Чайлда и Грэйема Кларка, но в очень сжатом виде и в основном на среднеазиатском материале.

Даже последовательность изложения та же: марксистские обзоры материала обычно начинаются с производительных сил — орудий труда, у Массона же всё начинается с subsistence — обеспечения пищей, как у западных коллег, и даже главный рубеж в экономике древних обществ проводится между «производством продуктов питания» и «вне-пищевым производством». Это в западной науке наследие «теории полезности» в ценообразовании, которая натолкнулась на противоречащие факты: самыми дорогими оказывались не самые полезные продукты питания, а ювелирные изделия. Трудовая теория стоимости ввела свои критерии и другие рубежи в хозяйстве. Распределение хозяйства также противоречит этому делению: скажем, скотоводство поставляло и сырье для непищевой отрасли и продукты питания.

Большее воздействие марксизма ощущается лишь в том, что больше внимания уделено формированию социальных классов.

Массон провозгласил создание «социологической археологии», задачей которой является реконструкция древних социальных и хозяйственных систем на основе археологических источников. Создать «социо-археологию» или «социальную археологию» с теми же задачами до него уже предлагали норвежец Гутторм Ёсинг и другие западные авторы. Но, судя по тем закономерностям, которые предлагает изучать автор (а это закономерности развития самих социальных структур, а не материальной культуры, в которой они отражаются), у него получилась не «социологическая археология», а нечто другое. Получилась, так сказать, археологическая социология,

т. е. продолжение обычной исторической социологии вглубь времен на основе одного вида источников, а правомерность такого продолжения на резко суженной базе сомнительна. Да и не дело это археологов.

Класс купцов, по Массону, появляется (на схеме в книге 1976 г., рис. 8), когда «ведущей экономической формой становится денежная торговля по формуле Т — Д — Т» (Массон 1976: 91–92), т. е. товар — деньги — товар. Класс купцов не мог бы существовать при таком простом денежном обращении, так как не мог бы получать прибыль. Для характеристики деятельности купцов требуется всеобщая формула капитала Д — Т — $Д_1$, которая выражает и операции торгового капитала (купить, чтобы продать дороже). Возможно, археологу не обязательно знать Маркса или хотя бы учебник политэкономии. Но не знаешь — не применяй.

Вклад Массона в археологию и без того достаточно внушителен: прежде всего, он состоит в том, что Массон расширил первоначальный очаг неолитической революции на север и интенсивно исследовал самый северный район протогородских цивилизаций Плодородного Полумесяца.

Массон продолжил в СССР традицию Чайлда — Брейдвуда — Эдамса. Продолжения традиции Уайта и Леруа-Гурана у нас не нашлось.

20. Кризис неоэволюционизма. В обзорной статье, открывающей сборник 1989 г. «Археологическая мысль в Америке», Брюс Триггер одну из глав назвал «отступление от неоэволюционизма». Он констатирует его вытеснение системным подходом и изучением интеракций (взаимодействия) культур. Для 70-х годов он отмечает также распад процессуальной археологии, наследницы неоэволюционизма, и «плачевное возрождение Боасова партикуляризма» (Trigger 1989c: 25).

С середины 70-х годов, а особенно в 80-е и 90-е годы некоторые неоэволюционисты, опираясь на кросс-культурный анализ, выдвинули идею пересмотреть основные понятия неоэволюционизма. Что такое эволюция? Она рассматривалась как нарастание сложности. Они пришли к выводу, что развитие редко идет по этому пути, чаще по другим, и предложили определять эволюцию как просто изменение, структурное преобразование (Ф. У. Воуджет, голландец Х. Й. М. Классен). В связи с этим из оборота почти исчезло понятие прогресса. Включившиеся в этот поток молодые российские исследователи (А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Лынша), отошедшие от марксизма, поставили под вопрос не только однолинейность и многолинейность, но и вообще линейность процесса эволюции. Они считают, что прогресс всё-таки есть, но определяется он не техническими параметрами, а этическими понятиями (улучшение жизни), что критерии прогресса множественны и не коррелируют между собой. Поэтому невозможно установить линию или линии прогресса, а можно лишь выявить многомерное поле, в котором осуществляется развитие, везде по-разному.

Но весь пафос эволюционизма и неоэволюционизма состоял в утверждении единства человечества и прогресса, подъема по уровням. Эволюция для эволюционистов и неоэволюционистов имела смысл лишь в этом ключе. Размывание основных понятий и единых критериев означает таяние и исчезновение эволюционизма, будь то старый, классический, или новый — неоэволюционизм. То, чем занимаются эти исследователи, это уже не эволюционизм. Еще Боас, ярый антиэволюционист, заменял термин «эволюция» термином «изменение» («change»). Если «эволюцию» предлагают понимать «более широко» — как «изменение», то это, в сущности, то же самое. Эволюция прежнего толка превращается в частный (и редкий) случай изменения.

Вопросы для продумывания

1. Согласны ли Вы с тем, что Чайлд стал крупнейшим археологом мира (по крайней мере, в своем поколении) благодаря марксизму?

2. Помимо влияния марксизма, какие факторы могли сказаться во введении и быстром распространении понятия хозяйственно-культурных революций, какие события хозяйственной или политической жизни?

3. Как по Вашему, чем можно объяснить солидное положение Чайлда в Англии, несмотря на его декларированный марксизм?

4. Какая идеология лежит в основе Чайлдовского объяснения причин сложившегося превосходства европейцев над всеми народами — диффузионизм, эволюционизм, марксизм, расизм?

5. Почему работы Уайта и Стюарда особенно влиятельными оказались в археологии?

6. Что общего между вождеством Салинза и военной демократией Энгельса и в чем разница между ними?

7. Как по Вашему, почему в археологии нет труда, аналогичного указателю Мёрдока?

8. Носит ли периодизация, предложенная для археологии Брейдвудом взамен «системы трех веков», археологический характер или какой-то иной?

9. Каким политическим и экономическим силам на руку выводы Эдамса о гибельности сверх-централизованной власти для ранних городских цивилизаций?

10. Согласны ли Вы с причислением Леруа-Гурана к неоэволюционистам или нет? Мотивируйте свой ответ.

11. А чем бы вы могли объяснить, почему неоэволюционизм развился в основном в Америке, а в Европе (Англии, Франции, Россия) остался уделом одиночек?

Литература

Эволюционизм и неоэволюционизм: Daniel 1950, 1965, 1975; Eggan 1954; Schott 1961; Erasmus and Smith 1967; Horton 1968; Ross 1971; Wagar 1972; Willey and Sabloff 1974; Trigger 1989b.

Чайлд: Чайлд 1952; Childe 1935, 1949; Crawford 1926; Piggott 1958; Gathercole 1971, n.d; Leone 1972a; Clark 1976; Trigger 1979, 1980b, 1983, 1984b, 1984c, 1999; Green 1980; McNairn 1980; Tringham 1983; Sherratt 1989; Harris 1979; Klejn 1994; Greene 1999.

Уайт: Артановский 1963; Carneiro 1973; Binford 1973; Drew 1984.

Мёрдок: Coult and Habenstein 1965; Naroll 1970.

Леруа-Гуран: Токарев 1973; Audouze 2003; Audouze et Schnapp 1992; Coudart 1999.

Брейдвуд, МакНиш и Эдамс: Braidwood 1951, 1972, 1989; MacNeash 1978; Watson 1999; Yoffee 1999; Flannery 2001; Flannery and Marcus 2001.

Глава 29. СТРУКТУРАЛИЗМ

1. Введение. В 1971 г. в Шеффилде состоялся очень представительный семинар археологов с обсуждением совершавшейся революции в археологии — прихода Новой Археологии. Я был тогда невыездным и в этом семинаре мог участвовать только заочно — мне присылали все доклады, а я посылал свои выступления в прениях. Посылал с оказиями и по почте, обходя цензуру (интернета тогда не было). Я хотел тогда говорить о системном подходе, но единственный доступный способ сделать это был выбор темы «Марксизм и системный подход». Всё было опубликовано в толстенном томе в 1973 г. «Объяснение культурных изменений. Модели в преистории» под редакцией Ренфру.

Завершать этот семинар и том предложили старому английскому этнографу (социальному антропологу по английской терминологии) Эдмунду Личу. В своем заключительном слове он сказал, что самые современные археологические течения основываются на функционализме, который у социальных антропологов свой пик популярности прошел более трех десятилетий назад и почти покинут. А вот «парадигма, которая сейчас на вершине популярности у социальных антропологов, а именно структурализм, пока что вообще не настигла археологов. Не беспокойтесь, — уверил он, — настигнет!».

Поясняя разницу исходных позиций, он сказал: «Ранний человек функционалистов — это изготовитель орудий, а вот ранний человек структуралистов — существо, пользующееся языком» (Leach 1973: 762). Если так, то какою может быть роль археологов в исследовании такого человека? Что археологам делать в изучении языка?

Поскольку мой учитель по филологическому факультету В. Я. Пропп считался структуралистом, мне импонировало предсказание Лича, и я считал, что мои увлечения системным подходом близки к предсказанному магистральному руслу развития науки. Ведь что такое «система» и что такое «структура»? В *системе* ее компоненты получают новые свойства, которых у них не было в отдельности (целое больше сумы своих частей) — только такая совокупность компонентов и есть система. А *структура* это совокупность связей и отношений этих компонентов в системе. Понятия хоть и различные, но близкие.

Но Лич ошибся в своем анализе ситуации. Он просто слабо знал археологию Европы. Структурализм в археологии уже развивался давно, хотя и не был похож на писания идола западноевропейских культур-антропологов Леви-Стросса.

Структурализм нередко очень смутно себе представляют, либо подверстывая под него всякое употребление слова «структура», либо отождествляя структурализм с

Леви-Строссом — что есть у Леви-Стросса, то и структурализм: бинарные оппозиции, ментальные схемы, коды мифологии...

Чтобы понять, что принято считать структурализмом и какое место в этом учении занимает понятие структуры (Schiwy 1971; Мулуд 1973; Грецкий 1978), нужно рассмотреть, с чего начался структурализм и каковы его проявления в разных науках. Тогда будет ясно, какие явления в археологии можно с ними сопоставить, что заслуживает названия структурализма в археологии.

2. Зарождение структуралистских идей в лингвистике — Соссюр, Трубецкой, Якобсон. Фердинанд де СОССЮР (Ferdinand de Saussure, 1857–1913) — основоположник направления в лингвистике, которое после его смерти было названо *структурным*. В своем опубликованном посмертно курсе лекций Соссюр ввел различение: *язык* и *речь*. *Речь* — это поток слов в общении, речь бессистемна, нерегулярна, импровизационна, а *язык* как раз системен, организован, регулярен, язык — это *система* средств (*знаков*), делающих функционирование речи возможным. Любой язык — такая система, и есть системные характеристики языка вообще. Знаки регулярно привязаны к неким сочетаниям звуков, но связь между ними сугубо условная, произвольная, держится только традицией, и у каждого языка — своя. Язык — это не субстанция (не материал), это *форма*, учил Соссюр. В этом смысле структуралисты — формалисты.

Система знаков предполагает и сеть связей и отношений между ними самими, т. е. *структуру*. Язык функционирует как средство общения только благодаря *структуре*, т. е. наличию связей и отношений в системе. Отношения эти сводятся к противопоставлениям (*оппозициям*) между элементарными единицами. Благодаря этим противопоставлениям, т. е. благодаря своей структурности система различает и выражает некоторые смыслы. Структура — это единство, с помощью которого части целого упорядочиваются между собой. Примат отдается не элементам и не целому, а структуре — отношениям между элементами. При этом структура, изучаемая структуралистами, не очевидна. Это структура скрытая, выявляемая абстракцией — исследователь абстрагируется от специфики конкретной субстанции, в которой обнаруживает структуру.

Уже в своем «Курсе общей лингвистики» Соссюр развивал свое различение: в речи — *звуки*, ими занимается *фонетика*, в языке — *фонемы*, ими занимается *фонология*.

Основы фонологии разработал эмигрант из России князь Николай Сергеевич ТРУБЕЦКОЙ (Trubetskoy, 1890–1938, Пражская лингвистическая школа), тот самый, который зачинал евразийство. Элементы речи развертываются во времени — бессистемно. Элементы языка синхронны, поскольку он образует систему. Фонетика изучает всё богатство звуков, в том числе и *равнозначных* (*аллофонов*) — например, когда одно слово произносится с разным акцентом. Скажем, в английском bit звучит ли гласный близко к **и** или к **ы**, смысл слова не меняется. *Звуки* разные, но по смыслу однозначны. А вот различные *фонемы* придают слову разный смысл, хотя бы по звучанию и были столь же близки друг другу, как аллофоны. В близком по звучанию русском слове от замены **и** на **ы** меняется смысл слова: «бит» или «быт». В таких схожих по звучанию словах проявляется бинарная (двоичная) оппозиция.

Копенгагенский кружок (Луи ЕЛЬМСЛЕВ — Hjelmslev, 1899–1965, и Ханс Йорген УЛЬДАЛЛЬ — Uldall, 1907–1957) предложил различать в языке план содержания (означаемое, *designate*) и план выражения (означающее, *denotate*). Это был путь

к семантике, к обобщению концепции. Уже сам Соссюр предполагал расширение своей концепции на всю культуру: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а, следовательно, его можно сравнить с письмом, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д.»

В 1957 г. американский лингвист Ноэм Хомский (Noam Chomsky, 1928–) в книге «Синтаксические системы» выдвинул теорию *порождающей* грамматики. Исходя из того, что ребенок легко усваивает сложнейшую грамматическую систему любого языка, Хомский предположил, что в нашем мозгу изначально заложена некая *универсальная грамматика* (т. е. универсальная структура), которая позволяет усваивать грамматику любого языка, а затем порождать любые фразы речи. Изучать эту универсальную грамматику можно обобщением частных грамматик на основе психологии.

Таким образом, *структурализмом* стали называть такое изучение *языка*, при котором он понимается как *система знаков* и при котором изучение направлено на *структурные отношения знаков между собой*, а в самих знаках на *связи явлений материального мира (например, звучаний) со смыслами, значениями*, которые эта система им придает. Так что на выходе выступает и система понятий, смыслов, *символическая система*. Изучение выявляет *общие схемы* ряда частных систем и структур. Такое изучение игнорирует развитие, историю, конкретных персон, потому что изучает существующие взаимодействия и общие структуры. Структурализм изначально был признан возможным не только в изучении языка, но и *всякой знаковой системы в культуре*: письменности, сигнальных систем, обычаев, обрядов и т. п.

3. Провозвестник структурализма в культурной антропологии Ван Геннеп. Еще до кристаллизации лингвистического структурализма со схожими идеями выступил Арнольд ВАН ГЕННЕП (Arnold Van Gennep, 1873–1957) — голландец по происхождению, родившийся в Германии и обучавшийся во Франции, а работавший сначала преподавателем французского в Польше, а потом профессором этнографии и директором музея во франкоязычной части Швейцарии. Книгой, которая прославила его имя, стали «Обряды перехода» (1909).

В жизни каждого аборигена можно усмотреть прохождение одних и тех же основных этапов — рождение, половое созревание, брак, рождение детей, старение, смерть. Каждый этап оформляется в первобытном обществе определенными строго предписанными обрядами. Этот цикл проходят все, и каждый повторяет заново все положенные обряды.

Своим обобщением казусов и структурированием цикла, как и уходом от истории, любой циклизм и вообще близок структурализму, но Ван Геннеп подошел к нему еще ближе. Оказалось, что обряды всех этапов жизни аборигена имеют между собой очень много общего. Все они выполняют одну генеральную функцию, и все строятся по одной схеме, имеют *одну структуру*. Все они оформляют переход из одного состояния или места в другое и предназначены охранить индивида в этот опасный для жизни момент и обеспечить безопасность в новом состоянии или месте символическими действиями. Новое есть первоначально чужое, а все чужое враждебно и опасно.

Переход каждого порога оформляется специальными обрядами, и в каждом Ван Геннеп различает три шага: 1) *отделение* (от прежнего состояния — лишение прежнего имени, прежних одежд и проч.), 2) *переход* — пороговая фаза (очищение от

следов прежней жизни и прохождение через суровые испытания — нужно показать свои способности выдержать их, свою готовность к новому статусу) и 3) *внедрение* в новое состояние и *переключение* (обретение новых знаний, нового имени, новых одежд и признание новыми силами, обычно выраженное совместной трапезой).

Со структурализмом ван Геннепа роднит выявление структурности обрядов как системы символов, их общей схемы и отход от истории к повторяющемуся циклу жизни каждого индивида.

Множество работ — вплоть до наших дней, — развивают и конкретизируют эти тезисы Ван Геннепа, но более всего обогатил его теоретическими положениями шотландец Виктор Уиттер ТЁРНЕР (Victor Witter Turner, 1920–1983). Его главные произведения — «Обрядовый процесс» (1969) и «Драмы, поля и метафоры» (1974). В обрядах Тернер усматривал ритуальные коды с социальными значениями и считал, что эти коды имеют огромное воздействие на сознание. Следуя Ван Геннепу, он изучал повторяющиеся конфигурации деятельности, в которых важное место занимает «liminality» — *пороговость*. Пороговость — это вторая фаза из трех. Это неполное членство в статусе: «уже не ... — еще не...».

4. Идеи филологического структурализма в Советском Союзе: Пропп и Лотман. Но наиболее интересное продолжение работа ван Геннепа нашла в СССР в 1928 г.

Пионером структурализма в культурной антропологии или этнологии является русский фольклорист немецкого происхождения Владимир Яковлевич ПРОПП (1895–1970). Родившись в двуязычной семье, он получил имя Герман Вольдемар. В детстве он воспитывался русской няней и гувернантской, учившей его французскому и игре на фортепьяно. Потом он учился в немецкой гимназии (*Annenschule*) в Петербурге. Окончив Петербургский университет в 1918 г., Пропп работал учителем немецкого в школах, а затем в институтах, с 1932 по 1969 — в Ленинградском университете, с 1938 г. как профессор.

О своей первой книге, которая сделала его знаменитым, он писал в дневнике: «У меня проклятый дар видеть во всем, с первого взгляда, форму». Под формой он не имеет здесь в виду внешность, а скорее структуру, в которую отлито содержание. Он вспоминает, как однажды взял собрание русских народных сказок Афанасьева и начал читать. «Сразу же мне открылось: композиция всех сюжетов одна и та же». Так в 1928 г. появилась «Морфология сказки» Проппа. Автору было тогда 33 года — возраст Христа.

В книге «Морфология сказки» (1928) он построил, так сказать, *метасюжет* волшебной сказки — т. е. обобщенную схему последовательности мотивов, в которую укладываются все реальные сюжеты волшебной сказки — они оказались очень схожими. В этом метасюжете есть единая линейная последовательность событий, и персонажи, встречающиеся в сказке и участвующие в этих событиях в жесткой последовательности, имеют определенные функции: «трудная задача», «вредительство» и т. д. Всего их 31. Одна и та же структура, выраженная этими отношениями, проявляется в разных сказках. Каждая начинается с того, что герой покидает дом, затем встречает некоего помощника, который дает ему чудесный дар, затем герою наносят вред, он получает трудное задание и т. д., а реализация этой схемы разная. Фактически Пропп создал первую в семиотике *порождающую грамматику.*

Книгу встретил холодный прием. Даже серьезные исследователи говорили, что Пропп изучает скелет сказки вместо тела сказки. Но эта книга была только частью

проповской работы. В другой своей книге «Исторические корни волшебной сказки» (написана до 1939 г., опубл. в 1946), Пропп исследовал тело сказки. Он проследил генетические корни, основу этой схемы, связав разные функции и персонажи с этнографическими материалами и мифологическими представлениями первобытных народов. Эту основу он увидел в обрядах инициации, структурированных ван Геннепом. Пропп связал с ними не отдельные сюжеты, мотивы или персонажей, а весь жанр в целом. Это в обрядах инициации мальчик удаляется в иной мир, получает трудные задачи, его ранят и т. д. Метасюжет восходит к объяснительному мифу инициации, а его «бытование» — к инсценировке мифов при обучении новичков.

Таким образом, жанр волшебной сказки был изучен не как художественное явление, а как образная (тоже знаковая) система, с единой для всех таких сказок структурой, за которой стоит символика первобытной обрядности с ее специфической ментальностью.

Систему структурного анализа, разработанную на материале волшебной сказки, Пропп затем применил и к чисто этнографической теме — в книге «Русские аграрные праздники» (1963). Он показал, что и они состоят из одинаковых компонентов, и настаивал, что надо изучать не отдельные праздники, а весь годичный цикл аграрных празднеств.

Пропп увлекательно читал лекции (я слушал их на первом курсе) и был чрезвычайно внимателен к ученикам (я писал у него свою первую работу и сохранил его подробный письменный анализ ее). Были в его трудах и недостатки — он, в частности, следовал эволюционистской методике выборочного сопоставления материалов из разных культур. В тогдашней Советской России его труды были встречены в штыки. Его обвиняли в формализме (поскольку он недостаточно анализировал классовое содержание в марксистском духе), в космополитизме (слишком много упоминал иностранных ученых и не подчеркивал своеобразие русской сказки по сравнению с прочими) и т. д. Всё это были серьезные обвинения в советское время, и обвиненный в этом мог закончить жизнь в лагере или потерять ее вообще. Проппу повезло — его репрессировали ненадолго, однако терпели с трудом.

Я помню его как маленького скромного старичка с прекрасными миндалевидными глазами, благородным орлиным носом (всегда красным от насморка) и крохотной бородкой. Его баритон был неожиданно звучным, а лекции захватывающими.

Значительно моложе Проппа был филолог Юрий Михайлович ЛОТМАН (1922–1993), работавший в Тарту (Советская Эстония) и создавший там влиятельную школу, несмотря на то, что власти относились к нему недоброжелательно, с подозрением. Школа Лотмана перенесла на изучение литературы и всей культуры *семиотический* аспект лингвистического структурализма. Эти исследователи рассматривали культуру как *знаковую систему*, в которой за *планом выражения* они вскрывали *план содержания*. Они проникали в подсознание культуры, где творческая свобода и индивидуальная воля были ограничены внутренними законами знакового поведения, присущими данной культуре. За парадной, официальной, идеологизированной *символикой* и соответственными формами поведения они вскрывали *реальный подтекст*, самими носителями культуры часто неосознаваемый и далеко не всегда им приятный. Они прослеживали смену этих знаковых систем, их обусловленность социально-экономическими сдвигами и традицией.

5. Леви-Брюль, Жан Пиаже и дологическое мышление. Инициатор изучения первобытного мышления Люсьен ЛЕВИ-БРЮЛЬ (Lucien Lévy-Bruhl, 1857-

1939) был по образованию философом. Происходя из состоятельного еврейского семейства, он окончил От Эколь Нормаль (Высшую нормальную школу) и преподавал историю философии. Когда уже зрелым (примерно 50-летним) ученым, прочтя «Золотую ветвь Фрэзера, он взялся за этнологические сюжеты, то оказался под влиянием своего друга Дюркгейма, социолога. Он был близок Дюркгейму и Моссу и по своим политическим убеждениям — сочувствовал социалистам, сотрудничал в «Юманите». Правда, его принадлежность к школе Дюркгейма ставится под сомнение — уж очень далек он от основных принципов школы — идеи солидарности, социологизма, функций и т. п. Но всё же некоторые важные понятия он взял именно от французской социологической школы.

Уже в книге 1903 г. «Мораль и наука о нравах» он развивал идею о том, что мышление цивилизованного человека качественно отличается от мышления отсталых народностей (например, андаманцев и др.). Начиная с 1910 г. в научный оборот вошел ряд его книг, произведших сенсационное воздействие на психологов и этнологов и вызвавших бурную дискуссию. В 1910 — «Мыслительные функции в низших обществах»; в 1922 — «Примитивное мышление» (переведена на русский в 1930); в 1927 — «Примитивная (первобытная) душа»; в 1931 — «Сверхъестественное и природа в примитивном мышлении» (русск. перев. М., 1937); в 1935 — «Примитивная (первобытная) мифология» (La mythologie primitive) и т. д.

Его главный предмет занятий — *первобытное мышление* (или, как его тогда называли, *примитивное мышление* — *mentalitité primitive*) и вопрос, насколько оно качественно отличается от нашего современного мышления. Вопрос в какой-то мере эволюционный, в какой-то колониальный. Но и база для структурализма: мышление рассмотрено как система, стоящая за первобытными верованиями, за мифами.

Эволюционисты исходили из одинаковости мышления у всех народов и переносили индивидуальную психологию на общечеловеческую психологию. Они подгоняли мышление первобытных людей под наши нормы, рисовали философствующего дикаря. Они считали, что действиями дикаря всегда управлял рассудок, тогда как на деле ими двигали (и движут в отсталых народностях) скорее аффекты, коллективные чувства. Верования, мифы суть социальные явления и потому связаны не с индивидуальной психикой, а с коллективными представлениями. Первобытное мышление отлично от нашего не вследствие врожденных различий мозга, а из-за того, что они усваивают другие коллективные представления.

Исходный объект Леви-Брюля — *коллективные представления*. Это понятие, конечно, целиком взято из учения Дюркгейма. Но разработал это понятие именно Леви-Брюль.

> «Представления, называемые коллективными, — пишет Леви-Брюль (Леви-Брюль 1930: 5), — ... могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них сообразно обстоятельствам чувства уважения, страха, поклонения и т. д. В отношении своих объектов, они не зависят в своем бытии от отдельной личности. Это происходит не потому, что эти представления предполагают некий коллективный субъект, отличный от индивидов, составляющих социальную группу, а потому, что они проявляют черты, которые невозможно осмыслить и понять путем одного только рассмотрения индивида как такового.
>
> Так, например, язык, хоть он и существует, собственно говоря, лишь в сознании личностей, которые на нем говорят, является, тем не менее, несомненной социальной реальностью, базирующейся на совокупности коллективных представлений. Язык навязывает себя каждой из этих личностей, он предсуществует ей и переживает ее».

Нельзя переносить законы индивидуальной психологии на коллективные представления. У них собственные законы. А у первобытных коллективных представлений — особенно.

1) Коллективные представления мистичны — полны веры в таинственные силы и нацелены на общение с ними;

2) Они иначе ориентированы, чем наши, — не на объективное объяснение, а на субъективные переживания;

3) Они смешивают реальные предметы с представлениями о них (сон и реальность, человека и изображение, и имя, и тень, и след — можно околдовать человека через его след).

4) Первобытное мышление, по Леви-Брюлю, нечувствительно к опыту, «непроницаемо для опыта». Человека, мыслящего по этим нормам, никак не разубедить в том, что он не околдован, что в его неприятностях не повинен колдун или злой дух.

5) В этом мышлении действуют не логические законы тождества, противоречия, причины и следствия и т. д. и способы их установления, а «закон сопричастия» (*loi de participation*): предмет одновременно сам и нечто другое, здесь и в другом месте, отторгнут и причастен. Человек «мистически един» со своим тотемом — водяной крысой или красным попугаем. Предметы объединяются не по их действительным сходствам, а в силу приписываемых им качеств.

Это дологическое мышление (*mentalitité prélogique*) — не «нелогическое» или «антилогическое», а просто еще не доросло до логики. Оно не стремится избегать противоречий и подчиняется закону партиципации. В нем господствуют «предпонятия» — нечеткие понятия. Леви-Брюль рассматривал, как проявляется дологическое мышление в разных сферах жизни — в языке, счислении, обычаях, лечении и погребении и т. п. Как из нерасчлененных понятий (совокупность-число — «много», «мало») выкристаллизовываются числа, как вообще постепенно происходит превращение дологического мышления в логическое.

Читать Леви-Брюля увлекательно и лестно: щекочет самолюбие — ах, эти дикари! Мы-то выше, мы не такие глупые. А для отсталых народов — обидно. И либеральные критики обижались за отсталые народы, вставали на их защиту.

Но Леви-Брюль отвечал, что все эти особенности характерны только для коллективных представлений, они свойственны именно коллективному мышлению того общества, а не вообще мышлению первобытного человека. В сфере своего индивидуального опыта первобытный человек столь же логичен, как и мы.

Дологическое мышление не исчезает и в нашем европейском «коллективном сознании». И закон сопричастия, и мистическая настроенность, все это существует рядом с нами. Вспомним перебегание дороги черной кошкой, число 13, знахарей, астрологов, объявления колдунов в газетах.

Тут возникает вопрос: а эволюции индивидуального мышления — что, не было? У каждого отдельного человека, т. е. в онтогенезе, наблюдается развитие от животного состояния к интеллекту. Почему же его не было в филогенезе, в развитии всего человечества? Нет уж, какое-то развитие должно было иметь место! Эволюционные потенции учения Леви-Брюля, видимо, сильнее, чем его конкретные выражения.

Леви-Брюль умер в год начала Второй мировой войны. Этого новатора много критиковали — за сомнительные факты, взятые без проверки из недостоверных источников, за схематизм и натяжки. Когда Морис Леенхардт опубликовал в 1949 г., т. е. посмертно, записные книжки Леви-Брюля, обнаружилось, что тот держал в уме

много оговорок (впрочем, многие и высказывал при жизни), многое в своей теории ставил под сомнение.

Но, тем не менее, это концепция эволюции мышления (ведь не появилось же оно сразу, как Афина из головы Зевса!), это первая концепция на эту тему, и она повлияла на очень многих ученых (Gazenevue 1972). В структурализме некоторые предпочитали считать дикаря столь же рассудительным, как современный человек, но были и сторонники смены мышления. Так или иначе, выявление логической и психологической структуры мышления, господствующей над индивидуальной психикой, и приравнивание коллективных представлений к языку мостило дорогу структурализму.

В археологии концепция Леви-Брюля послужила основой для построений кёльнского археолога Герберта КЮНА (Herbert Kühn, 1895–1980), ученика Косинны. Кюн, создатель ежегодника Jahrbuch für Prähistorische und Ethnographische Kunst, смолоду усвоил эволюционистские идеи, а представление об алогичности первобытного мышления давало ему возможность интерпретировать первобытные изображения по смелым ассоциациям. Скажем, из костяных женских статуэток палеолита он выводил миф о создании Евы из ребра Адама. А с первобытным мышлением родственно, по Кюну, мышление современных народных масс. Он принял идеи венской школы Шмидта о первобытном монотеизме, разделял арийско-космические фантазии Германа Вирта, одного из вдохновителей эсэсовской «Аненэрбе», позже вышедшего из фавора. Нацисты отвергли не только Вирта, но и Кюна — последний был женат на еврейке, выводил свастику от евреев, не соглашался с северным происхождением культуры (Schäfer 2006).

В какой-то мере со вкладом Леви-Брюля соизмеримы разработки швейцарского психолога Жана ПИАЖЕ (Jean Piaget, 1896–1980), которые называют *генетическим структурализмом* (с такой же обоснованностью этот термин можно было бы применить и к Леви-Брюлю). Пиаже, получивший образование в Цюрихе и Сорбонне, а работавший в Женеве, рассматривает интеллект как систему взаимосвязанных мыслительных операций. Операции объединены в структуры — классификация, разложение объектов на части, построение числового ряда. «Единичная операция, — пишет он, — вообще не является операцией, но лишь простым интуитивным представлением». Эволюционистская традиция Пиаже в том, что он прослеживает, как одна структура вырастает из другой.

Развитие интеллекта проходит, по Пиаже, пять стадий: 1) в полтора-два года у ребенка еще сенсомоторный интеллект (мысль не отрывается от действия и ощущений), 2) в 2–4 года у него допонятийное мышление, 3) в возрасте 4–8 лет мышление становится наглядным, 4) в 8–11 лет ребенок совершает конкретные мыслительные операции, а 5) с 12 лет появляется формальное логическое мышление. Пиаже считал, что и мышление человечества развивается по тем же этапам, так что интеллект взрослых дикарей находится на дооперационном уровне. Они мыслят как европейские дети в возрасте от 2 до 7–8 лет. В 1970 г. К. Р. Холпайк повторил этот тезис в книге «Основания первобытного мышления».

6. Структурализм школы Анналов. В межвоенные десятилетия среди историков Франции сформировалась *школа Анналов*, которая с самого начала была близка структурализму по своим установкам, а после Второй мировой войны прямо с ним стыковалась.

Школу эту тогда возглавляли Люсьен ФЕВР (Lucien Febvre) и Марк БЛОК

(Marc Bloch). Они перенесли внимание с изучения событий на прослеживание «*истории структур*», с истории вещей на историю «ментальности». Февр ввел понятие «*духовного оснащения*» (outillage mental), он считал, что вся культура покоится на общем для ее носителей ментальном субстрате. Еще больше повернул историков к «социальным структурам» их преемник в послевоенной Франции Фернан БРОДЕЛЬ (Fernand Braudel). Это он ввел для их анализа понятие «*длинной протяженности*» (*la longe durée*). Структуры он противопоставил более быстро сменяющимся «*конъюнктурам*» и совсем мимолетным событиям — «*эпидерме истории*». «По своему темпераменту я — «структуралист», — писал он в своем капитальном труде «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949), — события и даже краткосрочные конъюнктуры мало меня привлекают...». Структура для историка есть конструкт, модель, учил Бродель, но эта модель отражает реальность, связанную с длинной протяженностью. Люди вынуждены действовать в рамках этих малоподвижных структур. Лидер третьего поколения историков школы Анналов Леруа ЛАДЮРИ (Le Roy Ladurie), прямо занявшийся культурантропологическими аспектами средневековой истории, называет сельскую историю Франции за четыре века с эпохи Возрождения «*недвижимой историей*». Как выразился Жак Ле Гофф, идеалом истории, лишенной событий, является *этнология*.

С 60-х гг. в самосознании французских историков школы Анналов история ментальностей расширяется на смежные аспекты и перерастает в «историческую антропологию». Таков был фон, на котором появился Леви-Стросс. В исторической антропологии уже, конечно, чувствуется отсвет «Структурной антропологии» Леви-Стросса (1958).

7. Леви-Стросс — биография. Клод ЛЕВИ-СТРОСС (Claude Lévi-Strauss, 1908–2009) родился в Брюсселе. Дед его был, как у Маркса, раввином (не отсюда ли талмудический стиль обоих?). Вдобавок Клод в 16 лет читал Маркса, а в Сорбонне писал дипломную работу по философским предпосылкам исторического материализма. Позже признавался, что в юности имел трех любовниц: марксизм, геологию и психоанализ. В 1934 г. Леви-Стросс уехал с женой в Бразилию, где, подобно Броделю, стал профессором в Университете Сан Паулу. Из социалистического сочувствия к угнетенным индейцам провел отпуск у племен кадиувеу и бороро, сделал выставку привезенных экспонатов в Париже, на вырученные деньги поехал в экспедицию на год к намбиквара.

Поражение Франции в войне и «расовые законы» Виши заставили его отправиться в США. Там он познакомился с выходцем из России Романом Якобсоном, специалистом по структурной лингвистике, и стал читать Соссюра. Ознакомился там и с лекциями приезжего английского социал-антрополога Рэдклиф-Брауна, который в Англии слыл структурным функционалистом, но в Америке его называли просто структуралистом. Отсюда идея применить структурализм к этнологии. В 1945 г. Леви-Стросс поместил в нью-йоркском журнале (который был основан Якобсоном) статью на французском «Структурный анализ в лингвистике и антропологии» — его первое выступление со структуралистскими идеями.

По возвращении в Париж Леви-Стросс в 41 год защитил докторскую диссертацию по работе «Элементарные структуры родства» (1949). Исходя из единства человеческого разума, он старался доказать, что все терминологии родства состоят из одних и тех же простых элементов. Он видит два основных метода изучения — структурный и исторический, для себя он избирает первый. Главная идея книги

была в том, что брак в первобытном обществе был ничем иным как обменом женщинами, вполне однородным с Марксовым обменом благами или семиотическим обменом знаками (т. е. коммуникацией). Идея была смелой, но вопрос в том, каковы доказательства.

Структуралистские новации и, вероятно, ореол американского профессора открыли ему ряд престижных должностей. Затем вышла его полная сочувствия к индейцам книга «Печальные тропики», а в 1958 г., когда Леви-Строссу было 50 лет, появился сборник его статей под названием «Структурная антропология». В ней он себя называет марксистом, а Маркса объявляет первым структуралистом. Впрочем, одновременно первым структуралистом он называет и Жан-Жака Руссо.

Среди предшественников Рэдклиф-Браун не назван. Упоминается походя несколько раз. Леви-Стросс даже открещивается от Рэдклиф-Брауна. А что многое заимствовано у Рэдклиф-Брауна, оставлено неупомянутым и, возможно, не замеченным.

Книга вызвала бурные споры, автор стал сразу очень известен. Его книга «Раса и история» придала ему также известность либерала. С 1960 г. он заведует кафедрой социальной антропологии в Коллеж де Франс. С 1964 по 71 гг. выпускает 4 тома «Мифологик», в 1973 — «Структурную антропологию-2». Хоть он и вошел в большую науку в сравнительно позднем возрасте, он успел получить максимум почестей — был избран в ряд академий мира и стал почетным доктором многих иностранных университетов. В 1980 г. он был объявлен самым цитируемым этнологом мира («Нувель Обсерватёр»), в следующем году — самым влиятельным интеллектуалом Франции («Лир»).

Но он часто жаловался, что его не понимают или так понимают, что если это структурализм, то он не структуралист (Маркс тоже жаловался, что его не понимают его собственные зятья и если они марксисты, то он не марксист). Понять Леви-Стросса действительно трудно, как трудно понять Сивиллу. Структуралист Лич говорил, что не понимает. Всё же попытаемся (см. Sahlins 1966, 1969; Leach 1970; Hammel 1972; Иванов 1978; Бутинов 1979; Дараган 1983; Островский 1988).

8. Идея единства человеческого разума и основных ментальных структур: бинарные оппозиции. Мир событий и предметов вокруг нас, по Леви-Строссу, хаотичен. Порядок в этот хаос вносится человеческим разумом. Этот порядок и есть сущность предметно-событийного мира. В наших восприятиях реальности помимо явной информации есть и скрытая, которую мы не осознаем. А ее надо выявить. Эта информация — структура, внесенная в мир нашим разумом, т. е. структура нашего разума. Тут есть нечто схожее с идеей универсальной грамматики Хомского, выдвинутой примерно в то же время.

Структура эта неизменна с того времени, как возник человек. Леви-Стросс решительно против Леви-Брюля. Первобытное мышление по логической мощи равно нашему. Замечалось, что в книге Леви-Стросса «Разум дикаря» речь идет не столько о разуме дикаря, сколько о разуме самого Леви-Стросса (Стейнер). По Леви-Строссу, разум профессора французского коллежа по своей структуре ничем не отличается от разума австралийского аборигена (Мендельсон). Свой разум он считал неолитическим.

(*С равным успехом он мог бы называть его и верхнепалеолитическим. Ведь с этого времени человек биологически не изменился, стало быть, мозг действительно один. Мозг, но не разум. Ибо в мышлении сказывается еще и развитие. Лурия*

экспериментально показал, что даже мышление неграмотных среднеазиатских дехкан не имеет некоторых качеств и операций, характерных для мышления образованных горожан. Таким образом, уже в исходной предпосылке Леви-Стросса есть изъян. Благородный изъян, красивый изъян, но изъян).

Но разум, о котором говорит Леви-Стросс — это не рассудок, не сознание, и структуры, о которых он говорит, — это не структуры сознания, а структуры *бессознательного*. Бессознательное Леви-Стросса отличается и от подсознательного (т. е. особой формы памяти) и от бессознательных импульсов по Фрейду (чисто биологических). Бессознательное у Леви-Стросса логично, рационально и есть не что иное, как скрытый, неосознаваемый механизм знаковых систем (Грецкий 1978: 550). Они не ощущаются самими практикующими их людьми, как не осознается говорящими грамматика.

Бессознательное не содержит конкретных идей, мыслей и чувств. Оно есть форма. По Леви-Строссу, «бессознательное всегда пусто, или, точнее, оно так же чуждо образам, как желудок чужд проходящей через него пище» (Levi-Strauss 1958: 224).

Учение Леви-Стросса объявляли (и он с этим соглашался) разновидностью кантианства: у Канта априорные формы чувствования и разума налагаются на опыт. У Леви-Стросса тоже налагаются, и тоже априорные, но не формы рассудка, а его бессознательной основы. По Леви-Строссу, разум (в форме этого бессознательного) налагает свою структуру на нашу речь — парадигму фонетики, морфологии, синтаксиса. Налагает ее и на художественное творчество, на мифологию. На обычаи, обряды, верования. Но эти структуры в них скрыты, закодированы. В символах. Главная цель — понять этот код.

Механика этого кода прячется по Леви-Строссу в бинарных оппозициях. Везде он их находит. Человек/животное, природа/культура, сырое/вареное. Приготовление пищи помимо прямого смысла, понятного всем, имеет еще и скрытый смысл: люди готовят пищу, чтобы показать, что они не дикие животные (*явное преувеличение*!). Огонь и приготовление пищи — основные символы, отличающие культуру от природы.

Уже предшественник Леви-Стросса в антропологии Рэдклиф-Браун использовал понятие бинарных оппозиций в своих «законах оппозиции» (1930, опубл. 1931 и позже): австралийские аборигены мыслят парами противоположных понятий: слабый — сильный, черный — белый. А исходная идея оппозиций присутствует у лингвистов: это фонологические оппозиции.

Структуры разума легче раскрыть там, где люди тесно связаны с природой. История большей частью разрушила эту гармонию. Но есть уголки, где сохранился прежний образ жизни. Золотой век — это неолит. Образ жизни, наиболее благоприятный для человека. Задача антрополога (или этнолога) — изучить такие уголки и указать человечеству (современному обществу) путь спасения. Миссия — вернуть человечество в неолит. «Мне невкусен век, в котором мы живем», — сказал Леви-Стросс в интервью «Ле Нувель Обсерватёр» в январе 1967 г. (*О вкусах не спорят, но на собственном вкусе нельзя строить историческую перспективу человечества*!). Вот почему он объявлял основателем культурной антропологии Жан-Жака Руссо. Тот первым показал значение изучения чужих культур для познания своей и видел гармонию в первобытном, естественном человеке.

О плане индейских поселков Леви-Стросс пишет:

> «То, что составляет деревню, это не ее территория и не ее хижины, а определенная структура, ... которую воспроизводит любая деревня» (Леви-Стросс 1984: 113).

«Кругообразное размещение хижин вокруг мужского дома имеет громадное значение в социальной жизни и отправлении культа. Миссионеры-салезианцы района р. Гарсас быстро поняли, что единственное средство обратить бороро в христианство — это заставить их покинуть свою деревню и поселиться в другой, где дома расположены параллельными рядами. Потеряв ориентировку по странам света, лишенные плана, который служит основой для их знаний, индейцы быстро теряют чувство традиций, словно их социальные и религиозные системы ... слишком сложны для того, чтобы можно было обходиться без схемы, заложенной в плане деревни» (там же: 104).

Описание наблюдательное и образное. А объяснение?

«Как бы кратко я ни описал общественную систему индейцев гуана и бороро, ясно, что в плане социологическом она имеет структуру, аналогичную той, которую я выявил в стиле искусства кадиувеу (там же: 87).

Когда в плане есть круг, рассеченный на сектора, подыскать ему подобия на любом орнаментированном сосуде нетрудно. Если бы эти подобия были только на керамике кадиувеу...

9. Структуры и история. В «Элементарных структурах родства» Леви-Стросс резко противопоставляет структурный метод исследования историческому. Исторический анализ объясняет структуру как результат развития или комбинации прежних структур, обычно более простых. История, сетует Леви-Стросс, уродует элементы структуры. Не будь истории, элементы структуры можно было бы наблюдать в чистом виде, без искажений и примесей. Была бы логика и гармония. А так везде разлад, нагромождение разных явлений. Исторический факт сугубо субъективен, определяется выбором и оценкой историка.

Структурный метод выявляет лежащие в основе фактов принципы, коренящиеся в структуре человеческого разума и имеющие вечный неизменный характер. Объяснить структурно — значит найти принцип, над которым не властна история. «Черты прошлого имеют объяснительную ценность, поскольку они совпадают с чертами настоящего и будущего». Структурный метод — это «средство убежать от истории».

Между бронзовым веком, античностью и современностью нет взаимопроникновения.

Леви-Стросс не стремится изучать весь материал. Достаточно знать несколько фактов, чтобы мысль могла от них оттолкнуться. Разум заменяет недостаток фактов логическими звеньями.

Структурный анализ нередко даст результаты, далекие от реальности. Леви-Строса это не беспокоит. Структура — это результат работы разума, модель. «Теория, разработанная туземцами». Например, правило жениться на дочери брата матери. Но у матери может не быть брата или у него — дочери. Отвлечемся от этого.

Он пришел к выводу, что в брачных связях слишком часты отклонения от предписанных норм, ибо вмешиваются внешние обстоятельства. Это мешает раскрывать на них структуру разума. Лучше перейти к мифам — там дух не будет связан с внешними обстоятельствами, там виден чистый разум. Так что «Структурная антропология» подвела итог периоду, когда он пытался раскрыть структуры в реалиях; начался период мифологии.

10. Леви-Стросс — анализ мифов. Материал для его анализа мифологии составили свыше 800 мифов американских индейцев. Задача была ясна: выявить единые структуры разума и установить типологическое сходство мифов. Показать, что

это богатство мифов — результат трансформации отдельных исходных тем по определенным правилам. Очень схожую задачу до него ставил и решал В. Я. Пропп в «Морфологии сказки». Пропп шел от эмпирического материала. Он уловил сходства многих сюжетов волшебной сказки и установил единую обобщенную сюжетную схему. Затем он определил, какие для нее необходимы герои, каковы их функции в этой схеме, их отношения. То есть вскрыл структуру. Затем стал выяснять, какие типичные герои могут выступать в одной функции, какие — в другой и т. д. После этого задумался над тем, какая символика за этим стояла...

Леви-Стросс пошел другим путем, не от материала, а от априорных установок. Прежде всего, он выявлял не общее сходство сюжетов, а общее сходство элементарных единиц сюжетов — бинарных оппозиций. Их, конечно, можно найти везде, где угодно. Что до Проппа, то Леви-Стросс обвинил его в формализме — ну точно, как советские идеологи обвиняли его в 30-х! Правда, Леви-Стросс вежливо аттестует себя как ученика Проппа. Это неверно во всех отношениях. Леви-Стросс никогда не видел Проппа лично и не воспринял ничего из его работ.

Леви-Стросс вводит специальную терминологию (*«понятийный инструментарий»*), которая очень привлекает неофитов, жаждущих научности: *«зоэма»* — животный персонаж, *«арматура»* — совокупность устойчивых элементов содержания, *«бинарный оператор»* — персонаж, создающий оппозицию (например, белка может бегать по дереву вверх и вниз, создавая, таким образом, оппозицию верха и низа), и т. д. Бинарные оппозиции он ухитряется видеть в чем угодно — по одному противоположному свойству, например, уши/анальное отверстие, глаза/испражнения.

Он вводит также специальный исследовательский инструментарий, с помощью которого можно производить трансформацию мифов, чтобы выявить их сходства:

1) *наложение оппозиций* — совмещение, когда оппозиции приравниваются, вот мифы и оказываются схожими;

2) *инверсия* — замена на противоположное, т. е. схожими признаются полярно несхожие мифы;

3) *введение медиаторов* — персонажей-посредников, промежуточных тем, т. е. если мифы никак не поддаются уподоблению, то можно поискать, нет ли чего-то немного похожего на тот и другой случай порознь, например, в оппозиции сырое/вареное медиатором будет копченое или поджаренное. Охота — промежуточный член в оппозиции жизни и смерти.

Что толку разбирать 4 тома результатов? С помощью таких правил, проводя такие операции, можно любой миф свести к любой схеме. Разные мифы могут быть представлены как трансформации одного. Здесь нет науки, а есть мифотворчество. Сам же Леви-Стросс кокетливо и цинично называл свою книгу «Мифом о мифах». Так оно и есть.

11. Как Леви-Стросс использовал идеи структурной лингвистики. У Соссюра нет естественной связи между значением (смыслом) и внешней формой знака, слова. *Принцип произвольности знака* очень важен в его учении. То же и со знаками учтивости. Условность, правила учтивости обязывают нас являться в галстуке, а вовсе не какая-то внутренняя необходимость иметь эту цветную тряпочку на шее!

А Леви-Стросс пересматривает принцип произвольности. У него, например, существуют *постоянные и универсальные соответствия* между звуками речи и цветами спектра.

Мифы у него основаны на метафорах. Именно к мифам он применяет весь аппарат лингвистического структурного анализа (трансформации, графы, матрицы и т. д.), но в лингвистике он применялся к *символам* как *знакам-словам*, а у Леви-Стросса — к мифам, основанным на метафорах, т. е. на «символах» как *иконических* знаках! В чем различие? Условные знаки легко переводятся с одного языка на другой, а вот иконические знаки, называть их символами или нет, очень трудно. Не во всякой культуре есть эквивалент вещи, изображаемой людьми другой культуры.

До падения советской власти у нас не было в продаже многих заморских фруктов, и никто их никогда не видел (киви, манго, авокадо и проч.) — какой толк был бы их изображать в качестве символов? Никто в России не сможет правильно понять американские фигуры Halloween — ничего похожего нет в России. Приглашенный на американскую вечеринку русский воспринял бы ее как подготовительную стадию к вечеринке и тщетно ожидал бы, когда же начнется настоящая вечеринка, т. е. когда люди сядут за стол и начнут провозглашать тосты, петь и потом танцевать. Изображенную на картинке толчею никто бы у нас не воспринял как вечеринку. Когда американцы впервые появились в моей маленькой однокомнатной квартирке в Ленинграде, они огляделись и направились к двери моего встроенного стенного шкафа — они думали, что оказались в прихожей, а квартира начинается там, за дверью. Для них одна комнатка не может быть квартирой профессора!

Вот вам второй порок концепции Леви-Стросса, в самой ее основе.

В фонологии *бинарная оппозиция* — это пара объектов (слов), противопоставленных только наличием/отсутствием одного признака, придающего смыслоразличительное значение. Все имеющиеся отношения можно представить минимальным числом таких пар. Это восхождение от множества к системе.

А в мифологии? Предметы и персонажи обладают слишком большим числом признаков, имеющих значения. Любые два таких объекта могут быть противопоставлены не по одному признаку, а по многим. Даже не только «глаза» и «кал», но, скажем, «глаза» и «уши». Ухватить надо важнейшие, а это возможно, только если идти в противоположном направлении — от интуитивного представления о системе.

Таким образом, бинарные оппозиции *в этой роли — пустышка*. Еще один порок.

Лингвисты различают смычные *согласные*, латеральные и фрикативные. Леви-Стросс различает *мифемы* — смычные (лососи проходят пороги), латеральные (мимо скалы) и фрикативные (через узкий проход). Это метафора и при том абсолютно непродуктивная. Для звучного словца.

12. Леви-Стросс — основа успеха. Мало кто был столь обласкан славой, как Леви-Стросс. К середине 70-х (еще при жизни!) о нем были написаны 1384 работы, в том числе 43 монографии.

Почему?

1) Леви-Стросс появился в науке в кризисную эпоху (кризис старых идейных ценностей) — сразу после войны. В это время многие интеллектуалы ищут тайные учения, ищут гуру. Стиль цветист и непонятен, и этим привлек многих.

2) Публика соскучилась по широкой концепции. Леви-Стросс предложил способ сравнения и обобщения — во всем увидел объединяющие структуры мышления.

3) В концепции Леви-Стросса изучаются не объекты, а представляющие их в сознании формальные знаковые системы. А раз так, то облегчается применение точных методов — формальная логика (разные логические формулы), информатика

(ведь речь идет о знаках), математика. Это представлялось очень современным. Вот как Леви-Стросс выражает структуру одного мифа: $f_x(a) : f_y(b) = f_x(b) : f_{a-1}(y)$.

4) Многих привлекала возможность соучастия. Предложен легкий путь продвижения в науке, без строгой школы, без строгих критериев доказанности — выявляй оппозиции, сопоставляй что угодно с чем угодно...

5) Многие популярные концепции преувеличивали значение субъекта, а Леви-Стросс сделал действующей силой культуры не субъекта, а общие всем людям бессознательные структуры. Это вывело культуру из-под своеволия и капризности субъекта и показалось многим более объективным подходом.

13. Леви-Стросс — значение вклада. Есть у Леви-Стросса и действительные достижения.

1) Там, где изучались предметы, объекты (мифы, сюжеты, герои, обряды), он вскрыл отношения. Очень поднял авторитет Леви-Стросса его подход к загадке тотемизма. Почему тот или иной клан выбирает в качестве тотема определенный вид животного? — это классический трудный вопрос этнологии. Выдвигались самые разные мотивировки — из-за исключительных качеств этого животного, в силу его промыслового значения, и т. д. Все они не выдерживали критики. Леви-Стросс ответил по-новому: надо искать не связь между отдельным кланом и определенным тотемом, а сопоставлять различия между кланами с различиями между видами животных. Т. е. брать за основу не отдельные элементы, а отношения. Организованность одних используется для обозначения организованности других. Но это уже было у Рэдклиф-Брауна.

2) Леви-Стросс поставил задачу перехода от внешних знаковых систем в культуре к скрытым ее структурам, задачу декодирования скрытых структур. Ван Геннеп и Пропп делали это в одной области культуры (ван Геннеп в ритуале, Пропп — в фольклоре, точнее в изучении волшебной сказки). Широко поставил эту задачу — применительно ко всей культуре — именно Леви-Стросс. Другое дело, как он ее решал...

3) Он поставил вопрос об универсалиях в культуре. В лингвистике они известны. Универсальные сущности: во всех языках есть фонемы; универсальные связи: фонетические законы и т. п. Но в культурной антропологии задачу такого реестра универсалий поставил Леви-Стросс.

Из книги «Печальные тропики»:

> «Если составить перечень всех существующих обычаев, и тех, что нашли отражение в мифах, и тех, что возникают в играх детей и взрослых, в снах людей здоровых или больных и в психопатологических действиях, удалось бы создать нечто вроде периодической таблицы химических элементов, где все реальные или просто возможные обычаи оказались бы сгруппированы по семьям» (Леви-Стросс 1984: 78).

Идея таких универсалий не нова. На практике в этом направлении работали Мёрдок и Леруа-Гуран, а не Леви-Стросс.

14. Американский антропологический структурализм: Кеннет Пайк, когнитивная антропология и «Новая Этнография». Не забудем, что Леви-Стросс вывез свой структурализм из Америки. Не мудрено, что и в самой Америке структурализм привился (Hymes and Fought 1981).

В 40-е годы миссионер Кеннет ПАЙК (Kenneth Pyke, род. 1912) изучал смыслоразличительные признаки звучания и просто звук в языке (фонемику и фонетику).

Углубляя сопоставление культуры с языком, он в работе 1954 г. («Эмное и этное как точки зрения для описания поведения») ввел термины *эмный* и *этный*, которые с тех пор часто употребляются в культурной антропологии. Пайк считал, что в культуре можно точно так же выявить смыслоразличительные признаки и, с другой стороны, свойства, не имеющие такого значения, равным образом и группировки таких свойств. Он решил, что лучше всего использовать термины, родственные лингвистическим *phonemic* и *phonetic*, только отсек от них корень, означающий 'звук' и оставил общезначимую грамматическую форму. Получилось *emic* и *etic*.

Эмное — это всё в материале, что связано со смыслоразличительной функцией, значением, смыслом.

Этное — всё, что с ними не связано, а ограничено только самой материальной субстанцией и ее группировкой, независимой от смысла (Pike 1960, 1966).

Понятия эти вошли в обиход культурной антропологии (Harris 1976; Headland et al. 1990).

Пайк считал, что структуры, системы это только эмные явления, что порядок бывает только там, где есть смысл. Но это не так. Критики указали ему, что порядок есть и в молекуле. Однако Пайк — человек религиозный. Для него и в структуре молекулы есть смысл — он заложен Богом.

По идеям Пайка, для антрополога важно иметь культурный ключ, знать культурный код, т. е. эмную систему, чтобы понимать, что происходит в изучаемой культуре. Иначе он сможет дать только внешнее описание, этное — движения, формы, краски, материалы, но не смысл.

Надо «*влезть в голову*» туземцев, аборигенов, чтобы узнать их цели и значения.

Это и стремилась делать *когнитивная антропология*, сформировавшаяся в 50-е — 60-е годы. Она сосредоточена на выяснении познавательных способностей, возможностей и опыта туземцев. Как туземцы организуют и используют свою культуру. Стивен ТАЙЛЕР (Stephen Tyler) формулирует (1969) два вопроса, которые являются центральными для этого направления: 1) Какие материальные явления важны для народа этой культуры? 2) Как они организуют эти явления? Практически это сводится к изучению туземных классификаций, *народных классификаций* как туземной системы знаний. Иными словами, это *прямое* изучение эмных отношений, когда их изучают, *непосредственно* пытаясь узнать культурный код.

Технику исследования когнитивные антропологи заимствовали у *дескриптивной лингвистики* — как те изучают плохо известный язык или диалект. Наиболее принятая техника такого опроса называется «*рамочным анализом*». Вопросы вытекают из ответов на предыдущий вопрос, опрос ведет ко всё большему сужению и уточнению, пока информант не назовет термин, обозначающий понятие, не поддающееся дальнейшему делению на подвиды.

Уорд ГУДИНАФ (Goodenough) предложил антропологам создавать «культурную грамматику» поведения в данной культуре. Сюда относится *кинесика* – изучение смысла движений тела, жестов и т. п. движений как системы (Birdwhistell 1952; Hall 1959). Этот «немой язык» можно изучать, наблюдая, какие поступки следуют за теми или иными телесными сигналами.

В 1964 г. в США возникло новое течение — «*Новая этнография*» или «*этнолингвистика*», «*этносемантика*», «*этнонаука*». Ее лидеры — Уильям СТЁРТЕВАНТ (William Sturtevant), Гарольд КОНКЛИН (Harold Conklin, род. 1926), Стивен ТАЙЛЕР и Делл ХАЙМЗ (Dell Hymes). Течение это основано на уподоблении этнологии

(культурной антропологии) структурной лингвистике. Задача — вскрыть эмные отношения, смысл культурных явлений, *не обладая* вначале культурным кодом.

Задача та же, она поставлена еще Пайком — «влезть в голову» туземца. Но как в нее влезть? Многие считают, что это невозможно (Harris 1974). И зачем? Разве смысл постигается только так? Ведь в известной мере это применимо и к моим курсам лекций. Скажем, я приехал в другую страну, с другой культурой, выступаю перед аборигенами (датчанами, финнами, англичанами, американцами), но понимают ли они то, что я говорю, так, как я хочу сказать, могу ли я вложить им в голову мои мысли? И для моих студентов я — человек из другой страны, с другой культурой, с другой историей, но они же, я полагаю, непроизвольно влезают в мою голову. Голова у меня вместительная, доступная и упорядоченная. А в общении мы основываемся на каких-то общечеловеческих универсалиях.

Хорошо, у нас есть еще и много общего в самих наших культурах. С первобытными туземными культурами часто этого общего очень мало. Но если бы мы даже влезли в голову туземца, что это дало бы? Ведь в ней нет нужных антропологу понятий для уразумения культуры. Сам туземец может и не осознавать своего культурного кода, как не осознает он своих правил грамматики. Как грамматический анализ должен быть проведен *ученым*, так и антропологический.

Стёртевант заявил: надо описывать непредвзято, каким образом туземец, упорядочивая мир, вводит свои представления в хаос, структурирует его. Это надо описывать в терминах, свободных от культурной нагрузки — *этных*. Чтобы получить адекватные ответы, надо лишь правильно ставить вопросы. То есть, нужен некий *метаязык*, общекультурный словарь — это то, что Леви-Стросс имел в виду под *универсалиями*. «Чем лучше словарь, тем лучше этнография».

Затем следует *компонентный анализ* (Goodenough 1956). Он формулирует правила, по которым семантические поля логически упорядочены в этой культуре. Правил этих сами туземцы не могут сформулировать, но, опрашивая их, исследователь может разложить их понятия на составные компоненты, элементарные, каждый из которых фиксирует одно типичное простое отношение. И тем четко определить понятие, понять его границы в данной культуре, хотя бы в нашей собственной культуре такого понятия не было.

15. Идеи структурализма в искусствоведении. До конца XIX века искусствоведы филологической школы под влиянием позитивизма уходили от общих вопросов и за детальным анализом формы не видели единства произведения, не говоря уж об эпохе, стиле. Всё сравнивалось с античными образцами: до классического искусства усматривался прогресс, после этой вершины — упадок. Первых кор называли «тетками», скульптуры Зевса в Олимпии считали провинциальными, Гермеса Праксителя ругали: сделан из мыла. Искусствоведы Венской школы начали поход за обновление, за признание эстетическими ценностями произведений и других эпох. И естественно: на дворе была весна нового искусства: импрессионисты, Ван Гог, Гоген, Роден.

Зачатки искусствоведческого структурализма видят в работах Алоиса РИГЛЯ (Alois Riegl, 1858–1905), хранителя отдела текстиля в Австрийском музее. В книге «Вопросы стиля» в 1893 г. он рассматривал эволюцию растительного орнамента от Древнего Египта до Византии и ислама — за 5000 лет — как единый процесс. Он отверг теорию Земпера о том, что орнамент проистекает из имитации техники и материала, утверждая автономное органическое развитие. Но есть резкие переломы. Это

не из-за внешних катастроф, а потому, что у каждой фазы свои эстетические идеалы. Нужно их видеть в каждой эпохе. В 1901 г. в работе «Позднеримская художественная индустрия» Ригль уловил зачатки романского стиля в позднеримском времени — там, где до него видели только упадок античности. Позже Ригль попытался увидеть за стилистическими особенностями проявление некоего «художественного воления», обусловливающего обновление и единство стиля. Его «Kunstwollen» — это не «художественная воля» художника, как это нередко понимают, а «воля искусства», «то, чего искусство хочет». За этим скрывается некая органически присущая миру искусства сверхиндивидуальная ментальность, развивающаяся по своим законам и не использующая материал и технику, а преодолевающая их. Великие художники у Ригля — просто исполнители «художественного воления» школы, стиля или нации.

Судить о произведениях искусства Ригль призывал не по их близости к каким-то абсолютным образцам — классическим или природным, — а по тому, насколько они соответствует идеалам их собственной эпохи.

В этом противопоставлении эпох, в поисках единого ключа для каждой в особой ментальности можно видеть приближение к структурализму.

Но лишь в 1915 г. швейцарский искусствовед Генрих ВЁЛЬФЛИН (Wölfflin, 1864 - 1945) из Базеля четко сформулировал в своих «Основных понятиях истории искусства» мысль, что искусство в своем развитии системно организовано и что в истории его важнее всего целостные совокупности — стили, школы, группы мастеров. Разрабатывая «историю искусства без имен», он предложил для различения стилей антиномные пары понятий: линейный/живописный, открытая форма/закрытая форма и т. д. — совсем как биномиальные оппозиции. В 1925–30 гг. еще один австриец Ганс ЗЕДЛЬМАЙР (Hans Sedlmayr, 1896–1984), усвоив идеи *гештальтпсихологии*, ввел положение о том, что произведение искусства формируется и воспринимается только как целое, как система, которую связывает воедино структура. Изменения происходят только в начале ее существования и в конце. У него есть работа «Утрата середины» (1948). Он настаивал на том, что изучение должно основываться, прежде всего, на формальном анализе. В 30-е гг. чех Ян МУКАРЖОВСКИ (Jan Mukařowski, 1891–1975) дополнил эти идеи внедрением семиотического понимания предметов искусства как знаков, а немецкий историк искусства, натурализовавшийся в США, Эрвин ПАНОФСКИ (Erwin Panofsky, 1892–1968) очертил историю искусства как историю символических форм.

16. Идеи структурализма в немецкой античной (классической) археологии. Поскольку классическая археология всё еще развивалась в теснейшем контакте с историей античного искусства, новые эстетические ценности соскользнули из трудов историков искусства в археологию. О влиятельности литературного кружка поэта-символиста Штефана Георге на классическую археологию уже говорилось. В составе кружка, отвергавшего демократию и пропагандировавшего аристократизм, элитарность, идеалы «чистого искусства», воплощенного в классике, увлечение художественной формой, были поэты, историки античной культуры и античного искусства, археологи-античники. Из последних — видные ученые: Рихард Дельбрюк, Пауль Якобсталь, Герберт Кох, Эрнст Пфуль, Бото Грэф и др. В соответствии со своей приверженностью вождизму и антипатией к демократии, они раздвигали границы применимости классических принципов за пределы эпохи классики, включая в высокое искусство материалы архаики, с одной стороны, позднеримские и средневековые — с другой.

К пониманию цельности архаического искусства призвал венский археолог-античник Эмануэль Лёви (Emanuel Löwy, 1857–1938), ученик Конце, в книге 1900 г. «Передача природы в древнейшем греческом искусстве», и в том же году Адольф Фуртвенглер выпустил книгу «Античные геммы», в которой было заложено новое понимание крито-микенского и этрусского искусства. Глубокое проникновение в архаическое искусство показал немец Бото Грэф (Botho Graef, 1857–1917), издавая с 1901 г. архаические вазы акрополя. Он читал лекции в Берлине и Иене. А молодой Рихард Дельбрюк (Richard Delbrück) с 1903 г. публиковал «Памятники позднеантичного искусства». Дальше размывание классической нормы плавно перетекло в понимание готики, первобытного примитива и т. д.

В этой обстановке идеи структурализма, став знаменем истории искусства, не могли не сказаться на археологии. Основываясь на этих идеях, немецкие археологи-античники Кашниц фон Вейнберг, Швейцер, Матц и др. в межвоенный период разработали концепцию структурального анализа классического греческого объемно-изобразительного искусства. Они специализировались на эгейском и классическом искусстве — скульптуре и архитектуре.

Гвидо КАШНИЦ фон ВЕЙНБЕРГ (Guido Kaschnitz von Weinberg, 1890–1958) происходил из Вены и воспитан под крылом Венской школы искусствоведения Ригля и Дворжака. Во время первой мировой войны он служил в австрийской армии, опекая итальянские памятники искусства, а после войны поселился в Мюнхене, где подружился с Матцем. Оттуда в 1923 г. переехал в Рим, где работал в Немецком Археологическом Институте и в Этрусском музее Ватикана. Он помогал Дёрпфельду на раскопках Афин, был в хороших отношениях с Курциусом. В 1932 г. переселился в Фрейбург, а оттуда в Кёнигсберг, где сменил Швейцера. В 1937 г. обосновался в Марбурге, в 1941 г. сменил его на Франкфурт на Майне, а когда его дом разбомбили американцы, поселился в загородном поместье своей жены, Мари-Луизы Кашниц, известной поэтессы. В 65 ушел на пенсию, в 68 умер.

Кашниц-Вейнберг находился под сильным влиянием философа-неогегельянца (неоидеалиста) Людвига Кёллена, по которому искусство автономно от общества, рукой художника непосредственно водит «мировой дух». По Кёллену, мировые понятия гегелевской философии выражены в пространственных формах искусства. Анализируя формы и отметая всё индивидуальное и случайное, можно познать устойчивые мировые понятия.

Еще в 1929 г. в рецензии на переиздание труда Ригля Кашниц фон Вейнберг, который подписывал свои работы и как Кашниц-Вейнберг, выдвинул задачу — изучать внутреннюю организацию художественной формы — *структуру*. Именно в свои кёнигсбергские годы он этим занялся, видя в структурах то, что характеризует не одного какого-нибудь художника, а все художественные произведения целой эпохи. Это нечто не-индивидуальное и неизменяемое, постоянное, привязанное к конкретным культурам и не имеющее ничего общего с историей, социальной средой и т. п. Структуры не столько изменяются, сколько сменяются. Цельность структуры у него напоминает культуры Фробениуса и Шпенглера, понимаемые как организмы — и не случайно, Кашниц-Вейнберг весьма почитал этих авторов (Wimmer 1997: 64–65, 177, 181–183).

Кашниц-Вейнберг, сформулировал «проблему начала», обратив внимание на смену этапов в истории стилей и культур. По Кашницу-Вейнбергу, новое выступает как полярное противопоставление (*Kontrapost*) старому, а промежуточных звеньев нет, и нет постепенного перехода. Система ведь не может обновляться по частям: либо

ее компоненты образуют одну структуру, либо другую — система обновляется враз. Если в ней изменяются или гибнут незначительные детали, она обходится оставшимися, но если изменяется какая-то из влиятельных деталей, то немедленно, подстраиваясь к ней, изменяются все остальные. Иначе система не сможет функционировать и погибнет.

Структуралисты не отрицали движение, изменения в истории культуры, они лишь отрицали постепенность и преемственность в этом движении. То есть они, по сути, предложили новый ответ на «проклятый вопрос» археологии — почему в культурно-историческом процессе видны разрывы, переломы, скачки. Если эволюционисты видели за этим явлением лакуны в наших знаниях, если диффузионисты относили их за счет приходов стилей, культур и народов со стороны, то структуралисты сочли резкие сдвиги законом самого существования систем — законом смены структур.

В работе «Средиземноморские основы античного искусства», опубликованной в 1944 г., Кашниц-Вейнберг разделил античное искусство на два несопоставимых развития — греческое и итало-римское. «В греческом главную роль играет суть мегалитов, стреловидного, фаллического». Отсюда возникает колонна как главный архетип пластической формы архитектуры, эвклидова геометрия. «Напротив, итало-римское присоединяется к той части Средиземноморья, которая манифестируется в пещерообразном». Здесь неэвклидово сводчатое пространство является «логическим продолжением идеи пещеры средиземноморской преистории». Творческая суть римского выражается не в пластике, а в архитектуре пространства (Kaschnitz-Weinberg 1944: 50–51). Но «мир как пещера» у Шпенглера — символ арабского искусства.

Бернгард ШВЕЙЦЕР (Bernhard Schweitzer, 1892–1966) из Кёнигсберга, работавший также в Лейпциге и Тюбингене, включился в структурные исследования (Schweitzer 1938). Продумывая геометрический стиль в росписи керамики Эгейского мира, Швейцер сравнивал не только его сюжеты, но и композицию с Гомеровским эпосом: та же тяга к симметрии, те же непременные повторы, те же стандартные готовые фигуры (в эпосе формулы), то же замедленное изображение быстрых движений и т. д. То есть в основе обоих явлений — геометрического стиля и эпоса — лежал один и тот же вкус, одна и та же система мышления (Schweitzer 1969). Впрочем, это наблюдение найдем у многих античников (например, у немецких филологов начала XX века Э. Дрерупа и Ф. Штэлина) — уж очень оно напрашивается (из литературы 50-х — 70-х гг. см. Notopulos 1957; Andreae und Flashar 1977).

Швейцер доказывал, что в Эгейском мире существовал радикальный разрыв между поздним бронзовым веком (Микенами) и прото- и раннегеометрическим периодом. Сравнивая трехручный позднемикенский грушевидный кувшин с его более поздним производным, Швейцер констатирует, что функция та же, а форма изменилась — он объяснял: потому что изменилось чувство формы!

В своей главе «Проблема формы в искусстве древности» в «Руководстве по археологии» (Schweitzer 1968) Швейцер неоднократно приравнивает выразительность произведений искусства к языку, а их анализ — к пониманию языка. Язык этот разный: «на Востоке иной, чем в Европе, в архаическую эпоху иной, чем в эллинизме, в 5-ом веке иной, чем в римско-императорскую эпоху». «Произведение искусства — не действительность, а уподобление, символ». Швейцер отстаивает «автономию художественной формы». В древней Греции монументальное искусство обслуживало культ, религию, но формы, за исключением архитектуры святилищ, происходили не из религии. Чтобы понять язык произведения искусства, мы должны разложить

этот объект на «элементы выражения» — «как мы это делаем со словами языка». Мы обладаем для этого понятиями «прямая и кривая, вертикаль, горизонталь и диагональ, плоская и выпуклая поверхность». Но этого мало. Нужно учесть еще и связь с ближайшей средой произведения и с историей.

«Произведения, которые возникли при почти одинаковых или схожих условиях, показывают почти одинаковые или схожие формы... Поэтому основополагающим методом формального анализа является *сравнение*». Это логический подход к понятию стиля. «Только понятие стиля делает понятие формы научно плодотворным...». Далее речь идет о закономерностях развития (Schweitzer 1968: 163–165, 169, 171, 173–175).

Гергардт Крамер (Gerhard Kramer) в 1931 г. выполнил работу «Фигура и пространство в египетском и греческом архаическом искусстве». Герберт Кох (Herbert Koch), опубликовавший в 1925 г. ««Римское искусство» с полнейшим представлением неклассической культуры, в 1942 г. выпустил свой труд «Образ: Исследования по общей морфологии». Н. Гиммельман-Вильдшютц (Himmelmann-Wildschütz) из Марбурга в 1960 пытался сопоставить структурализм с идей развития. Он придерживался представления, что структура не выводится из чего-то и не изменяется. Это «константа формы (Formkonstante)». По Гиммельману, «Смысл памятника лежит не в том, что связано с развитием, а в том, что связано с одномоментностью предмета ... Как с начала греческого искусства устанавливается свойственная ему константа формы, которая принадлежит ему до самого конца, так в идее бога, присущей мифу, она обладает и иконографической константой» (Himmelmann-Wildschütz 1960: 17, 23).

Фридрих МАТЦ Младший (Friedrich Matz der Jüngere) — наследственный археолог. Его отец, Фридрих Матц Старший, был одним их первых стипендиатов Римского института. Сын занялся исследованием эгейских культур, переходом от первобытных принципов искусства к классическим и воспринял методологию структурного анализа. В 1950 г. он выпустил «Историю греческого искусства» с претензией на изложение с позиций структурного анализа. Искусство изложено, структурный анализ не реализован.

Эти исследователи концентрировались на константах форм, и подход их был осознанно антиисторическим. Структура, учили они, это наследственная предрасположенность художника, и она никогда не меняет свои константы, свои «гены», внутри культурного круга (Hrouda 1978: 33). Они не сумели разработать детальной методики, которая была бы формализованной и единой. Кашниц-Вейнберг утверждал, что греческая и римская пластика построена на конфликте духа, воления формы, с инерционной массой материала, а на Востоке этого конфликта не было, материал был в ладу с формой и с идеей вечности, и т. д. Как это всё доказать? В чем это формально выражается? Всё это индивидуальные впечатления с изрядной долей мистики. Язык сочинений Кашница сложный, темный, одна и та же идея повторяется многократно. Кашниц-Вейнберг и Матц в духе времени (в тогдашней Германии) связывали структуру с расой и племенем.

Так, увидев в критском орнаменте на переходе от РМ к СМ структурную тенденцию тордирования (скручивания), которая есть также в дунайских неолитических культурах, Матц решил, что это доказывает вторжение северо-западных племен балканской крови на минойский Крит лучше, чем смена типов или мотивов. Кашниц делит первобытное население Европы на две группы народов — индоевропейскую, проявляющуюся абстрактным орнаментом и отсутствием телесной фигурности, и

ориентальную (включая Средиземноморье) — тут телесность, масса, длительность. Из конфликта этих двух структурных тенденций (и рас) возникает стремление к образности и классическое искусство Средиземноморья.

Кашниц-Вейнберг своими обычными темными формулировками выделял постоянную творческую активность «нордических» народов:

> «Тем самым, т. е. в постоянно рвущейся вперед активности, в пребывающем в себе волении формы, не имеющем покоя и пока что объекта, в «биодинамическом» существе нордических народов мы определили одну из констант, которая отображает собственное выражение творческой воли во всех структурах позднейшего европейского развития» (Kaschnitz von Weinberg 1965: 87).

Даже в 1968 г. Бернгард Швейцер в своем разделе коллективного Руководства по классической археологии противопоставлял восточные постройки греческому мегарону в таких выражениях:

> «Кто в Вавилоне войдет в храм или дворец, перед ним возвышается стена за стеной, также много символов огромного превосходства божественного и деспотического законов. Что мы в этом толковании не ошибаемся, показывает с одной стороны типически восточный жест бросания ниц, проскинеза, а с другой стороны роль, которую тысячелетиями играет стена молитв за торой у израэлитов и в исламе... Тип мегарона же своей ясной и целеустремленной осью приглашает не к пассивному унижению, а к активному действию» (Schweitzer 1969: 167).

Всё это не сопровождается никакими доказательствами, да в такой постановке и недоказуемо, а расовые акценты создавали опасную близость немецких археологов-структуралистов к нацизму.

Возможно, по этим всем причинам их структуралистские методы не вышли за пределы Германии, а после разгрома нацизма были заброшены и не получили дальнейшего распространения в археологии. Уже будучи на пенсии, в 1964 г., когда немецкий структурализм в археологии отошел в прошлое, Матц опубликовал свой синтез структурализма «Структурные исследования и археология» (Matz 1964, ср. Schindler 1969). Теперь это было интересно только историографам.

Рис. 29.1. Андре Леруа-Гуран (Les Nouvelles 1992: 53, fig. 1).

17. Андре Леруа-Гуран и палеолитическое искусство. Когда в 1964–65 гг. во Франции появились работы крупнейшего археолога Франции Андре Леруа-Гурана (рис. 29.1) по палеолитическому искусству и религии, в них увидели структуралистскую методику. То есть если в своих культур-антропологических работах до 1960-х годов Леруа-Гуран был неоэволюционистом, то в своих работах по первобытному искусству он обратился к структурализму. Поворот был радикальный, хотя и подготовленный предыдущим движением мысли исследователя. Дело в том, что еще его двухтомник «Жест и слово», вышедший в 1964–65 гг., но создававшийся раньше, был уже посвящен не технике, а «материальному поведению человека» и лежащей в основе его «социальной символике», менталитету. Говоря о «символах языка», Леруа-Гуран брал язык в самом широком смысле, понимая под ним «символическую транспози-

цию, а не кальку реальности». Искусство — это система знаков. Много места в этом труде было уделено сложению в человеческом мышлении моделей пространства — маршрутной, радиальной.

Понятие «цепи операций» также имеет структуралистские коннотации, означая проникновение в психику первобытного человека и связывая типологию с мысленными шаблонами, с мысленными структурами (Schlanger 1994).

Так вот, на рубеже 1950-х и 60-х годов Леруа-Гуран вдруг потерял интерес к неоэволюционистским обобщениям исторического процесса и целиком отдался осмыслению первобытных пространственных конфигураций. Это проявилось как в его изучении палеолитических произведений искусства и религиозных представлений, так и в исследовании очередной стоянки — Пенсеван, которую он, приступив к ней в 1964 г., стал раскапывать по-новому.

В 1958 г. появилась его первая статья, посвященная пещерной живописи — «Размещение и группирование животных в палеолитическом настенном искусстве». В этой статье он противопоставил традиционной трактовке пещерной живописи свое новое понимание. По традиционной трактовке (Брёйля) пещерная живопись — это остатки симпатической охотничьей магии: животных изображали, чтобы обрядами, выполняемыми над ними (следы магии — нарисованные стрелы, раны и ловушки), направить их под оружие охотников. Леви-Стросс, ссылаясь на наличие животных, не являвшихся излюбленными объектами охоты (хищники, мелкие зверьки и птицы), утверждал, что это тотемы. Леруа-Гуран отверг вообще такие прямолинейные этнографические аналогии, и предложил исходить из особенностей самого археологического материала. Идеи этой статьи развиты и снабжены подробными доказательствами (в частности статистикой) в небольшой книге 1964 г. «Религии преистории», где собственно о религии говорится очень мало, а еще более обстоятельный материал приведен в роскошном издании 1965 г. «Преистория западного искусства».

С точки зрения Леруа-Гурана, пещера может рассматриваться «как текст»; палеолитические изображения — это «мифограммы», т. е. графические соответствия словесным мифам. Поэтому пещеру он рассматривает как «мифологический сосуд», т. е. контейнер мифов. Расположение изображений в пещере, перенесенное на ее план, стало для Леруа-Гурана основным ключом к пониманию: он увидел в этой конфигурации некую метаструктуру, некий синтаксис, информирующий о «метафизике», т. е. мировоззренческой ментальности первобытных людей. Он разбил идеальный план пещеры на структурные части (вход, первый тайник, центральный зал, периферию, другие тайники, галереи, терминалы, т. е. окончания). Сами изображения, составляющие как бы словарь, он разбил на два класса: животные и условные знаки (человеческие фигурки, отпечатки рук, геометрические знаки). Частота, с которой изображались разные виды животных, была различной: бизон и лошадь вместе составляли 60–70% всех изображений, деля эту сумму поровну, тогда как некоторые другие животные (мамонт, козерог и олень) составляли еще 20–30%, а остальные (медведь, носорог, кошачьи) — вообще мизерные доли.

Далее, оказалось, что главные животные размещены преимущественно (91% всех бизонов и 86% всех лошадей) в центральном зале пещеры, а олень — в галереях, у входа, в передней периферии зала и в терминале. Вместе с лошадью и бизоном в центральном зале оказались мамонт (58%) и бык (92%). Треугольник, трактуемый как знак женского пола, оказался в центре (45%) и в тайнике (36%). И т. д.

Конечно, это наблюдение что-то говорит о сравнительном статусе образов животных у первобытного населения, но Леруа-Гуран счел возможным пойти дальше

в интерпретации. Из двухфигурности центрального блока он заключил, что этими животными символизированы две половины человеческого общества, а такая дихотомия у первобытного человека была только одна, таких половин было только две: мужская и женская. Два жизненных начала. Доказательства он видит в размещении знаков пола — женского и, возможно, мужского (хотя это не наверняка) тоже в центральной части. На деле фигур, как мы видели, не две, а четыре!

Впрочем, на юмористическом изображении пещерной живописи Леруа-Гуран поместил два женских изображения рядышком странным образом без мужчины. Вообще он все геометрические знаки «полные» (с обрамленным пространством внутри) толкует как «женские», а все знаки «тонкие» (из черт и точек) — как «мужские». Два второстепенных животных, помещаемых тоже в центре, трактуются у Леруа-Гурана как заместители главных. Причины и условия замещения не раскрыты. Раны на телах животных для Леруа-Гурана ассоциируются с женским началом, а нанесшее их оружие — с мужским. Сама пещера тоже должна была ассоциироваться с женским половым органом, но непонятно тогда, что — с мужским.

Между тем, сам же Леруа-Гуран признает, что половые органы животных вообще в палеолитической живописи отсутствуют, не изображаются и сцены спаривания (или крайне редко изображаются). Словом, крайний скепсис относительно других трактовок, базируемых на этнографии, сочетается с непонятной уверенностью в необычайно смелых гипотезах, не имеющих вообще надежной опоры — ни в этнографии, ни в самой археологии. Брёйль высказался о трактовке Леруа-Гурана саркастически: такое мог выдумать только сексуальный маньяк.

Американка Маргарет Конки (Margaret W. Conkey), почитательница и последовательница Леруа-Гурана, так обосновывает принадлежность Леруа-Гурана к структуралистам:

> «Этот подсчет, — структуралистский по многим признакам, включая следующие: 1) отдельные ячейки получают значение только благодаря их отношениям друг к другу; 2) действительное содержание искусства большей частью выведено за скобки: бизон и лошадь, "полный" знак и "тонкий" знак могли бы быть заменены совершенно другими элементами, и та же мифограмма осталась бы в наличии; 3) "очевидное" значение искусства и образов отвергнуто, и отыскиваются определенные "глубинные" структуры, не наблюдаемые на поверхности; и 4) поскольку частное содержание в теории заменимо (а это видно во втором классе фигур: знаки, люди, руки), резонно сказать, что "содержание" искусства — это и есть его структура, так что образность в нем — о самих себе» (Conkey 1989: 145).

Правда, в другой работе (Conkey 1992: 42) она признает, что анализ и интерпретация, вытекающие из работ Леруа-Гурана, «фундаментально отличны» от структурализма, поскольку, укладываясь в контекстный подход, требуют вписывания в историю. Можно было бы добавить, что встречающиеся ссылки на биномиальные оппозиции в основе исследований Леруа-Гурана неверны: его бизон и лошадь — не пара полярных фигур, а два существа, выбранных из множества подобных; деление же на мужскую и женскую половины не затрагивает план выражения (формальный аспект), а выступает только в плане содержания, т. е. не имеет структуралистского смысла.

Но это важнейший признак структурализма, только если равняться на Леви-Стросса. С этим течением у Леруа-Гурана действительно мало общего. Отказ от априорных гипотез и выявление эмпирическим путем обширных конфигураций в материале, как и поиски метасюжета мифологии — это была скорее методика Про-

ппа, не Леви-Стросса. Леруа-Гуран отлично знал русский язык и читал русскую литературу. Возможно, не миновал и Проппа. Известно, что Маркса и Эрвина Панофского он точно не читал (Coudart 1999: 661).

Одновременно с Леруа-Гураном распределение образов по палеолитическим пещерам исследовала Анетт Ламэнь-Амперер (работа 1962 года), и у нее не получилось деление на две группы, возглавляемых лошадью и бизоном. Таковы же результаты М. Рафаэля. Радиоуглеродный метод не подтвердил и хронологию росписей, предложенную Леруа-Гураном (как, впрочем, и хронологию Брёйля).

18. Структурализм в американской археологии: Джеймс Дитц и операции с формемами. Один из лидеров американской антропологии середины XX века Клайд Клакхон в докладе о типологии на V Международном конгрессе антропологических и преисторических наук в Филадельфии в 1956 г. (докладе, посмертно опубликованном) посетовал, что понятийный аппарат антропологии не располагает элементарными ячейками, независимыми от культуры и сравнимыми с фонемами и морфемами лингвистов. Он выразил тогда надежду, что такие ячейки можно выявить бинарными оппозициями, а не нагромождениями измерений.

Десятилетие спустя это осуществил американский археолог Джеймс ДИТЦ (James J. Fanto Deetz, 1930–2000). Пройдя обучение в Гарварде, где он специализировался по североамериканской археологии и этнографии, и, получив степень под руководством К. Клакхона в 1960 г., Дитц поступил на работу профессором антропологии в Калифорнийский университет в Санта Барбаре и в начале 60-х руководил там полевой школой археологии. В 70-е годы он уже преподавал в университете Брауна в г. Провиденс, штат Род-Айленд, а, проработав там 10 лет, переместился в 1978 г. вновь в Калифорнию – в Беркли, где проработал до 1993 г. Последним местом его работы был университет Вирджинии. Дитц был блестящим лектором, и студенты буквально ломились на его лекции. Столь же ясными, доступными и ярко написанными были и его книги. Они переиздаются неоднократно. С 1967 по 1978 он проводил раскопки ряда исторических местонахождений вокруг Плимута в Массачусетсе, часто ездил в Южную Африку, в Кейптаун, где он был почетным постоянно приглашаемым профессором (Beaudry 2001). С первой женой, Элеонорой Келли, у него было шестеро сыновей и четыре дочери; вторая жена, Патриция Скотт, занималась социоисторией и была его помощницей в этих вопросах.

С начала своей научной деятельности, с конца 50-х годов, он занялся изучением того, как социальная организация отражается в конфигурациях обитания. В 1965 г. вышла его монография «Динамика стилистических изменений в керамике арикара». Осуществляя это исследование, он заметил в своих материалах явно неслучайное распределение орнаментации на сосудах — некоторые узоры группируются в строго определенных частях поселения, в определенных домах. Он связал это с матрилокальностью изучаемого населения: ведь керамику изготавливали женщины, а раз в замужестве дочери не уходили от матерей, керамические традиции гнездились всё время в одних и тех же домах. Как только матрилокальность стала нарушаться, изменились и конфигурации распределения керамики: она стала перемешиваться, локальные традиции стали расплываться и таять.

Эта книга оказалась очень влиятельной. Влияние ее можно проследить в работах Марка Лиони и впоследствии адептов Новой Археологии Джеймса Хилла, Уильяма Лонгакра, Роберта Уоллона. Все увлеклись выявлением конфигураций распределения артефактов, отражающих *структуры обитания*.

В небольшой, но чрезвычайно занимательно написанной книжке «Приглашение в археологию», вышедшей в 1967 г. и копирующей в названии книжку 1964 г. антрополога-структуралиста Дагласа Оливера «Приглашение в антропологию», Дитц изложил основы своего структуралистского подхода. Он ближе всех других скопировал лингвистический структурализм.

Две основных ячейки в структуре языка с точки зрения структуралиста — это *морфемы* (класс минимальных звучаний, имеющих определенный смысл — обычно корнесловы или грамматические части слов) и *фонемы* (класс минимальных частиц звучания, изменяющих смысл слова). Сочетания фонем образуют морфемы, сочетания морфем образуют слова. Слова — это результат управляемой мозгом моторной активности мускулов, направленной на субстанцию воздуха.

В 1971 г. шведский археолог Йохан Кальмер (ныне работает в Берлине) предложил такой анализ зооморфной орнаментации времени викингов: изображения частей тела он приравнял к морфемам, всей фигуры — к словам, позы животного — к грамматическим формам, а всей композиции — к синтаксису. Он явно не знал, что уже раньше Дитц пошел гораздо дальше в использовании аналогий с анализом языка.

Наши артефакты, решил Дитц, это, как и слова речи, тоже результат моторной активности мускулов, направленной на некую субстанцию, только не воздуха, как слова, а более твердых веществ, и тоже под воздействием мозга, потому что и тут мы тоже добиваемся смысла в том, что мы создаем. Значит, можно и тут наметить аналогичное деление, выделить аналогичные структурные ячейки. Дитц назвал их соответственно: *формемы* (схожи с морфемами в языке) и *фактемы* (схожи с фонемами в языке). Элементарные признаки, изменяющие жизненно важные свойства артефакта — это фактемы. Скажем, царапина на поверхности несущественна, а вот если она изменяет смысл или ритм узора, это уже важно (рис. 29.2). А деталь, определяющая назначение или применение артефакта (например, рукоятка ножа или ручка сосуда или наконечник стрелы) — это формема (рис. 29.3).

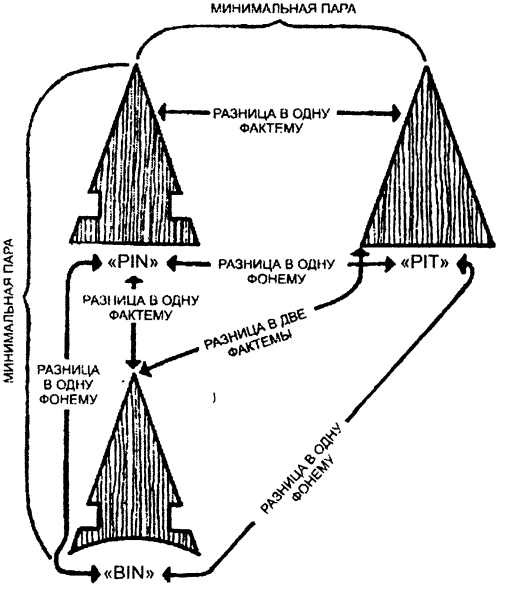

Рис. 29.2. Фактемы и фонемы, по Дитцу, из его книги «Приглашение в археологию» (Deetz 1969: 88, fig. 14).

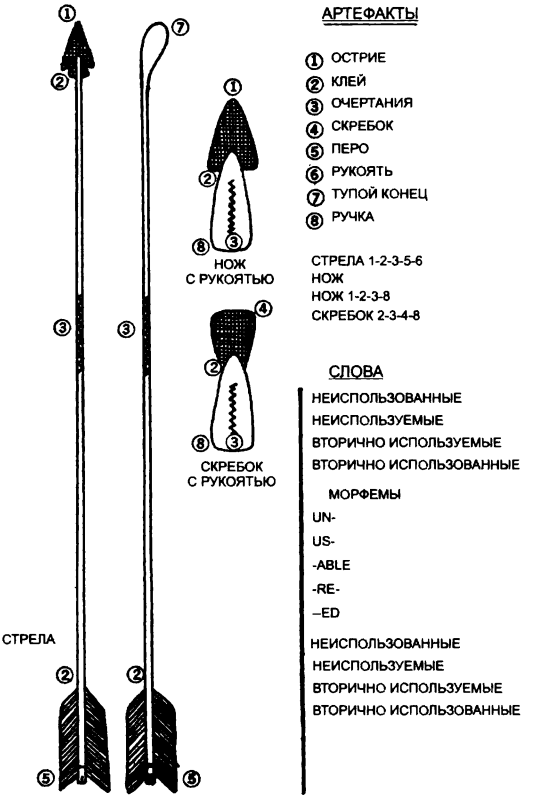

Рис. 29.3. Формемы и морфемы, по Дитцу (Deetz 1969: 91: fig. 16).

Видоизменения звуков в пределах одной и той же фонемы (т. е. доколе они не изменяют смысла, а только отражают акцент) называются в языке *аллофонами* — Дитц точно так определяет *аллофакты*: это вариации признаков, пока они не дают иного смысла артефакту (рис. 29.4). Далее он ставит вопрос о построении грамматики для работы с артефактами — системы правил и отношений уже не между морфемами, а между формемами. Грамматика языка сопротивляется переносу в другой язык, ее элементы передаются только при смешивании народов, и то туго. То же и относительно системы отношений между формемами, археологической структуры — она отражает некую структуру социальных отношений.

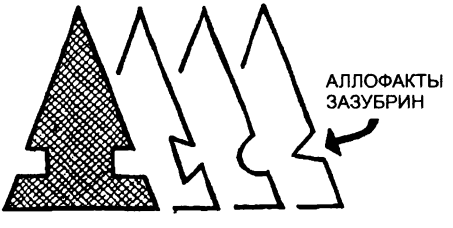

Рис. 29.4. Аллофакты выемок наконечника стрелы, по Дитцу (Deetz 1969: 89, fig. 15).

Выявляя статистическим анализом в археологическом материале структуру комплексов — территориальное и количественное распределение артефактов, — археолог получает возможность судить о социальной структуре изучаемого общества и ее изменениях.

Вместе со своим другом Эдвином Детлефсеном он опубликовал серию статей по сериации надгробных камней английских колонистов Новой Англии, прослеживая изменения в стиле и культуре и закономерности их отражения. Он и в дальнейшем с удовольствием копался в подробностях жизни ранних колонистов, сознавая больше других, сколь резко отличается их культура от современной (Yentsch 1992). Последнюю книгу, «Времена их жизни: жизнь, любовь и смерть в колонии Плимут», он подготовил вместе со своей женой Патрицией Скотт Дитц, но вышла эта книга уже после его смерти.

В структуралистском мышлении Дитца поддержал Делл Хаймз (Dell Hymes), хотя и оговорил необходимость дополнительной проработки: различия материала проявляются на разных уровнях (фонетическом, грамматическом и семантическом), различить их нелегко, путаница возможна. При обсуждении доклада Хаймза на Марсельском симпозиуме 1969 г. возникла дискуссия. Шютценбергер спросил, с какой стати нужно имитировать понятия лингвистики, а не, скажем, физики (атом, частица). В конце концов не называют же химики свои ячейки «химемами». На это Каугилл возразил, что химикам нет надобности различать один протон от другого, а вот археологам, как и лингвистам, различать свои элементарные ячейки приходится (Hymes 1970). Тут можно было бы заметить, что именно структуралисты, по крайней мере, в лингвистике и антропологии, как раз не различают конкретные ячейки, а выявляют общие схемы.

Так или иначе, Дитц явился инициатором введения структурализма в американскую археологию. Под именем «формального структурализма» в американской археологии 1970-х — 80-х годов молодые археологи занялись детальной разбивкой орнамента на мелкие элементы и изучением их комбинаций и распределений с поисками стоящих за ними мыслительных и социальных структур. В этом ключе стали работать М. Х. Фридрих, Д. К. Уошберн, Маргарет У. Конки, Дж. Маллер и др. Впрочем, тут были и размышления в духе Швейцера: Дин Арнолд выявлял в керамике Перу те же распределения элементов (деление по горизонтали и вертикали), какие усматривал и в социальной жизни аборигенных обитателей саванн; Уошберн разрабатывал симметрию. В 1988 г. Ф. Хассан опубликовал статью «Введение в грамматическую теорию литических артефактов». Но по изобретательности и глубине никто не превзошел в этом Джеймса Дитца. Его книга «Затерянное в мелочах: археология ранне-американской жизни» — самая читаемая книга по исторической (послеколумбовой) археологии Северной Америки.

Претензии на структурализм есть и в книге Чжана Гуанчжи «Переосмысливая археологию», вышедшей в один год с книжкой Дитца — 1967. Там приведена очень хорошая иллюстрация того, как изменяется функциональный и хронологический смысл артефакта в зависимости от его места в структуре (рис. 29.5). Кроме того, две из девяти глав этой книги имеют выражение «археологическая структура» в своем названии. Но при чтении выясняется, что под словом «структура» автор имеет в виду то систему, то (чаще) «модель» в духе Леви-Стросса. Все типы он считает условными, произвольно выделенными, мысленными моделями. Это не структурализм, а нечто иное. «Странно, что археологам еще лишь предстоит запрыгнуть на ходу в вагон со структуралистским оркестриком» — меланхолически

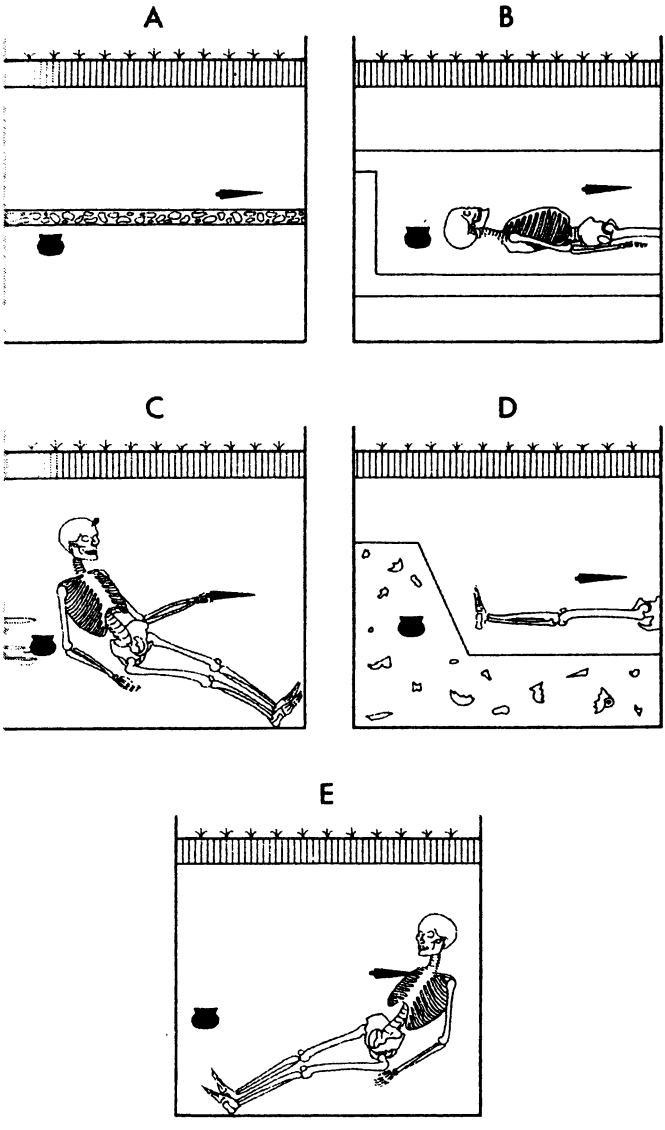

Рис. 29.5. Схема из книги Чжана Гуанчжи «Переомысляя археологию», 1967 г., показывающая, как изменяется смысл артефакта в зависимости от его положения в структуре могилы (Chang 1967b: 21, fig. 1).

заметил Чжан Гуанчжи. Он не запрыгнул. В каком он оказался вагоне, увидим дальше.

С середины 1970-х годов в американской археологии, в которой тогда преобладали исследования жизнеобеспечения поселений, стало ощущаться влияние когнитивной антропологии, а может быть, сказались те же общие социальные факторы, которые вызвали ее к жизни. Во всяком случае, обострился интерес к духовной жизни и ценностям исследуемого населения, к деятельности первобытного сознания, ко-

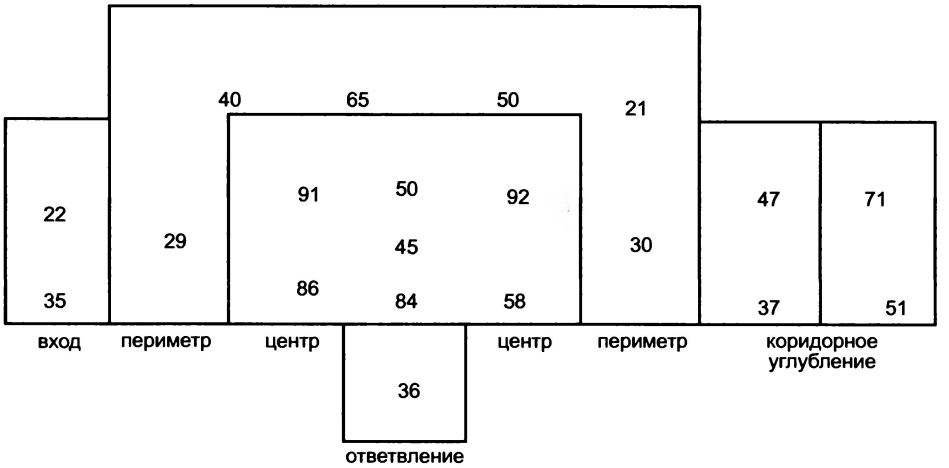

Рис. 29.6. Схема Леруа-Гурана, показывающая идеальное расположение образов в палеолитическом пещерном святилище и их количество. Основания для цифр — 865 образов в 62 пещерах (Conkey 1992: 143, fig. 9.1).

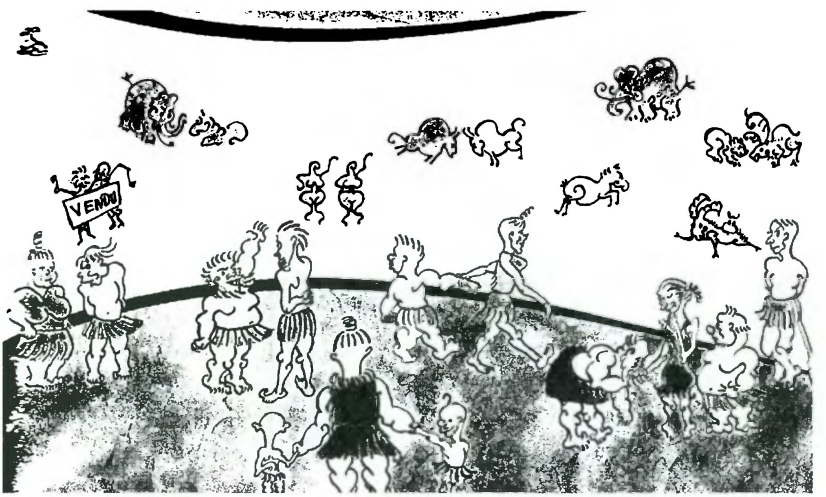

Рис. 29.7. Юмористическое изображение Леруа-Гураном пещерной живописи и ее восприятия первобытными людьми (Les Nouvelles 1992: 43, fig. 2).

торое трудно понять нашим сознанием. Эти исследования широко развернулись в 80-х. Однако в археологии к этому времени уже во всю бушевал пост-процессуализм, захвативший в свое ведение проблемы символизма и идеологии, и когнитивная археология неизбежно развернулась в эту сторону. Ее удобнее будет рассмотреть при обозрении постпроцессуализма.

19. Заключение. Как видно, структурализм в археологии, вопреки диагнозу Лича, наличествовал и, вопреки его прогнозу, не охватил пожаром археологию в конце XX века и в начале XXI. Хотя он и способен как метод давать очень интересные результаты. Как и таксономизм, он сосредоточен во Франции и в Америке. Применим ли он у нас?

Как ученику Проппа, мне бы стоило поискать в собственной практике, что в моих работах может быть связано со структуралистскими идеями? Ну, прежде всего, в моей «Археологической типологии» (1991) вся система понятий делится на планы содержания и выражения — это совершенно ясно видно в оглавлении терминологического словаря. Правда, поскольку меня интересует и сам процесс исследования, у меня еще добавлен и план познания. Различая культурный и эмпирический типы, я обратился к понятиям эмный и этный.

Более глубоко проникнуты духом структурализма, мне кажется, те мои работы, где связь и интерпретация артефактов осуществляются через реконструкцию ментальных структур. Так, есть у меня работа по разгадке назначения так называемых «зооморфных скипетров энеолита» наших степей (Клейн 1990а). Эти каменные или роговые «скипетры», т. е. символы власти, в виде головы животного предполагаются чем-то вроде каменного полированного боевого топора-молота, но они не могут быть скипетрами хотя бы потому, что у них нет проуха для рукоятки. Их держали в руке за заднюю часть (шею), а полирована только передняя. На морде животного выступ — рог. Животное пытались идентифицировать с носорогом, конем, взнузданным конем и т. д. Я предположил, что изображение непонятного животного и не отражает реальность, что это мифический единорог, изображаемый повсеместно как конь, но с рогом. О единороге же существует поверье (остаток мифа), что он размножается посредством своего рога, очень свиреп, а усмирить его может только дева. Вот если спроецировать «скипетр» на эту систему верований, то среди ее компонентов (камень в руке, единорог, рог в функции фаллоса, целомудренная дева, снятие напряжения) находится и место для «скипетров» — появляется возможность интерпретировать эти предметы, несомненно, культовые, как инструменты обряда дефлорации.

Другой пример. Я много копал катакомбные погребения и нашел ряд доказательств идентификации катакомбных культур с индоариями Ригведы (красная краска на лице, ладонях и стопах в наших погребениях и в индийской этнографии, и проч.). Другую часть степных культур логично было бы интерпретировать как другую половину индоиранской общности — как иранцев. Индоарии в своих священных гимнах, дошедших со II тыс. до н. э., всё время призывают мать Землю принять покойника в свои объятия, тогда как у иранцев ни Земля, ни другие стихии (огонь, вода) не должны осквернятся мёртвым телом — его кладут на деревянную или каменную подставку и оставляют собакам или птицам на растерзание. Но этот обряд возник лишь в железном веке, а как же найти иранцев в бронзовом? Там совсем другие обряды. Но если мы вдумаемся, то увидим, что некоторые из них просто иными средствами реализуют ту же эсхатологическую концепцию (концепцию загробного существования) — срубные захоронения и погребения в каменных ящиках точно так же изолируют покойников от земли, воды и огня, как скармливание птицам и собакам. За разными погребальными обрядами можно увидеть сохранение той же идеи, той же ментальности, той же эсхатологической концепции (Klejn 1980).

Здесь использованы лишь отдельные компоненты структурализма, не вся его система взглядов, не вся его методика. Но, вероятно, и более полное применение возможно. Не будем зарекаться.

20. Некоторые уроки. В совокупности, вместе с некоторыми предшествующими главами, эта глава показывает, что, оказывается, есть некоторые крупные ученые, в научной биографии которых выступает не одно направление, а несколько:

Риверс перешел от эволюционизма к диффузионизму, Чайлд — от дифузионизма к неоэволюционизму, Леруа-Гуран от неэволюционизма к структурализму.

По собственному опыту я знаю, что не исключается и одновременное использование принципиально разных методических подходов, если они оказываются взаимодополнительными и плодотворными. У нас долго *плюрализм* было ругательным словом, требовалось непременно придерживаться одной методологии, одного принципа, одной идеологии. Вероятно, есть разница между *эклектикой*, т. е. неразборчивым смешиванием старых методик, и богатством инструментария, основанным на *взаимодополнительном* применении разных методик, соответствующих разным задачам и возможностям.

Вопросы для продумывания

1. Имеет ли работа ван Геннепа «Обряды перехода» значение для археологов помимо структурализма?
2. Чего больше в «генетическом структурализме» Леви-Брюля и Пиаже — эволюционизма или структурализма?
3. Идеи обоих имеют несомненное значение для преистории, ибо поясняют познавательные возможности первобытных людей, а для археологии?
4. Какие уроки можно извлечь из работ Леви-Стросса для археологии?
5. Как в археологии решается проблема «влезть в голову» древнего или первобытного человека? Что здесь возможно, что — нет?
6. Как должна решаться эта проблема применительно к неандертальцу? К предшествующим типам человека?
7. В чем позитивные идеи немецких археологов-структуралистов?
8. Почему их основные идеи не реализовались в плодотворной методике? Как их можно было бы реализовать? Как операционализировать?
9. О чем могло бы в действительности поведать выявленное Леруа-Гураном распределение образов животных по частям пещер?
10. Представляется ли Вам перспективным развитие работы Дитца по отысканию соответствий лингвистическому анализу в археологии? В каком направлении стоило бы развивать этот вклад в археологию? Ведь назвать старые понятия по-новому — это еще даже не полдела. Что из этих новых названий (и значений) вытекает?
11. Почему археологический структурализм сосредоточился в двух странах — Франции и США?
12. Какие возможности для применения структуралистских идей вы могли бы найти в том материале, которым занимаетесь сами?

Литература

Структурализм в разных науках: Леви-Брюль 1930; Gazenevue 1972; Мулуд 1973; Грецкий 1978; Schäfer 2006.

Леви-Стросс: Lévi-Strauss 1958; Sahlins 1966; Schiwy 1969, 1971; Leach 1970, Leach 1973; Hammel 1972; Иванов 1978; Бутинов 1979; Дараган 1983; Леви-Стросс 1984; Островский 1988.

Пайк: Pike 1960, 1966; Harris 1976; Headland et al. 1990.

Структурализм в немецкой археологии: Schweitzer 1938, 1968, 1969; Kaschnitz von Weinberg 1944, 1965; Notopulos 1957; Himmelmann-Wildschütz 1960; Matz 1964; Schindler 1969; Andreae und Flashar 1977; Hrouda 1978; Wimmer 1997.

Леруа-Гуран: Audouze et Schnapp 1992; Conkey 1992; Schlanger 1994; Coudart 1999.

Структурализм в американской археологии (Дитц, Хаймз и др.): Hymes 1970; Harris 1974; Hymes and Fought 1981; Conkey 1989. Yentsch 1992. Beaudry 2001.

Прочее: Klejn 1980; Клейн 1990а.

Глава 30. КОНТЕКСТУАЛИЗМ

1. Введение. Все археологи сейчас, разумеется, в курсе того, что в 60-е годы в Америке и Англии произошла научная революция, в результате которой появилась Новая Археология. Но мало кто отдает себе отчет в том, что этому предшествовала другая революция, значение которой, возможно, больше той и влиятельность шире и дольше. Эту более раннюю революцию сразу после Второй мировой войны осуществил один человек — Уолтер Тэйлор, который в американской археологии долго отвергался и не оставил личной школы. В печати он занимал значительно меньше места, чем лидеры Новой Археологии (его бойкотировали, хотя читали все), а в русской литературе почти неизвестен. Короткая разгромная рецензия Монгайта на его книжку прошла незамеченной, книгу самого Тэйлора у нас никто больше не читал, кроме меня, даже имя его большинству ни о чем не говорит. Монтелиуса, Чайлда, Бинфорда знают все. Антрополога Эдварда Тайлора — многие. Археолога Уолтера Тэйлора не знает никто. Обсуждение его положений о типологии не пошло в нашей литературе дальше моих работ.

Между тем, из его книги выросло целое направление исследований, а другие несут на себе его влияние. Некоторые считают, что Новая Археология — это всего лишь продолжение революции, начатой Тэйлором, и Бинфорд сообщает, что свои новые идеи придумал, штудируя Тэйлора.

Но Тэйлор появился не на пустом месте. Истоки его собственных идей также интересны. Таких истоков два: *функционализм* и *теоретические идеи Клакхона.*

2. Функционализм в Америке: Данкен Стронг. Антропологический функционализм появился в Европе в 1922 г. В этот год вышли две книги английских инициаторов функционализма: «Аргонавты Западной части тихого океана» Бронислава Малиновского (1884–1942), эмигранта-поляка, и «Островитяне-андаманцы» Реджиналда Рэдклиф-Брауна (1881–1955). Впрочем, функционалистская книга немца Рихарда Турнвальда «Общество банаро» вышла еще в 1911 г. Функционалисты предложили отойти от ориентировки этнографии на историю. Они отвергли как простые описания изучаемых племен, так и прослеживание их истоков, миграций, влияний и т. п. Целью антропологического исследования они сочли выявление функций этнографических объектов, механизма их работы в живом сегодняшнем обществе (в частности колониальном), и всё это с целью помочь европейской администрации понимать эти общества и справляться с ними. А в основе функций этнографических объектов (вещей, обычаев, обрядов) лежат, по Малиновскому, элементарные

биологические нужды и потребности людей, а также возникающие из первичных вторичные потребности (в том числе социальные).

Рэдклиф-Браун первым приезжал с лекциями в США, читал их в 1931–37 гг. в Чикагском университете. В 1838–42 гг. его сменил Малиновский, читая лекции в Иельском университете. Американское общество было подготовлено к восприятию этих идей философами и психологами Уильямом Джеймсом, Джоном Дьюи и другими, особенно философией *прагматизма* Дьюи, изучавшей функционирование мозга с точки зрения выживания человека. Поэтому идеи функционализма быстро нашли последователей в США. Это были антропологи Сол Тэкс и Фред Эгган, а также социологи Тэлкот Парсонс и Роберт Мертон, ставшие лидерами в американской социологии. Нашлись последователи и среди археологов.

Возможно, эти идеи так быстро нашли последователей в США потому, что еще за несколько десятилетий до того и даже до рождения антропологического функционализма схожие идеи пробивались в археологии США — с конца XIX века, вероятно, как результат позднеэволюционистских интересов эпохи. В 1910 г. Харлан Смит (1872–1940) в книге «Преисторическая этнология местонахождения в Кентуки» сортировал артефакты по их социальным функциям: приготовление пищи, изготовление тканей, орудия мужчин, женские вещи и т. д. Ученик Смита Уилльям Уинтемберг, бывший ремесленник, интересовался способами изготовления артефактов. Работая в штате Кентуки, Уильям Уэбб, естественно, учел опыт Смита и изучал, как индейцы делали и использовали артефакты. В книге «Открывая заново Иллинойс» в 1937 г. Фей-Купер Коул (1881–1961) и Торн Дойел публиковали артефакты под функциональными рубриками, которые они называли «комплексами»: архитектура и домашняя жизнь, одежда, церемонии, военное дело и охота и т. д.

Но наиболее влиятельными из археологов этого склада оказались Данкен Стронг и Уэнделл Беннет.

Рис. 30.1. Уильям Данкен Стронг (Woodbury 1999: 414).

Уильям Данкен СТРОНГ (William Duncan Strong, 1899–1962, рис. 30.1), которого друзья и коллеги называли Данк, в первую мировую войну служил во флоте и тридцать раз пересек Атлантический океан с конвоем. Потом учился в Калифорнийском университете зоологии, в частности орнитологии, но перевелся изучать археологию на кафедру антропологии к Крёберу, став его учеником и другом. От него он усвоил восприятие археологии как части антропологии с интересом к истории. Его соучеником и приятелем был Джулиан Стюард, позже основоположник неоэволюционизма.

В 1926 г. Стронг защитил диссертацию «Анализ юго-западного общества», которая на следующий год была опубликована в «Американ Антрополоджист» (большая честь для молодого исследователя). В работе сочетались археологические данные с антропологическими, а в таблице «Теоретическая реконструкция юго-западного общества» были представлены в сопоставлении ключевые элементы социальной организации трех обществ. Его книга «Общество аборигенов в Южной Калифорнии», выпущенная два года спустя, считается в США классикой археологии. Вскоре Стронг уехал на о. Лабрадор с этнографической субарктической экспедицией и жил с индейцами наскапи, деля с ними их жизнь и изучая ее.

Затем он работал профессором в университете Небраски и проводил в этом штате археологические раскопки культуры индейцев пони (Pawnee), используя *«прямой исторический подход»* (direct historical approach) — так в Америке называют объяснения найденных археологических материалов из этнографии той же местности. Метод применялся издавна в Америке (см. выше о Сайрусе Томасе), но Стронг первый применил его системно, как основной и целеполагающий, совместив раскопки поздних памятников с этнографическим обследованием живых индейских поселений в окрестности. Археология Небраски была опубликована в работах Стронга 1933–35 гг., особенно в монографии «Введение в археологию Небраски». Название свое метод получил от брошюры Уолдоу Уэдела, помощника Стронга, «Прямо-исторический подход в археологии (индейцев) пони» (1938). Метод этот интересен не только как свидетельство совмещения археологии с этнографией, но и как указание на определенное видение археологических проблем в духе функционализма. Прибегающим к этому методу исследователям прошлое видится плоским, неглубоким, а главным в интерпретации раскопанного комплекса оказывается то взаимодействие его компонентов, которое пояснить может только наблюдение функционирования живого аналога.

Поскольку функционализм стремился преодолеть увлечение простыми описаниями и классификациями, это выглядело как выступление против таксономизма. Недаром друг Стронга неоэволюционист и экологист Джулиан Стюард в статье «Прямой исторический подход к археологии» противопоставлял этот метод Среднезападному Таксономическому Методу как более высокую археологию (хотя сам Стронг старался вписать свои выводы в СТМ). Но не менее того функционализм, с его концентрацией на одномоментном срезе с общества, на отвержении истории, противопоставлял себя эволюционизму, нацеленному на развитие, на процесс, на реконструкцию прогресса. Эволюционисты считали оседлость, земледелие более высокой стадией, чем кочевой быт. Стронг в Небраске установил, что кочевому коневодству прерий *предшествовало* оседлое приречное огородничество!

В 1936 г. вышла знаменитая статья Стронга «Антропологическая теория и археологический факт», нацеленная на соединение археологии с культурной антропологией в единое целое, в котором антропологии принадлежала бы ведущая роль: археология была бы оснащена теорией, но это была бы антропологическая теория. Под влиянием своего друга Стюарда он всё больше интересовался синтезами преистории обширных регионов, выделяя эпохи уже не только по стилям керамики, но по экономическим показателям и политической организации.

Во второй половине 30-х годов он заинтересовался Центральной Америкой, копал в Гондурасе с Киддером, а преподавать перевелся в Нью-Йорк, в колумбийский университет. Это он вместе со своим старым другом Джулианом Стюардом задумал раскопки целого района в Перу – долины реки Виру, куда и отправился со своим бывшим студентом Гордоном Уилли, с Джеймсом Фордом и Уэнделлом Беннетом. Раскопки шли с 1946 по 1948 гг., основное исследование по их материалам сделал Гордон Уилли, но Стронг успел разработать хронологию региона. Он умер внезапно в возрасте 63 лет. Стронг был блестящим лектором и оставил много учеников, среди которых такие видные, как Сполдинг и Уилли (Woodbury 1999).

К практикованию «функциональной археологии» призвал Джон У. Беннет в статье «Развитие функциональной интерпретации археологических данных за последнее время», опубликованной в 1943 г. и посвященной обзору археологических работ, в которых можно найти функциональную интерпретацию. Сам он выпустил такую

работу годом позже: «Взаимодействие культуры и среды в малых обществах». Под воздействием Беннета в 1948 г. Уилли опубликовал работу «Функциональный анализ стилистических горизонтов в перуанской археологии», а в 1955 г. неоэволюционистка Бетти Меггерс выступила с докладом «Функциональные и эволюционные выводы из конфигурированности общины». Таким образом, с 30-х годов в американской археологии формировалось функционалистское направление.

3. Научная родословная Тэйлора. Обратимся к научной родословной Тэйлора.

Теоретиком-синтезатором «движения культура-и-личность», выросшего из соединения школы Боаса с фрейдизмом, был Рэлф ЛИНТОН (Linton, 1893–1953). Вернувшись с фронта Второй мировой войны, он избрал археологию своей специальностью, но, прибыв в качестве археолога на Маркизские острова (Полинезия), он увлекся живыми представителями преисторического мира и стал этнологом. Впрочем, в его представлении обе науки — археология и этнология — были ветвями культурной антропологии. Линтон проводил экспедиции в Африке, писал диссертацию в Гарварде, затем работал в Чикаго и позже, с 1928 г., в Висконсине. Среди его учеников из Висконсина были Клайд Клакхон и Сол Тэкс.

В 1930-е гг. Рэдклиф-Браун преподавал в Чикаго, и Линтон проводил с ним публичные дебаты. Он был неудовлетворен сухим и безличностным функциональным анализом Рэдклиф-Брауна. В этом анализе Линтону не хватало истории. В 1936 г. Линтон, который был под воздействием функционализма и социологических теорий личности в обществе, опубликовал свой главный теоретический труд «Исследование человека» (*A study of man*). Эта книга стала учебником. Линтон добавил в функциональный анализ социально-психологические понятия статуса и *роли*, вводя, таким образом, в него психологический аспект. Общество для него — организованная группа индивидов, культура — организованная сеть идей, обычаев и условных эмоциональных рефлексов. Так что оно существует на психологическом уровне. Поскольку общество состоит из индивидов и зависит от реципрокности (взаимности, направленности друг на друга) их взаимодействий, функциональный анализ должен сконцентрироваться на функционирующих индивидах.

Ученик Линтона Клайд КЛАКХОН (Kluckhohn, 1905–1960) в основном культур-антрополог, но также с интересом к археологии. Вместе со своим учителем он воспринял идеи функционализма. Смолоду он дружил с индейцами навахо и изучал их. Два года, 1931–32, он проучился в Вене — изучал социологию и естественные науки, проходил у Шмидта этнологию, психоанализ у Фрейда. Исследуя навахо в 30-е — 40-е гг., инициировал новый тип полевых исследований — междисциплинарный (антропологи с психологами). С конца 30-х годов преподавал в Гарварде, где вместе с Толкотом Парсонсом и Питиримом Сорокиным создал факультет социологии. Клакхон был советологом, директором Центра Русских исследований в Гарварде и, разумеется, противником большевизма.

Как и его учитель, Клакхон — теоретик. В статьях «Место теории в антропологических исследованиях» и «Понятийная структура центрально-американских исследований» (Kluckhohn 1939, 1940) он решительно осуждал эмпиризм американских этнографов и археологов. Он выражал свое «отвращение к археологии, находящейся на интеллектуальном уровне коллекционирования марок» и свое «неодолимое впечатление, что многие деятели на этом поприще суть не кто иные как слегка реформированные антикварии» (Kluckhohn 1940: 45, 43). По его мнению, теория зани-

мается «сетью понятий дисциплины». Для Клакхона и его последователей «система теории в каждой науке означает ... небольшое число категорий, как и элементарных отношений между ними» (Kluckhohn 1940: 41–43, 47). Так что в теории нет законов, только сеть категорий.

Его наиболее читаемая книга — «Зеркало для человека» («Mirror for man», 1949). В ней он писал, что личность — в основном социальный продукт, т. е. продукт социализации биологического существа через опыты детства. Социализация — это подавление и переориентация культурой жизненных импульсов и врожденных элементарных потребностей человека. Доминирующие установки культуры образуют ее систему ценностей и определяют поведение людей. Реакции индивида на самые элементарные естественные побуждения могут быть детерминированы в той же мере культурными ценностями и надеждами, как и естественными факторами. Таким образом, если у Павлова и бихевиористов, а за ними у Линтона, ценности образуются на основе индивидуального опыта, то у Клакхона — это проекция социального опыта на индивидуальное сознание.

А что такое культура? Культура передается научением. «Культуру как таковую, — писал Клакхон в 1949 г. в «Зеркале для человека» — ... никто никогда не видел. Всё, что мы наблюдаем, это системы поведения или артефактов группы, придерживающейся общей традиции» (1949: 44). Приближаясь к своему пятидесятилетию, Клакхон совместно со своим старшим (семидесятипятилетним) коллегой Крёбером написал книгу, которая часто цитируется до сих пор. Это сводка определений понятия культуры: «Культура, критический обзор понятий и дефиниций» (1952). Авторы собрали по литературе и проанализировали сотни определений культуры. Разные определения рассортированы, сгруппированы, и выделено то, которому отдается преимущество. Авторы пришли к выводу, что культура «есть абстракция конкретного человеческого поведения, но не само поведение». То есть культура — это совокупность идей. Иными словами для Клакхона культура — это идеальная система норм, идей и ценностей в головах индивидов.

Вот у такого теоретика в конце тридцатых годов, как раз когда он работал над статьями о засилье эмпиризма, писал свою диссертацию ученик-археолог Уолтер Тэйлор.

4. Уолтер Тэйлор и его книга «Исследование археологии». Уроженец Чикаго, Уолтер Уиллард ТЭЙЛОР (Walter Willard Taylor, 1913–1997) родился в один год с Ирвингом Раузом и вырос в Нью-Йорке, где его отец подвизался на Уолл-Стрите. С детства Уолтеру не приходилось думать о хлебе насущном и месте работы. Он учился в Иельском университете и еще студентом провел масштабные раскопки Коахуиллы в Мексике на средства своей семьи и друзей. За всю его жизнь это были самые крупные его раскопки. Он преподавал в Аризоне, Гарварде и Техасе, женился, а диссертацию писал в Гарварде у Клакхона, защитил в 1943. Во время войны ушел в армию и воевал в морской пехоте в Алжире, Италии и Франции, награжден Бронзовой Звездой и Пурпурным Сердцем. Попал в плен и был в немецких лагерях. После войны обосновался в Санта Фе, в штате Нью Мексико.

В 1946 получил от Рокфеллеровского фонда грант на издание своей диссертации, название которой было: «Исследование археологии: диалектическое, практическое и критическое обсуждение с особым вниманием к американской археологии и сопрягательному подходу». Книга была написана в 1942–46, опубликована в 1948 (переизд. в 1967 и 1983). Для первой книги молодого (тридцатитрехлетнего) архео-

лога уже название было весьма нескромным: «Исследованием истории» назывался грандиозный труд маститого английского историка Тойнби. Еще менее скромным и сдержанным было само содержание. Были отобраны шесть самых маститых и уважаемых археологов-таксономистов США (Киддер, Гриффин, Хори, Робертс, Уэбб и Ритчи) и подвергнуты совершенно разгромной и язвительной критике — молодой никому не известный археолог отчитывал их свысока, как нашкодивших мальчишек, насмешливо и беспощадно. С точки зрения карьеры он поступал, конечно, неосмотрительно, закрывая себе все дороги, но он был достаточно богат, чтобы не думать о месте работы, и достаточно мужествен (Бронзовая Звезда и Пурпурное Сердце не давались трусам), чтобы никого не бояться.

Киддеру он вменял в вину то, что тот собирал данные ради самих данных, он только описывал их и ничего из них не извлекал, а его описания не-стандартизированы, худосочны, поверхностны. Он игнорировал обломки, брал только целые предметы, он был ослеплен грандиозными памятниками и не исследовал рядовой материал. У нас теперь есть описания памятников и артефактов майя, но нет представления о том, какое место эти предметы занимают в культуре майя.

Тэйлор заключил свой анализ словами: «Американская археология нездорова. Ее пищеварение нарушено. Вместо того чтобы усваивать питательный материал, она его выбрасывает» (Taylor 1948: 92).

Симпатизирующий левым американский археолог Дэвид Херст Томас в учебнике «Археология» так описывает эффект от книги Тэйлора: «это был не меньше, чем открытый призыв к революции. Этот новичок, у которого молоко на губах не обсохло, напал на буржуазных археологов — жирных котов, бомбил их и распекал» (Thomas 1969: 46).

Он отчитывал их за то, что они не понимали задач настоящей археологии, а то, что понимали и даже проповедовали, не выполняли сами. Они, заявлял Тэйлор, делали плохую археологию и даже вообще не археологию. Как же понимал задачи и суть археологии сам Тэйлор?

5. Археология как дисциплина и ее место среди наук. Усвоив понимание культуры у Линтона и Клакхона, Тэйлор считает, что поведение, доступное нашему наблюдению, — это не культура, археологический материал — тем менее культура: культура — это идеи, в нем отраженные. Ее изучает культурная антропология, а «собственно археология — это не более чем метод и ряд специализированных техник для сбора культурной информации. Археолог как археолог в действительности не что иное, как технарь» (Taylor 1948: 43).

Но простое описание археологического материала — не наука. Археолог призван классифицировать материал с точки зрения его культурного значения, вывести некие законы его существования и функционирования в обществе. А этим занимается антропология. Значит, археолог в своем познании материала движется в сторону антропологии.

Если опустить определение проблемы, то на этом пути различимы пять этапов:

1) Сбор, анализ и критика эмпирических данных — археологических материалов, критика их применимости, установление технологии, назначения, использования, т. е. функций;

2) Установление хронологической последовательности — построение локальных хронологий;

3) Поиск и открытие отношений в контексте нахождения;

4) Сравнительное исследование культуры в статике и динамике — исследование сути культуры, ее контактов, законов и их функционирования;

5) Абстрагирование законов всеобщей истории человечества.

По Тэйлору (1948: 152–202; табл. 4), только первый и, возможно, второй этапы являются делом археологии, а далее палочка эстафеты передается историографии и этнографии (третий этап), далее этнологии и антропологии (четвертый) и философии (пятый).

Кто ограничивает себя первым шагом, — делает «антикварианизм», кто останавливаются на втором — «хронику», на третьем — «историографию» (у Тэйлора это означает историю как дисциплину) и «этнографию», а на четвертом «антропологию» (включая «этнологию» и «социологию»). Так что для Тэйлора история это всего лишь предварительный шаг к антропологии. Сама по себе археология, полагает Тэйлор, — «ни история, ни антропология. Это не что иное, как собирание культурной информации». Значит ли это, что она остается на первом шагу, где также помещен «антикварианизм»? Ответ зависит от того, что понимать под «культурной информацией». Если также и хронология включается, то археология располагается на шаг выше (или дальше), но, во всяком случае, не рядом с историей, до нее. «Собственно археолог есть не что иное, как технарь» (1948: 41).

Хотя археология и помещается у Тэйлора на первых шагах познавания материала, культурных остатков, далеко не доходя до антропологии, он осуждал таксономистов именно за ограничение описаниями и классификациями, т. е. за то, что они, признавая на словах первобытную археологию отраслью антропологии, антропологию не делали. Значит, практиковали не археологию, а антикварианизм.

6. Теория. Как и его учитель Клаккон, и даже более, чем он, Тэйлор — теоретик. В своем представлении о теории вообще и теории культуры в частности Тэйлор (Taylor 1948: 6) следует своему учителю: теория — сеть понятий, культура — сумма идей, а каждое ее явление уникально. В таком понимании теория культуры не имеет источников и средств для объяснения и предсказания, в археологии — для реконструкции прошлого. Ведь при рассмотрении каждого явления прошлой культуры как индивидуального, наши возможности подыскивать аналогии, сравнивать, объяснять и предсказывать это явление (соответственно восстанавливать) очень ограничены. Вводится неизбежно зерно субъективности, неопределенности. Тэйлор и предпочитает говорить не о *реконструкции*, а о *конструкции*, о *конструировании* прошлого.

Что же тогда остается для теории, какая функция? Покрывая материал сетью понятий, наложить на него порядок этой сети — в надежде, что множественными коррекциями эту наложенную сеть можно будет привести как можно ближе к внутреннему делению, присущему материалу. Отсюда такое место классификаций в центре теоретических интересов Тэйлора и его последователей, собственно сводящего «археологическую теорию» (1948: 143) к «теории археологической классификации» (1948: 121). Опять же, он осуждал таксономистов за ограничение классификациями, а сам в своем теоретическом мышлении предлагал то, что они делали в практике исследований.

Несмотря на такие внутренние противоречия в его исходных позициях, книга его имела огромное значение, потому что содержала важные новаторские положения, определившие многое в дальнейшем развитии археологии. Эти положения относятся к типологии, процедуре исследования и к определению задач археолога.

7. Типология по Тэйлору. Тэйлор делит типы на два вида: эмпирические и культурные. *Эмпирические типы* сформированы из свойств, присущих материалу и доступных для наблюдения и регистрации (мы можем разделить материал по наблюдаемым признакам). В этом смысле образуется объективная основа исследования. Поскольку количество этих свойств велико, их выбор, отбор и группирование зависят от произвола исследователя и в этом смысле эмпирические типы как ячейки по необходимости субъективны (по Тэйлору). Выделение эмпирических типов это служебно-исследовательская часть классификации. Она относится к непосредственно наблюдаемому миру *исследователя* и ничего не говорит об *исследуемой культуре* (см. Taylor 1948: 116, 123–29, 145).

> «Можно сгруппировать автомашины в типы, исходя из длины царапин на их полировке, классифицировать черепки с дресвой по числу песчинок в каждом из них или объединить все ретушированные наконечники с боковыми выемками. Всё это может быть проделано, но встает вопрос: ну и что?» (Taylor 1948: 129–130).

Мы имеем дело с такими типами, но не их мы ищем. Задача состоит в переходе от них к культурным типам. *Культурные типы* — это такие группировки по сходствам, которые введены в материал самими создателями культуры, когда они упорядочивали материал и использовали свои нормы. Таким образом, культурные типы внутренне присущи материалу и в этом смысле объективны. Но эти группировки непосредственно не распознаваемы в этом качестве. Желательно использовать определенные знания и цепь заключений, чтобы придать статус культурных типов тем или иным группировкам, наблюдаемым в материале. Здесь могут возникнуть расхождение мнений и ошибки. В этом смысле культурные типы включают в себя субъективный элемент. Они могут естественно проявиться как вполне *искусственные*, но это не неизбежно (Taylor 1948: 116, 130–32, 139).

> «Определяются ли эти группы археологическими исследованиями или нет, не может отменить факт их существования... Хотя именно классификатор, как упоминает Бру, строит классификацию, это не противоречит тому факту, что есть классификации, внутренне присущие данным. Хочет ли исследователь найти их или нет в своем археологическом материале, они в нем есть» (Taylor 1948: 133).

Разделение типов на культурные и эмпирические и обнаружение в каждой из этих категорий как объективной основы, так и субъективного компонента — очень важный вклад в распутывание классификационных проблем, и я в своей «Археологической типологии» исходил из него. Но вот как перейти от эмпирических типов (этных) к культурным (эмным) — это осталось у Тэйлора нерешенным.

8. Проблемно-установочная процедура исследования. До Тэйлора в археологии господствовал эмпирический метод, которому соответствовал определенный *план исследования* (research design plan) и его изложения, определенная последовательность операций (у нас принято называть это процедурой исследования). Поскольку при эмпирическом методе господствует индукция, обобщение материалов, то всё начиналось со сбора материалов, продолжалось их классификацией и анализом, а заканчивалось суммированием и обобщением. В 1877 г. индуктивной методикой пользовался Флиндерс Питри в изучении метрологии. Такую индуктивную процедуру изложил и предлагал как норму исследований Софус Мюллер в 1898 г.

Отвергая следом за Клакхоном эмпиризм, Тэйлор предложил и другую процедуру исследований. В его процедуре всё начиналось с определения проблемы в рамках

теоретической концепции. Проблема определяла выбор материала, а затем уже шла его обработка по определенному теоретической концепцией направлению.

Эта схема исследовательской процедуры укоренилась уже давно как строгая норма в естественных науках. В археологии ее применяли также издавна, но спонтанно, спорадически и нестрого. Ясно она представлена археологам впервые в труде Уолтера Тэйлора. В конкретном исследовании эта схема точно реализована Джеймсом Н. Хиллом (Hill 1968).

Разработанная У. Тэйлором проблемно-установочная схема находит философское обоснование в учении прагматиста Дж. Дьюи (Dewey 1955: 104–105) о проблемной ситуации. Вся прагматическая ориентация контекстуалистской точки зрения Тэйлора делает эту схему и даже ее абсолютизацию естественной для него и для его последователей. Что касается археологов с другими философскими взглядами, то для них эта схема также приемлема, потому что она отражает и формирует реальный и важный аспект исследовательского процесса в археологии: ее организацию, возникновение и присутствие проблем, и в связи с этим нацеливание исследований. По крайне мере многих исследований.

9. Сопрягательный подход Тэйлора или контекстуализм. В своем труде Тэйлор не только дал развернутую и разгромную критику таксономизма и таксономистов, но и четко сформулировал свою позитивную программу.

Его предшественники, таксономисты, сравнивали артефакты *внутри* каждой функциональной категории (горшки с горшками, миски с мисками, наконечники стрел между собой и т. д.), только с разных памятников (межпамятниковый анализ — intersite analysis). Они делали это в целях выделения типов, а функция вещей, естественно, оставалась за рамками исследования (раз всё сравнение идет внутри одной функциональной категории), тогда как Тэйлор, исходя из функционалистских идей, противопоставляет этому подходу другой. В нем он требует связывать артефакты *разных* категорий – горшок с миской, ножом, печью и т. д. — внутри одного замкнутого комплекса, одного *контекста*, чтобы их соотношения открыли их *функции* в нем и смысл всего контекста. Этот подход он назвал «*сопрягательным*» (conjunctive), у других археологов он получил название «*контекстного*».

Его концепция не включает вообще-то сравнение и обобщение контекстов, поскольку каждое культурное явление воспринимается им как индивидуальное и уникальное. Он отрицает значение регулярностей, выражающих законы, а тем самым он принижает роль теории как системы открывающей и использующей законы, принижает ее также и вне археологии, во всем антропологическом комплексе дисциплин. Все культурные черты у него равноценны, структуры и иерархии в их сочетании нет.

10. Восприятие книги Тэйлора и его судьба. Рецензии на труд Тэйлора появлялись (для западной прессы) с большим запозданием: первая — через два года, вторая — через три, третья — через шесть лет. В них признавались позитивные стороны книги, но в основном тон был резко критический. Основной упрек был в том, что автор не снабдил свою теорию собственным применением — показом реализации, оставив ее голословным утверждением. И, конечно, всех коробили его нападки на уважаемые личности и его покровительственный и поучительный тон. Каждый из оскорбленных имел много учеников и друзей, обижена была вся американская археология. Это о ней Тэйлор сказал: «Она нездорова. Ее пищеварение нарушено». Он

имел в виду, что она выбрасывает в качестве публикаций непереваренный материал. Ничего себе сравненьице для публикаций ассов археологии!

Рис. 30.2. Пожилой Уолтер Тэйлор (Malina 1981: 269).

Результатом было то, что Тэйлор десять лет так и не мог получить постоянное место работы в университетах или музеях США, несмотря на влиятельность своего учителя Клакхона. Он имел временные работы, читал отдельные курсы лекций, и то большей частью в Мексике. В конце концов, поселился в Мексике и даже принял мексиканское гражданство (теперь у него было двойное гражданство). Впрочем, будучи весьма состоятельным, он и не лез из кожи вон, чтобы такую работу получить. Получил в 1958 г. — пост заведующего археологическим отделением (кафедрой) в университете Южного Иллинойса, город Карбондейл, южнее Чикаго. 43-летний Тэйлор (рис. 30.2) развернул там внушительную программу широкого антропологического образования для археологов, с необходимостью двух иностранных языков и методологии науки, с серьезными продолжительными экзаменами для студентов. Тэйлор обожал свою жену, но к археологии женщин допускал неохотно. Он был очень требовательным к студентам, решительно изгонял лодырей и тупиц. Да и для обычных студентов и аспирантов было трудно выдерживать его стиль. Многие покинули университет и вернулись только после ухода Тэйлора. Его уважали, но побаивались и не любили.

И, конечно, ему никогда не прощали его критику тузов 1948 года. Его никогда не избирали на почетные посты в археологических и антропологических обществах США. Правда, в 1970-м г. старый таксономист Пол Мартин, прибыв с публичной лекцией в университет Южного Иллинойса, начал свою лекцию с анализа монографии Тэйлора. При этом он взглянул на присутствовавшего в зале Тэйлора и сказал: «Уолт, ты был прав. Мы не смогли разглядеть это в 1948, но ты был прав». Все обернулись к Тэйлору, а он кивнул и тихонько ответил с вежливой улыбкой: «Спасибо, Пол» (Reyman 1999: 693).

Но старик Мартин вообще был энтузиастом новаций, и его отношение еще не говорит о признании археологического сообщества. В 1974 г. Тэйлор ушел в раннюю отставку, в возрасте 61 года. А еще через 10 лет на 50-м ежегодном собрании Общества Американской Археологии в 1985 г. 72-летнего Тэйлора резко критиковали многие участники. Он покинул заседание и ни разу более не показывался ни на одной археологической конференции. Когда его ученики задумали юбилейный сборник в его честь, десятилетние старания не увенчались успехом: было получено всего две статьи. Более 100 ученых отказались участвовать, а многие прямо отвечали, что не могут забыть и простить книгу 1948 года или обиды студенческих лет.

А рецензии продолжали появляться и с течением времени становились всё более симпатизирующими и даже восторженными. В 1983 г., т. е. 35 лет спустя после выхода книги, вышло ее третье издание с предисловием Пэтти Джо Уотсон, которое можно рассматривать как рецензию. Уотсон писала, что он на 20 лет опередил время и что его труд остается «потрясающе влиятельным». В 1988 г., через 40 лет, после появления книги, появилась рецензия Джеймса Дитца под названием «История и археологическая теория: обращение к Уолтеру Тэйлору сызнова». Дитц тоже пишет,

что идеи Тэйлора остаются «замечательно свежими» и сорок лет спустя, реализуясь в современных теориях.

Между тем, отчет о своих крупных раскопках Коахуиллы, проведенных в молодости, Тэйлор готовил вместе с учениками. Это тот отчет, который должен был показать всем, что он и сам в силах представить реализацию своей теории. Всё же готовил он его с прохладцей, спокойно и медленно. Он ни разу больше не предпринял крупных раскопок, а очень много времени уделял своим хобби: охоте, рыбной ловле (будучи богатым человеком, и владея имениями на р. Пекос и в Колорадо, он имел возможности проводить это с размахом и вкусом), увлекался музыкой (он был отличным гитаристом и чудесно пел испанские и английские народные песни — «фолк»). Кроме того, он великолепно готовил, имел коллекцию изысканных вин, и собрал одну из лучших в Америке антропологических библиотек — у него были полные подшивки даже очень редких и дорогих журналов и серий. Как пишет его биограф Реймэн, Тэйлор имел страсть к «хорошей жизни» (по-русски мы говорим, был жизнелюбом) и имел средства вести ее (Reyman 1999: 688). Но это съедало время, а времени оставалось мало.

К концу 80-х годов ученики его стали замечать странности в его поведении. Он стал всё забывать, вести себя неадекватно с ними, лишать их помощи и поддержки. Он поручил одному их них сделать часть отчета и, обещав соавторство, опубликовал в 1988 г. совершенно другой, явно худший, текст без малейшего упоминания проделанной работы и имени того, кому она была поручена. Вскоре выяснилось, что у него — болезнь Альцгеймера (прогрессирующее и неизлечимое разрушение мозговой деятельности, при котором теряется сначала память на слова и события, потом узнавание лиц и ориентация в пространстве, потом понимание остального). Последнее десятилетие своей жизни он провел в слабоумии. Умер в 83 года.

Пэтти Джо Уотсон отмечает с сожалением, что Тэйлор был менее влиятелен, чем мог бы быть. Его биограф Реймэн заключает, что Тэйлор не сумел реализовать полностью свой огромный потенциал, потому что сам был своим злейшим врагом (Reyman 1999: 697). Но и тот переворот, который он совершил, увековечил его имя. Он, правда, остался автором одной книги — но какой книги!

11. Развитие и систематизация у контекстуалистов. Гордон Уилли. Тэйлор вторгся в американскую археологию как бы со стороны, олицетворяя в ней антропологическую традицию -- от Клакхона, и всё время воспринимался как чужой, враждебный пришелец. Своим был другой основатель контекстуалистской археологии, другой проповедник функционалистских идей, ученик Стронга, систематизатор, теоретик и практик Гордон Уилли, родившийся в один год с Тэйлором и Раузом. Он считается зачинателем и лидером «settlement pattern archaeology» («археологии конфигурации заселенности» или «конфигурации обитания») и получил множество орденов, медалей и научных титулов и отличий (Preucel 1999).

К Тэйлору он относится уважительно, но отстраненно, всячески подчеркивая свою непричастность. На схеме (рис. 30.3) в его совместной с Сэблофом «Истории американской археологии» прямой ствол родословной, так сказать, мэйнстрим, идет к Новой Археологии не от Тэйлора, а прямиком от таксономиста Рауза, Тэйлор же и Уилли расположены по разные стороны этого ствола, обладая разными корнями: Тэйлор -- от Клакхона, а Уилли — от Стюарда. А книга Уилли и Филлипса помещена непосредственно под Бинфордом, на прямой линии от Рауза к Новой Археологии. Намекая на прогрессивность своей позиции, Уилли в то же время подчеркивает

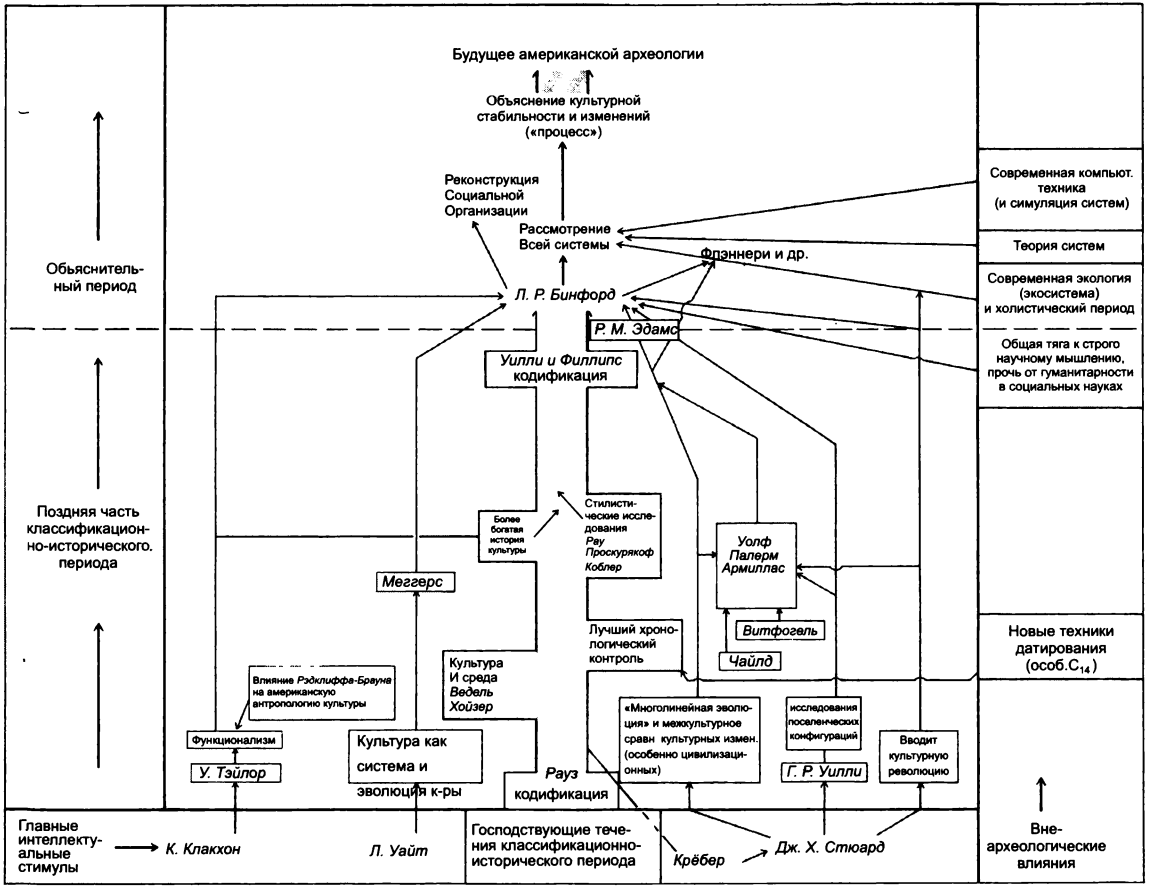

Рис. 30.3. Теоретическое и методологическое развитие американской археологии после 1940 г. Схема родословного древа научных концепций из книги Уилли и Сэблофа «История американской археологии» 1974 (Willey and Sabloff 1974: 187, fig. 120).

свою связь с традиционной археологией. На деле у него много принципиально общего с Тэйлором, начиная с функционалистской основы и кончая отождествлением археологии с антропологией. Он, конечно, читал книгу Тэйлора и не избег ее влияния.

Гордон Рэндолф УИЛЛИ (Gordon Randolph Willey, 1913–2004, рис. 30.4) происходил из маленького среднезападного городка Чаритон в штате Айова, но вырос в Лонг Бич, в Калифорнии. Со школьных лет выбрал для себя археологию. Казалось бы, почему бы ему не поступить в Калифорнийский университет к Крёберу, но в списках этого университета значилась только кафедра антропологии, а археология не значилась. Поэтому он поступил в соседний университет Аризоны, где, по его собственному признанию, уделял больше внимания атлетике, чем науке, а по окончании прошел в 1936 г. летнюю школу по археологии в Санта Фе. Там все практиканты были этнологами или физическими антропологами, только двое было археологов — Гордон Уилли и Уолтер Тэйлор. В автобиографии Уилли вспоминает «много хороших споров и дискуссий о том, как надо раскапывать сложные структуры в курганах и должным образом вскрывать погребения» (Willey 1989: 103). Но это было еще до обучения Тэйлора у Клакхона, а Уилли у Стронга. Диссертацию по памятникам Перу Уилли писал в Колумбийском университете в Нью-Йорке у функционалиста Данкена Стронга (товарищем по семинару у Стронга был Элберт Сполдинг), защитил в 1942. На следующий год присоединился к приятелю своего учителя Джулиану Стюарду, неоэволюционисту, в составлении «Руководства по южно-американским индейцам». В 1950 г. 37-летний Уилли получил в Гарвардском университете место профессора по центрально-американской археологии и этнологии, которое занимал 37 лет — до 1987 г.

Рис. 30.4. Гордон Уилли (Preucel 1999: 702).

Еще аспирантом Колумбийского университета, в 1940 г., он вместе со своим товарищем Ричардом Вудбери, впоследствии написавшим весьма критическую рецензию на Тэйлора, обследовал северо-западный берег Флориды. Друзья обнаружили там 87 поселений, предприняли стратиграфические раскопки шести из них, построили хронологию в 8 периодов и описали развитие заселенности, экономики, социальной организации и т. п. В 1941 г. вышел совместный обзор с Фордом «Интерпретация преистории восточных штатов», тоже с периодизацией. Это были ранние прообразы его будущих систематизаторских обзоров преистории США. В 1945 г. он разработал понятийный инструментарий для таких обзоров — понятия «горизонт» и «традиция». «*Стилистический горизонт*» — это совокупность схожих артефактов и комплексов, занимающая обширную территорию, но не имеющая большой протяженности во времени. Горизонт формируется в ходе контактов (включая миграции, влияния и заимствования) и является основой для синхронизации памятников. «*Культурная традиция*» — наоборот, связывая артефакты и памятники, схожие по каким-то показателям, простирается глубоко во времени, охватывая ряд эпох, но в каждой эпохе оказывается узко локальным явлением, проявляясь в одном памятнике или четко ограниченной группе родственных памятников. По традициям прослеживается культурная преемственность.

В этих понятиях Уилли отразилась атмосфера 40-х годов — конкуренция двух течений: культурно-исторической археологии (миграционизма, трансмиссионизма, таксономизма) с растущим неоэволюционизмом. Понятие стилистического горизонта, подразумевающего контакты, Уилли заимствовал у лидера культурно-исторической археологии Крёбера, который его выдвинул в 1940 г. Понятие же культурной традиции Уилли добавил сам под влиянием эволюционистских идей: это понятие переносило акцент с границ культуры на прослеживание преемственности и развития во времени. Оба понятия вместе создавали решетку для систематизации культурных материалов во времени и пространстве. Впрочем, сам Уилли в законы эволюции и прогресса не очень верил.

А с 1946 по 1948 гг. он активно участвовал в экспедиции своего учителя Стронга в долину Виру в Перу. Стронг взял на себя составление хронологии, а Уилли, по совету Джулиана Стюарда, друга его учителя, занялся изучением всей картины заселенности долины. Он обращал внимание не только на большие города с храмами, но и на всю совокупность сельских поселений и деревушек, причем Стюард советовал исследовать не каждое поселение в отдельности, а всю сеть поселений. Он имел в виду, что это позволит выявить воздействия экологии на обитание людей, а Уилли уже думал о социальной организации и о том, как она отражается в конфигурации заселенности. Его интересовало взаимодействие поселений и их обитателей в природной и социальной среде; центральными целями изучения для него были, как он сам формулировал, «контекст и функция». Он использовал конфигурацию обитания как «стратегический отправной пункт для функциональной интерпретации археологических культур», поскольку конфигурация заселенности «отражает природную среду, уровень техники, на котором строители оперировали, и различные институты социального взаимодействия и контроля, которые культура поддерживала» (Willey 1953: 1). На основе этих обследований он выполнил, еще при жизни Стронга, свою монографию 1953 года — «Преисторическая конфигурация в долине Виру». Это был первый образец «археологии конфигурации обитания».

Как пишет Триггер, «большое преимущество конфигурации обитания над артефактами состояло в том, что в то время как артефакты часто находились в контекстах, где они были *упокоены*, конфигурации заселенности давали прямые данные об обстановке, в которой проходила человеческая *деятельность*» (Trigger 1989a: 282. — *Курсив мой. — Л. К.*). Подобно Чайлду, Гордон Уилли интересовался социальными аспектами прошлого, но, в отличие от Чайлда, он разработал методику такого исследования. Уилли объединил поселения в территориальные блоки, видимо, отражающие группировку древнего населения (рис. 30.5), и установил, что тогдашнее хозяйствование позволяло им культивировать более широкую территорию, чем нынешнее. Мы уже видели, что с аналогичным наблюдением выступил Эдамс относительно Ирака, но книга Уилли вышла на два года раньше, и это Уилли повлиял на Эдамса. Еще позже сложилась гёттингенская школа «археологии поселения» Янкуна, тоже ставившая задачи исследовать сеть поселений. Но у Янкуна были другие традиции и задачи: позади у него была «археология обитания» Косинны, а следовал он больше географически-экологической школе и задавался целями выявлять не социальные структуры, как Уилли, а заселение местности и хозяйствование в условиях местной природной среды.

Затем, продолжая раскопки в Перу, Уилли вошел в сотрудничество с Филиппом Филлипсом, и вместе они в 1953–55 гг. опубликовали несколько систематизаторских обзоров преистории всего Нового Света с упором на теоретическое осмысле-

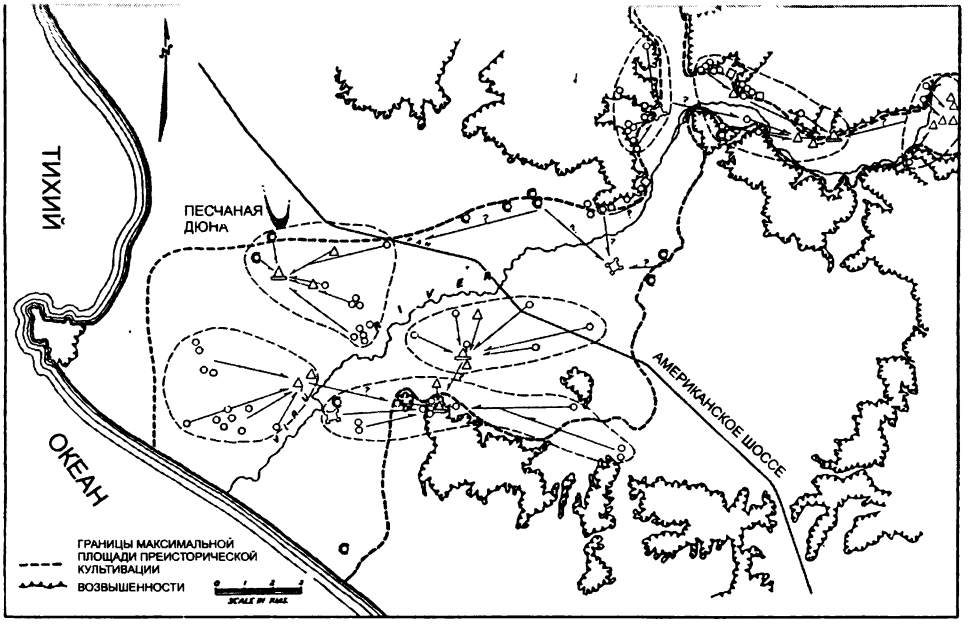

Рис. 30.5. Группировка поселений периода Хуанкако (800–1000 гг. н. э.) в долине Виру — конфигурация территориально-социальных связей по книге Уилли, 1953 (Trigger 1989: 283, fig. 40).

ние, на методологию. Обзоры эти были затем переработаны и в 1958 г. сведены в книгу «Метод и теория в американской археологии». Эта книга стала вехой в истории американской археологии — подвела итог внедрению функционалистских идей и определила их дальнейшую разработку. Она олицетворяла стандарт теоретического осмысления материалов в американской археологии перед распространением Новой Археологии.

Прежде всего, Уилли и Филлипс, не акцентируя имени Тэйлора, поддержали его в утверждении ведущей роли антропологической теории: «археология выросла и вросла в дом антропологии», — заявили они и отчеканили лапидарную формулировку: «Археология — это антропология или ничто» (Willey and Phillips 1958: 2).

Далее, чтобы привязаться к традиционной археологии, они постарались увязать в теории понятийную решетку горизонтов и культурных традиций, созданную Уилли, со Среднезападным Таксономическим Методом МакКерна — с понятиями фазы и компонентов. На пересечении традиции и горизонта они поместили фазу — МакКерновский эквивалент археологической культуры.

Они сомневаются в реальности этого понятия.

> «Мы не должны забывать, что продолжительность жизни наших фаз регулярно определяется устойчивостью материальных черт, которые могут быть вполне стабильными. Мыслимо, что внутри этого диапазона социальные изменения могут быть достаточными, чтобы ... говорить о разных обществах. Наоборот, при особых условиях даже первобытное население может показывать революционные изменения в материальной культуре, не теряя своей идентичности как общества. У нас есть сколько угодно примеров этого в современной колониальной истории. В итоге, похоже, что имеются шансы против того, что археологические фазы тесно связаны с социальной реальностью, если вообще связаны, но это не препятствует нам утверждать, что они могут быть связаны

и что пока что мы можем поступать так, как если бы они были связаны» (Willey and Phillips 1058: 50).

Но на деле фаза у них не получила сколько-нибудь самостоятельного значения в системе, потому что ее место было занято «традицией». У Уилли и Филлипса «традиция» стянула к себе многие признаки археологической культуры, ее функции в анализе (список артефактов и типов, установление преемственности, связь нескольких традиций в пучок — «ко-традицию»). В сущности, у них традиция подменила собой археологическую культуру, став ею (или «фазой»), только без четких границ на карте.

В центре рассмотрения, на пересечении горизонта и традиции, оказывается вовсе не фаза, не археологическая культура, а как раз «компонент», т. е. культурно-хронологически выделяемая часть памятника. Чаще авторы, беря этот объект в аспекте заселенности, обитания, обозначают его термином «locality» — как можно было бы перевести, «резиденция», «местообитание» (не «местонахождение», потому что «местонахождение», по-английски site, это «памятник», схваченный в другом аспекте — в аспекте обнаружения и занесения на карту). На таком местообитании представлены остатки жизни конкретной первобытной общины, полный их набор в их функциональных связях, в сопряжении. Они рассматриваются только в очень конкретном контексте и на безграничной основе всей мировой культуры, часто с игнорированием этнографических аналогий. Объект этот рассматривается в связи с другими такими объектами, в сети местообитаний, но на пересечении горизонта и традиции теоретически всё-таки оказывается одно местообитание, а границы сети местообитаний условны, определяются произвольно — выделением района для обследования.

К понятиям «традиция» и «горизонт» Уилли и Филлипс добавили еще одно: «*культурная стадия*». Стадия у них отличается от «периода» тем, что представляет собой, прежде всего, не отрезок времени, а этап развития, и отдельные ее компоненты могут быть не синхронны. Всю преисторию Америки авторы разбили на пять таких этапов: *литический* (то есть каменный, в основном палеолит), *архаический* (охотничье-собирательские общества после плейстоцена, т. е. мезолит и частью неолит), *формативный* (формирование культур с производящим хозяйством), *классический* (городские цивилизации ацтеков, майя и т. п.) и *постклассический* (империи — как инки). На первый взгляд, это всего лишь переименование европейской системы трех и больше веков, но, приглядевшись, мы заметим, что изменена суть периодизации. Там периодизация строилась на идее технологического прогресса, а тут эта идея устранена. Ничто не намекает на то, скажем, что архаическая стадия выше литической. Скорее тут можно отметить циклический элемент: апогей, климакс падает на предпоследнюю стадию (классическую). Таким образом, авторы сделали свою периодизацию приемлемой для тех, кто был чужд эволюционизма.

В 1965 г. Уилли сработал первый систематический обзор северо- и центрально-американской археологии, в 1971 г. — южно-американской. В 1968 г. он написал краткий очерк истории американской археологии, в 1974 вместе со своим бывшим студентом Джереми Сэблофом выпустил пространную историю американской археологии, а в 1988 — «Портреты в американской археологии» — очерки о выдающихся фигурах, которых он за свою жизнь встречал. В их числе Киддер, Крёбер, Джулиан Стюард, Стронг, Форд и др. Тэйлора среди них нет.

Его спор 1960-х годов с лидером Новой археологии Бинфордом рассмотрим в

разделе о Новой Археологии. Он вообще не любил полемику и конфликты. Хотя его нередко просили использовать свой авторитет в спорах о разграблении памятников и незаконной торговле древностями, полвека он неизменно отклонял все такие попытки.

Выйдя в отставку в 1987 г. в возрасте 74 лет, он продолжал преподавать в Бостонском университете, через реку от Гарварда. Достигнув 80 лет, он решил в основном прекратить занятия наукой и попробовать себя в художественной литературе — опубликовал детективный роман «Селена», а три последующих рукописи не сумел пристроить. Умер в возрасте 89 лет.

12. Поселенческая археология: Чжан Гуанчжи и Брюс Триггер. Внедрение функционалистских идей в археологию означало сдвиг интересов с изучения артефактов на исследование их взаимодействия в прошлой жизни, с истории культур на картину функционирования культурных комплексов в каждый момент истории. Основателями этого сопрягательного или контекстного направления были Уолтер Тэйлор и Гордон Уилли. Тэйлор своей критикой предшественников расчистил место для этого направления и дал его теоретическое обоснование. Уилли трансформировал идеи Тэйлора и свои в систему методов и понятий и показал их практическое применение. Его примеру последовали другие археологи. Особое место среди них занимают натурализованный в США китаец Чжан Гуанчжи и канадец Брюс Триггер, исследователи с ярким талантом теоретиков.

ЧЖАН ГУАНЧЖИ (Kwang-Chih Chang, 1931–2001, рис. 30.6), которого коллеги и студенты обозначали просто Кей Си, по инициалам (K. C.), а в англоязычной археологии его знают как Чанга (K. C. Chang), был сыном известного тайваньского историка Чжана Воджуна и родился в Пекине при режиме Чан Кайши. Его впечатления от коррумпированной администрации и нищеты народных масс толкнули его к левым идеям, а вторжение японцев и оккупация обратили к национальному самосознанию. В 1946 г., когда Тайвань снова стал китайским после ухода японцев, 15-летний Гуанчжи перебрался с семьей отца на Тайвань. В 18 лет он был арестован за свою социалистическую деятельность и год провел в тюрьме. Через 50 лет он опубликовал на Тайване воспоминания об этом годе и поведал, что именно эти переживания юности обусловили его интерес к антропологии: он захотел понять, «почему люди ведут себя так, как они себя ведут» (Li Liu 2001: 298).

Рис. 30.6. Чжан Гуанчжи (Malina 1981: 312).

Чжан Гуанчжи всегда и везде был отличником, он легко поступил в Тайваньский университет на отделение антропологии, где стал любимцем «отца китайской археологии» Ли Цзи, известного своими раскопками Аньяна. В 1955 г. успешный 24-летний выпускник был отправлен на старшие курсы (graduate studies) в Гарвадский университет, где его учителями стали палеолитчик-антиэволюционист Хэлем Мовиус, персоналист и функционалист Клайд Клаккон и основатель контекстуализма в археологии Гордон Уилли. При таком блестящем составе учителей немудрено, что Чжан Гуанчжи сумел развить свой собственный талант в теории археологии. Защитив диссертацию в 1960 г., он стал преподавать в Иельском университете, где

его старшими коллегами были классик таксономизма и систематизатор Ирвинг Рауз и неоэволюционист-систематизатор Джордж Мёрдок. В 1965 г. 34-летний Чжан занимался в семинаре Ирвинга Рауза по методам археологической интерпретации

Пройдя в Иельском университете все этапы вплоть до руководителя отделения (кафедры), он вернулся через 17 лет в Гарвард профессором археологии (1977 год) и оставался на этом посту еще более двух десятилетий. Он познакомил западный научный мир с китайской археологией, разрабатывая ее на высоком уровне мировых стандартов и изложив результаты в солидных трудах на английском: «Археология Древнего Китая» (1963 г., вышло четыре издания), «Шаньская цивилизация» (1980 г.) и «Искусство, миф и ритуал» (1983 г.). Он также сумел установить сотрудничество с Китаем и даже организовал в Китае в 90-х гг. китайско-американскую экспедицию. В Пекине на китайском в 1983 г. опубликован его «Бронзовый век Китая», заменивший примитивную книгу коммунистического культурного лидера Го Можо «Бронзовый век» (на русский переведен Го Можо, а не Чжан).

Но общеархеологический интерес имеют его теоретические труды, особенно его книга 1967 года «Переосмысляя археологию» (Rethinking archaeology»), посвященная памяти Клаккхона, а по названию подражающая книге 1961 г. «Rethinking anthropology» Лича, который был функционалистом, движущимся к структурализму. Кажется, первым Чжан употребил термин «археологические функционалисты» (Chang 1967b: 12). Подобно Тэйлору, Чжан считает, что «точкой, на которой сфокусировано сложное и мудрёное дело археологической теории» является классификация, с ее понятиями и операциями (Chang 1967: 4). Он согласен и с тем, что интересны не сами артефакты, а их взаимоотношения в комплексе, поскольку они позволяют выявить функции вещей в культуре и жизни. Но что это должен быть за комплекс? Что за ячейка? Уж явно не артефакт, основная ячейка таксономистов.

«Такая ячейка всегда подразумевается в мышлении археолога, когда он говорит, что надо изучать остатки "изнутри". Изнутри чего?» — спрашивает Чжан, и отвечает: «Нет сомнения, что ответ может быть только: народ, местонахождение, Чайлдова культура, или социокультурная система». Еще в 1958 г. он отверг культуры или фазы. «Априорное предположение состоит в том, что нужно рассматривать археологические местонахождения как социальные группы, а не как культуры или фазы. Культуры текучи, а социальные группы четко ограничены» (Chang 1958: 324). В книге «Переосмысляя археологию» он развивает эту идею:

> «Элементарная социальная группа, которая больше всего формирует и обусловливает поведение и в то же время является археологически универсальной, это община — стоянка, деревня, или городок — т. е. самодовлеющая в плане повседневных взаимодействий обитателей. ... Поскольку понятие общины имеет дело с людьми во плоти и крови, которых невозможно археологически восстановить, я предложил заменить его понятием *поселение*.
>
> Поселение — не логическая абстракция, и оно не может быть характеризовано перечислением типов артефактов, сколь бы оно ни было тщательным. ... Поселение это археологическая ячейка поведенческого значения...». И Чжан приводит аналогии: «предложение в трансформационной лингвистике, живой индивид в биологии, атом в физике, молекула в химии» (Chang 1967b: 14–15).

В книге есть специальные главы «Поселение» и «Микросреда». В следующем году под редакцией Чжана вышел сборник «Settlement archaeology» («Археология поселения» или «Поселенческая археология»), а еще через три года книга «Конфигурации заселённости в археологии».

Книгу Чжана «Переосмысливая археологию» интересно и полезно читать и сейчас. В ней очень много глубоких мыслей, в частности предложено интересное решение вопроса о способах отличения культурных типов Тэйлора от эмпирических (анализом культурных контекстов).

Рис. 30.7. Брюс Триггер (Trigger 1998: 88, fig. 1 — оттиск).

Мне доводилось дискутировать с Чжаном Гуанчжи в печати (Klejn 1973b) по поводу его статьи 1968 г. о соотношениях археологии с этнологией, но виделись мы только один раз в Ленинграде. Он оказался очень маленького роста. В науке это фигура очень крупная.

Одновременно с книгой Чжана Гуанчжи «Переосмысляя археологию» вышла одна из первых статей Брюса Триггера «Археология поселения: ее цели и перспективы», а в сборнике Чжана Гуанчжи вышла статья Триггера «Детерминанты конфигурации заселенности».

Брюс Грэйем ТРИГГЕР (Bruce G. Trigger, 1937–2006, рис. 30.7) происходит из семьи, в которой смешались традиции английского деизма или атеизма в духе Фрэзера, шотландского просветительства и немецкого либерализма (семья деда со стороны матери эмигрировала из Германии после подавления революции 1848 г.). В своих воспоминаниях он писал, что в 1945 г. испытал шок, узнав о немецких лагерях уничтожения, а вследствие своего полунемецкого происхождения он не мог искать прибежища в мнении, преобладающем среди канадцев британского происхождения, что нацизм случился из-за того, что немцы «не такие, как мы». С тех пор всю жизнь искал более логичного понимания, откуда ненавистные ему жестокость и насилие (Trigger 1998: 77).

С детства увлекшись египетскими древностями и канадскими индейцами, Брюс окончил в 1959 г. университет Торонто на крайнем юго-востоке Канады, а диссертацию делал и защищал в Иельском университете США в 1964 г., когда там преподавали Мёрдок и Рауз. В последний год его учебы в штат вошел Чжан Гуанчжи, с которым Триггер сдружился. В письме Триггер описывает атмосферу в Йейле его дней как господство традиции синтезаторов и обозревателей науки Самнера, Мёрдока, Рауза. Он характеризует ее следующим образом: 1) почти энциклопедический подход, 2) нелюбовь к полевой работе, имевшая следствием для студентов «полное отсутствие какой-либо тренировки в полевой работе или археологических методов или возможности включиться в полевую работу профессоров», и 3) эклектический подход к теории, предпочтение нейтральной позиции и нежелание присоединяться к лагерям. «Студентом и с тех пор позже я чувствовал эту ориентацию в Раузе и в окружении Мёрдока, и я считаю, что моя собственная позиция сильно обусловлена этим (в частности мои почти инстинктивные недоверие и чувство неловкости по отношению к «культам» в антропологии)» (Trigger in Griffin 1978: 8).

Триггер всегда стремится найти в каждом взгляде рациональное зерно и построить концепции, пригодные для применения в разных лагерях. Однолюб в науке Бинфорд даже как-то съязвил: этот человек был создан для работы продавцом обуви (Trigger 1998: 78). В результате сторонним наблюдателям нелегко определить отражают ли его произведения «какой-либо опознаваемый курс». «Поскольку мои работы не становятся чётко в ряд с какой-либо из более четко идентифицируемых позиций», некоторые читатели затрудняются соотнести их с текущими дебатами и

говорят о противоречивости позиции (Trigger 1978b: VII). Несколько разных и даже противоречивых позиций у одного исследователя, как мы знаем, не исключаются, но всё же биография и работы Триггера позволяют более четко определить его место в истории науки и связать его с определенными течениями.

В своей автобиографии Триггер отмечает, что Канада времен его молодости успешно развивалась, была преисполнена оптимизма и канадская общественная жизнь была очень либеральной и толерантной. В Америке же он увидел вокруг себя общество чрезвычайно энергичное, безусловно обогнавшее Канаду технически и по развитию науки, но жесткое и догматичное. У него сложилось впечатление, что американцы поголовно убеждены: их образ жизни — лучший в мире, и история никогда не создавала ничего более совершенного. Они очень четко делят всё на черное и белое, на добро и зло, и готовы насаждать насильственно то, что они считают добром. Это было чуждо толерантному канадцу.

Самостоятельно мыслящий новичок, прибывший из среды, находившейся под британским влиянием, смотрел трезвым, отстраненным и скептическим взглядом на американскую археологию, на школу Боаса и таксономизм, теплее относился к неоэволюционистам типа Мёрдока. Отправившись на раскопки в Нубию, куда его влекли старые привязанности к древнему Египту, он не упускал и возможности изучать непосредственно культуру канадских индейцев — гуронов и ирокезов. Сравнение столь далеких регионов (Северная Америка и Африка) дало ему противоядие против однолинейного эволюционизма. Он находился, по его собственному признанию, под сильным воздействием британской школы функционализма, особенно Рэдклиф-Брауна, и вместе с ним (и Чжаном Гуанчжи) считал, что понятие культуры — всего лишь немецкая мистика, реальный же объект изучения — общество, а не культура. Триггер посещал лекции Ф. М. Гейхельгейма по античной экономической истории, и тот обратил его внимание на работы Гордона Чайлда. Они убедили Триггера, что, вопреки концентрации функционалистов на моментальных срезах и микро-исторических рамках, интересна и важна долговременная динамика социальных изменений, и археология в силах изучать ее. Для лучшего понимания социальных систем, решил он, может пригодиться конфигурация заселенности, примеры которой он увидел в работах Уилли и Чжана.

Несмотря на привлекательность работы в американских научных центрах Северо-Востока (Гарвард и Йейл), Триггер вернулся в Канаду. Он получил работу в университете Мак-Гилла и поселился в Монреале, провинция Квебек, где женился на Барбаре Уэлч, географе.

Читая Чайлда, Триггер проникся интересом к марксизму. Как и у Чайлда, марксизм Триггера не догматический: Триггер не зацикливается ни на техническом или (шире) производственном детерминизме, ни на экономике или политике. У него всегда контекст побеждал закономерности, история — социологию и социальную антропологию. Законам истории он отводит важное место, но и случайности также не игнорирует. По его мнению, на любое событие истории и любой процесс воздействует так много факторов, в том числе и случайных, что предсказать ход событий нельзя, а значит, нельзя и восстановить прошлое по одним лишь закономерностям. Нужно непременно отыскивать фактические следы событий, в этом и заключается роль археологии.

В своей диссертации «История и заселенность в Нижней Нубии», опубликованной в 1964 г., Триггер показал, что густота населения в Нубии на протяжении четырех тысяч лет определялась четырьмя главными параметрами: высотой наводнений,

земледельческой техникой, торговлей с заграницей и войнами. В статье в сборнике Чжана в 1968 г. он разбирал факторы (детерминанты), которыми обусловливается облик заселенности, и этих факторов у него множество: природные, технические, экономические, социальные, политические, ситуационные. Самих ячеек обитания у него не одна («поселение»), а три: «наша наиболее основная ячейка» для него «отдельное строение», дом; две другие — «расположение общины», т. е. поселение, и «зональная конфигурация» — скопление поселений, их размещение на местности.

Впоследствии Триггер всё больше обосновывался на умеренно-марксистских позициях и всё больше занимался проблемами социальной интерпретации и реконструкциями социальной истории. Приверженность конкретной истории уберегала его от социологической схематизации. Подружился он с подполковником Джоном Пендергастом, специалистом по индейцам, и вместе они исследовали культуру индейцев. В работе 1970 г. «Стратегия преистории ирокезов» Триггер на индейских материалах приходит к заключению, что археологическая культура даже для позднего, исторического периода не совпадает принципиально с этнической группой. В 1970-е — 80-е годы вышло много его работ по истории и культуре гуронов. Он рассматривал индейцев не общо — как туземцев в соревновании с европейцами, а как ряд групп со своими экономическими и политическими интересами и судьбой.

Триггер написал также много книг по теории и методологии археологии: «За историей: методы преистории» 1968; «Время и традиции: очерки по археологической интерпретации» 1985, «Артефакты и идеи» 2002. Триггеру принадлежит наиболее солидная биография Чайлда «Гордон Чайлд: революции в археологии» 1980, и «История археологической мысли», 1989, в которой развитие археологии рассматривается как обусловленное социальными силами и движениями (это самая его марксистская книга).

Продолжая свои работы по археологии и культурам бассейна Нила, с 1989 г. (после выпуска своей истории археологической мысли), Триггер занялся сравнительной археологией ранних цивилизаций. Это книги «Социокультурная эволюция» 1998, «Ранние цивилизации» 1993, «Понимание ранних цивилизаций» 2003. Он сравнивает развитие семи цивилизаций мира и находит в них много общего. По его мысли, наш обычный анализ (он имел в виду прежде всего марксистский) ограничен экономическими и социально-политическими факторами, а надо бы еще учесть и психологические и биологические.

Мы иногда расходились во мнениях, но с ним чаще, чем с кем-либо другим, я мог констатировать близость наших взглядов. В 1977 г. Триггер написал в «Антиквити» очень вдохновенную рецензию на мою «Панораму теоретической археологии», озаглавив ее «Теперь уже не с другой планеты», но заглавие оказалось преждевременным. Когда пять лет спустя Триггер и Гловер организовали в 1982 г. в журнале «Уорлд Аркеолоджи» публикацию обзоров по теоретической археологии разных стран (я представлял там Россию, но мой обзор отправляли им уже без меня, поскольку наши войска вошли в Афганистан, разрядка окончилась, и я очутился в тюрьме). Мы встретились в Лондоне уже через 10 лет, в 1992 г., на конференции, посвященной столетию Чайлда (рис. 30.8). В обсуждении моего доклада Триггер сказал, что, посылая свое рассерженное письмо советским археологам, Чайлд уже отошел от их идей и, глубоко потрясенный кризисом сталинского марксизма, старался выстроить для себя новый марксизм, независимый от советской реализации, основываясь на философии Маркса и Энгельса. По тону Триггера чувствовалось, что, говоря о Чайлде, он имел в виду и себя.

Рис. 30.8. Участники конференции 1992 г. в Лондоне, посвященной столетию Чайлда, на ступенях Института археологии Лондонского университетского колледжа 8 мая 1992 г. В первом ряду справа Лев Клейн, Брюс Триггер, Дэвид Харрис, Кент Флэннери, слева перед косяком двери виден Грэйем Кларк, за Клейном — Колин Ренфру.

Таким образом, с марксизмом у контекстного подхода нашелся общий интерес — стремление реконструировать социальные структуры, и это повело к объединению на изучении контекста и в частности поселения. С Гёттингенской школой «поселенческой археологии» (Герберт Янкун), изучавшей поселения и кластеры поселений (Siedlungskammern), общего, казалось бы, больше, но на деле общность идет немногим дальше названия. В исходных целях сильны различия: если контекстуальная «археология поселения» Чжана Гуанчжи и Триггера или «археология конфигурации заселенности» Уилли стремятся, прежде всего, к реконструкции социальных структур, то «археология поселений» или «археология обитания» Янкуна ставит себе целью, прежде всего, реконструкцию хозяйствования в определенной географической среде.

13. Контекстный подход во Франции. Как всегда, параллель американским новациям, находится во Франции, и как уже не раз бывало, новатором оказывается Андре Леруа-Гуран (Васильев 1997, 2002). Во втором периоде его деятельности, с рубежа 50-х и 60-х годов, когда он отошел от неоэволюционистских интересов, появившаяся страсть к выявлению структур толкала его к освоению принципов контекстного подхода, в частности к разработке методов вскрытия поселения. Уже в раскопках Арси-сюр-Кюр в начале 50-х были у него проблески новых идей. С 1964 г. он приступил к раскопкам поселения Пенсеван недалеко от Парижа, где новая методика была развернута в полном блеске.

Следуя примеру советских археологов, он ввел во Франции послойное вскрытие палеолитических поселений широкими площадями с детальным трехмерным фиксированием всех находок. Гораздо больше, чем советские археологи, он предпочитал вскрытие плана изучению профилей, чтобы как можно полнее выявить жилищные сооружения, структуры, и пространственное соотношение находок, а через это социальные структуры прошлого (Audouze et Leroi-Gourhan 1981; Audouze et Schlanger

2004). Получились «этнографические раскопки», как это стали называть во Франции, характеризуя методику Леруа-Гурана. Классическими с точки зрения методики считаются его раскопки палеолитического поселения Пенсеван. Там по раскопу никому не позволялось ходить — ходили по мосткам, настланным над полом раскопа.

Леруа-Гуран стал сопрягать на чертеже фрагменты, подходящие друг к другу (у него совмещаются отщепы от одного нуклеуса, но в принципе это могут быть и черепки одного и того же сосуда). Он поставил это на службу определению пользования жилым пространством. Пригодилось понятие «цепи операций», введенное ранее Леруа-Гураном. Например, восстанавливая последовательность операций по обивке кремневого орудия, можно реконструировать не только процесс его создания, но и идентифицировать все обломки, ставшие отходами производства. А, отметив на плане раскопа все обломки от одного и того же орудия, мы сможем очертить на плане участок, где оно было произведено, и сообразить из какого места эти обломки разлетелись, в какие места попали, т. е. какие места были им доступны, составляли единое пространство. Это и стало делаться Леруа-Гураном с конца 60-х в Пенсеван и его учениками на раскопках разных памятников. Эта методика теперь называется на английском «refitting» («ремонт», с французского взят термин «ремонтаж»), и она дает ряд возможностей в изучении деятельности древних людей. Метод известен с конца XIX века, но Леруа-Гуран первый, кто его применил не для реконструкции отдельной «цепи операций», а для характеристики производственной деятельности на всем поселении.

Не зная об этом, я где-то в 60-е годы послал в «Советскую Археологию» статью, в которой попытался восстановить процесс оббивки кремневого орудия из своих раскопок — какие сколы делались сперва, какие потом и в какой последовательности, какие отщепы отлетали. Получил уничтожающий ответ от заместителя редактора А. Я. Брюсова. Смысл был такой, что статья никчемная, молодой автор дурью мается. Статья не была напечатана.

Если неоэволюционные идеи Леруа-Гурана не нашли отклика во Франции, то его структуралистские идеи были более популярными, а его ремонтаж и «этнографические раскопки» вошли в плоть и кровь французской палеолитической школы и сделали Леруа-Гурана культовой фигурой во Франции, явно затмившей Борда. Но К. К. Мойер и Н. Роллан в 2001 г. пишут в «Антиквити», что современные исследования каменного инвентаря очень узко сконцентрировались на отдельных комплексах, «описания бесчисленных операционных цепочек» сделали сравнения комплексов затруднительными, и «ныне типология комплексов и артефактов Борда является единственным средством сравнения» (Moyer and Rolland 2001).

14. Заключение и некоторые уроки. Подводя итог воздействию функционализма на археологию, мы можем заключить, что оно выразилось в сопрягательном или контекстном подходе и в археологии поселения или местообитания. Если функционализм в социальной антропологии проявился после Первой мировой войны наиболее сильно в Англии и отчасти в Германии, то в археологии родившийся от него контекстуализм возник после Второй мировой войны и наиболее сильно проявился в Америке, имея лишь некоторое соответствие во Франции. Принято думать, что Америка захватила лидерство в археологии с появлением Новой Археологии — в 60-е годы XX века. Это не совсем так. Неоэволюционизм тоже появился в основном в Америке. Правда, он был поначалу не очень влиятельным. Но уже инициаторы сопрягательного или контекстного направления Уолтер Тэйлор и Гордон Уилли бы-

ли фигурами мирового класса и обеспечили археологии США, по крайней мере, притязания на лидерство в мире, если даже это еще и не ощущалось тогда в других странах. Если вдруг обнаружится, что в Китае чрезвычайно влиятельно контекстное направление, не стоит удивляться: это будет результат китайских изданий Чжана Гуанчжи. «История археологической мысли» Триггера переведена на ряд языков и является основным современным учебником истории археологии во многих странах.

Какие частные уроки можно было бы извлечь из рассмотренных здесь событий истории?

Первый урок — мой личный: если бы я оказался понастойчивее, не поддался авторитету Брюсова, добился бы напечатания своей статьи о кремневом наконечнике — как знать, возможно, я был бы сегодня одним из инициаторов ремонтажа. Урок и для вас: будьте смелее и увереннее в своих начинаниях. Риск, конечно, но рисковать надо.

Дальше идут уроки более общие.

Прежде всего (это второй урок), очень наглядно выступает заимствование археологией плодотворных идей у культурной и социальной антропологии (или этнологии), под воздействием которых формируется новое направление в археологии. В данном случае это в антропологии функционализм, в археологии — контекстуализм. Тут есть какая-то закономерность. Почему-то сначала новое течение появляется в антропологии, потом в археологии. Так было с эволюционизмом, диффузионизмом, структурализмом, так обстоит дело и с контекстуализмом.

Третий урок стоило бы извлечь из обстоятельств жизни Тэйлора. Его богатство обеспечило ему возможность самостоятельных раскопок крупного масштаба, большую личную библиотеку и, несомненно, независимость развития. Он не должен был ни к кому подлаживаться, мог резко критиковать самых крупных археологов страны, без оглядки на соображения карьеры. Но это же богатство дало ему и возможности развлекаться и отдыхать со смаком, а это отвлекало от основной жизненной задачи, и в результате того, что Тэйлор поддался этому искушению, многое оказалось не вполне реализованным.

Четвертый урок, возможно, заключался бы в оценке воспитательного значения среды для формирования ученого. Принято судить об истоках научного творчества по воздействию учителя (Клаккон для Тэйлора, Стронг для Уилли). Видимо, не меньшее, если не большее значение имеет научная среда. Ну как мог Уилли, обладая мало-мальски хорошими способностями, стать менее интересным ученым, если его товарищами были Тэйлор, Форд, Сполдинг, У. Беннет, если ему помогал товарищ его учителя Джулиан Стюард, если мастерство его оттачивалось в спорах с Бинфордом и другими? Или взять Чжана Гуанчжи — на нем, конечно, сказалось общение с отцом-историком, затем с «отцом» китайской археологии Ли Цзи, затем в Йейле с Клакхоном, Мёрдоком, Мовиусом, Уилли, Раузом, а позже с Триггером. Какое созвездие имен! Нужно быть очень серым, чтобы ничего не получить от такого общения.

Обратите внимание на свою среду. Здесь тоже кузница элиты. Сообразите, кто из ваших товарищей обладает интеллектом и волей к свершению, и не упустите возможностей общения. При условии, что вы и сами не лыком шиты, это скажется, как сказалось на археологах-контекстуалистах. Их собственную жизнь тоже во многом определяли контекст и среда.

Вопросы для продумывания

1. Джарви в книге 1964 г. «Революция в антропологии» расценил появление функционализма в антропологии как научную революцию. Можно ли расценивать появление функционализма или, может быть правильнее, контекстуализма как революцию в археологии и каким годом (или годами) это наиболее уместно датировать?

2. Идеи Стронговской статьи 1936 г. «Антропологическая теория и археологический факт» вроде бы подтверждаются самой историей функционализма в археологии — принципы явно заимствованы археологией из антропологии. Можно ли найти теоретическое подтверждение (или опровержение) из самой сути науки?

3. Уилли и Филлипс выдвинули свой девиз «археология есть антропология или ничто» в 1958 г. Но в более широком плане явился ли этот девиз следствием развития контекстуализма или был связан с его причинами?

4. Тэйлор обвинял таксономистов в антикварианизме. Была ли на деле археология таксономистов антикварианизмом (или в какой мере была)?

5. По реакции истэблишмента на книгу Тэйлора 1948 года его можно было бы сопоставить с Равдоникасом, с докладом 1929 г. и появлением книги 1930 г. «За марксистскую историю материальной культуры». В чем конкретно общие черты этих двух выступлений и в чем основные различия?

6. Тэйлору вменяли в вину то, что он не сумел подтвердить свою теорию своими собственными крупными раскопками. Такое поведение новаторов — это исключение из правила или закономерность? Чем это может быть вызвано?

7. Как нужно было бы исправить схему родословной американской археологии с основными течениями в книге Уилли и Сэблофа, чтобы приблизить ее к реальности?

8. В понятиях «горизонта» и «традиции» Уилли есть не только контекстуалистская наполненность, но и соответствие реальному состоянию археологического материала — это понятия, отражающие реальную картину, реальные особенности материала. Именно поэтому эти понятия применяются и другими направлениями. Какие это особенности материала, чем эти понятия полезны? В чем их ограниченность? Чем они полезны именно контекстуализму и какие еще направления их могут использовать?

9. В чем понятие Уилли «стадия» схоже с советским понятием «стадия» и в чем их различия?

10. Принцип контекста обращал исследователей от артефакта к поселению, но с чем связано ограничение этого расширения интересов именно поселением (или местообитанием) или от силы (у Уилли) их произвольно ограниченной сетью? Почему не более широкая общность?

Литература

Функционализм и контекстуализм: Dewey 1955; Woodbury 1999.

Тэйлор: Thomas 1969; Deetz 1988; Reyman 1999.

Уилли: Willey and Phillips Ph. 1958; Willey 1989; Preucel 1999.

Леруа-Гуран: Audouze and Leroi-Gourhan 1981; Васильев 1997, 2002; Moyer and Rolland 2001; Audouze et Schlanger 2004.

Чжан Гуанчжи и Триггер: Chang 1958, 1967; Klejn 1973b; Trigger 1978b; Barrett 1987; Li Liu 2001.

Глава 31. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

1. Введение. В археологической литературе иногда встречаются указания на *эмпирическую школу*, но всякий раз оказывается, что под этим названием фигурируют разные группы ученых, разного времени и в разных странах. То есть что это не эмпирическая школа, а эмпирические школы. Более того, нередко при ближайшем рассмотрении выступают и другие аттестации концепций этих ученых, другие определения их идейных и методологических позиций, так что, возможно, не все эти группы ученых заслуживают такой аттестации.

Порою в эмпиризме обвиняли своих предшественников и соперников разные теоретически ориентированные новаторы в археологии, не считая их концепции теориями достаточно высокого уровня, или не считая эти концепции теориями вообще. Так, Равдоникас в 1929–30 гг. обвинял в «ползучем эмпиризме» Городцова и его школу, хотя Городцов по многим признакам был диффузионистом, а по некоторым — таксономистом, написал сугубо теоретические произведения («Типологический метод»). Провинциальный археолог М. А. Миллер, создавая в эмиграции свою резко антисоветскую «Археологию в СССР» и читая эти бранные клички, ничтоже сумняшеся ввел «эмпирическую школу» Городцова в свой перечень школ советской археологии. А через него эта школа вошла и в «Историю археологической мысли» Триггера, который, не зная русского языка, не читал русской литературы и судит по ней только по англоязычным сводкам, поэтому доверился Миллеру.

Аналогичным образом Уолтер Тэйлор упрекал в эмпиризме своих предшественников — таксономистов, а позже Бинфорд — всю предшествующую («традиционную») археологию, включая соратников Тэйлора, какими были Уилли и Дитц.

Мы знаем, что эмпирический метод — это общенаучный и необходимый способ исследования, что введен он давно, признается повсеместно. В таком случае что такое эмпиризм, и есть ли необходимость выделять эмпирическую школу или эмпирические школы? Реальны ли они?

2. Эмпиризм, индуктивизм, позитивизм. Эмпирический метод познания был введен в начале XVII века Фрэнисом Бэконом и систематизирован другим английским философом — Джоном Локком в конце XVII века. Метод этот означал важный прорыв в науке: теперь она основывалась на опыте, а не на априорных посылках чистого разума, не на предвзятых идеях. Тем самым удалось потеснить средневековую схоластику и догматическое засилье религии. Способом основать знание на опыте было *обобщение* частных фактов, добытых наблюдением, — *индукция*. Уже Бэкон понимал ее не как простое перечисление фактов, а как выявление повто-

ряемых свойств, общих для большинства обобщаемых фактов. Он добавил к этому рассуждение *по аналогии* — с последующей коррекцией возможных ошибок. Локк заявлял, что всё знание, которым мы обладаем, родилось из опыта и деятельности наших органов чувств, что ребенок рождается без всякого знания и его психика — это чистая табличка (tabula rasa), на которой опыт записывает свои данные. Он отвергал интуицию и дедукцию из неких исконных идей.

Постепенно наука стала осознавать, что в этом благотворном принципе есть известная ограниченность, есть возможность опасной абсолютизации. Важные открытия делаются с вовлечением интуиции, спекулятивного (т. е. «чистого», абстрактного) мышления, с применением дедукции (от идей к фактам, от общего к частному). Хотя исходным материалом для дедукции служит, в конечном счете, знание, добытое когда-то обобщением фактов, но линии дедуктивного рассуждения могут быть чрезвычайно длинными и сложными, так что непосредственное значение фактов утрачивается. Такими сложными дедуктивными рассуждениями являются *теории* — объяснительные логические построения, использующие для объяснения фактов некую постороннюю идею (пусть даже априорную и совершенно несуразную) и проверяемые затем на других, независимых фактах. Оказалось, что именно теории, конструируя мысленные объекты и законы, позволяют находить им соответствия в реальности и делать наиболее неожиданные открытия.

Следовательно, нужно сочетать эмпирический принцип с другим, *рационалистическим*, который, кстати, был введен в науку тогда же, когда и эмпирический — в первой половине XVII века, введен Рене Декартом.

В итоге *эмпиризм*, т. е. учение о том, что только на опыте и можно основывать научное знание, приобрел негативный смысл. Под *эмпиризмом* всё чаще стали понимать близорукое ограничение эмпирическим методом. Под *индуктивизмом* — что только обобщением фактов оно и добывается. Таким образом, это близко родственные понятия. Противоположные крайности окрестили *рационализмом, дедуктивизмом, теоретизмом и априоризмом* (Rohan-Csermak 1971; Pałubicka 1971).

Как правило, в науке сочетались оба принципа. Даже завзятые скептики и эмпирики не могли обойтись без теорий, и даже теологи, базирующиеся на Откровении, то и дело ссылались на якобы факты — чудеса, благотворность мощей, подвижничество святых. В истории науки то один, то другой из этих принципов приобретали перевес, она приближалась то к одной крайности, то к другой. Романтики сильно уклонились в сторону дедуктивизма, интуиции и силы идей. Поэтому революционное значение имело появление философии *позитивизма*, выдвинувшей в основу науки опять же опыт, эмпирическое знание природных явлений, изучаемых *позитивными* науками. Позитивные — значит положительные, реальные, надежные, точные. Такими считались естественные науки: они раньше перешли на эмпирический принцип, чем науки об обществе и духовной сфере. Поэтому науки об обществе надлежало уподобить наукам о природе.

Принципы позитивизма сформулировал Огюст Конт в первой половине XIX века, хотя отдельные проявления его отмечают у его учителя Сен-Симона, у английского философа Дэвида Юма и гениального немца Канта в XVIII веке. Безусловно у Александра Гумбольдта.

Целиком на принципах позитивизма работала «немецкая историческая школа» Л. Ранке. Для него и его единомышленников (от Б. Нибура и А. Шлёцера до Э. Мейера и Э. Бернгейма) факты были «твердым телом» истории, и нужно было только накапливать их побольше, строго описывать и бесхитростно излагать, чтобы

установить, «как оно было на самом деле». Ранке призывал основываться только на достоверных исторических документах, написанных участниками и свидетелями исторических событий, излагать и обобщать факты, избегать теорий и предвзятых идей. Но и свидетели могут лгать и ошибаться, быть тенденциозными. Поэтому к внешней критике источников (выявлявшей подделки) добавилась внутренняя критика (разоблачавшая тенденциозность), детище «немецкой исторической школы». Однако эта удвоенная критика должна была лишь вылущивать факты из шелухи искажений и наслоений, и предполагалось, что простое сложение этих «очищенных» фактов наталкивает непредвзятого историка на понимание хода истории, поскольку «факты сами за себя говорят». «Все факты являются одинаково важными». «Погашение» (Auslöschen) индивидуальной предвзятости историка, его «я» считалось вполне осуществимой задачей.

Э. Карр называет этот наивный эмпиризм «ересью девятнадцатого века» и поражается:

> «Когда в 1830 г. Ранке ... отмечает, что задача историка — просто показать, "как в действительности было" ("wie es eigentlich gewesen"), этот не очень глубокий афоризм имел удивительный успех. Три поколения германских, британских и даже французских историков маршировали в сражение, выкрикивая магические слова "wie es eigentlich gewesen" как заклинание, предназначенное, подобно большинству заклинаний, избавить их от неприятной обязанности мыслить самому» (Carr 1964: 9).

Ранке был современником Конта, но еще не воспринимал наставления этого француза (и в этом смысле мог не считаться позитивистом) — просто мыслил одинаково. Явно были ориентированы на философов Конта и Милля англичане и французы И. Тэн, Г. Т. Бокль, Н. Д. Фюстель де Куланж. Эти ранние позитивисты в историографии подчеркивали сводимость исторических фактов к продуктам непосредственного объективного наблюдения историка, т. е. к препарированным источникам, документам, текстам. По Фюстелю де Куланжу, история — «не наука рассуждений», а «наука наблюдений», «наука фактов». Факты существуют только в виде наших ощущений и познаются только как суммы ощущений, рассуждения же (спекуляции) опасны: они способны исказить факты. Надо лишь «хорошо видеть факты».

Свой метод сам Фюстель де Куланж сводил к трем правилам: «Изучать исключительно и непосредственно тексты в самых мельчайших подробностях, верить лишь тому, что они показывают, и решительным образом устранять из истории прошлого современные идеи, занесенные туда ложною методою» (Фюстель де Куланж 1907: XVI). Отсюда лозунг: «Тексты, все тексты, ничего кроме текстов!» (Гиро 1898: 140, 143).

Позитивистами были все эволюционисты в культурной антропологии (Тайлор, Лаббок, Фрэзер) и в археологии (Мортильс, Питт Риверс). Следовательно, мы можем констатировать в их трудах свидетельства большого уважения к эмпирическому методу, даже преклонения перед ним. Но они явно строили широкие концепции, исходя из идеи эволюции, т. е. их мышление было и теоретическим, и их по праву относят к «антропологической школе», т. е. эволюционизму в этнологии, к эволюционистской школе в археологии. Строго придерживался индуктивной методики и Софус Мюллер, даже пропагандировал ее. Флиндерс Питри начал с «Индуктивной метрологии», да и всю жизнь работал как эмпирик и индуктивист. Но оба они разрабатывали диффузионизм. Крупным археологом межвоенного периода в Голландии был Альберт Эггес ван Гиффен (1884–1973), прославившийся своими мастерски-

ми раскопками (Чайлд ставил его в пример советским археологам). Он вроде бы отъявленный эмпирик и даже эмпирист, судя по его высказываниям 1913 г.: «Интерпретация колеблется, а факты остаются», или 1918 г.: «Антикварная сторона археологии антиквизировалась (т. е. устарела. — Л. К.), ее заменила эмпирическая» (Waterbolk 1999: 335). Но он был миграционистом и считал этническое определение культур (по Косинне) аксиомой.

Когда же и в каких случаях эмпиризм становился определяющим — настолько, что оказывалось возможным выделять особую эмпирическую школу?

3. Стимулы эмпиризма. Это происходило в тех случаях, когда обстоятельства складывались так, что эмпиризм становился единственным разумным средством придать исследованиям научность.

Во-первых, это начальный период накопления информации об избранном объекте, когда ученые, не имея фактов в своем распоряжении, просто вынуждены прибегать к эмпирическому методу и только к нему. Такие периоды в истории науки были давно, и тогда эмпиризм казался естественным и никого не удивлял. В основном таким был эмпиризм А. Гумбольдта, выступавший как *космографический дескриптивизм*. Впрочем, такие периоды могут оказаться и в современности применительно к какому-либо новому объекту, но, поскольку по соседству с ним существует много теорий и идей, это уже не совсем та же ситуация.

Во-вторых, это ситуации, когда в науке накопились крупные фальсификации или грубо ошибочные, но ставшие традиционными толкования фактов. Публикация простых эмпирических наблюдений может в этих условиях получить революционное значение.

В-третьих, это ситуации, когда в науке образовалось засилье какой-либо теории или спекулятивной идеи, когда она приобрела ранг парадигмы, противопоставить которой другую теорию не представляется возможным. Не представляется либо за отсутствием таковой, либо по политическим причинам, т. е. когда спекулятивная идея или догматическая теория поддерживается репрессивным режимом или националистическими увлечениями общества. Единственным упованием ученых, желающих сохранить научную объективность, остается эмпиризм, не претендующий на высокие теоретические декларации, но способный противопоставить догме, идеологии, ультра-патриотическим идеям или спекулятивной теории простые и очевидные факты.

В-четвертых, это ситуации, когда теоретические исследования, хотя в принципе и возможны, но не пользуются респектом из-за продолжения позитивистской традиции или потому, что господствовавшая долго спекулятивная теория настолько дискредитировала себя, что всякие теоретические исследования просто отвергаются научной общественностью. Такая ситуация сложилась в Германии после Второй мировой войны. Долгое господство косиннизма наложило отпечаток на послевоенную археологию Германии («синдром Косинны» — *Kossinna-Syndrom*): немецкие археологи еще долго, почти полвека, отшатывались не только от всякого упоминания миграций, но и от любого искушения заняться теорией.

В-пятых, это ситуации, в которых занятия теоретическими исследованиями невозможны. Такое редкое стечение обстоятельств сложилось в Советском Союзе после убийства Кирова в 1934 г. Сталин использовал его для развертывания беспримерного террора: арестовывали и посылали на пытки и смерть по малейшему навету, за какую-то якобы неточную формулировку, способную породить подозрение

в антисоветском мышлении. В таких условиях теоретические рассуждения становились смертельно опасными, и теоретические работы враз оборвались. С 1934 г. до самой смерти Сталина, точнее до разоблачительного доклада Хрущева в 1956 г., возможны были только эмпирические исследования.

Рассмотрим некоторые эмпирические школы и обстоятельства, в которых они сложились и действовали.

4. Джозеф Генри и Смитсоновский институт. В 1835 г. Джеймс Смитсон, незаконный сын английского аристократа, ни разу не побывав в Соединенных Штатах, отказал по завещанию полмиллиона долларов (по тому времени во много раз более крупную сумму, чем это звучит сейчас) на основание археологического учреждения в Вашингтоне. Так возник Смитсоновский институт в системе музеев США. Первым секретарем этого учреждения стал солидный физик Джеймс Генри, который задался целью сломить спекулятивную традицию в занятиях древностями США. Она решительно претила его натуралистскому складу. Он привык держать науку вдалеке от политики, и ему даже не нравилось основание Национальной Академии, которая ограничивала себя службой правительству. Свое учреждение он воспринимал как «моральное дело», основанное на «Бэконовской индукции», и направлял его на описательные исследования (Coulson 1950; Darnell 1998: 20–21).

Институт начал действовать с 1846 г. Генри решил первым делом расправиться с общим убеждением в существовании особой расы «строителей холмов». Он заказал Эфраиму Скуайеру и Эдвину Дэвису тот том, «Древние памятники долины Миссисипи», который уже упомянут при изложении первых шагов американской археологии. Эти исследователи бережно собрали все сведения, какие могли, и классифицировали холмы по формальному критерию. Оба джентльмена, археологи-любители, были твердо убеждены в том, что «строители холмов» никак не могут быть ленивыми индейцами. Но заказчик убедил авторов, что их работа должна быть сугубо описательной, фактографической, и они выбросили все свои спекуляции о «строителях холмов», ограничив спекулятивные высказывания только постановкой вопросов о возможном назначении холмов. Том вышел в 1848 г.

Продолжая публикацию этой серии, которая должна была очистить американскую археологию от спекулятивных наклонностей и поддержать индуктивную традицию, Генри подрядил библиотекаря Сэмьюела Хейвена написать исторический обзор «Археология Соединенных Штатов», который был издан в 1864 г. Тут разные легковесные идеи и спекуляции были подвергнуты тщательному разбору и опровергнуты с фактами в руках. Среди них была и идея особой расы «строителей холмов». Факты говорили в пользу того, что холмы были воздвигнуты индейцами.

Генри совсем не знал археологию, но был убежден, что накопление фактов должно предшествовать любому теоретизированию в любой науке. Эта тенденция надолго стала традицией Смитсоновского института.

5. Оправдания аббата Буржуа. В 1867 г. аббат Луи-Алексис Буржуа (Louis-Alexis Bourgeois, 1819–1878), преподаватель философии семинарии в Блуа, привез на Парижский антропологический конгресс оббитые камни из третичных местонахождений близ Тене, найденные им в 1863 и названные позже эолитами. Он предложил их вниманию ученых, утверждая, что они оббиты человеком, а в 1872 г. на Брюссельский конгресс он привез новые камни того же типа. Разгорелась дискуссия. Человеческую природу обработки признал Ворсо, а Мортилье включил эолиты в свою

хронологию. Многие заняли скептическую позицию, которую, разумеется, поддерживали клерикалы: такая древность человека противоречила библейской хронологии, понимаемой буквально. Буржуа, сам аббат, оказался в щекотливой позиции. Он верил в правоту своего определения, жаждал признания своего открытия. В то же время он понимал, что как священнику ему не пристало отстаивать то, что в глазах церкви противоречит религии.

За год до смерти он написал нечто вроде научного завещания. Он писал:

> «Многие ученые высказывались за и против моих находок... Факт, который я сообщаю, важный в археологическом отношении, еще более он затрагивает геологическую точку зрения, а еще важнее он с точки зрения религии. Тем, которые меня спрашивают, как я этот факт мог бы согласовать с религией, я, в общем, отвечал, что я остаюсь на почве фактов, не вступая на путь их объяснения. Текст Библии краток и темен; геология и преисторическая археология, несмотря на достигнутые истины, во многих существенных пунктах не менее темны. Зачем выводить поспешные выводы вместо того, чтобы подождать света с хорошо обоснованным доверием, что научная истина не может быть противопоставлена религиозной истине. Во всяком случае, необходимо ввести определенное различие между мнением и догмой».

Буржуа напомнил: еще недавно тот, кто решался утверждать, что моисеевы дни творения на самом деле были многовековыми периодами, очень рисковал. «Теперь же эта трактовка библейских текстов изучается во всех католических университетах». И Буржуа завершал:

> «Короче, я не верю, что пришло время дать удовлетворительное объяснение, и я остаюсь на почве фактов. Я удовлетворяюсь тем, чтобы сказать, что я нашел кремни с очевидной человеческой обработкой, и нашел их на грунте, который геологи называют третичным, а сверх этого я не утверждаю ничего» (цит. по: Hauser 1920: 148–151).

Дабы избежать опасных и неудобных объяснений, аббат предпочел не выходить за пределы констатации и описания фактов, полагая, что факты скажут сами за себя. Он избрал эмпиристскую позицию.

6. Эмпиризм Вирхова и Боаса. В литературе можно встретить указания на эмпиризм Вирхова: Майлз пишет о «немецкой эмпирической школе Вирхова», Хэнзель — о его позитивизме (Miles 1983: 55; Hänsel 1991: 10).

> «Его методом, — поясняет Хэнзель, — были собирание и сравнение, опрос доступного ему материала. Он ожидал ответов, которые ему мог дать только материал, и овладел искусством ограничиваться доступным из опыта. Вирхов получал свои знания гарантирующими маленькими шажками; воздержание от интерпретаций, которые не покрыты доступными ему фактами, отмечает его способ мышления. Он презирал системно-теоретические представления типа моделей, и в его время чрезвычайного умножения фактов он мог питать надежду обойтись без этого».

Влияние Вирхова на Боаса известно, так же как и склонность Боаса придерживаться фактов и воздерживаться от гипотез. Боас превозносил именно такие принципы Вирхова:

> «Серьёзный прогресс науки требует от нас в каждый момент ясности, какие элементы системы науки гипотетичны и каковы границы того знания, которое получено точным наблюдением... Многие пылкие ученые ощущали его [Вирхова] спокойную и осторожную критику как препятствие прогрессу. По этому поводу он испытал много враждебных нападений. А прогресс исследований, в общем, показал, что осторожный мастер был прав, отвергая далеко идущие заключения, основанные на незрелых фак-

тах. Немногие ученые обладают тем холодным энтузиазмом к истине, который позволяет им всегда ясно сознавать резкую линию между привлекательной теорией и наблюдениями, обеспеченными тяжелым и серьезным трудом» (Boas 1902:442).

Эта эмпиристическая составляющая действительно есть в творчестве как Вирхова, так и Боаса, но я воздержался от соблазна счесть это главной характеристикой их мышления, так как сверх эмпирической основы каждый из них сформировал особое направление в науке в рамках культурно-исторической археологии. Вирхов придерживался диффузионизма и естественнонаучного подхода к археологии, Боас постепенно отходил от диффузионизма к партикуляризму. Так что я рассмотрел их деятельность в основном в других разделах курса.

7. Сумматоры первобытной археологии. В конце XIX — начале XX веков появились три фигуры — одна в Австро-Венгрии, другая во Франции, третья — в Германии, — которые занялись *суммированием* результатов первобытной археологии и построением ее как цельной дисциплины. Это Мориц Гёрнес, Жозеф Дешелетт и Макс Эберт. Я не решаюсь назвать их систематизаторами, потому что это предполагало бы построение новой системы (как у Линнея или Менделеева), предполагало бы открытие новых принципов, а Гёрнес и Дешелетт лишь усердно собирали материал в рамках и по правилам существующей системы, заполняя ее целиком на уровне, достигнутом дисциплиной к рубежу веков. Они ликвидировали хаотичность и раздробленность накопленной уймы фактов, объединили весь материал, хотя сама сетка ячеек была создана другими, и уже существовали намётки, куда что помещать, и методы определения материала — классификации, хронологии.

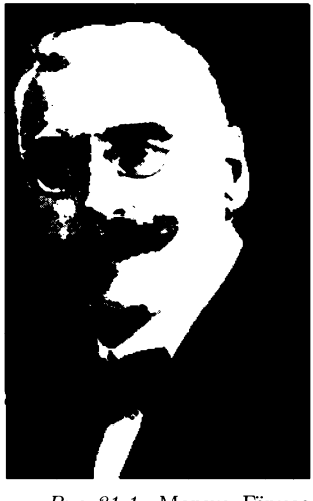

Рис. 31.1. Мориц Гёрнес (Malina 1981: 169).

Мориц ГЁРНЕС (Moritz Hoernes, 1852–1917), примерно на четверть века младше Вирхова, Шлимана и Фиорелли, на год старше Флиндерса Питри, был сыном австрийского геолога и палеонтолога, тоже Морица Гёрнеса, а младший брат его тоже стал геологом. Мориц Гёрнес (рис. 31.1), старший сын, окончив Венский университет и получив степень по классической археологии, поступил после службы в армии в Музей Естественной Истории, где проработал 15 лет, а затем стал профессором географии в Венском университете. Женатый на дочери крупнейшего геолога Эдуарда Зюсса, еврея-либерала, Гёрнес, современник М. Муха, принадлежал к противоположному крылу венской интеллигенции. Таким образом, он был подобно Вирхову, подготовлен опытом и средой к естественнонаучному, антропологическому восприятию археологии и к занятиям первобытной археологией, но по образованию продолжал традицию классической археологии с ее эмпиризмом и пристрастием к вещеведческой систематике.

В 1893 г. он опубликовал статью «Основные очертания систематики первобытной археологии», в которой стремился соединить эту дисциплину с классической археологией, но уподобить естественным наукам по методам и постановке вопросов. Он считал первобытную археологию с одной стороны частью «общей археологии», которую все еще включал в филологическую науку, а с другой стороны — частью

антропологии как науки естественной. В 1893–97 гг. он выпустил статьями работу «К учению о форме в первобытной археологии». Это, конечно, явная реминисценция дискуссий в классической археологии — Кекуле, Фуртвенглера, а очень популярная работа Гильдебранда «Проблема формы в изобразительном искусстве» появилась как раз в 1893 г. Гёрнес перенес эту тему в первобытную археологию.

В 1892 г. вышел его толстенный том «Преистория человека по сегодняшнему состоянию науки», в котором вещи и памятники были представлены объединенными в культуры. А в 1898 г. вышел другой том — «Преистория изобразительного искусства», к которому автор был подготовлен своим классическим образованием. В 1909 г. последовал том «Природа и преистория человека» — тут проявился подход автора к первобытной археологии как неразрывно связанной с палеонтологией и физической антропологией. Гёрнес стремился подключить археологию к современной тогда культур-антропологии Тайлора и Лаббока, т. е. ориентировать археологию на реконструкцию истории культуры. Однако он высказался против использования живых отсталых народностей в качестве образцов для реконструкции глубокого прошлого, поскольку отсталые народности не сохранили древнего состояния.

В 1911 г. Гёрнес возглавил новосозданную кафедру первобытной археологии, первую на германоязычном пространстве, но ему оставалось работать на ней только семь лет. Далее кафедру возглавил его ученик Освальд Менгин.

Рис. 31.2. Жозеф Дешелетт (Malina 1981: 222).

Жозеф ДЕШЕЛЕТТ (Joseph Déchelette, 1862–1914; рис. 31.2; см. Déchelette 1962), которого называют «отцом французской протоистории» (Olivier 2001: 275), т. е. первобытной археологии бронзового и железного века, родился в семье предпринимателя и, получив классическое образование, сам стал предпринимателем в индустрии. В возрасте около тридцати лет он резко изменил жизненные цели и целиком отдался изучению средневекового искусства, На 22 года он стал директором музея в Руане, оставаясь в совете директоров местного отделения Банка Франции, в 1899 покинул бизнес полностью. Пять лет проводил раскопки Мон Бовре, каталогизировал средневековые церкви вокруг города. По совету Саломона Рейнака, издатель, задумавший руководство по отечественной археологии, предложил именно Дешелету стать автором этого труда. Дешелетт был провинциальным археологом, имевшим небольшой раскопочный опыт и не принадлежавшим никакой школе. Но он получил хорошее образование, знал языки, имел большую личную библиотеку по археологии и музейный опыт. Он взялся за дело и с 1908 по 1914 гг. выпустил 4 тома, в которых была сведена вся археология Франции. Тома стали справочным пособием не только для французов, но и для всей европейской археологии. Археология предстала в этих томах как совокупность памятников и находок, упорядоченных хронологически и по культурам. Последний том завершали уже без него. В 1914 г. 52-летний Дешелетт отправился на войну с Германией и сразу же погиб на фронте.

Деятельность обоих ученых, шедших от классической археологии, была в первобытной археологии последним аккордом позитивизма. У Гёрнеса это выражалось не только в предпочтении фактов новым объяснениям, но и во всемерном сближении с естественными науками. У Дешелетта, имевшего дело с французской преисторией и

ее сильной традицией связи с естествознанием (от Ларте и Мортилье), дело обстояло примерно так же — и он, идя от классической археологии, старался объединить обе отрасли. Ни один из них не выдвигал концепций, и они не преуспели в оригинальной интерпретации. Гёрнеса Косинна недаром обзывал «простым компилятором» (так его характеризует и Урбан в современной англоязычной «Энциклопедии археологии» — Urban 2001: 130), а о Дешелетте его апологетический биограф Оливье признает: он «не был творческим гением» (Olivier 2001: 287). Их пафос был в изложении колоссального объема фактов, в упорядочении их и в объединении всей науки на этой базе.

Третьим сумматором археологии был немец Макс Эберт (Max Ebert, 1879–1929). В борьбе Косинны с Шухардтом он не участвовал и был в мире с обоими. Подобно Косинне он окончил университет по германской филологии, работал несколько лет у Шухардта в Берлинском музее. Перед Первой мировой войной проводил раскопки под Херсоном. После войны защитил диссертацию в Кёнигсберге у А. Бецценберга, который занимался и сравнительным языкознанием и археологией. В 1921 г. Эберт выпустил свой известный у нас труд «Южная Россия в древности» и получил место профессора Кёнигсбергского университета. Вскоре он организовал выпуск «Реального словаря преистории» (Reallexikon der Vorgeschichte) — первую и доселе лучшую энциклопедию по нашей специальности, хоть и не столь обстоятельную, как «Реальная энциклопедия» Паули — Виссова — Кроля, но всё же состоящую из 14 томов (1924–1929). Сбор фактов и наличных толкований был его целью. В 1929 г., когда в возрасте 50 лет он умер, его студенты переместились к Мерхарту в Марбург.

8. Сепаратная археология Якоб-Фризена. В первой половине XIX века, когда на востоке Германии, лавиной распространялась «археология обитания» Косинны, а на западе и юге завоевывал позиции Шухардт, и повсюду в стране разгорался пожар национал-социалистской идеологии, в северно-центральных областях Германии работали два сверстника, совершенно не задетые национализмом, озабоченные исключительно констатацией научной истины по достоверным фактам — К. Г. Якоб-Фризен и Г. Мерхарт.

Карл Герман ЯКОБ-ФРИЗЕН (Karl Hermann Jacob-Friesen, 1886–1960) родился близ Лейпцига, в котором как раз с 1886 г. блистал Фридрих Ратцель, но Якоб-Фризен ездил на выучку не к нему, а на север к опытной раскопщице Иоганне Месторф и к Софусу Мюллеру (провел у каждого по несколько лет), а затем к Монтелиусу. Защитил диссертацию в 1909 г. и в следующем году устроился ассистентом в Лейпцигском Этнографическом Музее, а с 1913 г. перевелся на север, в Краевой Музей земли Нижняя Саксония в Ганновере. В музеях он осуществил реформу музейного дела — первым перешел к принципу выкладывать в витрины не массу находок, в которой зритель теряется, а наиболее яркие, типичные находки, снабженные пояснениями. Вне зависимости от состава наличной коллекции он делил выставку по смыслу, стараясь представить развитие логичным, восполняя лакуны изображениями. Коллекции он разделил на предназначенные для экспозиции и намеченные для исследований. Эти его принципы заимствовал сначала Веймарский музей, потом другие. В развитие Вирховской инвентаризации памятников Германии он призвал к полной археологической съемке и созданию археологической карты страны.

Опубликованное им в 1928 г. «Введение в преисторию Нижней Саксонии» выдержало 4 издания. В том же году он выпустил систематический труд «Основы исследований по преистории» с подзаголовком «Состояние и критика исследований

о расах, народах и культурах в преисторическое время». Это было расширенное издание брошюры, выпущенной им еще в 1923 г. «Основные вопросы преисторических исследований. Расы, народы и культуры».

Основной принцип работы археолога он сформулировал так: «Не набрасывать желанные картины, а всегда иметь перед глазами всю суровость голых фактов» (Jacob-Friesen 1939: 296). Археология, считал он, не должна работать понятиями, которые лежат вне ее компетенции — расами, языками, народами. Якоб-Фризен вообще считал, что каждая из трех смежных наук — археология, этнология и лингвистика — самостоятельна и должна работать со своими собственными понятиями, не путая их с понятиями других наук. Тождества археологической культуры с расой, языковой и этнической общностью (народом) он решительно отверг. «Расовая философия в наши дни выродилась в расовый фанатизм и даже внесена в политику. Многие неспециалисты бросаются антропологическими понятиями, смысл которых они едва понимают...» (Jacob-Friesen 1928: 35). Археологи имеют дело не с расой, не с народом, даже не с культурным кругом, а лишь с кругом форм (Formenkreis)!

Он не только выражал свой скепсис относительно основных положений Косинны, но усматривал рискованность и в типологическом методе Монтелиуса. Говоря о типологии (в отличие от типологического метода), он даже предлагал заменить этот термин «морфологией находок» (Fundmorphologie), чтобы не спутать классификационные задачи с эволюционно-типологическими гипотезами Монтелиуса. К географическому подходу Градмана — Хеннига — Крофорда — Вале, особенно к составлению карт, он относился с большей симпатией: там, на его взгляд, меньше гипотетического, меньше места полету воображения.

С 1932 г. он стал в свои 46 лет профессором Гёттингенского университета. В нацистское время он, естественно, подвергся нападкам фюрера преистории Рейнерта (Wegner 2001), был отстранен от многих своих постов, но остался директором музея, только к нему приставили контролера от СС (Zylmann 1956). Так что школу создать он не успел. Восстановлен после войны, в 1953 г. ушел в отставку по возрасту, в 1956 г. вышел сборник в его честь.

Якоб-Фризен был не только пионером в практической работе, он был и теоретиком, но теоретиком эмпирического направления: он отстаивал силу и убедительность достоверных фактов и их непосредственной обработки и отвергал рискованные интерпретации, основанные на теоретической увязке археологических категорий с явлениями живой действительности — и понятиями других наук.

9. Марбургская школа Мерхарта. Одновременно с Якоб-Фризеном, деятельность которого протекала в Ганновере и Гёттингене, в маленьком университетском городке Марбурге на Лане в старинном университете работал очень независимый и очень влиятельный археолог Геро Мерхарт (рис. 31.3), создавший свою школу (Knöll 1960; Kossack 1969, 1977, 1986a; Ames 1987), к которой название эмпирической очень подходит (Sangmeister 1977; Härke1991; Theune 2001). Мерхарт родился в один год с Якоб-Фризеном, а умер на год раньше его.

Геро Курт Мария МЕРХАРТ фон Бернег (Gero Kurt Maria Merhart von Bernegg, 1886–1959), уроженец Австрии (городок Брегенц в Альпах, на самой границе с Германией и Швейцарией), окончив иезуитскую школу, учился в Мюнхенском университете геологии, географии, антропологии и преисторической археологии, в частности у позитивистски ориентированного Й. Ранке, соратника Вирхова и племянни-

Рис. 31.3. Геро фон Мерхарт за подготовкой к занятиям в своем семинаре в Марбурге (Hodder 1991: 194, fig. 8.2).

ка Л. Ранке. Потом в Вене по одному семестру занимался у М. Гёрнеса, Р. Муха и Г. Обермайера и в Цюрихе у Й. Хейерли. Окончил (с дипломной работой по геологии) в 1913 г, уже 27-летним, перед самой войной и начал было работать ассистентом в Мюнхенском антрополого-преисторическом музее. С началом войны был мобилизован в австрийскую армию оберлейтенантом, послан на русский фронт и в 1914 же году попал в плен под Львовом. Пленных отправили в Сибирь, где в 1919 г. он оказался в лагере под Красноярском.

После революции с помощью Красного Креста ему удалось освободиться из лагеря, и очень образованного немца использовали как сотрудника в Красноярском музее, а после 6 лет плена он добровольно остался там еще на 2 года, чтобы закончить упорядочение материала. В 1920–21 гг. он заведовал там археологическим отделом. Мерхарт мудро старался не вдаваться в политические и национальные вопросы, занимался только тем, что было общим для всех археологов — типологией, хронологией, культурной идентификацией. Он разобрал и упорядочил богатые археологические коллекции музея, впоследствии издал по ним несколько работ («Палеолитический период в Сибири» на английском в Америке и «Бронзовый век на Енисее» по-немецки), а свои приключения описал в мемуарах с красноречивым названием «Daljoko» (как видите, русский он осваивал не по книгам). Они вышли в 1959 г., посмертно.

Вернувшись в 1921 после 7 лет в России, устроился работать в Инсбруке (Австрия), диссертацию делал у Освальда Менгина. Защитил диссертацию в 1924 г. и до 1927 г. преподавал в Инсбруке. Затем перебрался в Германию и, проработав немного ассистентом в собрании древностей Мюнхена, под боком у Рейнеке, который оказал на него большое влияние, а затем год в Римско-Германском Центральном Музее в Майнце, обосновался в Марбурге. Там в 1927 г., в том самом году, когда марбургский философ Хайдеггер написал свой основной труд «Бытие и время», была учреждена первая в Германии кафедра (Seminar) первобытной археологии (Vorgeschichte), а Мерхарт стал первым в Германии профессором первобытной археологии (в том же году, когда Макс Эберт возглавил кафедру в Берлине, а Чайлд — в Эдинбурге). Ему было в это время 42 года.

Кафедра была организована усилиями археолога-античника Пауля Якобсталя (Paul Jacobsthal, 1886–1957), ученика Георга Лёшке. Лёшке, завзятый враг Косинны, был учеником Рейнгарда Кекуле фон Штрадониц и специализировался на пограничных областях классической и первобытной археологии — на провинциально-римской археологии Германии и микенской культуре. Якобсталь унаследовал интересы своего учителя и развивал их в направлении первобытной археологии. Среди прочих с Мерхартом конкурировал в притязаниях на кафедру в Марбурге Освальд Менгин (оба конкурента — австрийцы). Из призванных решать этот вопрос за Мерхарта высказались Обермайер, Рейнеке и другие, против — Косинна. Менгина отвергли за «враждебность немцам» и католицизм (Марбург был протестантским университе-

том). Избранный на должность Мерхарт еще долго работал рядом с Паулем Якобсталем, испытывая влияние этого античного археолога и через него — классической археологии, в которой эмпирический, вещеведческий настрой был традицией — Брунa и Фуртвенглера.

Работать ему было суждено в этой должности и в этом месте 15 лет и потом после перерыва еще 4 года.

За это время он сколотил великолепный вдохновенно работающий коллектив и подготовил уйму молодых археологов, занявших видные места в археологии Германии. Это Курт Биттель (прославившийся раскопками хеттских памятников), Вернер Бутлер, Ион Нестор (ставший патриархом румынской археологии), Эрнст Шпроккгофф (первый директор Римско-Германской Комисии), Вольфганг Ден, Фридрих Хольсте, Эдвард Зангмейстер, Иоахим Вернер, Вернер Кобленц (виднейший археолог ГДР, директор Дрезденского музея), Георг Коссак, Отто-Герман Фрей, Генрих Мюллер-Карпе и др. — 33 доктора. Как ему удалось привлечь столько талантливой молодежи?

Сказалось то, что это была первая в Германии кафедра первобытной археологии. Но другие выросли, как грибы, уже через несколько лет. Кроме того, это формальное первенство, а фактически первобытную археологию преподавали и без отдельной кафедры или с позже возникшими кафедрами: в Берлинском университете Косинна, потом Макс Эберт, в университете Халле-Виттенберг –косинновский ученик Гане, в Гейдельберге другой его ученик Эрнст Вале, в Гёттингене Якоб-Фризен, в Кёльне — Герберт Кюн, в Тюбингене палеолитчик Рихард Шмидт, в Вене Освальд Менгин. Были авторитетные археологи и вне университетов: в Берлине — Шухардт и Гётце, в Мюнхене — Рейнеке. Видимо, гораздо больше сказалось то, что умудренный своим российским и центрально-европейским опытом работы в конфликтных ситуациях (в разных государствах, в разных политических системах, с разными национальностями), Мерхарт практиковал нейтральную археологию. Он выбирал в ней то, что ценится всеми и в чем можно спокойно делать вклад в науку, — эмпирические операции, вещеведческие штудии по бронзовому и железному веку Германии. В этом его поддерживал основатель кафедры Якобсталь. На полевую практику Мерхарт посылал студентов часто к Берсу, ученику Шухардта. У Мерхарта были две главные темы — источники и методика их обработки. Эпохи и культуры отступали на задний план (Sangmeister 1977: 10).

В членении материала Мерхарт соблюдал иерархию терминов: наиболее крупные блоки материала обозначаются как «культурные круги», они подразделяются на «культуры», а те — на «группы». Впрочем, сам он употреблял эти три термина и как синонимы (Ames 1987: 102), абсолютный же масштаб этой шкалы, Мерхарт оставлял неопределенным:

> «Какие культурные элементы и сколько должны быть одинаковыми, чтобы дать нам право говорить о "замкнутой культуре", в каком объеме новые элементы должны вторгнуться, а старые быть утеряны, какие требуются доказательства способа их внедрения или утраты, прежде чем мы сможем или даже должны будем говорить об образовании новой "культуры", — это объективно еще не установлено» (Merhart 1969: 88).

Что абсолютный масштаб может быть условным, в голову Мерхарту не приходило. Культуры он воспринимал как изменчивые и развивающиеся образования, обычно смешанные, так как трудно избежать влияний и включения пришлых групп. Он

реалистично представлял, что культура может оказаться местной, а может и пришлой, может исчезнуть, а может и дать начало нескольким дочерним культурам. Подыскивать всем им имена, упоминаемые в письменных источниках, Мерхарт избегал и совершенно не касался реконструкции нематериальной культуры. Он делал это сознательно и четко: «Прочие вопросы, однако, касаются основополагающего и методического, до чего мы еще не доросли». Приведя примеры возможных миграционных толкований материала — когда находки вырываются из комплексов и связываются типологическими рядами или когда новации приписываются вторгшимся и исчезнувшим без следа северянам и из этого выводятся концепции индогерманизации территории, — Мерхарт заключает: «Эти примеры подчеркивают, как слабы до сих пор методические тормоза, которые должны противостоять субъективным толкованиям» (Merhart 1969: 88).

Как пишет Зангмейстер, «было бы трудно выделить из написанных в Марбурге диссертаций особую линию интерпретации, особую научную концепцию, которая оправдала бы выделение особой «научной школы». Большей осторожности в высказываниях, дистанцирования от ученых мнений недостаточно ведь для этого» (Sangmeister 1977: 15). Тем не менее, школа складывалась, она сплачивалась общими представлениями о научности, вдохновенными лекциями шефа и разборами коллекций, и это продолжалось общими посещениями кафе неподалеку — сначала каждый день, потом по вторникам.

Когда в 1933 г. защитил диссертацию Шпрокгоф, он присоединился к Мерхарту в чтении лекций. Эрнст ШПРОКГОФ (Ernst Sprockhoff, 1892–1967) поздно вошел в археологию и поздно попал под влияние Мерхарта. Родившись в семье берлинского учителя, он и сам выучился на учителя, но на досуге посещал курсы археолога Альберта Кикебуша, первого ученика Косинны, постепенно отошедшего от Косинны. Шпрокгоф был участником обеих мировых войн, и они отняли у него в совокупности целое десятилетие. Вернувшись в 1920 г. с Первой мировой войны, он в обстановке разочарования и бедствий подался к Косинне, чтобы укрепиться в надеждах на великие качества немецкого народа. Но очень скоро он разочаровался в Косинне и перешел к ученику Шухардта Максу Эберту в Кёнигсберг, в 1928 г. защитил у него диссертацию по археологии, затем переехал в Берлин и участвовал в словаре первобытной археологии Эберта. Уже тогда в его работах ощущалось влияние Мерхарта. Он сумел попасть к Мерхарту и в 1933 г. защитил у него вторую диссертацию. В 1937 г. стал Первым директором Римско-Германской Комиссии в Майнце. За межвоенное время выпустил много солидных книг о мегалитах и других памятниках Германии, а в 1939 г. снова ушел на войну (подполковником). После войны получил кафедру в Киле и сменил интересы — занялся проблемами первобытной религии. До пенсии ему оставалось десять лет.

Еще до прихода к Мерхарту у него формировалось похожее отношение к задачам археологии. «Слова достаточно сменялись, пора, наконец, увидеть факты, — писал он в 1928 г. — Публикации материала — вот то, в чем мы настоятельно нуждаемся» (Sprockhoff 1928). И в том же году: «Предпосылкой научности является не вера, а сомнение» (цит. по: Misamer 1987: 89). Немецкий патриотизм владел им, но не ослеплял. Шпрокгоф написал сочувственную рецензию на труд Якоб-Фризена и критически отозвался о работах расиста Гюнтера. Проявил он скепсис и в рецензии на Косинну: индоевропейцев он считал более вероятным возводить не к северу, а к южным странам. Нордический круг считал смешанной культурой: на мегалитическую основу наслоилась пришлая культура боевого топора. К эволюционизму и к

идее прогресса также относился скептически. Считал ошибочным видеть в типологических рядах эволюцию и вообще чистую линию развития: влияния со стороны кардинально изменяли его ход.

Вот такой археолог стал читать лекции вместе с Мерхартом, а другой ученик, Юнце, подменил шефа в руководстве охраной памятников региона. Якобсталь же и Берсу, будучи евреями, вовремя эмигрировали из нацистского государства в Англию.

С 1936 года, когда нацистская власть укрепилась, начались нападки (в печати и административной переписке) руководителя нацистской археологии Рейнерта и его подручного Бенеке на руководителя Марбургской школы (Wegner 2001). Мерхарт пишет в это время своему ученику Бутлеру, вспоминая свои сибирские годы:

> «Когда я не имел, что жрать, а имел продранные штаны и малярию и пару коммунистов за собой, которые держали меня на коротком поводке, тогда я в коллективе Красноярского музея с гордостью чувствовал себя немцем, потому что там понимали, что я представляю немецкий способ жизни и немецкую работу. Сегодня моя немецкость недостаточно хороша, и мне неохота себя защищать. Тогда я делал сибирскую преисторию, и это было немецким поступком. Сегодня молодые парни подсчитывают, достаточно ли я делаю германистику. Нужно ли мне сопротивляться?» (цит. по Kossack 1999: 67).

Бутлер работал в министерстве образования, а там уже получили письмо Гейдриха, который от имени Рейхсфюрера СС Гиммлера обратился к министру:

> «Штатный профессор преистории в Марбургском университете Геро Мерхарт фон Бернег отправил своих сыновей учиться в иезуитской школе в Фельдкирхе в Австрии. Вследствие этого поведения, несовместимого с мировоззренческими требованиями к профессору немецкой преистории, Рейхсфюрер СС считает себя обязанным просить Вас, господин Рейхсминистр, отозвать профессора фон Мерхарта со своего поста в Марбурге. Кроме того, и ряд других причин говорят против оставления проф. Мерхарта в должности. Мерхарт отрицает связь преистории с расоведением. Он к тому же имеет стремление противопоставлять истории преисторию как неполитическую науку. ... Мерхарт изначально пытался противостоять многочисленным устремлениям выправить на основе национал-социалистической революции немецкую преисторию как сознательно народную. В 1934 г. он писал в письме к одному археологу, что теперь должна начаться борьба против "германомании". ... Из приведенных причин ясно, почему проф. Мерхарт с давнего времени слывет в кругах национал-социалистических исследователей первобытности одним из опаснейших врагов преистории, которого, однако, труднее всего ухватить» (цит. по Kossack 1999: 70).

В том же году Мерхарт был снят с поста заведующего. Из-за всего этого Мерхарт заболел, его замещал его любимый ученик Хольсте. В 1942 г. 56-летнего Мерхарта «за деятельность, оппозиционную национал-социалистическому образу мышления» досрочно уволили на пенсию, не дав обычного звания Emeritus (заслуженный в отставке) с соответствующими привилегиями. Планируемого преемника, Хольсте, забрали на фронт, где он и погиб. Заменил его Ден, но его тоже забрали на фронт, где он попал в плен. Вообще марбургская школа потеряла четверть своего состава. После войны Мерхарт был восстановлен в должности, руководил еще четыре года и стал эмеритом (отставником) в 1949 г., в возрасте 63 лет. Еще 10 лет жил на пенсии, умер в Швейцарии.

Заменивший его Вольфганг Ден эмпирическую направленность марбургской школы еще усугубил. Мерхарт всё-таки давал сразу памятникам и культурам этни-

ческие обозначения (германцы, кельты, иллирийцы). Ден от этого отошел и вообще сомневался, возможно ли это. Кроме кельтов для латена этнические имена более не употреблялись. Источниковедение, история науки и методика ушли из круга внимания, на первый план выдвинулись определения культур, эпох и вещеведение, в частности сквозная тема — первобытное ремесло. Вместо Funde (находок) в центре внимания оказались Befunde (комплексы), вместо хронологического и культурного истолкования — определение функций и социальная интерпретация. Почтение к памятникам, сбору материалов и описаниям еще более усилилось.

В 1958 г. Ден взял к себе ассистентом Отто-Германа Фрея, который в 1976 г. заменил его у руля Марбургской школы. За двадцать лет до того Фрей учился у Зангмейстера и Киммига, осваивая латен. Как и Киммига, его курировал сам Якобсталь, лучший знаток латена. В 1956 г., когда Фрей еще делал свою дипломную работу, Якобсталь писал ему из Оксфорда: «Пишите так, чтобы Мерхарт не сказал: Этот Фрей делает наполовину историю искусства» (Kimmig 1994). Мерхарт был еще жив, был уже культовой фигурой даже для самого Якобсталя. Молодым внушали: делать надо не историю искусства, а вещеведение.

Рис. 31.4. Иоахим Вернер, глава Мюнхенского Института археологии (рисунок Л. Клейна).

К этому времени школы Косинны и Шухардта захирели, а Марбургская школа обрела влиятельность и распространенность. Ее представители заведовали кафедрами и музеями по всей Германии: Услар в Майнце, Шпрокгоф в Киле, Вернер в Мюнхене (рис. 31.4), Зангмейстер во Фрейбурге, Кобленц в Дрездене, Мюллер-Карпе во Франкфурте-на-Майне, а Биттель был президентом Немецкого археологического института в Берлине. Мюллер-Карпе был особенно деятелен, и всё в том же ключе — накопление фактов и знаний. Он — организатор грандиозного многотомного собрания «Доисторических находок из бронзы» (Prähistorische Bronzefunde) 1969–86) и «Материалов по всеобщей и сравнительной археологии» в 42 выпусках (1982–89). Он же создатель фундаментального «Хандбуха доистории» в 4 томах (1977–80) и «Основ ранней истории человечества» в 5 томах (1998). Словом, влияние Марбургской школы распространилось на всю немецкую археологию.

Генрих Хэрке, немецкий археолог, работающий в Англии, в обзоре «Всё ли спокойно на Западном фронте?» пишет: «Почти полное отсутствие теоретических дискуссий в западногерманской археологии с 1945 г., и особенно в последние два десятилетия (имеются в виду 70-е и 80-е годы. — Л. К.) — любопытный феномен». В исследованиях палеолита и мезолита «большей частью усилия ушли в описания», изучение неолита более открыто новым идеям, хотя и здесь «исследования проводятся с минимумом теории или без теории вообще».

> «Но именно в археологии бронзового века и железного века влияние антикварианистской школы Геро фон Мерхарта ... наиболее очевидно. Некоторые следствия — представление о типологии и хронологии как самодовлеющих целях исследования и

преувеличенный упор на клады и погребения (особенно богатые погребения, или "княжеские"), ... относительное пренебрежение исследованием поселений и почти полное отсутствие моделей в поле» (Härke 1991: 187–194).

Хэрке признает достоинство немецкой тщательной документации представления данных, но наряду с этим он констатирует «стремление собирать факты в каталогах и описывать информацию в «хандбухах» и энциклопедиях», приводя в пример того же Мюллера-Карпе. Он приводит иронические клички этого позитивистского подхода немецких археологов: «подсчет черепков», «коллекционирование марок» и, рассматривая «синдром Косинны» как причину этого застоя, предвидит, что падение коммунистического режима в ГДР добавит к «синдрому Косинны» «синдром Энгельса» (Ibid.: 209). Между прочим, считает инициированную мною в 1974 г. кампанию трезвой и сбалансированной переоценки Косинны (работы Клейна, Смоллы, Кроссик и Фейта) очень важной и полезной для немецкой археологии.

Впрочем, если вдуматься, корни эмпиризма, по крайней мере, марбургской школы гораздо глубже и шире, чем реакция на Косинну и нацистскую археологию, «синдром Косинны». Ведь школа сложилась до прихода Гитлера к власти, когда нажим на археологов еще не чувствовался, а косинновская археология не была господствующей.

10. Курбэн против Новой Археологии. Как это ни странно, в послевоенное время пристрастие к эмпиризму обнаружилось и во французской археологии. Странно — потому, что во Франции успешно развивался эволюционизм, затем католический антиэволюционизм, затем неоэволюционизм и структурализм Леруа-Гурана и таксономизм Борда. Вроде не было во Франции долго и насильственной идеологии, которая бы набила оскомину. Однажды вечером в 1986 г. известные французские археологи встретились за пивом с английскими. С французской стороны были Демуль, Шнапп, Кудар и Глезиу, с английской Ходдер и Тилли. Англичане размышляли: французским археологам страшно повезло говорить на том же языке и дышать тем же воздухом, что и Альтюсер, Бурдье, Фуко, Леви-Стросс — знаменитые мыслители, так почему же эти археологи так мало пользуются теорией?! Французы, вздыхая, согласились: да, нет у нас теории. Как бы там ни было, теория оказалась во Франции в загоне.

Не просто в загоне. Один из столпов традиционной французской археологии выступил с воинствующей защитой эмпирического склада мышления в археологии. Это Поль Курбэн, профессор Школы Высших Исследований Социальных Наук в Париже, в 1953–60 гг. генеральный секретарь Французской школы в Афинах, ведший раскопки в Греции (в Аргосе и на Делосе), копавший во Франции (средневековые деревни) и в Камбодже. В 1963 г. он выступил редактором французского сборника методологических статей по археологии, объединившего многих видных археологов Франции. Сам он написал тогда статью о стратиграфии. В 70-е годы Курбэн руководил раскопками французской экспедиции в Сирии, в середине 70-х читал лекции в США и в Бразилии. В 1982 г. он разгневал всех новаторов, выпустив книгу «Что такое археология? Очерк о природе археологических исследований», в 1988 переведенную на английский (Courbin 1982/1988).

Книгу он направил против Новой Археологии и ее сторонников во Франции, ратующих за теоретические исследования, выявление законов, дедуктивное мышление. Курбэн отстаивает «традиционную» археологию, которая должна, по его убежде-

нию, покоиться на эмпирическом мышлении и на соответствующей методике. «Новая Археология» декларирует, пишет Курбэн, что

> «нет "сырых", "нейтральных", "объективных" фактов, нет "основополагающих данных", нет "неструктурированных" сборов данных, нет данных, которые бы "говорили сами за себя". (А разве кто-либо когда-либо считал, что говорят?)» — иронизирует Курбэн, и поясняет: «Факты появляются только в системе увязки, в системе подхода, эксплицитно заданной заранее... Каждый (исследователь) всегда имеет и всегда имел "систему увязки" ...» (Courbin 1982/1988: 119).

Свою защиту «нейтральных», «объективных» «основополагающих» фактов Курбэн связывает с традиционным пониманием задач археологии. По его представлению оно сводится к тому, что «установление фактов есть истинная роль и миссия археолога, есть то, что отличает его от всяческих "параархеологов", ибо он способен делать эту работу и он тот, кто единственный способен делать ее правильно...» (Courbin 1982/1988: 132).

Это понимание задач археологии очень близко к моему собственному, поскольку я расцениваю археологию как дисциплину источниковедческую и в этом смысле прикладную, которая оставляет связь событий и процессы, происходившие в древности, даже с материальной культурой, на усмотрение историков. Так что я весьма симпатизирую Курбэну, когда он очень, на мой взгляд, умно разбирается с нередкими казусами выхода археологов за пределы своей профессиональной задачи:

> «Конечно, — пишет Курбэн, — многие археологи не удержатся от соблазна выдвинуть исторические интерпретации и подтвердить их фактами, которые они сами собрали (или могут собрать). Некоторые из них захотели сформулировать законы поведения, культурные закономерности. Но если они в каком-то смысле незаменимы в установлении фактов, то на этой стадии их лучше бы сменили антропологи или историки. ... Археологи могут становиться историками, эпиграфистами или антропологами. Но, как случается всякий раз, когда человек покидает свою специальность, результат оказывается (возможно или вероятно) не столь хорош, как тогда, когда работа сделана историком или антропологом. Несомненно, лучше использовать специалиста. Иначе специализация не имела бы смысла, и всякий мог бы делать абсолютно всё...» (Courbin 1982/1988: 154).

В другом месте книги Курбэн формулирует это как афористическую сентенцию: «Возможно, что какой-то археолог станет всерьёз историком. Важно, чтобы он сознавал, что, делая это, он действует не как археолог, а как антрополог или историк. Он более не делает «археологию», а делает нечто иное» (Courbin 1982/1988: 151).

В этом я целиком с ним согласен. Я могу это отнести и к себе: я часто выхожу за границы археологии, но там я действую не как археолог. Я целиком принимаю на себя, без скидок, обязанности овладеть той специальностью, которой я рискую заниматься вне археологии. Тут Курбэн прав. Я расхожусь с ним только в оценке содержания предмета археологии и, следовательно, объема работы археолога. На мой взгляд, теория входит в этот объем, потому что задачей археолога является не только собирание археологических фактов, не только их классификация, но и перевод их на язык истории. Вот оценка их исторического значения, постановка их в историческую связь — это уже дело историка.

Курбэн выражает не только свое личное мнение, но и убеждения значительного слоя французских классических археологов, да и не только классических, и не только французских. Не знаю, насколько резонно говорить о французской эмпирической

школе — в параллель марбургской школе немцев, — но декларация эмпирической позиции прозвучала смело и громко как раз из уст француза. Прозвучала именно тогда, когда угроза самому существованию эмпирических убеждений как солидной и положительной позиции стала явственно ощущаться в связи с распространением Новой Археологии.

11. Проявления и признаки эмпиризма в археологии. Как мы могли убедиться, тяга к эмпирической методике коренится отчасти в самой природе археологии. Тяга эта отчасти покоится на неизбежности эмпирических операций в любой начальной стадии работы с материалом, а побуждения к ее абсолютизации и к ограничению своей работы этой стадией весьма разнообразны и поддерживаются как обыденным здравым смыслом, так и некоторыми философскими установками (позитивизмом). Немудрено, что симптомы эмпиризма проявляются то больше, то меньше у археологов разных направлений. Симптомы эти хорошо бы уметь распознавать, чтобы уметь где-то выявить влияние эмпирической школы, где-то саму такую школу, где-то близость к ней других учений. Я в свое время написал специальную статью на эту тему, потом в расширенном виде ввел ее в свою «Метаархеологию» («Введение в теоретическую археологию»). Здесь стоит привести эти рассуждения.

Каковы же симптомы этой аномальной узости мышления в археологии?

1. *Вся надежда на факты.* Убеждение археологов первой половины XX века, что «вещи за себя говорят, как буквы и слова» и археолог может просто читать памятники «как обычные книги», еще правит археологией открыто или в скрытой форме.

Когда Поль Курбэн (Courbin 1982/1988) борется против упрощений «новой археологии», он в своих филиппиках большей частью прав. Но когда он запальчиво и упорно настаивает на «сырых фактах», на «нейтральных», «объективных», основополагающих», «очевидных» фактах, он показывает свою близорукость. Когда он призывает свести археологию к фактам и, в сущности, задачу археологии ограничивает «установлением фактов», т. е. устраняет из археологической науки теорию, он существенно ослабляет возможности познания фактов.

2. *Вера в чистые факты.* Многие маститые археологи все еще жаждут «*чистых фактов*». Они убеждены, как в Польше это формулировал К. Годловский (Godłowski 1962: 81–82), что в археологических источниках исследователю предстает «объективно существующая» действительность, что в археологии ведущий путь — это индукция и что в основе ее должны лежать «чистые источники», а не «уже интерпретированные и несущие на себе груз взглядов и концепций». Дедукцию этот автор допускал только при попытках «выявить, насколько возможно, лакуны в наших источниках или неясные явления и факты».

Вера в существование чистых фактов не так широко распространена в наши дни. После острой критики в рамках неопозитивизма мы понимаем, что любое наблюдение подготовлено нашим образованием и что само описание должно использовать категории, понятия и термины, разработанные в теоретических размышлениях. Так что факты с самого начала нагружены теорией. Но тяга к чистым фактам всё снова и снова проглядывает в археологии.

3. *Открывание типов.* Простейший способ *выявления археологических типов статистикой и корреляцией*, который открыл учитель Бинфорда Элберт Сполдинг (Spaulding 1953a, 1960a), широко распространен и работает, практически, по сей

день. Установка Сполдинга предполагает, что наши типы, собственно, *содержатся в материале готовыми.*

Также и в нашей стране нашел широкое признание тот взгляд, что *типы содержатся в материале* и что статистикой и корреляцией их можно беспрепятственно открывать. Принято думать, что марксисту подобает утверждать объективность таких эмпирических типов — это считается у нас подлинно марксистской позицией.

> «Марксистской археологической школе, — утверждал Шер (1970: 13, прим. 7), — присуще представление о типах вещей, объектов и памятников как о реальных классах, различия между которыми порождены хронологическими, этническими, локальными, технологическими и прочими естественно-историческими условиями, а не мнением исследователя».

Это утверждение повторено буквально в совместном труде трех авторов (Каменецкий, Маршак и Шер 1975: 78), только слово «марксистской» заменено определением «советской». Но теперь некоторые советские археологи уже представляют себе разницу между эмпирическими типами и культурными типами; они понимают, что открыть первые еще не значит познать вторые.

4. *Описание вместо продумывания.* Это может быть выражено в различных подходах. Например, в предпочтении *остенсивных* дефиниций, т. е. дефиниций, сводящихся к полному перечню состава. Кристофер Хокс (Hawkes 1973: 177) писал в «Антиквити»: «Если уж и выявлять культуры как жизнеспособное понятие, то их можно определить только полным перечислением их частей». Хотя Стюарт Пиготт (Piggott 1958: 78) признал, что «Археология — в основном описательная дисциплина», тем не менее, добавил: «Но это описание оказывается бессодержательным, если не проводится в системе связей и отношений».

5. *Индукция как единственный законный путь.* Преобладание эмпиризма проявляется в том, *что простое обобщение фактов стало на практике считаться единственно верным путем исследования*, надежной гарантией от спекуляций. По сути, возрождается девиз ранних философов-эмпиристов. Сводка, перечень, каталог — вот основа для вывода. Поэтому у археологов, придерживающихся этого девиза, идеальными работами признаются сводки материала, завершающиеся обобщениями. А предметами зависти и подражания — грандиозные сводки, типа томов «Руководства по преистории» Германа Мюллера-Карпе (действительно, очень полезной).

У нас Л. Н. Гумилев (1989: 30) опирается на пример естественных наук: «вместо философского постулата естественники применяют 'эмпирическое обобщение', имеющее, согласно В. И. Вернадскому, достоверность равную наблюденному факту». Имеется в виду, что при эмпирическом обобщении мелкие факты склеиваются и взамен роя мелких фактов возникает крупный факт.

Оставим здесь без подробного разбора то, что, как говорит Л. фон Берталланфи (1969: 53), «простое соединение эмпирических данных, хоть и означает определенный прогресс, но еще не составляет собственно 'науки'». Оставим также в стороне, что эмпирическое обобщение не есть простая сумма наблюденных фактов и не равна индивидуальному результату наблюдения (достаточно вспомнить о проблеме выбора и отбора). Неприязнь Гумилева к насаждению философских постулатов непосредственно в позитивные науки понятна и привлекает симпатии. Ведь хотя натурфилософия давно оставлена, родственная ей социал-философия, исторический материализм, господствовала в общественных и гуманитарных науках нашей страны. Однако в естественных науках философию заменили не эмпирические обобщения,

а специально-научные теории, а в таких условиях философия помогает позитивным наукам усовершенствовать их методологию.

6. *Противопоставление данных спекуляции.* Выражением той же эмпирической установки является стремление, где только возможно, *противопоставить добротные индуктивные исследования материала всякой там теории* — как спекуляции (имеется в виду: пустому умствованию). Бинфорд характеризует мышление Джеймса Гриффина как «антитеоретическое». «Для Гриффина, – пишет он, – теория была идентична спекуляции, т. е. тому, за что берутся только когда нет данных. Если же данные достижимы, то ясно, что делать: данные суммируются и «самоочевидные» ячейки значений синтезируются в историю. Для Гриффина не было вопроса о том, что же эти данные означают или что они нам рассказывают о прошлом» (Binford 1972a: 3). В США многие остались на стороне Гриффина.

Ситуацию в современной Германии Генрих Хэрке (Härke 1995: 48) характеризует следующим образом:

> «Слово Теория для немецких ушей звучит легковесным и пустым — этакий мыльный пузырь. Оно подразумевает 'безосновательную спекуляцию' (т. е. рассуждение без фактов), и кажется исключающим практичность, рассматриваемую как чрезвычайно желательная. Когда кого-либо называют 'теоретиком' или что-либо называют 'теорией', в этом безошибочно понимается оскорбительный подтекст. Чтобы избежать этих коннотаций, немецкие ученые вне естественных наук, сколько возможно, избегают термина 'теория', а если уж это неизбежно, они засовывают его под шапку 'методологии'. 'Методика' имеет солидное звучание; она звучит практичной, систематической, целенаправленной, эффективной».

Для примера Хэрке ссылается на учебник Цигерта.

Высокоавторитетный немецкий ученый Герман Мюллер-Карпе (из школы Мерхарта) исходит из того, что «преистории (или, в переводе с немецкой терминологии на нашу, первобытной археологии. — Л. К.) свойственно притязание быть наукой, т. е. добывать знания на основе аутентичных источников и их методично проверяемой интерпретации». По его мнению, «вряд ли конкретные отдельные явления первобытной культуры чужды нам и непонятны, как звезды; наоборот, они доступны нашему познанию в ходе специфического процесса, которым мы можем уловить исторически, — в ходе 'исследовательского понимания', как это называл Й. Г. Дройзен». Решающим тогда становится ухватить явление в его конкретности. Это дает нам те исторические свидетельства, которые противостоят «чисто теоретическому (т. е. спекулятивной концепции человеческого прошлого)» (Müller-Karpe 1975: 82–84).

То есть факты первобытной археологии в их конкретности доступны нам и понятны без всякой там теории, они аутентичны, достоверны, а чисто теоретические концепции спекулятивны и чужды науке.

Соответственно этому тома его великолепного и чрезвычайно полезного «Руководства по преистории» (1966–1980) построены так: небольшому разделу «непреисторических теорий» (с третьего тома упрятанных под шапкой обзора «исследований») противостоит упорядоченный в солидных и массивных разделах археологический материал, а затем следуют выводы из него на основе «исследовательского понимания». «Непреисторические теории» — это теории антропологические, социологические, биологические и т. д. «Преисторических теорий» вообще нет.

Для такой позиции вообще характерно само представление о споре между эмпиристами и радетелями теории как о противопоставлении *чистейшей фактографии*

пустому теоретизированию без малейшей связи с фактами. Между тем, в то время как *индуктивисты, в сущности, полностью изгоняют теорию из науки*, их противники *не считают возможным обойтись без фактов*. Даже «новые археологи», явно пересаливающие в поклонении теории, оперируют, как показал Поль Курбэн (Courbin 1982/1988: 162–170), фактами, которые они часто заимствуют у эмпириков. Да и сам Бинфорд признает: «Читатель может с полным правом указать несогласованность между моим упорным стремлением к дедуктивному формулированию исследовательских проблем и моей же защитой весьма индуктивной процедуры для сбора данных на основе теории выборок. Я и сам нахожу здесь нестыковку» (Binford 1972: 133).

7. *Обобщение как путь к теории.* Более того, *эмпирическое обобщение*, особенно при широком охвате фактов, *стало выступать в качестве теоретического исследования* (в противоположность описанию фактов). В нашем археологическом обиходе слова «*теоретическое обобщение*» слились во фразеологическую единицу, ходячий штамп. Если есть обобщение, суммирование, усреднение, то многие склонны полагать, что это уже не эмпирический уровень исследования. В соответствии с этим Брюсов назвал свою работу (1954) по обобщению фактологической базы для хронологии лесного неолита «Теоретические основы хронологии неолита»; юбилейная конференция по итогам изучения Новгорода именуется «научно-теоретической» (Бем 1960).

Если уж прибегают к теории, то она рассматривается в индуктивистском духе — как *извлечение регулярности из обобщения фактов*. Так, например, Мартин Ягутис-Эмден (Jagutis-Emden 1977) строит симметричную схему, в которой артефакты фиксируются протокольными предложениями, несколько протокольных предложений, соединяясь, образуют гипотезу, относящуюся к слою или поселению, а сводка таких гипотез относится уже к культуре и называется «теория». Стало быть, теория и гипотеза отличаются от фактофиксирующих предложений *только охватом, более высокой ступенью обобщения*. Очевидно, что для этого автора один факт — это факт, два схожих факта образуют совпадение, которое может быть случайным, три — уже регулярность, и это означает закон, а закон лежит в основе теории. Три обобщенных факта — это теория.

Именно об этом Лесли Уайт сказал Бинфорду, тогда еще студенту: «Джулиан Стюард не понимает разницы между универсальным фактом и законом» (Binford 1972: 18). О подобной ситуации в физике Альберт Эйнштейн высказался так: «А теперь мы с достоверностью установили, как заблуждались те теоретики, которые полагали, что теория выводится индуктивно из опыта».

8. *Ненасытная охота за фактами.* Полагают, что *чем больше фактов сведено, тем глубже теория.* Отсюда молчаливо узаконенная *неопределенность целей* в планировании многих экспедиций. Ведь в любом случае что-то будет раскопано, добыты новые факты, их можно будет обобщить или включить в прежние обобщения, расширив и упрочив выводы. Как говорится, будет положен еще один лишний кирпичик в здание науки. Охотникам за фактами невдомек, что далеко не всякие новые факты позволяют расширить вывод, что нередко простое умножение фактов не укрепляет доказательства и что кирпичик в самом деле может оказаться лишним. В этом случае раскопки рискуют превратиться в растрату средств и разрушение памятника (разумеется, если это не спасательные раскопки).

Простое накопление одинаковых фактов не приносит ничего нового. Когда пе-

рейдены границы необходимой репрезентативной выборки, дальнейшее накопление тех же фактов бесполезно.

9. *Horror vacui* (Боязнь пустоты). Как заметил Кент Флэннери (Flannery 1972: 106–107), традиционные археологи

> «часто смертельно боятся ошибиться... Они с ужасом говорят о неполноте археологических источников и о безответственности спекулирования по скудным данным. Они, кажется, как-то чувствуют, что если бы только они могли собрать еще несколько черепков, еще несколько наконечников стрел или еще несколько архитектурных деталей, то шаткость их заключений исчезла бы».

Стали считаться благоразумными *сугубая осторожность, воздержание от выводов.* Археологу советуют подождать, пока не будут собраны необходимые факты, относящиеся к избранной теме, пока не будет обеспечено «достаточное» количество фактов. С. Н. Замятнин (1951: 92) напоминал, что в археологии «накопление материалов идет обычно медленно, и надо найти в себе силы удержаться от соблазна разрешения, а иной раз и постановки вопроса, если источники этого не позволяют».

10. *Несбыточное желание полноты.* Но сколько надо фактов, чтобы постановка вопроса и предположительный вывод стали позволительными? Критериев «достаточности» не найти, если допускать неполноту. Поэтому возникает требование собрать «*все факты*», *всю полноту источников.* «Сужение специализации, — считают Колчин, Маршак и Шер (1970: 4), — происходит не из-за утраты интереса к теоретической работе, как об этом иногда говорится, а вследствие того, что заниматься теорией невозможно, не владея всей полнотой исходных данных».

Всей полнотой! Уже Энгельс возражал против подобных установок: «Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона».

Эту же мысль развивает в середине XX века американский антрополог Джулиан Стюард (Steward 1949: 24–25). Для него «очевидно, что мелочи культурной истории никогда не будут нам известны полностью и что нет необходимости откладывать формулирование закона до той поры, когда все археологи отбросят свои лопаты и все этнографы отложат свои блокноты». Если антропология не заинтересована в уникальных и экзотических подробностях, то необходимо, чтобы делались попытки сформулировать закон, сколь бы предварительными они ни были. Это формулирование позволяет нам установить новые виды проблем и направляет наше внимание на новые виды данных, которые прежде от нас ускользали. «Собирание фактов, собирание само по себе есть недостаточная научная процедура; факты существуют только в связи с теорией, а теории не разрушаются фактами, они заменяются новыми теориями, которые лучше объясняют факты».

Как специалисты по логике давно показали, индукция в принципе не может быть полной.

11. *Опытность практика — пропуск в теорию.* Очень распространенным оказывается убеждение, что теоретические и методологические оценки *позволительно высказывать лишь на основе долгой эмпирической подготовки.* Иоахим Вернер сформулировал это наиболее откровенно и резко: «Издание археологических источников — это очень трудоемкое дело, оно требует упорной и тщательной работы. Только тот, кто выполнил эти настоятельные обязанности и овладел ими, получает право влезть в вопросы метода; здесь пролегает граница между наукой и журналистикой»

(Werner 1954). Высокомерное презрение Вернера к определенным представителям политической журналистики в одеянии ученых вполне понятно, тем не менее, его аргументация несколько наивна.

В основе этого взгляда лежит представление о теории как просто индуктивной генерализации фактов. Наиболее глубокие и осторожные из эмпирически ориентированных археологов избегают указания на исключительно индуктивный путь и говорят о «теории, которая есть лишь рационализация опыта» (Randsborg 1995: 221; см также Randsborg 1994).

Многие маститые археологи смотрят с нескрываемым скепсисом на теоретические опыты молодежи, поскольку всерьез верят, что только *большой опыт в эмпирической работе* позволяет добиться успехов в теории. Столь откровенных высказываний в этом духе, как у Вернера, я в советской археологической литературе не встречал, но многие профессора и руководители учреждений думают именно так и, как могут, тормозят тягу молодежи к теоретическим проблемам.

Но история нашей дисциплины не поддерживает эту позицию. Косинна и Чайлд очень мало копали и не оставили после себя импозантных работ по классификации артефактов. Несомненно, и для теоретической работы надо быть компетентным археологом, но теоретики нуждаются в совершенно ином образовании, чем раскопщики или музейные работники. А многие особенности, которые теоретику нужны как мыслителю (смелая фантазия, умение отвлечься от мелочей т. п.), представляются прямо противоположными добродетелям эмпирического обработчика материала. Более того, они даже могут атрофироваться в многолетней эмпирической рутине. Надежда превратить опытного эмпирика в успешного теоретика сродни предложению вырастить султана из хорошего евнуха — поскольку, де, оба работают в гареме. (Чтобы не обидеть эмпириков, хочу добавить, что эту метафору можно применить и в виде перевернутой сентенции).

12. *Аргумент 'не-время-для-теории'*. Ввиду успехов теории в других науках и славы великих теоретиков прошлого в археологии, иногда предлагается уступка: для теории есть место и в археологии, но лишь на следующей стадии ее развития или на предшествующих, только не сейчас. Первое такое рассуждение появилось как оправдание отсутствия теории в течение нескольких десятилетий в советской археологии. Ю. Н. Захарук (1970: 10) доказывал, что было необходимо пройти через эмпирический период и сначала накопить достаточно фактов, чтобы перейти к аналитическому периоду и начать возводить теоретические конструкции. Другое решение было предложено Ульрихом Фишером (Fischer (1987: 194): «Все теоретические методы первобытной археологии ... были развиты в XIX веке... Можно с полным основанием утверждать, что теоретический раздел методологии нашего предмета завершен. Добавления можно ожидать в практическом разделе».

Еще не время... Уже не время... При нынешнем накоплении археологических фактов всегда есть время для теории, были бы теоретики.

Предложенный перечень симптомов эмпиризма может носить системный характер, когда налицо все признаки вместе, и они связаны философскими убеждениями в единую методологию. Но симптомы эти могут встречаться и порознь, не образуя системы и сочетаясь, даже противоречиво, с другими методическими и идейными позициями.

С этим перечнем симптомов нетрудно поставить диагноз «эмпиризм» тому или иному археологу или археологическому труду. В общем, это, конечно, симптомы болезненные, потому что всякая ограниченность не свидетельствует о здоровье. Но

в каждом отдельном случае нужно заново решать вопрос о том, обнаружена ли болезнь или просто аномалия или даже — чем чёрт не шутит — преимущество.

12. Статистические концепции: Элберт Сполдинг. Под номером три в этом перечне помещено статистическое открывание типов, введенное в археологию Элбертом Сполдингом. Как у Сполдинга сформировалось это направление работ?

Элберт СПОЛДИНГ (Albert Spaulding, 1914–1990), младше Рауза, Тэйлора и Уилли всего на год, а Форда на три года, учился в первой половине 30-х у Стронга в Небраске, таким образом, находился в сфере воздействия функционалистских идей в археологии. Отсюда он получил свое пристрастие к анализу культурных систем, к разбору механизма их действия и свое пренебрежение к истории. На место исторической перспективы функционалисты подставляли логический анализ систем, на место исторической интерпретации — логическое объяснение. Затем после войны он оказался на работе в Мичиганском университете. Там он попал под руководство заядлого таксономиста Гриффина, с его эмпирическим настроем и жгучим интересом к классификации, к открыванию типов. Вошел он и в контакт с работавшим там же неоэволюционистом Лесли Уайтом, который в это время был уже влиятельным профессором. Сполдинг не мог не учитывать интересы своего начальника Гриффина к эмпирическому открыванию типов, хотя и относился скептически к его методике и целям (выявление миграций и влияний), не мог и избежать влияния Лесли Уайта. От Уайта он усвоил материалистический взгляд на археологические категории, придя к убеждению, что все наши категории есть в материале и можно их объективно выявить.

В это время наиболее объективным способом открывать, классифицировать и описывать наличные категории уже считалось применение математических методов — статистики и комбинаторики.

Вообще математика входила в науку двумя струями. Одна была связана с рационализмом (от Декарта, Спинозы и Лейбница). Рационализм уповал на деятельность чистого разума и поэтому, практикуя дедукцию, поощрял логику и строгие математические рассуждения, теоремы. Другая струя была порождением эмпиризма (от Френсиса Бэкона и Локка). Эмпиризм предлагал основывать поиски истины на опыте, индукции, обобщении фактов, и поэтому приводил к составлению перечней, к измерениям и подсчетам, к неоспоримому обобщению путем усреднения, словом, к статистике. Связи между элементами столь же неоспоримо выявлялись корреляцией.

В конце XVIII века измерения стали применяться в физической антропологии (Блюменбах, Карус), в 1876 Брока свёл их в систему, основав краниометрию. В 1835 г. Кетле опубликовал свою «Социальную физику», заложив основы статистической характеристики изменчивости (средние, стандартное отклонение, нормальное распределение). Кузен Дарвина Гэлтон применил теорию вероятности и статистику к расчету наследуемых свойств. Его ученик Кэттле в 1890 г. употребил математические методы в психологии, развив новые мерки корреляции (коэффициенты Спирмэна и Пирсона). В 1920-е годы венский психиатр Й. Л. Морено придумал социометрию — измерение отношений между личностями в группе. В 40-е — 50-е годы Джордж Мёрдок в Иельском университете — расчленял культуры на элементы, подсчитывал, проводил корреляции в культурной антропологии.

Все эти математические операции лишь обслуживали индукцию, придавая ей точность, больше объективности и укрепляя ее авторитет.

Связь статистики с индуктивной методикой сохранялась и в археологии. В 1877 г. молодой тогда археолог Флиндерс Питри написал «Индуктивную метрологию», в которой представил обобщения своих измерений египетских памятников. Инициированная им (его «датировками последовательностью») сериация, метод сам по себе сугубо индуктивный, учитывала нормальные распределения артефактов в слоях и памятниках, что означало статистику. На американской почве сериация всё больше приобретала математическое выражение (у Крёбера в 1916 г., у Крёбера и Стронга в 1924, у Стронга в 1925 уже с коэффициентами корреляции, затем у Форда в 1936–38 гг.). В 20-е — 30-е годы статистика и корреляция применялись в отдельных работах советских археологов Ефименко, Арциховского и Грязнова. В 1940 г. Крёбер опубликовал статью «Статистическая классификация», которая вместе с последовавшей в 1944 г. статьей Алекса Кригера «Типологическая концепция» послужила для Сполдинга маяком и исходным пунктом для всей его исследовательской деятельности.

Ни Крёбер, ни Стронг, ни Кригер не были сугубыми эмпириками. Крёбер был учеником Боаса, членом партикуляристской школы и скептически настроен по отношению к законам развития (в этом смысле близок к эмпиристскому подходу), но был склонен к географическому восприятию культуры. Стронг находился под влиянием функционализма и вводил его в археологию. Кригера по его интересам можно причислить к таксономистам. Но все они были убеждены в мощности статистической методики и в реальности выделяемых категорий, что и обеспечивало в их глазах объективность выводов. Эту убежденность усвоил и Сполдинг, сделавший открывание типов центром своей деятельности.

Он написал статью «Статистическая техника для открывания типов артефактов», которая со времени публикации в 1953 г., неоднократно перепечатывалась и стала, так сказать, манифестом верующих в реальность типов. В этой статье Сполдинг рассматривает тип

> «как группу артефактов, показывающих устойчивый комплекс признаков, сочетание свойств которых дает характерную конфигурацию. Это значит, что даже в контексте очень схожих артефактов классификация в типы есть процесс открывания сочетаний признаков, предпочитавшихся создателями артефактов, а не произвольная процедура классификатора» (Spaulding 1953a: 305).

Минимальным требованием для установления типа является корреляция двух признаков. Приведены примеры применения статистики к конкретным археологическим материалам. Некоторая неуверенность в достоверности полученного результата обычна для статистики, это статистически определимая величина (степень вероятности ошибки).

Поскольку эти операции стали основным содержанием его работы, да еще под руководством эмпирически ориентированного Гриффина, она приобрела характер эмпирически направленной. Однако сам Сполдинг, с его интересом к функционалистским представлениям и к теоретическим объяснениям (позже вошедшим в Новую Археологию) никак не может считаться эмпириком (Cowgill 1977). А вот его несколько наивная убежденность в полной объективности открываемых типов всё-таки остается элементом представлений эмпиризма.

Сполдинг произвел огромное впечатление на юного Бинфорда, и это наложило неизгладимый отпечаток на всю Новую Археологию. Бинфорд встретил Сполдинга в Энн Арборе, в Мичигане, где тот работал подручным у вельможного Гриффина.

Бинфорд с юмором вспоминает свое первое занятие у Гриффина. Он описывает просторный кабинет Гриффина, где Гриффин в белом халате восседал в большом вращающемся кресле за большим письменным столом в центре помещения, отклонясь на спинку, чтобы казаться выше. Перед его столом на диване помещались старшие студенты, а младшие сидели, скрестив ноги, на полу вокруг. Гриффин встал, подобрав полы своего белого халата, подошел к двери, улыбнулся, и прокричал как можно громче: «Сполдинг!» Через короткое время вошел Сполдинг, тоже в белом халате, тихонько извинился перед студентом, плечо которого задел, и уселся за маленький столик в стороне без малейшей улыбки.

Описав занятия с Гриффином, который требовал умения определять сналету черепок — какого он культурного типа, какого происхождения, — Бинфорд затем описывает занятия со Сполдингом:

> «Сполдинг прохаживался по кабинету с руками в карманах белого халата, головой и подбородком вперед, с неприступным выражением на лице, и отвечал на громкие призывы Гриффина, — но это был совсем другой человек в собственной аудитории. Глаза его пылали, его острый ум был изощренным, его мышление во время работы было ясным, изящным и неотразимо логичным. Какой контраст! На занятиях Гриффина возникало впечатление о присутствии на мистическом опыте; заключения выводились из фотографий, смысл которых был далек от ясности. Сполдинг требовал, чтобы каждое предложение, каждый аргумент защищался ясными выражениями о том, как смысл выведен из наблюдений и какое значение данные имеют для заключений. Это был другой мир.
>
> Мало кому из студентов хватало сил выдержать Сполдингов курс методов; он требовал знать статистику. ... Казалось, Сполдинг старается выжить студентов из своих занятий. Он объявил, что ставит "отлично" только тем, кто знает столько же, сколько он сам. Для любимчиков Гриффина это обычно кончалось бумажкой о непригодности на второй же день. ... Семеро из нас остались» (Binford 1972a: 5–6).

Сполдинг был человек, твёрдо убежденный в абсолютной объективности открываемых статистикой типов и готовый убеждать других. Его убежденность и воинственность мешала ему видеть некоторые слабости его позиции и сводила его подход к технически изощренному, но всё тому же наивному эмпиризму: что вижу, то и есть; что подсчитал, то и верно. Это неплохо показала его дискуссия с Фордом, в которой оба занимали крайние позиции, не ухватив путь к открытию культурных типов. Но эту дискуссию рассмотрим далее.

В 1960 г. Сполдинг пишет развернутое изложение своей концепции: «Статистическое описание и сравнение комплексов артефактов». В том же году он получил назначение в Национальную Организацию Наук и переехал в Вашингтон. Но уже к концу 60-х он работал профессором в Санта Барбаре в Калифорнийском университете, неподалеку от Беркли, где в том же Калифорнийском университете почти всю первую половину XX века проработал Крёбер, умерший в 1960 г. (Сполдинг умер 30 годами позже)

13. Некоторые уроки. Прежде всего, из всего содержания этой главы было бы неплохо усвоить один урок: даже весьма архаичные и недалекие методические задачи (а эмпирические операции принадлежат именно к таким) имеют свою важную начальную функцию в исследовательском процессе. И даже их абсолютизация и превращение в особую позицию могут оказываться полезными и заслуживать уважения в определенных ситуациях. Не стоит относиться к ним всегда и везде свысока.

Как-никак хорошее владение большим объемом фактов — основа всякого мастерства. И любая доказанная гипотеза превращается либо в факт, либо в теорию. А любая теория — лишь в том случае теория, если приложима к фактам и проверяема фактами.

Вопросы для продумывания

1. Резонно ли выделение эмпирической школы? Ведь не выделяем же мы теоретическую школу или рационалистическое течение, практическое течение.

2. Какие еще эмпирические школы Вы бы предложили выделить, кроме ранне-смитсоновской и марбургской?

3. Все ли стимулы эмпиризма здесь были перечислены или перечень нужно дополнить?

4. Стимулом эмпиризма для деятельности марбургской школы, несомненно, была оппозиционность ее лидера Мерхарта и его сподвижников нацистской идеологии, которая навязывалась немецким археологам нацистской властью. Несомненно, и несогласие с косинновской археологией предшествующего времени. Но косинновская археология никогда до 1933 г. не была господствующей. Какие же стимулы действовали в начале сложения школы Мерхарта?

5. Можно ли считать эмпиристом Вольфганга Дена, учитывая некоторые его новации: замену отдельных находок как объектов интереса комплексами, интерес к функциям, ремеслу и социальной интерпретации?

6. Чем можно объяснить резкую вспышку эмпиристских убеждений во Французской археологии последних десятилетий?

7. Все ли проявления (и признаки) эмпиризма здесь отмечены или перечень нуждается в дополнении?

8. Бинфорд противопоставлял фигуры Гриффина и Сполдинга. Противопоставление яркое. А есть ли между ними что-либо общее?

9. В какой мере, по Вашему мнению, можно называть позицию Сполдинга эмпиристской? В чем это выражено?

Литература

Эмпиризм, его значение и критика: Steward 1949; Эйнштейн 1967; Берталанфи 1969; Rohan-Csermak 1971; Flannery 1972; Pałubicka 1973; Courbin 1982/1988; Darnell 1998.

Признаки эмпиризма: Замятнин 1951; Брюсов 1954; Werner 1954; Piggott 1958; Бем 1960; God(owski 1962; Захарук 1970; Шер 1970; Hawkes 1973; Каменецкий, Маршак и Шер 1975; Müller-Karpe 1975; Fischer 1987; Гумилев 1989; Randsborg 1994, 1995.

Сумматоры археологии: Düchelette 1962; Jaguttis-Emden 1977; Miles 1983; Olivier 2001.

Школа Мерхарта: Sprockhoff 1928; Knöll 1960; Merhart 1969; Kossack 1969; Sangmeister 1977; Kossack 1977, 1986; Ames 1987; Misamer 1987; Hänsel 1991; Härke 1991, 1995; Kimmig 1994; Theune 2001.

Прочие эмпиристы (Буржуа, Якоб-Фризен, Ван Гиффен, Курбэн и др.): Boas 1902; Hauser 1920; Jacob-Friesen 1939; Coulson 1950; Zylmann 1956; Waterbolk 1999; Wegner 2001.

Сполдинг: Spaulding 1953a; Binford 1972a; Cowgill 1977.

Глава 32. ГИПЕРСКЕПТИЦИЗМ

1. Введение. Вторая мировая война, погубившая миллионы людей и поставившая мир на грань гибели, положила какой-то рубеж в психологии переживших ее масс, в частности, и в мышлении многих археологов. Отмерли некоторые методологические концепции, господствовавшие в межвоенное время и даже с начала века — миграционизм (Adams et al. 1978), трансмиссионизм, комбинационизм, антиэволюционизм, теория стадиальности. Прервался немецкий археологический структурализм (последующая вспышка структурализма во Франции не будет иметь корней в Германии). Лишь американский таксономизм уцелел, и то пришел в состояние стагнации (у Рауза). Другие течения возникли на смену старым — археологический неоэволюционизм только начинался, новым для археологии было контекстное (функционалистское) направление, новым казались и французский таксономизм (родство которого с американским никто не улавливал) и французский структурализм. Не только новые поколения пришли в археологию, но и старые почувствовали необходимость перемен.

Перевалив за этот рубеж, большинство археологов пребывало в состоянии некоторой растерянности. Долго служившие им концепции, методы и теории утратили авторитет, подверглись жестокой критике и не могли ничего ей противопоставить. Добро бы можно было сменить негодный арсенал на новое оружие, уверовать в новую истину. Однако новых подходов было сразу несколько, каждый был многообещающим и отрицающим все другие. Чему верить? Какую позитивную программу принять?

В такой ситуации многие почли за лучшее проявить сугубую осторожность и на будущее не принимать никакой веры, избрав позицию критическую и скептическую.

В Америке эта категория археологов могла найти осмысление своего скептицизма в господствовавшей в университетах философии *прагматизма*, предлагающей исходить только из практической результативности научных концепций и подвергающей сомнению все теории. Философию эту инициировал Чарлз Сандерс Пирс (1839–1914) в 70-х гг. XIX века, и развил его современник Уильям Джеймс (1842–1910), особенно подчеркивавший активность познающего сознания. По Джеймсу вещи — это вырезки из хаотического потока ощущений, осуществляемые волевыми усилиями познания. Существование принадлежит реальности, но любая ее определенность создается нами. «Мой мир — это лишь один из миллиона ... заложенных иных миров, столь же реальных для тех, кто может извлечь их» (James 1891, 1: 288–289). В XX веке в писаниях Джона Дьюи (1859–1952) это учение приобрело вид *инструментализма*. С точки зрения инструментализма, «функция интеллекта состоит не

в том, чтобы копировать объекты окружающего мира» (Dewey 1947: 467), научный объект создается в процессе познания. Понятия же наши вовсе не отражают действительность — они не больше похожи на свой объект, чем ключ на замок (кстати, ключ как раз должен очень точно соответствовать отверстию в замке!). «Научные понятия не являются раскрытием предшествовавшей и независимой реальности», они имеют лишь операциональное значение, т. е. «являются лишь интеллектуальными инструментами» (Dewey 1929: 165, 111, note).

Скептицизм проповедовали и адепты *критического реализма*, выступившие в Америке с 20-х годов XX века. Они признавали существование реального мира, но сильно разводили реальность и ее отражение в воспринимаемых нами фактах, которые созданы логикой мышления на основе ощущений, а не простым суммированием восприятий. Виднейший представитель критических реалистов испанец, работавший всю жизнь для Америки, Хорхе (или Джордж) Сантаяна (полное имя: Хорхе Аугустин Николас Руис де Сантаяна и Боррас — George Augustin Nicolás Ruiz de Santayana y Borrás, 1863–1952), современник Дьюи (они умерли один год), писал: «Существование ... с точки зрения познания — это утверждаемые факты и события, а не видимые образы и предметы, которыми мы обладаем. Существование, согласно этому, не только сомнительно для скептика, но и одиозно для логика» (Santayana 1955: 290).

Таким образом, теоретические упражнения в *скептицизме* пронизывали атмосферу американских университетов ко времени, когда археологи, о которых дальше будет речь, были студентами (конец 20-х — начало 30-х годов XX века). Вскоре, в 1937, финский археолог Тальгрен опубликовал на английском часто цитируемую статью «Метод преисторической археологии», в которой писал: «Скептицизм — мощное средство научного мышления. Надо быть достаточно смелым, чтобы подвергать сомнению как теории других, так и свои собственные, и даже основания своей науки и ее метода» (Tallgren 1937: 155). Но он призывал к пересмотру наличных взглядов, а не к скептицизму относительно научного метода вообще. С середины XX века археологи усомнились вообще в возможностях археологии добывать достоверное знание.

Рис. 32.1. Джон Бру (Malina 1981: 269).

2. Условность классификаций: Бру и Форд. В США разочарование классификациями наступило сразу после войны. Инициатором выступил Джон Оутис БРУ (John Otis Brew, 1906–1988). Это, можно сказать, основоположник целого направления, но, странным образом, имя его начисто отсутствует в основных историях археологии — Глина Дэниела и Брюса Триггера — и даже в «Истории американской археологии» Уилли и Сэблофа. Я с трудом мог собрать краткие сведения о нем (рис. 32.1; Whitehall 1969; Woodbury 1990). Подвизался он в музее Пибоди Гарвардского университета, стал его директором. Много работал над керамикой Среднего Запада в духе таксономизма, и работал очень вдумчиво. Думал над трудами, в которых были скептические высказывания по поводу практики таксономистов, — над статьями Клаккхона и Тальгрена с идеями функционализма, над критикой со стороны неоэволюциониста Джулиана Стюарда, анализировал работы Киддера, Глэдвина, МакКерна, Рауза. Плодом этих раздумий явилась знаменитая

работа «Таксономия: употребление и злоупотребление» («The use and abuse of taxonomy»), ставшая частью его книги 1946 года «Археология гряды Алкали, Южная Юта». Для тех, кто не согласен с применением термина «таксономия» в самом широком смысле, автор сохраняет возможность читать название его работы и так: «Классификация: употребление и злоупотребление».

В своей «Археологической типологии» я подробно разобрал его аргументацию и нашел ее «впечатляюще красноречивой и удивительно бедной» (Клейн 1991а: 86). Но бедной она была для меня, подготовленного всем дальнейшим обсуждением проблемы и выросшего в другой методологической традиции. Для многих западных (да и не только западных) археологов она звучала чрезвычайно убедительно.

Бру начинал с критики убеждения большинства практикующих таксономистов (опять же не только их, а, вероятно, большинства археологов), что их классификации (или типологии или таксономии) являются «естественными» (natural), внутренне, исконно присущими археологическому материалу (inherent). Археологи думают, что их «типы» и «культуры» «реальны», т. е. наличествуют в материале, и что исследователь своими классификационными операциями эти реальные объекты «открывает», «обнаруживает», «выявляет». С этим связана вера в то, что существует единственно «истинная» (true), «адекватная» (correct) классификация (или типология) для любой культуры, любых объектов, и надо только найти ее. Бру спрашивает: почему же тогда классификации разных исследователей почти всегда не совпадают?

Он констатирует, что классификационная концепция, основанная на вере в реальность и исконность наличной группировки, перенесена в археологию из биологии. Именно поэтому мы обращаемся с типами и культурами как с живыми существами: ищем предков, устанавливаем родство («филогенетические отношения»), строим родословные, а классификацию оформляем как родословное древо. Но даже в самой биологии состоятельность этой концепции поколебалась. Как только дело доходит до насекомых и вообще мелких организмов, виды оказываются неустойчивыми, границы их не очень хорошо определяются. Их становится всё больше, а сами они всё более дробными, так что есть опасение дойти до такого состояния, когда видов окажется столько же, сколько организмов, а в каждом виде останется одна особь.

Но еще важнее, продолжает Бру, то, что переносить подход к классификации с биологии на культурный материал нельзя. Специфика культурного материала состоит в том, что он создается человеком, а человек, в отличие от природы, может преодолевать природные ограничения. Он способен соединять разнородные по происхождению элементы. В природе межвидовое скрещивание почти невозможно, а в культуре нечто подобное происходит сплошь и рядом. Поэтому в природе границы между видами пролегают гораздо более резко, совпадая по многим показателям. А в культуре влияния и заимствования смывают эти разграничения и способны породнить генетически разнородные культурные группы.

В результате этого в культурном материале оказывается масса различных свойств. По любому из них (по любому показателю) можно провести деление (Рауз называет такие классы *аналитическими*), и границы пройдут всякий раз по-разному. А когда археолог проводит свою классификацию, он выбирает для каждого шага классификации какой-то один показатель как критерий деления (по Раузу, так образуются *таксономические* классы). И это может быть какой угодно признак из многих наличных. Следовательно, принципиально возможны различные классификации одного и того же материала. Исследователь выбирает показатели, исходя из

назначения своей классификации, из своих пристрастий, а то и просто случайно. Во всяком случае, произвольно. А какой-то «единственно верной», «адекватной» классификации просто не существует — она невозможна, и незачем ее искать. Это всё работы впустую, с ложной задачей.

Исследование вообще не является процессом пассивного отражения готовых истин, а строится на активности мышления, формирующего результат. Соответственно и классификации — не истины, которые надо открыть. «Классификационные системы, — пишет Бру, — это всего лишь орудия, инструменты анализа, изготовляемые и применяемые исследователями — точно так же, как лопаты, совки и кисти являются инструментами раскопок» (Brew 1946/1971: 76).

Требуется не отыскать одну «идеальную» классификацию, в которую уложить весь материал, и даже требуется не уменьшать количество классификаций, а наоборот — умножать. Нужно не меньше, а больше классификаций. Это поможет полнее описывать и анализировать материал. Конечно, критерия объективности нет, но, примеряя эти многие классификации к материалу, можно выбрать наиболее практичную для данной конкретной задачи, откорректировать ее и применять, пока не появится другая задача.

Звучит всё для многих чрезвычайно убедительно, хотя по каким критериям провести отбор, как корректировать Бру не сообщил. Через два года вышла основополагающая книга другого направления — книга Тэйлора (Taylor 1948), — в которой Тэйлор, принимая критику таксономизма (тут они были союзниками), выступил с возражениями против позитивной программы Бру и ее обоснования.

Прежде всего, он отвел ссылку на связь с биологией. Перенесена ли концепция из биологии или нет, состоятельна ли она в самой биологии или нет, — всё это не имеет значения для оценки пригодности этой концепции в археологии. Для этого важно одно: адекватна ли она археологическому материалу. Более того, не все особенности биологических связей отсутствуют в культуре: эволюция и в ней происходила. Если термин «генетические связи» смущает своими намеками на половой способ размножения, его можно заменить другими терминами («сродство», «корреляция» и т. п.), но нельзя же отрицать, что новые фордовские автомобили сохраняют многие черты старых! (Taylor 1948: 142–143). Это сильное возражение.

А вот его возражения Бру по основному аргументу — о расплывчатости, многообразии и несовпадении границ в материале — звучат слабее, потому что он сам придерживается представления об индивидуальности каждого объекта, каждой ситуации. Поэтому хотя он и заявляет, что в материале объективно существуют типы со своими признаками, созданные людьми в древности, и открывать их — наша задача, но как различить эти опознавательные признаки среди многих эмпирически выявляемых признаков, указать не может. Он возражает Бру, говоря, что культура не континуум, но тут же оговаривается, что в некоторых аспектах всё-таки континуум. Уклончивость его позиции облегчила сторонникам Бру продолжение дискуссии.

На позиции Бру перешел видный таксономист, давно нестандартно мысливший, Джеймс ФОРД. Формирование его как ученого завершалось в Мичигане, а именно в Мичигане несколько десятилетий в конце века XIX века работал философ Дьюи, и интеллектуальная среда университета в первой половине XX века была пропитана его идеями. Еще в конце 30-х, когда Форд писал свою диссертацию в Мичигане, его поразила позиция его потенциальных руководителей Уайта и Титева, отрицавших само существование археологических типов (неоэволюционисты стояли за постепенность изменений, за непрерывную протяженность — континуум). Уже в 1938 г. Форд

упирал на «неадекватность» чисто описательных классификаций, ратуя за такие, которые выделяют исторически значимые типы. В 1952–54 гг. он выступил в поддержку Бру с развернутым обоснованием искусственности, произвольности и инструментальности наших классификаций и условности их результатов. Повторил это в 1962 г.

Форд признает наличие собственного порядка и организованности в культуре, внесенного в нее ее создателями. Он признает, что вся изменчивость, на которую упирал Бру, не беспредельна: колебания дают незначительные отклонения от неких идеалов, стереотипов, которые типология и должна установить. Его скепсис относительно возможности такого установления, относительно объективности типологии, вытекает из концепции культурного континуума.

Для доказательства своей идеи Форд построил условную модель некоего острова Гамма, на котором живут аборигены гамма-гамма. Для этнолога-наблюдателя, рассматривающего культуру этих аборигенов в какой-то момент времени из какого-то одного пункта, вполне очевидно, что есть тип дома гамма-гамма с каким-то средним обликом. Но когда он приступает к классификации, он может выделять либо типы строения домов, либо типы размещения семей, либо типы дверей и окон и т. д. Что предпочесть, решает сам исследователь. Выбор не продиктован ему материалом, он субъективен, и уже в этом аспекте типология субъективна, а не объективна.

Дальше — больше.

Пока наблюдатель остается на одном месте, обнаруженный им тип дома, по какому бы критерию его ни выделять, кажется естественным подразделением в культуре: дома́ аборигенов ведь резко отличаются от домов миссионеров. Но стоит сдвинуться с места, и окажется, что дома аборигенов соседней местности несколько отличаются, и чем дальше, тем больше. От местности к местности дома постепенно становятся другими (рис. 32.2). В каждом пункте какие-то качества представлены наиболее ярко и постепенно убывают по мере удаления от этого пункта во все стороны. Аборигенный тип домов казался одним, пока мы наблюдали из одного пункта и имели для

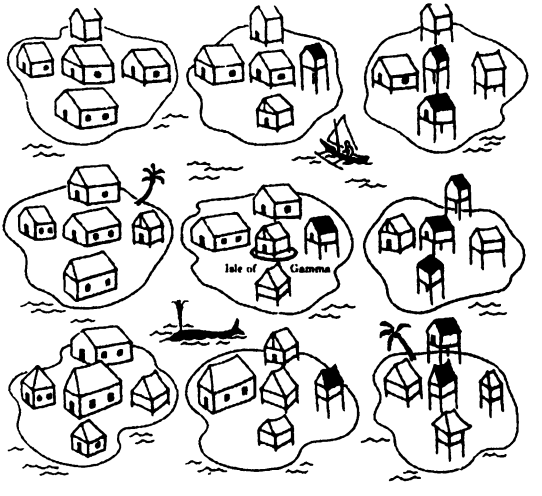

Рис. 32.2. Зависимость этнографического типа от места наблюдателя в пространстве — вымышленный остров Гамма, по Дж. Форду (Ford 1954, fig. 2).

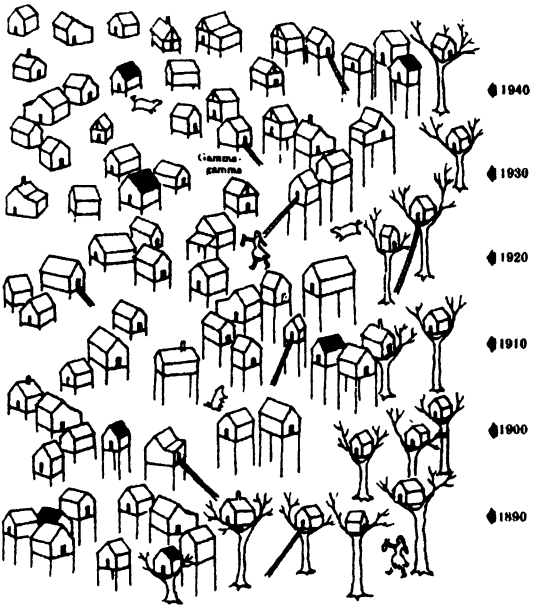

Рис. 32.3. Зависимость этнографического типа от избранной позиции во времени, по Дж. Форду (Ford 1954, fig. 3).

сравнения только дома миссионеров. Но теперь можно выделить еще один аборигенный тип, а то и несколько, смотря по тому, каким размахом вариаций мы ограничим тип. Размахом вариаций будут определены границы каждого типа. Размах вариаций мы устанавливаем произвольно. Выбор места тоже произволен и случаен. Именно этим субъективно выбранным размахом и этим случайным выбором места (или мест) подсказаны типы, а не предопределены материалом.

Точно так же сказывается и эффект изменчивости во времени (рис. 32.3). В археологическом материале обычно накоплены экземпляры, изготовленные в разные времена. Смена же облика происходила постепенно, рядом мелких изменений («культурный дрейф» — «cultural drift»).

> «Даже в современной культуре Запада, — пишет Форд, — со всем ее теперешним ускорением изменений, неплохо оплачиваемые новаторы, контролирующие дизайн автомобилей, архитектуры и одежды, хорошо знают, что если мелкие новшества позволяют создать новые моды, то никаких заметных скачков в развитии стилистических конфигураций покупатель не потерпит» (Ford 1954b: 50).

Форд предлагает вообразить коллекцию сосудов разных пропорций, которую можно выстроить в ряд с постепенным нарастанием одних признаков и убыванием других — и строит по ранжиру такую шеренгу (рис. 32.4). Кроме того, на облик типа влияет и заданный размах вариации, который нужно охватить (т. е. рамки типа) — он тоже произволен, а значит, субъективен (рис. 32.5).

Если бы археолог получил весь объем материала сразу, в виде хронологического ряда форм, рамочки типов можно было бы поместить в любых местах этого ряда, количество их тоже намечалось бы произвольно. На деле, однако, археолог получает не весь материал сразу, а какие-то обрывки этого ряда — уцелевшие эк-

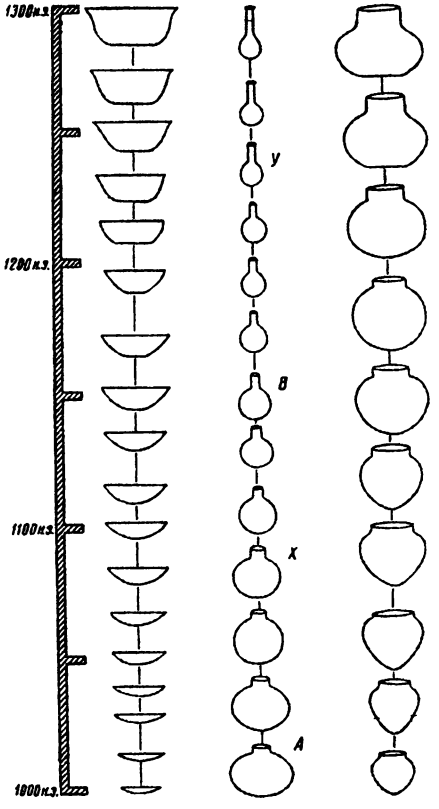

Рис. 32.4. Континуум форм — основа сериации и база для случайного и произвольного установления типов, по Дж. Форду (Форд 1962).

земпляры в лучше изученных местах и просто угодившие первыми под раскопки. Эти-то экземпляры и образуют ядра для кристаллизации типов — последующие находки распределяются в группы (называемые то классами, то типами) по сходству с этими первоначальными экземплярами. Так складывается типология — случайно, и может быть изменена — произвольно (Ford 1962; Форд 1962).

Против Форда выступил защитник реальности выявляемых типов Сполдинг, и их острая дискуссия чрезвычайно интересна. Форд выпустил в 1952 г. монографию, посвященную памятникам восточных штатов, в которой не только применял статистику к типологии, но и обосновывал свое понимание типов. По его мнению, типология — это всего лишь инструмент, говорить о ее объективности бессмысленно, потому что признаков бесчисленное множество, исследователь вынужден отбирать показатели для классификации, и результаты ее целиком зависят от выбора исследователя. Выбор же произволен, субъективен и часто случаен. Форд знал и критически отозвался о деятельности «Сполдинга и некоторых его сотрудников со Среднего Запада, занятых бесцельным и бесконечным измерением и сортировкой черепков в тщетной надежде открыть объективную и единственно верную типологию» (Ford 1952).

Сполдинг не оставил этот вызов без ответа и выступил с рецензией: «Форд не понял, — писал он, — того фундаментального принципа, что мы обладаем методом

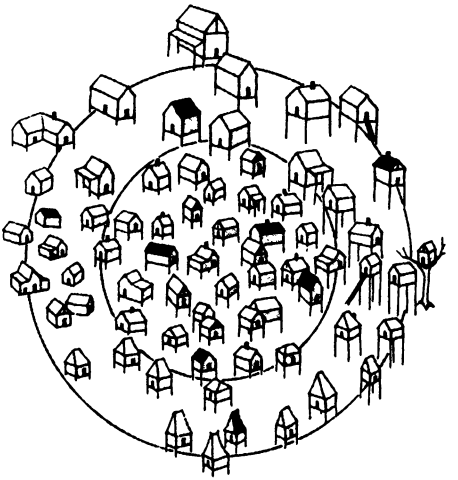

Рис. 32.5. Зависимость типа от фокуса наблюдателя и заданного уровня охвата и абстрагирования, по Форду (Ford 1954, fig. 1).

исследования, который, если применять его правильно, открывает реальные истины о реальном мире или приближается к ним» (Spaulding 1953b: 589). Сполдинг имел в виду открывание типов с помощью статистики и корреляции. Отстаивать произвольную типологию, по мнению Сполдинга, могут только те, кто полагает, «что истину надо определять чем-то вроде голосования археологов, что плодотворность — это делать то, что делают другие археологи, и что единственная задача археологии — приносить археологам счастье» (Spaulding 1953b: 590).

В ответ Форд написал подробное обоснование своих взглядов — «Возвращаясь к понятию типа» (Ford 1954b), а также рецензию на «Статистическую технику» Сполдинга (Ford 1954a). В своей рецензии он издевался над представлением Сполдинга, «что природа снабжает нас миром, наполненным упакованными фактами и истинами, которые можно открыть и попробовать, как пасхальные яйца, упрятанные в газоне». Абсолютные истины, по мнению Форда, можно искать разве что в религии, но никак не в науке и всего менее — в наукс о древней культуре.

> «К сожалению, — продолжает Форд, — культура не осязаема в том же смысле, как осязаем каменный топор, и трудно вообразить себе что-либо более неосязаемое, чем забытая и мертвая культура. Я думаю, что одна из причин, по которым Сполдинга так раздражает мой очерк, — это смущающее зрелище археолога, оторванного всеми своими четырьмя ногами от черепка» (Ford 1954b).

Форд намекает на то, что именно его недавняя критика методики Сполдинга как недальновидной и наивной оторвала «все четыре ноги» критикуемого от черепка. Далее Форд сообщает, что еще до напечатания Сполдинг послал ему рукопись своей рецензии с любезным письмом, в котором советовал Форду (который, как мы помним старше Сполдинга на три года) почитать учебник Кохена и Нагеля «Введение в логику и научный метод». «К сожалению, — печатно отвечает Форд, — студент, который взял мой экземпляр, не вернул его...» (Ford 1954b).

Разъяренный Сполдинг немедленно пишет ответ на эту рецензию (так сказать, ответ на ответ), подтверждая, что считает работу Форда «технически некомпетент-

ной». «Понятие о мире, существующем независимо от наблюдателя, есть фундаментальная предпосылка научного метода». Не понимая этого, «Форд воюет с чучелом, на которое он навесил ярлычок «Сполдинг и некоторые его из его сотрудников». Разбирать этот вздор, значило бы входить в «личную демонологию Форда»... ».

Дискуссия Сполдинга с Фордом очень поучительна. В дискуссии оба были не правы, и дискуссия не решила проблему, но оба внесли своими выступлениями в дискуссии ценный вклад в понимание этой проблемы. Таковы многие споры в науке. Вероятно, в научных спорах умнее всего ведет себя тот, кто не старается переспорить противника, уязвить его и доказать свое превосходство, а стремится понять противника, понять себя, и понять суть проблемы.

Конечно же, причина спора не в разной компетентности участников, а в принципиальном расхождении методологий. Сполдинг упирал на реальное существование реального мира и порядка в мире, а Форд этого и не отрицал. Форд и не отрицал *наличие* мира, независимого от наблюдателя. Он отрицал иное — что *открытие* деталей этого мира может быть осуществлено независимо от позиции наблюдателя и что в этом мире есть четкие границы, всегда и во всем совпадающие. Он отрицал, что их можно открывать автоматически, независимо от позиции наблюдателя. Сполдинг считал, что границы именно таковы, но не доказывал этого. Его корреляции этого не показывают. Они лишь показывают, что некоторые признаки совпадают друг с другом, но те ли это, что намечены древними мастерами, неясно. Форд тоже не прав: если наши типологии работают, то, видимо, мы не так уж случайно выбираем признаки!

Форд недаром взял в качестве моделей *мысленные* объекты — нарисовал *воображаемый* остров, изобразил *условный* ряд сосудов. На воображаемом острове только берега кладут предел плавной текучести форм, а условному ряду сосудов — только поля страницы. *Реальный* мир культуры не таков. Лишь на каком-то участке можно проследить непрерывность и постепенность вариаций. Культура в целом — не континуум. Дискретность, прерывистость есть фундаментальное свойство материи мира, относящееся и к культуре. Прежде всего, вариабельность ограничена функциональным назначением: никто не сможет построить «фордов ряд» от горшка к ножу и от ножа к гривне. Не любой величины щетки существуют в реальности между зубной и платяной. Есть и другие ограничения вариабельности — социальные, этнические, территориальные и прочие. И во времени есть моменты катаклизмов и революционных изменений. Я подробнее рассмотрел эти вопросы в «Археологической типологии», где также указал и на условия пригодности *условных* типов (Клейн 1991а: 88–98).

Но для такой взвешенной оценки нужны были десятилетия развития дискуссии и некоторые новые независимые позиции. А тогда даже такие крупные и самостоятельно мыслящие ученые, как Уилли и Филлипс, Мальмер, Раус признали доводы Форда убедительными и приняли его концепцию классификации за основу своих трактовок.

Скептицизм в археологии США выходил и за пределы проблемы классификаций. Аризонский археолог Реймонд Томпсон (Raymond H. Thompson) опубликовал в 1956 г. статью «Субъективный элемент в археологических выводах», где настаивал на неизбежно значительной роли субъективности в исследовании и, значит, ненадежности всех логических операций археолога, в которых участвует сравнение, — классификаций, подбора аналогий и проч.

3. Философия истории археолога и философа Коллингвуда. У американских философов скептицизм затрагивал не только соотношение понятий с реалиями, но распространялся на все теории, на всю науку. «Этот мир есть воплощение случайностей, ежеминутно маскирующееся под факт», — говорил Сантаяна (Santayana 1922: 142).

Сантаяна так разъясняет свое отношение к фактам:

> «Глядя на луну, один человек может сказать, что это просто небесное светило; другой, склонный грезить наяву, может назвать ее девственной богиней; более наблюдательный, вспомнив, что это светило подвержено увеличению и уменьшению, может назвать его полумесяцем; а четвертый, оперившийся астроном, может сказать, ... что это потухший и непрозрачный сфероидальный спутник Земли, отражающий солнечный свет частью своей поверхности». Но, что бы они ни говорили: «светило», «полумесяц», «богиня» и «спутник» — всё это «сущности, термины человеческого сознания, не существующие сами по себе» (Santayana 1955: 176–177).

Отсюда недоверие к науке:

> «Когда я был моложе, — пишет Сантаяна, — то, что помпезно именуется наукой, имело импозантный вид. В интеллектуальном мире существовало благоустроенное королевское семейство, рассчитывавшее править неопределенное время: суверенные аксиомы, несменяемые законы и регентствующие гипотезы. У нас были ньютоновское пространство и время, сохранение энергии и дарвиновская эволюция. Ныне у нас демократия теорий, избираемых на короткий срок службы, говорящих на жаргоне лавочников и едва ли способных быть представленными широкой публике... И она служит тому, чтобы рассеять иллюзию ..., будто научные идеи раскрывают буквальную и интимную сущность реальности» (Santayana 1942: 829).

Сантаяна был популярен не только в Америке, но у англичан была своя, очень старая традиция скептицизма и агностицизма, идущая от Беркли и Юма, и там скептицизм получил гораздо более широкое применение. Для идеалиста-гегельянца Джона МакТаггарта тоже материальные объекты не существуют в реальности и суть наши конструкции. Был у англичан и свой прагматист — Фердинанд Шиллер (Ferdinand Schiller). Он полагал, что действительность предоставляет разные возможности миропонимания, и нужен акт воли, чтобы выбрать между ними. Это, собственно, акт веры.

Рис. 32.6. Робин Коллингвуд.

Но наибольшее влияние на английскую археологию оказал философ, историк и археолог Робин Джордж КОЛЛИНГВУД (Robin George Collingwood, 1889–1943, рис. 32.6). Сын археолога и художника, он до 13 лет учился дома, потом, пройдя через школу в Регби, поступил в Оксфордский университет. Окончив его в 1912 г., стал там преподавать и оставался там до своей отставки в 1941 г. Первые десятилетия по окончании университета (приблизительно до 45 лет) Коллингвуд занимался, как и отец, археологией и стал виднейшим специалистом по римской эпохе — в 1930 г. выпустил книгу «Археология римской Британии». Но к этому времени он больше заинтересовался философией, заняв позиции *объективного идеализма.* О его настрое говорит то, что он критически отнесся к эмпирической психологии и анализировал религию как форму знания. Опублико-

вав в 1939 г. в возрасте 50 лет, автобиографию, он в конце жизни написал книгу «Идея истории», которая вышла посмертно (в 1946 г.) и воздействовала на многих историков (Коллингвуд 1980).

Коллингвуд расправляется с «теорией здравого смысла», в которую множество людей верит. По его словам, «сами историки убеждены в том, что в своей исследовательской работе они исходят из *данных* (data). Под данными они понимают *исторические факты*, которые им даны заранее в начале исторической исследовательской работы» (Collingwood 1961: 243–244). При этом они опираются на *воспоминание* (memory) и *авторитет информатора* (authority), т. е. на *достоверный источник* (Ibid.: 234–235). Для историка сообщение достоверного источника является «священным текстом», который он не должен изменять, потому что это объективное отражение события. Значит, критерием истинности исторического познания является его соответствие данным исторических источников. Коллингвуд считает это иллюзией, которая навеяна «теорией здравого смысла». На самом деле, уверяет он, всё не так.

Во-первых, просто переписывает свои источники писец, а не историк. Историк сначала подвергает источник исторической критике, отбрасывая фальшивки и проверяя, хорошо ли осведомлен информатор и верен ли его рассказ. Критерий же проверки — собственный жизненный опыт историка и его «априорное воображение» — разновидность критического мышления (Ibid.: 237–238). *Во-вторых*, историк делает отбор фактов, отбрасывая те, которые ему кажутся маловажными или лживыми. «Следовательно, за содержание своего произведения отвечает он, а не его достоверный источник» (Ibid.: 236–237). *В-третьих*, источники никогда не содержат все фактические данные, относящиеся к теме исследования. Из них можно почерпнуть фрагменты, отрывки, без связующих звеньев (Ibid.: 237), а историк сам заполняет пустоты между отрезками, интерполируя отсутствующие звенья. Опять же ему служат «*априорное воображение*», критическое мышление. Он создает «*историческую конструкцию*». Она похожа на *сеть*, сотканную между установленными (фиксированными) пунктами, взятыми из источников.

Но и сами *факты* достоверных источников не являются объективными реальностями. То, что историк воспринимает от источника, это не само *событие*, а *текст* на бумаге или пергамене или камне. Историк волен принять или не принять сообщение как исторический факт и решить, в каком виде принять — придать ему определенную форму. Самих событий давно нет, они не существуют. Пелопонесская война то ли была, то ли ее не было. Она не дана историческому мышлению как некая *объективная реальность*. *Сведения* об этом факте дошли через писания Фукидида, а их нужно оценивать, проверять, корректировать, интерпретировать. Стало быть, «историческое мышление само себе его не дает». А чтобы оно могло себе его дать, «нужны определенные предварительные знания истории, определенное историческое познание». Это значит, что «историческое познание может возникнуть только из исторического познания» (Ibid.: 247). А исторический факт есть результат исторического познания, «умственная конструкция».

Всё это означает, что «сеть воображаемой конструкции гораздо тверже и крепче» так называемых «твердых пунктов», потому что «она служит пробным камнем, ведь с ее помощью мы решаем, являются ли утверждения о данных фактах верными» (Ibid.: 244). «Твердым телом» истории являются не факты, а интерпретации. Априорное воображение создает и сеть и факты. А поскольку историк и романист опираются на априорное воображение, между их произведениями нет никакой раз-

ницы, кроме одной: задача романиста нарисовать осмысленную картину, а задача историка — еще и верную. То есть она должна быть помещена в некие рамки места и времени, и она должна согласовываться с наличными фрагментами материала. Историческое мышление является как бы врожденной идеей. Эта картина прошлого, которая живет в воображении, и есть идея истории, по Коллингвуду (Ibid. 248).

Коллингвуд затрагивает и археологию:

> «коль скоро вы не можете войти в ум неолитического человека, всё, что вам доступно, это организовать его остатки в некий род аккуратного порядка, а результат — это этнология или археология, но это не история. А ведь реальность-то неолитического человека была исторической реальностью...» (ibid.: 199–200).

Читая Коллингвуда, современный историк интуитивно чувствует, что в тонкой вязи его аргументов есть некое схоластическое скольжение к абсурду. При желании можно распутать эту вязь — тут обнаружатся и подмена опыта априорными идеями, и забвение исторических аналогий, и игнорирование параллельных фактов, сигнализируемых другими видами источников, и многое другое. Критика Коллингвуда неплохо дана в марксистской книге болгарина Николая Ирибаджакова (1972 — русский перевод) «Клио перед судом буржуазной философии».

В 1946 Робин Коллингвуд выпустил книгу «Идея истории», а в 1962 появилась аналогичная книга Глина Дэниела «Идея преистории».

4. Гиперскептицизм Глина Дэниела. К этому времени кембриджскому редактору «Антиквити» Дэниелу было 48 лет, и он был известным археологом, долго пропагандировавшим *умеренный диффузионизм.* Разочарование в диффузионизме постигло его так же, как и Чайлда, но если Чайлда старые марксистские убеждения толкнули к неоэволюционизму, то у Дэниела не было такого прибежища, да и вообще все учения, старые и новые, казались ему одинаково неубедительными. Уж если его умеренный диффузионизм, на который было потрачено столько сил и таланта, отмер заживо...

Уже в книге Дэниела «Сто лет археологии», вышедшей в 1950 г. (когда ему было 36), есть горькие сомнения в диффузионизме и критическое отношение ко всем вообще теориям и к привычным понятиям археологов. «Распознает ли действительно археолог культурные различия или он всего лишь перечисляет варьирующие конфигурации в том, что Тэйлор назвал бы «материальными объективациями культуры»? Перечислив культуры неолита — Уиндмил Хилл, Питерборо, мегалитические и др., — он задает риторический вопрос: «Это действительно культуры или археолог всего лишь злоупотребляет понятием культуры, применяя его к региональным вариациям материальных объектов?» И заключает: «культуры современного археолога, как периоды и эпохи его предшественников это всего лишь понятийные инструменты» (Daniel 1950: 318–319). Все теории археологии — Эллиота Смита, Фокса, Чайлда, советских археологов — «являются, по самой природе археологических фактов, субъективными догадками. Одна из них может оказаться и верной; в отсутствие письменных памятников будем ли мы когда-либо способны сказать, которая?» Все они для Дэниела являются «ошибками упрощения» (ibid.: 323).

Книга 1962 г. «Идея преистории» придала этому настрою четкую форму и развернутость.

Перескочить из умеренного диффузионизма в неумеренный скептицизм подвигли Дэниела два фактора особенно: несомненно, книга Робина Коллингвуда и, вероятно, основной предмет собственных долгих исследований Дэниела — мегалиты, его узкая

специализация. За его известной работой 1941 («Двойная природа мегалитической колонизации») последовали книги 1950 и 1960 годов о преисторических камерных гробницах Британии и Франции, а также книга 1958 года «Строители мегалитов Западной Европы».

Проследим значимость мегалитов для формирования нового настроя Дэниела по пунктам.

Мегалиты — памятники очень своеобразные, культовые, и в них преувеличенно выражены некоторые свойства археологических памятников вообще.

1. *Лаконичность и фрагментарность.* Прежде всего, мегалиты — это памятники немногословные, скрытные, во многом загадочные. Очень лаконичное устройство, редкий и нереалистический орнамент, часто отсутствует инвентарь. Восстановить по таким остаткам культуру трудно. Если есть инвентарь, то нередко это смесь разных эпох, а если уж и есть связь с определенной культурой, то в разных местах это культура разная. Значит, восстановление не только трудно в силу скудности и лаконичности оснований, но и в силу явной многозначности: погребальные памятники одни, а культура и, стало быть, жизнь с ними связана разная! Чего же стоят наши реконструкции? Они все основаны на принципе: одни формы — одна культура. Что мы знаем о жизни строителей мегалитов? Ареал, дата (и то шаткая), о «мегалитической идее» мы не знаем вообще ничего.

А умеренных диффузионистов интересовали и проблемы независимого возникновения мегалитов, как они возникали в первоначальном очаге, что вкладывали в заимствованную идею строители, и т. д.

По аналогии познавательный пессимизм переносился и на другие памятники: все они в известной мере лаконичны, односторонни; ничего не говорят о языке, очень скупо о социальных связях.

> «Когда мы смотрим на большие росписи на скале пещеры Ласко, можем ли мы и в самом деле сказать, что они были сделаны для целей симпатической охотничьей магии? Когда мы видим большие каменные гробницы во Франции с их резными фигурами божества, можем ли мы считать, что это были могилы старейшин, навязавших свои верования неимущему населению? Когда мы находим двух человек, мужчину и женщину, погребенными в одной могиле, должно ли это означать сати (обычай соумирания жены. — Л. К.) или убийство или они оба умерли в одно и то же время от болезни?
>
> Взглянем на эту археологическую проблему иным путем. Если однажды, от чего упаси Господи, мой университетский городок Кембридж превратится в необитаемые руины, и не останется письменных источников о его жизни, руины покажут род четырехугольных зданий, как церковь колледжа Короля, много кинотеатров... Археологи будущего, вероятно, объединят все эти четырехугольные здания в "публичные общественные ритуальные здания"... ». Археологу бросится в глаза и оригинальное круглое здание церкви Гроба Господня — тоже культовое, не могила и не жилище. «Может быть, археологи будущего различат две культуры в Кембридже — одну культуру длинных прямоугольных зданий и вторую — имеющую круглые здания» (Daniel 1962: 132).

Итак, археологические источники лаконичны, односторонни и многозначны, а это ведет к свободе толкований и субъективности. Но о каких-то сторонах всё-таки можно уверенно судить? (см. пункт 2). Нельзя ли по ним восстановить другие? (см. пункт 3).

2. *Шаткость датировки.* Взглянем на хронологию мегалитов. Уже Чайлд отметил шаткость наших датировок и равную неубедительность разных версий. Однако

направление диффузии мегалитов и многое другое зависит от справедливости какой-то одной версии. Дэниел принял было короткую, иначе нельзя было говорить о диффузии с Древнего Востока. Милойич подтвердил ее отработанной методикой. И вот — радиоуглеродная революция, всё рушится. Милойчич пишет критические статьи о радиоуглероде — и этот метод тоже не надежен. Чему же верить? А Чайлд писал о шаткости не датировок мегалитов — обо всей хронологической системе европейской преистории

Дэниел сокрушается:

> «Истина состоит в том, что слишком рафинированная датировка европейской преистории, вероятно, никогда не будет возможной, и что споры о том, начинается ли латен I в 450 или в 425 г. до н. э. или датировать ли культуру Уиндмил Хилл в Британии 2300 или 2200 г. до н. э., — это споры об ученых фикциях» (ibid.: 257).

Слово fictions означает в английском не только фикции, но и вымыслы, байки.

Таким образом, здесь выступает уже не только фрагментарность и многозначность фактов, но и слабость, ограниченность методов реконструкции.

3. *Индивидуальность.* Нужно учесть и своеобразие мегалитов как памятников искусства (архитектуры дольменов, скульптуры менгиров) — их индивидуальность. Идентичных нет. Мегалиты анонимны, но это не значит, что они не имели индивидуальных творцов. По аналогии это можно сказать о любых памятниках, даже о керамике. Можно было бы преодолеть эту трудность — по одной стороне определять другие, по фрагментам восстанавливать целое, выводить всё более объективные закономерности, если бы... Если бы эти закономерности существовали в культуре, в ее статике (приближая культуры к машинам или организмам) и динамике (законы истории). Но здесь проявляется человек, его свободная воля, миром движут идеи, их произвольно творит индивид. Значит, по фрагменту целое восстанавливать рискованно, по одной стороне нельзя судить о других, особенно если это сторона меньшей важности — материальная, а идеи нам не уловить.

> «Мы обычно говорим о бессмертных идеалах общества, — пишет Дэниел, — но преистория является свидетельством того печального факта, что идеи умерли... У нас нет способов изучить моральные и религиозные идеи протоисторических обитателей Мохенджодаро и Хараппы, а сохранились лишь их водостоки, строительный мусор и терракотовые игрушки... Когда преисторики говорят об идеях и идеалах людей до письменности, они делают ошибки — интеллигентные ошибки людей, наилучшим образом подготовленных для этого, но всё же ошибки» (ibid.: 126–127).

Конечно, можно было бы воспользоваться аналогиями с этнографически близкими живыми группами. Но где гарантия, что эти аналогии действительно близки? Ведь по духовной культуре схожие племена отличаются друг от друга, где же гарантия, что они совпадут с далекими по времени и территории обществами? Схемы и идеи Бахофена, МакЛеннана, Моргана как источники для выводов неосновательны (invalid). «Они отличаются и от этнографических параллелей. Те точны, только их применение ошибочно. Здесь же сами факты не являются точными фактами» (ibid.: 127).

Таким образом, уникальность наших памятников, их индивидуальность и отсутствие системности не позволяет надеяться на восстановление структуры по деталям, целого по фрагментам.

4. *Отрыв от современности.* Дополнительный толчок пессимизму дает глубокая древность мегалитов, их оторванность от современности. Мегалиты — это памятники в чистом виде. Кто их возводил? Рабы или свободные люди? Небольшие общины или

Рис. 32.7. Карикатура 1950-х годов из журнала «Панч»: Дэниэл с Уилером на телепередаче (Antiquity & Man 1981: 209, fig. 4).

огромные толпы? Как строили? Сейчас их не строят нигде. Но ведь в какой-то мере это относится к любым памятникам.

> «Мы должны, увы, большей частью оставить создателей и распространителей наших преисторических культур безъязыкими и физически бесплотными. ... Но тогда большей частью наша преистория оказывается неудовлетворительной и трудной, мучительно худосочной и поверхностной» (ibid.: 103).

В «Короткой истории археологии» Дэниела описан эпизод, как он с Мортимером Уилером (рис. 32.7) показывали в 50-х гг. по телевидению Толундского человека — труп, которому 2000 лет, найденный в великолепной сохранности в Дании в 1944 г. с веревкой на шее в болоте. Это самый сохранившийся из всех археологических трупов. Для наглядности оба археолога, Дэниел и Уилер, ели перед зрителями пищу, аналогичную найденной в желудке трупа.

> «Это была безвкусная каша из культурных и диких зерен и трав, — вспоминает Дэниел. — Мне тогда подумалось (и так я думаю и сейчас), как сильно это отражает ситуацию в археологии: трапезу повешенного мы можем реконструировать, но мы, разумеется, никогда не узнаем, как его звали, почему его повесили и о чем были его последние мысли. Это естественно данные границы первобытной археологии, с которыми всегда надо считаться» (Daniel 1988: 309).

Сразу отмечу, что этого мы не можем узнать и о многих современных покойниках. Да и так ли это (именно это) нужно истории?

Однако вернемся к попыткам восстановить ход мыслей другого покойника, самого Глина Дэниела, ход мыслей, приведший его к глубокому скептицизму относительно познавательных возможностей археологии. В своем сокрушении и разочаровании он, конечно, должен был хвататься за другие теории и методы. Быть может, всё-таки попытаться восполнить материал и взять другие методы? Использовать другие теории? Применялось их уже много. И что же?

5. *Слабость методов, узость и упрощенность теорий.* Взглянем на распространение мегалитов. Ведь это была основа для всего течения. Вначале выдвигалась идея миграции «мегалитического народа», «мегалитической расы», но культуры оказа-

лись слишком разные. Тогда гипотезу миграции сменило предположение о трансмиссии «мегалитической идеи», но оказалось, что дюссы в Дании возникли независимо, да и разные потоки двигались (если двигались) с разной скоростью, значит, сказывались и другие факторы. Археологи предпочитают говорить еще скромнее о «мегалитической традиции», но и это вызывает сомнения: «В настоящее время, — писал Уилер, — почти невозможно выделить «мегалитическую традицию», и вполне возможно, что через несколько лет это выражение выпадет из археологического жаргона» (Wheeler 1935: 181). Не объяснит ли географический фактор маршруты миграции? Не прибегнуть ли к законам Фокса? Но в одной и той же области оказались мегалиты из разных потоков. Это путает все карты. Выходит, все выводы слишком узки, все «законы» — упрощения. Как относящиеся к мегалитам, так и к другим памятникам.

Таковы уроки Дэниела из изучения мегалитов.

Дэниел не случайно обратился к *истории науки*, которая стала его второй главной темой. Это ведь проверка жизненности теорий. И вот, обобщает он, история нашей науки иллюстрирует узость взглядов ученого сообщества (и вообще человечества). Оно не умеет смотреть широко — всё время абсолютизирует один метод, одно наблюдение, одну идею. История археологии Дэниела — это критический обзор доминировавших концепций каждого периода — эволюционизм, миграционизм, диффузионизм (как трансмиссионизм), марксистская теория...

Дэниел приходит к выводу, что вся история археологии — это сплошная история упрощений и ошибок, сменяющих друг друга в случайной последовательности, и история их крушений. Ум археолога всё время метался из крайности в крайность. Почему сначала возникала одна, потом другая концепция, а не наоборот, — остается без ответа или ответ ищется вне археологии — в воздействии смежных наук. В смене идей нет ни единой линии, ни смысла, ни прогресса. Прогресс есть в технике и в накоплении фактов, но не в смене идей.

> «Мы не более на высоте преисторической учености, чем были Томсен, Ворсо, Габриэль де Мортилье, Питт Риверс, Монтелиус, Софус Мюллер или Реджиналд Смит в их времена. Все секреты доисторического прошлого явно не будут открыты поколению середины 20-го века, как не были они открыты поколению середины 19-го» (Daniel 1959: 78–79).

До сих пор археологи пытались одному упрощению, одной узкой идее противопоставить другую. Пора отбросить их все. Отказаться от них в принципе, отрешиться от их выдвижения.

Почему же это стало ясно только в середине XX века? Потому что накопленные факты внесли колоссальное усложнение в науку.

> «Но что, — вы можете спросить, — принесли все эти технические новшества — эти новинки науки и техники, эти тотальные вскрытия, наши новые типологии, наши сплошные полевые обследования, карты распространения и аэрофотосъемка? Прежде всего, они привели, со всеми свежими открытиями, которые делаются сейчас, к огромному росту накоплений фактического материала и, что еще важнее, к огромному усложнению материала» (Daniel 1962: 74–75).

А люди ждут от науки простых решений любой сложной проблемы — и неправомерно упрощают. Пора положить этому конец.

Таким образом, Дэниел выдвигает претензии на абсолютную объективность в мире субъективных догадок.

Какой же из всего этого следует вывод? Зачем же тогда изучать преисторию, то бишь первобытную археологию? Что она дает? Какие уроки позволяет извлечь?

В основном Дэниел формулирует два урока. Во-первых, археология показывает единую палеолитическую базу для всех культур, для всех народов, стало быть, учит сознанию равного происхождения всех народов современности (такого короткого отрезка!) перед лицом колоссальной протяженности палеолитического бытия. Во-вторых, она обогащает нашу современную культуру утраченными эстетическими ценностями (Daniel 1962: 162–163). Это всё.

Только в 1974 г. в возрасте 60 лет Дэниел стал преемником Грэйема Кларка на посту заведующего кафедрой преистории в Кембридже, три года спустя — президентом Королевского Антропологического Института. В 1981 г. он передал кафедру своему бывшему студенту Колину Ренфру, а в 1986 — журнал Кристоферу Чиппиндейлу, опубликовал толстую автобиографию (Daniel 1986) и умер.

5. Сподвижники Дэниела. Даже пожилой Мортимер УИЛЕР, как и Дэниел, умеренный диффузионист, не избежал влияния нового веяния. В своей статье «Археология и передача идей» в 1952 г. (ему было в это время 62 года) он привел пример принципиальной ограниченности знаний археолога. Найдя бочку, археолог сможет разработать типологию бочек, классифицировать бочки, открыть народ бочек и нанести его передвижения на карты, он не сможет только установить, что эта бочка служила убежищем для выдающегося философа. Он ухватит бочку и упустит Диогена (Wheeler 1952: 180–1810. Между тем, именно рассказ о Диогене в бочке (точнее в пифосе, коль скоро дело происходило в древней Греции) был столь важен, что облетел все страны.

Оба главных сподвижника Дэниела, Хокс и Пиготт, несколько старше его и тоже обратились в гиперскептицизм из диффузионизма, только другого толка — инвазионного. Все трое возглавили археологию в трех основных университетах Британии — Кембридже, Оксфорде и Эдинбурге. Дэниел, хотя и был младше своих коллег и профессором стал позже (в 1974 г.), сменив Грэйема Кларка, но был, несомненно, лидером нового направления из-за своей нацеленности на историю и методологию науки, своей публичности и своего организационного таланта.

6. «Лестницы» Хокса. Работавший в Британском музее инвазионист Кристофер ХОКС (рис. 32.8) (он на 9 лет старше Дэниела) был в 1946 г. назначен профессором и завом кафедры Европейской преистории Оксфордского университета. Оказавшись на новом месте перед студентами, он поневоле стал более глубоко продумывать вопросы методологии археологических исследований. Студентам же надо всё объяснять и мотивировать. Возможно, сказалось и то, что инвазионные, да и диффузионные трактовки становились всё более одиозными и, по крайней мере, немодными. Он не отказался от своих инвазионных и диффузионных интерпретаций, более того — хотел отстоять их от нападок (в 1966 г. ста-

Рис. 32.8. Кристофер Хокс в 1954 г. (Past masters 1989: pl. 7).

тьей «Британская преистория: инвазионная гипотеза» он выступил с возражениями на критику Грэйема Кларка).

Но пришлось задуматься над состоятельностью инвазионных интерпретаций. Он хотел показать, что они более состоятельны, чем все другие в археологии, особенно в преисторической археологии — сам-то он работал главным образом в протоисторической археологии, опирающейся на письменные сообщения классических авторов, а в хронологии — и на документы Древнего Востока. Вероятно, сказалась и эта его изначальная позиция в археологии, а также то, что в студенческие годы его учителем (тьютором) в Оксфордском университете был не кто иной, как Коллингвуд. Причем сам Хокс вспоминал, что в студенческие годы Колингвуд ругал его за рабское копирование работ Коллингвуда.

Теперь он стал руководителем кафедры в Оксфорде. С этого времени его начали избирать президентом различных археологических обществ, и свои взгляды он особенно четко формулировал в своих президентских обращениях к этим обществам. Первое такое обращение — к Преисторическому обществу — состоялось в самой середине века, в 1950 г., напечатано в 1951, и называлось «Половина пути британской преистории сквозь столетие». Он тогда еще настороженно относился к уже появившемуся скептицизму Дэниела. «Взгляните, — говорил он, — на это соревнование на прошлой неделе с «Спектейторе»...»

Он имел в виду соревнование организованное популярным журналом по определению «преистории», которое по замыслу организаторов было бы аналогично шуточному определению антропологии как изучения первобытного человека (primitive man) еще более примитивными людьми. Хокс продолжает:

> «И как только соревнующиеся ни называли нашу невинную преисторию! 'Изучение недостоверного легковерными'! 'Восстановление невообразимого воображающими'! 'Недопустимое, выведенное из непроверенного'! Вот как называли; а было и похуже: 'То, чего никто не знает, о людях, которые никогда не существовали'!
>
> Отчет о соревновании был написан его судьей д-ром Дэниелом. ... Я люблю элегантность его речи. Всё это, конечно, одна мощная шутка. Но я хочу знать, тем не менее, что это не было одной из тех шуток, которые имеют свою несмешную сторону. Несмешная сторона — не то, что много образованных людей считают преисторию подделкой, но что мы делаем так мало для того, чтобы научить их чему-нибудь лучшему» (Hawkes 1951: 10–11).

Сам Хокс старается в этом обращении выделить в преистории надежные опоры. Эти надежные опоры — исторические тексты, письменные источники. Он предложил новую периодизацию. Представлено всё было как «познавательная система обозначений для преистории». Периодизация Хокса брала за основу «степень, до которой мы поднимаемся по шкале, в которой наше знание ее остается обязанным историческому материалу», т. е. степень приближенности к документальной истории (рис. 32.9). Средневековая археология — это археология историческая, «ведомая текстами». Раннежелезный век превращался в *протоисторию* («начинающуюся историю») Британии, неплохо освещенную римскими авторами и *пенеисторию* («почти историю»), едва затронутую греческими авторами. Бронзовый век становился *параисторией* (тем, что «рядом с историей», т. е. сосуществует с очагами письменности). Раннебронзовый, медный век и поздний неолит охватывались *телеисторией* (они «далеко от истории», но всё же в связи с ней). А ранний неолит, мезолит и палеолит отводились *антеисторию* («перед всей историей»). Тут археология уже «свободна от текстов» (Hawkes 1951: 1–9).

Познание		«Века» и даты образцов (Британия)
преисторическое	Антеисторическое (до всей истории)	Палеолит
		Мезолит
	Телеисторическое (далеко до истории)	Неолит первичный
		Неолит вторичный или диффузионный
	Параисторическое (рядом с историей)	Ранние века металла ± 1500 до Р. Хр. в Британии
	Пенеисторическое (почти история)	± 300 до Р. Хр. в Британии
	Протоисторическое (начинающее быть историей)	± 50 до Р. Хр. (часто позже) в Британии
исторические		Открывающие даты в Британии варьируют по регионам: кельтский, римский, саксов, викингов

Рис. 32.9. Схема периодизации Кристофера Хокса из его работы «Половина пути Британской преистории сквозь столетие» 1954 г. (Daniel 1967: 29).

Вскоре (1954) Грэйем Кларк отверг это дробное деление эпох, настаивая на достаточности деления на протоисторию и преисторию, или, если сохранить преисторию как общее название — на первичную (самостоятельную) и вторичную (опирающуюся на историю). Вообще периодизация Хокса — это не очень археологическая периодизация. Скорее это периодизация этапов культурно-исторического процесса по их освещенности письменными источниками в качестве надежных опор для интерпретации. Это периодизация археологических материалов не столько по возрастанию, сколько по *убыванию* возможностей их исторической интерпретации: ведь огромная часть археологии лежит вне сферы письменности — не только по времени, но и по приближенности в системе культуры.

Развитие этой темы (критической оценки возможностей интерпретации) последовало в 1953 г. в докладе на конференции в Америке, в Гарварде, доклад «Археологическая теория и метод: несколько предложений из Старого Света» напечатан в 1954 г. Главный принцип своей методики Хокс формулирует так: «Я чувствую себя гораздо счастливее, когда вместо того, чтобы продвигаться от неизвестного к известному, можно двигаться к неизвестному от известного» (Hawkes 1954: 167). Исследуя окраины «сферы диффузии» из центра, где располагалась «текстовая история», еще можно как-то пользоваться связью с ней, «свободная от текстов» археология такой возможностью не располагает. Тут возможности интерпретации зависят не от близости к истории, к текстам, а от близости к материальным остаткам культуры. И Хокс строит свою знаменитую «лестницу умозаключений», «лестницу Хокса». В ней четыре ступени (четыре, а не семь, как это излагает Джонсон — см. Johnson 1999: 86):

«Если о материальной технике легко делать выводы, о хозяйстве и снабжении продовольствием довольно легко, об общинной организации труднее, а о духовной жизни

труднее всего, то вот вам нарастание по четырем степеням трудности в умозаключениях. Что это за нарастание? Это нарастание, ведущее от более общеживотного в человеке к более специфически человеческому. ... Таким образом, результат получается таким, что чем более специфически человеческую деятельность мы берем, тем труднее о ней судить по археологии этого рода. Что это дает нам, по-видимому, есть позитивное убывание: чем более человеческое, тем менее доступное пониманию» (Hawkes 1954: 162).

Сам Хокс не называл свое рассуждение «лестницей», кличку дал Бинфорд. Но форму лестницы имело и предшествующее рассуждение Хокса — о видах археологии, только там была лестница степеней познаваемости по приближенности к текстам, а здесь — по приближенности к материальным остаткам. Там лучше выглядели те инвазии, которые позже, а здесь — все инвазии, потому что они всё-таки засвидетельствованы материальными остатками нового вида, а то еще и скелетами иной расы — в отличие от структуры общины или мифов, о которых археологу судить приходится по очень косвенным доказательствам.

Так из желания Хокса доказать свою правоту как инвазиониста выросло его теоретизирование в духе гиперскептицизма. Но частицу *гипер-*, говорящую о преувеличении, заслуживает лишь превращение его выводов в повод для отказа от работы «на верхних ступенях лестницы», а само наличие «иерархии доступности», хотя и отрицалось Бинфордом (он считал, что всё в культуре взаимосвязано и отражается во всём), но зря. В 1989 г. Триггер подсчитал виды интерпретации в серии из 8 сборников по теории и методу, и оказалось, что за 1978–86 гг. из помещенных там статей 47% посвящено экологии, демографии и экономике, 39% — открытиям данных и хронологии, 8% социальным отношениям и 6% идеологи, религии и научным знаниям (Trigger 1989a: 392).

Концепцию Хокса подхватили другие, прежде всего его многолетний ассистент Мэри Смит в работе 1955 г. «Ограниченность выводов в археологии» (статью эту неоднократно перепечатывали). Затем в 1956 г. Чайлд в своем методологическом «Составлении прошлого из обломков» сочувственно переложил вторую «лестницу». В 1959 Пиготт развернул ее в своем «Подходе к археологии».

В 1957 г. было опубликовано еще одно президентское обращение Хокса — на сей раз к антропологической секции Британской ассоциации развития наук. Название этой работы Хокса — «Археология как наука: задача и ловушки». В этой работе он, говоря о необходимости сотрудничества археологии с естественными науками (при своей кафедре он организовал мощную лабораторию), поставил вопрос о необходимости развить строго научное мышление в самой археологии. «Моя тема — не археология *и* наука, а археология *как* наука», — заявил он (Hawkes 1957: 94). В этом он следовал Чайлду (Childe 1953). Словом «наука» (science) в английском обозначаются только естественные и точные науки, а не история или философия.

Более радикальную позицию заняла его жена Джакетта, опубликовав в 1968 г. статью «Истинное изучение человечества» (Hawkes 1968), вызвавшую раздражение у многих молодых новаторов. В статье отвергалось модное уподобление археологии точным наукам — физике, химии, социологии, тогда как, по убеждению пожилой Джакетты Хокс, археология — гуманитарная наука и должна оставаться такою. Тут явное расхождение с Хоксом, впрочем, к этому времени они развелись (и он женился на Соне Чэдуик, это тоже известный археолог).

Но и в своем обращении 1957 года сам Хокс сетовал на то, то до идеала (превращения археологии в точную науку) еще очень далеко, так как в археологии царит «сущая неразбериха» (Hawkes 1957: 95). А далее рассматривались ловушки позна-

ния, делающие его очень проблематичным, коль скоро исследователь имеет тут дело с человеческими психикой и поведением, туго поддающимися собственно научному познанию. Подобно другим гиперскептикам, Хокс задавал вопрос: «А есть ли в действительности штуки, называемые культурами?» (Hawkes 1973: 177).

Самого Хокса в последние десятилетия его жизни (он дожил до 87) молодые тоже стали рассматривать как «консервативного асса археологии», «динозавра» этой дисциплины. В своей автобиографии, написанной в 1982 г. и озаглавленной «Ретроспектива», он не стал продумывать периодизацию своей жизни, а разделил биографию бесхитростно по хронологическим десятилетиям, причем даже не своей жизни, а календарным — от Р. Хр.: 1920-е, 1930-е и т. д. Довел свою позицию (быть как можно дальше от субъективного вмешательства в материал) до абсолюта и абсурда.

7. Модели Пиготта. Другой соратник Дэниела, Стюарт ПИГОТТ (рис. 32.10), старше его на четыре года, стал заведующим кафедрой Эдинбургского университета и преемником Чайлда в 36 лет. Как уже говорилось, чтобы быть вправе сидеть в кресле Чайлда, он почувствовал себя обязанным расширить тематику занятий. Но прежде нужно было завершить прежнюю тематику. В 1954 г. он опубликовал книгу «Неолитические культуры Британских островов». Это был итог всей его предшествовавшей деятельности, ограниченной Британскими островами. Культуру Уиндмил Хилл он снова представил как раннюю колонизацию островов, Юга и Востока Британии; Север и Запад были объектом другой колонизации, принесшей камерные могилы. В городищах типа Уиндмил Хилл он видел загоны для скота. К первым радиоуглеродным датам, никак не укладывавшимся в короткую хронологию Европы, принятую им как диффузионистом, он отнесся скептически.

Рис. 32.10. Стюарт Пиготт (Malina 1981: 273).

Расширение сферы занятий с Британии на всю Европу потянуло за собой оценку различных концепций и выдвижение своих собственных. В 1959 г. вышла методологическая книга Пиготта «Подход к археологии», напоминающая по теме вышедшую за несколько лет до того книгу Чайлда «Составление прошлого из обломков». Уже у Чайлда чувствовалось влияние Хокса и некоторая растерянность от коллапса многих опорных истин. Пиготт, резко усилил эту тенденцию, подробно развернув «лестницу» Хокса и высказав изрядный скептицизм к достижению объективных результатов в археологии.

> «Иногда думают, — писал он, — что если раскопщик достаточно досконален, чтобы зафиксировать до высшей степени объективной аккуратности всё, что может быть наблюдаемо во время раскопок, то его отчет явится идеальным документом, который обеспечит читателю обладание каждым фактом, как если бы он делал раскопку сам. Но это в действительности не так.
>
> С самым лучшим желанием в мире, человеческое наблюдение остается личным, и ничуть не хуже от этого. Раскопки часто сравнивают с научным экспериментом в ла-

боратории, но в аналогии не надо заходить слишком далеко. Думать, что археологический факт — того же порядка, что, например, в химии, это не понимать его природу, и, значит, попытки применить «научные» методы интерпретации, на деле толкают к задаванию бессмысленных вопросов... Что раскопщик извлекает из своего раскопа, зависит от его прошлого опыта, от его сравнительных знаний материала, который он раскапывает, его остроты понимания и сотни других качеств, специфических для индивида» (Piggott 1959: 14).

Обосновав субъективизм наблюдения, Пиготт ссылается и на несопоставимость объектов археологии: «Конечно, каждый памятник в своем роде уникален» (Ibid.: 15). К этому Пиготт добавляет невозможность войти в психику людей далекого прошлого:

«ловушка, в которую может попасть преисторик, это смешать свою собственную оценку того, что составляет удовлетворительный комплекс предметов материальной культуры, с тем, что было удовлетворительным для первоначальных владельцев, и что могло сохраняться длительно. Мы должны помнить также, что настроение нашего нынешнего века высоко оценивает материальную культуру и усиливающееся развитие технического процесса; и, стало быть, в изучение прошлого вносится почти бессознательное оценочное суждение, и техническая инновация становится в нем пробным камнем, на котором испытывается ценность преисторических обществ. То обстоятельство, что археологический факт в большой мере — продукт техники, и в большой мере также случайный отход способа хозяйственного обеспечения изучаемых народов прошлого, не должно означать, что технически-эволюционная и экономическая модели преисторического прошлого имеют высшую ценность, если только они не среди тех, что больше всего отвечают типам наличных фактов» (Ibid.: 79–80).

Чего же стоят наши концепции? Пиготт приходит к выводу, что все теории, все концепции археологии — это всего лишь *модели*, которые мы строим для лучшего понимания тех или иных особенностей материала. Археолог

«делает ряд строго контролируемых наблюдений, или использует сделанные другими учеными, он ищет скрытые связи между ними и затем пытается выдвинуть некие *гипотезы* или *теории*, которые будут соответствовать наблюдаемым явлениям наиболее удовлетворительным образом. Говоря научным языком, он построит *модель*, умственное творение, выражающее отношения и порядок — возможно, математической формулой, — которое будет лучше всего соответствовать всем сделанным наблюдениям.

Модель будет 'верной', поскольку она удовлетворительно отвечает явлениям, но вы можете иметь больше одной модели одновременно, и все будут «верными', а выдвижение новой модели не означает, что все другие должны быть выброшены, хотя некоторые могут быть оставлены или радикально переделаны в свете нового мышления» (ibid.: 3).

Пиготт перечисляет ряд крупных течений археологического мышления, ряд «подходов к археологии», являющихся моделями — теологической, расовой или этнической, лингвистической, технической (связанной с теорией простой эволюции). И заключает:

«Истина в том, что ни одна из наших археологических моделей прошлого, унаследованная или недавно выдвинутая, не кажется дающей вполне убедительную картину преистории сама по себе; видимо, нет того, что ученые-естественники назвали бы общей теорией, покрывающей все аспекты. Что ж, возможно, это не так уж плохо. Чем больше сторон прошлого мы сможем воспринять, тем более вероятно, что мы получим обзор, приближающийся к общей истине» (Ibid.: 6).

Итак, каждая из наших крупных концепций — это искусственная, условная модель, которую мы пытаемся приблизить к одной из многих сторон исследуемого

прошлого. Всё это служебные конструкции, которые нет смысла отстаивать против других. Дэниел тут же (в работах «Специфика Уэллса», 1964 г., и «От Ворсо до Чайлда: модели преистории», 1971 г.) подхватил это словечко, сформулировав свою позицию так: вся история нашей науки — это смена гипотетических моделей, на которых ученые имеют слабость застревать, привязываясь к построенной модели. А нужно всегда помнить, что это всего лишь модели, созданные нами для наших сегодняшних нужд, по нашему сегодняшнему пониманию и настрою.

Взаимодополнительность трактовок и теорий (моделей), конечно, важный вклад Пиготта в принципы методики. Но как Пиготт, так и Дэниел отказывались учесть, что те объективные свойства объекта, которые и определяют, годится ли модель, или нет, принадлежат к реальному объекту и делают саму модель в значительной мере объективной.

В 1965 г. вышла книга Пиготта, явившаяся результатом его лекций шотландским студентам в Эдинбурге и поездок по музеям Европы, «Древняя Европа от начала земледелия до классической древности». Тема уже не ограничена неолитом, а по идейной направленности это было выяснение «феномена развитых и слаборазвитых обществ» или обоснование диффузионизма природой людей: общества делились на цивилизованные и варварские, письменные и бесписьменные. Это рассматривалось как результат деления на «инновационные и консервативные общества. В первой группе техническое развитие в искусствах войны и мира было социально приемлемым и поощрялось, во второй — коль скоро удовлетворительный образ жизни ... был достигнут, не чувствовалось срочной нужды изменять ситуацию» (Piggott 1965: 17). Но корни многих новообразований (в том числе феодального государства) — не только в римской цивилизации, но и в глубоких местных традициях.

В этой книге тоже не обходится без обоснования скептической позиции, убежденности в субъективности наших выводов. Эта сторона вызвала резкую отповедь его приятеля и соавтора по другой книге, вышедшей в том же году, Грэйема Кларка в рецензии вышедшей два года спустя.

Вообще в работах этого времени у Пиготта ощущается ослабление заинтересованности старой неолитической тематикой и тяга к сюжетам более поздним, где можно опереться на письменные источники, а также к материальным предметам. В 1968 г. выходит его книга «Друиды» (а это железный век), в 1983 и 1992 гг. — большие работы о распространении колесного транспорта от Индии до Британии и Скандинавии. Возможно, что сказалось влияние работ Хокса.

В 1977 г. Пиготт вышел в отставку, но еще 20 лет он живет и пишет в среде, пронизанной новыми течениями, которые его не приемлют, как он не приемлет их.

8. Причины вспышки гиперскептицизма. Корни гиперскептицизма многообразны, рассматривать их в философском плане — отдельная тема, основу их в археологии я, надеюсь, показал на примере Дэниела. Осталось рассмотреть, почему он вспыхнул именно сразу после Второй мировой войны. Эта вспышка произошла не только в археологии. В биографии известнейшего английского философа Бертрана Рассела тоже после войны наблюдается перемена настроений — уклон в сторону скептицизма и агностицизма. В 1948 г. он выпустил книгу «Человеческое познание, его сфера и границы», где он утверждал, что познание «является обманчивой иллюзией» (Рассел 1957: 35). Немецкий философ К. Ясперс в 1947 г. писал: «Как только мы пытаемся познать действительность, она исчезает», и более многозначно: «Благодаря познанию происходит разрушение» (Jaspers 1947: 31, 423).

Очевидно, разрушительная война, в которой замечательный технический прогресс был обращен на уничтожение десятков миллионов людей, поразила мыслителей своей бессмысленностью, иррациональностью мотивов, несоответствием между целями и результатами человеческой деятельности. На смену тем или иным объяснительным факторам пришло убеждение в плюрализме факторов, когда всякое историческое явление объясняется сочетанием множества факторов, из которых многие иррациональны, и в этом множестве человеческая мысль теряется и останавливается в бессилии.

Дать общее объяснение безумию можно, но объяснить каждый акт безумца и предсказать его поведение нельзя.

9. Критика гиперскептицизма в археологии. Первым с критикой гиперскептицизма Дэниела, Хокса и Пиготта стал выступать Грэйем Кларк, потом включились молодые археологи. Что можно противопоставить гиперскептицизму?

Рассматривая критически положения концепции Дэниела, археолог, не поддавшийся магии его (и Коллингвуда) элегантных сентенций, прежде всего, заметит, что лаконичность, фрагментарность и односторонность наших источников, конечно, налицо, и очень хорошо, что появились исследователи, которые обратили на это внимание. Но все эти качества не абсолютны и оставляют нам всё же много возможностей. Неверно, что мы ничего не можем достоверно сказать о прошлом всех археологических памятников. Кое-что можно сказать достоверно, а многое — с большой вероятностью. Далеко не все достижения прошлых исследований отвергаются последующими. Есть не только накопление фактов, но и накопление и рост методов и возможностей, накопление установленных достоверных выводов и обобщений. Есть закономерности, и свобода человеческих намерений имеет свои границы. Палеолитический человек был свободен взять кусок руды и выплавить из него топор, но никогда этого не делал.

Дэниел попытался подняться над всеми упрощениями и абсолютизациями, но его позиция — тоже упрощение, преувеличение, абсолютизация. Он абсолютизировал лаконичность и фрагментарность источников, ограниченность методов, узость и относительность законов, индивидуальность явлений истории, их хронологическую расчлененность, одним словом, ограниченность наших знаний. Его предшественники, которых он критикует, абсолютизировали отдельные стороны развития, отдельные качества прошлой реальности. Дэниел абсолютизировал ограниченность возможностей познания этой реальности.

Но в нашем познании существуют не только ограниченность, не только возможность ошибок, но и возможности достоверного знания и определения вероятности знаний. Дэниел опирается на тот факт, что мы многого не знаем и не узнаем никогда. Но мы многое знаем, и наши знания растут. Памятник — неисчерпаемый источник именно поэтому. А значит, выводы Дэниела — тоже упрощение, и его упрощение не лучше других.

Есть у него и свои методологические и, возможно, идеологические корни. Сама такая позиция может быть идеологически обусловлена. Это неприятие тех закономерностей, которые исследование всё более настойчиво выявляет. Дэниелу, видимо, подсознательно не импонировали открываемые новыми исследованиями непривычные соотношения народов («исчезновение» народов-цивилизаторов). Явно отрицательно он относился к пафосу точного познания, развиваемого Новой Археологией, с ее радикальными сциентизаторскими и материалистическими идеями. И ушел в

демонстративный *гиперскептицизм* (этот термин является моей калькой с его термина «гипердиффузионизм»).

Его теоретическая концепция не очень вяжется с его собственной практикой. Декларируя, что археологические культуры — это всего лишь понятийные инструменты и что археолог их свободно конструирует, Дэниел делает примечание в сноске: «Автор этих строк повинен в том, что различал ряд мегалитических культур, тогда как всё, что он изучал, было лишь региональными различиями в плане могил и в погребальном инвентаре» (Daniel 1950: 246). В своей «Типологии» я писал, что достаточно обратиться к самим работам Дэниела 1941–63 гг. о мегалитических культурах, и сразу станет ясно, что в своих серьёзных и конкретных исследованиях Дэниел действовал не в духе свободного конструирования, а выявлял связи в материале. Когда же ему потребовалось опровергнуть наличие таких связей, то он не смог предъявить фактов в пользу свободы выбора, а прибег к софистическим спекуляциям по поводу соотношений термина и понятия. И я заключал:

> «Вот что бы ему взять да перекроить те же материалы по-другому, иначе разбить их по группам, сконструировать другую сеть культур (или, если угодно, "региональных вариаций") или даже несколько сетей! Ведь это было бы решающим аргументом! Так нет, не стал этого делать великолепный практический исследователь Дэниел и предоставил теоретику Дэниелу выкручиваться за счет спекулятивных рассуждений...» (Клейн 1991а: 177–178).

Его и его сторонников призывы к осторожности в выводах, призывы не забывать о многозначности и шаткости многих реконструкций являются положительным вкладом всего течения гиперскептицизма. Но перевели его в практику исследований не Дэниел и его сторонники, а те археологи, которые, развивая статистику, разрабатывали критерии оценки вероятности выводов, которые поставили вопрос о качественных критериях доказанности, о внутренней критике источников. О некоторых из них (Сполдинг) здесь уже была речь, о других речь еще будет.

Очень опрометчивы вообще суждения о невозможности тех или иных достижений для науки. В первой половине XIX века Полгрейв писал о кремневых орудиях: «Мы должны отказаться от изучения немого прошлого, как его событий и хронологии, так и его учений и верований... Что потеряно, то потеряно, и что исчезло, то исчезло навсегда». Любор Нидерле писал уже в конце XIX века: «Когда началось существование человека в Европе — этого мы, вероятно, не узнаем никогда». И Брокгауз в 1898 г.: «Как далеко простирается каменный век вглубь веков, каким временем надо датировать первое заселение Европы, пожалуй, никогда не будет определено даже с приблизительной точностью». В начале XX века Пит так высказался о происхождении мегалитов: «это проблема, которая еще не решена и которая, возможно, никогда не будет решена».

По этому поводу Дарвин говорил: «Невежеству удается внушить доверие чаще, чем знанию, и обыкновенно не те, которые знают много, а те, которые знают мало, всего увереннее заявляют, что та или другая задача никогда не будет решена наукой». Хронология уже сейчас установлена с большой степенью вероятности и достаточной определенностью, а прочие проблемы решаются. Сам Дэниел изрядно продвинул изучение мегалитов.

Гегель писал, что скептика нельзя переубедить, так же «как нельзя заставить стоять парализованного с головы до ног человека». Ленину очень нравилось это высказывание Гегеля. Он добавлял: «Скептицизм не есть сомнение. Сомнение — пря-

мая противоположность покоя, который является результатом скептицизма» (Ленин, Соч, т. 38, с. 294).

«Недоверчивость — мудрость дурака», — говорил Бернард Шоу. Археологи-гиперскептики — отнюдь не дураки. Поэтому они выдвигали свои методические рецепты не для собственного использования, а скорее для эпатирования других. Это была в большой мере снобистская позиция. Вовсе не безвредная. В рецензии на сборник 1968 г. в честь Пиготта я подметил, что ученики такого концептуального мастера почти все как на подбор заняты очень дробными и приземленными описательными темами, и связал это с его проповедью скептицизма по отношению к интерпретациям. Кто посеет скептиков, пожнет эмпириков, — заключил я (Клейн 1972б).

Впрочем, Хокс и сам всё больше склонялся к вещеведческому пониманию археологии. Он писал в своем «Ретроспекте»:

> «Но первенство во всем нашем мышлении должно принадлежать *вещам* (биологическим, геологическим и структурам в грунте, как и артефактам: все они означают людей). Кубки — это вещи. Дэвид Кларк, вдохновивший мою статью 1973 года о социальном классе и о сомнении в "культурах", так никогда и не сказал мне, почему, по его разумению, кубки, в конце концов, прекратились. Чтобы ответить, найдите сосуды для питья, применявшиеся в последующий период! Но я проповедовал уже об этом, и, в общем, думаю, достаточно. А что касается моделей, они суть теории для объяснения *систем*, которые должны быть сформированы *вещами*. Чем более мы узнаем о вещах и видим их в системах, тем лучше для археологии — и для философии» (Hawkes 1982:98).

Дэниел, конечно, понимал, что, так ограничивая археологию, лишая ее права на теории, он осуждает ее на чисто эмпирическое существование, а это возвращает ее к антикварианизму. Он неоднократно говорит об угрозе возвращения к сугубому коллекционированию, об опасности «нового антикварианизма» (Daniel 1950: 326, 1962: 143, 1979: 225). Но у него нет рецепта, как этого избежать.

Уилер также сознавал перспективу превращения скептической археологии в новый антикварианизм, но не считал это опасностью. Такова природа археологии. Напридумывали разных синонимов (преисторик, антрополог, археолог), чтобы избежать нежелательных ассоциаций: археолог — это преисторик минус гуманитарий, антикварий — археолог минус объективность интерпретаций. «Давайте согласимся, что в будущем эти два слова — 'археолог' и 'антикварий' — будут в точности синонимичны...» (Wheeler 1956: 230).

Старая истина: совсем не ошибается тот, кто ничего не делает. Но он ничего и не достигает. Наука, развиваясь, не может избежать ошибок, но, достигнув избавления от них такой ценой, она не может развиваться вообще.

Относительно же смены теорий и отбрасывания отживших, Регирер, малоизвестный, но очень тонкий методолог, заметил, что только на ранних стадиях происходит просто отбрасывание старых теорий.

> «Когда в объяснении фактов достигнут уже некоторого успеха, переход к другой теории будет возможен лишь при условии, если число объясненных фактов не убавится, а напротив, увеличится: уже достигнутые объяснения так легко не отбрасываются наукой. Нелепо представлять себе движение в науке как чехарду неосновательно сменяющих друг друга теорий» (Регирер 1966: 95).

Надеюсь, что тот ход истории археологической мысли, который я здесь излагаю и та система, в которой я его излагаю, показывает, что в последовательности и смене

археологических концепций есть логика и смысл. В частности, что сама концепция гиперскептицизма появилась как логическое завершение кризиса диффузионизма и не могла появиться раньше, да и выжить в конкуренции с новыми концепциями не сумела и не могла суметь.

Вопросы для продумывания

1. Ограничивается ли влияние прагматизма и инструментализма только американской археологией или можно заметить их проявления у других археологов? А у российских? Какие именно?

2. Ясно, в чем объективная основа возражений Тэйлора против Бру. А в чем объективная основа аргументации Бру?

3. Опять же, в чем объективная основа аргументации Форда?

4. Чьи доводы представляются Вам более убедительными — Сполдинга или Форда?

5. Повлияла ли как-то специализация Коллингвуда (античная археология и история Древнего Рима) на формирование его философских взглядов на историю? (Разумеется, для ответа придется не ограничиваться текстом данной главы, а обратиться к сочинениям Коллингвуда и литературе о нем.)

6. Что Дэниел заимствовал у Коллингвуда, что взял от Бру и Форда, а какие аргументы добавил от себя?

7. Почему, по Вашему мнению, близкий контакт в юности с Коллингвудом, не сказывался на ученой деятельности Хокса в течение десятилетий, а сказался только в середине века?

8. Есть ли в аргументации Пиготта оригинальные положения, которых не было у его предшественников?

9. Почему именно Грэйем Кларк выступил первым против гиперскептицизма своих друзей?

10. Здесь перечислены многие достижения Дэниела, Хокса и Пиготта как археологов. Но все ли полезные вклады гиперскептицизма как течения здесь учтены?

11. Все ли ошибки гиперскептицизма как течения здесь анализированы? Нельзя ли предложить иную аргументацию?

12. Не сможете ли Вы обосновать более подробно место гиперскептицизма в истории науки (третья четверть XX века)?

13. Самый трудный вопрос: Почему археологический гиперскептицизм сформировался в основном в англо-саксонской среде — в Америке и — еще шире — в Англии? Отдельные проявления можно найти в Швеции (Мальмер) и России (Г. П. Григорьев), но центр разработки, несомненно, в Англии и США. Почему?

Литература

Скептицизм в философии: James 1891; Santayana 1922, 1942, 1955; Dewey 1929, 1947; Jaspers 1947; Рассел 1957; Коллингвуд 1980.

Скепсис в археологии и его критика: Wheeler 1935, 1952, 1956ч; Tallgren 1937; Taylor 1948; Childe 1953; Регирер 1966; Adams, Van Gerven and Levy 1978; Trigger 1989a; Клейн 1991a.

Бру и Форд: Brew 1946/1971; Ford 1954b, 1962; Форд 1962, Whitehall 1969.

Спор Сполдинга с Фордом: Spaulding 1953a, 1953b, 1954, 1960a, 1960b; Ford 1952, 1954a, 1954b.

Гиперскептицизм Дэниела: Daniel 1950, 1959, 1962, 1979, 1986, 1988.

Пиготт и Хокс: Hawkes 1951, 1954, 1957, 1973; Piggott 1959, 1965; Клейн 1972б.

Глава 33. АВТОНОМНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ СИНТЕЗЕ И ЭМЕРГЕНТИЗМ

1. На руинах «археологии обитания». В 1947 г. на конференции в Гамбурге собравшимся немецким археологам было сказано:

> «Сегодня наша преистория прежде всего стоит перед задачей привести в порядок спасённые находки и восстановить музеи. Не стоит жалеть, что на большие раскопки пока что денег не хватит — наличный материал и так выдвигает достаточно проблем, которые требуют, чтобы за них взялись. Не следует также ни в коем случае озадачиваться тем, что наши границы теперь будут гораздо прочнее и дольше замкнуты, чем после Первой мировой войны. Полёту мыслей нет предела. Когда немецкая преистория в начале своего пути более ста лет назад создавала представление о рядовых могильниках меровингского периода, она работала исключительно на иностранном материале. В пору беды можно обойтись без аутопсии» (Wahle 1947/1964: 247).

Рис. 33.1. Эрнст Вале (портрет из Wahle 1964, фронтиспис).

Эти слова произнес 58-летний гейдельбергский профессор Эрнст ВАЛЕ (Ernst Wahle, 1889–1981), ставший на несколько десятилетий духовным лидером западногерманской археологии (рис. 33.1). Его доклад назывался «Спрашивать ли и дальше протоисторию?» и имел характерный подзаголовок: «К положению науки с дурной наследственностью».

Когда после войны говорили о дурной наследственности немецкий археологии, то имели в виду ее недавнее нацистское прошлое, ее роль в утверждении нацистской идеологии, тесную связь с расовой теорией и агрессивной геополитикой — словом, груз тяжелой вины, порочные установки и навыки, которые необходимо было преодолевать. Предтеча нацистской археологии Густав Косинна умер в 1931 г., но созданная им «археология обитания» (Siedlungsarchäologie) в слегка преобразованном виде вошла в структуру нацистской идеологии как историческое освящение и научное обоснование претензий германского империализма на мировое господство. Эта «чрезвычайно национальная наука», как называл ее Косинна, пропагандировала извечную культуртрегерскую миссию германцев, отстаивала «первородство» немцев среди «индогерманских» народов, оправдывала современные территориальные захваты широтой древнейшего обитания германцев и воспевала неолитические

завоевательные походы германских предков как пример потомкам. Преподавание «чрезвычайно национальной» археологии было введено в средние школы и солдатские курсы. В составе идеологического сектора партийного руководства НСДАП было создано Главное управление преистории (Hauptstelle Vorgeschichte) во главе с последователем Косинны Гансом Рейнертом, которому были подчинены все археологи страны. А в составе СС была учреждена мощная ассоциация «Наследие предков» («Ahnenerbe») под патронажем Гиммлера, куда вошел ряд виднейших археологов.

Всё это здание рухнуло в 1945.

> «Вторая мировая война, — пишет археолог Гельмут Прейдель, — не только передвинула политические границы, она также устранила некоторые духовные ограничения, которые до сих пор сужали наш кругозор, она отрезвила и очистила всю атмосферу. Полюбившаяся и ставшая родною картина мира зашаталась, мы утратили всякую твердую основу и вдруг узнали, как непрочен и далек от действительности был наш мир идей, в котором мы до того жили» (Preidel 1954: 7).

Науку предстояло строить заново, и Вале в своем гамбургском докладе старательно выискивал среди того, что выжило за годы фашизма и уцелело от военной катастрофы, традиции, на которые можно было бы опереться. Всё-таки изучались не только древние германцы; некоторые археологи, отходя от запросов и требований Главного управления преистории, пытались бесхитростно описывать и обобщать материал; были даже критические выступления против некоторых методических догм Косинны.

Слушатели Вале знали: наиболее острое из таких выступлений предпринял он сам в 1941 г. Это его знаменитая в Германии работа «К этническому истолкованию раннеисторических культурных провинций. Границы протоисторического познания». Будучи и сам учеником Косинны, впрочем рано отошедшим от «мэтра», он подверг фундаментальной ревизии одну из главных догм Косинны — «уравнение» археологической культуры с этносом, культурной преемственности — с этнической, передвижек культур — с переселениями народов. Удар был нанесен по одному из важнейших методических устоев «археологии обитания» — в умах тех, кто думал, пошатнулась вся концепция. Критика этого положения Косинны раздавалась и раньше, и не только из-за рубежа. Выступал с ней автор общего систематического немецкого руководства по первобытной археологии К. Г. Якоб-Фризен (1928), затем В. Ла Бом и Г. Цейсс (оба в 1930). Но выступление Вале было наиболее развернутым и притом под властью нацистов.

Несомненно, это выступление было в 1941 г. актом гражданского мужества. В обстановке войны «предательство» Вале вызвало нападки нацистов, а другой ученик Косинны, Мартин Ян, ответил Эрнсту Вале короткой отповедью «В тупике ли преисторическая наука?». Работа Вале была переиздана через 11 лет — к этому времени она уже служила отправным пунктом оживленной деятельности западнонемецких археологов по критическому пересмотру принципов «археологии обитания».

(Как это ни странно, А. Я. Брюсов и в 1956 г. опирался при специальном разборе соотношений культуры с этносом на новую работу Яна (1953), предлагавшую смягченный вариант уравнений Косинны, и ни словом не упомянул о существовании работ Э. Вале, Ю. Эггерса, Г. Прейделя и других критиков Косинны, что сильно сузило выводы.)

В нашей историографии была показана живучесть националистических традиций в западногерманской исторической науке, прослежено возрождение милитаристских концепций и рассмотрена их роль в создании опасных реваншистских настро-

ений в западногерманском обществе (Салов 1968; Пашуто 1971). Когда сегодня мы всё же наблюдаем заметные сдвиги в политике Германии и в настроениях немецкого общества, то кроме изменения ситуации в мире и социальных сил в Германии, надлежит оценить и ту позитивную деятельность по очищению духовной атмосферы, которую проводили в эту беспокойную половину века немецкие ученые. Отмечены заслуги ряда историков, работавших в этом направлении (см. Салов 1968: 26, 51–52, 55–58; Пашуто 1971: 130–144). Однако по влиятельности в профессиональной науке и образовании этой группе отводят сравнительно скромное место. Надо признать, что соотношение тенденций оказывается разным в разных отраслях общественно-исторических наук. Археология в этом смысле сильно отличается от истории. Здесь преодоление прошлого оказывается наиболее радикальным.

Чем это объяснить — вопрос сложный. В какой-то мере, видимо, сказалось естественное отсутствие у археологии тех прямых непосредственных выходов в современную политику, которые обильны у истории. Сказалась, вероятно, и реакция исследователей на ту особенно грубую профанацию, которой именно археология, облюбованная нацистскими идеологами, подвергалась в Третьем Рейхе. Однако немалую роль сыграли и личные качества наиболее компетентных ученых — пример таких деятелей, как Геро Мерхарт фон Бернег, К. Г. Якоб-Фризен, Л. Берсу и др., которые пронесли сквозь гонения и мытарства научную честность, отвращение к шовинизму и милитаризму, уважение к науке и народам других стран. Сам Вале указывал, что продолжает линию англичанина Гордона Чайлда и финна А. М. Тальгрена в отказе от формально-типологического вещеведения и уравнения культур с народами.

Показателен факт: в то время как многие историки, занимавшие при нацизме ведущие позиции в нацистских ученых организациях и учреждениях, сохранили свою влиятельность и авторитетность в ученом мире ФРГ и Западного Берлина, у археологов этого не произошло. Остались в живых и «рейхсфюрер» археологии Ганс Рейнерт и другой вождь «чрезвычайно национальной» археологии пресловутый воитель за восточные территории Болько фон Рихтгофен, но оба они практически оказались за бортом профессиональной археологии, вне сообщества археологов. Правда, крупные археологи, работавшие в эсэсовском «Наследии предков» («Ahnenerbe»), получили хорошие места в археологии ФРГ (как Янкун), но было учтено, что многие из них использовали Аненэрбе просто как место укрытия от грубого диктата Рейнерта и продолжали там профессиональную работу над своим материалом.

На судьбах учения Косинны сказался и географический фактор. Школа Косинны большей частью располагалась в Восточной Германии и те ученики его, которые остались на своих местах, попали под власть ГДР. Естественно, им пришлось перестроиться и подчиняться марксистской идеологии, по крайней мере не перечить ей, а из косинновского наследства развивать только те положения, которые использовались в советской науке (а в послевоенное время такие были). В Западной Германии в основном была влиятельна школа Шухардта, который не стал одиозной фигурой, а как соперник Косинны даже обрел нимб святого, хотя на деле от Косинны мало отличался. Его школа и продолжала сохранять некоторое время влияние в ФРГ, но оттесняемая новыми учениями. Археологи же, некогда работавшие на отобранных у Германии землях к востоку от Одера и Нейсе (среди них был Эггерс), не стали культивировать в археологии ностальгическую память о германстве этих земель (что действительно было бы возможно и без аутопсии), а занялись приведением в порядок и разработкой богатого археологического хозяйства ФРГ и осмыслением своей методологии.

В нашей литературе можно было встретить критические указания на отдельные рецидивы косинновского подхода, например, в книге Монгайта (1963: 55–56) о книге Ф. Бена 1948 года. Но эти рецидивы в сочинениях некоторых старых профессоров уже не отражали основных линий теоретического развития западногерманской археологии. Наша критика, сосредоточившись на этих ненавистных пережитках, начисто проглядела новые идеи и явления, а они-то и определили основные направления развития археологии ФРГ.

А. Л. Монгайт в предисловии к книге Чайлда (Монгайт 1952: 17) так оценивал ситуацию: «Реакционные идеи Косинны объявляются неким идеалом, к которому должна стремиться наука. Миграционизм в его худшем виде, националистические расистские идеи особенно усердно культивируются в среде австрийских и западногерманских ученых». Уже тогда это было анахронизмом. В 1967 г. Монгайт подробно и сочувственно изложил доводы западногерманских критиков Косинны (Эрнста Вале, Ганса-Юргена Эггерса), выдвигавшиеся ими как раз в 1950–52 гг. и позже, и противопоставил их точке зрения таких исследователей, как А. Я. Брюсов, как методологически близкой косинновской (Монгайт 1967).

Однако при всей симпатичности критической части и при всей ценности фактической аргументации Монгайта, эти положения, взятые им в отрыве от цельной системы взглядов западногерманских археологов второй половины XX века, не могут быть оценены всесторонне. Требуется внимательное изучение и анализ всей системы взглядов, теоретических основ концепции.

Принципиальные установки Вале складывались в его работах задолго до того, как овладели умами ряда западногерманских археологов — еще в 20-е — 30-е годы, но тогда не встретили признания. Теперь многие из этих давних работ переизданы без изменений — вещь редкостная в археологии, где материал растет быстро и обобщения скоро устаревают.

2. Биография Вале. Эрнсту Вале, который и сам написал «Историю преисторических исследований», не повезло в историографии. В историях археологии Дэниела и ряде других имени Вале вообще нет. В «Истории археологической мысли» Триггера упоминается лишь одна ранняя работа Вале (1915 года) — как пример распространения идей Градмана. В истории центрально-европейской археологии Скленаржа есть упоминание о выступлении Вале против Косинны — и это всё. В пятитомной энциклопедии истории археологии нет статьи о Вале, и упоминается он всего в двух местах — в статье Фейта об истории немецкой первобытной археологии (только как автор такой истории) и в моей статье о Косинне. Только в моих историографических работах Вале рассматривается с 1974 года и, разумеется, в основанных на моей историографии книгах Малины и Вашичка. В сборнике Гахмана (1987 г.) есть очерк о Вале, и Гахман пишет следующее: «Наряду с Косинной и Рейнеке, Мерхартом и Менгином, Вале является, собственно, интереснейшим исследователем из всего круга немецких ученых, рассмотренных в этом томе» (Hachmann 1987: 197).

Между тем, специальная литература о Вале, хотя и скудная, есть (Kirchner 1964; Würdigung 1966; Bernard 1987), есть автобиография (Wahle 1980), хотя и скучноватая, по-стариковски сентиментальная и мелочная.

Эрнст Вале на год младше Менгина, на год старше Уилера, на три года — Чайлда. Это то поколение, молодость которого пришлась на Первую мировую войну, а с конца Второй мировой забрезжила их старость. Деятельность их в основном уложилась в межвоенное время.

Вале родился и провел раннее детство в Магдебурге, в городке Делич близ Халле окончил реальную школу, в которой директором был его отец, затем учился в университете Халле-Виттенберг. Еще во время учебы он раскопал урновый могильник под Деличем, так что уже в 1908–09 гг. вышли первые печатные работы 20-летнего автора — две о самом могильнике, одна — о его месте в преистории Средней Германии. Еще тогда ему попалась в руки книга Софуса Мюллера, которого он считал «самым значительным преисториком, которого Скандинавия имела до сего дня» (Wahle 1980: 23), и он получил свой настрой против типологии и вещеведения в духе Монтелиуса.

Директор музея пускал его в музей заниматься в залах и библиотеке. Посещал он и музеи в соседних городах. Как вспоминает Вале, в Веймаре директор тамошнего музея представил его «незадолго до того прибывшему невысокому человеку в дорожной одежде, которым был не кто иной как Косинна ... Я старался продлить это пребывание вечером с профессором из Берлина как можно дольше... Вечер был для меня тем особенно поучителен, что я уже давно готовился перебраться в Берлин» (Wahle 1980: 19–20). Последующие четыре семестра он учился уже в Берлине у Косинны, а также антропологии у Лушана (в целом в Берлине с 1908 по 1911). Позже, в 1913 г. появится его рецензия на косинновскую книжечку о кладе Эберсвальде, где ученик встает горой за своего учителя, против Шухардта.

Как одно из памятных переживаний вспоминает Вале поездку вместе с Косинной на конгресс в Стокгольм по приглашению Монтелиуса — Косинна выпросил разрешение явиться вместе с тремя учениками.

> «Монтелиус был повсюду, и, поскольку он бегло говорил по-немецки, с ним было легко поддерживать беседу. ... Как если бы это было только вчера, я еще вспоминаю, что там услышал впервые слово "Фатьяново" и об особом положении одиночных погребений позднего неолита. Высшим пунктом поучительности стало для меня совершенно частное знакомство с профессором Рутгером Сернандером в вагоне на обратном пути из экскурсии в Упсалу. Речь шла о передвижках побережий и колебаниях климата на неолитическом поселении, стало быть, о главе исторической географии; и еще позже я долгое время переписывался с ним» (Wahle 1980: 20).

Это был знаменитый соавтор схемы Блитта — Сернандера, установившей последовательность европейских климатов. А Вале, человек тихий и стеснительный, после этой встречи несколько охладел к Косинне, с его фанфарным стилем, да и тот его отстранил от себя. Вале вспоминает:

> «Хорошим учителем Косинна не был, и это многих молодых от него удерживало. Он был по природе очень раздражителен. ... Раздражительность и чрезвычайное тщеславие — тем и другим он наделал себе много врагов и затруднял себе жизнь. Поэтому большинство его учеников от него уходило. И я принадлежу к числу таких, но все мы не имели с ним никаких научных споров. Некоторые из нас, которые советовали ему сдержанность, отделились от него в борьбе. Других, например, меня, он удалял от себя по-тихому, так что они и не знали, почему. Что я избрал себе собственное направление ..., он, пожалуй, и не заметил» (письмо автору от 22 февраля 1971 г.).

Вале сильно заинтересовался географическим подходом и в 1910 г. перебрался в Гейдельбергский университет. Его учителем стал крупный географ Альфред Хеттнер, учился он там и геологии. Большое впечатление на него произвела книга Эдуарда Гана о раннем земледелии и появлении домашних животных и культурных растений, а также работы географа Роберта Градмана о соотношении степи и леса и значении этого соотношения для географического распределения культуры. В

1915 г. появилась статья Вале «Первобытный лес и открытое пространство в их значении для культурного развития». Это было освоение «теории степей и пустошей» Градмана, при чем в этом Вале действовал одновременно с англичанами, зачинателями географического направления (энвиронментализма) в археологии (статья Флёра вышла тоже в 1915 г.). Работы с развитием идей Градмана продолжали у Вале выходить в основном до 1924 г., хотя отзвук общей позиции Градмана можно найти у Вале и позже.

Услышав доклад студента по преистории, руководитель семинара для учителей, готовивший новое издание своего методического руководства по немецкой истории, летом 1913 г. предложил ему, только что сдавшему докторский экзамен, написать преисторическое введение к учебнику. Вале приготовил 17 страниц — «Немецкая преистория, родина и древнейшее распространение германцев». Тема была косинновская, но мнение Косинны о принадлежности неолитических культур Центральной Европы германцам приведено как гипотеза, вопрос оставлен открытым. Вале увидел свой раздел напечатанным, но только в 1918 г., потому что разразилась Первая мировая война, и он был мобилизован. После ранения и пребывания в госпитале, вернулся в Гейдельберг. Здесь он в 1920 г. защитил под руководством географа Хеттнера диссертацию «Восточная Германия в поздненеолитическое время, преисторически-географический опыт», сделанную еще в 1914 г. и напечатанную книгой в 1918, а в 1920 г. он начал в Гейдельбергском университете работать, с 1922 г. читать лекции.

В 1924 г. лейпцигское издательство выпустило книжку Вале «Преистория немецкого народа», с посвящением учителю, но не Косинне, а географу Хеттнеру. Книга резко отличалась от всех книг по археологии. В ней не было никаких иллюстраций. Автор не хотел их давать. Он презирал увлечение типологическими штудиями, считая их лишь подсобным средством. Основным же для него было представление исторической картины, установление причинно-следственной связи событий, выяснение природных и хозяйственных условий исторического процесса. Позже он писал, что стремился понять *не вещи*, а те исторические явления, которые скрывались *за вещами*. У такого формалиста, как я, сразу встает вопрос: а каким путем можно познать то, что скрывается за вещами, если не *через вещи*? Но у Вале этот вопрос не возникал.

И уж совсем не лезло ни в какие ворота его решение «индогерманского» вопроса. Вопреки патриотической концепции его учителя Косинны, выводившего теперь все индоевропейские народы из Северной Европы (а Шухардт только расширял территорию прародины на всю Центральную Европу), 34-летний доцент Вале, вдохновленный апологией степей у Градмана, выводил индоевропейцев из восточноевропейских степей — следуя в этом фольклористу Бенфею и языковеду Шрадеру. Он был первым из археологов, присоединившимся к этой идее — уже следом за ним это повторили Майрс в 1925 г., Чайлд в 1926 и 1950, Мария Гимбутас в ряде работ с 1956 по 1970-е годы, причем Гимбутас в послевоенные годы проживала в Гейдельберге, где и преподавал Вале.

Через 10 лет, в 1932 г., издательство выпустило второе, расширенное издание. Автор снабдил его хронологическими таблицами и картами, но по-прежнему отказался делать иллюстрации изображениями вещей. Издательство было богатым, оно предлагало дать хорошие изображения археологических объектов, поместить сравнительно-типологические таблицы, но автор это отверг по принципиальным соображениям. В конце концов согласился дать три десятка изображений отдельных

предметов. Не изменил он и свою концепцию происхождения индогерманцев. Он говорил об «индогерманизации Европы».

А время было уже другое. В 1933 г. нацисты пришли к власти. Государственное управление (Reichsstelle) по развитию немецкой печати распространило по книготорговле следующее постановление о книге Вале:

> «В описании немецкой преистории автор идет собственными путями, почти полностью игнорируя задачу изображения находок и ограничиваясь чисто историческими описаниями. Так что у его труда отсутствует необходимая основа, как и живая наглядность; его предпочтением является, напротив, выработка исторических взаимосвязей, которые из древнейших свидетельств человеческой культуры открыты на немецкой почве вплоть до времен меровингов и восточнонемецких колонистов. Представление, что родина индогерманцев лежит в степных странах Востока, противоречит результатам исследований памятников. Эпоха бронзы и железа оказывается в изображении слишком короткой. Приходится остро возразить против изображения на обложке, передающего картинку 1828 г., на которой показан германский воин с гуннскими чертами лица, одетый в шкуры и украшенный головой зверя, тем самым невольно способствуя распространению ложного представления о германской культуре варварства. Книга не может быть востребована» (Wahle 1980: 53).

Книга была удалена с витрин, продажа ее сократилась (а остаток был уничтожен в 1943 г. во время налета англо-американской авиации на Лейпциг). В 1934 г. Вале получил задание создать в Гейдельберге кафедру по пре- и протоистории, но профессором не был назначен. Возведение Вале в профессорское звание очень затянулось. К этому времени (1935–1939) относится короткий роман Вале с национал-социалистической идеологией: появляются его статьи с названиями: «Германский вождь» («Der germanische Führer»), «Чужая кровь в германском дворянстве раннеисторического времени», «Преистория как созидательная сила».

Наконец, в 1938 г. уже 49-летний доцент получил звание профессора, но только экстраординарного (внештатного), и заведование кафедрой (в Гейдельберге называвшейся Институтом).

Тем не менее в 1939 г. упрямый Вале сделал в провинциальной гейдельбергской Академии наук доклад, явно направленный против учения Косинны — доклад о возможностях этнического определения археологических культур и о границах археологического познания. Доклад этот был напечатан в 1941 г. и стал самой известной и самой цитируемой работой Вале. В том же 1939 г. в Дармштадте в местном историческом обществе он сделал еще один доклад «Раннеисторическое прошлое в сложении национальной воли». Председательствующий пастор перед докладом просил его быть смелым, но осторожным, В докладе Вале критиковал грубо националистические построения литовца-эмигранта Балодиса. После доклада пастор пожал ему руку и сказал: «Там, где вы говорили о Литве, люди думали о Германии, а где звучало имя Балодис, — об одном из наших маститых...» (Wahle 1980: 109).

Это очень похоже на один из наших методов чтения между строк, который я обозначил как «подмену мишени» — 7-ой из 12 методов эзопова языка советского времени в моем обзоре в «Феномене советской археологии» (Клейн 1993: 85).

С 1942 г. некоторые ученые пытались выхлопотать для Вале и для кафедры ставку ординарного (штатного) профессора, но ректорат и министерство не решались на это, учитывая его опасные взгляды. А после войны, когда его книги переиздавались и выходили сборники его трудов и ему посвященные, административный аппарат по-прежнему тормозил эти хлопоты: Вале объясняет это тем, что там сидели те же

старые аппаратчики. Но, возможно, действовало представление, что Вале — не настоящий археолог, что он не в курсе новейших западных течений. В 1958 г., когда Вале подошел к возрастному пределу работы, Гейдельбергскому университету была, наконец, дана штатная профессорская ставка, но не для Вале, а для хорватского эмигранта Владимира Милойчича, которому Вале и передал кафедру, а в 1959 г. ушел на пенсию. Ему еще оставалось жить 23 года.

Когда я в начале 1970-х годов договорился с редактором восточногерманского издания Германом Беренсом о помещении моей огромной статьи о Косинне, он, родом из Западной Германии, сообщил о ней Эрнсту Вале. Тот, учитывая, что ему за восемьдесят, попросил прислать ему мою рукопись до напечатания, потому что он может ведь не дожить до публикации. Беренс, с моего разрешения, решил это сделать. Мы, конечно, оба рисковали, граница между ФРГ и ГДР была тогда очень суровой, но нужно было уважить старика, а мне страсть как хотелось узнать мнение ученика Косинны. Вале очень высоко оценил мою работу, выше, чем немецкие работы, а у нас еще раньше завязалась переписка. Он подробно отвечал на мои вопросы о себе и о Косинне, и я использую его сведения в этой книге.

Когда в 1981 г. Вале умер, в его списке насчитывалось более 640 печатных работ. Из всего этого списка сам Вале, судя по его автобиографии, считал главным делом своей жизни «Немецкую преисторию», неоднократно переиздававшуюся. Вся биография построена как взбирание по лестнице всё совершенствующихся переизданий этой книги, а вся предшествующая жизнь рассматривается как приуготовление к этой великой работе, хотя на деле самыми интересными являются другие его работы.

3. Учение Вале. Ранние работы Вале примечательны тем, что это было самое начало географического подхода. Вале выступил одновременно с аналогичными работами англичан. Уже это знаменовало отход Вале от Косинны, и, собственно, учеником Косины Вале был только формально. Он скорее был учеником географа Хеттнера и антрополога Лушана. Уже это, а также позиция Софуса Мюллера в его споре с Монтелиусом обусловили неприязнь Вале к типологическим штудиям, которые, казалось ему, отвлекают археологов от истинно интересных проблем — больших движений истории, соотношений природных условий с формированием культуры. Он хотел изучать не чем люди пользовались (горшки, ножи, украшения), а чем они жили (адаптация к трудностям, проблемы жизнеобеспечения, происхождение и преемственность). Эта неприязнь к вещеведению и типологическим штудиям, даже к системе трех веков четко проступает в его книге 1924 г.

Как пишет Гахман,

> «только Г. Янкун в немецком языковом пространстве реализовал то, что инициировал Вале. Но ему пионерская роль Вале уже вряд ли была видна; во всяком случае казалась ему не стоящей упоминания. Тем не менее необходимо признать тот факт, что Вале в Германии был настоящим основателем исследовательского подхода, которому сам он не дал никакого особого названия и который Янкун, переинтерпретировав название Косинны, обозначил как Siedlungsarchäologie ("археология обитания" или "заселения"), но которое у англичан называется "Environmental archaeology" и которое в немецком языке лучше всего было бы называть Эко-Археологией» (Hachmann 1987: 199).

Как и англичане, Вале развил свои воззрения о необходимости изучать функционирование живого общества (как взаимодействует культура с природной средой) под влиянием функционализма. Только для Вале источником ознакомления с этим этнологическим учением выступил не Малиновский или Рэдклиф-Браун, а немец

Рихард Турнвальд, разрабатывавший функционалистские идеи даже раньше английских ученых. С Турнвальдом Вале вместе работал над составлением статей «торговля « и «хозяйство» для лексикона Макса Эберта. Но у Вале функционализм сочетался с интересом к истории.

В общем Вале принимал диффузию с Востока и, следовательно, древнее опережение восточной цивилизации по сравнению с европейскими культурами. «Городское развитие прибыло в Европу в готовом виде» (Wahle in Ebert 1929: 363). Это уже клало рубеж между ним и Косинной, но не образовывало методологической основы для концепции, потому что диффузию он воспринимал просто как доказанный другими факт (то есть так, как ее воспринимаем мы сейчас). Впрочем, одна методологическая новация диффузионистского плана уже в ранних его работах проскальзывает. В 1926 г в словаре Эберта он дал определение «культурного круга», которое схоже с корреляционным пониманием археологической культуры у Чайлда, но сформулировано на несколько лет раньше (у Чайлда только в 1929). Вот определение Вале:

> «Сравнительное рассмотрение археологического материала учит ..., что хронологически и пространственно ограниченной области определенной формы вещи точно соответствует распространение других предметов; постоянное сочетание (предметов) ... определенного формообразования в замкнутых комплексах ведет к познанию некоторого "культурного круга", и верность разграничения таких кругов подтверждается и углубляется наблюдением совпадений, соотв. различий в устройстве поселений, формах погребений и проч.» (Wahle et al. in Ebert 1926: 37).

Здесь начало рассуждения еще как у Косинны — связь через территорию, но дальше рассуждение переходит к сочетанию в комплексах. Вполне возможно, что эта идея повлияла на Чайлда (словарь Макса Эберта он, конечно, читал).

В том же 1926 г. вышла книга норвежского археолога А. В. Брёггера (A. W. Brögger) «Культурная история норвежской древности». Вале с радостью увидел в Брёггере единомышленника. В рецензии 1930 г. он с энтузиазмом отметил, что Брёггер не погружен в типологические штудии, а пишет историю края, что он не сводит ее к истории вещей, как Чайлд, не строит ее в эволюционистском духе как смену уровней культуры, а рассматривает ее как отражение воздействий природной среды. Вале в этой рецензии выступает против скандинавизма (под которым он имеет в виду типологический метод и типологию в духе Монтелиуса — ведь и Софус Мюллер и Брёггер скандинавы). Вале одобрительно оценивает то, что Брёггер не отстаивает «культурную высоту» норвежцев, не принимает волны культуры за переселения народов (это всё камешки в огород Косинны — опять «подмена мишени»). Брёггер также призывал быть реалистичным и историчным, оценивать исторически возможное — скажем не предполагать письменность в неолите. Книга Брёггера оказала сильное воздействие на Вале.

Уже в своей «Немецкой преистории» 1932 г. он повторяет Брёггеровское требование оставаться в рамках исторически возможного — Вале отвергает каннибализм у германцев предримского времени металла, ибо это не вязалось бы с их представлением о божестве. Индогерманцев он выводит из степей Востока еще и потому, что не могли они распространиться так широко из маленького европейского района, будь то Ютландия или Тюрингия. Он призывает ввести в археологию главный признак истории — причинную связь явлений.

Однако общая атмосфера националистического угара, в которой нацисты рвались и пришли к власти, отразилась и на работах Вале. В 1932 г. в «Немецкой преистории», хотя и выводя индогерманцев из степей, он пишет о превосходстве

индогерманцев и германцев над соседними народами, об их расовом облике: высокорослые молодцы с длинными черепами, светлокожие блондины с голубыми глазами, они отличались от низкорослого и темноволосого окружающего населения и при смешении образовывали слой господ. Позже эти представления из его работ если и не совсем исчезли, то сильно угасли, тогда как антикосинновские идеи выступили на первый план.

В военное время вышли две теоретических работы Вале — уже упомянутая работа об этническом определении культур и специфике археологического познания (1941) и «Ранняя история (имеется в виду раннеисторическая археология. — Л. К.) как история земледелия» (1943). В первой работе он пункт за пунктом опровергал положения Косинны о совпадении археологических культур с народами и культурной преемственности с этнической и языковой. Косинна утверждал, что в ранней истории они по сопоставлению письменных источников с археологией совпадают, значит, должны совпадать и для времен, не освещенных письменными источниками — для преистории. Вале показывал, что вот в раннеисторическом времени как раз совпадения нет. В Германии Тацита удается на археологической карте распознать в западной части только союз иствеонов, но политически важные племена хаттов и херусков не видны. На верхний Рейн по Тациту вторглись германцы Ариовиста, но в кельтской культуре этих мест они не различимы, как бы ничего не принеся с собой со своей северогерманской родины.

В работе 1943 года Вале снова обращается к идеям Градмана по исторической географии и Допша по истории хозяйства. Он исследует континуитет оседлого обитания, начавшегося с неолита. Представление об абсолютном континуитете сельскохозяйственной заселенности, считает Вале, имеет в себе нечто неисторичное, связанное с представлением о каких-то законах. Часто континуитет отсутствует. С другой стороны, народы почти никогда не исчезают полностью. Субстратное население вносит сильные вклады в ослабевшие ряды завоевателей. Топонимика в Германии не германская, а на западе — римская, на востоке — балтская и славянская. Подвластные и «неисторические» народы как раз наиболее автохтонны. Интересно развитие небольших культурно-природных регионов, границы которых не совпадают с политическими. Континуитет границ то есть, то его нет. Вале тут не миграционист и не автохтонист.

В годы 1950 и 1951 Вале выпустил свои работы по истории первобытной археологии. Самая важная из них называется «История преисторических исследований» и опубликована в двух томах швейцарского ежегодника «Антропос». В ней критически изложены разные концепции археологии, а в последних главах, когда речь идет о современном этапе развития археологии, новые теоретические взгляды самого Вале изложены развернуто — как система. В то же время и позже (большей частью до 1963 г.) вышло еще несколько теоретических статей с теми же сюжетами, одна — много позже («Единство и самостоятельность преисторических исследований», 1974).

Вале критически относится к эволюционизму (он называет его дарвинистской археологией), к идее прогресса и единым законам истории. Он не терпит усреднения и приведения к норме, которое, мол, всё сводит к смене эпох и типов. Скептически относится к позитивизму — для позитивистов достаточно лишь перечислить и показать находки. Вале призывает вернуться к историчности, т. е. к выяснению причинно-следственных связей, что для него вырастает из географического подхода к археологии. Основные положения концепции Вале следующие:

1. *Осознать и утвердить преисторию (первобытную археологию) как самостоятельную науку.* У Вале есть ряд работ, посвященных формированию первобытной археологии как самостоятельной науки, со своими методами и задачами. Вале вырос в среде Косинны, где всё время подстегивалось соревнование и противостояние с античниками, чья отрасль сформировалась раньше. Но если у Косинны эта страсть поддерживалась союзом с лингвистикой и антропологией, то Вале развернул эту тягу к автономии в сторону истории, этнографии и географии. Это усвоили и его ученики — сборник в его честь называется: «Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft» («Пре- и протоистория как историческая наука», что в переводе на нашу терминологию звучит так: «Первобытная и средневековая археология как историческая наука»).

2. *Преодолеть «мышление категориями».* Под этим Вале имеет в виду отойти от схематизма и увлечения «бескровной типологией», наполнить исследование жизнью. То есть вернуть археологов к осознанию того, что типология — это лишь средство для установления хронологических и прочих отношений, а цель — познание исторических процессов и событий.

Вале выводит свою линию из борьбы Софуса Мюллера против типологического метода Монтелиуса, но Мюллер и сам ради установления хронологии занимался типологией, только в другом варианте — сопоставлением, не типов вещей, а типов комплексов, Вале же всякие типологические штудии считает второстепенными. Эта та же тенденция, которая проявилась в филиппиках Уолтера Тэйлора против таксономистов, а еще раньше в советских обличениях буржуазных археологов, погрязших в формально-типологическом вещеведении.

3. *Не отождествлять «культурные провинции» (т. е. археологические культуры) с народами и языками.* Совпадение их не доказано для тех случаев, когда могло бы быть отражено и в письменных источниках, а есть ряд случаев, когда точно засвидетельствовано несовпадение. Вообще, как указывает этнолог Вильгельм Мюльман, есть немало групп населения, пребывающих в этнически недифференцированном состоянии.

4. *Распознать основные объекты изучения* — ячейки истории. Если действующие в истории силы видеть в народах (как Косинна), то это для Вале всё то же «мышление категориями» — «оно не достигает самого действующего человека», т. е. отдельной личности. По Вале, общество, коллектив — звук пустой, история сводится к сумме действий отдельных личностей.

Вале не очень вдавался в философию или социологию, но позиция, занятая им в этом вопросе, находится в русле одной философской и социологической традиции, выдающимися представителями которой были Тард, Макс Вебер, ученики Боаса Сепир и Радин. По этой традиции, именно отдельный человек, личность, индивид, а не общество является основной ячейкой, действующей в истории, а противоположную традицию, признающую общество, а не отдельного человека основной действующей силой истории, отстаивали Спенсер, Маркс, Дюркгейм.

5. *Установить движущие силы истории.* Среди личностей есть выдающиеся, творчески одаренные и волевые, которые и являются созидательной силой истории. Ими определяется и значение тех групп, в которых они живут. Вале пишет, что

> «можно среди людей и человеческих групп различить творящих историю и подвергающихся истории (die Geschichte machen und die Geschichte erleiden). Везде, где появляются кельты, германцы и другие народы древних авторов, встречаются выдающиеся личности, которые влияют на развитие. Надо бы искать личности вождей

(Führerpersönlichkeiten) в погребениях, но их достижения не уловить, зато достижения производителей, художников и создателей духовных ценностей, ухватить можно. В позднем бронзовом веке, носившем долго нимб особо высокой культуры, теперь видны рядом с изумительно выработанными шедеврами "почти лишенная души продукция массового производства" (Вале ссылается здесь на работы Брохольма и Альтина). Долго оставался под спудом вопрос, происходит ли изделие из господствующего слоя или из подвластного населения» (Wahle 1950–51: 86).

Противопоставление героев и толпы — это также не новая и далеко не оригинальная идея, а старая историческая традиция, восстановленная в XIX веке английским историком Томасом Карлайлом и немецким филологом и антропологом Теодором Вайцем. Индивидуальностью в истории занимался также историк культуры Лампрехт, а немецкий историк Г. фон Трейчке писал: «Люди делают историю», имея в виду конкретных героев. У Карлайла вся история предстает как сборная биография выдающихся деятелей. Эрнсту Вале хотелось бы восстановить именно такую историю по археологическим данным.

В делении «человеческих групп» на активных и пассивных Вале следует за тем же Вайцем и Буркхардтом, а также за немецким историком-антропологом Густавом Клеммом и швейцарским фольклористом Эдуардом Гоффманом-Крайером. Вайц, Клемм и Буркхардт делили народы на «культурные» или «исторические» и «природные» или «неисторические». Гоффман-Крайер в начале XX века говорил о двух социальных слоях в культуре — верхнем, творческом, и нижнем — заимствующем. Затем фольклорист Ганс Науман, современник Вале, развил это в учение об «опущенном культурном достоянии». Выявление Führerpersönlichkeiten в археологической древности, а тем более деление «человеческих групп» на активных и пассивных позволили Эрнсту Вале установить временное согласие с нацистскими идеологами.

6. *Отказаться от представления о неуклонных законах истории.* Человек — не машина и не подчиняется каким-то предписанным механическим законам, он руководим своей свободной волей, поэтому история не вписывается в схемы типа эволюционной. Это широко распространенная философия истории — *индетерминизм.* Многие философы истории — неокантианцы (Виндельбанд и Риккерт), Макс Вебер, Альфред Вебер, Карл Поппер, Айзайя Берлин, Ф. Мейнеке отвергали закономерности в истории. Им противостоят детерминисты, которые вслед за Огюстом Контом признают наличие таких законов. Сюда относятся и марксисты. Ранние детерминисты так же яростно отрицали значение случайностей, как индетерминисты — законов. Ныне ясно, что на деле ход истории определяется сложным балансом закономерностей и случайностей. Но коль скоро у Вале так подчеркивается значение личностей в истории, индетерминизм логично входит в его концепцию.

7. *Установить специфику и границы археологического познания.* Вале призывает прежде, чем историку делать какие-то выводы из археологических материалов, установить

«в каком объеме ему вообще доступна жизнь прошлого. Чем больше он удаляется от древнейших письменных источников, тем одностороннее становится археологическая картина, а в нижнем палеолите она состоит уже только из нескольких каменных орудий; при этом ячейки сети местонахождений всё больше увеличиваются и периоды, подлежащие обследованию, тоже становятся больше. При этом нужно помнить, что перед этим материалом никак не была поставлена задача информировать потомков о состояниях или событиях. Погребальный инвентарь предназначался для покойников, вотивные клады — для божеств, остатки поселений и остальные свидетельства повсе-

дневной жизни лишь там оказываются в нашем распоряжении, где силы выветривания их не удалили. ... Всё яснее выступают границы, которые поставлены историческому познанию» (Wahle 1950–51: 84–85).

То есть открываемая картина вовсе не совпадает и реальностью прошлого. Вале в этом вопросе идет в ногу с Кристофером Хоксом, который как раз в 1951 г. расценил познаваемость разных эпох по степени их близости к письменным источникам. Но Хокс развил в дальнейшем этот принцип в систему методических критериев гиперскептицизма, а у Вале это так и осталось декларацией.

8. *Держаться в рамках реального.* Выявление «исторически возможного» — называет это Вале. Это можно было бы назвать чувством историзма. Нужно чувствовать историческую связь явлений, рассматривать каждое в этой связи, как часть более обширного целого. Вале приводит примеры: Можно ли предполагать каннибализм в эпоху крестьянской морали? Производилось ли скальпирование, реальное для уровня мезолитических поселений, также в неолите? Можно ли искать происхождение индогерманцев в Средней или Северной Европе? (Wahle 1950–51: 85–86).

Держаться в рамках реального, конечно, очень желательно, но Вале не дает механизма, как этого добиться. На деле он просто полагается на свою интуицию и считает свои гипотезы более реальными, чем другие. Посмеиваясь над наивностью прогрессистов и эволюционистов, он, в сущности, молчаливо подразумевает прогресс в морали (вероятно, основываясь на приходе большинства к христианской религии). Ему кажется несуразным каннибализм в эпоху «крестьянской морали». Да, ни в верованиях иудеев, ни у христиан ритуального каннибализма не было, хотя и тех и других в этом обвиняли. Но метафоры (просфоры вместо тела и вино вместо крови) говорят о том, что в давнем прошлом подобные обряды у предков существовали, и память эта вряд ли уходит глубже «крестьянского» неолита. Скальпирование Вале явно считает нереальным для неолита, хотя оно производилось еще у скифов в железном веке. Ему бы хотелось признать нереалистичным происхождение индоевропейцев из Европы, но сейчас всё больше фактов накапливается в пользу этой гипотезы. Это методическое положение повисает в воздухе.

9. *Признать дискретность развития.* Этот пункт у Вале не имеет такой формулировки и вообще никакого афористичного, как для него это обычно, заглавия. Вале формулирует его описательно, утверждая:

> «что культурные провинции (так он по-косинновски именует археологические культуры. — Л. К.) нередко начинаются выразительными апогеями, что они затем часто распадаются на маленькие общины и порой так же внезапно и почти бесследно исчезают, как и появились. Типологические мосты, которые Монтелиус перекинул от железного века к бронзовому, а от него к неолиту, когда он хотел установить начало германского заселения Швеции (1884) не выдержали испытание времени. Ибо в действительности здесь, как и в остальном археологическом материале, нет недостатка в разрывах (Klüfte — трещины, зазоры, пропасти)...» (Wahle 1950–51: 88).

Здесь Вале подчеркнул подлинно важную особенность археологического материала, которая уже полтора века составляет главную загадку археологии, ее «проклятый вопрос»: почему археологические культуры, которые по логике должны были бы продолжать одна другую, образовывать континуум развития, на деле разделены разрывами и не дают проследить преемственность. Это подметил еще Софус Мюллер (1897), на которого Вале здесь ссылается: «Во всех областях преисторической археологии выразительные и вполне развитые периоды стиля, естественно,

легче всего ухватить, тогда как переходы и вводные стадии часто остаются скрытыми». Повторил это создатель австрийской первобытной археологии Мориц Гёрнес: в археологических памятниках мы «всегда находим только культурные группы, состояния, нечто уже сформировавшееся, а не становление и возникновение» (Hoernes 1905: 240).

10. *Представить дискретность развития как колебание его темпов.* По Вале, в каждой местности культурно-исторический процесс делится на исторически плодотворные периоды бурного творческого развития и периоды покоя и удовлетворенности. Первые это периоды формирования, вторые — периоды возмещения утрат и заполнения пустот. Вале называет эти противоположные по характеру периоды Nährperioden и Zehrperioden («питающие периоды» и «потребляющие периоды»). Это старая идея. Она есть еще у Конта, по мысли которого в мировом развитии «органические» (по Вале, «потребляющие») периоды чередуются с «критическими» (по Вале, «питающими»). Но Вале видимо, заимствовал эту идею у палеонтологов — на одного из них он ссылается. Немецкие палеонтологи Отто Шиндевольф (Schindewolf) и Карл Бойрлен (Beurlen) с 1936–37 гг. выступали против дарвиновской постепенности естественного отбора, они предположили, что развитие живого мира шло не постепенно, а скачкообразно. Так, Шиндевольф рисовал развитие типов следующим образом: взрывное разветвление (типогенез), затем следует долгая фаза стабильного существования (типостаз) и в конце распад (типолиз), в котором заложены ростки нового типогенеза (Gandert 1950).

Вале наложил идею чередования темпов на археологическое выражение культурно-исторического процесса: у него периоды спокойного развития обозначают нормальное существование археологических культур, а критические «питающие» периоды падают на те самые разрывы между культурами, в которые происходит формирование культур. «Разрывы между кругами форм важнее, чем то, что́ видно археологии» (Wahle 1950–51: 88).

Эта трактовка напоминает советскую идею революционного перехода от стадии к стадии, разового формирования стадиальных культур, и еще больше напоминает она структуралистскую идею немецких археологов-античников о разовой смене структур. Но Вале, конечно, не изучал советскую археологию и, что несколько странно, видимо, ничего не знал о немецких археологах-структуралистах, своих современниках и единоплеменниках, во всяком случае, они у него не упоминаются. Разрыв между античниками и первобытниками был непреодолим во времена Косинны и его учеников. Тем не менее эта сторона концепции Вале была бы мало отличима от советской и немецкой структуралистских идей, если бы не новая содержательная трактовка этих явлений у Вале. О ней в следующем пункте.

11. *Вычислить скрытых творцов культур.* К постановке этой новой задачи Вале пришел, соединив и нацелив на решение главной загадки археологии свои положения 4 и 9: культуры не создаются крупными общностями, народами, а навязываются им выдающимися личностями и малыми группами, быстро усвоившими от этих личностей новые идеи. В «питающие» формативные периоды именно эти малые группы и создают новые стили и новые культуры. Но мы ведь получаем лишь малую выборку того, что существовало в реальности. Сеть археологического материала слишком редка, ячейки ее слишком велики, чтобы захватить эти малые группы, не говоря уж о личностях. Археологи начинают ощущать культуры только на таких стадиях, когда идеи уже овладели массами. Поэтому культуры появляются так сразу и в готовом виде.

«... латенский стиль стал чем-то новым, что родилось из лона небольшого ведущего слоя, который тем самым определил надолго вкус. Вполне соответствует этой картине искусство рядовых могильников, оконченное около 500 г. н.э., к которому не ведут в сколько-нибудь заметном объеме замкнутые типологические ряды германского или провинциально-римского корня, а от этого искусства не идет дальнейшее развитие» (Wahle 1950–51: 88).

Таким образом, свой формативный период культуры проходят латентно, скрыто для археологов. Эту теорию *латентного зарождения археологических культур*, вполне оригинальную, я счел удобным назвать *эмергентизмом* (от лат. «эмергенция» — возникновение, появление). Теория эта хотя бы тем яснее стадиализма и структурализма в объяснении смены культур, что не только постулирует внезапную смену, но и — подобно диффузионизму — предлагает некий конкретный механизм осуществления этой смены. Другое дело, насколько этот механизм реалистичен — действительно ли одиночные властители дум способны были в первобытные времена так быстро навязать свои вкусы всему обществу и действительно ли так уж теряются единичные индивидуальные достижения в археологическом материале, так ли они недоступны наблюдению археологов.

«Эхо стараний Вале оставалось слабым», — констатирует Гахман. — Он оставался интересным, несколько закукленным аутсайдером (Hachmann 1987: 199–200). Непосредственной разработкой идей Вале занимались немногие. Энвиронментная археология получила развитие у англичан, не у немцев. Идею восточного степного происхождения индоевропейцев перехватили тоже иностранцы — англичанин Чайлд и литовка Гимбутас, без ссылок на Вале. В Германии темы латентной теории смены культур (периоды питающие и потребляющие, лакуны) затрагивали Хорст Кирхнер и Отто Фридрих Гандерт; Ульрих Фишер использовал идею латентного развития для реконструкции скрытого континуитета; Карл-Йетмар Нарр выступил с томом «Индивид в преистории. Возможности его выявления» (1972); тему этнического истолкования культур и тему археологического познания осваивали Г.-Ю. Эггерс и Ульрих Карштедт. Да и то, по мнению Гахмана, большей частью последователи Вале его не поняли и под видом идей Вале предлагали нечто иное. Призыв Вале, утверждает Гахман, остался «гласом проповедника, вопиющего в пустыне» (Hachmann 1987: 205).

Но в Западной Германии общее влияние Вале ощущалось гораздо шире. Он и после ухода незримо присутствовал в моральном климате этой страны — своим скептическим отношением к типологическим эволюциям, к этническим истолкованиям, к миграциям, хотя действительно не оставляет ощущение, что в целом он оказался невостребованным в Западной Германии. Он не стал ни главой школы, ни образцом для подражания.

Возможно, так получилось потому, что он развивал теоретические взгляды, решал теоретические проблемы, тогда как в Германии подобные увлечения рассматривались как старческое чудачество, извинительное столь маститому и заслуженному археологу, но не подходящее для серьезных современных исследователей. Повредило ему, возможно, и избегание типологических таблиц. Но эти причины вряд ли были главными.

Глубокое решение этой проблемы предложил Гахман. Он констатировал, что Вале был силен в критике сделанного к его времени в археологии и в выдвижении новых идей, но идеи эти оставались для него самого не вполне ясными, он не мог

растолковать их своим коллегам. По работе Гахмана рассеяны его собственные претензии к Вале:

> «Вале ... не умел объяснить, каким образом сам он собирается преодолевать "материальное" в столь презираемом им "писании преистории (по горшкам)"... . Что такое культурная провинция, осталось, несмотря на все старания Вале, в конце концов открытым. ... А что же такое "жизненная сила" народа...? Что он понимал под "историческим мышлением", в отсутствии которого он упрекал своих коллег?» (Hachmann 1987: 200–202).

Даже в его самой громкой и удачной статье — об этническом определении всё остается на уровне

> «соображений, на уровне постановки вопросов и указаний на нерешенные проблемы. Настоящие решения отсутствуют. ... Так что Вале вместо того, чтобы дать, наконец, поколению, пережившему конец войны ..., инструментарий для исторического мышления в пре- и протоистории, что и было предусмотрено, этот инструментарий непредусмотренно отнял» (Hachmann 1987: 203).

И заключение: «Его подлинный просчет заключался в том, что он прорвался в новые сферы мышления, не заложив для этого фундамент методики» (Hachmann 1987: 205). Это верно. Вале не показал, как конкретизировать его учение, как операционализировать его идеи.

4. Эггерс и внутренняя критика археологических источников. Его последователь Ганс-Юрген ЭГГЕРС, хотя и не заложил собственного течения в археологии, не придумав собственного ответа на «проклятый вопрос» археологии, оказался гораздо более крупным и более влиятельным археологом. Я уже рассказывал о нем, рассматривая географический подход в археологии. Эггерс младше Эрнста Вале на 17 лет (хотя и умер на 6 лет раньше) и начал практиковать географический подход к археологии в Гамбурге сразу после Второй мировой войны, тогда как Вале инициировал этот подход еще в начале Первой мировой войны. Гамбургский журнал «Archaeologia Geographica», редактировавшийся Эггерсом, консолидировал археолого-географические исследования в стране. Знаменитый труд Эггерса «Римский импорт в свободной Германии» (1951) носил подзаголовок «Атлас преистории» и был проявлением географического подхода, потому что картировал каждый тип импорта, часто проецируя его на природную среду. Влияние Вале несомненно.

Еще больше это влияние проявилось в большой статье Эггерса «Проблема этнического истолкования в ранней истории» — в статье, развивающей в сборнике 1950 г., посвященном Эрнсту Вале, поднятую им в 1941 г. тему. В этой статье Эггерс подхватил уже не *географическую установку* Вале, а его *вопрос о границах археологического познания* и его критику обычного в археологии игнорирования этих границ — критику, направленную, как принято считать против миграционистов (Косинны), но на деле затрагивавшую и автохтонистов. Всех, кто трактовал археологические культуры, местные или пришлые, как этносы, а культурную преемственность, с территориальным сдвигом или без оного, — как этническую. Речь шла также о праве археологов реконструировать миграции и автохтонность, об опасности, казалось бы, напрашивающихся решений.

Собственно, сначала, в 30-е годы, Эггерс запросто применял методику Косинны, отстаивая идею, что в Поморье бронзового века жили германцы. В этом он столкнулся с Юзефом Костшевским, польским учеником Косинны. Костшевский

той же методикой доказывал славянскую принадлежность этих памятников, относя их к лужицкой культуре. Их спор с 1936 г. затянулся на многие годы и породил их устойчивую неприязнь друг к другу. Но главное — критика методов Костшевского заставила Эггерса усомниться в методике учителя критикуемого — Косинны (Carnap-Bornheim 2001) и толкнула Эггерса в сторону Вале.

Но Эггерс пошел значительно дальше Вале, глубже Вале. Он поставил вопрос не только об ошибочности сплошных этнических истолкований археологических культур, но и о необходимости осторожности при использовании археологических материалов в качестве исторических источников вообще. Первое его выступление по этому вопросу относится к 1939 г. — это статья «Естественные границы познания при преисторических и народоведческих картах находок» в провинциальном музейном издании Померании. В сборнике в честь Вале Эггерс развернул аргументацию.

Что понимается в первобытной археологии под «критикой находок»? — обращал внимание Эггерс, — взять раздел «Критика находок» хотя бы в авторитетном руководстве 1928 г. по первобытной археологии К.-Г. Якоб-Фризена.

> «В ней (первобытной археологии) под "критикой находок" понимают выяснение, подлинный это памятник или подделка, если подлинный, то установлено ли местонахождение, известны ли условия находки, найден ли он любителем или извлечен специалистами в ходе научных раскопок. Всё это вопросы, которые относятся к достоверности *информации* об источнике, не к достоверности самого источника! Этот род критики знает и историк. Он называет это "критикой текста" — и оставляет эту работу большей частью филологам». Когда же филолог уже установил подлинность текстов и сравнением их вариантов установил исходный текст, «тогда источниковедческая работа историка только *начинается* !... Ибо историк издавна знает: каждый письменный источник тенденциозен!» (Eggers 1950: 52).

А большинство археологов убеждено, что археологические памятники объективны, что им любая сознательная тенденция чужда. И Эггерс противопоставляет этому свой тезис: «И археологические памятники могут лгать!»

Прежде всего археологический материал неполон, лакунарен. Часть предметов была изготовлена из нестойких материалов и исчезла, другая сохранилась лучше — вот вам первое искажение. Камня и керамики много, деревянных и кожаных изделий — гораздо меньше, но ведь в реальности было иначе! По-разному влиял на сохранность и характер почвы. По-разному относились и люди к изделиям из разного материала — металлические берегли и в случае порчи отправляли в переплавку, а деревянные выбрасывали. Развивая короткое указание Вале (цитированное выше), Эггерс поясняет, что в могилы люди специально отбирали и даже специально изготавливали предметы, так что предметы эти дают то представление о покойных, которое устроители могил хотели создать, тогда как вокруг жилищ оказывались отбросы, более объективно, но неполно характеризующие жизнь. Люди с разным тщанием выметали сор из избы, а затем, не заботясь о нуждах археологов, перемешивали остатки разного времени. Человек, по выражению Эггерса, «нарушает 'нормальный' ход событий и вносит 'субъективный' элемент» (ibid.: 53).

И на всё это Эггерс приводит примеры. Упомянув высказывание Фукидида о будущей судьбе Спарты и Афин (величие Афины будет заметно по ее архитектуре, мощь Спарты — нет), он переходит к чисто археологическим примерам. Восточную границу германского языка археологи могут заметить, потому что погребальные обычаи отличают их от эстиев и балтов, а южную и западную — не удается уловить, она теряется в провинциально-римском мире. Можно лишь отличить свободную Гер-

манию от попавшей под власть римлян. Около 800 г. н. э. завоевание Карлом Великим саксов удается проследить и археологически (прекращение языческих могильников, построение христианских церквей), а его же завоевание лангобардов — нет, ибо они уже были христианами. Словом, археологические и письменные источники суть источники исторические, но они отражают историческую действительность поразному.

Нужно оставить преувеличенные ожидания от археологических источников, сознавая, «чего от них можно в лучшем случае ожидать, чего нет».

Статья Эггерса вызвала шквал работ по проблеме «этнического истолкования»: 1952 — Мартин Ян («Границы культурных групп и народов в преистории»), 1960 — Лотар Килиан («К оценке показаний артефактных и культурных провинций»), 1961 — Рейнгард Венскус («Образование и состояние родов»), 1962 — работа Гахмана (о ней дальше), 1965 — Г.-Э. Мандера («К истолкованию неолитических культур»), 1972 — Й. Бергман («Этнос и культурный круг»), 1983 — Эйке-Мейнрад Винклер («Народ, культура, этнос, популяция, тип. К методике этнического истолкования»). Дискуссия развернулась с 1952 г. и в англоязычной литературе (Фред Эгган, Элис Кихоу), а с 1956 г. с необыкновенной интенсивностью в советской литературе (работы А. Я. Брюсова, Г. С. Кнабе, П. Н. Третьякова и многих других).

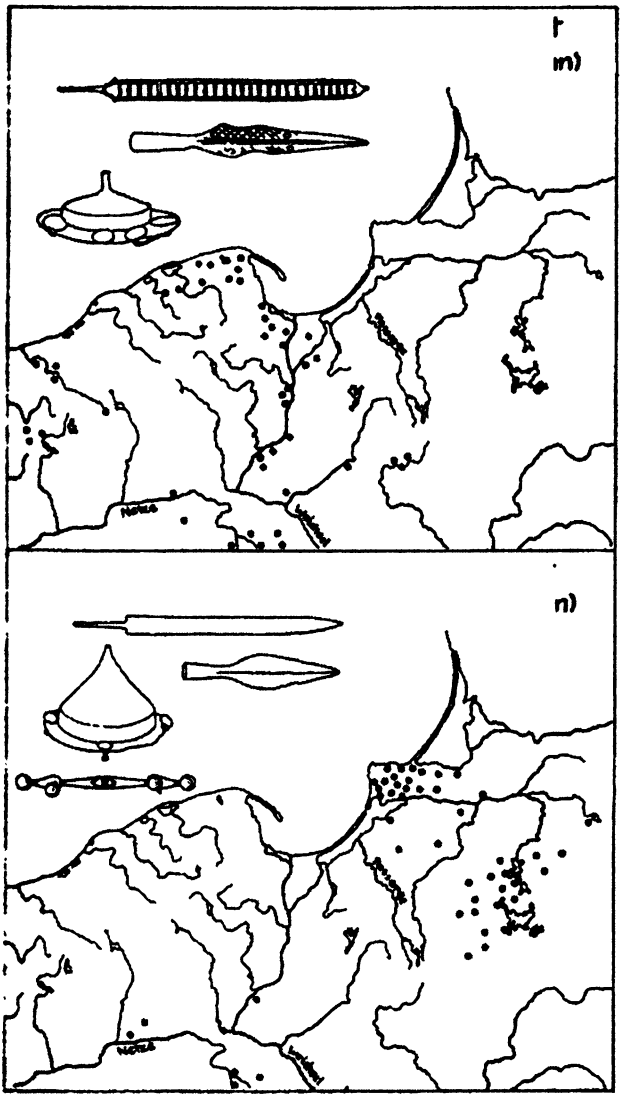
Свои новаторские положения Эггерс затем развил в своем учебнике «Введение в археологию» (1959). Говоря о погребениях, он четко сформулировал свою оценку их как источника:

> «... погребения содержат не *объективный* разрез сквозь совокупность типов, бывших в ходу на определенной территории в известный момент, а *совершенно субъективную* вырезку из наличия типов живой некогда культуры. Так что дело идет о *вполне сознательном волеизъявлении* человека, об обычае, который мог изменяться от страны к стране (курсив мой. — *Л. К.*)» (Eggers 1959: 265).

Эггерс подробно разработал классификацию археологических источников по их характеру отражения действительности (я рассматриваю ее подробно в своих «Археологических источниках»). Кроме того увеличил количество примеров, показывающих рискованность прямого истолкования археологических источников, особенно в том, что касается их ареалов.

Так, в родной для Эггерса Померании (польское Поморье и Восточная Пруссия — рис. 33.2) в позднелатенское время массовые находки оружия в могилах оказываются к западу от реки Пасарге, а к востоку от нее их нет. Пустовала земля? Население было невооруженным? В следующий период, соответствующий ранней Римской империи, всё как раз наоборот: к востоку от Пасарге полно могил с оружием, а к западу — их нет. Что, вооруженное население переселилось к востоку? Нет, просто в первый период к востоку от Пасарге, был обычай класть оружие в могилу, а к востоку его не было, а в следующий период обычаи сменились на противоположные. Карты находок в могилах в данном случае показывают не расселение племен непосредственно, а распространение некоего религиозного обычая. Другой пример — с римским импортом времени римской Империи (рис. 33.3). Бронзовые сосуды распространялись к западу от Пасарге, римские монеты — к востоку. Судить о расселении по одной из этих категорий опять же нельзя. Тут разные погребальные обычаи. Те же монеты, но взятые не из могил, а из кладов и погребений, распространены одинаково по обеим территориям.

Кстати, такое комплексное исследование погребальных обычаев всё-таки позволяет провести разделительную границу, но установить, что к западу от Пасарге

ПОГРЕБЕНИЯ С ОРУЖИЕМ ПОЗДНЕЛАТЕНСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО ЯНУ)

ПОГРЕБЕНИЯ ВРЕМЕН РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО ЯНУ)

Рис. 33.2. Погребения с оружием в Поморье и б. Восточной Пруссии в позднелатенское время и время ранней римской Империи по М. Яну, из учебника Г.-Ю. Эггерса (Eggers 1959: 277, Abb. 25).

жили готы, а к востоку эстии, можно только привлекая письменные источники. Но те, кто, как Косинна, хочет вычитывать из археологического материала только этническое истолкование, скорее всего попадет впросак, потому что археологический материал допускает различное толкование, он *полисемичен*, и в каждом данном случае нужно сначала по конкретным обстоятельствам определить, какое именно толкование здесь наиболее резонно.

Об этнической преемственности Эггерс высказался в духе, очень близком к эмергентизму Вале:

«Три величайших европейских семьи народов становятся нам доступны исторически (т. е. по письменным источникам. — Л. К.) как раз в момент, когда они археологиче-

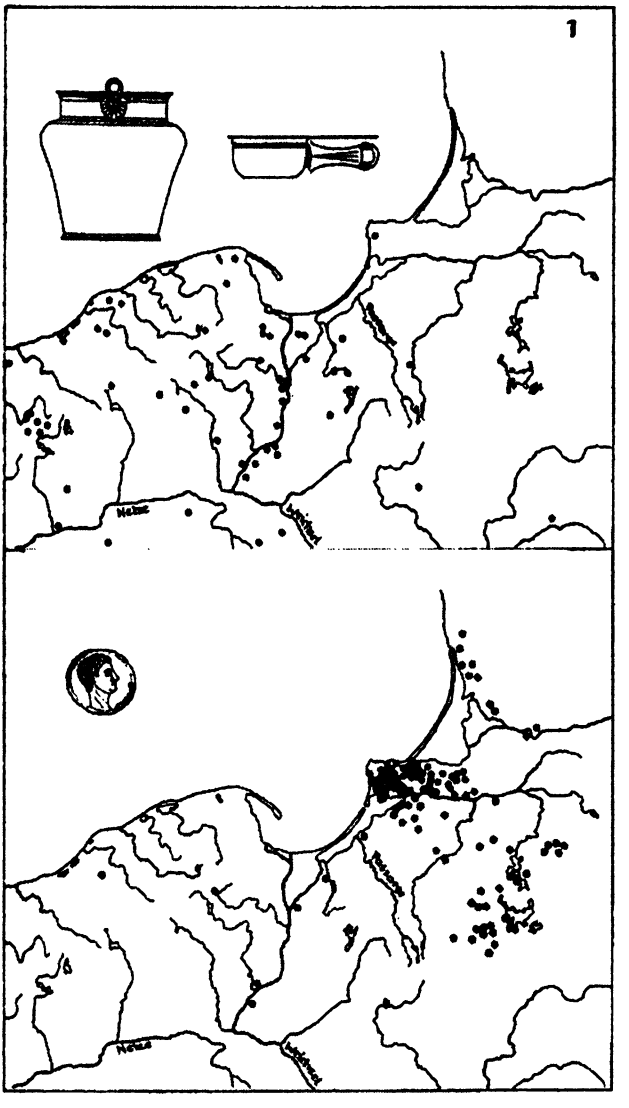

Рис. 33.3. Погребения с римскими бронзовыми сосудами и с римскими монетами по Г.-Ю. Эггерсу, из его учебника (Eggers 1959: 279, Abb. 26).

ски сменили свои "одежды". Случай ли это или в этом заключена внутренняя связь?» (ibid.: 253–254).

Эггерс критиковал Косинну за то, что в его методике была смесь совершено разнородных данных: когда в *археологических* материалах оказывалась лакуна, Косина, ничто же сумняшеся, перебрасывал мостик через нее по данным *письменных* источников или по *антропологическим*. Это методически неопрятно, возмущался Эггерс (Eggers 1959: 251), нужно «getrennt marschieren» (продвигаться раздельно) — это немецкий теоретик стратегии времен Наполеона Клаузевиц требовал продвигаться раздельно к полю сражения, а сражаться вместе. Так и в археологии: ис-

следовать порознь в разных дисциплинах и только в конце сопоставить результаты разных дисциплин.

(Оба последних пункта — о смене одежд и о стратегии Клаузевица — послужили отправным пунктом для двух археологов, следующих в нашем обзоре.)

В 1959–60 гг. прошла громкая дискуссия между Эггерсом и польским археологом Влодзимежем Антоневичем. Оба они работали над археологическими атласами мира. Антоневич считал задачей составителя атласа определить археологические признаки этнических общностей, а затем эти этносы картировать. Эггерс же считал своей главной задачей разместить на карте археолого-географические группы (по-нашему, археологические культуры и группы памятников), а затем работать над развитием методов, которые помогут истолковать эти группы, в том числе и в этническом плане — но это только одна из возможностей. Вполне очевидно, что атлас Антоневича придется скорее переделывать, чем атлас Эггерса.

Таким образом, Эггерс в середине XX века первым в археологии не удовлетворился критикой источников, аналогичной «критике текстов» (то есть внешней критике источников). Он первым широко поставил вопрос о необходимости целого этапа в археологическом исследовании — этапа *внутренней критики* археологических источников — критики самого содержания, такой же, какая есть в обработке источников письменных. Это было чрезвычайно важное нововведение на пути превращения археологии (не только первобытной) в строгую науку. Положение Эггерса подхватили скандинавы (в частности Кристиан Кристиансен и К. Эббельсен в работах 1976–1983 годов. Мне довелось ввести этот этап в советскую археологию своей книжкой 1978 г. («Археологические источники»), дополнив вклад Эггерса о необходимости внутренней критики указанием на субъективность, неизбежно вносимую самим исследователем в процессе выбора и отбора материалов (тут у меня были другие предшественники), и сильно расширив классификацию источников. Учебник Эггерса (в Германии были новые издания), к сожалению, до сих пор не переведен на русский, хотя он остается полезнейшим для чтения и сейчас.

Рис. 33.4. Рольф Гахман (Malina 1981: 266, вверху).

5. Рольф Гахман и «регрессивная пурификация». Рольф Гахман (Rolf Hachmann — его фамилию пишут у нас и как Хахман) младше Эггерса на 11 лет (рис. 33.4). Он родился в 1917 г. и учился в Гамбургском и Мюнхенском университетах (изучал преисторию, древнюю историю и этнологию), затем участвовал во Второй мировой войне. В 1949 г., когда 43-летний Эггерс приступил к профессорству в Гамбургском университете, 32-летний Гахман, вернувшийся в археологию, защитил диссертацию, а в следующем году хабилитационную работу. Его первые печатные работы появились в «Археологиа Географика» у Эггерса. Затем Гахман вместе с Эггерсом и Янкуном стал редактировать этот журнал. Интересы его обширны: занимался ранней бронзой и латенским временем Центральной Европы, участвовал в раскопках не только в Германии, но и в Турции (Богазкёй), Сирии и Ливане. Гахман отличается острым умом и горячим интересом к методическим вопросам интерпретации. С 1959 г. он стал профессором в университете Саарбрюкена, на границе с Францией.

Сопоставление археологических данных с письменными источниками было очень важным уже для Вале и Эггерса. Гахман сделал это основным содержанием своих методических разработок. Главной проблемой была специфика археологических источников, археологического исследования, столь сильно и убедительно подчеркнутая Эггерсом. Она в Германии была основным тезисом еще у Якоб-Фризена. Он ведь учил, что у археологии свои понятия и нельзя их путать и смешивать с понятиями других наук; что археологические культуры, и даже не только культуры, а все единицы археологической классификации — это одно, а народы, языки и расы — совершенно другое, и археология должна заниматься своим делом, не лезть в другие науки. Вале и Эггерс подтвердили справедливость этого тезиса своими работами об этническом истолковании. Но как-то же надо свести воедино данные разных видов источников! В конце концов жизнь-то, отраженная в них, была одна! Преисполненный сознания того и другого и развивая идею Эггерса о стратегии Клаузевица («getrennt marschieren, zusammen kämpfen»), Гахман решил, что всё исследование должно вестись по каждой науке отдельно, порознь. Что каждая наука должна работать сепаратно, исключительно своими собственными методами, со своими материалами и понятиями, и лишь по выполнении этой работы можно свести результаты ее в некий исторический синтез.

Этот принцип он назвал *«регрессивной пурификацией»*: «регрессивной» — потому что речь шла о продвижении назад, вглубь веков, а «пурификация» означала очистку исследования от любых примесей понятий и преждевременно введенных результатов других наук. Ведь они могли бы сбить с абсолютно объективной оценки материалов данной науки, заведомо ориентировать исследование на получение уже добытых другими науками результатов, подлаживая эту науку к смежным наукам. Между тем, надо исходить из того, что в разных науках действительность отражается по-разному, разные виды источников отражают разные стороны действительности, и они могут не совпадать, и это несовпадение наталкивает исследователя на гораздо более интересные и глубокие выводы, чем простое внешнее совпадение.

В 1962 г. появилась знаменитая книга трех авторов, в которой Гахман решил воплотить свой идеал исследования: «Народы между германцами и кельтами». Три автора — Гахман, Коссак и Кун. Каждый взял на себя отдельный вид источников: Рольф Гахман — письменные, Георг Коссак, ученик Мерхарта и Вернера, — археологические, а Кун — языковые. Все они работали порознь, ничего не сообщая друг другу о своих занятиях, сепаратно. Совсем как у Клаузевица: Die erste Kolonne marschiert..., die zweite Kolonne marschiert..., die dritte Kolonne marschiert... (Первая колонна марширует... [таким-то путем], вторая колонна марширует..., третья колонна марширует...).

Предмет книги был очень интересен и умело выбран. Германцы в прошлом никогда не называли себя германцами. Название это было им дано римлянами. Римляне называли так народы, расположенные за кельтами. Но где? Позже Цезарь по политическим причинам провел границу по реке Рейн с севера на юг и порешил: к западу от нее кельты, к востоку — германцы. То есть за кельтами, если сначала войти в Галлию, а потом повернуть на восток. Но археологические факты не соответствуют этому распределению. На территории этой части Европы есть не две, а три основных группы памятников, и третья не имеет имени. Кроме того есть не-германские и не-кельтские гидронимы и топонимы, которые распространены в ареале этой третьей группы — по обоим берегам Рейна в его низовьях, где ныне Бельгия и Голландия. По-настоящему за кельтами. Гахман предположил, что именно они

и были подлинными германцами, и что те народности, которых римляне (и мы за ними) всё время называли германцами, просто вошли в контакт с римлянами позже всех, а так как римляне привыкли называть германцами тех, кто за кельтами, то на эти новые народности и перенесли привычное имя. Римляне их не отличали от первоначальных германцев, а потом из-за своей многочисленности и активности они и стали основным носителем этого имени. А куда девались настоящие германцы и кем они были в языковом отношении, мы просто не знаем.

Книга была очень интересной, но программа не была вполне адекватно выполнена. Не получилось трех независимых исследований в трех науках. Гахман посвятил свою часть не столько анализу письменных источников, сколько критике Косинны. Археологическая и лингвистическая части были выполнены строго по плану, но четвертая часть, в которой мы бы ожидали синтеза трех аналитических частей, разочаровывает. Никакого синтеза, проводимого какими-то особыми методами синтеза, не вышло. Эта четвертая часть просто состоит из механической суммы трех предыдущих частей — три сводки результатов изложены одна за другой. Маршрующие колонны, сойдясь в условленном месте, не стали перестраиваться в какой-то новый боевой порядок, а просто сомкнулись и пошли одна за другой. Ситуацию спасло только то, что сюжет оказался удачным: тут не было расхождения показаний разных видов источников, все заключения сходились сами собой. Синтеза просто не потребовалось.

В 1970 г. Гахман предпринял другую попытку — выступил с книгой «Готы и Скандинавия». На сей раз случай был гораздо более трудным. В письменных источниках готы обычно выводятся из Скандинавии, лингвистические данные (топонимика) тоже свидетельствуют о проживании готов в Скандинавии (часть Швеции и сейчас называется Гёталанд, рядом со Швецией находится остров Готланд. А вот археологически проживание готов в Скандинавии не может быть подтверждено!

Теперь Гахман решил делать все три части исследования один. Он сам будет и швец, и жнец и на дуде игрец. Но в реальности он пришел к собственной интерпретации письменных источников по этому вопросу (т. е. всё решил по письменным источникам) и затем не искал независимых решений по другим источникам, а старался свою найденную по письменным источникам версию (и только ее) подтвердить фактами других источников. Он предположил, что письменные сведения о скандинавском происхождении ложны, что это результат путаницы. Готы должны иметь свой исходный очаг на южном побережье Балтики.

Таким образом, здесь все три колонны не шли собственными путями к месту встречи, а с самого начала вторая и третья колонны пристроились в хвост первой.

Это показывает, как трудно реализовать пуристический идеал Гахмана.

Все эти ученые, начиная с Якоб-Фризена и кончая Гахманом (у которого эти идеи наиболее отчетливо сформулированы), выступили против заимствования понятий из других дисциплин, против «смешанной аргументации», за получение ограниченных, но независимых выводов археологии. Они детально разработали проблемы письменных источников в аспекте познавательных границ археологии.

В рецензиях на книгу Гахмана (Клейн 1974б; Klejn 1974b), я признавал талантливость автора и высокую ценность его постановки вопроса, но остался неудовлетворен предложенным решением. Пуристические требования очистить археологическую аргументацию от выводов смежных дисциплин на протяжении всего хода исследования, пока оно не дошло до синтеза разных видов источников, на первый взгляд, очень привлекательны. Они, однако, в чистом виде столь же мало реалистичны,

как требования эмпиристов «выложить чистые факты» — и по тем же основаниям. Само существование типов (а они основаны на функциональном различении категорий — наконечник стрелы, гривна, браслет, нож, горшок) предполагает включение аргументации из этнографии, а типология лежит в основе всех археологических выводов. Значит, нужно вводить какое-то разграничение: какие выводы можно и нужно брать из других наук, какие нельзя. Скажем, общие выводы можно, частные, конкретные по данному материалу — нет, и т. п. Здравый стержень этой теории — в ее тяге к как можно более *независимым выводам* и в ориентированности на *междисциплинарный синтез*. Но как его осуществить? Когда простое совпадение не получается, тогда непонятно, что же делать. Принципиальное решение указано, но у Гахмана и его коллег нет столь же ясного решения, какими методами, на основе какой теории и в какой дисциплине осуществлять междисциплинарный синтез. У меня есть работы с предположениями по этой проблеме (Клейн 1988, 1992), но это уже за пределами рассмотрения данной школы.

Гахман был очень осторожен и даже враждебен по отношению к попыткам видеть в археологических фактах миграции. В этом убеждении многие ученые следовали ему, среди них исследователи неолита, в котором прежде так популярны были походы индогерманцев Косинны. Гахман показывал, что в ряде случаев исторически засвидетельствованных миграций не обнаруживается их археологических следов и, наоборот, там, где археологические материалы говорят о резкой смене культуры, письменные источники говорят о преемственности населения. При самой миграции в нее нередко втягиваются многие племена, первоначально не участвовавшие в переселении, а местное население редко полностью вытесняется и местная культура побежденных даже пересиливает и ассимилирует культуру победителей. Интерпретировать эти сложные связи как однозначное переселение и завоевание очень рискованно, хотя в письменных источниках это и могло выглядеть так.

Некоторые археологи предлагали построить общую теорию миграций, которая дала бы возможность выделить археологические признаки миграций и по ним реконструировать миграции из археологического материала. Гахман считает, что построить теорию отражения миграций в археологии невозможно ввиду того, что реальные миграции чрезвычайно разнообразны. Как и Вале, он против того, чтобы прибегать к закономерностям. Он предлагает взять за отправные точки абсолютно явные археологические ситуации и решать в каждом случае особо, полагаясь на здравый смысл и археологические аналогии, а во многих случаях просто признать решение невозможным. Мне это представляется чрезмерной осторожностью, сближающей его позицию с настроениями гиперскептиков. Тем не менее читать его труды весьма увлекательно и полезно.

Мне он писал (25 апреля 1978 г.):

> «Я-то вообще никакой не теоретик и не хотел бы им быть. Мысли по теории приходят ко мне лишь в конкретных случаях, и я их стараюсь тогда разработать как примерные — по этому случаю и для этого случая. При этом у меня как буржуазного ученого (это объяснение, рассчитанное на марксиста. — Л. К.) отсутствует ориентировка на надежную идеологию и надежное знание правильности некой идеологии. ... В Германии в данный момент, пожалуй, и нет другого археолога, интересующегося теоретическими вопросами. Я бы не мог здесь назвать хоть одно имя. Вообще-то полно молодых людей, много рассуждающих о теории, но не знающих материала. Это считается современным!»

Я предлагал тогда организовать в печати обсуждение темы «Смена культур как археологическая проблема». Гахман возражал (письмо от 14 января 1980):

> «А что такое "культура"? Что такое "смена культур"? Я, вероятно, слишком поздно пришел в науку, чтобы иметь достаточно времени для обдумывания. Я происхожу. собственно, из исторической науки (в узком смысле слова), а там естественно никто не знает, что такое "культура", вопрос же о "смене культур" ставится, но совсем иначе. Всегда что-то меняется, но есть ли эпохи, которые сплошь представляют собой "смену культур"? Ваш план интересен, но не говорят ли археологи постоянно мимо ушей друг друга? Борд — палеолитчик, а в палеолите процессы обусловлены узкой выборкой из культуры, как ее дают источники, и наверняка очень искаженно и односторонне. Это ничего не дает для позднейших эпох и для целого. Ренфру — представитель "новой археологии", я хоть и могу с ним разговаривать, но мы говорим мимо ушей друг друга. Вот с госпожой Шернквист мы понимаем друг друга. Возможно, мне нужно ей написать, и мы обменяемся мнениями о Вашем проекте. Вы должны знать одно: я ни в коем случае не типичен для сегодняшней немецкой археологии (ФРГ и ГДР). Но кто типичен? Это можно увидеть только снаружи!»

Но вскоре Гахман озадачил свой семинар обсуждением темы «Понятие культуры в трудах классиков археологии» и выпустил сборник об этом (Hachmann 1987). А я, при всей его нетипичности, всё же включил его в определенное течение немецкой археологии.

6. Ульрих Фишер: археологические культуры как одежды. Четвертый археолог из этого ряда — Ульрих Фишер (Ulrich Fischer, 1915). Он старше Гахмана на 2 года, т. е., в общем, его ровесник. Родился в Кёнигсберге, диссертацию по неолиту Средней Германии защитил в 1938 г. в Халле-на-Заале у Вальтера Шульца, ученика Косинны, и ушел на войну. Вернувшись в 1945 г. в Халле, работал в музее, в 1947 с поддержкой другого ученика Косинны, Мартина Яна и Геро фон Мерхарта возобновил работу над той же темой. В 1950 (т. е. на следующий год после образования двух германских государств) перебрался из Восточной Германии в Западную, где с поддержкой Шпрокхофа, ученика Мерхарта, закончил свою монографию о неолите Средней Германии. С 1954 г. стал руководить музеем во Франкфурте на Майне. Занимался и провинциально-римской археологией.

В 1956 г. вышло его фундаментальное исследование по неолиту Средней Германии — бассейна Заале, т. е. Саксонии и Тюрингии. Это сразу выдвинуло его в первые ряды специалистов по первобытной археологии. В книге были тщательно и строго, с немецкой педантичностью, обобщены и картированы материалы двух сотен раскопок могильников. В небольшом районе на протяжении развитого неолита и раннебронзового века, т. е. несколько больше тысячи лет, оказалось 1935 погребений 18 археологических культур («археологических культурных групп», как их называет Фишер):

линейно-ленточной керамики	— 90,
тычково-ленточной керамики	— 15,
рёссенской	— 90,
гатерслебенской	— 40,
йордансмюльской	— 5,
эпимезолитической	— 5,
баальбергской	— 80,

зальцмюнде — 80,
сохранившиеся мегалитические погребения — 130,
вальтерниенбург-бернбургской — 180,
кальбсрит — 10,
шнуровой керамики — 500,
культуры одиночных погребений — 20,
шёнфельде — 85,
шаровидных амфор — 85,
колоколовидных кубков — 195,
унетицкой — 315,
княжеских погребений раннебронзового века — 5.

Еще Вирхов и Тишлер выделяли археологические культуры. Мориц Гёрнес представил всё культурное развитие Европы как последовательность серий археологических культур, выделенных в основном по керамике. Но многие исследователи сомневались в том, что археологические культуры объективно существуют. Пика это достигло у британских гиперскептиков и американских релятивистов. А в этой книге Фишер непреложно установил, что культуры чётко различаются друг от друга и что культуры, выделенные по керамике, выделяются и по погребальному ритуалу: керамика и погребальный ритуал показывают сильную корреляцию. «Как результат нашего анализа установлено, что в нашей области каждая неолитическая культура обладает собственным погребальным ритуалом» (Fischer 1956: 248).

Специально Фишер занялся одной из них — культурой шнуровой керамики. Целый ряд статей вышел по этой культуре, особенно большая — «Средняя Германия и шнуровая керамика» (1958). Тончайшим анализом Фишер разделил ее керамику на разные группы, установил их соотношения, выделил самую раннюю. Его особенно интересовал вопрос о происхождении этой культуры, Ursprungsfrage.

> «Основания происхождения и конца мы, правда, точно не знаем ни у одной из крупных первобытных культур. В зеркале находок мы видим ведь сменяющиеся картины, более или менее четко оттиснутые, каждую следующую часто без ближе доступной связи. Мы не знаем, стоят ли исторические основания (и какие именно) за таким соотношением вещей... Культуры появляются, как сменяющиеся одеяния, которые история на своем ходу набрасывает, следуя моде. Но узнать только из культурно-исторических явлений политически-исторические процессы еще никому не удавалось успешно» (Fischer 1958: 255).

Культуры как сменяющиеся одеяния — это идея из набора Эггерса, отвечающая методической установке Вале о «питающих» и «потребляющих» периодах. Но у Эггерса это была лишь констатация с негативными выводами о невозможности надежно выявить преемственность, а Фишер сделал эту идею стержневой для позитивной картины культурно-исторического процесса.

Свой метод Фишер называет «культурно-социологическим», но социологии в нем не видно; вероятно, название исходит из того, что за картиной распределения археологического материала предполагается некая социальная и политическая организация людей. Привлечение этнографии и вообще других наук, сравнение с современностью (принцип актуализма) Фишер отвергает (ibid.: 258), но как раз уподобление современности играет заметную роль в его интерпретации.

Год спустя после появления этой работы Фишер выступил на международном симпозиуме по неолиту в Праге (труды симпозиума вышли в 1961) с обобщающим

докладом «К проблеме формирования поздненеолитических групп на Заале и средней Эльбе». Он констатировал, что все выявленные группы — это именно группы, не ступени. Откуда же такая их многочисленность и такое перемежение? Ну, некоторые — это просто небольшое количество групп, вторгшихся со стороны (михельсбергская, йордансмюльская, гребенчатая керамика, колоколовидные кубки). Но остается еще много. «Это явление может быть объяснено только единичной исторической ситуацией, именно особыми отношениями того времени».

«Поскольку в истории ныне люди могут представляться только действующими в общественном порядке, напрашивается как ближайший вывод, что археологические группы суть одновременно остатки культурно-исторических социальных групп, некогда действенных» (Fischer 1961: 420). Группы эти не политические, которыми занимается собственно история, а культурно-исторические. Этническое толкование, покоившееся на гуманизме и романтике, вряд ли здесь подходит. Мозаика средневековых племен Европы сохранилась в течение тысячелетия, на за это время над Европой пронеслись волны культурных стилей, и сквозь них просвечивают те же народности — «так, есть французский, баварский, чешский или украинский барокко, и отсюда рождается феномен культурного ландшафта. Ландшафты культурно часто даже сильнее племен...» (Fischer 1961: 421).

> «Прежде всего, пожалуй ясно, что по отдельности поздненеолитические группы не длились тысячу и более лет; это вытекает из нашей хронологии. Неолитические культурные группы длились явно более короткое время, чем этническая общность в вышеописанном смысле. ... Мы должны, таким образом, предположить, что носители определенной культурной группы имели своих предков и потомков среди носителей каждый раз более древней и более молодой культурных групп» (ibid.: 422).

О языке, полагает Фишер, мы, археологи, ничего сказать не можем. О расе тоже: «индивидуальность культурных групп, их художественный стиль, их погребальный ритуал основаны не антропологически, а исторически». В соседних областях культуры часто смешиваются, в Саксо-Тюрингии нет.

> «Индивидуализация — это, так сказать, выделение энергии этого пространства; люди живут в близком соседстве и придают большую ценность различиям. Современные параллели напрашиваются — это религиозные сообщества, и во всяком случае нужно делать вывод, что эта дифференциация протекала в рамках какого-то политического интегрирования..., ибо как иначе могло сложиться такое состояние? ... В неолите здесь господствовало еще пестрое многообразие. В вихре старых и новых борющихся идей можно представить себе особые образования, которые внутри некой свободной политической системы могли развивать свое сектообразное существование» (ibid.: 423).

Фишер предполагает в этом неолитическом столпотворении в центре Европы «мирный расцвет» и «беспримерную культурную толерантность», а также «политическую свободу». «Здесь напрашивается как параллель осень нашего средневековья, в которой было множество самостоятельных исторических образований в нежестких общих границах» (ibid.: 424). Не оставляет однако ощущение, что на создание этой любопытной картины как-то повлияло сосуществование двух германских государств, в которых жил автор концепции, — ГДР и ФРГ, — с резко различными социальными устройствами, с расходящейся идеологией (близкой к двум религиям), с разительными различиями в материальной культуре.

Что касается происхождения культур, то оно трактуется очень близко к Вале, причем не только для неолита. Нет перетекания одной культуры в другую. Вместо континуитета, преемственности культур — «явный дисконтинуитет процесса, следу-

ющие одна за другой культуры являются как противоположности, места стыка в духе развития теряются...». Вопрос о происхождении обычно решается дихотомично: либо *автохтония*, либо *аллохтония* (миграции и влияния). Но это ложное мышление, заявляет Фишер. «Археологическая группа, в общем и целом, может возникнуть только в той области, где она встречена.... Другой вопрос — откуда происходят ее элементы...». Эти могут происходить из разных культур, даже собраться с разных сторон света. Да археологические группы и не культуры, собственно, а только их остатки. Горшки, каменный инвентарь и погребальный ритуал — это лишь малая часть культуры, и, возможно, вовсе не главная. Так что мы решаем только часть вопроса о происхождении. Но принцип ясен — это творческая консолидация в какой-то кризисный момент из разнородных элементов. Они сплавляются в одну культуру как бы в плавильном тигеле (ibid.: 425).

Здесь у Фишера не только сочетается автохтонность с миграциями и влияниями (потому что как еще доставляются разнородные элементы?), но и сдвигается эмергентизм Вале в сторону комбинационизма.

В небольшой статье 1976 года («Диалектика культур кубков») и в более пространной статье 1987 года («К рациональности преисторической археологии») Фишер подводит философскую базу под свои заключения. Диалектику он видит в дискретности развития и смене культур, которые выступают по отношению к предшествующим как противоположности. В отличие от Вале он считает субъектом преистории именно археологические культуры, а не личности (Fischer 1987: 183). В разговорах Вале о «движущих силах» истории он улавливает витализм, хотя его собственные рассуждения об особой энергии района Средней Германии тоже отдают мистикой. Он решительно заявляет себя сторонником идиографической истории (т. е. неокантианских взглядов) и выступает против номотетической Новой Археологии. «Культурные законы не существуют, — заявляет он. — Вследствие этого в строгом смысле не может быть и никакой теории культуры» (ibid.: 184). Он, правда, признает для культурной истории существование рода обобщений, называемых принципами, как то: эволюция, вариация, диффузия, традиция, инновация и т. д., «механизм которых остается темным».

7. Заключение и некоторые уроки. Объединить всех этих западногерманских археологов в одну школу очень трудно, однако некоторые связующие нити есть. Все эти археологи отличаются сильной тягой к объективному рассмотрению археологических проблем, к разработке строгой методики, к превращению археологии в объективную и строгую науку. Все они особо озабочены проблемой синтеза археологических источников с письменными, а также с лингвистическими и антропологическими и предупреждают об опасности прямого отождествления археологических понятий с этническими, лингвистическими и расовыми, а также об опасности наивных прямолинейных реконструкций. У всех заметная приверженность к географическому подходу в археологии. Ощущалась и личная связь между ними, преемственность, чувство принадлежности к одной традиции. В какой-то мере к ее началу можно подключить и Якоб-Фризена, хотя у него черты этой традиции были еще не так сильно выражены и уступали задачам утверждения эмпиризма.

Но были и персональные вклады у каждой из рассмотренных фигур: у Эрнста Вале — эмергентизм, у Эггерса — внутренняя критика археологических источников, у Гахмана — «регрессивная пурификация», у Фишера — оригинальное представление о культурах как о сектах и стилях.

Я уже говорил об игнорировании Вале в историях нашей науки Дэниела и Триггера. Добавлю, что ни Эггерс, ни Гахман, ни Фишер в этих работах вовсе не упомянуты, как и Якоб-Фризен. Всей этой традиции — как не было. Представлена она в книгах Вашичка и Малины, но только потому, что всё целиком списано у меня. Один из уроков этого раздела историографии заключается, мне кажется, в том, что он позволяет еще раз осознать ту истину, что западная научная литература, которую мы привыкли считать более информированной и объективной, чем наша, оказывается зачастую очень неполной и односторонней. Англоязычная историография обычно не учитывает (потому что не читает) целые разделы науки, коль скоро они написаны не на английском, а, скажем, на немецком или на русском. И это урок, еще раз показывающий, насколько археологу вредно не знать основные иностранные языки.

Другой урок, мне представляется, можно извлечь из судьбы концепции эмергентизма Вале. У нее были все основания, чтобы быть подхваченной многими археологами, получить разработку и развитие, чтобы на ней сложилась школа. Этого не произошло. По-видимому, для того, чтобы блестящая теоретическая идея получила развитие, мало ее выдвинуть и даже мало преподавать в университете. Нужно ее разработать в фундаментальных трудах, нужно иметь дар заражения окружающей научной молодежи, организационный дар, нужны подходящие социальные условия. Во всем этом Вале уступал Косинне.

У Эгерса и Гахмана организационный дар больше, и время благоприятнее, и личные школы шире, но теоретический охват уже. Особое течение (как особая научная школа в широком смысле) не сложилось, только, пожалуй, особая традиция.

Вопросы для продумывания

1. В Германии после краха нацистского режима была проведена радикальная денацификация. Некоторые демократы сетовали, что после падения советской власти не было такой же дебольшевизации (почти все прежние большевистские функционеры остались при деле). Есть ли разница между положением в германской и постсоветской археологии в плане искоренения прежней идеологии?

2. Настрой Вале против типологии, выразившийся в отказе от типологических таблиц, очень напоминает советские филиппики против «голого вещеведения», хотя идеологии в целом очень далеко расходятся. Есть ли у этих настроений всё-таки общие идейные корни? В чем они?

3. С какими направлениями археологии западногерманская традиция, представленная Вале, Эггерсом и Гахманом, более всего сходится и в чем?

4. Есть ли логическая связь между эмергентизмом и прочими положениями учения Вале? В чем она заключается?

5. Попытайтесь отыскать в археологической литературе примеры внутренней критики источников, предшествующие работам Эггерса 1939 и 1950 годов.

6. В статье Карштедта иронически обыгрывается положение археологов будущего, вынужденных судить об этносах Европы по распространению стиля рококо от Версаля до Варшавы или по смешанной культуре Австро-Венгерской империи. Карштедт сравнивает это с суждениями нынешних археологов об этнической карте первобытной Европы. Правомерно ли сравнение? Ныне Хэрке точно так предлагает рассмотреть распространение западной материальной культуры по городам и весям постсоветской России, похожее на завоевание. Применима ли аналогия?

7. В каких конкретных проявлениях требование регрессивной пурификации представляется Вам правомерным?

8. А как бы Вы решали проблему синтеза источников разного вида, если результаты, полученные независимо, по отдельности, при сведении воедино не совпали?

9. Попытайтесь проследить преемственность между археологами этого ряда: Якоб-Фризен — Вале — Эггерс — Гахман — Фишер.

10. Считаете ли Вы, что ученых этого ряда всё-таки можно объединить в одно направление археологии? Если да, то как бы вы его обозначили?

11. Нет ли в концепции Фишера некоторого сходства с заключениями стадиалистов? В чем оно?

Литература

Западногерманская послевоенная археология: Монгайт 1952, 1963; Preidel 1954; Салов 1968; Пашуто 1971.

Эрнст Вале и эмергентность: Hoernes 1905; Ebert 1926 und 1929; Wahle 1947/1964, 1950–51, 1980; Gandert 1950; Kirchner 1964; Würdigung 1966; Bernard 1987.

Эггерс и критика внутренних источников: Eggers 1950, 1959; Carnap-Bornheim 2001.

Гахман, исторический синтез и регрессивная пурификация: Klejn 1974b; Клейн 1974б, 1988, 1992; Hachmann 1987.

Фишер: Fischer 1956, 1958, 1961, 1987.

Глава 34. СЦИЕНТИСТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1. Сциентизм в археологии. Еще с давних пор англосаксы разделяли научное знание на две резко различные серии: строгие или точные дисциплины, называемые «*sciences*» («науки») и неточные, нестрогие, пластичные дисциплины, называемые «*humanities*». В английском даже нет общего наименования для обеих серий. Слово «science» не соответствует нашему «наука», немецкому «Wissenschaft», французскому «science». Ученый более общего плана — не «scientist», а «scholar».

Обе серии различаются не столько точностью или неточностью, но принципами исследовательского процесса — как они получают результаты. В «sciences» (строгих науках) выдвигаются гипотезы о некоторых фактах, из этих гипотез выводятся ожидания, которые проверяются по другим фактам, независимым от первых, всё это в максимально логической форме. В «humanities» (гуманитарном знании) такая процедура, такая схема исследования невозможна: гипотезы тут слишком широки, это скорее догадки, а факты слишком уникальны, и выводы недоступны такой проверке. Некоторые дисциплины в университетах иногда даже к гуманитарному знанию не относятся и подключаются к «arts» — искусствам (скажем, риторика, художественная и литературная критика, т. е. литературоведение).

Но в XIX веке неокантианцы баденской школы Виндельбанд и Риккерт предложили ввести схожее деление для всего научного мира вне зависимости от языка — как методологическое объяснение различий между отраслями знания, которые они назвали дисциплинами «номотетическими» (букв. законополагающими) и «идиографическими» (от слова «идиом» — специфика). Первые выводят законы из обобщения фактов, вторые не стремятся к таким целям, они лишь описывают и группируют факты, но не просто, а в их отношениях и причинно-следственных связях.

Естественные дисциплины (физика, химия, биология) принадлежат большей частью к первому типу, дисциплины о человеческой духовной жизни (нем. Geisteswissenschaften — литературоведение, искусствознание, философия, если это вообще наука) — ко второму, социальные и культурологические дисциплины — частью к первому, частью ко второму. Социология и политэкономия — к первому (т. е. они вместе с физикой и химией), история — ко второму, психология за век передвинулась из второго в первый, культурная антропология временами причисляется к первому, временами — ко второму. К какому же типу принадлежит археология?

Для ранних археологов вопрос был бессмысленным. Естественно, они рассматривали археологию как научное знание о человеческих существах и их истории, стало быть, это гуманитарное знание. Первое сомнение возникло, когда изучение палеолита оторвало преисторию от истории и начало связывать ее с палеонтологией и

геологией. Тогда естественные науки начали всё больше заполнять археологию своими методами — классификацией, эволюционной типологией, стратиграфией. Затем вошло в моду связывать археологию не только с историей, но и с социологией и антропологией.

Эти направления начали рассматривать археологию как строгую (иногда говорят: точную) науку и предполагать для нее те же теоретические и методические принципы, которые функционируют в физике или химии или биологии. Строгая формализация всей исследовательской процедуры, математические методы, технические анализы... Конечно, эта тенденция интенсивно стимулировалась применением современных физических и других современных естественных методов, потому что, используя эти методы, археология должна и сама применять точный язык, а также выверять и совершенствовать все свои понятия.

Одни называют это с латыни *сциентизмом* (или — с английского — *сайентизмом*) и рассматривают это как знак модернизации — стремления привести всё в соответствие с современными формами жизни, часто не принимая во внимание, отвечают ли они реалиям данной науки или нет.

Уже у эволюционистов и таксономистов эта тенденция была отчетливо видна, частично и у энвиронменталистов. Она была очень сильно выражена в Новой Археологии (мы увидим это в следующих разделах курса). Были и голоса против этой тенденции, особенно громкие со стороны диффузионистов и гиперскептиков, которые рассматривали свою дисциплину как гуманитарную. Первые попытки применить математические методы в советской археологии относятся уже к серединче 20-х — началу 40-х гг. (Арциховский, Ефименко, Грязнов), и то же самое в Америке (Стронг). Джеймс Форд применял статистику в классификации в середине 30-х, Сполдинг — с 1953 г. После войны на региональных и международных конференциях началось активное обсуждение проблем применения математических методов и компьютеров в археологии.

1950 — Нью-Йорк (на конференции по методам были прочитаны доклады о математических методах и компьютерах);

1959 — Бург Вартенштейн;

1963 — Москва;

1966 — Рим;

1969 — Лондон и Марсель (в Марселе тема — «Археология и компьютеры»);

1970 — Москва и в том же году Мамая (англо-румынская конференция);

1971 и 1972 — Марсель;

1973 — Марбург на Лане в Германии; и т. д.

Как видим, рубеж 1960-х и 70-х годов стал переломным: с этого времени обсуждение данных проблем сгустилось и стало регулярным. В этих условиях сформировалось течение, в котором сциентистская тенденция обусловила основное содержание всей деятельности, повлияла на главные задачи археологов и породила специальную теорию.

А. Дескриптивная археология и французский логицизм

2. Неорационализм. Два философских течения оказали воздействие на формирование сциентизма в археологии — неопозитивизм и неорационализм. Неопозитивизмом и теми археологическими течениями, которые развились под его влиянием, займемся в следующих разделах курса, а здесь остановимся на *неорационализме.*

Основоположником этого течения «философии науки» являлся продолжатель Пьера Дюэма и Анри Пуанкаре французский философ и эссеист Гастон БАШЛЯР (Gaston Bachelard, 1884–1962). Этот философ получил математического образование и преподавал в лицеях, а в сорокалетнем возрасте перешел к философии. В 1930 г. он стал профессором Дижонского университета, а в 1940–54 гг. занимал в Сорбонне кафедру истории и философии наук.

Название «неорационализм» подчеркивает преемственность от рационализма Декарта, от традиционной французской ясности и логичности дедуктивного мышления, и в то же время своей частицей «нео-» дистанцируется от традиции. Неорационалисты стремятся соединить философию с частными науками и исследуют научное познание в его противоположности обыденному познанию. Это означает внедрение математических методов и, подобно неопозитивизму, большое внимание логике и языку науки. Эти философы отвергают единую процедуру исследования и склоняются к логическому плюрализму, полагая, что способы познания могут быть разными у разных наук и на разных стадиях исследования. Башляр разрабатывал теорию «приблизительности знания». Важнейшей задачей философии он провозгласил теоретическое осмысление фактического хода исследований, фактических методов и процедур. Развитие науки последних веков он трактует как смену «донаучного духа» «научным духом», а того — «новым научным духом» с наступлением XX века. Этот новый научный дух означал «эпистемологический разрыв» с предшествующим мышлением и новые идеи, стимулированные, прежде всего, математикой.

Производство новых идей объясняется у Башляра исключительно независимой творческой активностью разума, а эта активность трактуется как «свободная» и «спонтанная». Разум ученого конструирует понятия науки и налагает на мир свою сеть представлений. К 60-м годам «философия науки» Башляра завоевала почти непререкаемый авторитет во французской философии и оказывала влияние на научные круги Швейцарии и других стран. Это была сциентистская философия, конкурировавшая с другой сциентистской философией науки — неопозитивизмом, распространенным больше в Австрии и Англии.

Черты неорационализма мы находим в новаторских идеях, прежде всего, французских археологов второй половины XX века, которых возглавил Жан-Клод Гарден. Его труды насыщены теорией и методологическими разработками и привлекли всеобщее внимание.

3. Дескриптивная археология. Это была, главным образом, *дескриптивная археология*, пронизанная идеей *формализации*. Важнейшей чертой этого направления является надежда, что *формализованная* индукция и элементы *редукционизма* обеспечат объективность в изучении материальной культуры (Добролюбский 1982, 1985).

Почему дескриптивная? «Дескриптивная» буквально значит «описательная». С одной стороны описательная археология может рассматриваться как род археологической деятельности (наряду с такими родами как типологические штудии или сравнительная археология), как шаг исследовательской процедуры — описание материала, т. е. памятников, сооружений и находок. С другой стороны, здесь подразумевается не только описание, но и школа, которая трансформирует описание в главную задачу методологической разработки. Впрочем, это было бы еще вполне приемлемо и обычно — как и для любого шага процедуры. Но более того, она считает эту деятельность главной задачей всей археологии и предполагает, что схожие

методы могут решить все задачи археологии. Если факты корректно описаны, то тем самым подготовлен прямой путь для правильных выводов — при условии, что необходимый логический (или логистический) аппарат построен и хорошо функционирует.

Дескриптивные операции и дескриптивная археология долго ассоциировались с эмпирической установкой, с эмпиризмом, с индукцией. Но теперь дескриптивная археология оказалась полем действия рационалистической философии науки, дедуктивного мышления, математической логики. Первой ласточкой в этом направлении была книга Жоржа ЛАПЛАСА (Georges Laplace, 1918–2004) «Аналитическая и структурная типология». В 1957 г. он выступил против классификации Борда именно как традиционной и чересчур дескриптивной в старом смысле. Борд, так же как и Форд, применял измерения, статистику, но их типы были *синтетическими*, т. е. основывались сразу на сочетании признаков, выбранном по общему впечатлению от предполагаемой функции. Борд верил в то, что типы содержатся в самом материале, Форд считал, что материал можно делить произвольно и налагать на него свои априорные схемы. Но оба предварительно устанавливали иерархию параметров: на первом шагу материал, на втором — функция, на третьем форма и т. д.

Лаплас критиковал эту типологию как эмпирическую, предпочитая опираться на рационалистическое мышление Декарта. Подчеркивая свою радикальность, метод свой Лаплас называл почему-то диалектическим и ссылался на Гегеля, Маркса и Энгельса.

Эмпирической типологии Лаплас противопоставил *аналитическую типологию*, которая сначала делила материал на мельчайшие элементы — признаки, затем устанавливала их корреляцию, причем за всеми признаками признавался равный вес (равная важность). Поскольку традиционные условные наименования использовали те или иные признаки (клиновидный топор, воронковидный и колоколовидный кубки и т. п.), а это часто навязывало и соответствующие свойства типам, Лаплас предпочел буквенные и цифровые обозначения.

Скажем, в резцах резцовый скол обозначался буквой B (burin), положение скола на отщепе — цифрами и т. д. При этом не выделялось несколько типов, а каждый резец описывался списком его признаков, выраженных условными обозначениями. Например, такой формулой:

$$\overline{\text{B22}}\ \text{dist}\ [\text{Bpn}\ +\ \text{T3 Apd conc dex}]\ /\ \text{Smd dext méd}$$

Типы Лаплас не отвергал полностью (и даже построил собственный тип-лист), но считал их лишь результатом анализа признаков.

В полученных на такой базе интерпретациях Лаплас использовал теорию полиморфизма, заимствованную у эволюционных биологов, и решил, что первоначально палеолитические индустрии были синкретическими и лишь постепенно специализировались и разделились на культурные комплексы. По Лапласу, идентичные культурные явления формировались в разных местах независимо — как результат конвергенции и автохтонного развития.

Ни эти выводы, ни поддерживавшая их классификация материала не нашли признания. На симпозиуме 1972 года Дениза Сонневиль-Борд возражала: «По Вашему докладу типы не существуют. ... Тип образован множеством признаков, но это не позволяет говорить, что типы не существуют. Ведь есть признаки главные и признаки второстепенные; в определении типа надо придерживаться этой иерархии»

(Laplace — discussion 1974: 143). Типология Борда не была поколеблена — археологи находили ее более удобной и более наглядно убедительной. Негодным был признан и аналитический принцип и равный вес признаков: культура основана на иерархии ценностей.

Рис. 34.1. Фотопортрет Ж.-К. Гардена (Шер в «Рос. Арх.» 1995, 3).

Такой характер как раз и носят работы Гардена. Уже с самых ранних послевоенных лет Жан-Клод ГАРДЕН (Jean-Claude Gardin, род. в 1925, рис. 34.1) работает во Франции над проблемой, как поднять археологию на научный уровень — научный в смысле точных наук (science).

Гарден, происходя из семьи медиков (врача и медсестры), в юности, пятнадцати лет, поступил в освободительную армию де Голля, сражался во флоте против немецких оккупантов и заслужил Военный крест Почетного легиона. Образование получал уже после войны в Лондонском университете, где изучал в 1945–48 гг. логику, и в Сорбонне — изучал там археологию и историю религии, в Высшей школе живых восточных языков — иранские языки.

В Лондонском университете Гардену довелось учиться в годы, когда Институт (кафедру) археологии Лондонского университетского колледжа возглавил Гордон Чайлд. К этому времени Чайлд был уже не тем диффузионистом, который придал этому течению солидный и умеренный характер, и не тем марксистом, который в военное время с интересом рассматривал достижения советской археологии и разрабатывал социальные проблемы первобытности. Чайлд лондонского десятилетия занимался, прежде всего, методологией археологического познания, и итогом этого десятилетия была его книга 1956 года «Составление прошлого из обломков: интерпретация археологических данных». Пронизанная этими идеями лидера атмосфера лондонского университетского коллектива археологов, возможно, как-то затронула и студента Гардена.

В Сорбонне археологическая среда того времени была более консервативной, но если Гарден занимался логикой и историей религии, то он вряд ли мог пройти мимо того факта, что именно в Сорбонне в это время появился и преподавал знаменитейший мыслитель французской «философии науки», основоположник неорационализма Гастон Башляр. Прямо или косвенно его идеи внедрения логики и математики в частные науки, его учение об «эпистемологическом разрыве» и «новом научном духе», его рекомендация изучать фактический ход исследования, его принцип приблизительности повлияли на сознание студента Гардена и позже отразились в его работах.

С 1950 г. 25-летний Гарден стал участником Французской археологической миссии (экспедиции) Д. Шлюмберже в Афганистане (через 30 лет он возглавит эту миссию). Первые его собственные исследования были посвящены бактрийской керамике (публикации начались с 1955 г.). Каждый, кто с этим сталкивался, знает, как трудно выбрать нужный способ классификации из многих возможных или предпочесть одну из уже наличных типологий. Как избежать субъективности? Гарден хотел облегчить и усовершенствовать обработку данных и обобщение. В 1953–57 гг. он, будучи сотрудником Французского археологического института в Бейруте, вместе с Ж. Кристофом и Ж. Деэем составил на перфокартах описание и каталог археологических коллекций (опубликовано в 1956). В 1958 г. создал в Париже, а затем в

Марселе Центр археологического источниковедения, которым руководил 12 лет – до 1970 г., когда он перевелся в Париж, где возглавил Центр археологической документации.

В марсельском Центре Гарденом и его сотрудниками и были реализованы его идеи по рационализации *археологического источниковедения*. Вначале Гарден использовал перфокарты, позже перешел на современные компьютеры и стал собирать, как это уже делалось в других науках, базы данных для последующего пользования. Базы данных в компьютерном хранении должны были заменить менее удобные в пользовании традиционные каталоги. Гарден установил, что проблема сбора и обработки данных упирается в проблему описания.

Он критиковал обычную процедуру описания. Нередко оно ужимается, и недостающие звенья подменяются изображением. Но изображение при всей наглядности не дает целого ряда характеристик предмета, а когда им хотят представить целый класс вещей, то оно не может показать пределы каждой характеристики, так что, взяв новый предмет, не можешь сообразить, укладывается ли он в границы данного класса или нет. Материал обрабатывается разными исследователями, и каждый получает разные результаты — описывает материал по-своему, группирует иначе, чем другие, чем его предшественники. Как построить на этом одну и ту же реконструкцию? Как достичь объективной интерпретации?

Ради унификации Гарден предложил ввести строгие *правила описания*:

а) правила *ориентации* — как одинаково располагать предмет перед исследователем: где верх, где низ и т. п.;

б) правила *сегментации* — как осмысленно делить объект на части; и

в) правила *дифференциации* — как при сравнении различать предметы друг от друга точно и объективно, превращая восприятия в числовые характеристики. То есть правила дифференциации — это и правила *квантификации*.

Разработка этих правил описания приводит к созданию систем *обозначения предметов, их частей и признаков* (Ковалевская 1970).

Всё это подытожено в статье «Методы описательного анализа археологического материала» (Gardin 1967). Гарден излагает несколько способов объективного описания, но предпочитает из них описание с помощью набора дескрипторов — условных символов для признаков и деталей. Это очень напоминает Лапласа, но четче изложено.

В 1950-е — 60-е гг. вместе с Г. Кросом и Ф. Леви Гарден создал первую для гуманитарных наук информационно-поисковую систему СИНТОЛ и разработал для нее специальный язык. Книгу об этом опубликовал и по-русски (он вообще неплохо владеет русским языком).

Дескриптивной археологией в новом ключе занялись не только французы, и французы были не одиноки в выделении этой части археологии. Карл-Аксель Муберг (Carl-Axel Moberg, 1969) в Швеции и тандем двух немцев — археолог Корнелиус Анкель и математик Рольф Гундлах (Cornelius Ankel, Rolf Gundlach, 1969) предложили разделить изучение материальных древностей на две большие отрасли: описательную науку *археографию* и интерпретативную (объяснительную) *археологию*. Хотя термин «археография» уже имел в науке общепризнанное другое значение, обозначая вспомогательную филологическую дисциплину, описывающую рукописи, Анкель и Гундлах основали журнал под этим названием, и археография скоро трансформировалась в изучение материалов, из которых были изготовлены артефакты. Позже в Советском Союзе археологическое источниковедение пытался выделить Ю. Н. Захарук (1970-е гг.). «Археографии» как археологическому источни-

коведению посвящена книга чешского петрографа из Брно, занявшегося и археологией, Ярослава Малины «Система аналитической археографии», вышедшая в 1977 г. на английском языке. Подчеркиванием «аналитичности» он поддержал тенденцию Лапласа, но на деле его книга шире.

Это была сводка разных способов описания в науке вообще и применительно к археологии в частности, особенно способов описания пространственной формы — путем построения табличной матрицы, путем перечисления дескрипторов, путем указания координат на поверхности объекта и т. д. Эта сводка повторена в книге Малины на чешском «Археология вчера и сегодня» (1980) и в книге Малины и Вашичка под тем же названием, но на английском (1990). Если в книге этих авторов историографическая часть практически целиком (концепция, деление на школы, их характеристика и проч.) копирует мои статьи, то часть, продолжающая «археографию» 1977 года, представляет собой безусловно самостоятельную работу Малины, очень толковую и дельную. Ею вполне можно пользоваться до сих пор как учебником. Однако она не имела большого воздействия на археологов, возможно, именно из-за своей всеядности. Она не носила характера аргументированного проведения одной оригинальной концепции, а в науке на первый план выходят именно такие работы. Кроме того, она вышла позже работы Гардена о правилах описания.

Собственно, это были правила, которые обеспечивали *формализацию*.

4. Формализация и научный уровень. Что значит «формализовать» исследование? Это значит, ввести правила однозначного восприятия объектов и следовать этим правилам, а также свести описания материала и операций с ним к формулам и системам знаков. Это подразумевает: 1) построение символических конструкций, способных отразить существенные и регулярные стороны и связи исследуемых предметов, и 2) эксплицитное (точное, прозрачное и ясное) выражение всех рассуждений, выводов и проверок, в строго логической форме (Каменецкий и др. 1975; Клейн 1977в; Синицын 1993).

Задачи формализации в археологии содержат, по Каменецкому и соавторам, три проблемы: 1) построить дескриптивные (или документальные) языки для точного унифицированного описания нашего материала; 2) перевести исследовательские операции археологов на язык логики и математики; 3) применить компьютерную технику (тогда ее называли кибернетической) к обработке информации.

Обычное описание не подходит к машинной обработке, даже к работе с перфорированными карточками. Ведь не только *обыденный язык* нашего общения, многозначный, расплывчатый и экспрессивный, но и так называемый *научный язык*, полный профессиональных терминов и выражений ученого жаргона, не вполне удовлетворителен для работы с машиной. Требуется третий род языка — *специальный язык научной документации*, где термины не только строго однозначны, недвусмысленны (каждый имеет только одно значение), но и образуют одну всеобъемлющую хорошо продуманную систему, где все они согласованы друг с другом, соподчинены и упорядочены. В такой системе не только артефакты имеют свои названия, но и все необходимые признаки артефактов и все отношения между артефактами. Тут написания многих терминов сокращены и сведены к аббревиатурам, их отношения — к знакам, и выражения получают облик формул, как в математике или в современной логике. Всё *закодировано* подобным образом.

Вполне естественно, нужно иметь предварительно хорошие классификации для соответствующих территорий и объемов материала, иначе такой код невозможен.

Гарден и его сотрудники в Марселе разработали такие *аналитические коды* для разных видов археологических источников, причем эти коды были специально рассчитаны на некоторые районы восточной и европейской археологии (Гарден 1956–58). В 1958 г. Гарден сделал также и обобщение на английском: «Четыре кода описания артефактов: очерк по археологической технике и теории» (рис. 34.2).

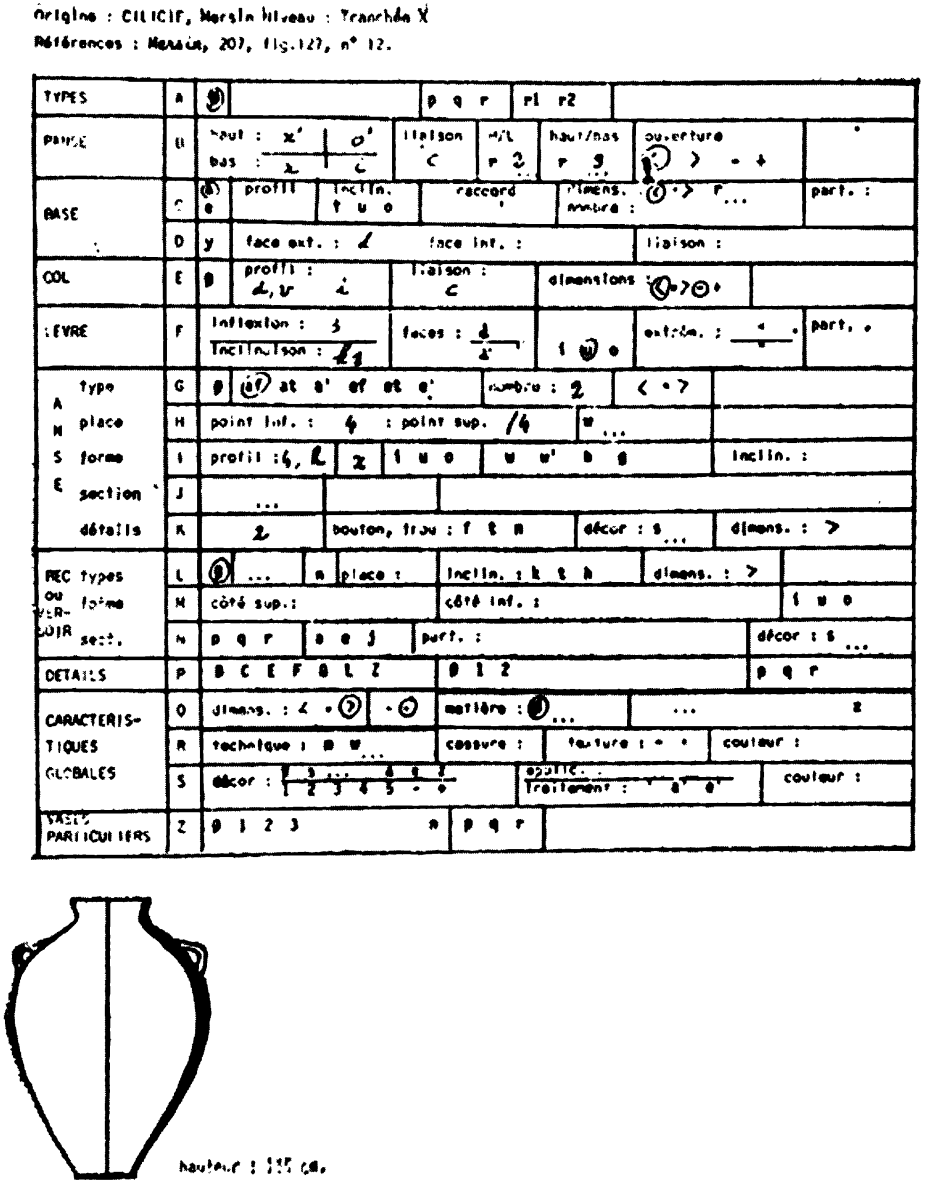

Рис. 34.2. Пример описания археологического объекта в терминах аналитического кода из статьи Гардена 1976 г. (Гарден 1983: 104, рис. 13).

Один из этих кодов был интенсивно проверен на обширном материале. Сотрудник Гардена Жан Деэй (Jean Deshayes) опубликовал фундаментальный «Каталог металлических артефактов медного века между Дунаем и Индом». Все артефакты были обозначены в соответствии с таким кодом. Более того, весь каталог был напечатан не только в форме книги, но и в форме картотеки — на перфорированных карточках, для каждого артефакта одна карточка. Отверстия в карточках были продырявлены в местах соответствующих каждое одному конкретному признаку, так что, просунув спицу в отверстия, можно было сразу выбрать все карточки (соответственно все артефакты) с данным признаком. Ящики этой картотеки стоят ныне в больших археологических библиотеках как памятник отважному предприятию... и автору (он был убит во время раскопок на неспокойном Востоке). Но ящики стоят мертвым грузом — ими никто не пользуется: то ли непривычно, то ли дело в том, что перфокарты устарели, оказались недолговечны, уступив место компьютерам. А вот книги пока не вытеснены из обихода. Текст каталога читается.

За несколько лет до книги Малины, в 1975 г., сторонники Гардена и Сполдинга в России И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак и Я. А. Шер выпустили на русском языке книгу-учебник «Анализ археологических источников: возможности формализованного подхода». Книга эта стала знаменем группы советских археологов (кроме названных, к этому направлению принадлежали В. Б. Ковалевская, Г. Федоров-Давыдов). Обе эти книги, русская и чешская, суммируют достижения дескриптивной археологии и техники формализации.

Один из авторов русской книги Маршак хорошо объясняет установку советских ученых этого направления — *дескриптивную археологию* он противопоставляет *нормативной археологии*. Под нормативной он подразумевает такую, которая исходит в интерпретации не из описания артефактов, а из нормативов, из желаемых результатов, переставленных из предвидимого конца исследования в его начало и превращенных в априорные истины. То есть из идеологии, которая навязывалась ученым в Советском Союзе, да и в тогдашней Чехословакии.

В известной мере это соответствует замыслу самого Гардена: он нацеливал свою дескриптивную, источниковедческую археологию на обеспечение независимости практической археологии от теорий, философских убеждений и идеологических установок. Резон в этом есть, хотя в самих дескриптивных операциях и понятиях, конечно, будут сказываться разные теоретические и методические подходы (они возможны и в дескриптивной археологии), а, кроме того, и само образование дескриптивной археологии есть следствие определенной теоретической и философской концепции.

Стремление создать методическую систему, не связанную с меняющимися парадигмами, можно проследить и в обобщающем французском учебнике 1991 г. «Методы для археологии» Ф. Джинджиана.

5. Археологические конструкты Гардена и его логистический принцип. В 1979 г. Гарден выступил с более пространной книгой, озаглавленной в английской версии скромно и точно «Археологические конструкты», а во французской и русской версиях с более высокими претензиями — «Archéologie theorique», «Теоретическая археология» (Гарден 1983). В этой книге, представляющей собой обработку курса лекций, прочтенного им в Женеве, Гарден подвел итог четверти века своих усилий поднять археологию на уровень точной науки. В качестве исходного материала для своих размышлений Гарден взял всю совокупность археологических публикаций —

книг и статей, экспедиционных отчетов, проблемных исследований и монографий. Их он критически рассматривает, обобщает (в них многое типично и одинаково) и анализирует.

Для Гардена теория археологии есть, собственно, формально-логическая схема процедуры археологического исследования, которая аргументируется практическим удобством и картезианским (т. е. по Декарту) здравым смыслом. Все умственные операции археолога (рациональные, логические операции) разделены Гарденом на *сбор* материалов и *интерпретацию*. Он называет первую часть «компиляцией» (т. е. составлением), а вторую — «экспликацией» (т. е. разъяснением). Это примерно то, что у нас принято обозначать как «материалы» (или «сбор материалов») и «исследования». Внутри каждой из этих секций операции, в свою очередь, разделены и упорядочены последовательно в некую цепь. Обе цепи соединяются в одну

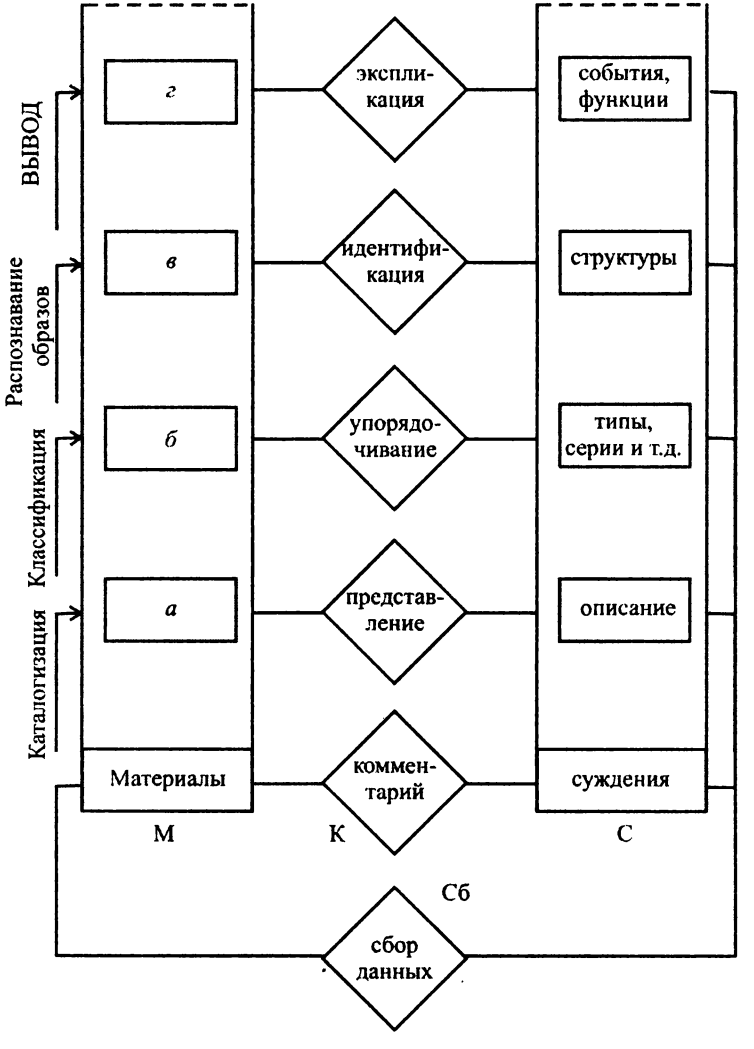

Рис. 34.3. Разные уровни перехода от материалов к суждениям у Гардена (1983: 45, рис. 3) — единая линия от сбора материалов к экспликации.

(рис. 34.3). Это соединение материалов с объяснением, т. е. интерпретация, и есть главный предмет Гардена. Для каждой операции предписаны правила, условные меры и т. д.

Книга Гардена, как отмечают Малина и Вашичек (Malina and Vašiček 1990: 134), представляет «оригинальный подход, из которого вытекает примечательно мало инноваций». Почему?

Вся цепь операций, процедура исследования выражена формально-логически и построена регулярно как *алгоритм* в математике и логике. Но она не в точности трансформирована в алгоритм, жесткий и однозначный, а оказывается несколько более свободной, это так сказать слегка расшатанный, разболтанный алгоритм — соответственно «принципу приблизительности» Башляра. Именно этот вид последовательности Гарден назвал *логистическим*. Он построил процедуру исследования в соответствии с логистическим принципом. Это означает, что Гарден разрешает кое-где неформальные, интуитивные умственные операции. Где? Если вы попытаетесь взглянуть внимательно на его конструкции, вы поймете, что как раз там, где приходится решать наиболее важные вопросы.

Для него интерпретация археологического материала очень проста, лучше сказать — слишком проста. Весь фокус якобы состоит в том, что нужно следовать очень строго ясной и простой схеме, не допуская никакого отклонения, кроме мелких («приблизительность»). Кажется, он всерьез думает, что такая установка на формально-логическое единство устранит все различия в интерпретации, потому что для расхождения нет содержательных оснований. А это явно иллюзия. В. А. Трифонов (1983: 244) в своей рецензии на книгу Гардена отмечает, что Гарден преуменьшает разрыв между *эмпирическими* типами, с которыми имеет дело его «компиляция», и *культурными* типами, к которым нужно придти в результате «экспликации», разрыв между этными и эмными понятиями. Гарден практически проигнорировал различение, внесенное Тэйлором, между эмпирическими и культурными типами.

Рис. 34.4. Каменная стела из музея Конья, Турция, исследованная в статье тюрколога Ж.-П. Ру, взятой Гарденом для примера анализа хода рассуждений (Гарден 1983: 175, рис. 24).

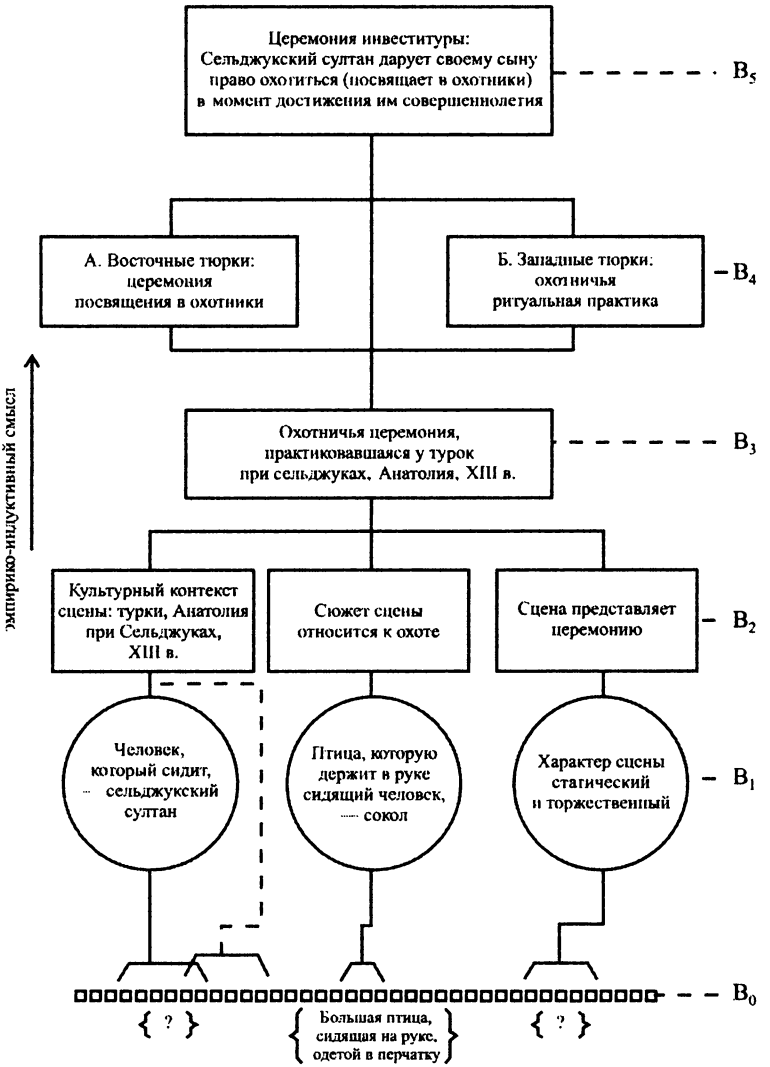

Рис. 34.5. Логическая схема эмпирически-индуктивной интерпретации Ру, представленная Гарденом (1983: 181, рис. 25).

Теоретическая археология Гардена — это плоская концепция. У нее нет глубины — она не объясняет, *откуда* же можно получить основания для интерпретации, не разрабатывает этих проблем. Отсутствует очень широкий спектр принципов интерпретации, ее моделей и синтеза. Гарден лишь старается понять и описать, *как* это делается на практике археологами — отсюда его подход (совокупность публикаций как исходный материал). Он рассматривает, как строят рассуждения разные течения археологии. Рассматривает он и конкретный пример интерпретации, разложенный на отдельные умственные операции — интерпретация изображения человека с птицей (рис. 34.4–34.7). Гарден не только описывает существующую практику, но и вносит предложения, *как* нужно интерпретационные суждения *выражать* и *оформлять*, как рациональнее это делать, чтобы как можно больше операций можно было

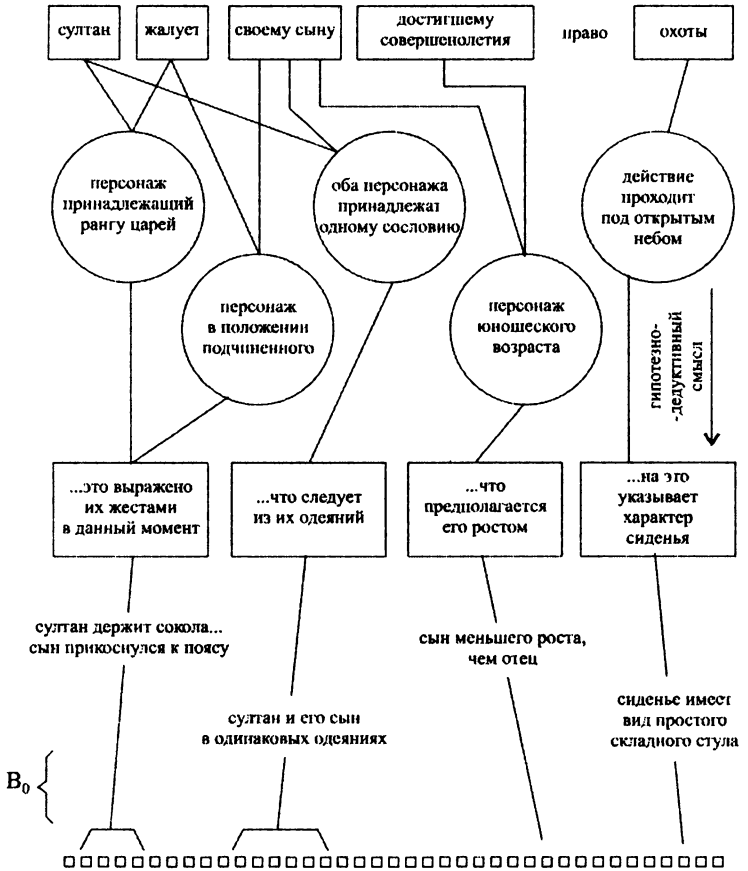

Рис. 34.6. Логическая схема дедуктивной аргументации предшествующей схемы в статье Ру, представленная Гарденом (1983: 183, рис. 26).

передать машине. Его теорией движет пафос упрощения, идея схематизации. Как только мы поймем эту цель, отпадут все претензии к его книге, вызванные ее чрезмерно обязывающим названием.

В название зря введено слово «теоретическая»: теория гораздо шире, чем логика рассуждений. На мой взгляд, теория — это сложная программа переработки информации, основанная на некой объяснительной идее. У Гардена, как у Шардена, тоже есть точка омега, только у него это не единение в Боге, а соединение теории с фактами в воображаемом конце идеального исследования. На мой взгляд, теория оплодотворяет практику в каждом пункте исследования.

Упрощение — неизбежная часть формализации. Формализация необходима для разговора человека с машиной. Машина ведь не понимает намеков и расплывчатых выражений. Ей нужна точность: да — нет. Всё должно быть разбито на бинарные оппозиции. Таков принцип ее устройства (Chenhall 1968; Doran 1970). Но можно ли всё богатство материала и проблем выразить в такой упрощенной форме? В принципе, вероятно, возможно. На современном уровне состояния компьютерной техники — вряд ли. Но стремиться к этому, вероятно, нужно.

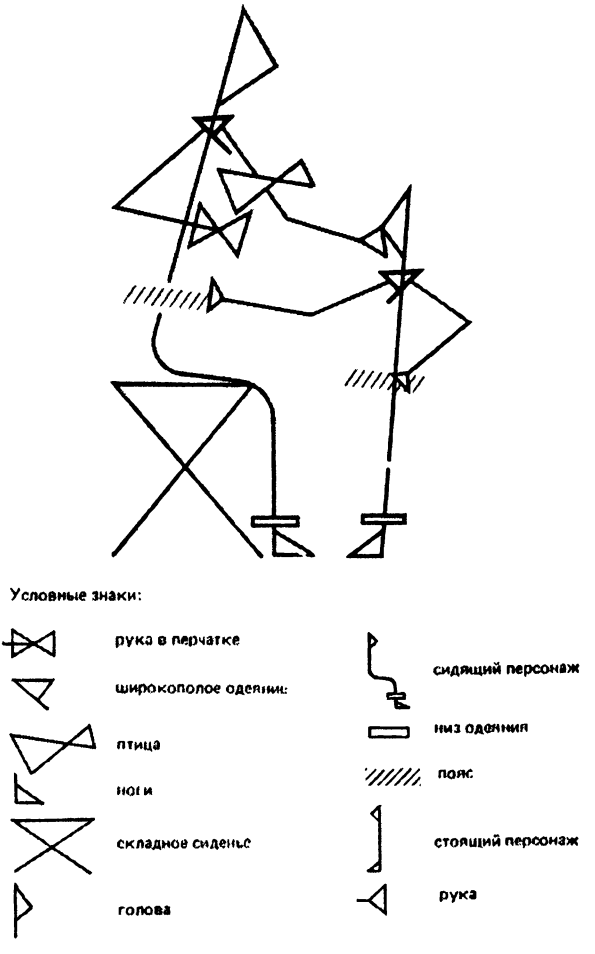

Рис. 34.7. Гарденовская схема графического представления сцены на изображении из Коньи. Условными знаками Гарден обозначил только те термины описания, которыми пользовался Ру (Гарден 1983: 206, рис. 27).

Сам Гарден в последние десятилетия загорелся идеей построить *искусственный интеллект археолога*. Он вознамерился достичь этой цели тем путем, на котором медики и геологи уже кое-чего достигли, — построив *диагностицирующую компьютерную программу*. Это означает: собрать все изучаемые классы предметов и их признаков, как и все возможные интерпретации, и ввести все известные корреляции между ними в компьютер. Такой искусственный интеллект получил название «*экспертной системы*». На эту тему в 1987 г. он выпустил книгу «Экспертные системы и ученые публикации». Есть и другие варианты искусственного интеллекта (например, на основе гипертекста).

С созданием экспертной системы и других вариантов искусственного интеллекта мы получаем механизацию работы, ускорение процесса, унификацию, больше точности, уничтожение субъективных ошибок и воздействий. Выводы можно оформить на основе теории вероятности. Это уже славно, но ничего больше отсюда не светит.

Никаких новых заключений, которых бы не мог сделать невооруженный человеческий мозг.

Я думаю, компьютеры позволяют надеяться на большее. Гарденова схема не позволяет. Но в границах своих задач она, безусловно, представляет собой очень ценный вклад — не как окончательная и универсальная методологическая система, а как образец подхода, начальный вариант, указатель пути.

Гарден долго преподавал в университете и в Школе высших исследований в социальных науках, читал курсы лекций в ряде стран, в том числе в России. В шести учреждениях он числится директором-основателем. В 1991 г. Гарден выпустил обобщающую книгу «Рассудок и число. Очерк о формализации научного рассуждения». Будучи в почтенном возрасте, он давно передал руководство Центром документации А.-Ф. Франкфору. Кроме его непосредственных учеников и сотрудников, во Франции его влияние не очень заметно: молодое поколение археологов больше склоняется в сторону англо-американских новаций; другая группа поднимает на щит Леруа-Гурана.

6. Галле и «археология завтрашнего дня». Его женевский последователь Ален Галле (не зря же Гарден читал свой курс в Женеве!) хочет сочетать в своей книге 1986 г. «Археология завтра» взгляды Гардена с неоэволюционизмом типа даннеловского. Галле с 1982 г. заведует кафедрой антропологии Женевского университета. Он ученик Леруа-Гурана и друг Гардена. Книгу свою он основывает на своих раскопках мегалитического могильника Шассёр и своих исследованиях в Западной Африке. Он начинает книгу с констатации того принципа, что факты сами за себя не говорят, а для их интерпретации требуется сеть отношений.

В историческом обзоре Галле описывает последовательность таких сетей, сквозь которые археологи видели материал: диффузионизм, миграционизм, эволюционизм, расизм, марксизм. Он различает также четыре археологии: описательную (она исходит из неразложимости фактов прошлого, и к ней принадлежит А. де Люмлей), событийную (культурно-историческую — к ней принадлежали Монтелиус и Чайлд), антропологическую (процессуальную и неоэволюционистскую — это Новая Археология) и контекстуальную (структуралистскую, символистическую — это постпроцессуалисты). Галле считает каждую ограниченной, а первую и последнюю (описательную и структуралистскую) вообще негодными, бессильной эмпирикой и чистой спекуляцией.

Собственная теория Галле взята из эволюционной биологии, которую он рассматривает как точную науку, тогда как историю — нет. Является ли археология «историей или наукой»? Это Галле считает ложной альтернативой. В археологии, по его мнению, можно выявить как «законы», так и «регулярности» и «сценарии». «Законы» характерны для биологи (как точной науки), а в археологии — для биологических и технических аспектов, «регулярности» — для культурной эволюции, а «сценарии», намечающие лишь канву событий — для истории. Стадии исследования, «открытые Гарденом», Галле распределяет по этим трем видам структур: «сценариям» соответствуют описательные процедуры, «регулярностям» — типология, «законам» — объяснительные суждения. Законы нужно отличать от историко-географических описаний. Из законов можно выводить предсказания (предсказываются регулярности) и заполнять лакуны в данных. Исторические же реконструкции основаны на анализе сценариев, на которые законы не влияют. Сценарии истории не детерминированы.

Таким образом, все компоненты системы взаимосвязаны: законы применимы только к наблюденным регулярностям (предсказывают их), а те не предсказывают, а только поясняют сценарии (дают им «ретросказание» — как бы предсказание, направленное на прошлое). Отсюда вытекает крайне ограниченная применимость законов в истории, а с тем и в историческом рассуждении археологов.

С поступательным продвижением исследования материал предстает археологу, по Галле, в четырехступенчатой шкале популяций вещей: а) исходная (это в живой культуре), б) наблюдаемая (открытая — это сохранившиеся археологические остатки), в) наблюденная (это извлеченные археологические остатки) и г) изученная (зафиксированные остатки). С продвижением по этой шкале неизбежно сужается материал, уменьшается потенциальная информация и увеличивается неопределенность суждений. Галле различает реальность вещей и наше восприятие этой реальности, в частности он различает «свойства», органически присущие предметам, и «признаки», которыми мы эти предметы характеризуем. Наша интерпретация должна считаться с многозначностью археологических фактов, с их полисемизмом, с многообразием возможностей толкования. Как пример он приводит разрушение ирригационных сооружений. Из возможных причин (климатические, экономические и проч.) Гарден в Бактрии предпочел инвазионную. А идеологию и вовсе нельзя надежно восстановить. Тут Галле следует за Хоксом и своим учителем Леруа-Гураном.

Следом за Гарденом, под влиянием которого он работает, Галле возлагает надежды на искусственный интеллект, в частности на «экспертные системы».

Говоря о приведении материала в порядок, пригодный для исследования, Галле относит к «свойствам» параметры телесности, формы и знаков, а к «признакам» — параметры места, времени и функции, тем самым сводя различия между свойствами и признаками к различиям в определимости — безотносительно к контексту и в контексте.

Ради соединения теории археологии с практикой Галле предлагает развить «une pensée artisanale» — мышление, ориентированное на ремесло, т. е. на изготовление вещей, но под вещами он подразумевает и «интеллектуальные изделия» (т. е., видимо, продукты умственной деятельности). Для орудий он принимает хорошие связи между формой и функцией (как с топором, долотом), а для социальных и ментальных структур таких корреляций нет и требуется реконструкция на основе гипотез. В приложении приводятся модели аргументации по Гардену — в старой манере в форме пирамиды (когда все аргументы сводятся к доказательству одной идеи), и по-новому — в форме веера (когда предполагается много возможных интерпретаций одного факта).

Концепция Галле гораздо меньше разработана, чем концепция Гардена, да и менее оригинальна. Но, странным образом, она пользуется едва ли не большей популярностью, чем труды Гардена — вероятно, потому, что меньше обязывает к трудоемким операциям формализации и своим различением законов, регулярностей и сценариев открывает дверь в действительный мир теорий.

Б. Шведский рационализм на путях сциентификации

7. Шведский рационализм в философии. Наряду с Францией Швеция — страна, в которой рационализм также представляет собой давнюю и сильную традицию. В 1649 г. королева Кристина, увлекавшаяся философией, послала за Декартом военный корабль, и Декарт на свою беду прибыл в Швецию и стал учителем

королевы. Вынужденный в северной стране вставать до рассвета, чтобы поспевать ко двору для уроков королеве спозаранку, он уже через год простудился и умер. Но философия его пустила корни в Швеции, в частности, в Упсальском университете. Шведские профессора, особенно медики, старались приложить к практическим наукам учение Декарта — о путях познания посредством рассудка, логики и математики, видя в природе не чудеса, а механизмы.

Через полтора века швед Турильд встретил Великую французскую революцию с таким энтузиазмом, что ему пришлось покинуть Швецию. В 1800 г. он издал «Архиметрию», в которой писал, что человек часто примеряется, но не измеряет, а для познания нужно измерять, ибо лишь математика дает надежное знание.

В конце XIX — начале XX века в Швеции сложилась так называемая Новая Упсальская школа. Ее называют первым ростком неопозитивизма (Мысливченко 1972: 159), на 15–20 лет опережающим Венский кружок, с которого неопозитивизм обычно ведет свое начало. Однако при этом отмечаются существенные отличия идей Новой Упсалькой школы от логического позитивизма. Лидер этой школы Аксель Егерстрём (Хегерстрём — Axel Hägerström, 1868–1939) ставил задачу изжить из теории познания субъективизм. В сочинении 1908 г. «Принцип науки. Реальность» он писал, что чувства являются источником многих заблуждений в познании, а «Суждение есть улавливание реальности» (Hägerström 1908: 77). Наше сознание само придает предмету познания ту форму, в которой он становится познаваемым, и в этом смысле оно создает предмет познания. Реальность появляется для познания в результате логической операции — определения.

Это скорее неокантианский тип мышления, т. е. другая ветвь *рационалистической* традиции, ведущая от Декарта через Канта к Когену. Герман Коген, лидер марбургской школы неокантианцев, писал в 1883 г.: «Определяющей идеей идеализма является тезис: не существует вещей иначе, чем в мышлении и из мышления». Но это же утверждает и догматический идеализм, а отличия своего «критического идеализма» Коген видит

> «исключительно в ссылке на науку; это только в ней вещи даны и доступны для философских вопросов: звезды даны не в небе, а мы характеризуем в науке астрономии в качестве данных те предметы, которые отличаем ... от продуктов мышления как основанных на чувственности. Чувственность коренится не в глазу, а в raison d'astronomie» (Cohen 1883: 126–127).

Это есть та философско-методологическая основа, которую усваивали шведские студенты-археологи в межвоенное время от своих университетских профессоров. Потом они сами становились профессорами.

В начале 1960-х годов в Швеции была предложена археологическая концепция, которая в ряде аспектов была близка концепции Гардена — также со специальным упором на строгую логику, на формальные дефиниции, на рационализм. Эта концепция была предложена в работах Матса Мальмера «Исследования по неолиту» (толстенная книга, напечатанная на немецком в 1962 г.) и «Методические проблемы в истории искусства железного века» — на шведском в 1963.

8. От 2М к 3Н. К этому времени богатая типологическая традиция в Швеции продолжалась дальше. Ученики Монтелиуса Нильс Оберг, Салин и позже Арбман разрабатывали конкретные типологические штудии, образцовые для всей Европы. Но в Швеции этого времени и традиция Софуса Мюллера не отвергалась. Позже, во второй половине XX века, даже появился шведский исследователь, Бо Грэзлунд

(Bo Gräslund), который утверждал, что методика датчанина Софуса Мюллера совершеннее. Он выяснил, что Монтелиус, когда он делал свои практические открытия, на конкретном материале, вовсе не применял свой типологический метод, а пользовался втихую тем самым методом, который провозглашал его противник Софус Мюллер. Вся скандинавская археология, была, собственно археологией двух М — Монтелиуса и Мюллера.

Однако со времени Второй мировой войны шведская археология начала все больше испытывать влияние новых географических идей. Ничего удивительного: к этому времени археология в других странах была уже давно под влиянием географии — как мы видели в Германии (Вале и его последователи), в Англии (энвиронментализм — Крофорд, Фокс и Грэйем Кларк), частично в Соединенных Штатах (Боас, Уисслер, еще больше многолинейный неоэволюционизм — Джулиан Стюард). Но энвиронменталисты разрабатывали географические аспекты, мало связанные с самой диффузией, и даже диффузионисты, как Вале или Боас, географические аспекты самой диффузии затрагивали мало — и естественно: идея диффузии проникла в археологию первоначально от биологов (миграции животных) и филологов (странствия сюжетов).

В Скандинавии географы на современном материале развили именно диффузионистские идеи: эти географы подсчитывали скорость диффузии, устанавливали ее законы. Они построили теорию диффузии. Они разработали также данные о территориальном распространении экономических характеристик населения. Это были скандинавские географы: датчанин Гудмунд Хатт и шведы Торстен Егерстранд и Давид Ханнерберг (Hatt, Hägerstrand, Hannerberg). Теорию диффузии особенно развивал Егерстранд. Вся эта плеяда географов сильно воздействовала на скандинавскую археологию. Шведский археолог Карл-Аксель Муберг сформулировал это так: «Археология двух М, в которой доминировали Монтелиус и Мюллер, замещается археологией трех Х, в которой много важных влияний исходит от не-археологов...» (Moberg 1981a: 218) (в шведском фамилии всех трех географов пишутся с одной буквы — Н).

Таким образом, в Швеции слились воедино разные течения: диффузионизм, географический подход и кое-что еще, но шведские археологи не ограничились прилежным заимствованием.

9. Матс Мальмер и его пространственная археология. Под этим влиянием находился Матс Эрик Густаф Сигурд Петерсон МАЛЬМЕР (Mats Erik Gustaf Petersson Malmer; рис. 34.8) из Стокгольма, родившийся в 1921 г. (см. Burenhult et al. 1987; Sørensen 2002) — он старше Гардена на 4 года. После учебы в Лундском университете, в возрасте 21 года, он начал раскапывать известное ныне свайное поселение Альвастра (раскопки шли с 1946 по 1980 г. с перерывами). Но его первая публикация 1948 г., результат его собственных раскопок средневековой больницы, стала, благодаря строгим методам раскопок, классикой шведской археологии. В начале 1950-х появились его статьи, где нашли выражение его тесные связи с палеоботаниками. Среди этих статей было первое в мире описание микроли-

Рис. 34.8. Матс Мальмер (Malina 1981: 281).

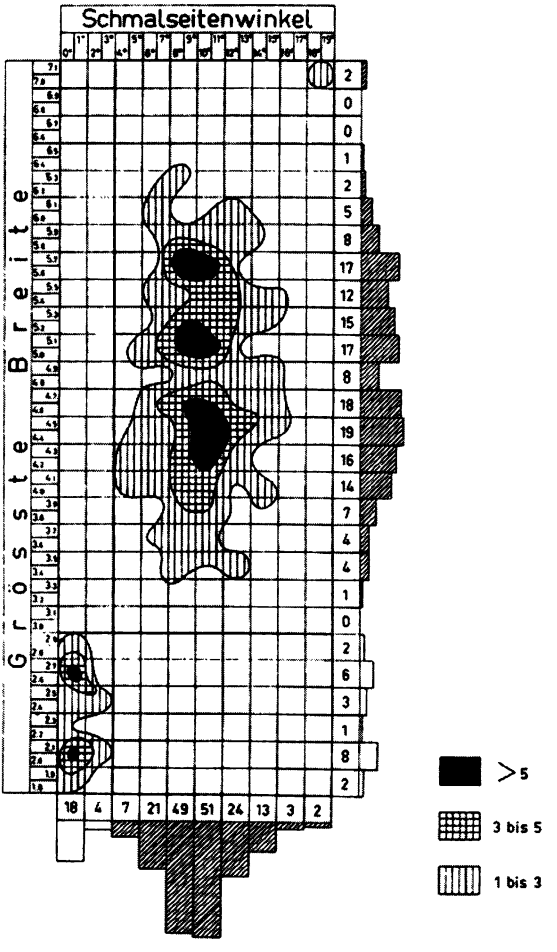

Рис. 34.9. Изарифмическое выражение корреляции наибольшей ширины и угла заострения (узких сторон) кремневых топоров и узких долот, найденных в бескурганных погребениях шведско-норвежской культуры боевых топоров (Malmer 1962, Abb. 83).

та найденного прямо на древке — так было доказано, что это были наконечники стрел.

В 1957 г. Мальмер опубликовал в статье свои хорологические (пространственные) исследования с новой для археологии техникой картирования — *изарифмами*. Он наносил на карту числовые значения картируемых характеристик (количество таких-то находок, или их размеры и т. п.) и соединял линиями одинаковые значения (*изо-* — греч. 'равные', 'одинаковые', *арифм-* — 'число'). Получалась не россыпь точек, а вписанные одна в другую границы, вроде карт рельефа (рис. 34.9). Такие карты дают представление о вероятных значениях этой величины в местах, не угодивших под шурф или раскоп (т. е. не ставших точкой на карте), и лучше показывают законы распределения данного материала по некоторому параметру. Мальмер показал в этой работе, что неолитическая культура боевых топоров занимала те же самые плодородные земли, что ранее были охвачены культурой воронковидных кубков, так что ее носители обладали схожей экономикой! Эти мысли он развил далее в своей колоссальной книге «Исследования по неолиту», напечатанной на немецком языке в 1962 г. («Neolithische Studien»). Мальмер вознамерился доказать, что куль-

тура боевого топора не вторглась с новой экономикой в Швецию с юга, что́ прежде было принято почти всеми, а продолжала прежнюю культуру этой местности. Он устанавливал преемственность.

В 1962 г. он получил докторскую степень за эту книгу. Вряд ли кто-либо когда-либо получал степень за более солидный труд. Это необходимо признать вне зависимости от того, справедливо ли его отвержение миграции или нет. В следующем году появилась другая его книга — «Методические проблемы искусства железного века», на сей раз на шведском с пространным английским резюме.

В начале 1970-х я написал книгу о Мальмере, но не мог опубликовать ее в России. Она опубликована лишь в 2010 г. А жаль, раннее ознакомление русских археологов с нововведениями Мальмера и критический анализ его трудов сильно продвинули бы вперед нашу науку. Да и сейчас это остается интересным.

Через два десятилетия после двух мальмеровских книг начала 60-х появилось его большое исследование шведских петроглифов. Между тем, с 1959 г. он возглавлял секцию каменного и бронзового века в Музее национальных древностей в Стокгольме, с 1970 г. был профессором в Лунде, с 1973 г. получил кафедру археологии в Стокгольмском университете.

В советское время, когда я вышел из тюрьмы и лагеря, но все мои звания и работа были утрачены, и я не мог найти никакой работы, даже чернорабочего, я думал, что придется эмигрировать. Мальмер тогда прибыл в Ленинград, и мы бродили с ним по улицам и обсуждали, что делать, как подготовить мой отъезд из СССР. Мальмер, уезжая, даже взял с собой заранее небольшое число книг моей личной библиотеки. Я припоминаю, что некоторые другие иностранные коллеги (из американцев) боялись принять от меня на вывоз даже рукопись.

В 1987 г. Мальмер ушел в отставку, и его ученики поднесли ему в этот момент большой сборник в его честь, в котором рассматриваются разные стороны его вклада в археологию. Ныне его биография и анализ его творчества опубликованы Сёренсен в Кембридже. В начале 90-х я посетил его в Швеции. Он был уже болен. В 2007 г. умер.

То, что он совершил, представляет огромный вклад в науку.

10. «Неолитические штудии». Рассмотрим его основной труд — тяжелый том «Neolithische Studien» — «Неолитические штудии» или «Исследования по неолиту» (Malmer 1962).

Тема этого тома — культура бронзового века (культура боевого топора) в Швеции, ее происхождение и развитие. Да, здесь чувствуется диффузионизм, но лишь как трансмиссионизм, учитывается влияние, миграция отвергается. Происхождение культуры решается в смысле диффузии с юга, с европейского континента, и в то же время продолжается местное развитие. Диффузия рассматривается в соответствии с географическими принципами. В основном культура развивается у него автохтонно, население сидит на том же месте, только влияния идут волнами с юга на север. Это трансмиссия изобретений — как у Егерстранда.

Этой позиции он придерживался всю жизнь. В статье 1991 г. («Ментальность центра и периферии»), отстаивая идею постоянной диффузии из Дании в Швецию, он пишет:

> «В течение последних 50 лет или около того сама идея диффузии отвергнута многими археологами (ссылки на Триггера и др.). Это отвержение противоречит рассудку. Весь опыт показывает, что идеи, моды, технические знания и конфигурации передают-

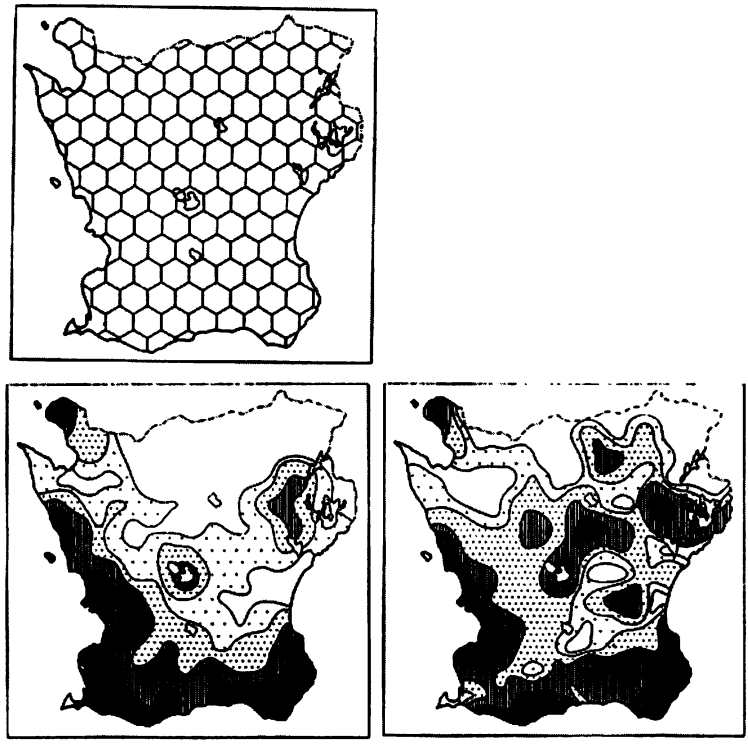

Рис. 34.10. Сеть гексагональных полигонов, наложенных Егерстрандом на карту юга Швеции — для составления изарифмических карт (Malmer 1962, Abb. 119–121).

ся. Очень немногим индивидам когда-либо приходит в голову оригинальная идея; мы заимствуем идеи друг от друга и, в конечном счете, от редких индивидов с творческой способностью. Чтобы дискредитировать идею диффузии, утверждается, что диффузионисты думают, будто влияния текут, как вода. Сомнительно, чтобы хоть один диффузионист так думал... Влияния вообще не текут; они принимаются или отклоняются» (Malmer 1991: 47).

Другой пример воздействия географов — карта распространения культуры. Сгущения находок выше среднего на карте называются у Мальмера *плионами*, соответственно разрежения — *антиплионами*. По аппликации ареалов и по взаимоналожению плионов одной культуры на антиплионы другой Мальмер устанавливает сосуществование культур. Но густоту находок Мальмер определяет не так просто.

Карта выполнена в соответствии с географической моделью — *изарифмическим* методом с предварительным распределением данных по *гексагональным полигонам*, как в локационном анализе у географов. Вся страна разбивается на множество гексагональных (шестиугольных) ячеек, похожих на пчелиные соты (рис. 34.10). Зачем это нужно? В квадратной сетке расстояния внутри каждого квадрата от центра до сторон и до углов — разные. Чтобы от центра ячейки были равные расстояния до всех краев, идеальным является круг, но круги не могут покрыть всю площадь, останутся зазоры. Сожмите круги так, чтобы все они сомкнули свои очертания — и вы получите гексагоны. Это многоугольники самые близкие к кругу и в то же время покрывающие сплошь всю площадь.

В каждой ячейке подсчитывается количество пахотных земель, потому что только эти земли приносят археологам случайные находки. Потом количество археологических находок в ячейке показывается не в абсолютных числах, потому что они не характеризуют истинную густоту вещей в прошлом, а зависят от нынешней распаханности территории. Как видите, учтены предупреждения Эггерса. Количество археологических находок на территории каждой ячейки показано в процентах к количеству пахотных земель в ней. Вот эти числа, выведенные в центр каждой ячейки, соединены изарифмами и составляют карту, похожую на карту рельефа. Результаты представлены как реальная карта распределения этих предметов в культуре.

В самом деле, если целых 20 находок получены там, где есть 20 квадратных километров пахотной земли, то это, можно считать мелочью по сравнению со всего какими-нибудь 2 находками, но полученными оттуда, где есть всего полкилометра пахотной земли: в первом случае отношение 1:1, во втором — 2: 0,5, т. е. в четыре раза больше.

Теперь уже остается техническая проблема: как провести изарифмы — по центрам ячеек, по их границам или округляя, как показать разную степень богатства археологическими находками — разной степенью затененности, разной густотой штриховки и т. п.

Мальмер, однако, очень оригинальный мыслитель, и его работа и значение гораздо шире, чем просто отражение географических влияний. Том исключительно богат разными аспектами археологического содержания. Есть много заключений о культуре боевого топора, теоретических проблемах археологии, о типологических исследованиях и т. д. Во втором исследовании, которое было издано на следующий год («Методологические проблемы истории искусства железного века») те же проблемы решались на другом материале.

11. Классификация как центр тяжести. Мальмер ответил на ставшую модной критику типологии многочисленными скептиками. Под типологией он понимает классификационную деятельность археологов. Он обращает внимание на тот факт, что все другие методы, применяемые в археологии, — стратиграфический, радиоуглеродный, споро-пыльцевой и т. д. — в каждом случае направлены на одиночный отдельно взятый предмет.

«... Археология же, как раз наоборот, направлена на общее, она стремится отобразить существенные черты жизни человеческих групп в первобытные времена. Поэтому ясно, что центральным археологическим методом является типология — учение о типах и их взаимоотношениях. Центральное археологическое понятие — 'тип'. Без типологии как центрального и объединяющего момента все другие методы и вспомогательные дисциплины археологии безнадежно распались бы, и археология как наука не могла бы существовать... Без типа нет типологии, без типологии нет археологии» (Malmer 1962: 880–881).

Мальмер объясняет почему:

«археологическая аргументация без типологических аргументов немыслима. Стратиграфический комплекс, показывающий, что сосуд А старше сосуда Б сам по себе не имеет никакой доказательной силы сверх того, что касается самих этих сосудов. Если же мы хотим обобщить данные этого комплекса и сказать, что сосуды типа А старше, чем сосуды типа Б, мы уже обратились к типологической аргументации. Ибо нет двух идентичных сосудов, и если мы выбираем сосуды, которые, по нашему представлению, "такие же, как" А или Б, то мы обращаемся к типологическому действию. Всякое заня-

тие древностями, которое нацелено восходить от отдельного предмета к чему-то общему, есть типология... Типология есть сама собою разумеющаяся предпосылка для определения культуры, а последняя в свою очередь — для любой интерпретации преистории» (ibid.: 47).

Таким образом, когда сравнивают стратиграфическую позицию горшка А с позицией горшка Б, отсюда не вытекают никакие значительные выводы. Только когда вы утверждаете, что горшок *типа* А раньше горшка *типа* Б, вы получите существенные выводы для общей хронологии. Именно классификация — основа всякой археологической деятельности, как и объединяющий стержень для всех отраслей археологии. Вот почему рассмотрение этого образует для Мальмера главную часть общей теории археологии.

По взглядам этого автора, его теория должна помочь археологам понять и объяснить скверную ситуацию в археологии и тем самым предложить меры по ее преодолению. В чем же состоит эта скверная ситуация?

12. «Рационализм» Мальмера. Мальмер, как и Гарден, критикует своих коллег за их манеру характеризовать факты, полную тяжких ошибок в логике: дефиниции, в которых сказано всё, что необходимо, и только то, что необходимо, смешаны с описанием, используются очень неточные и многозначные слова. «Большой горшок» — сколь большой? «Стройный кувшин», «прекрасно моделированный топор» — как это понимать? Мальмер называет свою установку '*рационализмом*' и противопоставляет эту установку '*импрессионизму*' ученых (так он это называет), предпочитающих интуицию и избегающих точности. Под рационализмом он имеет в виду не нынешнее бытовое понимание — практичность, эффективность, хотя и этот оттенок тоже присутствует, но, прежде всего, рационализм в декартовском понимании — как строгие правила мышления, дедуктивную логику, от слова ratio, разум. Для Мальмера именно рационализм лежит в основе сциентификации. Под импрессионизмом же он понимает нечто противоположное, а вовсе не стиль в искусстве. Но от того же слова — «впечатление». То есть импрессионизм для Мальмера — это манера научного подхода, основанного на простых впечатлениях и интуиции, расплывчатые описания, шаткие, многозначные формулировки, неясные рассуждения.

Но он также противопоставляет свою позицию, рационализм, и '*эмпиризму*'. Есть его специальная статья об этом 1963 года: «Рационализм и эмпиризм». Под эмпиризмом он, однако, имеет в виду не классический эмпиризм, т. е. опору на опыт — против этого он ничего не имеет. Под эмпиризмом он, собственно, подразумевает *материализм*, т. е. представление, что реальный мир существует и образует объективное ядро наших восприятий. Мальмер — сторонник объективности в археологии, но понимает объективность своеобразно. Он удручен бесчисленными разногласиями ученых относительно объектов изучения — артефактов, типов и культур — и считает, что вся эта разноголосица — от излишней самонадеянности. На деле же нам не дано вообще ухватить истинную суть вещей, нам даны только внешние параметры, и нужно это принять и признать, тогда мы сможем объективно фиксировать их. А как только мы пытаемся судить — якобы объективно! — о сути вещей, об их глубинных связях, мы погружаемся в гадания, тут объективности и быть не может. По Мальмеру, нужно откровенно признать *условность* всех наших суждений по таким вопросам, это и будет объективное отражение наличной картины. Иными словами, в противостоянии классификационных концепций Бру — Форда и Сполдинга Мальмер занимает позиции, близкие Бру и Джеймсу Форду.

И вот его кредо:

«Тип появляется в тот момент, когда для него сформулирована дефиниция (определение). Без дефиниции нет типа...» (Malmer 1962: 881). И еще: «...тип в археологии это более абстрактное понятие, чем тип, скажем, в этнологии, нумизматике или биологии. Нельзя сказать, что тип, с которым имеет дело археология, существует априори... Каждому предоставляется свобода определить, как много типов он выделит, т. е. ему принадлежит право построить типы из объектов, требовать столь много или столь мало сходств (внутри типов. — Л. К.), сколько он считает целесообразным» (ibid.: 56–57).

И Мальмер формулирует условия плодотворности типологии следующим образом:

«Целесообразность типа, касается ли исследование хронологии или культурных отношений, тем выше,

1) чем четче тип дефинирован,

2) чем многочисленнее объекты внутри типа,

3) чем независимее друг от друга элементы, охватываемые им, и

4) чем многочисленнее те независимые типологические элементы, которые идентичны во всех этих объектах» (ibid.: 57).

Как легко видеть, здесь отсутствует условие, которое напрашивается само собой: соответствие различий между типами реальному членению материала, его дискретности.

В теории Мальмера исходный пункт — неверие в объективность археологических фактов, но не всех. Вещи и сооружения распознаются как реалии, доступные объективной регистрации посредством измерений. Но как только начинается их обработка, неизбежно появляется субъективность. Для Мальмера невозможно отделить субъективность от понятий классификации — от типов, культур, стилей и т. п. Он видит выход в том, чтобы наложить на материал вполне условную, но абсолютно четкую сеть произвольных классификационных ячеек, затем измерить средние характеристики материала, который окажется в этих условных ячейках, и определить точно отношения между этими порциями материала. Тем самым мы сможем определить различия между разными частями материала, его изменчивость.

Позже в статье «Археологический позитивизм», появившейся в 1984 г., Мальмер признал некоторую близость своих воззрений «логическому эмпиризму», т. е. неопозитивизму Новой Археологии. Но в неопозитивизме ему приглянулись не Гемпель и Поппер, как Новым Археологам, а другие философы, с более гибкими концепциями — Людвиг Витгенштейн и финн Г. Х. фон Вригт. Один из заметных археологов Швеции, современник Мальмера Арне ЮХАНСЕН (Arne Johansen) был гораздо более последовательным противником позитивизма. В своих работах 1969, 1974 и 1984 гг. он, также придерживаясь рационалистического дедуктивизма, полностью отвергал индуктивные рассуждения в археологии. Он считал, что не только типы, но и все археологические данные не имеют собственного существования, а создаются гипотезами исследователей, поскольку теория присутствует уже в их отборе, описании и определении. Поэтому объективное познание путем индукции невозможно.

«Единственный способ преодолеть тенденцию собирать всё увеличивающийся объём подтверждений уже устоявшихся теорий — это сознательно создавать новые модели человека, причем модели, отличающиеся от того, что́ общепризнанно. Затем мы можем надеяться открыть типы данных, фундаментально новые, и увидеть мир иным способом» (Johansen 1969: 26–27).

Юхансен опирался на философию Витгенштейна, а особенно на нигилистическую методологию Фейерабенда, чем приближался к постпроцессуализму. Мальмер отвергал такой нигилизм, хотя в его построениях есть существенный элемент той же линии рассуждений.

Теория Мальмера великолепно разработана, внушительна и, тем не менее, в своей основе и следствиях противоречива. Если можно регистрировать объективно характеристики вещей, то почему невозможна столь же объективная регистрация непосредственных отношений между вещами, их группирования (а ведь это и есть классификация и типология)? Принять реальность вещей и вырабатывать методы объективной регистрации их характеристик — это требует построения объективного знания, тогда как игнорирование реальной артикулируемой структуры материала, реальных типов и культур уменьшает познавательные возможности археологии.

Мальмер сам почувствовал эту противоречивость. В 1993 г. он опубликовал статью «О теоретическом реализме в археологии». Он увидел спасение от условности своих понятий в появившемся в 1970-е годы философском учении «трансцендентального» или «теоретического реализма». Выдвинувшие это учение Ром Харре и Рой Бхаскар восстановили средневековое учение схоластов о реальности идей (оно было направлено против номинализма, утверждавшего, что реальны только вещи, а не слова). Харре и Бхаскар использовали соображения о реальном содержании наших понятий, выдвигавшиеся давно против чистых номиналистов. Они добавили к этому соображения о реальности ненаблюдаемых непосредственно частиц ядерной физики и заключили, что теоретические понятия реальны и сами по себе, что они в этом смысле не отличаются от материальных вещей. В 1980-е годы молодой финский археолог Э. Мууримяки подтянул это учение к теоретическим рассуждениям в археологии, а Мальмер, подглядев эти соображения молодого финна, уцепился за теоретический реализм, как за якорь. Между тем «теоретические реалисты» упустили из виду многообразие теоретических понятий. Среди них есть ведь не только обозначения реалий, ненаблюдаемых непосредственно, а устанавливаемых по следам, но и обозначения сугубых абстракций и даже фикций, абсолютно нереальных. Поэтому попытка подверстать свои условные понятия под теоретический реализм есть всего лишь схоластическая уловка. Теоретические понятия это лишь отражение реальности, бывает — адекватное, а бывает — и нет.

Иное дело, что условные классы имеют и свою ограниченную функцию как инструмент деления материала с непрерывной изменчивостью, без естественных рубежей. Но это не придает намечаемым условным классам реальности за пределами классификационной работы. Это всего лишь пробы материала.

13. Три М. Мальмер усовершенствовал не только картографический метод. Он развил дальше типологический метод Монтелиуса и устранил его дефекты. Для работы типологическим методом мы нуждаемся в замкнутых комплексах — они необходимы, потому что только посредством замкнутых комплексов параллельные типологические ряды связываются между собой и гарантируется их неслучайность. Со случайными находками, с изолированными артефактами типологический метод Монтелиуса не может работать.

Мальмер нашел возможность работать с такими находками тоже. Он строит серии не артефактов, а их составных элементов. Прослеживает, не как (предположительно) изменяются топоры или амфоры или фибулы, а как изменяются их отдельные элементы — параметры: длина, высота, ширина лезвия, фактура матери-

ала, или отдельные детали — форма и расположение проуха, ручки, шарнира и т. п. Это типологические ряды деталей. А для установления параллельности рядов что же здесь послужит связующим звеном вместо замкнутого комплекса? Сам предмет, вещь, артефакт. Он ведь объединяет все детали. Нужно только проследить, чтобы признаки или детали одного и того же артефакта были так же независимы друг от друга, как отдельные предметы, т. е. не связаны функционально, чтобы они не изменялись *по необходимости* вместе. Иначе было бы бессмысленно проверять, связаны ли они исторически.

Таким образом, Мальмер развил дальше, усовершенствовал градационно-типологический метод Монтелиуса.

Следовательно, к Монтелиусу и Мюллеру как великим скандинавским мастерам чисто археологической методики установления преемственности и хронологии есть смысл присоединить Мальмера. Появилось третье М — Матса Мальмера. Его критикуют за многое — как в его теоретические предложениях, так и в конкретных разработках. Но мы определяем значение ученого на основании того, что он нам дал, а не на основании того, чего он нам не дал.

14. Заключение и некоторые уроки. Подобно хронологическим прорывам XIX века, в послевоенной Европе Франция и Швеция снова оказались объединены методологическими идеями на пути сциентификации археологии — стремления превратить ее в строгую науку. Возможно, основы этого единства были заложены еще в XVII веке, когда Франция и Швеция были самыми мощными государствами Европы и были наиболее активны в развитии антикварианизма. В этих условиях путешествие Декарта на север заложило корни методологических оснований сходства науки в этих двух странах, и вот дало через три века схожие плоды.

Однако одни и те же веления времени диктовали тут и там девизы формализации. В век информатики и компьютеров это было неизбежно.

Из рассмотренного раздела истории науки можно извлечь и некоторые частные уроки.

Во-первых, история с изданием труда Деэя на перфокартах показывает, что забегание вперед может также оказаться бесполезным и даже провальным, если новации окажутся без шансов на долгую жизнь. Определить эти шансы довольно трудно. Скажем, кто может поручиться, что хронологические штудии, которым мы уделяем так много времени и сил, не будут полностью вытеснены радиоуглеродом и дендрохронологией и т. п. и не окажутся там же, где и перфокарты?

Во-вторых, поучительна и биография Гардена. Такая могучая и неутомимая активность при таком уме и таких знаниях привела, конечно, к успехам, но сколько из них вошли прочным вкладом в археологию? Очень немногие. Это показывает, что нужно рассчитывать на огромную трудоспособность и трудолюбие, затратить массу сил и времени, чтобы своротить гору, но останется от нее в науке лишь маленький холмик. И если останется, это уже хорошо.

В-третьих, глядя на Мальмера, мы понимаем, что даже у очень крупных и талантливых ученых не всё одинаково умно и резонно, иногда наивно до крайней степени. Но каждый из нас не гарантирован от этого. И нужно интенсивно развивать очень многие свои идеи, чтобы те, которые окажутся червивыми, не отняли время и силы от разработки тех, которые вырастут золотыми яблочками успеха. Но на каких они окажутся веточках, заранее не видно. С другой стороны, у всякого ли ствола хватит соков на много ветвей? У Мальмера хватило.

Вопросы для продумывания

1. Обычно деятельность Гардена связывают с неопозитивизмом. Здесь, кажется, впервые предложена увязка его с неорационализмом. Чем это можно подтвердить? И не кажется ли Вам, что неопозитивизм всё же проявляется у Гардена более интенсивно?

2. Есть ли смысл называть археологию Гардена дескриптивной? Ведь правилам описания посвящена только одна глава его книги и только часть его учения.

3. Не стоит ли отнести Лапласа к таксономистам? Сравните его теорию с работами Рауза и Сполдинга.

4. Попытайтесь отделить в творчестве Гардена позитивный вклад в археологию от неудачных предложений.

5. В чем причина фактического уклонения археологов от того, чтобы применять во всем объеме (за исключением, пожалуй, правил описания) схему Гардена в своих исследованиях, как и созданные им языки?

6. Мальмер, как и Крофорд, Фокс и Грэйем Кларк придерживались географического подхода. В чем конкретно сходства между Мальмером и англичанами?

7. Есть ли разница в реализации географического подхода Мальмером и англичанами. В чем она? Что препятствует объединить их всех в энвиронментализме, в географической или экологической школе?

8. Почему бы не причислить Мальмера просто к диффузионистам? Разве его диффузионистские высказывания и диффузионистская суть его концепции недостаточно выразительны?

9. Гарден и Мальмер — что в них схоже, в чем различия? Ближе ли они друг к другу, чем к другим школам?

10. У всех описанных здесь ученых — Лапласа, Гардена, Галле, Мальмера — можно найти существенные элементы других учений. Есть ли нечто, что позволяет объединить их в одно направление?

Литература

Дескриптивная археология и формализация: Chenhall 1968; Doran 1970; Laplace 1974; Клейн 1977б; Добролюбский 1982, 1985; Cohen 1883; Malina and Vašiček 1990; Синицын 1993.

Гарден и его соратники: Ковалевская 1970; Гарден 1983; Трифонов 1983; Шер 1995.

Мальмер: Hägerström 1908; Malmer 1962, 1991; Johansen 1969; Мысливченко 1972; Moberg 1981; Burenhult et al. 1987; Sørensen 2002.

Глава 35. НОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ (ПРОЦЕССУАЛИЗМ). ГЕМПЕЛИАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

1. Сциентистская революция в археологии США и Новая Археология. В 1962 г. в журнале «Американ Антиквити» появилась статья Люиса Бинфорда «Археология как антропология». Люис Бинфорд был тогда никому неизвестным ассистентом в Чикагском университете, только недавно прибывшим туда из провинции. Он объявил, что археология имеет антропологические цели, т. е. является точной наукой — как физика или химия. Самим автором без ложной скромности эта статья и несколько следующих были представлены как переворот в науке, как научная революция. Чуть позже он пояснил, что «идеи и теории точной науки стары, ... однако на поприще археологии эти идеи — революционны» (Binford 1968b: 274). Так они и оценивались повсюду молодыми американскими археологами, и с этого момента работы этого направления получили общее обозначение: Новая Археология.

В конце XIX века существовало течение, названное Новая История; в середине XX века — опять Новая История (лидер — Л. Стоун) плюс Новая География, вот теперь — Новая Археология. Английский лидер Новой Археологии Дэвид Кларк прямо связывал возникновение этого названия с географическим:

> «По крайней мере, ясно, что термин 'Новая Археология' заимствован прямо от младенческой Новой Географии. А это юное дарование было названо по аналогии с Ренессансом и в память о фундаментальном трактате Галилея по физике и механике "Две новых науки" (1610) и Бэконовском "Новая система" (Novum Organum, 1620). В свете этих аналогий вполне ясно, что означает 'New' — оно подразумевает новую философскую позицию, экспериментальный, генерализирующий, подход, развивающий теории и с эмпирическим упором на формулирование и проверку гипотез и следующий Бэкону в его восхвалении математики как 'королевы наук' и Галилееву изречению, что книга природы написана на математическом языке...» (Clarke 1972b: 53–54).

Таким образом, ассоциации были весьма амбициозные.

Как бы ни возникло обозначение «Новая Археология», оно было столь же неудобным и непрактичным, сколь и неверным. Неудобным потому, что от этого названия трудно образовать прилагательные. Непрактичным потому, что наука не стоит на месте — что сегодня ново, завтра будет старым. Такое имя можно избрать, только если быть убежденным, что вот сказана истина в последней инстанции и больше ожидать нечего. Что это Новый Завет.

Всегда попадались работы с подобными названиями. Кларк Уисслер в 1917 г. выпустил статью «Новая археология», но это было в годы, когда новацией в Аме-

рике было распределение артефактов и памятников по культурным ареалам. Колдуэлл в 1959 г. назвал свою статью «Новая американская археология» (Caldwell 1959) — в ней он радовался изживанию описательности в археологии, появлению социокультурных интересов и пропагандировал контекстуалистов (Тэйлора, Уилли) и неоэволюционистов, (Джулиана Стюарда). И даже после Бинфордовской революции, в 1974 г. появилась книга Уилсона с громким названием «Новая Археология», но в ней речь шла не о Бинфорде, а о приложении физики к археологии. Каждое направление сначала является новым, а потом старым.

А неверным является это название потому, что идеи Бинфорда, собственно говоря, не были абсолютно новыми. Дело не в том, что примерно те же идеи сформулировал в 1959 г. Колдуэлл — он сформулировал их не так ясно и не столь развил их, как Бинфорд, хотя и был, несомненно, новатором. В 1958 г., т. е. за год до своей статьи с введением ярлычка, он выступил еще и с утверждением, что демография и природная среда лучше объясняют изменения местной эволюцией, чем миграция и диффузия. А в 1962 г. он сделал доклад «Сферы взаимодействия в археологии» (напечатан в 1964), где отошел от обыкновения таксономистов, функционалистов и неоэволюционистов ограничивать исследование рамками одной культуры, но и отверг миграции и трансмиссии, заменив их изучением контактов и связей — «*взаимодействия*» (interaction). Понятие было тотчас, в 1964–65, подхвачено Бинфордом (Binford 1972a: 204) и другими. Дело не только в Колдуэлле — это время почти то же, что и начало деятельности Бинфорда.

Дело в том, что многие бинфордовские идеи были развиты еще раньше, хотя и в других формах, в разных других течениях. В советской археологии конца 20-х — начала 30-х мы находим их в очень громком звучании; во Франции 50-х часть бинфордовских идей уже представлена в деятельности Гардена; в учении Мальмера в Швеции — также.

Но американская молодежь (и не только молодежь) была недостаточно образована, мало начитана в мировой археологической литературе. Как подсчитал Мальмер, в сборнике 1968 г. у «новых археологов» на 178 ссылок всего одна иностранная. Американцам вообще свойственно думать, что вне Америки мир не существует. Мальмер и Гарден были им неизвестны, не говоря уже о советско-русской археологии. Американцы воспринимали бинфордовские идеи как с иголочки новые и как истинную сенсацию — на смех европейским светилам археологии.

Однако нужно признать, что в Новой Археологии было и в самом деле нечто реально новое, а этого многие ведущие археологи как раз и не хотели признавать. Новым было сочетание этих идей, новыми были их развитие и реализация — в беспрецедентных масштабах, и новым (для археологии) было специфическое философское обоснование всех позиций, хотя избранная философия (нео- и пост-позитивизм) была также не вполне нова. Совершенно новым был отпугивающий жаргон, наполовину заимствованный из физической и философской литературы, наполовину порожденный плохим владением литературной речью на собственном языке.

Сам Бинфорд подшучивает над этим, вспоминая, как его учитель Споллдинг проверял его курсовую работу. «Он зевнул и сказал, что моя работа практически нечитабельна. Я сделал орфографические ошибки в восьми словах, пропустил три точки и оставил ряд неоконченных предложений, одно из которых даже вообще нельзя считать предложением!» И Бинфорд добавляет: «Английский всегда оставался для меня тайной». Позже Бинфорд поручал править свои статьи («переводить на английский») своим студентам (Binford 1972:a 6, 10). Видимо, не всегда.

Вот образчик прозы Бинфорда в точном переводе (с соблюдением стиля автора):

«Этим предполагается, что всякая человеческая адаптация характеризуется логистической системой, в которой подвижность, оптимальное расположение — так, чтобы уменьшить требуемую подвижность, — и расчленение деятельности на подборки, части которых проводятся на разных местах, в общем, характеризуют активную стратегию. Это специфически человеческая стратегия, основанная на культурном агрегате, как минимум расчлененном на репродуктивные ячейки, способные поддерживать себя как отдельные самообеспечивающиеся ячейки, по крайней мере, часть сезонного цикла. Прорезают эти ячейки параметрические характеристики (как минимум, пол и возраст), которые служат базой для формирования рабочих или целевых групп, выполняющих различные типы работ, которые служат сохранению этих групп как целого» (Binford 1972b: 133).

Поначалу господствовала некоторая неопределенность, кого относить к Новой Археологии и каковы ее признаки. Бинфорд (Binford 1972a: 248, 330–331) протестовал против включения в Новую Археологию Дэвида Кларка, хотя все считают Кларка английским лидером этой школы. Уилли и Сэблоф относили к ней контекстуалиста Дитца (Willey and Sabloff 1974: 233, прим. 82), а Лиони — неоэволюциониста Эдамса (Leone 1972b: 25).

Сами «новые археологи» наиболее существенным и определяющим считали свою ориентацию на изучение не истории, которую они считали описательной дисциплиной, а «культурного процесса» (в нашей терминологии это «культурно-исторический процесс»). Как антропология выявляет законы, действующие в культуре ныне, так археология должна выявлять законы ее развития — «культурного процесса». На это ориентировал еще Колдуэлл в своей статье 1959 г.: «Новая археология в Америке имеет тенденцию больше заниматься культурным процессом и меньше заниматься описательным содержанием преисторических культур» (Caldwell 1959: 303). Позже эта особенность дала Новой Археологии более точное название — *процессуальной археологии* (O'Brian et al. 2005).

Но все согласны, что центральным и определяющим в Новой археологии является учение Бинфорда. Его и положим в основу рассмотрения.

Новая Археология распространялась, как пожар. В 1962 г. к статье Бинфорда добавилось еще 5 статей того же направления, в 1963 г. их вышло еще 8, в 1964–10, в 1968 г. два сборника, несколько статей в третьем и капитальный труд Дэвида Кларка. Если учесть, что в 1962–63 гг. вышли и два труда Мальмера, близкие по многим установкам к Новой Археологии, то можно сказать, что ни одно течение археологии не входило в жизнь так взрывообразно. «Новые археологи» тогда были в массе чрезвычайно молоды. В сборнике 1968 г. («Новые перспективы») из 16 авторов 6 ассистентов и 1 студент, в сборнике 1972 г. (под редакцией Лиони) из 17 авторов 10 ассистентов и 2 студента.

Кент Флэннери выразил свои ощущения так: «только сейчас началась одна из наиболее возбуждающих археологических эр» (Flannery 1972: 107). Точки над i поставил старый археолог Пол Мартин (1899–1974), который восхитился деятельностью молодого Бинфорда и его еще более молодых учеников и в 1971 г. опубликовал статью «Революция в археологии». В ней он признал: то, что́ совершили Бинфорд и его ребята, есть *революция в науке*.

«Что есть эта революция? — писа́л он. — Коротко, это попытка привести новые исследовательские стратегии, которые превосходят по силе те, с коими археологи сжились за более чем столетие. Это попытка заменить клонящуюся к упадку парадигму более

жизненной, которая, как все согласны, представляет лучшую методологию и более приемлемые результаты».

Он писал, что в его профессиональной карьере наступил было кризис, с которым он не мог справиться. Он чувствовал, что всё, что он делал, он делал по привычке, машинально, не зная, что́ потом со всем этим делать, пока рядом не оказались Бинфорд с его молодыми друзьями. Они стали учителями Мартина, по его словам, «терпеливыми учителями», и вот он буквально воскрес. «Я живу и работаю в новом мире» (Martin 1971).

А Марк Лиони в том же 1971 г. заключил:

> «Те, кто признает, что наступила революция, должны теперь признать, что революция окончена. Внезапно "новая археология" оказалась археологией каждого. На арене диспута — тишина» (Leone 1971).

Тишина была обманчива, но пока можно вспомнить, как всё началось.

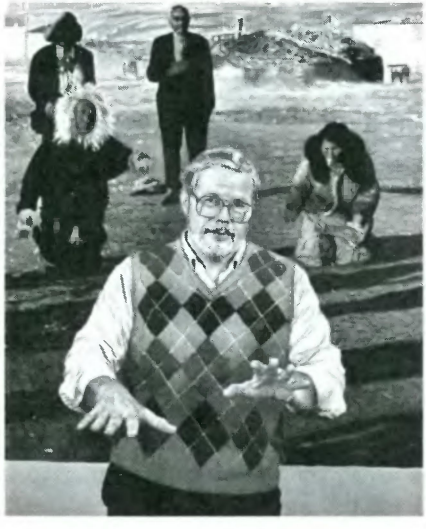

Рис. 35.1. Люис Бинфорд в начале 1970-х (портрет с суперобложки Binford 1972a).

2. Люис Бинфорд. Лидер нового течения Люис Р. БИНФОРД (Lewis R. Binford, рис. 35.1; см. Gamble 1999) родился в 1930 г. на юге США, в Вирджинии, в семье работника каменноугольного рудника. После школы он поступил овладевать лесничеством и изучать охрану живой среды, но пришлось уйти в армию. Там он столкнулся с человеческими проблемами, более острыми и интересными, чем жизнь зверья в лесу. После армии он перешел на культурную антропологию в университете Северной Каролины — это один из юго-восточных штатов, южнее Вирджинии. Там антропологию преподавали в духе Боасовского диффузионизма. Бинфорд рассказывает, как студентам давали читать остроумную статью Линтона о завтраке стопроцентного американца и приучали к мысли, что вся культура — это вещь «из кусков и клочьев». Но в лаборатории антропологии археолог Джоффри Коу рассказал ему о новых веяниях, о неоволюционистских идеях и посоветовал перевестись на север, в Мичиганский университет, где можно найти сильных учителей. Там преподают лидер неоэволюционизма Лесли Уайт и специалист по математическим методам в археологии Элберт Сполдинг, а ведает археологическим отделением Джеймс Гриффин, крупнейший таксономист, введший списки признаков.

Мичиганский университет в Ан Арборе не случайно оказался приютом либеральных ученых. Мичиган, с его автопромышленностью («Дженерал Моторс» в Детройте), вообще отличался активным профсоюзным движением и (ввиду прироста негритянского населения) негритянскими мятежами, а Университет с середины 60-х привлекал радикальную интеллигенцию, выступавшую против вьетнамской войны. Это была среда, в которой сформировался Бинфорд.

В своих автобиографических заметках Бинфорд рассказывает, что Новая Археология родилась летом 1958 г. в поле, когда он с другим студентом, Марком Пэпуор-

том, после вдохновляющих лекций Уайта и Сполдинга столкнулись с традиционной полевой археологией в лице их шефа Гриффина (я уже пересказывал эпизод этого противостояния). Когда Бинфорд собрал все обгорелые камни, которые были в раскопе и привез их в лабораторию, изумленный шеф спросил его: «А что вы собираетесь делать со всем этим обожженным камнем?». Что я буду делать со всем этим камнем, я тоже не знал, признался позже Бинфорд, но тогда он тотчас ответил: «Как что! считать, конечно!» (Binford 1972a: 128). По окончании университета Гриффин назначил обоих друзей, получивших прозвище Двойников Золотой Пыли, своими помощниками, но их полевое содружество закончилось тем, что жена Бинфорда влюбилась в Пэпуорта и потребовала развода. Друзья рассорились, студенты разделились на две партии, а Гриффин оказался между ними, но Бинфорд, считая, что шеф поддерживает Пэпуорта, открыто издевался над Гриффином. Гриффин уволил обоих. Диссертацию Бинфорд уже не мог защищать в Мичигане, потому что Гриффин заявил: «Только через мой труп».

Бинфорд перевелся в Чикагский университет. Чикаго — крупнейший экономический и культурный центр США с традиционно сильным развитием профсоюзного движения, неподалеку от Мичигана. Университет, ведущий по ядерным исследованиям, прославился и своим изучением ранних цивилизаций Востока и археологическими экспедициями. Там тоже работал ведущий неоэволюционист — Роберт Брейдвуд.

Бинфорд занялся тоже археологией Старого Света и вступил в конкурентную вражду с уже пожилым Брейдвудом. В своих автобиографических заметках Бинфорд рассказывает, что студенты толпами бежали к нему в семинар, а семинар Брейдвуда опустел (40 студентов у Бинфорда, 2 у Брейдвуда). Так он обзавелся постоянными учениками, которые с энтузиазмом воспринимали его идеи — Стюарт Струвер, Билл Лонгакр, Роберт Уоллон, Джеймс Хилл, Лесли Фримэн, Ричард Гулд, Кент Флэннери, Сэли Шенфилд (которая вскоре стала новой женой Бинфорда). Идеи эти — изучать прошлое не для любования, не погрязнуть в бесконечных классификациях черепков. Археология может и должна сама познавать социокультурные системы и законы их функционирования, а для этого применять современные методы — как другие науки. В своих воспоминаниях Бинфорд вспоминает свои идеи тех лет:

> «Археологи были все маленькими Линнеями, классифицировавшими вещи ради классификаций. Были два Дарвина — Уайт и Сполдинг, которые вместе придали какое-то значение бесконечным таксономическим схемам археологов. ... Я должен был стать Гексли, рупором» (Binford 1972a: 9).

Его первая статья «Археология как антропология» (1962) была написана за одну ночь, когда он был еще ассистентом, и была встречена молодежью как сенсация.

Но в результате поражения в конкуренции Брейдвуд (так, по крайней мере, считал Бинфорд) голосовал против выделения университетом денег Бинфорду на экспедицию. Разъяренный Бинфорд тотчас, за уикенд, вместе с женой накатал для распространения среди студентов сатирический памфлет на главный предмет неоэволюциониста Брейдвуда — чайлдовы неолитическую и городскую революции. Памфлет назывался: «Революция хищников: рассмотрение данных о новом уровне обеспечения». А потом Бинфорд решил, что неплохо бы и опубликовать его — под видом серьезного исследования. Отправили в самый серьезный американский журнал «Аме-

рикен Антрополоджист». И что же — статья была принята! Тогда и Бинфорды стали считать ее серьезной.

Следующими значительными статьями были «Рассмотрение процедуры исследования» (1964) и «Археологическая систематика и изучение культурного процесса» (1965). Вместе с его первой статьей эти три статьи стали краеугольными камнями Новой Археологии. Так или иначе, Бинфорд очень скоро сумел выступить с острыми статьями, вел себя заносчиво, завоевал симпатии молодежи и ненависть археологов-ветеранов, включая его учителя Гриффина (таксономиста) и коллегу Брейдвуда (неоэволюциониста). Выступления на конгрессах наталкивались на непонимание. Проработав пять лет в Чикаго, он перебрался в Санта Барбару — на западное побережье США. Диссертацию он всё-таки защитил в Мичигане в 1964 г., тема — теоретическая: «Археологическое и этнографическое исследование культурного разнообразия». Его ученики образовали тесное и хорошо организованное сообщество единомышленников, которое стали прозывать «мафией Бинфорда».

В 1966 г. Бинфорд организовал симпозиум в Денвере на ежегодном собрании Американской Антропологической Ассоциации. На симпозиум пришли виднейшие лица в американской антропологии. Бинфорд оторвался от бумаги и заговорил, как оратор. «Я имел, что сказать, и я хотел, чтобы люди услышали». Видимо, он говорил очень вдохновенно — после его доклада зал поднялся и аплодировал стоя. Бинфорд рассказывает, что заплакал от потрясения. В 1968 г. вышел расширенный сборник этих докладов под редакцией Люиса Бинфорда и его жены (тогда еще жены) Сэли Бинфорд. Том состоял из статей Бинфорда, его жены, его учеников и пары друзей. Сборник был очень свежим, интересным и носил название «Новые перспективы в археологии». В нем была и переработка памфлета о революции хищников — в виде статьи Бинфорда «Пост-плейстоценовые адаптации». В ней предлагался пересмотр брейдвудовской критики Чайлда в вопросе о возникновении производящего хозяйства — вместо психологически присущего человеку стремления усовершенствовать свои орудия (это объяснение Брейдвуда Бинфорд называл виталистическим) Бинфорд предлагал материалистическое объяснение давлением перенаселенности — это демографический фактор.

Я опубликовал сочувственную, хотя и критичную рецензию в «Советской археологии» (Клейн 1973в) и поместил такую же оценку деятельности Бинфорда в своей «Панораме теоретической археологии» (1977). Уолтер Тэйлор, наоборот, встретил этот сборник язвительными словами «Наша дисциплина имеет полную экспозицию столь же всеобъемлющей концепции на рынке с 1948 г. (Тэйлор имеет в виду свою книгу). ... Что́ Бинфорды выдали в своей книге от себя, это не экспозиция теории и практики новой перспективы, а явное возвращение к старой» (Taylor 1969). Уилли и Сэблоф с этим не согласны. Новыми у Бинфорда они считают идеи эволюции (но это было у Лесли Уайта), системную модель культуры (но это было у Малиновского и контекстуалистов) и новые методы (к ним подходили Сполдинг и Форд, Гарден и Мальмер). Тэйлор высказался еще мягко. Другие лидеры ведущих археологических направлений отозвались гораздо резче.

На деле книга была далеко не столь уж пустой. Просто Тэйлор заметил только то, что было в согласии с его взглядами, и проигнорировал остальное.

Следующие несколько лет Бинфорд сражался с Гордоном Уилли, Чжаном Гуанчжи (из того же направления, что и Тэйлор) и лидером французских палеолитических исследований Франсуа Бордом (таксономистом). Уже в годы 1966–70 в головном археологическом журнале США из 12 самых цитируемых авторов 8 бы-

ли «новыми археологами» (Sterud 1978). В 1970 г. ученики и сторонники Бинфорда захватили издание этого журнала в свои руки, опубликовали соответствующий манифест, и с этих пор журнал разом изменил свою тематику, язык и внешний вид. Ученик Бинфорда, Стюарт Струвер, возглавил в нескольких издательствах выпуск серий археологических книг. К началу 70-х Бинфорд был уже в городке Альбукерке, профессором антропологии университета Нью Мексико. Немудрено, что университет Нью Мексико принял молодого радикального профессора. Расположенный на Юго-Западе США штат Нью Мексико, в котором сочетались культуры англо-американская, испано-мексиканская и индейская, в середине века испытал быстрый подъем на основе нефтедобывающей промышленности и научных исследований в ядерной сфере (лаборатория Лос-Аламос). Крупные ассигнования влились и в изучение местного культурного наследия.

Именно в это время появилась статья Пола Мартина о снизошедшей на него благодати.

В 1972 г. вышел новый сборник, целиком состоявший из статей Люиса Бинфорда, «Археологическая перспектива». Статьи перемежались в нем с автобиографическими заметками, в которых Бинфорд, переходя на личности, не щадил никого из своих противников. Тепло он пишет только об Уайте и Сполдинге, и рассказывает, как внимательно он читал и перечитывал книгу Тэйлора — на ней сохранилось несколько слоев подчеркиваний, сделанных разным цветом. Хотя Тэйлор и встретил его новации столь скептически, Тэйлора он не ругал, относился к нему как к духовному учителю. Гриффина он выставил в смешном и неприглядном виде, но сборник посвящен Гриффину.

Затем появилось много книг Бинфорда, обычно сделанных по тому же принципу: статьи последнего года или двух соединялись и просто печатались вместе под одной обложкой. Он не имел времени переписывать их или хотя бы сплавлять воедино. Но его ученики и сторонники печатали книгу за книгой, в которых они развивали и разрабатывали различные аспекты его теории. Кое-кто остался в Мичигане (Роберт Уоллон и Кент Флэннери) и в Иллинойсе (Стюарт Струвер), но большей частью они разместились в Юго-Западных штатах (в Калифорнии — Джеймс Хилл, Джеймс Сэкет и Бобби Уильямс, в Аризоне — Уильям Лонгакр и позже Майкл Шиффер, в Нью-Мексико — сам Бинфорд с женой). Юго-Запад — это был молодой промышленный район, который пережил бурный рывок в послевоенное время (в Калифорнии — компьютеры, Силиконовая Долина; в Аризоне — добыча меди и электронная промышленность, в Техасе, как и в Нью-Мексико, — нефть). Нажились капиталисты этих штатов — разбогатели и финансируемые ими прямо и косвенно университеты.

Эта связь «новых археологов» с особыми условиями социальной среды ставит вопрос о социальных корнях и условиях Новой Археологии.

3. Социальная среда и корни. Дэниел в своей историографической книге пишет:

> «Эти новые движения в Америке, конечно, связаны со скудостью доколумбового археологического материала. В течение столетий для всеобщего историка ничего не происходило — ни Стоунхенджа, ни мальтийских храмов. Разочарованные мизерностью своих находок американские археологи ищут прибежища в теории и методологии и убивают время в болтовне об 'освещении культурного процесса' и установлении законов культурной динамики» (Daniel 1975: 371–372).

Триггер и Брейдвуд находят более серьезные причины для появления этого течения в Америке — в социальных изменениях. С середины века начались экологическое движение, негритянские мятежи и бунты молодежи, убийства президентов и политических лидеров, и, наконец, волнения в связи с Вьетнамской войной. Молодежь была недовольна культурой отцов и требовала от наук новых объяснений. Брейдвуд отметил, что «новые археологи» принадлежали к поколению, чьим девизом было: «Не верь никому, кто старше тридцати» (Braidwood 1981/1989: 97).

Приток американской молодежи в археологию был связан с резкой интенсификацией археологических научных занятий в связи с общим ростом американской науки. Еще в 1957 г. министр обороны США Уилсон говорил: «Фундаментальные исследования — это когда вы не знаете, что делаете» (Шейнин 1963: 352). Но участие атомной бомбы, компьютеров и космических ракет в усилении военной мощи страны побудило США провести переоценку приоритетов, а запуск советского спутника в 1957 г. резко повысил расходы на фундаментальные исследования. За менее чем полтора десятилетия с 1953 по 1966 г. расходы на них выросли почти в 7 раз (Политика 1971: 178)! За полтора десятилетия с 1956 по 1970 гг. федеральные расходы на фундаментальные и промышленные исследования выросли с 852 млн. долларов до 6112 млн., т.е. более чем в 7 раз (Масленников 1971: 126).

Доля социальных и гуманитарных наук в этих суммах была поначалу невелика. Но поражения во вьетнамской войне заставили взглянуть иначе на роль этого фактора. Как выразился один американский антрополог, первоначальная политика «по 10 солдат на каждого вьетнамца» уступила место другой: «по 10 антропологов на каждого вьетнамца» (цит. по Berreman 1968: 391), а волнения в США, связанные с вьетнамской войной, повысили и вообще значение этих наук. Федеральные расходы на социально-экономические и психологические науки за тот же срок возросли более чем в 11 раз (Масленников 1971: 126).

В результате за десятилетие с 1955 по 1964 год количество археологических экспедиций, финансируемых Национальным Научным Фондом, возросло с 3 до 57, а сумма на каждую экспедицию с 8–10 тысяч долларов до 25 тысяч. С 1960 по 1974 был принят ряд федеральных актов об охране памятников и необходимости их исследования перед началом любой стройки — начались *консервационная* (*спасательная*) и *контрактная* археология. В одном только штате Аризона из окончивших университет по археологии в 1951 г. лишь 1 получил работу по специальности, а из окончивших в 1974 — уже 50. В этом же штате на антропологические курсы записалось в 1964 г. около 1450 студентов, а в 1971–74 гг. записывалось по 2900–3000 человек (Schiffer 1980).

Томас Пэттерсон (Patterson 1986) подметил, что если элита традиционной археологии сосредоточивалась в городах Восточного побережья США, то большинство кадров Новой Археологии происходит из усилившегося среднего класса штатов, разбогатевших после войны — Центральных и Западных.

Я бы хотел подчеркнуть также важный *кризис внутри археологии*. Существующие теории не могли справиться с притоком колоссального объема данных и новых технических средств. Некоторые теории археологии — как диффузионизм, чистый энвиронментализм, даже неоэволюционизм — уже утратили свой авторитет к 60-м годам. Все их успехи были уже в прошлом. Новые течения — дескриптивистские новации Гардена, неогеографические штудии Мальмера — развивались практически в том же направлении, что и Новая Археология.

Вот и Мартин писал о своем личном профессиональном кризисе. Колин Ренфру (Англия) отметил в 1973 г.:

> «Говорить о 'кризисе' в археологии или о 'методологической революции' стало ныне общим местом. Действительно, элементы традиционного уже подхода прежних поколений сегодня очень широко признаются полностью неадекватными» (Renfrew 1973a: IX).

Симптомом, а также и следствием этого кризиса и было появление Новой Археологии.

4. Нео- и постпозитивизм: влияние Гемпеля и проблема достоверности знания. «Я бы посоветовал Вам почитать кое-что по философии науки», — сказал студенту Бинфорду лидер неоэволюционизма Лесли Уайт не то в 1956, не то в 1957 г., и студент не преминул воспользоваться этим советом. «Новые археологи» отошли от позитивистского эмпиризма своих предшественников и вместо того на первый план выдвинули *нео- и постпозитивизм.* Но это очень широкое и разнообразное течение. Сами «новые археологи» называют свою философскую позицию «логическим позитивизмом». На деле более популярны среди них как раз другие течения. Проследим вкратце ход развития этой философской методологии науки.

Неопозитивизм сохранил присущие всему *позитивизму* цель и путь к ней. Цель — заставить все науки работать строго, надежно и экономно, независимо от субъективных пристрастий работников, в том числе и от пристрастий, обусловленных социальными позициями. Путь — через приоритет наблюдениям (эмпиризм) и выявление законов обобщением данных. Неопозитивизм унаследовал от позитивизма и усилил также страсть расчленять сложные образования и сводить их к простейшим (редукционизм), а все науки преобразовывать по образцу естествознания (сциентизм) и даже еще уже — физики (физикализм). Однако физика и другие науки открыли ряд важнейших явлений мироздания (атомы, электроны, гены, кварки, черные дыры) как раз не этим путем, не простым обобщением данных. Пришлось модифицировать позитивизм.

а) Сперва, в начале века было предложено (Рассел, Уайтхед, ранний Витгенштейн) для ликвидации парадоксов представлять мир как совокупность элементарных фактов (*логический атомизм*) и строго отличать фактуальные высказывания («синтетические») от выводных, формально-логических («аналитических»), а прочие удалять как бессмысленные. Языком науки стал язык математической логики. Но с отказом от упования на простое эмпирическое обобщение не удавалось обеспечить достоверность знания.

б) Для устранения этого недостатка в 30-е годы венские философы (Шлик, Карнап, Нейрат, Тарский) ввели «протокольные предложения» для фиксации чистых наблюдений и полнее разработали формально-логический аппарат выводов. Они уточнили операции верификации и аксиоматизации, сведя науку к системе аксиом и выводов из них и создав *логический позитивизм.* Познание человеческого сознания они заменили познанием внешнего поведения (бихевиоризм). Конечно, познавать сознание и невозможно иначе, чем через внешнее поведение, но они ограничили познание внешним поведением, полагая, что продвигаться далее бессмысленно.

в) Но математик Гёдель показал невозможность полной формализации и аксиоматизации без внешней опоры, а чистота «протокольных предложений» оказалась иллюзией. В 40-е годы Карнап и Тарский увидели спасение в том, чтобы логический

анализ подчинить функциональному. Задача унификации наук была возложена на семиотику — науку о знаках и символах (это *семантический позитивизм*).

г) Тут жесткие правила логики вошли в противоречие с пластичностью реального содержания, очень осложнилась классификация. Выход из трудностей увидели в предложении позднего Витгенштейна (публикации 50-х годов) отказаться от оков формально-логического анализа вообще, признать естественный язык моделью мира и исходным языком науки (*лингвистический позитивизм*). Но тогда чем проверять надежность выводов и знаний?

д) В результате ведущие философы этого направления вовсе отказались от индуктивизма и от попыток строго подтвердить фактами каждую идею отдельно. Уже в 30-е — 40-е годы Поппер и Гемпель (Гемпель 1977), а следом за ними Нагель, Лакатош и Кун (особенно в 50е — 60-е годы) пришли к выводу, что место логике — не в добывании знания, а только в его проверке. Они заключили, что оценивать знание можно только как широкие теоретические системы и в широких контекстах — по работоспособности, конкурентоспособности, вместо верификации (проверки подтверждением) устраивать «фальсификацию» — испытание на прочность (проверку попытками опровергнуть). Достоверность же, по их мнению, вообще недостижима.

С их точки зрения, объяснить — значит подвести объясняемый факт под универсальный закон. В росте науки главным стали считаться не обобщения накапливаемых фактов, а выдвижение и смена всё более пригодных гипотез и испытание их на всё новых фактах. Главным логическим инструментом стала не индукция, а *дедукция*. Учение Поппера называют *критическим рационализмом*. Неопозитивизм, таким образом, пришел к частичному самоотрицанию (это *постпозитивизм*).

е) Постпозитивизм также не остался последним словом в науке, его много и дельно критиковали: и он не сумел уложить богатство исследовательского процесса в рамки упрощенных позитивистских схем. Под влиянием критики Гемпель и Нагель ослабляли ригористичность своих схем, признавали их ограниченность. Такое размывание постпозитивизма способствовало тому, что наряду с ним продолжали пользоваться кредитом (особенно не у философов) также прежние варианты неопозитивизма. В результате ученые частных наук пользовались эклектической смесью разных методологических концепций, но преимущественно — постпозитивизмом. Такова оказалась философия Новой Археологии.

«Новые археологи» поставили себе задачей не только выявлять отношения и порядок в археологическом материале, но давать их *объяснение*, действуя по рецептам Поппера, Гемпеля и Нагеля. Именно на этих философов больше всего ссылаются Бинфорд и его единомышленники. Хотя все «новые археологи» признают нео- и постпозитивизм своей философией науки, не все из этих археологов жестко придерживаются в своей науке правил, сформулированных философами: выявление законов, объяснение как подведение факта под закон и т. п. Бинфорд поначалу придерживался, ссылаясь больше всего на Гемпеля, и под воздействием ранних работ Бинфорда сформировалась группа его ближайших учеников и приверженцев, которые именно в этом духе и трактовали Новую Археологию. Их позицию поддержал Сполдинг своей статьей «Объяснение в археологии» в сборнике Бинфордов «Археологические перспективы», 1968 г. Поскольку не все так неукоснительно следовали за Бинфордом и Сполдингом в подчинении археологических исследований ригористичной логике науки, проповедуемой Гемпелем, можно сказать, что с самого начала сформировалось особое направление Новой Археологии. Я называю здесь его *гем-*

пелианским. Только его мы и будем рассматривать в этой главе наряду с общей характеристикой Новой Археологии.

5. Археология как антропология — против истории. От Лесли Уайта унаследовал Бинфорд свой общий *сциентизм* — свою веру в то, что познание культуры (антропология или уайтова культурология), как и социология, принципиально не отличается по своим методам от физики и химии.

Поколением раньше Новой Археологии Тэйлор говорил о «врастании археологии в дом антропологии». Уилли и Филлипс утверждали: «Археология — это антропология или ничто». Основатель Новой Археологии заявил, что археология — это просто *часть антропологии* (Binford 1962/1972; критический анализ этой статьи см. в: Eggert 1976). Он, однако, не стал требовать, исходя из этого, чтобы археология заимствовала теории из антропологии. Вместо этого он просто распространил *антропологическую ситуацию с теориями* на археологию. По учению Уайта, антропология вся пронизана теориями, потому что она имеет дело с законами. Бинфорд распространил действие этих законов на археологию. Статью 1962 г. «Археология как антропология» перепечатывали в ряде сборников. Она стала образцом и классикой. Ученик Бинфорда Билл Лонгакр в 1964 г. опубликовал заметку «Археология как антропология: частный случай»; в 1970 она, сильно расширенная, вышла книгой. Пэтти Джо Уотсон, сторонница Бинфорда, выступила в 1971 г. на ежегодном собрании Американской Антропологической Ассоциации с докладом «Будущее археологии — в антропологии».

По американским представлениям, социокультурная и физическая антропология, этнология и этнография, лингвистика, первобытная археология, психология и частично социология образуют все вместе антропологический комплекс дисциплин. В соответствии с американской традицией, Бинфорд относит весь антропологический комплекс дисциплин к точным или *номотетическим*, т. е. законополагающим наукам (science), не к гуманитарному знанию (humannities). Это значит, что он предлагает считать, что первобытная археология родственна физике, химии или *социологии*, а *не истории* и не филологии или литературной критике. Его ученики даже создали особый журнал «Антропологическая археология».

Историю, как уже говорилось, Бинфорд считает описательной наукой, и, утверждает он, старая археология, которая на нее ориентировалась, тоже была такой. Новая археология должна быть другой, не описательной, не сугубо эмпирической, а теоретической наукой, которая, как настоящая наука, даст *объяснения* изучаемых явлений, которые можно будет использовать в социальной жизненной практике, для предсказания хода развития. Ведь если антропология изучает культуру в ее нынешнем функционировании, то археология, могущая сопоставить с этим глубокое прошлое, изучает всё развитие на большом протяжении времени и способна выявлять законы развития.

Таким образом, не *история общества* — сфера приложения сил Новой Археологии, и даже не *история культуры*, а *эволюция* культуры и выявление ее *законов*. Вот почему Бинфорд рассматривает *законы культурного процесса* как главную задачу изучения археологического материала. В русской терминологии мы привыкли называть прослеживаемое развитие не культурным, а культурно-историческим процессом, но это не просто различия синонимов, близких к тождественности. Говоря о *культурно-историческом процессе*, мы имеем в виду историю культуры, причинно-следственную связь событий и изменение социально-экономических структур, и

только марксисты добавляют еще и общие закономерности хода истории; говоря же о *культурном процессе*, американцы имеют в виду эволюцию, близкую к биологической, и ее законы.

Это можно было бы назвать антиисторизмом, если бы термин историзм не имел двойного смысла: для одних (и это основное значение) историзм — это учение о развитии, о принципиальном различии этапов и уровней развития, а для других историзм — это приверженность истории. Антиисторизм Бинфорда — только во втором смысле.

Напоминаю, что от сосредоточенности на культурном процессе происходит и более точное название Новой Археологии — *процессуальная археология*, *процессуализм*.

Из установки на основополагающее выявление закономерностей культурного процесса «новые археологи» вывели стратегическую рекомендацию: оно должно быть первоочередным, исходным для всех других задач. То, в чем видели свою задачу традиционные школы, — реконструкция конкретного облика культурных общностей (past lifeways) и конкретных перипетий истории культуры (culture history) — оттеснялось на позднейшие этапы. Здесь пролег заметный рубеж. Традиционные школы, даже те, которые признавали задачу изучения закономерностей (неоэволюционисты), отводили ей вторую ступень: чтобы приступить к ней, считали они, надо сначала реконструировать события, конкретную историю. «Новые археологи» вывернули эту сентенция наизнанку и поменяли местами ступени: чтобы реконструировать конкретную историю, надо сначала выявить закономерности и очертить основную составляющую культурного процесса, понять его ход. В его рамках и осмыслить археологические остатки как следы тех или иных событий. Иначе чем руководствоваться в реконструкции? Так родился девиз предварения истории процессом.

На этой основе в 1967–68 гг. разгорелся спор между Бинфордом с его соратниками, с одной стороны, и Сэблофом и Уилли — с другой, о причинах коллапса цивилизации низинных майя. Сэблоф и Уилли утверждали, что эта цивилизация погибла в результате вторжения. Бинфорд приводит пример процветающего памятника местного населения после даты миграции, но главное — ставит саму миграцию под вопрос, коль скоро можно объяснить гибель цивилизации майя внутренним действием социокультурных законов без внешнего фактора, без вторжения. Нужно выяснить, не было ли здесь крупных изменений в экономике и жизнеобеспечении, — наставляет он. Пафос отрицания миграций очень напоминает настроения ранних советских археологов, только те это делали грубее, без формально-логического обоснования. Он вменяет в вину Сэблофу и Уилли то, что те не осознали необходимость объяснения (подведением под закон) самих постулируемых ими исторических событий, в частности миграции.

Кто был прав в этом споре? На мой взгляд, это был спор глухих. Обе стороны были частично правы, но Бинфорд не прав в основном. Действительно, для выявления законов культурного процесса нужно знать факты истории культуры (в этом Уилли и Сэблоф правы), а для реконструкции перипетий истории нужно знать законы, которыми руководствоваться в реконструкции (в этом прав Бинфорд). Получается порочный круг. Как разомкнуть его? А дело в том, что это не одни и те же законы. Реконструкция осуществляется не по законам культурного процесса, а по законам соотношений между археологическими остатками и событиями прошлого (ими займется вскоре Майкл Шиффер — о нем дальше).

На практике же реконструкция таких событий, как миграции, влияния и т. п. не

убирается из позиции перед разбором процесса и не помещается на позицию после него; она просто изымается.

6. Объяснение. Исходя из нео- и постпозитивистского представления о научном исследовании, Бинфорд оценивает закономерности, открываемые *индуктивным* путем, как банальные, как такие, которые не могут объяснить материал. А из признания археологии номотетической наукой с верхним этажом в виде теории, вытекает та роль, которую в Новой Археологии занимает *объяснение*. В качестве главной задачи номотетических (или законополагающих) наук и в частности антропологической археологии он выдвигает *объяснение*, тогда как история, по его мнению, только описывает — является наукой описательной (у неокантианцев ее задачи всё-таки определены не столь узко — они ее определяют как *идиографическую*, т. е. ориентированную на изучение своеобразия).

Объяснение же понимается по Гемпелю — исключительно как *подведение факта под закон*. Законы, стало быть, должны быть уже известны — иначе нет возможности объяснить. Как тогда получить сам закон — из обобщения фактов, которые еще не объяснены? Очевидно, из другой науки — в данном случае культурной антропологии. Но ведь антропология не имеет глубины времени, значит как раз законы культурного процесса должна дать археология...

«Новых археологов» не смущала эта несообразность, и они настаивали на единственном пути объяснения через универсальный закон, отвергая все другие способы объяснения.

Практически «новые археологи» понимают, что исторические школы тоже дают какие-то объяснения, но Бинфорд и его сторонники отбрасывают эти объяснения. Они считают их чересчур наивными, невнятными, заимствованными из этнологии или лингвистики и не поддержанными хорошо установленными законами. По Бинфорду, объяснение должно вытекать из *теории*, и теория должна формулировать *общие законы*. Эти формулировки производятся идеями. Безразлично, откуда берутся объяснительные идеи — «хоть из снов или галлюцинаций», лишь бы сформулированные законы были проверены на соответствие фактическому материалу по строгой логической процедуре и подтверждены.

Между тем, всякое объяснение подразумевает какую-то неясность, затрудняющую обращение с неким объектом. На разных этапах процесса познания такие неясности оказываются разными по характеру. Где-то нужно выяснить причины, вызвавшие событие, где-то туманны сами события. Стало быть, в одном случае требуется причинное объяснение, в другом — историческая интерпретация археологических фактов, а, кроме того, требуются и объяснения иного рода: генетическое, функциональное, структурное. Поэтому широкая трактовка объяснения такова: объяснить — значит поставить факт в систему связей, расширяющих возможности его использования.

Систематическое изложение основных пунктов Новой Археологии в гемпелианском варианте дал не сам Бинфорд, а пятерка археологов: два его ученика — Джон Фриц и Фред Плог (John M. Fritz, Fred T. Plog) в большой статье 1970 г. «Природа археологического объяснения» и три его сторонника: Пэтти Джо Уотсон, жена философа Ричарда Уотсона, и ее соавторы Стивен ЛеБланк и Чарлз Редмен (Patty Jo Watson, Stephen A. LeBlanc, Charles I. Redman) в книге «Объяснение в археологии: эксплицитно научный подход», вышедшей в 1971 г. Книга родилась из семинара Пэтти Джо Уотсон в Вашингтонском университете г. Сент-Луис (штат Миссури,

по соседству со штатом Иллинойс). В первой части книги авторы излагают логику науки по Гемпелю и Оппенгейму и устанавливают ее применимость к археологии. Во второй части формулируют объяснительные рамки для археологии, исходя из системного подхода и экологической проблематики. В третьей воплощают эти теоретические разработки в набор методов.

Эта книга стала евангелием основного, стержневого варианта Новой Археологии, «археологов Закона и Порядка», как их назвал Флэннери, имея в виду их приверженность культурным законам и системе культуры. Ирония клички заключена в том, что в политике «Закон и Порядок» были лозунгом консерваторов, сопротивлявшихся революции и беспорядкам. Не столь жестко мыслящие приверженцы Новой Археологии стали постепенно отходить от этого ригидного стержневого варианта, который я всё же предпочитаю называть гемпелианским (выражение «археологи Закона и Порядка» остроумно, забавно, но как термин неудобно).

7. Системная концепция культуры. Значительную роль в идейном вооружении Новой Археологии играет новая концепция культуры — как системного, упорядоченного материального образования. Предшествующую, диффузионистскую модель культуры Бинфорд называет «нормативной». По ней культура состояла из норм, идей о нормальных вещах и обычаях. Идеи эти в культуре не связаны одна с другой, составляя в ней аморфный набор, и свободно могут заимствоваться из культуры в культуру. Отражение такого набора — список типов или признаков культуры. Археолог-традиционалист прослеживает сочетания типов, плюсуя их. Бинфорд именует такой подход к культуре плюсующим («additive») и «блочно-строительным» (building-block). Он отверг эту концепцию. Идеи ненаблюдаемы, стало быть, изучать их непосредственно невозможно. Нужно изучать материальные явления. Ориентировка на нормы и типичное оставляет без внимания изрядную долю изменчивости — всё нетипичное. А каталожный, списочный, плюсующий подход не дает целостного представления и противоречит более плодотворному и современному системному подходу.

Основу концепции Бинфорда составляет модель культуры как *системы*, притом *динамической и органической системы*, т. е. системы живой, открытой, отвечающей на воздействия. В этом он следует Уайту.

Теория систем была выдвинута биологом Людвигом фон Берталанфи в 1940 г., подхвачена в 1953 г. экономистом Кеннетом Боулдингом. Системами они называют такие комплексы, в которых не только «целое больше суммы своих частей» (это знал еще Аристотель), но в котором элементы, включенные в систему получают новые свойства, которых у них не было до включения. Понятие системы принял Уайт для культуры. У Уайта культура — это термодинамическая система средств адаптации человечества к природе, она изменяется в зависимости от изменения природы. Эту модель заимствовал у Уайта Бинфорд.

Элементы культуры связаны либо совместной встречаемостью («ассоциацией») в комплексах (кладах, могилах, жилищах, слоях), либо одновременным изменением («ковариацией»). Эту взаимосвязь можно выявить.

Аналогичное представление о культуре характерно и для контекстуалистов, только у них на культуру воздействует не только и не столько природная, сколько социоисторическая среда — другие культуры. Соответственно более индивидуалистическому взгляду на исторические и культурные явления, их взаимосвязь в системе у контекстуалистов менее иерархична. Их культура столь же аморфна, как

у диффузионистов, только она целостна, ее элементы взаимосвязаны и их конфигурация зависит от контекста. Для Триггера, например, культура — это система, в которой каждая часть связана с каждой другой частью и все они взаимозависимы, как ячейки в волейбольной сетке: потянешь за одну ячейку — немедленно изменят форму все остальные (холистический взгляд). Бинфорд в «Археологии как антропологии» излагает дело схоже:

> «Процессуальное изменение в одной переменной, как можно ... показать, связано в предсказуемой и количественной форме с изменениями в других переменных, последние же в свою очередь связаны с изменениями в структуре системы как целого» (Binford 1962/1972: 21).

Однако Уайт и Бинфорд видят культуру более дифференцированной — эта система состоит из субсистем, и каждая организована особо. Элементы культуры объединены в агрегаты, каждый из которых изменяется несколько отлично от других агрегатов, хотя и во взаимосвязи с ними. Изменения в одном агрегате могут совершенно не затронуть элементы другого агрегата — оставить их в полном покое. Это как бы разные блоки механизма культуры или разные органы ее организма. Функционалисты уже давно представляли себе культуру именно так. В таком случае меру сходства культурных комплексов нельзя определять просто по составу элементов, как делали таксономисты, диффузионисты, миграционисты, для чего и составлялись списки типов или признаков. Ведь элементы в разных агрегатах могут иметь разное значение.

Сопоставление по составу типов или признаков могло иметь только одно толкование: сходство двух комплексов, а традиционным рассмотрением сопутствующих обстоятельств можно было уточнить, лежат ли в основе сходства контакты (то есть торговля, диффузия) или родство населения (то есть миграция, разветвление — филиация).

Исходя из этого, молодой Бинфорд выступил против традиционного изучения палеолита. Еще будучи невестой Бинфорда Сэли Шэнфилд изучала палеолит. Она раскапывала пещеру в Израиле и, вернувшись, доложила, что слой однороден снизу доверху. Бинфорд возразил, что этого не может быть, и взялся сам за расчеты, но тоже не сразу выявил различия. В ходе этих споров они женились, и Сэли отправилась во Францию к Борду. Тот ведь установил разные фации в слоях мустье во Франции. Через жену и Бинфорд с ним вступил в контакт. Он пришел к выводу, что Борд выявил не разные популяции мустье, а нечто иное. Летом 1965 г., на каникулах, Бинфорд поехал к Борду во Францию. Перед этим он репетировал встречу, проговаривая про себя свои аргументы, а Сэли очень нервничала, представляя, какую схватку ей придется наблюдать.

Встреча состоялась, и Сэли тщетно пыталась перевести разговор на обсуждение общих знакомых коллег. «Она позже сравнивала Борда и меня с двумя кобелями, кружащими и обнюхивающими друг друга, пытаясь разобрать, враг ли рядом. После долгого кружения и обнюхиванья Борд и я согласились обсудить характер изменчивости мустье». Они назначили день обсуждения (Binford 1972a: 191). В этот день нервничал Бинфорд. «Сэли порхала вокруг меня как надоедливый комар: «Не упоминай этого... Начни с того... Если он скажет... Если ты скажешь...». Борд начал, однако, с того, что стал показывать, как он сам научился делать орудия. Только когда Бинфорд расслабился, приступили к спору.

«Наши руки пришли в движение. "Но Франсуа!" "Но Бинфорд!" Мы спорили, вероятно, больше часа, наши голоса становились всё выше, мы вставали и садились, вышагивали взад и вперед, склонялись над планами, большие клубы дыма вырывались из его трубки, такие же — из моих сигарет. Все наблюдатели сдвинулись поближе; мадам Борд притулилась рядом с Сэли, Пьер перестал чертить, студенты уже не делали и вида, что работают. ... Это было возбуждающе; с каждым "но" моё уважение росло. ... С каждым "раундом" поединка Борд находил способ уязвить меня, а я поразить его. Внезапно Борд вскочил и встал лицом к лицу со мной. Я вскочил автоматически. Он положил мне руку на плечо, посмотрел прямо мне в глаза и сказал: "Бинфорд, Вы тяжеловес: я тоже". Я положил руку на плечо Франсуа, и он прервал спор: "Давайте-ка, пойдем выпьем доброго винца"».

А в чем суть спора? Для Бинфорда, представляющего культуру не как список типов, а как живую систему, как совокупность органов большого организма, различие в облике схожих культурных комплексов получает иной смысл: изменение облика может означать не обязательно разные культурные группы, разные популяции. Нужно выявить разные агрегаты, разные органы внутри каждого культурного комплекса, и это различие проследить по каждому агрегату отдельно. Тогда может оказаться, что налицо не смена культур, не различие культурных групп, в частности не разные фации мустье, а всего лишь перемена положения органов одного культурного организма в ходе циклического функционирования, т. е. как бы его разные «*структурные позы*» (structural poses). Иными словами, это могут быть не остатки родственных групп населения, а остатки разных видов деятельности одного и того же населения в различные сезоны года.

Кто был прав в этом споре? Ну, есть же объективные способы проверить это — составить карты распространения разновидностей мустье. Если это «структурные позы», то карты должны в основном совпадать (размах отдаления одной разновидности от другой не должен превышать дистанции сезонных перекочевий), если карты не совпадают — налицо скорее разные группы населения. Впрочем, факторов, которые тут сказывались, видимо, больше, чем учитывали тот и другой.

Системный подход позволил Новой Археологии предложить новые разгадки «проклятого вопроса» археологии — о причинах смены археологических культур. Это вопрос, на который каждое новое течение отвечало по-своему: эволюционисты искали разгадку в лакунарности наших знаний, диффузионисты — в приходах нового населения или новой культуры со стороны и т. д. Поскольку системный подход объяснял формирование новых качеств при сложении систем из старых элементов, можно было рассматривать каждое появление новой культуры как новое состояние старой культуры, вызванное структурным ее преобразованием, как новую «структурную позу» культуры, связанную с переменой отношений между ее субкультурами.

Хорошими примерами были бинфордовские работы 1965–68 годов «Революция хищников» (пародия на Брейдвуда) и «Пост-плейстоценовая адаптация». В них резкие изменения культуры при переходе от присваивающего хозяйства к производящему объяснялись как перестройки системы взаимозависимости между популяцией охотников и популяцией крупных животных (системы «охотник — жертва»). Эту систему, по Бинфорду, вывел из равновесия демографический взрыв, и Бинфорд подыскивает реальные обстоятельства, которые могли его породить. Его последователь Дэвид, наоборот, увидел причину, разрушившую старую систему, в демографическом спаде. Таким образом, следом за советской археологией 20-х — 30-х годов

впервые западные археологи перешли от объяснений внешними толчками к объяснению местными внутренними факторами социальной действительности.

8. Потенциал источников. Исходя из учения Уайта, из технологического детерминизма, Бинфорд различил три вида артефактов: *техномические, социотехнические и идеотехнические*. Первые это те, что относятся непосредственно к технике (например, топоры), вторые — к социальным структурам (например, диадемы), третьи — к идеям (например, петроглифы). Это очень близко к марксистской сортировке: производительные силы, производственные отношения и идеология. С законами связана только первая категория: техНОМИЧЕСКАЯ (от греч. «номос» — 'закон'). В своей статье 1962 г. «Археология как антропология» Бинфорд старался показать, что древние бронзы, взятые им для примера, все не техномические, а социотехнические артефакты. Пример был неудачным (бронзовые орудия явно служили практическим нуждам), а позже Бинфорд признал: всё это деление было «немного глуповато» (Binford 1972a: 17): в одном артефакте могут быть выражены все три рода свойств. Например, драгоценный топор с резным изображением — это и орудие, и произведение искусства, и престижный знак власти.

С этих пор для Бинфорда жесткая связь между субсистемами тоже существует, потому что в каждом артефакте могут проявляться функции и признаки разных субсистем. А также потому, что всё подчиняется законам культурного процесса, по которым определяющими являются субсистемы техники (технический детерминизм) и народонаселения (демографический детерминизм). Это очень напоминает ранних советских археологов, точно так же видевших всё в единстве, только ставившего всё в зависимость от производственных отношений.

Итак, все части культуры, все элементы культуры как системы прочно взаимосвязаны. Отсюда заключение Бинфорда, что на основе сохранившихся частей культуры можно реконструировать все несохранившиеся части, включая также нематериальные (Binford 1968a: 18–23). То есть полнейший оптимизм в познании: получение полной информации о прошлом через археологические источники. А уж на основе этого заключения Бинфорд и его сторонники постулировали самостоятельность археологии как дисциплины, ее возможности обойтись и без обращения к этнографии — точно как Арциховский со товарищи за несколько десятилетий до того.

В Новой Археологии доминирует *эпистемологический* (или, в нашей терминологии, *гносеологический*) *оптимизм*. Исходным пунктом здесь служат характеристика археологических источников и оценка их потенциала.

Этот оптимизм столкнулся со скептицизмом контекстуалиста Чжана Гуанчжи. Чжан Гуанчжи от имени контекстуалистов принял вызов Бинфорда и провозгласил в своей книге «Переосмысляя археологию»: «археология — *не* антропология» (Chang 1967b: 99). Не веря в реконструкцию прошлого на основе законов, он уповал на работу с контекстами. Соответственно, возлагал всю надежду на извлечение аналогий из этнографии, которые должны дать материал для того, чтобы одеть плотью скелет археологических остатков. «Поскольку археологические объект и ситуация уникальны, — писал он, — всякая археологическая реконструкция есть аналогия, основанная на ряде предположений и допущений» (Chang 1967a: 230). «Вся археология есть аналогия», — писал он (Chang 1967b: 109). В 1967–68 гг. Бинфорд выступил с рядом статей, в том числе против Чжана Гуанчжи, — статей, отвергающих надежду на этнографические аналогии. Он уверен, что археологические объек-

ты не уникальны, в археологическом материале проявляются законы культурного процесса, их нужно выявлять и на их основе строить реконструкции. Аналогии же помогают лишь ставить вопросы, отвечать на них должна археология сама, своими средствами. Он заявлял, что «прибегая к этнографии, мы никогда не можем сделать такой аргумент вероятным или верным, разве что в форме аргумента перечислением» (Binford 1967/1972: 71). «Позиция Чжана — это археологическая версия крайнего культурного релятивизма, который, если довести его до логического следствия, лишает археологию возможности стать объективной, сравнительной наукой» (Ibid.: 68).

Чжан — человек тихий и вежливый, он предпочел дискуссию не продолжать. Но неожиданно ученик Бинфорда Ричард Алан Гулд (род. 1939), занявшийся этноархеологией, выступил со статьями и книгами, в основном исходящими из позиции Чжана Гуанчжи! В статьях «Живая археология: нгатачжара Западной Австралии», «Археолог как этнограф», «Этно-археология, или откуда приходят модели?» (Gould 1968, 1971, 1977) и т. д. до книги «Живая археология» (Gould 1979) он упорно развивал идеи, совершенно не совместимые с учением Бинфорда. Он считал, что дедуктивные рассуждения, построенные только на скудных археологических остатках недостаточны и ненадежны, что нужна эмпирическая поддержка, а ее может дать только этнография. Он язвительно отозвался об «еще одной стимулирующей бинфордовской идее, которая повергнута в прах из-за того, что нуждается в надежной эмпирической базе» (Gould 1985: 641). Это в статье, которая называется: «Эмпирик дает сдачи: ответ Бинфорду». Бинфорд был в ярости. По его работам рассыпаны отповеди Гулду. Одна из них оканчивается словами: «Прошлое ушло, Ричард. Есть только современные статистические данные. Наше дело так понять эти данные, чтобы надежно сконструировать (вывести, если угодно) «реальный мир» прошлого» (Binford 1989: 116).

Между тем, из работ Гулда и других выросла целая отрасль теоретической археологии — *этноархеология*, к которой был вынужден присоединиться и сам Бинфорд, и в которой он сам дал лучшие образцы (Burenhult 1987).

Это связано с еще одним аспектом культуры и еще одним просчетом Бинфорда. Уайт говорил о живой культуре, изучаемой этнографами и антропологами. Бинфорд незаметно соскользнул с этого подхода к археологическому, перенес оживление объекта в археологию. Коль скоро факты позволяют узнавать так много о культуре, в чем же разница между живой и мёртвой культурой? Для Бинфорда ни в чем. Разницы нет. *Мёртвая* материальная культура интерпретируется у него как органическая система. Это означает, что каждое изменение во времени, наблюдаемое в мёртвой культуре, можно интерпретировать как *ее ответ* на внешнее воздействие — другой культуры или, что предпочтительнее для Бинфорда, природной среды.

Возможности другого происхождения этих изменений (уже посмертного — после смерти данной культуры, после ее отложения в земле) игнорируются. Это одно из слабых мест процессуализма. Может быть, его главная слабость. По Бинфорду, формальная структура комплексов артефактов вместе с контекстными отношениями между артефактами «должны представлять и представляют систематическую и понятную картину *всей вымершей* культурной системы (Binford 1962/1972: 23). Слова «всей вымершей» подчеркнуты им. Он и его сторонники стремятся к изучению процесса жизни и забывают, что объект, к которому они относят этот процесс, мёртвый, давно умерший и посмертно изменившийся очень радикально.

9. Дедуктивная процедура. Исходя из нео- и постпозитивистских рецептов, Бинфорд и его ученики предложили археологам схему исследовательского плана (в русской терминологии: исследовательской процедуры), которая издавна применяется в физике, химии и биологии. Здесь исследование начинается не со сбора материала вслепую, а с выдвижения гипотезы, долженствующей объяснить наличный материал, затем из этой гипотезы выводятся ожидания относительно фактов, независимых от исходного материала, и эти ожидания затем проверяются — соответствуют ли они этим новым фактам. Проверка гипотезы как раз в этом сопоставлении и состоит. Эта дедуктивная схема выдвинута Люисом Бинфордом для археологии в 1967–72 гг. и особенно ригористично — его учениками Джоном Фрицем и Фредом Плогом в 1979 г. В их статье ядром исследовательской процедуры является объяснительная гипотеза, подводящая факт археологии под закон антропологии (так что объяснение возникает из теории). Список шагов следующий:

1) выдвижение гипотезы,

2) выведение из нее ожиданий,

3) выработка плана сбора фактов для проверки этих ожиданий,

4) добывание данных (независимых фактов для проверки),

5) анализ данных, преобразующий их так, чтобы их можно было применить для проверки ожиданий,

6) оценка гипотезы по результатам проверки, оценка объяснения.

Также и другие американские «новые археологи» (Пэтти Джо Уотсон, Стивен ЛеБланк и Чарлз Редмен) в 1971 г. последовали этой модели. Ориентация их совместного исследования на проверку некой гипотезы пронизывает весь ход исследования и определяет не только последовательность, но и облик всех шагов — начиная со сбора материала («Собираются только данные, рассматриваемые как отвечающие требованиям» — Watson et al. 1971: 157). Авторы пишут: «Эта процедура — не только законная, но она есть жизнь науки» (Watson et al. 1971: 14). Это явно крайняя абсолютизация — *дедуктивная* схема оказывается здесь *дедуктивистской.*

Археологи ясно указывают на философский источник их методологических идей. Это гипотезно-дедуктивная схема Карла Поппера (1935) — Карла Гемпеля (1942) — Эрнеста Нагеля (1965). Эти философы, бывшие членами Венского кружка неопозитивистов, эмигрировали в Британию и США, где и развили окончательно свою философию и методологию науки. По их схеме, исследователь должен объяснять конкретные данные посредством подведения их под научный закон. Эта схема появилась на основе логического позитивизма, но была развита позже на пост-позитивистском уровне. Тут не всё так однозначно. И объяснение не сводится к подведению под закон, нередко вообще достаточным является сведение сложного и непонятного к простому, привычному и потому понятному. И подведение под закон очень непростая операция — как, например, быть с вероятностными законами? Схема была неоднократно (и в большой мере справедливо) критикуема в философии и археологии — за ее ограниченность и узость, упрощенность и непомерные претензии. Но было всё-таки доказано, что объяснение через закон остается центральным и определяющим видом объяснения в исторических дисциплинах. Кроме того, гипотезы остаются важной стадией любого объяснения, а объяснение — ядром полного исследования.

Также эта схема образует вполне реальный аспект археологического исследования. Противопоставление двух процедур сформулировал Джеймс Н. Хилл (James N. Hill):

Что же дедуктивисты вменяют в вину своим противникам-индуктивистам? Что индуктивистская процедура построена на ложных предпосылках, а именно:

1) как если бы можно было действительно выйти в поле без априорных представлений и собрать всю информацию, которую содержат памятники, всё, что попадется под руку — «пылесосный метод», иронизирует Джеймс Хилл (Hill 1972: 76);

2) как если бы данные, собранные таким способом, были универсальны и любой исследователь мог бы позже использовать их для решения своих задач;

3) как если бы каждый археологический факт был однозначен, факты говорили бы сами за себя и их простого обобщения было бы достаточно для познания прошлого.

Однако, продолжают свои обвинения дедуктивисты, значение фактов зависит от аспекта рассмотрения, а при сборе фактов часто одна программа исключает другую технически (скажем, слой может быть снят либо горизонтальными сечениями, либо вертикальными, и получаемая при этом информация различна, но оба метода сразу применить невозможно).

Индуктивистская процедура стремится приспособить цели работы к характеру собираемых данных, а характер этот предопределен ненаблюдаемыми, неосознанными сторонами подготовки исследователя. Когда археологи собирают материал вслепую, они получают много подробностей, которые никому не нужны — ни сейчас, ни в будущем.

Что же индуктивисты инкриминируют своим противникам? Вина дедуктивистов состоит, по их мнению, в следующем:

1) что те видят в материале только один аспект рассмотрения и игнорируют богатство и разнообразие информации, которую эти источники содержат, и более того — это может повести к лакунам в сборе данных;

2) что дедуктивистская процедура не подходит именно археологам, поскольку памятники обычно преподносят сюрпризы — они часто дают не то, чего от них ожидают, при чем иногда то, что неожиданно вылезает из земли, гораздо интереснее всего, чего от них ожидали;

3) что ориентация на проверку одной единственной гипотезы психологически сбивает ученого: она толкает его только на сбор новых подтверждений этой гипотезы и никак не на опровержения;

4) что есть экспедиции (спасательные), которые вызваны не потребностями ученых, а нуждами повседневной практики;

5) что в отличие от физиков, химиков и биологов археологи обычно не имеют возможностей проверять свои гипотезы экспериментами, и т. д. Археология есть, так сказать, неповторимый эксперимент.

Хилл всячески преуменьшает или смягчает некоторые из этих недостатков, извиняет другие как неизбежные.

На деле, по меньшей мере, часть из взаимных обвинений справедлива относительно абсолютизаций этих схем процедуры, и это показывает ограниченность обеих. Есть возможные ситуации, в которых индуктивная схема процедуры справедлива (например, исследование «белых пятен», региональные монографии, обработка неожиданных экспедиционных материалов). Есть исследования, которые требуют, наоборот, дедуктивной процедуры (тематические проблемные исследования, атрибуция находок, полемические труды). Важно, что большей частью нельзя отнести эти обвинения к предложенной Тэйлором промежуточной схеме *проблемно-ориен-*

тированной процедуры, при которой вперед выносится не сбор материала и не выдвижение гипотезы, а определение проблемы.

10. Математические методы. Главное выражение сциентизма — это применение математических методов и формализация. То и другое начинается до Новой Археологии и проходит также и вне ее, но она реализует эту деятельность намного более интенсивно. И делает ее более сложной. Вместо простой статистики или двухмерной корреляции (составления координатных таблиц) введен *факторный анализ* (многомерная статистика) по алгебраическим формулам, который без компьютеров был бы практически немыслим.

Почему факторный анализ? Поскольку каждый артефакт может выполнять разные функции, даже функции разных уровней культуры — техномического, социотехнического и идеотехнического, — в интерпретации приходится членить артефакт и рассматривать по отдельности разные его аспекты. Соответственно, в типологии приходится работать не с артефактами, а с их деталями и признаками. Придав равный вес всем признакам и отбросив культурную иерархию, Бинфорд пришел к тому, что поставил под вопрос существование типов в археологии и выдвинул требование искать более сложные и более тонкие взаимоотношения признаков разных комплексов — с помощью многомерного, а именно факторного анализа. Признаки вместо типов вышли на первый план типологии!

Примером применения факторного анализа может служить анализ палеолитических орудий в бинфордовской статье 1972 г. «Построение моделей — парадигм и нынешнее состояние палеолитических исследований». Сначала подсчитаны все орудия каждого вида в каждом из комплексов (уровней глубин) каждого из местонахождений, взятых для анализа. Затем проведено сравнение местонахождений по программе многопеременного (факторного) анализа, разумеется, компьютерной. Получено пять факторов с числовыми данными по каждому виду орудий. Затем рассмотрены суммарные проценты видов орудий относительно других видов орудий в разных местонахождениях; далее проявление каждого из типов орудий в каждом факторе с выявлением кластеров в определенных процентных диапазонах; и, наконец, показано распределение этих кластеров на координатной сети обеих использованных в предшествующей таблице категорий орудий с обозначением местонахождений в каждом кластере, и так по многим видам орудий. Теперь факторы готовы для культурно-исторической интерпретации.

В другой работе Бинфорд выявляет пять факторов в палеолитических местонахождениях Сирии, Израиля и Франции и сопоставляет их с фациями мустье Борда, которые Бинфорд считает не этническими культурами а «структурными позами», сезонно обусловленными.

Математическими методами Бинфорд и его ученики выявляли орудия, между которыми намечались устойчивые связи — по встречаемости или по одновременному изменению. Такую группу орудий Бинфорд рассматривал как инструменты, функционально связанные и переносимые с места на место для какого-то цельного комплекса операций. Как профессиональный чемоданчик или ранец с инструментами ремесленника. Так он интерпретировал орудия в своих «структурных позах» — как наборы для сезонных работ. Хотя эти орудия могут быть найдены не вместе, факторный анализ может выявить их связи. Это получило название *ранцевого анализа* (tool-kit analysis).

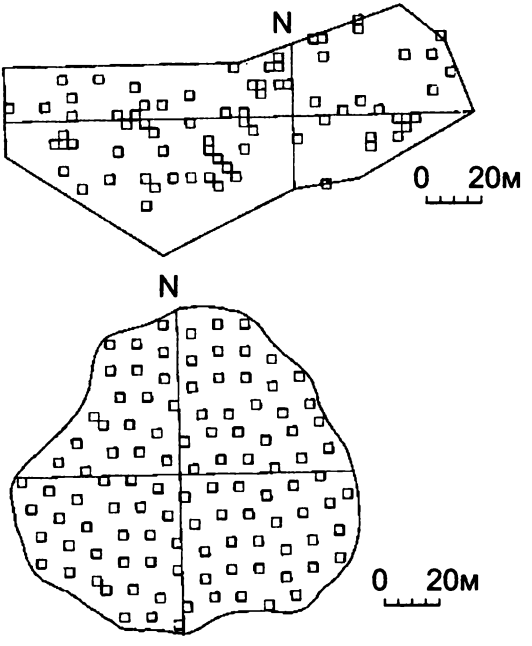

Рис. 35.2. Примеры репрезантативных выборок участков для сбора или раскопок, по книге Уотсон с соавторами 1971 г. (Watson et al. 1971: 124, fig. V,1 and V,2).

Поскольку процессуалисты отбросили исторический подход и ищут в массовом материале только законы, для них отдельные факты теряют всякое значение. Факты одного рода взаимозаменяемы. Зачем тогда стремиться к полноте объема фактов, ко всеобъемлющим исследованиям? «Новые археологи» перешли к репрезентативным выборкам. Тогда, однако, нужно придерживаться строгих правил, как делать выборки, чтобы они были в самом деле репрезентативными (этим занимается *теория выборок*). Но идея удовлетвориться выборками (примеры — участки для сборов по системе случайных цифр или в шахматном порядке даны у Уотсон с соавторами — рис. 35.2), да еще вслепую (а это обязательное условие репрезентативности) встретила непонимание и непринятие археологов традиционной ориентации.

11. Критика Новой Археологии. Представители ведущих школ традиционной археологии отнеслись к Новой Археологии неприязненно и зачастую резко отрицательно: «Новый костюм короля», «новая алхимия», «не новая и не археология». Многие пишут о догматизме и нетерпимости Бинфорда; Уолтер Тэйлор сравнивает Новую Археологию с евангелической сектой. Брейдвуд описывает ее схоже:

> «Насколько я понимаю, чистая "новая" археология рассматривает себя как выражение научной революции... Большей частью ее литература появилась за последние десять лет, но исследование 1948 г. Уолтера Тэйлора, несомненно, позволяет аттестовать его как Иоанна Крестителя нового движения. А правда, я хотел бы, чтобы какой-нибудь историк религии рассмотрел возникновение этого "нового" движения. В нем, кажется,

есть много от ревностной, очень горячей, не понимающей юмора истовости нового религиозного движения. Есть Малые Пророки, есть, по крайней мере, один Мессия, есть отряд апостолов, и мы можем видеть deus ex machina в образе компьютера IBM. Фарисеев и иереев старой религии обличают и жестоко клянут. Есть и Обращение Полины (Брейдвуд намекает на переход Пола Мартина в Новую Археологию. — Л. К.) и, право же, есть Священное Писание. Но есть ли уже хоть проблеск сектантства, раскола или — более того — Реформации?» (Braidwood 1972: 44).

Ну, раскол не замедлил появиться, Реформация тоже, но к этому обратимся далее. Брейдвуд иронически изображает Бинфорда мессией, Иисусом Христом нового движения. Флэннери тоже иронизирует (Flannery 1976: 4), сочинив диалог со Скептиком:

«— Знали ли Вы Бинфорда лично? — наконец спросил он.

— Да, — ответил я. — Я был с ним в тот день, когда он накормил 5000 студентов несколькими ломтями хлеба и кульком рыбы».

В другой статье Флэннери (Flannery 1973: 50) повысил Бинфорда в сане. Иисусом Христом Новой Археологии он назвал Гемпеля, посадив его одесную Бинфорда, так что для того он уготовил роль Саваофа! Ренфру высказался в том духе, что появление Новой Археологии не было внезапной революцией — перефразируя поэта Поупа: «Бог сказал: да будет Бинфорд, и бысть свет» (Renfrew 1980: 294).

Я в своих статьях признавал новизну и богатые возможности введенного «Новыми Археологами» анализа. Однако я одновременно отмечал, что при этом анализе они игнорируют нестабильность и структурное строение культурной системы, и они пытаются объяснить эклектически изменение системы — с помощью взаимодействия равновесных факторов (плюрализм). На практике, однако, они предпочитают демографический фактор (новая абсолютизация?), и он сделан ими зависимым от экологии. Их системный подход покоится на традициях экологической школы, и при объяснении культурных изменений ученые ориентированы на внешние толчки (Джеймс Хилл).

Кушнер и Триггер в «Америкен Антиквити» и «Антиквити» подвергли сомнению, можно ли рассматривать культуру как адаптационный механизм и как систему, а главной целью археологии считать объяснение культурных сходств и выявление законов.

Наиболее развернутая критика Новой Археологии была дана в работах Дона Баярда и Манфреда Эггерта.

Дон Баярд (род. 1940), копавший в Таиланде (местонахождение Нон Нок Та) выступил в 1969 г. с резкой критикой в большой статье «Наука, теория и реальность в "новой археологии"», а через 20 лет со слегка смягченной критикой в статье «15 лет Новой Археологии» (Bayard 1978). Он отрицает такую уж новизну Новой Археологии, подробно рассматривая ее зависимость от неоэволюционизма и функционализма; отвергает роль универсальных законов, отстаивая специфичность каждого события и факта; не признает возможности рассматривать культуру в археологии как систему.

Манфред Эггерт (Manfred K. H. Eggert) из Майнца (Германия) провел 1973–1975 гг. в США на стажировке при Ирвинге Раузе и в 1974–76 гг. опубликовал ряд критических статей о Новой Археологии, завершившихся в 1978 г., так сказать, «монографией в журнале» («Прэхисторише Цейтшрифт») под названием «Преисторическая археология и этнология: штудии по американской Новой Археологии» (Eggert 1978). Он также подробно рассматривает инновационные явления в «традиционной

археологии» (Джулиана Стюарда, У. Беннета и Дж. Беннета, Клакхона, Ирвинга Рауза, Уолтера Тэйлора и Уилли). Затем он критически разбирает философские основы Новой Археологии, а далее ее стратегию исследований: системный подход, экологическую и эволюционистскую направленность. Он отвергает бинфордовскую надежду обойтись без этнографических аналогий и его упование на доказательства одной гипотезы по Гемпелю, предпочитая выбирать из целого веера гипотез (старый принцип Чемберлена — принцип множественности гипотез). Он отвергает бинфордовский безграничный оптимизм, полагая, что археологическое познание имеет четкие границы.

По ходу изложения новаций Бинфорда, приведших археологию в волнение, я приводил и соображения о сомнительности и несостоятельности значительной их части.

При всей свежести и плодотворности этих новаций, необходимо признать, что острая критика его позиций во многих отношениях справедлива. В большой мере критика вызвана общими ошибками гипотезно-дедуктивного метода, принятого Бинфордом, и крайностями социологизма. Под социологизмом понимается *сведение* всего содержания культурно-исторического процесса к выражению общих законов, так же как истории — к *социологии*, а археологии — к *антропологии* (кстати, противоположная крайность, а именно сведение археологии к истории, также имеет свои пороки). Неприемлема также и модель, уподобляющая культурную систему волейбольной сетке. На деле в культуре действует иерархия компонентов — это Новая Археология признает. Но она не учитывает, что в реальности это приводит к значительной автономии различных частей. Воздействие на одну часть может совершенно не задеть другую. Наконец, Новая Археология считает, что по археологическим остаткам может адекватно изучать динамику прошлого *непосредственно*. А это не так.

Конечно, Новая Археология всё делала с перегибами, с впаданием в крайности, но то направление, которое она с таким радикализмом прокладывала, означало значительную подвижку, значительное обогащение инструментария и расширение возможностей археологии. Она сделала археологию гораздо более теоретической наукой, чем та была до нее; ориентировала археологию на социальные проблемы; ввела большее разнообразие математических методов, чем это делали другие направления, и обеспечила Америке лидерство в археологии, по меньшей мере, на два десятилетия.

12. Кризис процессуализма. Из-за отмеченных слабостей и перегибов Новая Археология была неспособна получить преобладание над контекстным направлением. По прикидке Кента Флэннери (Flannery 1972: 103) на глазок, только 10% американских археологов можно было отнести к «процессуальной школе», а из остальных 90% большинство (60%) ориентировано на культурную историю и процентов 30 признавали то и другое. Возможно, это было слишком оптимистической прикидкой и оценивало скорее заметность и концентрацию внимания, чём объективное состояние дел. Эзра Заброу в 1980 проследил ссылки на 80 наиболее популярных авторов за 1968–72 гг. (Zubrow 1980). Оказалось, что в 1972 г. самым цитируемым автором был Зойнер, затем шли пятеро: Хоул, Брейдвуд, Хелбек, Бинфорд и Флэннери. Ни на один труд не было более 0,3% всего массива ссылок, а вся Новая Археология привлекла только 2,5% ссылок.

В 1977–78 гг. цитируемость новой археологии выросла: самыми цитируемыми

авторами являются уже Тэйлор и четыре «новых археолога» — Кларк, Хилл, Флэннери и Бинфорд, причем цитируемость Кларка выросла до 0,1%, а Бифорда — до 0,7%. Но цитируемость отражает состояние умов с некоторым запозданием — на несколько лет (требуется время на чтение, написание работ, прохождение в печать).

Знаками упадка Новой Археологии, видимыми с ранних 70-х, были свидетельства разочарований, а именно ее раскол и отход научной молодежи. Во-первых, в 1970-х от Новой Археологии отделилась Поведенческая Археология (Behavioral Archaeology) Шиффера, которая восстала против непосредственного изучения культурного процесса по археологическим остаткам, т. е. против ядра процессуальной археологии. Во-вторых, примечательно уклонение от контакта с Новой Археологией неких неназванных молодых людей, нареченных, по словам Кента Флэннери (Flannery 1973: 49), «young fogeys» (приблизительный перевод: устарелыми юнцами), которые позже — в 80-х — оказались вполне определенными молодыми учеными, прямыми противниками Новой Археологии — постпроцессуалистами (Ян Ходдер). И самое интересное, у нас почти не отмеченное, — раскол Новой Археологии на три блока, причем не просто организационный — три группы ученых, а со своими вариантами учения. Это были три варианта Новой Археологии. А если считать учения Мальмера и Гардена за версии Новой Археологии, то таковых будет уже пять. Ну, такого расширения придерживаются немногие обозреватели, но три варианта констатируют все компетентные критики.

Отход британских «новых археологов» зафиксировал сам Бинфорд, отлучив их лидера Дэвида Кларка, несомненного союзника, от Новой Археологии. А разделение остальных на «археологов Закона и Порядка» и тех, кто видел в материале более пластичную саморегуляцию культурных систем, выявил и огласил в печати ученик Бинфорда Кент Флэннери, который и возглавил эту группу. Деятельность «археологов Закона и Порядка», гемпелианцев, во главе с самим Бинфордом, мы рассмотрели. В следующих двух главах рассмотрим два другие варианта Новой Археологии.

Но хуже всего было то, что сам Бинфорд разочаровался в Новой Археологии, хотя первое время скрывал это, и этот поворот ускользнул почти от всех обозревателей. Но об этом пишет в его биографии Клайв Гэмбл (Gamble 1999: 820–821):

> «Год 1969 был важным для Бинфорда. Хотя этот год прошел неотмеченным в его первой истории (1972), десятилетием позже он написал откровенное воспоминание о своей археологической одиссее, которое признает его [этого рубежа] значение (1983: 101–111). Вопреки фанфарному сообщению "Археологических перспектив" (1972), "В поисках прошлого" (1983) говорит о его разочаровании своей работой над французским мустье ... Многопеременный анализ отказал. Отношения между вещами в археологических материалах не были податливыми результатами. Корреляции между классами каменных орудий, фауной и самой пещерой привели к множеству различимых конфигураций, но не дали объяснения. Структура материала в местонахождении — таком, как Комб Греналь, — была ясна, но причины, по которым она изменялась, оставались во мраке. Язык Сполдинга отказал, а Уайт никогда не занимался археологическими источниками...
>
> Именно в этот момент связь Бинфорда с Новой Археологией окончилась. Движение сослужило свою службу, и многочисленные труды конференций и сборники, публикуемые во всё возрастающем количестве в течение 1970-х ..., являются памятниками огромному успеху "Новых перспектив" и программе Новой Археологии. Как мы видим

во втором сборнике его статей (Binford 1983), Бинфорд стал критиком самого движения, которому он же, по-видимому, положил начало».

К такому же выводу я пришел на четверть века раньше. Опубликовано это тоже раньше, но не столь рано (Klejn 1995a: 78–80; см. также Клейн 2004:238–239).

Я затратил много труда на сбор материала о Новой Археологии и осмысление его (это было нелегко, учитывая, что я был невыездным). Написал к 1978 г. толстенную монографию «Новая Археология» (она планировалась как моя докторская) и популярную книжку «Революция в археологии», получил на них отличные отзывы, но напечатать не удалось. Хотел издать Окладников в Новосибирске, долго мурыжил рукопись, но так и не решился. Лишь кое-что нашло выражение в моей «Панораме теоретической археологии» 1977 г. и в нескольких статьях. Однако американский археолог Лестер Эмбри (Lester Embree), взявший на себя функции летописца Новой Археологии и собиравший материал для этого, прислал мне свой препринт (1979 г.), в котором указывает, что основные заготовки для своей истории он вытащил из опубликованных на английском работ Клейна. Рукописи же мои сохранились. Если их издадут когда-нибудь посмертно, то читателям нужно учесть, что писались они в советское время, когда марксистские оценки были обязательными. Они в моих рукописях наличествуют, но это не помогло. Любой, даже критический, разбор Новой Археологии, если это учение не отвергалось сходу, воспринимался, прежде всего, как острейшая критика советской археологии. Революции и новации в археологии должны были непременно происходить в советской науке, а не появляться с американской стороны. Книги, описывавшие их, не проходили. Да еще если напрашивался и обсуждался вопрос, почему это всё появилось именно там [Моя книга «Новая Археология» издана в 2009 г. на Украине].

Что же до Бинфорда, то он замечателен тем, что не впал в уныние, увидев зияющие провалы, а со свойственной ему энергией взялся за работу и стал одним из основателей нового учения, более нового, чем Новая Археология, но это уже другая глава.

13. Некоторые уроки. Заключение делать рано, потому что Новую Археологию мы еще будем рассматривать дальше, а некоторые частные уроки можно попытаться продумать. И главный из них, мне кажется, вот какой. История взлета Новой Археологии неизбежно ставит именно тот вопрос, над которым втайне задумывались уже советские идеологи и заправилы археологии, когда отвергали мои обзоры того, что́ происходит за рубежом: почему новации и революции в науке происходят там, а не у нас. Более того, почему некоторые идеи, возникшие у нас, так и остались неразработанными на нашей почве, а развитие получили именно там, у них. Это плодотворный, стимулирующий вопрос.

Второй урок — для тех молодых, кого увлекает борьба за свои идеи и за лидерство в науке. Многие отмечают блестящую организацию борьбы со стороны Бинфорда: его работа с молодежью, устройство полевых школ и городских семинаров, захват позиций в журналах и издательствах и т. д. Недаром его группировку называли «мафией Бинфорда», индейским кланом во главе с вождем, сравнивали с военными кампаниями. Но при этом забывают, что, несмотря на это, никаких успехов не было бы, если бы он не поражал яркостью и новизной (по крайней мере, для Америки) своих идей, острой формой их подачи и колоссальной работоспособностью. Он, прежде всего, самоотверженный труженик. Поэтому и лидер.

Рис. 35.3. Пэтти Уотсон с супругом Ричардом (философом).

Третий урок связан с перегибами и просчетами Новой Археологии. Какой блестящий был взлет, какие огромные ожидания и надежды — и как быстро всё пришло к кризису! Но, может быть, развитие пошло бы иначе, достижения были бы больше и устойчивее, если бы не было такой поспешности и неподготовленности в существенных вопросах. Если бы «новые археологи» действовали осторожнее, продуманнее.

Конечно, многое происходит от взрывного характера Бинфорда, от максимализма и горячности его еще более молодых учеников. Но, мне думается, что если бы они все были более начитаны и лучше владели языком и языками, то многих огрехов можно было бы избежать. Начитанность и владение языками дали бы им более широкий кругозор, а хорошее владение литературной речью привело бы их к более точным формулировкам, в которых некоторые ошибочные положения сразу были бы забракованы.

Впрочем, возможно, это сделало бы их выступления менее острыми и менее сенсационными. И не было бы Новой Археологии.

Вопросы для продумывания

1. Какие основания считать новации Бинфорда революцией в археологии?
2. Каковы основания считать именно Бинфорда основоположником Новой Археологии, а не Колдуэлла или тех других, кого выдвигают критики Новой Археологии?
3. Рациональнее ли считать учения Мальмера и Гардена особыми направлениями археологии или разновидностями Новой Археологии?
4. В возникновении Новой Археологии сказались социальные факторы и логика чисто научного развития. Что из них, с Вашей точки зрения, было определяющим?
5. Корни Новой Археологии восходят к неоэволюционизму, функционализму и контекстуализму. Можно ли какое-нибудь из этих течений (или какое-нибудь другое) считать основным в составе ее корней?
6. Философия науки, разработанная нео- и постпозитивистами, много критиковалась. Но всё же вспышка ее популярности у археологов не прошла бесследно. Так ли это, и, если так, то почему?
7. Традиционная археология подчеркивала свою связь с историей, Новая Археология — с антропологией. Какая из этих установок представляется Вам более основательной?

8. Законы истории признают и марксисты и некоторые другие детерминисты (как материалистической ориентации, так и идеалистической). Чем от них всех отличаются процессуалисты?

9. Дон Баярд в пику Новой Археологии приводит красивые цитаты из Коллингвуда, где тот призывал изучать не события, а процесс. Баярд мог бы сослаться и на французских историков школы Анналов, которые ориентировали изучение на долговременные процессы изменения социальных структур, а не моментальные ситуации. Чем отличается от этих призывов процессуальная археология?

10. С кем Вы готовы солидаризироваться в вопросе о потенциале археологических источников и значении этнографических аналогий — с Чжаном Гуанчжи или с Бинфордом?

11. Чьи доводы в выборе процедур исследования перевешивают — индуктивистов или дедуктивистов?

12. Применима ли в археологии теория выборок и, если применима, то при каких ограничениях?

Литература

Социальная база Новой Археологии: Шейнин 1963; Политика 1971; Масленников 1971; Schiffer 1980; Patterson 1986.

Философские и антропологические основы Новой Археологии: Berreman 1968; Гемпель 1977.

Бинфорд и процессуальная археология: Caldwell 1959; Binford 1962/1972, 1967/1972, 1968a, 1968b, 1972a, 1972b, 1989; Flannery 1967, 1972, 1973, 1976; Leone 1971, 1972a; Martin 1971; Watson, LeBlanc and Redman 1971; Clarke 1972a; Hill 1972; Renfrew 1973, 1980, 1987b; Sterud 1978; Zubrow 1980; Gamble 1999; O'Brian et al. 2005.

Критика Новой Археологии: Braidwood 1972, 1981/1989; Клейн 1973в; 2004; Klejn 1995a; Eggert 1976, 1978; Bayard 1978; Burenhult 1987.

Устои «традиционной» археологии: Chang 1967a, 1967b; Taylor 1969; Hogarth 1972; Daniel 1975; Gould 1985.

Глава 36. НОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ (ПРОЦЕССУАЛИЗМ). АНАЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

1. Второе направление Новой Археологии. В начале 1990-х годов английские археологи решили учредить мемориальные лекции памяти Дэвида Кларка — раз в два года должны съезжаться археологи Британии в Кембридж на лекцию (Memorial Lecture), прочесть которую приглашается известный археолог. Мне была оказана честь выступить с первой такой двухгодичной лекцией — по сути, докладом. Я получил это приглашение за два года до лекции, так что имел время подготовиться. Тему я выбрал «Принципы археологии» — как станет ясно из дальнейшего, близкую интересам Кларка. Лекция состоялась в 1993 г. в театре Кембриджского университета. Зал был полон, все в черных мантиях. После лекции торжественный прием у главы старейшего колледжа Питерхауз, в котором учился и работал Кларк.

Дэвид Кларк из Кембриджа еще при жизни стал культовой фигурой среди молодых англичан, их признанным лидером. Для массы археологов старого толка, адептов традиционной археологии, он был типичным «новым археологом» — теоретиком, оперирующим абстракциями, математическими методами и малопонятным наукообразным жаргоном. Его и его сторонников противники объединяли с Бинфордом. И с полными основаниями: хоть Бинфорд и старше Кларка на 9 лет, главные их работы выходили (ну, как сговорились!) одновременно:

1962 год — первая громкая статья Бинфорда «Археология как антропология» и первая же статья Кларка «Матричный анализ и археология»;

1968 год — сборник Бинфордов «Новые перспективы в археологии» и монументальный труд Кларка «Аналитическая археология»;

1972 год — сборник статей Бинфорда с его автобиографическими заметками и сборник под редакцией Кларка «Модели в археологии»;

1977 год — книга Бинфорда «За построение теории в археологии» и сборник под редакцией Кларка «Пространственная археология».

Эти двое, ворвавшись в археологию, мчались по ней, как равносильные рысаки на бегах — ноздря в ноздрю, в конном спорте это называется «в мертвом гите». Принципиальный критик Бинфорда Дон Баярд из Новой Зеландии выпустил в 1971 г. пародию на обоих — «Новые аналитические археологические перспективы: логогенетическое исследование природы археологических теоретических теоретиков» под авторством д-ра Люиса Д. Л. Бинкларка. Сочинение было составлено из реальных фрагментов Бинфорда и Кларка, поставленных вперемежку.

Но, как уже упоминалось, сам Бинфорд в 1972 г. протестовал против причисления Кларка к Новой Археологии. Многие установки британских «новых археологов»

были ему чужды. Он считал, что британцы слишком привержены некоторым традициям старой археологии. Словом, если это и была Новая Археология, то какая-то другая Новая Археология. Я определяю ее как *аналитический вариант* (или аналитическое направление) Новой Археологии.

Аналитическое направление родилось в Англии, названо так у меня по книге Кларка «Аналитическая Археология», а почему Дэвид Кларк так назвал свою книгу, увидим немного дальше. Это выраженно европейское направление, с корнями в европейских школах, с традиционными интересами — типы и археологические культуры, преемственность и реконструкция исторических событий. Оно более понятно европейским археологам, чем Бинфорд и его радикальные ученики.

Направления эти (гемпелианское и аналитическое) имеют немало общего, но всё же они столь отличны друг от друга, что можно было бы рассматривать их как самостоятельные течения. Думаю, что они оказались под одной шапкой не только, а может быть, и не столько из-за общих черт, сколько потому, что появились на сцене одновременно и потому, что имели общих противников. Когда они были еще слабы, они стремились друг к другу, чтобы получить поддержку, и приветствовали общее название — оно помогало ощутить, что их уже много.

2. Жизненный путь Дэвида Кларка. Дэвид Леонард КЛАРК (David Leonard Clarke, 1937–1976) — ныне один из самых известных археологов мира. Он стоит рядом с Бинфордом как европейский лидер Новой Археологии. Его монументальные труды — это классика археологии, и странно сознавать, что он прожил только 39 лет и что, работая в Кембридже и заложив свою школу, так и не стал профессором. Все эти мемориальные лекции, каждые два года собирающие британскую археологическую элиту на торжественные сессии, совершаются в память ассистента Кларка. Он ни разу в жизни не руководил крупными раскопками, его вклад — в теории. Британцы отмечают, что, изучая керамику III тыс. до н. э. (кубки), он работал скорее в континентальной (то есть, прямо говоря, немецкой) музейной традиции, чем в островной раскопочной манере британцев (Fletcher 1999: 858).

Фамилия его часто называется вместе с именем, потому что совпадает по звучанию (и русскому написанию) с фамилией Грэйема Кларка (они различаются только в английском написании одной непроизносимой буквой — Clark и Clarke). Легче различать их по имени.

Окончив хорошо известную в Англии школу (Далвич колледж), где Дэвид увлекался естественными науками, он ушел в армию. Служил два года офицером-связистом в части, стоявшей в Германии. Возможно, этот юношеский опыт как-то повернул его к континентальным интересам. В октябре 1957 г. он поступил 19 лет в Кембриджский университет на отделение антропологии и первобытной археологии, а со второго года сосредоточился на археологии. Он специализировался на преистории Европы. В Англии, как и во всей Европе, была непроходимая пропасть между античной и первобытной археологиями. Они изучались на разных кафедрах, и Грецию до-эллинского периода (Микены и т. п.) изучала по традиции классическая археология. Дэвиду Кларку уже в студенческие годы претило это разделение, и он включил в свою индивидуальную программу по первобытной археологии до-эллинскую археологию из программы классической кафедры. В 1960 г. он сразу же по окончании учебы был принят в аспирантуру (Research Student, «студент-исследователь» называлось это в Кембридже).

В Кембриджском университете он, студент колледжа Питерхаус, учился у Грэйема Кларка (не только заведующего кафедрой археологии, но и члена того же колледжа — они жили и питались в одном комплексе зданий). А Грэйем Кларк в это время раздавал своим студентам задания по разным категориям первобытной керамики Англии — урнам, пищевым сосудам и т. д. Дэвиду Кларку достались кубки. Кубки до него уже классифицировал по форме на три вида лорд Эберкромби на рубеже веков, но Дэвид Кларк показал, что такого четкого деления, как у Эберкромби, нет, что нужно учитывать гораздо больше признаков, и получается много их разнообразных сочетаний, промежуточных форм, четкие разграничения расплываются. Чтобы выделить устойчивые группы из такого материала, нужно

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
1		0	0	79	85	42	53	**101**	52	84	44	41	80	25	**101**	63	8	49	13	34	38	26	60	14	13	46	2	13	7	8	22	37	14	67	45	35	**106**	79	21
2	0		0	84	**224**	81	87	**189**	**113**	50	**223**	64	44	**138**	**206**	57	18	**101**	86	80	45	**119**	**204**	62	30	57	16	28	19	8	23	53	24	**151**	86	85	**160**	**173**	56
3	0	0		29	85	53	29	71	67	3	81	46	0	62	**105**	12	13	36	37	41	23	46	87	29	21	31	10	19	11	2	4	37	5	81	17	36	44	78	45
4	79	84	29		0	0	58	96	38	24	83	38	20	74	97	60	10	35	24	22	40	32	65	13	11	35	7	14	16	1	22	47	7	61	35	42	**149**	41	2
5	85	**224**	85	0		0	81	**187**	**124**	57	**193**	83	50	**123**	**219**	45	25	98	73	93	54	**112**	**191**	53	36	75	15	35	20	9	20	60	22	**163**	76	85	**141**	**205**	46
6	42	81	53	0	0		30	77	69	56	70	30	54	28	94	27	4	52	38	40	12	46	95	39	17	24	6	11	1	8	7	20	14	74	36	29	20	83	73
7	53	87	29	58	81	30		0	0	43	80	23	37	74	57	49	13	53	15	22	15	28	55	19	10	25	8	9	9	8	17	23	12	55	21	19	74	73	22
8	**101**	**189**	71	96	**187**	77	0		0	57	**174**	75	53	**108**	**199**	54	17	85	74	80	48	97	**178**	48	32	71	11	30	20	7	22	55	23	**149**	61	72	**153**	**146**	61
9	52	**113**	67	38	**124**	69	0	0		37	92	53	34	43	**154**	29	9	47	46	53	43	65	**118**	38	22	38	9	21	8	3	10	49	8	94	65	65	83	**110**	38
10	84	50	3	24	57	56	43	57	37		0	0	**112**	21	4	55	6	54	15	3	3	23	36	19	1	5	3	4	3	14	9	0	22	43	46	17	69	49	19
11	44	**223**	81	83	**193**	70	80	**174**	92	0		0	11	**175**	**159**	49	22	**103**	94	53	18	**130**	**185**	72	23	25	22	30	27	4	11	0	8	**142**	71	83	**149**	**141**	56
12	41	64	46	38	83	30	23	75	53	0	0		1	19	**131**	17	10	15	20	50	39	25	72	8	20	47	3	17	5	0	14	0	8	66	14	37	52	76	23
13	80	44	0	20	50	54	37	53	34	**112**	11	1		0	0	51	6	51	14	0	2	21	32	14	2	4	1	5	3	14	8	0	23	36	47	15	61	45	18
14	25	**138**	62	74	**123**	28	74	**108**	43	21	**175**	19	0		0	63	23	76	37	14	7	59	75	39	5	14	23	6	33	3	10	11	6	98	30	36	**123**	81	21
15	**101**	**206**	**105**	97	**219**	94	57	**199**	**154**	4	**159**	**131**	0	0		17	10	58	84	**141**	97	**110**	**244**	52	57	**116**	4	49	1	1	30	**116**	14	**163**	70	**105**	**125**	**203**	82
16	63	57	12	60	45	27	49	54	29	55	49	17	51	63	17		0	0	0	0	0	2	2	10	0	9	7	3	28	4	24	11	12	45	31	9	94	31	7
17	8	18	13	10	25	4	13	17	9	6	22	10	6	23	10	0		0	0	0	0	5	7	0	0	2	3	1	3	1	1	1	0	24	5	5	18	17	4
18	49	**101**	36	35	98	52	53	85	47	54	**103**	15	51	76	58	0	0		0	0	0	**63**	**106**	35	4	5	10	8	4	11	5	14	12	74	37	38	70	74	41
19	13	86	37	24	73	38	15	74	46	15	94	20	14	37	84	0	0	0		0	0	63	97	18	15	3	5	15	2	2	2	6	6	48	29	42	51	60	24
20	34	80	41	22	93	40	22	80	53	3	53	50	0	14	**141**	0	0	0	0		0	36	**101**	33	28	61	3	20	0	0	5	49	8	65	21	37	36	84	35
21	38	45	23	40	54	12	15	48	43	3	18	39	2	7	97	0	0	0	0	0		18	33	5	16	53	0	12	0	0	12	46	5	38	21	25	41	56	9
22	26	**119**	46	32	**112**	46	28	97	65	23	**130**	25	21	59	**110**	2	5	63	63	36	18		**104**	53	22	13	9	19	4	1	0	12	6	85	45	60	73	88	29
23	60	**204**	87	65	**191**	95	55	**178**	**118**	36	**185**	72	32	75	**244**	2	7	**106**	97	**101**	33	**104**		62	40	54	17	39	5	5	8	59	17	**143**	69	98	**119**	**159**	73
24	14	62	29	13	53	39	19	48	38	19	72	8	14	39	52	10	0	35	18	33	5	53	62		4	6	7	9	1	2	2	6	5	41	27	23	37	43	25
25	13	30	21	11	36	17	10	32	22	1	23	20	2	5	57	0	0	4	15	28	16	22	40	4		17	0	6	0	0	0	20	4	26	8	16	18	30	16
26	46	57	31	35	75	24	25	71	38	5	25	47	4	14	**116**	9	2	5	3	61	53	13	54	6	17		3	20	0	0	4	57	5	53	11	19	40	72	22
27	2	16	10	7	15	6	8	11	9	3	22	3	1	23	4	7	3	10	5	3	0	9	17	7	0	3		4	11	0	0	0	0	13	4	9	17	8	3
28	13	28	19	14	35	11	9	30	21	4	30	17	5	6	49	3	1	8	15	20	12	19	39	9	6	20	4		1	0	1	9	2	23	9	20	24	29	7
29	7	19	11	16	20	1	9	20	8	3	27	5	3	33	1	28	3	4	2	0	0	4	5	1	0	0	11	1		0	0	2	1	25	6	2	32	5	0
30	8	8	2	1	9	8	8	7	3	14	4	0	14	3	1	4	1	11	2	0	0	1	5	2	0	0	0	0	0		1	0	6	1	9	0	8	7	3
31	22	23	4	22	20	7	17	22	10	9	11	14	8	10	30	24	1	5	2	5	12	0	8	2	0	4	0	1	0	1		15	5	11	9	1	26	19	4
32	37	53	37	47	60	20	23	55	49	0	0	0	0	11	**116**	11	1	14	6	49	46	12	59	6	20	57	0	9	2	0	15		5	48	17	19	41	63	23
33	14	24	5	7	22	14	12	23	8	22	8	8	23	6	14	12	0	12	6	8	5	6	17	5	4	5	0	2	1	6	5	5		0	13	3	22	15	6
34	67	**151**	81	61	**163**	74	55	**149**	94	43	**142**	66	36	98	**163**	45	24	74	48	65	38	85	**143**	41	26	53	13	23	25	1	11	48	0		49	71	**118**	**130**	50
35	45	86	17	35	76	36	21	61	65	46	71	14	47	30	70	31	5	37	29	21	21	45	69	27	8	11	4	9	6	9	9	17	13	49		48	69	57	21
36	35	85	36	42	85	29	19	72	65	17	83	37	15	36	**105**	9	5	38	42	37	25	60	98	23	16	19	9	20	2	0	1	19	3	71	48		69	68	19
37	**106**	**160**	44	**149**	**141**	20	74	**153**	83	69	**149**	52	61	**123**	**125**	94	18	70	51	36	41	73	**119**	37	18	40	17	24	32	8	26	41	22	**118**	69	69		0	0
38	79	**173**	78	41	**205**	83	73	**146**	**110**	49	**141**	76	45	81	**203**	31	17	74	60	84	56	88	**159**	43	30	72	8	29	5	7	19	63	15	**130**	57	68	0		0
39	21	56	45	2	46	73	22	61	38	19	56	23	18	21	82	7	4	41	24	35	9	29	73	25	16	22	3	7	0	3	4	23	6	50	21	19	0	0	

Рис. 36.1. Несортированная матрица сочетаний признаков для британских кубков, по Кларку 1962 (Clarke 1979: 495, fig. 3).

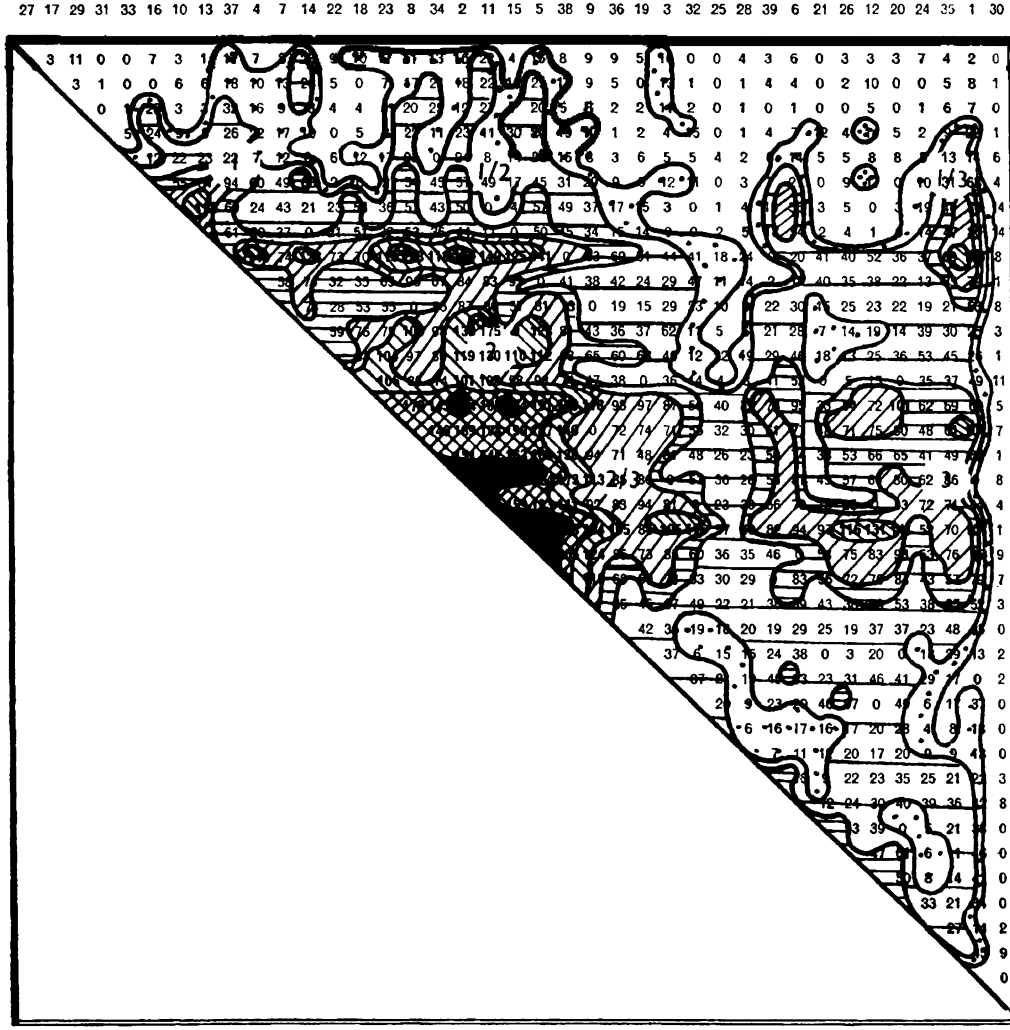

Рис. 36.2. Сортированная матрица тех же сочетаний; в оригинале наложенная калька (здесь слита с основным изображением) показывает густоту встречаемости с нумерацией основных комплексов). По Кларку 1962 (Clarke 1979: 496, fig. 4).

выявить наиболее повторяющиеся сочетания, сопряженность признаков, «корреляцию» — как у Сполдинга (точнее не корреляцию, а сопряжение, потому что для математика корреляция — это разновидность сопряжения, сопряжение числовых характеристик). Нужно построить корреляционные поля, т. е. координатные сети или *матрицы*, на которых отразятся все парные взаимосочетания всех учтенных признаков (рис. 36.1), и можно будет выявить наиболее густую сочетаемость (рис. 36.2). В 1962 г. статья 24-летнего автора «Матричный анализ и археология применительно к британской керамике кубков» появилась в самом престижном археологическом журнале Британии «Трудах Преисторического Общества», где редактором был его руководитель Грэйем Кларк. А в 1965 г. молодой Кларк выступил с ней на меж-

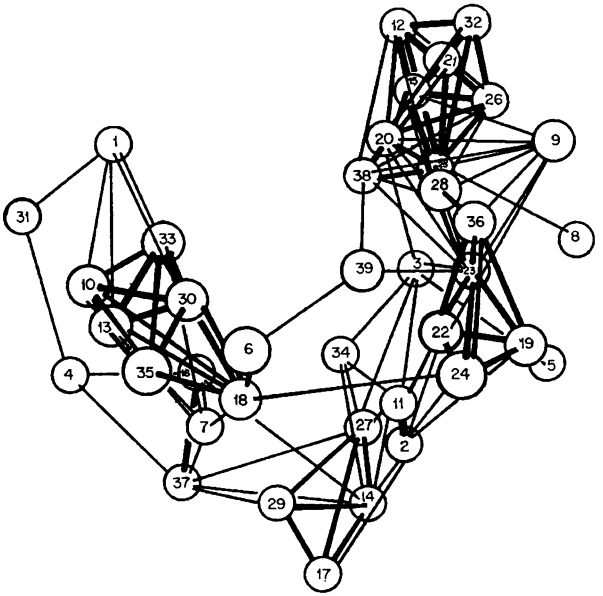

Рис. 36.3. График связей признаков для британских кубков по Кларку (Clarke 1968: 541, fig. 129b).

дународном конгрессе в Риме. К этому времени он уже построил график связей между выявленными группами (рис. 36.3) и получил их генетические взаимоотношения (рис. 36.4).

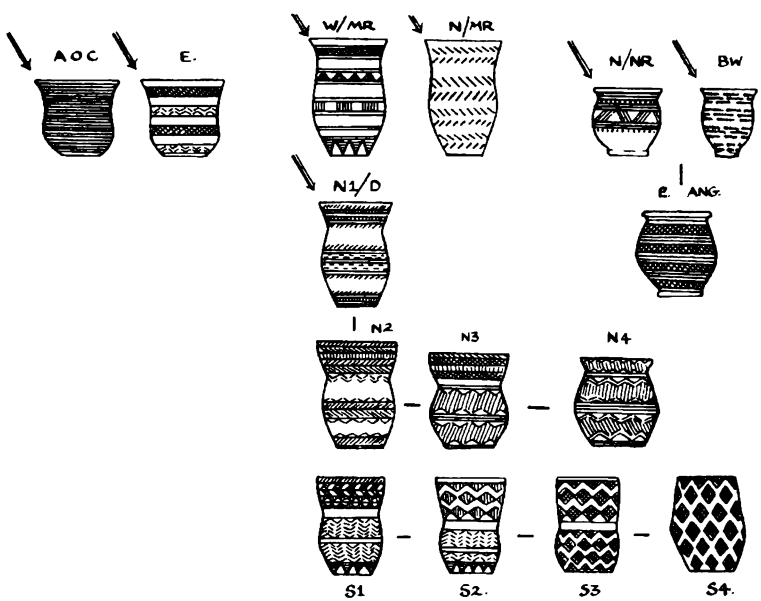

Рис. 36.4. Диаграмма развития британских кубков по Кларку 1964 (Clarke 1979: 508, fig. 1).

Тут уже был зародыш его дальнейшего увлечения точными методами и математикой.

В эти же годы он получил именную аспирантскую стипендию, гарантировавшую ему еще три года свободных занятий, женился на библиотекарше Стелле Мур и завершил (в 1964 г.) свою диссертацию по кубкам. В 1966 г. он получил в Кембридже пост руководителя занятий по археологии и антропологии — он отвечал за индивидуальные занятия со студентами и аспирантами. У многих он был тьютором (личным куратором, чем-то вроде тренера).

Он унаследовал от своего руководителя очень многое, в частности, и ориентацию на экономику, но прежде всего — его географические интересы. Эти интересы очень четко отличают Аналитическую Археологию от учения Бинфорда. Ранний Бинфорд был ориентирован большей частью на демографию и остеологию. Но географические интересы Дэвида Кларка отличались от интересов Грэйема Кларка. Старый Кларк использовал старую, традиционную географию — ареалы распространения, обычные карты, картографирование находок на основе древних ландшафтов и т. п. Молодой Кларк обратился к Новой Географии — кембриджской школе, которая прежде археологии получила название Новой. Сосредоточившись на географии человека, она проделывала разнообразные операции, математическую обработку карт, преобразовывала очертания стран и регионов, чтобы выпукло показать варьирование социальных факторов. Основные теоретические труды этого направления — «Локационный анализ в географии человека» Хэгитта (1965 г.) и «Модели в географии» Чорли и Хэгитта (1967 г.) — заметно повлияли на Дэвида Кларка, но литературу по теориям он начал штудировать еще года за два до выхода этих трудов.

Как нетрудно видеть, это развитие Кларка идет в том же направлении, что и Мальмера, только проходя те же этапы позже. Определенно, не без учитывания опыта Мальмера. Немало было вычитано Кларком из книг Мальмера, включая «изарифмический метод». У Мальмера его главный труд вышел в 1962 г., у Бинфорда и Кларка это был год публикации первых важных статей. В 1966 г. Дэвид Кларк выступил в Кембриджском клубе с докладом «Археология как дисциплина», в 1967 г. подготовил, а в 1968 издал свой монументальный том «Аналитическая археология», в котором его матричный метод оброс огромным количеством других точных методов и теорий.

В спокойной и солидной атмосфере британской археологии том прозвучал как взрыв. «Бомба Кларка», — назвали раздел об этом событии Малина и Вашичек в своих книгах (чешской и английской). «Его "Аналитическая археология" была бомбой», — вторит им Тимоти Чемпион (Champion 1991: 130). Обозреватели отмечали этот том как «одну из наиболее важных книг за несколько десятилетий». Можно подумать, что Кларк сразу заслужил статус и возможность преподавать и заниматься исследованиями. Ан нет, в Кембридже он не получил оплачиваемого места на кафедре, а лишь право подменять в чтении лекций сотрудников кафедры на время их отпусков или болезней. Это положение продолжалось пять лет. Те пять лет, которые в мире гремела его книга, и в которые вышел еще и его двухтомник по кубкам.

А в колледже в 1970 ему дали более тяжелую нагрузку — он стал Старшим Тьютором, т. е. отвечал за успеваемость всех студентов колледжа (как археологов, так и других), что отнимало у него массу времени. Тем не менее, он сумел в 1972 г. подготовить новый том по теории — сборник «Модели в археологии», где поместил и большую свою статью. Том был создан по образцу «Моделей в географии» Чорли и Хэгитта, вышедших за пять лет до того.

В 1973 г. Грэйем Кларк ушел по старости с поста заведующего кафедрой археологии в Кембридже, и был объявлен конкурс на этот пост. Это была единственная кафедра, к которой Дэвид Кларк стремился. Он отказался подавать на конкурс в Гарвард, отказался и от места в Шеффилде. Он хотел унаследовать своему учителю. Дэвид Кларк подал заявку, но избран был Глин Дэниел. В том же году освободился и меньший пост — читающего ассистента, сроком на три года. Это место Кларк (рис. 36.5) получил.

В 1975 г. он получил руководство долговременными раскопками неолитического городища близ Кембриджа, а в следующем, 1976 г. планировалось и некоторое его повышение в статусе — была подана заявка на присвоение ему звания «лектора» (это равно нашему доценту). Тут Кларк тяжело заболел, в больнице был даже не в силах вставать с кровати. Но выздоровел и был выписан домой. На следующий день тромб, образовавшийся в артерии от долгой неподвижности, оторвался и закупорил легкое. В день смерти Кларка пришло утверждение его в звании лектора. Он не дожил до сорока. Вся его скромная университетская карьера продолжалась десять лет. Официальная лекторская — три года. Но учеников он воспитал множество, среди них есть известные археологи — Роберт Чэпмэн, Эндрю Шеррат, Стивен Шеннан, Роланд Флетчер, Норман Хэммонд, Ян Ходдер.

Рис. 36.5. Дэвид Кларк ассистент кафедры и старший тьютор колледжа (Clarke 1979: frontispise).

Грэйем Кларк изучал мезолитическую эпоху, а также неолит и бронзовый век Европы. Дэвид Кларк создавал также труды по мезолиту, но его постоянный интерес был в британских культурах кубков неолита и бронзового века. Монументальные тома его теоретических книг общеизвестны. Но менее известно, что в то же самое время он создал не менее монументальный двухтомный труд по британским культурам кубков, главным образом по керамике, с детальной классификацией или типологией керамики. Отдавая в 1972 г. распоряжение послать мне эти два тома 1970 г. (они, кстати, не дошли), Кларк писал мне (письмо от 14 авг. 1972 г.): «Пожалуйста, имейте в виду, что анализ кубков имел место между 1963 и 66 годами и ныне, пожалуй, устарел. Я теперь провожу более удовлетворительные анализы данных». Конечно, у Дэвида Кларка были и совсем другие интересы в этой сфере. Бинфорд хотел иметь типологию без типов, и в целом он не очень интересовался типологией. Для Кларка типология чрезвычайно важна, не менее, чем для Мальмера, так что тип и культура находятся в центре его теоретических интересов. Это так не только в двухтомнике «Культуры кубков Великобритании и Ирландии» (1970), но и в главной книге Кларка, в его «Аналитической археологии» (1968).

3. Мираж «аналитической машины». Собственно, вся книга построена в соответствии с классификационным (или типологическим) подходом: исследователь движется по пути классификатора в индуктивной процедуре — от меньших ячеек ко всё большим, обобщая их. Чтобы следовать принципам Кларка, нужно вернуться от гипотетико-дедуктивной процедуры, которую требовали Бинфорд и его сторонники, к индуктивной процедуре, вполне традиционной для археологии. Сначала Кларк рассматривает *признаки*, элементарные ячейки археологического материала,

потом переходит к *типам* и анализирует, как типы строятся из признаков, далее показывает, как типы складываются в *археологическую культуру*. На каждом уровне он анализирует возможности выделить бóльшие и меньшие ячейки этого уровня. Например, на уровне культур: с одной стороны — *субкультуры*, с другой группы культур, которые он именует *технокомплексами*.

Поскольку он рассматривает каждый уровень по одним и тем же принципам, один из его критиков (швед Муберг) сказал, что книга Кларка — это многократное повторение горсти одних и тех же правил на протяжении почти 200 страниц. Да, структура построена так, но, во-первых, в том-то и суть новации, что всё многообразие уровней приведено к общему знаменателю и охвачено одной структурой, а во-вторых, книга Кларка — более, чем это. Есть в этом томе свои недостатки и просчёты, но есть много ясных и свежих мыслей.

Но что означает название? Кларк не назвал свою книгу ни «Типология», ни «Классификация», или, если угодно, «Обработка материала». Хотел ли он в терминах элементарной логики сказать, что применяет только анализ, а не синтез? Ни в коем случае. У него синтеза даже больше, чем анализа. В названии он выражает свою неопозитивистскую философию. Подобно Сполдингу, Кларк хотел открывать типы в путанице признаков и применять тут математические методы. Он использовал ту же философскую опору, от того же источника, что и Бинфорд, да и Сполдинг, — от неопозитивизма.

Образцом для подражания была «Аналитическая биология» Зоммергофа (Sommerhoff), общим методологическим ориентиром — неопозитивизм Брейтуэйта, Карнапа и Нагеля (на них есть ссылки), а самоназванием неопозитивизма было «аналитическая философия». В системе взглядов неопозитивизма все научные знания делятся на «синтетические» и «аналитические». «Синтетическими» считаются знания, сводимые проверкой к эмпирическим, чувственным данным. «Аналитические» — те, которые не зависят от эмпирических и которые можно проверить только логическим или языковым анализом — «аналитической философией» (как мы увидим, лингвистический позитивизм Витгенштейна особенно привлекал Кларка). «Аналитические знания» — это как бы грамматика науки. В них указаны допустимые преобразования одних научных высказываний в другие. То есть в «аналитических знаниях» зафиксирована регламентация того, как делать выводы из эмпирических данных и как проверять выводы, сводя их к эмпирическим данным. Такие правила должны обеспечить преобразования фактов (археологических объектов), автоматически ведущие к выявлению общностей и закономерностей, машинообразно, устраняя субъективность.

В неопозитивистской философии науки очень распространенным было представление, что, в общем, возможно выработать такую логическую процедуру, которая автоматически поведет от материала к выводам, причем совершенно однозначно, всегда в одной и той же форме. От описания до интерпретации. Этот замысел был выдвинут еще до появления компьютеров. Эта идеальная логическая процедура получила у неопозитивистских философов науки название «*аналитической машины*».

Вот что было основой для названия труда Кларка. Как многие ученые, увлеченные неопозитивистскими идеями и применяющие термин «аналитический» в этом смысле, Кларк хотел реализовать этот идеал в археологии.

Кларк был не единственным, кто пестовал такие цели. Первыми были американцы. А. Л. Крёбер (в 1940 г.), А. Кригер (в 1944), а затем и Э. Сполдинг (в 1953 и 1960) предложили подобные концепции. Предприятием подобного рода была и «аналити-

ческая типология» Лапласа (1957 г.). Но в «Аналитической археологии» Кларка (1968 г.) концепция этого рода была разработана особенно четко и детально. Позже, уже после его смерти, его ученики выпустили сокращенное издание его «Аналитической археологии» и сборник его работ «Аналитический археолог» (1979).

Сполдинг сожалел, что машинообразность не удается распространить на выдвижение гипотез: «Нет машин для производства полезных идей» (Spaulding 1973: 351). Гарден за год до Кларка предлагал «рассматривать дескриптивный код как машину для автоматического (и если не находится лучшего, то случайного) производства типов» (Gardin 1967: 28). Кларк неоднократно именует свою систему правил «аналитической машиной»: «В сущности, эта процедура основана на подаче постоянного потока контекстных и специфических наблюдений в «аналитическую машину»...» (Clarke 1968: 641, см. также 647).

По представлениям всех этих ученых, археологическое исследование начинается с *максимального* расчленения материала на *минимальные*, элементарные объективно различимые единицы с их специфическими характеристиками — *свойства* (Кларк называл их «*признаками*»). Можно измерять их распространение и сочетания в материале. С помощью *корреляции* (точнее *сопряжения*) выявляют их устойчивые, постоянно повторяемые сочетания — *типы*. Тесно связанные между собой типы организуются в *археологические культуры*. Изменения этих культур, их преобразования, переведенные на язык исторической интерпретации, суть исторические события.

Кларк видел задачу *формализации* в том, что нужно освободить этот кристаллизационный процесс от субъективизма и предвзятых идей. Это означало построить из логических операций некий алгоритм, некую «аналитическую машину», способную быть целостной, рациональной и подконтрольной, чтобы надежно и однозначно переводить хаотическую смесь эмпирических наблюдений в историко-культурные реконструкции.

Между тем, ставится под вопрос принципиальная возможность получать желаемые результаты от этой «аналитической машины». Сам Кларк (Clarke 1968: 568) отмечал, что прообраз аналитической машины есть уже у Свифта в «Путешествиях Гулливера». Там лапутянский профессор построил машину из деревянных брусьев, соединенных на станке проволокой. На них были нанесены все слова местного языка, беспорядочно перемешанные. Ученики профессора держались за сорок ручек со всех сторон машины. От их поворота расположение слов менялось. Студенты шесть часов в день записывали результат. Профессор надеялся таким путем дать миру полную сводку наук и искусств. Кларк не заметил, что ирония Свифта обращена против главной идеи аналитической машины. Конечно, Кларк был убежден, что индукция и корреляция дают средство преодолеть беспорядочность. В наше время эта идея подверглась критике не только в свете философской проверки (см. Клейн 1975а), но и с точки зрения специфики археологии.

В кругу Борда тоже издевались над иллюзиями аналитиков: рисовали Бинфорда и его сторонников, вкладывающих каменные орудия в компьютер того времени (огромную машину), машина работает (аж трясется!), а в конце процедуры из машины выходит восстановленный неандерталец (рис. 36.6).

Еще У. Тэйлор (Taylor 1948: 124–147) ввел важное различение — между '*эмпирическими типами*', которые появляются на выходе из такой аналитической машины, и требуемыми '*культурными типами*', которыми бы отражались «мысленные шаблоны» и социальные нормы. Он предупреждал, что 'эмпирические типы' не

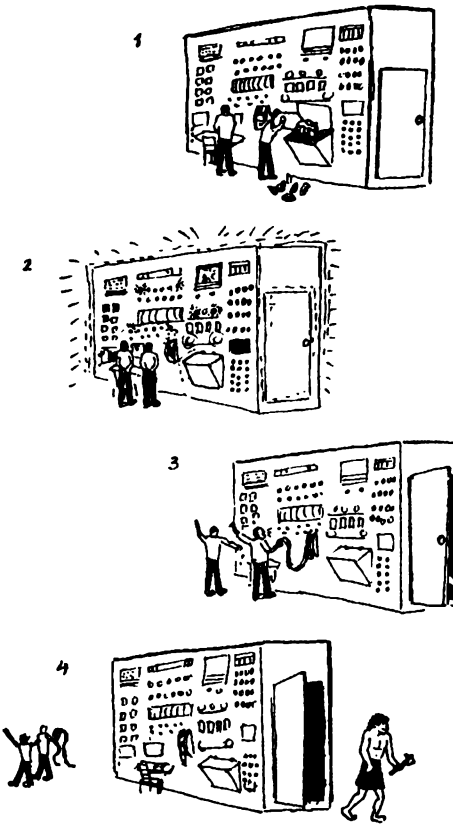

Рис. 36.6. Карикатура Пьера Лорана на оттиске Денизы де Сонневиль-Борд: процедура Новой Археологии по превращению каменных орудий аналитической машиной в восстановленного неандертальца (Binford 1983: 97, fig. 40).

превращаются сами собой в 'культурные типы', но что для такой идентификации необходимо специальное преобразование первых, как и добавочная информация о культурном значении (внешняя информация).

Позже среди элементарных характеристик исследователи начали различать непосредственно наблюдаемые 'свойства' и культурно значимые 'признаки' (Deetz 1967: 83–103; Бочкарев 1975). Также были выявлены огромные различия между археологическими культурами, что касается их исторически информативного значения. Так, за некоторыми археологическими культурами стоят, например, целые 'этносы', 'государства' и 'религии', за другими же только 'стили' или только чисто 'этнографические культуры' (т. е. как бы оживленные археологические культуры, даже не связанные с языковой общностью и с собственным именем). Опять же, за иными ничего вообще — эти были всего лишь островками хорошей сохранности и хорошей изученности между лакунами и белыми пятнами (Kilian 1960; Монгайт 1967).

Индуктивная процедура начинается со 'свойств', ведет неизбежно только к 'эмпирическим типам' и далее к 'археологическим культурам' неопределенного со-

держания. Для перевода в 'культурные типы' нужно начинать не с физических 'свойств', а с 'культурных признаков'. А как выделить культурные типы? Физические свойства сами собой в них не превращаются. Сполдинг был уверен, что самые часто встречаемые сочетания позволяют выявить культурные значения, что устойчивые свойства и оказываются культурными признаками, но это не так. Устойчивыми свойства могут оказаться и по физическим причинам. А как же узнать среди них признаки? Они могут быть распознаны только через сравнение 'культурных типов', которые в свой черед могут быть установлены в процессе познания исторически и культурно продуманных археологических сообществ — так сказать, 'исторических культур' в их развитии. То есть идти надо сверху, от археологических культур. А как же получить культуры, если не обобщением и комбинированием типов, а типы обобщением признаков? Это и есть главный вопрос моей «Археологической типологии».

Следовательно, весь ход познавательного процесса получает обратное направление, и преобладание индуктивной процедуры теряет свое главное оправдание! Ведь подразумевалось продвижение от 'свойств' через 'эмпирические типы' к 'археологическим культурам', но, вероятно, требуется нечто противоположное: от 'исторических культур' через 'культурные типы' к 'признакам', и уже от них к 'свойствам'. Только при этом операции продвижения первой серии получают смысл и становятся полезной основой дальнейших исследований.

Чтобы найти выход из этих противоречий, требуется теоретический анализ. Однако его в книге Кларка нет! Эмпирически стимулированный набор методов, навеянный практикой и благими намерениями, даже если методы хороши, без теоретического обоснования натыкается на непреодолимые трудности и остается в тумане.

4. Редукционизм. В соответствии с аналитической программой свой археологический анализ Кларк начинает с разбора взаимоотношений артефакта и признака. Признаки начали выделять еще таксономисты, комбинируя их в типы или классы. У Рауза и Форда эти разработки достигли большой детальности, но с теоретической глубиной эта проблема поставлена у Кларка, и именно у него наиболее отчетливо видна связь этой постановки с «аналитической философией».

Выделение «аналитических знаний», конечно, облегчает формализацию и математизацию исследований. Но смысл деления всех знаний на «синтетические» и «аналитические» также в том, что мировоззренческая мысль не попадает ни в те, ни в другие, оценивается неопозитивистами как бессмысленная и изгоняется из науки. Все науки уподобляются физическим, которые игнорировали подобные явления. Устраняется специфика биологических, социальных и гуманитарных исследований. Эти идеи (*сциентизм*) были заметны у Гардена и Мальмера, они просматриваются и в глубине «Аналитической археологии» Кларка. О степени зрелости археологии он судит по ее сопоставимости с физикой (Clarke 1972b).

Операциональным выражением этой тенденции является *редукционизм* — стремление сводить сложные явления к простейшим без остатка. Это тоже методологический рецепт неопозитивизма. В основе его — представление о мире как о конгломерате простейших единичных фактов, характерное для разных толков позитивизма, но преимущественно ранних — от логического атомизма Рассела и раннего Витгенштейна до логического позитивизма Карнапа.

Рассел сформулировал идею так: «... то, что обычно назвали бы «вещью», есть не что иное, как пучок сосуществующих качеств — таких как краснота, твердость

и т. д.» (Russell 1943: 97). Его ученик Витгенштейн развернул это представление в серию четких афоризмов:

> «1.1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей...». Фактами Витгенштейн именует отношения между объектами. «1.2. Мир распадается на факты... 1.21. Любой факт может иметь или не иметь места, а всё остальное останется тем же самым. 2.062. Из существования или несуществования какого-либо одного атомарного факта нельзя заключить о существовании или несуществовании другого атомарного факта». Поскольку в этом конгломерате единичных фактов отсутствуют общие контуры, структура реального мира налагается на эти факты логикой, языком. «5.6. Границы моего языка означают границы моего мира» (Витгенштейн 1958).

В «Аналитической археологии» Кларк явно следует этим курсом, определяя «археологический признак как логически независимую характеристику с двумя и более состояниями, действующую как независимая переменная в рамках особой системы знаний» (Clarke 1968: 138). Он поясняет: «Данные (нашей) дисциплины — это информация, получаемая о признаках ... артефактов, охватывая как признаки их контекста, так и их собственные признаки» (Ibid.: 14–15). То есть признаки суть отношения между объектами. «Признаки» Кларка очень напоминают атомарные факты Витгенштейна.

«Значимые признаки, — указывает Кларк, — должны быть разбиты на логически неделимые и независимые переменные» (Ibid.: 137). Из этой независимости вытекает их равенство: «Все признаки изначально равны по значению, по весу и по рангу всем другим признакам...» (Ibid.: 142). Наконец, «сохранившиеся факты» или признаки «суть по необходимости факты и признаки, избираемые из огромного ряда тех, которыми обладает каждый простой артефакт» и — как следствие — «все сохранившиеся факты зависят от наблюдателя» (Ibid.: 15). То есть от его языка и мышления.

Таким образом, логический атомизм повторен у Кларка изоморфно — деталь за деталью. А это значит, что критику логического атомизма Рассела и Витгенштейна, развернутую в исследованиях философов (Гёделя и др.) необходимо перенести на методологические основы «Аналитической археологии» Кларка. Принципы логической неделимости простейших фактов, их взаимной независимости (в системе они ее не имеют!), их полной обусловленности произволом наблюдателя, их достаточности для полного описания исследуемой действительности — все они были полностью дискредитированы и выбиты из арсенала аналитиков на поздних этапах неопозитивизма и постпозитивизма.

Логический атомизм не был принят и в физике. Эйнштейн выступил против Рассела, рассматривающего вещь только как пучок качеств. «В противоположность этому я не вижу никакой «метафизической» опасности в том, что вещь (объект в физическом смысле) вместе с принадлежащей ей пространственно-временной структурой принимается в систему как самостоятельное понятие» (Einstein 1955: 39–40).

К тому времени, когда Кларк реализовал неопозитивистский редукционизм в своей «Аналитической археологии», этот принцип был уже оставлен самими неопозитивистами. Правда, позже прошла частичная реабилитация редукционизма как плодотворной методологической доктрины, однако эта реабилитация ограничена и не замыкает исследование в чисто аналитических операциях. Этот новый редукционизм не стремится *свести* все сложные явления к сумме простейших, устраняя специфику законов каждого уровня, а требует *выводить* сложные явления, с их особыми законами, из более простых явлений.

Редукционизм аналитической археологии не знает этих ограничений и оговорок. Поэтому наряду с успехами он приносит Новой Археологии и провалы. С задачей синтеза целостных структур из полученных элементов аналитическая археология не справилась. Для построения осмысленных систем нужны иерархия и отбор признаков, а ведь аналитическая археология отвергла предварительную оценку признаков. Предлагаемые ею процедуры оказались не в силах имитировать или заменить ту интуитивную типологию археологов, которая работает и подтверждается практикой. Некоторые «новые археологи» констатируют это (Whallon 1972).

5. Вариабельность. Все «новые археологи» отвергли жесткую классификацию и работу с традиционными типами. Но если Бинфорд отшатнулся к отрицанию типов вообще, то Кларк предпочел усовершенствование понимания типов.

Для того рода операций группирования, который предпочитался Кларком, можно также увидеть неопозитивистские идеалы, сформулированные наиболее авторитетно в позднем творчестве известного венского философа, эмигрировавшего в Англию, Людвига Витгенштейна. В его «Логико-философском трактате», опубликованном вскоре после Первой мировой войны он еще придерживался, как и его учитель, Рассел, *логического атомизма*, а в 50-е годы он сформулировал концепцию *лингвистического позитивизма* — по его мнению, естественный язык дает человеку модели мира. Отправляясь от изменчивой, гибкой, пластичной многозначности слов живого обиходного языка, Витгенштейн пришел к выводу о неопределенности понятий, о невозможности фиксировать жестко и точно реальные значения терминов. Каждому слову или выражению соответствует целый спектр значений, и края этого спектра размыты. Значение так свободно варьирует от одного употребления к другому, что крайние могут и не иметь ничего общего между собой. Главный вывод: бессмысленно искать общее, некую «сущность» вещей.

«Философские изыскания, — пишет Витгенштейн в «Голубых и коричневых тетрадях», — одержимы идеей, будто для достижения ясного значения общего термина нужно найти общий элемент во всех применениях этого термина» (Wittgenstein 1964: 19). А часто нет такого элемента.

Витгенштейн выдвинул идею «семейных сходств». В языке он установил своеобразные семьи слов. Он заметил, что в группировке, в поисках схожих слов было бы ошибочно искать всегда и во всех направлениях те же самые элементы, чтобы по ним выявить связи и группы. С одним словом рассматриваемое слово может состоять в одной связи (по одним элементам), с другим словом — совсем в другой (по другим элементам), и оба эти слова могут не иметь ничего общего друг с другом. Их единственная связь — косвенная, через то слово, с которого мы начали рассмотрение. В эту сеть может быть включено много слов. Сеть оказывается построенной так, что у ее звеньев нет общих свойств, но связывают ее «контакты», т. е. ее звенья часто связаны общими контактами или косвенно связаны. Благодаря этим связям, а не наличию общего для всех элемента они составляют группу — «семью».

Это, — поясняет Витгенштейн, — «как при прядении». «Крепость пряжи заключается не в том факте, что какое-то одно волоконце проходит через всю ее длину, а в переплетении многих волокон» (Wittgenstein 1964: 32).

За словами стоят понятия, а за понятиями реальность. Эту реальность Кларк усмотрел в археологическом материале. Он иронизирует по поводу традиционной археологии:

«делали список признаков, интуитивно исходя из предрассудка, что это дает "наилучшую" группировку, и затем помещали объекты, обладавшие этими признаками, в такую-то группу, а не обладающие — вне группы». С этими группами обращались «как с твердыми и массивными кирпичами... Преисторики, видимо, всё еще полагают, что для того, чтобы определить группы, необходимо, чтобы каждый член внутри группы обладал всеми опознавательными признаками. На практике этот идеал никогда не был продемонстрирован в археологии.» (Clarke 1968: 35, 37–38).

Кларк обнаружил, что в археологии преобладает другая группировка признаков, при которой каждый объект обладает многими, но не всеми признаками своей группы, а каждый признак не является ни достаточным для причисления объекта к данной группе, ни необходимым.

Но еще раньше те же формы группирования материала были обнаружены и применены в биологии. Это так называемая *нумерическая таксономия* или *числовая таксономия* — книги Е. С. Смирнова («Таксономический анализ» 1969 г.), также Р. Р. Сокала и Р. Р. Сокала («Принципы числовой таксономии» 1963 г.). Заслуга Кларка в том, что он применил этот принцип к археологическому материалу. Он установил, что культурный материал построен как раз в соответствии с этим принципом.

Таким образом, он различил два принципа группирования признаков в материале (рис. 36.7). Когда группы очень стандартизированы или (как в биологии) однозначно определены генами, все члены каждой группы получают одни и те же признаки — в одной группе один набор признаков, в другой группе — другой набор. Наличие такого набора объединяет группу и отличает ее от других групп. Но каждый член группы обладает этими особыми признаками данной группы (на рис. 36.7 верхний левый угол). Это названо *монотетическим принципом* (от греч. моно- — 'одно-' и тезис — 'набор', 'состав').

Однако есть другой род группирования. Группа обладает таким специфическим набором признаков, но он не ограничен строго и не стабилен. Не каждый член груп-

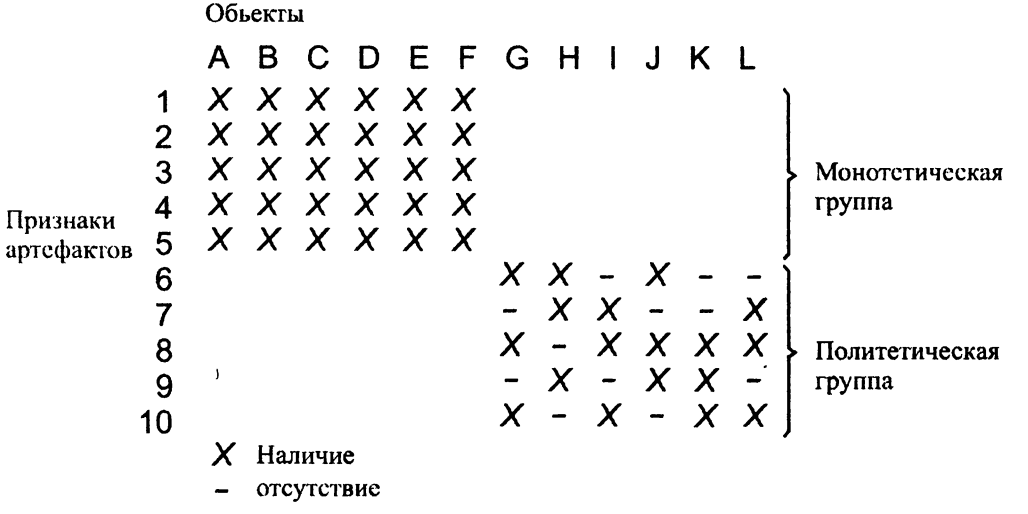

Рис. 36.7. Принципы археологического группирования, схема; условные обозначения: *крестик* (х) обозначает наличие, а *минус* — отсутствие). По Кларку (Clarke 1968: 37, fig. 3).

пы имеет все признаки этого набора. Часто он имеет большинство ее признаков, но не все. Есть много членов группы, даже не имеющих большинства ее признаков, но что-то немногое из этого набора они имеют (на рис. 36.7 правый нижний угол). Принадлежат ли они к этой группе? С другой стороны, даже наиболее выразительные представители этой группы имеют что-то немногое, некоторые признаки, из наборов соседних групп, и количество этих признаков может постепенно нарастать, если двигаться от, так сказать, логического центра этой группы к ее логическим окраинам. Как же тогда отличить эту группу от соседних групп? Где провести границы? Далее, есть объекты, показывающие редкие комбинации признаков — что-то от одной группы, что-то от другой, большинство же вообще от никакой, уникальные. К какой группе они принадлежат? Как вообще определить принадлежность к группе?

Тут как раз и встречаются ситуации, когда часть признаков объекта имеет аналогии на одном схожем объекте, часть на другом, и эти схожие с ним объекты не имеют ничего общего друг с другом. Но они, несомненно, связаны.

Такое группирование организовано по *политетическому принципу* (от греч. поли- — 'много'). Именно так построено, по Кларку, большинство нашего материала, потому что в пре- и протоистории не было стандартизации, а сама культура предоставляет большие возможности для контактов, влияний, многообразных смешиваний, когда признаки переходят от одной группы к другой.

Конечно, можно просто нарезать относительные, условные границы в материале, наложить их на материал и построить *условные, относительные типы*. Мальмер удовольствовался этим решением. Но Кларк хочет исходить из реального материала, заложить в свою аналитическую машину реальный материал. Он симпатизирует Сполддингу, не Форду. Здесь должны быть применены статистика и корреляция. Кластеры (т. е. сгущения признаков, центры их роения) как результаты этих операций как раз и представляют наши типы.

На обычных корреляционных таблицах только две серии признаков (например, ширина и высота) могут быть коррелированы друг с другом. Если мы построили стереометрическую модель, мы можем добавить третью серию (например, поперечный разрез). Но как добавить четвертую, пятую и т. д.? Здесь и Кларк приходит к многомерной статистике, совершенно абстрактной, но он приходит к ней с другой стороны, по сравнению с Бинфордом.

А что плохого в том, что Кларк, подобно Витгенштейну и биологам, констатировал разницу в распределении признаков по объектам и предложил учесть это явление? Само по себе это не только не плохо, это замечательное достижение в понимании археологического культурного материала. Без него теперь невозможно заниматься проблемами группирования в археологии. Здесь я должен добавить, что для меня книга Кларка была исходным пунктом, когда я работал над типологией. Учитывая и обобщая существующую терминологическую традицию, я интерпретировал различие между монотетическим и политетическим группированиями как различие между *классами* и *типами*, между *классификацией* и *типологией*. Только я исходным пунктом сделал не признаки или свойства, а культуры.

Но Кларк не просто заимствовал плодотворную идею, он и здесь следует Витгенштейну гораздо полнее и детальнее. Как и философ, он абсолютизирует текучесть явлений и извлекает из этого выводы об условности всех выявляемых типов, а это противоречит установке на повышение объективности.

6. Системная концепция культуры у Кларка. Кларк создает крупные культурные структуры по принципам *теории систем.* Общая *теория систем* была к этому времени новым научным направлением, зародившимся в биологии (его создатель Людвиг фон Берталанфи), она рассматривала сложные явления, где целое больше, чем сумма частей и где каждая часть получает новые свойства, которых не было в отдельном существовании.

Системный подход вошел в моду во второй половине XX века. В археологии тоже. Даннел в 1971 г. выпустил книгу «Систематика археологии», Ирвинг Рауз в 1972 г. дал своему введению в преисторию подзаголовок «Систематический подход». Много писал о системном подходе в 1975–76 гг. В. М. Массон, обильно используя терминологию системного подхода («субсистемы», «гомеостаз», «обратные связи» и т. п.). Но у Рауза и Даннела это был не системный подход, а просто внедрение систематичности (упорядоченности) и систематики. У Массона же всё сводилось к переодеванию старых представлений в модные одежды (любое сложное образование называлось «системой», подразделение — «субсистемой», разновидность — «моделью» и т. д.). В Новой Археологии было реальное освоение системного подхода.

Кларк рассматривает культуры как *динамические системы* и прослеживает их *динамику.* Он пишет, что культура находится в состоянии *подвижного равновесия — гомеостаза.* Понятие введено биологами для живых систем. Оно означает, что система движется, функционирует, даже изменяется, но только в мелочах, в основном же остается той же самой, остается стабильной, на том же месте. У нее есть для этого специальные устройства, которые внимательно наблюдают воздействия среды и, когда появляется что-нибудь опасное для равновесия, они немедленно реагируют и исправляют ситуацию. Кибернетика (наука об управлении и самоорганизации динамических систем) называет эти исправительные меры *негативными обратными связями.* Обратные — потому что это ответы на какие-то воздействия, негативные — потому что они реагируют уменьшением или прекращением опасных движений.

Весь путь развития культуры Кларк обозначает как *«траекторию».* Разумеется, мы не можем ее видеть, но нашими раскопками, которые выхватывают лишь некоторые моменты этого пути развития культуры, мы получаем разные точки на этой траектории и можем интерполяцией реконструировать весь путь.

Величайшую загадку археологии — я имею в виду смену культур, внезапное замещение одной культуры другою — Кларк объясняет следующим образом. На пути развития есть такие места, где культура чувствует себя удобнее и может оставаться там подолгу в стабильном состоянии. Кларк называет такие места *'бассейнами равновесия'.* А есть много мест, где она ощущает неудобство — эти места она проходит быстро, проскакивает. Это можно пояснить механической моделью: шар, катящийся по волнистой поверхности. На наклонных участках он равномерно катится (стабильное движение по инерции), на вершинах волн долго удержаться не может (неустойчивое положение), а, попав в ямки, приходит в состояние покоя, из которого вывести ее может только сильный толчок. Это и есть бассейны равновесия. Такие бассейны на ее траектории и образуют состояния, в которых культура надолго успокаивается, проскочив неудобные положения быстро. Такое устойчивое состояние и воспринимается археологами как новая культура.

Тут есть нечто схожее с идеей Эрнста Вале — с теорией латентного развития культур, но у Вале еще и механизм имел объяснение, правда, внешнее — в посмертном существовании культуры, а у Кларка механизм не объяснен, но зато источник изменений — сугубо внутренний.

Системный подход позволил Кларку придать своим типологиям ориентировку на реконструкцию культурного целого, поставить вопрос о функционировании получаемых образований в живой культуре, обратить археологов от изучения деталей к целостному изучению культур как отражения жизни обществ прошлого. В этом, конечно, сказывается воздействие функционализма.

Слабость этой трактовки Кларка — та же, что у Бинфорда. Кларк рассматривает культуру как *динамическую систему*, что в общем может быть верным, однако он подразумевает не только *этнографические культуры*, но и *археологические*, а вот это уже неверно. Даже *материальная культура* в живом, функционирующем состоянии вряд ли может восприниматься как целостная система — она представляет лишь материальную фракцию системы культуры, и функционирование ее можно правильно понять лишь при учете других фракций, нематериальных. Скажем, чтобы понять функционирование оружия, нужно знать его употребление в бою, виды боевых операций, способы защиты и т. д. Археологизированная же культура — это мертвая фракция некогда живой культуры, оторванная от своих нематериальных контрагентов, которые утрачены. Системой ее можно считать только в том смысле, что она, хотя и фрагментирована, но как-то сохраняет следы упорядоченности, что можно как-то восстановить по фрагментарным кусочкам этой мертвой системы траекторию продвижения живой, динамической системы. А эта мертвая система не является ни цельной системой, ни динамической.

Восстановив по фрагментам траекторию развития культуры, Кларк объясняет все извивы траектории как реакции культуры на изменения природной среды или на стимулы (вызовы) других культур. Он забывает, что имеет дело не с развитием живой культуры, а с его проекцией на археологический материал. Следовательно, изменения траектории могут быть вызваны не давними воздействиями природной и социальной среды на живую некогда культуру, а гораздо более поздними факторами — изменениями археологических источников после их выхода из обращения и после отложения (истлеванием одних материалов, перемещениями других и т. д.).

7. Модели в археологии. Таким образом, археология обращена на изучение сложных систем. Кларк очень хочет ее сделать строгой наукой, но таковой ее в нынешнем состоянии не считает. Для изучения сложного материала он предлагает применять модели. «Не приходится отрицать моду на модели, пишет он, — особенно в примитивных дисциплинах, образующих ряд промежуточных форм между искусством и наукой» (Clarke 1972b: 1). В этот ряд он включил и археологию. На деле модели начали применять как раз более строгие науки — кибернетика, биология, социология. Но, по справедливому замечанию Кларка, важно не то, что модели стали модными, сколько то, почему они стали модными.

Что такое для ученого модель? В одной работе приведено 30 синонимов этого термина: «аналогия», «гипотеза», «схема», «макет», «имитация» и т. д. Как раз в тех более строгих науках, где их применяют давно и плодотворно, у них более ограниченное значение. *Модель* там это *некий реальный или идеальный объект, преимущественно системный, с четкой структурой и контролируемым поведением, схожий с другим, интересующим нас, объектом и изучаемый вместо него потому, что тот слишком сложен или недоступен.* Именно изучение механизма неимоверно сложных систем со скрытыми механизмами, ставшее необходимым в середине XX века (в генетике, кибернетике, астрофизике, мировой экономике) и потребовало применения моделей.

Биолог Эшби уподобил изучение таких систем наблюдению за пропусканием материала сквозь Черный Ящик (Black Box) — имеется в виду закрытый от нас ящик, темный внутри. Мы видим, что входит в него, и наблюдаем преобразованный материал, который выходит из него, а как он преобразуется внутри, не видим и не понимаем. Механизм, скрытый внутри, нам неизвестен и недоступен. Мы можем лишь строить догадки, о том, из чего состоит такой механизм и как он действует. Более того, мы можем строить подобные механизмы снаружи и, пропуская через них материал, добиваться наибольшего сходства с тем, что выходит из Черного Ящика. Это не дает полной гарантии тождества, а лишь вероятность совпадения с искомым механизмом.

Чтобы не работать вслепую, и применяются модели. Поскольку модель предусматривает сходство с исследуемым объектом в каких-то важных отношениях, вероятность совпадения со скрытым механизмом увеличивается. Модели могут быть вещественными или знаковыми, изоморфными (схожими по форме) или изофункциональными (схожими по действию), иномасштабными, наглядными и т. д. Именно с этим разнообразием и связано обилие синонимов.

В археологии термин «модель» стали применять в конце 50-х годов английские гиперскептики (с 1959 г. Пиготт, с начала 1970 и Дэниел), но не в исследовательских, а в критических целях. Они стали так называть крупные концепции, теории, интерпретации в археологии, чтобы подчеркнуть их недостоверность, условность. Диффузионизм — модель, стереотип мышления, бронзовый век — тоже модель. Вероятно, поэтому Новая Археология первоначально избегала применять этот термин. Грэйем Кларк применил его в ином, естественнонаучном смысле еще в 1957 г., но мельком. Бинфорд стал его применять в 1968, но тоже не очень интенсивно. У Кларка в книге 1968 года есть уже целый раздел «Модели» и термин широко применяется. Настоящий ажиотаж с этим термином начался позже. Большой том появился в 1972 г. — «Модели в археологии», где Кларк был редактором и первым автором. Этот том должен быть интересным каждому археологу, даже враги Новой Археологии это признали. В следующем году появился толстенный том под редакцией Колина Ренфру и с подзаголовком «Модели в преистории».

Но Кларк принял и толкование Пиготта, трактуя схему «трех веков» Томсена как первую археологическую модель (Clarke 1968: 11). Он пишет: «В сущности, модели — это гипотезы или наборы гипотез, которые упрощают сложные наблюдения тем, что предлагают строгую предсказательную систему, структурирующую эти наблюдения...» (Ibid., 32). Он согласен с тем, что наши генерализации всегда формируются на «мысленных моделях» и принимает идею, что с развитием науки она прошла три уровня моделирования — от изобразительных моделей (карты, диаграммы) через аналоговые модели (исторические или этнографо-антропологические параллели) к символическим моделям (математические формулы). В своей «Аналитической археологии» он употребляет термин «модель» как равнозначный с терминами «схема», «гипотеза», «взгляды», «представления», «вариант» и т. д.

Исходя из этого, он и сформировал сборник 1972 г. Несмотря на то, что в сборнике участвуют только «новые археологи», а слово «модели» присутствует в названии каждой статьи, нет впечатления концентрированности. Практически словом «модель» обозначается всё, что угодно: «структура», «гипотеза», «аналогия», «тип», «вариант» и т. д. Нечто общее всё же есть: в сборнике богато представлены теоретические разработки и примеры применения корректной идеализации археологических явлений для их математической обработки.

Сознавая неудобство этой пестроты в трактовке моделей, Кларк разделил все модели на два вида: регулирующие (control models) и операционные (operational models). Регулирующие модели и представляют собой «взгляды», «теории» и т. п. Они коренятся в философии археолога, определяют его стратегию исследования и выбор операционных моделей. «Операционные же модели — это экспериментальные аналогии или гипотезы, выведенные из них, которые археолог сопоставляет с выборкой из археологической действительности, чтобы проверить доброкачественность связи между гипотезой и выборкой» (Clarke 1972c: 10). Это и есть модели в собственном смысле — такие же, как в естествознании. Операционные модели Кларк делит на искусственные и готовые. Первые делит на вещественные и абстрактные, в которые входят изобразительные, математические и системные. Готовые делит на абстрактные (структурные аналогии) и вещественные (аналогии по материалу). Он приводит богатый перечень примеров, все их уравнивает и даже предпочитает модели, взятые из мира природы: их легче формализовать и представить в математической форме (Clarke 1972c: 42). Такое уравнение, однако, противоречит требованиям моделирования.

8. Пространственная археология. Много моделей и методов заимствовано из Новой Географии. Географические примеры, среди них «Модели в географии» (под редакцией Хогитта и Чорли), предшествовали археологическим трудам. Незадолго до смерти Кларк собрал статьи своих учеников в сборник сугубо географического направления, под названием «Пространственная археология», отредактировал их, но опубликован этот том уже после его смерти («Spatial Archaeology», 1977), так что это направление получило и такое название.

Кроме уже упомянутых методик — изарифмического метода, введенного в археологию Мальмером, изучения конфигурации поселений, как у Чжана и Уилли, и анализа «ресурсов района» («catchment area») из репертуара Хиггса, — здесь получил развитие еще ряд пространственных подходов. Это общее рассмотрение пространственных отношений в археологии — выявление территориальных структур, их отображение на картах, их социальное и экономическое истолкование, а из частных методов — *локационный анализ.*

Под локационным анализом понимается установление закономерностей локализации населенных пунктов — их расположения на местности и расстояний друг от друга. Географы разработали ряд теорий, и археологи стали их применять. Это теории фон Тюнена, Вебера, Кристаллера и Чисхолма.

1. «*Теория изолированных поселений*». Немецкий экономист фон Тюнен (von Thünen) еще в 1826 г. в книге «Изолированное государство» выдвинул идею, что деятельность людей развивается вокруг «изолированных» поселений — центров активности. Вокруг них складываются концентрические зоны землепользования и прочей хозяйственной деятельности, причем эффективность ее убывает с расстоянием от центра. Так, в сицилийских деревнях вблизи поселения располагаются виноградники, подальше, за их пределами — оливковые плантации, еще дальше — пшеничные поля, а дальше всего — лесные угодья. Лёш и Чисхолм в 1968 г. разработали эту идею в нормативную теорию «районов использования ресурсов» (catchment areas), а Вита-Финдзи и Хиггз применили ее к археологии.

Но фон Тюнен прилагал эту идею только к идеализированным поселениям и ограничивал чистое применение условиями: 1) поселение принимается за изолированное, без поступления ресурсов извне своего микрорайона, 2) вся окружающая

земля принимается за одинаковую, без неравномерностей распределения ресурсов и без существенных преград, 3) люди принимаются за руководимые исключительно рациональными экономическими интересами, без воздействия политических и идеологических факторов. А это практически неосуществимо.

Кларк и его ученики знали эти ограничения, но действовали, как если бы их не было.

2. «*Теория внешних связей*». Немецкий экономист Альфред Вебер в работе 1909 г. «О состоянии индустрий» выдвинул идею, дополнительную к идее фон Тюнена. Но вместо того, чтобы рассматривать поселение как изолированное, он предложил рассматривать его в его внешних связях и исходить из того, что расположение его выбирается так, чтобы минимизировать необходимые передвижения. Таким образом расположение его зависит от расстояния до внешних ресурсов, веса передвигаемого материала и сравнительных затрат на все передвижения. Эту теорию оптимальной локализации археологи также использовали. Местонахождения рассматриваются в ней исключительно с точки зрения внешних связей, игнорируя внутренние факторы.

3. «*Теория центрального места*». Немецкий же географ Вальтер Кристаллер (Walter Christaller) решил отобразить в своей схеме 1933 г. отношения между микрорайонами разных поселений, функции этих поселений и их сеть. Таким образом, он еще больше, чем Вебер удалился от идеализированной модели изолированного поселения. Он рассматривал сеть поселений помещенной в недифференцированный ландшафт и ввел иерархию поселений: одни поставляют ресурсы и услуги другим. Цель его работы — определить оптимальное размещение всей сети.

Поскольку концентрические круги при плотном заселении территории теснят друг друга, они сжимаются в сеть гексагональных территорий — сотовую схему. Рисуя такую сотовую схему железного века Британии, Кларк отмечает, конечно, что реальное размещение поселений не совсем совпадает с центрами идеальной сети гексагонов, но это из-за действия искажающих факторов — вот дело археолога и показать, что это за факторы. Метод сигнализирует об их наличии.

В 1941 г. Лёш детализировал схему иерархии «центральных мест» Кисталлера и перечислил следующие ее черты: 1) концентрацию поселений в секторах, чередующихся с менее заселенными секторами; 2) увеличение размеров поселений с удалением от центральных крупных поселений; 3) меньшие поселения располагаются на полпути между более крупными. Здесь можно построить гексагоны, у которых поселения находятся не в углах, а посредине каждой стороны. Тогда за основу будет приниматься не наиболее удобно покрываемая из центра площадь, а кратчайшее расстояние для транспортирования.

В археологи эта теория широко применяется, в частности у Ходдера. В сборнике 1972 г. он представил сеть римско-британских поселений, наложенных на такую идеальную схему и подправленных под нее (рис. 36.8). На другой иллюстрации у него представлена реальная сеть поселений, которая лишь оформлена как схема Кристаллера—Лёша (второго типа). В другой работе в том же томе у него на од-

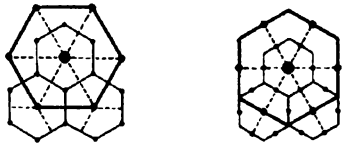

Рис. 36.8. Две схемы отношений в гексагональных сетях: a — по принципу рыночной площади, b — по принципу кратчайшего транспортирования (Hodder 1972: 890, fig. 23.1).

ном рисунке представлено реальное взаиморасположение многовального городища, деревень и усадеб, а на другом рядом — схематическое представление их взаимоотношений по схеме Кристаллера—Лёша.

4. *Полигоны Тиссена.* Все предшествующие схемы идеализированы — построены на идеализации картины и соответственно вводят ограничивающие условия, а нарушения рассматриваются как сигналы о несоблюдении этих условий. Есть и метод, построенный на реальном распределении и исходящий из него. Это построение полигонов Тиссена (Thiessen). Эти полигоны построены вокруг реальных центров и учитывают реальные расстояния до других центров. Границы полигонов проходят на полдороге между центрами. Эти полигоны не гексагональны: сколько центров располагается вокруг центра, избранного для отсчета, столько и граней у описывающего его район полигона.

Построение полигона Тиссена проходит три этапа: 1) все центры соединяются прямыми с ближайшими центрами; 2) каждая из этих прямых делится пополам; 3) через все эти деления проводятся перпендикуляры к ним до пересечения с соседними перпендикулярами. Получаются прямые, описывающие полигон вокруг каждого центра.

Ходдер и эту схему наложил на сеть римско-британских поселений (рис. 36.9). Схема эта дает примерный охват принадлежащего поселению района, ограниченного другими такими же районами — разумеется, и это при равномерности прочих факторов. Искажения будут внесены наличием естественных преград, посторонних воздействий и т. п.

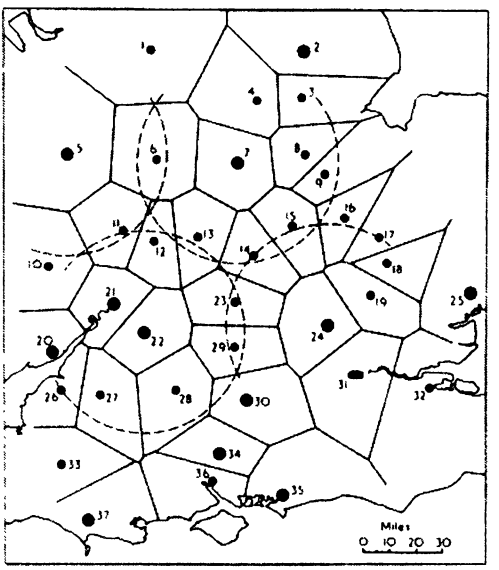
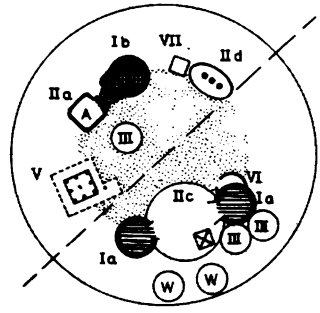

Рис. 36.9. Полигоны Тиссена, построенные Ходдером вокруг римско-британских поселений, чтобы показать как их конкурентные воздействия на окрестные территории, так и возможности пользования этими территориями (Hodder 1972: 899, fig. 23.6).

5. *Демографический состав и модули.* Для анализа распределения обитания внутри поселка Лоури исходил из количества иждивенцев, зависимых от каждого работающего. Поскольку они тоже требуют ресурсов и услуг, то число работающих должно быть рассчитано и на них, а у тех опять же иждивенцы. При этом к самому территориальному распределению применяются методы фон Тюнена, Вебера и Кристаллера.

Рис. 36.10. План раскопанного в 1892–1911 гг. поселения раннежелезного века Глэстонбери (Clarke 1972c: 216, plate 21.1).

I a большой дом

I a малый дом

II a подсобная хижина

II b хижина-мастерская

II c двор

II d хижина-пекарня

II e хижина стражи

II f хижина-пристройка

III рабочая площадка

IV глиняное пятно

V амбары и склады

VI хлев

VII свинарники или конура

сарай для повозок

Рис. 36.11. Модульное представление британской усадьбы железного века по Дэвиду Кларку и условные обозначения типов построек и сооружений — большого дома, малого дома, хижины для мастерской, двора, хлева и т. д. (Clarke 1972b: 815, fig. 21.1).

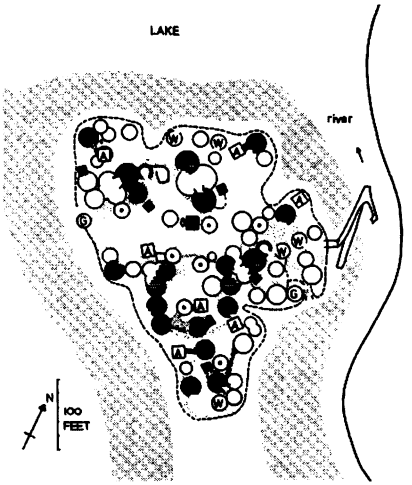

Рис. 36.12. Обобщенный план поселка Глэстонбери в последней фазе его существования с обозначениями типов построек и сооружений по Кларку (Clarke 1972b: 834, fig. 21.5).

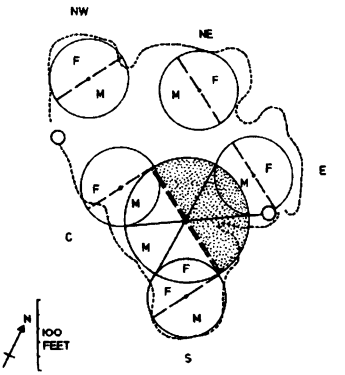

Рис. 36.13. Модель (схема) социальной структуры поселка Глэстонбери по Кларку: несколько модульных блоков отдельных хозяйств в их соотношении, с делением каждого на семейные секторы — главный и зависимый (Clarke 1972b: 835, fig. 21.6).

Дэвид Кларк взялся за поселение раннежелезного века, раскопанное в конце XIX — начале XX века Глэстонбери (рис. 36.10), рассмотрел его по четырем фазам и, расклассифицировав его постройки на круглые жилища, мастерские, дворы, зернохранилища и хлевы, вычленил теоретически модульную усадьбу большой семьи (рис. 36.11). Затем он представил поселок как состоящий из разнообразных типов построек (рис. 36.12) и, наложив на этот план свой модуль, свел все постройки (для последней фазы существования поселка) в шесть больших усадеб (рис. 36.13). Это дало возможность рассчитать население поселка, описать его хозяйство, социальную структуру (центральная усадьба оказалась больше других, но того же устройства) и т. д.

9. Общая теория. Везде не без основания принято, что Кларк написал общую теорию археологии.

Кларк думает, что задача археологии — это объяснение закономерностей, которые наблюдаются в археологическом материале. Он считает, что это превращает археологию в номотетическую обобщающую дисциплину о материальной культуре, в дисциплину, схожую по ее структуре с социальной антропологией и по содержанию принадлежащую к ней тоже. Он полагает, что она не была вполне точной наукой, но тем не менее стоит близко к точной науке.

Наиболее полная «общая (или центральная) теория археологии», как она понимается Новой Археологией, была разработана в книге Кларка «Аналитическая археология» (1968). По Кларку, эта теория предназначена четко устанавливать природу археологических явлений, объекты и отношения между ними, синтезировать общие закономерности, которые проявляются в археологических данных. Теория Кларка разделена на три части:

а) логическая схема археологического исследования (процедура) — в смысле гипотезно-дедуктивной установки, хотя общий путь Кларка остается индуктивным;

б) ключевой принцип классификации — на политетической основе с числовой таксономией;

в) объяснительная модель изменения культуры — на уровне общей теории систем, с представлением о культуре как о кибернетической системе взаимодействующей со средой.

Эти три части в основном независимы одна от другой. В книге Кларка, как и в Новой Археологии в целом, недостает ядра теории.

10. Обсуждение аналитической археологии. Реакция на выступление Кларка была гораздо более сильной, чем на «крестовый поход» Бинфорда. Во-первых, потому, что Бинфорд появился на окраине традиционной американской археологии — не в Гарварде, Йейле, Колумбийском или Калифорнийском университетах, а Кларк вырос в самом центре британской науки — в Кембридже. Во-вторых, потому, что Бинфорд выступал со статьями, заметками и сборниками статей и заметок, а Кларк выступил с колоссальными монографиями, охватывавшими всю систему археологии. В-третьих, Бинфорд не был конкурентом ведущим фигурам американской археологии в занятии руководящих постов, а Кларк был. С другой стороны, сторонникам Бинфорда удалось захватить в свои руки ведущий журнал американской археологии «Америкен Антиквити», а ведущий журнал британской археологии «Антиквити» оставался в руках Дэниела — противника и соперника Дэвида Кларка.

Дэниел был одним из лидеров умеренного диффузионизма, затем возглавил британских гиперскептиков и отстаивал ярко, живо и талантливо как раз те традиции, на которые столь же решительно ополчился Дэвид Кларк. Вражда перешла на личности. Кларк не побоялся противопоставить идее Дэниела о происхождении английских мегалитов от французских свое понимание их генезиса — как местной изменчивости. Не называя имени Дэниела, он заметил, что это «интересная альтернатива» гипотезе о выведении всего явления «из четырнадцати могил на Луаре». Биограф Кларка Флетчер, хорошо относящийся к обоим, вспоминает, что почувствовал леденящую тревогу при чтении этого «разноса в одной фразе» и деликатно отметил, что этого Дэниел «никогда не простил Дэвиду» (Fletcher 1999: 860). Более того, Кларк даже позволил себе, также не называя имени, как-то обронить фразу, немедленно ставшую известной, что против новых принципов может выступать только «пустая душа за цветастым жилетом» («empty mind behind the floral waistcoat» — можно перевести и как «пустая голова»). Дэниел был известен своим пристрастием к экстравагантно ярким одеждам. Он оказался во главе кампании против Новой Археологии вообще и Кларка в частности. А Дэниел и стал заведующим кафедрой в Кембридже. Ясно, что Кларку суждено было оставаться ассистентом с надеждой на доцентуру, пока Дэниел оставался завом.

Положение Дэвида Кларка также отягчалось еще и тем, что у него не сложились отношения со своим союзником и соперником за лидерство в британской Новой Археологии — Колином Ренфру, кстати, учеником Дэниела. Ренфру не стал приверженцем аналитической археологии, а отошел к третьему направлению Новой Археологии. В сборнике Кларка «Модели в археологии», собравшем наиболее интересных «новых археологов» Великобритании, блистает своим отсутствием Ренфру. В сборнике Ренфру «Модели в преистории», вышедшем на следующий год и собравшем более шестидесяти авторов, начисто отсутствует Дэвид Кларк.

Против Кларка сплоченным фронтом выступили «ученые мандарины», как их называл Флетчер: Глин Дэниел, Кристофер Хокс, Джакетта Хокс и Стюарт Пиготт,

а также А. С. Хогарт. Глин Дэниел называл Новую Археологию «новой псевдонаучной археологией» (Daniel 1969: 87). В его «Антиквити» был помещен целый ряд статей и заметок против Кларка. Джакетта Хокс в статье 1967 г. (Hawkes 1967) высмеивала упования молодых на математику и компьютеры, а в статье 1968 г. «Подлинное изучение человечества» осуждала флирт молодых с естествоведческой наукой как позерство, игру, «жалкие заклинания и обряды интеллектуалов». Статья А. С. Хогарта называлась «Здравый смысл в археологии». Хогарт, «с его кровожадным здравым смыслом», по выражению Флетчера (Fletcher 1999: 858), полагал, что все отличия Новой Археологии от старой сводятся к двум: внедрению достижений естествознания и техники (но это не ново) и псевдонаучному жаргону. В своей статье он писал: «Это, конечно, факт, что нет такой вещи как Новая Археология. Есть только Новоязычная Археология», использующая «новый словарь, явно предназначенный скорее поражать, чем разъяснять...» (Hogarth 1972: 301, 303). Дэниел называл Новую Археологию «псевдонаучной археологией», Стюарт Пиготт — неосхоластикой.

Язык Кларка был, и впрямь, не намного яснее речений Бинфорда. Вот отрывок из наугад открытой страницы Кларка:

> «Фаза внутри траектории (во времени) артефакта или комплекса есть, таким образом, археологическая ячейка, образующая таксономически гомогенный ряд состояний объекта, которые могут быть отличаемы в наименьшем отрезке времени континуума системы этого объекта» (Clarke 1968: 146).

Ренфру по поводу метаархеологических рассуждений Кларка заметил, что это не метаархеология, а «патаархеология» (Renfrew 1969a: 243).

Но очень скоро этот род легковесной критики иссяк. Как выразился Глин Айзек, «Уйма ненужного шума и ярости сопровождает многочисленные декларации сердитых молодых людей, но было бы совершенно ошибочным заключать отсюда, что вся эта суматоха ничего не означает» (Isaac 1971: 124). Началось серьезное обсуждение, и скоро по аналитической археологии были нанесены довольно тяжелые удары. Обсуждение состоялось в норвежском англоязычном журнале «Норуиджиан Ривью ов Аркеолоджи». Там выступили американцы Ирвинг Рауз, Харрис, Хаймз, швед Муберг. Они отвергли познание прошлого, ограниченное археологическими материалами, хотя бы и пропущенными через «аналитическую машину», и подчеркивали необходимость опоры на внешние источники — знание современного мира, этнографические параллели. В значительной мере их критика и побудила Кларка обратиться к «моделям», в том числе этнографическим. Другие критики (английский философ Стайгер, польские археологи Табачыньски и Плешчыньска), выступившие чуть позже, поставили под вопрос и корректность самой «аналитической машины».

В другом месте Муберг съязвил, что колоссальный том Кларка образован путем повторения одной и той же нехитрой формулы на всё новых иерархических уровнях интеграции материала (Moberg 1970: 360), что в общем верно, хотя дело к этому не сводится.

Кларк, конечно, не оставил эти критические выступления без ответа. Он упирал на закоренелую гуманитарность критиков из «Антиквити», их неподготовленность к модернизации, возмущался их стараниями законсервировать науку в привычном и удобном для них состоянии. Но, возражая критикам из норвежского журнала, он свел спор к частностям. Против глубоких нареканий Муберга, Харриса и Рауза у него аргументов не оказалось.

Я вмешался в этот спор еще позже, хотя еще при жизни Кларка (Клейн 1975а), но Кларк уже не успел бы прочесть моего выступления, даже если бы умел читать по-русски. Основные свои взгляды о концепции Кларка я смог сформулировать уже после смерти Кларка в рукописи «Новая Археология», так и не пошедшей в печать [до 2009 г.], затем в своей «Археологической Типологии» 1982 г. и суть их излагал здесь по ходу представления положений Кларка. Мое выступление в Кембридже перед учителями, учениками и последователями Кларка было и критикой и в то же время продолжением исканий Кларка. Я старался не только понять, почему главная мечта Кларка — превратить археологию в точную науку — не удалась, но и как и с какими ограничениями ее можно реализовать.

Всё же не стоит забывать, сколь огромным был его вклад в обновление археологии. Его нужно читать и знакомиться с его смелым мышлением и ясной логикой. Кроме его монументальной книги, которая может ужаснуть читателя, есть облегченное и сокращенное издание, подготовленное его учеником Бобом Чэпменом десять лет спустя — в 1978 г. Мемориальные Кларковские лекции раз в два года продолжают собирать археологов Англии. Я очень горжусь, что первой такой лекцией был мой доклад о принципах археологии.

11. Некоторые частные уроки. Из истории аналитической археологии и Дэвида Кларка каждый может извлечь некоторые частные уроки для себя.

Первый такой урок заключается в выводе о возможностях молодежи в археологии. Кларк ворвался в археологию метеором. Двадцати трех лет он поступил в аспирантуру и сразу же стал выдавать на-гора зрелые и новаторские произведения. С момента поступления до его смерти прошло всего пятнадцать лет. Примерьте это к своей жизни. За это время он создал серию монументальных томов: «Аналитическую археологию», том «Аналитический археолог», два тома о британских кубках, организовал том «Моделей в археологии» и том «Пространственной археологии». За это же время он воспитал плеяду учеников. При этом он нес служебную нагрузку по колледжу и был семейным человеком, имел детей. Когда успел? Оказывается, успеть можно.

Второй урок касается соотношения статуса и результатов. Всё это наработал ассистент — младший сотрудник университета. Значит отсутствие официальных полномочий и привилегий, отсутствие оплачиваемых помощников и аппарата — не препятствие для научных свершений.

Третий урок — о сопротивлении истэблишмента новаторству. Оно оказывается одинаковым у них и у нас. Научная среда — не компания друзей. Каждое открытие — для кого-то закрытие, и этот кто-то часто обладает заслугами, авторитетом и властью. Вовсе не обязательно это косный ретроград. Нередко это человек талантливый и совсем не старый. А борьба идей очень часто оборачивается войной людей. И тому, кто осмеливается делать открытия, нужно быть к ней готовым.

И четвертый урок — социальный. Он вытекает из сравнения. Всё-таки Кларк, несмотря на отчаянное сопротивление британского научного истэблишмента, острую критику и свое невысокое официальное положение, имел возможности продолжать работу и печатать монографии! Его не вызывали на бюро какой-нибудь влиятельной молодежной или партийной организации и не ставили на обсуждение его соответствие идеям, принятым за обязательную норму в государстве. Никто его не мог отстранить за такое несоответствие от работы, выгнать из университета, не говоря уж о том, чтобы отправить в тюрьму. Достаточно представить себе, что всё это

идейное брожение происходило у нас, чтобы понять, что исход должен был оказаться совсем иным. И сразу становится понятным, почему Новая Археология появилась у них, а не у нас.

Сознавать это горько, но необходимо. Чтобы не искать компенсации в поисках отечественных приоритетов, а постоянно помнить, что мы еще очень недалеко ушли от времени, когда Кларкам заказано было возникать у нас. И что охотники вернуть это время всё еще жарко дышат нам в спину.

Вопросы для продумывания

1. Несмотря на своё новаторство, Бинфорд явно продолжал традицию неоэволюционизма (Уайт) и, в какой-то мере, контекстуализма (Тэйлор). Есть ли в британской археологии традиции, которые точно так же продолжал Дэвид Кларк?
2. Аналитическая археология Кларка развивалась под несомненным влиянием Новой Географии и аналитической биологии. Какие науки занимали аналогичное место в формировании взглядов Бинфорда?
3. Какие аргументы можно высказать в пользу объединения Бинфорда и Кларка в одно течение, а какие — против этого?
4. Чей вклад представляется Вам более важным в утверждении Новой Археологии — Бинфорда или Кларка? А для археологии вообще какой был более важным?
5. Случайно ли, что как Бинфорд, так и Кларк писали очень сложным, корявым и неудобопонятным языком?
6. Как по Вашему, почему Кларк так увлекся понятием «модель»?
7. «Аналитическая машина», на которую возлагал надежды Кларк, оказалась в археологии банкротом из-за неудовлетворительности аналитической методики. Значит ли это, что вообще идея логической машины порочна и такая машина неосуществима?
8. Это ведь, по сути, идея искусственного интеллекта археолога. Она уже реализуется, хотя и не вполне удачно. В чем ее преимущества и в чем ограничения?
9. Кларк ставил перед собой задачу построить общую теорию и методику археологии, превращая ее в строгую науку. В какой мере это осуществимо?
10. Многие археологи начала второй половины XX века стремились к сциентификации археологии, к введению математики и точных методов — Гарден, Мальмер, Бинфорд, Кларк. В чем между ними основные различия?

Литература

Философские основания аналитической археологии: Russell 1943; Einstein 1955; Витгенштейн 1958; Wittgenstein 1964.

Аналитическая археология Дэвида Кларка: Taylor 1948; Kilian 1960; Deetz 1967; Gardin 1967; Монгайт 1967; Clarke 1968, 1972b, 1972c; Spaulding 1973; Бочкарев 1975; Клейн 1975a; Chapman 1979; Hammond 1979; Wolfram 1986; Champion 1991; Fletcher 1999.

Критика аналитической археологии: Hawkes 1967; Daniel 1969; Renfrew 1969; Moberg 1970; Isaac 1971; Hogarth 1972; Wallon 1972.

Глава 37. НОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ (ПРОЦЕССУАЛИЗМ). СЕРУТАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

1. Третье течение Новой Археологии. С самого начала в Новой Археологии были различимы три направления: гемпелианское, аналитическое и серутанское.

Третье направление, *серутанская* археология, работает с экологическими проблемами в духе Новой Археологии. Оно было распространено первоначально в Америке, но позже и в Англии. Культуру оно рассматривает как органическую систему, с саморегуляцией и обратными связями. Название «Serutan» («серутан-») образовано от родительного падежа слова «природа» (англ. «nature's») — пожалуйста, прочтите это английское слово как бы в манере обратных связей, т. е. в обратном направлении ... Поскольку это течение выявляет регуляцию и саморегуляцию, оно имеет еще одно обозначение, шуточное: Ex-Lac Archaeology (Ex-Lac — это популярное в Америке слабительное). Всё это самоназвания. Приверженцы этого направления — это, по крайней мере, люди с чувством юмора.

Ведущие представители серутанской археологии — Флэннери в Америке, Ренфру в Англии — исходят из «второй кибернетики» американца японского происхождения Магоро Маруямы (Magoroh Maruyama). Статья Маруямы «Вторая кибернетика: процессы, увеличивающие отклонения» появилась в журнале «Американ Сайентист» еще в 1963 г. Маруяма заметил, что во многих органических и социальных системах работают не только негативные обратные связи, но и позитивные. Их задача не застопорить и удалить опасные явления, но увеличить полезные явления. Но поскольку очень трудно установить, в какой ситуации и до какой степени некое явление полезно, и еще труднее ухватить начинающийся опасный процесс, то увеличение может перейти за границу стабильности и вывести систему из равновесия.

Например, Вы обсуждаете со своим приятелем сегодняшнюю лекцию и выражаете свое мнение о ней. Ваш приятель вежливо поправляет Вас. Вы указываете ему — тоже очень вежливо — на ошибочность его позиции. Поскольку, как выясняется из его ответа, он не понимает Ваши аргументы — ну, как не слышит, — позитивная обратная связь работает в вашем сознании и ведет Вас к решению усилить Ваши аргументы и слегка повысить ваш голос. Он, естественно, делает то же самое. Затем вы говорите более возбужденно и слегка грубовато и уже допускаете, чтобы ваши руки жестикулировали перед его физиономией. Он просит Вас убрать руки. Вы, будучи недовольны тем, что он перевел спор на чисто внешние проявления, находите и в его внешности некоторые отталкивающие черты и сообщаете ему об этом. Позитивные обратные связи заставляют процессы взаимного раздражения работать

в сторону увеличения, и спор может соскользнуть в перебранку и даже в драку. Так начинаются войны. Иногда из ничего, и притом, что никто не хотел зайти так далеко в этом направлении.

Разумеется, такие процессы протекали не только в разрушительных направлениях, но и в созидательной деятельности: каждый успех в укреплении связей, пусть и небольшой, вдохновляет и побуждает работать дальше в том же направлении, развивать его, глядишь — и появляются более крупные успехи. Оценка выгод партнером стимулирует и его к ответным мерам, и т. д.

2. Кент Флэннери и становление производящего хозяйства. Кент В. ФЛЭННЕРИ (Kent V. Flannery, род. 1934) моложе Бинфорда на четыре года, на три года старше Дэвида Кларка. С начала 1950-х годов он учился в Чикагском университете (в 1954 получил диплом бакалавра, в 1961 — магистра). Сначала занимался у Брейдвуда, затем перешел к Бинфорду. У Брейдвуда он усваивал неоэволюционизм на материалах неолита Месопотамии (отражено в его статье 1965 г.), у Бинфорда — идеи Новой Археологии на американских материалах. Говоря о 1962 г. Бинфорд уже упоминает Флэннери в числе тех своих студентов, которые занимаются у него «по временам». С 1958 г. Флэннери увлекся работой в Мезоамерике, и там его руководителем поначалу был Ричард МакНиш. Потом Флэннери стал работать в поле самостоятельно. В 1964 г. он защитил в Чикагском же университете диссертацию. По окончании Чикагского университета Флэннери устроился работать в музее Мичиганского университета, стал преподавать в этом университете, и Мичиганский археологический центр в Ан Арборе стал навсегда его гнездом. Студенты потянулись в его семинар, где блистал яркий, остроумный и доброжелательный Флэннери (рис. 37.1). Место Бинфорда в Мичигане занял он.

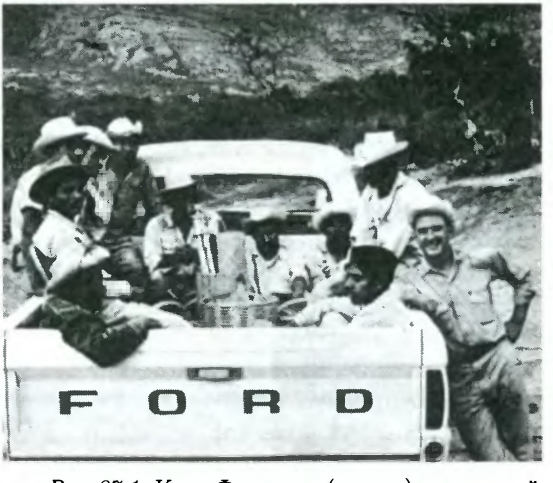

Рис. 37.1. Кент Флэннери (справа) с командой из мексиканских индейцев в экспедиции в Мексике (Malina 1981: 293).

В 1964 г. появилась его первая статья «Микросреда и мезоамериканская преистория» — в соавторстве с Майклом Коу, а еще через четыре года он участвует в первом сборнике Бинфордов «Новые перспективы...». Статья его там, тоже в соавторстве с Майклом Коу, называется «Социально-экономические системы в формативной Ме-

зоамерике». Напоминаю, формативными культурами американцы называют культуры неолитические.

Это он в 1967 г. опубликовал статью «Культурная история против культурного процесса: спор в американской археологии». В этой статье он встал на защиту концепции Бинфорда, поставившего изучение культурного процесса перед задачами реконструкции культуры. Видимо, после этой статьи Новую Археологию и стали называть «процессуальной». В этой же статье Флэннери отверг как таксономистскую идею концентрации на артефакте, так и идею Брейдвуда о необходимости «видеть индейца за артефактом». За тем и другим он обнаружил систему и поставил задачи установить ее другие элементы, найти ее источники энергии и регулирующие механизмы (Flannery 1967: 104).

В сборнике Бинфордов он прослеживает, как в условиях разных природных ландшафтов в микрорайоне (пойма реки, луг, лес и т. п.) ранненеолитические популяции избирают разные пути хозяйствования и одомашнивания растений: одни сосредоточивают свои обиталища на одном ландшафте и ведут одинаковое хозяйство, а другие рассредоточиваются по разным ландшафтам и в каждом ведут свое, специализированное хозяйство. В первом случае все живут натуральным хозяйством, во втором возникает обмен. Это сказывается и на социальной организации: в первом случае равенство и экзогамный род, во втором — иерархия и командные функции старших по принципу первородства. В это самое время к аналогичным выводам Маршал Салинз пришел, изучая разные ресурсы микрорайонов в Полинезии, и молодые американисты сумели опереться и на его данные как параллели.

Предмет этих статей опять же сельскохозяйственная революция на Мексиканском Нагорье, V–III тыс. до н. э. Флэннери обладает хорошей эрудицией, он, конечно, знал труды Грэйема Кларка и его учеников — Хиггза с его палеоэкономическими исследованиями, с анализом ресурсов микрорайона и т. п.

Интересы к теоретическому рассмотрению закономерного развития, к значению экологии, вполне в рамках Новой археологии. Но выявленное разветвление вело, прежде всего, к выбору многолинейной эволюции. Подобно Дэвиду Кларку, Флэннери захвачен экологическими интересами. Но Кларк обязан ими британскому энвиронментализму — как ученик Грэйема Кларка, тогда как Флэннери продолжает развитие от неоэволюционизма, только не от Уайтовской его версии, а Стюардовской, многолинейной, которая была, как я уже говорил, очень близка к энвиронментализму. В этом смысле Флэннери продолжает традицию Грэйема Кларка с его интересом к взаимодействиям человека и природной среды, к использованию ее ресурсов. Но в еще большей мере он продолжал неоэволюционистскую традицию Чайлда с его размышлениями о неолитической революции. Далее, из наметившегося пути исследований (разветвление, многолинейность) вырастает гораздо большая роль индукции, чем это было принято Бинфордом. Роль одних и тех же факторов оказывается разной в разных условиях и ситуациях. Законы имеют не столь решающее значение. Более важной оказывается саморегуляция систем.

Флэннери реконструировал системы обеспечения средств к существованию (procurement-systems, systems of maintenance) для докерамических обществ, прослеживал их сезонность, всё это в рамках неоэволюционистской и энвиронменталистской традиций с их методами экологических исследований и подключением общей теории систем. Однако он хотел найти причины революции, установить движущие силы процессов. Предшествующие системно-экологические теории не позволяли это выявлять. С помощью негативных обратных связей они объясняли только равновесие

системы, не ее выход из него! В поисках этого выхода Флэннери обратился ко Второй Кибернетике — к позитивным обратным связям.

Одновременно со статьей в сборнике Бинфордов, т. е. в 1968 г., появилась большая статья Кента Флэннери и в другом сборнике — под редакцией неоэволюционистки Бетти Меггерс. Критики Новой Археологии называют эту статью лучшей работой Новой Археологии. Статья эта — «Теория Археологических Систем и ранняя Мезоамерика».

В ней Флэннери рассматривает систему взаимоотношений между человеком и двумя видами растений (маисом и бобами) при переходе от охоты и собирательства к земледелию. Поначалу это даже не были главные виды растений среди ресурсов собирательства. Он доказывает, что случайные, но выгодные людям генетические изменения маиса (кукурузы) и бобов поощряли мезоамериканских охотников-собирателей всё больше увеличивать свою зависимость от этих двух растений, а эта зависимость в свою очередь побуждала людей дальше проводить селекцию растений. То есть, приведены были в движение системные изменения, которые, согласно принципам Второй Кибернетики Маруямы, не остановились, пока кукуруза и бобы не стали главными факторами интенсивного земледелия.

> «Эксплуатация этих растений была сравнительно малой системой снабжения по сравнению с магвеем, фруктами кактуса, оленем или бобовым деревом, но позитивные обратные связи, последовавшие за этими начальными генетическими изменениями, побудили маленькую систему перерасти по пропорциям все остальные и постепенно изменить всю экосистему Южно-Мексиканского Нагорья» (Flannery 1968: 79).

Так сложилась экосистема, в которой главными регулирующими механизмами были «сезонность» и балансирование между системами хозяйствования. Свою теорию культурной стабильности он применял и по отношению к современной крестьянской жизни в долине Техуакана в Мексике. По Флэннери, они и сейчас живут в таких же домах и тем же хозяйством, что и пятьсот лет назад. Те мелкие хозяйственные стимулы, которые смогут, самопроизвольно увеличиваясь и нарастая, когда-то вывести это население из стабильного состояния, пока не видны. Но у Флэннери появились и мысли о том, что причины эволюции не ограничиваются хозяйственными факторами. Он развил эту тему, перейдя к причинам городской революции Чайлда.

3. Флэннери среди типичных образов. Работы Флэннери блестяще написаны, ясно, остроумно и оснащены обширным материалом. В 1976 г. он опубликовал труд своего семинара «Ранняя Мезоамериканская деревня», где он был ответственным редактором и сам написал ряд статей (но не все). Из 12 глав Кенту Флэннери целиком принадлежат две (первая и последняя), в одной главе им написано больше половины текста, в трех главах половина и еще в двух по одному разделу. Без его участия — только три главы. Его научный текст перемежается в ряде мест литературно-художественными (или, если угодно, научно-популярными) забавными интермедиями. В них он с юмором представляет выдуманные (или реальные, но превращенные в выдуманные) беседы между типическими фигурами американской археологии, и эти разговоры объясняют важные и трудные проблемы лучше, чем детальные научные трактаты.

Эти разговоры подводят читателя к выводам отнюдь не безоговорочно в пользу Новой Археологии. Острая критика Новой Археологии здесь аккумулирована и в

значительной мере открыто признана. Это, так сказать, самокритика Новой Археологии. Большой контраст с работами Бинфорда, тон которых всегда пророческий и ригористичный.

В тех интермедиях и введениях, которыми Флэннери снабдил всю книгу, он беседует с несколькими живо выписанными фигурами. Первая фигура — это Real Mesoamerican Archaeologist, далее называемый сокращенно R.M.A. (на русском это будет Реальный Мезоамериканский Археолог, в сокращении — РМА). Он любезный, дружелюбный и гостеприимный романтик, влюбленный в Мезоамерику, в ее людей, пищу и напитки. Вне работы это шумный выпивоха, исполнитель песен фолк и неистощимый рассказчик историй. Он невероятно щедро делится неопубликованными материалами.

Его Флэннери делает типичным представителем традиционной археологии и описывает его уровень работы весьма иронически. Стремления у него самые научные, но пожелания у него расходятся с реализацией. Глубокие шурфы, которые он закладывает для добычи стратиграфии и материала, Флэннери сравнивает с «телефонными будками». Копает РМА произвольными пластами. Потом строит по ним сериационные таблицы с ладьевидными кривыми — всё выглядит вполне прилично. Но что за этим стоит?

Его отчеты проверяет наезжающий иногда Great Synthesizer — Великий Синтезатор, сокращенно G.S. (по-русски ВС), его прежний учитель. Он начал свою карьеру в археологии так же, как и РМА, но скоро «усек», что раскопки курганов не так уж удобны, гораздо удобнее писать о курганных раскопках других археологов, особенно о раскопках его бывших студентов, очень благородно предоставляющих свои материалы. К тому же ВС однажды нашел обожженный початок кукурузы в отвале своего раскопа, что направило его интересы на «экологический подход».

Третья фигура — Sceptical Graduate Student, аббревиатура — S.G.S., по-русски приблизительно это будет Скептический Старшекурсник или сокращенно ССК (буквально graduate student — это студент с дипломом бакалавра, учащийся на степень магистра). Этот неприятно дерзкий парень усвоил математику и не имеет никакого почтения к авторитетам. Фигура эта используется Флэннери для воплощения увлеченности Новой Археологией, идеями Бинфорда. «Я бы хотел, чтобы Вы побеседовали с парнем перед тем, как он отправится в поле, — сказал РМА. — Он тут у меня прочел уйму ваших статей...».

«Конечно, с радостью».

«... и не согласен практически ни с одной из них».

А студент тут же спросил, считает ли Флэннери, что можно получить нужные данные об экологической адаптации, заложив в памятник ряд телефонных будок. «Я читал Бинфорда», — начал он. Я на миг окаменел, потому что эти религиозные фанатики всегда действуют мне на нервы». Студент стал пересказывать идеи Бинфорда о репрезентативных выборках, а Флэннери подумал: «Хитрожопый юнец!» («Smart-ass kid»). Это на вопрос ССК «Знаете ли Вы Бинфорда лично?» Флэннери ответил: «Да, я был с ним в день, когда он накормил 5000 студентов несколькими ломтями хлеба и кульком рыбы». К этому энтузиасту Бинфорда Флэннери относится с симпатией, но тоже скептически.

Все три фигуры Флэннери аттестует как «выдуманные фигуры», «составные образы». Но очень детальная передача приключений, разговоров и подробностей биографий заставляет подозревать, что здесь та же ситуация, что и в автобиографических заметках Бинфорда, только Флэннери просто убрал имена и фамилии,

Рис. 37.2. Глубокий шурф Ts368, один из многих, заложенных МакНишем при обследовании долины Техуакан. Дает представление об основаниях для клички «телефонная будка» в книге Флэннери (Flannery 1978: 101, fig. 4.9).

вводя (по крайней мере, как основу образов) вполне реальные фигуры. Отыскать их среди известных личностей можно. Они должны быть в числе тех коллег-мезоамериканистов, кого Флэннери благодарит в той же книге за многолетнюю помощь материалами и советами. Возможно, Скептический Студент — наиболее составная из трех фигур. Об одном из авторов тома, молодом Уинтере, Флэннери прямо отмечает (1976: 51), что в 1969 г. он играл роль ССК. А с движением вверх по фигурам их индивидуальность и близость к реальным личностям резко повышается. В ВС (Великом Синтезаторе) по его авторитетности в Мезоамериканской археологии и пропаганде экологического подхода, выросшего из находки початка кукурузы, нетрудно узнать Ричарда МакНиша. В автобиографии МакНиша опубликованы снимки его совместных с учениками раскопок (рис. 37.2), при виде которых ясно становится, что имели в виду Флэннери и ССК под «телефонными будками». Поскольку РМА является учеником ВС, для опознания нужно посмотреть, кто из учеников МакНиша (названных в его автобиографии) указан в благодарственном списке Флэннери. Такой есть только один — Мелвин (Майк) Фаулер. Скорее всего, это и есть прототип РМА.

Таким образом, неоэволюционистскому лидеру мезоамериканистов МакНишу у Флэннери отведена та же роль, которую Бинфорд за 4 года до того отвел лидеру таксономистов своего региона Гриффину. Обе фигуры достаточно крупные, чтобы послужить мишенью для сосредоточенной атаки, но Флэннери, видимо, учел раздражение, вызванное грубоватой прямотой Бинфорда, и завуалировал персональность.

Дискуссия с РМА развернулась по вопросу о восприятии археологического культурного материала. РМА придерживался нормативистской концепции, столь ненавистной Бинфорду и его ученикам. Везде он искал типические формы — типы керамики, типы памятников.

> «Когда РМА посетил меня в поле в 1967 г., он был восхищен разнообразием и специализацией современных деревень в долине Оахаки. "Не замечательно ли, — высказался он, что Азомпа делают зеленую керамику, а Коятепек черную, Сан Хуан Гвелавиа делают корзины, Эютла плетеные маты, Теотитлан делают простыни, а Санто Томас Ялиеза пояса". Но когда РМА работает над формативным периодом в той же самой долине, он раскапывает одно "хорошее" местонахождение и обобщает из него относительно "формативной культуры" для всего региона. По каким-то причинам он не ожидает от деревень формативного периода того же разнообразия, как от современности, хотя археологические источники говорят о наличии такого» (Flannery 1976: 6).

Флэннери настаивал на том, что нужно изучать вариабельность древнего населения. РМА недоумевал: «Но как я могу открыть полный размах вариаций для всех этих мест? Я же не могу раскопать каждый квадратный фут каждого местонахождения в долине!» Флэннери говорил, что на то имеется методика репрезентативных выборок. РМА на это: «Знаю, знаю. Случайные выборки и т. д. Меня так тошнит слушать всё это, что вот-вот вырвет. Я просто не заинтересован делать что-либо столь сложное».

А ВС, выслушав объяснения, сказал: «Ну, что же. Мне кажется, вы говорите то же самое, не больше и не меньше, чем мы уже говорим много лет. Конечно, риторика другая, но...».

Раскапывая поселение в долине Рио Сан Хасинто, РМА применял методику британских археологов Питта Риверса и Мортимера Уилера: кессонный метод. Между квадратами оставлялись бровки, и всё выглядело сверху, «как поднос из холодильника для изготовления кубиков льда». Очень красиво и услащало душу генералов, какими были и Питт Риверс и Уилер. РМА очень хотел найти дома, но, раскопав шурфами в шахматном порядке довольно значительную площадь, домов не нашел. Зато серия шурфов отлично выглядела на аэрофотосъемке. Он записал в отчете, что домов на этом поселении нет. Через два года туда явились археологи из спасательной экспедиции, потому что местность уходила под ирригацию, и пустили на поселение бульдозер. Поскребли — оказались полы дома. Поскребли рядом — еще 16 домов, причем расположенных по четкому плану. Именно из-за четкости плана РМА их не обнаружил: он заложил первый шурф случайно рядом с домом, а уж все дальнейшие — с одинаковыми интервалами один за другим, и все они попали в интервалы между домами.

Флэннери рассказал эту историю, чтобы пояснить, почему методика выборочного исследования требует случайного разброса, а не упорядоченного размещения. Дискуссию они продолжали в Квинта Лас Розас, служившем раньше ночным увеселительным центром, но захиревшем. Еще сохранялся жертвенник с надписью: «О Ты, который был зачат без греха, помоги нам грешить без зачатия!». За столиком РМА рассказал об экспедиции, которая шурфовала дельту Сан Хуана по системе случайных цифр, и триумфально заключил: «И вы знаете, что они нашли?» — «Не могу вообразить». — «Они пропустили Теотихуакан. Господи помилуй, самый большой доколумбов город в Новом Свете, 20 кв. км, расчетное население 125 тыс., и они профукали его!» Тут официант привел трех девиц, которые скромно уселись на колени диспутантов. Несмотря на эти помехи, ССК возразил РМА, что у Бинфор-

да рассмотрен этот случай. Бинфорд указал, что они ведь и не искали уникальный центр. Они хотели составить себе представление о тех населенных пунктах, которые имелись в долине, — об отдельных усадьбах, о временных стоянках, о постоянных деревнях и т. д., о пропорциях между их количествами — и это представление было получено с помощью 20%-ной выборки.

РМА стал зевать и Флэннери предложил отправляться по домам. «Вы идите домой, — сказал ССК, — а я останусь обсудить с Розой очень интересное предложение, которое она мне как раз сделала».

«С ней? — возмутился РМА. — Вы думаете, она лучшая в этом месте?» И он предложил ССК предпринять 20%-ную выборку из всего сообщества девиц, прежде чем решать.

«Как археологу, — улыбнулся Студент, — мой инстинкт (открыть скобку), т. е. опыт (закрыть скобку), говорит мне, что она уникальна с 99%-ной достоверностью».

А Флэннери заключает, что это ведет к пониманию роли выборочного исследования. «Есть времена и места, где ваши знания ограничены и проведение систематических случайных выборок есть единственная оправданная процедура. В других местах и другое время, при некотором предварительном знании, ваш инстинкт скажет вам, когда вы попадете на истинно великое место» (Flannery 1976: 133–136).

Когда перешли к анализу регионального распределения местонахождений, РМА развернул карту, а ССК, заглядывая ему через плечо, сказал: «Нет ничего, что бы он любил больше, чем уйма точек на карте».

«Особенно, когда я имею Гениального Добровольца, чтобы переводить их в тушь», — ответил РМА и добавил: «Наш Юный Гуру бесится, потому что я не дал ему добавить кучу пунктирных линий, связывающих эти точки, как МакНиш сделал это в своей статье...»

«Я хотел смоделировать всю систему поселений, — пожаловался ССК. — А он полностью спёкся на уровне конфигурации (пэттерна)».

«Система, пэттерн — какая разница? — пожал плечами РМА. — Это слова...».

ССК показал на снежинку и ответил:

> «Посмотрите... Каждая снежинка состоит из кристаллов льда. Каждый такой кристалл имеет одну и ту же форму и может быть описан в нескольких коротких фразах. Но нет двух одинаковых снежинок, и чтобы описать их нужно в 10–20 раз больше слов. Вы знаете, как выглядел первый кристалл, и можете описать конечную конфигурацию (пэттерн) снежинки. Чего вы не можете описать и даже не можете понять, это набор правил, произведших эту частную конфигурацию. Это и есть система. Вот что вы упустили...» (Flannery 1976: 161–162).

Переходя к анализу эволюционных изменений, Флэннери обрушился на РМА, который объяснял всё «давлением перенаселенности».

> «Происхождение сельского хозяйства? Давление населения на ресурсы диких растений произвело его. Происхождение ирригации? Его произвело давление населения на раннее сухое хозяйствование. Расслоение населения? Давление населения на стратегические ресурсы. Городская цивилизация? Давление населения на "экосистему человека" Позднего Формативного периода. Коллапс городской цивилизации? Давление населения на ту самую экосистему тысячей лет позже. Никаких вопросов: планированное деторождение могло бы пресечь Мезоамериканскую цивилизацию в зародыше.
>
> Коль скоро давление населения стало таким важным орудием, можно было ожидать, что РМА имеет состоятельные и стандартизированные средства для его изучения и измерения. Ничего подобного — никаких средств» (Flannery 1976: 225).

Исследования Флэннери и его команды показали, что в то время как общее население за формативный период выросло, в каждом отдельном микрорегионе оно изменялось по-своему, то вырастая, то падая. А перенаселенность, зависящая от соотношения между населением и доступными ресурсами, и вовсе не была постоянной величиной. Она образовывалось кое-где иногда. По этим причинам Флэннери считает, что она не могла быть причиной социальных изменений, создания государства, а являлась скорее их следствием.

Обсуждая стилистические изменения керамики как отражение локализованности или распространенности домашних традиций (и соответственно способа унаследования домов и обитания мастериц), Скептический Студент возмутился тем, что РМА использовал керамику любого происхождения — из случайных находок, из грабительских раскопок и даже купленную у грабителей. Это противоречит науке, — настаивал он. «Вы неисправимый идеалист, — насмехался над ним РМА. — За хорошую цену всякий продаст». И он рассказал анекдот про Бернарда Шоу. Тот спросил одну даму за ужином, согласна ли она переспать с ним за 10 000 долларов. Та ответила «Да». А за 1 доллар? Дама возмутилась: «За кого Вы меня принимаете?!» «Ну, это мы ведь уже установили, — ответил Шоу. — Вопрос только в цене».

Выяснилось, что РМА считает возможным по-разному трактовать связь схожих керамических стилей с социальными условиями. Он склонен к обычным диффузионистским интерпретациям, но не принимает исследований Джеймса Дитца.

«Итак, вы верите, — сказал ССК, — что есть связь между контактами двух групп населения и сходством их стилей и орнаментов?» — «Конечно».

«Но вы не верите, что есть какая-либо связь между интенсивностью взаимодействия двух родов, и степенью сходства их стилей и орнаментов?» — «Конечно, нет», — ответствовал РМА.

«Мне кажется, — заметил ССК, что вы немножко напоминаете леди из рассказа о Бернарде Шоу. Мы ведь установили принцип, в который вы верите. Вопрос только в глубине вашей приверженности».

Для себя Флэннери прокладывал линию между двумя крайностями. В чем, например, он видел причину того, что «теория центральных мест» не прививается в Мезоамериканской археологии»?

> «Для этого есть, по крайней мере, две причины. Одна состоит в том, что многие Реальные Мезоамериканские Археологи отбрасывают эту модель сходу из-за того, что ее выдвигали географы, работавшие с Западными обществами... Другая причина в том, что многие Скептические Студенты приняли эту модель с переходящим все границы энтузиазмом, сравнимым только с энтузиазмом детей, получивших новую игрушку» (Flannery 1976: 170).

Однако нетрудно заметить, что, собственно говоря, против ССК у Флэннери нет особых возражений, только ирония по поводу излишнего увлечения Бинфордом.

В общем, всё очень здорово, весело, остроумно. Но если отвлечься от несомненного превосходства стиля Флэннери над архаической и несколько наивной манерой МакНиша, то приходиться удивиться, как много результатов и даже теоретических положений взято Флэннери у того же МакНиша. Не один початок кукурузы был у МакНиша, а прослежена линия окультуривания маиса на протяжении тысячелетий; она всё-таки была установлена МакНишем, а Флэннери только добавил количественные уточнения; места сезонного обитания стал выделять МакНиш, а Флэннери продолжил; схемы обменных связей со стрелками («модели») чертил уже МакНиш.

Конечно, Флэннери внес очень много, сменил демографические причины развития на системные сдвиги из-за позитивных обратных связей. Но всё же, видимо, МакНиш был одним из отправных пунктов серутанской археологии (и не только от противного). Несомненно, Флэннери был и сам долгое время Скептическим Старшекурсником при МакНише.

Когда МакНиш в 2001 г. умрет, именно Флэннери напишет два больших некролога. Один из них будет называться «Были великаны в те дни».

Через 6 лет после «Ранней Мезоамериканской деревни», в 1982 г., Флэннери еще раз обратился к беседе с выдуманными фигурами — в статье «Золотой Маршалтаун». Но на сей раз выступление было остро направлено против Бинфорда, а еще больше — против Шиффера с его «поведенческой археологией», поэтому есть смысл изложить содержание этой статьи в следующей главе, рассматривая это направление.

4. Флэннери и происхождение цивилизации. Если, исследуя происхождение сельского хозяйства, Флэннери сосредотачивался на сдвигах в экосистеме и стимулы искал в изменении природных факторов, то, прослеживая дальнейшее развитие, он первостепенное внимание стал уделять социокультурному фактору.

В статье 1972 г. «Культурная эволюция цивилизаций» он пришел к выводу: человеческие цивилизации столь сложны и процесс их развития столь прихотлив, что причинно-следственые связи, являющиеся коньком историков, теряют значение. В таком развитии не найти простых причин и прямых следствий. Триггер (Trigger 1989a: 337) называет эту трактовку историзмом нового типа (neo-historicism). Флэннери заявил, что изучение культурного развития должно сосредоточиться не столько на *условиях*, вызывающих культурное изменение, сколько на *типах* культурных изменений, выступающих в археологических материалах. Два типа эволюционных механизмов выявил он в них — «поощрение» (promotion) и «линеаризацию» (linearization). В развивающейся иерархии «поощрение» подразумевает формирование специальных институтов для принятия важных ролей. Линеаризация (так сказать, выпрямление вертикали власти) появляется там, где высшие руководящие органы удаляют органы низшие из-за того, что те не справились с функционированием в новых сложных условиях. Установление этих двух типов было продвижением от экологических интересов, более всего характерных для энвиронментализма и многолинейного неоэволюцинизма, к социально-экономическим факторам, занимавшим Чайлда. По Флэннери, варианты культурной эволюции ограничиваются не количеством ландшафтов (их разнообразие велико), а количеством принципиально возможных социально-экономических решений, которых гораздо меньше.

В книге 1976 г. («Ранняя «Мезоамериканская деревня») Флэннери рассматривал и вопросы сложения иерархии поселений, используя для этого «теорию центральных мест» Кристаллера и Лёша. Он вообще всё больше приходил к мнению, что ключ к объяснению перехода от формативного этапа культуры к более поздним формам лежит не в отношениях человека с природой, в отношениях между людьми, социальных отношениях.

5. Колин Ренфру, сверстник Дэвида Кларка. Очень необычная фигура в Новой Археологии — Колин Ренфру. Подобно своему сверстнику Дэвиду Кларку, ученик Грэйема Кларка, но также и Глина Дэниела, он существенно отличается от Дэвида Кларка. Он вступил несколько позже в мир археологических публикаций,

но очень скоро стал одной из виднейших фигур, и не только в археологии. Обычно «новые археологи» ориентированы на левые силы, политически оппозиционные, почти революционные (что соответствует их радикальной позиции в дисциплине). Ренфру же политик, ориентирующийся на правые круги, член парламента от консервативной партии (тори), за свою деятельность пожалован титулом лорда и теперь заседает в палате лордов Англии как лорд Кеймсторн.

Как констатирует Тимоти Чемпион в своем обзоре,

> «Работа Ренфру, по-видимому, никогда не вызывала такого враждебного приема, как работа Кларка. Частично это, вероятно, было обусловлено отсутствием (по сравнению с Кларком) жаргона и относительной доступностью писаний Ренфру. Более важно, что его подход был более открытым объяснением конкретных данных, чем изложением методологии для самой себя. Его собственные исследования большей частью коренились в проблемах европейской преистории...» (Champion 1991: 133).

Спрошенный о причинах скверного приема, оказанного Кларку, сам Ренфру отвечал так:

> «Три причины, я думаю. Прежде всего, он был по природе более смелым в теории; он намеревался вводить теорию авантажным и вразумительным образом и назвал ее "теорией". В британской археологии люди спокойно обходились с некоторым количеством теории, пока она не слишком бросалась в глаза, и не любили называть ее "теорией". Во-вторых, я думаю, он был бестактным в своем введении — он говорил опознаваемо об определенных британских археологах и был, пожалуй, груб по отношению к ряду открытых, положительных людей, которые, право, показали себя готовыми быстро изменять свои идеи. Потом, конечно, он применял, пожалуй, тяжелый жаргон...» (Renfrew in Bradley 1993: 75).

Говоря об обиженных «положительных людях» Ренфру имел в виду, конечно, прежде всего своего учителя Глина Дэниела.

Родился Эндрю Колин РЕНФРУ (Andrew Colin Renfrew, род. 1937) на севере Англии, в графстве Дарем. Очень часто фамилию его пишут у нас как Ренфрю, исходя из правила, что дифтонг ew передается через русское ю (new = нью), но забывают оговорку, что после r в английском yu (ю) звучать не может, звучит u (русское у). В географических справочниках одноименное графство пишется Ренфру. Впрочем, имя Andrew тоже должно подчиняться тому же правилу, а пишется по традиции Эндрю.

Ренфру моложе Флэннери на три года. С 13 лет принимал участие в раскопках римско-британского поселения в Кентербери. Окончив школу, 19-ти лет ушел служить в армию, где был офицером-связистом в военно-воздушном флоте. В 1956 г., т. е. 21 года, поступил в Кембриджский университет в колледж Св. Иоанна и изучал там сперва естественные науки, а потом археологию с антропологией. Его учителями по археологии были Глин Дэниел, руководитель археологических занятий в колледже Св. Ионанна, и завкафедрой Грэйем Кларк. Читали лекции и руководили занятиями также Джон Коулз и Эрик Хиггс.

В это самое время его сверстник Дэвид Кларк учился тоже в Кембридже, но в другом колледже — Питерхаус. Поскольку он проходил академические ступени двумя годами раньше, то в последние годы учебы Ренфру Кларк был приставлен руководить им. Можно представить, что это несколько задевало самолюбие Ренфру.

Как и Дэвид Кларк, молодой Ренфру, освоивший строгость и единство методики естественных наук, не принимал разделения археологии на две абсолютно сепаратные отрасли — классическую археологию (с восточной) и первобытную (со

средневековой). Он интуитивно стремился закрыть эту пропасть (впоследствии он опубликует в защиту этого взгляда блестящее выступление в Америке на юбилее центра классической археологии — Археологического Института: «Великая Традиция и Великий Раскол»). Но в студенческие годы его решение проблемы было иным, чем у Кларка. Отучившись три года (это в Англии обычная длительность обучения в университетах), Ренфру, интересовавшийся по примеру Миннза скифами, хотел отправиться на авто в Россию, но советские власти его не пустили. Тогда он отправился в Афины, в Британскую Археологическую Школу, а пройдя там стажировку, поступил в аспирантуру в Кембридже и одновременно начал руководство раскопками на Кикладских островах (Ситагрос и Антипарос). В эти годы он встречался с ассами классической и восточной археологии Карлом Блегеном, Л. Д. Каски (раскопщиками Трои), Саулом Уэйнбергом. В 1965 г. защитил диссертацию на тему «Культуры неолита и бронзового века Кикладских островов и их внешние отношения». Под внешними отношениями подразумевалась прежде всего торговля обсидианом. От поступления до защиты диссертации обучение в Кембридже заняло 12 лет (за вычетом года в Афинах).

6. Шеффилд: взлет к славе. После защиты диссертации начался новый период в жизни Ренфру. В возрасте 28 лет он устроился читать лекции по преистории и археологии в Шеффилдском университете и за 7 лет работы (1965–1972) прошел по ступеням лекторской карьеры: преподаватель (Lecturer) — старший преподаватель (Senior Lecturer) — доцент (Reader). Это же время является годами его стремительного взлета как исследователя и научного лидера. Вначале на него повлияла статья Кларка о матричном анализе — сам занялся им. Вскоре отправился на семестр в Калифорнийский университет, встречался там с Бинфордом, Сэкетом, но большее впечатление на него тогда произвела Мария Гимбутас с ее поисками индоевропейцев (позже это проявилось). Значение Бинфорда и привлекательность Новой Археологии открылись ему только в 1968 г, после публикации первого сборника Бинфорда и «Аналитической археологии» Кларка.

По тематике его исследования являлись логическим продолжением его раскопок на Кикладских островах и обнаружения внешних связей этой культуры. Особую привлекательность же и быстрый рост авторитета молодому ученому обеспечили новаторские идеи и, конечно, обширные знания. Его изначальная склонность к естественным наукам побудила его сразу же встать на сторону Бинфорда. Он принял некоторые основные идеи Новой Археологии как свои и в дальнейшем оценивал Бинфорда очень высоко: «... я считаю, что Люис Бинфорд с его соратниками сделал больший вклад в археологическое мышление, чем любой другой исследователь в этом веке» (Renfrew 1980: 294).

К идеям Новой Археологии, роднившим его с Бинфордом, принадлежали приоритет проблеме объяснения, рассмотрение культуры как системы с субсистемами, отрицание археологических культур и типов как норм, страсть к измерениям и к выявлению многих переменных. Отрицание археологических культур сразу же разводило его с Дэвидом Кларком на разные края поля в восприятии археологического материала. Но и с Бинфордом выяснялось всё больше разногласий. Для Бинфорда объяснение сводилось к подведению под закон, а Ренфру, выученик Дэниела, сходу отвергал универсальные законы. Зато ход мыслей Флэннери о саморегуляции систем оказался ему очень близок, и он с симпатией воспринимал первые статьи Флэннери, а с еще более пристальным вниманием — теорию Магоро Маруямы.

Так определилось место Ренфру среди течений Новой Археологии — в Серутанском ее крыле.

Первая серия его статей, которая густым роем появилась в годы 1964-1970 и продолжалась дальше, всё более редея, была посвящена культуре Кикладских островов. Она образовала материальную базу для постановки и решения первых проблем, занимавших Ренфру. Статьи эти были посвящены возникновению кикладской металлургии, мраморным статуэткам, торговле обсидианом, всё это с обильным использованием нейтронных и изотопных анализов состава сырья, вообще торгово-обменным отношениям. Одна из этих статей, самая теоретическая, «Торговля и культурный процесс в Европейской преистории», излагала доклад 1967 г. и была предложена в чикагский «Каррент Антрополоджи» для дискуссии. Как водится в этом журнале, дискуссия прошла по почте, а затем статья была опубликована вместе с обсуждением в 1969 г.

В статье Ренфру отвергал все три основных модели причинного объяснения изменений в культуре, в частности происхождения цивилизации — инвазионистскую (миграциями), «диффузионистскую» (у него — это только влияниями) и неоэволюционистскую. Он предлагал отказаться от Чайлдова понятия археологической культуры и изучать культурный процесс в регионе, рассматривая взаимодействие разных факторов, из которых главный — торговля, а она появляется еще до цивилизации, в неолите. В дискуссии приняли участие Джулиан Стюард, Бинфорд, Муберг, Саул Уэйнберг и др. Джулиан Стюард защищал неоэволюционизм, Уэйнберг — возможность миграций (а о критике миграционизма выразился так: «хватит бичевать дохлую собаку!»), Бинфорд же, конечно, одобрил общий подход к прошлому как к культурному процессу, но заметил, что Ренфру не отличает цивилизацию от урбанизации. Ренфру отвечал каждому, например, Уэйнбергу: как же собака дохлая, когда она «не хочет лежать и еще кусается»? (Renfrew 1969).

Я тоже принял участие в дискуссии, но с обычным для советских ученых опозданием (из-за прохождения громоздкого цензурного фильтра), так что моя полемическая статья с ответом Ренфру и моим ответом на ответ были опубликованы в следующих номерах, в 1970 г. Я отметил, что филиппики против миграционизма, диффузионизма и эволюционизма, а также приверженность внутренним факторам развития очень напоминают советскую археологию 30-х – 40-х и начала 50-х годов, а отказ от понятия «археологическая культура» (якобы это всего лишь наша конструкция) противоречит приводимым Ренфру фактам распространения обсидиана: оно обрывается как раз на границе археологических культур. Ренфру был несколько озадачен моим наблюдением, что он, пожалуй, стоит ближе к марксизму, чем Грэйем Кларк. Он отвечал язвительно и остроумно, но в конце признал, что мои взгляды во многом согласуются с его, что «размышления Клейна — стимулирующие и провоцирующие. Более полное и позитивное изложение его нынешней позиции по вопросу о природе культуры и процессу культурного изменения ... обладало бы очень реальным интересом» (Renfrew 1970). И он тут же выступил с инициативой — предложил издателю «Каррент Антрополоджи» заказать Клейну и его коллегам обзорную статью по теоретическим проблемам. Результатом явилась моя «Панорама теоретической археологии» 1977 года, а у меня завязалась прочная связь с Ренфру, которая продолжается вот уже четыре десятилетия. Впоследствии, когда я был арестован, Ренфру и Бинфорд, чтобы поддержать меня, посвятили мне теоретический сборник 1982 г.

Пиком серии работ Ренфру о Кикладах был огромный том, изданный в 1972 г.,

«Возникновение цивилизации: Киклады и Эгейский мир в III тысячелетии до Р. Хр.». В этом томе содержится самое полное изложение (применительно к археологии) теоретических положений Магоро Маруямы о второй кибернетике, позитивных обратных связях и их увеличительном эффекте, приводящем к смене состояния. Этим томом Ренфру утвердил свое место в серутанской археологии, где он встал рядом с Флэннери. Поскольку Ренфру исследовал особенно радикальные перемены в культуре, при чтении его тома стала особенно ясна близость второй кибернетики диалектике с ее качественными скачками, а трактовок Ренфру — теории стадиальности. Опять повторение советской археологии на новом этапе! Но повторение более детализированное: если в теории стадиальности всё ограничивалось прямым переносом идеи из философии, то здесь разработан механизм ее реализации в культуре.

В этом томе Ренфру также применил разработки американских антропологов-неоэволюционистов Фрайда и Сервиса. От Сервиса он взял его схему эволюции социо-политических общностей: от орды через племя к вождеству и затем государству. В своих неолитических обществах Ренфру увидел вождества, добавленные Сервисом к схеме Моргана.

Вторая серия статей Ренфру, в основном 1967–71 годов, разрабатывала тему радикальной смены хронологии европейского неолита, энеолита и бронзового века, внесенную в 1950 г. открытием Уилларда Либби — появлением радиоуглеродных датировок. Это была настоящая Радиоуглеродная Революция. Для Ренфру это означало замечательную поддержку его войны против диффузионизма, за самостоятельное развитие Европы под действием внутренних факторов развития. Само открытие радиоуглеродной датировки еще не произвело столь магического эффекта — оно углубило европейский неолит и бронзовый век на сотни лет, однако оставило их всё еще более поздними, чем развитие на Древнем Востоке.

Но вот изучение спилов старых (почти по 5 тысяч лет!) секвой и пиний в Америке позволило построить очень точную шкалу дендрохронологии для Юго-Запада Америки (в Аризоне и Калифорнии), растянутую на 6700 лет, а к этому присоединились составные дендрохронологические шкалы, составленные по старым дубам в Ирландии на 5300 лет и в Германии на 7500 лет. Теперь можно было взять радиоуглеродные образцы из разных мест этих спилов, чтобы проверить точность радиоуглеродных дат и всего метода по Либби. Это было сделано в 1966–67 гг. Проверка внесла поправки («калибровку») в прежние радиоуглеродные даты в сторону еще большего углубления, что радикально изменило ситуацию. Ренфру назвал это Второй Радиоуглеродной Революцией. Начало бронзового века сдвинулось вглубь на 700 лет, а неолит — на тысячу — полторы. Теперь мегалиты Англии и Испании оказались древнее каменных сооружений Эгейского мира, а металлургия Балкан приблизилась по времени к месопотамской и египетской.

Ренфру был не единственным археологом, кто сразу оценил и принял эти новации (одним из первых был чешский археолог Эвжен Неуступны — Evžen Neustupný), но Ренфру сделал это наиболее развернуто и последовательно. В своих статьях он выявил место и причины ошибочной синхронизации европейской хронологической системы с эгейско-восточной (рис. 37.3–37.4) и сформулировал принципы нового рассмотрения неолита и бронзового века — как автохтонно и автономно развивающихся. Если раньше памятники Уэссекса (дольмены, Стоунхендж, Эйвбери) рассматривались как отражение Микен или критских толосов, то теперь нужно было искать местные стимулы развития. «Уэссекс без Микен» — называется одна из статей Ренфру в «Антиквити», 1968 г. Все эти статьи Ренфру были обобщены в его книге 1973

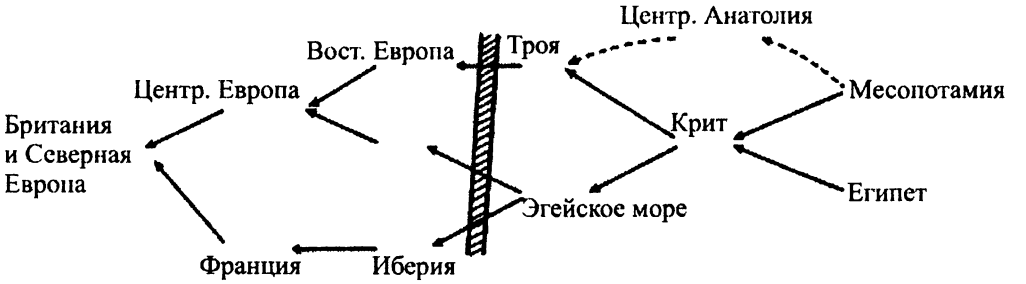

Рис. 37.3. Логическая структура цепи синхронизации хронологических систем Европы с абсолютной хронологией Эгейского мира и место ошибочного сцепления, по Ренфру 1970 (Renfrew 1979: 349, fig. 3).

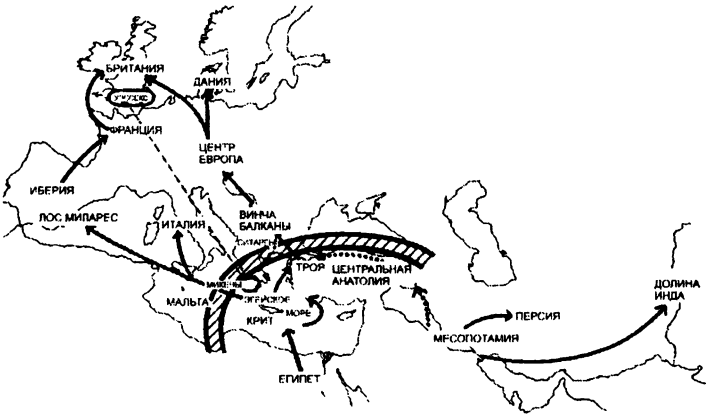

Рис. 37.4. То же, положенное на карту, по Ренфру 1970 (Renfrew 1979: 350, fig. 3).

года «Перед цивилизацией: радиоуглеродная революция и доисторическая Европа». Последовали ее переиздания в Америке и переводы в Токио, Париже, Мадриде, Риме. А статьи были тоже переизданы, уже в 1979 г., собранные в один том: «Проблемы в Европейской преистории».

Завершая свое пребывание в Шеффилде, Ренфру (с поддержкой Питера Аккоу — Peter Ucko) организовал в Шеффилде огромную международную и междисциплинарную конференцию («исследовательский семинар») по теме «Объяснение изменений в культуре: модели в преистории». Итоги конференции были выпущены в 1973 г. тяжеленным томом. Сам Ренфру выступил с докладом «Памятники, мобилизация и социальная организация в неолитическом Уэссексе». Это было естественное следствие нового подхода к Уэсексу — нужно было выяснить факторы местного развития. Прибегнув к локационному анализу, Ренфру увидел их в социальной организации «вождеств», нуждающихся в символах власти и способных мобилизовать достаточно рабочей силы для возведения крупных каменных сооружений. В более чем 60 докладах конференции выступали виднейшие археологи, этнографы и биологи мира наряду с молодыми учеными (не было только Дэвида Кларка), а особенно горячая дискуссия фокусировалась на схватке Бинфорда с Бордом. Схватился там

Бинфорд и с британским этнографом Эдмундом Личем, завершившим конференцию призывом к отходу от функционализма. Схватка была столь горячей, что, как вспоминает Ренфру, едва не дошло до рукопашной («...almost came to blows». — Renfrew in Bradley 1993: 75).

Я также участвовал в этой конференции, но заочно, поскольку был невыездным. Мне заранее были посланы в Ленинград тексты всех докладов, а я послал свои выступления по ним и, конечно, свой доклад: «Марксизм, системный подход и археология». Выйти без марксизма на международную арену тогда было совершенно немыслимо. Но партбюро истфака, ознакомившись с моей статьей, выразило возмущение тем, что я употребляю только термин «марксизм» вместо положенного «марксизм-ленинизм», а, кроме того, в моем разделе о марксизме был поднят на щит Богданов, раскритикованный Лениным (был ведь термин «богдановщина»). Основным же содержанием статьи были возможности применения системного подхода в археологии. В своем докладе чех, эмигрировавший во Францию, Богумил Соудски использовал кубическую «модель (культуры) Клейна» для построения всей стереометрической модели для системы культур Европы, и эта диаграмма была вынесена на суперобложку тома. Таким образом, консерватор Ренфру способствовал провозглашению на воздвигнутой им трибуне того, что он считал сугубо марксистскими взглядами (тут он расходился с ленинградским партбюро). Вообще он человек со смелыми идеями и, как всякий талант, открыт возражениям.

Рис. 37.5. Профессор Саутгемптонского университета Колин Ренфру (Renfrew 1984, задний клапан суперобложки).

Эти три тома, вышедших в течение двух лет, 1972–73, молниеносно сделали 35-летнего Ренфру (рис. 37.5) знаменитым.

7. Неомарксизм в Англии. Между тем, марксизм пробивался в британскую археологию. Разумеется, не советский марксизм, а западный неомарксизм. Влияние это распространялось из Франции, где компартия тогда была сильна и многочисленна и имела значительную поддержку в интеллигенции. Под воздействием учения философа Луи Альтюсера, сочетавшего марксизм со структурализмом, во Франции образовалась школа нео-марксистской антропологии (или этнологии). М. Годелье (Godelier), Э. Террэ (Terray) и К. Мейассу (Meillassoux) распространили марксовы идеи о противоречиях и конфликтах в капиталистическом обществе на докапиталистические общества, включая первобытное. Они применяли к этим обществам не только понятия производства и производственных отношений, басиса и надстроек, но и борьбы общественных групп за власть и функционирование идеологии. Маркс и Энгельс такой борьбы и идеологии в доклассовом обществе не подразумевали, разве что в эпоху его разложения.

Эти антропологи выявляли в первобытном обществе борьбу за контроль над биологическим воспроизводством (то есть борьбу за женщин и за доминирование в браке), борьбу за контроль над распределением благ, за статус. Идеология же имела и тогда задачу делать естественным неравное распределение благ, маскировать неравенство или отрицать его.

Эту модель, развивавшуюся во французских работах 1972–79 годов, подхватили некоторые британские археологи и воплотили в археологии, находя в археоло-

гическом материале первобытности предметы престижа, неравенство распределения благ в могилах и т. д. В 1977 г. появился сборник таких работ под редакцией Фридмэна и Роулэндза «Эволюция социальных систем», на следующий год работа Франкенштейна и Роулэндза «Внутренняя структура и региональный контекст раннежелезного века в северо-западной Германии». В 1980-х работы этого плана пошли сплошным потоком. Среди них выделяется книга Ричарда Дж. Брэдли «Социальные основания преисторической Британии» (1984 г.).

Всё это течение подобно неоэволюционистам, энвиронменталистам и Новой Археологии отвергало внешнетерриториальные источники культурного развития, но отличалось от всех этих течений тем, что отвергало и местные, но внекультурные источники, т. е. стояло за чисто внутренние, сугубо внутренние источники развития — производство обмен, социальную организацию.

8. Саутгемптон: социальная археология. Все три тома, сделавшие Ренфру знаменитым, вышли, когда Ренфру работал уже не в Шеффилде, а в Саутгемптоне, на южном побережье Англии, где он получил заведование кафедрой и стал профессором. Его инаугурационная лекция была озаглавлена просто: «Социальная археология» (издана в 1973 г. как брошюра). Уже его доклад на шеффилдском семинаре был посвящен социальной организации Уэссекса. Теперь он вывел это на уровень общей проблематики. С одной стороны, это было естественным развитием его убеждения в автохтонности развития европейского неолита и бронзового века — естественно было обратиться к внутренним, социальным факторам развития. С другой стороны, Ренфру, исключительно чуткий к новым веяниям, опередил других англичан в обращении к социальной тематике, выступив одновременно с французскими антропологами-марксистами!

Есть и еще один возможный мотив его отхода от непосредственного отвержения диффузии. Сами же радиоуглеродные даты показали всё же, что диффузия с Ближнего Востока в Европу имела место, хотя и касалась не мегалитов, а производящего хозяйства и металлургии. Первую крупную сводку этих данных представил, как ни странно, не диффузионист, а Грэйем Кларк — в 1965 г. в статье «Радиоуглеродные датировки и экспансия сельскохозяйственной культуры с Ближнего Востока в Европу». Вскоре к этому добавились работы с привлечением популяционной генетики — Аммермана и Кавалли-Сфорца (1971–84 гг.) и многих других. Диффузия опять вошла в повестку дня. Но Ренфру уже занимается другими проблемами.

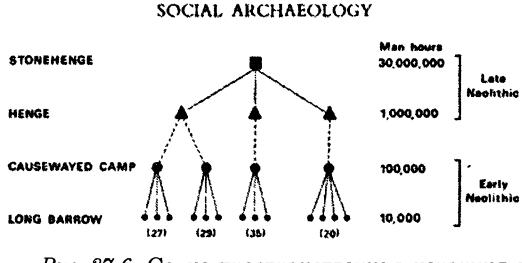

Рис. 37.6. Социо-пространственная иерархия в неолитическом Южном Уэссексе: длинные курганы — круглые городища — хенджи (круги менгиров) — Стоунхендж, по Ренфру 1973 (Renfrew 1973: 18, fig. 3).

Он отвергает традиционную иллюзию, что если данных достаточно, то из них, как из кубиков, можно составить картину прошлого. Нужен сложный анализ — выявление социальной стратификации, форм управления, локационный анализ и т. д. (Renfrew 1973). Он строит схему иерархии по соответствию размаха сооружений количеству рабочей силы, на это потребной (рис. 37.6). В том же году вышла статья «Уэссекс как социальная проблема», в следующем году «За обеспечивающим хозяйством: эволюция социальной организации в преисторической Европе». Социальная интерпретация была издавна коньком советской археологии. Продолжая серию работ советских археологов (Круглова и Подгаецкого, Равдоникаса, Артамонова) по социальной интерпретации степных погребений бронзового века, я опубликовал в 1967 г. в немецком журнале статью «Богатые катакомбные погребения», в которой анализировал погребальный инвентарь как показатель статуса (в частности заключал, что символами властного статуса были не боевые топоры, а лук и стрелы). Право, может показаться, что, по крайней мере, в сфере интересов Ренфру двигался по стопам советской археологии!

Но Ренфру больше ориентировался на американцев. Заимствуя социальные термины от американских неоэволюционистов, в 1974 г. Ренфру внес детализацию одного из обозначаемых этими терминами понятий — вождеств. Он предложил определять коллективные погребения неолита с мощными сооружениями, требующими властной организации труда, как следы «вождеств, ориентированных на группу», а индивидуальные погребения бронзового века — как отражающие «индивидуализирующие вождества».

К его социальной археологии подключился другой саутгемптонский археолог Стивен Шеннан, ученик Дэвида Кларка. В 1977 г. он защитил в Кембридже диссертацию на тему: «Колоковидные кубки и их контекст в центральной Европе. Новый подход» (осталась неопубликованной). Шеннан увидел в этих кубках не результат миграции с континента, а «статусный набор» (status kit) — вещи, отмечающие высокий статус погребенных. Этот набор распространялся как мода, в порядке трансмиссии по Центральной и Северной Европе. Правда, погребения с колоколовидными кубками не были столь богатыми, как «княжеские погребения» бронзового века — погребения вождей. Но это была тенденция хоронить воинов всего верхнего слоя индивидуально (а не коллективно, как в неолите) с вещами, отмечавшими их имущественную самостоятельность.

Гораздо позже, в 1984 г., Ренфру собрал все свои статьи по «социальной археологии» и издал их в виде сборника «Подходы к социальной археологии» (одновременного с книгой Брэдли); в том же году вышел и сборник Бинтлифа «Европейская социальная эволюция: археологические перспективы» — «социальная археология» размножилась. По сборнику Ренфру видно, что главным инструментом проникновения в социальную организацию древних обществ для него являлось пространственное распределение материалов, локационный анализ. А главным объектом интереса — «вождества», поскольку они характерны для европейского неолита и бронзового века. Ради этнографического ознакомления с подобными обществами Ренфру посетил в 1978 г. полинезийские острова на Тихом океане Тонгу, Макаве и остров Пасхи. На Тонгу беседовал с королем Тауфа'ахау Тупоу IV, и тот его заверил, что деревня живет веками без существенных изменений. Поэтому и статья была названа «Острова вне времени».

Итогом длительных занятий социальной археологией и связей этого плана явились также два сборника, вышедших уже после ухода из Саутгемптонского универ-

ситета, — «Ранжирование, ресурсы и обмен: Аспекты археологии раннеевропейского общества» (ред. совместно со Ст. Шеннаном, 1982) и «Взаимодействие в политике равных и социополитические изменения» (ред. совместно с Джоном Черри, 1986 г.). Под «взаимодействием в политике равных» (peer polity interaction) Ренфру имел в виду контакты между вождествами, в которых формировались общие для обширного региона стили в культуре и наборы вещей без какой-то однонаправленной диффузии и без миграций. Для него и его единомышленников интеракция (взаимодействие) заменила миграции и диффузию в объяснении сходств на обширных территориях.

Особенно примечателен первый из этих сборников — о ранжировании и обмене. В конце его помещены критические статьи Роберта Уоллона и Люиса Бинфорда. Уоллон выражает разочарование: все статьи описательны, вместо объяснений дают индуктивные обобщения. Также вместо объяснений предлагаются модели, сводящиеся к аналогии и метафоре. Ренфру всего лишь реифицирует (овеществляет) теоретические понятия, введенные антропологами-неоэволюционистами Сервисом, Салинзом и Фрайдом — «вождества» и т. п. (то есть подбирает конкретные примеры). О причинах перехода к этим структурам нет ничего. Еще резче отзывы Бинфорда. «Эти подходы находятся в прямом конфликте со взглядами, которые принято ассоциировать с «антропологической позицией» (он имеет в виду свою «Археологию как антропологию». — Л. К.)» (Binford 1982: 162). Расхождение с археологами «Закона и Порядка» налицо.

Оно шло по многим линиям. Ренфру очень критически относился к «библии гемпелианцев» — книге Уотсон, Лебланка и Редмена. Он считал ее столь «некорректной» и «местами поверхностной», что в понимании природы археологии авторы «больше напутали, чем разъяснили» (Renfrew 1994: 4). Не согласен был Ренфру и с целевой установкой для экспедиций. Он считал, что археологические исследования большей частью должны быть «немного оппортунистичны» (Renfrew in Bradley 1993: 76) — в том смысле, что материал обычно доставляет неожиданные возможности («opportunities»).

9. Группа «Спасение» и ТАГ. Научная деятельность Ренфру в русле Новой Археологии, начавшись в конце 60-х, развертывалась в основном в 70-е годы, когда, как мы увидим далее, в Америке уже доминировало новое направление. Но и в Англии в это время для Новой Археологии обстановка складывалась не самым благоприятным образом. Новая Археология, при всех своих полевых амбициях, концентрировалась главным образом на *теоретическом* осмыслении раскопок, на *философских* баталиях и применении методов математики. Но в обществе на первый план выходила *полевая* археология.

Произошел некий сдвиг в сознании англичан. В течение 1960-х годов произошел окончательный распад Британской империи — независимость получили Южная Африка, Гана, Нигерия, Уганда и Кения. Из-за неурядиц, связанных с основанием государств, разделением Индии, волны эмигрантов двинулись в бывшую метрополию. Прибытие их породило расовые столкновения. В 1968 г. властям пришлось принять Акт о Расовой Напряженности. Тогда же Британия испытала экономический спад — ее традиционные отрасли (кораблестроение, текстильная промышленность и др.) оказались неконкурентоспособными. Всё это имело следствием комплекс ущемленного национального самолюбия. Любопытным образом с этим совпадает по времени взлет британской культуры: британские моды хлынули в Европу и Амери-

ку, Битлз и Роллинг Стоунз оказались в рейтингах далеко впереди американских рок-групп. Именно в это время британская общественность озаботилась британским культурным наследием. Тут вдруг все заметили, что послевоенная реконструкция и строительство массами уничтожают археологические памятники.

Группа инициативных полевых археологов (Питер Фаулер и др.), собралась в 1969 г. и создала национальный комитет, названный в 1971 г. «Спасение» («Rescue»). Он начал оказывать сильное давление на правительственные органы, и средства, отпускаемые на полевую археологию заметно возросли (Wainwright 2000: 914–920). В 1974 г. Филип РАТЦ (Philip Rahtz), опубликовал сборник «Спасательная археология». Уроженец Бристоля, Ратц по его собственным воспоминаниям учился в школе плохо, но служа во время войны летчиком, заинтересовался археологией, так как часть стояла возле Стоунхенджа. После войны работал учителем, фотографом и одновременно самостоятельно копал памятники и публиковал их, приобретая всё больший опыт. Связался с кафедрой средневековой истории Биримингемского университета, защитил там диссертацию и в 1963 г. получил первый академический пост, а дальше продвигался по служебной лестнице. В 1978 г., уже после выхода сборника, он стал заведующим кафедрой археологии в Йорке. К Новой Археологии относился сугубо скептически. Свою автобиографию назвал «Living archaeology» («Живая археология», «Живя археологией»), как бы подчеркивая: вот она, жизнь археологии, а вовсе не этноархеология! (Rahtz 2001; 2004). Он чем-то напоминает РМА из очерка Флэннери.

Создание группы «Спасение» и выход сборника означали перемену настроения значительной части археологов Англии. До того в Англии господствовало высказанное еще Коллингвудом убеждение, что копать нужно только для решения определенной научной проблемы, а Новая Археология и вовсе отстаивала только узкоцелевые экспедиции. Ратц поставил всех перед фактом массовой гибели памятников. Их нужно спасать — раскопками. «Памятник существует; он содержит факты потенциально исторической ценности; он вот-вот будет разрушен; в этой стране осталось только ограниченное и уменьшающееся количество таких памятников; конечно, эти факты должны быть спасены» (Rahtz 1974: 83).

В одной из статей этого сборника другой воитель за приоритет полевой археологии, Крис Массон (Chris Musson) настаивал на том, что нужно установить такой порядок, при котором шесть полевых археологов, копая круглый год, могут за год раскопать целое городище или римский лагерь. Такой археолог может в специализации за три года догнать профессора. «Для настоящей личности круглогодичная спасательная работа может быть бесконечно более удовлетворяющей, чем дурацкая академическая карьера с ее более эфемерными целями» (Musson 1974: 87–88). Еще в одной статье сборника Грэйем Уэбстер (Graham Webster) призывает к созданию в стране не-академического не-исследовательского не-теоретического сообщества практических археологов. Именно их он предлагал именовать Новыми Археологами. Для подготовки их в университетах он рекомендовал старые учебники и резкую статью Хогарта против Новой Археологии Бинфорда и Кларка. В таких условиях мессианские доктрины Бинфорда и Кларка, призывающие в некоторых университетах к освоению философии и теории и введению археологии в сонм социальных наук — всё это «для раскопщиков, теперь закусивших удила, звучало как тайные ритуалы мамбо-джамбо в башне слоновой кости» (Bintliff 1986: 16).

В 70-е годы Кларк, наметив отход от процессуальной археологии, умер, а Бинфорд, как я покажу далее, тоже отступил от нее. Серутанцы оказались единствен-

ными продолжателями процессуальной археологии в течение 70-х, а Ренфру — единственным лидером Новой Археологии в Британии. Он воевал, по крайней мере, за некоторые ее принципы и достижения.

В 1977 г., собрав археологов (студентов и преподавателей) обоих университетов, в которых он был заведующим кафедрой — в это время (Саутгемптонского) и прежде (Шеффилдского), Ренфру совместно со своим другом и соратником Эндрю Флемингом основали TAG — Theoretical Archaeology Group (Группу Теоретической Археологии), состоявшую в основном из молодежи и заседавшую с тех пор ежегодно, каждый раз в новом городе. Эти заседания, из английских ставшие международными, превратились в основной форум новых движений в теоретической археологии (Härke 1983).

10. Саутгемптон: теория катастроф. Не успела угроза всеобщей атомной смерти несколько умериться в результате разрядки, как новая угроза надвинулась на мир. В 1965 г. вышла книга Эстер Бозеруп «Условия сельскохозяйственного роста». В ней основным фактором, воздействующим на развитие земледелия, объявляется демографический. Он-то оказывается первичным и неподвластным социальному контролю. Книга эта имела большое влияние на новых археологов. В 1968 г. другая книга, «Популяционная бомба» Пола Эрлиха, произвела еще большее впечатление. В ней было показано, что неудержимое размножение человечества, опережающее рост производства продуктов питания, грозит неминуемой и скорой катастрофой. Учение Мальтуса, некогда повлиявшее на Дарвина, получило новую жизнь. В 1996 г. по этому поводу был созван в Каире международный конгресс. К этому нужно добавить нефтяной кризис начала 70-х, нарастание конфликта благополучного севера эйкумены с голодающим югом. Цепь конфликтов и катастроф стала как бы нормальным состоянием мира. В 1988 г. в Америке вышел сборник Нормана Йоффи и Джорджа Каугилла «Коллапс древних государств и цивилизаций» с участием Роберта Эдамса и других видных археологов. В 1999 г Майкл Бэйли выступил с идеей, что в дендрохронологии по аномально тонким кольцам можно выявить грандиозные катастрофы, поражавшие мир в прошлом (извержение вулкана Санторин, падения комет) — они породили всеобщие кризисы в экологии и в развитии культур. Этими датами он считает 1628 (Санторин), 1345 и 1159 гг. до н. э. и 536 г. н. э. (Baillie 1999).

Брюс Триггер (Trigger 1989a: 319–323) называет эту тенденцию «катаклизмическим эволюционизмом» и сравнивает этот «эсхатологический материализм» со средневековым ожиданием конца света — только Бога заменили законы эволюции.

В этой ситуации в конце 70-х годов Ренфру с новым энтузиазмом взялся за проблему внутренних факторов резких культурных изменений — за проблему дискретности, прерывности культурно-исторического процесса, за проблему, так сказать, диалектического скачка. Вдохновила его *топологическая теория катастроф* французского математика Рене Тома. В 1975 г. в книге «Структурная стабильность и морфогенез» Том создал общую классификацию любых катастроф, построив «структурную теорему элементарных катастроф». Он представил любые взаимосвязанные процессы в виде изменения математических функций. А изменения математических функций можно ведь изобразить в виде кривых на плоскостях, плоскости же нетрудно вообразить искривляющимися вместе с изображенными на них кривыми. Резкое падение кривой будет означать катастрофу для отображенного в ней явления.

Р. Том теоретически доказал, что если в изменениях участвуют более четырех взаимосвязанных факторов, то катастрофы образуют несколько топологически раз-

личимых типов, которые он назвал «изгиб», «скала», «хвост ласточки», «бабочка» и «пупок», причем этот последний в трех видах — гиперболический, эллиптический и параболический. Но если участвуют только два параметра, то сложные их отношения приводят к «скальной катастрофе». Это можно представить так. Возьмем случаи, когда плавное постепенное изменение одного фактора влечет за собой благодаря внутренней структуре второго фактора не такие же плавные изменения, а резкие изгибы. Такой резкий изгиб второго фактора, искривление плоскости, приведет к катастрофическому падению того значения, которое жизненно важно для системы.

Ренфру ухватился за это объяснение, увидев в нем возможность представить параметры изменений культурно-исторического процесса в цифровом выражении и тем самым математически объяснить происходящие резкие социальные взрывы после долгого и, казалось бы, спокойного развития. Падение Микенской цивилизации, коллапс цивилизации майя, падение хеттской империи и т. д.

В 1978 г. вышла его первая статья об этом «Перерыв траектории и морфогенез: приложение теории катастроф к археологии». А уже в следующем году вышел большой сборник под его совместной с математиком Кеннетом Куком редакцией «Трансформации: математические подходы к изменениям в культуре». В сборнике участвуют Ходдер, Шиффер, Плог и др. Ренфру написал первую и последнюю статьи сборника и участвует еще в двух как соавтор.

В первой статье он рассматривает трансформации как непрерывный процесс, не только лежащий в основе типологического ряда, но и позволяющий устанавливать изоморфность родственных систем из разных ветвей генеалогического древа эволюции. Степень расхождения при этом фиксируется искривлением системы координат, в которые вписывается система, например, организм. В остальных статьях Ренфру разрабатывает применимость разных моделей катастроф к разным видам событий в преистории. Так, бабочковидные катастрофы он связывает с «вождествами», «скальные» — с ранними государствами, а кроме того он придумал и термин для понятия противоположного катастрофе – *анастрофа*. Это внезапный резкий подъем. Ренфру применяет это понятие к переходу от эгалитарных обществ к обществам с вождями и властителями.

Я не уверен, что теория катастроф действительно объясняет по-новому резкие перерывы постепенности в развитии. Но если даже это всего лишь более наглядная модель отображения известных процессов, то и это ценно, так как предоставляет новые возможности расчетов и сопоставлений. Однако, что дальше делать со всем этим, Ренфру и сам не знает. В своем интервью Ричарду Брэдли он признается: «Не вижу, как применять это дальше» (Renfrew in Bradley 1984: 79). Главную трудность он видит в том, что топологическая теория не дает возможностей числовой реализации.

Для себя Ренфру нашел выход: он полностью сменил тему занятий и концепцию, но так как это выходит за рамки Новой Археологии, есть смысл рассмотреть эту личную трансформацию Ренфру в следующих главах.

11. Заключение. И Флэннери, и Ренфру имели две основные исходные темы — становление производящего хозяйства и происхождение цивилизации, т. е. неолитическая и городская революции Чайлда. Это наследие неоэволюционизма в Новой Археологии. Обе темы теперь были рассмотрены в рамках системного подхода, рожденного в биологии и подготовленного в археологии энвиронментным (экологи-

ческим) подходом. Это в экологии возникло понятие экосистемы и стали рассматриваться системные связи и регуляция системы.

Как Флэннери, так и Ренфру — это действительно Great Synthesisers — Великие Синтезаторы. Они синтезировали многие археологические явления в единых рамках системного подхода и Второй Кибернетики. Оба они разработали схожие подходы к «проклятому вопросу» археологии — к проблеме перерыва преемственности, к проблеме смены культур. Флэннери решал этот вопрос в русле чистой Второй Кибернетики — с позитивной обратной связью и умножительным эффектом, Ренфру начал с того же, но потом перешел к топологической Теории Катастроф. Всё это отличало серутанское направление от других течений Новой Археологии.

Яркий и бурный период Новой Археологии был довольно коротким — фактически только 60-е годы и часть 70-х. За это время накопился солидный массив литературы, выдвинулись блестящие фигуры, и была поднята серия новых проблем, разработаны новые методы и, прежде всего, целая пачка новых теорий. Практически с этого времени создана теоретическая археология как отрасль (Klejn 1990). Перекинуты мосты в философию науки, антропологию, географию и прикладную математику.

Новая Археология развивалась почти исключительно в США и Англии, но близкие течения (если не отрасли Новой Археологии) пробивались одновременно в Швеции (Мальмер) и Франции (Лаплас и Гарден). В Швеции несколько позже ощущалось и прямое влияние американской и английской Новой Археологии — в работах Карла-Акселя Муберга и Стига Велиндера. В других странах воздействие Новой Археологии прямо не проявлялось или проявлялось очень слабо. Но общее ее влияние ощущалось везде. После работ Бинфорда и Кларка, Флэннери и Ренфру уже нельзя было не думать о методологии и эксплицитности (логической прозрачности) работ, не вводить математику там, где это усиливает доказательность, и не строить проверяемые теории. Археология изменилась. Как выразился Дэвид Кларк, она утратила невинность.

12. Некоторые уроки. Какие непосредственные уроки можно извлечь из рассмотренного отрезка истории Новой Археологии? Мне кажется, всякому бросится в глаза чрезвычайная увлекательность описанных перипетий (как, впрочем, и истории Бинфорда и Кларка, но, может быть, в еще большей мере). Как всё интересно, на зависть вкусно происходило, сколько полезного принесло! Но ведь те же в основном идеи рождались еще раньше в России и не принесли ничего, кроме схоластической долбежки, а также арестов, проработок и смертных приговоров. Так что первое, что следовало бы извлечь из этой истории, это дополнительную оценку потерь России от господства коммунистического режима, по которому у столь многих сограждан наблюдается ностальгия.

Любопытно, что, при всем признании инициаторской роли Бинфорда, более читаемыми и почитаемыми во всем мире оказались не его работы, а работы Дэвида Кларка, Кента Флэннери и Колина Ренфру. Эти авторы не столь зациклились на ригористической схеме подведения под законы и отводили значительно большую роль индукции и фактам, допускали большее разнообразие ситуаций и трактовок. Их концепции оказались гораздо более гибкими, поэтому более приемлемыми для практиков археологии. Это может быть расценено как урок теоретикам и новаторам.

Ренфру преподал своим примером очень важный урок молодым археологам. В отличие от своего сверстника Дэвида Кларка он сумел, проводя новые идеи, новую

методику и добывая с успехом новые материалы, обойтись без резких конфликтов с ведущими представителями традиционной археологии — не грубил им, не задевал их самолюбие, не восстановил их против себя. Можно сказать, учел опасность запустить в ход позитивные обратные связи. И сохранил со всеми хорошие отношения, не поступившись принципами. Значит, это возможно. Он был хорошим политиком. Впрочем, это проявилось и вне пределов археологии — в его успешной политической деятельности.

Казус Ренфру также очень важен для понимания сложности связей гражданской, социально-политической позиции исследователя с его научными взглядами. Связь, конечно, есть, но отнюдь не простая. Ренфру консерватор, безусловный противник не только марксизма, но и лейборизма, а в своей научной деятельности бывал очень близок к марксизму и к советской археологии самых марксистских времен. Я не думаю, что это еще одно подтверждение старой идеи, что крайности сходятся. Скорее это иллюстрация невозможности проследить прямолинейные связи между политической позицией исследователя и его научными теориями, это отсутствие прямой корреляции между ними. Нельзя провести прямые разделительные линии через весь спектр жизни ученых. История не пишется с помощью угольника и линейки.

Вопросы для продумывания

1. Достаточно ли, по Вашему мнению, оснований для причисления Флэннери и Ренфру к одному течению Новой Археологии и к отделению их от других двух течений? Чем это можно обосновать?

2. Теперь, рассмотрев все три течения новой Археологии, можно вернуться к Мальмеру и Гардену и попытаться подумать над тем, справедливо ли, что их учения, современные учениям Бинфорда и соратников, не рассматриваются как Новая Археология, а сами они не рассматриваются как лидеры Новой Археологии? Что у них общего с Новой Археологией, а что отличает от нее? Чего не хватает для включения в нее?

3. Не напоминает ли Вам отношение Флэннери к МакНишу отношение Бинфорда к Гриффину? Есть ли разница и, если есть, в чем она?

4. Какие типичные фигуры современной русской археологии можно было бы предложить как аналогичные вымышленным фигурам Флэннери?

5. Сравнивая двух американских лидеров новой археологии, Бинфорда и Флэннери, можно заметить, что Флэннери всего на несколько лет младше Бинфорда, а, учитывая позднее вхождение Бинфорда в археологию, они появились в ней почти одновременно. Оба они талантливы, оба обладают харизмой. Возглавляют они разные ветви Новой археологии. Чем же было обусловлено старшинство Бинфорда?

6. При сравнении двух лидеров серутанской археологии, Флэннери и Ренфру, их идейное сходство бросается в глаза сразу: скепсис по отношению к гемпелианской схеме, приверженность Второй Кибернетике Маруямы, монографическое изучение одной культуры, семейное занятие археологией (у Флэннери с Джойс Маркус, у Ренфру — с Джейн Ренфру, палеоботаником). Но можно ли заметить различия, и сколь они существенны?

7. Сравнивая двух лидеров британской Новой Археологии, Кларка и Ренфру, можно заметить, насколько успешнее была карьера Ренфру. Чем это могло быть обусловлено — бóльшим талантом, большей доступностью сочинений из-за отсутствия жаргона, несколько более поздним временем или случайностью (ранней смертью Кларка)? Или тем, что Ренфру начал свою карьеру не в Кембридже, на который упорно нацелился Кларк, а в провинции? Или чем-то еще?

8. Большой дружбы между двумя сверстниками, лидерами британской Новой Археологии Кларком и Ренфру, явно не было. Это четко видно по их взаимному отсутствию

в сборниках друг друга. Чем это могло быть обусловлено — соперничеством, различием путей в Новой Археологии или чем-то еще?

9. Чем, по Вашему мнению, могло быть вызвано то, что Ренфру так наглядно продвигался по следам советской археологии?

10. Открытие датирующих возможностей C_{14} было, несомненно, революционным в радиохимии. Но можно ли считать радиоуглеродную революцию научной революцией в археологии? И если можно, то в какой именно археологии — теоретической или в конкретной?

11. В чем, по Вашему, причина неудачи Ренфру с теорией катастроф?

12. Во второй половине 1980-х годов в Ленинграде была создана Ковалевым группа «Спасения» для защиты исторических памятников. Ковалев впоследствии стал депутатом Законодательного Собрания города и отстаивал законы об охране археологического наследия страны. Много ли общего между его группой и британским «Спасением» («Rescue») и в чем разница между ними?

Литература

Флэннери: Flannery 1967/1972, 1968, 1976; MacNeash 1978.

Ренфру: Renfrew 1969b, 1970, 1973a, 1973b, 1980, 1994; Klejn 1970a, 1970b; Binford 1982; Bradley 1993.

Группа «Спасение» и теория: Musson 1974; Rahtz 1974, 2001, 2004; Härke 1983; Bintliff 1986; Klejn 1990; Wainwright 2000.

Внимание катастрофам: Champion 1991; Baillie 1999.

Глава 38. ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1. Поляризация интересов: глобализм и индивид. Годы 1960-е были временем «Штурма и натиска» Новой Археологии как процессуальной археологии. Она шла от успеха к успеху. Всё было светло и весело. Перспективы казались безоблачными — бесконечно обнадеживающими. «Новые перспективы», как гласило название сборника 1968 г.

В 1970-е гг., по крайней мере, один аспект Новой Археологии действительно вышел за ее пределы широко и масштабно — это *системный подход*. Его стали применять не только «новые археологи». И стали применять, не только рассматривая культуру в системном сочетании с экономикой и экологией, но и в территориальном расширении: всякую археологическую культуру — как часть более широкой культурной общности. Особенно повлияла на западных археологов *теория мировой системы* американского социолога Иммэньюила Уоллерстайна, (I. Wallerstein, род. 1930) развернутая в его книге 1974 г. «Современная мировая система». Уоллерстайн показал, что все страны мира сейчас тесно связаны и взаимозависимы экономически и политически, а также культурно. Все они связаны в одну большую глобальную систему, в которой лидирует центр, а периферийные области вынуждены следовать за ним. Это было первое громкое признание *глобализма*.

А поскольку есть силы, для которых это состояние представляется не только нормальным, но и желательным, благотворным, то у Триггера (в его «Истории» 1989 г.) оно определяется как высшее развитие империализма.

Рассматривая деятельность Грэйема Кларка, я уже говорил о глобализации — расширении кругозора археологов, включении стран, остававшихся ранее вне круга внимания, появлении представлений о взаимосвязанности разных регионов. В глобализм эта тенденция переросла именно тогда, когда появилось представление о лидирующем центре и периферийных областях, по необходимости зависимых от центра.

Американский археолог-марксист Филип Кол перенес этот принцип рассмотрения на археологическое прошлое в работе 1978 г. «Баланс торговли в Юго-Западной Азии в третьем тыс. до н. э.», в работе 1979 г. «Мировая экономика Западной Азии III тыс. до н. э.» и 1987 г. «Древняя экономика, передаваемые технологии и мировая система бронзового века». В 1987 же рассмотрел и недостатки этой концепции — в статье «Употребление и злоупотребление теории мировых систем». В 1975–85 гг. Карл Лэмберг-Карловски подключился к этой тематике, прибегнув к понятию Ф. Броделя «большая продолжительность» (longue durée) для процессов, охватывающих большие пространства. Он рассматривал мезоамериканскую циви-

лизацию как часть более широкой зоны. Р. Э. Блэнтон с соавторами в 1981 и 1984 гг. описывали как взаимозависимые процессы развитие в трех регионах Мезоамерики, объединяя их в «макрорегиональную общность», одну из «мировых систем». Майкл Роулэндз в 1984 г. отстаивал необходимость рассматривать проблемы преистории в рамках общеевропейского единства (Rowlands 1984: 154). Я также опубликовал (в Германии, еще в 1976 г.) большую статью «Неолит Европы как целое» (сделанную на несколько лет раньше, еще без учета теории Уооллерстайна), в которой предлагал ряд понятий, позволяющих объединять большие пространства и периоды в археологическом анализе, — в частности ввел понятие «секвенций» как инструмент такого объединения (Klejn 1976).

Казалось бы, это было успехом системного подхода. Но это же вызвало размывание представления о культурах как основных системах в пользу более крупного целого, в рамках которого более самостоятельными стали смотреться действия малых групп и индивидов. С другой стороны, к этому времени структуралисты и «новые археологи», занимаясь *стилями* керамики и искусства в археологическом материале, культурной изменчивостью, пришли логически к проблеме *индивидуального* стиля. В 1977 г. под редакцией Джеймса Хилла и Джоэла Ганна вышел сборник «Индивид в преистории: Исследования изменчивости в стиле в преисторических техниках». Используя математическую методику Джеймса Дитца, авторы искали и находили возможности выявлять индивида через стилистические детали археологического материала. На индивида и его роль в создании культур ориентировал археологов эмергентизм — Эрнст Вале в своих работах 50-х — 60-х годов. Это было совершенно не в русле Новой археологии. Мы еще будем далее рассматривать эту тенденцию.

2. Кризис Новой Археологии. Да и в целом для Новой Археологии годы 1970-е были временем тревоги, сомнений и перелома. «Новые археологи» были еще молодыми, полными сил и невероятно активными, но что-то шло не так гладко. Уже в 1972 тон деклараций был чуть более скромным. Вместо «Новых перспектив» 1968 года — «Археологическая перспектива» — название бинфордовского сборника 1972 г. К середине 1970-х стала чувствоваться тревога, некоторое беспокойство. Эпистемологический (гносеологический) оптимизм Бинфорда пошатнулся, уверенность в доступности прошлого познанию по археологическим материалам начала казаться несколько преувеличенной.

Сыграла свою роль и критика Новой Археологии со стороны археологов традиционного толка. Особенно неотразимы были удары по наивной убежденности «новых археологов», что они в археологических материалах и их изменчивости имеют дело непосредственно с культурными системами прошлого и динамикой их развития. А ведь перед исследователями были только мертвые и неподвижные археологические источники, сугубо современные, и от них до динамики культурных систем прошлого пролегал долгий путь исследования со многими ловушками и подвохами. «Новые археологи» и сами начинали это понимать. Их на это наталкивали трудности и разногласия интерпретации.

Но это означало, что оптимистический энтузиазм изучения культурного процесса был преждевременным. Прежде, чем изучать по археологическим источникам культурный процесс ПРОШЛОГО, нужно было не только описать и классифицировать археологические источники, но и установить характер и закономерности отражения в них культурных систем прошлого, т. е. выяснить, как происходило само формиро-

вание археологических ИСТОЧНИКОВ. А это означало полную переориентировку теоретического мышления «новых археологов», всей стратегии исследований — от изучения *культурного процесса* к изучению *формирования археологических источников.*

Само археологическое исследование буквально на глазах превращалось в гораздо более сложное предприятие. На месте простой схемы 'от описания — к трактовке' вырастала многостепенная археологическая процедура, ведущая от восприятия археологических источников через их сложное препарирование и интерпретацию (соотнесение с закономерностями трансформации былой действительности в археологическом материале) к историческому осмыслению. То есть в повестку дня встала выработка *многостепенной процедуры археологического исследования.*

3. Стивен Дэниелс и признаки отхода от процессуализма у Дэвида Кларка. В сборнике под редакцией Кларка «Модели в археологии» (1972) была напечатана статья археолога из Западной Африки (из Нигерии) Стивена Дж. Х. Дэниелса (перед тем он работал в Северной Родезии). Чтобы соответствовать названию сборника статья называлась «Модель происхождения (обусловленности) археологической информации». Автор задался целью рассмотреть, как неполна археологическая информация, как она теряет многие детали на пути от прошлого к нам. Идея не нова. Еще за восемь с лишним десятилетий до него ее высказал Монтелиус:

> «Лишь небольшая часть того, что некогда существовало [1], погребена в земле [2]; только часть погребенного [3] избежала разрушительной руки времени; из этой части не всё вышло на свет снова [4]; и мы слишком хорошо знаем, как мало из того, что вышло на свет, пригодилось нашей науке [5]. Почти все находки прошлых веков разрушены» (Montelius 1988: 5. — Цифры в скобках мои. — Л. К.).

Я расставил здесь в скобках нумерацию этапов разрушения, чтобы было легче сопоставить с тем, что есть у Дэниелса. Дэниелс тоже представил путь археологической информации с самого ее начала в источниках — как она течет через фильтры, где действуют блокирующие, препятствующие факторы, которые производят тормозящие и разрушительные эффекты. Информация теряет одну часть за другой и то, что раньше было ясно и верно, обедняется и теряется. Нужно установить эти этапы и в каждом определить воздействующие и препятствующие факторы, чтобы познать их активность. Последовательные состояния информации соответствуют состояниям культурного материала как источника. Таких состояний Дэниелс выделил уже не 5, а 7 (рис. 38.1):

1) потенциальная популяция артефактов, предлагаемая культурной матрицей, т. е. те артефакты, тех типов, которые в данной культуре вообще производились и существовали (у Монтелиуса это этап 1);

2) действительно отложившаяся в памятнике популяция — это, конечно, не все бытовавшие артефакты (у Монтелиуса этап 2);

3) сохранившаяся фракция этого количества (этап 3 у Монтелиуса);

4) часть, попавшая в раскопанный объем;

5) обнаруженные при раскопках артефакты — даже если раскопки неплохие, не всё ведь обнаружено (у Монтелиуса этап 4);

6) учтенные данные (учет зависит от качества регистрации);

7) опубликованные данные.

Рис. 38.1. Модель пробега археологической информации от источника до публикации, по Дэниелсу (Daniels, 1972; Клейн 2004: 350, рис. 18).

Два последних этапа Дэниелса примерно соответствуют последнему этапу Монтелиуса, но не вполне его покрывают.

Соответственно семи последовательным состояниям источника и его информации Дэниелс наметил 6 этапов преобразования информации между ними, шесть фильтров. Одни из этих фильтров (локализация раскопок, процедуры анализа и сортировки и т. п.) — регулируемые археологом, другие (природные факторы, воздействующие на сохранность и т. п.) — вне его воздействия.

Статья была очень свежей, ясной и, возможно, она произвела впечатление на издателя тома Дэвида Кларка. Уже в 1973 г. он опубликовал в «Антиквити» в высшей степени интересную статью под озорным названием «Археология: утрата невинности». Он намекал на библейскую историю Адама и Евы и дал понять, что традиционная археология тоже должна утратить свою изначальную наивность и познать сложный мир археологического материала и того, что скрывается за ним. Дэвид Кларк выступал здесь в роли этакого искушающего змия. Намек может, однако, получить неожиданный для автора поворот и обозначить наивность самой новой археологии.

Кларк выделил «в любой археологической интерпретации» четыре уровня:

1) деятельность гоминид, а также социальные и природные процессы, некогда происходившие (это примерно то, что Дэниелс называл культурной матрицей);

2) выборка результатов этих процессов и следы их, отложившиеся в какое-то время (это соответствует отложившейся популяции у Дэниелса);

3) та часть этой выборки, которая сохранилась до открытия (сохранившаяся фракция у Дэниелса);

4) та часть сохранившейся выборки, которая была открыта раскопками и сборами (из трех последних состояний источника на схеме Дэниелса тут у Кларка представлено только среднее).

Таким образом, последние этапы пробега информации не столь разработаны у Кларка, как у Дэниелса. Но теорий о деятельности фильтров между ними у Кларка не три, как ожидается, а больше. Три теории Кларка между его четырьмя уровнями это:

а) *предепозиционная и депозиционная теория* занимается закономерностями производства артефактов культурной матрицей и закономерностями их отложения в культурном слое или могилах — проще говоря, она имеет дело с тем, что происходит с элементами материальной культуры до их отложения и во время отложения;

б) *постдепозиционная теория* занимается закономерностями изменения артефактов в памятниках после отложения — она изучает процессы, которые действуют на остатки прошлого в земле;

в) *теория обнаружения* занимается правилами разведок и раскопок, обеспечивающими адекватность открытия, и устанавливает, какие нарушения этих правил к каким примерно искажениям информации могут вести — она создает базу для оценки раскопок и собирания памятников.

К этому списку у Кларка добавлено еще две теории в конце списка:

г) *теория анализа* того, что обнаружено и стало данными науки, соединяет данные с помощью моделей, припасенных археологией, — она имеет дело со способами извлечения информации из добытых памятников;

в) *теория интерпретации*, которая от этих анализируемых данных заключает к ненаблюдаемым прямо древним структурам и процессам; она позволяет археологу понимать данные, полученные из археологические источников — извлекать из этих данных выводы о процессах и событиях в прошлых обществах и их среде (Clarke 1973: 15–17).

Таким образом, Кларк попытался построить заново общую теорию археологии и вместо того, чтобы направлять ее полностью на культурный процесс, начал шаг за шагом прослеживать ход информации от источника (от археологического материала) к конечному пользователю информации — к исследователю.

Дальнейшего развития, однако, это направление исследований у Дэвида Кларка не получило. Другие темы набрали слишком большую инерцию, и по ним публикации выходили еще три года, а к их исходу Кларк неожиданно умер.

4. Бинфорд: «два контекста исследований» и «соединяющий аргумент». В творчестве Бинфорда первый, еще очень слабый, росток будущего отхода от процессуализма пробился уже в 1968 г. (а перепечатана была эта статья в том же 1972 г. в сборнике «Археологическая перспектива»). В споре с Уилли и Сэблоффом Бинфорд различал два контекста исследований: а) «объяснение археологических источников» — «разумеется, современных явлений», и б) объяснение прошлого» — «функционирования и эволюционной динамики прошлых культурных систем» (Binford 1972a: 118). Поскольку объяснение по Гемпелю и Бинфорду подразумевает непременно подведение под универсальный закон, стало быть, в статье имеются в

виду две серии законов — объясняющие источник(и) и объясняющие функционирование и динамику культуры. Что значит: объяснить функционирование и эволюцию культуры? Это значит: объяснить ее облик и трансформации. А что значит: объяснить источники? Это значит: объяснить их формирование. Тогда можно заключить, что в изложении Бинфорда имплицитно подразумеваются два ряда законов:

а) законы, воздействовавшие на живое общество прошлого и формировавшие культуру, особенно материальную культуру (они, надо полагать, и сейчас действуют); и

б) законы, соответственно которым происходили и обычно происходят отложение и последующая трансформация остатков материальной культуры, их превращение в археологический материал.

Нужно знать второй ряд законов (б) для того, чтобы производить надежную реконструкцию прошлого, а первый ряд (а) — для того, чтобы понимать реконструируемые явления (это тоже, конечно, сказывается на реконструкции).

В своем «Введении в теоретическую археологию» (Клейн 2004: 238) я так и изложил это изменение взглядов Бинфорда. Теперь заметил, что я напрасно осовременил его тогдашние взгляды.

Между тем, законы второго ряда (б) не занимали заметного места в концепции Бинфорда — его Новая Археология изучала культурные системы непосредственно по археологическим остаткам. В той же статье содержится достаточно четкая формулировка этой идеи: «Для археолога объяснение начинается, когда наблюдения, сделанные по археологическим источникам, связываются посредством законов культурного и поведенческого функционирования с прошлыми условиями и событиями» (Binford 1972a: 117). То есть, у Бинфорда источник связывают с прошлыми культурами не особые законы формирования источников, а непосредственно законы функционирования культур! Он игнорировал тот факт, что остатки отражают прошлые культурные явления неадекватно. Он даже резко отвергал это в полемике с Чжаном Гуанчжи. Значит, у Бинфорда в той статье есть представление о двух контекстах исследования, но различения двух рядов законов еще нет.

Еще и в 1972 г. (когда эта статья 1968 г. была перепечатана в его томе безо всяких комментариев) он оставался на своей ранней позиции, согласно которой всё дело было только в том, чтобы хорошо установить отношения между наличными материальными остатками и прошлой динамикой. Очень прямые корреляции.

Однако есть одно новшество. В 1972 г. (статья в сборнике Кларка, перепечатана в собственном сборнике статей Бинфорда) он добавил к этому представлению еще одно. Критикуя традиционалистские взгляды, он излагал их так: традиционалист имеет представление о древней культуре и знает, что эту культуру мы не можем «прямо ощущать или наблюдать». Мы наблюдаем только археологический материал. Но традиционалистам известно, что у нас есть «соединяющая аргументация». Это, говорит он словами Джеймса Дитца, представление о том, что «конфигурации, которые археолог наблюдает в своих материалах, являются отражением конфигураций древней культуры, которая эти материалы породила». Бинфорд трижды в коротком контексте повторяет слова «bridging argument» — 'соединяющая аргументация', 'соединяющий аргумент', буквально 'мостящая аргументация', 'мостообразующий аргумент' (Binford 1972: 249). Правда, это о концепции традиционалистов, его противников. Но как раз эту часть их концепции он не критикует и явно принимает. Критикует он простоту представляемых традиционалистами конфигураций и способы их установления.

Для сближения с позициями Дэниелса и Кларка не хватает только понимания, что bridging argument означает не короткий мостик в один пролет через обычную речку, а неимоверно длинную переправу через Стикс — реку смерти.

5. Экспериментальная археология и этноархеология. Между тем, еще полемические выступления гиперскептиков (особенно Хокса, с его «лестницами непознаваемости» в 1954–1956 гг., и его секретаря Мэри Смит в 1955 г.) вызвали стремление археологов найти более прочную опору в своих реконструкциях прошлого. Поскольку сомнению подвергались именно надежность археологических источников и возможности их адекватного понимания, одни археологи обратились к математическим методам описания и классификации, к статистике и комбинаторике, другие — к поискам законов отражения истории в материальной культуре.

Общий интерес к этим темам был выражен в появлении множества методических работ на границе между археологией и этнографией, а также технических опытов. И там и тут построены особые отрасли, это *экспериментальная археология* (Coles 1973, 1979; Ingersol et al. 1977) и *этноархеология*.

Экспериментальная археология — это попытки экспериментальным путем создать объекты, подобные археологическим памятникам и таким образом понять, как они возникали. Эксперименты в археологии иногда применялись и до Новой Археологии, но очень спорадически. Два обстоятельства стимулировали их умножение и объединение в особую субдисциплину: 1) восприятие археологии как науки, как точной науки, стоящей близко к естественным наукам; и 2) сомнения и беспокойство относительно способности археологических источников информировать о прошлом. А это как раз и были споры Новой Археологии с ее противниками.

Эксперименты издавна проводились в археологии, из наиболее известных можно назвать появившуюся в 1957 г. книгу Сергея Аристарховича Семенова «Первобытная техника», в 1964 переведенную на английский, и знаменитые путешествия Тура Хейердала в 1947–1970 гг. Эксперименты проводились над строительством зданий древними техниками, над выплавкой металлов, изготовлением керамики. Возводили также сооружения и следили за тем, как они разрушаются и превращаются в археологические памятники. Но в 1973 вышла в Лондоне обобщающая книга Дж. М. Коулза (J. M. Coles) «Археология экспериментом» (в 1979 г. новое издание под названием «Экспериментальная археология»). В 1977 г. появился американский сборник под редакцией Д. У. Ингерсола и др. «Экспериментальная археология». Стали созываться международные конференции по этой тематике. Одним словом, экспериментальная археология превратилась в особую отрасль.

Этноархеология — это исследование этнографической действительности для вычленения ближайших подобий археологическим материалам. Вычленение и наблюдение за материальной культурой, функционирующей в живой культурной системе первобытного типа, должно помочь в установлении законов, позволяющих выявить и реконструировать прошлое по археологическим источникам. Этноархеология состоит из двух ветвей — *срочной археологии* (urgent archaeology) и *живой археологии* (living archaeology).

Срочная археология раскапывает свежие памятники и поэтому легко доступные для проверки, т. е. утраченные поселения сразу после того, как они были покинуты их недавними обитателями, когда эти обитатели еще живы и могут быть опрошены.

Живая археология или *археология акций* есть, по сути, ориентированная на археологические интересы этнография. Эта отрасль археологии возникла еще до то-

го, как у «новых археологов» появился этот интерес. Работа Клайндинст и Уотсон (Mary R. Kleindienst and Patty J. Watson) 1956 года «Археология акций: археологический инвентарный список живой общины» появилась еще до Новой Археологии, а первая статья Ричарда Гулда (Richard Gould) «Живая археология: нгататджара западной Австралии» появилась в 1968 г.

Ричард Гулд, антрополог и археолог, учившийся в Калифорнийском университете, жил много месяцев с аборигенами Австралии и Калифорнийскими индейцами толоуа. Он изучал, как они делали орудия, и даже делал попытки именно там раскапывать местонахождения и спрашивать о них индейцев. Он надеялся найти дома и начал раскапывать части деревни, где было много мусора. Он не нашел ничего. Когда он спрашивал, почему, индейцы смеялись: «Вам же не нравилось бы жить в собственном мусоре, вот так и они».

В 1970-х работы его пошли потоком: 1971 — «Археолог как этнограф», 1977 — «Этноархеология или откуда приходят модели?», 1978 — «Исследования в этноархеологии», а в 1989 в Кембридже вышла обобщающая книга «Живая археология».

70-е годы были вообще очень богаты работами по этноархеологической тематике. Можно еще назвать книгу Дж. Йеллена (J. Yellen) «Археологические подходы к современности: модели для реконструкции прошлого» (1977 г.) и сборники под редакцией Доннана и Клюлау (Chr. B. Donnan and C. W. Clewlow Jr.) «Этноархеология» (1974 г.) и под ред. Крамер (C. Kramer) «Этноархеология: выводы из этнографии для археологии» (1979 г.).

Джон Йеллен, обучавшийся археологии в Гарварде, работал два года в Ботсване, Южная Африка, где он наблюдал бушменов !кунг. Он зачерчивал планы их домов, прослеживал, какой деятельностью в них занимались, и что от нее осталось. Оказывается: только кости от мяса да камни для раскалывания орехов. Всё остальное было унесено с собой. Вдобавок то, что осталось, было перемешано и перепутано современными детишками, игравшимися на этом месте.

Из этого археологи могут многому научиться.

Как этноархеология, так и смежные с ней сферы занятий превратились в постоянные отрасли археологии (см. например, Ethnoarchéologie 1992).

Скорее противникам Новой Археологии эти отрасли много обязаны своим существованием, археологам и антропологам из круга скептиков. Они не только спровоцировали оптимистов археологического познания на обращение к этнографии, но и сами обратились к этнографическим аргументам, чтобы поддержать свой скептицизм. Такой была статья 1967 г. Карла Хейдера (Carl G. Heider) об Австралии. В этой статье автор доказывал, что археолог будущего ни в коем случае не сможет реконструировать по нынешнему набору каменных орудий аборигенов, что реально делали люди племени.

Однако Новая Археология воздействовала благоприятно на эту деятельность, ибо эта археология требовала более строгой логики заключений. В этих отраслях науки по их собственному определению задач создавалась теория археологии, к которой призывала Новая Археология.

6. Бинфорд: этноархеология нунамиутов. Бинфорд обращал всё большее внимание на эту проблему и начал обсуждать ее всё более основательно. Когда он в 1965–71 гг. вел дебаты с Франсуа Бордом о природе различий между разными фациями мустье, он в конце спора начал подыскивать этнографические аргументы, хотя еще не так давно в споре с Чжаном Гуанчжи он отрицал значение эт-

нографических аналогий. Он видел, как выглядело распределение находок на стоянках мустьерских охотников. Он хотел узнать, как это выглядит у сегодняшних охотничьих племен, и о чем говорят разные типы распределения. Это, конечно, было отходом от процесуальной археологии, но отходом только на практике, не в теории.

Бинфорд — человек действия. Уже на рубеже 1970-х годов, следуя примеру некоторых своих коллег и учеников (Клайндинст и Уотсон, Ричарда Гулда), он начал этнографические полевые исследования среди эскимосов *нунамиутов*, охотников за северным оленем карибу, и среди индейцев *навахо*. Он наблюдал за их *поведением*, желая понять, как на деле возникают археологические комплексы при кочевом или бродячем образе жизни. Бинфорд сопровождал нунамиутов во всех их передвижениях; регистрировал, чем они занимаются на каждом месте, и описывал, что именно они на каждом месте оставляют после каждого вида своей деятельности.

После середины 70-х результаты этих экспедиций и соображений стали появляться в публикациях Бинфорда и его учеников. О нунамиутах — статья Бинфорда в соавторстве с Часко «Демографическая история нунамиутов: стимулирующие факты» (1976), о навахо — статья Бинфорда и Бертрам «Частоты в остеологии и процессы изнашивания» в сборнике Бинфорда и группы его учеников «Для построения теории» (1977). В 1978 г. вышла книга Люиса Бинфорда «Этноархеология нунамиутов: исследование примера процессов археологического формирования» (1978) (имеется в виду формирование археологических источников).

В книге описывался забой скота (овец и оленей), какие при этом получаются отходы и где они оказываются, где хранится мясо и где отлагаются отбросы от хранения, как мясо потребляется и каковы следы этого процесса. Затем прослеживаются все эти действия и следы по сезонам — отдельно для весны, лета, осени и зимы. Бинфорд всё еще стремился доказать свою правоту относительно «структурных поз» в споре с Бордом.

Эта серия публикаций продолжалась и в 80-е годы. Бинфорд выпустил еще книги «Кости: древние люди и современные мифы» (в 1981) и «Фаунистические остатки из Класиз Ривер Маус» (в 1984).

Бинфорд описывал технику нунамиутов как чрезвычайно скудную. Они починяли всё, что позволяло починку, использовали каждое орудие до последней возможности, транспортировали всё, что могли, к следующему месту. Так что то, что оставляется на месте (выброшено или потеряно) ни в коем случае не отражает того, какие операции производились на этом месте! Никаких целых орудий, никакого цельного набора, жалкие обломки и пищевые отходы.

Прямой аналогии мустьерским комплексам эти остатки не представляли. Там как раз на каждой стоянке обнаруживался полный набор самых разнообразных орудий, а также обильные следы их производства на месте. Бинфорд увидел в этом важную смену психологии от неандертальцев к *Homo sapiens*, начиная с верхнего палеолита. Неандертальцы еще не освоили перспективного мышления, не готовились к тому, что их ожидало на следующей стоянке. Все орудия они бросали сразу же по использовании, а на следующей стоянке изготавливали их заново. *Homo sapiens* же, обладая перспективным мышлением современного человека, все изготовленные орудия несли с собой на новое место, и оставляли мало следов для археолога. Нунамиуты, конечно, принадлежат к современным людям.

Таким образом, Бинфорд всё-таки извлек из путешествий к нунамиутам некоторые точки опоры для понимания своих мустьерцев. Это тоже было некоторым

отходом от принципов процессуальной археологии. Но решительный шаг в этом направлении сделал не он.

Рис. 38.2. Майкл Шиффер из Аризонского университета (Malina 1981: 302).

7. Поведенческая археология Майкла Шиффера. В 70-е годы Майкл Шиффер (рис. 38.2) из Аризонского университета, ученик Бинфорда, концептуально поднял эту проблему до ранга наиболее важной, передвинул ее в центр археологической теории. Его *поведенческая археология* предназначена изучать всякое поведение людей — как они живут, действуют, создают культуру и, самое важное, как они, соответственно снашиванию и выбрасыванию элементов культуры из жизненной циркуляции, направляют их в отходы или в состояние упокоения. Это значит — как они накапливают культурный слой, создают могилы и погребения, и т. д. Шиффер вводит именно законы второго ряда в ядро теории археологии.

По моему мнению, эти изменения указывают поворотный пункт в истории Новой Археологии. Может быть, будет более точно сказать, ее конец, потому что с этого времени в США лидировала не Новая Археология (как она реализовалась), не процессуальная археология (как она именовала себя). Ядро концепции сдвинулось с культурного процесса на поведение людей и артефактов, приводящее к формированию археологического источника. Это определило формы, в которых культурный процесс был связан с социальными и природными изменениями, будучи фиксирован в остатках и следах, чтобы предстать перед археологом.

Майкл Брайан ШИФФЕР (Michael Brian Schiffer, род. 1947) на 12 лет младше Бинфорда, учился у него и его ученика Джеймса Хилла в Чикаго, затем, как раз когда Бинфорд перевелся в университет штата Нью-Мексико, Шиффер оказался рядом — в штате Аризона. Из числа горных штатов Юго-Запада США, с одной из наиболее сохранившихся индейских общин, Аризона славилась университетом, в котором особенно интенсивно развивались исследования по культуре индейцев, в частности и археологические. Молодой Шиффер принял участие в большой экспедиции под руководством «обращенного» в Новую Археологию старика Пола Мартина.

Вероятно, на Шиффера как-то повлияло изменение настроений в окружении Бинфорда, разделение исследований на «два контекста», интерес к этноархеологическим проблемам. Так или иначе, он первым сформулировал концепцию, переводящую законы второго ряда в центр теории археологии — одновременно с «утратой невинности» Дэвида Кларка. И наиболее четко.

В 1972 г. в местном журнале «Кива» он опубликовал статью «Культурные законы и реконструкция прошлых образов жизни», где высказался о законах особого рода — законах формирования источника, об их значении для реконструкции прошлого. В том же году в главном археологическом журнале США «Американ Антиквити» появилась его статья «Археологический контекст и системный контекст». Идею Бинфорда о «двух контекстах» он первым обратил в средство отхода от процессуальной археологии. Он рассуждал так: когда артефакты еще функционировали (производились, использовались, сохранялись), они включались в *систему поведения* людей. Тогда они существовали в *системном контексте*. Они составляли часть системы

поведения. После того, как они были выброшены или навечно упокоены в отложении (в культурном слое или в могиле), они оказались в *археологическом контексте*. На пути из первого контекста во второй они прошли через серию трансформаций. Это и есть формирование археологического источника.

Процессы этих трансформаций Шиффер называет процессами С — А (система — археология). Большей частью это процессы депозиции. Когда археолог раскапывает местонахождение, это процессы А — С. Еще во время эксплуатации памятники могут получить вторую жизнь, новую функцию — это процессы С — С. Наконец, во время депозиции они могут быть разрушены (при распахивании, строительной деятельности и т. п.) — это процессы А — А.

В этой статье Шиффер рисует путь материалов из жизненного контекста (который он называет системным) в археологический контекст: обзаведение заготовкой — изготовление — употребление — выбрасывание — упокоение в отбросах. Одна схема для материалов длительного пользования, другая — для материалов разового употребления.

В 1973 г. к этим статьям добавилась статья «Культурные формирующие процессы археологического источника: применение на Джойнт Сайт, юго-восточная Аризона» (статья не напечатана, хранится в архиве микрофильмов Аризонского университета). В 1975 г. дальнейшее продвижение указала статья «Археология как поведенческая (бихевиорная) наука» в журнале «Американ Антрополоджист» и там же совместная статья с Джефферсоном Ридом и Уильямом Раджем «Бихевиорная археология: четыре стратегии». А в 1976 г. вышла книга Шиффера «Поведенческая археология» («Behavioral archaeology»), сразу ставшая широко известной. В ней он продолжил и развил свои положения о двух контекстах археологического исследования и движении материалов из одного контекста в другой (рис. 38.3) и воздвиг из всего этого целостное здание археологии, отличающееся от процессуальной археологии Бинфорда.

Шиффер считает главной задачей археологической реконструкции найти устойчивые соответствия между, с одной стороны, явлениями прошлого (элементами прошлой культуры, а также видами событий истории, одним словом, между поведением древних людей) и, с другой стороны, их отражениями в материальной культуре, а еще точнее — в археологических источниках. Эти соответствия он называет, по примеру Джеймса Хилла (в работе 1970 г. «Броукен К пуэбло»), «*коррелятами*». Если корреляты устойчивы, то противоположные концы каждого коррелята связаны некими закономерностями. Это и есть законы формирования археологического источника — наши законы второго ряда. Облик и функционирование этих законов определяются преобразованием информации на пути от прошлого к современности, от системного контекста к археологическому, ее постепенным разрушением и рядом утрат.

В исключительных случаях, когда стихийная катастрофа настигала населенный пункт, он мог сохраниться почти полностью — как Помпеи, накрытые при извержении Везувия в один день 79 г. н. э. слоем пепла, который был сцементирован ливнем. Не раз археологи острили, что несчастье для людей оказывается благом для археологов. В этих исключительных случаях археологу остается только описать и обобщить раскопанные материалы. Помпеи — это то состояние, в котором памятник должен был бы представать перед археологом. Но он — как правило — не предстает таким.

Шиффер приходит к заключению, что «археологические остатки — это испорченное отражение культурной системы прошлого». Иначе говоря, «структура археоло-

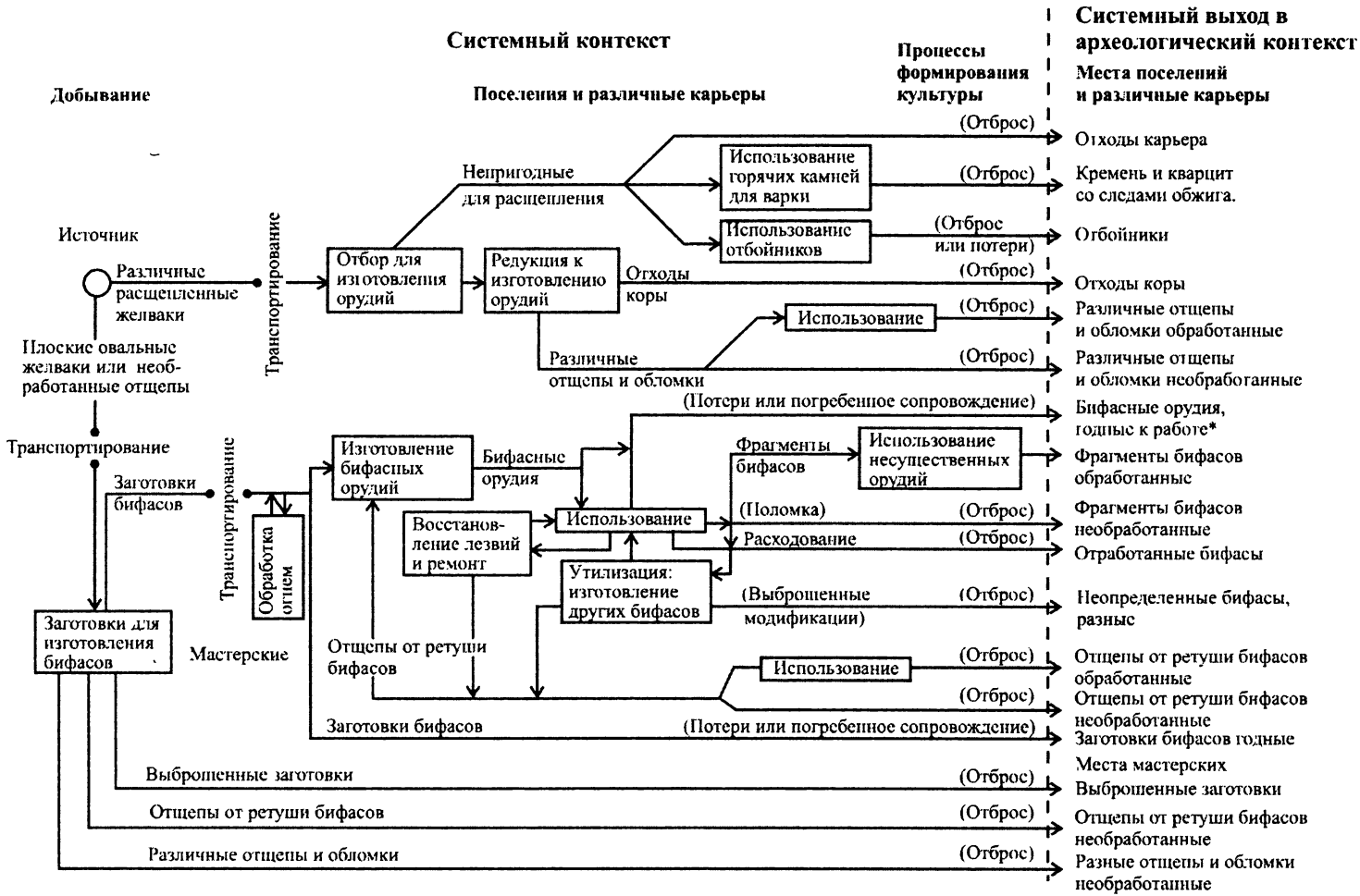

Рис. 38.3. Движение материалов и поток информации из одного контекста в другой, по Шиффери 1976 (Клейн 2004: 336, рис. 17).

Рис. 38.4. Схема работы над информацией из археологических источников от наблюдений до выводов — с учетом воздействия трансформов (преобразователей) и через установление коррелятов, по Шифферу 1976 (Клейн 2004: 358, рис. 19).

гических остатков — это испорченное отражение структуры материальных объектов в культурной системе прошлого» (Schiffer 1976: 12, 42). Оно испорчено, потому что во время депозиции различные факторы воздействуют на него. Эти факторы Шиффер называет *трансформами* (или преобразователями), потому что они трансформируют, обусловливают превращения. Они делятся на две группы: а) культурные факторы, как то: отбор при выбросе, намеренное упокоение, вторичные раскопки и т. п. — они называются *трансформами К* (в английском C-transforms — от «culture» 'культура'), и 2) естественные, природные факторы, как разложение, ржавение, сгнивание, распад, рассеяние — эти называются у Шиффера трансформами П (в английском N-transfotrms — от «nature» 'природа'). Учитывая археологические трансформы обоего рода, исследователь приходит к коррелятам, а с их помощью получает вывод о реконструкции (рис. 38.4).

Почему Шиффер назвал свою книгу «Поведенческая археология» («Behavioral archaeology»)? Мы знаем *бихевиорную психологию* (behavioral psychology) и в разных смежных науках *бихевиористское* течение. Это направление было подготовлено исследованиями Эдварда Торндайка на животных, а провозглашено Дж. Уотсоном перед Первой мировой войной и разрабатывалось в межвоенное время. Оно следует принципу: не пытаться понять сознание людей или уловить их мышление, это обманчиво и безнадежно; достоверному изучению доступно только их поведение, которое можно увидеть, услышать и ощутить. Шиффер не имел в виду прямо провести бихевиористский принцип, но что-то от бихевиористского настроения всё же в его позиции есть. Эрл и Прусель объясняют название так: Шиффер переводит вни-

мание на материальные остатки доисторического *поведения* (Earle and Preucel 1987). То есть он рассматривает артефакты как имеющие определенные позиции в системе поведения людей прошлого. Он хочет познать эти позиции и с ними древнюю систему *поведения* (артефактов и людей). Подобно Бинфорду (и бихевиористам), он не претендует на познание других сторон культурной жизни. Не в этом отличие «бихевиорной археологии» от учения Бинфорда.

Если в «Бихевиорной археологии» Шиффер иллюстрировал трансформирующие процессы примерами из своих раскопок, то в книге 1987 г. «Археологический источник и процессы формирования» Шиффер разработал и конкретизировал всякие виды трансформирующих процессов. В книге описаны и сопровождены фотоснимками всевозможные казусы разрушения артефактов в земле и на земле, древних и современных, их реутилизация после выбрасывания и т. д.

Шиффер — очень активный и энергичный человек, истинный преемник Бинфорда. Он основал долговременную серию ежегодников — «Успехи в археологических методах и теориях» (1978–1986), где увидели свет объемные обзоры по важным проблемам источниковедческого анализа. Триггер проследил деление этих книг по темам. Оказалось: 39% об открытии фактов и хронологии, 47% по экологии, демографии и экономике, 8% по социальным проблемам и только 6% по идеологии, религии и древним знаниям.

Не успела иссякнуть серия «Успехов» началась другая серия — сборники «Археологический метод и теория».

Шиффер как бы распространяет вокруг себя некий фермент. Очень много статей о бихевиорной археологии и формировании археологических источников написано Шиффером в соавторстве с другими археологами — Джоном Хаусом, Уильямом Раджем, марксистом Рэнделом МакГуайром и др. Есть и работы о формировании источников, вышедшие, видимо, не из круга Шифера, но одновременные с его работами, например, книга М. Шэкли (M. Shackley) «Археологические отложения» (1975 г.). Это было общее веяние семидесятых.

Слабая сторона здания, построенного Шиффером, — это что мир идей выпал из археологического исследования, в то время как идеи людей также участвуют в формировании археологических источников.

На этой стадии прежняя Новая Археология стала сознавать, что археологические источники не то же самое, что культура прошлого (наименование «археологическая культура» в этом смысле некорректное, обманчивое). Но все эти исследователи (среди них и «бихевиорные археологи») верят, что археологические источники содержат всю информацию, необходимую для полной реконструкции исчезнувшего общества, что это можно делать, не прибегая к другим источникам информации.

Шиффер же с 90-х годов занялся историей электричества, электроники и радио, но всё же в 2000 г. под его редакцией вышел сборник «Социальная теория в археологии» (Schiffer 2000).

8. Мусорная археология Уильяма Раджа. Майкл Шиффер определил археологию по-новому: «Археология переопределяется как изучение человеческого поведения и материальной культуры независимо от времени» (Schiffer 1976: IX). То есть, по Шифферу, в археологию входят не только преисторические, античные и средневековые памятники, но и «промышленная археология» и этноархеология, в частности ее разновидность — срочная археология.

Рис. 38.5. Уильям Радж на обложке своей книги полускрытый горой выброшенных продуктов из отходов тусонской семьи (Malina 1981: 468).

Еще одна отрасль близка к срочной археологии, по существу, почти идентична ей. Эта похожая отрасль — *мусорная археология* (garbage archaeology). В Аризонском университете преподавал Эмил Хори. Он говаривал: «Если хочешь лучше знать некое общество, взгляни на его отходы». Он подразумевал преисторические общества. Но его обиходный совет возымел неожиданные следствия. Аризонские археологи избрали современные отходы своим предметом исследования. У них был образец — социолог Уэбермен, секретно изучавший мусор поп-звезд, как Боб Дилан, и установивший, что их поведение отличается от их представлений о себе. Боб Дилан сказал, что никогда не читает, что о нем пишут, это ему безразлично, но его мусор содержал много поп-журналов.

Мусорный проект, начатый в 1972 г. и опубликованный в 1974 г., осуществлялся под руководством Уильяма Л. Раджа (William L. Rathje, род. 1945), который, будучи почти ровесником Шиффера (Радж старше на два года), оказался вместе с ним преподавателем Аризонского университета в Тусоне (Tucson). Перед тем он учился в Гарварде, а до мусорного проекта изучал майя. Он сказал: «Все археологи изучают мусор, отходы. Проект Мусор лишь немного более свежий, чем у большинства (археологов)». Более 600 домов были взяты под наблюдение. Сначала жители были опрошены, как они живут. Потом их мусор регулярно собирали, регистрировали и классифицировали. Результаты оказались тоже неожиданные. Только 15% жителей признали, что пьют пиво, и никто не указал число более 8 банок в неделю. Мусор, однако, показал, что более 80% потребляют пиво и 54% используют более 8 банок в неделю. Публикация Раджа (рис. 38.5) дает нам много информации о человеческом поведении. Он показывает, например, что когда цены на мясо растут, больше мяса выбрасывается, а когда цены падают, мясо используют более экономно. Объяснение нужно еще найти.

В 1981 г. в сборнике под редакцией Ричарда Гулда и Майкла Шиффера «Современная материальная культура: археология нас самих» вышла статья Майкла Шиффера в соавторстве с Теодором Даунингом и Майклом МакКарти «Не выбрасывать излишки, не нуждаться: этноархеологическое изучение повторного использования в Тусоне».

Шиффер, Радж — это всё одна компания и одна кампания.

9. Археологические источники у Л. С. Клейна. Собственно, идея методологического осмысления археологических источников с точки зрения зависимости их познавательных возможностей от их формирования не нова. Это ведь то, чем уже с конца 1930-х, а особенно с 1950-х годов занимались немецкие археологи Эггерс, позже Гахман (см. главу 33), а следом за ними датские археологи (Кристенсен), — вопрос о внутренней критике археологических источников. В отличие от Шиффера, немцы говорили о том, что информация на пути от прошлых культур и событий к современному исследователю через археологические источники не только уменьшается ввиду утрат, но и многократно искажается. Искажены, например, пропорции керамики и металлических орудий в хозяйстве: керамика ломалась и, битая, накапливалась в отложениях, а металл шел в переплавку. Но американцы совершенно не читали немецких археологов

В Советской России начала 1970-х я также работал над вопросом о формировании археологических источников, развивая разработки Эггерса, и над проблемой исследовательской процедуры («план археологического исследования» у англоязычных археологов). Что толкнуло меня к этим вопросам? Советские археологи жили под постоянным прессом идеологии. Прибегание к строгим методам было для нас выходом — помогало избегать навязанных догм. Ведь мы не могли принять того, что строгие методы не позволяли принять, не правда ли? Мы бы, мол, и рады, но вот методы не позволяют! А я всегда был свободомыслящим.

Марксистские догмы для археологии были: археологический источник содержит историческую информацию, которую нужно лишь открыть в нем, и она отражает прошлую реальность, которая должна соответствовать марксистским законам истории. Я не мог сказать ничего об этой доктрине открыто, это было запретно. Но можно было по отдельности отрицать небольшую часть этой доктрины, и другую часть, и третью — и каждую, или, по крайней мере, сомневаться в ней. Это я и делал.

Какую информацию содержит археологический материал и как она отложена в нем? Есть ли в нем историческая информация? Просто ли ее открыть? Информация — двусторонний процесс. Что мы распознаем, зависит не только от того, что содержится в источнике, но и от нашей подготовленности к распознанию. Когда там что-то на чужом языке, нам не известном, мы ничего не сможем распознать и содержимое информации равно нулю. Я выступил с идеей, что не только археологический источник, но и исторический источник *не содержит никакой исторической информации.* Он содержит только отпечатки и следы в материале, отпечатки и следы, которые, будучи соединены с нашими знаниями могут *произвести* некоторую информацию!

Какую информацию? Поначалу тоже не историческую, а просто информацию о прошлом. Цезарь перешел Рубикон. Собственно, здесь только сказано, что человек переправился через реку. Нужно знать, кем был Цезарь и что означал Рубикон для Рима, чтобы заключить, каким историческим деянием это было — что это было практически объявлением войны. Таким образом, только когда информация о прошлом переосмыслена историком, она превращается в историческую информацию. Так что археологические источники — это не только нечто иное, чем письменные источники, но и те и другие — не исторические источники, а, так сказать, *предисточники.*

Ленинская теория отражения, особенно в трактовке марксистских идеологов 30-х годов, учила, что действительность отражается прямо и зеркально в идеях общества. Нам внушали, что, разумеется, буржуазная идеология ее искажает ради удержания

власти, но пролетарская идеология дает полное и адекватное отражение. В учебниках 50-х — 60-х годов можно найти приложение этой теории к историческим наукам. Я построил другую картину отражения действительности в исторических и археологических источниках и излагал ее в своих лекциях по введению в археологию — они читались всем первокурсникам факультета в конце 60-х — первой половине 70-х годов.

Случай позволил мне изложить в книге мое видение проблемы. Вообще-то меня не включали в издательские планы факультета. Но с тогдашними политическими кампаниями то один, то другой исторический сюжет становились запретными. Случилось так, что в 1977 г. чья-то вполне выдержанная политически книга вдруг оказалась непригодной и вылетела из плана. По факультету бросили клич: у кого есть готовая к печати рукопись, чтобы заткнуть образовавшуюся дыру. Рукописи ни у кого не было, у меня тоже. Но в издательстве работали мои бывшие сокурсники. До конкретной редакционной работы над рукописью оставалось чуть больше полугода. С согласия моих сокурсников я положил в издательство «рыбу» — наспех собранные листочки разных машинописных текстов, перенумеровал их, накрыл страницей с заглавием книги — «Археологические источники», — и эту машинопись в издательстве приняли. А я тем временем полгода превращал свои лекции в текст книги и вовремя подменил им «рыбу» в издательстве. Рукопись сходу пошла в работу.

Вот так в 1978 г. появилась моя первая книжка — «Археологические источники» (на два года позже, чем первая книга Шиффера, но я получил книги Шиффера только в 1979). В этой книге — с моими собственными рисунками — я проследил многостепенный и многотрудный путь археологической информации от прошлой исторической жизни вплоть до публикации археологического исследования. На таблице были наглядно показаны различные преобразования, которые информация претерпевает на этом пути — преобразований было так много, что рисованная таблица заняла три страницы книги. Я сформулировал также принципы эшелонированного (по этапам) исследования и отстаивал формирование археологии как источниковедческой дисциплины. 6 500 экземпляров были проданы в несколько недель (в Питере за несколько дней). Рецензии и отклики выходили и 20 лет спустя. Через четверть века в Петербурге вышло второе, расширенное издание в серии «Классика археологии». По-видимому, книга оказала некоторое воздействие на российскую археологию.

В 1975 г. в тезисах «К разработке процедуры археологического исследования» я выделил 14 шлюзов и фильтров на пути информации от прошлой действительности к археологу и построил на этом концепцию глубины и сложной структуры археологического факта, из чего вывел и многоступенчатость процедуры археологического исследования. В 1978 г. это было изложено в статье «Три процедуры археологического исследования», а подробно развито в работах 1999–2004 гг. («О глубине археологического факта», «Введение в теоретическую археологию» и др.).

С начала 1970-х годов меня заинтересовала и предшествующая часть потока культурной информации — та, что относится уже не к формированию источника, а к самому культурно-историческому процессу. В 1972 и 1981 гг. (повторно в 1997) я сделал попытку раскрыть традиционную загадку археологии — загадку смены культур. Я использовал теорию коммуникации. Рядом исследователей культура представлена как информационная система. Если так, то культурно-исторический процесс может быть представлен как передача информации от одного поколения другому, от другого следующему и так далее, это значит, она может рассматриваться как система коммуникации, но растянутая во времени. Как и всякая система коммуникации, эта

система должна обладать всеми качествами такой системы и подчиняться тем же правилам, что и другие коммуникационные системы, системы связи.

Тогда еще не было разработано набора критериев, по которым деятельность коммуникационной системы (радио, телефона) можно было проверять (или я не нашел такой разработки в литературе). Пришлось разработать самому. Я исходил из того соображения, что должны же существовать некие условия, которые необходимы для нормального функционирования системы связи. Каждая система связи имеет каналы передачи, каждая должны повторять сообщения не раз («Алло! алло!») и т. д. Когда эти факторы в хорошем состоянии (достаточны по объему, протяженности, в достаточно полном наборе и т. д.), система функционирует нормально. Когда они повреждены или вовсе отсутствуют, есть обрывы в функционировании или система полностью отказывает.

Остается только установить, какие социокультурные явления соответствуют этим коммуникационным факторам, чтобы транспонировать эти правила на исследования культуры и выразить это в числах и формулах. Например, что здесь каналы передачи? Я полагаю, семья, школа, двор, фабрика или завод, магазин. Где, например, дети остаются дольше в семье, традиционная информация передается лучше следующему поколению, и общество формируется более традиционным. Где они покидают семью рано, чтобы жить самостоятельно, там общество более мобильно.

Эти мои соображения опубликованы только тезисно и только по-русски, они были почти не замечены российскими археологами и остались совершенно не известны западному читателю. Практически не известна там и моя книга «Археологические источники». Эта книга переведена только на словенский, так что этот перевод доступен только очень малому числу читателей. Жаль.

10. Бинфорд: Теория Среднего Уровня. Еще публикуя свои этноархеологические исследования о нунамиутах, Бинфорд неизбежно должен был не только организовывать их для доказательства своей идеи «структурных поз», но и продумывать методологические проблемы, навеваемые этим ходом исследований. Он всё больше начинал задумываться о пропасти между «двумя контекстами» и о «мостообразующей аргументации».

Некоторые признаки этого видны уже в его книге «Этноархеология нунамиутов». Книга эта вышла в 1978 г., но, видимо, в основном была написана раньше — публикация ее сильно задержалась из-за трудоемкости обработки материалов экспедиций 1969–72 гг. Даря мне книгу, Бинфорд надписал ее: «Это моя самая амбициозная попытка развить методологию».

Что же в ней есть методологического, кроме самой идеи этноархеологии? Бинфорд начинает с того, что археологи исследуют археологический источник, но он — современный объект, «и любое наблюдение, которое я как археолог делаю с помощью раскопок на археологическом местонахождении, является современным наблюдением... Я должен аккуратно спроецировать мои современные наблюдения на прошлое...» (Binford 1978: 1). Чтобы это сделать, нужно установить «условия, которые производят археологические факты» (Ibid.: 2). История археологии характеризовалась сменой взглядов на эти условия. Значительную часть своего введения Бинфорд посвящает изложению того, как старые представления о том, что археологические факты характеризуют качества и действия мастера-изготовителя, сменились пониманием того, что мастер действовал по нормам культуры. Далее, появилось представление, что культура эта изменялась под воздействием природных

условий, к которым она должна была адаптироваться. А затем эти традиционные взгляды стали уступать место новым представлениям, что культура системна, что на процесс ее эволюции воздействуют многие факторы и условия, и что системность ее позволяет их выявить многомерным анализом, в частности выявить и «структурные позы».

Но в конце этих рассуждений, не выходящих за пределы процессуальной археологии, у Бинфорда проскальзывают необычные для Новой Археологии мысли. Он пишет, что надеется «открыть некоторые из связей между действовавшими живыми системами и статическими археологическими продуктами, произведенными динамикой ситуации» (Ibid.: 6). Далее он вопрошает, «является ли формирование археологических остатков как побочного продукта адаптивного поведения процессом, оперирующим и в современном мире». Он отвечает утвердительно на этот вопрос (Ibid.: 12). При этом отмечает, что «мы можем прямо испытать характер связей между археологическим побочным продуктом и поведением» (Ibid.: 11). Необычность этих мыслей в том, что Бинфорд прибегает к этнографии, что он пользуется эмпирическим методом, что занимается формированием источников. Но всё еще весь пафос обращен на утверждение адекватности «двух контекстов». Расстояние между ними мыслится коротким, а формирование источников зависит только от поведения людей прошлого — как они выводили вещи из обихода.

В 1977 г., всего через год после выхода «Поведенческой археологии» Шиффера Бинфорд выпустил под своей редакцией сборник «Для построения теории в археологии» (можно перевести и «За построение...). Подзаголовок определяет конкретное содержание тома: «Очерки о фаунистических остатках, ресурсах акваторий, пространственном анализе и системном моделировании». Книга эта, вышедшая на год раньше «Этноархеологии нунамиутов», видимо, была написана позже: в ней есть новации, отсутствовавшие там. В теоретическом введении к тому Бинфорд разделывается не столько с противниками Новой Археологии, сколько с не угодившими ему «новыми археологами», в том или ином вопросе не оправдавшими его ожиданий.

> «В отсутствие прогресса относительно применимой теории нет новой археологии, только в лучшем случае антитрадиционная археология. С нетерпением я ожидаю "новую археологию", но то, что пока что представлено под этим термином, это анархизм неопределенности, оптимизм и продукты крайне различного качества. ... Если же дискуссионная среда 1960-х стимулирует только дальнейшие споры, тогда окажется, что "новая археология" была ошибкой, приведшей всего лишь к общественному возбуждению на сравнительно темном поле» (Binford 1977: 9).

Бинфорд вдруг почему-то решил (или осознал), что Новая Археология не заменила традиционные теории новыми. Это нетерпимое положение он решил исправить и предложил развивать теории не на одном, а «по меньшей мере» на двух уровнях. Первый — это *общая теория археологии*. Она трактует процессы изменения культурных систем, их функционирования и развития (эволюции). Это то, что американцы именуют культурным процессом и чем, собственно, Новая Археология и занималась всё это время. В этой работе Бинфорд говорит об Общей теории как-то мельком. Всё внимание он уделяет «идеям и теориям (теория среднего ряда), относящимся к формирующим процессам археологического источника» (ibid.: 7).

Теперь можно видеть, как Бинфорд тоже переместил второй ряд законов в центр своих исследований, не только на практике (создавая этноархеологию), но и в теории. Он помещает теорию, построенную вокруг этих законов, уровнем ниже теории культурного процесса (т. е. общей теории археологии), но уровнем выше теорий, вы-

двигаемых относительно частных проблем археологии (о них он здесь вообще ничего не говорит). Поэтому он назвал ее *Теорией Среднего Ряда* (*Middle Range Theory*). В русской терминологии это Теория Среднего Уровня. Он строит свою концепцию Теории Среднего Уровня на утверждении, что события прошлого недоступны для нас; они не наблюдаемы, и заключения из них не могут быть прямо подтверждены нынешними археологическими фактами. Эти современные факты нужно связать с событиями прошлого. Общие теории антропологии не имеют дело с этими фактами, они объясняют общий ход культурного процесса. Нужно иметь особую теорию, теорию среднего уровня, которая будет выполнять эту задачу — связывать статические факты современности с динамикой событий прошлого.

Она исходит из принципа актуализма, который был давно установлен в геологии. Он утверждает, что в прошлом действовали те же самые законы, которые актуальны сейчас, и проходили те же в принципе процессы, что и сейчас протекают. Нужно только поискать, где их наблюдать, и подумать, как обобщить и выверить результаты, как из них извлечь заключения.

Эта теория важна только для археологии, не для антропологии. Таким образом, археология рассматривается здесь уже не только как антропология. Не как антропология, не как процессуальная... Где вы, добрые старые времена Новой Археологии?

Так у Бинфорда произошел тихий отход от процессуальной археологии. Теперь уже прямые соответствия археологического контекста живому контексту прошлого представляются ему невозможными. Расстояние между ними велико, и его надо перекрывать Теорий Среднего Уровня. На этой почве разгорелся его спор с Ричардом Гулдом, о котором здесь уже рассказывалось.

11. «Допущение о Помпеях». Но Бинфорд не принял концепцию Шиффера. В 1981 г. в статье «Поведенческая археология и «допущение о Помпеях»« он выступил с резкой критикой Шиффера. Он убежден, что Шиффер не вписывается в Новую археологию, потому что по натуре он индуктивист. Он ведь воспринимает ситуацию Помпей как идеальную для археолога и уповает на эмпирическое обобщение таких материалов, а обычную реальную картину считает искажением идеала. Приравнивая каждый археологический источник в идеале к Помпеям, Шиффер принимает его существование за момент, в который и произошла катастрофа. На деле это лишь один моментальный снимок в его истории. Он обвинил Майкла Шиффера в том, что тот в своей «поведенческой археологии») не учитывает этого — «хочет найти Помпеи» (Binford 1981: 197, 201). Нельзя сводить памятник к моменту его гибели. Часто это даже не наивысший пункт в его истории. Шифферовские искажающие «трансформы К» — это часто деятельность людей живших на этом месте во время функционирования памятника, из нее и состояло это функционирование. Обычный археологический источник не может содержать «искажения», потому что это означало бы искажать самого себя (Binford 1983: 235).

Те сведения, которые археолог получил обобщением материала — от одного момента существования памятника или от ряда моментов, это лишь начало его работы. Теперь ему предстоит строить теоретические выводы и реконструировать всю историю памятника, его динамику — не только функционирование, но и эволюцию. Как всегда, Бинфорд подчеркивал значение теории.

В книге «Работая в археологии», вышедшей в 1983 г., Бинфорд повторил свои обвинения Шиффера.

В своем ответе Шиффер отметил, что есть разные типы памятников. И вообще,

«на деле предпосылка о Помпеях состоит в том, что археолог может трактовать комплексы с днища жилищ любого памятника, как если бы они были Помпееподобными систематическими инвентарями... Игнорируя, не замечая или отбрасывая воздействие и эффекты культурных процессов формирования (источников), исследователи молчаливо подразумевают..., что их комплексы имеют Помпееподобный характер» (Schiffer 1985: 18, 20).

Надо признать, Бинфорд уловил слабые места в концепции Шиффера, но это слабости оформления концепции — ну, не истину искажают «трансформы», а первоначальную информацию; неудачным было и возведение Помпей в идеал. Но всё же именно Шиффер первым сформулировал, не без воздействия практики самого Бинфорда, законы формирования источников как центр археологической методологии.

В 1983 г. Бинфорд выпустил также книгу «В поисках прошлого. Декодирование археологических источников». Слово «источник» тут даже вынесено в название. Эта книга является изложением лекций Бинфорда, прочитанных при его поездке в Европу в 1980–81 гг. по приглашению Ренфру. Книга содержательная, увлекательно написана, однако новых идей не содержит. На обложке — Бинфорд, который всё еще молодо выглядит, но с седой бородкой. Ему за 50. С этих пор ничего привычно сенсационного из под пера Бинфорда не появится. В 2001 г., когда ему будет под 70, выйдет его книга «Создание опорной системы: аналитические методы для построения археологической теории с использованием этнографической и природной систем данных» — обобщение материалов по 390 этнографическим культурам охотников и собирателей с тенденцией к земледелию и скотоводству — тут предъявлены аргументы «Пост-плейстоценовой адаптации». Это солидный и интересный труд, но без принципиальных новаций.

12. Золотой Маршалтаун. Но самая жестокая критика концепции Шиффера и Раджа раздалась из неожиданного угла. В 1982 г. Кент Флэннери разразился еще одной статьей-диалогом в журнале «Американ Антрополоджист» — «Золотой Маршалтаун: притча для археологии 1980-х». Рикошетом эта критика ударила и по Люису Бинфорду и по всей Новой Археологии, так что это была и самокритика. Этой статьей Флэннери тоже дистанцировался от Новой Археологии.

Флэннери описывает свое возвращение просторным самолетом с ежегодной сессии Общества Американской Археологии из Сан Диего в Детройт, чтобы добраться домой в Ан Арбор, штат Мичиган. В самолете вместе с ним оказались двое участников сессии, и он даже не говорит, что это фигуры вымышленные — он только отказывается называть их имена. Это не нужно, тем более что каждый типичен и представляет большую группу людей.

Один окончил школу в конце 1960-х и преподает ныне в крупном университете Запада США. Он начал как традиционный археолог, изучая пуэбло на Юго-Западе, но у него вместо квадратов по 5 футов получалось не точнее, чем 4 фута 10 дюймов на 5 футов 3 дюйма. Его бывший учитель как-то сказал о нем: «Этот недотепа не смог бы прокопаться и из детской песочницы». Тут молодой человек открыл для себя Философию Науки и как бы родился заново. Теперь он публиковал не раскопки, а только программы раскопок и критиковал раскопки других. «Больше нет пыли, жары, 5-футовых квадратов. Теперь он работал в офисе, генерируя гипотезы и законы и модели, посылая бесконечный поток студентов проверять это раскопками, а сам больше не проводил никакой полевой работы». Его Флэннери называет Рожденным Заново Философом (РЗФ).

Другой знакомец окончил школу в 1978, и Флэннери называет его Дитя Семидесятых (ДС). Его отличительная черта — сплошная амбиция. «Он не имел ни приверженности моего поколения к истории культуры, ни преданности поколения 1960-х теории». Его цели были просты: прославиться и быть хорошо оплачиваемым. Студентом он прослушал курс у профессора Х. Профессор проработал огромную литературу, добавил свои оригинальные идеи и неопубликованные данные. Дитя Семидесятых старательно конспектировало. В тот же день, как только оно получило место в Университете Спрингборда (вымышлен, springboard — в переводе: 'трамплин'), оно сдало свои конспекты, чуть причесав их, в издательство Спрингборд Пресс в качестве учебника археологии. Издание вызвало шквал одобрительных рецензий, это единственный учебник по предмету, он нравится профессору Х. Дитя Семидесятых единогласно получило преподавательскую вакансию в университете, а профессор Х получил отставку, поскольку у него оказалось слишком мало публикаций.

Из этого учебника ДС сделал диссертацию, шесть статей, объединил их в антологию, опубликовал, затем пригласил шестерых коллег написать главы коллективного труда под своей редакцией. Некоторые были польщены, другие опечалены, но все приняли приглашение. Труд вышел с его трехстраничным предисловием и его именем на обложке. Теперь он выпускает по книге в год таким же манером. Он больше известен и лучше оплачивается, чем многие его соавторы, хотя работают как раз они.

Тут появился третий археолог — Old Timer (Человек Старого Времени, ЧСВ), в потрепанных джинсах, широкополой шляпе и пыльных сапогах. Ноги его были еще мускулисты, так что это явно был хороший полевой археолог. По этому поводу Флэннери не преминул пересказать шутку своего коллеги-этнолога, что поскольку у археологов крепкие зады и слабые головы, то когда археолог состарится, сдают сперва его ноги. А жена этнолога добавила, что когда состарится этнолог, не ноги сдают первыми.

ЧСВ сходу пожаловался, что кафедра вынудила его уйти преждевременно в отставку. Причиной отставки была свежая статья Уолфа в «Сэнди Таймс», где Уолф писал, что понятие культуры полностью устарело и современные ученые изучают не культуру, а поведение (behavior). Руководство вызвало старика на ковер и, выяснив, что он по-прежнему считает центром своих исследований культуры, велело ему подать в отставку. Правда, коллеги устроили ему пышные проводы, на которых поднесли выкраденную ранее его собственную первую классную лопату фирмы Маршалтаун, которую успели оправить в золото. «Этой лопатой я копал с Киддером в Пекосе...», — вспоминал старик, называя и другие известные имена.

Он справился о специализации РЗФ. Тот ответил:

«Метод и теория».

«А какой регион или период?»

РЗФ ответил, что никакого. Он работает на более высоком уровне абстракции. Он производит законы. ЧСВ возразил, что ответы на культурно-исторические вопросы не лежат на «более высоком уровне абстракции».

«Да, сказал РЗФ. — Только *важные* вопросы находятся на этом уровне».

Тут самолет должен был сделать посадку в Тусоне, и РЗФ попросил проводницу разрешить ему проверить содержимое мусорных бачков. Изумленной проводнице он объяснил: «Это не придирка. Это я ради друга, Билла Раджа, изучающего распределение мусора в городе Тусоне. Он ... сообразил, что Тусон — не закрытая система:

мусор прибывает и убывает на аэропланах, авто и багажом. Я обещал ему, что когда буду приземляться и улетать из Тусона, буду собирать отходы на борту».

Он добавил, что, по его мнению, величайшее наследие, которое мы можем оставить следующему поколению, это здание крепкой археологической теории. В ответ ЧСВ заявил, что нет такой вещи, как археологическая теория, а только антропологическая теория. У археологии есть только методология.

«Господи! Вы не в себе! — вскричал Философ. — За десять лет мы построили здание чисто археологических законов. Я и сам внес 10 или 20».

«Я бы хотел ознакомиться с некоторыми» — вмешался автор.

«Номер Первый, — начал Философ. — Преисторические люди не оставляют после себя на местонахождении примеры всего, что они делают. Номер два: Некоторые вещи, оставленные ими, разложились и не могут быть найдены археологами».

Автор заметил, что это знал уже Шлиман. РЗФ возразил:

«Если Шлиман и знал, то не сформулировал это *эксплицитно*. А я это сделал *эксплицитно*».

«Сынок, — сказал ЧСВ, — мы все будем лучше спать от этого».

РЗФ продолжал: «Номер три: Объекты, оставленные на наклонном археологическом памятнике, смываются вниз. Номер четыре: Более легкие объекты смываются быстрее, чем тяжелые».

Читатель уже догадывается, что РЗФ имеет очень много общего с Майклом Шиффером. Впрочем, ДС тоже, хотя, может быть, это Радж.

ЧСВ заметил, что это не археологические законы, и вообще не законы человеческого поведения. Это геологические законы или даже просто физические. Закон всемирного тяготения тоже можно было бы сюда причислить, если бы Галилей уронил с Пизанской башни археологическую находку. И старик спросил молодых людей, смотрели ли они в понедельник футбол. Там на поле 22 игрока и двое судей на боковых линиях, а в телевизионной будке трое репортеров. Двое из них были прежде игроками, а один в жизни не сыграл даже запасным. И кто же, вы думаете, громче всех критиковал игроков?

«Тот, кто не сыграл ни одной игры», — сразу же подсказал автор.

«Хорошо сказано, сынок» — подхватил ЧСВ. — «Будка прессы высоко, отдельно от всех. Олимпийцы, высоколобые. Но за ними только слова. Бог мой, только слова».

И он продолжил аналогию. В США ныне около 4 тысяч практикующих археологов. Большей частью это игроки. Но вот завелась новая порода археологов. Сидит такой археолог в будке высоко над полем и цитирует Гемпеля и Куна и Карла Поппера. «О чем я беспокоюсь, сынок, это что с каждым годом будет всё меньше людей внизу на поле и всё больше в будке».

«Но вы же не станете отрицать значение теории в археологии, — сказало Дитя Семидесятых. — Я уверен, что вы использовали в своей работе то, что Бинфорд называет Теорией Среднего Ряда».

«Конечно, — согласился ЧСВ. — ... Проблема возникает, когда парни в будке начинают думать об археологической теории как об особой субдисциплине — наивысшем и более престижном призвании, чем добывание данных в преистории, которую они рассматривают как форму ручного труда. И хуже того, некоторые из них начинают думать о себе как о философах науки».

«Я нахожу это увлекательным», — сказало Дитя Семидесятых.

«Сынок, — ответил ЧСВ, — это было бы увлекательным, если бы все они были в этом хороши. К сожалению, большей частью это единственное, в чем они даже хуже,

чем в полевой археологии». И он добавил, что предпочитает быть второразрядным археологом, чем третьеразрядным философом.

Дитя Семидесятых тотчас предложило старику написать обо всем этом главу для его, Дитяти, новой книжки. А само побежало помогать Философу подсчитывать отходы в мусорном бачке, потому что, сказало оно, «иначе я не смогу быть соавтором статьи об этом». Выявить прототип ДС сложнее, чем распознать РЗФ (нужно поглядеть списки авторов учебников и антологий), но не так важно. А, кроме того, вполне возможно, что это просто другой аспект образа Шиффера (он ведь известен своими сборниками «Успехов», в которых он только писал предисловия и ставил свое имя на обложке).

Когда автор заметил, что таких скороспелок много, старик опечаленно сказал: «... мы сами в этом виноваты. Мы все, на кафедрах. Мы берем юнца со студенческой скамьи, поручаем ему вести вводные курсы и наставляем: публикуй или погибнешь. Что ему остается делать, как не печатать что-то полусырое или нападать в печати на кого-то уже показавшего себя в археологии...».

О роющихся в мусоре молодых коллегах автор сказал, что может быть, они и откроют что-то полезное. Но старик в ответ на это сослался на пример раскопок в пещере индейцев арикара 16-го века. Если вам надо интерпретировать содержимое, что вы предпочтете: французский письменный источник 16 века о племени арикара или описание мусора 1981 года в Тусоне? Ясно что. А эти щенки предпочитают современный мусор Тусона. А почему?

Автор высказал догадку: «Потому что вы верите в *культуру*, а эти щенки в *поведение*». ЧСВ подтвердил, что он верит в культуру арикара.

В продолжении дискуссии РЗФ заявил: «Мне кажется невероятным, что вы, ребята, не поняли одного — что вот уже более десятилетия, как новая парадигма — это Логический Позитивизм. Трудно представить себе, как вы будете делать проблемно-ориентированную археологию без нее». Он имел в виду узко целенаправленные экспедиции. Автор спросил: А вам не жалко тех археологов, которых вы лишите данных, разрушая всё, что не требуется вашей целенаправленной экспедиции?

«Ну, я не разрушаю, — ответил РЗФ, — потому что вообще не копаю сейчас. Я вижу мою роль в том, что поставляю гипотезы, которые направляют исследовательские усилия других... Не смогу сказать это лучше, чем Шиффер в томе Дика Гулда об этноархеологии. Перескажу его: Я чувствую свободу следовать изучению законов, куда бы оно ни повело. Я не чувствую нужды вскапывать почву периодически, чтобы переутвердить мой статус как археолога».

«Сынок, — сказал ЧСВ, — я думаю, только что 10 тысяч археологических памятников издали вздох облегчения».

Устав от этой беседы, автор заснул. И приснился ему кошмар. Будто он уволен досрочно из родного Мичиганского университета и не может найти никакой другой работы, кроме как участвовать в мусорном проекте Билла Раджа. И из мусорного бачка высыпается огромное количество его собственных оттисков, которые он раздарил многим археологам. Тут он проснулся, потому что самолет приземлился в Детройте, и автор хотел попрощаться с ЧСВ и спросил стюардессу, куда тот подевался. Такой старый. «Никого подобного в самолете не было, — ответила удивленная стюардесса. — Единственный старый человек в самолете были вы». Но в своем пакете с вещами он нашел золотой Маршалтаун с дарственной запиской от ЧСВ.

Несомненно, этим он подчеркивает идейную преемственность — толстый намек

на то, что его собственная позиция близка к позиции ЧСВ. Это автор — единственный старый человек в самолете!

Я не могу знать, насколько близки к реальности карикатурные черты Рожденного Заново Философа, если это Майкл Шиффер, но вклад Шиффера в науку отрицать не стоит. Это был очень решительный поворот в истории Новой Археологии. Вместе с Эггерсом Шиффер заложил основы внутренней критики археологических источников, потому что она основывается на закономерностях их формирования.

Филиппики Флэннери против крайностей теоретизации археологического знания должны быть ограничены именно крайностями. Да, есть такие молодые теоретики, которые не хотят знать ничего о раскопках и предпочитают цитировать модных философов, и я тоже спорил с одним из таких (расскажу об этом дальше). Да, выведены столь мелкие и банальные законы (Флэннери называет их законами Микки Мауса), что Роберт Уоллон как-то сказал Флэннери: «Если это Новая Археология, то покажи мне путь назад в Ренессанс!» (Flannery 1973: 51). Но отвергать формирование отрасли теоретической археологии вряд ли стоит. Во всех науках наблюдается тенденция диверсификации и специализации, археология не исключение.

13. Некоторые уроки. Из этого отрезка истории археологии можно извлечь разные уроки, но мне бы сейчас хотелось остановиться на нескольких.

Во-первых, взглянем на поведение наиболее крупного лидера в этих эпизодах. Бинфорд, который заложил основы всего развития в этом направлении, оказывается в этих событиях не лидирующим, а отстающим. Он включился в этноархеологию мощно, но не первым, а в разработку законов формирования источника только последовал за Дэниелсом, Кларком и Шиффером. Я уже говорил, что каждое открытие кроме новых идей, новых методов и новых горизонтов неизбежно создает также новые схемы с тенденцией быстрого окостенения, новые рамки, новые пелены. И первыми попадают в эти пелены сами открыватели. Возникает новый догматизм. Эту опасность нельзя забывать. Не всем суждено стать бинфордами, но открытия, пусть небольшие, ждут почти каждого археолога. Бинфордом стать трудно, а вот догматиком, застрявшим на открытых рубежах, — легко.

Во-вторых, присмотримся к Майклу Шифферу. Он действительно оказался очень сметливым и проворным, быстро извлек пользу из трудов своего учителя Бинфорда, опередив его в некоторых теоретических выводах. Он оказался хорошим организатором и основал две серии чрезвычайно полезных сборников с обзорами по важнейшим методологическим проблемам археологии. Флэннери, используя свой литературный дар, ехидничает по обоим поводам. Он явно намекает на то, что Шиффер и своим теоретизированием и своей организационно-редакторской деятельностью паразитирует на трудовых археологах. Между тем, в археологии очень нужны и систематизаторы, и теоретики, и организаторы науки, а для этого нужны разные дарования и разные склонности. Ведь если все возьмутся за свои Маршалтауны и отправятся на свои пуэбло, ревниво следя за тем, чтобы никто не забрался в будку над полем, то археология действительно вернется в Ренессанс.

Вопросы для продумывания

1. Рубеж 1960-х и 70-х годов оказывается критическим для Новой Археологии — именно к этому времени относятся (и очень точно совпадают по времени) переход Бинфорда к этноархеологии (да и вообще ее зарождение), появление статьи Дэниелса, «Утрата невин-

ности» Кларка, и возникновение бихевиорной археологии» Шиффера. Чем было вызвано такое совпадение и вообще такой перелом?

2. Что побудило Шиффера расширить границы археологии во времени до современности, и согласны ли Вы с ним — в этом случае чем можно обосновать его взгляд дополнительно? А если не согласны, то что можно ему возразить?

3. Согласны ли Вы с утверждением, что название «Поведенческая археология» («Бихевиорная археология») неудачно, что оно затемняет смысл работы Шиффера? Какое название подходило бы больше?

4. Есть ли у Шиффера противопоставление «поведения» «культуре», в чем его обвиняет Флэннери?

5. Можно ли сказать, что положения Бинфорда 1970-х также подходят под шапку «бихевиорной археологии» и чем именно?

6. Если сравнить методологические концепции Эггерса и Шиффера, какие преимущества у первой, какие — у второй?

7. Обычное весьма распространенное представление о Бинфордовской Теории Среднего Уровня — что эта теория, отличается от общей теории археологии и частных теорий именно своим уровнем общности — она посредине, промежуточная. То есть, что она имеет дело с проблемами более общими, чем частные, но не столь общими, как генеральная теория. Можете ли вы показать, что это представление ошибочно?

8. Почему Бинфорд именно теорию культурного процесса называет Общей Теорией Археологии, а теорию формирования источника — только Теорией Среднего Уровня? Согласны ли Вы с этим распределением названий?

9. В сущности, спор вокруг «допущения о Помпеях» — это спор о фокусировании внимания археолога: на исторических моментах или на длительности. Как эта тема связана с вопросом о формировании источников?

10. Перенимая золотой Маршалтаун от воинствующего традиционного археолога, Флэннери дистанцировался от Новой Археологии и Бихевиорной Археологии. А была ли в его творчестве и прежде отчужденность от ядра Новой археологии или это лишь общее для лидеров Новой Археологии разочарование в ней в 1970-е годы, подытоженные к началу 1980-х?

Литература

Глобализация и индивид: Klejn 1976; Hill and Gunn 1977; Kohl 1978, 1979, 1987; Blanton et al. 1981; Blanton and Feinman 1984; Rowlands 1984; Lamberg-Karlovsky 1986.

Внимание к природе источников: Kleindienst and Watson 1956; Gould 1968, 1971, 1977, 1978, 1979; Coles 1973, 1979; Donnan and Clewlow 1974; Ingersol et al. 1977; Yellen 1977; Kramer 1979; Ethnoarchéologie 1992.

Подвижки в кругу Кларка: Daniels 1972; Clarke 1973; Montelius 1988.

Сдвиг Бинфорда: Binford 1972, 1977, 1978, 1989.

Шиффер и Радж: Schiffer 1971, 1975, 1976, 1985, 1987; Rathje 1974; Earle and Preucel 1987.

Источники у Клейна: Клейн 1978 (2-е изд. 1995); 2004.

Критика бихевиорной археологии: Flannery 1973, 1982; Binford 1981, 1983; Gould 1985.

Глава 39. ПОСТ-ПРОЦЕССУАЛИЗМ

1. Кембридж и Мичиган: когнитивная археология. Бихевиорная археология победила не столько тем, что вытеснила Новую (процессуальную) археологию, сколько тем, что охватила ее лидеров. Но в 1980-е годы обе они не то, чтобы совсем сошли со сцены, но ослабели и уступили лидерство пост-процессуализму. Дэвид Хёрст Томас опубликовал нашумевшую статью «Ужасная правда о статистике в археологии», где утверждал, что статистические выводы, полученые с такой затратой сил, реального значения в культуре не имеют (Thomas 1978; см. также его 1979). В основах усомнился и известный пропагандист математических методов в археологии Доран, который в статье 1986 г. признал, что математизация не оправдала возлагавшихся на нее надежд: решение проблем осталось далеким (Doran 1986). По мнению Дорана, не хватало новой теории.

Появление пост-процессуализма происходило на фоне любопытной трансформации серутанской археологии. Новый этап в биографии Ренфру — 80-е годы. Он переместился в свой родной Кембридж. В 1981 г. он стал там Диснеевским профессором археологии (это особая именная ставка) и занял после своего учителя Дэниела кафедру археологии (кембриджским профессором был 25 лет — по 2004 год, а заведовал кафедрой более десяти лет — по 1992 г.).

Инаугурационная лекция Ренфру в Кембриджском университете в ноябре 1982 г. называлась «К археологии разума», а в самой лекции этому обозначению приводился синоним — *когнитивная археология*, т. е. буквально «археология познания». В этом обозначении подразумевалось не археологическое познание (т. е. принципы исследования) и не ранние стадии познания (на манер «археологии познания» Мишеля Фуко — там, конечно, никакая не археология), а *изучение познавательных аспектов культуры* археологическими средствами, по материальным остаткам. То есть аспектов, относящихся к ментальности, психике — как раз тех аспектов, которые по «лестнице Хокса» считались наиболее труднодоступными исследованию, почти недоступными. Ренфру считал это следующим логическим шагом после освоения социальной археологии, предшествующей по «лестнице Хокса» познанию идей.

Не верили в такую возможность не только гиперскептики. Неоэволюционист Даннел считал, что подобные потуги — бесплодная трата времени, а Бинфорд, хотя и выделял среди археологических материалов «идеофакты», полагал, что заниматься такой «палеопсихологией» — вообще не дело археологов. В рецензии на сборник Ренфру и Шеннана 1982 г. «Ранжирование, ресурсы и обмен» Бинфорд обрушивается с критикой на Ходдера, участника этого сборника, но в его инвективах слышится как бы предупреждение Колину Ренфру: «Мы не должны пытаться изучать мыс-

лительные явления. На деле мы изучаем материальные явления... Мы не находим «окаменевшие» идеи, мы находим упорядочение материала...». Ренфру и тут разошелся с Бинфордом.

В обозрении Дэвида Уитли когнитивная археология рассматривается как одна из разновидностей постпроцессуализма (Whitley 1992). Не случайно именно после инаугурационной лекции Ренфру «Каррент Аркеолоджи» поместил статью Дж. Баррета «Goodbye, New Archaeology?» (Barrett 1983).

Совершенно очевидно, инаугурационная лекция излагала программу на ближайшие годы.

Но еще в 50-е — 60-е годы в США сложилась «когнитивная антропология» (Стивен Тайлер и др.), а в 60-е годы — близкое к ней течение — «новая этнография». Задачи были схожие, но по отношению к живым народностям с первобытной культурой. Понять их психику, их классификации, структуру их понятийной системы. Задача археологов сложнее, поскольку речь идет о людях, давно умерших, а часто и язык их непонятен или неизвестен.

У самого же Ренфру этому предшествовали его занятия культовым памятником — микенским святилищем в Филакопи на Мелосе (серия статей 1978 и 1981 годов и книжка 1985 г.). Но за инаугурационной лекцией долго ничего аналогичного, методологического, не появлялось. И только в 1993–94 гг. вышли статья «Когнитивная археология» и (выпущенный в сотрудничестве с Э. Заброу) сборник «Древний разум: элементы когнитивной археологии».

В сборнике «Древний разум» Ренфру принадлежала статья «Археология религии» и вводная статья (ко всему тому) «К когнитивной археологии». В ней Ренфру стремился показать отличия своего подхода к «идеофактам» и символам от появившегося подхода пост-процессуалистов, которых он называл «анти-процессуалистами». Они идеалисты и уповают на интуитивное «понимание», а он материалист (хотя и не такой прямолинейный, как Бинфорд) и хочет отыскать чисто научные средства установления зависимости между материальными остатками и древними идеями. Ренфру намечал разные виды работы археологов с древними символами: 1) выявление целенаправленных структур символического поведения, 2) планирования, 3) использования символов как мер, 4) в межличностных отношениях, 5) в коммуникации со сверхъестественным миром, 6) воплощения реальности в изображениях.

На этом занятия Ренфру сей темой приостановились. Его соратник по серутанскому крылу Новой Археологии Кент Флэннери также перешел к изучению идей древнего населения — к когнитивной археологии. Ему было тем легче это сделать, что когнитивная антропология уже давно развивалась именно в США, и со второй половины 70-х годов наметились связи между когнитивной антропологией и первобытной археологией. Связи эти отмечает (в двух статьях, 1976 и 1977 гг., в журнале «Антропос») немецкий археолог Эггерт, проведший несколько лет в США.

В конце 1970-х и в 1980-е годы Флэннери обратился от «формативных» культур (неолита) к изучению народов «архаического» и «классического» периодов, т. е. эпохи цивилизаций. В частности он занялся цивилизациями миштеков и сапотеков, живших в южной Мексике на самом перешейке — к западу от майя, к югу от тольтеков и ольмеков. В совместном с Джойс Маркус сборнике «Народ облаков: расходящаяся эволюция цивилизаций сапотеков и миштеков» (1983 г.) Флэннери продолжал свою установку на многолинейность эволюции. Но, в отличие от Джулиана Стюарда, он видел причины многолинейности не в природных различиях,

а скорее в разном выборе возможностей при сложном системном регулировании, включающем социально-экономические и политические факторы.

Он пришел к выводу, что Чайлд слишком ограничил свое внимание производительными силами, не обращая внимания на социальные отношения и идеологию, и потому проглядел важный рубеж в эволюции. В своем докладе на Лондонской конференции 1982 г., посвященной столетнему юбилею Чайлда, Флэннери выступил с докладом о том, что революций было не две, а три. Между неолитической и городской революциями он поместил третью — «революцию рангов» (Rank Revolution), т. е. революцию социально-политической стратификации. По Флэннери, в Перу и Мексике во II–I тыс. до н. э. и в первые века н. э. сложились «вождества» или «ранжированные общества». Они не отличались от предшественников способом производства, но использовали войну и грабительские рейды по соседям для сбора дани, а также поддерживали высокоразвитое ремесло.

> «Их великая революция состояла не в новом способе производства пищи, а в новой идеологии, по которой вожди и рядовые общинники имели разное происхождение. Эта идеология оправдывала потребности элиты в большей производительности, удовлетворяемые людьми низшего статуса. Такие идеологии не характерны для эгалитарных обществ, которые обычно имеют уравнивающие механизмы, предохраняющие общество от разделения на элиту и рядовых» (Flannery 1994: 104).

Переходя к городской революции, Флэннери считает, что среди 10 признаков городской цивилизации, выделенных Чайлдом (густота населения, монументальные здания и т. д.), нужно убрать письменность и ввести взамен военное дело.

В 1993 г., одновременно со сборником «Древний разум» Ренфру вышла и совместная статья Флэннери и его жены Джойс Маркус «Когнитивная археология».

Эти идеи Флэннери продолжил развивать в совместной с Джойс Маркус книге «Цивилизация сапотеков: Как городские цивилизации развивались в мексиканской долине Оахака» (1997 г.). Он пишет, что главные факторы в эволюции — не те, что неподконтрольны человеку, (универсальные и неуклонные законы — именно на них делал упор Чайлд), а свободная воля человека. Это всё больше удаляет его не только от Чайлда, но и от Бинфорда, твердо приверженного детерминизму.

Таким образом, два лидера серутанского крыла Новой Археологии, оставаясь верными ее методике и некоторым принципам, в сущности, отошли от нее в тематике и некоторых важных установках. Их привлекла возможность познавать древние идеи, семантику древних образов, — возможность, изначально отвергавшаяся не только Хоксом, но и Бинфордом. Этот новый подход отчасти покоился на введенном Новой Археологией общем познавательном оптимизме, но еще больше был связан с интересом археологов к проблемам примитивного мышления и первобытной религии. Этот интерес, отразившийся в конференциях Петербургской 1991 г. и международной Лундской 2004 г., подогревался разгоревшимся общим увлечением мистикой и оккультными науками, причины чего рассмотрим далее. О Лундской конференции редактор «Антиквити» Мартин Карвер не без иронии написал:

> «Современный европейский археолог уже не застенчивый статистик с "Лестницей выводов" Кристофера Хокса на стене кабинета. Находить конфигурации и тенденции прошлого и объяснять их изменениями хозяйства и социального управления — это вчерашняя задача. Нынче с Гарри Поттером мы можем смотреть тайне в глаза и говорить о ней открыто, не просто обнаруживать, во что люди верили, но и решать, не стоит ли поверить в это самим... Колдовство и магия, были, кажется, во всем» (Carver 2004: 510).

2. Приход пост-процессуализма. Просто удивительно, сколь недолговечными оказались эти сильные и экспансивные течения — Новая Археология, Бихевиорная Археология! 1960-е и 70-е годы были заполнены, оглушены и ошеломлены ими. «Новые археологи», правда, никогда не были большинством даже в Америке и Англии, но они задавали тон. Бихевиорная археология была поскромнее в своих притязаниях, но на ее сторону постепенно перешли лидеры Новой Археологии. Однако уже в 1972 г. престарелый Уолтер Тэйлор, тот самый, кого Бинфорд читал и перечитывал, откликнулся на триумфы Новой Археологии статьей «Старое вино в новых мехах» (Taylor 1972). Отметив, что основные идеи Новой Археологии он сам выдвигал уже в 40-х, он добавил, что наряду с ней развилось нечто вроде «нео-традиционализма» — археология с традиционными целями и концепциями, но работающая современной техникой и новыми методами. На следующий год Кент Флэннери подметил, что туда устремляется молодежь, и заговорил об «устарелых юнцах» (young fogeys). Это в Америке.

А в Англии в 1980-е годы в рамках самой Новой Археологии исподволь развилось течение, состоявшее из молодых людей (young fogeys), которое выступило против основных положений Новой Археологии. И выступило гораздо радикальнее, чем это делали все ее критики-традиционалисты старого закала. И возглавил их самый талантливый ученик Дэвида Кларка, его преемник по Кембриджу, Ян Ходдер. Кларк и сам не принимал некоторые положения Бинфорда, в частности его взгляд на культуру. Бинфорд отвергал «нормативную» концепцию культуры и выделение археологических культур, а Кларк строил на иерархии 'признак — тип — (археологическая) культура' всю свою концепцию. Кларк раньше и радикальнее Бинфорда перешел к теории формирования археологического источника, к отказу от убеждения в полноте археологической информации.

Его ученик Ходдер первоначально только развивал некоторые идеи своего учителя, особенно его увлечение Новой Географией. Но много спустя после смерти Кларка в работах Ходдера появились новые нотки, совсем не укладывающиеся в Новую Археологию. Он стал заполнять пробел Новой Археологии — ее сосредоточенность на материальной стороне культуры, на следах производства и поведения, ее игнорирование всего, что связано с идеями, символами. В 1982 г. его статья в сборнике Ренфру и Шеннана, как уже упоминалось, вызвала резко отрицательный отзыв Бинфорда. К середине 80-х Ходдер пришел к полному отвержению процессуализма. Он отвергал познавательный оптимизм Новой Археологии — ее убежденность, что универсальными законами можно объяснить всё многообразие культуры и истории, что возможно гипотезно-дедуктивным методом эксплицитно реконструировать прошлое.

Книги сразу же стали необычайно популярны. Приехав в начале 90-х в Англию, я обнаружил, что студенты расхватывают книги Ходдера и его учеников и взахлёб читают. В университетских библиотеках Великобритании их сочинения стоят не как все книги — на полках в хранилищах, а сразу у входа — как книги наибольшего спроса. Сменились и философские наставники археологов, их гуру — на место австрийцев Поппера, Нагеля и Витгенштейна и берлинца Гемпеля выдвинулись французы Рикёр, Ролан Барт, Лиотар, Деррида, Бурдье, Годелье, Мейассу, а из немецких философов Гуссерль, Гадамер, Хайдеггер и Адорно. Ходдер, как бы в угоду Джакетте Хокс, резко усилил гуманитарность археологии.

Его работа 1982 г. «Археологическая теория» носила дразнящий подзаголовок: «Реакционный взгляд». Поскольку выступить против новой Археологии означало

противопоставить себя сильному учению, прокламировавшему себя как передовое и отвечающее современным потребностям, нужно было собрать как можно больше аргументов против Новой Археологии. С самого начала для позиции Ходдера был характерен эклектизм — всё годилось, а единой основы не было. С другой стороны, к этому оппозиционному течению потянулись самые разные группы и направления. Как выразился Стивен Майтэн, «единство этой школы лежит преимущественно в том, против чего они, а не в том за что» (Mithen 1989).

Себе новое течение взяло название «пост-процессуализм» — по заголовку статьи Ходдера 1983 года. Этим названием Ходдер и его сторонники подчеркивали, что они сменяют процессуализм. Как заметил Ренфру (Renfrew 1989: 34), это не пост-процессуализм, а анти-процессуализм. «Оказалась ли археология в пост-новоархеологической эре?» — спрашивает заголовкам статьи Джон Бинтлиф в сборнике 1986 года (Bintliff 1986).

Название было удобно также тем, что закрывало проблему позитивного определения нового течения, поскольку единой основы у него не было. После процессуализма — что?

Между тем, оно было неверно по существу. Ведь на смену процессуализму пришла бихевиорная археология, которая доминировала в авангарде в 70-е, так что Ходдер и его соратники по логике должны были бы назвать свое течение пост-пост-процессуализмом.

Но пост-процессуализм (без двойного «пост-») терминологически очень гармонично вписывался в широкое идейное течение постмодернизма, археологическим ответвлением которого он был.

3. Постмодернизм против модернизма. С конца XIX века шла борьба между модернизмом и постмодернизмом. В XX веке в искусствах и науках общие настроения и тенденции шли в направлении усиления рациональности, технического совершенства знаний, уважения к науке, упования на нее. Функционализм, структурализм, неоэволюционизм, процессуализм, бихевиоризм - всё это были важные движения, отразившиеся в антропологии и археологии. Все они носили отпечаток того преклонения перед современной рациональностью, научностью, техничностью, которые в искусстве и культуре получили название *модернизма*.

Что такое модернизм? Модернизм покрывает разные сферы культуры — от искусства, прежде всего архитектуры, до наук. Он выражается в предпочтении рациональности, функциональной и практической целесообразности, внимании к рассудку и естественным наукам, которые кажутся всемогущими. Нужно размышлять правильно, искать подлинные закономерности, открывать законы в действительности, и всё будет хорошо.

Но с 70-х годов то в одной, то в другой отрасли науки и в искусстве стали возникать явления иного плана, показывающие разочарование в рациональном подходе, в современной технике, в научной объективности, в конструктивности решений.

Сложились совершенно иные склонности и предпочтения. Вместо научного объяснения — интуитивное понимание, вместо рациональности — иррациональное движение души, вместо конструктивных планов — деконструкция, вместо логики — метафора, вместо аргументов — риторика, вместо исследования — спектакль, вместо серьезной науки — откровенная игра. Географ Харви составил даже целую таблицу таких оппозиций, из которой я приведу только некоторые еще: вместо плана —

исторических явлений можно и нужно. Это очень многое объясняет. Да, не нужно вульгаризировать, выискивая прямые соответствия научных течений классовым силам, не нужно всё сводить к экономике, не стоит закрывать глаза на обратные воздействия идей на экономику и политику, их первичность в ряде важных процессов. Но всё же мы не сможем понять логику развития, если проигнорируем социально-экономическую обстановку этой идейной борьбы. Эта тенденция объяснения характерна сейчас не только для марксизма, хотя влияние марксизма на такой анализ несомненно.

К 60-м — началу 70-х гг. люди, жившие в это время, старшее поколение, пережили две мировые войны, волну революций и последовавшие деспотии, но развитие капитализма шло в одном направлении — усиления монополий и роли государственного регулирования. Это так называемый *Фордовский капитализм.* За счет этого и дешевой нефти из Третьего мира происходило не только планирование, но и создавались социальные программы помощи, чтобы умерить социальную напряженность. В Европе и Америке сложилось *потребительское общество*, в котором почти каждому человеку был обеспечен, по крайней мере, некоторый минимум всего необходимого для жизни.

Социальная успешность Фордовского капитализма была связана с подъемом научно-технических достижений — обретением атомной энергии, выходом в космос. Всё это породило научный оптимизм и веру в то, что мир хорошо упорядочен, организован в системы, и что законы этого мира запросто сравнимы — так что можно познавать их с помощью математизации.

Мировые войны (Первая и Вторая) пошатнули это оптимистическое настроение. Турецкая, Австро-Венгерская, Британская и Французская империи распались. За ними последовала Российско-Советская империя. Везде распад этих колоссов порождал хаос, очень болезненный для живых частиц распавшихся империй.

Это уже почувствовалось в искусствах. В них модернизм быстрее окончился, и возникли разные постмодернистские стили искусства. Но в науках и философском мышлении старые идеи еще жили. Да, некоторые русские ученые воспринимали революцию как конец света, но другие считали это чересчур эгоистическим восприятием. Советский Союз привлекал вначале немало симпатий. Да, Чайлд и многие европейские интеллектуалы рассматривали нацизм как опасность для культуры, но нацизм был побежден и теперь перспективы казались безоблачными. Этому благоприятствовал общий подъем жизненных стандартов в Европе и Северной Америке.

Но с 70-х годов мир пережил ряд потрясений.

1) нефтяной кризис — резкое увеличение цен на нефть в связи с арабо-израильской войной 1973 г. и революцией 1978 г. в Иране;

2) шатания валют;

3) появление новых развитых стран (Япония, Южная Корея, и проч.), которые стали отбирать рынки и рабочие места у прежних господ положения.

Поэтому в середине 70-х годов произошла перестройка капитализма. Фордовский сменился пост-Фордовским. Это значит:

если в Фордовском — централизованное производство, связанное с определенными регионами и планируемое с участием государства,

то пост-Фордовский знаменовался децентрализованным производством, ориентацией на мелкие производственные центры, где дешевле рабочая сила; в итоге производство фрагментируется, теряется связь с определенными регионами; рождается «гибкое накопление»; вместо постоянного штата — работа по договорам, контракты.

Большие промышленные и финансовые структуры принадлежат уже не одной семье каждая, даже не одной нации, а каждая богатая семья вкладывает свои капиталы в разные компании, повсюду в мире. Абрамович покупает «Челси».

Происходит разрушение государственных программ социальной поддержки. Это характерно для политики «железной леди» Тэтчер и президента Рейгана.

Следствие для психологии человека: индивид потерян, дезориентирован. Одинокий человек остается лицом к лицу с неожиданными ситуациями, в которых действуют далекие и невидимые силы, с которыми контакта нет. Они непредсказуемы признанными законами. Стабильность подорвана. В то же время управление отдано компьютерам, машинам и обезличено. За решениями не виден человек.

Очень примечательна новая модель культуры, которую можно найти в книге французского социолога Абраама Моля. Это модель *ризомы.* Культура приравнивается к сети корней гриба, в которой отдельные корни безнадежно переплетены и спутаны в мохообразный войлок.

Вера в законы общества и науки размывается. Вместо нее приходят мистика и паранаучные увлечения, а в центр смещаются те области культуры и науки, которые считались раньше маргинальными. В науке это анализ индивидуальных ситуаций, признание неустранимости роли вне-научных факторов (как идеология, политика), которые воздействуют на научные решения, а также внимание к стилю, риторике, игре.

Утеряна вера в идеологию, обещавшую нам контроль над силами, которые формировали обстановку и жизнь, которые превращали мир в систему, подчиняли жизнь познаваемым законам и правилам. Утеряна вера в серьезную науку, всё это обосновывавшую. На равных правах с нею действуют шарлатанство, мистика и ирония. Очень многое отводится не труду, а удаче, а с этим на первый план выходит азартная игра.

Всё это рассмотрено в работах Ф. Джеймсона (Jameson 1984), Ж. Ф. Лиотара (Lyotard 1984), Д. Харви (Harvey 1989) и Л. Лодена (Laudan 1990).

Насколько это убедительно, можно судить по одному обстоятельству: на постсоветское пространство постмодернизм проник только в 90-е годы — с опозданием на 20 лет. Между тем, обычно научные течения с запада, несмотря на противодействия властей, проникали в СССР очень быстро, иногда развивались параллельно там и тут. Например, структурализм — у нас был Пропп до Леви-Стросса, Лотман и Гуревич — параллельно с ним.

Но с постмодернизмом было иначе. Почему? Потому что советское производство не то, чтобы походило на Фордовское, но было, так сказать, ультра-фордовским. Оно отличалось от Фордовского прежде всего тем, что в СССР была только одна монополия, один монополист, в связи с чем не было конкуренции и развития производства, была деспотическая власть и реставрация крепостнических и рабовладельческих отношений. Плановость, еще более, чем у Форда, была в полном объеме. Всё было предсказуемо до малейших деталей. Жизнь шла по правилам. Каждому рядовому человеку уделялся крохотный минимум, но он был обеспечен. А введение свободного рынка при переходе от 80-х к 90-м годам ликвидировало эту стабильность и уверенность. Индивид почувствовал себя потерянным и брошенным на произвол судьбы. Как на Западе, только с еще большим контрастом по отношению к предыдущему.

Последовал неимоверный разгул мистики, всякого рода знахарей, колдунов и шарлатанов, массовый успех которых можно сравнить только с основанием религий. В России — Джуна, Кашпировский, Чумак, баба Нюра («Я тебе помогу» чуть

ли не во всех газетах), болгарская Ванга. Вот это и оказалась готовая почва для перенесения постмодернистских течений в Россию.

Но поскольку на Западе мистики появились в самой науке до 70-х, вскоре после войны, очевидно первым стимулом для смены ориентаций в сторону от научности послужила Вторая мировая война. Она оказалась именно таким потрясением основ. Холодная война с ее иррациональной бессмысленной и недоступной разумному пониманию гонкой вооружений разрушила веру в человеческий разум. Атомная бомба может уничтожить врага. Он тоже имеет атомную бомбу, которая может уничтожить нас, а заодно и весь мир. Затем мы произвели так много бомб, что могли бы уничтожить весь мир три раза, затем тридцать три раза, и враги произвели столько же. Зачем? Ведь это за счет обнищания большей части населения. Разумные люди не могут так себя вести, разве что обезьяны. В этих обстоятельствах арабский нефтяной кризис и две империалистические войны — вьетнамская и афганистанская — совершенно разрушили оптимистическую оценку экономических и политических успехов человеческого интеллекта и международной организации.

Сказались, вероятно, и другие факторы:

а) ожидания от немедленной замены основных функций мозга искусственным интеллектом компьютеров не оправдались;

б) наука перестала быть элитной, стала массовой профессией — все становятся учеными, авторитет науки понижается вместе с ее недоступностью;

в) сложились плюралистические принципы, многие ценности равноправны — наука, религия, мистика, мистификация, игра — всё позволено высказывать и отстаивать.

5. Мистицизм как прелюдия и предзнаменование. В культуре и в частности в антропологии повальное увлечение мистикой появилось задолго до 70-х. Причем коль скоро этнографы близко сотрудничают с первобытными колдунами, это выглядело как заражение, инфекция.

Началось во Франции. Глава французской этнографической школы и автор учебника, бывший летчик и опытный африканист Марсель ГРИОЛЬ (Griaule, 1898–1956), всю жизнь работал в духе дескриптивизма и собрал огромный материал. Монография о догонах «Маски догонов» стала его докторской диссертацией. Он стал профессором Сорбонны и заведующим кафедрой этнологии. Но, описав материал, он остановился перед объяснительными задачами. В 1947 г. он вдохновился объяснениями, которые ему давали сами догоны. Раньше он вел опрос информантов энергично, хитро, наступательно, как допрос — они ведь уклоняются от неудобных вопросов, лгут, сочиняют. Но вот он был посвящен в таинства догонов и 33 дня проходил обучение у мага Оготеммели (описано в книге «Бог воды» — Griaule 1948: Dieu d'eau). С 1950 г. он сам стал учеником, а Оготеммели учителем. Стратегия Гриоля в этнографии изменилась — не выдавливать информацию как бы насильственно, а получать откровение. В этой «живой мифологии», в «метафизике» догонов он увидел ключ к пониманию Африки. Даже после его смерти в 1956 г. его школа продолжала выпускать его труды и труды учеников (1965) с мифологическими объяснениями космоса и туземной теорией языка.

В 1961 г. еще более откровенный перелет в мистику совершил мексиканский этнограф Карлос КАСТАНЕДА (Carlos Castaneda). Собирая материал для этнофармакологической диссертации, он уверовал в тайное учение дона Хуана Матуса из племени яки. Натерся «чертовым корнем» — галлюциногенного кактуса пейот.

«Мои ноги стали резиновыми и удлинились, стали чрезвычайно длинными... Я взглянул вниз и увидел дона Хуана далеко внизу подо мной... Я прыгнул назад и заскользил на спине. Я увидел темное небо надо мной, а облака я оставил подо мной. Скорость моя была чрезвычайной» (Castaneda 1970/72: 125). И т. д.

Вернувшись, он спросил дона Хуана, где было его тело во время полета. В кустах, ответил тот. Значит, я летал только в своем представлении? Нет. А если я прикую свое тело к скале цепью? «Боюсь, тебе придется лететь со скалой, висящей на тяжелой цепи», — ответил дон Хуан. Дон Хуан развернул целое учение о «втором внимании», «вратах в бесконечность», «точке сборки» и проч.

Всё это Кастанеда излагает в четырех книгах, пользующихся бешеным успехом: Их содержание пересказывал мне с горящими глазами один студент за столиком в столовой университета в Петербурге. Между тем, как-то дон Хуан сказал Карлосу: «Я играю очень искренне, но ведь это всего лишь игра, как в театре».

В конце 60х — начале 70-х гг. американскому этнологу Барбаре МАЙЕРГОФ (Myerhoff) шаман племени гвичолов мараакам Рамон Медина Сильва дал поесть растение пейотль. Она увидела себя сидящей на огромном дереве, корни которого уходили вниз в землю, а крона — в небо. Это было Древо Жизни. Потом она увидела птицу, вертящуюся от возбуждения, получеловека-полупопугая. Это был Рамон как носитель душ. Барбара задала ему вопрос, который уже месяц не уходил из ее головы: «Что означают мифы?» Он ответил: «Мифы не означают ничего. Они означают сами себя...». Это из ее книги «Охота Пейот» (Myerhoff 1974: 42).

Всё это мистика. Для мистики характерна неизреченность (невозможность изложить суть ясными словами), интуитивность, индивидуальность (истина не всем открывается), вера в тайные силы. Мистики появлялись в цивилизованном мире и раньше: Якоб Бёме, Эммануэль Сведенборг, Рудольф Штейнер, в России Е. П. Блаватская (1831–1891), Николай Рерих (1874–1947). Временами даже у антропологов можно было отметить склонность к мистике — у Карла Юнга, Тейяра де Шардена, Мирчи Элиаде, в циклизме это заметный оттенок (у Шпенглера, Сорокина, Гумилева). Но в профессиональной среде антропологов и этнографов не появлялось людей, полностью отданных этому. И вот теперь это стало входить в культурную антропологию и археологию не отдельными нитями среди других (как в циклизме), а как целое направление — это было предзнаменование пост-модернизма.

В русской археологии вы увидите мистическую струю в писаниях Льва Николаевича Гумилева с его космическими лучами, определяющими рождение пассионариев, в произведениях Дмитрия Алексеевича Мачинского и Глеба Сергеевича Лебедева. Особенно в поздних сочинениях Лебедева о Петербурге и Балтике, где случайные созвучия имен и совпадения событий приобретают определяющее значение в истории.

На Западе развилось целое направление — *психическая археология*. Это книги, в которых познание прошлого производится не логической реконструкцией, а сверхъестественным проникновением в психику умерших культур, общением с миром мертвых через манипулирование артефактами. Таковы, например, вышедшие в Америке книжки Джефри Гудмана «Психическая археология. Машина времени к прошлому» (1977 г.) и Дэвида Джоунса из Флоридского технического университета «Видения времени» (1979 г.). У нас сюда относится мистическая литература о кавказских мегалитах и свистопляска вокруг Аркаима. Джон Коул (Cole 1980) рассматривает «психическую археологию» как один из вариантов «культовых», лженаучных археологий.

6. Идейные корни: По ссылкам пост-модернистских авторов нетрудно проследить, что у них появились совершенно новые учителя, к которым они относятся как к гуру. Эти новые гуру, уже названные мною, прославились проповедью философских и культурно-социальных учений, принижавших науку и возвышавших гуманитарное знание, интуицию и политическое сознание.

а) феноменология. Основатель феноменологии Эдмунд ГУССЕРЛЬ (Husserl, 1859–1938), затевая свои «Логические исследования», собственно, ставил перед собой цель создать строгую науку о науке — построить философию именно как такую строгую науку. Он ставил вопрос об объективности познания. Эту задачу он задумал решить с помощью «феноменологической редукции» — т. е. свести знание к чистым явлениям (феноменам), освободив его от наслоений, привнесенных традицией, философскими интерпретациями. Но этот мир феноменов тесно связан с сознанием исследователя, его направленностью и структурой. Самые же глубинные истины мы не можем доказать и подтвердить или опровергнуть, считал он. Мы в них можем только верить или не верить. Подвергнув критике объективизм позитивистов всех сортов он пришел к выводу: надо придать верованиям, сознанию, очевидностям опыта большее значение чем истинам науки.

Тем самым был дан сигнал критике науки и разума. (Субъективно он считал, что обосновал рационализм нового типа. Это уже его ассистент Хайдеггер разработал психологию иррационализма). Гуссерль хотел изгнать мировоззрение из предпосылок, это и была задача его редукции — искоренить искажающие факторы и направить познание на само сознание, изучать «поток сознания». Исходить из того, что сущность, родовые качества важнее, чем факты, чем реальность. Структурные элементы этого потока сознания — тоже «феномены», данности сознания (отсюда феноменология — как учение о структуре сознания).

(Как можно видеть, кое-что из этой доктрины было воспринято Леви-Стросом.)

Рассмотреть же феномен можно, только если его схватить в интуитивном акте, не описывая извне, а «переживая». Работать методом «прямой интуиции». Это в принципе противостоит расчленяющему дедуктивному методу естественных наук.

Из феноменологии постпроцессуализм взял свое критическое отношение к притязаниям Новой Археологии на полную объективность и на статус науки. Но ссылаются постпроцессуалисты обычно не на Гуссерля, а на его ученика Мартина Хайдеггера.

б) герменевтика. Название от бога Гермеса — бога хитрости и задних мыслей. Родилась из теологии и просветительского желания освободиться от предвзятости. Основатель ранней герменевтики Фридрих ШЛЕЙЕРМАХЕР (Schleiermacher, перв. пол. XIX в.) разрабатывал приемы интерпретации текста — как войти в позицию автора, овладеть его языком и психологией. Историк Густав Дройзен, как и философы-неокантианцы Виндельбанд и Риккерт, делил науки на естественные и науки о духе (примерно то же, что гуманитарные). В первых применяется *объяснение*, во вторых — *понимание* (*Verstehen*) — и в силу родства нашей человеческой природы (нашего сознания) с объектом изучения, можно применять метод *эмпатии* — вчувствования. Философ Вильгельм Дильтей заявлял: понимание вытекает из собственного опыта, из переживаний индивида. Но у каждого это свое. Как их согласовать?

Современная герменевтика начинается с ассистента Гуссерля — Мартина ХАЙДЕГГЕРА (Heidegger, 1889–1976), его главный труд — «Бытие и время» (Sein und Zeit, 1929). Согласно ему задача состоит в том, чтобы понимать не текст, даже не далекую реальность, описанную в тексте, а саму жизнь.

У Ганса-Георга ГАДАМЕРА (Gadamer,1900–1983?) в его книге «Истина и метод» (*Wahrheit und Methode*, 1960), способ интепретирования текстов превращается в модель опыта жизни. Человек должен понять Другого и даже Себя.

До Гадамера *контекст* написания произведения считался источником *предвзятости*. Вопрос был в том, насколько можно корректировкой освободиться от этого. А Гадамер поставил вопрос наоборот: наличие предвзятости *продуктивно* для понимания. Предвзятость как раз условие для опыта и понимания. Чтобы понять надо ведь отойти, взглянуть со стороны. А диалектическая игра с Другим ведет к пониманию Себя.

Если для ранней герменевтики подлинная интерпретация — это задача понять субъективные намерения автора, то для Гадамера это неважно. Понять по-настоящему можно лишь в новом историческом контексте. «Значение текста превосходит его автора не иногда, а всегда». Т. е. понимание — не репродуктивная процедура, но и продуктивная.

Конкретизация этих установок применительно к тексту дана французским философом Полем РИКЁРОМ (Ricoeur). В работе «Модель текста: значимое действие рассматривается как текст» (1971) он вводит понятие *текстуализации*. Текстуализация — это предпосылка к интерпретации. Мир не может быть познан непосредственно в целом, мы всегда должны приближаться к нему, вырезая его части из потока опыта. Текстуализация и происходит через такие вырезки.

Вторым шагом является превращение дискурса в текст. *Дискурс* — это общение, в котором непременно содержатся субъекты и непосредственная ситуация. Дискурс — это я и ты, этот, теперь. Он не может быть открытым: чтобы его понять, надо быть в нем. Чтобы превратить его в *текст*, надо дать ему автономию, отделить его от специфических обстоятельств и (по Рикёру) от авторского намерения.

Из герменевтики постпроцессуализм заимствовал предпочтение понимания объяснению, стремление к текстуализации, попытки сделать собственную предвзятость продуктивной.

в) критическая теория. Это ответвление марксизма, инициированное руководителями Франкфуртской школы изучения общества — Максом ХОРКХЕЙМЕРОМ (Horkheimer, 1895–1973) и Теодором АДОРНО (Adorno, 1903–1969) — теми лидерами, которые вернулись из эмиграции в Германию (тогда как их соратники Герберт Маркузе и Эрих Фромм остались в Америке).

Основные работы, в которых развита критическая теория, это книги Хоркхеймера «Материализм и метафизика» (1933) и «Традиционная и критическая теория» (1937). Затем в 1947 г. в совместной книге «Диалектика Просвещения» (1947) оба автора рассматривали унифицированную и стандартную «*массовую культуру*» как форму порабощения человека.

Еще будучи в Америке, оба теоретика ухватились за марксову идею идеологии как извращенного сознания и его же объяснение социально-классовых корней сознания. А так как научное познание — одна из разновидностей активности сознания, то и оно должно подчиняться этим закономерностям. Следовательно, чтобы выявить критикой в некоторой научной теории ее неизбежный субъективный фактор, надо выяснить социальные корни данной теории. Это касается как критики чужих теорий, так и саморефлексии.

Здесь, разумеется, остаются в тени три вопроса: 1) Что же останется после удаления «искажений», внесенных субъективным фактором — только ли к искажениям сводится его действие или также к умолчаниям и просчетам? Как с ними быть?

2) Поскольку сама критика (особенно при саморефлексии) производится с тем же субъективным фактором, где гарантия, что она будет проведена правильно и вообще что она будет осуществлена — что искажения будут замечены? 3) При такой постановке появляется искушение всякие источники наших теорий в реальности объявить недостоверными и видеть их только в идеологии, а значит, вместо самой объективной теории нужно выбирать самую лучшую идеологию. Но чья самая лучшая? Весь этот логический путь и проделали многие постмодернисты.

Адорно в «Негативной диалектике» (1966) выдвинул программу и метод, которым исследовательское сознание должно критиковать и отрицать и самое себя. Он призывал мыслить не понятиями, а образами. Отвергал каузальную связь времен, исторический процесс рассыпался у него на груду примеров. Как у Леви-Стросса. Но у мышления образами больше общего не со структурализмом, а с пост-структурализмом.

Из критической теории пост-процессуалисты взяли рецепт трактовки собственной предвзятости и критики других.

г) пост-структурализм: Михаил Бахтин и Ролан Барт. О пост-структурализме даже трудно сказать, имеем ли мы дело с идейными предпосылками пост-модернизма или его составной частью. Пост-структурализм сохраняет что-то от структурализма, но и отличен от него. Для структурализма центром изучения был язык как система, и культура приравнивалась к языку. В ней отыскивались системные связи, структуры мышления. А для пост-структурализма важен не язык, а текст, т. е. речь, причем не как простая совокупность предложений, а как дискурс, в контексте общения. В культуре отыскиваются именно элементы участия в дискурсе, аналогии с текстом. Структурализм нацелен на статику, пост-структурализм — на динамику.

Я думаю, что одним из первых пост-структуралистов был Михаил БАХТИН (1895–1975), русский литературный критик, репрессированный советским режимом и чудом уцелевший. Он признавал социологические задачи, господствовавшие тогда в литературоведении, но так же, как Пропп, он стремился опереться на формальные критерии в социальном анализе (Бахтин 1982). В 1930-е годы он критиковал увлечение статичными структурами, предпочитая изучать текучесть языка в живом употреблении. Его открытие — это выявление скрытой диалогичности многих дискурсов, выявление многоголосия. Еще Фрейд высказывал идею о том, что время от времени культурные запреты ненадолго снимаются, что их нарушения в определенное время допустимо и даже обязательно — это и есть праздники. Бахтин развернул эту идею в концепцию народной смеховой культуры, которая противостоит господствующей культуре верхов. Разработанная им концепция представлена в его книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (Бахтин 1965). Здесь развитие и жизнь средневековой европейской культуры предстали как диалог субкультур, а нормы и ценности оказались условными даже в одной культуре.

Биографию Ролана БАРТА (Barthes, 1915–1980; см. Olsen 1990) обычно делят на 2 периода — структуралистский (50-е — 60-е гг.) и пост-структуралистский (70-е). Мне представляется, что элементы пост-структурализма были у него с самого начала.

Это можно увидеть уже в его первой заметной работе «Le degré zero de l'écriture» (1953) — «Нулевой уровень писательства». Это был очерк истории французской литературы, написанный под влиянием марксизма и Сартра.

Для анализа литературы вдобавок к понятиям языка и стиля Барт вводит в этой работе понятие «письма» (как родственное *стилю*, *манере*, *направлению*). *Письмо* (*écriture*) — это та система знаков, которой определяется классовая солидарность писателя и его тип общественного поведения. В *предклассическую* эпоху, до 1650 г., письма не было, так как еще не установился очищенный язык, с нормативной грамматикой. В пору *классическую* письмо было единым: писатели торжественно заявляли о своей принадлежности к верхнему слою и свои нормы письма считали универсальными. Поскольку люди были поглощены познанием природы, а не самовыражением, письмо было *прозрачным*, текучим, без собственной плоти. Писатель чувствовал себя свидетелем универсальной истины, которую надлежит только показать читателю сквозь окно, столь прозрачное, сколь это возможно.

К концу XVIII в. письмо *замутняется*, перестает быть прозрачным. Появляется литературная форма, когда письмо становится объектом разглядывания, а не только средством передачи содержания. После революции 1848 г. французское общество отчетливо расслоилось на три враждебных класса, и писатель перестал быть выразителем универсальной истины. Буржуазная идеология стала одной из нескольких возможных. С этого времени писателю предстояло выбирать вид письма, поскольку он неизбежно оказывался ангажированным — вовлеченным в общественные движения и позиции.

Назревает восстание против Литературы. Писатели, стремящиеся преодолеть литературность, пытаются применять *белый язык*, блеклый, нейтральный. Барт называет это *нулевым уровнем письма*. Однако и белое письмо обманчиво: оно невольно начинает вырабатывать свои приемы. Некоторый выход Барт видит во вкраплении социальной речи — диалектов и жаргонов, в индивидуализации речи персонажей. Это возрождает прямую информативность, разговорная речь естественна.

Но в конце концов он приходит к пессимистическому выводу, что ярко и точно передать жизненное содержание без литературной формы никак нельзя, создать абсолютно нулевое письмо невозможно. Что это «языковая утопия».

Пост-модернизм проглядывает здесь не только в пост-структуралистском интересе к тексту, но и в самом стиле автора, в его собственном *письме*. Барт пишет цветисто и неясно. Вместо дефиниций основных понятий — сплошные метафоры. Что такое язык? «Язык — это не столько запас материала, сколько горизонт, т. е. одновременно территория и ее границы, одним словом, пространство языковой вотчины... язык — это площадка, заранее подготовленная для действия. .», и т. д. Что такое стиль? «... под именем «стиль» возникает автономное слово, погруженное исключительно в личную, интимную мифологию автора, в сферу его речевого организма...; стиль — это форма без назначения; ... стиль — это его одиночество», и т. д. Четкого определения нет ни для языка, ни для стиля.

Идея этой работы развивается и проясняется в очерке «Авторы и писатели» («Écrivants et écrivains»). Барт делит пишущую братию на *писателей* и *авторов*. Писать — переходный глагол. Писатель пишет нечто, автор пишет вообще. Писатели используют язык просто как инструмент для сообщения, они создают текст; для авторов важно, как именно написать — они создают труд. Барт на стороне авторов. У него читатель смотрит не через окно в мир, а на само окно — на язык. «Автор теряет все претензии на истину» и должен понимать это.

Для науки язык — только орудие, чтобы передать сообщение очень прозрачно и ясно. Этому служит и риторика — делается всё, чтобы удалить личность автора из дискурса (безличные предложения, «мы» вместо «я», «как можно полагать» вме-

сто «полагаю»). Создается иллюзия, что реальность говорит сама за себя. А это не так. Барт в этом своем видении близок пониманию Франкфуртской школы. Но тут есть разветвление тенденций. Многие уже стали подчеркивать участие автора, его ответственность. Я, мое мнение, мои взгляды. У Барта не совсем так. Он тоже за удаление личности автора из дискурса, но не ради безличного языка науки, отражающего реальность, а ради читателя!

Он осуждает современную критику как творящую культ автора –«отца текста». Призывает десакрализировать образ автора, удалить его из текста. Он и собственную персону удаляет из своих трудов. Сделал для журнала критическую рецензию на свой собственный труд. Мол, это уже не мой труд. Он считает, не нужна читателю биография автора, его связи, влияния, которые он испытал, словом, «мир автора», широкий культурный контекст. Не важно, что он думал, что хотел написать, почему. Не важны его намерения. Важно, что он *на деле* написал и *как*. Потому что читатель вносит в его текст собственные мысли и чувства, собственное понимание — у него ведь *другая* среда и история. Чтение — это продукт настоящего, и каждый раз оно новое. Рождение читателя означает смерть автора.

Текст отделяется от автора и еще с одной стороны. По Кристевой, в текст обычно транспортировано множество цитат (явных и неявных). Читать текст — как лущить луковицу. Требуется re-reading, т. е. деконструкция текста. Деконструкция — это не разрушение текста, а разрушение его единства и естественности. Да и вся культура такова. Ее факты полисемичны. Они существуют только в языке. У них нет другого существования, всё остальное — иллюзия.

В «Мифологическом» («Mythologiques»), сборнике коротких статеек 50-х годов, с теоретическим эссе «Миф сегодня», Барт рассматривает, как современное общество применяет миф, чтобы сделать естественными социальные установки и увековечить сегодняшнее состояние. Невинные объекты приобретают вторичное, символическое значение. Важными оказываются не денотации (означение), а коннотации. У Соссюра связь означающего с означающим произвольна. Это непреложный принцип структурализма. А миф обосновывает символическое значение, делает эту связь не произвольной.

В представлении Барта, читатель не видит подвоха. Он воспринимает миф не как условность, а как индукцию от реальности. Условная связь кажется естественной. Это риторика идеологии.

Мода — риторическая система, доказывал Барт в своей последней книге «Система моды» (1975). «Мода существует только благодаря разговорам о ней». Не объект, а имя создает желание. Отсюда уже только шаг до Фуко и до конструктивизма.

На практике эта идея подводила. К 64 годам Барт, ученый с мировым именем, столкнулся с проблемой старения. Гомосексуальный и стеснительный, он пылал страстью к красивому юному гостю Оливье, но тот не реагировал. Оказывается, для желания, для его создания, имени было мало. Барт пришел в отчаянье: «Мне хотелось плакать» — записывает он в дневнике. Он отправил юношу домой, «зная, что это конец и что в моей жизни закончилась еще одна вещь: любовь к мальчику» (Barthes 1987: 115–116). Это была последняя дневниковая запись Барта. Вскоре он умер.

д) Пост-структурализм Куна и социальный конструктивизм Мишеля Фуко. Томаса КУНА (род. 1922) обычно не упоминают в связи с пост-структурализмом и пост-модернизмом. Между тем, связь прямая, особенно между Куном и Фуко. Более того, работы Куна идейно опережают Фуко и, по-видимому, повли-

яли на него. Говоря о влиянии Куна, я имею в виду его нашумевшую «Структуру научных революций» (1962).

Господствовавшему взгляду на постепенное плавное развитие науки (*кумулятивизму* Дюгема) Томас Кун противопоставил скачкообразное развитие науки — через ряд научных революций. Это не было новым. Нова была трактовка научных революций. К чему они приводят, и как выглядит наука в период между ними.

Кун называет ее «*нормальная наука*». Ее цель — отнюдь не предсказывать новые виды явлений, не создавать новые теории. Напротив: разрабатывать те явления и теории, которые уже установлены. Расширять область применения, повышать точность. Тут ставят только заведомо разрешимые проблемы, другие запрещаются. Высшее наслаждение — найти новый способ решения.

Нормальная наука жестко детерминирована уже найденными законами и правилами. Все они взаимно согласованы. Наука едина, целостна. Такую систему норм, законов, теорий и правил, составляющих научную традицию, Кун назвал «*парадигмой*». Термин заимствовал из грамматики (система норм, по которым изменяются слова в языке и строятся предложения). Парадигма снабжает ученых правилами игры. Ее компонент — модели и образцы, которыми заменяются точные правила. Позже он дал еще одно обозначение: «*дисциплинарная матрица*». Так или иначе, это упорядоченная система, т. е. структура.

Когда научное сообщество, принявшее парадигму, оказывается перед новыми фактами, не укладывающимися в принятые объяснения, они расцениваются как аномалии и сначала отвергаются. Потом наступает кризис. Но так как вся система согласована, то менять приходится всю систему. Происходит смена парадигм — это и есть *научная революция*.

Она происходит не потому, что старые положения опровергнуты или новые доказаны, а благодаря инсайту (озарению), интуиции, бессознательно. «Конкуренция между парадигмами не является видом борьбы, которая могла бы быть разрешена с помощью доводов». Они говорят на разных языках. Новая парадигма появляется как новый *гештальт* (целостный образ, изменяемый только целиком). Как акт обращения в иную веру. «Принятые решения такого рода могут быть основаны только на вере». Макс Планк: «Новая истина прокладывает дорогу к триумфу не путем убеждения ..., но скорее потому, что ее оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкло к ней».

Способствуют ли научные революции прогрессу науки? Для победивших — да. А в общем — есть приобретения, есть потери. Часто сужается сфера интересов и увеличивается узкая специализация. Тут нет направленной эволюции. Почему именно так, а не иначе? Этот вопрос «не подлежит разрешению». Сказываются личные и исторические факторы — «элемент, по-видимому, случайный и произвольный». Да, ньютонова механика улучшает механику Аристотеля, а теория Эйнштейна делает следующий шаг, «но в их последовательной смене я не вижу связного и направленного онтологического развития», — пишет Кун.

Как сказал Лакатош, Кун представил иррациональную картину замены одного рационального авторитета другим. Полнейший субъективизм. А теперь взглянем на работы Фуко.

Мишель ФУКО (Foucault, 1926–1984) родился в семье хирурга во Франции. Изучал философию, психологию, а затем психиатрию. Преподавал пять лет в Швеции, еще год в Польше и год в Германии. Вернувшись в 1960 г. во Францию автором книги о психических заболеваниях, он стал деканом философского факультета в

Клермон-Ферраре. В том же году он встретился со студентом Дэниелем Дефером, активистом левого политического движения, который был младше его на 10 лет. Они влюбились друг в друга и прожили вместе 18 лет.

После первой книги («Психические заболевания и личность», 1954 г.) он выпустил еще несколько работ о сумасшествии (книгу «История безумия в эпоху классицизма» в 1961 г.). В этих книгах он утверждал условность этого понятия: различие между безумцем и здравомыслящим — лишь стереотипы скептического века Просвещения. Возможно, что идея условности безумия была навеяна нежеланием признавать собственную сексуальную ориентацию аномальной. Между тем, аномальность усугублялась: отправившись за Дефером в Тунис, где тот получил место, Фуко пристрастился там к наркотикам. В 1968 г., когда вспыхнули студенческие бунты, подавляемые полицией, Фуко возглавил группу информации о положении в тюрьмах. Это дало ему стимул написать впоследствии историю тюрьмы (1975 г.). Между тем в 70-х он стал профессором престижного Коллежа де Франс в Париже.

Первые книги Фуко были еще близки по направленности к Леви-Брюлю и Леви-Строссу, хотя и ушедшие от них. Леви-Брюль выделил у человека два типа мышления — дологическое (первобытное) и логическое. Оба — только в коллективных структурах, индивидуально все мыслят одинаково. Леви-Стросс рассматривал человеческое мышление вообще как единое — структуры одни и те же у первобытного человека и исследователя. Фуко видит в двух типах мышления Леви-Брюля две абсолютно разные структуры, существующие параллельно — рациональное мышление и безумие — и находит много от второго даже в самом рациональном веке Научно-промышленной революции и Просвещения.

Но наиболее теоретическая работа Фуко — «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» появилась только в 1966 г. В ней он очерчивает развитие культуры через сменяющие друг друга «*эпистемы*». Эпистемы — это неосознанные структуры (конфигурации) знания, по сути статичные, элементы которых синхронны друг с другом. Эти системы обособлены друг от друга и не имеют между собой никакой внутренней связи. История — чистая игра структур. (Это от структурализма). Эпистема иррациональна, она покоится на глубинных жизненных отношениях, практиках и фундаментальных представлениях.

По Фуко, с XVI века по наше время сменилось три таких структуры: *Возрождения*, основанная на сходстве, на вере в совпадение слов и вещей — стоимость монеты определяется дороговизной золота или серебра; *классицизма* (XVII век), основанная на классификации и порядке, на понятиях, на силе знаков — монете придает стоимость профиль монарха на ее реверсе; и *современная, с начала XIX века*, для которой важна скрытая сущность — цена товара определяется трудом, а не деньгами, на первый план выступает человек, а с ним антропологические науки. Фуко возвещает конец этой третьей эпистемы, «смерть человека». «После него останется мир, его порядок и человеческие существа, но не человек». Биология, политэкономия и лингвистика создают все необходимое для знания и заменяют антропологию. Современная наука должна обходиться без понятия человека, без субъекта. Субъективный фактор в истории — ничто. Все определяют властные эпистемы, структуры.

Эпистемы Фуко очень напоминают парадигмы Куна. Конечно, есть и различие. У Куна сама система, парадигма, рациональна. У Фуко и система, его эпистема, иррациональна, она покоится на более глубинных жизненных отношениях, практиках и фундаментальных представлениях. Но основная идея, динамика и организация те же, что у Куна, а Кун выдвинул ее раньше, в 1962 г.

Для Фуко язык — как алгебра, каждый элемент существует лишь благодаря операциям, предполагающим систему. Язык не выражение мысли, а лишь сигнал. Сигнал что-то репрезентирует. Картина не имеет иного содержания, чем то, которое она репрезентирует. Нам ничего не дано как непосредственная данность. Благодаря репрезентации вещи начинают существовать лишь в той степени, в которой они образуют элементы означающей системы. То есть благодаря языку. Что названо, то и существует. Пока не названо, не существует.

В «Археологии знания» (1969) Фуко стремился построить методологию эмпирического донаучного знания, найти дознаковый уровень, установить, как до понятий вычленяются логические и теоретические нормы. Это близко к задачам Деррида. В обеих книгах Фуко слово «археология» в названии избрано, чтобы дистанцироваться от истории. Археологию Фуко считал описательной наукой, а историю интерпретирующей. Он подчеркивал, что делает лишь систематическое описание, эмпирически фиксирует явные закономерности, а не выявляет скрытые, не интерпретирует. Это наука. Кроме того, термин «археология» подчеркивает, что здесь нет ни прогресса, ни преемственности и непрерывности истории, а есть лишь случайно сменяющие друг друга эпистемы, не связанные единой логикой.

В статье «Что есть автор?» (англ. перев. 1979) Фуко выделяет два вида дискурса: 1) fiction (история, биография, философия, поэзия) и 2) наука (частные письма, договоры, политическое вещание). В первом функция автора остается, во втором — нет. В какой-то мере это деление совпадает с введенным позитивистами-историками (Бернгеймом) делением источников на предание и остатки. С тех пор как анонимность вошла в науку функция автора элиминировалась. *Наука* воспринимается как объективное представление реалий. А в *литературе*, наоборот, функция автора появляется и укрепляется. Литература воспринимается как послание. Мы хотим знать, кто к нам обращается, почему. Знать биографию писателя, время, условия, прообразы. Мнение Барта отвергнуто.

Фуко различает авторов книги и авторов чего-то большего — теории, традиции. Они создают возможности и правила для формирования других текстов. Как Фрейд или Маркс.

Любопытно, что оба ведущих мыслителя пост-структурализма — Барт и Фуко — гомосексуалы, и хотя говорят, что сексуальная ориентация не отражается на содержании творчества, в данном случае некоторое отражение, мне кажется, есть. Для гомосексуалов этого поколения характерен глубокий интерес к соотношениям природного и культурного в человеке. Оба, Барт и Фуко, подсознательно отстаивали свое право любить не так, как предписано природой всем млекопитающим, а свободно выбирая и конструируя в рамках культуры. Мне кажется, это сказалось в их *релятивизме* (критика абсолютных истин) и в толковании явлений как возникающих только после того, как они получат имя и дефиницию. Это *конструктивизм*. Он сформулирован в трехтомной «Истории сексуальности» (1976–1984).

По Фуко, современный гомосексуал (так же. как и гетеросексуал) изобретен, сконструирован. Раньше были только содомские акты, это считалось грехом или преступлением, но совершавший их не выделялся в особый вид: в это временное отклонение теоретически мог впасть любой. Теперь (с XIX в.) изобретен термин и появился типаж — с историей болезни, образом жизни, особым языком (сленгом) и «бесстыжим телом».

Побывав в 1975 г. в Сан-Франциско, «столице гомосексуалов» США, Фуко был поражен раскрепощенностью тамошних голубых, «свободой самовыражения». Осо-

бенно он пристрастился к гомосексуальным баням с их анонимным сексом. Все снова и снова приезжал туда. Между тем с начала 80-х там уже бушевал СПИД, который и его не миновал. Биографы не уверены, знал ли он, что болен именно СПИДом, или не знал. Скорее знал или, по крайней мере, подозревал: о СПИДе уже во всю гремела пресса. Но он продолжал приезжать и не отказывал себе в сексуальных контактах — вплоть до последнего года жизни. Он ведь конструктивист: пока СПИД не оглашен и не освоен, его нет. Утешала ли эта мысль его случайных партнеров, неизвестно.

е) пост-структурализм Абраама Моля. Этого социолога обычно не упоминают в связи с пост-структурализмом, а между тем его работы, имеющие много структуралистских черт (внимание к структурам мышления, выделение инвариант — атомов культуры, применение математических методов), весьма напоминают концепцию Фуко своим представлением о последовательной смене резко различных моделей культуры: «гуманитарной» и «мозаичной». Французский социолог Абраам МОЛЬ (Moles) директор Страссбургского института социальной психологии, — очень разносторонний исследователь. Он работал в психологии, социологии, эстетике, лингвистике и информатике, увлекался кибернетическими идеями. Его книга «Социодинамика культуры» вышла в 1967 г. (русск. перев. в 1972).

Совокупность интеллектуальных идей, представляющая, по Молю, культуру, содержится большим коллективом (народом, городом и т. п.) в виде «*социокультурной матрицы*», откуда каждому индивиду она проецируется на экран его сознания. Элементарные факты культуры — «*культуремы*» — создаются интеллектуальной элитой для социкультурной матрицы, хранятся и преобразуются в ней, проходят от этой социокультурной матрицы к массам. В этих перипетиях они формируются как информационные сообщения и могут быть измерены. Моль прослеживает некоторые регулярности этой динамики.

Структуру матрицы и всего культурного мира, господствовавшую с эпохи Возрождения, Моль называет «гуманитарной». Эта структура была основана на четко сформулированной доктрине знания и на некоторой иерархии идей: существуют некие основные предметы (тривиум, квадривиум, позже: гуманитарные науки и реальные науки). Есть второстепенные понятия, третьестепенные и т. д. Получалась «сеть» знания, обладавшая четкой структурой с почти геометрической правильностью. Как бы сеть маршрутов мысли с узловыми точками знаний. Школа давала индивиду вход в эту сеть и путеводитель по ней.

Эта модель культуры устарела. Ныне индивид гораздо меньше получает от школьного и университетского образования, чем от чтения рекламы, информации из газет, радио и телевидения, разговоров с друзьями, сослуживцами и соседями и т. п. «От школы остается только дымка полузабытых понятий». Свои ключевые понятия человек теперь получает «статистическим путем», т. е. на основе случайности и теории вероятности, в процессе проб и ошибок. Современная культура «мозаична». Она похожа не на радиально организованную паутину или прямоугольную ткань, а на войлок. Волокна разной толщины, длины и цвета набиты туда в полном беспорядке. Обрывки информации не образуют четких конструкций, в куче фрагментов нет точек отсчета, а есть лишь более или менее яркие, высвеченные понятия.

Это одно из первых проявлений пост-модернистской идеи о неприменимости к культуре логических схем *древа*, корневой системы или каталога и о необходимости модели *ризомы* (ризома — войлокоподобная система плесени). Модель ризомы предложили Жиль Делёз и Феликс Гватари в книге «Тысяча плато: капитализм и

шизофрения» (англ. перев. 1988). Ризома — это случайные сети на основе подвижных узлов, а кое-где они образуют конкреции.

7. Этнография как «описание с нажимом» — Клиффорд Гирц. Раньше археологов в постмодернизм впали культур-антропологи. Лидером пост-модернистского движения в культурной антропологии (или этнографии — в более привычной нам терминологии) оказался американец Клиффорд ГИРЦ (Geertz, род. 1926). Его полевые исследования проходили в Индонезии Он увлекся задачей видеть ненаблюдаемое — стал изучать ментальные структуры. Всю свою академическую карьеру он был известен как структуралист, но, уже имея за плечами 15 лет самостоятельной работы, выпустил книжку с подзаголовком «Интерпретационная теория культуры» (1973), сборник статей за эти 15 лет. К этой книге он написал теоретическое введение, которое сделало его знаменитым именно как постмодерниста. Оно называлось «Thick description» (переводят как 'плотное, густое описание'; на деле термин означает: 'жирное описание', 'описание с нажимом'). Это выражение вынесено и в название сборника.

Сначала он дает свое понимание культуры. Человек живет, погруженный в сеть значений, которую сам сплел своими социальными действиями. Культуру Гирц и считает такой сетью. Это серия игр и многослойный *текст*, в котором значение каждого элемента определяется *контекстом*. Этнографический или антропологический анализ для Гирца не экспериментальная наука, которая ищет законы, а интерпретативная — она пытается *понять значения*, исходя из едва различимых контекстов. Это влияние герменевтики. Культура — это фон социальных действий, который придает им значения. Делая этнографию, мы выбираем информантов, переводим их сообщения, составляем генеалогии, пишем отчеты и т. д. Но не это определяет суть нашего дела, а *описание с нажимом*. Понятие взято у английского философа Гилберта Райла, который применил его лет за 20 до того. Гирц поясняет это так.

Два мальчика одинаково прижмуривают правое веко. Но у одного это невольный тик, а у другого — заговорщицкий сигнал другу. По внешности одинаково, а по смыслу различие огромно, и мы обычно не путаем. Потому что есть такой код в культуре, и есть контекст, который делает то или другое действие уместным.

Далее, представим себе третьего мальчика, который для забавы пародирует первого. Он делает это точно так же, но сверх-явно. Его жест тоже содержит сообщение — насмешку. В культуре есть и такой код — для кривляния. И так далее — с дальнейшим усложнением: воспроизведение этого жеста дома перед зеркалом для практики или для воспоминания; подмигивание для обмана, чтобы думали, что между ним и тем, кому адресовано подмигивание есть тайные отношения...

Как формулирует это Гирц, между *thin description* — описанием без нажима и *thick description* — описанием с нажимом и лежит этнография. Ибо она и изучает *культурные коды*, без которых все эти подмигивания неразличимы. Этнограф увековечивает социальный дискурс и тем превращает его из мимолетного события в запись, к которой можно обращаться снова и снова. Хорошая этнография — это *описание с нажимом*. То есть такое описание, которое делает нажим на мелких, но важных деталях, подразумевая постижение кода. Но как, откуда?

Понять помогает не просто *эмпатия* (вчувствование, охват теми же чувствами), а диалог, личный опыт общения. Поведение людей большей частью *символично*. Надо спрашивать, в чем нагрузка символов, их вклад, их значение. Мы с этим не считаемся, когда реифицируем (овеществляем) культуру, подаем ее как совокуп-

ность вещей, обрядов и т. д. Или редуцируем (сводим) к грубым конфигурациям поведения.

«Культура — в головах людей». Но как же ее понять, как расшифровать коды?

Видеть вещи с точки зрения действующего — это применять Verstehen-подход, прибегать к *интерпретации*. Это особенно хорошо видно на работах Гриоля и Детерлин, которые пошли на выучку к магу-туземцу, чтобы понять его культуру. Наилучшая метафора этого метода — *инициация*.

Описания культуры туземцев это не сами туземцы. Антропологические сочинения — это интерпретации. Это системы вторичного и третичного порядка. Как мы их понимаем. Значит, они — *fiction* (сродни художественной литературе). Обозначение Гирц взял от Фуко. Не фикции, не фальшивки, а именно *fiction* — литература с большим участием воображения, творческой фантазии. Полностью они никого убедить не могут, так что реализованные как форма поведения, они продолжаются как ирония. Очень многое зависит от автора.

Это интерпретационный или герменевтический подход.

Сразу же отметим, что необходимость в особом понимании, некоем коде, у Гирца не доказана. Если действия внешне схожи, то никакой код не поможет, и не код нужен, а знание контекста.

В 1988 г. Клиффорд Гирц выпустил еще одну книгу: «Произведения и жизненные пути. Антрополог как автор» (Geertz 1988). Он, конечно, использовал как ее отправной пункт работы Фуко и Барта об авторстве.

Начинает он с того, что объявляет иллюзией представление будто этнография — это сортировка странных и нерегулярных фактов в знакомые и упорядоченные категории: вот магия, вот техника... Нет, этнография — это вид писательства. Мифами объявляет он утверждения, что этнографические тексты убеждают своей очевидностью. Такой же миф — что они убеждают благодаря своим теориям. Теоретический аппарат Малиновского лежит в руинах, но этот ученый остается этнографом из этнографов. Способ убеждения лежит в том, что авторы создают ощущение, что они действительно проникли в другую форму жизни — что они действительно были там (*been there*). А как это впечатление делается — это *способ письма*.

Этнографическое описание по необходимости ситуационно. *Этот* этнограф, в *это* время, в *этом* месте, с *этими* информантами. Другие прибыли на то же место — другая информация. Кому верить? Да и сами объекты на месте изменятся...

По классификации Фуко этнография принадлежит к разряду fiction, литературы, а не науки. Как же проявляется в ней авторская функция? И что же за труд выходит из под пера этнографа? Каков словарь, риторика, способ аргументации?

Есть, пишет Гирц, *насыщенные авторством* тексты (*author-saturated* texts) и *с изъятием авторства* (*author-evacuated*). К первым принадлежат труды Малиновского и Фёрта — в них тонким выписыванием деталей создается *эффект присутствия. This-happened-to-me effect* (Эффект: «это со мной случилось»). У Эванса-Причарда, наоборот, прозрачный деловой стиль. Он переключает на факты, тем и создает доверие. Но его критики (Дан Спербер) указывают, что его пересказ аборигенов на деле представляет собой лишь его собственную интерпретацию: «нуэры думают» — не нуэры думают, а Эванс-Причард думает, что нуэры думают так. Леви-Стросс — типичный автор, для которого факты не важны, а важно, что и как он говорит о фактах. Не что за окном, а само окно, и оно не прозрачное, а как бы цветной витраж. Проза Леви-Стросса туманна, метафорична, буйно заросла роскошными и экстравагантными тропами.

По мнению Клиффорда Гирца, этнографические труды вообще не должны строиться монологично. Он за *дискурсивную модель этнографии*, она обеспечивает *интерсубъективность*, а это если не путь к объективности, то сносная замена ее. Диалоги с местными жителями, с информантами, автор-интерпретатор и читатель, к которому он обращается, его известные оппоненты. Когда записываются точно рассказы информантов, кто тут автор полевых записей? Это классическая проблема интервью.

Работы Гирца произвели такое впечатление на антропологов, что Джон У. Беннет появление пост-модернистой антропологии, которую он определяет как «символистскую и литературную антропологию», называет «Гирцианской Революцией» в антропологии.

В 80-х гг. вышел еще ряд теоретических книг по культурной антропологии постмодернистского направления: Маркус и Фишер «Антропология как культурная критика» (1986), сборник: Клиффорд и Маркус «Писать культуру: поэтика и политика этнографии» («Writing culture» 1986); Клиффорд «Заковыка культуры» («The predicament of culture» 1988). В сборнике Джеймс Клиффорд пишет, что предвзятым описание чужой культуры делают многие вещи: зависимость от контекста и социального окружения, институты общества, к которым причастен исследователь, жанр и риторика текста, политика и проч. Он призывает к рефлексии, к которой уже давно призывают апологеты критической теории.

В книге «Заковыка культуры» Клиффорд рассматривает трудности познания чужой культуры, уделяя внимание проблеме превращения дискурса в текст. Этнографы превращают дискурс в тексты для последующей интерпретации, забирая их с поля с собой. В тексте конкретные субъекты и деятели отчуждаются от результатов. Поэтому подвергается критическому анализу литературная сторона этнографической работы. Чтение — это интерпретация текста. Но интерпретация — это не перенесение снова в среду, снова к индивидуальным субъектам. Конкретные рассказчики должны уступить место генерализованному действующему лицу, в антропологии — нуэрам, тробрианцам, тикопия, берберам.

Наконец, Клиффорд вводит понятие *дефамилиризации* — отстранение от авторитета, избавление от чувства надежности результатов. Также отказ от привилегированной позиции исследователя по отношению к объекту, к информанту. Уравнение в правах. Смирение этнографа — повод для пересмотра собственных культурных ценностей. Как у Гриоля.

Перед своей смертью (1989) известный этнограф-структуралист Эдмунд Лич написал рецензию на книгу Гирца. В конце ее он признал постмодернистские принципы:

> «Этнографическая монография имеет больше общего с историческим романом, чем с каким-нибудь научным трактатом. Как антропологи мы вынуждены примириться с ныне уже признанным фактом, что в романе персонажи воспроизводят те или иные аспекты личности автора. Да и как может быть иначе? Единственное "я", которое я знаю непосредственно, это мое собственное.
>
> Когда Малиновский пишет о жителях Тробрианских островов, он пишет о себе.
>
> Когда Эванс-Причард пишет о нуэрах, он пишет о себе. ...
>
> Как авторы этнографы в первую очередь озабочены не истинностью фактов, они убеждают тем, как пишут» (Leach 1989).

Я уделил так много места постмодернизму в этнологии, потому что это дает возможность лучше понять речения археологов-постпроцессуалистов. Перебрав по-

ложения постмодернизма в философии и ознакомившись с их усвоением в антропологии-этнографии, мы можем теперь воспринять идеи постпроцессуалистов в археологии не как чистое позерство и эпатаж, а как закономерные проявления общей тенденции в рамках социально-исторического сдвига.

8. Ян Ходдер — лидер постпроцессуализма. Ян Ходдер (Ian Hodder, род. 1948) младше своего учителя Кларка, а значит и Колина Ренфру, на 11 лет. В 1968 г., как раз в «год Бинкларка», он поступил в Институт археологии Лондонского университета. Слушал Уиллера, Граймза. В 1971 г. окончил бакалавром и поступил продолжать образование в Кембриджский университет под крыло обоих Кларков, но в основном младшего. В 1974 г. вышла его первая статья, когда ему было 26 лет.

Ян Ходдер уже давно на арене, но остается молодым и стройным (рис. 39.1), разговаривает негромко и держится очень скромно. Книг он выпустил много, и они полны шокирующих идей, излагаемых солидно и всерьёз. Как и его учитель Кларк, он долго не получал звания профессора, но, в отличие от Кларка, он не умер преждевременно и звание, наконец, получил (сейчас ему около 60).

Рис. 39.1. Ян Ходдер (Malina 1981: 305).

Долго он был просто одним из лучших учеников Дэвида Кларка. Некоторые последние книги Кларка редактированы Ходдером. Ходдер и остался преподавать в Кембридже. Его первые книги и сборники, еще в 70-х, посвящены применению компьютеров в археологии и работам в пространственной археологии. Это были интересы Дэвида Кларка, Новая Археология. Сборник «Пространственный анализ в археологии» появился в 1976 г. (редактирован вместе с Клайвом Ортоном), в 1978 г. сборник «Исследования по симуляции в археологии» (имеется в виду проигрывание,

обычно на компьютере, реальных ситуаций древности для целей реконструкции). В 1881 г. вышел сборник памяти Кларка «Конфигурации прошлого», где Ходдер — один из редакторов.

Но уже в сборнике 1976 г. он усомнился в объективности методов Новой Археологии. Его поразил феномен эквифинальности: разные факторы, участие разных обстоятельств нередко приводит к одинаковым результатам! Как тогда по результатам судить о причинах? То же показала и симуляция: разные виды обмена должны бы производить разные кривые падения числа находок с удалением от центра (из этого и исходил Ренфру), но производят одинаковые.

9. От этноархеологии к символам. В начале 80-х он уже движется в новом направлении — к этноархеологии, т. е. он вступил на тот путь, который Бинфорд стал осваивать на десятилетие раньше, а Кларк начал теоретически осмыслять в своей «Утрате невинности», но не успел развить. Уже в мемориальном кларковском сборнике напечатана статья Ходдера, в которой он излагает свою этноархеологическую работу среди лози в Африке. В 1882 г. 34-летний Ходдер издает учебник этноархеологии «Современное прошлое: введение в антропологию для археологов» (под антропологией тут имеется в виду не физическая антропология, а культурная). В том же году появляется его книга под названием «Символы в действии: Этноархеологические исследования материальной культуры». И тогда же сборник «Символическая и структурная археология».

Книга «Символы в действии» посвящена одному старому предмету споров в археологии: отражают ли археологические культуры реальность и совпадают ли они с этносами. Диффузионисты всех сортов отвечали на этот вопрос утвердительно, энвиронменталисты и эмергентисты признавали первую часть вопроса (да, реальны) но отрицали вторую (не обязательно этносы), а гиперскептики и ведущие «новые археологи» (Бинфорд и Ренфру) отрицали и реальность археологических культур. Дэвид Кларк отвечал утвердительно на обе части вопроса. Ходдер решил проверить это соответствие в этнографии Африки. Оттуда извлек уроки для Европы.

> «Разбить преисторическую Европу на блоки материальной культуры, обсуждаемые изолированно в плане происхождения, ассимиляции и передвижений народов, значит пропустить центральный вопрос: какие формы социально-экономических стратегий привели к устойчивости границ?» Ходдер считает, что обсуждать хозяйство культур по отдельности нельзя. Европа была системой. «Экономики различных одновременных и соседящих одна с другой культур в преисторической Европе должны изучаться в их соотношениях как взаимозависимые части в целостной системе, а не в изоляции» (Hodder 1982a: 188).

Это системный поход. Ходдер дополняет его структуралистскими идеями.

Предполагалось, что в материальной культуре отражается степень взаимодействия населения. Тогда местная культура и археологическая культура окрашены в этническом плане. Ходдер пришел к выводу, что прямого отражения нет, потому что взаимодействие осуществляется в различных аспектах и с разными группами людей. В процессе этого взаимодействия аборигены вырабатывают объединяющие их символы — знаки статуса, особые украшения, формы одежды, типы оружия и орудий. Разные типы и другие символы объединяют их не с одними и теми же людьми и противопоставляют их тоже не одним и тем же. У мужчин одни символы, у женщин другие. Одни легко переходят границы между племенами, другие остаются внутри.

Итог Ходдер сформулировал не очень отчетливо:

«Интерес к роли открытых границ во взаимодействиях между группами обходит вопрос, означают ли культуры ... народы. Фактически представляется, что явно дискретные культурные ареалы часто также предполагают народы в некотором нематериальном смысле, но интерпретация в плане политических или языковых общностей или осознающих себя племен не обязательно надежна в смысле проверки относительно роли и значения культурных границ самих по себе» (Hodder 1982a: 188).

По стилю этот тезис еще близок к речениям Дэвида Кларка. Из него не очень ясно, как Ходдер решает поставленный вопрос. Видимо, он имел в виду, что этнические границы нужно проводить не по формам хозяйства, а по символике артефактов. Но из контекста ясно, что Ходдер ориентировал свои этноархеологические штудии не на поиск коррелятов родам материальных остатков, а на мир идей, символических значений артефактов, которые очень различны и могут быть крайне удалены от экономической функции. Это было уже новое направление.

Между тем, в антропологии оно было не таким уж новым. Структурная антропология развивалась с 1950-х. Его статья в сборнике под его редакцией «Символическая и структурная археология» носила дразнящее название «Теоретическая археология: реакционный взгляд». Здесь, как бы выполняя завет Эдмунда Лича десятилетней давности, он критиковал функционализм как основу Новой Археологии, но критиковал и структурализм, только мягче, потому что структурализм он вроде бы и сам проводил, выявляя символы, коды и правила. Самоаттестация разъяснялась так:

«Теория, обсуждаемая в этой книге, реакционна тем, что она принимает: культура — не внетелесные средства адаптации человека, а построена на значениях. Контекстная или культурная археология также реакционна тем, что видит в археологии историческую дисциплину. Действия человека и его разумная адаптация должны быть поняты как исторически и контекстно специфические, и нужно объяснить уникальность культурных форм. ... Доклады в этом томе также реакционны в том смысле, что они против ригидного логико-дедуктивного метода, ставшего характерным для большей части Новой Археологии» (Hodder 1982b: 13).

В середине 80-х появились его самые известные работы и провозгласили появление нового течения.

Статья в «Антиквити» намекала на антиутопию Джорджа Оруэлла «1984», в которой Оруэлл описывает тоталитарное общество будущего, где все живут в обстановке полного террора и лицемерия Большого Брата. Оруэлл писал свою антиутопию в 1949, сразу после войны. Материалом для него служили и нацистская Германия и Советский Союз, но тоталитарное общество англо-американского мира он относил в далекий 1984 год. Но вот 1984 год наступил. Ходдер пишет статью «Археология в 1984» и ссылается на цитату из Оруэлла: «ложь была введена в историю и стала правдой. "Кто владеет прошлым, — был лозунг партии, — владеет будущим; кто владеет современностью, владеет прошлым"». Ходдер транспонировал ситуацию на современное положение археологии в обществе. Он пишет, что восприятие археологии как *точной науки* создает впечатление о ней как о нейтральной науке, но это только иллюзия. Функционализм в целом и Новая Археология в частности служат капиталистическому патриархальному обществу и распространяют его взгляды на прошлое. Они представляют его как общечеловеческое и этим увековечивают его. Человека они рисуют как пассивное существо, управляемое законами.

Разоблачение иллюзии нейтральной науки и намек на ее политическую тенденциозность — это, разумеется, вклад «критической теории» франкфуртского марксизма.

В 1985 г. Ходдер опубликовал статью «Пост-процессуальная археология», которая дала имя всему направлению. В этой статье он выдвинул лозунг: «Процесс слишком важен, чтобы его оставить процессуалистам» (Hodder 1985: 5). Упор на символизм с его точки зрения отвергает материалистический детерминизм и переводит внимание исследователя на нематериальные факторы. Если мы ограничимся по принципам позитивизма только вещественным и очевидным, то межкультурные сравнения невозможны, потому что у каждой культуры своя система символов, свои коды, свой язык. Ходдер придерживается релятивизма и склонен скорее к идеализму, чем к материализму. Это вроде бы противоречит марксизму, но всё это у Ходдера спокойно уживается.

В пост-процессуализм, пишет он, входит много разных подходов и направлений — марксизм, структурализм, критическая теория, феминизм — и очень хорошо. Эта декларация развита в ближайших последующих работах. Как вы видели, Ходдер несколько эклектичен, он подбирает всё, что кажется ему антипроцессуальным, и бросает это в котел, в котором он варит свою теорию. Часто говорят, что нет собственной теории Ходдера, а есть ряд вполне самостоятельных и давно созданных течений, а единственная общая для них черта, их общая шапка, под которой собраны столь разные течения, это их антипроцессуальная установка.

10. Чтение прошлого. Наконец, в 1986 г. вышло главное произведение Ходдера «Чтение прошлого: Современные подходы к интерпретации в археологии».

Здесь Ходдер сделал последовательные заключения с позиции, что артефакты содержат символы, а эти символы закодированы. С позиции, что есть сходство между культурой и языком. Если так, то мы должны читать их, как слова и буквы. Материальная культура является тогда *текстом*. Так метафора стала ядром его теории. Но Ходдер не вполне приравнивает артефакты к словам и буквам. Буквы и слова мы знаем, а древние символы — нет. Он полагает, что археологи придают *свои* значения древним символам, а насколько они совпадают с древними значениями — это особый вопрос. Кроме того, читать памятник нужно именно как цельный *текст*, не по отдельным деталям — как бы словам и буквам.

Если археологи-традиционалисты создавали культ факта, а Новая Археология — теории, то Ходдер считает, что факт и теория равноправны, и важность того или иного зависит от ракурса зрения в каждой ситуации, а ситуация определяется личностью, культурой и историей.

Книга Ходдера стала образцом и указателем для его последователей: Тилли выпустил сборник «Чтение материальной культуры» (1990), у Томаса в книге «Переосмысляя неолит» (1991) есть глава «Чтение памятников».

В этой книге Ходдера сведены воедино все лозунги и направления пост-процессуальной археологии, собраны вместе знамена всех ее отрядов. В заголовках ее разделов звучат все их названия: «системный подход», «структуралистская археология», «марксистская археология», «критическая теория», «контекстная археология», «гендерная археология», «этноархеология». Социологическому настрою процессуалистов противопоставлена ориентация на историю, а понимание истории выражено в том, что ей предписано не «превращать человека в пассивный объект действия законов истории» и фокусом ее является «активный индивид» (еще один заголовок раздела).

Рассмотрим все основные проблемы пост-процессуализма по этой книге.

а) Интерпретирующая текст археология. К языку приравнивали материальную культуру давно (хотя бы структуралисты). Понятие 'текста', — считает Ходдер, — более, чем язык, подходит к рассмотрению материальной культуры в ее двойной роли предметов и знаков или символов. Вот и Рикёр считал, что человеческие действия лучше отражаются в тексте, чем в языке. А с материальной культурой текст роднит вещественность, материальность.

Приравнивая материальную культуру к тексту, Ходдер оговаривает, что этот текст не имеет реального содержания, т. е. не содержит сообщения, он не коррелирует прямо с действительностью. Даже когда мы имеем дело с настоящим текстом, у создателя которого было намерение сказать нам нечто, понимание определяется не только этим. Что́ мы можем прочесть, зависит и от нашего мышления и знания. Нам приходится *интерпретировать* текст на основе нашего опыта. Опыт у людей разный, соответственно интерпретация тоже. Содержание текста, что бы в него ни было вложено, может быть сведено к сумме возможных интерпретаций. Коль скоро опыт длительный и продолжается, приходят новые интерпретации, и число интерпретаций бесконечно велико.

Ходдер видит в этом реальную специфику археологического источника, а именно что он неисчерпаем, потому что бесконечен процесс человеческого совершенствования. В этом он прав. Однако в этих рассуждениях Ходдера утерян реальный археологический факт. Культура не покрывает полностью язык, а язык не покрывает полностью культуру. Главная задача языка — коммуникация. Материальная культура не может быть сведена к коммуникации. Она связана и с удовлетворением объективных потребностей людей и всего общества, функционирует в этом поле.

Но Ходдер продолжает. Если археологический источник рассматривается как текст, он, как и письменный источник, должен подвергаться источниковедческой критике — такой же, как у историков. Очень хорошо, но это уже давно подмечено в Германии Эггерсом, и предложены методы такой критики.

В общем Ходдер обращал много внимания на письменный компонент в формировании источников. Что вообще остается от памятника после раскопок? Отчет, текст. В 1989 г. Ходдер печатает статью в «Антиквити»: «Писание археологии: отчеты о местонахождении в контексте». Он находит, что отчеты XVIII века были в некоторых отношениях лучше: они были связаны с контекстом и личностью исследователя (написаны в форме писем, от первого лица, включали непосредственные впечатления), тогда как отчеты XX века абстрактны, дистанцированы и деперсонализованы. И скучны. В отчетах должно быть больше риторики, больше повествовательности и даже диалогов.

Эта идея, которая вполне в духе постмодернизма, была подхвачена другими пост-процессуалистами (ее самое новое, 2003 г., выражение — в книге Джойс, Прусселя и др. «Языки археологии: диалог, повествование и письменный»).

б) Герменевтика и релятивизм. В названии книги Ходдера фигурируют термины «чтение» и «интерпретация». Это показывает, что смысл приравнивания материальной культуры к тексту заключается в приложении *герменевтики* к археологии. Ходдер решительно отвергает весь сухой механизм позитивистского *объяснения*, столь излюбленный Новой Археологией, и воздвигает на его место герменевтическое *понимание*. По мнению Ходдера, объяснение уподобляет археологию точным наукам и подразумевает единственно правильный путь к открытию объективной истины через проверку теорий (как гипотез) фактами. «Много вреда было

нанесено археологии грубостью проверки гипотез и узостью 'научного метода'...» (Hodder 1986/1991: 187).

Герменевтика же предполагает бóльшую роль интуиции, схватывания целостной картины. Она подразумевает опору на жизненный опыт исследователя, вписанный в опыт всей его культуры, и связь этой культуры с культурами прошлого. Это в свою очередь предполагает способность исследователя вжиться в материалы чужой и далекой культуры.

> «Герменевтика подразумевает понимание мира не как физической системы, а как объекта человеческих мыслей и действий. ... Как бы археологам ни хотелось думать иначе, они редко работают как позитивистские ученые-естественники. Я бы сказал, что в целом то, что они имеют обыкновение делать, это следовать простым герменевтическим процедурам в потоке меняющихся интерпретаций» (ibid.: 150).

На деле, учит Ходдер, наши описания фактов изначально нагружены теориями, так что невозможно установить вполне объективную истину. Всякая истина относительна, всякое заключение содержит только зерно истины. Наши заключения субъективны, и мы должны отчетливо сознавать это. Тогда мы будем в состоянии понять, что другие взгляды не менее вероятны, чем наши. Это *релятивизм.*

Вот в чем основа эклектичности Ходдера, его приверженности разнообразию подходов и его убеждения в позволительности принципиально разных решений. Эти его призывы к плюрализму мнений носят демократический характер, но, как всякий релятивизм имеют и свою изнанку.

Каждый археолог вправе иметь свою собственную картину прошлого. Не-археологи также. Аборигены также. Также и верующие, которые хотят запретить раскопки могил. Можно спросить: также и Деникен с его «Воспоминаниями о будущем»? Также и приверженцы нацистской расовой теории? Где-то здесь должна быть найдена граница, и ее стоило бы обосновать. Этой опоры пост-процессуализмом не найдено.

Ходдер понимает это и ищет выход.

> «Любая дискуссия о 'чтении' прошлого или о внутренних значениях содержит намек на эмпатию и нехватку точной науки, так что утверждение "по мне это имеет смысл" становится конечным судьей в любом споре. Таким образом, археология становится жертвой интересов. Пост-процессуальные археологи, однако, отвергают эмпатию и представление, что чья-то интерпретация прошлого, хоть и несвязанная с данными, равно весома» (ibid.: 187).

Одни пост-процессуалисты решают дело выявлением перспектив разных картин прошлого и критикой вложенных в эти перспективы интересов. Другие подчеркивают сопротивление данных — данные налагают ограничение. Сам Ходдер считает возможным «диалектическое» соединение обоих решений. «...археология есть то, что она есть сегодня в каждой стране частично из-за того, что найдено. А найдено то, что искали...» (ibid.: 188).

в) Критическая археология. Выявление интересов, вложенных в разные трактовки прошлого — это проявление другого направления, принятого Ходдером в свое мышление, а именно так называемой «критической теории». Она была создана западными марксистами (Франкфуртской школой). «Новые археологи» применили эту теорию к археологии первыми (в 1980 г.), затем Ходдер, еще больше увлеклись его ученики (Миллер, Тилли) и сторонники (Лиони), и появилась «критическая археология».

У самих основателей «критической теории» содержались разоблачительные положения, что созданная буржуазным обществом «культурная индустрия» производит массовую культуру, а низы ее пассивно потребляют, не замечая, что она скрыто проводит идеологическую обработку, являясь могучим средством такой обработки. Мятежные археологи заявили, что археология на телевидении и в популярной литературе является частью этой массовой культуры. Публика невольно уклоняется от хаоса первобытного прошлого, поддаваясь очарованию всемогущей научной археологии, якобы аполитичной и нейтральной, а она формирует то представление о прошлом и о ходе истории, которое требуется господствующим социальным силам. Критическая теория полагает, что идеалы объективности и свободы от оценок сами выражают чьи-то классовые ценности, кому-то выгодны, кому-то нет.

Ее приверженцы полагают, что, критикуя и разоблачая социальные корни тех или иных археологических концепций, они освобождаются и освобождают других от идеологической обработки, от ложных взглядов. Но если все порождены социальными позициями, все неразрывно связаны с классовой идеологией, то как обнаружить правильные взгляды? Ведь «критическая теория» тоже классово обусловлена, как и все теории! «По какому праву или благодаря каким процедурам она присвоила себе особый теоретический статус» (Hodder 1986/1991: 178) и может считать, что избежала той западни, в которую попали все остальные теории? «Новый археолог» Марк Лиони считает, что такую гарантию дает ей «материалистическая археология» (Leone 1982: 757). «Но я, например, не принимаю основные догматы материализма ..., я могу утверждать, что материализм сам есть ложная идеология — что это просто еще одна универсальная теория, развиваемая ученым сообществом, чтобы утвердить привилегию на контроль над «правильной» интерпретацией прошлого» (Hodder 1986/1991: 178).

Альтернативное средство обойти эту трудность, это признать, что прошлое непознаваемо во всей полноте, и избрать политическую позицию, которую и объявить.

> «Это, — заявляет Ходдер, — разумеется, честный ответ, которые многие найдут привлекательным, но возможные результаты разрушительны. Если прошлое не имеет целостности и любое объяснение столь же добротно, как объяснения других, то археология полностью открыта политическим манипуляциям со стороны правительства, элит, экономических групп, и фашистских диктатур. С данными, описанными как полностью субъективные, археолог не имел бы возможности апеллировать к данным, возражая против злоупотреблений прошлым» (ibid.: 179).

А что же он сам? Он ссылается на то, что факты археологии имеют «контекстную реальность в отношении к теории». Опять же это кратко и не очень ясно. Но обратимся к его объяснению значимости контекстов и структур.

г) Структуралистские и контекстуалистские идеи. Эти идеи он проводил в названных и в последующих работах. В чем состоит нововведение Ходдера? Процессуальная археология рассматривала *материальную культуру* как *эпифеномен*, т. е. как сопутствующее явление. Это означает нечто, что само по себе не интересно для научного сообщества, а привлекает внимание только как выражение и отражение действительно важных явлений — социальной структуры, экономики, воздействия природной среды. Во время своих этнографических исследований в Африке Ходдер пришел к заключению, что материальная культура имеет не только такое значение. Что артефакты, материальные вещи, все нагружены *символическими значениями*, и, поскольку они изначально так созданы, они сами активно участву-

ют в социальной жизни. А это означает, что они и сами были частью *социальной структуры*. Наша задача — распознать эти их значения.

> «Мы откапываем материал, как и откапываем идеи. И мы хотим видеть каждый объект **и** как объект, результат процессов и действий, **и** как знак, поскольку объект (горшок) может быть означающим для других объектов (таких как племя 'х' или женская деятельность)» (ibid.: 48).

Активная вовлеченность артефактов в социальную деятельность ведет к ситуациям, в которых символы не отражают просто социальные условия, а могут камуфлировать и искажать их.

Он обращает здесь интерес к символам не только против процессуалистов, но и против поведенческой археологии Шиффера: она ведь интересовалась главным образом поведением и вещами, а не мыслями и символами.

Чтобы познать их значения, нужно понять всю *ментальную структуру*, в соответствии с которой они были созданы. Это возможно лишь тогда, когда имеешь перед глазами *целостность*, чем шире, тем лучше.

Ходдер иллюстрировал свои мысли о целостности раскопками на Оркнейских островах, где копали такие прославленные археологи, как Чайлд (Скейра Брэ), Кларк и Ренфру. Они раскапывали поселения, как и могилы и ритуальные места и объединяли их в группы — поселения с поселениями, могилы с могилами и т. д. — так устанавливались типы и категории, чтобы далее исследовать связи между ними и аналогичными памятниками Англии и континента. Никто из этих археологов не осмеливался нарушить рубежи между этими категориями и сопоставить поселение с могилами вокруг него. Вот это и было проделано Ходдером, и он нашел поразительные сходства! Немудрено: это были археологические культуры, давно забытые Новой Археологией. В 1984 г. эта тема была им развита дальше в статье «Погребения, дома, женщины и мужчины в Европейском неолите», уже для всей Европы.

Ну, что ж, это функционалистское понимание уже было провозглашено за несколько десятилетий до того Тэйлором в его сопрягательном подходе и вызвало к жизни контекстуализм. Всё нужно рассматривать в *контексте*. Но, вероятно, в Англии Тэйлора не очень прилежно читали, так что призыв звучал свежо.

Внимание к ментальным структурам также не ново — этим много занимался структурализм в культурной антропологии, причем, хоть этого в Англии не замечали, он развивался с 30-х годов и в археологии, правда, в немецкой. Но в Англии структурализм представлялся французским поветрием, так что выглядел новаторски и чарующе.

Ходдер чувствовал, что повторение старых идей всё же несколько принижает привлекательность новой доктрины для молодежи. Поэтому, прежде всего, он выдвигает идею принципиального отказа от узко доктринерского подхода. Он заявляет, что уже само расширение диапазона исследовательских подходов, сочетание разных концепций, диверсификация методик является новшеством. Таким образом, он превращает эклектизм из принижающего клейма в преимущество.

Во-вторых, он старается показать (это уже во втором издании его книги «Чтение прошлого»), что каждое из старых учений получает у него новые качества. Старый структурализм подразумевал системность, в которой знаки получали свои особые значения только благодаря различиям от других знаков, и был принципиально неисторичен. А Ходдер подчеркивает связь с историей и роль активного индивида. Прежний контекстуализм имел дело с контекстами экономики, социальной и при-

родной среды. А Ходдер имеет в виду контексты символических связей и значений. «Истинно строгий и поэтому научный анализ должен также исследовать символические значения, которые являются посредниками между структурой (или пэттерном, конфигурацией, узором) и социальными функциями» (ibid.: 41).

Будучи вынужден принять структурализм ради операций с символами и целостными контекстами, Ходдер обращает внимание и на те слабости структурализма, которые я отмечал в главе о структурализме.

> «Как можно осуществлять структуралисткую археологию строго? Структурализм печально известен своими неверифицируемыми полетами фантазии, необоснованными аргументами, поскольку все данные могут усилием воображения быть представлены как трансформации друг друга и подстилающих структур» (ibid.: 51).

На этот вопрос, надо признать, хорошо поставленный, ответ Ходдера снова не очень сильный:

«Многие структуралисткие анализы впрямь оказываются строгими и широко признаны» (по голосованию?). То, что люди различают их, признавая, что одни лучше других, говорит о том, что есть критерии (а эти критерии не субъективны?). «Наиболее широко распространенная процедура взвешивания, принятая в структуралистской археологии, заключается в том, чтобы продемонстрировать, что одни и те же структуры лежат за многими разными типами данных в одном и том же историческом контексте» (ibid.). Но как доказано, что это одни и те же структуры? Теми же трансформациями всего во всё? Порочный круг.

Прочность методики еще больше ослабляется следующими сентенциями: «Вопрос о верификации структуры — относится ли структура к данным? — это условный вопрос» (ibid.: 52) и «материальная культура не представляет социальные отношения — скорее, она представляет субъективный взгляд на социальные отношения» (ibid.: 56).

д) Исторический идеализм. Если Новая Археология, как и функционализм и структурализм, были антиисторичны и заменяли рассмотрение в динамике анализом статики, если первые два течения роднились с социологией и выявляли законы процесса, то пост-процессуализм устремился назад к истории как непредсказуемой последовательности событий. Ходдер заявил, что «археология должна вернуть свои традиционные связи с историей» (ibid.: 80). «Чем позволять исторической археологии становиться 'новым' естествознанием ..., было бы больше пользы в переводе многих методов и предположений исторической археологии в преисторическую» (ibid.: 105).

Ходдер ссылается на Коллингвуда. Толкуя о подчинении хода истории универсальным правилам, историк уподобляется естественникам и остается *вне* событий. Но, выявляя суть событий (не Цезарь перешел речку Рубикон, а полководец нарушил запрет сената), историк входит *внутрь* событий, постигает их *внутренние значения*. Археолог в том же положении. «Именно когда мы делаем предположения о субъективных значениях в сознании давно умерших людей, только тогда мы начинаем делать археологию» (ibid.: 82).

Почему о субъективных значениях? Ходдер поясняет:

> «Я считаю, что роль истории — в том, чтобы понимать скорее человеческие действия, чем события. Ухватить в действии — это ухватить в субъективном значении, *внутри* события. Так что есть тесная связь между историей и идеализмом. Под идеализмом я не имею в виду, что материальный мир не существует: скорее термин ...

предполагает, что материальный мир таков, каков он есть. Он должен быть воспринят, прежде чем можно действовать в соответствии с ним. Значит исторический идеализм это изучение того, как эти субъективные значения оказываются в историческом контексте...» (ibid.: 83).

Конечно, Ходдер вместе с Максом Вебером против марксова исторического материализма, с его первичностью производительных сил и производственных отношений. Вебер на примере значения духа протестантизма для успешного развития капитализма показывал противоположное — первичность духа. По мнению Ходдера, Чайлд делал то же самое, выявляя значение духа независимости и изобретательности для промышленной революции и полагая, что этот дух выделял европейцев по сравнению с азиатами и африканцами уже в бронзовом веке.

Ходдер понимает трудности такого подхода для археологов:

«Если археологи должны уделять больше внимания внутренним значениям, сути событий, как они могут это делать? Как мы могли бы по археологическим фактом реконструировать ману, кельтский дух, протестантскую этику, европейскую изобретательность, отношение к правому и левому? Проблема состоит в следующем: если мы отвергаем материализм, мы не сможем больше выводить идеи из материальной основы. Так что межкультурно-сравнительная, предсказательная форма выводов отпадает. Если каждый археологический контекст уникален и остается частным, то как нам интерпретировать его?» (ibid.: 94).

Ходдер опять ссылается на Коллингвуда, который не видит отдельного существования фактов вне теорий, ведавших их выявлением, описанием и категоризацией. А теории эти поверхностны и ненадежны, как их сделать более весомыми?

«...а мы этого и не делаем. ... Тут возможны только спор и приближение без конца, это и есть взгляд, принятый в этой книге. Но такой ответ был бы в целом слишком поверхностным». Мы можем делать строгие реконструкции и развивать критерии для выбора, какая теория лучше. Как? «... сперва погружаясь в контекстные данные, восстанавливая прошлое мышление через собственные знания ... Прошлое — это опыт, который нужно прожить в своем сознании».

«Оживление прошлого достигается методом вопросов и ответов. Нельзя сидеть издали и наблюдать данные; их надо привести в действие, задавая вопросы...», и вопросы эти должны быть определенными, конкретными и быть нацелены на мотивы. «Хоть каждый контекст уникален, возникая из частной исторической ситуации, мы можем пережить идентичность общего чувствования с ним; каждое событие, хоть и уникальное, имеет универсальность, обладая значением, которое может быть постигнуто всеми людьми во все времена» (ibid.: 98–99).

Проще говоря, это сводит всё дело к двум вещам: а) к строгому эмпирическому установлению и полному описанию фактов данного контекста, и б) к мысленному вживанию, опирающемуся на богатое воображение и собственный психологический опыт пребывания в максимально схожих ситуациях.

«Итак, — заключает Ходдер, — чтобы продвигаться вперед, археология должна вернуться назад. ...вернуться во времена до Новой Археологии. ... Новая Археология клеймила всю предшествующую археологию как нормативную, описательную, спекулятивную, неадекватную — пришло время оборвать это и начать сначала... Проверяя разные "новые подходы" в археологии за последние 20 лет, я показал, что их ограниченность происходила как раз из-за ухода от культурных значений, индивида и истории» (ibid.: 104–105).

Возвращая ориентацию на индивида в истории, Ходдер также оказался в струе заметного потока, выявившегося еще в конце 70-х годов. Но там речь идет только о возможности выявлять индивида через стилистические детали археологического материала и как-то использовать результаты этого, а Ходдер поставил вопрос о роли личности в создании культуры. Правда, и это в археологии уже было — в концепции Вале.

Одним словом, Ходдер провозглашает неверие в исторические законы и веру в решающую роль личности и случайности в истории. Он декларирует также многозначность каждого археологического факта и важность символического в культуре. Но символы у каждой культуры свои: форма знака произвольна, условна. Отсюда предложение читать археологический материал как текст, т. е. как совокупность знаков, которые в каждой культуре свои. В нашей современной культуре один набор знаков, в старой культуре другой. Как же нам ее понимать? В точном смысле это вообще невозможно.

На обложке книги помещено изображение глиняных ног из Стокгольмского музея, и Ходдер сопровождает эту метафору такими пояснениями в предисловии ко второму изданию: «Сапоги археолога, глиняные ноги, часто оказываются погруженными в прошлое. Уйдут ли эти ноги, просто оставив пустые следы, или сапоги будут заполнены личностью археолога и значением прошлого?» (ibid.: XIV).

11. Ходдер и пост-процессуализм. Он написал еще ряд книг (и продолжает выпускать), но уже упомянутые книги сделали течение состоявшимся. Последующие книги и сборники развивали разные стороны пост-процесуализма.

В 1987 г. под его редакцией вышло два сборника: «Археология значений контекстов» и «Археология как история долгой протяженности». Первый из этих сборников — попытка показать строгие методы, которыми можно, исследуя контексты (от древних до современных), постигать значения. Методы эти — сугубо гуманитарные: разгадывание психологических мотивов (понимая, что социальные мотивы в прошлом могут быть иными, чем у нас), увязка их с событиями, понимание метафор. Второй сборник — это перенесение в археологию некоторых принципов истории и понятий школы «Анналов» из Франции. В 1989 г. вышел сборник «Значение вещей. Материальная культура и символическое выражение». Сам он в этом сборнике поместил статью «Пост-модернизм, пост-структурализм и пост-процессуальная археология».

В 1990 г. Ходдер выпустил книгу «Доместикация Европы», в которой он попытался представить неолитизацию Европы — проникновение в Европу производящего хозяйства и оседлого образа жизни как сложение соответствующей символики и роль символов не только в понимании этих процессов, но и в их осуществлении. Символы он выявляет с помощью «описания с нажимом». Большую роль в этом у него играют вполне структуралистские оппозиции: 'дом' (лат. domus) как символ цивилизованного общества и 'поле' (лат. agrios) как символ дикости, но и земледелия. Он прослеживает, как с развитием земледелия в неолите центр активности перемещается из дома в поле, а с развитием подвижного скотоводства некоторые социальные и ритуальные функции дома перемещаются на могилы (рис. 39.2–39.3).

В течение всей книги он много занимается философией самого написания книги — по примеру Барта и Фуко, и тонко проводит идею «критической теории».

> «Я, писатель, пытался убедить Вас, читателя, в структурах моего мышления. Но я знаю, что, читая, вы напишете свои собственные структуры поверх моих слов. Я пытался зафиксировать мои мысли на целях и упорядочил поток слов в книге и в конкретных

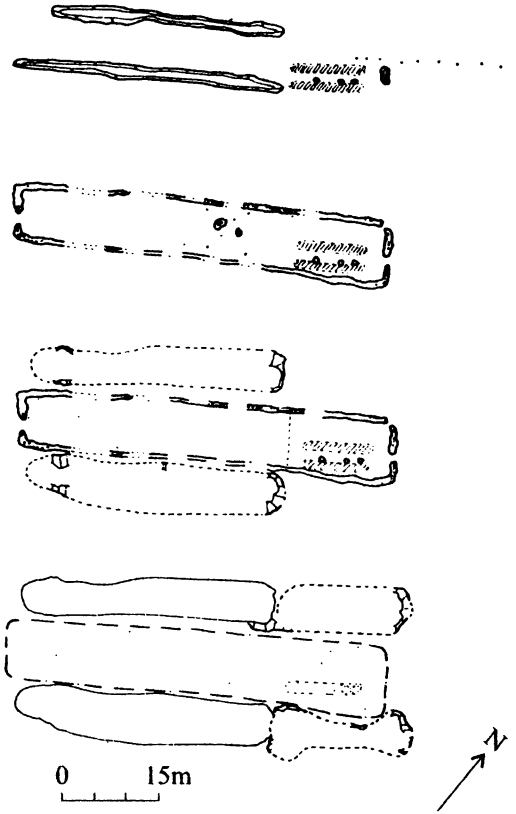

Рис. 39.2. Длинные курганы с мегалитическими сооружениями позднего неолита в Центральной Европе (Hodder 1990: 147, fig. 6.2 (b) — последовательность возведения).

данных прошлого, чтобы убедить вас и себя самого, в их достоверности. А вдобавок, я, читатель, пытался заманить в ловушку вас, писателя, в прошлых структурах, которые возможно только присутствуют в нас благодаря современному обществу, которое окружает нас. Когда я писал, я открывал структуры в преисторических данных, но читал ли я эти данные через структуры, которые уже нашли меня? Писал ли я эту книгу или она сама писалась мною? Многие авторы имеют ощущение, что кто-то смотрит из-за их плеча и пишет за них. ... Сегодня являемся ли мы продуктами долговременных структур, которые выражаются через нас, или мы в каком-то смысле создаем эти структуры в актах чтения и писания? ... Я спрашиваю, подвигли ли меня структуры в настоящем читать и писать прошлое определенным образом?» (Hodder 1990: 273–274).

Столь глубокомысленно, что теряешь нить, кто пишет, о чем и для кого.

В 1991 г. под редакцией Ходдера вышел очень полезный сборник историографических обзоров «Археологическая теория в Европе: три последних десятилетия». Во введении Ходдер пишет: мое господствующее впечатление от редактирования этого тома — что археология всегда была социально ангажированной» (Hodder 1991b: 22). Он добавляет, что в большинстве стран Европы ядром археологических исследований остается ориентация на историю, а, кроме того, многие опираются на марксизм.

В 1992 г. вышел сборник статей Ходдера за 10 лет «Теория и практика археологии» (новое изд. 1995) — своеобразное повторение опыта Бинфорда 1972 г. Третий раздел книги составляют полемические статьи — споры с нападающими процессуа-

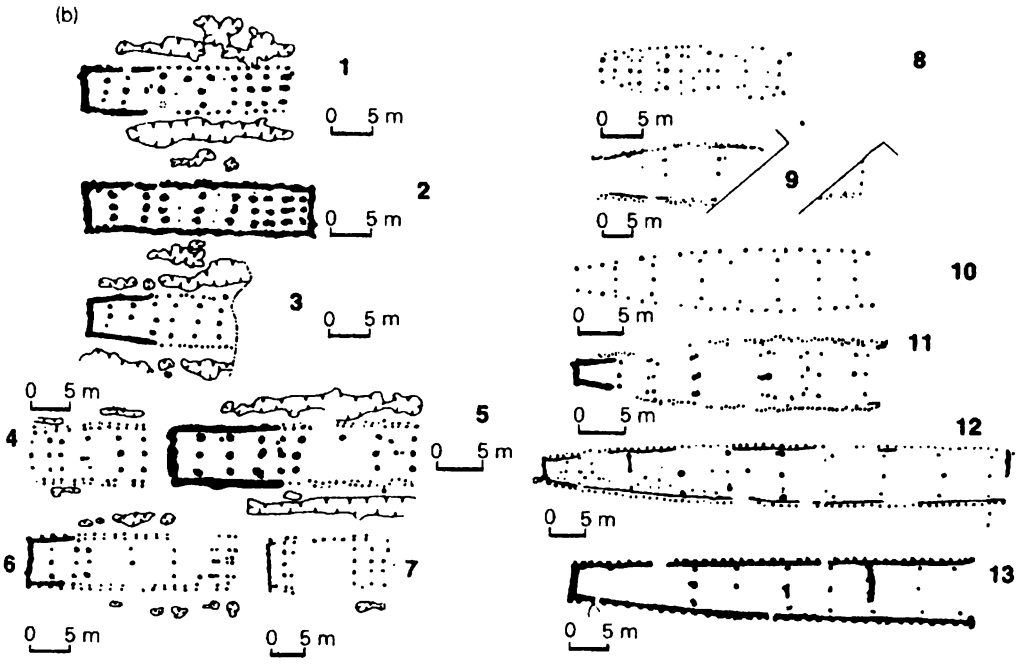

Рис. 39.3. Длинные дома дунайского неолита (Hodder 1990: 121, fig. 5.6).

листами. Ходдера часто обвиняли в том, что он слишком часто меняет свои взгляды и пишет противоречивые вещи. В статье «К радикальному сомнению: диалог» он отвечает: да, я писал противоречивые вещи, но это в поисках. Мне трудно спорить, легче писать. «Я могу контролировать теорию и слова в границах текста». Мои писания многозначны, и я продолжаю развиваться, поэтому изменяю свои утверждения. С некоторым кокетством и самоиронией Ходдер продолжает:

> «Это мой интерес — быть неоднозначным, противоречивым. Без веры нет шедевра, нет "я". Я получаю силу и авторитетность посредством иронии и критики. Я плыву, расчлененный, между позициями. Никто не может меня затронуть. Неважно, верю ли я во что-нибудь. Я выше всего этого, на более высоком уровне. Сомнение позволяет мне чувствовать себя хорошо» (Hodder 1995: 158).

В 1995 г. под редакцией Ходдера совместно с Майклом Шэнксом и еще пятью археологами выходит сборник «Интерпретирующая археология: находя значения в прошлом». Во вводной статье, написанной Шэнксом с Ходдером, они выразили сожаление, что пост-процессуальную археологию кое-кто рассматривает как выступающую против научности, за субъективность, за исторические частности вместо генерализации. Они предложили переименовать пост-процессуальную археологию в «interpreting archaeology» — «интерпретирующую археологию» (или интерпретативную — можно и так перевести), чтобы избежать ненужного противопоставления. У Ходдера в этом томе довольно схоластическая статья о том, что́ в материальной культуре, рассматриваемой как текст, можно принять за метафоры, что́ за метонимии, синекдохи и прочие тропы художественной речи.

В 1998 г. Ходдер выпустил учебник «Археологический процесс. Введение» (Hodder 1998). В нем много места уделено анализу мыслительного процесса археолога,

соотношениям теории и интерпретации данных. Кроме понимания, из этого вытекающего, теория связана с *предпониманием* — это глубокая мысль, одна из самых важных в пост-процесуализме. Правда, я высказал ее почти на два десятилетия раньше (в «Археологической типологии»).

В учебнике есть главы «Кризис в глобальной археологии», «Археология и глобализм», «К рефлексивному методу», «Может ли новая цифровая технология обеспечить рефлексивную методику?» — словом, Ходдер хочет держать пульс на молодежном движении и не отставать. Рефлексивная методика — это примерно то, что было представлено его цитированными рассуждениями в «Доместикации Европы»: исследуя, размышлять о том, как я исследую, и что это может означать в философском смысле. Постоянно обсуждать это с археологами и не-археологами. Девиз рефлексивной археологии с параллельным девизом «рефлексивной социологии» Бурдье породил целую литературу. Не забыть бы только старую притчу о сороконожке, которую спросили, с которой ножки она сейчас шагнет. Бедная сороконожка задумалась и не могла сделать ни шагу.

Ходдер предпринял также раскопки знаменитого памятника Чаталгююк в Турции, где решил реализовать рефлексивную и демократическую археологию на практике. С целой командой молодых археологов он раскапывал этот известный памятник. Во время работы каждый участник раскопок высказывал свои соображения и сомнения, и все постоянно фиксировалось камерами и компьютерами. Накоплены горы фильмов и многие гигабайты записей. Выпущен том «К рефлексивной методологии. Пример в Чаталгююке, под авторством членов Чаталгююкской команды» (Hodder 2000). По этому поводу искренний почитатель Ходдера и сторонник постпроцессуализма Адриан Чэдуик сомневается:

> «эти часы зафильмированных изображений и интервью — много ли они добавляют к интерпретации памятника? Кажется, это отражает желание ухватить или зафиксировать всё. Интерпретацию это не делает с необходимостью хоть на йоту ближе и не компенсирует никакие ощутимые недостатки в обычной архивации» (Chadwick 2003: 103).

12. Ученики. Если Ходдер академичен и философичен, то его радикальные ученики Майкл Шэнкс, Крис Тилли, Дэвид Миллер, Джулиан Томас более политизированы. Они объясняют, что реконструкции современных археологов имеют мало общего с прошлой реальностью и находятся под воздействием современной идеологии, а она обусловлена социальной и политической позицией. Невозможно избежать вовлечения в идеологическую борьбу. Можно лишь осознать это и избрать нужную сторону — сторону борьбы за свободу эксплуатируемых. Уже в 1984 г. Миллер и Тилли выпустили сборник «Идеология, власть и социальные перемены».

Самые известные ученики Ходдера — это Майкл Шэнкс (Michael Shanks) и Крис Тилли (Christopher Tilley). Они заострили выдвинутые взвешенно тезисы своего учителя и вызвали общее сопротивление. Всего лишь год спустя после главной книги Ходдера «Чтение прошлого», в 1987 г., Шэнкс и Тилли издали две книги, написанные в соавторстве: *Re-constructing archaeology* и «Социальная теория и археология». Первая книга в черной обложке, вторая в красной — это дало повод Кристиансену назвать свою рецензию на них совсем по Стендалю — «Красное и черное». Но в подтексте, конечно, имеются в виду коммунизм и анархизм.

Название «черной книги» может иметь два значения: «Реконструирующая археология» и «Ре-конструируя археологию», а подзаголовок гласит: «Теория и прак-

тика». Исходя из марксистской диалектики, авторы декларируют ликвидацию противопоставления теории и практики, объективности и субъективности, прошлого и современности. Сложным и туманным языком они провозглашают:

«Субъективный идеализм научной археологии мы заменяем взглядом на дисциплину как герменевтически информированную диалектическую науку о прошлом и современности, неослабно охватывающую и пытающуюся понять поливалентные качества социально конструированного мира прошлого, как он представлен в текстах, как объективного или альтернативно как субъективного. Нет вопроса, избрать один или другой. ... Они связывают вместе прошлое и современность политической интерпретацией материалов, интерпретацией, которая в конечном счете ведет к вписыванию нашего живого настоящего в прошлое» (Shanks and Tilley 1987a: 243).

Почти треть книги занимает анализ изображений на современных пивных банках Англии и Швеции, богато иллюстрированный и снабженный статистическими таблицами. Что авторы хотят доказать этим анализом? Судя по объему, это их коронное доказательство избранного пути.

«Силой символики на банках является ее кажущаяся естественность. Как мы видели, представительские узоры ограничены в содержании и легитимизируют продукт в смысле чистоты и естественности, мужественности — как алкоголь — и через посредство прошлого или традиции. Пивные банки с узорами космического века или высоких технологий просто не существуют. Сама повторительность в употреблении одних и тех же типов узоров, нескончаемо сочетаемых и пересочетаемых в различных комбинациях, ведет их к ложной очевидности или к впечатлению естественности, которого они бы иначе не создавали. Символика на банках создает воображаемый ряд отношений к современности и потреблению продукта в настоящем, обращаясь к мифическому прошлому. Используемые символы имеют мало общего с современной социополитической реальностью и со способом, которым пиво на деле производится и распространяется. ... Очевидность узоров это очевидность, воздействующая силой идеологии. Чем больше алкоголь считается опасным, как в Швеции, тем больше число кодов, используемых, чтобы увязать противоречия между потреблением и воздействием искусственного вида реальности — реальности, в которой свобода потребителя состоит в том, чтобы символически определять себя и участвовать в воспроизводстве капитала» (Shanks and Tilley 1987a: 240).

Справедливо ли это? Если отвлечься от запутывающей фразеологии и радикальных крайностей, справедливо. Заковыка, однако, в том, что авторы переносят эту ситуацию в современном капиталистическом «потребительском» обществе на все времена, включая первобытное, и видят во всех первобытных символах такую же навязываемую определенными группами идеологию. А это спорно.

Вторая их книга («красная») содержит критику всех предшествующих подходов к социальной интерпретации археологических материалов, особенно Новой Археологии. Авторы обвиняют Ренфру в сведении истории первобытно общества к рациональным действиям воображаемого «экономического человека». В социальных интерпретациях они не признают ни иерархии, ни детерминизма. Для них «нет универсальных серий социальных ячеек, таких как орда, племя, линидж, способ производства, наличных для использования в археологическом анализе. Такие сверхобобщенные понятия должны быть отброшены» (Shanks and Tilley 1987b: 59).

Они ссылаются на Д. Миллера, который представил керамику Дангвары (Индия), где типы (каждый имеет свое название) на вид очень хаотично связаны с социальными функциями и значениями (с кастой, полом, назначением, социальными явлениями и т. п.), так что без знания контекста их не выявить.

Шэнкс и Тилли очень сильно заострили западно-марксистскую струю в этом течении. Увлекшись критической теорией, ученики Ходдера объявили, что объективность результатов науки вообще не существует, а всё определяется социальной позицией, ангажированностью ученого, вопрос только в том, кто его ангажирует. Надо выбрать достойный политический ориентир и соответственно развивать теорию в ту или другую сторону. Из невозможности найти истину и из порождения идеологии классовой позицией они вывели заключение, что единственным выходом для честного археолога является критически рассмотреть собственные взгляды, признать собственную предвзятость, собственные социальные предубеждения и ... избирать их сознательно. Это означает принять позицию на стороне низших классов, защищать их и соответственно направлять всю археологическую деятельность. Прошлое должно служить политическим и революционным задачам. Оно переписывается многократно. Напишем его еще раз, но на сей раз ясно понимая, что́ мы делаем. «Археология ничто, если она не критика» (Shanks and Tilley 1987b: 213).

Тилли очень революционен. Шэнкс очень изобретателен и склонен к шуткам. Но и Тилли написал статью «Раскопки как театр» (Tilley 1989). Почему нет? Ведь есть такой аспект в археологической деятельности — воздействие на публику. В раскопках он прежде всего предложил ценить зрелищную сторону, видя в них спектакль, хэппенинг. И вообще свои книги оба пишут с большой долей иронии, рассматривая их в значительной мере как забаву. Оба выступают против современных выставок: они мертвенно скучны и выражают господство археолога над прошлым, т. е. узурпацию. В «черной книге» Шэнкс и Тилли предлагают выставлять экспонаты свободно, без витрин, чтобы все посетители могли сами строить из экспонатов произвольные реконструкции, как им заблагорассудится. Они ведь тоже имеют право принимать участие в распоряжении нашим прошлым. Чем их реконструкции хуже? Являются только догадками? Так ведь и наши таковы! Объективность же невозможна! Такое вот ателье самообслуживания, кружок любителей вместо музея. Своеобразное возвращение к Ренессансу и даже глубже.

Джулиан Томас сводит археологию к «писанию прошлого»: «Будучи написанным, прошлое создано современным трудом археолога. Следовательно, вся археология есть в конечном счете литература, и она подпадает под литературный анализ» (Thomas 1995: 354). Вроде бы верно, но, если вдумаемся, сразу придется уточнить: не вся археология (остаются разведки, раскопки, анализы и прочее), и не только литература (остаются находки, экспонаты, памятники). Прошлое пишется, но это лишь небольшая часть работы исследователя. Прошлое отыскивается, раскапывается, исследуется, анализируется, сопоставляется, проверяется. И пишется.

В книгах Шэнкса и Тилли не раз цитируется Ходдер, как и философские гуру — Годелье, Альтюсер, Барт, Фуко, Рикёр, Деррида, Бурдье, а также Фейерабенд, Хабермас. В 1990 г. Тилли даже организовал сборник («Чтение материальной культуры: Структурализм, герменевтика и пост-структурализм»), состоящий из очерков по отдельным этим философам (Фуко, Барту, Рикёру, Деррида), а также антропологам (Леви-Строссу, Гирцу) и их значению для археологии. Их последователь Фокнер в статье «Археология снизу» излагает попытки реализовать «демократическую археологию», когда на раскопках никто никому не подчиняется, никто никого не унижает и не подавляет, и все самостоятельно и независимо действуют на своих участках и выдвигают свои толкования (Faulkner 2000). Эти эксперименты, где под именем демократии, насаждалась анархия, не привились: они явно гибельны для памятников.

13. Феминистская археология. Особую струю в пост-процессуализме составляет влившаяся в него *феминистская археология*. Появившаяся вне всякой связи с ним как ответвление политического движения за женскую эмансипацию и права женщин, она была тотчас подхвачена пост-процессуалистами как археология подавляемого меньшинства, следовательно, союзница. Имена Марии ГИМБУТАС, Элисон УАЙЛИ, Джоан ГИРОУ, Маргерит (Мег) КОНКИ, Эрики ЭНГЕЛЬСТАД (Marija Gimbutas, Allison Wylie, Joan Gero, Margerit Conkey, Erika Engelstad), отстаивающих феминистские идеи в археологии, приобрели широкую известность. Началось это еще до пост-процессуализма.

В начале 70-х Мария Гимбутас, литовская феминистка, в 1944 г. ушедшая с немцами из советской Литвы, а затем перебравшаяся в Америку и ставшая очень известным археологом (рис. 39.4), стала выступать с реконструкцией до-индоевропейской Европы, в которой культура еще не была патриархальной и почитала великих богинь, и эта культура восходит к одному центру, из которого происходят все крупнейшие богини Старого Света — Иштар, Изида, Деметра, Афродита, Афина (Gimbutas 1973, 1991). Доказательства сугубо натянутые, как и ее реконструкция единой курганной культуры индоевропейцев, пришедших из южнороссийских степей и уничтоживших высокую мирную цивилизацию великих богинь.

Рис. 39.4. Мария Гимбутас (Malina 1981: 258).

На волне эмансипации женщин в современном западном обществе феминистски настроенные археологи-женщины с начала 80-х стали выступать с развернутыми утверждениями, что, во-первых, мужчины-археологи занимают лучшие места в археологии, куда женщинам не пробиться (приводится соответствующая статистика в работах: Gero 1985, 1996; Spencer-Wood 1992; Kramer and Stark 1988), причем мужчины занимают верхние ступени карьерной лестницы не благодаря своим способностям, а незаслуженно, лишь по дурной традиции, а во-вторых, что мужчины-археологи не могут преодолеть свои мужские предрассудки, выливающиеся в «мужской шовинизм», и рисуют прошлое с искажением реальности, умаляя роль женщин в древнейшие эпохи и искусственно создавая андроцентризм (Conkey and Spector 1984). Литература по *феминистской археологии*, а точнее — по археологическому феминизму огромна. Много книг и статей на специфически женские археологические сюжеты, написанных женщинами-археологами: Барбара Уильямс «Прорыв: женщины в археологии» (1981 г.), в 1984 г. обзор М. Конки и Дж. Спектор «Археология и гендерные исследования» — статья в 7-м томе «Успехов» Шиффера. В 1991 г. в «Антиквити» статья Р. Гилкрист «Женская археология? Политический феминизм, гендерная теория и историческая ревизия». Всё больше женских конференций и семинаров. В 90-е годы выходил ряд сборников по феминистской археологии (Gero and Conkey 1991; Walde and Willows 1991; Claassen 1992; Wright 1996).

Феминистки считают, что мужчины-археологи игнорировали женские занятия как несущественные для культуры, что они склонны приписывать ряд ведущих занятий (война, охота, обработка камня, кузнечное ремесло, добыча руды и т. п.) исключительно мужчинам, тогда как на протяжении истории роли менялись. Ар-

хеологи-феминистки обращают внимание на то, что гендер (социокультурная реализация биологического пола) не всегда совпадает с биологическим полом, да и пол скелетов часто неправильно определяется (если определяют по одному признаку, скажем, ширине таза) — мужчин получается больше. По Гироу, мужчины-археологи склонны к обобщениям и к редукции сложной картины, пропуская подробности, а женщины рисуют менее ясную, но зато реалистичную картину.

Таким образом, основной резон существования феминистской археологии — утверждение, что вопросы женского участия в культурной жизни игнорируются, а мужского — преувеличиваются потому, что женщин мало среди археологов-ученых, а особенно мало — среди руководителей археологических учреждений. И что среди мужчин господствует сексизм, пусть часто и подсознательный. Что нужно поэтому ввести квоты на количественную долю женщин (чтобы было не менее 50%!) среди археологов всех уровней, что и сделано в Англии.

Чтобы замаскировать явно политическую направленность этих исследований их объявляют не феминистскими, а *гендерными*. Гендерные, по определению, не только смещены от физиологического пола к социальным его проявлениям, но и шире, чем феминистские: они включают и мужской пол, а то и третий пол. Объективные исследования как социальной, так и физиологической специфики пола не могут вызывать никаких нареканий — это нужная тема, в том числе и для археологии. Возможно и особое направление таких исследований. Более того, в археологии очень многое зависит от наблюдательности и проникновенности работников, и всякий, кто ближе других к какой-то части открываемого раскопками населения, может внести свой вклад. Участие женщин в раскопках и обработке материалов, а также в их интерпретации вносит необходимые корррективы в работу в связи со специфически женским взглядом и пониманием, и это, конечно, расширяет возможности познания.

Пост-процессуалисты охотно рассматривают феминистскую археологию как часть постпроцессуализма. Но многолетний редактор «Норуиджиан Аркеолоджикал Джорнал» Эрика Энгельстад обвиняет и их в андроцентризме и мужской предвзятости: говоря об угнетении, они имеют в виду классы, а не гендеры (Engelstad 1991).

Мне представляется, что движение за права женщин справедливо, но, как многие политические активисты, феминистки сильно перебарщивают. Демократическое и вызывающее симпатии по своим первоначальным целям, движение явно перешагнуло рамки демократического. То и дело по предвыборным соображениям выполняются не всегда обоснованные требования феминисток. Во многих сферах западного мира, в частности и в науке, введены квоты для женщин (например, на звания профессоров) — чтобы выравнять пропорции. Но это означает коллективную привилегию и, следовательно, ведет к нарушению гражданских прав личности — отдельных мужчин, которым ставят препоны не по их профессиональной непригодности, а только по их половой принадлежности. Обоснование таких действий исходит из предположения, что способности мужчин и женщин к науке абсолютно одинаковы и неравнóмерность распределения создана искусственно. Но ведь это не факт. Сравнительные способности мужчин и женщин к науке проверить трудно, но схожие способности к шахматам безусловно не равны — чемпионаты приходится проводить раздельно. Женщин-композиторов также крайне мало, если сравнить с артистками-исполнительницами музыки. Для женщин в этом нет ничего обидного — у них, зато, более развиты другие способности (например, к тщательной сборке из мелких деталей).

Огульное обвинение мужчин-ученых в недооценке роли женщин просто несправедливо. Женское участие в жизни и культуре не игнорировалось в археологии (теорию матриархата выдвинули не женщины, а мужчины Бахофен и Морган; женские фибулы детально разработали Монтелиус и Гильдебранд). Утверждать, что изучать женщин могут только женщины — то же самое, что полагать, что папуасов могут изучать только папуасы, дальтоников — только дальтоники и т. д.

Тем не менее, как и любая теория, даже ошибочная, «гендерная теория» может привести (и приводит) к интересным конкретным исследованиям. Однако они мало обязаны собственно теории, да и пост-процессуализму. Разумеется, возможны огрехи и недосмотры в любом исследовании, и критика всегда полезна. Специфические интересы и целенаправленная наблюдательность делают феминистическую критику односторонней, но и такая критика приносит пользу: открываются дополнительные факты, расширяются наблюдения.

Однако вряд ли оправданы попытки построить некую особую археологическую теорию для этих работ, как и для исследований детства, гериатрических или андрологических. Теория предполагает их выделение и обособление. Археологическая теория предполагает, что для этих исследований нужны особые методы или, по крайней мере, особая интерпретация. В чем может заключаться эта особость? Я такого не вижу. Философ археологии и феминизма Элисон Уайли спрашивает в названии своей работы: «Почему нет археологии гендера?» (Wylie 1991). Мне представляется, что гендерные исследования в археологии есть, а вот особой отрасли со своей теорией, вероятно, и не будет.

14. Критика пост-процессуализма. Ходдер сам описывает «общую реакцию» на свои ранние книги о символах так: «Но это делает археологию невозможной»; «Этот подход нельзя применить»; «Можно делать такие исследования настоящего, но не прошлого»; «Как можно постичь значения в сознании людей, давно умерших?» (Hodder 1987: VII). Бинфорд с самого начала выступал с резкой критикой Ходдера. В ходдеровском сборнике «Символическая и структурная археология» помещена на фронтисписе карикатура (или дружеский шарж), пародирующая «Урок анатомии» Рембрандта. В роли анатома — Бинфорд, перед ним тело «ходдеризма», подпитываемое «структурным марксизмом» из капельницы. На головой Бинфорда его мысль: «Этот парень не вполне здоров». Один из зрителей произносит: «Вернись, Ян, ты почти прощен». Но Ян не был прощен. Бинфорд был еще более раздражен главной книгой Ходдера. В 1988 г. он опубликовал рецензию, в которой написал: «М-р Ходдер протрубил очень маленькую песню в очень большую трубу» (Binford 1988). Всю эту компанию Бинфорд (Binford 1989: 61) называет не young fogeys, а coggies — можно производить эту кличку от структуралистской cognitive anthropology, можно от слова cogitative 'погруженный в размышления', а можно от cogger 'жулик'.

В большой статье в сборнике «Извлекая значение из прошлого» ученик Кларка Джон Бинтлиф рассмотрел «Чтение прошлого» как перенос идей постмодернизма из географии, истории, литературоведения и философии в археологию. «К сожалению, — пишет он, — «Чтению прошлого» явно не удается создать какую-либо реально убедительную методику для открытия того, как уникальный индивид работает в прошлом, или показать на деле такие случаи открытия» (Bintliff 1988: 13).

С другой стороны, «новый археолог» Марк Лиони, сильно затронутый западным марксизмом, просто перешел на сторону пост-процессуализма, завершив в 1982 г. сборник своей апологетической статьей «Потомство Чайлда», в которой он провоз-

гласил Ходдера и его соратников историческими материалистами и наследниками Чайлда.

И всё же критические установки преобладали. Особенно досталось ученикам Ходдера. В археологии эти радикалы натолкнулись на резкое сопротивление сообщества. В дискуссиях ведущие археологи-теоретики выступили с убедительным разгромом их установок. Они показали, что в археологии есть огромное количество данных, которые подтверждаются всё новыми и новыми раскопками. Небольшой процент исправлений не должен подвергнуть сомнению всё достигнутое. Они показали, что интуиция включается, когда речь идет о выборе объектов для исследования, о выборе направлений поиска, о выборе исходных принципов, но в остальном работают другие психологические и логические механизмы, а проверка опытом делает достигнутые результаты убедительными. И так далее.

Скандинавский журнал «Норуиджиан Аркеолоджикал Ривью» посвятил значительную часть первого номера за 1989 г. обсуждению двух рассмотренных книг Шэнкса и Тилли. Дискуссия называется «Археология на входе в 1990-е». В обсуждении участвуют виднейшие археологи — Ренфру, Триггер, Ходдер и др.

Ходдер попытался смягчить радикализм своих учеников. «Для многих пункт, в котором они категорически отвергают Шэнкса и Тилли, это когда те утверждают, что прошлое — это просто конструкция современности. Реальный камень преткновения — это когда те говорят ..., что любая попытка реконструировать прошлое невозможна. Конечно, все данные действительно зависят от теории; но это не значит, что они зависят *только* от теории» (Hodder 1989: 15–16). Триггер заявил, что он «достаточно стар, чтобы распознать в этих рассуждениях возврат к чему-то вроде Боасова культурно-исторического подхода, который я не менее, чем Новая Археология, нахожу неудовлетворительным» (Trigger1989b: 30). Ренфру сравнил атаку Шэнкса и Тилли на науку и научность с выступлениями луддитов. Он признал справедливой их критику процессуальной археологии Бинфорда, но заявил, что она уже перешла «от экологической или функционально-процессуальной к когнитивно-процессуальной фазе» (вопрос, насколько когнитивная может быть процессуальной, он обошел). Что же до предлагаемой ими стратегии, то Ренфру показал, что она не отличает археологов-профессионалов от любителей и определил ее так:

> «Это путь к археологии-как-роману и к необузданной романтической фантазии. ... Этот путь ведет в самом лучшем случае к прошлому, каким его хочется видеть, а в худшем — к миру Оруэлла, где пост-структуралистские гуру жалуют нам руководящие указания о политически выдержанном "верном мышлении"... Наиболее последовательным применением этого взгляда в последние годы было сталинистское...» (Renfrew 1989: 38).

О реакции Шэнкса и Тилли (а заодно и об их мышлении) хорошее представление дает их ответ Ренфру.

> «Сила Ренфру выводит его авторитарный голос из его институционного места в качестве профессора Кембриджа. Если бы он был перемещен, скажем, на фруктообрабатывающую фабрику в Брэдфорд, ни одно утверждение, которое он бы сделал, сколь угодно "научное", не было бы обязательно воспринято как серьезный разговор, достойный внимания в академическом кругу. В таких обстоятельствах, мы предсказываем, что его отношение к любителям было бы другим. Вероятно, он был бы одним из них» (Shanks and Tilley 1989: 51).

То есть содержанию научных утверждений они не придают никакого значения — всё зависит от внешних обстоятельств.

В 1991 г. Тилли выпустил сборник «Материальная культура и текст. Искусство двузначности». В собственной большой статье в этом сборнике Тилли провозглашает один из заметных принципов пост-процессуализма — иронию: все тексты надо воспринимать как шутку. «Первая вещь, которую мы делаем, — это смеемся над его претензией сказать что-либо серьезное и значительное о мире». По этому поводу Эндрю Шеррат восклицает в рецензии: «В устах автора ряда длиннейших, помпезнейших, тягучих и непостижимых текстов это звучит самой мощной шуткой из всех» (Sherratt 1992: 417).

С острой критикой работ Шэнкса и Тилли и пост-процессуализма вообще выступил в 1991 г. в «Антиквити» Джон Бинтлиф, поместив рецензию на собрание ТАГ в очаге пост-процессуалистов — Лэмпитерском университете в Уэльсе, ранее выращивавшем теологов. Это было собрание с наибольшим засильем пост-процессуалистов. Бинтлиф с огромной эрудицией и блеском рассмотрел пост-процессуализм как некритическое заимствование постмодернистских идей из смежных наук в то самое время, когда там они уже отжили. Надо учиться объективности у Питта Риверса, — наставлял Бинтлиф.

Джулиан Томас и Тилли выступили с опровержениями в том же «Антиквити». Они отвергали свою аттестацию как постмодернистов и отвергали возможность получить объективную картину прошлого от такого расиста, консерватора и эволюциониста, как Питт Риверс. В ответ Бинтлиф задал им настоящую трепку. Он развеял их «дымовую завесу» насчет непричастности к постмодернизму: у них одна и та же плеяда гуру, одни и те же идеи.

> «Если бы я не знал так хорошо Джулиана и Криса лично, — пишет он, — я бы наверняка нарисовал их себе из их писаний сидящими в башне слоновой кости в приятном ландшафте среднего Уэльса, и оба в толстенных очках. Их взгляд так близорук! Почему, причитают они, ассигнования идут на раскопки других археологов и лабораторных ученых из других учреждений, которые не умеют делать никаких теорий (раз они не используют *наших* теорий)? Разве люди не понимают, что ничего нельзя сказать о памятнике, пока не реконструирована вся социальная система, пока каждый резцовый скол и каждый результат рентгеновского просвечивания не использованы для эффектной атаки на британскую классовую систему 1990-х?» (Bintliff 1992: 112).

Бинтлиф показывает, что для пост-процессуалистов вся археология перевернута:

> «всё начинается с головы: археология идет от кучи континентальных философий и привязки к частным современным политическим причинам. Прежде чем первая лопата будет воткнута в дерн, результат уже известен. Археолог — это прежде всего и больше всего политический активист» (ibid.: 113).

Этому он противопоставил девиз, общий для археологов многих современных течений: «Наука — это методология, а не объяснение или интерпретация; она наблюдает, описывает, разбирает наиболее точным образом, используя столько способов рассмотрения и измерения, сколько эмпирически оказывается нужно, чтобы получить неслучайные результаты». А Питт Риверс давал объективные данные, несмотря на свои сколь угодно ошибочные взгляды, именно потому, что придерживался строгой методики, которая была нацелена на то, чтобы как можно лучше отфильтровывать фактические данные от взглядов (ibid.: 112).

Он заметил, что по сравнению со взлетом пост-процессуализма восьмидесятых годов, достигшего пика в 1990, уже в начале 1990-х наблюдается резкий спад. На конференциях ТАГ кучка пост-процессуалистов занимает оборонительные позиции.

Вся пост-процессуалистская повестка дня становится маргинальной. Еще более этот спад определен и обоснован в статье Бинтлифа «Почему Индиана Джонс сообразительнее пост-процессуалистов?» (1993 г.). Индиана Джонс — археолог-герой американского ковбойского фильма. Он говорил: «Археология — это о фактах; если вам нужна Истина, ступайте на кафедру философии по соседству». В статье рассмотрены социальные корни постмодернизма. Бинтлиф, хоть и ученик Дэвида Кларка, высказался целиком за «когнитивный процессуализм» Ренфру.

Обсуждение пост-процессуальной археологии в Праге в журнале «Археологицке Розхледы» (Prague debate 1993) было последним.

Еще в 1986 г. Бинтлиф подвел итог мятежа пост-процессуалистов против «новой археологии» в следующих словах:

> «Вряд ли возможно ожидать, вопреки надеждам традиционалистов, чтобы Археология отозвала такие центральные акценты Новой Археологии как: проверка гипотез, проблемное ориентирование в полевой работе, количественные методы, где возможно, поиски обобщений относительно прошлого, — отозвала их в пользу возвращения к интуиции и воображению, неадекватным базам данных, бесконечным описаниям уникальных событий и полевой работе как самоцели или добыванию данных для выяснения, "что произошло затем" или для сценария "как тогда было жить" со всё более умножающимися деталями.
>
> Когнитивная же археология оказалась здесь, чтобы остаться, но ничего не будет достигнуто, если она не примет эксплицитные научные процедуры Новой Археологии. И она не принесет много интересного, если не распознает коллективы на месте индивидуально уникальных структурных и символических представлений. Вероятно, она также не сможет внести вклад в наше понимание прошлого, если не сплавит культурно специфическое с общими и повторяющимися аспектами процессов жизни в прошлом...» (Bintliff 1986: 28).

Как Кристиансен (1988), так и Бинтлиф (1993) суммируют социальный результат деятельности пост-процессуалистов так: этот взгляд выражает позиции ученых, которые ругают господствующий социальный и экономический порядок, но бессильны противостать ему. Триггер добавляет:

> «Когда крайние пост-процессуалистские археологи отвергают возможность создать объективное знание о человеческом поведении — в благонамеренном усилии либо опровергнуть утверждения нео-консерваторов либо защитить свои собственные левые взгляды от критики, — они на деле показывают, что неспособны создать сильные альтернативы нео-консерватизму» (Trigger 1995: 322).

15. Личное добавление. Я должен добавить кое-что личное. Я всегда думал, что со своей стороны я определенно против этого течения, хотя и очень симпатизировал Яну Ходдеру лично. В мою бытность в Лондоне и Кембридже мы с ним увлеченно спорили перед студентами. А уж с его учениками я вел жаркую и бескомпромиссную дискуссию в их гнезде в Лэмпитерском университете в Уэльсе, а также в печати.

Но в середине 90-х годов ученик моего ученика из Молдавии защищал свою диссертацию в Петербурге. Диссертация была, на мой взгляд, сугубо постмодернистской, первой пост-модернистской диссертацией в России (называлась «Археология свободы»). Она была совершенно чужда аудитории, отзывы учреждений были резко отрицательные, публика была настроена враждебно и иронично к диссертанту. Все считали, что работа непрофессиональна, ненаучна, но не могли выразить это

словами, потому что диссертант использовал много специальных терминов и строил красивые сложные фразы. Я выступал как официальный оппонент. В отзыве я признал, что в своем жанре диссертация написана очень талантливо, но я обрушился с острой критикой на сам жанр таких работ. На само направление. На постмодернизм. На постпроцессуальный аспект диссертации. Возможно, я выступал с подъемом. Публика приняла мое выступление как долгожданное слово истины. И когда я окончил, раздался шквал аплодисментов, буквально овации, которые долго не смолкали. Это было совершенно необычно. Аплодировать полагается ведь только по окончании всей защиты, при оглашении результатов голосования (если, конечно, результат успешный).

Я уж и не рад был, поскольку провала молодого диссертанта не хотел. Диссертант, однако, в своем ответе заявил с вызовом, что он не знает никого из знаменитых пост-процессуалистов, никого из них не читал, и что всему, что он сделал, он научился из моих работ. Затем он показал не без остроумия, что многие мои собственные новации могут быть охарактеризованы как постмодернистские. А уж затем стал аргументировать свои собственные положения. Когда он окончил, раздался второй шквал аплодисментов. В результате он получил научную степень почти единогласно: один голос против (позже он стал ректором антропологического вуза.)

А я получил повод задуматься о своем отношении к постмодернизму.

16. Оценка постмодернизма. Пост-модернизм в науке — это радикальные нападки на рациональность, это отрицание прогресса в накоплении знаний, отрицание возможности объективного познания вообще. Постмодернисты — это, так сказать, антиглобалисты в ментальности. С их точки зрения единая научная картина мира невозможна и не нужна. В культурной антропологии, этнографии, археологии у пост-модернистских выступлений есть своя специфика, вы ее видели. Критиковать пост-модернистов не так уж трудно. Их слабости и просчеты лежат на поверхности.

Словом, раздражение, вызываемое пост-модернистами в среде специалистов старшего поколения понятно, и понятно, почему моя критика пост-модернизма на защите диссертации была встречена с таким ликованием. Сложнее сообразить, есть ли у пост-модернизма положительный вклад в науку и, если есть, то в чем он заключается. Почему старые опытные ученые других направлений неожиданно выступают с покаянными заявлениями, в которых звучат пост-модернистские нотки. А в археологии некоторые ученые старшего поколения оказались даже по некоторым постмодернистским направлениям впереди постмодернистов. Положительное воздействие постмодернизма, если убрать радикализм и крайности, сводятся, на мой взгляд, к следующему:

1. Постмодернисты обратили наше внимание на то, что есть в культуре явления очень сложные, которые модернистские учения неправомерно упрощали. Конечно, это не значит, что надо отказываться от надежды на их объективное и проверяемое познание. Просто сложные явления требуют неординарных решений. Но сложности существуют, и не стоит закрывать глаза на то, что прежние решения неправомерно упрощали проблему.

2. При всем почтении к научности надо признать, и к этому нас подталкивают постмодернисты, что не всё поддается эксплицитно научному анализу, логически правильному и последовательному, остается место для интуиции, инсайта, целостного восприятия, постижения до анализа.

3. Постмодернисты постарались вернуть уважение к гуманитарному подходу в изучении целого ряда сфер жизни. Они делали это с неуклюжестью и максимализмом подростка, достигая часто противоположного результата, но задача в самом деле важна.

4. Постмодернисты напомнили ученым, что наука существует не в изоляции, они обратили внимание на роль ненаучных факторов в создании и функционировании научных знаний. Впрочем, марксизм настаивал на этом давно, а его практика давала наглядный пример этого. Но крах советского мира и дискредитация марксизма подорвали веру в его частные приложения. Постмодернизм во время перенял эту установку.

5. Постмодернисты ратуют за отказ от гегемонистской преобразовательной установки в отношении к миру, особенно к Третьему миру, и к природе, за смену этой установки пониманием экологии и диалогом. В своих крайних проявлениях эта их линия наивна и даже реакционна. Но, учитывая быстрое развитие ряда недавно отсталых народов, а с другой стороны, огрехи современной цивилизации, приведшие к загрязнению природы и бедствиям связанных с ней отсталых народов, какие-то ограничения в этом деле, несомненно, нужны. Нечто вроде запрета «прогрессорам» (из романа Стругацких «Трудно быть богом») активно вмешиваться и изменять развитие отсталых народностей на других планетах.

Мне остается отметить, какие же проявления постмодернизма я, по зрелом размышлении, нашел в своем собственном творчестве. Пожалуйста.

Вообще-то я сторонник оперирования четкими понятиями. В своей книге «Археологические источники» (1978 г., нов. изд. 1995) я задался целью определить фундаментальное понятие археологии — «археологические источники», но обнаружил на его месте целый пучок из 7 синонимических понятий. Всё это повороты одного и того же понятия, но в разных ракурсах, разных отношениях, разных функциях. Аналогичным образом разбирал я понятие «археологическая теория» (Клейн 1978). Подобные текучесть и зыбкость понятий характерны скорее для постмодернистских исследований.

В своей статье о типах в культуре (1979 г.) и в монографии «Археологическая типология» (1982 — оксфордское изд., 1991 — российское) я старался показать, что осмысленное выделение типов невозможно, если исходить из атомарного состояния — двигаться от элементов (признаков) через типы вещей к культурам, как учат все позитивисты (от Сполдинга до Дэвида Кларка). Что смысл получится только если двигаться наоборот, от культур к их элементам. Но это предполагает, что цельное представление о культурах (их как-то нужно ухватить) должно предшествовать их аналитическому формированию в классификации. Это *предзнание* — идея, родственная постмодернизму.

На защите молдавского археолога я припомнил свой торжественный мемориальный доклад 1993 г. памяти Кларка. Ведь именно Ходдер пригласил меня открывать эту серию мемориалов, и на самом докладе он выглядел ликующим, слушая мою речь. Мой доклад был (как и выросшая из него книга 2001 г.) о фундаментальных принципах археологии, из которых можно вывести все остальные законы и правила археологии. Я хотел представить эти фундаментальные принципы как единую систему. Но пришел к неожиданному выводу, что это невозможно, так как каждому фундаментальному принципу соответствует противоположный, тоже фундаментальный, и что таких систем получается две, противоречащие одна другой. Из этой диалектики принципов вырастает сложное древо логических постулатов археологии,

а к диалектике всегда призывают пост-процессуалисты (как приверженцы марксизма). Вся проблема состояла в том, чтобы найти, как в таких обстоятельствах, при таком шизофреническом расколе сознания, археолог может построить целостную логику и придти к объективным заключениям. Картина, безусловно, постмодернистская.

В чехословацком учебнике археологии я заслужил титул Гроссмейстера Диалектики. Но из проблемы двойственности главных принципов археологии очень трудно найти выход даже для гроссмейстера диалектики (вероятно, они мне присудили сей титул преждевременно).

17. Некоторые уроки. Богат ли этот отрезок истории нашей дисциплины возможностями извлечения личных уроков? Вероятно: ведь это самый близкий к современности отрезок.

Прежде всего бросаются в глаза парадоксальные судьбы марксизма. Именно тогда, когда марксизм потерпел сокрушительное политическое и экономическое поражение в соревновании с капитализмом, на Западе, где и не было политического и экономического господства марксизма, он неожиданно получил доминирование в авангардной научной идеологии. Видимо, судьбы некой концепции в разных сферах могут быть различными, и это нужно иметь в виду.

Показательно и неравномерное развитие постмодернизма в разных сферах — искусстве, философии, социальных науках, истории и т. п. Археология нередко оказывалась отстающей, оказалась и на сей раз. Когда в других отраслях постмодернизм отошел, в археологии он только начался. Полезно оглядываться — как обстоит дело в смежных областях науки и в философии. Вполне может статься, что то, что кажется свежим и многообещающим, уже показало свою неспособность решать задачи.

Главной слабостью пост-процессуализма оказалось отсутствие у него собственной методики для решения задач. Мальмер усовершенствовал типологический метод, Гарден разработал принципы описания, Бинфорд ввел в археологию факторный анализ, Кларк чертил локационные схемы и запускал аналитическую машину, Ренфру пересчитывал даты и перестраивал систему хронологии, Шиффер разрабатывал формирование источника, а Эггерс создавал вытекающий отсюда набор правил внутренней критики источника. Все выводили из своих теорий методы исследований. Из пост-процессуалистских схем не выведено никаких методических правил. Только общие указания. Вряд ли можно считать методическим вкладом попытку Ходдера обеспечить многоголосие на раскопках Чатал-гююка. Пост-процессуалисты много рассуждали о практике, но для практики строгих методов не представили. И проиграли даже в борьбе с предшественниками. Опыт их в этом смысле негативный и должен быть учтен при разработке новых концепций.

Вопросы для продумывания

1. Если бы Вы не знали историю развития Ренфру, а лишь ознакомились с его лингвистическими и этногенетическими штудиями кембриджского периода, Вы бы, вероятно сочли его диффузионистом, подобным его учителю Дэниелу. Что это означает для оценки судеб серутанской археологии?
2. Почему, с Вашей точки зрения, именно серутанское крыло Новой Археологии двинулось своей когнитивной археологией в ту же сторону, что и пост-процессуализм?
3. Насколько справедлива аттестация Ходдером своих взглядов как реакционных?
4. Эклектизм пост-процессуального набора взглядов — недостаток или преимущество?

5. Какое название, по Вашему мнению, более всего подошло бы пост-процессуализму?

6. Несомненно продвижение Ренфру в сторону позиций Ходдера. Несомненна и первоначальная принадлежность Ходдера к процессуализму. Они как бы двигались по одной шкале. Все пост- обычно содержат в себе не только отрицание и смену, но и частичное повторение -изма. Что общего у пост-процессуализма с процессуализмом?

7. Что во взглядах Ренфру и Ходдера от феноменологии?

8. В чем конкретно может выражаться «описание с нажимом» у археологов?

9. Метафору «читать археологический материал, как текст» нередко употребляли археологи прежних времен (Городцов, например). Чем отличается от их понимания употребление этой метафоры у Ходдера?

10. Можно ли причислить мусорную археологию Раджа и анализ изображений на пивных банках у Шэнкса и Тилли к этноархеологии. Если да, то что общего? Если нет, то в чем отличие?

Литература

Когнитивная археология и кризис Новой Археологии: Taylor 1972; Thomas 1978, 1979; Renfrew 1982, 1985; Barrett 1983; Doran 1986; Earle and Preucel 1987; Whitley 1992; Flannery and Marcus 1993.

Мистики и наука: Griaule 1948; Castaneda 1970/1972; Myerhoff 1974; Goodman 1977; Jones 1979; Cole 1980; Carver 2004;

Социальное содержание постмодернизма: Jameson 1984; Lyotard 1984; Harvey 1989; Laudan 1990.

Постмодернизм в антропологии: Geertz 1973, 1988; Leach 1989.

Пост-структурализм: Бахтин 1982; Barthes 1987; Olsen 1990.

Критическая теория: Leone, Potter, and Shackel 1987.

Феминизм: Gimbutas 1973, 1991; Conkey and Spector 1984; Gero 1985, 1996; Gero and Conkey 1991; Engelstad 1991; Walde and Willows 1991; Wylie 1991; Claassen 1992; Spencer-Wood 1992; Kramer and Stark 1988; Wright 1996.

Постпроцесуализм — Ходдер: Hodder 1982a, 1982b, 1985, 1986/1991, 1987, 1989, 1990, 1991b, 1998, 2000.

Второе поколение пост-процессулистов: Shanks and Tilley 1987a, 1987b, 1989. Tilley 1989; Faulkner 2000; Thomas 1995.

Критика пост-процессуализма: Bintliff 1986, 1988, 1991a, 1993; Binford 1988; Kristiansen 1988; Mithen 1989; Renfrew 1989; Trigger 1989b, 1991, 1995; Sherratt 1992; Prague debate·1993; Chadwick 2003.

Глава 40. АНТИСИСТЕМНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

1. Современное состояние дисциплины и перспективы развития. После пост-процессуализма, вспыхнувшего в начале 1980-х и явно пришедшего к упадку в начале 1990-х, прошло уже больше десятилетия, а новых столь же влиятельных интеллектуальных движений в мировой археологии вроде не появилось. Это странно. Предшествующие течения задерживались каждое всего на десятилетие и тут же сменялись следующим. Как сказал Бинтлиф (Bintliff 1991a: 274), в археологии теоретическая субдисциплина «приняла обычай полного обновления почти каждое десятилетие».

Более того, похоже, что после такой частой смены крупные теоретические концепции, определяющие смену интерпретаций и методов во всех археологических исследованиях, вообще утратили привлекательность для археологов. Похоже, что ментальность группы «Спасения» в Англии и американской консервационной и контрактной археологии возобладала, практика захлестнула теорию. Уже в 1987 г. Крис и Винс Гэфни издали в Оксфорде сборник «Прагматическая археология: теория в кризисе?» (Gaffney and Gaffney 1987). В 1993 г. в норвежском археологическом журнале на английском была помещена эпатирующая статья Евгения Колпакова «Конец теоретической археологии? Взгляд с востока» (Kolpakov 1993). В этой статье, явно под впечатлением пост-процессуалистской литературы (он об этом прямо говорит), Колпаков пришел к выводу о бесплодности современной теоретической археологии.

> «В современных теоретических трудах я не нахожу истинно новых идей и/или новой разработки старых. Более того, мне кажется, что есть тревожная пропасть между теорией и нуждами археологии в темах, как и в качестве теоретических работ. В современной литературе я вижу искусные, но тривиальные рассуждения, которые вряд ли плодотворны, или нечто типа двусмысленной пустой болтовни, которую можно охарактеризовать как дилетантизм. Большинство современных трудов на поприще теоретической археологии могут рассматриваться как 'много шума из ничего'» (Ibid., 107).

Критически рассмотрев составные части пост-процессуальной археологии (философские теории без инструментализации, социологические идеи без того же, неомарксистскую составляющую, символическую и структурную археологию с искусственной привязкой к археологическим данным), а также и бинфордову Теорию Среднего Уровня (которую Колпаков считает вообще не теорией, сводя ее к детективной работе), Колпаков приходит к выводу, что археологи вообще не располагают собственной теорией, а заимствуют теории из самых разных дисциплин — антропологии, социологии, истории, биологии и т. д. и некритически их прилагают к археологическому материалу.

«Принимая во внимание провал теоретической археологии в этом деле и отсутствие какой-либо реальной перспективы в современной теоретической литературе, я думаю, что мы ныне наблюдаем нечто вроде естественного "конца" теоретической археологии. "Конца" — поскольку такая теоретическая археология ничего не дает практике. С точки зрения археологической практики современная теоретическая археология не существует» (Ibid.: 111).

У Колпакова есть и объяснение этого состояния. По его мнению, главная проблема археологии — это построить теорию и методы интерпретации прошлого на языке культурной антропологии, социологи и истории. Но, полагает Колпаков, нет прямой корреляции между материальными и не-материальными аспектами культуры (в этом он ссылается на меня), а многие материальные части культуры прошлого вообще навсегда утрачены. Поэтому, с его точки зрения, «нет и не может быть универсальной теории культурно-исторической интерпретации археологических данных... Каждый случай интерпретации уникален в смысле его методов и его хода аргументации» (Ibid.: 111).

Здесь заключена, на мой взгляд, элементарная логическая ошибка. Из того, что не может быть простой и единой *интерпретации* археологических данных (один в один), вовсе не следует, что не может быть единой *теории* интерпретации — как раз для методической реконструкции по сохранившимся материальным частям при разных возможностях интерпретации нужна теория, предусматривающая это разнообразие. Теория — это не простая схема корреляции, а сложная программа исследования (см. Клейн 1980; 2004: 247–289).

А далее Колпаков предлагает выход из сложившегося положения. Он видит его в том, чтобы перенести интерпретацию высокого уровня из археологии в специальную дисциплину синтеза — преисторию, где прорабатывались бы выводы ряда частных дисциплин — археологии, этнографии, физической антропологии, палеонтологии и др. Он не ссылается здесь на меня, а, будучи моим учеником, аккуратности ради, как раз в этом мог бы и сослаться. Я следом за Равдоникасом и Раузом издавна придерживался именно такого деления наук и усиленно разрабатывал и аргументировал его, особенно в работах «Стратегия синтеза...» и «Рассечь кентавра» (Клейн 1976, 1977а, 1978: 71, 80, 1988, 1991б; см. также Klejn 1993b, 1995b). На практике такой синтез в рамках преистории с успехом осуществляет другой мой бывший студент Л. Б. Вишняцкий (2002а; 2005 и др.). Но это не исключает необходимости в собственно археологической теории, которая занималась бы структурированием и программированием собственно археологических исследований, пусть это и будет больше работа детектива, чем судьи.

В 1994 г. в Англии вышел сборник Иэн Маккензи «Археологическая теория: прогресс или поза?», собранный главным образом в Глазго и вокруг него. В этом сборнике опубликована статья Лорны Кэмпбелл «Следы археологии», в которой автор пишет:

«Самая последняя глава в Великом Поиске посвящена отысканию жизнеспособной альтернативы пост-процессуальной археологии, каковой альтернативой можно было бы заменить процессуальную археологию. Мне, студентке-археологу конца 80-х, говорилось, что археология проходит через период смены парадигм. Что это время, когда ценности и интерпретации сдвигаются и скользят, и процессуальная парадигма тает, чтобы уступить дорогу новой саморефлективной и самокритичной парадигме. Постпроцессуализм — только начало этого сдвига, а основное еще придет.

После ряда лет мне надоело ждать метаморфозы остальной части этой новой парадигмы, и я потеряла всякий интерес к делу пост-процессуализма. ... Только потому, что вы возгласите трижды ("Пост-процессуализм... Пост-процессуализм... Пост-процессуализм..."), он не станет истиной» (Campbell 1994: 142, 151).

Может быть, новые течения появились, а мы их просто пока еще не замечаем? Вот и Лорна Кэмпбелл спрашивает: «Может быть, мы не можем ухватить Новую Парадигму просто потому, что находимся в ней?» (ibid.: 151). Какие-то интеллектуальные новации, конечно, есть. Но ведь речь идет о влиятельных течениях, доминирующих в науке. А это было бы заметно. Приходится признать, что в XXI век, в новое тысячелетие археология вступила без лидирующей новой теории, без доминирующего течения. Место вождя свободно.

Вполне возможно, что именно в этом и состоит особенность нового периода — *полный плюрализм*, т. е. что из арсенала пост-процессуализма только одно средство выжило — *эклектизм*. Этому можно было бы подыскать соответствия и объяснения в социальной обстановке и в психологическом настрое современной интеллигенции. В самом деле, крушение социалистического лагеря показало возможности плодотворного сочетания идей и техник из разных, ранее сугубо враждебных лагерей. Мир устал от диктата всевозможных вождей — прежде всего политических, национальных и религиозных, от скованности жесткими идеологиями. Даже в мусульманском мире, в значительной части еще не освоившем блага и общечеловеческие ценности современной цивилизации, происходит отвержение старых догм (это показывает история со стихами Салмана Рушди и секуляризация в наиболее сильных мусульманских государствах), а очередной претендент на мировое господство одной идеологии Бен Ладен прибег к террору и вынужден скрываться в самых диких и отсталых районах.

В этих условиях Лорна Кэмбелл задается вопросом и тут же его решает:

«Наиболее удобным механизмом заполнения лакуны между прошлым и настоящим пока что является Великая Теория. ... Но, — и здесь начинается ужасная новация, — нужна ли нам другая теория, которая будет столь сильной, чтобы быть неколебимой? Право, это не сами теории ошибочны, но цель и метод поиска. Археология не нуждается в другой Великой Теории».

Причину она находит в понимании источника, всё же явно пост-процессулистском:

«Если мы можем принять и припомнить, что археологический источник социально построен, тогда становится яснее, почему нынешний поиск Великой Теории так печально провалился. Социальные, экономические и политические конструкции, формирующие археологический источник, меняются так быстро, что любое значение, интерпретируемое нами из него, может также быстро изменяться. ... А как с нашими дико колеблющимися эмоциональными и иррациональными чувствованиями? Они также явно играют роль и изменяются даже еще быстрее. ... Великие теории и синхронные построения, они не могут сообразоваться с представлением, что прошлое постоянно перестраивается нашими современными открытиями. И не могут примириться с любой степенью иррациональности...» (ibid: 141, 144).

Проследив судьбу теоретических статей в «Антиквити» с 1927 по 1998 гг., сменивший Дэниела на посту редактора «Антиквити» Крис Чиппиндейл пришел к выводу: «Антиквити» больше не заинтересован в теории. ... интерес к общей теории упал» (Chippindale 2002: 1079). В 1998 г. большая компания английских археологов выступила на 20-й сессии Группы Теоретической Археологии в Бирмингаме с

коллективным докладом, озаглавленным: «Don't think ... Dig!» (Не думай ... Копай!»).

Глава кафедры археологии Берлинского университета Гумбольдта швед Йохан Кальмер пишет:

> «Археология ведь не с процессуальной археологией достигла зрелости, ни с какой-либо другой подобной фазой развития. Возможно, болезнь археологии даже усугубилась. Была введена странная идея, что одна господствующая теория может обнять всю археологию. Принимая во внимание холистический характер археологии, это была очень серьезная ошибка, и новые попытки двигаться теми же путями мало что изменили. Роль теории в археологии — другая. Археология имеет дело с широкой палитрой разных (хотя и завязанных на человеке) вопросов. Чтобы решить эти задачи, нужно использовать теорию и теоретические понятия, общие для гуманитарных дисциплин и некоторых социальных наук. Как и другие гуманитарные дисциплины, археология не имеет своей теории, достойной этого имени» (Callmer 2006: 20).

Что ж, еще в середине XX века Дэниел и Пиготт предлагали нулевую модель. Пиготт писал, что в первобытной археологии «по-видимому, нет того, что естествоиспытатель назвал бы общей теорией, покрывающей все аспекты. Возможно, это не так уж плохо» (Piggott 1959: 6). Реализуется ли сейчас «нулевая модель»? Или это всего лишь временное настроение, которое скоро пройдет?

Между тем, одно очень логичное объяснение упадка теоретической археологии на рубеже веков именно засильем пост-процессулизма предложил как раз отъявленный пост-процессуалист Адриан Чэдуик:

> «Во многих ветвях пост-процессуалистской мысли, появившейся с 1980-х, социальные, политические и культурологические теории о людях и обществе рассматривались как равноценные со средствами получения данных или даже более значимые, а археологическая практика большей частью игнорировалась. Это привело к отчуждению многих полевых археологов и убедило их (неважно, справедливо или нет), что теория имеет для них мало значения или вовсе не имеет» (Chadwick 2003: 97–98).

Возможно еще одно объяснение сложившейся ситуации, которое никому не приходит в голову, потому что все пребывают в плену схемы парадигм, по которой одна всевластная и непререкаемая концепция сменяется другой такой же. А если представить, что пост-процессуализм не был единой и непреложной парадигмой, если признать, что наряду с ним и одновременно с ним возникли и существовали другие крупномасштабные концепции, пусть и не столь громкие и заметные, то остается лишь оглянуться вокруг. Возможно, и незачем искать непременно сугубые новации. Возможно, перспективу определяют те концепции, которые сосуществовали с постпроцессуализмом. Да ведь он и не претендовал никогда на единство и цельность. Он всё время оставался эклектичным соединением разных течений. Вполне возможно, что некоторые из них вполне могут выделиться. А возможно, определяющими станут и не связанные с пост-процессуализмом. Словом, нужно расширить круг обозрения для последних нескольких десятилетий — для эпохи расцвета и упадка постпроцессуализма.

Рассмотрим некоторые движения этого времени, которые хотя и не могут претендовать на всеобщность, всё же характеризуют современную ситуацию. Прежде всего, обратимся к мятежным движениям, выступающим против крупных систем в археологии и против сложившихся в ней ортодоксий, в том числе и против парадигм и Великих Теорий. Сомнения Лорны Кэмпелл являются частью этой тенденции.

2. Археологический антиглобализм. Движение, которое можно охарактеризовать как *археологический антиглобализм*, является, возможно, последним отпрыском пост-процессуализма: оно сильно политизировано и преисполнено пафоса борьбы против доминирующих в археологии сил, против ведущих национальных археологий, рассматриваемых как империалистические.

В 1990 г. в сборнике Фредерика Бейкера и Джулиана Томаса «Писание прошлого в настоящем» испанцы П. Гонзалес Марсен и Роберт Рисх поместили статью «Археология и исторический материализм: размышления аутсайдеров о теоретических дискуссиях в британской археологии». В ней они пишут:

> «Что происходит в археологической теории сегодня? Чувствуется, что в Англии она витает на высоких уровнях поверхностности (особенно в Кембридже), тогда как в других странах (как в Западной Германии) вряд ли есть вообще какие-либо теоретические дебаты. Часто первичные стимулы за этим развитием — это, видимо, не столько заинтересованность в развитии альтернативных теорий, сколько политическая борьба внутри ученого мира. Почему иначе Кембридж сознательно или подсознательно стремится предстать перед ученым миром как центр для развития археологической теории, и имеет материальные средства для этого, тогда как, с другой стороны, он манкирует рассмотрением хорошо развитых предложений по теории и практике, выдвинутых в дискуссиях, проходящих в других странах» (Gonzales Marcen and Risch 1990: 97).

Еще резче и шире поставил этот вопрос норвежец Бйорнар Ольсен. В 1991 г. в сборнике Р. У. Прусела (R. W. Preucel) «Процессуальная и постпроцессуальная археологии» он поместил статью «Метрополии и сателлиты в археологии: о власти и асимметрии в глобальных археологических исследованиях».

Ольсен, включившийся в пост-процессуалистское движение в 80-х, присоединился к представлению канадского марксиста Брюса Триггера, об «империалистической археологии» XIX и XX веков. Триггер писал, что «природа археологических исследований сформирована в значительной степени ролями, которые те или иные национальные государства играют в экономической, политической и культурной жизни как взаимозависимые части современной мировой системы» (Trigger 1984a: 356).

Ольсен возмущенно спрашивает:

> «Как это так, что конференции, посещаемые британскими и североамериканскими археологами, или доклады по юго-западной археологии [США], публикуемые в "Американ Антиквити", почему-то рассматриваются как "international" (международные) — тогда как конференции, посещаемые, скажем, норвежскими и шведскими археологами, — нет? И даже еще загадочнее: почему последние принимают вклад первых как более "интернациональный", чем собственный? И второе, как это так, что археологи из большинства стран рассматривают границы своих стран как рубеж, определяющий, где копать, а представители из нескольких других стран — явно нет?» (Olsen 1991: 211).
>
> «Кто ездит и куда, нечего и говорить, что большей частью это археологи из богатых и мощных стран, как Соединенные Штаты и Британия... С другой стороны, много ли кенийских или перуанских экспедиций отправляются на полевую работу в Уэссекс, Йоркшир или Аризону. Мы могли бы вместе посмеяться над такими очевидными наблюдениями, но почему мы смеемся?» (ibid.: 215).

Ольсен называет различаемые им группы стран «метрополиями» и «сателлитами», а всю ситуацию определяет как «научный колониализм». Он так конкретизирует свои положения:

> «Быть кембриджским археологом, например, это очень своеобразный и конкретный способ быть в свете. Это способ владеть реальностью, языком и мышлением. Это

делает возможным некий стиль, которые непонятен без или вне своего размещения относительно институционально унаследованной интеллектуальной или политической силы... Учитывая эту перспективу, размещение автора этой статьи хорошо объясняет, почему тема гегемонии выдвинута мною, а не кем-либо из моих английских или североамериканских коллег» (ibid.: 212).

Ольсен приводит гордое заявление Ренфру в его инаугурационной лекции в Кембридже о том, что выпускники Кембриджа занимают руководящие посты в университетах по всему миру. «Археологи вне метрополий, — добавляет Ольсен, — всегда кажутся зафиксированными в состоянии вторичности, всегда их должны оценивать, судить и рецензировать по стандартам метрополий с точки зрения развитости или стагнации» (ibid.: 216). Чтобы тебя прочли во всем мире, нужно напечататься на английском языке и притом в известном британском или американском издательстве. Иначе ты пишешь для небольшой горстки археологов своей страны и местных любителей.

Он считает это положение нетерпимым и требующим изменения, поскольку, с его точки зрения, это неравенство археологов является не только отражением экономического и социального неравенства, но и средством укрепления и репродуцирования этих отношений.

Как археолог из России я мог бы присоединиться к этим констатациям.

Пока существовал Советский Союз и отделенный железным занавесом социалистический лагерь, советские археологи могли не обращать внимания на то, что их наука изолирована от мировой. Большинству это казалось нормальным, хотя и тогда отдельные археологи (я в том числе) стремились преодолеть эту замкнутость. Русский язык был языком общения для всего соцлагеря.

Но с тех пор как занавес рухнул, идейное и материальное богатство тамошнего мира, реализуемое на английском языке, стало очевидным для всех, хотя и для них незнание нашей археологии всё больше ощущалось как печальное наследие раскола мира. Раскол на два лагеря тает, но в археологии (и не только в ней) разделение на «метрополии» и «сателлиты» растет. На русском языке выходит всего *несколько* археологических журналов («Российская археология», «Археология, этнография и антропология Евразии» да «Stratum plus») и несколько серийных изданий. На английском языке — *сотни* журналов только в Англии и Америке, а еще в Канаде, Австралии, Южной Африке, Индии, где это государственный язык, и десятки изданий в малых странах Европы. В них невыгодно издавать профессиональные журналы на отечественном языке, потому что их прочтет всего сотня специалистов, а на английском они сразу же доступны всем специалистам мира. Самолюбивое ворчание «Хотят изучать русскую археологию — пусть изучают русский язык!» смешно: изучать нужно археологию всех стран, все языки не изучишь, а в первую голову будут изучать те языки, на которых больше литературы. Это, увы, не русский.

Я постоянно сталкиваюсь с этим препятствием. Как и всякий автор, я заинтересован в как можно более широком обсуждении моих работ. Но я постоянно убеждаюсь в том, что существую как бы в трех ипостасях — Лев Клейн как русский автор, Лиоу Клайн как англоязычный археолог-теоретик и антрополог и Лео Кляйн как немецкоязычный археолог-историограф. Кое-что вышло еще на испанском, французском, польском и словенском. Словом, в археологическом мире я известен широко только теми своими работами, которые вышли на английском языке.

И то еще надо ведь, чтобы это были работы, опубликованные в самых распространенных журналах или изданные в наиболее сильных издательствах. Иначе они

залягут мертвым грузом в провинциальных библиотеках. Отклика не будет. Между тем, добиться издания в этих центрах крайне нелегко. Во-первых, нужно перевести работу на английский, а это дорого, или отредактировать текст с помощью носителя языка, а это не намного дешевле. Во-вторых, мы не привыкли писать так, как это нужно для англоязычных изданий, мы не чувствуем своего англоязычного читателя. Его часто не интересуют важные для нас проблемы, ему не нужны наши раздумья, ему нужна информация.

Значительную часть моих идей (особенно по истории археологии) переложили сначала на чешский, потом на английский чешские авторы Ярослав Малина и Зденек Вашичек в книге «Археология вчера и сегодня». И, хотя у них очень много ссылок на меня, не все заимствования отмечены, и это их книга, а не моя. Мне удалось издать на английском только один большой обзор («Панорама теоретической археологии») и одну книгу («Метаархеология»), но в Дании и как приложение к авторитетному, но малотиражному изданию, распространяемому только по подписке и не продающемуся в книжных магазинах. Между тем на русском языке у меня вышло более дюжины книг.

В том же положении оказываются ныне и немцы, и французы, не говоря уже о поляках, норвежцах и, говоря словами Маяковского, «разных прочих шведах».

Ольсен рассматривает три стратегии для преодоления этого состояния. Первую он называет «ситуацией идеального разговора» — археологам всех четырех миров сесть вместе и сформулировать критерии истины и дискуссии, свободной от доминирования. Он признает, что это слишком идеалистические мечты, ибо на этой дискуссии будут доминировать всё те же силы. Второй путь — сформулировать «политическую сознательность» у всех археологов. Но кто имеет право утверждать, что его политическая позиция — истинная? С пост-модернистской точки зрения, которой и придерживается Ольсен, — никто. Остается третий путь — «деконструкция»: фрагментировать археологию, ввести полный релятивизм, подвергнуть критике само понятие истины, объективности и рациональности, избегать централизации и унификации. Тогда исчезнет само понятие центра и периферии.

Увы, это ведь тоже навязываемая позиция, а реализация ее столь же идеалистична, как обе предшествующие. Централизация — объективный процесс, и можно трижды провозглашать его несуществующим, поскольку, мол, само понятие объективности исчезает, но ведь оно исчезает только из сознания некоторых исследователей, а процесс как шел, так и идет. Всегда были ведущие страны и страны периферийные. Были великими державами и Австрия, и Испания, и Дания, и Швеция, и Россия/СССР. Ведущие языки меняли друг друга — то это была латынь, то немецкий, французский, теперь английский. На каких-то территориях — арабский, испанский и русский. Какой будет в будущем, трудно сказать. Возможно, японский или китайский.

На мой взгляд, сейчас есть только один путь преодоления собственной периферийности — овладевать английским, пробиваться в печать в англоязычные издания и так развивать археологию собственной страны, чтобы она была захватывающе интересна для всего мира, и так ввязываться в полемику на общемировые темы, чтобы с этим считались все. В эпоху, когда Швеция и Дания уже не были великими державами, Монтелиус и Софус Мюллер стали общепризнанными лидерами мировой археологии. Когда французский язык уже не был ведущим, методику Борда применяли во всем мире. Нужно быть мастером своего дела и считаться с мировыми реалиями, а не игнорировать их.

3. Конкурентный глобализм как вид антиглобализма. В то же самое время, когда скандинавские и испаноязычные аутсайдеры упражнялись в теоретическом антиглобализме и терялись в поисках возможных средств его преодоления, их радикальные англоязычные коллеги (как ни парадоксально, из самых центральных метрополий — Англии и Америки) предприняли практические действия по преодолению доминирования метрополий в археологии — это было создание еще одной глобальной (тут вторая парадоксальность) структуры, ориентированной на устранение глобализма. Эта структура — новая всемирная организация, устраивающая международные конгрессы археологов, способные конкурировать с традиционными международными конгрессами археологов — конгрессами Всемирного Союза Преисторических и Протоисторических Наук, возникшего во время Второй мировой войны, хотя традиционные всемирные конгрессы проводились еще со времен Мортилье. В отличие от всемирных археологических конгрессов новые конгрессы, проходящие параллельно с ними, тоже раз в четыре года, но в другие сроки и в других местах, стали называться Конгрессами Всемирной Археологии (World Archaeology Congresses).

Если на традиционных выступали главным образом (и уж во всяком случае задавали тон) представители ведущих стран — обычно количественно несопоставимо преобладали делегации США, Англии, Германии, Франции, Италии, скандинавских стран, — то новые конгрессы заботливо собирали прежде всего представителей Третьего мира — стран Азии, Африки, Латинской Америки, Океании, а также Четвертого мира — аборигенов из колонизованных стран и национальных меньшинств из всех стран мира. Скажем, на Втором конгрессе от Кении выступает не Мария Лики, а Карега-Мунене, от Нигерии — Эйлин Нкуанга, целая делегация маорийцев — Хирини Матунга, Роро те Пуке и др. Представлены тут и страны Второго мира — социалистического лагеря, на глазах тающего и переходящего в Третий мир. Что касается археологов из ведущих держав, то они, конечно, возглавили это движение, но это были те археологи, которые остались вне элиты, заправлявшей археологическими организациями мира. Они нашли способ выразить свои радикальные оппозиционные взгляды и одновременно приобрели влиятельность и власть, сформировав новую элиту.

Рис. 40.1. Питер Аккоу.

Во главе этой группы археологов встали англичанин Питер АККОУ (Peter B. Ucko, 1938–2007, рис. 40.1), сын еврейского врача, эмигранта из Германии, возглавивший после Ренфру кафедру археологии Саутгемптонского университета, и американец Ларри Зиммерман (Larry Zimmerman) из университета штата Дакота. Перед тем, как принять руководство кафедрой археологии Саутгемптонского университета, самого южного университета Англии, Питер Аккоу провел шесть лет в Австралии, куда он был приглашен руководить Институтом Исследований Аборигенов. За годы 1972–78 он провел решительную перестройку Института, проведя его «аборигинализацию» — он установил связи с общинами аборигенов, ввел аборигенов в состав института, обучил ряд аборигенов археологии, особенно используя их для разведки, съемки и охраны памятников (Moser 1995). В Англию он вернулся с опытом новых отношений с аборигенным народностями.

Звездный час Аккоу настал в 1985–86 гг., когда в Саутгемптоне был запланирован XI конгресс Союза Преисторических и Протоисторических Наук. В борьбе с апартеидом руководство Союза объявило бойкот Южной Африке и Намибии, а «хозяин» избранного места Питер Аккоу и его друзья по организации конгресса не согласились с идеей, что бойкот, распространяющийся на аборигенов этих стран, ударит по апартеиду — по их мнению, он мог лишь повредить просвещению аборигенов. Они отказались от бойкота и объявили, что проведут конгресс по-своему. В ответ руководство Союза лишило конгресс своей поддержки и права на свое имя. Мятежные организаторы Аккоу и его сторонники провели конгресс как Первый конгресс новосозданой всемирной организации (1986), а на Втором, в Венесуэле в 1990 г., организация была официально учреждена. Тогда же на ее базе возникла серия изданий Археология Одного Мира (One World Archaeology).

Мятежники проникали и в домены традиционной археологии, особенно в те, которые развивались в нетрадиционном направлении. Так, теоретическая группа (TAG) явно выбивается из традиционного русла археологии — вот очередная конференция этой организации, та, что должна была состояться в Саутгемптоне, и была использована Аккоу для распространения идеологии Археологии Одного Мира. Практически это был внеочередной конкурентный конгресс, только посвященный теории. Том трудов этой конференции «Теория в археологии: всемирная перспектива» вышел под редакцией Аккоу в 1995 г. (Ucko 1995). Он содержит такие статьи, как «Теоретические тенденции в индонезийской археологии» Дауда Танудирйо, «Теория, практика и критика в истории намибийской археологии» Джона Кинахана, «Европейские помехи развитию значимой теории в африканской археологии» Бэсси Анды, «Смешанные черты археологической теории в Бразилии» Педро Пауло Фунари и т. д. Конечно, такие статьи интересны в основном только для региональных археологических кругов. Для мировой археологии любопытно лишь, как отражаются общемировые проблемы в дальних регионах и, возможно, аспекты сравнительного развития археологии в разных странах. Есть и статьи, более значимые непосредственно для понимания проблем мировой археологии (например статья Джулиана Томаса «Где мы сейчас?: археологическая теория в 1990-х», поднимающая вопросы о судьбах пост-процессуализма и теории).

Аналогичное значение, хотя и не столь откровенно антиглобалистское, имело создание по инициативе Кристиана Кристиансена Европейской Археологической Ассоциации, начавшей регулярно проводить свои собственные международные конференции и издавать Европейский Археологический Журнал. В пору конкуренции за лидерство между Америкой Бинфорда и Англией Ходдера это было родом протеста против засилья Америки и Англии, да и против старой европейской элиты.

Любопытно, что в то же время процессы децентрадизации происходили в самих ведущих археологических державах мира. В Америке и Англии появилась масса местных археологических журналов и других изданий — так называемая «серая литература» (серая, потому что ее трудно было заметить). Выросло много местных археологических центров. С распадом Советского Союза на рубеже 80-х — 90-х годов не только республиканские археологические центры получили полную независимость от Москвы, но и внутри России местные региональные центры приобрели изрядную долю самостоятельности. Показательным было отделение бывшего ленинградского филиала Института Археологии АН от Москвы и восстановление Института Истории Материальной Культуры (ИИМК) в Санкт-Петербурге. Это имело как положительные, так и отрицательные последствия, но шло в русле основной

тенденции к децентрализации в мире, антисистемной, антиглобалистской тенденции. Тенденции к деструкции жестких крупномасштабных систем.

4. Кому принадлежит прошлое? На первых же конгрессах Всемирной Археологии стал разрабатываться и обсуждаться Кодекс Археологической Этики, в котором заметное место занял вопрос об аборигенных народностях Австралии, Африки, Океании, Америки и их притязаниях (или правах) на исключительное владение археологическими памятниками своей территории. Аборигены в ряде стран (австралийцы, индейцы Америки) потребовали от белых археологов прекратить раскопки могил их предков, а предками они считают всех, кто погребен в их земле, включая и палеолитических покойников. В 1971 г. группа воинственных активистов Американского Движения Индейцев напала на археологические работы в штате Миннесота и разгромила раскопы. Позже спор разгорелся о судьбе скелета умершей в 1976 г. тасманийки Труганини — изучать его антропологам или похоронить на родине.

На конференции при обсуждении притязаний индейцев, один из них, Мэтью Кинг, сказал: «Оставьте людей спать вечным сном в покое. Для нашего индейского народа это кладбище и церковь. Нам не дано изменить это, потому что Бог дает нам эту страну, и он дает нам законы, по которым управлять нашим народом».

Индейцы верят в то знание о прошлом, которое получают от своих старших устным путем, и они не хотят никакого другого. «Мои предки, — говорит на плохом английском Сесил Энтон из индейского племени, — родственники, бабушка и так дальше в глубину времен, они толковать вам про историю нашего народа, и это передаваться по наследству, и главное, что я хочу сказать, я считаю, что археология не означать ничего. Мы просто признаем это, а археологию не признаем...»

Индеец лакота Роджер Бёрд, придерживающийся традиционных верований, был спрошен археологом, получает ли он что-то от прошлого. Он ответил: «От моей собственной культуры, да. И я узнаю и использую ее сегодня и использую ее завтра. Но ... понимаете, я не могу вернуться и раскопать моих соплеменников и посмотреть на их кости и использовать. Это просто не имеет смысла». А Эрни Тёрнер из племени атабаска пояснил:

> «Человеческие кости не могут говорить ученым и оставить им информацию. Культура говорит нам и дает нам послания из прошлого. Духовные послания это не теория, это факт. Я не уверен, что кости могут сказать о духовной жизни моего народа. Если даже кости что-то сообщают, я не уверен, что они говорят вам истину» (Zimmerman 1987: 45–46).

Целая группа радикальных в своем либерализме американских и австралийских археологов (не аборигенов) выступила в защиту или, по крайней мере, в оправдание этих притязаний, явно испытывая чувство стыда и раскаяния за своих соотечественников, в свое время колонизовавших эти земли и обездоливших эти народности (Watson et al. 1987). Они пришли к заключению, что индейцы традиционных верований иначе воспринимают время, чем современные европейцы и белые американцы. Для индейцев время циклично, оно все время возвращается, нынешние события совершаются по моделям мифического прошлого, таким образом, прошлое существует в современности. Утверждая, что прошлое исчезло и только археология восстанавливает его, в глазах индейцев археологи отрицают составную часть их настоящего (Zimmerman 1987).

Так или не так, но индейцев, как и аборигенов в других странах, несомненно раздражает бесцеремонное копание археологов в их святынях и могилах их земли, которые они считают могилами своих предков (Meehan 1984; Webb 1987; Hubert 1989). Что еще более существенно, это что белокожее население этих стран, в значительной части верующее, солидаризируется с ними, а не с археологами, и требует возвращения и перезахоронения добытых археологами и антропологами коллекций человеческих останков (и, кстати, не только аборигенных). И в Америке и в Австралии активные возражения аборигенов начались в 1970-е годы, а в 1980-х парламенты и тут и там приняли законодательные акты, обязывающие археологов считаться с настроениями аборигенных общин.

Среди археологов разгорелась дискуссия на тему «Кому принадлежит прошлое?» (McBryde 1985; Murray 1993). Еще до Второго конгресса Всемирной Археологии участники этой новой организации провели в 1989 г. специальный внеочередной конгресс в Вермильоне, штат Дакота (в вотчине Зиммермэна), посвященный обсуждению археологической этики и судьбе останков покойников. Консервативно настроенные археологи настаивают, что это разрушение основ полевой археологии, мракобесие, губительное для науки, тогда как археологи-радикалы обвиняют их в том, что они суть порождение колониального режима.

Мне представляется, что археологи-консерваторы, несомненно, правы: необходимо спасать археологическое наследие от нецивилизованного обращения и гибели Но и не считаться с правами и настроениями аборигенных народов нельзя (этот взгляд о двойной ответственности разделяют со мною марксистские археологи Запада Брюс Триггер и Кристиан Кристиансен — Klejn 1993c, 1996; Trigger 1991, 1995; Kristiansen 2005). Наилучший выход нашел Аккоу — это «аборигинализация» археологии в странах, где проживают туземные народности и отсталые национальные меньшинства.

К сожалению, этот выход нельзя применить к столкновению археологов с религиозными настроениями основного населения самих ведущих держав мира, и с клерикальным руководством, когда речь заходит о средневековых святынях — церквах, иконах, мощах. Атеистические государства «реального социализма» просто игнорировали настроения верующих, это было плохо, но ныне идет возвращение древних святынь церкви для постоянного ритуального использования, и это часто гибельно для памятников. Аналогом «аборигинализации» могло бы быть не просто сотрудничество с церковью, а создание совместных центров по сохранению и исследованию церковных древностей, центров, достаточно квалифицированных в плане науки и достаточно авторитетных для церкви и верующих. Постановления таких центров могли бы резко ограничить массовый доступ к древностям — и с точки зрения истинного почитания, как-никак святыни ведь не для повседневного близкого контакта. Хорошо бы и на основе теологических толкований найти возможности более либерального отношения к останкам — ведь утвердилась кремация в христианских странах. Даже староверы шли на самосожжение. Догмы могут стать гибкими, когда это не вредно интересам церкви.

5. Этика в Кембридже и везде. И движение археологических антиглобалистов, и стремление «аборигинализировать» археологию — это постановка новых проблем археологической этики. Но и старые проблемы археологической этики обострились. Появление новых государств и наций, осознание ими своего суверенитета и вытекающих отсюда прав относительно отечественных древностей привело к спорам

об их принадлежности. Нации, к которым принадлежали те, кто раскопал древности или купил и хранит в музеях, это часто совсем не те, на чьей земле находились раскопанные или разграбленные памятники. Должна ли Англия вернуть Греции «Элгиновы мраморы»? Всплыли и археологические сокровища, исчезнувшие во время войны и, как оказалось, вывезенные нацистами или ставшие незаконными (ибо сверх согласованной квоты) трофеями победителей. Кому должно принадлежать шлимановское золото Трои, ныне хранящееся в Москве, — России, Германии, Греции или Турции? Это поставило ребром вопросы охраны памятников и проблемы археологической этики. После того, как Уилли полвека молчал об этом, Ренфру в 2000 г. откликнулся на эту проблему книгой «Добыча, законность и собственность» (Renfrew 2000) и статьями. Он опять оказался в числе инициаторов дискуссии (ср. Zimmerman et al. 2003; Nicholas and Bannister 2004).

6. Разрушение основных понятий. В теоретической археологии настроения деструктивизма, присущие уже постпроцессуализму, усилились с конца 80-х годов. В большой мере эти настроения продолжали традицию гиперскептицизма. Уже тогда подверглись сомнению и критике такие понятия как 'тип', 'археологическая культура', 'система трех веков' — все они объявлялись условными: они, мол, произвольно сконструированы исследователями для удобства манипуляции артефактами. Теперь к этому присоединились еще более обширные и более конкретные понятия.

На стыке культурной антропологии и преистории появилась книга Эдема Капера (Adam Kuper) или, как у нас традиционно читают, Адама Купера «Изобретение примитивного общества» (1988). «Примитивное» — традиционный английский эквивалент нашего «первобытное». Купер — англичанин, учился в Кембридже у Лича и Ферта, из функциональной школы. В этой книге Купер утверждает, что «... история теории примитивного общества это история иллюзии». Не уничижительность термина «примитивное» его смущает, и он не предлагает заменить его термином «первобытное». Он отвергает само это общее понятие для первой стадии развития общества.

> «Это наш флогистон, наш эфир; или, менее величественно, наш эквивалент понятия истерии... Теория примитивного общества — это о чем-то, что не существует и никогда не существовало. Один из моих резонов для написания этой книги — удалить построение примитивного общества из повестки дня антропологии и политической теории раз и навсегда» (Kuper 1988: 8).

Он перечисляет разные теории, последовательно появлявшиеся на горизонте антропологии — эволюционизм, диффузионизм, функционализм, структурализм и т. д. «Каждая правила короткое время, а потом ее резко ниспровергали» (ibid.: 1). То же происходило с политическими теориями общества: Маркс, Вебер, Дюркгейм. Все они противопоставляли современные типы общества некоему «традиционному» обществу, а в глубине времен за тем они смутно различали самое раннее — «примитивное» (первобытное) общество, за которое и принялись антропологи. Они построили его как полную противоположность современному: на кровном родстве, эндогамии, отсутствии частной собственности и т. д. Все доказывается аналогиями и моделями — ссылками на другие, современные культуры.

Между тем, такого общества нет и не было, утверждает Купер. Все очень относительно, в разных местностях по-разному, обобщать неправомерно. Почему же более ста лет антропологи манипулировали фантазией? Потому что, объясняет Купер, это удовлетворяло неким идеологическим позициям — как капиталистическим, так и марксистским.

Его девиз — «антропология без примитива». Он понимает, что у антропологов возникает вопрос: не исчезнет ли тогда наша дисциплина? Нет, успокаивает он, только сменит предмет. Теперь ее предметом будет культура (ibid.: 243). А что будет предметом преисториков? Ну, очевидно, материальная культура, но она ведь есть не только у преисториков.

Купера называют эпигоном функционализма. Правда, он ведет функционализм не от Малиновского, а от Риверса (развертыванию этой мысли и посвящена его книга «Антропология и антропологи»). Однако в книге «Изобретение примитивного общества» Купер развивает гиперскептическую концепцию, в которой соединились разные течения XX века. Функционализм тоже. Было вполне в духе функционализма относиться скептически к построениям и понятиям эволюционизма, к его углублению в далекое прошлое и попыткам реконструкции оного. Но сказалась здесь и атмосфера, созданная длительной активностью Боаса и его учеников, партикуляристов и персоналистов, в англоязычной антропологии, с их неверием в любые теории, законы и широкомасштабные построения. С ними Купера роднит и превознесение релятивизма. Сказалась и субъективистская и релятивистская традиция английских философов и историков отрицать возможность объективного познания прошлого и падежность всех реконструкций — все они, мол, лишь несовершенные модели, весьма далекие от реальности. В истории это учение Р. Коллингвуда, в археологии эта идея нашла выражение в трудах целой школы плеяды английских гиперскептиков (Дэниел, Пиггот, Хокс) и американских теоретиков классификации (Бру, Форд). Сказалось, наконец, и деструктивистское поветрие конца века.

Другой пример — работы некоторых британских исследователей, которые утверждают, что понятие «кельты» было всего лишь инструментом для упорядочивания материала, что оно не отражает никакой реальности. Работы эти распространяют понятие «кельтомании», отражавшее увлечения и преувеличения прошлых веков, на все современные исследования кельтов. Изданная в 2001 г. в Оксфорде книга Стивена Джоунса (Stephen D. Jones) «Деконструкция кельтов: путеводитель для скептиков по археологии Оверни» стремится доказать тезис, что кельты — это всего лишь модель и что понятие это безнадежно устарело и должно быть удалено из словаря преисториков. Вышедшая в 2003 книга другого археолога, Джона Коллиса, «Кельты: происхождение, мифы и изобретения» также построена на убеждении, что кельты — изобретение XIX века, взятое на вооружение современными политками-националистами и расистами. Книга явилась обобщением работ, в которых Коллис два десятилетия пропагандировал эти идеи. Она встретила сугубо скептический отклик специалистов.

В этой деструктивной тенденции есть и вполне рациональная составляющая. Так в течение второй половины 90-х годов и в начале XXI века немецкий археолог Себастиан Братер (Sebastian Brather) выступает с рядом очень толковых работ (Brather 1996; 2001, 2004) и предъявляет доказательства того, что ранних славян Центральной Европы, предполагавшихся археологически установленными и идентифицированными (с городищенской культурой), на деле совсем не так легко ухватить! Керамика этого региона не совпадает ни по времени появления, ни по территории со специфическими могильниками, могильники — с укреплениями (городищами), т. е. все аспекты культуры существуют по отдельности, не образуя археологическую культуру, которую можно было бы идентифицировать со славянами! Что же, славяне такой же миф, как кельты по Коллису и Джоунсу?

Дело, очевидно, в том, что народности и культуры распространяются далеко не всегда цельными блоками. Особенно когда речь идет о постепенном распространении на соседние земли. Захвату земли может предшествовать ряд разнообразных контактов, скрещений и влияний, которые в проекции на археологическую карту дают диффузную картину. То есть разрушается не археологическая культура, а ее монолитная версия.

То же касается понятия неолита. Пост-процессуалист Джулиан Томас в 2003 г. выступил в «Антиквити» со статьей «Мысли о распакованной неолитической революции» (Thomas 2003). Он показывает, что неолит появляется не «в одном пакете», что не всегда и не везде его признанные черты выступают вместе, сразу, а где-то вместе, где-то порознь. Как сказал бы Дэвид Кларк — политетически.

7. Волна индивидуализма. С позицией археологического антиглобализма и его рецептами близка позиция *методологической индивидуализации.* Она близка антиглобализму и своими корнями в пост-процессуализме и своей антипатией к большим системам, иерархиям и ортодоксиям.

Идеи часто перекочевывают из одной науки в другую. Идея смещения центра внимания с коллектива на личность не нова. Она не раз переживала подъемы и упадки. В своем современном обличье она перешла из социологии и антропологии в психологию, там трансформировалась и уже в обновленном виде вернулась в антропологию.

В археологии же она стала проступать уже в конце 70-х, когда Хилл и Ганн издали в 1977 г. сборник об индивиде в археологии, а на следующий год Дэвид Хёрст Томас опубликовал свою знаменитую статью «Ужасная правда о статистике в археологии» (Thomas 1978), в которой показывал этноархеологическими примерами, что статистически значимые различия между артефактами, говорящие о разных типах, оказываются просто различными особенностями индивидов одного времени. В полном виде идея обращения к индивиду проявилась уже с 1980-х годов, в пост-процессуализме (начиная с раздела «Активный индивид» в книге Ходдера «Чтение прошлого»), хотя в эмергентизме Эрнста Вале в середине века она уже присутствовала, но была основательно забыта археологами. Ведь пост-процессуализм развивался в основном в англоязычных странах, да еще в Скандинавии, а англоязычные археологи, да и молодые скандинавы, не читали старую немецкую литературу, разве что философскую. Идея завоевывала умы заново. Рассмотрим корни ее современного развертывания в других дисциплинах, прежде чем приступить к ее характеристике в археологии.

8. Ситуации, поля и роли в психологии и антропологии. В психологии в 30-е годы XX века начало сказываться воздействие индивидуалистической социологии и антропологии Макса Вебера. В Берлине Курт Левин развивал в психологии «теорию поля». Он отстаивал решающее значение теории в науке — теория рождает эксперимент, и это есть генеральный путь развития науки. Теоретическое объяснение заключается в выяснении системы причин. Каждое событие надо осмыслить в контексте всей ситуации. Эта ситуация и означает «психологическое поле». Его определяют не класс, не нация, не историческая эпоха, а конкретные условия. Важны, конечно, также индивидуальные особенности действующего человека. Одни люди идут на поводу у ситуации, другие могут усилием воли встать над полем. На этом основании Х. А. Виткин (1974) выделил два стиля интеллектуальной деятельности

(когнитивных, т. е. познавательных, стиля). При «глобальном стиле» человек идет на поводу у ситуации, при «артикуляционом стиле» человек отделяет себя от ситуации, опирается на свой опыт и стремится решить ситуацию, не доверяясь внешней структуре. Левин же, эмигрировав в США, занялся психологией «малых групп».

В американской психологии также в 30-е годы XX века тоже начало сказываться влияние методологического индивидуализма Макса Вебера. Там под этим влиянием возник *интеракционизм* или *интерперсонализм*. Родоначальник этого направления в американской социальной психологии философ Джордж Герберт МИД (Mead, 1863-1931) выдвинул «*теорию ролевого поведения*», согласно которой поведение индивида определяется коллективом, социальной группой через те роли, которые группа ему предоставляет и которые он на себя берет. Роль предполагает актера. Actor, по-латыни, 'деятель', 'действующий'. Но значимые *действия* человека всегда адресованы другим людям, и человек не может произвести такое действие, не примеряя на себя роли других, не оценивая себя с точки зрения других. И ребенок осваивает в играх социальные роли, все время имея в виду ориентацию на другого (Мид вводит понятие «обобщенный другой» — это «коллективный субъект», воздействующий на ребенка).

Хотя Мид и исходил из наличия коллектива, практически картина общества у него исчерпывалась *взаимодействием* индивидов, исполняющих различные роли. Продолжил эту традицию Р. Сирс, который в 50-е годы предложил единицей психологического анализа сделать «диаду» — двух взаимодействующих человек, поскольку действия каждого ориентированы на поведение другого и зависят от него. Веберовская «ориентация на другого» здесь доведена до абсолюта.

В конце 50-х и в 60-х гг. норвежский антрополог Фредрик БАРТ (Barth) перенес эту тенденцию в антропологию. Многие мыслители воспринимали общество как организм, т. е. основную ячейку эволюции. В статьях и в книге «Об изучении социального изменения» Барт защищал идею, что социальная структура это всего лишь эпифеномен, вторичное явление, производное, а изменение общества есть всегда следствие того, что *индивиды* меняют стратегию поведения. Организмическому подходу к обществу англичанин Роберт Лейтон противопоставляет *интеракционистский* подход, по которому социальный строй происходит из взаимодействия индивидов. Он подверстывает к этому тезису многих ученых — от Адама Смита и Малиновского с Моссом до Леви-Стросса, но Вебера не называет. Между тем, они дальше от стержня этой проблемы, чем Вебер. Роберт Лейтон (Layton 1997) — первый, кто ввел интеракционизм как серьезную концепцию в историографию антропологии.

9. Этнос и личность в антропологии. Другой вариант интеракционизма или интерперсонализма возник на базе функционализма в его немецкой разновидности, с особым акцентом на этнический характер. Идея возникла у немецкого зачинателя как функционализма, так и персонализма (этнопсихологического учения) Рихарда Турнвальда. Выдвигая на первый план в истории не общество вообще, а этнос и вводя вместо естественного отбора историческое «просеивание» (Siebung), он утверждал, что исторические обстоятельства и среда фильтруют популяцию, и в результате этого личности определенного склада становятся выдающимися и занимают ведущие посты. В статье 1933 г. «Личность как ключ к пониманию исследования общества» он утверждал, что облик общества определяют люди, его составляющие, но не их расовые (наследственные) особенности, не среда, а *взаимодействие* людей.

Люди рождаются не с определенными свойствами, а с потенциями, возможностями. История определяет, какие возможности тот или иной этнос выберет, куда его повернут выдающиеся личности.

Под выдающимися личностями Турнвальд понимал вождей (Führerpersönlichkeiten). Это использовал его нацистски ориентированный ученик Вильгельм Мюльман, который на место исторических вождей прямо подставил конкретного фюрера Германии — Гитлера. Мюльман увлекался расовой теорией, расовой гигиеной и проявлениями личности в сложении народной психологии. Этому была посвящена его диссертация 1931 года «Тайное общество Ариори. Исследование о полинезийских тайных союзах с акцентом на социальный и естественный отбор на старом Таити». Человек, изучаемый этнологией, наделен свободой выбора, а выдающиеся личности воздействуют на весь этнос и придают ему определенные черты, которые остальные члены этноса усваивают имитацией. Эти черты сохраняются как традицией, так и генетически, ибо этнос поддерживается эндогамной практикой.

После разгрома нацистской Германии Мюльман отказался от расовой теории и расовой гигиены, сильно американизировал свою позицию и стал развивать идеи персоналистской этнопсихологии, подчеркивая свободу выбора исторического человека, ведущую роль харизматических личностей и их независимость от каких-либо закономерностей. В 1962 г. он выпустил книгу «Homo creator» («Творческий человек», «Человек-созидатель»), в которой развивал эти взгляды. Жизнь этноса и вся история предстает у Мюльмана как воплощение идей, порождаемых выдающимися личностями в ходе их взаимодействия (Mühlmann 1962).

10. «Единое социальное поле» и интеракционизм. Еще один вариант интеракционизма возник в английской антропологии на базе распада функционализма, среди учеников Рэдклиф-Брауна — как своеобразный пост-функционализм. Эванс-Причард считал, что для современной социальной антропологии пользоваться понятиями «племя», «клан» уже недостаточно. «Необходимо пользоваться понятиями, обозначающими отношения, определяемые в терминах социальных ситуаций, и отношения между этими отношениями» (Evans-Pritchard 1940: 264, 266). Мейер Фортс считал, что понятие «*социальной структуры*» слишком абстрактно. «*Социальная ситуация*» лучше, ибо сужает сферу изучения (определяя ее во времени и пространстве) и в то же время не требует придерживаться границ клана, племени, даже этноса. Позволяет изучать конфликты на стыках. Конфликты, оппозиции создают единое целое. Можно выделять ситуацию из *любого* места этого целого. Так ученики Рэдклиф-Брауна пришли к идее «*единого социального поля*».

Таким образом, единое социальное поле практически означает расчленение целого на отдельные мельчайшие единицы, означает атомизацию. Здесь прежний функционализм приближается к партикуляризму, к индивидуализму «школы культуры и личности» и даже ближе к современности — к постструктуралистам и постмодернистам с их культурной мозаикой. Собственно, это уже вряд ли можно рассматривать как функционализм или структурный функционализм.

Это нечто иное, отражающее влияния веберовской антропологии и некоторых тенденций психологии. В частности, здесь, видимо, сказалось воздействие «теории поля» Курта Левина и американского *интерперсонализма* («теория *ролевого поведения*») Джорджа Мида). Вместо коллектива как структуры и вместо личности как члена общества в центр внимания психологов попали взаимоотношения между индивидами, ситуации.

Я уже упоминал норвежца Фредрика Барта, который с конца 50-х и в 60-е прямо перенес это течение в антропологию. Вместо социального организма и его структур исследователя заинтересовали взаимоотношения между индивидами. Парсонс в социологии вел мысль антропологов в этом же направлении. Думается, что английские антропологи, ученики Рэдклиф-Брауна в сущности перевели свои исследования в это направление. Границы социальных организмов исчезли. В едином социальном поле выявляются взаимоотношения личностей, групп и институтов.

Глакман писал:

> «Мы заявляем, что шахты Рэнда и африканское племя являются частями единого социального поля; что администратор, который представляет Лондонское правительство, управляющее поселенцами и африканцами, и вождь, который управляет только племенем, члены которого находятся в постоянных отношениях с поселенцами и правителем, оба являются частями единого политического целого» (Gluckman 1949).

Словом, черные и белые составляют единое «плюральное», «составное» общество.

Следуя примеру британских антропологов-постфункционалистов, американский археолог Элизабет Брамфил (Elizameth Brumfiel), работавшая над изучением ранних государств, обратила внимание на конфликты. Не переставая заниматься в целом экосистемами, в 1980-е – 90-е годы она перенесла основное внимание на конфликты и соревнование различных групп в системе: классовых, гендерных, клановых. Человек вынужден в такой системе подчиняться разным социальным лидерам, и Карола Крамли (Carola Crumley) придумала для этого особый термин: *гетерархия* (Ehrenreich et al. 1995). Предполагается, что гетерархия и соревнование кланов вели к изменениям системы.

11. Пост-структурализм Бурдье и Гидденса. Существенно продвинулось в сторону интеракционизма и пост-структуралистское понимание общества после разработки концепции Моля о смене «гуманитарной» структуры общества «мозаичной» и учения Делёза и Гватари о *ризоме* – войлокоподобной сети случайных связей и отношений в обществе (ризома – корневая система гриба).

При таких условиях видение мира как определяемого социальными структурами сменялось другим, в котором жизнь индивидов не детерминировалась структурами, будь то марксистские социально-экономические классы, законы функционирования в духе Малиновского и Рэдклиф-Брауна или структуры мышления в духе Леви-Стросса. На первый план выступили индивидуальные намерения, воля и активность людей, личностей. Наследие Дюркгейма вытеснялось наследием Макса Вебера. Однако развитие учений о детерминации жизни индивида внеличностными структурами не прошло бесследно. Вернуться к сугубому индивидуализму представлялось ненаучным. Начались поиски компромисса, попытки наведения мостиков между структурализмом и индетерминистским индивидуализмом. Кроме того, если прежние теоретики представляли себе действующих индивидов людьми разумными и практичными, теперь на первый план выступили эмоции и иррациональные устремления, коренящиеся в традициях.

Пьер БУРДЬЕ, проводивший в 60-х гг. этнографические исследования в Алжире и стремившийся представить жизнь алжирцев как *взаимодействие личностей*, заметил, что родственные отношения – это не всё, что открывает структуралистский анализ. В книге «Очерк теории практики» (Bourdieu 1977) он пришел к выводу, что

практика социальной жизни, активность индивидов всё-таки обусловлены системой долговременных исторически сложившихся обстоятельств. Он назвал эту систему *хабитусом* (термин, близкий к 'обычаю', 'нраву', 'обыкновению', 'складу характера'). Хабитус складывается из вещей, настолько известных в данном обществе, что они не нуждаются в четком формулировании, например, отношения родства или выполнение ритуалов. Хабитус располагается между структурами и практическими действиями индивидов и обусловливает практику действий. Он различается у разных индивидов, но их хабитусы вполне сопоставимы (гомологичны). Действие, обусловленное хабитусом, инстинктивно и регулируемо.

Бурдье сравнивает это со спортом: У «игроков» есть «чувство игры», которое и позволяет им избирать игровые стратегии. «Я описал стратегию двойной игры, которая состоит из операций по правилам, дающим уверенность, что вы правы, и из действий соответственно вашим интересам, тогда как всё время кажется, что вы повинуетесь правилам. Чувство игры небезошибочно; оно неравно разделено между игроками, в обществе -- как в команде» (Bourdieu 1990: 86).

Введение посредствующего звена между детерминирующими структурами и действиями индивидов, конечно, ослабляет детерминированность, хотя и не устраняет ее вовсе. Схема напоминает соответствующие схемы Малиновского и Кардинера, но она проще и оставляет больше свободы для индивидов.

В различной степени хабитус может быть кодифицирован, могут быть ведены точные правила социальной «игры», а для сложных, дифференцированных обществ Бурдье ввел понятие «поля» — исторически сложившейся сферы деятельности со специфическими институтами (академическое поле, политическое поле и т. п.). Хабитус приводит к различным практикам в зависимости от состояния поля.

Близкое к хабитусу понятие предложил социолог Энтони ГИДДЕНС (Giddens 1979, 1984). У него между практикой (повседневными действиями индивидов) и детерминирующей структурой (институтами, обычаями) размещается *структурация* — ряд условий, которые обеспечивают репродукцию или трансформацию этой структуры, а также обеспечивают структурирование повседневных индивидуальных действий. Гидденс, на трудах которого основана у пост-процессуалистов *теория активности* (theory of agency), начинает с уже предложенного Мидом тезиса, что «все люди — сознательные социальные актеры» (или сознательные деятели). Но их действия зависят от сложившихся условий исторической ситуации (то есть от структурации) и от действий других лиц. У Гидденса отношения между структурой и практической деятельностью индивидов — взаимодействие: они вовлечены в жизнь друг друга, каждая есть и средство и результат. Он предложил такую модель социокультурного мира, в которой деятель, знающий, как общество оперирует, способен поддержать или переделать правила в данной социальной ситуации. Хотя тут и задействованы понятия структуры и структурации, концепция Гидденса далека от структурализма. И всё же деятель может осуществлять свою стратегию только относительно уже существующей и внешней для человека «структуры» или «хабитуса», хотя она изменчива и зыбка.

Нетрудно заметить сходство между концепцией Бурдье — Гидденса и теориями других интерперсоналистов. Любопытно, что наследники Вебера, функционалистов и структуралистов пришли к одним и тем же идеям. Это вполне можно рассматривать как особое направление, и то, что оно до сих пор не выделялось в виде отдельной главы в курсах историографии, объясняется единственно тесными связями учеников Малиновского и Рэдклиф-Брауна с их учителями и в какой-то мере раз-

розненностью интерперсоналистов, отсутствием общепризнанного лидера. То есть эта невыделенность — дело условное. Возможно, если бы историографы выделили их всех в отдельную школу, постмодернизм (пост-структурализм) в антропологии утратил бы свое неопределенное (через отрицание) обозначение, по крайней мере, для какой-то своей части, а может быть для ростков следующего направления.

12. Археология и «теория активности». Засилье в 1960-х Новой Археологии, с ее системным подходом, решением социальных проблем и статистикой, к 1970-м сменилось некоторой утратой интереса к этим задачам. Интерес к индивидуализации привел к публикации сборников специально об этой проблеме — «Индивид в преистории» (Hill and Gunn 1977). Я упоминал этот сборник в главе о поведенческой археологии, рассказывая о поляризации интересов в 1970-е: наряду с обострением интереса к системам, усилился интерес к индивиду. Сборник посвящен стилистическим особенностям керамики, в которых проявляются личные качества мастеров-изготовителей.

Такой лидер Новой Археологии как Ренфру, инициируя переход к «социальной археологии», всё же оговорил некоторые сомнения: «в то время как поведение группы из многих индивидуальных единиц часто можно эффективно описать на языке статистики, безотносительно к каждой отдельной единице, *объяснить* его таким способом не получится так легко. Это проблема, которую первобытная археология еще не решила» (Renfrew 1972: 496). Очевидно, это затруднение Ренфру ощущает из-за того, что поведение одной отдельной особи вообще невозможно статистически объяснить или предсказать, только применить теорию вероятности. Кроме того, видимо, сказывается обычное для историка желание подыскать для поведения личностей психологические мотивы, а в них очень велика доля случайности. Еще более отход от объяснений социальными факторами стал заметен в следующем десятилетии.

При президенте Рейгане в США и правительстве Тэтчер в Британии принципы капиталистического индивидуализма торжествовали, социальные программы были свернуты и ставка делалась на собственные силы каждого. Тэтчер даже как-то произнесла крылатую фразу: «Нет такой вещи, как общество». Уже пост-процессуализм в археологии в 1980-е годы старательно перемещал акцент с коллективов и обществ на индивидов. Ян Ходдер критиковал системный подход и функционалистическую направленность процессуалистов за игнорирование реальных социальных действий: «индивиды, — писал он, — это не просто инструменты в какой-то оркестрованной игре, и трудно увидеть, как субсистемы и роли могут иметь собственные цели» (Hodder 1982b: 5). Однако, как точно подметил Мэтью Джонсон, «индивид был триумфально восстановлен в центре сцены в теории, но тихо отодвинут за кулисы или вообще вычеркнут из сценария на практике» (Johnson 1989: 190). Немудрено. В археологии, имеющей дело с массовым материалом, с типами и культурами, это не так просто. Как правило, она представляет нам результаты массовых действий — изношенность, сработанность, утоптанность, — а если индивидуальные действия угадываются, то они покоятся под густым покровом анонимности.

Правда, иногда, особенно в исторической (античной или средневековой) археологии проводится при случае идентификация выдающихся личностей, открываемых раскопками, — монархов, полководцев, святых, героев, их родных. Но это никак не продвигает археологов в понимании значения индивидов в преистории и истории. С другой стороны, и анонимность, отсутствие имен не отменяет вопроса о значимости отдельных личностей в прошлом. Так, Шарпли в 1985 г. в работе «Индивид и общи-

на» рассматривает изменение роли мегалитов в неолите: от коллективных погребений как предприятия общины к индивидуализации погребений в связи с усилением роли частной собственности. Когда к выставке 1985 г. в Эдинбурге вышел монументальный исследовательский каталог «Символы власти в пору Стоунхенджа», то авторы Д. В. Кларк и др. самую большую главу назвали «Распознавание индивидуальной власти».

В 1989 г. Мэтью ДЖОНСОН (Mathew H. Johnson) из Дарема, выросший как пост-процессуалист, выдвинул «*теорию активности*» (agency theory), которая, по его мнению, должна лучше, глубже объяснить изменения в культуре, чем ссылка на социальные факторы. Под «активностью» Джонсон подразумевает индивидуальные, сознательные и активные акции индивида, ведущие к изменениям в культуре и обществе. Джонсон — примечательный, чрезвычайно волевой человек. Он родился без рук, но вопреки судьбе стал известным археологом, водит машину, ездит в экспедиции, пишет статьи и книги. Я полгода работал рядом с ним в Дареме и не воспринимал его как инвалида. Особенности его личности, несомненно, сказались на его археологических убеждениях. По Джонсону, многое, если не всё, в социальной истории и формировании культуры зависит от силы воли индивида, от его сознательной стратегии, от его выбора, его индивидуальных решений. Он откровенно опирается на солидную научную традицию — на Гоббса и Вебера, на Бурдье и Гидденса. Даже использует некоторые высказывания Маркса.

Но в отличие от своих коллег пост-процессуалистов он не ограничивается декларацией, а прослеживает как индивидуальные интересы, склонности, выборы, решения и вообще индивидуальные действия конкретных личностей и групп конца средневековья (это эпоха, которой Джонсон непосредственно занимается) сказываются на архитектурном облике построек этого времени, внося специфические черты в стандартный стиль. Джонсон прослеживает также взаимодействия между социальными структурами и индивидуальными действиями. Он пишет: «Возможно, центральное заключение, которое нужно сделать, это что изучение действий не может быть отделено от изучения структуры; что активность [индивида] — это манипулирование существующей структурой, структурой, которая является внешней по отношению к индивиду... ». И дальше: «неизбежный дуализм остается между индивидом и обществом» (Johnson 1989: 206, 208). Эти выводы конкретизированы Джонсоном в книгах «Культура контекста традиционных домов в Западном Саффолке 1400–1700 гг. н. э.» (1989) и «Культура домостроительства: традиционная архитектура в английском ландшафте» (1993). Хотя Джонсон открещивается от методической близости со сборником «Индивид в преистории», сходство налицо.

В 1999 г. Джонсон выпустил учебник «Археологическая теория. Введение», который с тех пор допечатывается ежегодно, иногда и по несколько раз в год (Johnson 1999). Он стал основным учебником по истории археологического мышления в Англии. Автор, конечно, излагает основания своей концепции, но в целом его учебник выдержан в традициях постпроцессуализма. Моя критика этого учебника и ответ Джонсона опубликованы в «Антиквити» (Klejn 2006, критику также см. в Клейн 2006).

Теория активности пользуется некоторой популярностью среди современных археологов. В 1992 г. вышла статья Джеймса Белла «Об ухватывании активности в теориях о преистории» (Bell 1992). Автор устанавливает близость индивидуализирующего метода принципам «когнитивной археологии» Ренфру и др., поскольку охотники за мыслями первобытных людей тоже обращаются к индивидуальному

сознанию. В 1998 г. издан коллективный труд американских антропологов «Идентичность и действия в культурных мирах» (Holland et al. 1998). А в 2000 г. в Лондоне вышел сборник под редакцией Марсии-Энн Добрс и Джона Робба «Активность и археология» (Dobres and Robb 2000). Все участники сборника муссируют понятия «теории активности». Кристиансен подсчитал, что на семи страницах статьи Баррета (J. C. Barrett) слово «agency» (активность) употребляется 60 раз, «action» (действие) 38 раз, «agent» (деятель, активный индивид) 28, «event» (событие) 18 раз (Kristiansen 2004: 84).

Индивидуализация затронула и эволюционистов. В 1993 г. Стив Шеннан пишет в статье «После социальной эволюции: новая археологическая повестка дня?» в сборнике Н. Йоффи и Э. Дж. Шеррата «Археологическая теория: кто устанавливает повестку дня?», что эволюционисты больше не стремятся выявить в социальной эволюции развитие социальных институтов. Они интересуются практическими действиями,

> «которые, конечно, выполняли индивиды, руководимые мотивами, (индивиды) с намерениями, с предпочитаемыми структурами и с конкретными социальными ресурсами. Это не означает непременно редукцию всех социальных явлений или их объяснений к занятию индивидами и их мотивациями, но это подразумевает зависимость высших уровней от уровня индивидов и от удовлетворительных моделей этого уровня» (Shennan 1993: 57).

Охотники-собиратели взаимодействовали с природной средой, и это археологи уже давно изучают, а ранние земледельцы взаимодействовали друг с другом, и этим археология манкировала. Пора за это взяться. Эту линию рассуждений Шеннан развивал и в своей книге 2002 г. «Гены, мемы и история человечества» (Shennan 2002: 210, 217), о которой еще будет речь.

Сочинения приверженцев этой теории внешне трудно отличить от других: помимо магического повторения нескольких излюбленных словечек (agency, agent, actions) у них нет *работающих* понятий, приемов, методов, правил. Добрс и Робб признали убийственную для археологической «теории активности» старую истину относительно проявлений активности в материальной культуре: «чтобы исследовать диалектику изменчивости артефактов, нет надобности в поисках следов индивидов портить представления об индивидах и группах и о социальной структуре» (Dobres and Robb 2000: 12). Поскольку индивидуальная активность людей прошлого никак не проявляется в археологии помимо специфики в сочетании признаков, меня не оставляет впечатление, что вся функция «теории активности» заключается в подрыве доверия к устанавливаемым процессуальной и эволюционной археологией законам, регулярностям и обобщениям. То есть ее пафос скорее в отрицании. Кристиансен заметил, что такая концентрация внимания на индивидуальной и сознательной активности личности в ее противостоянии структурам в большой мере отражает идеалы, ценности и представления современного общества («нарциссовский эгоцентризм») и совершенно не соответствует архаичным обществам прошлого, где отдельный человек был гораздо более конформен и подавлен социальными структурами (Kristiansen 2004: 85).

Как признают Добрс и Робб,

> «Активность (agency) стала модным словечком современной археологической теории. Но, как ни удивительно, нет тщательного изучения понятия активности. ... По нынешнему состоянию, активность в археологии — не теоретически изощренная пара-

дигма, а скорее лингва франка (общий язык) — многозначная банальность, означающая всё и ничего» (Dobres and Robb 2000: 3).

13. Интерперсонализм в археологии. Индивидуализм конца XX века отличался и не мог не отличаться от индивидуализма XIX века. Да и капитализм Тэтчер и Рейгана был не тот, что капитализм Дизраэли и МакКинли: мощные тредюнионы и профсоюзы, двухпартийная система (причем партия лейбористов в Англии противостояла консерваторам), наличие влиятельного социалистического движения в мире — всё это превращало высказывание Тэтчер в экстравагантный парадокс, в благое пожелание. Поэтому если индивидуализм XIX века знать ничего не хотел, кроме силы выдающихся личностей, то индивидуализм конца XX века понимал, что любая личность одна ничего не сделает, что она действует в обществе, коллективе, группе, что ее действие усиливается поддержкой или наталкивается на противодействие других личностей. Поэтому сторонники индивидуализма теперь говорят не о просто об *активности*, *действии* (agency, action), а о *взаимодействии* (interaction) между индивидами, между ними и группами, между их действиями и социальными структурами, так что индивидуализм принял форму интеракционизма или интерперсонализма.

Лучше употреблять термин «интерперсонализм». «Взаимодействие» (interaction) — понятие весьма широкое (мало ли что может взаимодействовать!), и как теоретический термин оно используется английскими археологами в нескольких значениях. Мы уже видели, что Ренфру ввел в археологию понятие «взаимодействие равносильных политических образований» для объяснения однородных изменений на обширных пространствах. В 2001 г. вместе с Машей Левин он выпустил сборник «Древние взаимодействия: Восток и Запад в Евразии».

Здесь важно не само взаимодействие, а что или кто взаимодействует. Это должны быть личности, индивиды, персоны. Поэтому интерперсонализм — более адекватное название.

14. Заключение и некоторые уроки. Антисистемные движения — антиглобализм, интерперсонализм, теория активности (теория индивидуальных действий и деятелей) — аккумулировали в себе мятежные настроения эпохи, нечто родственное протестному электорату политики, но не заняли в археологии ведущих позиций. Не заняли как ввиду небольшой пригодности археологии задачам индивидуализации, так и ввиду меньшей развитости индивидуалистических традиций в социальных науках (от Вебера) по сравнению с традициями, основывающимися на признании социальных систем (Маркс, Дюркгейм, Малиновский).

Обозревая этот отрезок истории дисциплины, уроки можно извлечь и касательно теории, и касательно значимости и достоинства регионов, и касательно жизнеспособности и устойчивости основных понятий дисциплины, и касательно трудностей профессии.

Вопросы для продумывания

1. Эклектизм — свойство только пост-процессуализма или также и более ранних концепций?

2. Представляется ли вам аргументация против Великих Теорий основательной или нет?

3. Имеет ли антиглобализм некоторых молодых археологов иные мотивы кроме уязвленного национального самолюбия?

4. Представляются ли вам рациональными намеченные мною меры преодоления раскола между археологами метрополий и периферийными археологами или возможны иные подходы?

5. Обе этические проблемы, занимающие археологов в последние десятилетия (1 — отношение к эмоциям местного населения по поводу раскопок погребений и 2 — национальная собственность на памятники) основаны на спорах о праве распоряжения памятниками («кто владеет прошлым?»). Является ли право распоряжения сутью этических споров в археологии вообще?

6. Какие еще проблемы археологической этики занимают археологов кроме двух названных? Что лежит в основе всех этих споров и в основе их решения?

7. Чем интеракционизм или интерперсонализм отличается от традиционного методологического индивидуализма старых историков и социологов — «теории героев и толпы», исторического партикуляризма Боаса, вождизма Эрнста Вале и т. п.?

8. Является ли «теория действий» действительно теорией археологии и вообще теорией?

9. Чем конкретно отличаются от других работы приверженцев «теории действий»?

10. Как в археологии могут проявиться индивидуальные «действия», «активность» индивидов?

Литература

Результаты постпроцессуализма: Вишняцкий 2002, 2005; Клейн 1976, 1978, 1980, 1988, 1991a, 2004; Kolpakov 1993; Callmer 2006; Campbell 1994; Chadwick 2003; Bintliff 1991a; Chippindale 2002; Gaffney and Gaffney 1987; Piggott 1965.

Археологический антиглобализм: Trigger 1984; Gonzales Marcen and Risch 1990; Olsen 1991; Moser 1995; Ucko 1995.

Споры о распоряжении памятниками: Meehan 1984; McBryde 1985; Zimmerman 1987; Watson, Zimmeraman and Peterson 1987; Webb 1987; Hubert 1989; Trigger 1991, 1995; Klejn 1993c, 1996; Murray 1993; Kristiansen 2005; Nicholas and Bannister 2004.

Этика археологов: Renfrew 2000; Zimmerman, Vitelli and Hollowell-Zimmerman 2003.

Разрушение понятий: Kuper 1988; Brather 1996, 2001, 2004; Jones 2001; Collis 2003 (против см. Megaw and Megaw 1995; Sims-Williams 1998); Thomas 2003.

Методологическая индивидуализация: Mühlmann 1962; Hill and Gunn 1977; Thomas 1978.

Интеракционизм: Evans-Pritchard 1940; Gluckman 1949; Renfrew 1972; Giddens 1976, 1979, 1984; Bourdieu 1977, 1990; Hodder 1982; Johnson 1989; Holland et al. 1998; Bell 1992; Shennan 1993; 2002; Ehrenereich, Crumley & Levy 1995; Layton 1997; Dobres and Robb 2000; Kristiansen 2004; Клейн 2006.

Глава 41. НЕОМАРКСИЗМ В АРХЕОЛОГИИ

1. Марксизм как антисистемное движение? Марксизм представлял и представлет собой заметную силу в археологии и помимо советской школы. Об этом говорят такие имена археологов-марксистов как Гордон Чайлд, Брюс Триггер, Кристиан Кристиансен. Гордон Чайлд практически был ведущим археологом Англии, Брюс Триггер — Канады, а датчанин Кристиан Кристиансен создал и возглавлял Европейскую Археологическую Ассоциацию.

По своему революционному прошлому марксизм числился в мятежных учениях и мог бы занять место среди антисистемных движений, рассмотренных в предшествующей главе. Но революционным в мире и России марксизм был только до 1917 года, после чего, заинтересованный в закреплении и охране достигнутых преобразований, стал в Советском Союзе и его придатке III Интернационале сугубо консервативным и охранительным. Его стали называть «*ортодоксальным*», т. е. правоверным, противопоставляя *ревизионизму* как ереси. Любая идейная или политическая новация рассматривалась как посягательство на власть и объявлялась контрреволюционной. Соответственно, сурово каралась вплоть до ссылки в отдаленные сибирские лагеря «без права переписки» (эвфемизм для смертной казни тайком). Сторонников ортодоксального марксизма, государственников, сомкнувшихся с великодержавными шовинистами, в Советском Союзе диссиденты справедливо называли «правыми» (тогда как либералы и западники считались леваками). Левыми марксисты снова стали только после развала Союза, когда в сознании диссидентов сменились эмоциональные оценки левизны и правизны. Западный же марксизм оставался революционным.

Можно ли его причислить к антисистемным движениям, всё же остается под вопросом, потому что, выступая против системы капитализма, марксисты всегда ратуют за весьма стабильную систему взглядов и за жесткую политико-экономическую систему, которую они готовят на смену капитализму.

2. Разновидности марксизма. Распад Советского Союза и крах «социалистического лагеря» (Варшавского договора) привел к почти полной ликвидации ортодоксального советского марксизма, но почти не затронул западный марксизм. Советские, восточногерманские и другие восточноевропейские марксисты почти скопом (за немногими исключениями) перешли на противоположные позиции — убежденности в благе либерально-рыночного образа жизни — и рванулись к сияющим вершинам капитализма, а вот западные марксисты не унялись и продолжают внедрять марксизм своего толка во все сферы жизни, в том числе в археологию.

Кратко напомню историю марксизма (см. Kołakowski 1978; Hobsbawm 1978–82; Aggar 1979; McLellan 1979; Merquior 1986). Марксизм Маркса и Энгельса сложился в период между европейской буржуазно-демократической революцией 1848 г. и Парижской коммуной 1870. Это было одно из течений утопического социализма, стремившееся преодолеть свою утопичность с помощью экономической теории и обосновать свою революционность философской материалистической диалектикой. Течение это было по натуре фанатичным и сектантским и совершенно игнорировало биологическую природу человека. В последующий период — до Первой мировой войны — сформировался Второй Интернационал, участники которого Карл Каутский, Г. В. Плеханов и др. ослабили революционные призывы и подняли на щит экономическую сторону марксизма, развивая его организации как легальные социал-демократические партии, опирающиеся на экономическое рабочее движение и борьбу за гражданские права и свободы.

Третий Интернационал и его идеология — марксизм-ленинизм — выросли в огне Первой мировой войны и последовавших гражданских войн и государственных переворотов, называвшихся социалистическими революциями. Это была воинствующая идеология революционной борьбы за захват политической власти, за диктатуру пролетариата для построения социалистического общества, за отказ от демократических свобод. В этих условиях Ленин, Троцкий, Сталин, Бухарин сформировали советский ортодоксальный марксизм-ленинизм. Ленинизм, троцкизм, сталинизм и маоизм — это лишь варианты одной и той же коммунистической идеологии. В СССР господствовал ленинизм-сталинизм, окостеневший в этих формах и далее менявший только отдельные положения в угоду конъюнктурным потребностям Советской державы.

Это не значит, что у ранней советской социальной науки не было революционных прорывов. Так, Чаянов предвосхитил выводы Салинза о принципах крестьянского хозяйства, а кондратьевская теория экономических циклов — «теорию мировых систем» Уоллерстайна, весьма модную сейчас на Западе; Богданов на полвека опередил некоторые принципы кибернетики, а Вавилов стоял у истоков «зеленой революции». Но это были отдельные прорывы, подавленные вскоре в СССР. Авторы открытий были почти все ликвидированы.

Более того, инспирированные марксизмом идеи советской археологии, как показали работы Триггера и мои (Klejn 1977; Trigger 1984b: 68–69), повлияли на Чайлда, а через него на формирование Новой Археологии (тяга к открытию законов, сдвиг от миграций и диффузии к анализу внутренних факторов развития и т. д.); под влиянием советской археологии в палеолите стали раскапывать открытые поселения, а во Франции Леруа-Гуран развил свой метод «этнографического вскрытия» палеолитических поселений; Брейдвуд и МакАдамс разрабатывали свою методику обследования обширных территорий частично под влиянием междисциплинарных экспедиций С. П. Толстова в Средней Азии; на все исследования первобытной техники в мире повлияло изобретение трасологического метода С. А. Семеновым. Под влиянием японского экономиста Хилдиме Кавасами, а потом и советской археологии и древней истории китайский коммунист Го Можо с 1929 г. стал строить историю Китая по марксистской схеме пяти социально-экономических формаций, и его определение цивилизации Шань как типично рабовладельческого общества вошло во все последующие трактовки китайской истории.

Но в самом Советском Союзе марксизм вообще и в археологии в частности застыл и далее не развивался.

На Западе, где не было таких консервирующих, сдерживающих и унифицирующих рамок, марксизм изменялся весьма интенсивно. Это не значит, что он избавлялся от своих врожденных пороков, но он приспосабливался к новой эпохе. Ведь со времени Маркса прошло больше века, и значительно изменились социальные условия в основных европейских государствах. Экономическая борьба в условиях демократических свобод принесла свои плоды. Положение трудящихся масс улучшилось, революционность рабочего класса резко снизилась. Многие марксисты отказались от ставки на рабочий класс, стали искать другие слои общества, склонные к мятежу и к социальным исканиям. Иные отказались от убеждения в мощности экономических факторов развития, больше поверили в силу идей, и т. д.

Одним из лидеров западного марксизма стал Дьёрдь Лукач, венгр, обучавшийся в Германии у Зиммеля и Макса Вебера и сделавшийся вождем венгерской революции 1918 г. Он заявил, что главное в марксизме это гегелевская диалектика, что не базис движет общество, а надстройки, что Ленинская теория отражения неверна, ибо теория не отражает реальность, а сопрягает знание с практикой как действий, так и сознания. Позже Лукач под давлением товарищей (не в последнюю очередь Бухарина) отрекся от своей ереси, но труд его «История и классовое сознание» (1918) стал библией западных марксистов. Другим лидером западных марксистов стал итальянский революционер Антонио Грамши, узник фашистских тюрем. В своих тюремных тетрадях, написанных в 1926–1935 гг., он тоже учил, что глупо говорить о первичности базиса, что не материя создает идеи, а наоборот, идеи преобразуют материю. От Ленина он взял идею гегемонии пролетариата, но отверг мысль Каутского, что интеллектуальная элита может сформировать истинно рабочую сознательность. Рабочие должны сами творить свою теорию: «все люди философы». Гибель Грамши в фашистской тюрьме придала ему ореол святого.

В 1920-е годы во Франкфурте на Майне был учрежден Институт социальных исследований, и в 1931 г. его новый директор Макс Хоркхеймер направил его на развитие марксистской критики культуры. Вместе с Теодором Адорно они разработали *критическую теорию*, о которой я уже говорил в главе о пост-процессуализме. В состав школы также входили Эрих Фромм и Герберт Маркузе. С приходом нацистов к власти в 1933 г. эти марксисты эмигрировали в Нью-Йорк, а в начале 1950-х вернулись. Они учили, что капитализм насаждает свою идеологию посредством масс медиа и что наука также является частью этой идеологии. Ученые должны разоблачать ее у других и открывать ее самокритикой в себе, подавляя в себе предвзятые идеи, внедренные из доминирующей идеологии, и заменяя их сознательно избранными идеями, достойными передового класса. Объективной науки нет и быть не может. Теоретики должны искать средство преодолеть доминирующую идеологию и отнять силу у правящих классов. На рабочий класс нет надежды: он проникся идеями собственности. Вся надежда на тех, у кого ее нет — студентов, люмпен-пролетариев. После войны эта «критическая теория» приобрела особенно широкое влияние, став идеологией Новых Левых в 1960-х и воодушевив студенческие мятежи 1968 г.

После Второй мировой войны марксизм также соединялся с экзистенциализмом, структурализмом, уклонялся в гегельянство.

Экзистенциалисты Поль Сартр и Морис Мерло-Понти сводили марксистские идеи критики капитализма и отчуждения труда капиталом к индивидуальным переживаниям интеллектуала. Структуралист и марксист Луи Альтюсер стремился вернуть марксизм на базу научности и для этого считал возможным использовать

структурализм. Он призывал марксистов вернуться от раннего Маркса экономических и философских рукописей 1844 г. к зрелому Марксу «Капитала», отойти от «экономизма». У Маркса сказано, что экономический базис ведет к изменениям в социальной и политической надстройках «в конечном счете», а Альтюсер добавлял, что в реальной жизни этот конечный счет так никогда и не наступает. Он считал, что движение общества происходит из взаимодействия структур — экономической, политической, идеологической и научной. А экономический базис каждой формации состоит из разных укладов. Английский марксист Э. П. Томсон отверг деление на базис и надстройку вообще, он утверждал, что это мешает конкретному изучению общества. Не существует в отдельности и класс — он возможен только как часть общества, в соотношении и связи с другими классами.

Этот список можно было бы и продолжить. Таким образом, марксизм давно перестал быть цельной и последовательной системой принципов и утверждений, отличаясь, как констатирует Брюс Триггер (Trigger 1984b: 60), пожалуй, единой для разных его ветвей системой *ценностей, т. е.* из единого учения, из концепции он превратился скорее в некую *стратегию исследований.*

Нетрудно понять, что по отношению к археологии марксизм не составлял единого учения, из которого можно было заимствовать один и тот же набор руководящих идей, строя цельную систему взглядов. А ведь даже незначительные расхождения в исходной платформе могли повести к сильным различиям в специфических областях, какова археология. Всё же представление об общем происхождении концепций сохранялось.

3. Марксизм в археологии. Сейчас о марксизме в западной археологии можно составить себе общее представление по ряду обобщающих обзоров. В культурной антропологии такие обобщающие труды начались с книги француза Мориса Годелье «Перспективы в марксистской антропологии» (Godelier 1977), в археологии — с книг чилийцев Луиса Фелипе Батэ «Археология и исторический материализм» и Хулио Монтены «Марксизм и археология» (опубликованы в Мексике — Bate 1977; Montena 1980). Затем последовали обзорные статьи Брюса Триггера (Trigger 1984b, 1985) и Антонио Гилмэна (Gilman 1989), сборники англичан Мэтью Сприггса «Марксистские перспективы в археологии» (Spriggs 1984) и Т. Сондерса «Реванш Великого Нарратива: марксистская перспектива в археологии» (Saunders 1992), а наиболее полно характеризует картину вышедшая в том же году монография американца Рэндла МакГуайра «Марксистская археология» (McGuire 1992), отрецензированная мною в 1996 под заглавием «Глядя на наше вчера» (Клейн 1996a). «Марксистская археология» — книга под таким названием должна была выйти в каком-нибудь 1932 г. в СССР, но она вышла в США, в ярко-красной обложке. Как признает автор, Рэндл МакГуайр (рис. 41.1), профессор-марксист университета штата Нью-Йорк в Бингхэмтоне, вышла слишком поздно — после краха Советской «Империи», и слишком рано, если рассчитывать на грядущее обнищание масс, которое, по мысли автора, неминуемо должно отвратить массы от капитализма (McGuire 1992: XIV).

Чайлд и «новая археология», а также культурный материализм Харриса в антропологии и вежливые дискуссии с советскими археологами в эпоху разрядки вымостили западным археологам путь к марксизму (или марксизму к западным археологам), и марксистские идеи вошли составной частью в археологическое мышление англо-американского и западноевропейского (но не германского) археологического истэблишмента. Эти умеренно марксистские вкусы, проявлявшиеся в интересе

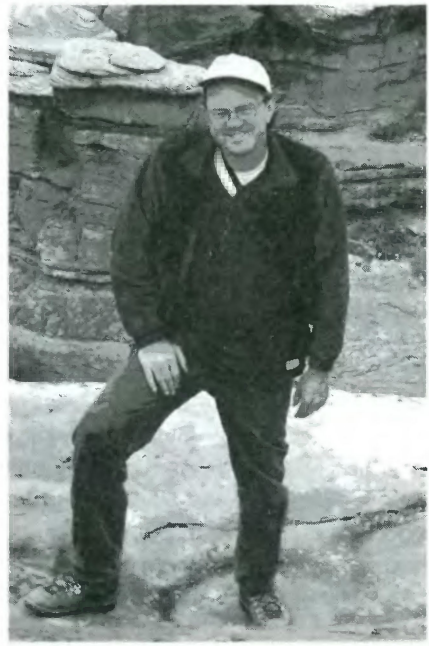

Рис. 41.1. Рандл МакГуайр (фото получено от Р. МакГуайра).

к экономике и социальной дифференциации, были чем-то сродни «причесанному» марксизму позднесоветского общества. Однако в западном марксизме после волнений 1968 года остались и «кудлатые» марксисты — идеологи радикального крыла. В 80-е гг. разношерстные течения этого плана влились в увлечение археологической молодежи — пост-процессуализм.

В Англии центрами марксистского брожения в археологии стали Кембридж и маленький университет Лэмпитера в Уэльсе, раньше готовивший в основном теологов. В США это северо-восточный регион: Университет штата Массачусетс в Эмхерсте и Университет штата Нью-Йорк в Бингхэмтоне. В Эмхерсте сложилась целая школа марксистских археологов, хоть и небольшая: Артур Кин и Роберт Пейнтер и их ученики Джоан Гироу, Дин Сайта и Долорес Рут (Arthur Keen, Robert Paynter, Joan Gero, Dean Saitta, Dolores Root). Молодые американские археологи-марксисты, называвшие себя «крысами», стали регулярно собираться на семинары («радикальные археологические теоретические семинары — Radical Archaeological Theoretical Seminars, сокращенно RATS — отсюда и самоназвание: rats — по-английски 'крысы'). В Испании это один из двух университетов Барселоны и университет города Хаэн. Ну, и, конечно, археологические учреждения Мексики. Так что среда для обсуждения проблем марксизма там есть.

Правда, немецкий теоретик Р. Бернбек (Bernbeck 1994) ехидно сообщает, что на вопрос «а что означает TS в названии RATS?» слышал такой ответ: «theoretical shit» (теоретическое дерьмо), но это уж зависит от вкуса наблюдателя. Триггер в статье 1984 г. «Марксизм и археология» перечислил особенности марксизма, привлекательные для многих археологов: сохранение просветительских принципов психического единства человечества и противостояния расизму, трезвое материалистическое восприятие реальности, общий с функционализмом принцип взаимодействия

разных субсистем, причем функционализм унаследовал этот принцип от социологизма Дюркгейма, а Дюркгейм заимствовал его от Маркса (Trigger 1984b: 61–63). Филип Кол в обзорной статье «Материалистические подходы в преистории» (Kohl 1981) показал, насколько материализм приемлем и распространен в современной западной археологии. Впрочем, Триггер добавляет, что «институциализированной традиции» марксизма, т. е. особой школы, разработанной методики, хорошо опознаваемых признаков (помимо терминологии и некоторых идей) в англоязычных странах нет (Trigger 1984b: 84).

Марксистская идеология в чистом виде (впрочем, что это такое — вопрос спорный) никогда не была и не является массовой и авторитетной на Западе, для нее просто нет широкой экономической базы — масс подлинного пролетариата, люмпенизированных слоев. Не из этих слоев происходят и сами археологи (да и идеологи марксизма везде не из этих слоев). Как пишет МакГуайр, «Мало кто из археологов, защищающих сегодня на западе марксизм, если вообще кто-либо из них ... происходит из угнетенной среды и защищает ее интересы. Когда личности входят в археологию из маргинальных классовых слоев, они стремятся использовать археологию как средство для присоединения к буржуазии и впитывают буржуазную идеологию» (McGuire 1992: 87, прим. 5). Так что те личности марксистской ориентации, которые провозглашают себя рупорами угнетенных масс, это в основном люди из состоятельных семей, переживающие чувство вины за свое материальное благополучие. Нередко и перебарщивая в этом самобичевании.

Далее, западные марксисты понимают марксизм очень широко и диффузно и применяют к археологии лишь отдельные идеи этого безграничного комплекса, а в таком виде эти идеи не имеют за собой той мощной аргументации, которую поставляло сильное и единое учение. Они, видимо, и не представляют себе, сколь развернутой и мощной была аргументация в томах советской марксистской философии. Да, официальная наука была частенько кондовой и не рассчитанной на спор. Но ведь не только такие были в ней труды. По сравнению с ее серьезными работами вязь аргументов западных марксистов тонка и бедна.

4. Перспективы марксизма в археологии. Можно обратить внимание на то, что многие обзоры, написанные марксистами, имеют в названии слово «перспективы» — ни в одной теоретической концепции нет такой озабоченности перспективами в антропологии и археологии, как в марксизме. Между тем, при нормальном развитии археология не очень легко шла на сближение с марксизмом. В России и Германии, странах, где марксизм долго развивался, он не смог внедриться в археологию, пока марксисты не захватили руководство государством и не обеспечили марксизму сильнейшую государственную поддержку. В связи с этим ростки марксизма в западной археологии очень интересны.

На практике под видом археологической проблематики западные марксисты всё время говорят о сюжетах преистории и ранней истории, даже скорее социологической истории — о причинах классообразования, корнях государственности, роли женщин и т. п. Знаю, что такое понимание археологии найдет своих сторонников среди российских археологов. Как и Г. Кларку (Clark 1957: 9, 17), мне оно представляется неверным, и я не раз выступал против него (Клейн 1977а, 1978, 1986б и др.). Археология для меня — источниковедческая дисциплина, ее главные проблемы — это соотношение материальных древностей с идеями и событиями истории, опредмечивание. Наука потому и ставит проблему синтеза, что предварительно расщепляет

мир для анализа; профессионализм и специализация — необходимые атрибуты научности. Правда, проблемы ранней истории и преистории — тоже интересны и важны, но это другие проблемы и они не должны вытеснять тех. Всё же и чисто археологические проблемы испытывали некоторое влияние марксизма.

Если где и есть перспективы для западного марксизма, интерес к нему, то именно у археологов из стран бывшего социалистического лагеря, особенно российских. Здесь все были обязаны придерживаться марксистской идеологии, это было механическим следствием и компонентом советского подданства. Интересно посмотреть, как выглядят марксистские взгляды, не полученные при рождении с паспортом подобно национальности и не навязанные, а добытые работой совести и ума.

Россия — давний очаг господства марксизма и поле его многолетнего давления на археологию, внедрения в нее его идей, за которыми всегда стояла система — идеологии и государства. Правда, результаты давления преувеличивались внутри страны и за ее пределами. На мой взгляд, советская археология так и не стала марксистской — по многим причинам не стала (Клейн 1993: 71 и passim). Но давление не прошло бесследно. Марксистское мышление привито нам с детства и стало нашей природой. Марксистская фразеология — это наш язык. Нельзя уверовать в бога, если знаешь с детства, что бога нет. Нечего ожидать идеалистических воззрений от человека, понимающего, что для любых воззрений нужна материальная база. И т. д. Особенно трудно отрешиться от марксистских норм старшему поколению археологов.

К тому же археологи, как и любые ученые, существуют не в башне из слоновой кости, они живут среди своих современников — рядовых граждан, в социальной среде. А в этой среде сейчас по всей Восточной Европе нарастает разочарование от трудностей переустройства социалистического лагеря (какого никакого, а обжитого), от неумения приспособиться к богатым возможностям, но и жестким требованиям жизни в условиях свободного рынка и демократии. К тому же капитализм у нас оказался не лучшего сорта, похожим на латиноамериканский, пронизанным коррупцией и криминалом. Наблюдается откат к эгалитарным, социалистическим и тоталитарно-националистическим идеям, некоторая реставрация авторитета марксистской идеологии. Забываются уроки реализации утопии. Отыскиваются лазейки для утверждения, что это не утопия, для веры.

Между тем, теперь можно всё читать, знакомиться с любыми учениями, в том числе и с марксистскими, бывшими прежде еретическими. И для тех, кто сохранил тягу к марксизму, и для тех, кто разочаровался в его советской реализации, заманчиво узнать, что та версия марксизма, к которой мы привыкли, является не единственной, а лишь одной из многих и даже не самой авторитетной (коль скоро с ней как-никак связано крушение, к которому пришли наше общество и все его спутники, все, кто этой версией руководствовался). Труд Лешека Колаковского о разных течениях мирового марксизма (Kołakowski 1978) у нас мало кто читал, и книга МакГуайра, описывающая эти течения в проекции на археологию, помогает расширить кругозор.

Сейчас эти марксистские и близкие к марксизму течения вошли в эклектическую смесь, которая называется пост-процессуализмом и которая еще недавно была определяющим фактором современного теоретического развития археологии на Западе. Тому, кто хочет разобраться в ориентирах и тенденциях современной западной археологии, нужно быть осведомленным в разновидностях марксизма. Это тем более необходимо, что встретив указания на марксистские ориентиры, наш читатель, поди, ассоциирует их с марксизмом в советском понимании, а этого не стоит делать.

Свободный от государственной силовой поддержки и вынужденный рассчитывать только на убедительность своих доказательств, марксистский автор ныне поневоле сосредоточивается на тех положениях марксистской методологии, которые лежат подальше от утопических социальных авантюр и политического радикализма, на тех, которые держатся без эмоционального и идеологического подкрепления — именно такие положения весьма распространены среди западных археологов, да и вообще входят не только в марксизм. Это — умеренный материализм, близкий к здравому смыслу, диалектика, учение о классах, интерес к экономике, к социальным структурам и изменениям в них.

Когда видишь, как представлен марксизм в современных трудах западных археологов, например, в книге МакГуайра, и сравниваешь это с советской археологией недавнего времени, то возникает двойственное впечатление. С одной стороны, не оставляет ощущение некоторой юношеской задиристости и несолидности западных археологов-марксистов (то ли дело наши академические фолианты с разработками марксизма в археологии, солидные и всеобъемлющие!), а с другой стороны, понимаешь, что у них-то и был (а возможно, и есть) настоящий марксизм — социалистическое течение, неразрывно связанное с политическим движением левых: прямая критика буржуазного общественного устройства, защита угнетенных слоев и наций (у себя, не за границей), борьба за эмансипацию женщин, поддержка революционных идей везде. Другое дело, какое это имеет отношение к науке, к археологии и ее основным проблемам. Но к марксизму имеет.

5. Марксизм или пост-марксизм? Впрочем, широкое понимание марксизма, принятое у западных марксистов, вызывает еще большие сомнения, чем узкодогматическое понимание чистоты марксизма, характерное для московских «попов марксистского прихода» в не столь далекие времена.

Марксизм возник среди социалистических утопий и претендовал на то, чтобы отличаться от них своей научностью и реалистичностью — осуществимостью. Но 150 лет его разработки и многократных опытов реализации показали, что результаты его отличаются от других утопий только масштабом, а по сути — те же: всеобщее разочарование, огромный ущерб и гнев возмущенных подопытных.

Тем не менее, именно научность была тем девизом, который побудил сконцентрировать вокруг социалистической идеи (для ее вящего обоснования) политические, политэкономические, исторические и философские концепции и сгруппировать их в единый стройный комплекс. Марксизм как учение имел смысл только как цельная система. По отдельности, врозь идеи, использованные им, существовали в том или ином виде до него и существуют вне его. Их не стоит в таком виде называть марксистскими. Когда они в таком виде проявляются в разных науках, можно говорить о том, что это произошло в результате влияния марксизма, что использованы некоторые разработки марксизма, и это бывает не так уж редко. Такие идеи можно встретить у весьма далеких от марксизма в целом ученых — например, в социоархеологии консерватора лорда Кеймсторна (Колина Ренфру). Это не марксизм, и такие археологи — не «чуланные» или «скрытые» марксисты («closet» or «hidden» Marxists), как их называл Сприггс (Spriggs 1984: 7), они вполне правы, не считая себя марксистами.

Но и как цельная система марксизм сильно изменялся — это показывает обзор МакГуайра. Когда научная теория, учение, течение, четко определенное *по своему содержанию*, развиваясь, изменяется, не очень трудно установить, за каким преде-

лом кончается прежний комплекс идей и появляется нечто новое, лишь более или менее связанное преемственностью с прежним. Суть учения, его коренные, неотъемлемые признаки обычно отражаются в названии и уж во всяком случае в определении. Когда же учение называется *по основоположнику* (марксизм, дарвинизм, кантианство), при развитии это затрудняет идентификацию, ибо что считать существенным и неприкосновенным в наследии, а что — заслуживающим усовершенствования или отмены — дело спорное. Это, с одной стороны, дает возможность через сто лет деятелям, весьма далеким от учения основоположника, утверждать, что они его прямые последователи (как известно, Маркс говорил, что если его зятья — марксисты, то он — не марксист), а с другой неким ревнителям чистоты учения отстаивать каждую букву в наследии классиков и запрещать любое развитие как ревизию и измену.

Не без оснований покойный эстонский археолог Приит Лиги писал: «Больше всего я возражаю против использования имени Карла Маркса в археологии. Когда мы имеем в виду воздействие эволюционного учения, мы ведь не говорим о «дарвинистской» археологии, правда?» (Ligi 1993: 37). Ну, теперь это уже неправда — есть и Дарвиновская археология, но марксистской археологию всё же можно именовать с меньшими основаниями, чем Дарвиновской.

МакГуайр пишет: «Маркс не оставил нам марксизма... Марксизм начинается с идей Маркса, но эта школа мышления росла и ветвилась, как мир общества вокруг нее, и наше знание этого мира менялось» (MacGuire 1992: 24). И несколько далее, «Марксистская интеллектуальная традиция больше, чем труды Маркса» (Ibid.: 83). Верно. Но насколько больше? И в чем они продолжают труды Маркса? Велика ли преемственность?

Оказывается, *все* нынешние западные марксисты в археологии отвергают любую форму детерминизма — энвиронментного, материального или технического (Ibid.: 84). А производственно-экономический детерминизм Маркса? Многие из них отвергают приоритет производства, идею объективной науки, законы истории, представление о том, что человеческая история проходит ряд стадий, т. е. отвергают и идею формаций (Ibid.: 32). Франкфуртская школа марксизма не признает, что базис определяет надстройку, что рабочий класс произведет социалистическую революцию или хотя бы приведет к социалистическому переустройству общества (Ibid.: 37–39). Экзистенциальные марксисты полагаются не на коллективные действия, а на сознание личности, на индивида (Ibid.: 41). Так что же осталось от первоначального марксизма, от учения Маркса, чье имя берется для теории?

Да и сам МакГуайр, несмотря на весь свой либерализм, не признает Марвина Харриса марксистом (Ibid.: 123–124), хотя тот сам себя считает таковым. Не случайно вдохновитель и зачинатель западного марксизма Лукач покаялся в своих отклонениях от марксизма, а его друг и соратник Корш, так и не покаявшийся, называл марксизм разбитым горшком, который уже не починить (Ibid.: 34). Никос Музелис в журнале «новых левых» спрашивает о своих современниках: «Марксизм или постмарксизм?» (Mouzelis 1988).

Называться по основоположникам — это черта религиозных учений, усматривающих свое достоинство в неизменной чистоте Священного Писания: буддизм — по Будде, христианство — по Христу, лютеранство — по Лютеру, кальвинизм — по Кальвину. Откуда такая страсть сохранить на своих взглядах имя давнего основателя? Нет же в науке ни эйнштейнизма, ни ньютонианства. В религии имя сохраняют как святыню, как гарант истины. В марксизме — как знамя, как символ приобщения к

мощному политическому движению, носившему печать прогрессивности и народности. И тоже как культовую святыню. Религиозный аспект в марксизме чрезвычайно велик. Борьба с ересями, диссидентством, мощи в мавзолее, пророки и святые, индексы книг... Советское государство было теократическим, и с религиями оно боролось как с конкурентными конфессиями. В качестве вероучения марксизм проецировал себя на вечность.

В науке же принято отводить учению крупного мыслителя историческое место, т. е. выделять период его естественного (не насильственного!) доминирования в исследованиях, по окончании которого можно говорить лишь об использовании некоторых его идей в других учениях.

Отражая системный взгляд на развитие науки, МакГуайр резонно отмечает: «Теория не кумулятивна. Наши теории не становятся лучше и лучше; мы исчерпываем их освещение мира, они гнутся и ломаются под тяжестью реалий, которые они стремились обобщить, или становятся ненужными, а то и вредными для целей мира, в котором мы живем» (MacGuire 1992: 7). А к марксизму это относится? Ах, да, марксизм же не теория, а только традиция. Но тогда в него можно включать всё, что угодно, лишь бы левое, и напрасно МакГуайр отказал в марксистском паспорте Марвину Харрису.

Период естественного доминирования какого-либо учения в науке характерен для нормальной науки — «нормальной» по Куну и в обиходном смысле. Такого нормального периода у марксизма в археологии, собственно, никогда и не было. Марксизм стал насаждаться в археологии только после захвата им политической власти в России, насаждаться насильственно, и это был марксизм-ленинизм, а затем и сталинизм. Можно спорить о том, есть ли это закономерное и единственно последовательное развитие наследия Маркса в борьбе за власть и у власти, но в советскую археологию входил именно такой марксизм.

Через несколько десятилетий в западной археологии в результате свободного развития и отчасти советского влияния появился другой марксизм — марксизм Чайлда и его немногих последователей. Это был очень интересный феномен. С одной стороны за Чайлдом стоял самостоятельный опыт политической деятельности в рабочем движении Австралии и опора на коммунистические круги Великобритании, с другой — его марксистское мышление развивалось всё-таки на фоне существования советской археологии и со ссылками на нее. Так или иначе, Чайлд воспринимал марксизм как цельное учение, хотя и не использовал в археологии его тоталитарные идеи (учение о диктатуре, о партии). Это было нечто типа марксизма Второго Интернационала.

Очень близко к Чайлду стоит его последователь и биограф Брюс ТРИГГЕР. Заразившись марксизмом от работ Чайлда, он всю жизнь такого марксизма и придерживался. Как и Чайлд, Триггер в основном принадлежал к определенному (не марксистскому) археологическому течению, а не к некоему особому марксистскому направлению в археологии. Чайлд был сначала диффузионистом, потом неоэволюционистом, Триггер — контекстуалистом, приверженцем «археологии поселений». Выросши в многоязычной и многокультурной Канаде и происходя из семейства, в котором смешалось несколько этнических и идейных традиций, Триггер вообще был склонен к сочетанию разных методологий (к творческому эклектизму), и марксизм в нем отлично уживался с немарксистскими подходами. В автобиографии он пишет, что многому учился у Мёрдока, Лео Посписила и Чжана Гуанчжи, несмотря на свои расхождения с их политическими и философскими убеждениями (Мёр-

док и Посписил придерживались в политике правых взглядов, а Чжан был идеалистом).

Марксизм позволял Триггеру объяснять те изменения в обществе (и соответственно в археологическом материале), которые экологическим подходом объяснить не удавалось. Но со временем Триггер начал понимать сомнительность идеи Просветителей, разделяемой Марксом, будто человек по природе склонен, преодолевая свои эгоистические интересы, создавать более гуманный моральный порядок. В автобиографии Триггер пишет, что собственные исследования привели его к необходимости поставить под вопрос, если не вовсе отбросить, идею, что человек по природе альтруистичен (добр). Но природа человека — это вопрос биологической эволюции, а ее значение Маркс игнорировал.

В старости Триггер стал смотреть на Маркса более критически. Он оценивал его как плохого политика и «посредственного экономиста», который впадал в однолинейный эволюционизм и был готов не только объяснять прошлое, но и (что, как Триггер убежден, невозможно) предсказывать будущее. Но он продолжает считать Маркса блестящим комментатором текущих политических событий, проникновенным историком капитализма и великим теоретиком социологии. Триггер признает очень плодотворным тезис Маркса, что люди созданы культурными традициями, в которых они рождены, но по природе своей предрасположены изменять эту ситуацию, когда условия позволяют.

Несмотря на явное ослабление авторитета Маркса для Триггера, его «недогматический марксизм» оставался близким марксизму Чайлда и Второго Интернационала.

Такого марксизма как единого учения сейчас нет. Капитализм с прошлого века сильно переменился, вынуждены приспосабливаться и социалистические течения. Осколки старых марксистских партий либо доживают свой век как секты — прибежища начетчиков, застрявших в прошлом, либо меняют учение, весьма удаляясь от первоначального марксизма, а то и от марксизма вообще. Марксизм, как признает Триггер, распался на ряд концепций, весьма далеких друг от друга, и каждую теперь надлежит оценивать особо. Ныне мы видим попытки разных, как их называет Триггер (Trigger 1989a: 32), *пара-марксистских* (то есть около-марксистских) течений создать археологию своего толка — критическую, диалектическую, структуралистскую, пост-структуралистскую, феминистскую. Может быть, их лучше так и называть, не подгоняя под марксистскую шапку?

6. Пара-марксистские археологии? Что собой представляют сейчас эти течения, так или иначе смыкающиеся с современным западным марксизмом в археологии?

1) *«Критическая теория»* выросла из марксистских идей о социальных корнях идеологии и о возможностях господствующего при капитализме класса навязать свою идеологию всему обществу. Франкфуртская школа марксизма (Хоркхеймер — Horkheimer) разработала концепцию «критики культуры». Эту критику она обращала против массовой культуры, затемняющей сознание масс ради господства капиталистического способа производства. Концепция «критики культуры» переросла в «критическую теорию» (Адорно, Фромм, Маркузе — Adorno, Fromm, Markuse), в которой наука приравнена к массовой культуре: ученый принадлежит к состоятельным слоям общества, обслуживает господствующий класс и полон его предвзятыми идеями. Поэтому он не может судить объективно о социальных явлениях. Что-

бы освободиться от предвзятости, он должен разобраться в собственных социальных корнях, познать их — эта саморефлексия есть путь эмансипации. Обычный для марксизма историографический анализ социальных корней тех или иных научных течений «критическая теория» обратила в саморефлексию, самокритику, самопознание.

Пост-процессуалисты и некоторые процессуалисты, заимствовавшие эту теорию у марксистов, развили идею дальше, заговорив о *«критической археологии»* как одном из аспектов археологии (Leone et al. 1987). Логика их такова. Ведь и о своих собственных корнях ученый может судить только своим собственным сознанием, полным предрассудков, со своих классовых позиций. Объективного критерия у него нет. Освободиться от политики невозможно. Все разговоры об объективной науке надо прекратить: это обман и самообман. Археология всегда обслуживала политику, и только. Важно лишь — какую.

Что-то это напоминает нам, не правда ли? Наиболее завзятые большевистские комиссары от науки проповедовали нечто подобное, ссылаясь на ленинский принцип партийности науки как ее «высшей объективности» (хотя, замечу, в ленинских формулировках можно найти и оговорки).

Не все западные марксисты в археологии идут так далеко в своих выводах из «критической теории». Многим чужд крайний релятивизм пост-процессуалистов. Англо-американские археологи-марксисты, декларирующие *«критическую диалектику»*, предпринимают переоценки различных теорий, школ и концепций с точки зрения их социальной обусловленности — Брюс Триггер, Филип Кол, Томас Пэттерсон (Bruce Trigger, Philip Kohl, Thomas Patterson). Пэттерсон в «социальной истории» американисткой археологии выявляет ее классовый характер, отражающий группировки «национальных и интернациональных капиталистов и их союзников» (Patterson 1986). Брюс Триггер в своей статье об альтернативных археологиях (Trigger 1984a) и в «Истории археологической мысли» (Trigger 1989a), самой марксистской его книге, выделяет среди археологических течений XIX–XX веков «националистские», «колониалистские» и «империалистские». Эта их практика очень напоминает советскую литературу прежних десятилетий.

Выражая их позицию, МакГуайр одобряет пост-процессуалистскую критику позитивистского объективизма «новой археологии», но сетует на безудержный релятивизм пост-процессуалистов. Не ссылаясь на Ленина, он и его соратники разъясняют разницу между абсолютной и относительной истиной в науке, говорят о бесконечности продвижения по пути познания, но, за исключением Триггера, так и не предлагают решение главного вопроса: есть ли в методике археологических исследований гарантии объективности и какие именно, есть ли меры против субъективных искажений политического или иного характера? Как-никак процессуалисты обсуждали именно такие меры — формализацию, теорию выборок, проверку гипотез. Перечень и анализ таких мер был бы гораздо полезнее для науки, чем философские прения об абсолютной и относительных истинах.

2) *Экзистенциальный марксизм*, слияние марксизма с экзистенциализмом — тоже вещь странная. Экзистенциализм по многим параметрам очень далек от марксизма и чужд ему. Он сторонится научных доказательств и вообще логики, выдвигает на первый план мироощущения и эмоции, иррациональные тяготения и сугубо индивидуалистические проблемы. Немецкие экзистенциалисты Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс отстаивали свободу человека от законов истории, лидер французского экзистенциализма Жан-Поль Сартр абсолютизирует свободу, понимая ее как неза-

висимость от прошлого и от окружения. Он атеист и провозглашает свободу личности в выборе моральных ценностей. Атеизм, апология свободы и критика буржуазных ценностей образовали почву для сближения с марксизмом, и Сартр объявил себя сторонником марксистской диалектики, но усиленной по сравнению с обычным марксизмом. По сравнению с марксизмом опора на общественные силы должна быть дополнена повышением роли личности, борющейся за свободу. Сартр стал знаменем студенческих бунтов 1968 г. Схожих позиций придерживался Морис Мерло-Понти.

Отношение Сартра к марксизму, его попытки дополнить марксизм экзистенциализмом произвели впечатление на Триггера. Он очень хвалит книги Сартра «Критика диалектического разума» (1960) и «Поиски метода» (1963), говоря в автобиографии, что Сартр показал ему, как предохранить марксизм от советского догматизма, соединив с уважением культурных различий и личной свободы.

3) *Структурализм* франкоязычных лингвистов (Соссюр) и культур-антропологов (Леви-Стросс) поздно проник в археологию и не очень широко распространился в ней (некоторые аспекты в творчестве Леруа-Гурана, в Америке — Джеймса Дитца). Сам Леви-Стросс, как известно, декларировал свое почитание марксизма, считал себя марксистом, а Маркса — первым структуралистом. Ведь Маркс имел дело с экономическими и идеологическими структурами. Но у Леви-Стросса это были эпатирующие фразы, всерьёз это никто не принимал. *Структуральный марксизм* возник позже других марксистских течений, в рядах «новых левых», в 70-е годы. Французские философы и культур-антропологи Луи Альтюсер, Морис Годелье и Клод Мейасу (Louis Althusser, Maurice Godelier, Claude Meillassoux) соединили марксизм со структурализмом. Всё это не археологи.

Годелье обратил внимание на то, что почти во всех догосударственных обществах на первом плане — родоплеменная организация или другая система родства. Это то, что Леви-Стросс трактовал как производственные отношения — систему обмена женщинами. Но как это увязать с представлением Маркса, что история в конечном счете зависит от изменений экономического базиса? Годелье пришел к заключению, что системы родства относятся не к надстройкам, как полагали до сих пор марксисты, а к базису, ибо они играют роль социальных отношений — отношений производства. С этим согласен и Альтюсер. Впрочем, у Маркса и Энгельса это признается отношениями производства, но производства не товаров, а людей.

Альтюсер стремился вернуть научность в марксизм и сохранить его как революционную теорию в противовес экзистенциальному марксизму Сартра и Мерло-Понти и критической теории. Субъектом истории для Альтюсера являются не люди как личности, а классы. Но это не может относиться к в доклассовому обществу, так что у Альтюсера движущими силами являются социальные закономерности, и уж преистория оказывается у Альтюсера, как и у других структуралистов, во всяком случае, бессубъектной.

Объединение марксизма и структурализма наблюдал со стороны кембриджский антрополог Эрнест Геллнер, который не был ни отъявленным марксистом, ни структуралистом, но, по крайней мере, дружил с марксистами и переводил на английский структуралистские труды. Хорошо зная оба течения, он иронизировал по поводу их объединения. Они же совершенно несовместимы. Марксизму свойственны материализм и историзм, интерес к динамике развития. А структурализм насквозь идеалистичен — витает в облаках ментальности и к тому же он против истории, все явления рассматривает в статике.

По поводу их союза Геллнер вспоминает одну свадьбу (молодого преподавателя на преподавательнице) в Кембридже. Присутствовавший на свадьбе глава колледжа тихо заметил коллеге: «Я спал с обоими новобрачными и ни одного из них не мог бы порекомендовать второму» (Gellner 1982: 108).

Альтюсер, хотя и наиболее известен из структуральных марксистов, не имел много последователей в археологии, как и вся эта школа. Из известных американских археологов за этими философами следует, да и то больше в своих не-археологических работах, Марк Лиони, чьи позиции сдвинулись с процессуалистских (он — почитатель Бинфорда) в сторону структурального марксизма и пост-процессуализма.

Другую ветвь структурального марксизма образуют западноевропейские социал-антропологи и археологи во главе с Джонатаном Фридмэном. Получивший образование в США, антрополог и археолог Джонатан ФРИДМЭН (Jonathan Friedman) в работах 1974–1989 гг. подверг критике Альтюсера за его замкнутость во вневременном взаимодействии социальных систем. Он предложил более исторический подход, а так как история чужда структурализму Леви-Строссовского толка, то от структурализма у Фридмэна осталось лишь внимание к социальным и идеологическим структурам, придание им (а не индивидам) главенствующей роли в определении судеб общества. Люди, рождаясь, застают эти структуры, и те формируют действия людей — это уже от марксизма. От марксизма у Фридмэна взаимодействие структур и учет экономических интересов и противоречий. Под влиянием Фридмэна и в сотрудничестве с ним работали британские археологи Майк РОУЛЭНДЗ, Барбара БЕНДЕР, датчанин Кристиан КРИСТИАНСЕН (Mike Rowlands, Barbara Bender, Kristian Kristiansen). Роулэндз, ведя полевые работы на западе Центральной Африки, занимался структурой идеологий легитимности. Кристиансен, изучая бронзовый век Европы, выявлял идеологии легитимности и формирование племенных систем. Бендер подчеркивала значение внутренних отношений в культуре при переходе от собирательства к земледелию. В отличие от Альтюсера эти исследователи уделяют больше внимания конкретным историческим причинам происхождения структурных трансформаций и считают это главной целью археологии.

Некоторое влияние на них оказала теория «мировых систем» Иммэньюэла Уоллерстайна (Immanuel Wallerstein), соединившая идею Троцкого о неравномерности развития капитализма с учением Кондратьева о циклах и с системным подходом. Основные книги Уоллерстайна вышли в 1974–1980 гг. Филип Кол уже в конце 1970-х — 1980-е годы перенес эту концепцию на изучение медно-бронзового века Юго-Западной Азии (я рассматривал эти работы в разделе о глобализации в главе о бихевиорной археологии).

Наибольшую известность из этой группы получил Кристиан КРИСТИАНСЕН (род. 1948), создатель Европейской Археологической Ассоциации. Он учился в университете Орхуса три года, затем четыре в университете Копенгагена, изучал первобытную археологию и социальную антропологию. Магистерскую работу по кладам бронзового века защитил в Орхусе в 1975 г. и затем работал три года в Орхусском университете. С 1976 по 1994 год (18 лет) он работал директором Датского Археологического Наследия в системе Министерства Природной Среды, т. е. стал крупным правительственным чиновником. Используя опыт административной работы, он наладил привлечение огромных денег на археологические исследовательские проекты. Кристиансен стал инициатором создания «Европейского Археологического Журнала» («Юропиан Аркеолоджикал Джорнал» с 1992 г. и Европейской Археологической Ассоциации с 1993 г., первым президентом которой он и стал. С 1994 г. переехал в

Швецию, где получил пост профессора, заведующего кафедрой археологии Гётеборгского университета. В шведском университете сумел снова наладить получение колоссальных ассигнований на исследовательские проекты и на создание лаборатории естественнонаучных методов. Только в 1998 г., пятидесяти лет, защитил докторскую в родном Орхусском университете по книге «Европа до истории».

Так поздно отнюдь не потому, что не было подходящих работ (у него уже были десятки заметных работ), а просто было некогда. Его исследовательские работы (до 1998 г. обычно большие статьи, не книги) отличаются обобщением огромного фактического материала и фундированностью статистических выводов. Так, в работе «Потребление богатств в бронзовом веке Дании. Исследование динамики экономических процессов в племенных обществах», опубликованной в 1978 г. (за 20 лет до диссертации) в сборнике «Новые направления в скандинавской археологии», вся Дания разделена на 5 зон, в каждой рассмотрено распределение богатств по сотням погребений и кладов для каждого из 6 периодов бронзового века. Чтобы проследить длительность обращения вещей они разбиты на сношенные, умеренно изношенные и новые — и вот так сравнение идет по всем рубрикам. Построены графики соотношений между временем обращения и интенсивностью потребления вещей (мечей – рис. 41.2), между густотой населенности зон и производственным потенциалом, между количеством гектаров и качеством земель для заселенных и пустующих земель в пяти зонах, и т. д. Результатом явился вывод о перемещении фокуса экономической жизни в бронзовом веке с восточных провинций в западные, где всё сосредоточилось в нескольких локальных центрах. Это вписывается в общую картину изменения торговых путей Европы.

Экономические интересы Кристиансена (отражаются также в его работах 1980, 1981, 1985 и 1998 гг.) безусловно связаны с его увлечением марксизмом, также как разработки вытекающих из теории Уоллерстайна соотношений центра и периферии (у Кристиансена работы 1987 и 1994 гг.). С марксизмом можно связать и социальную историю датской археологии (1981 и 2001), и интерес к соотношениям идеологии с материальной культурой (1984), и к образованию племенной верхушки и государства (работы 1984, 1991, 1999 гг.). Но интересы исследователя значительно шире. С самого начала его деятельности по его статьям можно проследить разработку введенного немцем Эггерсом понятия внешней критики археологических источников (работы Кристиансена 1974 и 1978 гг., а в работе 1985 г. он уже переводит этот интерес в русло шифферовского формирования археологического источника), много работ по охране археологического наследия, по экологической археологии. Не избежал он и общего увлечения расшифровкой первобытной символики — на примере Божественных Двойников он восстанавливает праиндоевропейскую религию и, соответственно, получает дополнительные данные для индоевропейской идентификации археологических культур бронзового века.

Таким образом, как и относительно других видных археологов с марксистскими увлечениями (Чайлд, Триггер), Кристиансена можно было бы, пожалуй, с равным успехом отнести к другим течениям археологии — в данном случае к сциентификаторам типа Мальмера, к энвиронментализму, к сторонникам бихевиорной археологии Шиффера. В одной из работ 2004 года он критикует два течения, которые он считает определяющими ситуацию в современности — теорию активности и Дарвиновские археологии (Kristiansen 2004).

Еще одна группа структуральных марксистов — Морис Блок, Стэнли Дайаменд, Элинер Ликок и Эрик Уолф (Maurice Bloch, Stanley Diamond, Eleanor Leacock, Eric

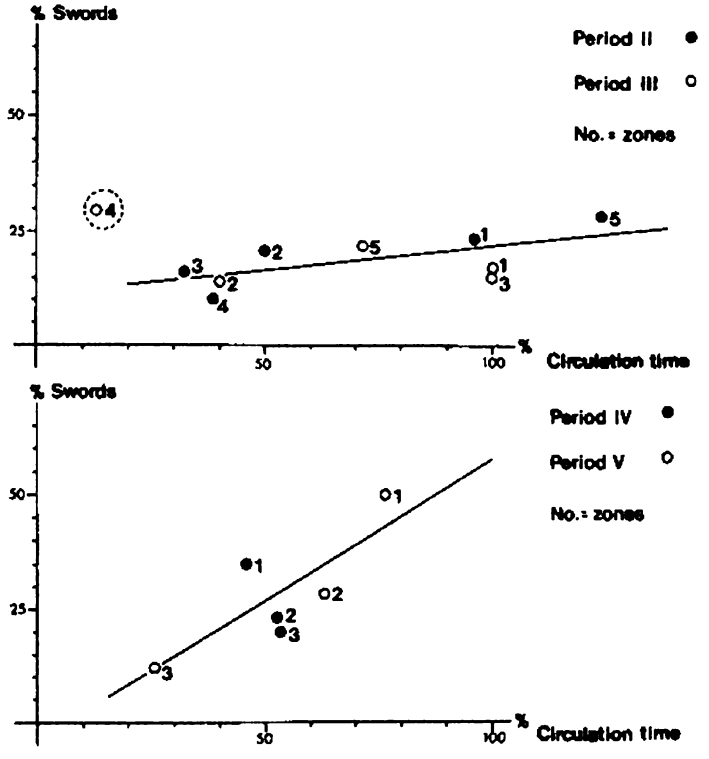

Рис. 41.2. Соотношения между временем обращения и потреблением мечей в бронзовом веке Дании, сверху — ранний бронзовый век, снизу — поздний. Обращаемость высчитана делением числа новых мечей на число сношенных. По К. Кристиансену (Kristiansen 1978: 166, fig. 7, 8).

Wolf) — нашла в первобытном обществе нечто, напомнившее им классовые отношения. Исследователи усмотрели это в неравенстве разных групп населения — возрастных, половых и др. и распространили на эти явления привычный для марксизма анализ доминирования, власти и т. п. Если отбросить обычные для марксистов заострения конфликтности, то это очень перспективный аспект исследований, ибо — вопреки традиционному для марксистов представлению о доклассовом обществе как сугубо эгалитарном, царстве равенства, — иерархия и доминирование выходят далеко за пределы классовых отношений и плавно соединяются с аналогичными явлениями у всех приматов.

4) *Пост-процессуалисты* Англии (Ян Ходдер, Шэнкс и Тилли, Миллер, Дж. Томас и др.) подхватили идеи структурализма и структурального марксизма. Из структурализма они взяли главным образом интерес к глубинным ментальным структурам, символике, знаковости в культуре, а из структурального марксизма им пришлась по вкусу идея о том, что структура, связывающая производство с социальными отношениями, маскируется идеологией. Они перенесли главное внимание на идеологию — у них она не только маскирует связи, но и создает их, создает структуры, исследуемые археологией.

5) *Марксизм в теории активности* — еще одно проявление марксизма в археологии. Некоторые теоретики (в частности, Р. Бернбек) даже относят всю «теорию

активности» к ответвлениям марксизма, поскольку приверженцы этой теории ссылаются на идеи активности индивида, проскальзывающие в ранних произведениях Маркса. Но хоть у Маркса сказано, что «люди делают свою историю», есть и оговорка: «они не могут ее делать так, как им заблагорассудится». Так что корни этой теории другие, и дело не идет дальше обычных для времени пост-процессуализма акций в кампании критики буржуазного общества. В статье Бодри, Кука и Мрозовски с характерным пост-процессуалистским названием «Артефакты и активные голоса: материальная культура как социальный дискурс» акцентируется свобода действий индивидов. Статья помещена в марксистском сборнике 1991 г. «Археология неравенства» под редакцией МакГуайра и Пэйнтера, изданном в солидном оксфордском издательстве Бейзил Блэкуэлл. Бернбек всё-таки не считает Бодри и соавторов марксистами и относит к ним замечание одного критика: «Слишком много активности, слишком мало структуры» (Bernbeck 1997: 313).

Но Мэтью Джонсона и Дина Сайту он считает «марксистски инспирированными» авторами: ведь у Джонсона в его инициаторской работе об «активности» индивид считается со структурой, а статья Сайты 1994 г. называется «Активность, класс и археологическая интерпретация». Бернбек, сам явно «инспирированый марксизмом», предложил усовершенствовать схему Гидденса тем, что на место среднего звена (где у Бурдье — хабитус, а у Гидденса — структурация) ставит «групповые интересы». То есть все взаимодействие индивидуальной практики и социальных структур осуществляется через групповые интересы. Поскольку они в значительной мере экономические, схема выглядит более марксисткой.

Но во всех этих работах, независимо от субъективных ощущений авторов, сказывается не прямое воздействие марксизма, а та двуполярная система взаимодействия индивида со структурой, которая уже наличествовала в пост-структуралистской концепции Бурдье и Гидденса и отличает ее от старого безоговорочного индивидуализма. Поэтому МакГуайр хоть и включает главу о «теории активности» в свою книжку «Марксизм в археологии», но тут же отмечает: «Этот взгляд на человеческую активность — не марксистский» (McGuire 1992: 134). Он очень точно (и по-марксистски) определил гносеологическую основу представления о самостоятельности и свободе индивидуальных действий:

> «Разделение труда в капитализме формирует людей как индивидов, т. е. как автономных субъектов, которые могут свободно вступать в договоры с другими как собственники или рабочие, которые могут свободно действовать и давать собственное значение миру ... Этот взгляд — иллюзия современного мира, ибо человеческая жизнь предполагает социальные структуры, и нужда в этих структурах на деле растет с капитализмом. Чем больше распространяется разделение труда, индивидуализирующего людей, чем больше специализируются роли людей в производстве, тем больше люди становятся социально взаимозависимыми, ибо они больше зависят от продуктов труда других» (ibid.: 134).

6) *Феминизм* — очень влиятельное течение, вливающееся и в марксистское крыло западной археологии и в пост-процессуалистскую археологию.

Еще в 1972 г., издавая «Происхождение семьи» Энгельса, Элинер Ликок (Eleanor Leacock) заметила, что по Энгельсу первым общественным разделением труда было половое, с чего началось угнетение женщин мужчинами. Развивая эту тему в 80-е, она оказалась зачинателем слияния феминистской археологии с марксизмом (то бишь, зачинательницей — феминистки навязали обществу коррекцию языковых

норм, нередко смехотворную: как, скажем, в русском языке быть со словом «археолог»?). Элисон Уайли возвела археологически-марксистский феминизм в ранг философии. Со стороны феминисток увлечение их соратниц марксизмом встретило и отпор: в статье 1981 г. «Несчастливый брак марксизма с феминизмом» Хеди Хартмен (Hedi Hartman) настаивает, что главное разделение на угнетенных и угнетателей проходит не по классовым различиям, как принято в марксизме, а по половым (Hartman 1981).

Полемика носит односторонний характер: феминистки наступают, марксисты почти не обороняются. Марксисты избегают критиковать феминизм вряд ли из соображений галантности. И западный марксизм и пост-процессуализм воспринимают феминизм как естественного союзника в борьбе с традиционным миропониманием и поэтому охотно считают его своей составной частью.

7) *Диалектика* — наиболее традиционное из всех модных сейчас на Западе марксистских течений в археологии. Целостность рассмотрения, изучение динамики развития, скачкообразность развития, усмотрение во внутренних противоречиях, напряженностях и конфликтах источников развития, а также поиски снятия противоречий как реализации развития — вот основные принципы диалектики. Закономерность противоречий и их разрешения использовалась в марксизме как обоснование неизбежности революций.

Правда, отношение к Гегелевской диалектике в марксизме неоднозначно. Энгельс, продолжая линию Маркса, распространял диалектику на природу и общество. За ним следовали Ленин и вся советская наука. Из ранних марксистов Э. Бернштейн отвергал диалектику как нонсенс. Не очень жаловали ее и русские «экономические марксисты». Оформивший учение Лесли Уайта как «культурный материализм» Марвин Харрис относился к диалектике так же. Он писал: «Гегель — это не гигант, на чьих плечах Маркс, как он думал, стоит, а мартышка, взбирающаяся по спине Маркса» (Harris 1979: 145). В структуральном марксизме Альтюсер большей частью заменил диалектику структурализмом.

Зачинатели западного марксизма Лукач и Грамши отвергли энгельсовскую «Диалектику природы». Диалектика, по их мнению, распространяется только на общество, но зато здесь она играет первенствующую роль в познании. Эту позицию унаследовала Франкфуртская школа марксизма, создавшая «критическую теорию», а за нею и современные западные марксисты-гегельянцы, которых немало в английской и американской культур-антропологии и археологии. С 1975 г. в США выходит журнал «Диалектическая антропология». Дин Сайта (Dean Saitta), хоть и не с гегельянских позиций, говорит о *«диалектической археологии»* (Saitta 1989). Уильям Марквардт в четвертом томе второй шифферовской серии делает обзор «Диалектическая археология» (Marquardt 1992).

Неудивительно, что МакГуайр видит в диалектике важнейший вклад марксизма в археологию и уделяет ей основное место в теоретической части своей книги. Но вот что бросается в глаза. Начинает он свой разбор диалектики с раздела «Язык диалектики». Он придает языку определяющее значение в диалектике, противопоставляя его языку «здравого смысла» и формальной логики. Есть опасение, что, подобно многим, автор ищет в диалектической фразеологии прибежище от реальных трудностей — стоит лишь сослаться на то, что перед нами не простое противоречие, а диалектическое — и с ним можно мириться.

Выявлять противоположности и противоречия в материале, конечно, важно, но, как бы их ни называть — антиномиями, диалектическими противоречиями или оп-

позициями, — задача не сводится к их выявлению. Диалектический подход состоит в том, чтобы исследовать роль противоречий, напряженность, ими порождаемую, и указать пути выхода из них — снятие, разрешение, переворот. В примерах МакГуайра ни одного случая разрешения противоречий я не нашел.

В споре процессуалистов с пост-процессуалистами об археологическом толковании материальной культуры позиция диалектики МакГуайра неясна. Первые видят в предметах материальной культуры пассивный результат человеческой деятельности в прошлом — «ископаемое»-источник, record (источник), буквально — 'регистрацию', 'фиксацию', объективно отражающую прошлое поведение. Вторые считают, что предметам материальной культуры было придано в прошлом символическое значение, которым определялось их активное воздействие на поведение людей; для нынешнего же археолога такой предмет — всё равно, что текст, а текст читается поразному — в зависимости от подготовленности и установок читателя. У разных читателей окажется разное прочтение, и все они верны. МакГуайр, ссылаясь на Чайлда, решает спор «диалектически»: в материальной культуре есть и то и другое. Диалектическое противоречие! Но как сочетать эти несовместимые подходы? Ведь из них вытекают противоположные требования к методике!

Излагая «диалектическую гносеологию для археологов», МакГуайр защищает разделение между естественными и социальными науками, характерное для западного марксизма — по субъектно-объектным отношениям: в естествознании субъект исследования и объект строго разделены, а в социальных науках смешаны: мы же исследуем людей. Для меня разделение между науками существует, но больше по другим параметрам (по степени универсальности законов, по их проверяемости и т. д.). Для наглядности МакГуайр сравнивает геологию с культур-антропологией. У геологов «объекты их изучения существуют независимо от самого изучения: изучение геологии создает геологов, но не создает камни...» Иное у антропологов: и субъект и объект — люди.

> «Есть единство субъекта с объектом. Чтобы быть антропологом, надо иметь информатора, а чтобы быть информатором, надо иметь антрополога. Более того, хоть информатор интересует антрополога, но ведь и антрополог интересует информатора; информатор изучает антрополога, как тот изучает информатора. Так что оба суть активные участники в этом их соотношении и оба изменяются им. Геолог никак не может стать камнем. Камень никогда не станет изучать геолога» (MacGuire 1992: 109).

Эта диалектическая логика от меня ускользает. Я могу любить или ненавидеть мои объекты, но когда я их исследую, я подавляю свои чувства. И уж мне решительно безразлично, как они относятся ко мне. Я изучаю обработанные кремни и тех, кто их некогда сделал, абсолютно одинаково, применяя к ним одни и те же принципы, хотя методы и могут быть разными. Да простит меня МакГуайр, но я изучаю объекты, называемые «крысами», не взирая на то, грызуны это, портящие мое хранилище находок, или археологи-марксисты, пишущие труды по археологии. И мне всё равно, что «крысы» любого вида думают в это время обо мне. Это меня нисколько не изменяет. А если это изменяет их, то чтобы не допустить искажения результатов, я должен принять предусмотренные на сей случай меры и провести соответствующие перерасчеты данных.

Конечно, я изучаю грызунов не теми методами, которыми изучаю кремни, а кремни — не теми, которыми археологов. Но вовлеченность в процесс здесь не при чем. Я вовлечен в процесс не более, чем мой компьютер. По крайней мере, я должен к этому стремиться, и такие возможности у исследователей есть.

Марквардт и вовсе сводит диалектику в археологии к оправданию новомодных понятий: «действие» (agency), «структуры», «противоречие», «отношения силы», «критика», «практика» и т. п.

На практике приверженцы диалектической археологии занимаются реконструкцией противоречий между интересами разных групп по археологическим материалам. Например, МакГуайр и Сайта в статье 1996 г. исследуют социальные структуры пуэбло XIV века на американском Юго-Западе. Их предшественники разделились в своих трактовках. Одни считали, что это население было эгалитарным: их архитектура и погребальные комплексы очень однородны. Другие видели в этих памятниках четкие признаки иерархии: поселения различались величиной, и всё это на фоне интенсификации земледелия. МакГуайр и Сайта используют данные природной среды и этноистории, чтобы показать, что эти трактовки не исключают одна другую. Они считают, что новообразованные роды сначала оставались в старых поселениях, а при ухудшениях природных условий, зажиточные роды стремились выделиться из эгалитарного общества и удалиться на отдельное место жительства. Отсюда динамика больших и малых поселений и противоречие эгалитарного и иерархизированного быта. Сами авторы и пишущий о диалектике марксистских археологов немец Рейнгард Бернбек приводят эту статью как пример диалектической археологии.

Хоть и можно усмотреть в этих интерпретациях соотношения, подпадающие под принципы диалектики (единство противоречий, конфликт), но диалектики только как способа рассуждения. Никакой особой методики их выявления, никакой особой археологической концепции, никакой «диалектической археологии» я здесь не вижу. Это всего лишь иллюстративные материалы для положений философской диалектики, не больше.

Я думаю, что диалектическую археологию можно было бы увидеть только в такой концепции, которая была бы построена методологически на принципах диалектики — на сопряжении противоречий (в самой основе концепции), на скачкообразном изменении основных параметров и т. п. У меня есть надежда, что в своих «Принципах археологии» я изложил некоторые основания такой концепции.

7. Заключение и некоторые уроки. Для нашей страны марксизм долгое время был обязательной политической программой, столь же обязательной философией (практически государственным вероисповеданием) и единственно разрешенным методологическим инструментарием. Когда его пытались применить к археологии, это было одновременно и политическим актом, и свидетельством благочестия, и (по крайне мере формально) изложением верноподданнических настроений, и стремлением решить научную проблему дозволенным способом. Причем политическая составляющая преобладала. А политика, как это всегда бывает, часто менялась, и это то и дело сбивало настройку. Немудрено, что такое сочетание целей делало задачу невыполнимой.

В западном марксизме политическая составляющая (революционность, критика капитализма) присутствовала, но обычно не преобладала, философская ощущалась сильнее и была искренней (поскольку не навязывалась), а нужды методологического инструментария были главными. Всего важнее оказалось то, что западный марксизм, не поддерживаемый государственной властью, не составлял не только единой школы, но в разных своих ответвлениях не представлял целостных концепций. Он был раздерган на отдельные идеи, а это облегчало его проникновение в археологию. Целостную сложную концепцию, да еще с политическим содержанием

и философским обоснованием перевести в археологию чрезвычайно затруднительно. Разве что насильственно. Если как следует поднажать, то можно ведь и учение чучхе выразить в археологической форме. Но нужно очень сильно давить. А вот отдельные методологические идеи, очищенные от политических ассоциаций, могут легко найти применение в археологии, как и в любой другой науке. Примерно такое же отношение к перспективам марксизма в археологии бывшей социалистической страны я нашел у Табачыньского в Польше (Tabaczyński 1995).

Если у нас еще будут периоды экономической напряженности и тягот для крупных слоев населения, то в такие периоды тяга к социалистическим ценностям будет усиливаться, и те или иные разновидности марксизма будут иметь шансы прививаться и у нас. Тем более, что родственные традиции и опыт догматического советского марксизма у нас сохраняются.

Частные уроки из этого раздела истории, как мне кажется, напрашиваются сами собой. Мы привыкли считать разработки марксизма в археологии скучными и схоластическими. Большей частью так оно и было. Но рассмотрение западного марксизма показывает, что от археологических работ, в которых бросаются в глаза слова «марксизм», «диалектика», «надстройка», «идеология», отшатываться не стоит. Там могут оказаться идеи, совсем не догматические и не схоластические. Многие констатации, на которые опираются эти работы, вполне реальны и требуют объяснения. Многие объяснения, прокламированные как марксистские, вполне резонны. Признание этих работ вовсе не означает признания догматического марксизма.

С другой стороны, когда читаешь работы западных марксистов, при всей их свежести и задоре, часто бросается в глаза наивность рассуждений и примитивность аргументации. Они в большинстве выполнены на весьма поверхностном уровне — чувствуется отсутствие хорошей школы. Среди наших, отечественных старых работ были, конечно, официально-догматические руководящие статьи и бездарно-карьеристские компиляции, но были и серьезные штудии, которые при всей узости теоретической базы (в пределах дозволенного) отличались солидной и интересной разработкой идей (предполагаемо марксистских) в теории и на материале и широким привлечением сравнительных разработок, в том числе и западных. Когда в середине 1970-х я писал «Панораму теоретической археологии» для «Каррент Антрополоджи» и описывал советскую литературу, мне было что привести — без скидок! Эти старые работы не стоит отбрасывать как идеологическую макулатуру, там можно найти много ценного.

И еще одно замечание. Сейчас у нас марксизм как учение — в загоне. Студенты его не изучают, а ученые в большинстве стараются забыть, как дурной сон. После стольких лет насильственной зубрежки это естественно. Но неразумно. Марксизм нужно знать, и знать шире, чем мы его знали прежде. Хотя бы для того, чтобы понимать своих западных коллег, чтобы воспринимать их работы критически и уметь видеть их в системе, чтобы обсуждать соответствующие проблемы квалифицированно. Тем более, что от нас ожидают хорошего знания, по крайней мере, классиков марксизма и истории марксистских идей в археологии.

И тем более, что на Западе, как мы далее увидим, скрытое влияние марксистских идей в археологии шире, чем их прямое применение.

Вопросы для продумывания

1. Какие еще революционные и социалистические учения существовали в новое время наряду с марксизмом, и есть ли какое-нибудь их отражение в археологии?

2. Есть ли вообще отражение каких-нибудь политических учений в археологии?

3. Марксизм — только работы самого Маркса и его точных перелагателей? А работы его учеников? А можно ли называть работы с существенными отклонениями от концепции Маркса (ревизионистские) марксистскими? Где кончается марксизм?

4. Термин «неомарксизм» имеет ли смысл и какой?

5. Представляются ли Вам работы западных археологов-марксистов марксистскими, пара-марксистскими или пост-марксистскими?

6. На основании представленной здесь характеристики творчества Триггера, попытайтесь сообразить, чем Триггеру так понравились труды Сартра?

7. Возможна ли, по Вашему, марксистская археология?

8. Какие из марксистских идей представляются Вам наиболее плодотворными, перспективными и привлекательными в археологии?

9. Есть ли, с Вашей точки зрения, ценные компоненты в феминистской или, шире, гендерной археологии?

10. Возможно ли, с Вашей точки зрения, построить особую теорию таких исследований?

Литература

Разновидности марксизма: Hobsbawm 1978–82; Ko?akowski 1978; Aggar 1979; McLellan 1979; Merquior 1986; Mouzelis 1988.

Марксизм и археология: Bate 1977; Montena 1980; Trigger 1984c, 1985a; Клейн 1993; Ligi 1993; Аникович 1994 (*уточнение предмета археологии*: Clark 1957; Клейн 1977a, 1978, 1986б).

Советский марксизм в археологии: Клейн 1993; Klejn 1973a, 1994; Tabaczy?ski 1995.

Западно-марксистские школы археологии: Godelier 1977; Harris 1979; Hartman 1981; Kohl 1981; Gellner 1982; Spriggs 1984; Trigger 1984c, 1989a; Patterson 1986; Leone, Potter, and Shackel 1987; Gilman 1989; Saitta 1989; Marquardt 1992; McGuire 1992; Saunders 1992; Bernbeck 1994; Клейн 1996a; Kristiansen 2004.

Глава 42. СИНТЕЗ И ПОСТИЖЕНИЕ

1. Кембридж: этнические проблемы. В пору лидирования пост-процессуализма центром мировой археологии был, несомненно, Кембридж. Что же происходило в Кембридже в пору схода пост-процессуализма со сцены? Основной фигурой в Кембридже оставался Ренфру.

В последний этап своей карьеры Ренфру вступил с середины 80-х — начала 90-х годов. Расширение его деятельности можно отметить с середины 80-х. В 1986 г. к заведованию кафедрой в Кембридже прибавилось руководство одним из колледжей, из которых состоит Кембриджский университет — колледжем Иисуса (Ренфру был Мастером колледжа более десяти лет — до 1997 г.). Также во второй половине 80-х он близко сошелся с миллионером МакДоналдом, которому чрезвычайно понравились его книги, и этот миллионер отвалил ему большую сумму на строительство нового археологического института. Кембриджский муниципалитет запретил строить институт в центре города, разрешил только в пригородах. Ренфру пустил в ход свои связи и победил город Кембридж — добился разрешения строить поблизости от кафедры археологии. Ныне здание Института МакДоналда стоит в центре Кембриджа. В 1990 г. Ренфру стал первым директором этого института.

Он был также членом бесчисленных академий и обществ, председателем разных комитетов. В 1991 г. за общественную и научную деятельность 54-летнему Ренфру был пожалован королевой титул лорда Кеймсторна, и он занял место в палате лордов. Тогда же вышел его великолепный всеобъемлющий учебник археологии, написанный совместно с Полом Баном (Paul Bahn) «Археология: теория, методы и практика». Ничего более современного и полноценного — как введения — в археологии нет (вышло уже четыре издания).

И профессорство и директорство продолжалось до 2004 г., когда Ренфру ушел со всех своих постов на пенсию в возрасте 67 лет.

За этот период два основных направления выделяются в его исследованиях — проблемы *этногенеза* и проблемы *археологической этики.*

Еще в 1973 г. Ренфру участвовал в обсуждении корреляции лингвистических и археологических данных по преистории Греции — он стремился доказать автохтонное формирование греков. В середине 80-х он вернулся к этой проблеме в гораздо более широкой постановке. По его воспоминаниям, стимулом послужило появление старого Кристофера Хокса на семинаре, который Ренфру давал в Оксфорде. Хокс заявил: «Профессор Ренфру полностью ошибается. Разве он не знает, что греки были индоевропейцами?» Подразумевалось, что догреческое население не было, значит, греки — народ пришлый — из Центральной или Восточной Европы (Renfrew in

Bradley 1993: 78). В 1987 г. взгляды Ренфру на проблему происхождении языковых семей были изложены уже в книге «Археология и язык: загадка происхождения индоевропейцев», которая вызвала ожесточенную полемику и вскоре появилась в переводах в Риме, Париже, Барселоне, Стокгольме, Осло и Токио. Большая статья «Археология и язык» появилась в «Каррент Антрополоджи» на следующий год, но очевидно была отослана раньше, только публикация запоздала по сравнению с книгой потому, что подготовка и проведение обсуждения, обычного для этого журнала заняли много времени. Серия работ, начавшаяся с этой книги и статьи, не прекращалась до 2003 г. и составила не менее 30 статей. Одна из последних работ — сборник 2003 г. под редакцией Питера Беллвуда и К. Ренфру «Проверяя гипотезу распространения сельского хозяйства/языка».

Теперь Ренфру отступил от идеи автохтонности и связал индоевропеизацию Европы с распространением земледелия и скотоводства с Древнего Востока. Точнее, он сохранил автохтонность происхождения большинства индоевропейских языков (почти все они, по Ренфру, сформировались там, где их застала история), но происхождение их основы, всей индоевропейской речи, ее глубокое прошлое возводится им к Ближнему Востоку. Ведь, несмотря на всю перестройку хронологии, всё же, в общем и целом, остается незыблемым: неолитическая революция произошла раньше на Востоке и оттуда распространилась на Европу. Греки получаются самыми ранними земледельцами и индоевропейцами в Европе. Можно говорить о самостоятельности возникновения очага металлургии на Балканах, но всё же на Востоке такие очаги возникли на два тысячелетия раньше (рис. 42.1).

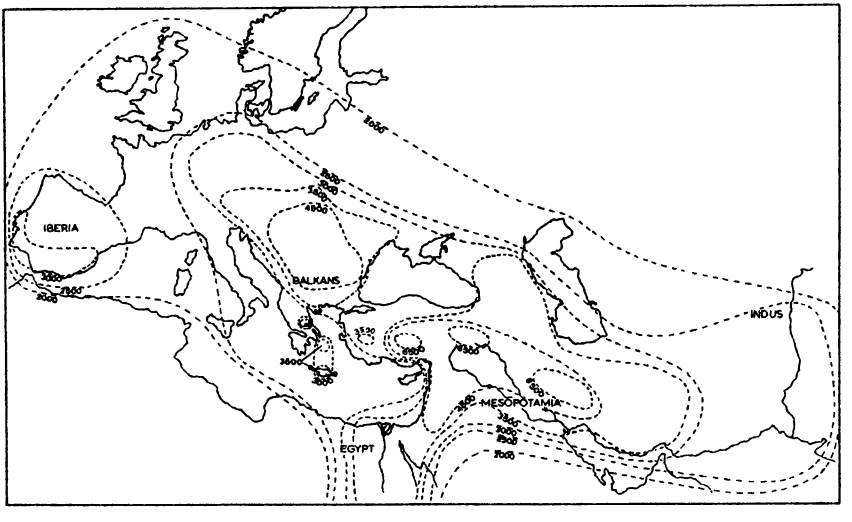

Рис. 42.1. Предварительная изохронная карта происхождения и распространения металлургии меди и бронзы в Европе и на Ближнем Востоке, по Ренфру 1970 (Renfrew 1979: 364, fig. 10).

Отвержение идеи диффузии за два десятилетия до того было провозглашено громогласно — urbi et orbi — как один из принципов Новой Археологии. Теперь возвращение к идее диффузии основных культурных благ неолита и энеолита с Ближнего Востока проделано подспудно, как бы мимоходом. Вся эта перемена взглядов Ренфру осуществлялась на фоне происходившего в археологии частичного пересмотра

его выводов о соотношении Микен и Уэссекса. Опираясь на радиоуглеродную хронологию, Ренфру отрывал Уэссекские мегалиты от Микенских шахтных гробниц, делая британские гробницы гораздо старше греческих. В работе 1991 года (написанной в 1989) известный датский археолог Клаус Рандсборг (Klavs Randsborg) заметил: сенсационный вывод Ренфру, вызвавший такой шквал подражаний и производных штудий, в сущности, не держится! «Его эмпирическая основа слаба», — трезво высказался Рандсборг. Все радиуглеродные даты, на которых основан этот сдвиг, относятся не непосредственно к Уэссексу, а к континентальным культурам, синхронизированным с Уэссексом традиционными методами относительной хронологии — по контактам. Когда позже были получены калиброванные радиоуглеродные даты для самого Уэссекса, то мегалитические гробницы оказались одновременными с Микенами или даже позже Микен! Правда, многие культуры Европы всё же сдвинулись вглубь веков (Randsborg 1991).

Значит, главный вывод, ради которого многие археологи поколения Ренфру («новые археологи») боролись с традиционной археологией (и хронологией), вывод о банкротстве идеи диффузии, оказался не столь уж очевиден. И сам Ренфру незаметно переменил фронт и стал доказывать диффузию, только другими средствами и для другого времени.

Книга полна стремлением дискредитировать индоевропейское языкознание с его «лингвистической палеонтологией» и моделью разветвления языков от праязыка, распространения дочерних народов миграциями. Ренфру прямо (и неоднократно) ссылается на инициативу русского лингвиста и этнолога евразийца Н. С. Трубецкого, который, будучи в эмиграции, предложил в 1939 г. заменить праязык и генеалогическое древо индоевропейских языков противоположной моделью — их взаимовлиянием и сближением в ходе длительных контактов. Эта идея отдаленно напоминает «теорию волн», выдвинутую Иоганнесом Шмидтом еще в 1872 г., но гораздо больше повторяет разработанную (в 1920-е годы) с несуразной аргументацией яфетическую теорию акад. Н. Я. Марра, еще в 20-е же годы развернутую в «новое учение о языке» — со схемой пирамиды вместо генеалогического древа и с «теорией стадиальности». Эмигрант Трубецкой, считавший Марра сумасшедшим, не ссылался на него, а Ренфру ... Ну, Ренфру не называл этого имени вряд ли из-за того, что считал неудобным ссылаться на большевика Марра, скорее, просто не подозревал, кто стоит за солидным лингвистом князем Трубецким.

Идея движения языков из Малой Азии была выдвинута Ренфру вслед за советскими лингвистами Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым, опубликовавшими в 1980–81 большие статьи в «Вестнике древней истории» (они были переведены на английский в 1983) и тяжеленный двухтомник в 1984. Правда, Ренфру заявил, что пришел к своим взглядам независимо, но работы советских авторов были опубликованы на русском и английском на несколько лет раньше, а взгляды уж очень схожи. Только у Иванова — Гамкрелидзе всё движение исходило из Восточной Анатолии, Закавказья и Северной Месопотамии, а у Ренфру — из Центральной Анатолии; у Гамкрелидзе — Иванова в степи индоевропейцы проникали с юга, у Ренфру — через Центральную Европу. Подавляющее большинство археологов, да и лингвистов отвергли концепцию Гамкрелидзе — Иванова (наиболее веские возражения представлены И. М. Дьяконовым), мало кто принял ее и в версии Ренфру. Достаточно сказать, что если бы индоевропейская речь действительно медленно продвигалась из Анатолии по Европе с диффузией производящего хозяйства, то степень лингвистического сходства индоевропейских языков соответствовала бы степени их территориальной

близости между собой и удаленности от Анатолии, чего нет. Кельтские (очаг в центральной Европе) не ближе к хеттскому или индоарийскому, чем славянские, и не на полпути между германскими и греческим.

Ренфру должен был как-то усиливать аргументацию. В начале 90-х он прибег к привлечению естественнонаучных данных -- исследований по генетике — и расширил проблематику на все языки, углубив корни (лингвистические и археологические) в палеолит. Это его статья 1992 г. «Археология, генетика и языковое разнообразие» в журнале «Мэн» и несколько других работ. На место расоведения палеоантропологов, основанного на сравнительной остеологии, он поставил более современные серологические исследования биологов, которые составили карты распределения для множества признаков состава крови. Например, пишет Ренфру, отрицательный резус-фактор, почти отсутствующий у народов Сибири, постепенно повышается к западу и достигает наибольшей величины у басков, а баскский язык, как известно, совершенно изолирован, не принадлежит ни к одной из известных семей языков. В 1999 г. Ренфру созвал в Кембридже европейскую конференцию по распределению свойств человеческого генома (труды конференции изданы в виде сборника «Археогенетика» в 2000 г. под редакцией Ренфру и Кейти Бойл). Это анализ ДНК в митохондриях (наследование по женской линии) и в хромосомах Y (по мужской). На этом основании Ренфру следом за генетиками (Кавалли-Сфорца и др. — те начали это еще в 70-х) рисует картину постепенного расселения индоевропейцев слабеющими с расстоянием волнами из Передней Азии к западу Европы, а баски оказываются сохранившимся остатком прежнего, доиндоевропейского населения.

Однако, по крайней мере, на его карте резус-фактора, это выглядит таким гладким только благодаря подлаженной к этой идее штриховке зон (ее интенсивность не соответствует ранжированию показателей). Если же сделать ее более логически последовательной (чтобы интенсивность тушевки соответствовала числовым значениям резус-фактора), то выявится иная картина. Станет видно, что от широкого полукольца, проходящего от Южной Африки через Индию к Зауралью, с сильнейшей концентрацией отрицательного резус-фактора, идет к центру этого полукольца не нарастание, а постепенное, кольцевыми зонами, убывание — интенсивность слабеет и концентрическими волнами сходится к территориям Польши, Восточной Германии и Южной Норвегии (вот где центр свободы от этого показателя!). А территория басков выглядит аномалией, ближе всего совпадающей с внешним кольцом. Пожалуй, баски действительно могут быть остатком старого населения Европы и Африки. Но что касается индоевропейцев, то исходя из наличной картины, логичнее предположить распространение из североевропейского центра к окраинам, чем из очень странного полукольцевого региона к центру. А для Ренфру главным во всей картине была как раз возможность доказать распространение языков вместе с земледелием и скотоводством из Анатолии.

Марек Звелебил и Лилли в 2000 г. убедительно показали (и это принято многими — см. Gkiasta et al. 2003), что, по данным генетики и археологии, только для Балкан, Южной Италии и области линейно-ленточной керамики (по Дунаю) устанавливается смена населения (и, стало быть, миграции) при переходе от мезолита к неолиту. Для всей остальной Европы (Западной, Северной, Восточной и части Центральной) наблюдается сосуществование местного мезолитического населения с неолитическим, которое лишь частично состоит из пришельцев, а в значительной части представляет собой ассимилированных аборигенов. Поэтому лишь для первой, южной группы европейских популяций малоазийское происхождение языка

весьма вероятно. Для второй, покрывающей значительную часть Европы, это уже проблематично. А очаг распространения индоевропейской речи мог располагаться то ли в первой области, то ли во второй. То есть то ли в Южной Прибалтике, то ли на Дунае.

Для выяснения еще более глубоких корней языков Ренфру прослеживает образование предполагаемых современными лингвистами обширных первоначальных семей языков — ностратической (включающей в себя индоевропейскую, семито-хамитскую и другие), а также подобных ей в Азии и Америке, а их образование предполагает углубление в палеолит и продвижение к формированию человечества. Средством этих исследований служат еще более тонкие генетические анализы — на уровне хромосом и ДНК, в частности анализ митохондрий в хромосомах. Они существуют только в хромосомах X и, следовательно, передаются только по материнской линии. Как по разновидностям ДНК, так и по митохондриям африканцы противостоят всему остальному человечеству, т. е. общий предок был близок к африканскому региону или в нем, а древнейшие находки гоминид подтверждают последнее решение. Группирование подобных данных позволяет проверить и гипотезы о ветвлении этих первоначальных языковых семей и, привлекая археологические данные о культурах, реконструировать этногенез.

В этих работах Ренфру очень мало археологии, больше лингвистики и еще больше генетики. Здесь он выступает уже не как археолог, а как преисторик-синтезатор. Любопытно, что как в своем новом интересе к этногенезу, так и в конкретном экзотическом решении проблемы индоевропейцев Ренфру, как ни странно, опять идет по следам советской науки. Ведь для послевоенной советской археологии был характерен именно всепроникающий, я бы даже сказал, болезненный интерес к этногенезу. Советская археология 50-х — 60-х, пожалуй, разрабатывала проблемы этногенеза теоретически и практически интенсивнее любой другой археологии мира, кроме разве польской. Потом она несколько охладела к этим проблемам. С 1960-х стали появляться работы по этногенезу в Германии (Вильгельма Мюльмана, В. Бернгарда и А. Кандлер-Пальсон), Австрии (Эмериха Фрациса, Фалько Дайма), позже в Англии (Эугена Роозенса) и др. В 1997 в Нью-Йорке вышла книга С. Джоунса «Археология этничности» (Jones 1997). Но прорывом в этом были многочисленные и привлекшие общее внимание работы Ренфру с конца 80-х до настоящего времени. На рубеже веков даже в трудах по мезолиту (!), например, в докладах VI международной конференции по мезолиту Европы (Larsson et al. 2000), много места уделено этничности и этногенезу.

Если в СССР интерес к этногенезу был стимулирован чувствами патриотизма в связи с Отечественной войной, то на Западе этот интерес, вероятно, подогревался обилием национальных государств, выделившихся из распадающихся империй в Африке, Азии, а затем и в Европе. Британская правящая элита хотела бы знать, что ими движет и как с ними управляться, а лорд Кеймсторн как ее член почувствовал и выразил этот интерес.

Можно задуматься о том, насколько в своем кембриджском периоде Ренфру действовал вообще в духе Новой Археологии. От автохтонности он отошел в сторону диффузии, от социальных проблем — к этническим, от объяснений — к вопросам и этическим оценкам. Но в 70-е — 80-е годы и другие «новые археологи» отошли от важных принципов Новой Археологии в пользу бихевиорной археологии, потом постпроцессуализма, в 90-х Новая Археология и вовсе захирела, как, впрочем, и постпроцессуализм.

Если же подытожить в теоретическом плане, чем занимался Ренфру в это время, то это одна долго игнорируемая в археологии задача — *историко-археологический синтез*. То есть интеграция археологических данных с данными смежных дисциплин — прежде всего из письменных источников, геологии и палеонтологии (включая палинологию), лингвистики, антропологии. Активизация в решении этой задачи не раз вспыхивала в археологии: успехи геологии и антропологии (учение об антропогенезе) были задействованы в становлении эволюционизма; Мух и Косинна пытались соединить лингвистическую индоевропеистику с первобытной археологией, а Косинна и расовую антропологию; Эггерс и Гахман разрабатывали методику синтеза с письменными источниками. Ренфру использовал сначала успехи в радиохимии для пересмотра хронологии («радиоуглеродная революция» — это был тоже акт синтеза), а в 90-е годы обратил внимание на выдающиеся достижения палеогенетики, революционицировавшие палеоантропологию, и на смелые прозрения советских и американских лингвистов вглубь времен («ностратическая теория» и т. п.). Соединив то и другое с археологией (насколько удачно — другой вопрос), он добился общего внимания к этой теме и нового принципиального прорыва в проблеме синтеза.

2. Российское соответствие. Две решаемых Ренфру взаимосвязанных проблемы имели существенное соответствие в российской археологии — проблема этногенеза и проблема историко-археологического синтеза.

Проблема этногенеза в российской археологии особенно занимала исследователей со времени подготовки к Отечественной войне и до Хрущевской разрядки, т. е. примерно с середины 1940-х гг. до середины 1950-х, когда прошедшие испытания и последовавшая холодная война подстегнули национальное самосознание, а власти усиленно подогревали чувства патриотизма. Пока теория стадиальности не была устранена, а оборонительная позиция была главной в политике, вопросы этногенеза решались в плане автохтонности. Каждому народу предписывалось сидеть вечно на одном и том же месте, на своей нынешней территории, а миграции признавались только в случае недвусмысленной и полнейшей фиксированности письменными источниками, да и то трактовались как поверхностные, затрагивавшие только верхний слой населения.

С ростом влияния Советского Союза в мире после победы в Отечественной войне и со сменой внешней политики СССР на завоевательную, с расширением территории СССР и формированием ряда государств-сателлитов, сменилась и ведущая концепция этногенеза. Теория стадиальности в 1950 г. была отброшена, восстановлена в правах индоевропеистика, и популярность в России получили взгляды Косинны о миграциях праязыков и пранародов. Только центром была объявлена не Центральная Европа, а Восточная, но методы исследования были типично косинновские. Кстати, эти же взгляды были в это время популярны и в Западной Европе, но по иной причине: там в это время муссировалась идея извечной угрозы с Востока.

С 1956 г., после разоблачения тирании Сталина и возвращения репрессированных народов проблемы этногенеза отошли на второй план, уступив место проблемам социального развития, но не исчезли с повестки дня. Некоторая либерализация режима во время Хрущевской «оттепели» и разрядки, а затем, после свержения Хрущева в 1964 г., прокламируемая борьба с Хрущевским субъективизмом облегчили ученым применение кое-где объективных методов исследования. Стало возможно прослеживать миграции не только с территории СССР на запад, но и извне на территорию

СССР, сначала с территории славянских и социалистических государств, потом с любых. Концепция автохтонного славянского этногенеза на территории СССР (преимущественно Киевской Руси, т. е. Украины) теперь уже не была единственно допустимой, но еще сохраняла преимущественную поддержку властей и доминирование. Оно продолжалось до падения советской власти в 1989 г.

Для прогресса науки имела значение не столько разработка нескольких концепций происхождения славян, а также происхождения других народов России, сколько то, что в ходе этих исследований неминуемо вставали теоретические и методические вопросы, с этим связанные. Что такое этнос? (А после устранения культа Сталина этот вопрос приобрел форму: можно ли удовлетвориться частичным перенесением на этнос сталинского определения нации?). Из многочисленных работ советских этнологов («этнографов» в советской терминологии) Ренфру воспользовался статьей Драгадзе — одной из тех, что на все лады трансформировали в этнос сталинское определение нации, воспользовался просто потому, что статья была переведена на английский.

> «Этнос, — цитирует Ренфру очередного толкователя Сталина, — может быть определен как устойчивая совокупность людей, исторически сложившаяся на данной территории, обладающая относительно постоянными особенностями языка и культуры, а также осознающая свое единство и отличающаяся от других похожих образований (самосознание) и выражающая это в самоназвании (этноним)» (Renfrew 1987a: 216).

Выражения «устойчивая», «исторически сложившаяся совокупность», перечень признаков — всё это из сталинской формулировки, самосознание и самоназвание добавлены из послесталинского репертуара советской этнографии.

Обязательно ли язык совпадает в своих территориальных границах с археологической культурой? Если нет, то вправе ли археология решать вопросы этногенеза — не есть ли это чисто лингвистическая проблема? А что такое археологическая культура? Каковы критерии установления миграции? По этим вопросам в советской археологии накопилась огромная литература (сводка этой литературы по середину 1970-х приведена в моей «Панораме» — Klejn 1977: 13–14, 21, 29; позже — в моей «Археологической типологии» 1991 г. ; см. также Долуханов 2000).

Вопросы о том, что такое этнос, не является ли основным показателем этничности особый язык и как выражается этничность в материальной культуре, относится скорее к ведению этнографии (Бромлей 1973). Но вопросы эти оборачиваются вопросом об этническом распознавании археологических культур. Этот вопрос первыми поставили немцы на базе критики Косинны (прежде всего это работы Эрнста Вале, 1941 г., и Ганса-Юргена Эггерса, 1950 г.). Критика Косинны всегда была мила сердцу советских археологов и стала особенно актуальной, когда методы Косинны были заимствованы ведущими фигурами советской археологии. Большая работа с анализом и критикой методики Косинны была мною опубликована в ГДР в 1974 г. В Советском Союзе существовала обширная литература 1950-х — 70-х годов о соотношении культуры и этноса (работы Третьякова, Артамонова, Брюсова, Сорокина и многих других). Есть и мои статьи, и обобщающий их большой раздел в «Археологической типологии».

Вопрос об этническом распознавании археологических культур теснейшим образом связан с вопросом об этнической преемственности, т. е. с вопросом о миграциях и автохтонности. В 1973 г. я подготовил доклад на IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Чикаго об археологических критериях

обнаружения миграций. Ни на какой конгресс я, конечно, не поехал, а доклад был напечатан в Москве, правда, крохотным тиражом. Потом последовала целая серия советских работ о миграциях в разные эпохи. Мои предложения были использованы, даже терминология, мною придуманная, использовалась, но без ссылок на меня, потому что я к тому времени был уже в тюрьме. Переиздал я эту работу в сильно расширенном виде уже в 1999 г. в «Стратуме».

Вопрос о том, не ищем ли мы, прежде всего, происхождение языка, говоря о происхождении народа и совпадает ли языковая преемственность с преемственностью в материальной культуре, ставит вопрос о путях интеграции лингвистики с археологией. Это один из вопросов историко-археологического синтеза — органического соединения разных видов источников. Тут тоже застрельщиками были немцы — Эггерс и Гахман. Я первым перенес эту проблематику в советскую археологию. В 1974 г. я опубликовал две работы, посвященные анализу в книгах Гахмана проблемы синтеза, а особенно заметно я поставил эту проблему своей книгой 1978 года «Археологические источники».

В конце 70-х у меня уже была готова и специальная обобщающая работа, посвященная проблеме синтеза в исследованиях этногенеза. Я послал доклад на эту тему на конференцию в Сыктывкар, но опубликована она не была, так как в начале 1980-х я был арестован. Работа эта вышла только в эпоху «перестройки», в 1988 г., в головном советском этнографическом журнале. Суть этой статьи состояла в выделении особых явлений в реконструируемой культуре — «ключевых точек», *многосигнальных индикаторов*, — которые по своей природе способны иметь многосторонние выражения — в нескольких сферах культуры, т. е., найдя такое явление одном виде источников, нужно поискать в других видах. Например, войны и воцарения имеют большую вероятность отразиться в письменных источниках, но также и в археологии (первое) и в нумизматике (второе). Смена населения отложится в языке, антропологии и, возможно, в материальной культуре. И т. д.

Таким образом, к тому времени, когда Ренфру, а с ним английская археология, занялись происхождением языков и народов Европы и мира, в советской археологии и лингвистике существовала обширная литература по этим проблемам, большей частью совершенно недоступная англичанам ввиду языкового барьера. Только ностратическая теория и английские выжимки из труда Гамкрелидзе и Иванова оказались использованы Ренфру. Проблемой же историко-археологического синтеза в советской археологии занимался, кажется, только я, а эти занятия были пресечены. В Англии же получили дальнейшее развитие (в 90-е годы).

3. Переход к постижению прошлого. Но продвижение к историческому синтезу, к интеграции наук, связанное с отступлением от важных принципов Новой археологии (назад к диффузии и т. п.), — лишь одна из сторон позднего творчества Ренфру. Он также развивал в это время свою когнитивную археологию, как ему казалось, по линии усовершенствования процессуальной археологии — как когнитивно-процессуальную археологию, но на деле это было не так. С самого начала когнитивная археология означала сближение с целями символической археологии постпроцессуалиста Ходдера. Со временем это сближение только усилилось. С начала 90-х занятия когнитивной археологией, казалось, приостановились.

В 2003 г. вышла новая книга Ренфру — «Постижение: кто мы, откуда мы? Параллельное видение художников и археологов». Это роскошное издание, на мелованной бумаге, со 175 иллюстрациями, из которых 55 цветных. Под художниками Ренфру

имеет в виду не людей искусства вообще, не художников тех эпох, к которым относятся археологические памятники. Нет, он имеет в виду сугубо современных скульпторов и художников, авангардных, тех, кто придерживается абстракционизма, кубизма, символизма, концептуализма, примитивизма, кто делает поп-арт, инсталляции, кто размывает рамки искусства, превращая его в шоу, а всякую деятельность — в искусство.

Ренфру признает, что поначалу сам не воспринимал это искусство как искусство, не понимал его. Но постепенно заинтересовался некоторыми художниками, подружился с ними, стал посещать выставки, устраивать их в своем колледже в Кембридже и коллекционировать это искусство сам. Он называет знаменитые имена — Ричарда Лонга, Альберто Джакометти, Эдуардо Паолоцци, Константина Бранкузи, Уильяма Тёрнбалла и др., приводит их картины и скульптуры. Действительно, часто налицо поразительное сходство с дремуче древними изображениями. «Меловая линия» Ричарда Лонга (выложенная в 1979 г. из кусков мела прямая полоса) действительно очень напоминает каменную выкладку в раскопанной Ренфру могиле Куонтернесс на Оркнейских островах. Оркадский круг Лонга во дворе колледжа Иисуса (выложен в 1992 г.) вполне похож на кромлехи. Произведение того же Лонга «Круги грязных рук с реки Эвон» в колледже Иисуса в Кембридже отличается от палеолитических и более поздних отпечатков рук только техникой выполнения (негатив/позитив) и размещением. Кикладская мраморная голова, датируемая серединой III тыс. до н. э., весьма смахивает на маску работы Уильяма Тёрнбалла 1982 г. и, несомненно, повлияла на ее форму. Еще яснее прямое воздействие первобытного искусства видно в работе Пабло Пикассо «Бронзовая голова женщины» 1930-32 гг. — ее оригинал, маска племени Нимба из Гвинеи (Африка), находился в коллекции Пикассо и ныне хранится в его музее.

Часть этих сходств, несомненно, объяснима подобными влияниями, часть, однако, приходится действительно объяснять общими тенденциями современных художников с первобытными мастерами — тягой к простоте, к элементарному самовыражению, свободному от догматизма школ. Ренфру это показывает на примере «нечаянной скульптуры» — он сравнивает отливки человеческих тел из Помпей со скульптурами Джорджа Сегала. Сходство действительно есть.

Но идея Ренфру в ином. Он полагает, что тут не простое сходство, не просто аналогия. В 1999 г. Марк Дайон провел видимость археологических раскопок на берегу Темзы, а затем имитировал с собранным мусором археологические исследования — документировал, зачерчивал, классифицировал, проводил анализы и, наконец, сделал выставку в галерее Тейт. Ренфру сопровождал эту имитацию (очень похожую на эрмитажную выставку «Болотного золота» Белкина) своей квалифицированной лекцией.

> «Всё это, — утверждает он, — явно выглядит очень похоже на археологию, и когда встречаешь энтузиазм некоторых добровольцев, чувствуешь себя тоже, как там. Но есть ли это археология? Это подобно тому, что Марк Дайон называет себя художником, а конечный продукт оказывается на выставке в галерее Тейт (и потом был приобретен галерсей), но есть ли это искусство?... Право, археология — то, что делают археологи» (Renfrew 2003: 85-86, 88).

Дайон делал всё, что делают археологи — копал, аккуратно собирал, чертил, классифицировал, выставлял. Правда, он не имел археологического образования и не являлся членом археологического учреждения. Но по сравнению с классическими

раскопками сэра Мортимера Уилера середины века, работы Дайона, отметил Ренфру, выглядели гораздо более похожими на его собственные, профессора Ренфру, археологические раскопки, чем кессонный метод Уилера! Ренфру здесь не отмечает только одного существенного отличия: Дайон не ставил перед собой задачу отыскать древности и понять по ним прошлое, тогда как Уилер и Ренфру преследовали именно эту цель. Ренфру лишь замечает: «Мы раскапываем прошлое, не правда ли?» (Renfrew 2003: 88). Более важным представляются Ренфру не цели, а *процесс* археологического исследования. Как у современного искусства — тот же Ричард Лонг бродит по свету и делает не очень трудоемкие, но заметные изменения на местности, и этот *процесс* есть для него искусство.

Правда, для Дайона этот процесс — как археологического исследования, так и искусства — всего лишь забава, пародия, шутка. А ведь критерии научности археология привыкла воспринимать всерьез, и размывание этих критериев — на берегах ли Темзы или на берегах Невы — может для нее оказаться рискованными шутками.

Еще важнее для Ренфру другое. Схожими представляются ему в принципе оба вида познания — археологическое проникновение в прошлое и постижение современного изобразительного искусства современными зрителями. В обоих случаях предметы познания фиксированы в материале, в вещах. В обоих случаях нам предлагается какая-то информация, какое-то сообщение. В обоих случаях нам непонятно, что за информация, как ее расшифровать. Но вот современное искусство мы, оказывается, можем понять! И из этого следует вывод: наш опыт постижения современного искусства может помочь нам понимать непонятные археологические материалы.

Можно подумать, что перед нами последний акт когнитивной археологии. Но нет, это не когнитивная археология, и уж никак не когнитивно-процессуальная, как ее называл Ренфру. В той ведь Ренфру как процессуалист занимался выявлением проблем археологического познания символических систем и задавался обнаружением механизма объективного решения этих проблем. А эта книга скорее в русле историко-археологического синтеза, интеграции дисциплин, из которых синтезируется преистория. На сей раз это две дисциплины, которые изначально, в античной археологии, были синкретично связаны. Теперь Ренфру восстанавливает это старое сопряжение двух наук, потому что, по его убеждению, в одной из них появился новый опыт понимания, способный обогатить другую.

Что это за опыт? Какую методику он привносит в археологию?

Оказывается, это опыт постижения мира через чувства, через переживание личного контакта с материалами. Особой методики никакой, о критериях объективности и речи нет. Не объяснение, не открытие причин по признакам, а *постижение* (figuring it out), т. е. интуитивное схватывание, озарение, «понимание». Это несомненный постмодернизм, с которым Ренфру так долго и успешно воевал. Последний из лидеров Новой Археологии полностью перешел на сторону противника. Совсем как вождь иудеев Иосиф бен Маттиас, руководивший защитой крепости Иотапата в Иудейской войне, который после гибели всех защитников сдался на милость Веспасиана Флавия и стал римским сенатором под именем Иосифа Флавия, а впоследствии знаменитым историком. Только Ренфру стал знаменитым археологом до своей Иотапаты.

То, что это постмодернитская книга, лезет изо всех щелей. Неоднократно Ренфру в ней заявляет, что наше понимание прошлого очень ограничено (Renfrew 2003: 3), мотивы изготовления статуэток мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем (с. 77). Это совершенно не вяжется с гносеологическим оптимизмом Новой Археологии.

Ренфру считает, что нужно придать ранг революции введению оседлости (с. 115). Это уже до него провозгласил Ходдер в своей «Доместикации Европы». Как бы для более полного уподобления Ходдеру, Ренфру признает, что после введения оседлости («доместикация») и земледелия символическая роль артефактов стала основной (с. 136). Совсем как Ходдер, Ренфру сетует на то, что в своих отчетах мы подавляем свои непосредственные впечатления и чувства, оставляя сухие факты и соображения (с. 42).

> «Ну, я вполне сознаю, — пишет Ренфру, — что это может быть названо "феноменологическим" подходом. Это основано на нашем познании мира чувствами. Но славная вещь состоит в том, что мне незачем применять слово "феноменологический", чтобы воспринять и понять его. Вовсе незачем мне ухватываться за философию Хайдеггера (о котором Джулиан Томас и, разумеется, Крис Тилли написали в своих богатых информацией сочинениях на эту тему). Ибо вместо того я сам был там и уже чувствовал это. Я говорю из личного опыта. И я почувствовал это, по крайней мере, частично, потому что меня привела к этому пионерская работа Ричарда Лонга» (ibid.: 39).

Вопрос, однако, не в том, как к этому пониманию пришел лично Колин Ренфру, а в том, воспроизводим ли этот опыт. Всякий ли археолог, насмотревшись современного искусства и проникнувшись впечатлениями, сможет повторить выводы, к которым пришел Колин Ренфру, или он придет к совершенно другим выводам или вообще ни к каким. Если Ренфру сумел поставить современное искусство на службу археологии, книга должна показать археологам, как это делается.

Боюсь, что это неосуществимо. Кроме несомненного сходства с археологическими древностями, произведения современного искусства имеют и кардинальные отличия от них, а об этом в книге — ни слова. Создатели древних памятников отличались от современных художников прежде всего тем, что создавали свои изделия по определенным правилам, преследуя очень определенные цели, имевшие общественную значимость. Как это делают современные народности первобытного образа жизни. Они знали, что они делают, для кого и зачем. Мы этого можем не знать, но они-то это знали. Поэтому их изделия столь стандартны и, даже те, которые уникальны, имеют стандартные детали, обработку и контекст. В этом основа для их типологического изучения и нашего продвижения на пути их познания. Мы можем пересказать, хотя бы в качестве гипотезы, ту часть их смысла, которую мы выяснили. Художники прежних времен во многом были схожи с остальными мастерами — они добавляли к этому лишь критерии изобразительного мастерства и эстетики.

Современные же художники, принадлежащие к модным направлениям, отличаются от прежних тем, что критерии непохожести и уникальности стали у них главными, изобразительное сходство с реальностью утратило всякую цену, а общественное понимание смысла их созданий их совершенно не волнует. Не очень требуется даже наличие такого смысла вообще. Художник может и сам не понимать, что он делает, если то, что вышло, имеет декоративные качества или может быть рассмотрено как акты самовыражения. Когда говорят, что кто-то стал понимать того или иного современного художника, это не значит, что этот зритель может пересказать его произведение, а значит лишь, что он начал испытывать наслаждение от лицезрения вещей этого художника, может быть, даже начал рождать какие-то мысленные ассоциации.

При таких условиях возможны лишь отдельные совпадения психологических мотивов актов современных художников с первобытными мастерами (их и выявляет Ренфру). В целом же восприятие современных произведений искусства и попытки

их истолкования — это совершенно иной процесс, чем стремления понять назначение и смысл древнейших памятников.

Толкуя *современные* произведения, мы вправе воспользоваться свободой понимания, а если автор скажет, что он имел в виду совсем не то, это никого не взволнует. Другой зритель может понять совершено иначе, и в этом также ничего страшного. А вот размышляя о *древних* памятниках, мы должны понять, каковы были реальный смысл и назначение этих вещей, и доказать свое понимание анализом материалов и контекстов. Если появляется другая гипотеза, нужно либо столкнуть аргументы и выбрать решение, либо найти возможность сочетания взглядов.

Я также отмечал в своем собственном творчестве идеи, которые оказываются в духе постмодернизма. Но это были отдельные идеи, а не вся методологическая программа. С другой стороны, и в книге Ренфру есть несомненные отличия от писаний таких радикальных ревнителей постпроцессуализма как Шэнкс, Тилли и Томас, и не только в стиле написания. Они обычно восходят в теоретизировании до высоких уровней абстракции и теряют связь с конкретным материалом, Ренфру же оперирует конкретными вещами. Тилли и его товарищи так подчеркивают уникальность вещей, что сравнительный анализ становится невозможным, тогда как Ренфру занимается именно сравнительной археологией, оперируя целыми категориями вещей. Он не приемлет многих философских гуру пост-процессуализма, но, правда, феноменологическую философию разделяет с ними. А главное, Тилли и его соратники не разрабатывают специальную методику для осуществления своих идей, тогда как Ренфру предлагает свои феноменологические идеи только как идеи, как генератор для порождения гипотез, которые далее должны поступить на проверку и проработку в механизм обычной методики. Но поскольку в книге нет этой проверки и проработки, нет этого механизма, он как бы выведен за скобки, читателю очень трудно уловить эти тонкие различия между Ренфру и пост-процессуалистами.

Значение этой книги Ренфру не только в обнаружении одинаковых проявлений в первобытных культурах и современном искусстве и в предположении одинаковых психологических мотивов за тем и другим (оставить следы, найти простейшие формы выражения естественных эмоций, и т. п.). Значение этой книги еще и в том, что она стала сигналом о полной смене курса британским лидером Новой Археологии, о его подчинении веяниям, увлекавшим британскую археологическую молодежь в Кембридже два десятилетия. Когда Новая Археология отошла в историю, а молодежь два десятилетия соревновалась в постмодернистских упражнениях и вроде бы иссякла, Ренфру как бы захотел показать, что и он это может делать не хуже молодых, а даже лучше. И сделал — смело, ярко и масштабно, — оказавшись опять лидером, хотя и совсем другого ополчения.

С позиций уже отжившей Новой Археологии он перешел на позиции более молодого но, увы, также отжившего течения. Можно ли увидеть в этом акте принципиально новую тенденцию? Разве что тягу к интеграции наук, к историческому синтезу в археологии.

4. Теория приспособления к материалу. Интеграция археологии с искусствознанием была лишь одной попыткой синтеза и одной стороной развития когнитивной археологии. За когнитивную археологию вообще Ренфру взялся вновь несколько раньше — на самом рубеже веков. Однако на сей раз он озаботился приложением ее к материальной культуре. Можно было бы подумать, что это естественное побуждение материалиста и что его вдохновил пример советских археологов

20-х — 30-х годов, которые даже археологию намеревались заменить историей материальной культуры. Но у него был более близкий пример — Ян Ходдер, которого материальная культура занимала совсем в другом плане — более семиотическом.

В 1998 Колин Ренфру и Крис Скарр были соредакторами сборника «Познание и материальная культура: археология накопления символов» (Renfrew and Scarre 1998), в котором опубликованы труды конференции 1996 г. Сборник открывался небольшой статьей Ренфру «Разум и материя: когнитивная археология и внешний символизм». Под внешним символизмом он имеет в виду материализованные символы, символы-вещи и действия. В 2001 г. Ренфру поместил в сборнике Яна Ходдера «Археологическая теория сегодня» статью «Символ перед понятием: материальное приспособление и раннее развитие общества» (Renfrew 2001b). Идея этих статей такова: в развитии человечества материализованная символика выступает всякий раз до того, как на этой основе возникает понятие. То есть сначала материя, потом — понятие. Идея вполне материалистическая. Здесь впервые выступает это ставшее затем излюбленным выражение: «material engagement». Его очень трудно перевести на русский язык, да и на английском понять его нелегко. У слова «engagement» много значений: 'встреча', 'свидание', 'помолвка', 'сцепление', 'подладка', 'дело', 'бой' и т. д. Но из контекста выясняется, что имеется в виду «human engagement with the material world» — как человек подлаживается, приспособляется к материальному миру, к вещам. Какие он при этом развивает в себе способности, какие знания приобретает и т. д. То есть буквальный перевод был бы «материальное приспособление» или «материал-приспособление», но так по-русски не говорят. Наиболее адекватной передачей представляется мне: «приспособление к материалу, к материальному миру».

В том же 2001 г. Ренфру дал журналу социальной археологии («Джорнал ов соушел аркеолоджи») интервью, озаглавленное «От социальной археологии к когнитивной» (Renfrew 2001a). Он пришел к выводу о необходимости создания «теории приспособления к материалу» (material engagement theory), и чуть ли не весь коллектив института МакДоналда в Кембридже был мобилизован на разработку этой теории. Особенно радовали мэтра своими успехами его ученики Элизабет ДеМаррэ (Elizabeth DeMarrais) и грек Ламброс Малафурис (Lambros Malafouris). Вместе с ДеМаррэ Ренфру читал студентам курс о своей «Теории материального приспособления». В 2003 г. в Институте была организована конференция на тему «Переосмысляя материальность: приспособление разума к материальному миру» (в 2004 ее труды вышли под совместной редакцией Элизабет ДеМаррэ, Криса Госдена и Колина Ренфру в серии монографий Института МакДоналда). О том, насколько важной для Кембриджа и Ренфру считается эта теория, говорит тот факт, что когда сотрудники Института в 2004 г. поднесли Ренфру юбилейный сборник к выходу на пенсию, название сборника оказалось «Приспособление к материалу (Material engagement): исследования в честь Колина Ренфру» (Brodie and Hills 2004).

В итоговом сборнике конференции «Переосмысляя материальность» помещена ключевая статья Ренфру «Towards a Theory of Material Engagement» — «[Движение] К теории приспособления к материалу», «За теорию приспособления к материалу». В этой статье Ренфру так формулирует суть и задачи новосоздаваемой теории:

> «Теория приспособления к материалу занимается отношениями между человеком и материальным миром и сосредоточивается на использовании и статусе материальных объектов (главным образом произведенных объектов или артефактов), которые применяются как посредники во взаимодействиях между индивидами и между людь-

ми и их средой. Цель — облегчить анализ и понимание изменений в культуре. Теория сформулирована частично как ответ на то, что сформулировано [мною] как "парадокс сапиентности" — это загадка, заключающаяся в значительной протяженности времени между возникновением и широким распространением нашего вида [homo sapiens] и взрывом инноваций в области материальной культуры, широко наблюдаемым в раннем голоцене, с возникновением оседлой жизни, производства пищи и ускорением изменений. Приписать решительную причинную роль в этих изменениях полноразвитому овладению языком и вполне человеческому самосознанию наряду с внутренними способностями человечества к использованию символов, вряд ли убедительно, коль скоро следствия этих новых причин не прослеживаются в течение этак тридцати тысяч лет» (Renfrew 2004: 23).

Как значится в аннотации на обложке сборника, авторы ушли от «спора о первичности материи или сознания», а в своей статье Ренфру выражает надежду, что «когнитивно-процессуальная» археология, постулируя материальные корреляты социальным и политическим реалиям, позволяет «избежать некоторых ловушек раннего, 'диалектического' материализма» (ibid.: 23). Впрочем, на практике, решая вопрос о том, что раньше — материализованный символ или чистое понятие, — Ренфру решает вопрос в пользу первого и даже упрекает свою единомышленницу ДеМаррэ в том, что ее прежняя, 1996 г., работа (совместная с другими соавторами) о материализации идеологии власти создавала впечатление, будто материальный объект вторичен по отношению к понятийному.

Говоря об истоках «теории материального приспособления», Ренфру, конечно, приводит в первую очередь свою «когнитивно-процессуальную археологию» 1982–1994 годов, как и аналогичную позицию Кента Флэннери 1983–1994 гг., и противопоставляет эту совместную позицию «пост-процессуальной археологии 1980-х (упоминая Шэнкса и Тилли). Но он тут же смягчает эту оппозицию, признавая за «интерпретативной археологией» (то есть за интуитивистской археологией) 1980-х — 1990-х «ряд влиятельных вкладов», например упор Яна Ходдера (1982–1986) на активную роль материальной культуры. В этом контексте Ренфру заявляет, что

> «время созрело для отхода от полемики и крайностей, подразумеваемых противостоянием процессуальной и пост-процессуальной археологии. В частности надо отметить, что подчеркивание личного опыта индивида, его освоения мира, лежащее в основе процесса приспособления (engagement process), имеет много общего с феноменологическим подходом...» (ibid.: 24).

Следуют ссылки на Мерло-Понти и на Криса Тилли и Джулиана Томаса, вводящих в археологию понятие хабитуса Пьера Бурдье.

Я уже приводил краткую характеристику учения Бурдье («теорию практики»), а пока напомню, что хабитус Бурдье подразумевает исторически сложившиеся у индивида представления и навыки, обусловливающие его обычную практику. Ренфру уточняет это понятие, «ибо существенный *хабитус* индивида в любом месте и времени управляется коллективным *хабитусом*, значимым для специфической траектории развития этого частного исторического контекста» (ibid.: 24).

Рассматривая ключевые понятия своей теории, Ренфру также выделяет еще три труда, которые он причисляет к опорным для теории: статью Игоря Копытова «Культурная биография вещей» в сборнике Арджуна Аппадюрэ «Социальная жизнь вещей», вышедшем в 1986 г., «Происхождение современного разума» Мерлина Доналда, 1991 г., и «Построение социальной реальности» Мерлина Доналда, 1995 г.

Джон Сирл обратил внимание на ключевую роль «институционных фактов» в обществе. Одни такие факты регулируют социальную активность, другие ее создают. Например, правила игры в шахматы, создают саму возможность игры. Такие институты (брак, родство, собственность и т. д.) конституируют общество. Большей частью эти понятия формулируются словами. Но Ренфру добавляет, что для значительной их части понятиям предшествует материальная реальность. В пример он приводит монеты, которые обусловили представления о стоимости. «Понятие бессмысленно без действительного вещества» (ibid.: 25).

Мерлин Доналд увидел в развитии человеческого разума две стадии: мифическую и теоретическую. На теоретической, наступившей со введением письменности, интенсивно шло «накопление внешней символики», т. е. материализованной символики. Ренфру принял это представление, но с поправкой: по его мнению, Доналд проглядел огромный период, между введением оседлости и изобретением письменности. В этот период называемый Ренфру «материально-символическим», само введение новых артефактов означало в известной мере «накопление внешней символики» — вот тут и применяется «теория приспособления к материалу».

Игорь Копытов, из русских эмигрантов, видит в «биографиях» вещей, в их «родословных» и опыте, в их последовательной смене владельцев, возможность прояснить материальные и символические роли этих вещей в их, так сказать социальной жизни. Оживляя их, он приписывает им нечто вроде «активности», «деятельности», «действий». Если у Джонсона действия характеризуют только деятеля — человека, то тут они присущи уже вещам. Вещи активны — как материальная культура у Ходдера.

Из этих трех краеугольных камней Ренфру и построил свою «теорию приспособления разума к материальному миру».

Реализуя ее, Ренфру припомнил свое исследование 1982 г. о каменных кубиках доарийской цивилизации долины Инда. Он интерпретировал их как стандартные единицы измерения веса, предположив меры веса, систему счета и т. п.

> «Но, — рассуждает он, — давайте насмотрим происхождение такой системы измерений. Как мог бы кто-либо сформулировать систему измерений, не имея предварительного понятия о том, что значит иметь вес? Опыт свойства массы или веса логически предшествует любому представлению об использовании коромысла весов для установления равновесности двух предметов по отношению к этому свойству. Из простого человеческого опыта держания в руках двух эквивалентных предметов, по одному в каждой руке, мы получаем представление о балансе. И мы можем почувствовать, что больший предмет, сделанный, скажем, из дерева, может быть того же веса, что меньший предмет из камня» (ibid.: 26).

То же самое касается измерения длины или объема, добавляет Ренфру. Эти рассуждения Ренфру очень напоминают тексты Энгельса о значении опыта и практики для образования понятий.

> «Единицы меры, — пишет Ренфру, — составляют основную часть приспособления человека к материальному миру. ... Они зависят от реальных свойств, "грубый факт" которых измеряется. Так что в то время как все единицы измерений являются институционными фактами, они все зависят от свойств материи (вещества) и от человеческого восприятия и понимания этих свойств» (ibid.: 26).

Я мог бы привлечь к иллюстрации этого тезиса Ренфру свои исследования того же региона — Индии, но более позднего, арийского, времени. В работе (Клейн 1997б;

Klejn 1999b) об игральных костях из катакомбных и новосвободненских погребений, которые я рассматриваю как индоарийские перед вторжением в Индию, и сравниваю со средневековыми индийскими, я пришел к выводу, что, во-первых, на основе игры в кости сформировался шестеричный счет индоарийской культуры, а во-вторых, что из потребностей иметь на костях сторону «пусто» (для получения малых чисел в сумме при бросании трех костей) родилось понятие нуля.

Далее Ренфру в таком же духе рассматривает такие институционные факты, как ценности, святость и ритуальную чистоту, табу, престиж, авторитет и легитимность власти, собственность. Каждому он подыскивает материальные соответствия. предшествовавшие образованию понятий. Так понятие ценности появилось в связи с осознанием некоторых свойств золота, что произошло не раньше 5000 г. до н. э. (возможно, однако, что здесь Ренфру излишне привязывает понятие ценности к благородному металлу, тогда как скот уже осознавался как ценность и даже как деньги раньше). Говоря о святости, поднимает вопрос о фетишах и прямо ссылается на Маркса с его «фетишизмом товаров потребления». Говоря о престиже и власти, приводит символы власти, как археологические, так и современные, вплоть до булавы спикера, без которой не может состояться заседание Палаты Общин.

Постоянным приспособлением сознания к материальному миру Ренфру считает «материальную память», наглядно воплощаемую в сувенирах и памятниках (а памятниками мы называем все археологические объекты!), но также и «скрытую память», «подразумеваемую память» (implicit memory), которая заключается в любом использовании артефактов, ибо все они сопряжены с представлениями об их изготовлении и использовании, об их конкретной истории и сопряженных с этим событиях и процессах.

В других статьях сборника «Переосмысляя материальность» вводятся еще некоторые новые понятия. Элизабет ДеМаррэ пишет о материализации понятия «хабитус» и для этого заимствует из работ антропологов понятие «обстановка» (setting). Джон Робб разрабатывает понятие «распространенного артефакта» (например, домашний скот), в котором проявляются хабитус и действие (agency), сформированные историей. Крис Госден использует понятие «распространенное сознание» (extended mind), чтобы сломать привычное разграничение между эмоциями и рассудком — в культурном творчестве они переплетены. Малафурис в туманных рассуждениях, весьма напоминающих писания пост-процессуалистов, утверждает, что сознание и познание неотделимы от действий, а приспособление к материалу включает в себя «синэргистский процесс», которым сознание возникает из «мозгов, тел и вещей».

Не все участники согласны с Ренфру в детализации учения. Клайв Гэмбл утверждает, что ключевые изменения в человеческом приспособлении к материальному миру произошли задолго до введения оседлости и неолита и были связаны с переходом от материальной культуры, основанной на орудиях, к материальной культуре, основанной на контейнерах (сосудах), и это было уже в эпипалеолите. Кларк и Госден не согласны с тем, что введение оседлости было более важным рубежом, чем возникновение земледелия и скотоводства, и в этом их поддержал Джорджд Каугилл, заключавший прения: именно производящее хозяйство стало основой для социального расслоения, неравенства, богатства, власти и престижа со всей присущей им символикой.

В статье же Ренфру последний раздел, «Применение теории материального приспособления», — удивительно маленький, всего в 17 строк. Это тут же объясняется тем, что «Теория приспособления к материалу находится на ранней стадии своего

развития, а статья и так слишком большая» (Renfrew 2004: 30). Ну, это, конечно, отговорка. Практического применения нет, потому что как применять — непонятно.

Когда я впервые познакомился с «теорией приспособления к материалу», я написал Ренфру, что его рассуждения очень интересны и навевают на размышления, далее что проблема реальна, но что я не могу считать эти рассуждения теорией. Свои взгляды на то, что можно считать теориями в археологии, я изложил в ряде работ 70-х – 80-х годов и обобщил в «Метаархеологии» (Klejn 2001; Клейн 2004). С моей точки зрения, в теории должна быть операциональная часть, теория должна уметь обернуться методом. По мне, всякая теория должна подразумевать возможность сказать: если эта теория верна, то из исследуемого материала должны вытекать такие-то и такие-то выводы. А если неверна. то выводы будут другие. Без такого выхода нет оснований называть рассуждения, пусть и очень умные, теорией. Так вот, на мой взгляд, нет возможности применить этот критерий к «теории приспособления человеческого сознания к материальным вещам». Если мы признаем ее верной, то что?... Поэтому я склонен считать эти рассуждения не научной теорией, а скорес философским подходом, методологическим принципом, или постановкой проблемы.

К моему удивлению, Ренфру в ответном письме признал мою правоту (я не привык к такому трезвому поведению лидирующих оппонентов). Он написал: «Вы правы, мы не говорим о «теории», которая формулирует специфические отношения, а скорее о подходе или парадигме — теоретическом подходе (подобно эволюционной теории или Теории Систем). Ваша точка зрения хорошо продумана» (письмо от 16 авг. 2005 г.). Хорошо спорить с умными людьми. В более раннем письме он писал, и это может служить пояснением его позиции:

> «Часто 'новая парадигма', по меньшей мере, на первых порах, менее связана с проверкой или фальсификацией (пробой на опровержение), чем с иным мышлением о мире, и это открывает дорогу к дальнейшим частным теориям, которые на самом деле могут оцениваться различными способами, включая сопоставление с данными или с новыми данными. По моим представлениям, Теория Приспособления к Материалу попадает в эту категорию» (письмо от 14 авг. 2005).

Что ж, будем рассматривать соображения Ренфру и его сотрудников как новую постановку проблемы (я предпочитаю такую формулировку). Мне представляется, что они нащупали действительно важную для исследователей первобытного общества и древнего мира тему, но необходимой четкости в этом деле пока не достигнуто. Такое впечатление, что они роются около серьезных и существенных проблем, но еще не откопали их. Да, названы некоторые нужные понятия, заданы некоторые вопросы, но что дальше? Какое это имеет значение для археологов? Что должны археологи делать со своим материалом?

Пока четко сформулирована Колином Ренфру только одна задача — выяснить, на что ушло время между переходом к оседлости и введением письменности (проблема «парадокса сапиентности»). Одна ли эта проблема обусловливает необходимость общей теории или хотя бы общего подхода? «Приспособление разума к материалу» явно шире – оно же охватывает всю эволюцию человечества. Я думаю, что прежде всего нужно четко сформулировать саму проблему, затем задать очень конкретные вопросы, а уж затем искать на них ответы, объяснения в рамках некой теории и методические способы решения. Это большая работа, которая впереди. Я не думаю,

что замечательный исследователь и мыслитель Ренфру не знает этих истин. Просто он их, возможно, гонит от себя, потому что очень хочется представить теорию созданной и проблему решаемой. А также потому, что он сейчас под воздействием чрезвычайно активной среды пребывает в периоде увлеченности феноменологией и герменевтикой, которые стимулируют убеждение в возможности скорого решения крупных проблем на началах интуитивного понимания и осмысления персонального личного опыта.

И вряд ли это проблема одной археологии, скорее преистории как науки синтеза. Здесь требуется синтез с эволюционной психологией, с культурной антропологией, с физической антропологией и, по-видимому, лингвистикой. Джордж Каугилл подчеркнул значение конференции, организованной Ренфру, для развития междисциплинарного подхода.

Своей «теорией приспособления к материалу», адаптации человеческого ума к материальной культуре, Ренфру в сущности, вышел на проблему эволюции человеческого сознания и человека вообще. За Ренфру, несомненно, та заслуга, что он широко и громогласно поднял очень важную для археологов тему участия материальной культуры в этом процессе, как и вообще ряд тем синтеза, интеграции наук. Интеграция наук вокруг материальной культуры — это перспективное направление исследований, и Ренфру был и остается в нем лидером, как и вообще в интеграции наук. А вот эволюция человечества в целом — тоже перспективное направление, и тоже направление, требующее синтеза и интеграции дисциплин, но его развивали в этот период другие исследователи. К их рассмотрению обратимся далее.

7. Заключение и некоторые уроки. Чтобы ни говорили антиглобалисты, Кембридж и Оксфорд долгое время остаются лидирующими центрами археологии в мире по целому ряду направлений. Это традиция. Оксфорд лидировал по эволюционизму и диффузионизму, отчасти гиперскептицизму (Питт Риверс, Флиндерс Питри, Артур Эванс, молодой Чайлд, Хокс). Кембридж — по энвиронментализму, гиперскептицизму, процессуализму и пост-процессуализму (Грэйем Кларк, Глин Дэниел, Дэвид Кларк, Ренфру, Ходдер). Ни один другой университет мира не может с ними сравниться по влиятельности. С другой стороны, целый ряд учений вышел из других центров, а Кембридж и Оксфорд в каждый данный момент оказываются очень односторонними. Так и в рассматриваемый нами период. Кембридж был основным кипящим котлом археологической мысли, а Ренфру был всё это время ведущей фигурой Кембриджа. Он то и дело выступал с новой идеей, которая становилась главной для целого направления, очень влиятельного в мире. Но всякий раз эта идея обнаруживала слабые стороны и свою односторонность. И даже такой могучий и оригинальный лидер оказывался подверженным влиянию кембриджской массы интеллектуалов, которая отражала настроения буржуазного общества Англии, ее среднего и верхнего классов. Тэтчер провозгласила девиз индивидуализма в политике, Ходдер и Ренфру отразили его рост в своих археологических и преисторических построениях.

Уроки этого отрезка истории нашей дисциплины каждый может вывести сам для себя, а я бы обратил внимание на следующее.

Конечно, внимание сосредоточится на фигуре Колина Ренфру. Он умело воспользовался тем, что оказался в мировом центре археологической мысли, и это придало каждой его идее огромный дополнительный резонанс. В этом антиглобалисты правы. Но не стоит забывать, что уже в Шеффилде и Саутгемптоне Ренфру был

лидером, идеи которого распространялись далеко за пределы этих локальных центров. Не нужно списывать своё бессилие и безынициативность на местные условия. Первый урок этой истории — что большей частью успехи человека в науке зависят от него самого, от его изобретательности, талантливости и энергичности. Биография Ренфру это хорошо показывает.

Ренфру удачно использовал свое естественнонаучное образование — в Теории Катастроф, в математической разработке материалов в русле Новой Археологии, в привлечении новейших достижений генетики и т. п. Это вывело его на проблемы синтеза и интеграции дисциплин. Его биография показывает, как много могут дать археологу дополнительные виды образования, если не оставлять их втуне. Это также урок рассмотренного отрезка истории.

В воззрениях Ренфру, несомненного консерватора по политическим убеждениям, члена палаты лордов, чрезвычайно большое место занимают материалистические убеждения, и не просто материалистические, а очень близкие к классическим марксистским, а частично он идет путями, которые были проторены раннесоветскими археологами. То есть он без огласки и афиширования повторяет важные аспекты личности Чайлда. Это очень занятный феномен. Второй раз на протяжении одного века самый крупный археолог Англии, в сущности, старейшина британской археологии, оказывается по своим взглядам очень близок марксистской академической науке. Это говорит прежде всего о некой подспудной идейной близости двух научных традиций. Получается, что ведущие идеи материалистического мировоззрения, лежащего в основе творчества классиков марксизма и ранних советских археологов, всё-таки близки к идеям эмпиризма и здравого смысла, лежащим в основе британской научной традиции. Это урок в том смысле, что ориентирует нас в поисках взаимопонимания с представителями других школ и убеждений, в частности британских.

И Флэннери, и Ренфру, несомненно, очень талантливые люди. Меня не оставляет ощущение, что им было тесно в археологии. Они то и дело стремились реализовать свои силы в каких-то иных сферах — Флэннери в писательстве, Ренфру залез в лингвистику и генетику, также в искусствоведение. Конечно, все эти сферы, затронутые талантливыми археологами, оказываются интересными и для других археологов, но это всё-таки не археология. Думаю, что к этому подвигло обоих их занятие системным подходом, потому что системы редко замыкаются внутри одной отрасли. Впрочем, тесно было и Крофорду, Рыбакову, да и мне.

Отсюда несколько заключений. Во-первых, уж коль скоро выбираешься за пределы своей специализации, нужно это сознавать и осваивать новые отрасли как вторые специальности. Интерес к работам Ренфру о происхождении языков вызван его известностью как археолога, но именно поверхностная подготовка его как лингвиста обусловила неприятие его концепции научной общественностью. То же и у Рыбакова. Это урок всем археологам.

Во-вторых, самые яркие и интересные археологи, возможно, в силу всеобъемлющего характера этой науки, это нередко те, у кого есть склонности и таланты к самым разным делам. А успеха добиваются те из них, кто умеет поставить все свои таланты и хобби на службу археологии или хотя бы привести в связь с ней. Как Питт Риверс, Крофорд, Мортимер Уиллер.

И еще: мы уже видели, что весьма влиятельные марксистские ученые есть в Западной археологии. Но Ренфру к ним не принадлежит. И если он высказывает идеи, близкие к марксистским и советским, то это говорит о смелости и независи-

мости его мысли, а также о его умении не связывать политические убеждения с академическим мышлением. И это важный урок нам всем.

Вопросы для продумывания

1. Ренфру ввел в проблему этногенеза новый блок информации известного ранее источника (языкового) и практически новый источник — палеогенетику. Но фактически оставил методику этногенеза и историко-археологического синтеза без изменений. Какие это имело следствия для его выводов?

2. В советской археологии много внимания уделялось как раз методике этногенеза, а в некоторых работах — и синтеза. Но именно новый блок информации по языку — ностратическая теория, разработанная как раз в Советском Союзе, — остался втуне, как и новые материалы по палеогенетике, хотя в СССР были и значительные разработки палеогенетиков. Как по Вашему, в чем причина этого досадного упущения?

3. Можно ли расценивать возвращение Ренфру к идее диффузии как отступление, шаг назад в научном мышлении?

4. Можно ли рассматривать пресечение у нас занятий историко-археологическим синтезом и интеграцией дисциплин как случайность или эти занятия действительно представляли опасность для советской идеологии?

5. Почему, по Вашему мнению, такое широкое развитие интеграция разных дисциплин в историческом или преисторическом синтезе получила именно в Британии?

6. А чем, с Вашей точки зрения, вызваны на деле бросающиеся в глаза сходства первобытных и древних памятников, с одной стороны, и современных произведений искусства — с другой?

7. Согласуема ли опора на личный опыт, переживание, озарение с принципами Новой археологии?

8. Видите ли Вы практическое применение для «теории приспособления к материалу»?

9. Что для этой «теории» является основой — материалистическая идея о предварении понятий практикой и реалиями или идея Ходдера об активности материальной культуры, о воздействии ее через символическую сторону на поведение человека?

10. Попытайтесь сопоставить «оперативную цепочку» производства орудий у Леруа-Гурана с «имплицитной памятью» артефактов у Ренфру? В чем сходство и в чем разница этих понятий, характерных для каждой из двух систем взглядов? Чей подход удачнее и почему?

Литература

Ренфру и его идеи: Bradley 1993.

Проблемы этничности: Бромлей 1973; Klejn 1977; Jones 1997; Долуханов 2000.

Глоттогенез и этногенез: Renfrew 1987a, 1988, 1992; Larsson et al. 2000; Renfrew and Boyle 2000; Bellwood and Renfrew 2003; Gkiasta et al. 2003.

Постижение и теория приспособления к материалу: Renfrew 2001a, 2001b, 2003; Renfrew and Scarre 1998; DeMarais, Gosden and Renfrew 2004; Brodie and Hills 2004 (*комментарии*: Клейн 1997б; Klejn 1999b).

Глава 43. ТРЕТИЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

1. Возобновление эволюционизма. Есть поистине неумирающие учения и течения в науке. К их числу принадлежит эволюционизм. Его хоронили уже дважды — в конце XIX века и в последние два десятилетия XX. Но он снова воспрял — в виде ряда учений эволюционистского толка. Даже трудно подыскать им общее наименование. Это уже третий этап эволюционизма. Приставка нео- уже использована для второго этапа. Пост-эволюционизмом его не назовешь: слишком явные признаки именно эволюционистского содержания. Для его вариантов есть немало кличек, но каждая имеет узкое бытование и не охватывает другие. Назвать его «последним» рискованно — возможно, это не последний. Условно я обозначил его как «третий эволюционизм».

Он появился в постмодернистской обстановке — как современник постпроцессуализма, и на нем сказались те же социально-исторические сдвиги в мире, но сказались иначе. Эти сдвиги — сильное усложнение социально-экономических механизмов, требующее анализа взаимодействия очень многих факторов. А такой сложный анализ требует математического выражения и оформления.

С этим совпадает и воздействие биологии. В ней тоже произошли аналогичные изменения, причем произошли раньше. С 1930-х — 40-х годов дарвиновская теория естественного отбора, молекулярная генетика и популяционная биология, взаимодействие которых натыкалось на немало противоречий, стали складываться в единую «Синтетическую Теорию Эволюции» или «неодарвинизм» или «селектогенез». Эта теория обязана своим возникновением четырем ученым — генетику Теодосию Добжанскому, биогеографу и систематику Джорджу Гэйлорду Симпсону, биологу Джулиану Хаксли и эволюционному биологу Ледьярду Стеббинсу. Всю вторую половину XX века эта теория, выдержав ряд нападок, оставалась доминирующей в биологии и удерживает эти позиции еще сейчас. Не внешние признаки и их изменения под действием естественного отбора прослеживают сейчас биологи-эволюционисты, а гены, их мутации, рекомбинации, и воздействие всего этого на структуру популяций и видообразование.

Постепенность эволюции уже давно вызывала сомнения. Еще Карл Бэр отвергал постепенность эволюции. В начале века де Фриз определил роль мутаций, внезапных изменений, как более важную, чем постепенных накоплений нового качества. В 1936–37 гг. немецкие палеонтологи Отто Шиндевольф и Карл Бойрлен выдвинули идею периодической смены темпов развития — медленного количественного накопления бурным взрывным созданием новых форм. В 1972 г. Найлз Элдредж из Американского Музея Естественной Истории и Стивен Джей Гулд из Гарвар-

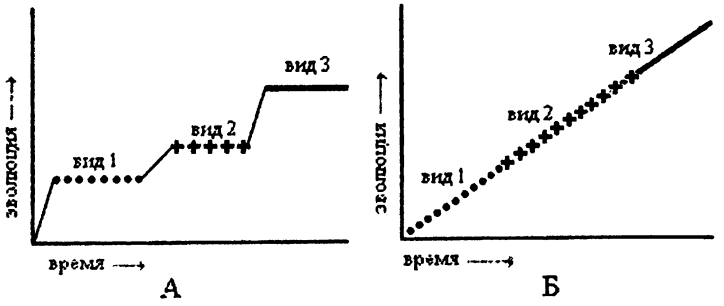

Рис. 43.1. Типы макроэволюции по Элдреджу и Гулду (Вишняцкий 2002б: 82, рис. 25). А — пунктуализм, Б — градуализм.

да обобщили старые идеи о скачкообразности развития и сформировали понятие «пунктирного равновесия» (*punctuated equilibrium* — т. е. прерывистой эволюции с периодическими замедлениями — приходами в состояние равновесия). Это направление называют «пунктуализмом», противопоставляя его «градуализму» классических эволюционистов (рис. 43.1).

Таков был биологический фон для событий в изучении социо-культурной эволюции, отражавший общее усиление сциентификации.

Усилением сциентификации и авторитета дарвинистской биологии был и поворот американских антропологов и археологов к Дарвину. Дело в том, что кроме явного увлечения некоторых антропологов-эволюционистов Спенсером (социал-биологи, социал-дарвинисты), было и не столь явное, но более глубокое и всеобщее следование культур-антропологов тому же Спенсеру. Дарвин придерживался эмпирических выводов из открытого им механизма изменения видов в процессе естественного отбора и даже избегал терминов «эволюция» и «прогресс». Направленность изменений интересовала его меньше. А вот Спенсер исходил из общего философского принципа прогресса. Пропагандируя эволюцию и даже признавая важную роль в ней естественного отбора, главной ее движущей силой он считал не естественный отбор, а лишь механизм адаптации, которую можно было понимать и в духе Ламарка.

Так вот все эволюционисты в культурной антропологии, начиная с Тайлора и Моргана и кончая Лесли Уайтом, в сущности, применяли идеи Спенсера, а не Дарвина. Утверждая идею эволюции культуры, они исходили из общих философских убеждений, общего взгляда на весь объем эмпирического материала, показывали лишь наличие общего движения от простого к сложному, а не вскрывали механизм изменений, не доказывали неизбежность прогрессивных изменений. Они считали, что в человеческом обществе естественный отбор остановился, уступив место социальным критериям выживания, адаптация же действует и в человеческом обществе, определяя направление изменений. Культуру они рассматривали как средство адаптации. Их уклон можно называть *адаптационизмом.*

Эти оценки сформулировал в 1980 г. американский археолог Роберт ДАННЕЛЛ (Robert Dunnell). Он и его соратники в 80-х гг. предложили вернуться к принципам Дарвина, интегрировать изучение культуры, антропологическое и археологическое, с современной биологией и восстановить значение естественного отбора. Они, полагая, что естественный отбор не прекратился в человеческом обществе, а только приобрел другие формы, ратуют за *селекционизм* (от selection — 'отбор').

Но развитие схожих взглядов шло разными путями. Это началось с середины 70-х.

2. Социобиология. До середины 60-х годов *биология человека* привлекала внимание антропологов вне какой-либо связи с социальной природой человека. Основное, чем занимались биологи, сосредоточившиеся на человеке, это общность человека с другими приматами, анатомические особенности человека по сравнению с другими приматами и выяснение эволюционного происхождения этих особенностей. Академические итоги этого хода исследований подведены в оксфордском издании «Биология человека», вышедшем в 1968 г. (со второго издания, 1977 года, сделан русский перевод, вышедший в 1979 г.). Популярную книгу об этих проблемах «Голая обезьяна» выпустил Десмонд Моррис в 1967 г. с подзаголовком «Исследование зоолога о человеке как животном» (есть русский перевод 2001 г.). В ней рассматриваются некоторые загадки эволюции, в частности причины того, почему человек — единственный примат, который гол, т. е. почему у него нет шерсти (она же исчезла, видимо, до изобретения одежды); почему в некоторых местах на теле она осталась; почему у женщины груди постоянно выступают, тогда как у всех животных — только в период кормления детёныша; почему человек — самое сексуальное из всех животных (только оно имеет оргазм) и т. д.

В первой половине XX века, начиная со второго десятилетия, стала развиваться *этология* — наука о поведении животных (от греч. «этос» — 'нрав', 'обычай'). Основоположниками ее явились О. Хейнрот, Ч. О. Уитмэн, Б. Дж. Крэгг, Н. Тинберген и всемирно известный Конрад Лоренц. Поведение рассматривалось как часть фенотипа и поэтому наряду с физическими признаками организма использовалось в систематике животного мира. Кроме того, изучались функции разных поведенческих актов, их нейрофизиология и эволюционное происхождение. Мотивации поведения подводили исследователей к сравнительной зоопсихологии, которая неизбежно вызывает аллюзии к психологии человека. Хорошее представление об этой стороне проблемы дают две книги: Р. Хайнда (R. Hinde) «Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии», вышедшая в 1967 г. в Кембридже и переведенная со второго издания у нас в 1975 г., и Д. Мак-Фарленда «Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция», переведенная у нас в 1988 г. Поведение животных в создании искусственной среды обитания (изготовление гнезд, построение плотин бобрами и т. п.) обычно наследственное, но есть в природе и элементы поведения, усваиваемые обучением и подражанием (песни соловьев). Ставится даже вопрос о том, что не только у человека есть элементы культуры. Отделение условных рефлексов от безусловных означало физиологическую основу обучения как очень важного механизма поведения высших животных. В числе видов поведения такие, как половое поведение, игровое, охотничье и т. п., означали поведение животных в группе. Отсюда только шаг к изучению биологических основ социального поведения у человека.

Этот шаг был сделан к 1970-м годам. Еще австриец Конрад Лоренц в 1930-е — 60-е годы очень настойчиво сравнивал территориальность и агрессивность в поведении животных (рыб, птиц, млекопитающих) с территориальностью и агрессивностью человека, проявляющейся в делении на страны с государственными границами и войнах. Кстати, сравнивал к невыгоде человека — в книге 1967 г. «Агрессия» (Лоренц 1994). Его подвигла к этому ситуация Второй мировой войны. В 1974–75 появились статьи Р. Д. Алексэндера из Сиэттла об эволюции социального поведения. В 1975 г. Эдвард Осборн Уилсон опубликовал свою книгу «Социобиология: новый синтез» (Wilson 1975). После этой книги быстро сформировалась названная по ней особая отрасль на стыке биологии, антропологии и социологии. В 1978 г. вышла его же

книга «О природе человека» (Wilson 1978), заслужившая Пулитцеровскую премию, настолько она поразила литературный мир США (см. также Degler 1991). А в 1979 г. рядом с ней легла книга Алексэндера «Дарвинизм и человеческие дела» (Alexander 1979). В 1981 г. Ч. Дж. Ламсден и Уилсон выпустили книгу «Гены, разум и культура» (Lumsden and Wilson 1981), в которой социобиология окончательно заявила притязания на занятия культурой.

Э. О. Уилсон (Edward Osborn Wilson, род. 1929) из Гарварда, став профессором зоологии, специализировался на изучении воздействия естественного отбора на биологические сообщества, особенно муравьев, и, подобно Лоренцу, распространил полученные выводы на человеческое общество. По Уилсону, естественный отбор в эволюции действует не только на строение животных, на их физиологию и нервную систему, но и на их генетически обусловленное поведение. Эти генетически отобранные особенности поведения сохраняются и у человека, властно пробиваясь из-под усвоенных обучением и энкультурацией систем поведения и даже в значительной степени обусловливая эти, казалось бы, сугубо человеческие системы. Уилсон считает, что такие человеческие качества, как героизм, альтруизм, агрессивность и доминация мужчины в семье и обществе сформированы эволюцией и что вообще многое в человеческом поведении детерминировано генетически.

Социобиология вызвала шквал критики со стороны демократически настроенных ученых (см. напр. Sahlins 1976). Критики указывали, что негенетическое, культурное наследование, осуществляющееся не только от генетических родителей, занимает более важное место в решении судеб человека. В советской науке социобиология, разумеется, вызывала сильнейшее отторжение. С природой человека марксизм не считался, полагая экономические и политические интересы неизмеримо выше, а советские макаренковцы почитали человека от природы не злым и не добрым, а пластичным и податливым воспитанию и перевоспитанию в руках идеологов. Социобиологию критиковали за биологический детерминизм, за одиозные выводы, близкие к социальному дарвинизму.

Однако от социального дарвинизма социобиология отличается не только более детальной проработкой фактов и меньшей спекулятивностью. Социальный дарвинизм был прямо ориентирован на теоретическое доказательство биологического превосходства высших классов и передовых ныне наций как опередивших других в эволюции. Цель же социобиологии совершенно иная — показать биологическую общность эволюционных механизмов, действующих в групповой этологии животных и в коллективной психологии людей. Показать, что эволюция одинаково формировала популяции животных и человеческие общества и что многое в социальном поведении людей можно понять, исходя из этого обстоятельства. Что гены определяют очень многое в социальном поведении людей (хотя и далеко не всё). Так, скажем, исследования пар однояйцевых близнецов (с одинаковым набором генов) показали, что даже те из них, которые в раннем детстве были разрознены и попали в разные обстоятельства, часто избирают одну и ту же профессию, один и тот же стиль одежды, похожих жен и т. д.

В современной русской литературе отличный и оригинальный пример социобиологии представляет популярная книга Виктора Рафаэльевича Дольника «Непослушное дитя биосферы» с подзаголовком: «Беседы о человеке в компании зверей и птиц» (1994). Автор себя социобиологом не именует — только этологом. Впрочем, этология тоже числилась в «лженауках» и «прислужницах», но всё же не столь застряла в этом списке, как социобиология. По принципам этологии, но обращая

выводы на человека, Дольник возводит к наследию предшествующих, животных стадий эволюции такие человеческие пристрастия, как любовь к Родине (территориальность), тягу к земле, страсть к охоте, инстинкт собственности, консервативность. Обосновывает и то, из-за чего этологию запрещали у нас — за признание природной агрессивности человека. Прямо смыкаясь с социобиологией, он находит биологическое основание и генетические корни в мире животных для подростковых банд, для молодежной шумной музыки, для очень многих форм сексуального поведения. А с социобиологией он прямо смыкается там, где говорит о генетических корнях современных форм иерархии, перераспределения благ и государственного устройства (включая демократию).

Я склонен высоко оценивать социобиологию. Надо признать, социобиология заставила нас многое пересмотреть в представлениях о самих себе. На вспаханном социобиологией поле теперь и медикам, психологам и специалистам по социокультурным дисциплинам есть что осмыслить и продумать. Еще раньше я пришел к схожим идеям, но о них несколько дальше. Во всяком случае, идеи носились в воздухе.

Это и была главная основа для нового взлета эволюционистских учений в археологии и для поворота археологов к Дарвину. Общее представление об этом взлете и повороте дают книги Л. Бетцига «Деспотизм и дифференциальное воспроизведение: Дарвиновский взгляд на историю» (1986), Б. С. Лоу «Почему секс имеет значение: Дарвиновский взгляд на человеческое поведение» (2000), сборник Ч. Майкла Бартона и Джоффри Э. Кларка «Открывая Дарвина заново: Эволюционная теория в археологическом объяснении» (Barton and Clark 1997), и сборник Дж. П. Харта и Дж. Э. Террелла «Дарвин и археология: руководство по основным понятиям» (Hart and Terrell 2005). Рассмотрим эту новацию детальнее.

3. Эгоистичный ген и неуловимый мем. Первой ласточкой этого взлета была книга Ричарда Докинса (Richard Dawkins) «Эгоистичный ген», вышедшая на следующий год после книги Уилсона — в 1976. В этой книге дарвиновский естественный отбор был поставлен во главу угла в эволюции, но с учетом того, что он действует не на признаки фенотипа сами по себе, а на лежащие в их основе гены. Проходит сито отбора тот ген, который обусловливает признаки (физические и поведения), наиболее приспособленные для выживания в данной среде и обеспечивающие организму с этим геном наибольшие возможности воспроизводства (рождения потомков с унаследованным этим геном). Таким образом, эволюция оперирует именно генами. Она заботится о том, чтобы был отобран лучший ген, чтобы он прошел сито отбора, чтобы другие гены той же функции были отброшены, чтобы он был воспроизведен, унаследован, размножен в копиях — реплицирован. Всё в эволюции поставлено на службу этому процессу. Природе нет дела до интересов многих организмов, до их чувств и судеб. Организмы приходят и уходят. А лучшие гены живут долго. Всё устроено так, чтобы лучший ген мог проявить себя, чтобы он реплицировался и жил в идеале вечно, а из организмов — только те важны, которые несут наилучший ген, и постольку важны, поскольку они могут пронести этот ген, сменяя друг друга. Интересы успеха гена могут придти в столкновение с интересами приютившего их организма (например, для успеха гена может быть выгодным, чтобы организм рано погиб, дав жизнь потомкам). Ген о себе позаботится. Это очень эгоистичный ген. Отсюда название книги. Даже человеческий альтруизм диктуется эгоистичными интересами генов.

Но суть книги не в этой красивой метафоре. Докинс пришел к выводу, что эволюция культуры происходит тем же порядком, только наследование идет не биологическим способом, а культурным — путем обучения и подражания. Есть наследование выработанных обществом культурных качеств — традиции. Есть естественный отбор культурных элементов — одни соответствуют задачам адаптации и сохраняются в культурном багаже, другие выпадают из него. Докинс предложил ввести для обозначения таких дискретных элементов культуры термин «мемы». *Мемы* — это единицы культурной информации. За ними также стоят материальные явления — изменения в нейронах мозга, связанные с мыслью. Точно так же, как гены передаются от поколения поколению при биологическом воспроизведении, так мемы передаются от индивида индивиду, только обучением, и побуждают их действовать, а естественный отбор благоприятствует тем индивидам, чьи действия оказываются более выгодными для выживания. Мемы так же эгоистичны, как и гены. В 1981 г. социобиологи Ламсден и Уилсон в своей книге «Гены, разум и культура» назвали культурную единицу, аналогичную гену, не мудрствуя лукаво, «культурген», но это не привилось.

В 1982 г. Докинс выпустил еще одну книжку, продолжающую его аналогию, «Распространенный фенотип». На сей раз речь шла о поведении и культуре, которая во многом аналогична физическим признакам человека. В свое время Чайлд называл первобытное орудие «удлиненной рукой». Теперь Докинс обобщил метафору.

Его понятие «мем» очень понравилось публике, стало употребляться в дискуссиях, вошло в Оксфордский словарь английского языка. Появились книги других биологов с использованием этого понятия, например, в 1999 г. вышла книга С. Блэкмора «Машина мемов», в 2002 — книга археолога Стивена Шеннана «Гены, мемы и человеческая история. Дарвиновская археология и культурная эволюция». Предложено даже выделить особую науку — «меметику» (сборник 2001 г. под ред. Р. Онгера (R. Aunger) «Дарвинизируя культуру: Статус меметики как науки»).

В 1995–96 гг. Д. Деннет и Б. Каллен выдвинули еще одну трактовку мемов. Исходя из их «эгоистичности», т. е. из того, что культурные идеи могут действовать и вопреки интересам индивида, в чьем сознании они сидят, эти исследователи охарактеризовали их как паразитирующие на человеке и предложили именовать их «культурными вирусами». На это, как указывает Шеннан, несомненно, повлияла практика современного маркетинга и рекламы, использующей заражение идеями, которые отнюдь не обязательно в интересах потребителей, но непременно в интересах продавцов (Shennan 2002: 46). В 2000 г. С. Гоудин развивал ту же мысль в книге «Освобождение вируса идеи». Больше всего этот вариант теории развивал Бен Каллен (Ben Sandford Cullen). Он рано умер (в возрасте 31 года) и друзья собрали и в 2001 г. посмертно издали в Оксфорде его статьи книгой «Заразные идеи: Об эволюции, культуре, археологии и теории культурных вирусов». Каллен больше других старался реализовать эти культурные элементы в археологии. Он считал, что типы керамики и мегалитических могил представляют такие культурные вирусы и распространяются, именно как вирусы. Но этот вариант не заменил теорию мемов.

Эта теория эволюции вызвала и шквал критики. Во-первых, она в принципе мало отличается от социобиологии — как и та, проводит биологический детерминизм: многих не устраивало то, что человек выглядит в ней пассивным орудием генов и мемов, проходящих свои собственные перипетии. Во-вторых, мемы у Докинса слиш-

ком четко привязаны к индивидам. Это соответствовало общественному тяготению к индивидуализации в Америке и Англии в правление Рейгана и Тэтчер. Но правление их было недолговечно, и всё время существовала оппозиция — как политическая, так и идейная. В-третьих, если гены разработаны в микробиологии детально, материализованы под микроскопом, подлежат манипулированию, то мемы, будучи идеями, неясно переведены в единицы информации и дальнейшей детализации не подвергнуты. Теоретически они постулированы, но что дальше с ними делать, непонятно.

Рис. 43.2. Роберт Даннелл (фото прислано Анджелой Клоуз из отделения антропологии университета Вашингтона).

4. Селекционизм (Дарвиновская археология). Обзорная работа Роберта Даннелла (Robert C. Dunnell, род. 1942; рис. 43.2) из университета Вашингтона в Сиэттле, опубликованная в 1980 г. и упомянутая в начале этой главы, оказалась очень влиятельной. У Даннела оказалось много учеников и последователей. Окончив университет штата Кентуки, а затем защитив докторскую в Йейле, он обосновался в университете Вашингтона в Сиэттле, где стал заведовать кафедрой. Там он много занимался теоретическими вопросами — методом сериации, потом типологией (книга 1971 г. — «Систематика в преистории»), потом эволюцией. Он всегда обладал большой тягой к точному научному мышлению, хоть и порой несколько схематичному.

Тогда же Джон Тайлер Боннер (впрочем, не он первый) в работе 1980 г. объявил, что такого разрыва между животными и человеком, как часто постулируют, нет, *культура есть и у животных.* Есть и ее *эволюция.* (Его книга так и называется «Эволюция культуры у животных»). Даннел подхватил это: артефакты — твердая часть поведенческого сегмента фенотипа человека, так же как гнёзда — часть фенотипа птиц. Новые формы поведения, новые обычаи, новые артефакты можно рассматривать как аналоги случайных мутаций или рекомбинаций генов. Естественный отбор действует в культуре с той же закономерностью, что и в природе, только он направлен не на генетическую природу человека (там действуют свои силы), а на его культуру. Это именно естественный отбор, независимый от намерений и целей человека. В отличие от Докинса у Даннела отбор действует не на гены. а на сами артефакты и лежащие в основе их идеи.

Даннел вообще занимался в археологии формальным определением стиля. В очень проникновенной работе 1978 г. «Стиль и функция: фундаментальная дихотомия» он разделил все типологические признаки, с которыми работают археологи, на два вида: *функциональные* и не имеющие функционального значения (*стилистические*). Первые образуют в археологии всё здание типов и культур, из вторых, предоставлявших мастерам свободный выбор или случайно избираемых, складываются стили. Это деление он провел и в эволюционное рассуждение. С первыми работает *естественный отбор* — и это понятно, ведь для выживания имеет значение только то, что функционально, а на вторые, на стилистические признаки естественный отбор не действует, они подвержены только случайному *дрейфу* (такой дрейф есть и у генов — это обычно так называемые нейтральные, неадаптивные гены).

Все предшествующие объяснения изменений в культуре сторонники Даннела отвергают как ненаучные и виталистические (Dunnell 1989; O'Brian and Holland 1995;

Lyman et al. 1997): ведь объявляя тот или иной фактор (развитие техники, производительных сил или идеи) первоосновой изменений, они не объясняли, а что же движет сам этот фактор. Оставалось считать, что в начале начал лежит некая первичная жизненная сила (это и есть витализм) или природа человека или Бог. Даннел попросту снимает эту проблему. Неважно, что порождает изменчивость, это не имеет значения для анализа изменений. Не имеет значения и природа наследования, Важно лишь, что изменения наследуются, передаются от поколения к поколению, и что они по-разному сказываются на приспособленности к среде и на выживаемости, а это позволяет включиться механизму отбора.

Кроме работы Даннела представление об этой теории дает книга О'Брайена и Лаймена «Применяя эволюционную археологию» (2000).

Хотя все выступления с позиций воскрешения эволюционизма и значимости Дарвина («эволюционная археология», «дарвиновская археология») могут быть обозначены и как «*селекционизм*», многие сужают смысл этого термина, ограничивая его только деятельностью Даннела и его школы. Эта школа (М. Дж. О'Брайен, Р. Л. Лаймен, Т. Д. Холлэнд, Ф. Д. Наймэн и др.) отличается прежде всего своим подходом к естественному отбору: он направлен у них не столько на индивида, сколько на популяцию, в человеческом обществе — на коллектив, группу, конкретное общество. Выигрывают те общества, в которых действуют выгодные для выживания всего этого общества культурные признаки, обычаи и типы вещей, традиции.

Даннелл останавливается на проблеме альтруизма, самопожертвования. Как вырабатывается у человека эта нужная обществу черта вопреки инстинкту самосохранения? Если она поощряется коллективом, то человек гибнет раньше и не оставляет потомства. Решение Даннелл находит в работах У. Д. Гамильтона (60-е — 70-е гг.): когда в группе много родственников, то они имеют те же гены, что и погибший, так что поощряемая черта все-таки наследуется. Это обстоятельство, однако, сильнее проявляется в простых обществах, чем в сложных, городских.

Современная биология придает больше значения, чем Дарвин, нейтральным, не-адаптивным чертам в естественном отборе, разрывам преемственности, скачкам. Всё это Даннелл призывает включить в новую, *дарвинистскую теорию культурной эволюции.*

Но именно это как раз и не получается. Слабостью этой теории считается то, что сторонники ее полностью игнорируют адаптивный, направленный характер изменений в культуре. С их точки зрения все изменения объясняются медленным постепенным естественным отбором случайных подвижек. Но как тогда объяснить быстрые разовые сдвиги, которыми так богата эволюция? (Boone and Smith 1998). Приводя суждения самых суровых критиков, утверждающих, что селекционизм — «обреченная затея, основанная на ложных теоретических предпосылках», Л. Б. Вишняцкий (2002б: 26) добавляет: «Мне такая оценка «дарвиновской археологии» кажется совершенно справедливой».

В 2000 г., прибыв на год в университет Вашингтона, я рассчитывал застать там Даннелла и познакомиться с его школой. Но, хоть он и младше меня на 15 лет, он уже ушел на пенсию и покинул город, а ученики его разъехались по разным городам. Центр школы в Сиэттле растаял. В США научные кадры очень мобильны и локальные школы непостоянны.

Не столь пуристски настроенные последователи Даннелла (Роберт Леонард, Джордж Джоунс и др.) признают, что наряду с естественным отбором в человеческом обществе действуют и сугубо человеческие факторы — сознательные реше-

ния индивидов и т. п., но гораздо больше эту двойственность выявляют сторонники коэволюции.

5. Коэволюция. Теории *коэволюции* или *двойной наследственности* (theory of dual inheritance), выдвинутые в книгах Кавалли-Сфорца и Фелдмэна (1981), Бойда и Ричерсона (1985), Дарема (1991) и др., также развиваются в русле Дарвиновской археологии. В них исследуются взаимоотношения между биологией и культурой. Эти теоретики признают, что в эволюции на человека действуют два механизма наследования и что они различны и работают различными путями, но оба подчиняются принципам, которые установлены Дарвином. Оба приводят к повторению с модификациями. Но генетическая передача основана на воспроизводстве потомства, а культурная — на обучении и подражании. Она не связана с необходимостью ждать роста поколений, поэтому осуществляется гораздо быстрее, не связана и непременно с кровным родством. Более того, она столь отделена от организмов, что может быть и вредной для их выживания, мальадаптивной. Сторонники этой теории отрицают прямую зависимость культурных признаков от биологического фенотипа человека, т. е. от природы индивидов. Физический тип лишь определяет рамки, в которых возможна изменчивость культурных признаков, и рамки эти очень широкие. Сознательные действия людей имеют не меньшее значение для изменения культуры, чем стихийные факторы естественного отбора.

Эти принципы проводят итальянский генетик Лука Кавалли-Сфорца (Luca L. Cavalli-Sforza) вместе с американцем Маркусом У. Фелдмэном (Marcus W. Feldman) в книге 1981 г. «Культурная передача и эволюция: количественный подход». Кавалли-Сфорца (род. 1922) вообще инициатор ряда направлений в исследованиях. В 1960-е годы он изучал территориальное распределение групп крови и ряда генов. В 1971 г. выпустил книгу (в соавторстве с У. Бодмером) «Генетика человеческих популяций». В статьях 1971–73 гг. он и культур-антрополог А. Дж. Эммермен (A. J. Ammerman) ввели в обсуждение археологов математическую модель диффузии ранних земледельцев «волной продвижения» (wave of advance), выдвинутую еще в 1937 г. генетиком Роналдом Фишером для характеристики распространения гена. Впоследствии Лука Кавалли-Сфорца и его сотрудники выпустили капитальные сводные труды по достижениям генетики в изучении расселения человеческих популяций — рас и народностей. Идея коэволюции у Кавалли-Сфорца связывала его интерес к происхождению языков и культур с его специальностью — генетикой.

Одновременно с Кавалли-Сфорца и Фелдмэном о коэволюции заговорили социобиологи Ламсден и Уилсон, но для тех это было лишь констатацией двух типов наследования, действующих применительно и к животным и к человеку — генетического и негенетического (культурного). Кавалли-Сфорца же и Маркус Фелдмэн в основном занялись культурной информацией. Они постарались разработать процесс культурной передачи информации в таком же количественном духе, в каком разработаны исследования генов. В частности они исследовали, сколько видов информации передается от родителей (обычно того же пола) детям, а сколько от других людей, какова скорость распространения культурной информации по территории и проч.

Уильям Дарем в статьях 1979–1992 гг. и в книге «Коэволюция» (Durham 1991) также отстаивает концепцию двойной наследственности, но при этом заметно уподобляет наследственность культурную наследственности биологической. Он считает, что культура в ходе эволюции точно так же ветвилась на дочерние культуры, как

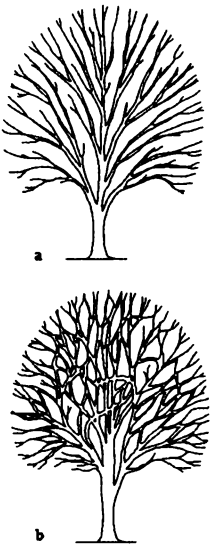

Рис. 43.3. Схемы филогенетического древа в биологии и развития в культуре (Shennan 2002: 85).

биологические виды — по принципам кладистики, т. е. генеалогического древа. При этом он ссылается на такой же путь деления праязыков на семьи, семей — на языки и диалекты. Но разошедшиеся биологические виды не гибридизируются, языки имеют жесткие грамматические структуры, а вне их (например, в словаре) смешиваются весьма интенсивно. Культуры же не имеют этих особенностей. Их ветви переплетаются и сливаются очень разнообразно (рис. 43.3). На это указали критики этого «филогенетического» варианта теории (Джон Мур, Джон Террел и др.).

Особенное внимание вызвала книга экологов Роберта Бойда и Питера Ричерсона (Robert Boyd, Peter Richerson) «Культура и эволюционный процесс», где также отстаивается теория *«двойной наследственности»*. Авторы рассматривают структуры культурной трансмиссии и их соответствие моделям генетической передачи информации. Они считают, что «культурная передача — столь же точный и постоянный механизм наследования, как гены» (Boyd and Richerson 1985: 55). Но изменения в культуре часто целенаправлены (guided variation), потому что молодежь применяет методы, которым обучилась у родителей и старших с учетом собственного опыта, и вводит инновации.

Развитие теория двойной наследственности получила в книгах Мэшнера «Дарвиновские археологии» (Maslıner 1996) и Стивена Майсэна «Преистория сознания. Когнитивное происхождение искусства и науки» (Mithen 1996). Были и другие книги, но Бойд и Ричерсон обсуждаются и цитируются больше всего.

В передаче культурной информации Бойд и Ричерсон видят три разновидности: 1) передачу под прямым влиянием (directly biased transmission) — когда заимствуется некая завидная, явно полезная вещь или такой же обычай, 2) передачу под косвенным влиянием (indirectly biased transmission) — когда заимствуется нечто потому, что тот у кого заимствуется, обладает престижем (сам объект заимствования может оказаться и дурным), и 3) конформистскую передачу (conformist transmission) — когда нечто заимствуется просто потому, что все этим обладают.

Культура у Бойда и Ричерсона — не адаптивна, не является фенотипическим ответом на стресс. Это информация, воздействующая на культурный фенотип, полученный индивидами в порядке имитации или обучением, и это наследуемая система. В ней сочетаются наследуемые и приобретенные черты. Наследственность двоякая: генетическая и культурная. Изменчивость вызывается случайными причинами (ошибки и т. п.), но чаще оказывается 1) направленной (специально предназначенной для передачи последующим поколениям), 2) предвзятой (обусловленной моделями, выработанными у данного индивида — это «культурный отбор»), а также 3) селективной — в порядке естественного отбора.

По логике Бойда и Ричерсона, нормой является континуитет, а не резкие изменения. Они пришли к выводу, что миллионы лет естественного отбора сформировали человеческий мозг, способный принимать решения для жизни в маленьких сообществах и насчет событий, происходящих в короткие промежутки времени. Но технический прогресс объединил огромные массы людей и потребовал предвидеть надолго вперед. Здесь человеческий мозг оказался неадекватен, он часто пасует, сбивается и ошибается. Это приводит ко всё более разрушительным катастрофам.

Значение этой мысли Бойда и Ричерсона сейчас подчеркивает Триггер (Trigger 2003b; 2004).

6. Природа человека и цивилизация — взгляд из России. В начале 1960-х годов я пришел к схожим выводам о природе человека и ее несоответствии современной цивилизации.

Тогда курс основ археологии в ленинградском университете стал читать первокурсникам всего факультета заведующий нашей кафедрой проф. М. И. Артамонов, директор Эрмитажа. Курсы о скифах и бронзовом веке он читал археологам увлекательно, а этот курс ему не удался. Вероятно, вследствие занятости он не мог уделить достаточно времени подготовке, а еще важнее — что старая программа, спущенная из Москвы, была крайне неудовлетворительна. Вместо характеристики науки предлагалось делать обзор памятников страны в хронологическом порядке. Это было скучно, студенты плохо слушали, шумели. Михаил Илларионович не привык к такому приему и к 1963 г. читать отказался, поручив этот курс мне. Я перестроил всю программу (новая описана в Клейн 1982) и начал курс с лекций о значении археологии и преистории.

Я был молод, и, столкнувшись с необходимостью завоевать внимание аудитории, я решился на публичное выдвижение волновавших меня идей, в то время представлявшихся очень смелыми. Обстановка в стране была напряженная, хрущевская «оттепель» сменялась заморозками (Хрущев ссорился с либеральной интеллигенцией на выставках в Манеже), и эта атмосфера затрагивала меня и моих студентов. Мы начинали думать и даже говорить о вещах, представлявшихся многим запретными и опасными. Мы подвергали сомнению, не формулируя это прямо, устои марксизма. С точки зрения марксизма, природа человека не существенна — человек формируется социально-экономическими условиями, и только.

Я начинал свои лекции подробным описанием современных безмотивных преступлений у нас и за границей, подводя студентов к мысли, что причины кроются не в общественном строе, а в природе человека. Затем говорил о главных болезнях современного человека, которыми дикие животные почти не болеют. И т. д. А затем раскрывал основу этого.

Дело в том, что человек сформирован эволюцией (естественным отбором) в приспособлении не только к природной среде, но и к социокультурной среде времени формирования. Чтобы пользоваться орудиями, нужна цепкая рука — и большой палец отходит от остальных. За последние 40 000 или даже 100 000 лет человек фенотипически и генетически не изменился. Его психофизиологические особенности остались те же, что были в эпоху формирования последнего типа человека — ископаемого *Homo sapiens*, т. е. кроманьонца. Кроманьонец отличается от нас расовыми особенностями, но не уровнем физического и психофизиологического развития. С тех пор социокультурное развитие прошло огромный путь, много этапов, а сдвига в генетической эволюции еще не произошло. Ведь социокультурная эволюция и генетическая эволюция развиваются разными темпами, поскольку темп генетической ограничен созреванием поколений. Но это значит, что наши психофизиологические особенности адаптированы к условиям жизни кроманьонцев — к охотничье-собирательскому образу жизни, к охоте на крупную дичь, к жизни маленькими коллективами на природе, к тогдашним семейно-бытовым отношениям и т. д. То есть территориальность, азарт погони, солидарность только с небольшим коллективом, выделение лидеров и прочее — это наша природа.

За тысячелетия технического прогресса и социального развития общества накопилось огромное расхождение между социокультурным уровнем человечества и его психофизиологической настроенностью. То есть сложилась дезадаптация человечества к его нынешней культуре (об этом писал Фрейд в 1930 г. — см. его работу «Неудовлетворенность культурой», русск. перев. 1998). Эта дезадаптация (Клейн 1996б) проявляется в ряде болезней (которыми дикие животные почти не болеют — рак, сердечно-сосудистые, психические расстройства) и в психологических и социальных неурядицах. А в культуре сформировались некоторые механизмы, нацеленные на компенсацию этого расхождения и этой напряженности (например, гладиаторские бои, бокс, футбол, хоккей, алкоголизм, наркотики). Я понимал, конечно, что, думая об этих проблемах, выхожу за пределы археологии, но преистория и проблема ее значения для современности тут очень близко.

Лекции проходили в напряженной тишине, в аудиторию сбегались студенты других курсов, а некоторые слушатели спустя десятилетия говорили мне, что могут повторить многие места моих лекций слово в слово. Курс читался несколько лет, потом меня тихо отстранили от него.

Через почти два десятилетия, когда международная «разрядка» окончилась, я оказался в тюрьме и лагере (1981-1982), где получил повод продолжить и развить дальше свои размышления на эту тему. Я сидел в лагере как раз, когда Бойд и Ричерсон задумывали свою книгу. Изучая криминальный мир в лагере, я увидел в нем ряд потрясающих сходств с первобытным обществом (система татуировки, жестокие обряды инициаций, трехкастовая структура, всевластие вожаков и обычаев, примитивность речи и прочее). Это системное сходство я объяснил тем, что в лагере люди самоорганизуются в условиях дефицита современной культуры. При этом они следуют не принципам культуры, а своей природе. Я не хочу сказать, что человек по природе зол и преступен. Но он по природе дикарь. От природы он наделен только теми свойствами, которые были нужны кроманьонцу для жизни в условиях палеолита. Все остальное наращено культурой, воспитанием. Там, где дефицит современной культуры, изнутри человека выскакивает дикарь. Там, где людям с дефицитом культуры предоставляется возможность самоорганизации, возникают подростковые банды, воровские «масти» и дедовщина.

Опубликовать эти идеи я смог только на исходе советской власти и после ее падения, в своих лагерных наблюдениях и в докладе «Мы кроманьонцы» (Самойлов/Клейн 1989, 1990, 1993; Клейн 1996б; 2005б). По этим работам возникла дискуссия в литературе. Таким образом, я пришел к этим выводам более чем на двадцать лет раньше американцев, но в условиях тоталитарного режима эти идеи не могли быть опубликованы и не получили у нас в стране своевременного развития.

7. Экология поведения человека. Еще одна школа дарвиновской археологии именует свою теорию экологией поведения человека (human behavioral ecology). С одной стороны, после Второй мировой войны на стыке этологии и экологии животного мира развивалась экология поведения животных. В 1970-е годы этот круг интересов стал подвигаться в сторону человека. Уже в 1976 г. в Берлине вышел сборник «Экология поведения и социобиология». С другой стороны, экология человека сложилась в русле неоэволюционизма Джулиана Стюарда, поскольку многолинейная эволюция рассматривала культуру как средство адаптации человека к природной среде, и экология человека была существенной частью механизма адаптации.

Затем некоторые американские археологи-эволюционисты подхватили эту линию рассуждений, коль скоро адаптация к среде есть и цель естественного отбора, как генетического, так и культурного. Но, учитывая сближение экологии и социобиологии с этологией, они приняли также во внимание гибкость культурной программы поведения по сравнению с генетической программой — способность человека оценивать изменения среды и принимать сознательные решения, как на это реагировать, а затем взвешивать преимущества и невзгоды принятых решений и изменять их. Очень мало вероятности, что такие решения уведут культуру далеко от целесообразного выбора стратегии — отклонения возможны, но под действием естественного отбора они будут небольшими и быстро сойдут на нет. Анализ человеческого поведения (behavior) и придал этой теории специфический колорит.

Таким образом, эпитет «поведенческая» (behavioral) имеет здесь не тот смысл, который он получил в психологии и вокруг нее. Там он означал перенос внимания исследователей с неуловимых мотивов особи на ее очевидное реальное поведение. А здесь это акцент на индивидуальные сознательные решения, отклоняющие поведение от обусловленной генами и традициями программы.

Рис. 43.4. Стивен Шеннан (фото с обложки книги «Гены, мемы и человеческая история»).

В 1978 г. в США вышел сборник под редакцией Джона Кребса и Николаса Девиса (John Krebs, Nicolas Davies) «Экология поведения: эволюционный подход»; в 1984 вышло его второе издание. В 1993 г. Дж. Р. Кребс и Н. Б. Девис выпустили книгу «Введение в экологию поведения». Эрик Олден Смит, Брюс Уинтерхолдер (Eric Alden Smith, Bruce Winterhalder) развивают эту тему в ряде книг и статей, в частности в сборнике 1992 г. «Эволюционная экология и человеческое поведение». Эта же тематика составляет изрядную часть книги Стива Шеннана (Steve Shennán, рис. 43.4) «Гены, мемы и человеческая история» (2002).

Конкретным выражением этой линии рассуждений археологи этого толка считают *«теорию оптимального собирательства»* (optimal foraging theory). Эта теория учитывает взаимодействие ряда факторов: расстояние до ресурсов, время, потребное на добывание пищи, на ее доставку домой и т. п. Она была разработана в экологии пове-

ления сначала применительно к животным, а к 1980-м годам применительно к этнографическим популяциям – статьи на эту тему представлены в сборнике 1981 г. «Добывающие стратегии охотников-собирателей», но среди них есть уже и статьи о приложении этой теории к археологии.

Другим выражением этой линии рассуждений является *«теория жизненного цикла»* (life history theory), разработанная в биологии в 1930-е — 50-е годы Рональдом Фишером, а к этнографии примененная в 1980-х — 1990-х Х. Кэпланом и К. Хиллом. Она занимается вопросами определения, какие доли усилий падают на разные отрезки жизненного цикла организма, как он обходится с ресурсами на разных отрезках; на какие отрезки отводит воспроизведение (создание семьи, обзаведение детьми), как его организует, к каким целям стремится (сознательно или подсознательно) на каждом этапе. Скажем, у человека забота о потомстве вовсе не обязательно означает стремление к максимальному числу детей — ведь их нужно прокормить и обучить. Эволюция выбирает оптимальное число. Более того, успех вида определяется не по числу детей, а по числу их выживших и давших потомство, т. е. по числу внуков. В 1990-е гг. американские антропологи изучали, как с этим обстоит дело у охотников-собирателей Парагвая (народность аче) и других первобытных народностей, у крестьян XVIII века и др. Поскольку археология обладает данными для изучения населенности и распределения ресурсов, то С. Шеннан считает, что археологам и карты в руки для применения моделей «теории жизненного цикла» к объяснению конкретных перипетий с культурами и популяциями — объяснению, включающему густоту населенности, распределение ресурсов, передвижение и взаимовлияния культур. По мнению Шеннана, «теория жизненного цикла» позволяет вообразить за крупными движениями и соотношениями определенные типы индивидуальных решений конкретных людей.

Слабостью бихевиорной экологии считают то, что она игнорирует неадаптивные признаки и случайные их изменения, из которых образованы многие стили и культурные различия. Сильной стороной ее Шеннан считает следующее: «она дает новый толчок моделям, которые видят в населении ключевой фактор в понимании культурных изменений» (Shennan 2002: 112).

8. Эколого-демографический эволюционизм. Гораздо более в эту сторону тянет другая концепция, самая близкая к традиционному неоэволюционизму и отстаиваемая российским археологом Леонидом Борисовичем Вишняцким (род. в 1960). Вишняцкий, окончив Ленинградский университет по кафедре археологии, защитил диссертацию по палеолиту Туркмении в 1987 г. и стал работать в ИИМК. Не раз преподавал и занимался исследовательской работой в университетах США. Свои взгляды на теоретические проблемы эволюции человека Вишняцкий изложил в книгах «Введение в преисторию» (2002) и «История одной случайности, или происхождение человека» (2005), а также в статье «О движущих силах развития культуры в преистории» в журнале «Восток» (2002).

По мнению Вишняцкого, вполне объяснимо, почему биология давно в поисках движущих причин эволюции, а исследователи социокультурного развития лишь недавно задумались над этой проблемой. Дело в том, что в биологической эволюции после выведения Бога за пределы научного рассмотрения не оказалось под руками активного источника движения, тогда как для культуры творец налицо. Стремление к прогрессу мыслилось как неотъемлемое качество человека, реализация его природы. Такой психологический редукционизм был присущ классиче-

скому эволюционизму и более завуалированно чувствуется у неоэволюционистов и их последователей, считающих себя последовательными материалистами. Конкретизируя источник движения, они намечают его в одной из частей самой культуры. Одни (как Лесли Уайт) считают источником движения технику (technology), другие (как марксисты) — производительные силы вообще, третьи (как неомарксисты) — ментальную сферу, идеи общества или его социополитические структуры.

По этому поводу Вишняцкий отмечает: «В какой бы области культуры ни усматривали теории такого рода ее «двигатель», остается непонятным, что же заставляло двигаться (работать) сам «двигатель»« (Вишняцкий 2002б: 21). Вишняцкий поэтому считает все эти взгляды (не исключая советский марксизм) виталистическими, т. е. выдвигающими идеалистическую первопричину — некую сверхъестественную жизненную силу. Приводя марксистское убеждения, что «производство имеет источник развития в себе и потому способно к самодвижению, саморазвитию», он поясняет: «утверждение об изначальной способности производства к саморазвитию само по себе ничего не объясняет (если, конечно, не считать такую способность мистическим свойством)...» (там же: 22).

Такому «прогрессистскому витализму» Вишняцкий противопоставляет подход «адаптационный» или «экологический». Согласно ему, первопричины культурных изменений нужно искать за пределами собственно культуры. Одни на роль перводвигателя выдвигают климатические изменения (это энвиронментализм), но климат колеблется, а культура растет, т. е. развивается направлено. Поэтому другие выдвигают на эту роль биологические изменения в самой природе человека, что весьма близко к расизму. Но, как показывает Вишняцкий, сдвиги в физической природе человека не совпадают с основными рубежами культурного развития: переход от среднего палеолита к верхнему проделали еще неандертальцы. Третьи перводвигателем считают демографический фактор — рост народонаселения. Это объяснение и предпочитает Вишняцкий.

Само по себе это не ново. Идея возникла вместе с Французской буржуазной революцией. Ее высказывал Т. Мальтус в своем «Опыте о законе народонаседения» 1798 г., потом А. Барнав во «Введении во Французскую революцию», написанном в 1792 г, и опубликованном 50 лет спустя. Далее идею высказывали многие, но расцвет идеи падает на 1960-е годы. В 1961 г. неоэволюционист Роберт Карнейро, исследуя этнографию примитивных земледельцев, пришел к выводу, что именно перенаселение при отсутствии возможности эмиграции ведет к интенсификации сельского хозяйства. В 1965 г. датская исследовательница Э. Бозеруп в своей влиятельной книге «Условия сельскохозяйственного роста: экономика аграрных изменений под давлением перенаселенности» рассматривала рост населения как перводвигатель экономического развития. В 1968 г. вышла знаменитая статья Л. Бинфорда об эколого-демографических причинах перехода к производящему хозяйству на Ближнем Востоке. В последующие десятилетия о том же писали Ф. Э. Л. Смит (статья 1972 г. «Изменения в давлении населения как археологическое объяснение»), М. Н. Коэн (книга 1977 г. «Пищевой кризис в преистории») и др. В России схожие взгляды высказывали М. Ф. Косарев (1988) и Г. Н. Матюшин (1988).

Но перенаселенность чувствуется лишь в связи с возможностями данной среды при данном уровне технической оснащенности прокормить такое-то население. Поэтому определение «демографический» у Вишняцкого и дополнено определением «экологический».

Отличие Вишняцкого от его предшественников состоит в том, что он детально разработал эту концепцию и развернул ее наиболее широко в теоретическом плане. Он показал, что изобретения делались нередко до возникновения потребности в них и становились инновациями много веков и тысячелетий спустя («отложенные инновации» — этой теме посвящено несколько его работ). Инновации появлялись не тогда, когда становились технически возможными, а тогда, когда без них уже нельзя было обойтись.

В своих книгах Вишняцкий прослеживает эволюцию человека и его культуры, причем его принципы подхода позволяют ему рассмотреть ряд проблем по-новому по сравнению с традиционными представлениями. Так, он рассматривает переход к прямохождению (высвобождение рук) не как эволюционную необходимость и сразу же благо, а как поначалу недостаток и бедствие, и полагает, что просто эта особенность была унаследована человеком от древесных предков (они вертикально лазали по стволам и передвигались брахиацией по ветвям). Он рассматривает неандертальцев не как предшественников человека, сильно уступающих ему во всем, а как параллельный *Homo sapiens* вид, как долговременного конкурента, лишь по некоторым показателям уступившего и вытесненного. В целом же происхождение человека от обезьяны он расценивает как случайность, полагая, что при другом случайном и вполне возможном стечении обстоятельств разумные существа могли возникнуть от других животных. Но вот разум должен был возникнуть непременно — к этому вела эволюция.

Вишняцкий сумел показать, что этот вариант эволюционизма, хоть он по своим основным идеям и старше всех других, вполне работоспособен, перспективен и, возможно, более других может рассчитывать на разработку в ближайшие десятилетия. От Вишняцкого не скрыты слабости эколого-демографического подхода. Но он их видит не в теоретико-методической части, а в нашем пока что неумении надежно вычислять плотность населения и прочие демографические параметры давних эпох. Это не позволяет детальнее конкретизировать общие схемы и придать им больше убедительности. Однако некоторые успехи в этом деле всё же есть. Так, Л. Кили (L. Keeley), обобщив в 1988 г. материалы по 94 охотничье-собирательным группам из разных ландшафтных зон, показал прямую зависимость между степенью давления населения на ресурсы и уровнем социально-экономического развития.

Мне кажется, что в теоретико-методической части этой теории тоже есть, в чем усомниться — в частности в таком категорическом отвержении всех других объяснений причин изменений. Демографический фактор, несомненно, важнейшая из этих причин, но единственная ли? Скажем, я бы не стал столь решительно отвергать производственный фактор, который так настоятельно выдвигался марксистами. Именно «отложенные инновации», открытые Вишняцким, говорят о том, что развитие техники всё-таки порою опережало развитие всего производства и всей культуры. Могли ли такие опережающие изобретения послужить толчками к развитию — без осознания всем обществом необходимости что-то менять? Отрицать это можно только исходя из представления об очень большой рационалистичности первобытного человека, а там ведь были и весьма иррациональные мотивы поведения, вера в мистические повеления, в божьи дары и т. п.

Климат как первопричина изменений отвергнут Вишняцким по той причине, что климат колеблется, а культура изменяется направленно, растет. Но, во-первых, для причинной связи вовсе не необходима связь причины и следствия по эффекту. Направленность может зависеть от природы объекта и среды, а не от природы

воздействующего фактора: при некотором сочетании условий любые толчки будут вызывать в общем движение в одном и том же направлении (например, мяч на покатой плоскости с лунками). Важен сам факт выведения из равновесия. Во-вторых, важны климатические изменения, пришедшиеся на ключевые моменты эволюции. Так, например, ледниковый период, видимо, создал трудности, которые, в общем, как-то сказались на переходе человечества к более продуктивному существованию. В-третьих, и в изменении климата есть очень длительные (для существования человечества) тенденции. Наконец, географический фактор мог сказываться и помимо климатических изменений. Так, в 1997 г. английский культурантрополог Джейрид Дайаменд в нестандартно написанной книжке «Ружья, семена и сталь: Краткая история каждого за последние 13 000 лет» объясняет эволюционный успех Евразии по сравнению с другими континентами ее географическими условиями, обеспечившими легкость межнациональных контактов и соединение изобретений.

9. Секвенции и теория коммуникации. У меня есть свой собственный небольшой опыт разработки эволюционной концепции и помимо идей о противоречии между природой человека и цивилизацией. Я не выбирал между внешними и внутренними факторами эволюции, не выделял из них одну-единственную первопричину движения — я просто перенес интерес в другую сферу. По сравнению с работами тех эволюционистов, о которых здесь шла речь, мой опыт значительно скромнее и гораздо неудачнее. Но поскольку он представляется мне принципиально иным, нигде более не испробованным, я уделю ему некоторое место.

Я давно подметил, что очень часто каждая новая объяснительная теория, выдвигаемая как принципиально новая и противоречащая всем остальным, отвергающая все остальные, на деле справедлива относительно какой-то части проблемы и оставляет поле для других объяснений. То есть очень разные теории только с виду противоречат друг другу, а на деле являются взаимодополнительными. И в археологии, как в физике, более глубокий уровень понимания достигается той теорией, которая включает в себя предшествующие как частные случаи. Меня обуревала идея синтеза. Я считал ее перспективной применительно к определению природы наук, полагая археологию, этнографию, письменное источниковедение и другие подобные науки дисциплинами одного ряда — источниковедческими, а историю и преисторию — науками другого ряда, нацеленными на исторический синтез. Эту идею принял от меня и Л. Б. Вишняцкий, разрабатывающий преисторию именно как науку синтеза. Но идею синтеза я счел применимой и внутри археологии — к развитию ее теорий.

В частности, критикуя в 1970-е годы миграционизм Косинны, я старался отделить политическую составляющую от научной основы учения и старался показать, что наивный автохтонизм столь же несостоятелен, как и наивный (или не столь наивный) миграционизм. Стремясь преодолеть наивный автохтонизм тогдашних советских археологов, впоследствии перенесенный на Запад, я подметил, что в обоих случаях (и в СССР и на Западе) археологи представляли автохтонизм как единственную гарантию правильного исследования движущих сил культуры, при котором будут вскрыты внутренние факторы ее развития (то есть внутрикультурные — социальные, технические и т. п.), а на место внутренних факторов часто подставляли местные факторы. Мне пришло в голову, что внутренние факторы развития культуры (и вообще всякие факторы) должны действовать в механизме ее развития в любом случае — развивается ли культура на месте, меняет ли она это место, и как

она его меняет — с миграцией населения или с трансмиссией культуры посредством влияний.

Чтобы преодолеть иллюзии наивного автохтонизма и наивные страхи миграционизма я предложил ввести в археологический арсенал понятие *секвенций*. Это слово родственно английскому sequence (последовательность), но чтобы не путать с любой последовательностью, особенно, при переводе на английский, я взял родственное слово из музыкального словаря. Там «секвенция» — это законченная логическая последовательность звуков. Под секвенцией в археологии я понимаю последовательность культур. В реальности мы имеем дело с локальными последовательностями культур, представленными в каждой местности хронологическими колонками на памятниках, стратиграфией курганов и т. п. Как бы резко ни сменяла одна культура другую, почти всегда есть в них и нечто общее, схожие элементы, смешанные памятники и переходные звенья (даже если имела место миграция, что-то от предшествующей культуры доставалось пришельцам). Поэтому у археологов может возникнуть (и часто возникает) иллюзия автохтонного развития.

Для ясного понимания я ввел различение между *колонными секвенциями* и *трассовыми секвенциями* (трассовые я сначала назвал «генетическими», но потом убрал этот термин, чтобы не впутывать биологию). *Колонная секвенция* — это та локальная последовательность археологических культур, которая представлена в стратиграфических колонках и которая, так сказать, дана археологу археологическим материалом. Она соединяет в одну линию культуры разных эпох на одной территории. Но на деле какие-то культуры развивались на месте из предшествующих, а какие-то принесены миграцией или трансмиссией со стороны — их предшествующие стадии проходили в другом месте, и, возможно, последующие будут проходить в третьем. Вот *трассовая секвенция* — это та последовательность культур и представленных ими обществ, в которой проходил реальный культурно-исторический процесс. Она объединяет в одну линию (или в древо) культуры не только разных эпох, но и разных местностей. По системе координат время — пространство она проходит не вертикально, а зигзагом (Клейн 1973а, 1975б, 1993: 51, 1999: 53–55; 2000б: 136; Klejn 1973a: 698–699, 1974a: 47, 1976: 18–20, и др.).

Кое-где это понятие проскальзывало с тех пор у других исследователей, но обширно его применил только М. Б. Щукин (1979).

У этого предложения есть слабости, и оно нуждается в дальнейшей разработке. Основная его слабость заключается в том, что в реальности часто нет единой и цельной трассовой секвенции. На деле почти каждая культура имеет немало разнообразных корней, так что скорее в реальности складывается не единая секвенция, а пучок традиций, который то протекает параллельно и взаимосвязанно (котрадиция — говорят американцы), то расщепляется на составляющие, расходящиеся в разные стороны. Формально традиция соединяет в хронологическую линию типы и моды, точно так же как секвенция соединяет археологические культуры. Я думаю, однако, что котрадиция, с которой и надо связывать трассовую секвенцию, это более богатое, плотное и частое явление, чем считают те, кто готов подменить всё существование археологических культур судьбами отдельных типов, модов и традиций. Но в истории трассовых традиций, с которыми и стоит связывать тенденции этногенеза и глоттогенеза (формирования языков), нужно предусмотреть место для традиций.

Во всяком случае, эта концепция позволяет, мне кажется, не выбирать между миграциями, влияниями и автохтонностью в определении генеральной линии раз-

вития культуры, а объединить их в единой теории, потому что трассовая секвенция по определению предусматривает все эти формы движения в пространстве и времени и рассматривается как русло для культурно-исторического процесса, в котором задействованы все факторы и всевозможные причины.

Рассматривая эти первопричины, я приходил к тому же впечатлению об их кажущейся противоречивости и реальной взаимодополнительности и к стремлению найти какую-то идею, которая бы позволила выявить более широкую основу — такую, в которую бы можно было включить разные выдвигавшиеся причины. Которая бы, по крайней мере, не исключала их.

Еще до взлета Третьего эволюционизма я выдвинул собственную теорию, объясняющую причины культурных изменений и выявляющую аспект, как мне кажется, не затронутый в трудах «третьего эволюционизма». Я нашел, как мне кажется, еще один, очень важный источник изменений в культуре — в частности, и в той, которая предстает нам, археологам. Источник, не отвергающий все другие, а то включающий их, то выключающий. Для этого я использовал *теорию коммуникации.*

Если культуру можно представить как некий объем информации (это уже проделано до меня), то передача ее от поколения поколению выглядит как система коммуникации, только растянутая не в пространстве, а во времени (или не только в пространстве, но и во времени). Если так, то изменения в культуре суть в большой мере результат обычных нарушений в системе коммуникации. Нужно выяснить, чем вообще вызываются нарушения в технической системе коммуникации — скажем, в телефонной сети, радио и т. п. Сейчас эти критерии разработаны, а когда я выдвигал эту идею, солидных разработок еще не было (или я их не нашел), пришлось додумывать самому. Я собрал возможные причины нарушений в технических сетях: разрывы контактов, неполадки в шасси, слабость или узость каналов связи и недостаточное их количество, недостаточная повторяемость сообщения и т. п. Всё это легко выражается количественно.

Затем надо было найти, какие вещи в культуре аналогичны по природе тем или иным видам нарушений технической сети коммуникации. Я это сделал. Скажем, *повторяемость сообщения* — это регулярно повторяемые операции, навыки, обряды, есть их календарные циклы — ежедневный, годичный, жизненный (родины, инициация, свадьба, похороны). Часто повторяемые обряды, конечно легче запоминаются и точнее передаются молодежи. *Каналы связи* — это очаги энкультурации и социализации личности: семья, школа, двор, армия, литература. И т. д.

Я нацеливал свою концепцию на решение задач археологии. Например, если в миграцию отправляется не все общество, а только его воинская, молодежная фракция, то на новом месте мигранты не сумеют воспроизвести все обряды и обычаи своего этноса просто потому, что недостаточное количество раз участвовали дома в их осуществлении. Ежедневно повторяющиеся обряды они воспроизведут точно, а вот похороны вряд ли. Сколько раз им довелось участвовать в похоронах? Таким образом, шасси сокращено, часть каналов оборвана, повторяемость информации слаба. Эти обряды и обычаи (в том числе погребальный) на новом месте неизбежно изменятся без всякого воздействия других этносов или субстрата. А археологи скажут, что это не та культура!

В общем, эта теория нацелена ответить на «проклятый вопрос» археологии — вопрос о смене культур, о причинах видимых в материале изменений во времени, т. е. при передаче культурной информации от поколения поколению. Эволюционисты видели причину разрывов в лакунах, миграционисты — в приходах нового населе-

ния из белых пятен, трансмиссионисты — в культурных влияниях со стороны, и так далее. Я предложил новый ответ: увидеть хотя бы часть причин введения новшеств в разрыве с традицией из-за неполадок в самом способе передачи информации от поколения поколению. Новый ответ — это ведь новая концепция. Таким образом, начавшись в рамках неоэволюционизма (постановкой проблемы внутренних факторов эволюции, без внешних воздействий), мое предложение, в сущности, означало выход за пределы неоэволюционизма, к новому -изму. Можно ли это причислить тоже к Третьему эволюционизму, не уверен. Возможно, это вообще не эволюционизм, поскольку условия применения этой концепции вообще не требуют направленности изменений и какого-либо усложнения. Решается лишь вопрос о связности или несвязности потока изменений (любого, в том числе и эволюции) и предложены возможные причины несвязности. Поскольку вопрос поставлен в зависимость от фактов и возможно их количественное представление, это научная постановка вопроса.

Если обозначить как-то это предлагаемое направление исследований, то наиболее логичным и последовательным было бы громоздкое слово «коммуникационизм», но, вероятно, более специфическим и опознавательным было бы «секвенционизм»

Однако по тогдашним условиям, да и вследствие своей занятости другими интересными проблемами, я не сумел представить свои идеи в виде книги, да еще на повсеместно читаемых языках. Я смог выпустить только несколько очень небольших статей на русском языке, с конспективным изложением теории (Клейн 1972, 1981, 1997). Их почти никто не заметил. Только одна коллега (В. Б. Ковалевская), сказала мне, что это самая интересная из моих работ. Я готов с ней согласиться. Работа осталась невостребованной.

Хотелось бы надеяться, что время признания этой работы еще впереди. К сожалению, мое личное время уходит.

10. Заключение и некоторые уроки. Итак, мы рассмотрели основные разновидности современного эволюционизма как, пожалуй, ведущего течения современности в археологии. Рассмотрели и возможный выход из него. Сказать, что это то, что пришло на смену пост-процессуализму, нельзя: то и другое появилось в 80-е годы. Но пост-процессуализм оказался громче, а третий эволюционизм, с его Дарвиновской археологией, живучее. Если пост-процессуализм согнулся под бременем критики, то некоторые варианты Третьего эволюционизма всё еще успешно разрабатываются.

Выход же из него и вовсе обращен в будущее. Ибо другой такой концепции пока не разработано, а эта (я имею в виду свою) только намечена. Я включил ее в главу, посвященную новым вариантам эволюционизма, потому что в ней тоже общим объектом является культурная эволюция человечества, и потому еще, что в ней я тоже в поисках первопричин изменений. Но в основном на этом сходство и кончается. Эволюционизм предусматривает непременно направленный поток изменений, в моей концепции учитывается любой. Все виды эволюционизма искали внешние и внутренние факторы, воздействующие на культуру и формирующие ее, я же, не отвергая их, переношу исследование на само протекание культурно-исторического процесса — на его конкретное русло и на его механизм, т. е. передачу культурной информации от поколения поколению. Тут я ищу причины многих изменений в культуре.

Какие частные уроки каждый из Вас мог бы извлечь из всей этой истории для себя?

Прежде всего, конечно, это урок такой: не презирать старые идеи, они могут быть очень живучими и перспективными. Эволюционизм сформировался в середине XIX века, а в своих модификациях живо обсуждается и сейчас. Любая другая идея, за которой стоят внушительные блоки материала, при всей ее возможной тривиальности и при всех гиперболизациях может воспрянуть в неожиданных модификациях — идеи диффузии, миграции, трансмиссии, социальной обусловленности и т. д.

Во-вторых, это, мне кажется, урок не увлекаться односторонним выдвижением одного какого-нибудь объяснения в противовес всем другим, искать возможности свести воедино противоречивые и, казалось бы, взаимоисключающие объяснения, пытаться обнаружить их взаимодополнительность. Это может открыть путь к более глубокой и широкоохватной теории.

В-третьих, это урок — относиться более продуманно к выдвижению своих стратегических приоритетов. Не повторять моей ошибки: ведь я в погоне за эмоционально возбуждающими и эффектными целями, за решением увлекательных исследовательских задач, откладывал и откладывал разработку идеи, ценность которой я понимал с самого начала. И она так и осталась только намеченной. Оглянитесь вокруг себя. Вполне возможно, что какая-то из Ваших идей напрасно лежит втуне. А если это и не Ваша идея, это не препятствие к ее разработке. Ведь еще вопрос, чья заслуга больше — того ли, кто высек эту искру или того, кто разжег из нее пламя.

Вопросы для продумывания

1. В чем вы видите основные отличия Третьего эволюционизма от неоэволюционизма?
2. Все ли перечисленные школы эволюционизма можно объединить общей шапкой?
3. Какой термин Вы бы предпочли для обозначения того, что здесь обозначено как Третий эволюционизм?
4. Книга Морриса при советской власти не переводилась на русский. В Польше ее перевели, а польские книги продавались у нас в книжной лавке соцдемократий «Мир», и я впервые прочел Морриса на польском. Не переводился тогда и Лоренц. Чем такие книги были опасны для советской власти?
5. Чем книги Морриса, Лоренца и Дольника важны для археолога?
6. Представляется ли Вам тезис «мы — кроманьонцы» любопытным для теоретической разработки в археологии или же только в преистории (или ни там, ни здесь)?
7. Социобиолог Алексэндер и селекционист Даннел работали в Сиэттле. Есть ли нечто общее у социобиологии и селекционизма?
8. Не напоминает ли Вам сформирование понятия «мем» по образцу понятия «ген» аналогичную операцию археологов-структуралистов, назвавших «формемы» по «морфемам» и т. п. Чья позиция выглядит логичнее и почему?
9. Является ли, с Вашей точки зрения, эколого-демографический эволюционизм Вишняцкого подобно другим перечисленным здесь вариантам эволюционизма разновидностью Третьего эволюционизма или его предшественника — неоэволюционизма?
10. Схожий вопрос относительно секвенционной и коммуникационной концепции Клейна — является ли эта концепция разновидностью Третьего эволюционизма или вообще не подходит под существующие рамки?

Литература

Этология и социобиология: Фрейд 1930/1998; Лоренц 1967/1994; Моррис 1967/2001 Хайнд 1967/1975; Харрисон и др. 1968/1979; Wilson 1975, 1978; Sahlins 1976; Lumsden and Wilson 1981; Клейн 1982, 1996б, 2005б; Самойлов (Клейн) 1989, 1990, 1993; Мак-Фарленд 1988; Degler 1991; Дольник 1994; Trigger 2003a, 2004; Hart and Terrell 2005.

Возвращение к Дарвину: Dawkins 1976; Alexander 1979; Betzig 1986; Barton and Clark 1997; Boone and Smith 1998; Blackmore 1999; Low 2000; Aunger 2001; Cullen 2001; Godin 2000.

Селекционизм в археологии: Dunnell 1980, 1989; O'Brien and Holland 1995; Lyman, O'Brien and Dunnell 1997; O'Brian and Lyman 2000; Shennan 2002.

Коэволюция: Boyd and Richerson 1985; Cavalli-Sforza and Feldman 1981; Durham 1991; Mashner 1996; Mithen 1996.

Эколого-демографический эволюционизм: Smith 1972; Cohen 1977; Krebs and Davies 1978, 1993; Косарев 1988; Матюшин 1988; Smith and Winterhalder 1992; Вишняцкий 2002б.

Секвенции и теория коммуникации: Клейн 1972a, 1973a, 1975б, 1981, 1997a, 1999; 2000б; Klejn 1973a, 1974a, 1976; Щукин 1979.

Глава 44. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВА

1. Характер и ход истории археологического мышления. Начиная этот курс, я рассматривал целый ряд способов его построения соответственно разным методологическим схемам истории дисциплины: биографической (индивидуализирующей), социокультурным, а среди них кумулятивной, спазматической (революциями и парадигмами), контроверсной и др. Из моего изложения, надеюсь, ясно, что я не придерживаюсь какой-либо одной версии, а стараюсь использовать все, поскольку каждая отражает некую часть реального хода истории. В какие-то периоды можно выделить преобладание одной из версий, в другие — другой. Но главную часть развития я рассматриваю как протекавшую контроверсно — в борьбе конкурирующих школ, так что у археологов всегда был выбор.

Основные противоречия в историографии обычно кристаллизовались между кумулятивным и спазматическим (парадигмальным) восприятием процесса, основные споры шли по этой линии. Контроверсное рассмотрение, не снимая этого противоречия, делает его менее важным, потому что критические рубежи не означают общую смену теоретических воззрений. Пост-процессуалистский нажим на историографию внес в нее настоянную на марксизме «критическую теорию», а это сразу же поставило на первый план противоречие между социокультурным и биографическим (индивидуализирующим) подходами. Причем пост-процессуалисты со своей благосклонностью к индивидуализации и отрицанием объективности в познании прошлого, как раз тяготеют к упору на субъективизм и биографический компонент в анализе. Это входит в противоречие с «критической теорией». Вот пост-процессуалисты и не представили значительных историографических трудов.

Лучше всего зависимость проявлений любого -изма от социальных условий. от классовых экономических интересов и политических движений видна в том, что едва ли не каждый -изм выдвигал одновременно двух, а то и трех лидеров, то в одной стране, то в разных странах. Эволюционизм в археологии одновременно развивали Мортилье и Питт Риверс. Скандинавский диффузионизм отмечен парной деятельностью двух соперников — Монтелиуса и Софуса Мюллера. В германском миграционизме аналогичное соперничество осуществляли Косинна и Шухардт. Трансмиссионизм проповедовали два друга — Риверс и Эллиот Смит. Таксономизм развивали Городцов, Ирвинг Рауз и Франсуа Борд. Контекстную археологию зачинали сверстники Уолтер Тэйлор и Гордон Уилли. Неоэволюционизм в Америке продвигали две фигуры: Лесли Уайт и Джулиан Стюард. У начала американской Новой Археологии

стоят Бинфорд и Флэннери, у начала британской — сверстники Дэвид Кларк и Колин Ренфру. И так далее. Пост-процессуалисты Шэнкс и Тилли даже пишут часто вместе. Вроде бы ясно: если условия созрели, люди на исполнение роли проводников идеи найдутся.

С другой стороны, взять Мортилье и Вирхова. Начало их биографий было на редкость схоже — оба естественники, революционеры, преследовались режимом. Но в разных странах, в разных социальных условиях их развитие пошло по-разному. Один стал родоначальником археологического эволюционизма, от другого выводится антиэволюционистское развитие. Неоэволюционизм в США достиг ранга ведущего течения и сменил партикуляризм Боаса, а во Франции талантливые усилия Леруа-Гурана развивать это течение оказались тщетными: никто его идей не подхватил, условия не созрели. В Англии энвиронменталисты Крофорд, Фокс и Грэйем Кларк, сменяя друг друга, подняли это течение до высокой степени профессионализма, а в советской России все видные представители этого течения были репрессированы, и никакого развития, естественно, не получилось.

И всё же я не нахожу особых затруднений в признании значительной роли личностей в определении путей развития археологии. Как бы ни обусловливали социально-экономические сдвиги общую направленность идейного развития, темпы, форма и яркость формирования концепций и их успех зависели от того, кого судьба поставит на этом пути и какой контекст образует. Антропологический функционализм был развит в Англии гораздо больше, чем в Америке, и англичанами были основные лидеры этого течения — Малиновский и Рэдклиф-Браун. Но прямое археологическое соответствие этого течения — контекстуализм — появился в Америке и не имел сколько-нибудь заметного соответствия в Англии. Вряд ли это из-за социальной среды, просто среди англичан не нашлось яркой фигуры, которая бы аккумулировала эти идеи в археологии подобно Тэйлору. Наоборот, пост-процессуализм в Англии получил яркого и популярного лидера в лице Яна Ходдера, а в Америке, хотя среда была столь же подготовленной, равнозначный лидер пост-процессуализма не появился. Ну, не нашлось достаточно яркого таланта.

Плюрализм подходов относится и к анализу движущих сил развития археологии и археологического мышления. Как исследователь, сформировавшийся в марксистской среде, я, конечно, привык значительную часть событий в науке объяснять в духе экстернализма — воздействием внешних для науки факторов: влиянием смежных наук и, в конечном счете, сдвигами в социально-экономической сфере. Это всегда кажется мне логичным, естественным и часто достаточным. Но в силу моего изначально критического отношения к марксистским догмам, да еще пережив общий крах социалистического лагеря и кризис марксизма, я, разумеется, не могу всегда считать это достаточным, прибегаю и к другим объяснениям — интерналистским, а больше — автономистским, еще чаще интеракционистским (объяснение взаимодействием личностей в определенном контексте).

2. Альтернативные археологии. В своей классификации школ и течений я более близок к Дэниелу, проводящему дробную разбивку, чем к Триггеру, который пишет свою картину широкими мазками. Это стремление сгруппировать национальные археологии в крупные блоки, выявить несколько основных типов национальных археологий Триггер предложил в статье 1984 г. «Альтернативные археологии: националистские, колониалистские, империалистские» (Trigger 1984a).

Статья очень интересная и часто цитируемая. В ней не только показана возможность деления по этим трем рубрикам, но и четко выступают основания для этого деления — социальная обусловленность археологических концепций.

Большинство археологических традиций Триггер считает *националистскими* по своей ориентации. Я пишу «националистских», чтобы не применять здесь оценочные термины современного русского языка — заведомо негативный («националистические») и заведомо позитивный («патриотические»). Но оба можно было бы применить. Это значит, что в этих археологических традициях находят выражение патриотические чувства населения, в основном среднего класса, который Триггер считает наиболее тесно связанным с археологией, и тенденции к национализму в политических устремлениях. Историки и археологи акцентируют внимание на периодах и культурах, связанных с преобладающей нацией государства, прославляют ее историю, ее прошлое. В одних случаях это вызвано национальным унижением, в других стремлением к национальному объединению, в третьих конкуренцией на рынках с другими нациями. В большинстве случаев эти настроения историков и археологов встречают поддержку и даже прямое стимулирование со стороны правительств. Триггер приводит в пример датских археологов, создававших систему трех веков, Наполеона III, с его кельтским энтузиазмом, израильское внимание к освободительному восстанию зелотов против римлян и т. д.

Вторую группу Триггер называет *колониалистской* археологией, поскольку это традиции, развившиеся в колониальных и зависимых странах. Я употребляю здесь вслед за Триггером термин «колониалистская» вместо термина «колониальная», потому что «колониальная» — это просто археология колониальных стран. В принципе она могла бы быть любой, в зависимости от уровня культурности и политических настроений, да и национальной принадлежности археологов. Но имеется в виду, что в этих странах колонизаторы развивали археологию, не связанную с населением этих стран и его прошлым. Она либо третировала его памятники как неинтересные, либо подчеркивала их примитивность, а те, которые выбивались из низкого уровня, приписывала каким-либо завоевателям, но никак не местному населению. Ее выводы должны были оправдывать зависимое положение местного населения и превосходство пришлого. Классическим примером является американская трактовка «строителей холмов».

«*Империалистской*» Триггер называет третью группу археологических традиций. Империалистская археология развилась в небольшом числе государств, которые обрели экономическое и политическое доминирование над огромными территориями современного мира. Она рисует ход мирового прогресса так, чтобы объяснить и, по сути, оправдать доминирование своей нации в мире. Археологи этой горстки наций оказываются самыми влиятельными в мире, их трактовки оказывают «диспропорциональное» влияние на всю археологию мира. Первый пример такой археологии — исследования британских эволюционистов; британские диффузионисты действовали в том же ключе, намекая на то, что именно на Западе Европы оказываются истинные наследники Древневосточной цивилизации. На мировую историческую миссию своей страны претендовали и советские археологи Сталинской эры, не менее претендовали они и на собственную учительскую роль в археологическом сообществе. Имелось в виду, что только они знают истину, до которой далеко буржуазным археологам. Ныне темы, методы, теории и настроения навязывает всем американская археология. Словом, тут у Триггера полное согласие с теорией археологического антиглобализма, научное обоснование его критической части.

В этой общей констатации Триггера, несомненно, подмечены важные тенденции современной археологии. Но оставленные в таком грубом приближении они не кажутся верными.

Во-первых, эта схема построена на убеждении, что всё определяется настроениями среднего класса. Но в России весь начальный период своего развития археология прошла как наука, обслуживающая аристократию и двор, да и значительная часть археологов происходила из аристократов. В Англии и Франции также был такой период. В Советском Союзе тон в археологии задавал никак не средний класс, а бюрократия — это, конечно, тоже класс, но никак не средний, а по положению — верхний, по происхождению кадров — самый нижний.

Во-вторых, сам же Триггер отмечает, что археология ряда стран переходила из одной категории в другую. Так, археология США перешла из колониалистской в империалистскую. Более того, часто археология имеет черты нескольких типов сразу: археология Израиля — одновременно националистская и колониалистская. Сочетание разных археологий можно найти в ряде стран. Я бы даже сказал, что в одной и той же стране наличие разных археологий зависит еще и от политических настроений тех или иных археологов. И Триггер признает, что лучше считать его альтернативные археологии только «идеальными типами» (Trigger 1984a: 368). Значит, лучше в каждой национальной археологии отмечать признаки одного, другого и, может быть, третьего типов.

Наконец, если уж Триггер поставил свою классификацию в зависимость от политических целей государств и от настроений населения, то почему только три типа? У археологий коммунистических государств были специфические черты, археология нацистов с расовой и геополитической идеологией имела свою специфику. Археология скандинавских стран была националистской, была и колониалистской, но какая она сейчас? Эти темы ее очень мало волнуют. Словом, типов явно больше.

3. Дробить или объединять? В классификации научных школ и течений Триггер тоже предпочитает крупные блоки, выражая достаточно заметную тенденцию среди западных ученых. Эту тенденцию он проводит в своей «Истории археологической мысли» 1989 г. Так он сливает расизм и эволюционизм в «имперский синтез», связывая их с колониальной политикой, а в таблице сюда же подверстывает и Буше де Перта с Ларте. Многие к эволюционистам причисляют и создателей системы «трех веков». Антропогеографическое направление от Ратцеля до Боаса, диффузионизм (трансмиссионизм) и миграционизм Триггер объединяет в культурно-историческую археологию. Сопрягательный подход Тэйлора, марксистские работы Чайлда, экономические интересы и энвиронментализм Грэйема Кларка, а также «археологию поселений» США он сводит в функционализм. Бинфорда с его Новой Археологией прямо причисляет к неоэволюционистам.

Наиболее рациональным из этих объединений представляется мне объединение ряда течений в культурно-историческую археологию. Этот блок действительно связан рядом общих черт, он имеет не только хронологическую, но и содержательную связность и в общем держится. Другие объединения Триггера гораздо более натянуты. Он, в сущности, объединяет школы по их генетическим корням и связям. Но у каждой школы есть не один корень и много связей.

Так, расизм и эволюционизм действительно имеют обусловленность в числе прочего и в колониалистской политике, у каждого из них есть свои связи с биологией, но очень разные. Их никак нельзя объединять в рассмотрении, разве если очень нуж-

но принизить эволюционизм. Одно из этих течений (расизм) основано на грубой биологизации социокультурных явлений и шовинистических настроениях, другое (эволюционизм) извлекает из биологии только ее принципы и методы, а шовинизму противопоставляет принцип физиологического и психического единства человечества, и лишь в тонких нюансах реализации этого принципа (в вопросе о темпах развития) можно уловить сознание превосходства своей нации.

У Тэйлора, Грэйема Кларка, Чайлда и Уилли действительно можно уловить идеи, происходящие из функционализма Малиновского, но у Малиновского тот же Триггер улавливает идеи, выведенные из социологизма Дюркгейма, а у Дюркгейма — идеи, взятые у Маркса. Не стóит ли тогда на этом основании объявить все эти течения по большому счету марксистскими? Нет, так далеко Триггер не идет. Но тогда почему он не остановился раньше? Ведь Тэйлора в не меньшей мере вдохновляли Линтон и Клакхон, Чайлда — Косинна и Маркс, Крофорда, Фокса и Грэйема Кларка — Градман.

Бинфорд много получил от неоэволюциониста Уайта, но также от Тэйлора и Сполдинга. Центр тяжести его исследований лежит не там, где у неоэволюционистов. Тех интересовали доказательства эволюции и прогресса. Бинфорда — причины изменений и причины разнообразия, законы, этим ведающие, и принципы археологического познания.

Есть все основания рассматривать все эти школы и течения порознь. Если у них окажутся общие черты, они будут отмечены, но не потеряются и другие связи и сходства, а также не уйдет от внимания и специфика.

4. Эпохи и традиции. Если бросить общий взгляд на историю археологического мышления, на весь ее ход, можно выделить в ней три больших отрезка с точки зрения напрашивающейся группировки материала.

Сначала эпохи были очень протяженными, так что смена представлений успевала распространиться по многим странам, по крайней мере, по наиболее развитым, которые и определяли общую картину. Не только развитие определенных идей, но и развитие некоторых типичных споров успевало уложиться в одну эпоху. Для этого отрезка — а он продолжался до XIX века — естественно рассматривать развитие археологического мышления по эпохам. Для этого отрезка идея парадигмы получает некоторый смысл, хотя и не полную применяемость (ведь полного и повсеместного признания строгой системы правил тогда не бывало).

Второй отрезок — с середины XIX века — характеризуется значительным ускорением общего прогресса, короткими сроками развития и быстрой сменой эпох. За время каждой эпохи научные течения не успевали сменить друг друга, разные школы развивались параллельно, нередко в течение нескольких эпох, и боролись друг с другом. Для этого отрезка истории рациональнее делить исторический материал не на эпохи, а распределять его по школам. Иначе при рассечении его по эпохам потеряется логика развития каждой школы, ее будет трудно проследить. Для этого отрезка идея парадигмы пасует, если не иметь в виду ее локального признания в некоторой среде (но такое ограничение противоречит самой идее парадигмы).

С последних десятилетий XX века наступает третий отрезок, когда эпохи развития науки сменяются очень быстро (иной раз отводя на эпоху до десятилетия), но и за столь короткое время благодаря глобализации увлеченность той или иной значительной теорией успевает охватить обширные пространства, на которых раз-

вивается мировая археология. Так обстояло дело с Новой Археологией, бихевиорной археологией и пост-процессуализмом.

Прогресс археологии в прошлом некоторые историографы (Кунст, Триггер) пытались уловить по размещению биографий выдающихся личностей на хронологической шкале. В одном случае (Триггер) бралась вся жизнь археолога — от рождения до смерти, в другом (Кунст) отмечались точками главные работы. Если откорректировать этот способ (отмечая у каждого прежде всего период его наибольшей творческой активности), то этот способ может помочь наглядно представить хронологические соотношения разных школ и виднейших археологов (см. рис. 44.1 на вкладке). Но размещение биографий в строго хронологическом порядке нарушит распределение ученых по школам, а распределение по школам нарушит хронологическую последовательность биографий.

Более рациональным мне представляется другой способ, в котором каждая школа будет представлена обобщенно — блоком, возможно, ладьевидным (с учетом изменения ее влиятельности), занимающим некоторое место на хронологической шкале, с изображением линиями ее связей с предшествующими и последующими школами. Это позволит проследить традиции (см. рис. 44.2 на вкладке).

Теперь, когда каждая школа определена во времени и пространстве, можно по-новому взглянуть и на задачу периодизации того отрезка (второго из трех основных), который здесь представлен сплошным массивом. Начало его падает на 50-е — 60-е годы XIX века, когда началась дивергенция античной археологии, а в первобытной появились археологический эволюционизм в Западной Европе (Питт Риверс, Лаббок и Мортилье) и вирховианская археология в Центральной Европе, означавшая начало обширного фронта культурно-исторической археологии. В 1870-е годы к ним присоединились Шлиман со своими гомеровскими цивилизациями, скандинавский диффузионизм Монтелиуса и Софуса Мюллера и комбинационизм Кондакова. Но начало массива всё-таки падает на середину века. Что это за рубеж в культурно-историческом смысле? Какое событие определило этот идейный сдвиг? Это, по-видимому, революция 1848–49 годов, прокатившаяся по значительной части Европы.

Следующее деление приходится на рубеж XIX и XX веков, когда эволюционизм утратил свое влияние и был побежден антиэволюционизмом Буля и Брёйля, когда скандинавский диффузионизм, сочетавший диффузию с эволюцией, перестал задавать тон, когда отгремела слава Шлимана, а осторожный миграционизм вирховского толка уступил место оголтелому миграционизму Косинны и инвазионизму Флиндерса Питри. Место Шлимана заняли Эванс и Вулли с их моноцентрическим диффузионизмом. Вскоре возникли панегипетский гипердиффузионизм Эллиота Смита и панвавилонизм Делича и Винклера. Начало века также характеризуется появлением таксономических трудов Городцова, а затем и американцев, а также энвиронментной археологии Крофорда. Это была заметная смена идейных ориентиров.

Видимо, она была обусловлена той переменой природы капитализма, которую Ленин определил как переход на «высшую стадию капитализма» (монополистический капитализм) и неудачно назвал империализмом. Создание империй — это характеристика политической истории, присущая разным эпохам, а для XX века как раз скорее характерен распад сложившихся в предшествующие века империй (Турецкой, Австро-Венгерской, Российской, а затем и Французской, Британской). Централизация капитала вывала ответную организацию рабочего класса. Конфликты, возникавшие в связи с этим, налагались на напряженность, обусловленную завершением раздела колониальных земель и территориальными притязаниями держав друг

к другу. Державы усиленно вооружались и развивали империалистическую идеологию. Это определяло новую атмосферу и немало способствовало кризису теорий развития и расцвету территориального подхода к изучению культуры.

Менее заметное деление падает на Первую мировую войну и последовавшие за ней революции в Восточной и Центральной Европе. После них возникли теория стадиальности и родственные явления в России, структурализм в немецкой античной археологии и умеренный диффузионизм Чайлда.

Более заметный рубеж приходится на 30-е годы XX века. Приход нацистов к власти в Германии и террористическая диктатура Сталина в России изменили лицо Европы. Это время, когда внезапно прервалось развитие теории стадиальности в России, и одновременно сошли на нет инвазионизм, гипердиффузионизм, моноцентрический диффузионизм, комбинационизм — словом, многие ведущие течения археологической мысли. Именно в это время вспыхнул неоэволюционизм Чайлда, Уайта и Стюарда.

Следующий рубеж падает на середину века — окончание Второй мировой войны. Это время кризиса и коллапса умеренного диффузионизма (радиоуглеродная революция), в это же время возникают эмергентизм в Германии, гиперскептицизм в Англии и Америке, контекстуализм в Америке и сциентизм во Франции и Швеции. Десятилетие спустя знамя сциентизма перехватывает Новая археология 1960-х.

Затем на некоторое время вроде бы восстанавливается картина смены парадигм — процессуальная археология, бихвиоральная, постпроцессуальная. Но это только видимость. Под шапкой процессуальной кроются гемпелианская, аналитическая и серутанская, да еще присоединяется бихевиорная, а под шапкой пост-процесуальной — целый сонм археологий — интерпретативно-символическая, критическая марксистская, контекстная, феминистская и т. п., а в те же 80-е годы присоединятся третий эволюционизм с его Дарвиновской археологией разного сорта, когнитивная археология, теория активности.

Это тот багаж, с которым мы подошли к современности.

5. Структура изложения. Однако структуру изложения я построил не по этим периодам, потому что школы часто в них не укладываются. А я хотел как-то объединить родственные учения. С другой стороны, если последовательно соблюдать этот принцип, то пришлось бы объединить классический эволюционизм второй половины XIX века с неоэволюционизмом первой половины XX века и с третьим эволюционизмом конца XX — начала XXI века, да еще, быть может, присоединить к ним прогрессизм начала XIX века. То же касается марксизма и неомарксизма, гиперскептицизма и постпроцессуализма. Такие сквозные течения пришлось бы рассматривать параллельно. Я избрал группирование школ по их роли в истории науки, учитывая их связи и взаимодействия. Мне представилось удобным разбить все 40 с лишним глав на 5 крупных блоков, которые я сделал частями моего труда.

К первому блоку я отнес те главы, в которых я последовательно рассматриваю этапы продвижения к археологии — созревание предпосылок и элементов будущей археологической науки. Это та часть изложения, которую можно было строить по историческим периодам. Она простирается до времени назревания Великой Французской революции.

Второй блок охватил главы, посвященные становлению отраслей археологии (оно проходило параллельно и порознь) и формированию первых теоретических концепций археологии — ее первых -измов. Это время начинается с Винкельмана, продол-

жается идеями прогрессистов и заканчивается деятельностью эволюционистов. В календарных датах оно начинается примерно с 1750-х годов и завершается рубежом XX века.

Третий блок посвящен культурно-исторической археологии — диффузионизму (трансмиссионизму и миграционизму) разного рода. Разные толки этого учения развивались с 1870-х примерно до 1920-х годов. Здесь объединены Шлиман и Эванс с Монтелиусом и Косинной, энтиэволюционизм Брёйля относится сюда же.

Четвертый блок также посвящен культурно-исторической археологии, но времени, когда (и обстоятельствам, в которых) она столкнулась с разными идейными вызовами и стала переживать кризис. Здесь объединены главы, посвященные тем учениям и школам, которые представили эти вызовы (в частности, энвиронментализм), кризисным явлениям (гипердиффузионизм), опытам их преодоления (умеренный диффузионизм Чайлда) и выходам — не столько из кризиса, сколько из культурно-исторической археологии (в частности таксономизм и комбинационизм). Это время от рубежа XIX–XX веков до Второй мировой войны.

Пятый блок охватывает главы, посвященные методолого-теоретическим концепциям, выдвигавшимся как парадигмы, а также те школы и методологии, которые им противостояли. В основном это происходило между Первой и Второй мировыми войнами и в первое послевоенное десятилетие. К предлагавшимся парадигмам принадлежали марксистские конструкции советской археологии, неоэволюционизм, структурализм и др., а противостояли им эмпирические школы и гиперскептицизм.

В шестой блок вошли те главы, в которых изложены сциентистские увлечения археологов, означавшие пик модернизма в археологии. Это формализаторские новации шведских и французских археологов и, конечно, разные школы Новой Археологии. Деятельность их падает в основном на два десятилетия — 1960-е — 1970-е годы.

Последний, седьмой, блок охватывает главы, в которых излагается последовавшая реакция на модернистские увлечения (реакция, постмодернистская по направленности), а затем всё разнообразие современных течений в археологии. Это время, в которое тяга к разномыслию и скепсису (антисистемные движения) сочетается с тоской по ключевому объяснению (третий эволюционизм).

Эта структура не дает четкого деления на эпохи — блоки тематически сгруппированных глав хронологически «налезают» друг на друга, но это и естественно для истории, в которой разные течения конкурировали и спорили друг с другом, в которой были лидирующие течения, были притязания на роль парадигм, но не было парадигм.

6. Кандидаты на внимание. В конце XX века попеременно только самые мощные центры археологических исследований, не обязательно традиционные, выдвигали концепции, способные стать лидирующими, — богатые университеты США, Кембридж. Надо ли ожидать следующую непременно оттуда же?

Учитывая опыт Новой Археологии, которая, не зная того, повторяла многие идеи советской археологии 20-х — 30-х годов, опыт бихевиорной археологии, разрабатывавшей те идеи, которые уже раньше ввели Вале и Эггерс, опыт пост-процессуальной археологии, откровенно жившей багажом структуралистов, контекстуалистов, гиперскептиков и культурно-исторической археологии, можно ожидать, что и новая лидирующая с претензией на общность теория как-то возобновит ту или иную из теорий прошлого. Какая именно привлечет внимание молодежи, трудно сказать.

Можно лишь перечислить те, которые сохранили живучесть поныне, и те, потенциал которых по каким-либо причинам не был использован вполне.

1) Это прежде всего продолжающий развиваться *эволюционизм*, а современный эволюционизм в лице Дарвиновской археологии, селекционизма и ему подобных — это теория, сближающая культуру с биологическими общностями. Я не имею в виду идеи полного уподобления этноса биологическому виду, как у Гумилева. Нужно четко различать, что́ в культуре и в природе общего и в чем они различны, и только на основе этого различения проводить сближение. Но не нужно и игнорировать их общность. Генетическая информация и культурная информация различаются многими параметрами, и это сказывается на реализации, но та и другая передаются и наследуются, подчиняясь одним и тем же общим законам.

2) В числе выживших старых концепций, стремящихся реализоваться в археологии, можно также назвать *марксизм*, который оказался очень живучим. Будучи одной из утопических идеологий, он развил обширную систему научного обоснования социалистических идей и привлек симпатии беднейших масс населения, а также идеалистической интеллигенции в разных странах. Эти симпатии всё время подпитываются обострениями бедствий и недовольством беднейших слоев населения. Соответственно, то одни, то другие стороны марксизма находят выражение в увлечениях молодых ученых. Ведь марксизм поставил на службу революционной идеологии разные научные гипотезы, в нем отложились разные взгляды. Вот и выдвигается на первый план то одна идея, то другая. То это материалистическая струя, в частности в «критической теории», то диалектика.

Как раз на территории бывшего социалистического блока найти убежденных марксистов среди известных археологов и преисториков сейчас трудно, потому что марксизм здесь был обязательным и навязанным (но есть, например, Юрий Семенов). А вот среди западных археологов марксистами после Чайлда быть не зазорно, и марксистами являются очень видные и заметные археологи — Брюс Триггер, Кристиан Кристенсен, Майкл Ролэндс, Филип Коул, Марк Лиони.

3) Индивидуалистическая тенденция, хоть она и имеет своих сторонников в современной археологии («теория активности», интерперсонализм) кажется мне менее перспективной. Уж очень она не соответствует природе археологического материала, по неизбежности связанного с массовыми процессами. Кроме того, пока не было примеров ее впечатляющей и широкой реализации в методах.

4) Информационный подход к культуре — вот еще один возможный источник новых идей. Мне представляется, что совершенно не использованы потенции теории *коммуникации* в применении к археологическому изучению культуры. Культура как объем информации и культурно-исторический процесс как система коммуникации — это, по-моему, благодарные идеи для разработки, очень современные, они просто напрашиваются, и я очень удивлен, что до сих пор нигде ничего подобного моим разработкам этой темы не появилось.

Возможно, кому-то общий ход и характер истории археологического мышления, как он предстал перед нами в итоге этого курса, поможет определить перспективную теорию.

7. Проблема взаимодополнительности. Одно важное явление, выступающее с последнего десятилетия XX века, отметил Брюс Триггер — осознание того, что многие противоположные подходы к анализу археологического материала являются не исключающими друг друга, а взаимодополнительными (Trigger 2003b).

Пути сотрудничества и общий язык пытаются найти процессуальная и постпроцессуальная археологии. Так, в 1991 г. пост-процессуалист Роберт Прусел (R. Preucel) выпустил в Америке книжку «Процессуальная и постпроцессуальная археологии: разные пути познания прошлого». В 1999 г. Кристина и Тодд ВанПулы (Chr. and T. VanPool) составили сборник «Научная (scientific) природа постпроцессуализма» (научными в этом плане считались только процессуальные работы). В другом сборнике ВанПулов, 2003 г., Тимоти Покетэт (Pauketat) предлагает этакую теоретическую амальгаму, которую он называет «исторически-процессуальной археологией». В том же году Мишель Хегмон в статье «Отставляя теоретические эго» комбинирует идеи из разных направлений под названием «процессуальная-плюс археология». Активно стремятся «навести мосты» бехевиорные археологи — Майкл Шиффер в статье «Некоторые отношения между бихевиорной и эволюционной археологиями» (1996 г.) и в сборнике «Социальная теория в археологии: наведение мостов» (Schiffer 2000). Кристиан Кристиансен в статье «Гены и активные индивиды. Дискуссия о расширяющемся теоретическом разрыве в археологии» (Kristiansen 2004) предлагает возобновить теоретические дебаты, но в поисках общих понятий и с сознанием взаимодоплнительности. Свой призыв к толерантности постпроцессуалист Мэтью Джонсон иллюстрирует двумя картинками: на одной состояние археологической теории 1988 г. изображено Саймоном Джеймсом как сплошная драчка всех со всеми, на другой через 10 лет Мэтью Джонсон лично рисует на этом месте трогательную пастораль.

Конечно, не всё проходит в этом деле гладко. Чаще всего просто приверженцы одной теории, выступая за объединение, просто надеются абсорбировать другие теории в свою — превратить их в подразделения своей теории. Такой подход особенно характерен для пост-процессуалистов. Дарвиновские эволюционисты вообще не идут ни на какие уступки.

Да и насколько это возможно? Рассмотрим ситуацию множественности теорий и проблему выбора.

8. Выбор и полемика. Надеюсь, мне удалось показать, что концепция парадигм применительно к развитию археологии последних столетий неверна. Всё это время в каждый период существовало по несколько основных концепций, из которых каждый археолог мог и был вынужден выбирать, чего придерживаться. То эти концепции выступали в виде образцовых конкретных исследований (как у Брёйля или Косинны), то находились теоретики, бравшие на себя смелость и труд сформулировать принципы нового направления (как Тэйлор), то это удавалось, хотя и редко, объединить в одном лице (как у Софуса Мюллера), бывало, что практика и теория лидирующего археолога не совпадали (как у Монтелиуса).

Многих практиков эта ситуация множественности предлагаемых теорий нервировала, особенно если в лидерах преобладали теоретики. Тогда археология начинала напоминать практикам плохой фильм, в котором на экране одни говорящие головы, которые всё говорят, говорят, проповедуют, а надо бы показать действие. В «Шотландском Археологическом Обозрении» так и назвали критическую статью: «Говорящие головы» (Peyor 1983).

Еще больше нервировало практиков (а также и некоторых теоретиков) сосуществование разных терминологических систем в археологии. Что ни труд, то свой терминологический «глоссарий». Они требовали созвать всемирную конференцию и голосованием утвердить единую терминологическую систему, чтобы все археологи,

по крайней мере, разговаривали на едином языке. У нас такие мечты высказывал Б. Б. Пиотровский, а в теоретических статьях проповедовал в Москве Ю. Н. Захарук. Близок к этим требованиям был и Ж.-К. Гарден, который ведь и предложил единую систему описания вещей. Что касается единой системы описания вещей, то тут единство возможно и необходимо. Но вот чем выше по уровням интерпретации, тем перспектива унификации затруднительнее.

Ведь единый набор терминов предполагает единую систему понятий, в том числе теоретических. А понятия образуют именно систему, которая отражает специфику определенной концепции. Значит, для унификации системы понятий необходимо унифицировать взгляды археологов, обязав их придерживаться одной единственной теоретической концепции. Это было естественно для марксизма, для всякого тоталитарного режима, но совершенно неестественно для либерально-демократической научной традиции, для которой характерен именно плюрализм идей, трактовок и свобода мнений, свобода выбора. Она составляет необходимую основу для развития науки.

С другой стороны, терминологический и понятийный разнобой действительно затрудняет взаимопонимание и рискует раздробить исследования на бесчисленные нагромождения частностей. Здесь нужно отделить те части науки, в которых единство и унификация возможны и нужны (описание артефактов и памятников и соответствующая номенклатура, методы работы), от тех частей, которые тесно связаны с теоретическими конструкциями. Но и в этих последних кое-что можно сделать для упорядочения, а именно: выделить универсалии, т. е. общеупотребительные понятия, выделить понятия, объединяющие несколько теорий, пусть и не все, классифицировать все теории по некоему единому критерию и соответственно упорядочить существующие в этих блоках понятия. Видимо, те понятия, которые относятся к этным по Пайку, можно унифицировать, а вот те, которые относятся к эмным — нельзя или во всяком случае значительно проблематичнее.

9. Телеконнексия и источники новаций. Уже давно историки науки подметили, что развитие разных дисциплин переживает одни и те же этапы, что в них проявляются (с модификациями, конечно) одни и те же течения, и что контакты между дисциплинами часто имеют следствием перенесение идей из одной дисциплины в другую. Сходства и связи между разными дисциплинами принято называть *телеконнексией* («дальней связью»), а проникновение идей из одной дисциплины в другую — «*методологической экспансией*».

В истории археологии многие отмечали, что эволюционизм сперва проявился в биологии и вообще в естествознании, потом в культурной антропологии (этнологии) и лишь затем в археологии (это отмечали и сами первые эволюционисты-антропологи и археологи). Миграционизм, конечно, выявляли прежде всего в лингвистике, хотя надо бы — в зоологии (миграции животных), потом в физической антропологии, а уж затем в археологии. Ранние проявления диффузионизма-трансмиссионизма отмечали в фольклористике, потом в географии, лишь после нее в археологии. Достижения Новой Географии ставили себе в образец и сами «новые археологи».

Но только при анализе пост-процессуализма как ответвления постмодернизма критики стали охватывать большую систему наук. Полнее всего это осуществил английский археолог Джон Бинтлиф в работах 1986–1993 гг. (Bintliff 1986, 1988, 1991a, 1991b, 1993). Он пришел к общему выводу:

«...если мы анализируем развитие идей в археологии, начиная с последней части XIX века, совершенно ясно, что для периодов в десятилетие или больше те же самые основополагающие концепции и интеллектуальные подходы характеризуют наш предмет, они могут быть найдены в других дисциплинах; но обычно интеллектуальные движения во всех этих предметах не совпадают по фазе. Время диффузии для крупной новой концепции, например, из социологии в археологию, может занять столько, что к тому времени, как ее потенциал прокламирован ... [в археологии], социологи уже исчерпали ее ценность, нашли в ней серьезные недостатки, и, возможно, уже переходят к новому концептуальному подходу» (Bintliff 1991b: 2).

Бинтлиф собрал эти данные для доказательства изначальной слабости пост-процессуализма в археологии, но ясно, что при более осмотрительном применении идеи из смежных дисциплин могут быть использованы как источники инноваций в археологии. И они не раз использовались в этом плане.

Еще в мои студенческие годы, когда я, занимаясь на двух факультетах университета одновременно — на филологическом фольклористикой и языкознанием, а на историческом (археологией), проходил историю этих дисциплин, я обратил внимание, как схожи этапы их развития, как одни и те же идеи получали в них выражение в одной и той же последовательности. Впоследствии к этим наукам добавлялись другие, к которым приходилось обращаться — философия, социология, биология, география. Я даже составлял сравнительные таблицы, чтобы выяснить, нет ли в них пустых ячеек — нельзя ли предсказать возможность появления в той или иной науке идей, которые уже проявились в других, а в этой еще не использованы. Такие таблицы не лишены смысла и сейчас (рис. 44.3).

Поэтому я с большим удовлетворением встретил выкладки Бинтлифа и воспринял их не только как аргумент критики.

На этом вписывании хода археологического мышления в общее развитие науки я заканчиваю свой курс истории археологической мысли.

10. «Использование теорий» и Клаус Рандсборг. Я стремился прослеживать не столько историю самих идей, общие линии их происхождения и развития, сколько их реализацию в конкретных концепциях, методах, деятельности школ и течений, а также в творчестве конкретных археологов, отбирая наиболее значительных. Поэтому, надеюсь, мой курс будет полезен и для археологов-практиков, которых в нашей науке, естественно, гораздо больше, чем теоретиков.

У практиков обычны два типа отношений к деятельности ведущих теоретиков археологической дисциплины.

Практики первого типа проявляют полное игнорирование. Отношение этих археологов к теоретикам сводится к простой сентенции: всё, что делают эти высоколобые мыслители, нас совершенно не касается, для нашей работы бесполезно, и тратить время на ознакомление с этой заумной болтовней незачем. От истории науки, если она вообще их интересует, они ожидают только сведения о накоплении фактов, о важнейших раскопках, культурах, археологах. На деле эти археологи-практики, даже проводя самые примитивные и фрагментарные операции, вынуждены применять методы, понятия и терминологию, выработанные в каких-то теоретических концепциях, только выбирают их по случаю, обычно из старых концепций, частенько устарелых и не всегда состоятельных.

Археологи-практики второго типа, не работая самостоятельно над теориями, проявляют, однако, живой интерес к тому, что делается в теоретической археоло-

философия	лингвистика филология математика	социология и история	психология	география и геология	биология	этнология и антропология	археология
		история народов – Вольтер					стилистический компаративизм Винкельмана
	прогрессивная типология языков			катастрофизм Бюффона	идея Лестницы Существ, катастрофизм Кювье	прогрессизм Нильсона	прогрессизм Томсена - Ворсо
	филологическая критика						филологическая школа классич. археологии
позитивизм Конта и Спенсера	эволюционная типология языков Макса Мюллера и Шлейхера	эволюционная социология Бокля и Фюстель де Куланжа, нем. историч. школа	адаптивно-эволюционная психология Спенсера - Пфлюгера	космогоническая теория Канта - Лапласа	трансформизм Ламарка и Жоффруа Сент-Илера, дарвинизм	эволюционизм Тайлора и Лаббока	эволюционизм Питта Риверса и Мортилье
		биологизация социологии	Гальтон, Ломброзо		генетика	«социальный дарвинизм», евгеника	расистская археология Косинны и др.
персонализм		учение Лампрехта, Эмерсон	персонологич. психология В. Штерна и др.			партикуляризм Боаса	индивидуализм формализм Бруна - Фуртвенглера
национальный романтизм Гердера	компаративизм	Макс Вебер			гистология Вирхова	антропогеография Ратцеля	этнокультурные интересы, Вирхов
					миграционная Концепция эволюции М. Вагнера	Ратцель	миграционизм: Косинна, Ф. Питри, Брёйль
	младограмматики, теория волн диффуззм Бенфея		теория имитации и коллективная психология			трансмиссионизм Гребнера	трансмиссионизм: Уилер
	идея скрещений у Марра						комбинационизм
					формальная систематика		таксономизм
		географический детерминизм		функциональная психология		многолинейный неоэволюционизм	
		культурно-историч. школа Буркхардта - Лампрехта				народоведение Риля	культурно-истор. археология (универсальн.)
диалектич. материализм	яфетическая теория и новое учение Марра	исторический материализм	теории социальной обусловленности психики	мутационизм, неоламаркизм		теория стадиальности	теория стадиальности и метод восхождения

марксизм						неэволюционизм Уайта и Стюарда	неэволюционизм Чайлда, Брейдвуда, Адамса
	структурализм	школа Анналов	гештальт-психология			структурализм Ван Геннеп, Пропп, Леви-Стросс	Структурализм: Кашниц-Вейнберг, Диц и др.
Пирс, Джеймс, прагматизм Дьюи			психология народов, функц. психол., топологическая психология К. Левина, Фрейдизм			функционализм, конфигурационизм, культура и личность	контекстуализм: Уолтер Тэйлор, поселенческая археология
индуктивизм Бэкона и Локка							эмпиризм: Гёрнес, Мерхарт и др.
			гормическая психология МакДаугола, эмерджентная эволюция				эмергентизм Вале
критический реализм, инструментализм Дьюи	критическая школа	идеалистический историзм Коллингвуда					гиперскептицизм: Бру, Дэниел, Хокс, Пиготт
неорационализм			генетическая психол. Пиаже				сциентизм: Гарден, Мальмер
логический позитивизм						неоэволюционизм Л. Уайта	Новая Археология гемпелианская
аналитическая философия, лингвистический позитивизм			псих. атомизм Вундта и Титченера	Новая География	аналитическая биология		Новая Археология аналитическая
системный подход, вторая кибернетика					системный подход Берталанфи	когнитивная антропология	Новая Археология серутанская
			бихевиоризм				бихевиорная археология
феноменология, герменевтика, критич. теория деструктивизм	феноменологический дескриптивизм (Блумфилд)		понимающая психология Дильтея и Брентано			постмодернистская антропология Гирц	постпроцессуализм Ходдер
	математическая теория катастроф Тома	мальтузианство и неомальтузианство		«катастрофический эволюционизм»			теория катастроф Ренфру
			неодарвинизм (селектогенез)		социобиология меметика		селекционизм Дарвиновская археология
		методическая индивидуализация М. Вебера	интеракционизм Дж. Мида и Р. Сирса, топологическая психология К. Левина			интерперсонализм, теор. социального поля	интеракционизм, теор. активности

Рис. 44.3. Телеконнексия основных течений в мировой науке.

гии и, понимая, что продукты теоретической работы приходится применять всем и всегда, хотят быть в курсе, быть в состоянии разобраться. Они внимательно читают теоретическую литературу, посещают дискуссии, симпатизируют одним лидерам археологической мысли, критически относятся к другим и активно используют те или иные идеи и методы, появившиеся в этой работе.

Видным представителем этого второго типа является датский археолог Клаус РАНДСБОРГ (Klavs Randsborg), многолетний заведующий Институтом (кафедрой) археологии Копенгагенского университета. Ровесник Кристиансена, он был его другом в молодости, потом они рассорились по какой-то личной причине, так что два головных археолога Дании десятилетиями не разговаривали друг с другом, но работы их во многом схожи. Рандсборг тоже полученные обобщением данные предпочитает выражать числами, статистикой, графиками, картами. Он тоже интересуется экономикой и социальными отношениями, социальной стратификацией, иерархией. Его хронологические штудии конца 1960-х — начала 1970-х годов по бронзовому веку Южной Скандинавии и Северной Германии послужили основой для его же исследований социального расслоения в раннем бронзовом веке и для исследований Кристиансена по экономике бронзового века. Несколько книг начала 1980-х годов посвящены у Рандсборга викингам и природе их рейдов по Европе. В 1991 г. Рандсборг издал обобщающий труд по Европе и Средиземноморью первого тысячелетия н. э. — о распаде Римской империи и образовании европейских наций и государств. Труд, в котором почти нет обычных археологических описаний находок и культур, зато много статистических анализов соотношений между природными условиями и экономикой, между деревнями и городами, между городами разного ранга и размера. Рандсборг препарирует археологическое прошлое, как естествоиспытатель. Пожалуй, это не принадлежность к определенной теории, но это стиль.

На протяжении конца века (и тысячелетия) и начала следующего Рандсборг увлекается дальними археологическими экспедициями — раскопками в Восточной Европе и Африке, продвигая туда передовую методику и технику раскопок. Он выдающийся практик полевой работы, обработки материалов и обобщения данных.

Но в 1980 г. он принял участие в конференции ТАГ в Саутгемптоне наряду с крупнейшими теоретиками археологии — Бинфордом, Ренфру, Роулэндзом, Фридмэном, Кристиансеном, Дораном, и ему было что сказать. Труды конференции опубликованы в 1982, в них статья Рандсборга «Теоретические подходы к социальным изменениям: археологическая точка зрения», но лучше ее суть выражена в названии первой, основной, из трех глав: «Использования теории».

В этой главе можно найти свидетельства готовности автора применять разные конкурирующие между собой методологические концепции, разные теории. Он констатирует, что за последние 10–15 лет археология испытала значительный рост концепций, теорий и методов, относящихся к динамике обществ прошлого (*имеются в виду, несомненно, Новая Археология и родственные сциентификаторские течения*). Как разобраться в этом изобилии? Археологи теперь ищут в своих материалах конфигурации, в которых могут отражаться социальные системы и их изменения, они также штудируют антропологическую литературу в поисках конфигураций поведения, способных отразиться в археологических остатках. Всё это ставит вопрос о материальных коррелятах действий социальных систем (*тут затронута, конечно, бихевиорная археология Шиффера и родственные концепции Бинфорда*). Но оказывается трудным определить общие линии человеческого поведения: археологические источники слишком фрагментарны и многозначны, а разнообразие культурного по-

ведения ничего не объясняет без учета адаптации к природной среде (*это подвижка в сторону энвиронментализма*).

«Когда оценка оказывается такой ужасной задачей и проблемой, важно обеспечить детальное знание контекста исследования» (Randsborg 1982: 424) (*это можно расценивать как признание основного принципа контекстуализма*). Тут же есть и еще более четкие выражения отчаяния: «На деле археология, в которой отсутствуют связная методологическая структура и набор обобщений, является открытым полем для гипотез, которые трудно проверить на опровержение. ... Нынешняя ситуация несколько шизофренична». Он видит это в том, что Новая Археология спешит в поисках единых законов, а твердой демонстрации их наличия нет. «Невозможно провести хоть какое-нибудь археологическое исследование вне теоретических рамок, но неопределенность нынешней ситуации призывает к постоянному скептицизму и релятивизму в действительной работе» (Ibid.) (*Это явное сближение с гиперскептицизмом*).

Затем Рандсборг рассуждает так:

> «Представляется, однако, важным рассмотреть природу и использование теорий в археологии. Нужно подчеркнуть, что теории абстрактны, "рукотворны", создаются, меняются и специально используются только при ряде обозначенных условий. Теории, из которых выводятся определенные закономерности, нельзя рассматривать как материализованные тем, что проверены ожидания, выведенные из них, — в частности потому, что дедуктивная проверка если что и может, то только опровергнуть, а не подтвердить некий случай. При нынешнем состоянии дел надежнее продвигаться индуктивно, используя разные теории как показатели возможных дальнейших направлений исследований и формировать подходы, а не догматические, статичные рамки...» (Randsborg 1982: 424–425). (*Тут уж выступают опора на эмпиризм и явная приверженность эклектическому принципу*).

Но дальше и эти предложения подвергаются сомнению: «С другой стороны, в «либеральном» подходе таится и большая опасность, ибо важный аспект использования теорий в археологии — это как оценить их, а для этой цели годится только точная нацеленность».

И следует очень важный вывод:

> «В нынешний период, когда преобладает неопределенность, либо из-за характера данных, либо из-за слабости нынешних теоретических подходов, решающим делом является установить системы оценки для разных теорий, т. е. фактически то же самое, что установить границы (применимости) любой данной теории» (Ibid.).

Я также давно придерживаюсь этого принципа, только у меня он имеет вид необходимости находить границы действия выявляемых законов — тогда они становятся небанальными, и основанные на них теории получают релевантность — резонную применимость (Klejn 1972b). Тогда многие из этих теорий вступают с другими в отношения взаимодополнительности, а создатели новой теории могут позаботиться о придании ей статуса более общей и о включении в нее старых теорий как частных случаев (Клейн 1972a, 1981).

Таким образом, Рандсборг, как бы выступая от лица всех археологов-практиков, сформулировал очень важные и повсеместно приемлемые принципы для них в вопросе об отношении к теоретическим проблемам археологии — к тому, что в моем курсе обозначено как движение археологической мысли. Принципы эти могут быть сведены к трем:

1. Считать своим основным долгом добывание археологического материала — твердых фактов археологии и их обработку с опорой, прежде всего, на *индуктивный* метод. Этот принцип наиболее четко выражен Курбэном.

2. Придерживаться здорового *эклектизма*, т. е. стремиться найти во всех теориях рациональное зерно, использовать их интересные идеи, применять разработанные ими понятия и методы, поскольку они не противоречат друг другу. Ведь именно теории определяют пул проблем, на которые нужно искать ответы в раскопках и формируют инструментарий для обработки материала. Это принцип высказывали Триггер и другие археологи.

3. Относиться ко всем теориям с изрядной дозой *скептицизма*, особенно в аспекте их генерализации. Стремиться найти *пределы*, в которых их основные положения справедливы, а лежащие в их основе закономерности действительны. К этому принципу призывал и я.

Приведя во второй главе некоторые конкретные примеры для иллюстрации своих соображений, Рандсборг в третьей главе суммирует свои мысли в метафоре, однажды уже использованной в другом контексте Мортимером Уилером — это сопоставление археологии с железной дорогой. «Если мы сравним социальное и культурное поведение в целом с железнодорожной системой, — пишет Рандсборг, — то мы можем принять поезда за культурные ячейки, сопоставимые с культурами, традициями или даже обществами в их исторически специфической форме». Рельсы напоминают Рандсборгу «законы», определяющие путь и возможность поездки, но не когда какой поезд проходит — это определяется «расписанием». Можно найти в археологии, что́ соответствует пропускной способности системы, пассажирам или проносящимся мимо пейзажам. Но

> «проблемы описания и понимания системы покоятся не в самих поездах или даже не в направлении и характере рельсовых путей..., а в расписании, поведенческом компоненте. В археологии поиски порядка в этой области не ушли очень далеко. Часто простое представление, что поезда идут, это почти все, что можно сказать. В нескольких случаях добавочно включаются сравнения с другими системами рельсов — как в эволюционных моделях» (Randsborg 1982: 429).

Всё, что можно делать, полагает Рандсборг, это

> «устанавливать соотношения — типов поездов, их возможных встреч, пересадок, целей поездок и даже путей. Важно моделировать это, но равно важно установить ограничения любой теории, предотвращая веру в предвзятые "законы" поведения, которые могут оказаться окаменевшими теориями. Единственная область, в которой мы можем иметь дело с отношениями, напоминающими естественнонаучные законы, это область рельсов, "механическая", где ничего не говорится о специфически исторической ситуации» (Ibid.).

Это суждение поясняет предпочитаемый Рандсборгом стиль исследования — опора на твердые факты о природной среде, экономике, на графики и статистические таблицы.

Использование этой метафоры Уилером было более простым. Тот подставлял под «расписание» стратиграфию, последовательность, а культуры трактовал как «поезда». С культурами как поездами Рандсборг не отходит от Уилера, а законы и соответственно теории в сущности Рандсборг делит на два ряда: один определяется «рельсами» — законами типа естественнонаучных, т. е. универсальных и почти вечных, и на них Рандсборг считает возможным опереться. Другой ряд состоит из

законов и теорий, сопоставляемых с «расписанием» и представляющих «поведенческий», исторический компонент. Тут желанный порядок в археологии не установлен.

Осмелюсь предположить, что если речь идет о порядке, сопоставимом с расписанием поездов и соответственно с железными рельсами для их прохождения, то такой порядок в археологии не будет установлен никогда, потому что тут метафора хромает. Законы в социальной антропологии и в культуре, в том числе материальной, большей частью вероятностные, то и дело сочетаемые со случайностью. События и процессы лишь в общем и целом определяются этими законами, а на осуществление воздействует столько разных факторов, что скепсис Триггера относительно предсказаний справедлив. Уточним: предвидение возможно лишь в очень общих чертах и на сравнительно небольшое время, а точное предсказание невозможно. История в каждый момент оказывается в открытой ситуации, из которой возможны разные выходы. Любое расписание поездов, действующее в таком духе, немедленно привело бы к ряду крушений.

История скорее напоминает регулировку на дорогах, где потоки автомашин предсказуемы лишь частично, колеблются, где пробки образуются по разным причинам, в том числе и из-за аварий по вине пьяных водителей или недисциплинированных пешеходов.

Но археология всё же в лучшем положении, потому что она должна не предсказывать ход истории, а только восстанавливать уже прошедший, а здесь к услугам археолога не только совокупность законов (их было бы недостаточно для устранения неопределенности), но и оставленные следы. В этом смысле археолог сопоставим не с начальником железнодорожной станции, призванным наладить движение при шатком расписании, и даже не с автоинспектором на шоссе, а со следователем, прибывшим к месту автопроисшествия и обязанным установить, что произошло и по какой непосредственной причине. В его распоряжении есть следы, часто остатки (нередко, к сожалению, останки) и опыт разбора предшествующих инцидентов. А с чем здесь сопоставимы теории? А с *теориями*, которых и в криминалистике достаточно. Метафоричность метафоры снимается, и остается простое сравнение. Сравнение археологии с криминалистикой на мой взгляд не случайно и коренится в самой природе археологии (Клейн 1992; 2004: 136–163).

11. Самооценка и «критическая теория». Заканчивая свой труд и окидывая его критическим взглядом, я понимаю, что труд этот далек от совершенства. Сделав его более детальным, чем аналогичный труд моего покойного друга Брюса Триггера, я не смог добиться такого же всеобъемлющего, истинно глобального охвата, какой характерен для его труда. Тут мне не хватило знакомства с различными ветвями мировой археологии за пределами европейской и североамериканской, опыта работы в разных регионах мира. Возможно, и в затронутых моим анализом регионах я просмотрел какие-то важные фигуры, а для последнего времени — и целые школы и течения. В последние годы я был прикован болезнью к дому, а в Петербурге его великолепные библиотеки именно в последние годы слабо пополнялись, многие ведущие археологические журналы, особенно новые, не поступали ввиду недостатка ассигнований. Это компенсировалось дружеской поддержкой многих археологов, присылавших мне свои книги и оттиски, но неизбежно ограничивалось кругом моих друзей и знакомых.

Вполне возможно, что в дальнейшем кто-то, а может быть, и я сам, мог бы вписать в мой курс дополнительные главы или разделы.

Наверняка в моем труде обнаружатся и другие изъяны. Не все будут согласны с моими трактовками ряда историографических сюжетов. Для других в моем труде недостаточно проявлены мои собственные позиции — Крис Тилли (Tilley 1991) упрекал в этом мои предшествующие историографические труды. Он писал, что я слишком стремился соблюсти баланс, что всё время взвешивал: «с одной стороны..., с другой стороны...», а то еще и «с третьей стороны...». Что стремился угодить и нашим, и вашим, тогда как нужно выбрать четкую линию, ее и придерживаться, чтобы всем было ясно, каких от меня пристрастий ожидать, что разоблачать. Марксист, так марксист, процессуалист, так процессуалист, миграционист — и это сгодится, лишь бы было четко. Поскольку социальная зависимость и идеологическая ангажированность (хотя бы и подсознательная) неизбежны, то пусть это будет видно другим и себе.

Мне представляется, что Тилли не понял специфики историографической работы. Во-первых, историограф, да еще университетский преподаватель, должен прежде всего с *максимальной* объективностью изложить рассматриваемые концепции, их обоснования и критику, сообщить все плюсы и минусы (Klejn 1991a). Идеальная объективность не всегда достижима, возможно, и вовсе недостижима, но максимальная может к ней приближаться. Собственной точки зрения *по сути* каких-то концепций у историографа может и не быть. Было бы смешно, если бы решительно по всем вопросам археологии историограф пытался разработать собственную точку зрения. Но в тех случаях, когда она есть (и когда историограф считает уместным ее изложить в общем курсе), он должен представить ее на равных правах с другими точками зрения, сообщив ее аргументы, но не умолчав о ее слабых местах.

Во-вторых, Тилли не учел того, что реальные археологи далеко не всегда соответствуют нормам «критической теории». Я уж не говорю о том, что они меняют свои взгляды на протяжении своей жизни, даже не сменив социальных и политических симпатий. Риверс был эволюционистом, а стал диффузионистом. Дэниел был диффузионистом, а стал гиперскептиком. Но они вдобавок нередко сочетают в своих воззрениях идеи разных археологических школ. Диффузионист Чайлд стал лидером неоэволюционизма, не отказываясь от диффузионизма, и вдобавок развивал марксистские идеи. Леруа-Гуран комбинировал неоэволюционные взгляды с контекстуализмом и структурализмом. Поскольку пост-процессуализм отличается небывалой эклектикой, у самого Тилли можно найти идеи марксизма, пост-структурализма, контекстуализма и бог весть чего еще.

В-третьих, Тилли не понял моей основной позиции. Она ему (как пост-процессуалисту и стороннику «критической теории») слишком чужда. Заключается она в убеждении, что теории обычно выделяют некий фрагмент реального мира и абсолютизируют некую сторону действительности, что выявляемые ими закономерности не универсальны. Поэтому они не исключают друг друга, а оказываются взаимодополнительными, и нужно эту взаимодополнительность нащупать и выявить.

В этом моя позиция близка позициям Рандсборга, Ренфру и Триггера. Подобно Рандсборгу, я ищу возможность использовать и сочетать разные теоретические концепции. Подобно Ренфру (а в прошлом Чайлду), я считаю, что «археология одна» и нужно ликвидировать «Великое Разделение» (выражение Ренфру — Renfrew 1980) двух традиций — классической (а также ориенталистической) археологии, с одной стороны, и первобытной (а также средневековой) — с другой. Я также действовал в этом духе и ныне объединил историю обеих археологических традиций в моем курсе. Подобно Триггеру, я был убежден в необходимости работать над сближени-

ем двух враждующих археологических наук — западной и «реального социализма», когда мир был расколот, и мы работали с двух сторон «железного занавеса» над достижением этой задачи — задачи сближения. Я не забыл, что когда моя «Панорама» 1977 г. вышла в свет Триггер публично обрадовался тому, что советский археолог обращается к западным «теперь уже не с другой планеты» (Trigger 1978), а когда КГБ инициировал мой арест, Триггер расценил это в печати как «тяжелый удар по диалогу Восток — Запад» (Trigger 1984b: 91). Ход истории снес «железный занавес» и разрушил почти все тоталитарные империи, но раскол мира не исчез, и задача сближения двух или даже трех миров осталась.

Мне около восьмидесяти. Я не знаю, сколько мне еще осталось жить, знаю лишь, что немного. Поэтому я не могу больше ждать, пока у меня накопится больше знаний и еще какие-то недостатки моего труда выправятся. Приходится издать его в том виде, какой достигнут к этому моменту. Меня утешает сознание, поддерживаемое моими студентами (за что я им бесконечно благодарен), что труд мой будет и в таком виде полезен. Есть у меня и тайное подозрение, что написать достаточно детально историю мировой археологии, мирового археологического мышления, сегодня в России не смог бы никто, кроме меня. Значит, я должен был это сделать.

12. Некоторые уроки. Как в конце каждой главы, предложу некоторые частные уроки, на сей раз из всего курса.

Перед нами прошла вся история мировой археологии, по крайней мере, в ее ведущих очагах. Самые разные люди находили в ней свое призвание. Не забудем, что не всем удавалось его реализовать. В этом курсе мы встречали только тех, кто сумел это сделать — оставить заметный след в истории науки. Однако история науки складывается не только из этих достижений. Да они были бы и невозможны, если бы одновременно тысячи скромных работников не делали сотни тысяч не столь заметных, но необходимых вкладов — накапливали материал, обрабатывали его, реализовывали идеи великих творцов. Но из этих творцов лишь немногие были преисполнены сознания собственного величия и стремились к этому статусу — Буше де Перт, Косинна, возможно, Рейнеке. Чаще из таких личностей получались свихнувшиеся фанатики вроде Ле Плонжона или фальсификаторы типа Деникена. Обычно выдающимися творцами становились не они, а те, кто ставил интересы науки выше собственных, кто был готов трудиться на этом поприще и без шансов на скорую и большую удачу, но — и это самое важное — *кто всегда был к ней готов*. Поэтому всегда стремился выполнять свое дело на высочайшем уровне мастерства и ответственности. Как Софус Мюллер, Грэйем Кларк или Михаил Ростовцев.

Второй урок, который вытекает из обобщения всего курса и разнообразия личностей, прошедших перед нами, это противоречие между их значением в истории дисциплины и стандартным набором способностей, считающихся для нее необходимым. *Роли в ней очень разнообразны*, и всё дело в том, чтобы суметь правильно оценить свои способности и найти им правильное применение. Чайлд был слабым полевым археологом, плохим лектором и скверным организатором. Но он был выдающимся систематизатором и именно этим занялся в археологии. Монтелиус мало копал, но был отличным типологом — и стал «королем археологии». Генералы Питт Риверс и Мортимер Уилер неохотно занимались теорией, но были отличными организаторами и прирожденными полевыми археологами. Если Шиффер плохой раскопщик, на что намекает Флэннери, но сумел отличиться как теоретик, хвала ему: он правильно определил свою функцию в археологии. Выполнил ее — и ушел из археологии.

Третий урок во многом печальный. Что характерно для всех выдающихся деятелей археологии — это их материальное бескорыстие. Богатые люди среди героев археологии были — граф Кэлюс, Шлиман, Питт Риверс, Уолтер Тэйлор. Но это богатства, использованные для археологии, не богатства, добытые археологией. Археология богатства не приносит. В лучшем случае успехи в ней могли принести скромный достаток и благополучие — в благополучной стране, где профессоров ценят. В большинстве случаев *археологи всё время в поиске денег.* Некоторым этот поиск удавался. Ларте нашел своего Кристи, Ренфру — своего МакДоналда. Кристиансен умел мобилизовать деньги разных фондов. Теперь и российские археологи узнали искусство этого поиска, но пока еще не поднаторели в нем. Казус Шлимана, когда прирожденный и осознавший свои задачи археолог полжизни копит деньги, а полжизни копает, — это всё-таки красивая сказка. На деле просто богач, разочаровавшийся в смысле жизни, решил сам заняться археологией. Иногда талантливые люди, не найдя себя в науке и не в силах выдержать экономический стресс, уходят из археологии в бизнес и промышленность. Это было в Англии (ученики Хиггза), бывает и у нас. Надеюсь, что читающие эти строки, коль скоро они всё это читают, свой выбор сделали, и сделали осознанно.

Четвертый урок из истории археологических знаний можно выразить так. История эта показывает, что *археология и ее отрасли неоднократно менялись.* Не нужно считать, что современное состояние той или иной отрасли археологии, да и всей дисциплины вечно. Нужно смотреть вперед и равняться на требования будущего, насколько их можно увидеть. Не оправдывать свое наплевательское отношение к передовым требованиям пессимизмом, неверием в будущее. Будущее очень быстро становится настоящим, а затем и прошлым, которое можно изучать. Все мы живем под объективом истории. Это не стоит забывать. Не знаю, как вы, а я давно уже это ощущаю, и это ощущение не оставляет меня ни на минуту. Я живу в истории нашей науки.

Пятый урок, если можно так сказать, политический. На протяжении всей истории археологического мышления можно было убедиться, что, несмотря на материальную незаинтересованность, археология всё же всегда оставалась наукой, задевающей людей за живое. Но это происходило по причинам идейным, и археология поставляла доказательства и опровержения для идеологических концепций религиозных, расовых, национальных, классовых и государственных. Эта партийная ангажированность археологии чувствовалась и чувствуется всегда, давя на личность археолога и переходя в материальную заинтересованность (путем издания книг, финансирования раскопок, создания ставок в учреждениях и т. п.). Порою эта сторона археологической активности приводила к интенсификации работ на каком-то участке (и всегда стоит спросить qui prodest — кому это выгодно?).

Но история науки поучительна: в конечном счете в таких случаях за временным и частным успехом всегда следует громкий провал, разоблачение и скверный долго не проходящий осадок. Близость Ворсо и Монтелиуса скандинавским королям носила сравнительно безобидный характер, но близость Курциуса Вильгельму II была явно политическим прислужничеством, а Теодор Виганд готов был выполнять просто функции германского разведчика (чтобы не сказать шпиона) на Востоке. Британскими разведчиками были Ролинсон, Вулли и Лоренс Аравийский. Косинновская археология вызывает больше усмешек и горечи, чем признания. Много советских работ 20-х — 30-х годов читать смешно и стыдно. Писать их можно было только под пистолетным дулом малограмотного политинструктора. Но и многие высказывания

британских археологов дышат национальным высокомерием колонизаторов (это показал Триггер); в идеях французских эволюционистов и антиэволюционистов звучит борьба клерикалов с секуляристами; между многими странами идет война на археологических картах; и т. д. Вместо участия в ней лучше всего выявить ее причины и показать несостоятельность самих археологических целей этой войны. Не то важно, кому принадлежала та или иная территория в древности, а то, что из этого ничего не вытекает. Знать же эти детали нужно для совсем других целей — чисто научных.

История науки показывает, что в свободных странах открытую ангажированность научная общественность встречает с презрением; скрытой ангажированности (предвзятости) избежать гораздо труднее; но в любом случае приверженность строгим методам и критериям доказанности позволяет выявить, показать и откорректировать отклонения от объективного изложения. Есть прямая связь между строгими методами и достоинством ученого. В археологии, как ни в какой другой науке, важны честность и честь.

Вопросы для продумывания

1. Есть ли у вас собственный кандидат на роль лидирующей среди концепций археологии новейшего времени?
2. Возьмем методологические концепции, применяемые на практике к трактовке хода истории дисциплины в данном курсе. Как бы Вы расположили их в порядке значимости их для данного курса?
3. Какие еще типы национальных археологий Вы могли бы выделить?
4. Какие аргументы за или против объединения археологических течений и школ в крупные блоки Вы могли бы предложить?
5. Кроме примененных здесь, в этой главе, какие еще графические схемы (сквозного характера) можно было бы применить для связывания воедино всех школ и этапов курса и для наглядного представления общей картины развития археологического мышления?
6. Какой фактор, по Вашему мнению, преобладает в телеконнексии — конвергенция или экспансия методологических идей?
7. Развивая метафору Рандсборга, что бы Вы могли предложить в археологии для сравнения с пассажирами, пропускной способностью, грузопотоками, пробегающими пейзажами и т. п.?
8. Согласны ли Вы с позицией Тилли или моей по вопросу о четкости взглядов историографа и есть ли у Вас дополнительные (к уже предъявленным) аргументы?
9. Какие еще недостатки Вам видны в моем труде?
10. Какие еще уроки из представленного курса Вы могли бы сформулировать?

Литература

Альтернативность и взаимодополнительность концепций: Peyor 1983; Trigger 1984a; 2003b; Preucel 1991; VanPool and VanPool 1999; 2003; Schiffer 2000; Hegmon 2003; Kristiansen 2004.

Телеконнексия: Bintliff 1986, 1988, 1991b, 1993.

Смена теорий с точки зрения практики: Randsborg 1982; Klejn 1972b; Клейн 1972a, 1981, 1992; 2004.

Личный итог: Trigger 1978a, 1984b; Renfrew 1980; Tilley 1991; Klejn 1991a.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З. А. 1971. Анри Брёйль (1877–1961 гг.) и относительная хронология палеолитического искусства. — Васильевский Р. С. (ред.). Первобытное искусство. Новосибирск, Наука: 22–39.

Аверкиева Ю. П. 1979. История теоретической мысли в американской этнографии. М., Наука.

Айналов Д. В. 1928. Академик Н. П. Кондаков как историк искусства и методолог. — Seminarium Kondakovianum, t. 2: 311–321.

Александров Д. А. 1994. Историческая антропология науки в России. — ВИЕТ, 4: 3–22.

Алексеев В. М. 1935. Н. Я. Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля. — ПИДО, 3–4: 62–69.

Алпатов В. М. 1991. История одного мифа: Марр и марризм. М., Наука.

Амальрик А. С. и Монгайт А. Л. 1959/1966. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., Наука.

Аникович М. В. 1994. В. И. Равдоникас о предмете и задачах истории материальной культуры. — Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб, Гос. Эрмитаж: 15–17.

Антонович В. Б. 1884. Змиевы валы в пределах Киевской земли. — Киевская старина 3: 355–370.

Аристов Н. Я. 1867. Предания о кладах. — Записки Имп. Российск. Географич. Общества по отделению этнографии, 1: 707–750.

Артамонов М. И. 1947. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра. — ВЛУ, 2: 79–106.

Артановский С. Н. 1963. Марксистское учение об общественном прогрессе и «эволюция культуры» Л. Уайта. — Ефимов А. В. и Аверкиева Ю. П. (ред.). Современная американская этнография. М., изд. АН СССР: 50–63.

Арциховский А. В. 1953. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии. — Виноградов В. В. и Серебрянников Б. А. (ред.). Против вульгаризации марксизма в археологии. М.; Л., изд. АН СССР: 51–69.

Арциховский А. В. 1955–63. Археология. — Очерки по истории исторической науки в СССР. М., 1955–1963: ч. 1 (1955): 525–535; ч. 2 (1959); 614–632; ч. 3 (1963): 586–596.

Афанасьев А. Н. 1865–1869. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения слвянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. I — III. М., изд. К. Солдатенкова.

Бабасов Э. 1970. Тейярдизм: попытка синтеза науки и христианизма. Минск.

Басилов В. Н. 1964. О происхождении культа невидимого града Китежа (монастыря) у озера Светлояр. — Вопросы истории религии и атеизма, 12: 150–169.

Бахтин М. М. 1965. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., Художественная литература.

Бахтин М. М. 1982. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Нью Йорк, Серебряный век.

Бем Ю. О. 1960. Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию Новгорода. — Вопросы истории, 1: 199–205.

Беридзе В. 1935. Детство и гимназические годы Николая Яковлевича. — ПИДО 3–4:135–151.

Бернал Дж. Д. 1958. Наука в истории общества. Пер. с англ. М., Изд. иностранной литературы.

Берталанфи Л. 1969. Общая теория систем — критический обзор. — Исследования по общей теории систем. М., Наука: 23–82.

Богаевский Б. Л. 1931. К вопросу о теории миграций. — СГАИМК 8: 35–38.

Бонгард-Левин Г. М. 1997. М. И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель. — Бонгард-Левин Г. М. (ред.). Скифский Роман. М., РОССПЭН: 145–184.

Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю. 1997. М. И. Ростовцев и Вяч. И. Иванов. — Бонгард-Левин Г. М. (ред.). Скифский Роман. М., РОССПЭН: 248–258.

Борисковский П. И. и Замятнин С. Н. 1934. Габриэль Мортилье. — ПИДО, 7–8: 88–107.

Борн М. 1955. Состояние идей в физике и перспективы их дальнейшего развития. — Терлецкий Я. П. и Гусев А. А. (ред.). Вопросы причинности в квантовой механике. Пер. с англ. М., Изд. иностранной литературы: 102–121.

Бочкарев В. С. 1975. К вопросу о системе основных археологических понятий. — Массон В. М. и Боряз В. Н. (ред.). Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., Наука: 34–42.

Бочкарев В. С. 1994. В. И. Равдоникас и революция в советской археологии. — Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб, Гос. Эрмитаж: 13–15.

Брайчевський М. Ю. 1968. Походження Русі. Київ, Наукова Думка.

Брайчевський М. Ю. 1992. Скарби знайдені і незнайдені. Київ, Наукова думка.

Бройль Л. де. 1962. Польза и уроки истории наук. — Бройль Л. де. По тропам науки. Пер. с франц. М., Изд. иностранной литературы: 296–317.

Бройль Л. де. 1963. Революция в физике (Новая физика и кванты). Пер. с франц. М., Атомиздат.

Бромлей Ю. В. 1973. Этнос и этнография. М., Наука.

Брюсов А. Я. 1954. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. — СА, XVIII: 13–48.

Брюсов А. Я. 1965. Восточная Европа в III тыс. до н. э. — СА, 2: 47–56.

Буров В. А. 2001. О семантике каменных лабиринтов Севера. — Этнографическое обозрение, 1: 53–65.

Буслаев Ф. И. 1873. Догадки и мечтания о первобытном человеке. — Русский вестник, 107 (10): 698–764.

Бутинов Н. А. 1979. Леви-Стросс и проблемы социальной организации австралийских аборигенов. — Бромлей Ю. В. (ред.). Этнография за рубежом. М., Наука: 114–148.

Васильев С. А. 1997. Современная французская археология палеолита. — Кузнецов А. М. (ред.). Проблемы археологии каменного века. Уссурийск, Уссур. гос. пединститут: 2–29.

Васильев С. А. 2002. Андре Леруа-Гуран и отечественная наука о первобытности (из истории русско-французских научных связей в археологии). — АВ, 9: 257–261.

Вернадский В. И. 1927. Мысли о современном значении истории знаний. Доклад, прочитаный в I засед. Комиссии по истории знаний. Л., изд. АН СССР.

Вернадский Г. В. 2002. О значении научной деятельности Н. П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения 1844–1924 (1924). — Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. М., Индрик: 228–257.

Вздорнов Г. И. 1997. Н. П. Кондаков в зеркале современной византинистики. — Труды отдела древней русской литературы Пушкинского Дома, 50: 792–797.

Викторова В. Д. 1977. Археологическая теория в трудах В. А. Городцова. – Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, Уральский гос. университет: 5–14.
Винкельман И. И. 1933. История искусств древности. М., ИЗОГИЗ.
Винкельман И. И. 1935. Избранные произведения и письма. М. — Л., Academia.
Винклер Г. 1913. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. Пер. с нем. М., Фарос.
Витгенштейн Л. 1958. Логико-философский трактат. Пер. с нем. М., Изд. иностранной литературы.
Витевский В. Н. 1893. Клады и кладоискание на Руси. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, XI: 411–425.
Вишняцкий Л. Б. 2002а. Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры. Кишинев, Высшая Антропологическая Школа.
Вишняцкий Л. Б. 2002б. О движущих силах развития культуры в преистории. – Восток 2: 19–39.
Вишняцкий Л. Б. 2005. История одной случайности или происхождение человека. Фрязино, Век 2.
Вулли Л. 1961. Ур халдеев. Пер. с англ. М., изд. Восточной литературы.
Высоцкий Н. Ф. 1911. Очерки нашей народной медицины. — Записки Московского археологического института, XI: 1–168.
Ганжа А. И. 1987. О современных методах иследований по истории археологии. — Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, Наукова думка: 36–37.
Гарден Ж.-К. 1983. Теоретическая археология. М., Прогресс.
Гегель Г. В. Ф. 1930. Сочинения, т. 1. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. М. — Л., Госиздат.
Геддон А. 1923. Переселение народов. Пг. – М., Книга.
Гейзенберг В. 1963. Физика и философия. М., Иностранная литература.
Гемпель К. 1977. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении. — Кон И. С. (ред.). Философия и методология истории. М., Прогресс: 72–93.
Геннинг В. Ф. 1982. Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов). Киев, Наукова думка.
Геннинг В. Ф. 1983. Предмет и объект археологии. Киев, Наукова думка.
Геннинг В. Ф. 1989. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев, Наукова думка.
Геннинг В. Ф. 1992. Археология древностей — опыт исследования истории и философии археологии начального периода. – Геннинг В. Ф. и Левченко В. Н. (ред.). Археология древностей — период зарождения науки (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). Киев, кооператив «Археолог»: 3–36.
Гиро П. 1898. Фюстель-де-Куланж. Пер. с фр. М., типолитография И. Н. Кушнерева.
Городцов В. А. 1908. Археология. Т. I. Каменный период. М.; Л., Госиздат.
Городцов В. А. 1910. Бытовая архелогия. М., изд. Московского Археологического института.
Городцов В. А. 1927. Типологический метод в археологии. Рязань, Общество исследователей Рязанского края (Серия методич., вып. 6).
Град Китеж. 1985. Горький, Волго-Вятское книжное изд-во.
Грецкий М. Н. 1978. Философский структурализм. — Богомолов А. С. (ред.). Современная буржуазная философия. М., Высшая школа: 540–560.
Гумилев Л. Н. 1989. Этногенез и биосфера Земли. Л., изд. ЛГУ.
Гуревич А. Я. 1972. Категории средневековой культуры. М., Искусство.
Гурина Н. Н. 1948. Каменные лабиринты Беломорья. – СА, X: 125–142.

Дараган Н. Я. 1983. Предмет и метод исследования в «Структурной антропологии» К. Леви-Стросса. — Бромлей Ю. В. (ред.). Пути развития зарубежной этнологии. М., Наука: 25–48.

Дарвин Ч. 1959. Воспоминания о развитии моего ума и характера. — Сочинения, т. 9. М., изд. АН СССР: 166–242.

Делич Ф. 1907. Библия и Вавилон. Пер. с нем. СПб, Суворин.

Длужневская Г. В. 1991. Деятельность РАИМК — ГАИМК: 1919–1937. — Материалы конференции «Археология и социальный прогресс. Вып. 1. М., Инст. археол. АН СССР: 31–44.

Дмитриев А. В. 2001. Каменные исполины Черноморья. — Дольмены: современники древних цивилизаций. Краснодар, Краснодарское книжное издательство: 56–88.

Добролюбский А. О. 1982. Характеристика теоретических разработок в зарубежной дескриптивной археологии. — Геннинг В. Ф. (ред.). Новые методы археологических исследований. Киев, Наукова думка: 61–73.

Добролюбский А. О. 1985. Критический обзор основных концептуальных представлений зарубежной археологии. — Геннинг В. Ф. (ред.). Археологические методы исторических реконструкций. Киев, Наукова думка: 106–119.

Дойель Л. 1979. Полет в прошлое. Пер. с англ. М., Наука.

Долуханов П. М. 1978. Истоки миграций (моделирование демографических процессов по археологическим и экологическим данным). — Проблемы археологии, вып. II. Л., изд. ЛГУ: 38–42.

Долуханов П. М. 2000. Истоки этноса. СПб, Европейский дом.

Дольник В. Р. 1994. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М., Педагогика-Пресс.

Дюгем П. 1910. Физическая теория. Ее цель и строение. СПб., Образование.

Егоров Д. Н. 1923. Генрих Шлиман. СПб, Брокгауз-Ефрон.

Елисеев А. В. 1883. О так называемых вавилонах на севере России. — Известия Русского Географического общества, XIX: 12–16.

Жебелев С. А. 1923. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Пг., Наука и жизнь.

Жук А. В. 1992. Василий Алексеевич Городцов в первые годы его научной деятельности. — Матющенко В. И. (ред.). Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, изд. Омского университета: 24–36.

Жук А. В. 1995. Василий Алексеевич Городцов в первые годы его научной деятельности. — Матющенко В. И. (ред.). Археология Сибири, ч. I. Омск, изд. Омского университета: 25–43.

Забелин И. Е. 1878. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? — Труды III Археологического съезда, т. I: 1–17.

Забелин И. Е. 1879. История русской жизни с древнейших времен. Т. 2. М., типография Грачева.

Замятнин С. Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. — Труды Института этнографии, н. с., 16: 89–152.

Захарук Ю. Н. 1970. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука. — Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., Наука: 7–16.

Зельнов И. 1988. Эволюционизм. — Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. М., Наука: 124–138.

Зуев В. Ю. 1997. М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника. — Бонгард-Левин Г. М. (ред.). Скифский Роман. М., РОССПЭН: 50–83.

Иванов В. В. 1978. Клод Леви-Стросс и его структурная антропология. — Природа, 1: 77–89.

Инал-Ипа Ш. Д. 1965. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, Алашара.

Иоффе А. Ф. 1935. Ученый исключительной трудоспособности. — ПИДО, 3–4: 212.

Казанова Дж. 1991. Любовные и другие приключения Джиакомо Казановы, кавалера де Сенгальта, венецианца, описанные им самим. Пер. с франц. Л., Васильевский остров.
Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. 1975. Анализ археологических источников. (Возможности формализованного подхода). М., Наука.
Керам К. В. 1960. Боги, гробницы, ученые. М., Иностранная Литература.
Керам К. В. 1962. Узкое ущелье и Черная гора. Пер. с нем. М., Издательство восточной литературы.
Кербелите Б. 1963. Литовские предания об исчезнувших городах. — СЭ, 5: 99–108.
Кларк Г. 1953. Доисторическая Европа: Экономический базис. Пер. с англ. М., Изд. иностранной литературы.
Клейн Л. С. 1962. Сказание о невидимом граде Китеже. — Вокруг света, 2: 33–36.
Клейн Л. С. 1971. Феномен СМ III и вопрос о языке линейного письма А. — ВЛУ, 8: 110–113.
Клейн Л. С. 1972а. О приложимости идей кибернетики к построению общей теории археологии. — Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., Наука: 14–16.
Клейн Л. С. 1972б. Рец. на: Coles J. N. and Simpson D. D. A. (eds.). Studies in Ancient Europe. Essays presented to Stuart Piggott. Leicester, 1968. — СА, 3: 385–389.
Клейн Л. С. 1973а. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). М.
Клейн Л. С. 1973б. Кипр и Крит в «Археологии мира». — Вестник древней истории, 2: 155–163.
Клейн Л. С. 1973в. Рец. на: Binford S. R. and L. R. (eds.). New perspectives in archeology. Chicago, 1968. — СА, 2: 303–312.
Клейн Л. С. 1974а. Генераторы народов. — Древняя Сибирь, IV, Новосибирск, Наука: 126–134.
Клейн Л. С. 1974б. Рец. на: R. Hachmann. Goten und Skandinavien. Berlin, 1970. — СА, 3: 278–284.
Клейн Л. С. 1975а. О сущности и границах аналитической археологии. — Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Часть III. Киев, Наукова Думка: 19–22.
Клейн Л. С. 1975б. Проблема смены культур в современных археологических теориях. — ВЛУ, 8: 95–103.
Клейн Л. С. 1976. Археология и преистория в системе И. Рауза. — СА, 1: 306–315.
Клейн Л. С. 1977б. Предмет археологии. — Археология Южной Сибири (Известия кафедры археологии Кемеровского университета, вып. 9). Кемерово, изд. Кемеровского университета: 3–14.
Клейн Л. С. 1977. Рец. на: И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М., 1975. — СА, 3: 309–317.
Клейн Л. С. 1978. Археологические источники. Л., изд. Ленинградского университета.
Клейн Л. С. 1980. Структура археологической теории. — ВФ, 2: 99–115.
Клейн Л. С. 1981. Проблема смены культур и теория коммуникации. — Количественные методы в гуманитарных науках. М., изд. Московского университета: 18–23.
Клейн Л. С. 1982. Введение в специальность. — Программа спецкурсов по археологии и этнографии. Свердловск, изд. Уральского университета: 3–7.
Клейн Л. С. 1986а. Илион и Троя (К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса). — НАА, 4: 86–116.
Клейн Л. С. 1986б. О предмете археологии. — СА, 3: 209–219.
Клейн Л. С. 1986в. Скептический комментарий к началу европейской истории [О мифичности Троянской войны]. — Знание — сила, 3: 41–44.
Клейн Л. С. 1988. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу. — СЭ, 4: 13–23.

Клейн Л. С. 1990а. О так называемых зооморфных скипетрах. — Проблемы древней истории Причерноморья и Средней Азии. Тезисы докладов. Л., изд. Гос. Эрмитажа: 17–18.

Клейн Л. С. 1990б. Тень похищенного золота. — Газета «Смена» (Ленинград), 1990, № 236, 10 октября, с. 4.

Клейн Л. С. 1991а. Археологическая типология. Л., Академия наук СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинградское археологич. научно-исследоват. объединение.

Клейн Л. С. 1991б. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции. — ВИЕТ, 4: 3–12.

Клейн Л. С. 1992. Методологическая природа археологии. — РА, 4: 86–96.

Клейн Л. С. 1993. Феномен советской археологии. СПб, Фарн.

Клейн Л. С. 1994. Бесплотные герои. Происхождение образов Илиады. СПб, Фарн, Художественная Литература.

Клейн Л. С. 1995. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии: Рец. на книгу Г. С. Лебедева 1992 г. — Тихонов И. Л. (ред.). Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. СПб, изд. Санкт-Петербургского университета: 173–186.

Клейн Л. С. 1996а. Глядя на наше вчера (Randall McGuire. A Marxist archaeology. San Diego, Academic Press, 1992). — Archaeologia Petropolitana, 1: 99–106.

Клейн Л. С. 1996б. Мы кроманьонцы: Дезадаптация человека к современной культуре. — Смыслы культуры. Международная научная конференция 11–13 июня 1996 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб, б. и.: 205–209.

Клейн Л. С. 1997а. Культурно-исторический процесс и теория коммуникации. — Грани культуры. Вторая международная научная конференция 4–6 ноября 1997 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб, б. и.: 107–110.

Клейн Л. С. 1997б. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Индом и Дунаем. — М. Е. Ткачук, И. В. Манзура и Л. А. Мосионжник (ред.). Стратум: структуры и катастрофы. СПб, Нестор: 47–66.

Клейн Л. С. 1997в. «Человек дождя»: коллекционирование и природа человека. — Музей в современной культуре. Сборник научных трудов. СПб, Санкт-Петербургская гос. академия культуры: 10–21.

Клейн Л. С. 1998а. Анатомия Илиады. СПб, изд. Санкт-Петербургского университета.

Клейн Л. С. 1998б. Генрих Шлиман в Петербурге. — Шлиман. Петербург. Троя. Каталог выставки. СПб, Славия: 8–15.

Клейн Л. С. 1999. Миграция: археологические признаки. — SP, 1: 52–71.

Клейн Л. С. 2000а. Археологическая периодизация: подходы и критерии. — SP, 1: 485–515.

Клейн Л. С. 2000б. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет). — SP, 4: 88–140.

Клейн Л. С. 2000в. Инвазия с севера на Среднеминойский Крит: оценка достоверности гипотезы. — Зуев В. Ю. (ред.). ΣΥΣΣΙΤΙΆ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб, Алетейя: 98–104.

Клейн Л. С. 2004. Введение в теоретическую археологию. Ч. 1. Метаархеология. СПб, Бельведер.

Клейн Л. С. 2005а. Византиец. — Кондаковские чтения I. Проблемы культурной преемственности. Материалы I международной научной конференции. Белогород, Белгородский гос. университет: 5–24.

Клейн Л. С. 2005б. Культура, первобытный примитивизм и концлагерь. — Культура и глобальные вызовы мирового развития. V Международные Лихачевские научные чтения, 19–20 мая 2005 года (Конгресс петербургской интеллигенции). СПб., б. и: 111–114.

Клейн Л. С. 2006. Ознакомление с не-археологической не-теорией. — AB, 14: 126–232.

Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Мухопад С. Е., Шалобудов В. Н. 1985. Раскопки курганов в Среднем Приорелье. – Проблемы археологии Поднепровья, 2. Днепропетровск, изд. Днепропетровского университета: 3–26.

Ковалевская В. Б. 1970. Центр анализа археологических источников во Франции (CADA, Марсель). – Б. А. Колчин и Я. А. Шер (ред.). Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., Наука: 211–217.

Ковалевская В. Б. 1991. Типологический метод В. А. Городцова. – Крайнов Д. А. (ред.). Проблемы изучения древних культур Евразии. М., Наука: 192–199.

Коллингвуд Р. Дж. 1980. Идея истории. Автобиография. Пер. с англ. М., Наука.

Колчин Б. А., Маршак Б. И., Шер Я. А. 1970. Археология и математика. – Б. А. Колчин и Я. А. Шер (ред.). Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., Наука: 3–7.

Комарович В. Л. 1936. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.; Л., изд. Академии Наук.

Кондаков Н. П. 1892. Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали. Санкт-Петербург, б. и.

Кондаков Н. П. 1884. Какая возможна в современной науке археологии постановка вопроса о влиянии в области искусства вообще и византийского искусства в частности. – Бюллетени VI Археологического съезда в Одессе, 4. Одесса: 11.

Кондаков Н. П. 1898. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб, типография Главного управления уделов.

Кондаков Н. П. 1899. О научных задачах истории древнерусского искусства. Санкт-Петербург, типография В. С. Балашова (отд. оттиск из Памятников древней письменности и искусства, 132).

Кондаков Н. П. 2002. Воспоминания и думы. М., Индрик.

Кондаков Н. П. и Толстой И. И. 1889–1899. Русские древности в памятниках искусства. Т. I – V. СПб, б. и.

Косарев М. Ф. 1972. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири. – СА, 4: 19–27.

Косарев М. Ф. 1988. О движущих силах экономического развития в древние эпохи (по урало-сибирским материалам). – Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, изд. Уральского университета: 4–14.

Косидовский З. 1968. Когда солнце было богом. Пер. с польск. М., Наука.

Крайнов Д. А. 1960. К столетию со дня рождения В. А. Городцова. – СА, 1: 120–124.

Крайнов Д. А. 1985. К 125-летию со дня рождения В. А. Городцова. – СА, 4: 265–268.

Крайнов Д. А. 1991. Памяти В. А. Городцова. – Крайнов Д. А. (ред.). Проблемы изучения древних культур Евразии. М., Наука: 12–27.

Криничная Н. А. 1977. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах». – СЭ, 4: 105–112.

Кристи Маллован А. 2006. Ну, расскажи мне, как ты живешь... СПб., Алетейя.

Криш Э. Г. 1996. Сокровища Трои и их история. Пер. с нем. М., Радуга.

Крофорд О. Г. С. 1924. Человек и его прошлое. Пер. с англ. Л., Начатки знаний.

Крупнов Е. И. 1956. О жизни и научной деятельности В. А. Городцова. – СА, XXV: 5–12.

Крывелев И. А. 1965. Раскопки в «библейских» странах. М., Советская Россия.

Кун Т. 1975. Структура научных революций. М., Прогресс.

Куратов А. А. 1970. О каменных лабиринтах Северной Европы. опыт классификации. – СА, 1: 34–48.

Куратов А. А. 1973. Древние лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы. – Историко-краеведческий сборник. Вологда, б. и.: 63–76.

Кучера М. П. 1987. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, Наукова думка.

Кучера М. П., Юра Р. А. 1975. Новые данные о «Змиевых валах» Среднего Поднепровья. – Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Киев, ч. 3: 90–91.

Кучера М. П., Юра Р. А. 1976. Дослідження Змійових валів у Середньому Подніпров'ї. — Дослідження з слов'яноруской археології. Київ: 198–216.
Кызласова И. Л. 1985. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., изд. Московского университета.
Лазарев В. Н. 1925. Никодим Павлович Кондаков (1844–1925). М., изд. автора.
Лакатос И. 1978. Структура науки и ее рациональные реконструкции. — Грязнов Б. С. и Садовский В. Н. (ред.). Структура и развитие науки. М., Прогресс: 203–269.
Лауэр Ж.-Ф. 1966. Загадки египетских пирамид. Сокращ. пер. с фр. М., Наука.
Лебедев Г. С. 1992. История отечественной археологии 1700–1917 гг. СПб, изд. Санкт-Петербургского университета.
Лебон Г. 1995. Психология социализма. Пер. с фр. СПб, Макет.
Левада Ю. А. 1962. Феномен Тейярда и спор вокруг него. — ВФ, 1: 153–156.
Леви-Брюль Л. 1930. Первобытное мышление. Пер. с франц. М., Атеист.
Леви-Стросс К. 1984. Печальные тропики. Пер. с фр. М., Мысль.
Легенды 1992. = Легенды старого Петербурга. М., Панорама.
Лопарев Х. М. 1914. К легенде о затонувших городах. — Труды XV Археологического съезда в 1911 г. Том I. М.: 346–356.
Лоренц К. 1994. Агрессия (Так называемое «зло»). Пер. с нем. М., Прогресс, Универс.
Люшер А. 1999. Французское общество времен Филиппа Августа. Пер. с фр. СПб, Евразия.
Макаров Н. А. 1981. Магические обряды при сокрытии клада на Руси. — СА, 4: 261–264.
Мак-Фарленд Д. 1988. Поведение животных. Психобилогия, этология и эволюция. Пер. с англ. М., Мир.
Маркс К. 1846/1962. Письмо П. В. Анненкову. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. М., Госполитиздат, т. 27: 401–412.
Маркс К. 1847/1955. Нищета философии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. М., Госполитиздат, т. 4: 65–185.
Маркс К. 1879–80/1961. Замечания на книгу Вагнера. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, М., Госполитиздат, т. 19: 369–399.
Марр Н. Я. 1892. Отчет... Н. Марра об археологической поездке в русскую Армению летом 1892 г. — Архив ИИМК, ф. 1, 1892, д. 33, с. 115–120, 146–240.
Марр Н. Я. 1922. Батум, Ардаган, Карс — исторический узел межнациональных отношений Кавказа. Пг.
Марр Н. Я. 1926/1936. Абхазский аналитический алфавит. Л., Институт живых вост. языков (цит. по перепеч. в: Избранные труды, т. II, с. 321–351).
Марр Н. Я. 1931/1933. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык (Уч. записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР, вып. 1, М., Центральн. издат.). — (цит. по перепеч. в: Избранные труды, т. I, 273–289).
Марр Н. Я. 1934/1936. Маркс и проблемы языка. — Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций (Известия ГАИМК, 90: 3–21). — (цит. по перепеч. в: Избранные труды, т. II, с. 444–459).
Мартынов А. И. и Шер Я. А. 1989. Методы археологического исследования. Учебн. пособ. для студ. вузов. М., Высшая школа.
Масленников В. И. 1971. США: государство и наука. М., Наука.
Массон В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., Наука.
Массон В. М. 1990. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, Илим.
Матюшин Г. Н. 1988. Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века. — Марковин В. И. (ред.). Природа и человек. М., Наука: 21–60.
Мейерович М. А. 1938. Шлиман (Жизнь замечательных людей). М., Молодая Гвардия.
Мерперт Н. Я. 1978. Миграции эпохи неолита и энеолита. — СА, 3: 9–28.

Минх А. Н. 1890. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Самарской губернии (Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XIX, вып. II). СПб.
Миханкова В. А. 1949. Н. Я. Марр. М.; Л., изд. АН СССР.
Михаэлис А. 1913. Художественно-археологические открытия за сто лет. Пер. с нем. М., изд. Моск. Археологич. института.
Монгайт А. Л. 1952. Предисловие. — Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., Изд. иностранной литературы: 3–18.
Монгайт А. Л. 1958. Гордон Чайлд. — СА, 3: 284–287.
Монгайт А. Л. 1963. Археология и современность. М., изд. АН СССР.
Монгайт А. Л. 1967. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-этнологических исследований). — НАА, 1: 53–65.
Монгайт А. Л. 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., Наука.
Моррис Д. 2001. Голая обезьяна. Человек с точки зрения зоолога. Пер. с англ. СПб., Амфора.
Мулуд Н. 1973. Современный структурализм. Размышления о методе и философии точных наук. М., Прогресс.
Муромцева-Бунина В. Н. 2002. Н. П. Кондаков (К пятилетию со дня смерти) (1930). — Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. М., Индрик: 348–358.
Мысливченко А. Г. 1972. Философская мысль в Швеции. Основные этапы и тенденции развития. М., Наука.
Мялешка М. 1928. Камень у вераньнях і паданьнях беларуса. — Запіскі аддзелу гуманітарных навук (Інстытут Беларускае Культуры), кн. 4. Працы катэдры этнографіі. Менск, т. I, сш. 1: 155–182.
Низовский А. Ю. 2001. Зачарованные клады России. М., МАИК «Наука-Интерпериодика».
Никодим 2001 — Никодим Павлович Кондаков 1844–1925: Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения. СПб., Palace Editions.
Никольский В. К. 1923. Комплексный метод в доистории. — Вестник Социалистической академии, 4: 309–349.
Орнатская Л. А. 1968. К вопросу о происхождении и формировании понятия «культура». — Парыгин Б. Д. (ред.). Проблемы философии и социологии, Л., изд. Ленинградского университета: 29–36.
Островский А. Б. 1988. Школа французского структурализма: вопросы методики. — СЭ, 2: 33–45.
Павлов И. П. 1952. Лекции по физиологии нервной деятельности. М., изд. АН СССР.
Панченко А. А. 1998. Народное православие. СПб, Алетейя.
Пасика В. М. 1967. Христианский эволюционизм Тейара де Шардена. — Богомолов А. С. (ред.). Из истории зарубежной философии XIX–XX веков. М., изд. Московского университета: 164–183.
Пасика В. М. 1969. Тейярдизм как течение современной религиозно-философской мысли. — Вопросы научного атеизма, 7: 245–276.
Пашуто В. Т. 1971. Реваншисты — псевдоисторики России. М., Наука.
Пендлбери Дж. 1950. Археология Крита. Пер. с англ. М., Изд. иностранной литературы.
Перетц В. Н. 1904. Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах. — Изборник Киевский в честь Т. Д. Флоринского. Киев, типография Т. Г. Мейнандера и др. и Киево-Печеркой лавры: 80–81.
Пескарева К. М. 1980. К истории создания Российской академии истории материальной культуры. — Краткие сообщения Института археологии, 163: 26–28.
Пиотровский Ю. Ю. 2001. Дольмен и человек в современном мире. — Дольмены: современники древних цивилизаций. Краснодар, Краснодарское книжное издательство: 8–19.
Платонова Н. И. 1989. РАИМК — этапы становления 1918–1919. — СА, 4: 5–16.

Поливанов Н. П. 1878. Камни и костяные орудия Варнавинского уезда. — Антропологическая выставка, т. II (Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московск. ун-те, т. XXXI, Труды антропологич. отдела, т. 4). М., типогр. М. Н. Лаврова: 290–291.

Политика 1971. Политика США в области науки. Сокр. пер. с англ. М., Прогресс.

Придик Е. М. 1911. Мельгуновский клад 1763 года (Материалы по археологии России, 31). СПб, типография Главного управления уделов.

Пряхин А. Д. 1986. История советской археологии (1917 — середина 30-х гг.). Воронеж, изд. Воронежского университета.

ПСРЛ = Полное собрание русских летописей. М.

Пуанкаре А. 1904. Наука и гипотеза. СПб, Научно-популярная библиотека.

Пуанкаре А. 1910. Наука и метод. СПб, Н. П. Карбасников; Одесса, Mathesis.

Пустовалов С. Ж. 1982. Первое систематическое описание керамики в отечественной археологии (К 80-летию выхода в свет). — Геннинг В. Ф. (ред.). Методологические и методические вопросы археологи. Киев, Наукова думка: 218–227.

Пшибышевский Б. 1935. Винкельман. — Винкельман И. И. 1935. Избранные произведения и письма. М.; Л., Academia: 11–80.

Равдоникас В. И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры (Известия ГАИМК, т. VII, вып. III-IV). Л.

Равдоникас В. И. 1932. Археология на службе у империализма. — СГАИМК, 3–4: 19–35.

Равдоникас В. И. 1935. Археология в Германии после фашистского переворота. — СЭ, 1: 140–145.

Рассел Б. 1957. Человеческое познание, его сфера и границы. Пер. с англ. М., Изд. иностранной литературы.

Регирер Е. И. 1966. О профессии исследователя в точных науках. М., Наука.

Редин Е. К. 1894. Памяти Джиованни Баттиста де Росси, основателя Христианской археологии. Харьков, типогр. Губернск. правления.

Ричков М. О. 1982. Про зображення «ступнів ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу. — Археологія, 38: 64–69.

Ростовцев М. И. 2002. Избранные публицистические статьи 1906–1923 . Подготов. И. В. Тункиной. М., Росспэн.

Савинов Д. Г. 1994. Перечитывая учебник Равдоникаса. — Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб., Гос. Эрмитаж: 81–83.

Савушкина Н. И. 1972. Легенда о граде Китеже в старых и новых записях. — Русский фольклор, 13: 58–76.

Салов В. И. 1968. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., Наука.

Самойлов Л. [Клейн Л. С.]. 1989. Путешествие в перевернутый мир. — Нева, 4: 150–164.

Самойлов Л. [Клейн Л. С.]. 1990. Этнография лагеря. — СЭ, 1: 96–108.

Самойлов Л. (Клейн Л. С.). 1993. Перевернутый мир. СПб, Фарн.

Самоквасов Д. Я. 1892. Основания хронологической классификации [могильных древностей Европейской России]. Варшава, типография М. Земкевич.

Седова М. В. 1957. Амулет из древнего Новгорода. — СА, 4: 1957.

Семенов Вл. А. 1986. Камни-следовики в культурной традиции Ингерманландии. — Савельева Э. А. (ред). Финно-угры и славяне. Сыктывкар, изд. Пермского университета: 118–123.

Семенов Вл. А. 1990. Башмачок Золушки (Знак/символ — след/стопа как явление культуры). — Иванов Вяч. В. (ред.). Традиционная духовная культура народов европейского Севера: ритуал и символ. Сыктывкар, изд. Пермского университета: 55–67.

Семенов Л. П. 1949. Нартские памятники Северной Осетии. — Дзокаев К. (ред.). Нартский эпос. Сборник статей. Дзауджикау, Гос. издат. Сев.-Осетинск. АССР: 48–79.

Семеонов С. А. 1957. Первобытная техника. (МИА 54). М.; Л., изд-во АН СССР.
Сергеенко М. Е. 1949. Помпеи. М.; Л., изд. АН СССР.
Синицын А. А. 1993. Вопросы формализации в археологии. — АВ, 2: 191–195.
Сміленко А. Т. 1965. Глодоські скарби. Київ, Наукова думка.
Смирнов Вас. 1921. Клады, паны и рахбойники. Этнографические очерки Костромского края (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 26). Кострома, б. и.
Смирнов Вас. 1923. Потонувшие колокола. — Третий этнографический сборник (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 29). Кострома, б. и.: 1–4.
Соколова В. К. 1970. Предания о кладах и их связь с поверьями. — Путилов Б. Н. (ред.). Фольклор и этнография. Л., Наука: 169–180.
Спицын А. А. 1904. Северные каменные лабиринты. — Известия Археологической Комиссии, 6: 101–112.
СР = Скифский Роман. М., РОССПЭН.
Столяр А. Д. 1988. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса. — Тихвинский сборник. Вып. 1. Тихвин, б. и.: 8–25.
Столяр А. Д. 1994. Предисловие. — Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник памяти В. И. Равдоникаса (Проблемы археологии. Вып. 3). СПб., изд. Санкт-Петербургского университета: 5–11.
Столяр А. Д. и Белановская Т. Д. 1977. Памяти В. И. Равдоникаса. — ВЛУ, 14 (сер. ист., 3): 156–158.
Сумцов Н. 1896. Сказания о провалившихся городах. — Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. 8. Харьков, К. Счасня: 297–305 (третья пагинация).
Сыма Цянь. 1975. Исторические записки (Ши цзи). Том II. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р. В. Вяткина. М.: Наука, ГРВЛ (Памятники письменности Востока; XXXII, 2).
Тайлор Э. Б. 1989. Первобытная культура. М., Госполитиздат.
Тард Ж. 1892. Законы подражания. Пер. с фр. СПб, Ф. Павленков.
Титов В. С. 1966. К изучению миграций бронзового века. — Мерперт Н. Я. и Кожин М. П. (ред.). Археология Старого и Нового Света. М., Наука: 89–145.
Титова Е. Н. 1982. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной Могилы. — Телегин Д. Я. (ред.). Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, Наукова Думка: 5–15.
Токарев С. А. 1973. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии. — Бромлей Ю. В. (ред.). Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М., Наука: 183–231.
Токарев С. А. 1978. История зарубежной этнографии. М., Высшая школа.
Томсен В. 1938. История языкознания до конца XIX века. М., Учпедгиз.
Трифонов В. А. 1983. Рец. на книгу Гардена «Теоретическая археология». — РА, 3: 241–245.
Тункина И. В. 1997. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук. — Бонгард-Левин Г. М. (ред.). Скифский Роман. М., РОССПЭН: 84–123.
Тункина И. В. 2001. Н. П. Кондаков по неизданным воспоминаниям Б. В. Варнеке. 1917–1920 годы. — Соловьев И. Д. (ред.). Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив. СПб, Palace Editions: 56–62.
Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях Юга России (XIVIII — середина XIX в.). СПб, Наука.
Уваров А. С. 1881. Археология России. Каменный период. Т. I. М., Синодальная типография.
Уокоп Р. 1966. Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. Пер. с англ. М., Мир.
Уэвель В. [Хьюелл]. 1867–1869. История индуктивных наук от древнейшего до настоящего времени. Пер. с англ. В 3-х тт. СПб, Русская книжная торговля.

Фармаковский Б. В. 1908. А. Фуртвенглер. Некролог. — Гермес, 5–6: 122–126, 144–153.
Форд Д. А. 1962. Количественный метод установления археологической хронологии. — СЭ, 1: 32–43.
Формозов А. А. 1961. Очерки истории российской археологии. М., изд. АН СССР.
Формозов А. А. 1965. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-следовики. — СЭ, 5: 130–138.
Формозов А. А. 1969. Очерки по первобытному искусству. М., Наука.
Формозов А. А. 1979. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 1979.
Формозов А. А. 1983. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., Наука.
Формозов А. А. 1986. Страницы истории русской археологии. М., Наука.
Формозов А. А. 1995. Русские археологи до и после революции. М., Институт археологии РАН.
Формозов А. А. 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., Знак.
Фрейд З. 1998. Неудовлетворенность культурой. СПб., Алетейя.
Фуко М. 1977. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., Прогресс.
Фюстель де Куланж Н. Д. 1907. История общественного строя древней Франции. Т. 3. Франкская монархия. СПб., т-во И. Н. Кушнарев.
Хайнд Р. 1975. Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. Пер. с англ. М., Мир.
Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс. 1979. Биология человека. Пер. с англ. М., Мир.
Хлобыстина М. Д. 1961. О происхождении минусинских коленчатых ножей. — Сообщения Гос. Эрмитажа, 21: 44–47.
Худяков М. Г. 1933. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., ОГИЗ — ГАИМК.
Цветаев Н. 1894. Гейнрих Брунн. — Филологическое Обозрение, V (1893): оттиск с отд. пагинац.
Церен Э. 1966. Библейские холмы. Пер. с нем. М., Наука.
Цетлин Ю. Б. 1991. В. А. Городцов и основные направления современного изучения керамики. — Крайнов Д. А. (ред.). Проблемы изучения древних культур Евразии. М., Наука: 112–123.
Чайлд Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. Пер. с англ. М., Изд. иностранной Литературы.
Чайлд Г. 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. Пер. с англ. М., Изд. иностранной Литературы.
Шейнин Ю. М. 1963. Наука и милитаризм в США. М., изд. АН СССР.
Шер Я. А. 1970. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода археологии). — Колчин Б. А. и Шер Я. А. (ред.). Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., Наука: 8–24.
Шер Я. А. 1995. К семидесятилетию Ж.-К. Гардена. — РА, 3: 236–237.
Шестаков В. П., Шохин К. В. 1960. Сказание о невидимом граде Китеже. — Вестник истории мировой культуры, 5: 77–92.
Шестаков В. П., Шохин К. В. 1962. У истоков сказания о невидимом граде Китеже. — Советские экспедиции 1959 г. М., Географиздат: 9–21.
Шлиман 1998. = Шлиман. Петербург. Троя. СПб, Славия.
Штоль Г. 1991. Генрих Шлиман. Мечта о Трое. Сокращ. пер. с нем. М., Молодая Гвардия.
Щавелёв С. П. 1996. Феномен кладоискательства на юге России в предыстории славянской археологии. — Славяне и их соседи. Тезисы XV конференции. Миф и история. М., Институт славяноведения и балканистики РАН: 55–58.
Щукин М. Б. 1979. Современное состояние готской культуры и черняховская проблема. Тринадцать секвенций. — Археологический сборник Гос. Эрмитажа, 20: 66–89.

Эйнштейн А. 1967. Собрание научных трудов в 4-х томах. М., Наука, т. 4: 181–186.
Энгельс Ф. 1953. Диалектика природы. М., Госполитиздат.
Яковлев Н. Ф. 1949. Академик Н. Я. Марр как гражданин и ученый (к 15-летию смерти). — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, V: 17–50.
Янин В. Л. 1973. Краткий очерк научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности. — Артемий Владимирович Арциховский (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истор., вып. 12). М., Наука: 6–21.
Abenteuer 1958. = Abenteuer meines Lebens. Heinrich Schliemann erzählt. Selbstzeugnisse. Leipzig, F. A. Brockhaus.
Åberg N. 1943. Oscar Montelius som forskare. — Kuniglike vitterhets historie och antikvitetsakademiens handlingar, 57.
Åberg N. 1966. Oscar Montelius, arkeologiens Linné. — Industria (Stockholm), 11: 86–87, 114, 116, 118.
Abramowicz A. 1979. Urny i ceraunie (Acta Archaeologica Lodziensia, 27). Łódź.
Abramowicz A. 1980. Quelques problèmes d'histoire de l'archéologie. — Archaeologia Polona, 19: 257–260.
Abramowicz A. 1981. Sponte nascitur ollae... — Daniel 1981b: 146–149.
Abramowicz A. 1983. Dźieje zainteresowań starożytniczych w Polsce. Część I. Od średniowiecza po czasy Saskie i świt Oświcenia. Wrocław, Zakł. nar. im. Ossolińskich — Wyd. Polskiej Akademii nauk.
Abramowicz A. 1992. Jacques Boucher de Perthes i język pradziejów. — AP, 37: 21–28.
Ackerknecht E. H. 1953. Rudolf Virchow: Doctor, statesman, anthropologist. Madison, University of Wisconsin Press.
Ackermann J. S. and Carpenter R. 1963. Art and archaeology. Englewood Cliffs, Prentice-Hall.
Adams W. Y. 1968. Invasion, diffusion, evolution? — Antiquity, 42: 194–215.
Adams W. Y. 1988. Archaeological classification: theory versus practice. — Antiquity, 62: 40–56.
Adams W. Y., Van Gerven D. P., and Levy R. S. 1978. The retreat from migrationism. — ARA, 7: 483–532.
Adhémar J. 1937. Influences antiques dans l'art du Moyen Age français, recherche sur les sources et les thèmes d'inspiration. London, The Warburg Institute.
Adler W. 1987. Gustaf Kossinna. — Hachmann 1987: 33–56.
Aggar B. 1979. Western Marxism: An introduction. Santa Monica, Goodyear Publ. Co.
Albarello B. 1987. L'affaire de l'homme de la Chapelle-aux-Saints. Treignac, Les Monédières.
Albright W. F. 1964. History, archaeology and Christian humanism. New York, McGraw-Hill.
Aldrich R. 1993. The seduction of the Mediterranean. Writing, art and homosexual fantasy. London and New York, Routledge.
Alexander R. D. 1979 Darwinsm and human affairs. Seattle, University of Washinton Press.
Alexander C. 1928. Baghdad in the bygone days: from the journals and correspondences of Claudius Rich... London, John Murray.
Allen A. and Allen J. 1956. A story of archaeology. London, Faber and Faber.
Allen J. 1967. Aspects of Vere Gordon Childe. — Labour History, 12: 52–59.
Allen S. H. 1995. «Finding the walls of Troy»: Frank Calvert, excavator. — AJA, 99: 379–408.
Almgren B. 1966. Das Entwicklungsprinzip in der Archäologie — eine Kritik. — Tor, 11: 15–38.
Almgren B. 1995. The development of the typological theory in connection with the Exhibition in the Museum of National Antiquities in Stockholm. — Åström P. (ed.). Oscar Montelius 150 years. Proceedings of a Colloquium ... 1993. Stockholm, Kuniglike Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien (Konferenser 32): 23–39.
Ames B. 1987. Gero von Merhart. — Hachmann 1987: 101–109.
Andrae W. 1952. Babylon: Die versunkene Stadt und ihr Ausgräber Robert Koldewey. Berlin, de Gruyter.
Andrae W. 1961. Lebenserinnerungen eines Ausgräbers. Berlin, de Gruyter.

Andreae B. und Flashar H. F. 1977. Strukturalequivalenzen zwischen den homerischen Epen und der frühgriechischen Vasenkunst. — Poetica, 9: 217–265.
Andree Chr. 1976. Rudolf Wirchow als Prähistoriker. Bd 1. Virchow als Begründer der neuen deutschen Vor- und Frühgeschichtswissenschaft. Bd 2. Briefe Virchows und seiner Zeitgenossen. Köln — Wien, Böhlau-Verlag.
Andriolo K. R. 1979. Kulturkreislehre and the Austrian mind. — Man, 14: 133–144.
Armitage Robinson J. 1926. Two Glastonbury legends. King Artur and St. Joseph of Arimathea. Cambridge, Cambridge University Press.
Arne T. J. 1908. Hans Hildebrand som förhistorik. — Fornvännen, 29: 317–326.
Arne T. J. 1944. Oscar Montelius. Till hundraårsminnet av hans födelse. — Scandia, XVI: 69.
Ashmole B. 1938. Manners and methods in archaeology. — JHS, 58: 240–246.
Ashmole B. 1972. Sir John Beazley. — PBA, 56: 443–461.
Atkinson R. J. C. 1981. Glyn Daniel as Editor. — Evans et al. 1981: 236–239.
Aubrey J. 1980–82. Monumenta Britannica. Milborne Port, Dorset Publ. Co., Kno-Na-Cre.
Audouze F. 2003. Leroi-Gourhan, a philosopher of technique and evolution. — JArR, 10: 277–306.
Audouze F. and Leroi-Gourhan A. 1981. France: a continental insularity. — WA, 13: 170–189.
Audouze F. et Schlanger N. (réd.). 2004. Autour de l'homme. Contexte et actualite d'Andre Leroi-Gourhan. Antibes, éd. APDCA: 275–283.
Audouze F. et Schnapp A. (réd.). 1992. Un homme... une oeuvre. André Lerois-Gourhan (Les nouvelles de l'archéologie, 48/49).
Aufrere L. 1936. Essai sur les premières découvertes de Boucher de Perthes et les origines de l'archéologie primitive (1838–1844). — Épreuves et Synthèses, 1: 1–48.
Aufrère L. 1940. Figures de préhistoriens. 1. Boucher de Perthes. — Préhistoire, VII: 7–137.
Aunger R. (ed.). 2001. Darwinising culture: the status of mimetics as a science. Oxford, Oxford University Press.
Bachelard Gast. H. 1951. L'activité de l'histoire de sciences. Paris, Les Conférences du Palais de la Découverte.
Back Cl. 1970. Der Weg nach Rom. Ein Winckelmann-Roman. Aufl. 6. Berlin, Der Morgen.
Bacon E. 1976. The great archaeologists. The modern world's discovery of ancient civilisations. London, Secker and Warburg.
Baer E. 1844. Ueber labyrinth-förmige Steinsetzungen im russischen Norden. — Bulletin de l'Academie de St. Petersburg, hist.philol. Kl., t. I: 70 -79.
Bagnani G. 1955. Winckelmann and the Second Renaissance, 1755–1955. — AJA, 55: 107–118.
Bahn P. G. (ed.). 1996. The Cambridge illustrated history of archaeology. Cambridge, Cambridge University Press.
Bahn P. G. 2001. Rock art. — Murray 2001: 1099–1116.
Baikie J. 1924. A century of excavation in the land of Pharaohs. New York, Fleming H. Revell.
Bailey G. 1999. Eric Higgs. — Murray 1999a: 531–565.
Baillie M. 1999. Exodus to Arthur: Catastrophic encounters with comets. London, Batsford.
Baldry H. C. 1952. Who invented the Golden Age? — Classical Quarterly, n. ser., XLVI: 83–92.
Baldry H. C. 1956. Hesiod's Five Ages. — JHI, 17: 553–554.
Bancroft H. H. 1886. The native races. Vol. V. Primitive history. San Francisco, The History Co.
Bandi H. G. und Maringer J. 1953. Das Werk Professor Dr. Hugo Obermaier 1877–1946. — Eiszeitalter und Gegenwart, 3: 136–143.
Bapp K. P. 1921. Goethes archäologische Arbeiten. — Bapp K. P. Aus Goethes griechischer Gedankenwelt: Goethe und Heraklit nebst Studien über des Dichters Beteiligung and der Altertumswissenschaft. Leipzig, Dieterich: 61–77.
Barnes B. 1974. Scientific knowledge and sociological theory. London, Routledge and Kegan Paul.
Barrett J. C. 1983. Goodbye, New Archaeology? — Current Archaeology, 89: 188–189.
Barrett J. C. 1987. Contextual archaeology. — Antiquity, 61: 468–473.

Barthes R. 1968. Le degré Zéro de l'écriture, suivi d'eléments de sémiologie. Paris, Gothier.
Barthes R. 1987. Incidents. Paris, Seul.
Barton C. M. and Clark G. A. (eds.). 1997. Rediscovering Darwin: Evolutionary theory and archaeological explanation. Washington, DC, Archaeological Papers of American Anthropological Association, 7.
Baruch M. 1907. Boże stopki. Archeologia i folklor. Kamieni z wyżłobionymi śladami stóp. Warszawa, s. n.
Bate L. F. 1977. Arqueología y Materialismo Histórico. México, Ediciones de Cultura Popular.
Baudou E. 1998. The problem-oriented scientific biography as a research method. — NAR, 31: 79–96.
Baumgarten G. B. 1892. Battista de Rossi der Begründer der christlich-archäologischen Wissenschaft: eine biographische Skizze. Köln, Bachem.
Bayard D. 1978. 15 Jahre «New Archaeology». Eine kritische Übersicht. — Saeculum, 29: 69–106.
Beaudry M. C. 2001. Deetz, James J. F. (1930-2001). — Murray 2001: 412–413.
Bell J. 1992. On capturing agency in theories about prehistory. — Gardin J.-C. and Peebles Chr. (eds.). Representasions in archaeology. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press: 30–50.
Bellwood P. and Renfrew A. C. (eds.). 2003. Examing the Farming/Language Dispersal Hypothesis. Cambridge, McDonald Institute.
Belzoni G. 1820. Narrative of the operations and recent discoveries within the pyramids, temples, tombs, and excavations in Egypt and Nubia. London, John Murray.
Benndorf O. 1894. Ueber das Alter des Troiaspieles. — Reichel W. Ueber Homerische Waffen. Archäologische Untersuchungen. Wien, A Hölder: 133–139.
Bennet D. 1998. «Tanz auf dem Vulkan». William Hamilton und die Leidenschaft für Antiken. — Antike Welt, 29: 372–373.
Bennett J. W. 1943. Recent development in the functional interpretation of archaeological data. — AA, 9: 208–219.
Berghaus P. (Hrsg.). 1983. Der Archäologe: Graphische Bildnisse aus dem Porträtarchiv Diepenbroick. Münster, Westphalisches Museum für Kunst und Kunstgeschichte.
Bergmann J. 1974. Zum Begriff des Kulturkreises in der Urgeschichtswissenschaft. — PZ, 49: 129–138.
Bernal Garcia I. 1980. A history of Mexican archaeology. London, Thames and Hudson.
Bernal M. 1987. Black Athena: The afroasiatic roots of classical civilization. Vol. I. The fabrication of Ancient Greece, 1785–1985. London, Free Association Books.
Bernard Chr. 1987. Ernst Wahle. — Hachmann 1987: 125–133.
Bernbeck B. 1994. Bericht über die RATS! — Konferenz 1994. Binghamton University. — AI, 17: 127–129.
Bernbeck R. 1997. Theorien in der Archäologie. Tübingen und Basel, A. Francke.
Berreman G. D. 1968. Is anthropology alive? Social responcibility in social anthropology. — CAn, 9: 391–396.
Bertram M. 1987. Rudolf Virchow als Prähistoriker: Sein Wirken in Berlin. Sonderaustellung. Berlin, Das Museum für Ur- und Frühgeschichte.
Betzig L. 1986. Despotism and differential reproduction: A Darwinian view of history. New York, Aldine.
Bibby G. 1956. The testimony of the spade. London, Collins; New York, Knopf.
Bindewald D. 1990. Hat die Bibel immer Recht?: die Wahrheit über die Evangelien. Frankfurt a M., R. G. Fischer.
Binford L. 1962/1972. Archaeology as anthropology. — AA, 28: 217–225 (reed. in: Binford 1972a: 20–32).
Binford L. R. 1967/1972. Reply to K. C. Chang's «Major aspects...». — CAn, 8: 234–235 (reed. in: Binford 1972a: 68–73).

Binford L. R. 1968a. Archeological perspectives. — Binford S. R. and Binford L. R. (eds.). New perspectives in archeology. Chicago, Aldine: 5–32.
Binford L. R. 1968b. Some comments on Historical vs. Processual archaeology. — SJA, 24: 267–275.
Binford L. R. 1972a. An archaeological perspective. New York and London, Seminar Press.
Binford L. R. 1972b. Contemporary model building: paradigms and the current state of Palaeolithic research. — Clarke 1972a: 109–166.
Binford L. R. 1977. For theory building in archaeology. New York, Academic Press.
Binford L. R. 1978. Nunamiut ethnoarchaeology. New York, Academic Press.
Binford L. R. 1981. Behavioral archaeology and the «Pompeii premise». — JAnR, 37: 195–208.
Binford L. R. 1982. Meaning, inference and the material record. — Renfrew C. and Shennan S. (eds.). Ranking, resourse and exchange: Aspects of the archaeology of Early European society. Cambridge, Cambridge University Press: 160–163.
Binford L. R. 1983. Working at archaeology. New York, Academic Press.
Binford L. R. 1988. Review of Hodder «Reading the Past: Current Approaches to Interpretation in Archaeology». — AA, 53: 875–876.
Binford L. R. 1989. Debating archaeology. San Diego, Academic Press.
Binford L. R. and Sabloff J. 1982. Paradigms, systematics, and archaeology. — JArR, 38: 137–153.
Bintliff J. L. 1984. Structuralism and myth in Minoan studies. — Antiquity, 58: 33–38.
Bintliff J. L. 1986. Archaeology at the interface: an historical perspective. — Bintliff J. L. and Gaffney C. F. (eds.). Archaeology at the interface: studies in archaeology's relationships with history, geography, biology and physical science. Oxford, BAR (International Series, 300): 4–31.
Bintliff J. L. 1988. A review of contemporary perspectives on the 'Meaning' of the past. — Bintliff J. L. (ed.). Extracting meaning from the past. Oxford, Oxbow Books: 3–36.
Bintliff J. L. 1991a. Post-modernism, rhetoric and scholasticism at TAG: the current state of British archaeological theory. — Antiquity, 65: 274–278.
Bintliff J. L. 1991b. The contribution of an Annaliste / structural history approach to archaeology. — Bintliff J. L. (ed.). The Annales School and archaeology. Leicester and London, Leicester University Press: 1–33.
Bintliff J. L. 1992. Comment on Thomas and Tilley. — Antiquity, 66: 111–114.
Bintliff J. L. 1993. Why Indiana Jones is smarter than the Post-Processualists. — NAR, 26: 91–100.
Birdwhistell R. L. 1952. Introduction to kinesics: an annotation system for analysis of body motion and gesture. Louisville, University of Louisville Press.
Blackmore S. 1999. The meme machine. Oxford, Oxford University Press.
Blancaert C. 1990. Actualité de Boucher de Pertes. — Gradhiva, 8: 83–94.
Blanton R. E., Kowalewski S. A., Feinman G. M. and Appel J. (eds.). 1981. Ancient Mesoamerica: A comparizon of change in three regions. Cambridge, Cambridge University Press.
Blanton R. E. and Feinman G. 1984. The Mesoamerican World System. — AAnth, 86: 673–682.
Blegen C. W. 1963. Troy and the Trojans. London, Thames and Hudson.
Blegen C. W. and Lang M. 1958. The Palace of Nestor excavations of 1957. — AJA, 62: 157–191.
Bloedow E. 1992. The authencity and integrity of «Priam's treasure». — Boreas, 14/15: 197–206.
Blume E. 1912–1915. Die germanischen Stämme und Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Würzburg (Mannus-Bibliothek 8 und 14.).
Blundell S. 1986. The origins of civilization in Greek and Roman thought. London, Routledge.
Boas F. 1889. Die Ziele der Ethnologie. Vortrag gehalten im Deutschen Gesellig-Wissenschaftlichen Verein von New York am 8. Marz 1888. New York, Hermann Bartsch.
Boas F. 1902. Rudolf Virchow's anthropological work. — Science 16: 441–445.
Bohmers A. 1964. Evolution and archaeology. — Palaeohistoria 10: 1–13.
Böhner K. 1981. Ludwig Lindenschmidt and the Three Age System. — Daniel 1981b: 120–126.
Bohr N. 1913/1963. On the constitution of atoms and molecules. Papers from the Philosophical Magazine, repr. 1963 with an introduction by L. Rosenfeld. Copenhagen, Munksgaard; New York, W. A. Benjamin.

Bolt Ch. 1971. Victorian attitudes to race. London, Routledge and K. Paul.
Boone J. L. and Smith E. A. 1998. Is it evolution yet? A critique of evolutionary archaeology. — CAn, 39: 141–173.
Borbein A. H. 1979. Klassische Archäologie in Berlin vom 18. zum 20. Jahrhundert. — Arenhövel W. und Schreiber C. (Hrsg.). Berlin und die Antike. Aufsätze. Berlin, Wasmuth KG: 99–150.
Borbein A. H. 1988. Ernst Curtius, Alexander Conze, Reinhard Kekule: Probleme und Perspektiven der klassischen Archäologie zwischen der Romantik und Positivismus. — Christ K. und Momigliano A. (Hrsg.). Die Antike im 19. Jahrhundert in Italien und Deutschland. Bologna, il Mulino et al.: 275–302.
Bosshardt W. 1960. Winckelmann. Aesthetik der Mitte. Zürich — Stuttgart, Artemis-Verlag.
Boucher de Perthes J. 1863–1868. Sous dix rois. Souvenirs de 1791 à 1860. 8 vols. d'autobiographie. Paris, Jung — Treutel.
Boule M. 1921. Les hommes fossiles: Eléments de paléontologie humaine. Paris, 1921.
Boule M. 1913. L'homme fossile de La Chapelle-aux-Saints. — Annales de Paléontologie 6: 11–172.
Bourdieu P. 1977. Outline of a theory of practice. Cambridge, Cambridge University Press.
Bourdieu P. 1990. The logic of practice. Cambridge, Polity Press.
Bovini G. 1968. Gli studi di archeologia christiana dalle origini alla meta del secolo XIX. Bologna, Patron.
Bowden M. C. 1991. Pitt Rivers: The life and archaeological work of Lt-Gen. Augustus Henry Lane Fox Pitt Rivers. Cambridge, Cambridge University Press.
Bowden M. C. 1999. Pitt Rivers. — Murray 1999a: 127–139.
Bowden P. J. 1989. The invention of progress. The Victorians and the past. Oxford, Basil Blackwell.
Bowler P. J. 1986. Theories of human evolution: A century of debate, 1844–1944. Baltimore, Johns Hopkins University Press.
Boyd R. and Richerson P. J. 1985. Culture and the evolutionary process. Chicago, University of Chicago Press.
Boyle M. et al. 1963. Recollections of the Abbé Breuil. — Antiquity, 12: 12–18.
Bradley R. 1993. An interview with Colin Renfrew. — CAn, 34: 71–82.
Bradley R. J. 1983. Archaeology, evolution and the public good: The intellectual development of General Pitt Rivers. — Archaeological Journal, 140: 1–9.
Braidwood R. J. 1951. Prehistoric men. Chicago, Chicago Natural History Museum (Popular Series, Anthropology, no. 37).
Braidwood R. J. 1960. Archaeologists and what they do. New York, Franklin Watts.
Braidwood R. J. 1972. Archaeology: view from Southwestern Asia. — Annual report of the American Anthropological association for 1971. Washington DC, American Anthropological Association: 43–52.
Braidwood R. J. 1981/1989. [Archaeological retrospect]. — Antiquity, 55: 19–26 (reprinted in: Daniel and Chippindale 1989: 89–99).
Brandewie E. 1990. When giants walked the earth. The life and times of Wilhelm Schmidt, SVD. Freiburg, University Press Friburg.
Brather S. 1996. Feldbeyer Keramik und frühe Slaven. Bonn, Habelt.
Brather S. 2001. Archäologie der westlichen Slaven. Berlin — New York, De Gruyter.
Brather S. 2004. The beginning of Slavic settlement of the river Elbe. — Antiquity, 78: 314–329.
Brattli T. and Svestad A. 1991. The history of research and the practice of archaeology. — Viking, 54: 105–112 (norw., engl. abstr.).
Bratton F. G. 1968. A history of Egyptian archaeology. New York, Crowell.
Braukämper U. 1992. Migration und ethnischer Wandel. Untersuchungen aus der östlichen Sudanzone. Stuttgart, F. Steiner.
Braukämper U. 1996. Zum Verhältnis von Raum und Zeit bei Migrationen in Afrika. — AI, 19: 51–65.

Bregail G. 1948. Un éminent paléontologue gersois, Édouard Lartet. Auch, F. Cocharaux.
Breuil H. 1954. Prolegomènes à une classification préhistorique. — BSPF, 51: 7–15.
Brew J. O. 1946/1971. The use and abuse of taxonomy. — Brew J. O. The archaeology of Alcali Ridge, Southern Utah (Papers of Peabody Museum, 21): 44–66 (reprint. in: Deetz J. (ed.). 1971. Man's imprints from the past. Readings in the methods of archaeology. Boston, Mass., Little Brown and co.: 73–107).
Brodie N. and Hills C. (eds.). 2004. Material engagements: studies in honour of Colin Renfrew. Cambridge, McDonald Institute.
Brodrick A. H. 1963. The Abbé Breuil, prehistorian. London, Hutchison (Amer. ed.: Father of prehistory. The Abbé Breuil: his life and times. New York, William Morrow, 1963).
Broglie L. de. 1953. Revolutions in physics: a non-mathematical survey of quanta. New York, Noonday Press.
Brommer Fr. (Hrsg.). 1979. Anekdoten und Aussprüche von deutschen Archäologen, Zeichn. v. H. Rothfocks. Tübingen, Wasmuth.
Brown A. C. 1983. Arthur Evans and the palace of Minos. Oxford, Ashmolean Museum.
Browne Th. 1966. Hydriotaphia, Urn burial, or, A discourse of the sepulcrall urnes lately found in Norfolk. New York, F. L. Huntley Meredith (orig. London, 1658).
Bruck A. 1990. Theorien statt Schulen. Ein Vorschlag zur Systematisierung der Forschungstheorien in den Kulturwissenschaften. — Anthropos, 85: 45–54.
Bruer St.-G. 1994. Die Wirkung Winckelmanns in der deutschen klassischen Archäologie des 19. Jahrhunderts (Abhandlungen d. Akad. d. Wissenschaften und der Literatur, Mainz, Geistes- u. Sozialwiss. Kl., Jg. 1994, Nr. 3). Stuttgart, Franz Steiner Verl.
Brunhouse R. L. 1973. In search of the Maya: the first archaeologists. Albuquerque, University of New Mexico Press.
Brunn H. 1898–1906. Kleine Schriften. Bd 1–3. Leipzig, Teubner.
Bulkin V. A., Klejn L. S. and Lebedev G. S. 1982. Attainments and problems of Soviet archaeology. — WA, 13: 272–295.
Bulle H. 1913. Wesen und Methode der Archäologie. — H. Bulle (Hrsg.). Handbuch der Archäologie, Bd I (Handbuch der klassiscen Altertumswissenschaft, Bd VI). München und Würzburg, Oskar Beck: 1–79.
Bunzl M. 1996. Franz Boas and the Humboldtian tradition. — Stocking G. W., Jr. (ed.). Volksgeist as method and ethic. Madison, Wisconsin University Press: 17–78.
Burenhult G. 1987. Ethnoarchaeology as a method of establishing Mid-Range Theory. A new era in European archaology or exotic nonsense? — Burenhult et al. 1987: 321–327.
Burenhult G., Carlsson A., and Hyenstrand Å. (eds.). 1987. Theoretical approaches to artefact, settlement and society: The archaeologist Mats P. Malmer. Oxford, BAR (International Series 366).
Burke P. 1969. The Renaissance sense of the past. London, Arnold.
Burmeister S. 1996. Migration und ihre archäologische Nachweisbarkeit. — AI, 19: 13–21.
Burrow J. W. 1966. Evolution and society: A study in Victorian social theory. London, Cambridge University Press.
Burton-Brown T. 1967. Thoughts on the diffusionist theory. — Palaeologia, 1: 1–9.
Buschor E. 1969. Begriff und Methode der Archäologie. — Handbuch der Archäologie. München, C. H. Beck: 3 –10.
Butler E. M. 1958. The tyranny of Greece over Germany. Boston, Beakon Press.
Buttmann G. 1977. Friedrich Ratzel: Leben und Werk eines deutschen Geographen 1844–1904. Stuttgart, Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft.
Buttner-Janusch J. 1957. Boas and Mason: Particularism versus generalization. — AAnth, 59: 318–324.
Byers D. S. 1953. Rev. of Griffin 1952. — AA, 55: 592–593.
Calder III, W. M. 1972. Schliemann on Schliemann: a study in the use of sources. — Greek Roman and Byzantine studies, 13: 335–353.

Calder III, W. M. and Traill D. A. (eds.). 1986. Myths, scandal and history. The Heirich Schliemann controversy and the first edition of the Mycenae diary. Detroit, Wayne State University Press.
Caldwell J. R. 1959. The new American archaeology. — Science, 129: 303–307.
Callaway J. 1979. Dame Kathleen Kenyon 1906–1978. — BA, 42: 122–125.
Callmer J., Meyer M., Struve R. und Theune Cl. (Hrsg.). 2006. Die Anfänge der ur- und frühgeschichlichen Archäologie als akademisches Fach (1890–1930) im europäischen Vergleich. Rahden/Westf., Verl. Marie Leidorf.
Campbell L. 1994. Traces of archaeology. — Mackenzie I. (ed.). Archaeological theory: progress or posture? Aldershot, Avebury: 140–151.
Cantor N. F. 1991. Inventing the Middle Ages. The lives, works, and ideas of the great medievalists of the twentieth century. New York, Quill — William Morrow.
Carnap-Bornheim C. v. 2001. Hans Jürgen Eggers und der Weg aus der Gasse der ethnischen Deutung. — Steuer 2001a: 173–197.
Carneiro R. 1973. The four faces of evolution. — Honigman J. J. (ed.). Handbook of social and cultural anthropology. Chicago, Random Press: 89–110.
Carr E. H. 1964. What is history? Harmondsworth, Pelican Books.
Cartailhac E. 1877. L'âge de la pierre dans les souvenirs et superstitions populaires. Paris, C. Reinwald.
Carver M. 2004. Editorial. — Antiquity, 78: 509–512.
Casson St. 1934. Progress of archaeology. London, G. Bell and sons.
Casson St. 1939. The discovery of man. London, Hamish Hamilton.
Castaneda C. 1970/1972. Reise nach Ixtlan. Die Lehre des Don Juan. Frankfurt a. M., Fischer-Taschenbuch.
Cavalli-Sforza L. L. and Feldman M. W. 1981. Cultural transmission and evolution: a quantitative approach. Princeton, Princeton University Press.
Ceram C. W. 1951. Götter, Gräber und Gelehrte. Roman der Archäologie. Hamburg, Rohwolt.
Ceram C. W. 1958. A picture history of archaeology. London, Thames and Hudson.
CFA 1943 = Conference on the future of archaeology. 1943. London, Institute of Archaeology.
Chadwick A. 2003. Post-processualism, professionalization and archaeological methodologies. Towards reflective and radical practice. — AD, 10 (1): 97–117.
Champion T. 1991. Theoretical archaeology in Britain. — Hodder 1991a: 129–160.
Chaney R. P. 1972. Scientific inquiry and models of socio-cultural data patterning: an epilogue. — Clarke 1972a: 991–1031.
Chang K. C. 1958. Study of the Neolithic social grouping: examples from the New World. — AAnth, 60: 298–334.
Chang K. C. 1967a. Major aspects of the interrelationship of archaeology and ethnology. — CAn, 8: 227–243.
Chang K. C. 1967b. Rethinking archaeology. New York, Random House.
Chang K. C. 1986. The archaeology of Ancient China. New Haven and London, Yale University Press.
Chapman R. W. 1979. «Analytical Archaeology» and after — Introduction. — Hammond N. et al. (eds.). Analytical archaeologist: Collected papers of David L. Clarke. London, Academic Press: 109–143.
Chapman W. R. 1985. Arranging ethnology: A. H. L. F. Pitt Rivers and the typological tradition. — Stocking G. W. (ed.). Objects and others: essays on museums and material culture. Madison, University of Wisconsin Press: 15–43.
Chapman W. R. 1989. The organizational context in the history of archaeology: Pitt Rivers and other British archaeologists in the 1860s. — Antiquaries Journal, 69: 23–42.
Chêng-Tê-K'un 1939. Archaeology in China. Cambridge, W. Heffer.
Chenhall R. G. 1968. The impact of computers on archaeological theory. — Computers and the humanities, 3: 15–24.

Cheynier A. 1936. Jouannet, grand-père de la préhistoire. Brive, Imp. Chastrusse, Praudel et Cie.
Childe V. G. 1925/1947. The dawn of European civilisation. London, Paul, Trench, Trubner and Co.
Childe V. G. 1935. Changing methods and aims in prehistory. — PPS, 1: 1–15.
Childe V. G. 1949. Triebkräfte der Geschehens. Die Menschen machen ihre Geschichte selbst. Wien, Globus-Verlag.
Childe V. G. 1950. Prehistoric migrations in Europe. Oslo, Institutet for sammenlignende kulturforskning, series A, forelesninger 20.
Childe V. G. 1953. The constitution of archaeology as a science. — Underwood E. A. (ed.). Science, medicine and history. Oxford, Oxford University Press: 3–15.
Childe V. G. 1958a. Retrospect. — Antiquity, 32: 70–74.
Childe V. G. 1958b. The prehistory of European society. Harmondsworth, Penguin.
Childs B. S. 1970. Biblical theology in crysis. Philadelphia, Westminster Press.
Chippindale Chr. 1983. Stonehenge complete. Ithaca and London, Cornell University Press.
Chippindale Chr. 2001a. Crawford O. G. S. (1886–1957). — Murray 2001: 384–386.
Chippindale Chr. 2001b. Daniel, Glyn (1914–1986). — Murray 2001: 405–406.
Chippindale Chr. 2002. Looking out at Antiquity, from England to the world, 1927–2028. — Antiquity, 76: 1076–1080.
Christenson A. L. (ed.). 1989. Tracing archaeology's past. The historiography of archaeology. Urbana, Southern Illinois University Press.
Ciolek T. M. 1975. Methodologiczne zagadnienie tzw. systemu trzech epok. — Światowit, 34: 339–342.
Claassen C. (ed.). 1992. Exploring gender through archaeology. Selected papers from the 1991 Boon conference. Madison, Prehistory Press.
Clark J. G. D. 1939. Archaeology and society. London, Methuen.
Clark J. G. D. 1951. Folk-culture and the study of European prehistory. — Grimes W. F. (ed.). Aspects of archaeology in Britain and beyond. Essays presented to O. G. S. Crawford. London, Edwards: 49–65.
Clark J. G. D. 1966. The invasion hypothesis in British archaeology. — Antiquity, 40: 172–189.
Clark J. G. D. 1970. Aspects of prehistory. Berkeley — Los Angeles — London, University of California Press.
Clark J. G. D. 1976. Prehistory since Childe. — Bulletin of the Institute of Archaeology, University of London, 13: 1–21.
Clark J. G. D. 1977. World prehistory in new perspective. Cambridge, Cambridge University Press.
Clark J. G. D. 1999. Doroti Garrod. — Murray 1999a: 401–412.
Clark J. G. D. and Piggott S. 1965. Prehistoric societies. Harmondsworth, Penguin Books.
Clark L. K. 1961. Pioneers of prehistory in England. London, Sheed and Ward.
Clark O. G. S. 1957. Archaeology and society: Reconstructing the prehistoric past. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Clark R. 1960. Sir Mortimer Wheeler. London, Phoenix House.
Clarke D. L. 1968. Analytical archaeology. London, Methuen.
Clarke D. L. (ed.). 1972a. Models in archaeology. London, Methuen.
Clarke D. L. 1972b. Models and paradigms in contemporary archaeology. — Clarke 1972a: 1–60.
Clarke D. L. 1972c. A provisional model of an Iron Age society and its settlement system. — Clarke 1972a: 801–869.
Clarke D. L. 1973. Archaeology: the loss of innocence. — Antiquity, 47: 6–18.
Cleland Ch. E. (ed.). 1976. Cultural change and continuity. Essays in honor of James Bennett Griffin. New York, Academic press.
Coblenz W. 1972. Paul Reinecke, ein Wegbereiter der modernen Ur- und Frühgeschichtlichtsforschung. — Zeitschrift für Archäologie, 6: 240–249.

Cogels P. 1907. Ceraunies et pierres de foudre. Histoire et bibliographie. Anvers, J. van Hillede Backer.
Cohen C. 1999. Abbé Henri Breuil. — Murray 1999a: 301–312.
Cohen C. et Hublin J.-J. 1989. Boucher de Pertes (1788–1868). Les origines romantiques de la préhistoire. Paris, Belin.
Cohen H. 1883. Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik. Berlin, Ferd. Dümmler.
Cohen M. N. 1977. 1977. The food crisis in prehistory: overpopulation and the origins of agriculture. New Haven, Yale University Press.
Cole J. R. 1980. Cult archaeology and unscientific method and theory. — AAMT, 3: 4–33.
Coles J. M. 1973. Archaeology by experiment. London, Hutchinson university Library.
Coles J. M. 1979. Experimental archaeology. London, New York et al., Academic Press.
Collier J. 1931. The scandal and credulities of John Aubrey. London, Davies.
Collingwood R. G. 1956. The idea of history. New York, Oxford University Press.
Collis J. 2003. The Celts: origins, myths and inventions. Stroud, Tempus.
Conkey M. W. 1989. The structural analysis of Palaeolithic art. — Lamberg-Karlovsky 1989: 135–154.
Conkey M. W. 1992. L'approche structurelle de l'art paléolithique et l'héritage d'André Leroi-Gourhan. — Audouze F. et Schnapp 1992: 41–45.
Conkey M. W. and Spector J. 1984. Archaeology and the study of gender. — AAMT, 7: 1–29.
Cook R. M. 1955. Thucydides as archaeologist. — ABSA, 50: 266–277.
Corti E. C. 1951. The death and resurrection of Pompei and Herculaneum. London, Routledge and Kegan Paul.
Costello P. 1985. The Piltdown hoax reconsidered. — Antiquity, 59: 167–173.
Cottrell L. 1966. Digs and diggers. London, Lutterworth Press.
Coudart A. 1999. André Leroi-Gourhan. — Murray 1999a: 653–664.
Coulson Th. 1950. Joseph Henry: His life and work. Princeton, Princeton University Press.
Coult A. and Habenstein R. W. 1965. Cross-tabulation of Murdock's World Ethnographic Sample. Columbia, University of Missoury Press.
Coulter C. C. 1937. Boccacio's archaeological knowledge. — AAJ, 41: 397–405.
Courbin P. 1982/1988. Qu'est-ce que l'archéologie? Essai sur la nature de la recherche archéologique. Paris, Payot (Engl. transl.: Courbin P. 1988. What is archaeology? An essay on the nature of archaeological research. Chicago and London, University of Chicago Press).
Cowgill G. 1977. Albert Spaulding and archaeological method and theory. — AA, 42: 325–330.
Crawford O. G. S. 1921. Man and his past. Oxford, Oxford University Press; London, Humphrey Milford.
Crawford O. G. S. 1926. Review of Childe 1925. — Antiquaries Journal, 6: 89–90.
Crawford O. G. S. 1932. The dialectical process in the history of science. — Sociological Review, 24: 165–173.
Crawford O. G. S. 1951. Archaeological history: a review. — Antiquity, 25: 9–12.
Crawford O. G. S. 1955. Said and done. London, Weidenfeld and Nicolson.
Crawford O. G. S. 1960. Archaeology in the field. London, Phoenix House.
Cullen B. S. 2001. Contagious ideas: On evolution, culture, archaeology and Cultural Virus Theory. Oxford, Oxbow Books.
Cunliffe B. 1999. Sir Mortimer Wheeler. — Murray 1999a: 371–383.
Cunnington R. H. 1975. From antiquary to archaeologist. Princes Rinsborough, Shire Publications.
Curtius E. 1903. Ein Lebensbild in Briefen. Hrsg. F. Curtius. Bd I–II. Berlin, Springer (2. Aufl. 1913).
Curtius L. 1941. Winckelmann und seine Nachfolge. Wien, A. Schroll.
Déchelette F. 1962. Livre d'or de Joseph Déchelette. Roanne, Impr. Sully.

Daniel G. E. 1942. The Three Ages. Cambridge, Cambridge University Press.
Daniel G. E. 1943. The Three Ages. An essay on archaeological method. Cambridge, Cambridge University Press.
Daniel G. E. 1950. A hundred years of archaeology. London, Duckworth.
Daniel G. E. 1958. Editorials. — Antiquity, 32: 66.
Daniel G. E. 1959. Editorial. — Antiquity, 33: 78–79.
Daniel G. E. 1962. The idea of prehistory. London, C. A. Watts; Harmondswoth, Penguin Books.
Daniel G. E. 1965. Editorial. — Antiquity, 39: 83.
Daniel G. E. 1966. Man discovers his past. London, Duckworth.
Daniel G. E. 1967. The origins and growth of archaeology. Baltimore — Maryland, Pengwin Books.
Daniel G. E. 1968. One hundred years of Old World prehistory. — Brew J. O. (ed.). One hundred years of anthropology. Cambridge, Mass., Harvard University Press: 55–93.
Daniel G. E. 1969. Editorial. — Antiquity, 43: 86–87.
Daniel G. E. 1971. Editorials. — Antiquity, 45: 3–4.
Daniel G. E. 1971. From Worsaae to Childe. The models in prehistory. — PPS, 37: 140–153.
Daniel G. E. 1975. Hundred and fifty years of archaeology. London, Duckworth.
Daniel G. E. 1979. Editorials. — Antiquity, 43: 225.
Daniel G. E. 1981a. A short history of archaeology. London, Thames and Hudson.
Daniel G. E. (ed.). 1981b. Towards a history of archaeology. London, Thames and Hudson.
Daniel G. E. 1986. Some small harvest: The memoirs of Glyn Daniel. London, Thames and Hudson.
Daniel G. E. 1988. Geschichte der Archäologie. Bergisch Gladbach, Lübbe.
Daniel G. E. and Chippindale Chr. (eds.). 1989. The pastmasters. London, Thames and Hudson.
Daniels S. G. H. 1972. Research design models. — Clarke 1972a: 201–229.
Darnell R. 1998. And along came Boas: Continuity and revolution in Americanist anthropology. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publ. Company.
Darwin F. (ed.). 1887. The life and letters of Charles Darwin, including autobiographical chapter. London, John Murray.
Das Winckelmann-Museum = Richter G. (Hrsg.) Johann Winckelmann. Führungstext: Altmärkisches Museum Stendal. Stendal, Altmärkisches Museum.
Daux G. 1942. Les etapes de l'archéologie. Paris, Que sais je, no. 54.
Davidson Th. 1956. Elf-shot cattle. — Antiquity, 30: 149–155.
Dawkins R. 1976. The selfish gene. Oxford, Oxford University Press.
Dawkins B. W. 1874. Cave hunting: Researches on the evidence of caves respecting the early inhabitants. London, MacMillan.
Dawson W. R. (ed.). 1938. Sir Grafton Elliot Smith: A biographical record by his colleagues. London, Jonathan Cape.
De Caro S. et Guzzo P. G. 1999. A Giuzeppe Fiorelli nel primo centenario della morte (Atti del Convegno, Napoli, 19 -20 marzo 1997). Napoli, Arte tipografica.
De Laet S. 1981. Philippe-Charles Schmerling (1791–1836). — Daniel 1981b: 112–119.
Déchelette F. 1962. Livre d'or de Joseph Déchelette. Roanne, Impr. Sully.
Deetz J. 1967. Invitation to archaeology. Garden City — New York, Natural History Museum.
Deetz J. 1988. History and archaeological theory: Walter Taylor revisited. — AA, 53: 13–22.
Degler C. 1991. In search of human nature. Oxford, Oxford University Press.
Deichmann F. W. 1983. Einführung in die christliche Archäologie. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
Delitzsch F. 1904. Babel und Bibel: Ein Rückblick und Ausblick. Stuttgart, Deutsche Verlag-Anstalt.
Delitzsch F. 1921. Die grosse Täuschung: kritische Betrachtungen zu den alttestamentlichen Berichten über Israels Eindringen in Kanaan, die Gottesoffenbarung vom Sinai und die Wirksamkeit der Propheten. 2. Aufl. Stuttgart, Deutsche Verlag-Anstalt, Teile 1–2.

DeMarrais E., Gosden Chr. and Renfrew C. (eds.). 2004. Rethinking materiality: the engagement of mind with the material world. Cambridge, McDonald Institute Monographs.
Dennis G. 1883. The cities and cemeteries of Etruria. Vol. 1. London, Murray.
Deuel L. (ed.). 1961. The treasures of time: First-hand accounts by famous archaeoloigists of their work in the Near East. New York, World Publishing.
Deuel L. 1987. Conquistadors without swords: Archaeologists in the Americas. New York, St. Martin's.
Dever W. G. 1974. Archaeology and Biblical studies: Retrospect and prospect. Evanston, Seabury-Western.
Dever W. G. 1993. What remains of the House That Albright Built? — BA, 56: 25–35.
Dewey J. 1929. The quest for certainty: a study of the relation of knowledge and action. New York, Minton, Balch and Co.
Dewey J. 1947. The development of American pragmatism. — Twentieth century philosophy: living schools of thought. New York, Philosophical Library.
Dewey J. 1955. Logic. The theory of inquiry. New York, H. Holt.
Dobres M. A. and Robb J. (eds.). 2000. Agency and archaeology. London, Routledge.
Donnan Chr. B. and Clewlow C. Will., Jr. (eds.). 1974. Ethnoarchaeology. Los Angeles, University of California Institute of Archaeology.
Doran J. 1986. Formal methods and archaeological theory: a perspective. — WA, 18: 21–37.
Doran J. 1970. Archaeological reasoning and machine reasoning. — Archéologie et calculateurs. Problèmes sémiologiques et mathématiques. Paris, Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique: 57–69.
Drew W. 1984. Cultural materialism: Food for thought or bum steer? — CAn, 25: 639–653.
Drößler R. 1988. Flucht aus dem Paradies. Leben, Ausgrabungen und Entdeckungen Otto Hausers. Halle a. S. — Leipzig, Mitteldeutscher Verlag.
Drower M. S. 1985. Flinders Petrie: A life in archaeology. London, Gollancz.
Drower M. S. 1999. Flinders Petrie. — Murray 1999a: 221–232.
Duchêne H. 1995. L'or de Troie, ou le rêve de Schliemann. Paris, Gallimard.
Duhem P. 1906. La theorie physique: son objet et sa structure Paris, Chevalier et Riviere.
Dunnell R. C. 1980. Evolutionary theory and archaeology. — AAMT, 3: 35–99.
Dunnell R. C. 1989. Aspects of the application of evolutionary theory to archaeology. — Lamberg-Karlovsky 1989: 35–49.
Dunnell R. C. 1999. Irving Benjamin Rouse. — Murray 1999a: 665–679.
Dunnell R. C. 2001. United States of America, Prehistoric archaeology. — Murray 2001: 1289–1307.
Dupuy D. 1873. Notice biographique sur Édouard Lartet. Paris, P.Ollendorff.
Durham W. H. 1991. Coevolution: Genes, cukture and human diversity. Stanford, Stanford University Press.
Duval A. (dir.). 1992. La préhistoire en France. Musées, écoles de fouiles, associations... du XIXe siècle à nos jours. Actes du 114eme Congrès national des Sociétés savantes (Paris, 3–9 avril 1989). Paris, C.T.H.S.
Dyson S. 2006. In Pursuit of Ancient Pasts: A History of Classical Archaeology in the Nineteenth and Twentieth Centuries. New Haven, Yale University Press.
Earle G. W. and Preucel R. W. 1987. Processual archaeology and the radical critique. — CAn, 28: 501–538.
Easton D. F. 1981. Schliemann's discovery of 'Priam's Treasure': two enigmas. — Antiquity, 56: 179–183.
Easton D. F. 1982. The Schliemann's papers. — ABSA, 77: 93–110.
Ebert M. (Hrsg.). 1926 und 1929. Reallexikon der Vorgeschichte, Bde. 5 und 14. Berlin, de Gruyter.
Edwards I. E. S. 1985. The pyramids of Egypt. Harmondsworth, Penguin.
Eggan F. 1954. Social anthropology and the method of controlled comparison. — AAnth, 56: 743–763.

Eggers H.-J. 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. — Kirchner H. (Hrsg.). Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Festschrift zum 60. Geburtstag von Ernst Wahle. Heidelberg, Carl Winter — Unversitätsverlag: 26–42.
Eggers H. J. 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München, Piper.
Eggert M. K. H. 1976. «Archaeology as anthropology» and its case: remarks on reasoning in prehistoric archaeology. — The Western Canadian Journal of Anthropology, 6: 42–61.
Eggert M. K. H. 1978. Prähistorische Archäologie und Ethnologie: Studien zur amerikanischen New Archaeology. — PZ, 53: 6–164.
Eggert M. K. H. und Luth F. 1987. Mersin und die absolute Chronologie des europäischen Neolithikums. — Germania, 65: 17–28.
Eggert M. K. H. und Wotzka H.-P. 1887. Kreta und die absolute Chronologie des europäischen Neolithikums. — Germania, 65: 379–422.
Ehrenereich R., Crumley C. M. and Levy J. (eds). 1995. Heterarchy and the analysis of complex societies (Archaeological Papers of the American Anthropological Association 6). Washington DC, American Anthropological Association.
Eichhoff K. J. L. M. 1879. Über die Sagen und Vorstellungen von einem glücklichen Zustande der Menschheit bei den Schriftstellern des klassischen Altertums. — (Neue) Jahresbücher für Philologie und Pädagogik, Jg. 25 (49), Bd 120: 38–601.
Einstein A. 1955. Mein Weltbild, Berlin, Ullstein.
Elsner J. 1990. Significant details: Systems, certainties and the art-historian as detective. — Antiquity, 64: 950–952.
Emerson R. W. 1850. Representative men. Philadelphia, Henry Altemus.
Emery F. 1971. Edward Lhuyd, F. R. S., 1660–1709. Cardiff — Cerdydd, Gwasg Prifysgol Cymru.
Engelien I.-B. 1987. Vladimir Milojčić. — Hachmann 1987: 135–154.
Engelstad E. 1991. Images of power and contradiction: feminist theory and post-processual archaeology. — Antiquity, 65: 502–514.
Erasmus C. and Smith W. 1967. Cultural anthropology in the United States since 1900: A quantitative analysis. — SJA, 23: 11–140.
Ernst W. 1983. Archäologie als Stil. Drei Jahrhunderte britischer Antikenrezeption. — Der Archäologe. Graphische Bildnisse aus dem Porträtarchiv Diepenbrock. Münster, Westfälisches Landesmuzeum für Kunst und Kulturgeschichte.
Eschker W. 1999. Tod in Triest: Miniaturen aus dem Leben von Lichtenberg, Winckelmann, Storm. Blieskastel, Goldenstein.
Ethnoarchéologie 1992 = Ethnoarchéologie. Justification, problèmes, limites. Actes de rencontres 17–18–19 otobre 1991. Juan-les-Pins, APDCA.
Etienne R. and Etienne F. 1992. The search for ancient Greece. London — New York, Thames and Hudson — Abrams.
Ettlinger L. 1937. Gottfried Semper und die Antike. Beiträge zur Kunstanschauung des deutschen Klassizismus. Halle, Univ. Diss.
Evans A. 1901/1967. Palace of Minos. — The Monthly Review, II: 115–132 (reprinted in: Daniel G. E. 1967. The origins and growth of archaeology. Baltimore, Maryland, Penguin Books: 162–177).
Evans A. 1921–1935. The palace of Minos. London, [s. n.], vol. I–IV.
Evans Chr. 1999. Christopher Hawkes. — Murray 1999a: 461–479.
Evans John. 1850. On the date of British coins. — The Numismatic chronicle and Journal of Numismatic Society, 12 (1849): 127–137.
Evans John. 1864. The coins of the Ancient Britons. London, J. R. Smith.
Eavns J. 1875. The coinage of the ancient Britons and natural selection (abstract of an evening discourse delivered at the Royal Institution of Great Britain, on Friday, May 14, 1875). — Archaeology, metrology and pamphlets. London : [s.n.].
Evans Joan. 1943. Time and chance: The story of Arthur Evans and his forebears. London et al., Longmans, Green and Co.

Evans Joan. 1949. Ninety years ago. — Antiquity, 23: 115–125.
Evans Joan. 1956. A history of Society of Antiquaries. London, The Society of Antiquaries.
Evans J. D. 1981a. Introduction: Glyn Daniel the person. — Evans et al. 1981: 232–235.
Evans J. D. 1981b. Introduction: On the prehistory of archaeology. — Evans et al. 1981:12–18.
Evans J., Cunliffe B. and Renfrew C. (eds.). 1981. Antiquity and man: Essays in honour of Glyn Daniel. London, Thames and Hudson.
Evans-Pritchard E. E. 1940. The Nuer. A description of the modes of livelihood and political institutions of a Nilotic people. Oxford, Oxford University Press.
Fagan B. M. 1975. The rape of the Nile: tombs robbers, tourists, and archaeologists in Egypt. New York, Charles Scribner's.
Fagan B. M. 1977. Elusive treasure: the story of early archaeologists in the Americas. New York, Scribners.
Fagan B. M. 1978. Review of Clark 1977. — Antiquity, 52: 256-257.
Fagan B. M. 2001. Graham Clark: an intellectual biography of an archaeologist. Boulder (CO), Westview.
Fahnenstock P. J. 1984. History and theoretical development: The importance of a critical historiography to archaeology. — ARC, 3: 7–18.
Faulkner N. 2000. Archaeology from below. — Public archaeology, 1: 21–33.
Feder K. L. 1984. Irrationality and popular archaeology. — AA, 49: 525–541.
Feinman P. D. 2004. William Foxwell Albright and the origins of biblical archaeology. Berrien Springs: Andrews University Press.
Ferguson Arth. B. 1993. Utter antiquity perceptions of prehistory in Renaissance England. Durham and London, Duke University Press.
Fergusson J. 1872. Rude stone monuments in all countries, their age and uses. London, Murray.
Fernandez D. 1981. Signor Giovanni. Paris, Ballaud.
Fernández Martinez V. M., Sanchez Gomez L. A. 2001. La prehistoria en el tiempo: Estudios de historiografia arqueologia. — Computum, 12: 165–166.
Fetten F. G. 1993. Neolithisierungsmodelle oder: Der Umgang mit dem Neuen in der Urgeschichtswissenschaft. — AI, 16: 201–233.
Finley M. I. 1975. The use and abuse of history. London, Chatto and Windus.
Fiorelli G. 1994. Appunti autobiofrafici. Premessa di S. De Caro (p. 5–37). Sorrento, Mauro.
Fischer U. 1956. Die Gräber der Steinzeit im Saalegebiet (Vorgeschichtliche Forschungen, 14). Berlin, Walter de Gruyter.
Fischer U. 1958. Mitteldeutschland und die Schnurkeramik. Ein kultursoziologischer Versuch. — JMV, 41/42: 254–298.
Fischer U. 1961. Zum Problem der spätneolithischen Gruppenbildung an Saale und mittlerer Elbe. — L'Europe á la fin de l'âge de la pierre. Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen, Prague ... 1959. Praha, Éditions de l'Academie tchécoslovaque des Sciences: 415–429.
Fischer U. 1987. Zur Ratio der prähistorischen Archäologie. — Germania, 65: 175–195.
Fittschen K. 1980. Heyne als Archäologe. — Der Vormann der Georgia Augusta: Christian Gottlob Heyne zum 250. Geburtstag: sechs akademische Reden. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht: 11–18.
Flannery K. V. 1967/1972. Culture history vs. culture process: A debate in American archaeology. — SA, 217: 110–122 (reprinted in: Leone 1972a: 102–107).
Flannery K. V. 1968. Archaeological System Theory and Early Mesoamerica. — Meggers B. J. (ed.). Anthropological archaeology in the Americas. Washington, D. C., The Anthropological Society of Washington: 67–87.
Flannery K. V. 1973. Archaeology with a capital «S». — Redman Ch. L. (ed.). Research and theory in current archeology. New York, John Wiley and sons: 47–53.
Flannery K. V. (ed.). 1976. The early Mesoamerican village. New York et al., Academic Press.

Flannery K. V. 1982. The Golden Marshalltown: A parable for the archeology of the 1980s. — AAnth, 84: 265–278.
Flannery K. 1994. Childe the evolutionist: a perspective from Nuclear America. — Harris 1994: 101–119.
Flannery K. V. 2001. «There were Giants in those Days»: Richard Stockton MacNeish, 1918–2001. — Ancient Mesoamerica, 12:149–156.
Flannery K. V. and Marcus J. 1993. Cognitive archaeology. — Cambridge Archaeological Journal, 3: 260–270.
Flannery K. V. and Marcus J. 2001. Richard Stockton MacNeish 1918–2001. — Biographical Memoirs of the National Academy of Sciences (Washington, D. C., The National Academy Press), Vol. 80: 1–27.
Fletcher R. 1999. David Clarke. — Murray 1999a: 855–868.
Flinders Petrie W. M. 1904. Methods and aims in archaeology. London, Macmillan.
Flinders Petrie W. M. 1931. Seventy years in archaeology. London, S. Low Marston and Co.
Ford J. A. 1952. Measurements of some prehistoric design developments in the Southeastern States (Anthropological papers of the American Museum of Natural History, vol. 44, pt. 3). New York.
Ford J. A. 1954a. Comment on A. C. Spaulding's «Statistical technique for the discovery of artifact types». — AA, 19: 390–391.
Ford J. A. 1954b/1971. The type concept revisited. — AAnth, 56: 42–53 (reprinted in: Deetz J. (ed.). 1971. Man's imprints from the past. Readings in the methods of archaeology. Boston, Little Brown and co.: 58–72).
Ford J. A. 1962. A quantitative method for deriving cultural chronology (Pan-American Union technical manual, no. 1). Washington, D. C., Organization of American States, General Secretariat.
Forssander J. 1933. Die schwedische Bootaxtkultur und ihre kontinentaleuropäische Voraussetzungen. Lund, Akademisk avhandling.
Fothergill Br. 1969. Sir William Hamilton — envoy extraordinary. New York: Harcourt, Brace and World.
Fox 1968 — см. Pitt Rivers 1968.
Fox C. 1932. The personality of Britain: its influence on inhabitant and invader in prehistoric and early historic times. Cardiff, Natural Museum of Wales.
Fox C. 1947. Reflections on The Archaeology of the Cambridge Region. — Cambridge Historical Journal, 9: 1–21.
Franke U. und Fuchs W. 1984. Kunstphilosophie und Kunstarchäologie: Zur kunsttheoretischen Einleitung des Handbuchs der Archäologie der Kunst von Karl Otfried Müller. — Boreas, 7: 269–294.
Franz L. 1949. Goethe und die Urzeit. Innsbruck, Universitätsverlag Wagner.
Fuchs W. 1978. Fragen der archaeologischen Hermeneutik in der ersten Hälfte des 19. Jh. — Boreas, 1: 143–168
Fuchsz H. 1958. Hat die Bibel Recht?: ein Streifzug durch die Geschichte des Kampfes der Theologie gegen den wissenschaftlichen Fortschritt. Leipzig, Urania.
Gaffney Chr. F. and Gaffney V. L. (eds.). 1987. Pragmatic archaeology: theory in crisis? Oxford, BAR (British Series 176).
Gamble C. 1999. Lewis Binford. — Murray 1999a: 811–834.
Gandert O. F. 1950. Typostrophismus und Typologie. — Kirchner H. (Hrsg.). Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Heidelberg, Carl Winter — Universitätsverlag: 43–48.
Gardin J. C. 1967. Methods for the descriptive analysis of archaeological materials. — AA, 32: 13–30.
Gardner M. 1957. Fads and fallacies in the name of science. New York, Dover Publs.
Gassendi P. 1641. Viri illustris Nicolai Claudii Fabricii de Peiresc Senatoris Aquisextiensis Vita. Paris.

Gathercole P. n.d. The relationship between Childe's political and academic thought — and practice. [Manuscript received in 1993].
Gathercole P. 1971. 'Patterns in prehistory': an examination of later thinking of V. Gordon Childe. — WA, 3: 225–232.
Gazenevue J. 1972. Lucien Levy-Bruhl. New York, Harper and Row.
Gebuehr M. 1987. Das Allerletzte: Montelius und Kossinna im Himmel. — AI, 10: 109–115.
Geertz C. 1973. Thick description: Toward an interpretative theory of culture. Ur, Basic Books.
Geertz C. 1988. Works and lives: The anthropologist as author. Stanford, Stanford University Press.
Geiß R. 1987. Paul Reinecke. — Hachmann 1987: 57–72.
Geisslinger H. 1967. Horte als Geschichtsquelle. Neumünster, Wachholtz.
Gellner E. 1982. What is structuralism? – Renfrew C., Rowlands M. J. and Segraves B. A. (eds.). Theory and explanation in archaeology. New York, Academic Press: 97–123.
Geominy W. 1986. Die Welckersche Archäologie. — Friedrich Gottlieb Welcker. Werk und Wirkung. — Hermes, 49: 230–247.
Gerhard E. 1831. Monumenti. Rapporto intorno i vasi volcenti (Annali dell'Instituto di Corrispondenza Archeologica, vol. 3).
Gerhard E. 1833. Grundzüge der Archäologie. Ein Fragment. — Hyperboräisch-Römische Studien für Archäologie, I: 1–84.
Gerhard E. 1850. Zur monumentalen Philologie. Berlin, Vortrag in einer Berliner Philologenversammlung.
Gerhard E. 1853. Grundriß der Archäologie: für Vorlesungen nach Müllers Handbuch. Berlin, G. Reimer.
Gerhard E. 1866. Ein Lebensabriss von Otto Jahn. Berlin.
Gero J. M. 1985. Socio-policy and the Woman-at-Home Ideology. — AA, 50: 342–350.
Gero J. M. 1996. Archaeological practice and gendered encounters with field data. — Wright R. P. (ed.). Gender and archaeology. Philadelphia, University of Pennsylvania Press: 251–280.
Gero J. M. and Conkey M. W. 1991. Engendering archaeology: women and prehistory. London, Basil Blackwell.
Giddens A. 1976. New rules of sociological method: a positive critique of interpretative sociologiies. London, Hutchinson.
Giddens A. 1979. Central problems in social theory: action, structure and contradiction in social analysis. London, Macmillan.
Giddens A. 1984. The constitution of society. Cambridge, Polity Press.
Gillberg Å. 1998. Biography in the history of archaeology. — Anderson A.-C. et al. (eds.). The kaleidoscopic past. Gotarc Serie C. Arkeologiska Scrifter No. 16. Gothenburg, Gotenburg University: 294–302.
Gilman A. 1989. Marxism in American archaeology. — Lamberg-Karlovsky 1989: 63–73.
Gimbutas M. 1973. Old Europe c. 7000–3500 B. C.: The earliest European civilization before the influence of the Indo-European peoples. — Journal of Indo-European Studies, 1: 1–21.
Gimbutas M. 1991. Civilization of the Goddess. San Francisco, Harper and Row.
Ginzburg C. 1983. Clues: Morelli, Freud and Sherlock Holms. — Sebeok T. and Eco U. (eds.). The sign of Three: Dupin, Holmes, Peirce. Bloomington, Indiana University Press: 81–118.
Givens D. R. 1989. The impact of A. V. Kidder on the Carnegie Institution and Americanist archaeology. — Athenaeum Society Review, 5: 1–11.
Givens D. R. 1992a. Alfred Vincent Kidder and the development of Americanist archaeology. Albuquerque, University of New Mexico Press.
Givens D. R. 1992b. The role of biography in writing the history of archaeology. — Reyman 1992: 51–66.
Givens D. R. 1999. Alfred Vincent Kidder 1885–1963. — Murray 1999a: 357–369.

Gjessing G. 1963. Archaeology, nationalism and society. — Mandelbaum D. G., Lasker G. W. and Albert E. M. (eds.). The teaching of anthropology (American Anthropological Association, Memoir 94). Berkeley, University of California Press: 261-267.
Gkiasta M., Russell Th., Shennan S. and Steel J. 2003. Neolithic transmission in Europe: the radiocarbon method revised. — Antiquity, 77: 45–64.
Glanville S. R. K. 1942. Flinders Petrie: The scientific classification of archaeological material. — Proceedings of the Royal Institution, 32.
Gluckman H. M. 1949. An analysis of the sociological theories of Bronislav Malinowski. Cape Town, New York, Oxford University Press.
Godelier M. 1977. Perspectives in Marxist anthropology. Cambridge, England, Cambridge University Press.
Godin S. 2000. Unleashing the idea virus. New York, Simon and Schuster.
Godłowski K. 1962. Uwagi o niektórych zagadnieniach interpretacji źródeł archeologicznych. — Prace i materialy Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łódzi, ser. archeologiii, 8, Łódź: 79–102.
Goessler P. 1947. Heinrich Schliemann und Wilhelm Dörpfeld. — Universit. Zeitschrift für Wissenschaft, Kunst und Literatur, 2: 689–698, 813–828.
Goll R. 1972. Der Evolutionismus. Analyse eines Grundbegriffs neuzeitlichen Denkens. München, Beck.
Gomaa F. 1973. Chaemwese Sohn Ramses' II und hoher Priester von Memphis. Wiesbaden, Harrassowitz.
Gonzales Marcen P. and Risch R. 1990. Archaeology and historical materialism: outsiders' reflections on theoretical discussions in British archaeology. — Baker Fr. and Thomas J. (eds.). Writing the past in the present. Lampeter, St. David's University College: 94-104.
Goodenouph W. H. 1956. Componential analysis and the study of meaning. Indianapolis, Bobbs-Merrill.
Goodman J. 1977. Psychic archaeology. Time machine to the past. New York, Putnam.
Gordon M. A. 1974. The social history of evolution in Britain. — AA, 39: 194–204.
Gould R. A. 1968. Living archaeology: The Ngatatjara of western Australia. — SJA, 24: 101–121.
Gould R. A. 1971. The archaeologist as ethnographer: A case study from the western Australia. — WA, 3: 143–177.
Gould R. A. 1977. Ethno-archaeology, or, where do models come from? — Wright R. V. S. (ed.). Stone tools as cultural markers. Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies: 162–168.
Gould R. A. (ed.). 1978. Explorations in ethnoarchaeology. Albuquerque, University of New Mexico Press.
Gould R. A. 1979. Living archaeology. Cambridge, Cambridge University Press.
Gould R. A. 1985. The empiricist strikes back: reply to Binford. — AA, 50: 638–644.
Gould R. A. 1990. Recovering the past. Albuquerque, University of New Mexico Press.
Gradmann R. 1898. Das Pflanzenleben der Schwäbischen Alb. Stuttgart, Verl. des Badischen Botanischen Vereins.
Gran-Aymerich E. et J. 1984. Les grand archéologues: Gabriel de Mortillet. — Archéologia, 1984 déc., 197: 71–75.
Grant M. 1971. Cities of Vesuvius: Pompeii and Herculaneum. London, Michael Grant Publications.
Grant-Duff (Lubbock) U. 1924. The life-work of Lord Avebury. London, Watts and Co.
Gräslund B. 1974. Relativ datering: Om kronologisk metod i nordisk arleologi (Tor, vol. XVI, 1974). Uppsala, Gustavianum.
Gräslund B. 1981. The background to C. J. Thomsen's Three-Ages System. — Daniel 1981b: 45–50.
Gräslund B. 1987. The birth of prehistoric chronology: Dating methods and dating systems in nineteenth-century Scandinavian archaeology. Cambridge, Cambridge University Press.

Gräslund B. 1999. Gustaf Oscar Augustin Montelius. — Murray 1999a: 155–163.
Grayson D. K. 1983. The establishent of human antiquity. London, Academic Press.
Green S. 1980. Prehistorian. A biography of V. Gordon Childe. Braidford-on-Avon, Moonraker Press.
Greene K. 1999. V. Gordon Childe and the vocabulary of revolutionary change. — Antiquity, 73: 97–109.
Gregorovius F. 1978–1980. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter vom V. bis zum XVI Jahrhundert. Hrsg. v. Kampf F. Bd I — IV. München, C. H. Beck.
Griaule M. 1948. Dieu d'eau. Éntretiens avec Ogotemméli. Édit. du Chéne, Hachette (1949-1950).
Griffin J. B. 1978. An appreciation of James Benjamin Rouse. — Dunnell R. C. and Hall Edwin S., Jr. (eds.). Archaeological essays in honor of Irving B. Rouse. The Hague, Paris and New York, Mouton: 1–9.
Griffin J. B. 1999. James Alfred Ford. — Murray 1999a: 635–651.
Griffith J. G. 1956. Archaeology and Hesiod's Five Ages. — JHI, 17: 109–119.
Griffith J. G. 1958. Did Hesiod invent the Golden Age? — JHI, 18: 91–93.
Groenen M. 1994. Pour une histoire de la préhistoire. Le Paléolithique. Grenoble, Jérôme Millon.
Grumach E. 1949. Goethe und die Antike: eine Sammlung. Bde. 1–2. Berlin, de Gruyter.
Grummond N. T. de. 1977. A seventeenth-century book on classical gems. — Archaeology (New York), 30: 25.
Grünert H. 2002. Gustaf Kossinna (1858–1931). Vom Germanisten zum Prähistoriker. Ein Wissenschaftler im Kaiserreich und der Weimarer Republik (Vorgeschichtliche Forschungen 22). Leidorf — Rahden, VML.
Guibert [Mariae] de Nogent. 1981. [De vita sua]. Autobiographie. Introd., ed. et trad. par E. R. Labande. Paris, Les Belles Lettres.
Gunmel H. 1938. Forschungsgeschichte in Deutschland. Die Urgeschichtsforschung und ihre historische Entwicklung in der Kultustaaten der Erde. Bd I. Berlin, Walter de Gruyter.
Gunther R. W. Th. 1945. Life and letters of Edward Lhwyd. Oxford, Oxford University Press.
Gustafsson A. 1996. Arkeologins egna historier. Reflexioner kring arkeologihistoria, dess historiografi och användningar. Göteborg, Göteborgs unuversitet.
Gustafsson A. 2001. Arkeologinhistoria som historia och arkeologi: Studier i arkeologins egenhistorier. Göteborg (Gotarc, ser. B. Gotenbrurg archaeol. theses, 17).
Hachmann R. (Hrsg.). 1987. Studien zum Kulturbegriff in der Vor- und Frühgeschichtsforschung (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, 48). Bonn, Rudolf Habelt.
Haddon A. C. 1911. The wanderings of peoples. Cambridge, Cambridge University Press.
Hadidi A. 1976. Kathleen M. Kenyon and her place in Palestinian archaeology. — Annual of the Department of Antiquities (Amman), 21: 7–17.
Hägerström A. 1908. Das Prinzip der Wissenschaft. Uppsala, Skrifter utgifna af K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Upsala (12, 3).
Hahne H. 1922. 25 Jahre der Siedlungsarchäologie; Arbeiten aus dem Kreis der Berliner Schule. Mannus-Bibliothek 22. Leipzig.
Hall E. T. 1959. The silent language. Garden City, NY, Doubleday
Hammel E. 1972. The myth of Structural Analysis. Lévi-Strauss and the Three Bears (Module in Anthropology 25). Reading, Mass., Addison-Wesley.
Hammond M. 1982. The expulsion of the Neanderthals from human ancestry: Marcellin Boule and the social context of scientific research. — Social Studies of Science, 12: 256–275.
Hammond N. 1979. David Clarke. A biographical sketch. — Hammond N. et al. (eds.). Analytical archaeologist: Collected papers of David L. Clarke. London, Academic Press: 1–10.
Hänsel B. 1991. Berlin und die prähistorische Archäologie. — Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 12: 9–17.
Hansen G. Chr. 1967. Ausgrabungen im Altertum. — Das Altertum, 13: 44–50.
Hanson N. R. 1958. Patterns of discovery. Cambridge, Cambridge University Press.

Harding D. W. 1994. Charles Francis Christopher Hawkes 1905–1992. — PBA, 84: 323–344.
Härke H. 1983. Archäologie in Großbritanien. — Härke H. (Hrsg.). Archäologie und Kulturgeschichte: Symposium zu Zielvorstellung in der deutschen Archäologie. Privat veröffentl.
Härke H. 1991. All quiet on the Western front: Paradigms, methods and approaches in West German archaeology. — Hodder 1991a: 187–222.
Härke H. 1995. 'The Hun is a methodical chap'. — Ucko 1995: 46–60.
Harold F. B. and Eve R. A. (eds.). 1987. Cult archaeology and creationism. Iowa City, University of Iowa Press.
Harris D. (ed.). 1994. The archaeology of V. Gordon Childe: Contemporary perspectives. London, University College London Press.
Harris M. 1968. The rise of anthropological theory. New York, Crowell.
Harris M. 1974. Why a perfect knowledge of all the rules, one must know to act like a native, cannot lead to the knowledge of how natives act. — JAnR, 30: 242–251.
Harris M. 1976. History and significance of the Emic-Etic distinction. — ARA, 5: 329–350.
Harris M. 1979. Cultural materialism: The struggle for a science of culture. New York and Keith, Vintage books and Hart.
Hart J. P. and Terrell J. E. (eds). 2002. Darwin and archaeology: a handbook of key concepts. Westport, CT: Bergin and Garvey.
Hartman H. 1981. The unhappy marriage of Marxism and Feminism: Towards a more progressive union. — Sargent L. (ed.). Women and revolution. Boston, Mass., South End Press: 1–41.
Harvey D. 1989. The condition of postmodernity: an enquiry into the origins of cultural change. Oxford, Blackwell.
Hashagen F. 1904. Ernst Curtius als Sohn und Schüler, als Meister und als Mann. Leipzig, H. G. Wallmann.
Haskins H. 1927. The Renaissance of the Twelfth century. Cambridge (Mass.), Harvard University Press.
Haßmann H. 2000. Archaeology in the «Third Reich». — Härke H. (ed.). Archaeology, ideology and society. The German experience. Frankfurt a. M., Peter Lang: 65–139.
Hauptmann G. 1954. Winckelmann: Das Verhängnis. Vollendet und hrsg. von F. Thiess. Gütersloch, Bertelsmann.
Hauser O. 1920. Ins Paradies des Urmenschen. Fünfundzwanzig Jahre Vorweltforschung. Hamburg und Berlin, Hoffmann und Campe Verlag.
Hawkes C. F. C. 1951. British prehistory half-way through the century. — PPS, 17: 1–15.
Hawkes C. F. C. 1954. Archaeological theory and method: Some suggestions from the Old World. — AAnth, 56: 155–168.
Hawkes C. F. C. 1957. Archaeology as science: purposes and pitfalls. — Archaeological News Letter, 6: 93–100.
Hawkes C. F. C. 1982. Retrospect. — Antiquity, 56: 93–101.
Hawkes C. F. C. 1973. Innocence retrieval in archaeology. — Antiquity, 47: 176–178.
Hawkes J. 1963. The world of the past. 2 vols. New York and London, Simon and Schuster.
Hawkes J. 1967. God in the machine. Antiquity, 41: 174–180.
Hawkes J. 1968. The proper study of mankind. — Antiquity, 42: 255–262.
Headland T. a. o. 1990. Emics and Etics. The Insider/Outsider debate. Newbury Park, Cal.; Sage Publs.
Heape W. 1931. Emigration, migration and nomadism. Cambridge, Hoffer and Sons.
Hegardt J. 1999. Sven Nilsson. — Murray 1999a: 65–78.
Hegmon M. 2003. Setting theoretical egos aside. Issues and theory in North American archaeology. — AA, 68: 213–214.
Heider K. H. 1967. Archaeological assumptions and ethnographical facts: A cautionary tale from New Guinea. — SJA, 23: 52–64.

Heisenberg W. 1958. Physics and philosophy: The revolution in modern science. Stuttgart, S. Hirzel.
Heizer R. F. (ed.). 1962a. Man's discovery of his past: Literary landmarks in archaeology. Englewood Cliffs, Prentice Hall.
Heizer R. F. 1962b. The background of Thomsen's Three-Ages System. — Technology and Culture (Detroit), 3: 251–266.
Heizer R. F. 1968. Review of Daniel 1967. — Antiquity, 42: 76.
Heller J. L. 1946. Labyrinth or Troy town? — Classical Journal, 42: 123–139.
Helmich F. 1931. Urgeschichtliche Theorien in der Antike. — MAGW, 61: 29–73.
Heres G. 1979a. Ernst Curtius als Archäologe. — FB, 16: 129–148.
Heres G. 1979b. Winckelmann, Bernini, Bellori: Betrachtungen zur «Nachahmung der alten». — FB, 19: 9–16.
Hermansen V. 1934. Thomsens første museumsorfning. Et Bidrag til Tredelingens Historie. — Aarbøger: 99–122.
Hermerén G. 1984. Positivistic and Marxist ideals of science and their consequences for research. — Stjernquist B. (ed.). Perspective on archaeological theory and method (University of Lund Institute of Archaeology report series, no. 20). Lund, Universitets Historiska Museum: 7–31.
Herrmann J. 1974. Heinrich Schliemann, Wegbereiter einer neuen Wissenschaft. Berlin, Akademie Verlag.
Herrmann J. 1981. Heinrich Schliemann and Rudolf Virchow: their contributions towards developing historical archaeology. — Daniel 1981b: 127 -132.
Hertz F. 1930. Die Wanderungen, ihre Typen und ihre geschichtliche Bedeutung. — Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie, 8: 36–52.
Herzog R. (Hrsg.). 1994. Von Winckelmann bis Schliemann. Mainz, Ph. Zabern.
Higgs E. 1968. Archaeology — where now? — Mankind, 6: 617–620.
Higgs E. and Jarman M. R. 1969. The origins of agriculture: a reconsideration. — Antiquity, 43: 31–41.
Higgs E. and Jarman M. R. 1975. Palaeoeconomy. — Higgs E. (ed.). Palaeoeconomy. Cambridge, Cambridge University Press.
Hildburgh W. L. 1938. Stone implements presumably used as amulets in Spain. — Man, 38: 17–31.
Hildebrand B. 1937. C. J. Thomsen och hans lärda förbindelser i Sverige 1816–1837. Bd I. Tiden till 1826. Stockholm, Wahlström and Widestrand.
Hildebrand H. 1866. Zur Geschichte des Dreiperiodensystems. — ZE, 18: 357–367.
Hildebrand H. 1873. Den vetenskapliga fornforskningen, hennes uppgift, behof och rätt. Stockholm.
Hill J. N. 1968. Broken K Pueblo: patterns of form and function. — Binford S. R. and Binford L. R. (eds.). New perspectives in archaeology. Chicago, Aldine: 103–143.
Hill J. N. 1972. The methodological debate in contemporary archaeology: a model. — Clarke 1972a: 61–107.
Hill J. N. and Gunn J. (eds.). 1977. The individual in prehistory. New York, Academic Press.
Hilprecht H. V. 1903. Explorations in the Bible Lands during the ninteenth century. Philadelphia, A. J. Holman.
Hilprecht H. V. 1904. The excavations in Assyria and Babylonia. Philadelphia, A. J. Holman (экстракт из предшествующего тома).
Hiltner G. 1970. Rudolf Virchow. Stuttgart, Freies Geistesleben. ,
Himmelmann N. 1986. Die Archäologie im Werk Friedrich Gottlieb Welckers. — Friedrich Gottlieb Welcker. Werk und Wirkung. — Hermes 49: 277–293.
Himmelmann-Wildschütz N. 1960. Der Entwicklungsbegriff der modernen Archäologie. — Marburger Winckelmann-Programm. Marburg a/Lahn, Universitäts-Verl.: 13–48.
Hobsbawm E. J. 1978–82. The history of Marxism. Brighton, Engl., Harvester Press.
Hochholzer H. 1959. Typologie und Dynamik der Völkerwanderungen. — Die Welt als Geschichte, 19: 129–145.

Hodder I. 1982a. Symbols in action. Ethnoarchaeological studies of material culture. Cambridge, Cambridge University Press.
Hodder I. 1982b. Theoretical archaeology: a reactionary view. — Hodder I. (ed.). Symbolic and structural archaeology. Cambridge et al., Cambridge University Press: 1–16.
Hodder I. 1985. Post-processual archaeology. — AAMT, 8: 1–26.
Hodder I. 1986/1991. Reading the past: current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge et al., Cambridge University Press.
Hodder I. (ed.). 1987. The archaeology of contextual meanings. Cambridge, Cambridge University Press.
Hodder I. 1989. Comments on Archaeology into the 1990s. — NAR, 22: 15–18.
Hodder I. 1990. The domestication of Europe. Structure and contingency in Neolithic societies. Oxford, Basil Blackwell.
Hodder I. (ed.). 1991a. Archaeological theory in Europe: the last three decades. London and New York, Routledge.
Hodder I. 1991b. Archaeological theories in contemporary European societies: the emergence of competing traditions. — Hodder 1991a: 1–24.
Hodder I. 1995. Theory and practice in archaeology. London and New York, Routledge.
Hodder I. 1998. The archaeological process. An introduction. Oxford, Blackwell.
Hodder I. (ed.). 2000. Towards reflexive method in archaeology. The example at Çatalhöyük, by members of Çatalhöyük teams. Oxford, Blackwell.
Hoernes M. 1893. Geschichte und Kritik des Systems der drei prähistorischen Culturperioden. — MAGW, 23: 71–78.
Hoernes M. 1903. Das Campignien, eine angebliche Stammform der neolithischen Kultur Westeuropas. — Globus, 83: 139–144.
Hoernes M. 1905. Die Hallstattperiode. — Archiv für Anthropologie, N. F., 3: 233–281.
Hoffman M. 1979. Egypt before the pharaos: the prehistoric foundations of Egyptian civilization. New York, Knopf.
Hogarth A. C. 1972. Common sense in archaeology. — Antiquity, 46: 301–304.
Hohenheim Th. von (Paracelsus). 1929. Sämtliche Werke. I, 12. Berlin, Karl Sudhoff.
Holdaway S. and Stern N. 2001. Palaeolithic archaeology. — Murray 2001: 974–986.
Holland D., Lachicotte Jr. W., Skinner D. and Cain C. 1998. Identity and agency in cultural worlds. Cambridge (Mass.), Harvard University Press.
Holland Th. 1999. Kathleen Mary Kenyon. — Murray 1999a: 481–493.
Holmes W. H. 1886. Origin and development of form in ceramic art. — Bureau of American Ethnology (Washington, D. C.), Fourth Annual Report, 1882–1883: 437–465.
Holmes W. H. 1903. Aboriginal pottery of Eastern United States. — Bureau of American Ethnology (Washington, D. C.), Twentieth Annual Report, 1898–1899: 1–201.
Honigsheim P. 1929. Die Wanderung. — Verhandlungen d. 6. Deutschen Soziologentages, Zürich und Tübingen, Mohr.
Honour H. 1968. Neo-classicism. Harmonsworth, Penguin.
Honour (Winckelmann). 1968 = Johann Joachim Winckelmann 1768/1968. Bad Gadesberg, Inter Nationes.
Horowitz S. L. 1981. The find of a lifetime: Sir Athur Evans and the discovery of Knossos. London, Weidenfeld and Nicolson; New York, Viking Press.
Horton R. 1968. Neo-Tylorianism: Sound sense or sinister prejudice? — Man, 3: 625–634.
Hrouda B. (Hrsg.). 1978. Methoden der Archäologie. München, Beck.
Hubert E. 1970. Boucher de Perthes un précurseur genial. — Archaeologia, 36: 6–9.
Hubert E. 1982. Un precurseur de l'archéologie: N. Claude Fabri de Peiresc. — Archeologia (Dijon), 170: 73–76.
Hubert J. 1989. A proper place for the dead: a critical review of the 'reburial' issue. — Journal of Indigenous Studies, 1: 27–62.

Hublin J.-J. 1989. Les paradoxes de l'anticlericalism, le cas d'un mandarin. — Science et vie, 166: 150–153.
Hudson K. 1981. A social history of archaeology. The British experience. London, The Macmillan Press.
Hunter M. 1975. John Aubrey and the realm of learning. London, Science History Publications.
Hutchinson H. G. 1914. Life of Sir John Lubbock, Lord Avebury. 2 vols. London, Macmillan.
Huxley J. S. 1942. Evolution: The modern synthesis. London, Allen and Unwin.
Hymes D. H. and Fought J. 1981. American structuralism. The Hague, Mouton.
Hymes D. T. 1970. Linguistic models in archaeology. — Gardin J.-C. (dir.) Archéologie et calculateurs. Paris, Éditions du Centre National de la Rechrche Scientifique: 91–120.
Ibler U. 1987. Oswald Menghin. — Hachmann 1987: 111–123.
Impey O. and MacGregor A. (eds.). 1985. The origins of museums: The cabinet of curiosities in sixteenth-century Europe. Oxford, Clarendon.
Ingersol D. W., Jr., Yellen J. E. and MacDonald W. (eds.). 1977. Experimental archeology. New York, Columbia University Press.
Isaac G. Ll. 1971. Whither archaeology? — Antiquity, 45: 123–129.
Isler-Kerényi C. 1978. Beazley und die Vasenforschung. Gedenken zur Forschungsgeschichte und zur Methode. — Das Symposium Vasenforschung nach Beazley. Schriften des Deutschen Archäologen-Verbandes, 4. Tübingen, Vorstand des Deutschen Archäologen-Verbandes: 1–13.
Jacob-Friesen K.-H. 1928. Grundlagen der Urgeschichtsforschung. Stand und Kritik der Forschung über Rassen. Völker und Kulturen in urgeschichtlichen Zeit. Hannover, Helwig.
Jacob-Friesen K. H. 1939. Einführung in Niedersachsens Urgeschichte. Hildesheim, Lax.
Jaguttis-Emden M. 1977. Zur Präzision archäologischer Datierungen (Archaeologia Venatoria, 4). Tübingen, Inst. für Vorgeschichte, Univ. Tübingen.
Jahn M. 1953. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völker in der Vorgeschichte. — Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenscahften zu Leipzig, phil.-hist Klasse, 3: 14–17.
Jahn O. 1848. Ueber das Wesen und die wichtigsten Aufgaben der archäologischen Studien. — Berichte der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, II: 209–214.
Jahn O. 1868. Eduard Gerhard. Ein Lebensabriß. Berlin, Reimer.
Jakimowicz R. 1929. Ochrona zabytków przedhistorychnych. — Wiadomości archeologiczne, 10: 1–26.
James W. 1891. Some principles of psychology. Vol. 1–2. London, Henry Holt.
Jameson F. 1984. Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. — New Left Review, 146: 53–92.
Jankuhn H. 1977. Hans-Jürgen Eggers... — PZ, 52: 1–3.
Jarvie I. C. 1964. The revolution in anthropology. London, Routledge and Kegan Paul.
Jaspers K. 1947. Von der Wahrheit. München, Piper.
Jefferson Th. 1955. Notes on the state of Virginia. Chapel Hill, University of North Carolina.
Jenkins I. and Sloan K. 1996. Vases and Volcanoes. Sir William Hamilton and his collection. Catalogue of the exposition. London, British Museum.
Jensen J. 1988. Sophus Müller og det moderne gennembrud I dansk arkaeologi. — Andersen A. et al. (eds.). Festskrift til Olaf Olsen pa 60-ars dagen.den 7. Juni 1988. Copenhagen, Det Kongelike Nordiske Oldskriftselskab: 45–58.
Jensen O. W. 1997. When archaeology meets Clio. A critical reflection on writing the history of archaeology. — ARC, 14: 79–92.
Jensen O. W. 1999. From divine missiles to human implements. The shift in the perception of antiquities during the second half of the 17 century. — Gustafson A. and Karlsson H. (rde.). Glyfter och arkeologiska rum — en vänbock till Jarl Nordhbladh (GOTARC Ser. A, vol. 3). Göteborg, Göteborgs universitet: 553–567.

Jensen O. W. 2000. The many faces of stone artifacts. A case study of the shift in the perception of thunderbolts in the late 17th and early 18th centuries. — Jensen O. W. and Karlsson H. (red.). Archaseological conditions. Examples of epistemology and ontology (GOTARC Ser. C, no. 40). Göteborg, Göteborgs universitet and Univers. of Latvija, Fac. of hist. and philos.): 129–143.
Johansen A. B. 1969. Højfjsellsfunn ved Lærdalsvassdraget. Den teoretiske bakgrunn og de første analyseforsøk. — Årbok for Universitetet i Bergen (1968), 4: 1–159.
Johnson M. H. 1989. Conception of agency in archaeological interpretation. — JAnA, 8: 189–211.
Johnson M. 1999. Archaeological theory. An introduction. Oxford, Blackwell.
Jones D. E. 1979. Visions of time. Whaton, Illinois, Quest books.
Jones M. 2001. The molecule hunt: Archaeology and the search for ancient DNA. London, Allen Lane — The Penguin Press.
Jones S. 1997. The archaeology of ethnicity. Constructing identities in the past and present. New York, Routledge.
Jones St. D. 2001. Deconstructing the Celts: a sceptic's guide to the archaeology of the Auvergne. Oxford, BAR (International Series 965).
Junghans G. 1987. Gabriel de Mortillet 1821–1898 — Eine Biographie: Materiellen zur Darstellung seiner Ideen und Beiträge zur Erforschung von Ursprung und Geschichte des Menschen. Bonn, Habelt.
Justi C. 1956. Winckelmann und seine Zeitgenossen. 5. Aufl., Köln, Phaidon Verl., Bd 1–3 (1. Aufl. 1866).
Kaesar M.-A. 2006. The first establishment of prehistoric science: The shortcomings of autonomy. — Callmer 2006: 149–160.
Kaminsky J. 1970. Hegel on art: an interpretation of Hegel's aesthetics. Albany, N. Y., State University of New York Press.
Kaschnitz von Weinberg G. 1944. Die Grundlagen der antiken Kunst. I. Die mittelmeerischen Grundlagen der antiken Kunst. Frankfurt a. M., Klostermann.
Kaschnitz von Weinberg G. 1965. Kleine Schriften zur Struktur. — Ausgewählte Schriften. Bd I. Berlin, Gebrüder Mann.
Kayser H. 1963. Kleine Geschichte der Archäologie. Gutersloh, Bertelsmann.
Keen B. 1971. The Aztec image in Western thought. New Brunswick, N. J., Rutgers University Press.
Kehoe Al. B. 1998. The land of prehistory — A critical history of American archaeology. New York and London, Routledge.
Kekulé von Stradonitz R. 1881. Das Leben Friedrich Gottlieb Welckers nach seinen eignen Aufzeichnungen und Briefen. Leipzig, Teubner.
Kekulé von Stradonitz R. 1907. Die griechische Skulptur. Berlin, Reimer.
Kekulé von Stradonitz R. 1911. Eduard Gerhard. Berlin, Reimer.
Keller W. 1955. Und die Bibel hat doch Recht: Forscher beweisen die historische Wahrheit. Düsseldorf, Econ-Verlag.
Kemp B. 1984. In the shadow of texts: archaeology in Egypt. — ARC, 3: 19–28.
Kendrick Th. D. 1950. British antiquity. London, Methuen.
Kenyon K. M. 1960. Excavations at Jericho. Vol. I. Tombs excavated in 1952–4. London, British School of Archaeology at Jerusalem.
Kenyon K. M. 1979. Archaeology in the Holy Land. London, Benn.
Kern H. 1992. Labyrinthe: Erscheinungsformen und Deutungen; 5000 Jahre Gegenwart eines Urbilds. München, Prestel.
Kilian L. 1960. Zum Aussagewert von Fund- und Kulturprovinzen. — Światowit, 23: 41–85.
Kimmig W. 1994. Otto-Herman Frey zum 65. Geburtstag. — Dobiat Cl. (Hrsg.). Festschrift für Otto-Herman Frey zum 65. Geburtstag (Marburger Studien zu Vor- und Frühgeschichte, 16). Marburg, Hitzeroth: 23–31.
Kirchner H. 1964. Ernst Wahle. — Funde und Fortschritte, 38: 157.

Kitchen K. A. 1982. Pharaoh triumphant: The life and times of Ramses II. Mississauga, Benben Publications.
Klassiker 1912. = Hiller Frhr. Von Gaertringer Fr. (Hrsg.). Klassiker der Archäologie, I–III. Halle (Saale), Niemeyer.
Kleindienst M. and Watson P. J. 1956. Action archaeology: The archaeological inventory of a living community. — Anthropology Tomorrow, 5: 75–78.
Klejn L. S. 1970a. On trade and culture process in prehistory: Comment on C. Renfrew. — CAn, 11: 169–171.
Klejn L. S. 1970b. On Renfrew's reply. A letter. — CAn, 11: 402.
Klejn L. S. 1972a. Die Konzeption des Neolithikums, Äneolithikums und der Bronzezeit in der archäologischen Wissenschaft der Gegenwart. — Neolithische Studien, I. Berlin, Akademie-Verlag: 7–30.
Klejn L. S. 1972b. On the logic of cross-cultural analysis: Comment on Köbben. — CAn, 13,: 131–136, 138–139.
Klejn L. S. 1973a. Marxism, the Systemic approach, and archaeology. — Renfrew 1973a: 691–710.
Klejn L. S. 1973b. On major aspects of the interrelationship of archaeology and ethnology: Comment on K. C. Chang. — CAn, 14: 311–320.
Klejn L. S. 1974a. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren. — JMV, 58: 7–55.
Klejn L. S. 1974b. Regressive Purifizierung und exemplarische Betrachtung. Polemische Bemerkungen zur Integration der Archäologie mit der schriftlichen Geschichte und der Sprachwissenschaft bei der ethnischen Deutung des Fundgutes. — EAZ, 15: 223–254.
Klejn L. S. 1976. Neolithikum Europas als ein Ganzes. — JMV, 60: 9–22.
Klejn L. S. 1977. A panorama of theoretical archaeology. — CAn, 18: 1–42.
Klejn L. S. 1980. Archaeology of the 80ties through the objectives of the 70ties. — NAR, 13: 9–13.
Klejn L. S. 1982. Archaeological typology. Oxford, BAR (International Series 153).
Klejn L. S. 1990. Theoretical archaeology in the making: a survey of books published in the West in 1974–1979. — FA, VII: 3–15.
Klejn L. S. 1991a. A Russian lesson for theoretical archaeology: a reply. — FA, VIII: 67–71.
Klejn L. S. 1991b. Verkehrte Welt. In Breshnews Lagern. Berlin, Aufbau Taschenbuch Verlag.
Klejn L. S. 1993a. Is German archaeology atheoretical? — NAR, 26: 49–54.
Klejn L. S. 1993b. To separate a centaur: on the relationship of archaeology and history in Soviet tradition. — Antiquity 67: 339–348.
Klejn L. S. 1993c. It's difficult to be a god (Yoffee and Sherratt's *Archaeological theory: Who sets the agenda*?). — CAn, 34: 508–511.
Klejn L. S. 1994. Childe and Soviet archaeology: a romance. — Harris 1994: 75–93.
Klejn L. S. 1995a. Metaarchaeology in the West. Current notions of Western scholars on what is theory in archaeology. — Journal of Theoretical Archaeology, 3–4 (1993–1994): 59–82.
Klejn L. S. 1995b. Prehistory and archaeology. — Kuna and Venclová 1995: 36–42.
Klejn L. S. 1996. On archaeology theory: Who's who in setting the agenda? — CAn, 37: 366–348.
Klejn L. S. 1997. Das Phänomen der Sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von W. Kulik. Berlin, Peter Lang.
Klejn L. S. 1999a. Nikodim Pavlovich Kondakov. — Murray 1999a: 165–174.
Klejn L. S. 1999b. The early evolution of dice between the Danube and the Indus: Contributions to the early history of mathematics. — ActArc, 70,: 113–135.
Klejn L. S. 2001. Metaarchaeology. København, Blackwell — Munksgaard (Acta Archaeologica, 72, supplementa vol. III).
Klejn L. S. 2006. Neither archaeology nor theory: a critique of Johnson. — Antiquity, 80: 435–443.
Klejn L. S. 2007. Review of Trigger's History of archaeological thought, Second edition. — European Archaeological Journal, 9: 141–143.
Klindt-Jensen O. 1975. A history of Scandinavan archaeology. London, Thames and Hudson.

Klindt-Jensen O. 1981. Archaeology and ethnography in Denmark: early studies. — Daniel 1981b: 14–19.
Kluckhohn C. 1939. The place of theory in anthropological studies. — Philosophy of Science, 6: 328–344.
Kluckhohn C. 1940. The conceptual structure in Middle American studies. — Hay C. L., Tozzer A. M. et al. (eds.). The Maya and their neighbors. New York, London, D. Appleton — Century Co: 41–51.
Kluwe 1985 (wiss. Bearb.). Zur Geschichte der klassischen Archäologie. Jena — Kraków, Friedrich-Schiller-Universität Jena.
Kmieciński J. 1966. Gustaf Kossinna — uczony i nacjonalista. — Archeologia Polski Średniowiecznej, 1: 157–161.
Knöll H. 1960. Prof. Dr. Gero von Merhart von Bernegg. — Zeitschrift des Vereins für Hessische Geschichte und Landeskunde, 71 (оттиск без пагинации).
Knopf Th. 2002. Kontinuität und Diskontinuität in der Archäologie. Quellenkritische und vergleichende Studien (Tübinger Schriften zur frühgeschichtlichen Archäologie, 6). Münster, Waxmann.
Kock A. 1917. Hans Hildebrand. — Kuniglike Svenska vetenskapsakademiens Årsbok för år 1917: 273–292.
Koepp Fr. 1939. Geschichte der Archäologie. — Handbuch der Archäologie (Handbuch der Altertumsforschung), I. München, Beck: 11–70.
Kohl Ph. L. 1978. The balance of trade in Southwestern Asia in the third millenium B. C. — CAn, 19: 463–492.
Kohl Ph. L. 1979. The «world economy» of West Asia in the third millenium B.C. — Taddei M. (ed.). South Asian archaeology 1977. Naples, Istituto Universario Orientale: 55–85.
Kohl Ph. L. 1981. Materialist approaches in prehistory. — ARA, 10: 89–118.
Kohl Ph. L. 1987. The use and abuse of World Systems Theory. — AAMT, 11: 1–35.
Kohl Ph. L. and Pérez Gollán J. A. 2002. Religion, politics, and prehistory: Reassessing the lingering legacy of Oswald Menghin. — CAn, 43: 561–586.
Kołakowski L. 1978. Main currents of Marxism. Oxford, England, Oxford University Press.
Kölmann W. 1976. Versuch des Entwurfs einer historisch-soziologischen Wanderungstheorie. — Engelhardt U. (Hrsg.). Soziale Bewegung und politische Verfassung. Beiträge zur Geschichte der modernen Welt. Stuttgart, Ernst Klett.
Kolpakov E. M. 1993. The end of theoretical archaeology? A glance from the East. — NAR, 26: 107–115.
Kolpakov E. M. and Vishnyatsky L. B. 1989. The Bordes' Method? — NAR, 22: 107–118.
Kosidowski Z. Gdy słońce było bogiem. Warszawa, Iskry, 1962.
Kosidowski Z. 1963. Opowieści biblijne. Warszawa, Iskry.
Kossack G. 1969. Einführung in Werk und Methode G. von Merharts. — Merhart G. von. Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur Frühen Eisenzeit in Italien und Mitteleuropa. Bearb. u. hrsg. v. G. Kossack. Bonn, Habelt: VIII — XVI.
Kossack G. 1977. Gero Merhart von Bernegg (1886–1959) Vorgeschichtler. — Schnack I. (Hrsg.). Marburger Gelehrte in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Lebensbilder aus Hessen 1 (Veröffentl. Hist. Komm. Hessen 35, 1). Marburg, Elwert: 332–356.
Kossack G. 1986a. Gero von Merhart und sein akademischer Unterricht in Marburg. — Gedenkschrift für Gero von Merhart. Zum 100. Geburtstag (Marburger Studien zu Vor- und Frühgechichte, 7). Marburg/Lahn, Hitzeroth: 1–16.
Kossack G. 1986b. Nachwort. — Eggers H.-J. Einführung in die Vorgeschichte. München, Piper: 298–312.
Kossack G. 1999. Prähistorische Archäologie in Deutschland im Wandel der gesitigen und politischen Situation (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Kl., Jg. 1999, h. 4). München.

Kossinna G. 1896. Die vorgeschichtliche Ausbreitung der Germanen in Deutschland. — Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 6: 1–14.
Kossinna G. 1902: Die indogermanische Frage archäologisch beantwortet. — ZE, 34: 161–222.
Kossinna G. 1911a. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Mannus-Bibliothek 6, Würzburg, Kabitzsch.
Kossinna G. 1911b. Zur ältesten Bronzezeit Mitteleuropas. — Mannus, 3: 325-326.
Kossinna G. 1912. Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft. Mannus-Bibliothek 9, Würzburg, Kabitzsch.
Kossinna G. 1913. Der Goldfund von Messingwerk bei Eberswalde und die goldenen Kultgefäße der Germanen. Mannus-Bibliothek 12. Würzburg, Kabitzsch.
Kossinna G. 1920. Das siegreiche Vordringen meiner wissenschaftlichen Anschauungen als Ergebnis meiner wissenschaftlichen Methode. — Mannus, 11/12: 396–404.
Kossinna G. 1922. Oscar Montelius. — Mannus, 13: 309–335.
Kossinna G. 1926–27. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Teile 1–2. Irminsul, Blätter für deutsche Art und Kunst.
Kossinna G. 1934, 1935. Die altgermanische Kulturhöhe. Eine Einführung in die deutsche Vor- und Frühgeschichte. 3. Aufl. Würzburg, Kabitysch (5. Aufl. 1935).
Kossinna G. 1940. Das Weichselland ein uralter Heimatboden der Germanen. 3. verarb. Aufl. Würyburg, Kabitysch.
Kostrzewski J. 1964. W walce z szowinizmem. — Z otch´łani wiekòw 30, 4.
Kowalski J. W. 1988. Poczet papierzy. Warszawa, KiW.
Koyré A. 1966. Études d'histoire de la pensée scientifique. Paris, Presses Universitaires de France.
Kramarkowie Ir. i Ja. 1972. U źródeł archeologii. Wrocław et al., Zakł. Narodowy im. Ossolińskich.
Kramer C. 1979. Ethnoarchaeology. Implications of ethnography for archaeology. New York, Columbia University Press.
Kramer C. and Stark M. 1988. The status of women in archaeology. — American Anthropological Association Newsletter, 29: 11–12.
Krebs J. R. and Davies N. B. 1978. Behavioral ecology: an evolutionary approach. Oxford, Blackwell Scientific.
Krebs J. R. and Davies N. B. 1993. An introduction to behavioral ecology. Oxford, Blackwell.
Kreuzer I. 1959. Studien zu Winckelmanns Aesthetik. Normativität und historisches Bewußtsein (Winckelmann-Gesellschaft Stendal, Jahresgabe 1959). Berlin, Akademie-Verlag.
Kristiansen K. 1988. The Black and the Red: Shanks ansd Tilley's programme for a radical archaeology. — Antiquity, 62: 473–482.
Kristiansen K. 2002. The birth of ecological archaeology in Denmark: history and research environments 1850-2000. — Fischer A. and Kristiansen K. (ed.). The neolitization of Denmark. Sheffield, Sheffield University Press: 9-31.
Kristiansen K. 2004. Genes versus agents. A discussion on the widening theoretical gap in archaeology. — AD, 11: 77–132.
Kristiansen K. 2005. Who owns the past? Reflections on roles and responcibilities. — Вишняцкий Л. Б., Ковалев А. А., Щеглова О. А. (ред.). Археолог: детектив и мыслитель (Сборник статей посв. 77-летию Л. С. Клейна). СПб, изд. Санкт-Петербургского университета: 79–86.
Kühn H. 1966. Vor hundert Jahren. — Jahrbuch der prähistorischen und ethnographischen Kunst, 21 (1964–65): 108–110.
Kühn H. 1976 (1960). Geschichte der Vorgeschichtsforschung. Berlin, Walter de Gruyter.
Kuhn Th. 1957. The Copernican revolution. Cambridge, Mass., Harvard University Press.
Kuhn Th. 1962. The structure of scientific revolutions. Chicago, University of Chicago Press.
Kulischer E. und A. 1932. Kriegs- und Wanderzüge. Berlin — Leipzig, De Gruyter.
Kultermann U. 1966. Geschichte der Kunstgeschichte. Der Weg einer Wissenschaft. Düsseldorf und Wien, Econ-Verl.

Kultermann U. 1987. Kleine Geschichte der Kunsttheorie. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
Kümmel W. 1968. Rudolf Virchow und der Antisemitismus. — Medizinhistorisches Journal, 3: 165–179.
Kuna M. and Venclová N. (eds.). Whither archaeology? Papers in honour of Evžen Neustupný. Praha, Institute of Archaeology.
Kunst M. 1982. Intellektuelle Information — Genetische Information. — Zu Fragen der Typologie und typologischen Methode. — Acta Praehistorica et Archaeologica, 13/14: 1–11.
Kunze M. 1991. Carl Humann — Von Rum und Nachruhm eines deutschen Ausgräbers. — FB, 31: 153–161.
Kunze M. 1999. Johann Joachim Winckelmann. — Murray 1999a: 51–63.
Kuper A. 1988. The invention of primitive society: Transformation of an illusion. London and New York, Routledge.
Kurth G. 1963. Der Wanderungsbegriff in Prähistorie und Kulturgeschichte unter paläodemographischen und bevölkerungsbiologischen Gesichtspunkten. — Alt-Thüringen, 6: 1–21.
Ladendorf H. 1958. Antikenstudium und Antikenkopie. Vorarbeiten zu einer Darstellung ihrere Bedeutung in der mittelalterlichen und neuerer Zeit. Berlin, Akademie-Verlag.
Lakatos I. 1970. Falsification and the methodology of scientific research programs. — Lakatos I., Musgrave A. (eds.). Criticism and the growth of knowledge. Cambridge, Cambridge University Press: 91–196.
Lakatos I. 1971. History of science and its rational reconstructions. — Boston Studies in the Philosophy of Science, vol. VIII. Dordrecht, Holland.
Lamberg-Karlovsky C. C. 1986. The long durée of the Ancient Near East. — Huot L. (ed.). De l'Indus aux Balcan, Recueil Deshayes. Paris, Ed. Recherche sur les Civilisations: 55–72.
Lamberg-Karlovsky C. C. (ed.). 1989. Archaeological thought in America. Cambridge, Cambridge University Press.
Laming-Empeaire A. 1964. Origines de l'archéologie préhistorique en France. Paris, Picard.
Lanciani R. A. 1901. The destruction of ancient Rome. London, Macmillan and Co.
Langham I. 1981. The building of British Social Anthropology: W. H. R. Rivers and his Cambridge disciples in the development of kinship studies, 1898–1931. Dordrecht, Holland, D. Reidel.
Laplace G. 1974. La typologie analytique et structurale: base rationelle d'etude des industries lithique et osseuses. — Banques de données archeologiques. Colloques natioannaux... Marseille 1972. Paris, Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique: 92–143.
Larsen M. T. 1996. The conquest of Assyria: excavations in an antique land, 1840–1860. London, Routledge.
Larsson L., Kindgren H., Knutsson K., Loeffler D. and Åkerlund A. (eds.). 2000. Mesolthic on the move: papers presented at the 6th Intern. Conf. on the Mesolthic in Europe (Stockholm 2000). Oxford, Oxbow.
Lartet. 1872. = Lartet. Vie et traveaux de Éduard Lartet; Notices et discurs publiés [par P. Fischer et E.-T. Hamy] à l'occasion de sa mort. Paris, Picard.
Latham R. G. 1851. Man and his migrations. London, John van Voorst.
Laudan L. 1990. Science and relativism: some key controversies in the philosophy of science. Chicago, University of Chicago Press.
Laurent G. 1993. Édouard Lartet (1801–1871) et la paléontologie humaine. — BSPF, 90: 22–30.
Layard A. H. 1903. Autobiography and letters. 2 vols. London, Murray.
Layton Rob. 1997. An introduction to theory in anthropology. Cambridge, Cambridge University Press.
Leach E. 1970. Lévi-Strauss. London, Fontana-Collins.
Leach E. 1973. Concluding address. — Renfrew 1973a: 761–771.
Leach E. 1989. Review of Geertz 1988. — American Ethnologist, 16: 137–141.

Ledieu A. 1885. Boucher de Perthes. Sa vie, ses œuvres, sa correspondance. Abbeville.
Lee E. S. 1966. A theory of migration. — Demography, 3: 47–57.
Lehmann R. G. 1994. Friedrich Delitzsch und der Babel-Bibel Streit. Freiburg, Schweiz, Universitätsverlag Freiburg.
Lehmann-Hartleben K. 1943. Tomas Jefferson, archaeologist. — AJA, 47: 161–163.
Leone M. P. 1971. Review of Binford and Binford 1968. — AA, 36: 220–222.
Leone M. P. (ed.). 1972a. Contemporary archaeology: A guide to theory and contributions. Carbondale and Edwardsville, Southern Illinois University Press; London and Amsterdam, Feffer and Simonds.
Leone M. P. 1972b. Issues in anthropological archaeology. — Leone 1972a: 14–27.
Leone M. P. 1982. Some opinions about recovering mind. — AA, 47: 742–760.
Leone M. P., Potter Jr. P. B., and Shackel P. A. 1987. Toward a critical archaeology. — CAn, 28: 283–302.
Leroi-Gourhan A. 1964. Les religions de la préhistoire. Paris, Presses Universitaires de France.
Leroi-Gourhan A. 1965. Préhistoire de l'art occidental. Paris, Mazenod.
Leppmann W. L. 1986. Winckelmann. Ein Leben für Apoll. Frankfurt a.M., Fisher-Taschenbuch-Verlag.
Levine P. 1986. The amateur and the professional: Antiquarians, historians and archaeologists in Victorian England 1838–1886. Cambridge, Cambridge University Press.
Lévi-Strauss C. 1958. Anthropologie srtucturale. Paris, Plon.
Lévi-Strauss C. 1960. La structure et la forme. Réflexion sur un ouvrage de Vladimir Propp. — Cahiers de l'Institut de Science économique affliquée. Série M, 7: 1–36.
Li Liu. 2001. Chang, Kwang-chi (1931–2001). — Murray 2001: 298.
Ligi P. 1993. National Romanticism in archaeology: The paradigm of Slavonic colonization in North-West Russia. — FA, X: 31–39.
Lindenschmidt L. d. J. 1927. Erinnerungen als Randbemerkungen zum Charakterbild Ludwig Lindenschmidt und zur Geschichte seines Lebenswerkes. — Festschrift zu Feier des 75-jährliches Bestehen des Römisch-Germanisches Zentr. Museums. Mainz: 9–51.
Lippold G. 1923. Kopien und Umbildunhen griechischer Studien. München, Beck.
Lloyd S. 1947. Foundations in the dust: A story of Mesopotamian exploration. Oxford, Oxford University Press.
Lock P. 1990. Hogarth D. G.: '... a specialist in the science of archaeology'. — ABSA, 85: 175–200.
Long W. H., Sir (ed.). 1888. The Oglander memoirs. London, Reeves and Turner.
Loré Fr. 1987. Vere Gordon Childe. — Hachmann 1987: 155–168.
Lovejoy A. O., Boas G., Albright W. F. and Dumont P. E. 1935. Primitivism and related ideas in antiquity. Baltimore, Hopkins Press.
Low B. S. 2000. Why sex matters: A Darwinian look at human behaviour. Prinston, Prinston University Press.
Lowie R. H. 1921. Primitive society. New York, London, Routledge.
Lowie R. H. 1937. History of ethnological theory. New York, Farrar and Rinehart.
Ludwig E. 1931. Schliemann of Troy: the story of a goldseeker. London and New York, G. P. Putnam's sons; Boston, Little, Brown and co.
Lullius R. und Schiering W. (Hrsg.). 1988. Archäologenbildnisse. Porträts und Kurzbiographien von klassischen Archäologen deutscher Sprache. Mainy an Rgein, Phil. v. Zabern.
Lumsden C. J., and Wilson E. O. 1981. Genes, mind and culture. The evolutionary process. Cambridge, Mass., Harvard University Press.
Lyman R. L., O'Brien M. J., and Dunnell R. C. 1997. The rise and fall of culture history. New York, Plenum.
Lyotard J. F. 1984. The postmodern condition: A report on knowledge. Foreword by Fr. Jameson. Manchester, Manchester University Press.

Macalister R. A. S. 1925. A century of excavation in Palestine. London, The Religion Tract Society.
MacKendrick P. 1952. A Renaissance Odyssey: The life of Cyriac of Ancona. — Classica et medievalia, 13: 131–145.
MacNeash R. S. 1978. The science of archaeology? North Scituate, Mass., Duxbury Press.
Magnusson Staaf B. 1994. An essay on theory of history in Swedish archaeology (University of Lund Institute of Archaeology and the Historical Museum Report series no. 50). Lund: 18–24.
Magoffin R. V. D. and Davis E. C. 1929. The romance of archaeology. New York, Garden City.
Mahoudeau P.-G. 1920. Lucrèce transformiste et précurceur de l'anthropologie préhistorique. — Révue archaeoologique, 30: 165–176.
Maier F. G. 1981. Archäologie und moderne Welt. — Andreae B. (Hrsg.). Archäologie und Gesellschaft: Forschung und offentliche Interesse. Marburger Forum Philippinum. Stuttgart, Wissenschaftliche Verlag-Gesellschaft; Frankfurt, Umwelt and Medicin Verlag-Gesellschaft: 31–44.
Maier F. G. 1992. Von Winckelmann zu Schliemann: Archäologie als Eroberungswissenschaft des 19 Jahrhubderts. Opladen, Westdeutscher Verlag.
Majewski E. 1905. Hipoteza Kossiny o germańskiem pochodzeniu indoeuropejczyków a prawda w nauce. Studium krytyczne. — Światowit, 6: 89–144.
Majewski K. 1963. Kreta. Hellada. Cyklady. U kolebki cywilizacji europejskiej. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
Malina J. 1975. Archeologie: jak a proč? Brno, Regionalni muzeum v Mikulove a OV Soc. akademije ČSR v Brečlavi.
Malina J. 1981. Archeologie včera a dnes aneb mají archeologové šedé hmoty více za nehty než za ušima? Brno, Jihočeské muzeum v Českých Budějovicích, d. 1–2.
Malina J. and Vašiček Z. 1990. Archaeology yesterday and today. The development of archaeology in the sciences and humanities. Cambridge, Cambridge University Press.
Mallowan M. 1876. Sir Mortimer Wheeler 1890–1976. London, St. James Church.
Mallowan M. E. L. 1977. Mallowan's memoirs. London, Collins; New York, Dodd, Mead and Co.
Mallwitz A. 1977. Ein Jahrhundert deutscher Ausgrabungen in Olympia. — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, 92: 1–31.
Malmer M. P. 1962. Jungneolithische Studien (Acta Archaeologia Lundensia, series in 8, Nr. 2). Bonn — Lund, Habelt — Gleerup.
Malmer M. P. 1991. The mentality of centre and periphery. — Jennbert K. et al. (eds.). Regions and reflections. In honour of Marta Strömberg. Lund, Almqvist and Wiksell International: 45-50.
Malmer M. P. 1995. Montelius on types and find-combinations. — Åström P. (ed.). Oscar Montelius 150 years. Proceedings of a Colloquium ... 1993. Stockholm, Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien (Konferenser 32): 15–22.
Marchand S. L. 1996. Down from Olympus. Archaeology and philhellenismus in Germany, 1750–1970. Princeton University Pres, Prinston, New Jersey.
Marett Rob. R. 1927. The diffusion of culture. Cambridge, Cambridge University Press.
Marquardt W. H. 1992. Dialectical archaeology. — Schiffer M. B. (ed.) Archaeological method and theory. Vol. 4. Tucson and London, The University of Arizona Press: 101–140.
Marsden B. M. 1974. The early barrow-digers. Princes Risborough, Shire Publications.
Marsden B. M. 1983. Pioneers of prehistory: Leaders and landmarks in English archaeology (1500–1900). Ormskirk, Heskett.
Martin P. S. 1971. The revolution in archaeology. — AA, 36: 1–8.
Martin-Kilcher S. 1979. Ferdinand Keller und die Entdeckung der Pfahlbauten. — Archäologie der Schweiz, 2: 3–11.
Mashner H. D. G. 1996. Darwinian archaeologies. New York and London, Plenum Press.

Massin B. 1993. De l'anthropologie physique libérale a la biologie raciale eugénico-nordiste en Allemagne (1870–1914): Virchow — Luschan — Fischer. — Revue d'Allemagne et de pays de lange Allemagne, 3: 387–404.
Massin B. 1996. From Virchow to Fischer. Physical anthropology and «Modern Race Theories» in Wilelmine Germany. — Stocking G. W. (ed.). Volksgeist as method and ethic. Essays on Boasian ethnography and the German anthroopological traditioin. Madison, Wisc., University of Wisconsin Press: 79–115.
Mathews W. H. 1922. Mazes and labyrinths: a general account of their history and developments. London, Lonmans, Green and Co.
Matuszewski J. 1957. Egzorcyzmy «naczyń pogańskich» w czasach średniowiecznych. — Archeologia (Wrocław), 9: 128–134.
Matz F. 1964. Strukturforschung und Archäologie. — Studium Generale, 17: 203–219.
Mayer H. 1982. Outsiders: A study in life and letters. Cambridge, Mass., Massachsets Inst. of Techn.
Mazurkiewicz R. 1988. Kamień piorunowy w polszczyźnie i kulturze ludowej. — Janisiewicz Ja. i Bartmiński Je. (ed.). Język a kultura. Wrocław, Uniwesytet Wroclawski: 251–262.
McBryde I. (ed.). 1985. Who owns the past? Melbourne, Oxford University Press.
McCall H. 2001. The life of Max Mallowan: archaeology and Agatha Christie. London, British Museum Press.
McDonald W. A. and Thomas C. G. 1990. Progress into the past: The rediscovery of Mycenaean civilization. Bloomington, Indiana University Press.
McGuire R. H. 1992. A Marxist archaeology. San Diego et al., Academic Press.
McLellan D. 1979. Marxism after Marx. London, MacMillan.
McNairn B. 1980. The method and theory of V. Gordon Childe. Edinburgh, Edinburgh University Press.
McNeal R. A. 1972. The Greeks in history and prehistory. — Antiquity, 47: 19–28.
Meehan B. 1984. Aboriginal skeletal remains. — AuA, 19: 122–147.
Megaw V. 1973. Archaeology from down under: A personal view. Leicester, Leicester Unuversity Press.
Megaw V. and Megaw R. 1995. The prehistoric Celts: identity and contextuality. — Kuna and Venclová 1995: 230–245.
Meichner F. 1954. Der Schatzgräber. Eine Erzählung um Heinrich Schliemann, den Entdecker Trojas. Berlin, Neues Leben.
Meier E. 1956. Rudolf Virchow. Wiesbaden, Limes.
Meier E. 1969. Heinrich Schliemann, Kaufmann und Forscher. Göttingen, Musterschmidt.
Meignan G.-R. 1869. Le monde et l'homme primitif selon la Bible. Paris, V. Palmé.
Meldrum A. N. 1930. The eitheenth-century revolution in science. Calcutta, The First Phase.
Meltzer D. J. 1979. Paradigms and the nature of change in American archaeology. — AA, 44: 644–657.
Meltzer D. J. 1999. William Henry Holmes. — Encyclopedia of archaeology. The Great archaeologists. Santa Barbara — Denver — Oxford, ABC-Clio: 175–191.
Menghin O. 1922. Besprechung zu: Kosinna G. Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft. — Wiener Prähistorische Zeitschrift, 7–8 (1920–1921): 88–90.
Menghin O. 1936. Grundlinien einer Methodik der urgeschichtlichen Stammeskunde. — Arntz H. (Hrsg.). Germanen und Indogermanen: Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur; Festschrift für Herman Hirt. Bd I. Heidelberg, Winter: 41–67.
Mennung A. 1925. Über die Vorstufen der prähistorischen Wissenschaft im Altertum und Mittelalter. Schönebeck a. Elbe, Th. Wulfert.
Mercati M. 1719. Metallotheca vaticana, opus posthumum. Roma.
Merhart G. von. 1969. Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur Frühen Eisenzeit in Italien und Mitteleuropa. Bearb. u. hrsg. v. G. Kossack. Bonn, Habelt.

Méroc L. 1963. Édouard Lartet et son rôle dans l'élaboration de la Préhistoire. — Aurignac et l'Aurignacien. Bulletin de la Société Méridionale de Spéléologie et de Préhistoire, t. VI a IX, anées 1956–1959: 7–18.
Merquior J. G. 1986. Western Marxism. London, Paladin.
Meulen M. van der. 1975. Petrus Paulus Rubenius antiquarius, collector and copyist of antique coins and gems. Utrecht, University of Utrecht.
Meyer Ed. 1907. Geschichte des Altertums. 2. Aufl. Bd II. Stuttgart — Berlin, J. G. Gotta.
Meyer Ern. 1962. Schliemann's letters to Max Müller in Oxford. — JHS, 82: 75–105.
Meyer Ern. 1969. Heirich Schliemann, Kaufmann und Forscher. Göttingen, Musterschmidt.
Meyer Ern. 1955. Wilhelm Dörpfeld, Werk und Mensch. Wiesbaden, Limes Verlag.
Meyer von Knochau G. 1882. Lebensabriss des Stifters der Gesellschaft Dr. Ferdinand Keller. — Denkschrift zur fünfzigjahrigen Stiftungsfeier der Antiquarischen Gesellschaft in Zürich. Zürich, Burkli: 1–48.
Mezö F. 1930. Geschichte der Olympischen Spiele. München, Knorr and Hirth.
Michaelis Ad. 1906. Die archäologischen Entdeckungen des neunzehnten Jahrhundert. Leipzig, E. A. Seemann.
Michell J. 1982. Megalolithomania. Artists, antiquarians and archaeologists at the old stone monuments. London, Thames and Hudson.
Miehe O. 1968. Der Mord an Wickelmann. — Nachrichten d. Akad. d. Wiss. i. Göttingen, 8: 211–230.
Mildenberger G. 1959. Zur Frage der neolithischen Besiedlung der Mittelgebirge. — JMV, 43: 76–80.
Miles D. 1983. Yoked to the past. — Encounter, 61: 55–60.
Miller E. 1981. Glyn Daniel and Cambridge. — Evans et al. 1981: 243–246.
Miller M. 1987. Old Testament history and archaeology. — BA, 50: 55–63.
Minta-Tworzowska D. 1986. Elementy metodologii prahistorii w historiozofii P. Teilharda de Chardin. Poznań, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza.
Misamer Chr. 1987. Ernst Sprockhoff. — Hachmann 1987: 87–99.
Mithen S. 1989. Evolutionary theory and post-processual perspective. — Antiquity, 63: 483–494.
Mithen S. 1996. The prehistory of mind. The cognitive origins of art and science. London, Thames and Hudson.
Moberg C.-A. 1969. Introduktion till arkeologi: Jämförande och nordisk fornkunskap. Stockholm, Natur och Kultur.
Moberg C.-A. 1970. [Discours dans la discussion.] — Archéologie et calculateurs: Problèmes sémiologiques et mathématiques. Colloques internationaux ... Marseille 1969. Paris, Éd. du CNRS: 359–360.
Moberg C.-A. 1981a. From artefacts to timetables to maps (to mankind?): regional traditions in archaeological research in Scandinavia. — WA, 13: 209–221.
Moberg C.-A. (ed.). 1981b. Similar finds? Similar interpretations? Göteborg, Götenborgs universitet.
Momigliano A. 1983. L'histoire ancienne et l'antiquaire. — Momigliano A. Problemes d'historiographie ancienne et moderne. Paris, Gallimard: 244–293.
Montelius in memoriam. 1922. Minnesord av T. J. Arne, S. Reinach, G. Kossinna, H. Kjaer, H. Shetelig, A. Bugge, R. Sernander, H. Orlik, E. Reuterskjöld. — Nordisk tidskrift.
Montelius O. 1884. Den Förhistoriske fornforskarens metod och material. — Antiqvarisk Tidskrift för Sverige, 8: 1–28.
Montelius O. 1888. Über Einwanderung unserer Vorfahren in den Norden. — Archiv für Anthropologie 17: 151–160.
Montelius O. 1899a. Der Orient und Europa. Stockholm, Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
Montelius O. 1899b. Typologien eller utvecklingsläran tillämpad på det menskliga arbetet. — Svenska Fornminnesförcningens Tidskrift,10: 237-268.

Montelius O. 1903. Die typologische Methode. Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa. I. Stockholm, Selbstverlag des Verfassers.
Montelius O. 1905. Det nordiska treperiodsystemet. En historisk. — Svenska Fornminnesfülöreningens Tidskrift, 12: 185–211.
Montelius O. 1988. The civilization of Sweden in heathen times. London, Macmillan.
Montena J. 1980. Marxism y arqueologia. Mexico City, Mexico, Ediciones de Cultura Popular.
Montobbio L. 1984. Giovanni Battista Belzoni: La vita i viaggi le scoperte. Padova, ed. Martello.
Moorey P. R. S. 1979. Kenyon and Palestinian archaeology. — Palestine Exploration Quarterly (January — June): 3–10.
Moorey P. R. S. 1992. British women in Near Eastern archaeology: Kathleen Kenyon and the pioneers. — Palestinian Exploration Quarterly, July — December: 91–100.
Mordakte 1965. Mordakte Winckelmann. Die Originalakten des Kriminalprocesses gegen den Mörder Johann Joachim Winckelmanns (Triest 1768), aufgefunden und im Wortlaut des Originals in Triest 1964 hrsg. v. C. Pagnini, übers. u. komment. v. H. A. Stoll. Winckelmann-Gesellschaft Stendal, Jahresgabe 1965.
Morlot A. 1861. General views on archaeology. — Annual Report of the Smithsonian Institution for 1860 (Washington): 284–343.
Morris W. 1879. Austellungskatalog Museums Bellerive. Zürich, Muzeum Bellerive.
Moser S. 1995. The 'Aboriginalization' of Australian archaeology. — P. J. Ucko (ed.). Theory in archaeology: The world perspective. London and New York, Routledge: 150–177.
Moszyński K. 1957. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego (Prace językoznawcze PAN 16). Wrocław — Kraków.
Mouzelis N. 1988. Marxism or post-Marxism? — New Left Review, 167: 107–123.
Moyer C. C. and Rolland N. 2001. Understanding the Middle Palaeolithic assemblage typology. — Antiquity, 75: 39–43.
Mühlmann W. E. 1962. Homo creator. Abhandlungen zur Soziologie, Anthropologie und Ethnologie. Wiesbaden, Harrassowitz.
Müller R. 1968. Antike Theorien über Ursprung und Entstehung der Kultur. — Das Altertum, 14: 67–79.
Müller S. 1884. Mindre bidrag til den forhistoriske Archaeologis methode. I. Den svenske Typologie. — Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie: 161–216.
Müller S. 1897–1898. Nordische Altertumskunde. Straßburg, Karl Trübner, Bd I–II.
Müller S. 1898. De jydske Enkeltgrave fra Stenalderen eller nyeste Undersøgelser: Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie (Kjøbbenhavn), II. Række, 13. bind: 157–282.
Müller S. 1907. National museet. Hundrede aar efter Grunleggelsen. Kjobenhavn, Folkeoplyssningens Fremme.
Müller-Karpe H. 1975. Einführung in die Vorgeschichte. München, C. N. Beck.
Murray M. 1961. First steps in archaeology. — Antiquity, 35: 8–13.
Murray T. 1993. Communications and the importance of disciplinary communities: who owns the past? — Yoffee N. and Sherratt A. (eds.). Archaeological theory today: who sets the agenda? Cambridge, Cambridge Universuty Press: 105–116.
Murray T. (ed.). 1999a. Encyclopedia of archaeology. The Great archaeologists. Vol. I–II. Santa Barbara — Denver — Oxford, ABC-CLIO.
Murray T. 1999b. Introduction. — Murray 1999a: XV–XVIII.
Murray T. 1999c. Sir Arthur Evans 1851–1941. — Murray 1999a: 211–219.
Murray T. (ed.). 2001. Encyclopedia of archaeology. History and discoveries. Vol. I–III. Santa Barbara — Denver — Oxford, ABC-CLIO.
Murray T. 2002. Epilogue: why the history of archaeology matters. — Antiquity, 76: 234–238.
Musson C. 1974. Rescue digging all the time. — Rahtz P. A. (ed.). Rescue archaeology. Penguin Books, London: 79–89.

Mustifli D. 1965. L'origine della vita l'evoluzione della civiltá umana nella tradizione degli scritori classici. — Atti del VI Congres Internazional delle szienze preistorici e protostorici, 2. Firenze: 65–68.
Myerhoff B. G. 1974. Peyotc hunt. The sacred journey of the Huitchol Indians. Ithaca, Cornell University Press.
Myres J. L. 1933. The Cretan labyrinth: a retrospect of Aegean research. The Huxley memorial lecture for 1933. — Journal of the Royal Anthropological Institute, LXIII (цит. по отдельному оттиску).
Myres J. L. 1941. Sir Arthur Evans. — PBA, 27: 323–355.
Myres J. L. 1951. The man and his past. — Grimes W. F. (ed.). Aspects of archaeology in Britain and beyond. Esays presented to O. G. S. Crawford. London, H. W. Edwards: 1–17.
Naroll R. 1970. What have we learned from cross-cultural surveys. — AAnth, 72: 1227–1288.
Narr K. J. 1974. Tendenzen in der Urgeschichtsforschung. — Luyten N. A. (Hrsg.). Fortschrift im heutigen Denken? Freiburg u. München, Alber.
Neer R. 1997. Beazley and the language of connoisseurship. — Hephaistos, 15: 7–30.
Neumann G. 1952. Goethes Sammlung vor- und frühgeschichtlicher Altertümer. — JMV, 36: 184–242.
Nicholas G. P. and Bannister K. P. 2004. Copyrighting the past? — CAn, 45: 327–350.
Nicolussi I. 1957. Hat die Bibel Recht? Insbruck, Rauch.
Niemeyer H. G. 1974. Methodik der Archäologie. — Methoden der Geschichtswissenscahft in der Archäologie (Thiel M. (Hrsg). Enzyklopädie der Geisteswissenschaften. Arbeitsmethoden. 10. Lief.). München — Wien, R. Oldenburg Verl.: 217–252.
Nordbladh J. 1995. Individen i arkeologihistorien. — Nordbladh J. (ed.). Arkeologiska liv. Om att leva arkeologiskt. Gotarc. — Serie C. Arkeologiska Skrifter, 10.
Norton R. 1998. My dear boy. Gay love letters through the centuries. Leyland, San Francisco,
Notopulos J. A. 1957. Homer and Geometric art. — Athena, 61: 65–76.
O'Brien M. J. and Holland T. D. 1995. The nature and premise of a selection-based archaeology. — Teltser P. A. (ed.). Evolutionary archaeology: methodological issues: Tuscon, University of Arizona Press: 175–200.
O'Brian M. J. and Lyman R. L. 2000. Applying evolutionary archaeology. New York, Plenum.
O'Brien M. J., Lyman R. L. and Schiffer M. B. 2005. Archaeology as a Process: Processualism and its progeny. Salt Lake City: University of Utah Press.
Odobescu A. I. 1961. Cursu de archeologia. Istoria archeologiei. Studii introductiv la această ştiinţă. I. Antichitatea. Renaşterea. Bucureşti, Editura ştiinţifică.
Olivier L. 2001. Joseph Déchelette. — Murray 2001: 275–288.
Olsen B. 1990. Roland Barthes: From sign to text. — Tilley Chr. (ed.). Reading material culture: Structuralism, hermeneutics and post-processualism. Oxford, Basil Blackwell: 163–205.
Olsen B. J. 1991. Metropolis and satellites in archaeology: On power and asymmetry in global archaeological discourse. — Preucel R. W. (ed.). Processual and postprocessual archaeologies: Multiple ways of knowing the past. Carbondale, Southern Illinois University: 211–224.
Oppeln-Bronikowski Fr. von. 1931. Die archäologische Entdeckungen im 20. Jahrhundert. Belin, H. Keller.
Orme B. 1973. Archaeology and ethnography. — Renfrew 1973a: 481–492.
Ostlandsberichte 1928, 4.
Ottaway J. H. 1973. Rudolf Virchow: an appretiation. — Antiquity, 47: 101–108.
Otter W. 1824. The life and remains of the reverend Edward Daniel Clarke. London, G. Cowie and Co.
Owen St. 1986. Remembrances, the experience of the past in classical Chinese leterature. Cambridge, Mass., Harvard university Press.
Padberg W. 1953. Evolutionsgeschehen und typologische Methode. — JMV, 37: 19–48.
Palmer L. R. 1961. Mycenaeans and Minoans: Aegean prehistory in the light of the Linear B tablets. London, Faber and Faber.

Palmer L. R. and Boardman J. 1963. On the Knossos tablets. Oxford, Clarendon Press.
Pałubicka A. 1973. W sprawie «apriorzymu» i «empirzymu» w archeologii i etnologii. — Fontes Archaeologici Poznaniensis, 22: 252–255.
Panke T. 1999. Altertumskunde zwischen Fortschritt und Beharrung: Ludwig Lindenschmidt d. Ä. (1809–1893) in seiner Zeit. — JRGM, 45 (1998): 711–774.
Parrot A. 1946. Archéologie mésopotamienne. Vol. I: Les étapes. Paris, A. Michel.
Parrot A. 1970. Bible et archéologie. Neuchâtel, Delachaux et Niestlé.
Parry G. 1995. The trophies of time: English antiquarians of the Seventieth-century. Oxford and New York, Oxford University Press.
Parry G. 1999a. William Camden. — Murray 1999a: 1–13.
Parry G. 1999b. John Aubrey. — Murray 1999a: 15–26.
Parry G. 1999c. Edward Lhwyd. — Murray 1999a: 27–37.
Parry G. 1999d. William Stukely. — Murray 1999a: 39–49.
Patterson Th. 1986. The last sixty years: Towards a social history of Americanist archaeology in the United States. — AAnth, 88: 7–26.
Patterson Th. C. 1995. Toward a social history of American archaeology in the United States. Orlando, Harcourt Brace.
Pautrat J.-Y. 1993. «Le préhistorique» de G. de Mortillet: une histoire géologique de l'homme. — BSPF, 10: 50–59.
Payne R. 1959. The gold of Troy. London, R. Hale.
Penk A. 1936. Völkerbewegungen und Völkerwanderungen. — Forschungen und Fortschritte, 12: 274–275.
Penny N. 1985. Thomas Howard, Earl of Arundel. Oxford, Ashmolean Museum.
Peroni R. 2006. Die Anfänge der ur- und frühgeschichtlichen Archäologie als akademisches Fach in Italien. — Callmer et al. 2006: 275–284.
Petersen C. S. 1938. Stenalder, broncealder, jernalder. Bidrag til nordisk arkæologis litterærhistorie 1776–1865. København, Levin and Munksgaard.
Peterson R. 2003. William Stukeley: an eighteenth-century phenomenologist? — Antiquity, 77: 394–400.
Peyor F. 1983. «Talking heads». — Scottish Archaeological Review, 2: 98–100.
Peyrefitte R. 1972. Les fils de la lumiere. J'ai lu, Paris, Flammarion.
Phillips E. D. 1964. The Greek vision of prehistory. — Antiquity, 38: 171–178.
Piggott S. 1937. Prehistory and the Romantic movement. — Antiquity, 11: 31–38.
Piggott S. 1950. William Stukely: An eighteenth-century antiquary. Oxford, Oxford University Press.
Piggott S. 1958. The Dawn: and an Epilogue. — Antiquity, 32: 75–79.
Piggott S. 1959. Approach to archaeology. London, Adam and Charles Black.
Piggott S. 1965. Ancient Europe from the beginning of agriculture to classical antiquity. Edinburgh, Edinburgh University Press.
Piggott S. 1968. The Druids. London, Thames and Hudson.
Piggott S. 1976. Ruins in a landscape: Essays in antiquarianism. Edinburgh, Edinburgh University Press.
Piggott S. 1981. 'Vast perennial memorials': the first antiquaries look at megalits. — Evans et al. 1981: 19–25.
Piggott S. 1983. Archaeological retrospect. — Antiquity, 57: 28–37.
Piggott S. 1989. Ancient Britons and the antiquarian imagination: Ideas from the Renaissance to the Regency. London, Thames and Hudson.
Pike K. L. 1960. Language in relation to a unified theory of human behavior. Vol. I. Glendale, Calif., Summer Inst. of Linguistic.
Pike K. L. 1966. Etic and Emic standpoints for the description of behavior. — Smith A. G. (ed.). Communication and culture: Readings in codes of human interaction. New York, Holt, Rinehart and Winston.

Piper F. 1867. Einleitung in die monumentale Theologie. Gotha, Besser.
Pitt-Rivers A. H. 1875. On the evolution of culture. — Proceedings of the Royal Instit. of Great Brit., 7: 496–520
Pitt Rivers A. H. 1891. Typological Museum. — Journal of the Society of Arts, 40: 115–122.
Pitt Rivers A. H. 1892. Excavations in Cranborne Chase, vol. 3. Privately printed.
Pitt Rivers A. H. 1968. Primitive warfare, part 2. — Journal of the Royal United Services Institution, 12: 399–439.
Poincaré H. 1902. La science et l'hypothèse. Paris, Flammarion.
Poincaré H. 1908. Science et méthode. Paris, Flammarion.
Ponomarenko L. et Rossel A. 1970. La gravure sur le bois a travers 69 incunabules et 434 gravures. Paris, ed. Les Yeux Ouverts.
Poole L. and G. 1966. One passion, two loves. New York, Th. Y. Crowell.
Popper C. 1959. The logic of scientific discovery. New York, Basic Books.
Powell Anth. 1963. John Aubrey and his friends. London, Mercury.
Prag K. 1992. Kathleen Kenyon and archaeology in the Holy Land. — Palestine Exploration Quarterly (July–December): 109–123.
Prague debate 1993 = Prague debate on Post-Processual archaeology. — Archeologicke Rozhledy, 45: 365–403.
Praschniker C. 1937. Goethe als Archäologe. — Archaiologike Ephemeris: 423-432.
Preidel H. 1928. Grundsätzliches zur Erschließung urgeschichtlicher Wanderungen. — Kossinna-Festschrift (Mannus, 6. Ergänz. Bd): 278–283.
Preidel H. 1954. Die Anfänge der slawischen Besiedlung Böhmens und Mährens. Bd I. München, Edmund Gans.
Press L. 1965. Labirynth. — Archeologia (Wrocław), 15 (1964): 34–42.
Preucel R. 1999. Gordon Randolph Willey. — Murray 1999a: 701–712.
Preucel R. (ed.). 1991. Processual and postprocesual archaeologies: multiple ways of knowing the past. Carbondale, Center for Archaeological Investigations, Southern Illinois Universiy at Carbondale.
Quitzsch H. 1981. Gottfried Semper — praktische Ästhetik und politischer Kampf. Braunschweig, Vieweg.
Raglan F. R. R. S. 1939. How came civilisation? London, Methuen.
Rahtz P. A. 1974. Rescue digging past and present. — Rahtz P. A. (ed.). Rescue archaeology. Penguin Books, London: 53–72.
Rahtz P. A. 2001. Living archaeology. Stroud and Charleston, Tempus.
Rahtz P. A. 2004. Retrospective. — Antiquity, 78: 426–437.
Randsborg K. 1982. Theoretical approaches to social change: an archaeological viewpoint. — Renfrew C., Rowlands M. J. and Segraves B. A. (eds.). Theory and explanation in archaeology: The Southampton conference. New York, Academic Press: 423–430.
Randsborg K. 1991. Historical implications: Chronological studies in European archaeology c. 2000–500 B.C. — ActArc, 62: 89–108.
Randsborg K. 1994. Ole Worm. An essay on the modernization of antiquity. — ActArc, 65: 135–169.
Randsborg K. 1995. Hjortspring: Warfare and sacrifice in Early Europe. Aarhus, Aarhus University Press.
Rathje W. L. 1974. The Garbage Project: A new way of looking at the problems of archaeology. — Archaeology, 27: 236–241.
Ratzel 1882 = Ratzel F. 1882–1891. Anthropo-Geographie, oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Teil I. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Teil II. Die geographische Verbreitung des Menschen. Stuttgart, J. Engelhorn.
Raven C. E. 1962. Teilhard de Chardin, scientist and seer. London, Collins.
Ravenstein E. G. 1885, 1889. The laws of migration. — Journal of the Royal Statistical Society, 48: 167–227; 52: 241–301.

Rawlinson G. 1898. A memoir of Major-General Sir Henry Creswicke Rawlinson. London, Longmans, Green and Co.
Regnéll G. (red.). 1983. Sven Nilsson. En lärd i 800-talets Lund. Lund, Studier utgivna av Kungl. Fysiografiska Sällskapet i Lund.
Reinach S. 1889a. Antiquités nationales. Déscription raisonnée du Musée de Saint-Germain-en-Laye. Paris.
Reinach S. 1889b. Le Musee de l'Empereur Auguste. — Revue d'Anthropologie, 4: 28–36.
Renfrew A. C. 1967. Colonialism and megalithismus. — Antiquity, 41: 276–288.
Renfrew A. C. 1969a. Review of «Analytical archaeology» by D. Clarke (1968). — Antiquity, 43 : 241–244.
Renfrew A. C. 1969b. Trade and culture process in European prehistory. — CAn, 10: 151–169.
Renfrew A. C. 1970. On trade and culture process in prehistory. Reply. — CAn, 11: 173–175.
Renfrew A. C. 1972. The emergence of civilisation. London, Methuen.
Renfrew C. (ed.). 1973a. The explanation of culture change: Models in prehistory. London, Duckworth.
Renfrew A. C. 1973b. Social archaeology. Southampton, University of Southampton.
Renfrew A. C. 1979. Problems of European prehistory. Edinburgh, Edinburgh University Press.
Renfrew A. C. 1980. The Great Tradition versus Great Divide: Archaeology as anthropology? — American Journal of Anthropology, 84: 287–298.
Renfrew A. C. 1982. Towards an archaeology of mind. Inaugural lecture. Cambridge, Cambridge University Press.
Renfrew A. C. 1985. The archaeology of cult: The sanctuary at Phylakopi. London, British School of Archaeology at Athens.
Renfrew A. C. 1987a. Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins. London, Jonathan Cape.
Renfrew A. C. 1987b. An interview with Lewis Binford. — CAn, 28: 683–694.
Renfrew A. C. 1988. Archaeology and Language. — CAn, 29: 437–491.
Renfrew A. C. 1989. Comments on Archaeology into the 1990s. — NAR, 22: 33–41.
Renfrew A. C. 1992. Archaeology, genetics and linguistic diversity. — Man, 27: 445–48.
Renfrew A. C. 1994. Towards a cognitive archaeology. — Renfrew and Zubrow 1994: 3–12.
Renfrew A. C. 2000. Loot, Legitimacy and Ownership: the Ethical Crisis in Archaeology. London, Duckworth.
[Renfrew A. C.] 2001a. From social to cognitive archaeology, an interview with Colin Renfrew. — Journal of Social Archaeology, 1: 13–34.
Renfrew A. C. 2001b. Symbol before concept; material engagement and the early development of society. — Hodder I. (ed.). Archaeological Theory Today. Cambridge, Polity Press: 122–140.
Renfrew A. C. 2003. Figuring it out. What are we? Where do we come from? The parallel visions of artists and archaeologists. London, Thames and Hudson.
Renfrew C. 2004. Towards a Theory of Material Engagement. — DeMarrais et al. 2004: 23–31.
Renfrew A. C. and Boyle K. (eds.). 2000. Archaeogenetics: DNA and the population prehistory of Europe. Cambridge, McDonald Institute.
Renfrew A. C. and Cooke K. (eds.). Transformations: Mathematical approaches to culture change. New York et al., Academic Press.
Renfrew A. C. and Scarre C. S. (eds.). 1998. Cognition and Material Culture, the Archaeology of Symbolic Storage, Cambridge, McDonald Institute.
Renfrew C. and Zubrow E. B. W. (eds.). 1994. The ancient mind. Elements of cognitive archaeology. Cambridge, Cambridge University Press.
Repcheck J. 2003. The man who found time: James Hutton and the discovery of Earth's antiquity. Cambridge (MA), Perseus.
Reyman J. E. (ed.). 1992. Rediscovery of our past: Essays on the history of American archaeology (Worldwide archaeology series 2). Glasgow, Avebury.

Reyman J. E. 1999. Walter W. Taylor. — Murray 1999a: 681–700.
Richard N. 1989. Le Tems de la préhistoire. Paris, Société Préhistorique Française, Édition Archéologia.
Richard N. 1991. L'anthropopitheque de Gabrielde Mortillet, le debat sur l'ancetre de l'homme au XIXe siecle. — Les nouvelles de l'archéologie, 44: 23–29.
Richard N. 1993. Nouvelles perspectives de l'histoire de la préhistoire. — BSPF, 10: 11–12.
Richard N. 1999a. Gabriel de Mortillet. — Murray 1999a: 93–107.
Richard N. 1999b. Marcellin Boule. — Murray 1999a: 263–273.
Ridley R. T. 1992. The eagle and the spade: archaeology in Rome during the Napoleonic era 1809–1814. Cambridge, Cambridge University Press.
Ringbom L. J. 1965. Trojalek och traedans. — Finskt Museum, XLV: 68–106.
Ripoll Perelló E. 1996. El abate Henri Breuil (1877–1961). Madrid, Universidad Nacional de educación a distancia.
Rivers W. H. R. 1914. The history of Melanesian society. Cambridge, Cambridge University Press.
Robertson C. M. 1963. Between archaeology and art history. An inaugural lecture. Oxford.
Robertson C. M. 1985. Beazley and the Attic vase-painting. — Kurtz D. C. (ed.). Beazley and Oxford. Oxford, University Committee for archaeology: 19–30.
Robinson T. 2001. Italy. — Murray 2001: 721–732.
Rodden J. 1981. The development of Thee-Ages System: archaeologist's first paradigm. — Daniel 1981b: 51–68.
Rohan-Csermak G. de. 1971. Apriopisme et empirisme dans l'archéologie et ethnologie. — Actes du VIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Prague 1966, 1. Prague: 97–100.
Roper D. C. 1979. The method and theory of Site Catchment Analysis: a review. — AAMT, 2: 120–142.
Rose B. 1986. Winckelmann: The Gay pattern. San Francisco, Vortex media.
Rosetti D. de. 1818. Johann Winckelmann's letzte Lebenswoche. Ein Beitrag zu dessen Biographie. Dresden, Walther.
Ross G. 1971. Neo-Tylorianism: A reassessment. — Man, n. s., 6: 105–116.
Rouse I. B. 1939. Prehistory in Haiti: A study in method (Yale University Publications in Anthropology, 21). New Haven and London, Yale University Press.
Rouse I. B. 1958. The inference of migrations from anthropolological evidence. — Thompson R. H. (ed.). Migrations in New World culture history. Tucson, Ariz. (University of Arizona Social Science Bulletin, vol. XXIX, no. 27): 63–68.
Rouse I. B. 1960. The classification of artifacts in archaeology. — AA, 25: 313–323.
Rouse I. B. 1972. Introduction to prehistory: a systematic approach. New York, McGraw — Hill Book Company.
Rouse I. B. 1986. Migrations in prehistory. Inferring population movement from cultural remains. New Haven and London, Yale University Press.
Rowe J. H. 1962. Worsaae's Law and the use of grave lots for archaeological dating. — AA, 14: 73–83.
Rowe J. H. 1965. The Renaissance foundations of anthropology. — AAnth, 67: 1–20.
Rowe J. H. 1966. Diffusionism and archaeology. — AA, 31: 334–337.
Rowlands M. 1984. Conceptualizing the European Bronze and Early Iron Ages. — Bintliff J. (ed.). European social evolution: archaeological perspectives. Bradford, University of Bradford: 147–156.
Rowlands M. 1994. Childe and the archaeology of freedom. — Harris 1994: 35–54.
Rowley-Conwy P. 1984. C. J. Thomsen and the Three Age System. A contemporary document. — Antiquity, 58: 129–131.
Rowley-Conwy P. 1999. Sir Grahame Clark. — Murray 1999a: 507–529.
Rüdiger H. 1959. Winckelmann's Tod. Die Originalberichte. Wiesbaden, Insel-Bücherei Nr. 695.

Rudolph R. C. 1962–1963. Preliminary notes on Sung archaeology. — Journal of Asian Studies, 22: 169–177.
Running L. G. and Friedman D. N. 1975. William Foxwell Albright: a twentieth-century genius. New York, Two Continents Publ. Group.
Russell B. 1943. An inquiry into meaning and truth. London, G. Allen and Unwin.
Russell M. 2003. Piltdown Man: the secret life of Charles Dawson and the world's greatest archaeological hoax. Stroud, Tempus.
Rydh H. 1937. Oscar Montelius, en vägrödjare genom årtusenden. Stockholm, Åhlén.
Sackett J. R. 1981. From de Mortillet to Bordes: a century of French Palaeolithic research. — Daniel 1981b: 85–99.
Sackett J. R. 1991. Straight archaeology French style: the Phylogenetic paradigm in historic perspective. — Clark G. A. (ed.). Perspectives on the past: theoretical biases in Mediterranean hunter-gatherer research. Philadelphia, University of Pennsylvania Press: 109–139.
Sahlins M. 1966. On the Delphic writings of Claude Lévi-Strauss. — SA, 214: 131–136.
Sahlins M. 1976. The use and abuse of biology: An anthropological critique of sociobiology. Ann Arbor, University of Michigan Press.
Saitta D. 1989. Dialectics, critical inquiry, and archaeology. — Pinsky V. and Wylie A. (eds.). Critical traditions in contemporary archaeology. Cambridge, Mass., Cambridge University Press: 38–43.
Samachson Dor. and Jos. 1960 Good digging. The story of archaeology. New York, McNally.
Sangmeister E. 1977. 50 Jahre vorgeschichtliches Seminars der Philipps-Universität Marburg. — Festschrift zum 50jährigen Bestehen des vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Bd 1 (Marburger Studien zu Vor- und Frühgeschichte, Bd 1). Gladenbach, Verlag Kempkes: 1–44.
Santayana G. 1922. Soliloquies in England: and later soliloquies. New York, Scribner's.
Santayana G. 1942. The realms of being. One-volume edition. New York, Scribner.
Santayana G. 1955. Scepticism and animal faith: introduction to a system of philosophy. New York, Dover Publs.
Sasson J. M. 1993. Albright as an orientalist. — BA, 56: 3–7.
Sauer B. 1913. Geschichte der Archäologie. — Handbuch der Archäologie, Bd I (Handbuch der klassiscen Altertumswissenschaft, Bd VI). München und Würzburg, Oskar Beck: 80–144.
Saunders T. (ed.). 1992. Revenge of the Grand Narrative: Marxist perspective in archaeology. Avebury, Alderhost.
Schäfer M. 2006. Herbert Kühn und die Gründerjahre des Kölner UFG-Instituts 1920–1935. — Callmer et al. 2006: 117–126.
Schiering W. 1969. Zur Geschichte der Archäologie. — Hausmann U. (Hrsg.). Allgemeine Grundlagen der Archäologie (Handbuch der Archäologie Bd I). München, C. H. Beck: 11–161.
Schiering W. 1986. Goethe und die antike Kunst. — Göres J. (Hrsg.). Goethe in Italien. Eine Austellung Goethe-Museum Düsseldorf Anton und Katharina Kippenberg Stiftung. Mainz, Philipp von Zabern: 55–65.
Schiffer M. B. 1971. Archaeological context and systemic context. — AA, 37: 156–165.
Schiffer M. B. 1975. Archaeology as behavioral science. — AAnth, 77: 836–848.
Schiffer M. B. 1976. Behavioral archeology. New York, Academic Press.
Schiffer M. B. 1980. Some impact of cultural resource management on American archaeology (preprint).
Schiffer M. B. 1985. Is time a «Pompeii premice» in archaeology? — JAnR, 41: 18–41.
Schiffer M. B. 1987. Formation processes of the archaeological record. Albuquerque, University of New Mexico Press.
Schiffer M. B. (ed.). 2000. Social theory in archaeology. Salt Lake City, University of Utah Press.
Schindler W. 1969. Strukturauffassungen. Bemerkungen zu Fragen der Strukturforschung der klasischen Archäologie. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena, ges.- u. sprachwiss, 18.

Schindler W. 1980. Schliemanns Selbstporträt. Die Inszenierung eines Self-made-man. — EAZ, 21: 655–658.
Schiwy G. 1969. Der französische Strukturalismus. Mode, Methode, Ideologie. Hamburg, Rohwolt.
Schiwy G. 1971. Neue Aspekten des Strukturalismus. München, Kösel.
Schlanger N. 1994. Mindful technology: Unleashing the chaîne opératoire for an Archaeology of Mind. — Renfrew and Zubrow 1994: 143–151.
Schlanger N. 2002. Ancestral archives: Explorations in the history of archaeology. — Antiquity, 76: 127–131.
Schliemenn H. 1874. Trojanische Altertümer. Berichte über die Ausgrabungen in Troja. Leipzig, F. A. Brockhaus.
Schliemann H. 1892/1961. Heinrich Schliemann Selbstbiographie, bis zu seinem Tode vervollständigt. Hrsg. v. S. Schliemann und A. Brückner. Leipzig, Brockhaus.
Schliemann H. 1953–1958. Briefwechsel. Hrsg. v. Meyer E. Berlin, Verlag Gebr. Mann.
Schloen J. D. 2002. W. F. Albright and the origins of Israel. — Near Eastern Archaeology, 65: 57–62.
Schnapp A. 1993a. La conquête du passé. Aux origines de l'archéologie. Paris, Carré.
Schnapp A. 1993b. La méthode archéologiques au XVIII siécle: De l'anatomie du sol au relevé systématique des monuments. — Evtopia, 2: 3–21.
Schnapp A. 1996. The discovery of the past. The origins of archaeology. London, British Museum Press.
Schnapp A. 2002. Between antiquarians and archaeologists — continuities and ruptures. — Antiquity, 76: 134–140.
Schneider L. 1997. Abschied von deutschen Griechentum: 200 Jahre klassischen Archäologie. — Hephaistos, 15: 187–195.
Schott R. 1961. Der Entwicklungsgedanke in der modernen Ethnologie. — Saeculum, 12: 62–122.
Schrader O. 1906–1907. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Bd I–II. Jena, Costenoble.
Schuchhardt C. 1908. Ein Stück trojanischer Forschung. — ZE, 40: 943–950.
Schuchhardt C. 1913. Besprechung von G. Kossinna «Der germanische Goldfund...» — PZ, 5: 585–587.
Schuchhardt C. 1919. Alteuropa in seiner Kultur- und Stilentwicklung. Straßburg und Berlin, Trübner.
Schuchhardt C. 1926. Alteuropa. Eine Vorgeschichte unseres Erdteils. Berlin und Leipzig, Walter de Gruyter.
Schuchhardt W. H. 1956. Adolf Furtwängler. Freiburg i. Br., Schulz.
Schuyler R. L. 1971. The history of American archaeology: an examination of procedure. — AA, 36: 383–409.
Schwab R. 1984. The Oriental Renaissance: Europe's rediscovery of India and the East, 1660–1880. New York, Guildford, Columbia University Press.
Schwantes G. 1952. Vom Wesen der Typologie. — Offa, 10: 1–8.
Schwartz D. W. 1967. Conceptions of Kentucky prehistory. A case study in the history of archaeology. Lexington, University of Kentucky Press.
Schweitzer B. 1938. Strukturforschung in Archäologie und Vorgeschichte. — Neue Jahrbücher für antike und deutsche Bildung, I (4)/139: 162–179.
Schweitzer B. 1968. Das Problem der Form in der Kunst des Altertums. — Hausmann U. (Hrsg.). Allgemeine Grundlagen der Archäologie (Handbuch der Archäologie. Bd I). München, Beck: 163–204.
Schweitzer B. 1969. Die geometrische Kunst Griechenlands. Frühe Formenwelt im Zeitalter Homers. Köln, Du Mont Schauberg.
Schwerin von Krosigk H., Gräfin. 1982. Gustaf Kossinna. Der Nachlaß — Versuch einer Analyse. Neumünster, Wachholz (Offa-Ergänzungsreihe, 6).
Scott-Fox Ch. 2002. Cyril Fox, archaeologist extraordinary. Oxford, Oxbou.

Seger H. 1930. Die Anfänge des Dreiperiodensystems. — Schumacher-Festschrift. Zum 70. Geburtstag Karl Schumachers. Mainz, Wilckens: 3–7.
Seifert O. 1913. Heinrich Schliemann, der Schatzgräber. Berlin, H. Pactel.
Shanks M. and Tilley Chr. 1987a. Re-constructing archaeology. Cambridge, Cambridge University Press.
Shanks M. and Tilley Chr. 1987b. Social theory and archaeology. Albuquerque, University of New Mexico Press.
Shanks M. and Tilley Chr. 1989. Questions rather than answers: Reply to Comments on Archaeology into the 1990s. — NAR, 22: 42–54.
Sharples N. 1999. Stuart Piggott. — Murray 1999a: 615–633.
Shennan S. 1993. After social evolution: a new archaeological agenda? — Yoffee N. and Sherratt A. G. (eds.). Archaeological theory today: Who sets the agenda? Cambridge, Cambridge university Press: 50–58.
Shennan S. 1995. Diffusion revisited. — Kuna and Venclová 1995: 293–298.
Shennan S. 2002. Genes, memes and human history. Darwinian archaeology and cultural evolution. London, Thames and Hudson.
Shepherd N. 1987. The zealous intruders: the Western rediscovery of Palestine. San Francisco, Harper and Row.
Sherratt A. 1989. V. Gordon Childe: archaeology and intellectual history. — Past and Present, 125: 151–185.
Sherratt A. 1990. Gordon Childe: Paradigms and patterns in prehistory. — AuA, 30: 3–13.
Sherratt A. 1992. Review of «Archaeology after structuralism» and «Material culture and text». — PPS, 58: 417–418.
Shilov V. P. 1989. The origins of migration and animal husbandry in the steppes of Eastern Europe. — Clutton-Brock J. (ed.). The walking larder: patterns of domestication, patoralism and predation. London, Unwinn Hyman: 119–125.
Sichtermann H. 1968. Einleitung. — Winckelmann J. J. Kleine Schriften, Vorreden, Entwürfe. Berlin, W. Reh: XI–XXVI.
Sichtermann H. 1996. Kulturgeschichte der klassischen Archäologie. München, C. H. Beck.
Silberman N. A. 1982. Digging for God and country: exploration, archaeology and the secret struggle for the Holy Land, 1799–1917. New York, Alfred A. Knopf.
Silberman N. A. 1989. Between past and present. Archaeology, ideology and nationalism in the Modern Near East. New York, Holt, Rinehart ans Winston.
Silverberg R. 1968. Moundbuilders of ancient America: the archaeology of a myth. Greenwich, N. Y., Graphic Society.
Sima Qian [Ssu-ma Ch'ien]. 1961. Records of the Grand Historian of China. Transl. by Burton Watson. 2 vols. New York, Columbia University Press.
Sims-Williams P. 1998. Celtomania and Celtoscepticism. — Cambrian Medieval Celtic Studies, 36: 1–35.
Sklenář K. 1983. Archaeology in Central Europe: the first 500 years. St. Martin's and New York, Leicester University Pres.
Skrotzky N. 1964. L'Abbé Breuil et la préhistoire. Paris, Seghers.
Smith E. A. and Winterhalder B. (eds.).1992. Evolutionary ecology and human behavior. New York, Aldine de Gruyter.
Smith E. L. 1962. The Abbé Henri Breuil and Prehistoric archaeology. — Anthropologica, n.s., 4: 199–208.
Smith Ph. E. L. 1972. Changes in population pressure in archaeological explanation. — WA, 4: 5–18.
Smith G. E. 1915. The migrations of early culture: a study of the significance of the geographical distribution of the practice of mummification as evidence of the migration of peoples and spread of certain customs and beliefs (reprint from Memoirs and Proceedings of Manchester Literary and Philosophical Society, series 1914–1915, vol. 59). Manchester, Manchester University Press.

Smith G. E. 1928. In the beginning: The origin of civilization. New York, Morrow; London, Watts.
Smith P. J. 1997. Grahame Clark's new archaeology: the Fenland Research Committee and Cambridge prehistory in the 1930s. — Antiquity, 71: 11–30.
Smith P. J. 2006. Dorothy Elizabeth Garrod (1892–1968), archaeologist and academic. — Callmer et al. 2006: 317–335.
Smith W. S. 1958. The art and architecture of Ancient Egypt. Baltimore, Pengwin.
Smolla G. 1980. Das Kossinna-Syndrom. — Fundberichte aus Hessen, 19/20 (Wiesbaden, Jg. 1979/80): 1–9.
Smolla G. 1984. Kossinna nach 50 Jahren. Kein Nachruf. — Acta Prähistorica et Archaeologica, 16/17 (Berlin, 1984/85): 9–14.
Sørensen M. L. S. 1999a. Changing meanings: reflection upon historiography and Thomsen's three age system. — Gustaffson A. and Karlsson H. (eds.). Glyfer och arkeologiska rum — en vänbok til Jarl Nordbladh (GORARC, Series A, vol. 3). Institutionen för arkeologi, Göteborgs Universitet: 133–149.
Sørensen M. L. S. 1999b. Sophus Otto Müller. — Murray 1999a: 193–209.
South St. 1955. Evolutionary theory in archaeology. — Southern Indian Studies, 7: 10–32.
Spaulding A. C. 1953a. Statistical techniques for the discovery of artifact types. — AA, 18: 305–313.
Spaulding A. C. 1953b. Review of Ford 1952. — AAnth, 55: 589–591.
Spaulding A. C. 1954. Reply to Ford. — AAnth, 56: 112–114.
Spaulding A. C. 1960a. Statistical description and comparison of artifact assemblages. — Heizer R. F. and Cook Sh. F. (eds.). The applications of quantitative methods in archaeology (Viking Fund Publs. in Anthropology, 28). New York, Wenner-Gren Foundation: 60–83.
Spaulding A. C. 1960b. The dimensions of archaeology. — Dole G. E. and Carneiro R. L. (eds.). Essays in the science of culture in honour of Leslie A. White. New York, Thomas Y. Crowell: 437–456.
Spaulding A. C. 1973. Archeology in the active voice: the new anthropology. — Redman Ch. L. (ed.). Research and theory in current anthropology. New York, Wiley and sons: 337–354.
Spencer F. 1990. Piltdown: A scientific forgery. London, Oxford University Press.
Spencer-Wood S. M. 1992. A Feminist program for nonsexist archaeology. — Wandsnider L. (ed.). Quandaries and quests. Visions of archaeology's future. Carbondale, Southern Illinois University at Carbondale (Center for Archaeological Investigations, Occasional paper 20): 98–114.
Spriggs M. (ed.). 1984. Marxist perspectives in archaeology. Cambridge, Mass., Cambridge University Press.
Sprockhoff E. 1928. Besprechung zu: Jahresschrift für die Vorgeschichte der sächsisch-thüringischen Länder 14. — Germania, 12: 128.
Sprockhoff E. 1952. Methodisches. — Festschrift des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz, RGZM, Bd II: 86–108.
St. Clair W. 1967. Lord Elgin and the marbles. London and New York, Oxford University Press.
Stampfuß R. 1935. Gustaf Kossinna. Ein Leben für die deutsche Vorgeschichte. Leipzig, Kabitzsch.
Stark C. B. 1880. Systematik und Geschichte der Archäologie der Kunst. Leipzig, W. Engelmann.
Steinmetzler J. 1956. Die Anthropogeographie Friedrich Ratzels und ihre ideengeschichtliche Wurzeln. Bonn, Geographisches Institut der Universtät Bonn.
Stephens J. Ll. 1856. Incidents of travel in Yucatan. New York, Harper and brothers.
Steuer H. (Hrsg.). 2001a. Eine hervorragend nationale Wissenschaft. Deutsche Prähistoriker zwischen 1900 und 1995. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Erg. — Bd 29. Berlin und New York, Aldine de Gruyter.
Steuer H. 2001b. Herbert Jankuhn und seine Darstellungen zur Germanen- und Wikingerzeit. — Steuer 2001a: 417–473.

Sterud E. L. 1973. A paradigmatic view of prehistory. — Renfrew 1973a: 3–17.
Sterud E. L. 1978. Changing aims of Americanist archaeology: a citation analysis of American Antiquity — 1946–1975. — AA, 43: 294–302.
Steward J. H. 1949. Cultural causality and law: A trial formulation of the development of early civilizations. — AAnth, 51: 1–27.
Stiebing Jr., W. H. 1993. Uncovering the past. A history of archaeology. New York and Oxford, Oxford University Press.
Stig Sørensen M. L. 2002. Mats P. Malmer: an intellectual biography. Stockholm, Swedish Archaeological Society (reprint from Swedish Current Archaeology, 10: 163–177).
Stocking G. W., Jr. 1982. Race, culture, and evolution: Essays in the history of anthropology. Chicago and London, University of Chicago Press.
Stocking G. W., Jr. 1987. Victorian anthropology. New York, Free Press; London, Collier Macmillan.
Stoczkowski W. 1993. La préhistoire: les origines du concept. — BSPF, 10: 13–21.
Stoddard S. and Malone C. 2002. Editorial. — Antiquity, 76: 915–924.
Stoll H. A. 1957. Der Traum von Troja. Lebensroman Heinrich Schliemanns. Leipzig, List.
Stoll H. A. 1964. Götter und Giganten. Der Roman des Pergamonischen Altars. Berlin, Union; Leipzig, Koehler und Amelang.
Stoll H. A. 1968. Winckelmann's Tod im Lichte neuer Aktenfunde. — Antiquitas Graeco-Romana ac temporta nostra. Acta Congr. Int. habit. Brunae dielus 12 apr. 1966. Praha, Academia.
Stone Irv. 1975. The Greek treasure. London, Cassel.
Svärdström Eliz. 1936. Johannes Bureus' arbeten om svenska runinskrifter. Stockholm, Wahrström and Widstrand.
Svenska 8, 1955 = Svenska män och kvinnor. Biografisk uppslagsbok, 8. Stockholm, Albert Bonniers förlag.
Sweet D. M. 1989. The personal, the political, and the aesthetic: Johann Joachim Winckelmann's German Enlightenment vite. — Gerhard K. and Hekma G. (eds.) The pursuit of sodomy. male homosexuality in Renaissance and Enlightenment Europe. New York and London, Harrinton Park: 147–162.
Tabaczyński St. 1995. A future for the Marxist paradigm in Central European archaeology? The Polish case. — Kuna and Venclová 1995: 69–81.
Tallgren A. M. 1937. The method of prehistoric archaeology. — Antiquity, 7: 152–161.
Taylor E. G. R., miss. 1934. Review of Fox 1932. — Antiquity, 8: 103.
Taylor W. W. 1948. A study of archaeology. Menasha, American Anthropological Association (American Anthropologist 50, no. 3, pt. 2, Memoir 69).
Taylor W. W. 1969. Review of «New perspectives» by Binford and Binford. — Science, 165 (3891).
Taylor W. W. 1972. Old wine and new skins: a contemporary parable. — Leone 1972a M. P. (ed.). Contemporary archaeology: A guide to theory and contributions. Carbondale and Edwardsville, Southern Illinois University Press; London and Amsterdam, Feffer and Simons: 28–33.
Teilard de Chardin P. 1963. Oevres, v. 7 (L'activation de l'énergie). Paris, Seuil.
Thackeray J. F. 1992. On the Piltdown joker and accomplice: A French connection? — CAn, 33: 587–589.
Theune C. 2001. Gero von Merhart und die archäologische Forschung zur römischen Eisenzeit. — Steuer 2001a: 151–171.
Thomas C. 1898. Introduction to the study of North American archaeology. Cincinnati, Clarke.
Thomas D. H. 1969. Archaeology. New York et al., Holt, Rinehart and Winston (2d ed. 1979).
Thomas D. H. 1978. The awful truth about statistics in achaeology. — AA, 43: 231–244.
Thomas D. H. 1979. Predicting the past: an introduction to anthropological archaeology. New York, Holt, Rinehart and Winston.
Thomas E. 2001. German classical archaeology. — Murray 2001: 573–576.

Thomas H. L. 1995. Oscar Montelius — the prehistorian. — Åström P. (ed.). Oscar Montelius 150 years. Proceedings of a Colloquium ... 1993. Stockholm, Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien (Konferenser 32): 7–14.
Thomas J. 1995. Where are we now? Archaeological theory in the 1990s. — Ucko 1995: 342–362.
Thomas J. 2003. Thoughts on the 'repacked' Neolithic Revolution. — Antiquity, 77: 67–74.
Thompson M. W. 1977. General Pitt-Rivers: Evolution and archaeology in the ninteenth century. Braidford-on-Avon, Moonraker Press.
Thomsen C. J. 1836. Ledetraad til Nordisk Oldkybdighed. Kjøbenhavn.
Thomsen C. J. 1864. Självbiografiska anteckningar. Köpenhavn, Nationalmuseets archiv.
Tieullen A. 1904. Hommage à Boucher de Perthes. Paris.
Tilley Chr. 1989. Archaeology as theatre. — Antiquity, 63: 275–280.
Tilley Chr. 1991. Comments on Klejn: «Theoretical archaeology in the making». — FA, VIII: 59–61.
Tischler Fr. 1950. Vorgeschichtliche Völker- und Ideenwanderungen. — Saeculum, 1.
Tischler Fr. 1954. Schöpferische Nachahmung in schriftlöser Gesellschaft. — Saeculum, 5.
Tobias P. V. 1992. Piltdown: The case against Sir Arthur Keith. — CAn, 33: 243–293.
Tobias P. V. 1993. On Piltdown: The French connection revisited. — CAn, 34: 65–67.
Todd M. 1985. Goethe and prehistory. — Antiquity, 59: 197–201.
Toulmin S. E. 1967. The evolutionary development of natural science. — American Scientist, 55: 456–471.
Toulmin S. E. 1970. Human understanding. Prinston, N. J., Princeton University Press.
Toulmin S. E. and Goodfield J. 1966. The discovery of time. New York, Harper and Row.
Toulmin S. E., Rieke R., Janik All. 1979. An introduction to reasoning. New York, Macmillan; London, Collier Macmillan.
Traill D. A. 1983. Schliemann's 'discovery' of 'Priam's Treasure'. — Antiquity, 57: 181–186.
Traill D. A. 1993. Excavating Schliemann. Collected papers on Schliemann. Atlanta, Georgia, Scholars Press.
Traill D. A. 1995. Schliemann of Troy. Treatise and deceit. London, John Murray.
Trigger B. G. 1968. Major concepts of archaeology in historical perspective. — Man, 3: 527–541.
Trigger B. G. 1978a. No longer from another planet. — Antiquity, 52: 193–198.
Trigger B. G. 1978b. Time and traditions: essays in archaeological interpretation. Edinburgh, Edinburgh University Press.
Trigger B. G. 1979. Gordon Childe. Revolutions in archaeology. London, Thames and Hudson.
Trigger B. G. 1980a. Archaeology and the image of the American Indian. — AA, 45: 662–667.
Trigger B. G. 1980b. The role of technology in V. Gordon Childe's archaeology. — NAR, 19: 1–14.
Trigger B. G. 1983. If Childe were alive today. — Bulletin of the Institute of Archaeology, University of London, 19: 1–20.
Trigger B. G. 1984a. Alternative archaeologies: nationalsit, colonialist, imperialist. — Man, n.s., 19: 355–370.
Trigger B. G. 1984b. Childe and Soviet archaeology. — AuA, 18: 1–16.
Trigger B. G. 1984c. Marxism and archaeology. — Macquet J. and Daniels N. (eds.). On Marxian perspectives in anthropology: Essays in honor of Harry Oijer 1981. Malibu, Undena Publications: 59–97.
Trigger B. G. 1985a. Marxism in archaeology: real or spurious? — Reviews in Anthropology, 12: 114–123.
Trigger B. G. 1985b. Writing the history of archaeology: A survey of trends. — Stocking G. W. (ed). Objects and Others. Essays on museums and material culture (History of anthropology, 3). Madison, The University of Wisconsin Press: 218–235.
Trigger B. G. 1989a. A history of archaeological thought. Cambridge and New York, Cambridge University Press.
Trigger B. G. 1989b. Comments on Archaeology into the 1990s. — NAR, 22: 28–31.

Trigger B. G. 1989c. History and contemporary American archaeology: a critical analysis. — Lamberg-Karlovsky 1989: 19–34.
Trigger B. G. 1991. Postprocessual developments in Anglo-American archaeology. — NAR, 24: 65–76.
Trigger B. G. 1994a. Childe's relevance to the 1990s. — Harris 1994: 9–34.
Trigger B. G. 1994b. On giving Lubbock his due. — CAn, 35: 46–48.
Trigger B. G. 1994c. The coming of age of the history of archaeology. — JArR, 2: 113–136.
Trigger B. G. 1995. Archaeology and the integrated circus. — Critique of Anthropology, 15: 319–335.
Trigger B. G. 1998. Reflections on encounters with archaeology. — Smith P. J. and Mitchell D. (eds). Bringing back the past: Historical perspectives on Canadian archaeology. Ottawa, Archaeological Survey of Canada (Mercury Series, Vol. CLVII): 77–92.
Trigger B. G. 1999. Vere Gordon Childe. — Murray 1999a: 385–399.
Trigger B. G. 2001. Historiography. — Murray 2001: 630–639.
Trigger B. G. 2003a. All people are [not] good. — Anthropologica, 45: 39–44.
Trigger B. G. 2003b. Archaeological Theory: The Big Picture (Grace Elizabeth Shallit Memorial Lecture Series). Provo, Department of Anthropology, Brigham Young University.
Trigger B. G. 2004. Producing knowledge for society. — Axelrod P. (ed.). Knowledge matters: Essays in honour of Bernard J. Shapiro. Montreal and Kingston, McGill-Queen's University Press: 74–81.
Trigger B. G. 2006. A history of archaeological thought. Second edition. Cambridge, Cambridge University Press.
Trigger B. G. and Glover I. (eds.). 1981–1982. Regional traditions of archaeological research. — WA, 13 (2–3).
Tringham R. 1983. V. Gordon Childe 25 years after; his relevance for the archaeology of the eighties. — Journal of Field Archaeology, 10: 85–100.
Trunz E. 1972. Goethe als Sammler. — Goethe-Jahrbuch, 89: 13–61.
Twardecka J. 1977. Erazm Majewski jako pierwszy polski krytyk tez Gustafa Kossinny. — AP, 22: 399–420.
Ucko P. J. (ed.). 1995. Theory in archaeology: The world perspective. London and New York, Routledge.
Unger E. 1931. Babylon die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. Berlin, De Gruyter.
Urban O. H. 1996. «Er war der Mann zwischen den Fronten»: Oswald Menghin und das Ureschichtliche Institut der Universität Wien während der Nazizeit. — Archaeologia Austriaca, 80: 1–24.
Urban O. H. 2001. Austria. — Murray 2001: 127–134.
Vallentine B. 1931. Winckelmann. Berlin, Bondi.
Van Hagen V. W. 1947. Maya explorer: John Lloyd Stephens and the lost cities of Central America and Yucatan. Norman, University of Oklahoma Press.
VanPool Chr. and VanPool T. (ed.). 1999. Scientific nature of postprocessualism. Salt Lake City, University of Utah Press.
Van Pool T. L. and VanPool Chr. S. (eds.). 2003. Essential tensions in archaeological method and theory. Foundations of archaeological inquiry. Salt Lake City, University of Utah Press.
Van Reybrouck D. 2002. Boule's error: on the social context of scientific knowledge. — Antiquity, 76: 1156–1164.
Van Riper A. B. 1993. Men among the mammots: Victorian science and the discovery of human prehistory. Chicago, University of Chicago Press.
Varagnac A. 1963. L'Archéocivilisation. — Courbain P. (réd.). Études archéologiques. Paris, S.E.V.P.E.N.: 219–230.
Vašiček Z. and Malina Jar. 1990. Archaeology yesterday and today. Cambridge, Cambridge University Press.

Veit U. 1984. Gustaf Kosinna und V. Gordon Childe: Ansätze zu einer theoretischen Grundlegung der Vorgeschichte. — Saeculum, 35: 326–364.
Veit U. 2000. Gustaf Kossinna and his concept of a national archaeology. — Härke H. (ed.). Archaeology, ideology and society. The German experience. Frankfurt a. M., Peter Lang: 40–64.
Ventris M. and Chadwick J. 1953. Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives. — JHS, 73: 84–103.
Ventris M. and Chadwick J. 1956. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, Cambridge University Press.
Verelius O. 1664. Gothrici et Rolfi Westrogothicae regum. Uppsala.
Virchow R. 1870. Über Gesichtsurnen. — ZE, 2: 73–86.
Virchow R. 1884. Über ostdeutsche prähistorische Altertümer. — KDAG, 15: 65–75.
Virchow R. 1886. Eröffnungsrede. — KDAG, 17: 67–80.
Virchow R. 1889. Die Anthropologie in den letzten 20 Jahren. — KDAG, 20: 89–100.
Virchow R. 1897. Eröffnungsrede. — KDAG, 28: 67–75.
Vita-Finzi C. and Higgs E. 1970. Prehistoric economy in the Mount Carmel area of Palestine: site catchment analysis. — PPS, 36: 1–37.
Vollertsen N. 1989. Herbert Jankuhn. Hedebyforskningen og det tyske samfund 1934–1976. — Fortid och nytid, 36: 235–320.
Vos H. F. 1956. An introduction to Bible archaeology. Chicago, Moody Press.
Wace A. J. B. 1949. The Greeks and Romans as archaeologists. — Bulletin de la Société royale d'archéologie d'Alexandrie, 38: 21–35.
Wace A. J. B. 1958. Aegean prehistory: a review. — Antiquity, 32: 30–34.
Wagar W. W. 1972. Good tidings: the belief in progress from Darwin to Marcuse. Blumington, London, Indiana University Press.
Wahle E. 1947/1964. Frühgeschichte weiter gefragt? Zur Situation einer «belasteten» Wissenschaft. — Die Zeit (Hamburg), 21.8.1947 (Nachdruck: Wahle 1964: 246–250).
Wahle E. 1950–1951. Geschichte der prähistorischen Forschung. — Anthropos, 45: 497–598; 46: 49–112 (цит. по отдельно отпечатанному сводному оттиску со сплошной пагинацией).
Wahle E. 1964. Tradition und Auftrag prähistorischer Forschung. Berlin, Duncler und Humblot.
Wahle E. 1980. Und es ging mit ihm seinen Weg. Heidelberg, Wahle (Privatdruck durch Mannheimer Morgen Großdruckerei und Verlag).
Wainwright G. 2000. Time please. — Antiquity, 74: 909–943.
Walde D. and Willows N. D. (eds.). 1991. The archaeology of gender. Proceedings of the 22nd Annual Chacmool Conference. Calgary, The University of Calgary Archaeological association.
Wallace Anth. F. C. 1966. Review of: Jarvie I. C. Revolution in anthropology. — AAnth, 68: 1254–1255.
Walters H. B. 1934. The English antiquaries of the Sixteenth, Seventeenth and Eighteenth centuries. London, Walters.
Wang Gungwu 1985. Loving the ancient in China. — McBryde I. (ed.). Who owns the past? Melbourne, Oxford University Press: 175–195.
Wanklyn H. (Mrs. Steers J. A.). 1961. Friedrich Ratzel. A biographical memoir and bibliography. Cambridge, Cambridge University Press.
Waterbolk H. T. 1999. Albert Egges van Giffen. — Murray 1999a: 335–356.
Waterfield G. 1963. Layard of Nineveh. London, John Murray.
Watson N., Zimmeraman L. J. and Peterson C. 1987. Human bones as symbols of power: aboriginal belief systems toward bones and «grave-robbing» archaeologists. — Layton R. (ed.). Who needs the past? Indigenous values and archaeology. London, Allen and Unwin.
Watson P. J. 1999. Robert John Braidwood. — Murray 1999a: 495–505.
Watson P. J., LeBlanc S. A., and Redman Ch. L. 1971. Explanation in archaeology: An explicitly scientific approach. New York and London, Columbia University Press.

Watzinger C. 1944. Theodor Wiegand, ein deutscher Archaologe, 1864–1936. München, C. H. Beck.
Wauchope R. (ed.). 1956. Seminars in archaeology: 1955 (Memoir 11 of the Soviety for American Archaeology).
Wauchope R. 1962. Lost tribes and sunken continents. Myth and method in the study of American Indians. Chicago and London, The University of Chicago Press.
Wauchope R. 1965a. Alfred Vincent Kidder. — AA, 31: 149–171.
Wauchope R. 1965b. They found the buried cities: exploration and excavation in the American tropics. Chicago and London, University of Chicago Press.
Webb S. 1987. Reburying Australian skeletons. — Antiquity, 61: 292–296.
Webster D. 1991. Hawkeseye: The early life of Christopher Hawkes. Stroud, UK, Alan Sutton.
Wegner G. 2001. Auf vielen und zwischen manchen Stühlen. Bemerkungen zu den Auseinandersetzungen zwischen Karl Hermann Jacob-Friesen und Hans Reinerth. — Leube A. und Hegewisch M. (Hrsg.). Prähistorie und Nazionalsozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichtsforschung in den Jahren 1933–1945. Heidelberg, Synchron: 397–417.
Wegner M. 1950. Altertumskunde (Orbis Academicus. Problemgeschicten der Wissenschahft in Dokumenten u. Darstellungen, hrsg. v. Fr. Wagner u. R. Brodführer). Freiburg und München, Karl Alber.
Wegner M. 1964. Geschichte der Archäologie unter dem Gesichtspunkt der Methode. — Studium Generale (Berlin), 17: 191–202.
Weibull L. 1923. Det arkeologiska treperiodsystemet. Dess uppkomst och giltighet. — Historisk Tidskrift för Skåneland, 5 (1914–1923): 247–266.
Weickert C. 1952. Zu Goethes archäologischen Betrachtungsweise. — Österreichische Jahreshefte, 39: 123–128.
Weiss R. 1963. The Renaissance discovery of Christian antiquity. Oxford, Blackwell.
Weiss R. 1988. The Renaissance discovery of classical antiquity. Oxford, Basil Blackwell.
Welcker F. G. 1819. Zoegas Leben. Sammlung seiner Briefe und Beurtheilung seiner Werke. Stuttgart und Tübingen, J. G. Gotta.
Welcker F. G. 1844–1867. Kleine Schriften zur griechischen Litteraturgeschichte. Bonn, Eduard Weber.
Welker K. 1961. Als die Jahren keine Zahlen trugen. Leipzig, Prisma-Verlag.
Wenk S. 1985. Auf den Spuren der Antike: Theodor Wiegand, ein deutscher Archäologe. Bendorf am Rhein, Stadtverwaltung.
Werner J. 1954. Neue Wege vorgeschichtlicher Methodik? — Forschungen und Fortschritte, 28: 246–248.
Werner J. 1978. Vladimir Milojčić — Lebensweg und Werk. — Vladimir Milojčić 1918–1978. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, philos.-hist Klasse, Sonderabh. Heidelberg, Carl Winter — Universtätverlag.
Westropp H. M. 1872. Pre-historic phases. London, Bell and Daldy.
Whallon R. 1972. A new approach to pottery typology. — AA, 37: 13–33.
Whatmough J. 1949. The lower Rhine — language and archaeology. — Archaeology (Cambridge, Mass.), vol. 2, no. 2(6).
Wheeler R. E. M. 1935. The prehistoric era in the west. — Eyre E. (ed.). European civilization, its origin and development, in seven volumes. Vol. II. Rome and Christendom. London, Oxford University Press: 178–183.
Wheeler R. E. M. 1950. What matters in archaeology. — Antiquity, 24: 122–130.
Wheeler R. E. M. 1952. Archaeology and the transmission of ideas. — Antiquity 26: 180–192.
Wheeler R. E. M. 1955. Still digging. London, Michael Joseph.
Wheeler R. E. M. 1956. Archaeology from the earth. Harmondsworth, Penguin books.
Wheeler R. E. M. 1958. Crawford and antiquity. — Antiquity, 32: 3–4.

Wheeler R. E. M. 1963. Homage to Sir Cyril Fox. — Foster I. Ll. and Alcock L. (eds.). Culture and environment. Essays in honour of Sir Cyril Fox. London, Routledge and Kegan Paul: 1–6.
Whewell W. 1837. History of inductive sciences from the earliest to the present time. 3 vols. London, J. W. Parker (new ed. 1967).
White L. A. 1945. 'Diffusion vs. Evoltution': an anti-evolutionist fallacy. — AAnth, 47: 339–356.
White L. A. 1949. The science of culture. New York, Farrar, Straus.
White L. A. 1959. The evolution of culture. The development of civilization to the fall of Rome. New York, McGraw-Hill.
Whitehall W. M. 1969. Analecta biographica. A handfull of New England portraits. Brattleboro VT, Stephen Greene Press.
Whitley J. 1987. Art history, archaeology and idealism: the German tradition. — Hodder I. (ed.). Archaeology as long-term history (New Directions in Archaeology). Cambridge, Cambridge University Press: 9–16.
Whitley D. S. 1992. Prehistory and post-positivist science. A prolegomenon to Cognitive Archaeology. — Schiffer M. B. (ed.). Archaeological method and theory. Vol. 4. Tucson and London. The University of Arizona Press: 57–100.
Wilk R. 1985. The Ancient Maya and the political present. — JAnR, 43: 307–321.
Willey G. R. 1953. Prehistoric settlement pattern in the Viru valley, Peru (Bulletin 155 of the Bureau of American Ethnology). Washington, DC.
Willey G. R. 1967. Alfred Vincent Kidder. — National Academy of Sciences Biographical Memoirs, 39 (New York, Columbia University Press): 292–322.
Willey G. R. 1981. Spinden's Archaic hypothesis. — Evans et al. 1981: 35–42.
Willey G. R. [1989]. Autobiography. — Daniel and Chippindale 1989: 100–113.
Willey G. R. and Phillips Ph. 1958. Method and theory in archaeology. Chicago, Unversity of Chicago Press.
Willey G. and Sabloff J. 1974. History of American archaeology. San Francisco, Freeman; London, Thames and Hudson.
William of Malmesbury. 1887–1889. Willelmi Malmsbiriensis monachi De gestis regum pontificum Anglorum libri quinque. 2 vols. Ed. by W. Stubbs. London, Eyre and Spottiswoode.
Williams S. 1999. James Bennettt Griffin. — Murray 1999a: 451–459.
Wilson E. O. 1975. Sociobiology: The new synthesis. Cambridge, Harvard University Press.
Wilson E. O. 1978. On the human nature. Cambridge, Harvard University Press.
Wilson D. M. 1981. Glyn Daniel as teacher. — Evans et al. 1981: 240–242.
Wilson J. A. 1964. Signs and wonders upon pharao: a history of American Egyptology. Chicago, University of Chicago Press.
Wimmer H. H. 1997. Die Strukturforschung in der klassischen Archäologie. Bern et al., Peter Lang.
Winckelmann J. J. 1825–1929. Sämtliche Werke, Bde 1–12. Hrsg. J. Eislelein, Donauöschingen.
Winckelmann J. J. 1952–1957. Briefe. W. Rehm, Berlin. Bde 1–4.
Winstone H. V. F. 1990. Woolley of Ur: The life of Sir Leonard Wolley. London, Secker and Warburg.
Wittgenstein L. 1964. Preliminary studies for the «Philosophical investigations» generally known as The blue and brown books. Oxford, Blackwell.
Wolfram S. 1986. Zur Theoriediskussion in der prähistorischen Archäologie Großbritaniens. Ein Forschungsgeschichtlicher Überblick über die Jahre 1968–1982. Oxford, BAR (International Series 306).
Woodbridge K. 1970. Landscape and antiquity: aspects of English culture at Stourhead, 1718–1838. Oxford, Oxford University Press.
Woodbury R. B. 1973. Alfred V. Kidder. New York, Columbia University Press.
Woodbury R. B. 1999. William Duncan Strong. — Murray 1999a: 413–423.
Woolley Ch. L. 1953. Spadework in archaeology. London and New York, Philosophical library.

Woolley L. 1950. Ur of the Chaldees, 2d ed. Harmondsworth, Penguin Books.
Woolley Ch. L. 1962. As I seem to remember. London, Allen and Unwinn.
Worsaae J. J. R. 1843. Danmarks Oldtid oplyst ved Oldsager och Gravhöje. Kjøbenhavn.
Wrede H. 1993. Antikenstudium und Antikenaufstellungen in der Renaissance. — Kölner Jahrbücher, 26: 11–25.
Wrede H. 1997. Dem Archäologen Eduard Gerhard 1795–1867 zu seinem 200. Geburtstag. Berlin, Arenhövel.
Wright G. E. 1957. Biblical archaeology. Philadelphia and London, The Westminster Press.
Wright R. P. 1996. Gender and archaeology. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
Wright Th. 1844. On antiquarian excavations and research in the Middle Ages. — Archaeologia, 30: 438–457.
Würdigung 1966. = Würdigung für Ernst Wahle. — JRGM, 11 (1964).
Wylie A. 1991. Gender theory and the archaeological record: why is there no archaeology of gender? — Gero J. and Conkey M. (eds.). Engendering archaeology: women and prehistory. London, Basil Blackwell: 31–56.
Yellen J. E. 1977. Archaeological approaches to the present: Models for reconstructing the past. New York and London, Academic Press.
Yentsch A. E. 1992. Man and vision in historical archaeology. — Yentsch A. E. and Baudry M. C. (eds.). The art and mystery of historical archaeology: essays in honor of James Deetz. Boca Raton (FL), CRC Press: 23–47.
Yoffee N. 1999. Robert McCormick Adams. — Murray 1999a: 791–810.
Zamojski J. E. 1995. Migracje masowe — czynnik przemian społeczeństw współczesnych. — Migracje i społeczeństwo. Warszawa, Neriton.
Zappert G. 1850. Über Antiquitätenfunde im Mittelalter. — Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, philolog.-hist. Klasse (Wien), V: 753–799.
Zimmerman L. J. 1987. The impact of the concept of time and past on the concept of archaeology: some lessons from the reburial issue. — ARC, 6: 32–50.
Zimmerman L. J., Vitelli K. D. and Hollowell-Zimmerman J. (eds.). 2003. Ethical issues in archaeology. Walnut-Creek (CA), Altamira.
Zubrow E. 1980. International trends in theoretical archaeology. — NAR, 13: 14–23.
Zvelebil M. and Lilley M. 2000. Transition top agriculture in Easten Europe. — Prize T. D. (ed.). Europe's first farmers. Cambridge, Cambridge University Press: 57–92.
Zylmann P. 1956. Karl Hermann Jacob-Friesen. Leben und Werk. — Zur Ur- und Frühgeschichte Nordwestdeutschlands. Festschrift zum 70. Geburtstage von K. H. Jacob-Friesen. Heidelsheim, Lax: 1–20.

СОКРАЩЕНИЯ

АВ	— Археологические вести
ВЛУ	— Вестник Ленинградского университета
ВИЕТ	— Вопросы истории естествознания и техники
ВФ	— Вопросы философии
НАА	— Народы Азии и Африки
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
РА	— Российская Археология
СА	— Советская археология
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СЭ	— Советская этнография
AA	— American Antiquity
AAj	— American Archaelogical journal
AAMT	— Advances in Archaeological Method and Theory
AAnth	— American Anthropologist
ABSA	— Annual of the British School at Athens
ActArc	— Acta Archaeologica
AD	— Archaeological Dialogues
AI	— Archäologische Informationen
AJA	— American Journal of Archaeology
AP	— Archeologia Polski
ARA	— Annual Review of Anthropology
ARC	— Archaeological Review from Cambridge
AuA	— Australian Archaeology
BA	— Biblical Archaeologist
BAR	— British Archaeological Reports
BSPF	— Bulletin de la Société Préhistorique Française
CAn	— Current Anthropology
EAZ	— Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift
FA	— Fennoscandia Archaeologica
FB	— Forschungen und Berichte
JAnR	— Journal of Anthropological Research
JArR	— Journal of Archaeological Research
JHI	— Journal of the History of Ideas
JHS	— Journal of Hellenic Studies
JMV	— Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte
JRGM	— Jahrbuch des Römisch-Germanisches Museums
KDAG	— Korrespondenzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft
MAGW	— Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien
NAR	— Norwegian Archaeologocal Review
PBA	— Proceedings of the British Academy
PPS	— Proceedings of Prehistoric Society
PZ	— Praehistorische Zeitschrift
SA	— Scientific American
SJA	— Southwestern Journal of Anthropology
SP	— Stratum plus
WA	— World Archaeology
ZE	— Zeitschrift für Ethnologie

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

cavatori («копатели») 107 (I)
ex Oriente lux 568 (I), 576 (I)
Kulturvölker 301 (I), 366 (I), 367 (I), 505 (I), 518 (I)
Naturvölker 301 (I), 366 (I), 367 (I), 505 (I), 518 (I)
site catchment analysis 545 (I)

аборигинализация археологии 393 (II)
автохтония 199 (II)
автохтонизм 371 (I), 491 (I), 526 (I), 570 (I), 622 (I), 20 (II), 22 (II), 30 (II), 31 (II), 464 (II), 464 (II)
автохтонность 225 (I), 335 (I), 371 (I), 382 (I), 447 (I), 493 (I), 495 (I), 515 (I), 525 (I), 30 (II), 187 (II), 199 (II), 300 (II), 429 (II), 432 (II), 433 (II), 434 (II), 465 (II)
агломерат 449 (I)
адаптационизм 449 (II)
адаптация 317 (I), 539 (I), 618 (I), 27 (II), 40 (II), 54 (II), 179 (II), 231 (II), 244 (II), 288 (II), 329 (II), 359 (II), 445 (II, 449 (II), 453 (II), 459 (II), 460 (II), 485 (II)
адинамизм восприятия средневековый 88 (I)
Академия древностей 106 (I)
актуализм 151 (I), 235 (I), 264 (I), 282 (I), 283 (I), 317 (I), 197 (II), 328 (II)
алгоритм 212 (II), 265 (II)
аллофакты 87 (II)
аллохтония 199 (II)
анализ ресурсов, доступных из местонахождения 545 (I)
аналитическая биология 264 (II), 283 (II)
аналитическая машина 263 (II), 264 (II), 265 (II), 266 (II), 271 (II), 281 (II), 283 (II), 381 (II)
аналитическая философия 264 (II), 267 (II)
аналитические высказывания 237 (II)
аналитические знания 264 (II), 267 (II)
аналитическое направление 257 (II), 258 (II)
аналитическая типология 205 (II), 264 (II)
аналогии 25 (I), 31 (I), 56 (I), 82 (I), 141 (I), 151 (I), 221 (I), 222 (I), 227 (I), 228 (I), 231 (I), 318 (I), 319 (I), 334 (I), 338 (I), 339 (I), 341 (I), 350 (I), 358 (I), 361 (I), 375 (I), 385 (I), 409 (I), 432 (I), 453 (I), 458 (I), 519 (I), 537 (I), 555 (I), 563 (I), 567 (I), 577 (I), 586 (I), 601 (I), 605 (I), 624 (I), 626 (I), 627 (I), 669 (I), 680 (I), 21 (II), 24 (II), 50 (II), 56 (II), 83 (II), 86 (II), 99 (II), 108 (II), 110 (II), 119 (II), 153 (II), 156 (II), 157 (II), 158 (II), 166 (II), 195 (II), 200 (II), 229 (II), 245 (II), 246 (II), 252 (II), 256 (II), 273 (II), 274 (II), 275 (II), 302 (II), 317 (II), 331 (II), 347 (II), 394 (II), 453 (II)
андроцентризм 373 (II), 374 (II)
«Аненэрбе» 550 (I), 551 (I), 68 (II), 174 (II)
антиглобализм 387 (II), 390 (II), 396 (II), 405 (II), 472 (II)
антикварианизм 22 (I), 29 (I), 33 (I), 35 (I), 80 (I), 110 (I), 111 (I), 118 (I), 124 (I), 129 (I), 130 (I), 131 (I), 132 (I), 136 (I), 153 (I), 154 (I), 155 (I), 156 (I), 157 (I), 168 (I), 180 (I), 197 (I), 209 (I), 213 (I), 228 (I), 229 (I), 230 (I), 266 (I), 376 (I), 99 (II), 170 (II), 227 (II)
антикварии 9 (I), 28 (I), 29 (I), 34 (I), 35 (I), 36 (I), 43 (I), 52 (I), 65 (I), 66 (I), 83 (I), 110 (I), 111(I), 114 (I), 116 (I), 117 (I), 118 (I), 123 (I), 124 (I), 125 (I), 126 (I), 127 (I), 128 (I), 129 (I), 130 (I), 131 (I), 133 (I), 136 (I), 137 (I), 139 (I), 140 (I), 141 (I), 142 (I), 144 (I), 145 (I), 146 (I),

147 (I), 149 (I), 150 (I), 151 (I), 152 (I), 153 (I), 154 (I), 155 (I), 163 (I), 164 (I), 165 (I), 170 (I), 182 (I), 183 (I), 185 (I), 194 (I), 197 (I), 200 (I), 201 (I), 205 (I), 206 (I), 207 (I), 209 (I), 210 (I), 211 (I), 212 (I), 213 (I), 214 (I), 215 (I), 216 (I), 217 (I), 218 (I), 228 (I), 230 (I), 231 (I), 234 (I), 244 (I), 255 (I), 258 (I), 275 (I), 279 (I), 326 (I), 335 (I), 413 (I), 440 (I), 441 (I), 446 (I), 456 (I), 469 (I), 535 (I), 556 (I), 594 (I), 597 (I), 609 (I), 616 (I), 617 (I), 96 (II), 170 (II)

«Антиквити» 532 (I), 534 (I), 597 (I), 619 (I), 621 (I), 637 (I), 648 (I), 33 (II), 113 (II), 115 (II), 136 (II), 156 (II), 229 (II), 251 (II), 280 (II), 281 (II), 297 (II), 312 (II), 318 (II), 337 (II), 359 (II), 361 (II), 373 (II), 377 (II), 385 (II), 387 (II), 396 (II), 402 (II)

антиплионы 222 (II)

антисистемные движения 383 (II), 404 (II)406 (II), 477 (II)

антиэволюционизм 17 (I), 339 (I), 352 (I), 362 (I), 463 (I), 487 (I), 488 (I), 133 (II), 145 (II), 475 (II)

антропогенез 14 (I), 31 (I), 284 (I), 317 (I), 330 (I), 342 (I), 471 (I), 487 (I), 433 (II)

антропогеография 351 (I), 353 (I), 366 (I), 368 (I), 370 (I), 371 (I), 376 (I), 514 (I), 528 (I)

антропологизация археологии 541 (I)

антропология 13 (I), 44 (I), 103 (I), 294 (I), 324 (I), 326 (I), 342 (I), 347 (I), 350 (I), 352 (I), 359 (I), 375 (I), 376 (I), 379 (I), 413 (I), 415 (I), 422 (I), 459 (I), 478 (I), 481 (I), 482 (I), 509 (I), 510 (I), 512 (I), 514 (I), 517 (I), 559 (I), 560 (I), 570 (I), 601 (I), 603 (I), 607 (I), 635 (I), 636 (I), 637 (I), 641 (I), 4 (II), 5 (II), 34 (II), 36 (II), 42 (II), 43 (II), 44 (II), 47 (II), 49 (II), 51 (II), 52 (II), 56 (II), 69 (II), 71 (II), 85 (II), 86 (II), 88 (II), 94 (II), 95 (II), 98 (II), 99 (II), 105 (II), 107 (II), 109 (II), 111 (II), 116 (II), 125 (II), 127 (II), 139 (II), 162 (II), 176 (II), 182 (II), 203 (II), 216 (II), 229 (II), 231 (II), 232 (II), 233 (II), 234 (II), 235 (II), 239 (II), 241 (II), 245 (II), 247 (II), 252 (II), 257 (II), 258 (II), 262 (II), 294 (II), 299 (II), 302 (II), 306 (II), 328 (II), 339 (II), 343 (II), 351 (II), 356 (II), 358 (II), 359 (II), 383 (II), 388 (II), 394 (II), 395 (II), 396 (II), 397 (II), 398 (II), 399 (II), 401 (II), 411 (II), 433 (II), 435 (II), 450 (II)

антропология культурная 4 (I), 7 (I), 14 (I), 31 (I), 238 (I), 284 (I), 317 (I), 318 (I), 319 (I), 335 (I), 342 (I), 345 (I), 346 (I), 354 (I), 358 (I), 365 (I), 375 (I), 382 (I), 514 (I), 559 (I), 601 (I), 654 (I), 27 (II), 36 (II), 44 (II), 63 (II), 64 (II), 71 (II), 75 (II), 76 (II), 77 (II), 96 (II), 98 (II), 116 (II), 120 (II), 141 (II), 202 (II), 232 (II), 340 (II), 344 (II), 354 (II), 356 (II), 364 (II), 379 (II), 384 (II), 394 (II), 409 (II), 445 (II), 449 (II), 480 (II)

антропология физическая 284 (I), 342 (I), 345 (I), 346 (I), 377 (I), 602 (I), 614 (I), 24 (II), 52 (II), 125 (II), 141 (II), 358 (II), 384 (II), 445 (II)

антропопитек 330 (I), 338 (I)

антропоцентризм 102 (I)

апогея концепция 71 (I)

априоризм 119 (II)

артефакты 25 (I), 48 (I), 60 (I), 79 (I), 84 (I), 129 (I), 217 (I), 220 (I), 221 (I), 222 (I), 226 (I), 227 (I), 255 (I), 268 (I), 272 (I), 295 (I), 296 (I), 298 (I), 302 (I), 328 (I), 330 (I), 442 (I), 444 (I), 448 (I), 452 (I), 458 (I), 472 (I), 535 (I), 546 (I), 579 (I), 587 (I), 611 (I), 631 (I), 632 (I), 636 (I), 637 (I), 641 (I), 643 (I), 644 (I), 645 (I), 647 (I), 47 (II), 54 (II), 85 (II), 86 (II), 87 (II), 88 (II), 91 (II), 94 (II), 97 (II), 98 (II), 101 (II), 105 (II), 106 (II), 108 (II), 110 (II), 113 (II), 115 (II), 117 (II), 138 (II), 140 (II), 142 (II), 143 (II), 170 (II), 189 (II), 207 (II), 208 (II), 209 (II), 210 (II), 224 (II), 226 (II), 227 (II), 230 (II), 245 (II), 246 (II), 249 (II), 267 (II), 268 (II), 281 (II), 286 (II), 311 (II), 313 (II), 318 (II), 322 (II), 344 (II), 359 (II), 360 (II), 363 (II), 364 (II), 394 (II), 396 (II), 403 (II), 422 (II), 438 (II), 440 (II), 442 (II), 443 (II), 447 (II), 454 (II), 480 (II)

артефакты идеотехнические 245 (II)

артефакты социотехнические 245 (II)

артефакты техномические 245 (II)

археологи как военно-политические разведчики 21 (I), 246 (I), 259 (I), 417 (I), 426 (I), 427 (I), 436 (I), 472 (I), 529 (I), 569 (I), 583 (I), 587 (I), 598 (i), 609 (I), 620 (I), 663 (I), 490 (II)

«Археологиа географика» 550 (I), 551 (II)

археологии национальные 209 (I), 210 (I), 235 (I), 519 (I), 542 (I), 543 (I), 173 (II), 174 (II), 387 (II), 471 (II), 473 (II)
археологическая карта 115 (I), 129 (I), 130 (I), 131 (I), 155 (I), 533 (I), 126 (II), 396 (II)
археологическая топография 308 (I)
археологические источники, формирование 310 (II), 311 (II), 314 II), 317, 318 (II), 319 (II), 322 (II), 324 (II), 325 (II), 327 (II), 329 (II), 333 (II), 334 (II), 338 (II), 361 (II), 381 (II), 420 (II)
археологические материалы неартефактные 536 (I), 47 (II)
археологическое источниковедение 207 (II)
археологическое познание, границы а. п. 178 (II), 183 (II), 184 (II), 187 (II), 194 (II), 252 (II)
археология акций 315 (II), 316 (II)
археология аналитическая 547 (I), 645 (I), 208 (II), 257 (II), 258 (II), 262 (II), 263 (II), 265 (II), 267 (II), 268 (II), 269 (II), 274 (II), 279 (II), 280 (II), 281 (II), 282 (II), 284 (II), 295 (II)
археология античная 14 (I), 30 (I), 64 (I), 239 (I), 242 (I), 287 (I), 583 (I), 437 (II), 475 (II), 476 (II)
археология библейская 250 (I), 258 (I), 289 (I), 465 (I), 577 (I), 580 (I), 583 (I), 587 (I), 589 (I), 591 (I), 599 (I)
археология бихевиорная 319 (II), 322 (II), 334 (II), 335 (II), 338 (II), 339 (II), 420 (II), 432 (II), 475 (II), 477 (II), 479 (II), 484 (II)
археология гендерная 360 (II), 427 (II)
археология дарвиновская 414 (II), 420 (II), 453 (II), 454 (II), 455 (II), 456 (II), 460 (II), 467 (II), 476 (II), 478 (II)
археология дескриптивная 203 (II), 204 (II), 205 (II), 207 (II), 210 (II), 228 (II)
археология диалектическая 423 (II), 425 (II)
археология живая 246 (II), 303 (II), 315 (II), 316 (II)
археология интерпретирующая 361 (II), 369 (II)
археология как источниковедческая наука 13 I), 85 (I), 645 (I), 18 (II), 134 (II), 325 (II), 411 (II), 464
археология как «чрезвычайно национальная наука» 502 (I), 504 (I), 507 (I), 508 (I), 519 (I), 172 (II), 173 (II), 174 (II)
археология когнитивная 90 (II), 335 (II), 336 (II), 337 (II), 376 (II), 378 (II), 381 (II), 402 (II), 435 (II), 437 (II), 439 (II), 440 (II), 476 (II)
археология конфигурации заселенности 103 (II)
археология критическая 362 (II), 417 (II)
археология культовая 574 (I), 344 (II)
археология культурно-историческая 313 (I), 314 (I), 342 (I), 363 (I), 365 (I), 370 (I), 422 (I), 425 (I), 453 (I), 465 (I), 477 (I), 528 (I), 578 (I), 631 (I), 106 (II), 124 (II), 473 (II), 475 (II), 477 (II)
археология мусорная 322 (II), 323 (II), 382 (II)
археология народная 48 (I), 53 (I), 54 (I), 56 (I), 57 (I), 60 (I), 61 (I), 62 (I), 73 (I), 81 (I), 82 (I), 94 (I), 95 (I), 101(I), 118 (I), 119 (I), 120 (I), 129 (I), 157 (I)
археология обитания 18 (I), 495 (I), 500 (I), 502 (I), 508 (I), 509 (I), 513 (I), 514 (I), 515 (I), 551 (I), 106 (II), 114 (II), 126 (II), 172 (II), 173 (II), 179 (II)
археология ориенталистическая 238 (I), 244 (I), 488 (II)
археология отечественная 3 (I), 11 (I), 209 (I), 224 (I), 257 (I), 328 (I), 443 (I), 552 (I), 635 (I), 653 (I), 3 (II), 16 (II), 125 (II)
археология пара-марксистская 416 (II), 427 (II)
археология первобытная 3 (I), 12 (I), 13 (I), 15 (I), 16 (I), 17 (I), 18 (I), 30 (I), 42 (I), 43 (I), 44 (I), 65 (I), 71 (I), 72 (I), 118 (I), 171 (I), 201 (I), 216 (I), 224 (I), 227 (I), 238 (I), 258 (I), 280 (I), 281 (I), 288 (I), 311 (I), 328 (I), 329 (I), 333 (I), 345 (I), 346 (I), 347 (I), 403 (I), 405 (I), 409 (I), 410 (I), 415 (I), 443 (I), 459 (I), 465 (I), 466 (I), 482 (I), 494 (I), 495 (I), 496 (I), 498 (I), 499 (I), 504 (I), 505 (I), 506 (I), 507 (I), 508 (I), 544 (I), 549 (I), 583 (I), 595 (I), 596 (I), 598 (I), 601 (I), 623 (I), 645 (I), 650 (I), 651 (I), 652 (I), 658 (I), 99 (II), 124 (II), 125 (II), 128 (II), 129 (II), 137 (II), 140 (II), 159 (II), 161 (II), 173 (II), 175 (II), 181 (II), 182 (II), 185 (II), 188 (II), 196 (II), 239 (II), 258 (II), 294 (II), 386 (II), 401 (II), 433 (II)
археология поведенческая (бихевиорная) 253 (II), 293 (II), 309 (II), 318 (II), 319 (II), 321 (II), 327 (II), 328 (II), 334 (II), 364 (II), 401 (II)

археология поселений (поселенческая) 502 (I), 551 (I), 109 (II), 110 (II), 111 (II), 114 (II), 415 (II), 473 (II)
археология пространственная 547 (I), 548 (I), 219 (II), 257 (II), 275 (II), 282 (II), 357 (II)
археология расселения 502 (I)
археология сакральная 65 (I), 73 (I), 75 (I), 82 (I), 84 (I), 95 (I), 157 (I), 224 (I), 465 (I)
археология серутанская 284 (II), 293 (II), 297 (II), 306 (II), 307 (II), 335 (II), 337 (II), 381 (II), 476 (II)
археология символическая 358 (II), 375 (II), 383 (II), 435 (II)
археология социологическая, социоархеология 22 (II), 58 (II)
археология спасательная 303 (II)
археология сравнительная 441 (I), 453 (I), 623 (I), 624 (I), 113 (II), 132 (II), 204 (II), 439 (II)
археология срочная 315 (II), 322 (II)
археология структурная 358 (II), 359 (II), 375 (II), 383 (II)
археология теоретическая 6 (I), 113 (II), 135 (II), 210 (II), 213 (II), 234 (II), 246 (II), 254 (II), 296 (II), 304 (II), 306 (II), 314 (II), 325 (II), 333 (II), 359 (II), 383 (II), 384 (II), 385 (II), 386 (II), 389 (II), 394 (II), 426 (II), 481 (II)
археология феминистская 373 (II), 374 (II), 416 (II), 422 (II), 427 (II), 476 (II)
археология функциональная (с идеями функционализма) 95 (II), 96 (II), 107 (II), 109 (II), 141 (II), 142 (II)
археология христианская 224 (I), 288 (I), 289 (I), 659 (I)
археология экспериментальная 572 (I), 573 (I), 576 (I), 315 (II)
археология, начало археологии 35 (I), 42 (I), 43 (I), 47 (I), 65 (I), 111 (I), 251 (I), 253 (I)
археология полевая 129 (I), 145 (I), 153 (I), 155 (I), 237 (I), 238 (I), 409 (I), 421 (I), 531 (I), 595 (I), 57 (II), 233 (II), 302 (II), 303 (II), 332 (II), 393 (II)
археоцивилизация 56 (II), 57 (II)
арья, арии 350 (I), 380 (I), 500 (I), 564 (I), 613 (I), 614 (I), 618 (I)
Атлантида 58 (I), 555 (I), 556 (I)
библейская критика 111 (I), 133 (I), 143 (I), 244 (I), 570 (I), 588 (I), 591 (I), 35 (II)
Библия 88 (I), 98 (I), 101 (I), 102 (I), 103 (I), 112 (I), 133 (I), 143 (I), 177 (I), 222 (I), 224 (I), 244 (I), 249 (I), 250 (I), 255 (I), 257 (I), 260 (I), 261 (I), 262 (I), 263 (I), 264 (I), 265 (I), 269 (I), 273 (I), 281 (I), 282 (I), 426 (I), 430 (I), 431 (I), 463 (I), 464 (I), 567 (I), 569 (I), 577 (I), 583 (I), 587 (I), 588 (I), 589 (I), 590 (I), 591 (I), 592 (I), 593 (I), 29 (II), 37 (II), 46 (II), 123 (II)
биографический подход (биографический компонент в анализе) 470 (II)
бихевиоризм 237 (II), 339 (II)
«богдановщина» 299 (II)

«вавилоны» 55 (I), 56 (I)
вариабельность 357 (I), 153 (II), 269 (II), 290 (II)
Век Разума 111 (I), 123 (I), 129 (I), 132 (I), 133 (I), 139 (I), 142 (I), 143 (I), 154 (I), 178 (I)
взаимодействие (интеракция) 59 (II), 302 (II)
Винкельмановский Ренессанс 177 (I)
вирус идеи 453 (II)
вирусы культурные 453 (II)
влияние 353 (I), 405 (I), 420 (I), 493 (I), 560 (I), 586 (I), 617 (I), 644 (I), 661 (I), 26 (II), 221 (I), 457 (II)
внутренняя критика археологических источников 82 (I), 120 (II), 169 (II), 187 (II), 192 (I), 199 (II), 324 (II), 333 (II), 381 (II)
внушаемость 384 (I)
вождества 41 (II), 60 (II), 297 (II), 298 (II), 301 (II), 302 (II), 305 (II), 337 (II)
Возрождение 20 (I), 42 (I), 59 (I), 61 (I), 101 (I), 102 (I), 103 (I), 104 (I), 107 (I), 108 (I), 109 (I), 111 (I), 113 (I), 117 (I), 118 (I), 123 (I), 124 (I), 127 (I), 129 (I), 154 (I), 165 (I), 177 (I), 180 (I), 192 (I), 194 (I), 238 (I), 244 (I), 261 (I), 288 (I), 665 (I), 678 (I), 69 (II), 351 (II)
война на археологических картах 508 (I), 529 (I)
всемирный потоп 93 (I), 101 (I), 122 (I), 133 (I), 138 (I), 261 (I), 264 (I), 265 (I), 266 (I), 267 (I), 268 (I), 269 (I), 277 (I), 430 (I), 463 (I), 567 (I)
встречная датировка 453 (I), 580 (I)

Вторая Кибернетика 284 (II), 287 (II)297 (II), 306 (II)
Вторая Радиоуглеродная Революция 297 (II)

галерейные гробницы 620 (I)
гексагональные полигоны 222 (II)
гелиоцентрическая школа 561 (I)
гемпелианское направление 229 (II), 258 (II), 284 (II)
генеалогический метод 559 (I)
генетика 373 (I), 486 (I), 24 (II), 30 (II), 273 (II), 431 (II), 432 (II), 446 (II), 448 (II), 456 (II)
гены 24 (II), 81 (II), 237 (II), 403 (II)448 (II), 451 (II), 452 (II), 453 (II), 454 (II), 455 (II), 457 (II), 460 (II), 479 (II)
географическая среда 25 (I), 316 (I), 525 (I)
географический детерминизм 352 (I), 356 (I), 528 (I), 539 (I), 602 (I), 610 (I), 40 (II)
географический подход 18 (I), 375 (I), 528 (I), 529 (I), 532 (I), 534 (I), 535 (I), 536 (I), 537 (I), 540 (I), 541 (I), 544 (I), 548 (I), 551 (I), 127 (II), 176 (II), 179 (II), 181 (II), 187 (II), 199 (II)
герменевтика 205 (I), 207 (I), 297 (I), 300 (I), 345 (II), 346 (II), 354 (II), 361 (II), 362 (II), 372 (II), 445 (II)
гибридизация культур 679 (I)
гидравлическая теория 39 (II)
гипердиффузионизм 422 (I), 432 (I), 435 (I), 553 (I), 567 (I), 572 (I), 611 (I), 620 (I), 633 (I), 169 (II), 475 (II), 476 (II), 477 (II)
гиперскептицизм 145 (II), 156 (II), 161 (II), 164 (II), 167 (II),168 (II), 169 (II), 171 (II), 184 (II), 394 (II), 445 (II), 476 (II), 477 (II)
гипотеза 254 (I), 350 (I), 382 (I), 432 (I), 433 (I), 528 (I), 543 (I), 563 (I), 606 (I), 633 (I), 641 (I), 51 (II), 84 (II), 127 (II), 138 (II), 144 (II), 162 (II), 177 (II), 225 (II), 247 (II), 273 (II), 274 (II), 439 (II)
«гипотеза об архаической [культуре]» 432 (I)
глобализм 309 (II), 390 (II)
глобализм конкурентный 390 (II)
«голое вещеведение» 656 (I), 9 (II), 14 (II), 200 (II)
гомеостаз 272 (II)
гомеровский эпос 69 (I), 72 (I), 311 (I), 397 (I), 409 (I), 80 (II)
гомология 192 (I), 319 (I), 361 (I), 371 (I)
горизонт наклонный 640 (I)
горизонт стилистический 606 (I), 96 (II), 105 (II)
государственный антиквариат 126 (I)
градация 69 (I), 282 (I), 446 (I), 447 (I), 448 (I), 449 (I), 451 (I), 456 (I), 457 (I), 462 (I), 546 (I), 653 (I)
градуализм 449 (II)
«громовые камни» 35 (I), 48 (I), 49 (I), 60 (I), 94 (I), 120 (I), 121 (I), 122 (I), 139 (I), 147 (I), 150 (I), 272 (I)
гуманизм 102 (I), 178 (I), 589 (I), 198 (II)
гуманитарное знание 13 (I), 609 (I), 202 (II), 239 (II), 345 (II)

дарвинизм 317 (I), 320 (I), 327 (I), 333 (I), 347 (I), 364 (I), 377 (I), 380 (I), 447 (I), 457 (I), 464 (I), 466 (I), 468 (I), 489 (I), 542 (I), 658 (I), 57 (II), 414 (II), 451 (II)
датировка по импортам 580 (I)
«датировка последовательностью» 582 (I), 584 (I), 142 (II)
дегенерационизм 88 (I)
деградации концепция 69 (I)
дедукция 119 (II), 135 (II), 141 (II)
дескриптивизм 292 (I), 296 (I), 313 (I), 343 (II)
деструктивизм 394 (II)
детерминизм производственный 112 (II), 414 (II)
детерминизм биологический 519 (I), 651 (I), 451 (II), 453 (II)
детерминизм демографический 355 (I)
детерминизм технический 38 (II), 53 (II), 112 (II), 414 (II)
джемдет-наср, культура 429 (I), 430 (I)
диалектика 263 (I), 486 (I), 32 (II), 41 (II), 56 (II), 199 (II), 297 (II), 346 (II), 347 (II), 371 (II), 380 (II), 381 (II), 403 (II), 407 (II), 408 (II), 413 (II), 418 (II), 423 (II), 424 (II), 425 (II), 426 (II), 478 (II)
дилетантизм 118 (I), 194 (I), 435 (I), 553 (I), 633 (I), 383 (II)
дилетанты 116 (I), 117 (I), 118 (I), 131 (I), 146 (I), 151 (I), 187 (I), 190 (I), 194 (I), 209 (I), 380 (I), 408 (I), 411 (I), 499 (I), 507 (I), 524 (I), 552 (I), 553 (I), 555 (I), 557 (I), 572 (I), 575 (I), 576 (I), 601 (I), 633 (I)
дилювиалисты 264 (I)
дискурс 346 (II), 347 (II), 348 (II), 349 (II), 354 (II), 356 (II), 422 (II)

диффузионизм 18 (I), 31 (I), 36 (I), 365 (I), 370 (I), 371 (I), 372 (I), 374 (I), 375 (I), 376 (I), 383 (I), 387 (I), 412 (I), 421 (I), 422 (I), 425 (I), 439 (I), 455 (I), 456 (I), 459 (I), 481 (I), 484 (I), 528 (I), 543 (I), 546 (I), 553 (I), 559 (I), 560 (I), 567 (I), 570 (I), 571 (I), 572 (I), 586 (I), 596 (I), 598 (I), 601 (I), 604 (I), 614 (I), 617 (I), 618 (I), 619 (I), 622 (I), 623 (I), 624 (I), 627 (I), 630 (I), 633 (I), 646 (I), 648 (I), 657 (I), 665 (I), 13 (II), 20 (II), 27 (II), 30 (II), 32 (II), 56 (II), 92 (II), 116 (II), 120 (II), 124 (II), 156 (II), 160 (II), 161 (II), 167 (II), 171 (II), 186 (II), 216 (II), 219 (II) 221 (II), 232 (II), 236 (II), 274 (II), 296 (II), 297 (II), 394 (II), 445 (II), 470 (II), 473 (II), 475 (II), 477 (II), 488 (II)
диффузионизм имперский 412 (I)
диффузионизм модифицированный (умеренный) 601 (I), 608 (I), 611 (I), 619 (I), 622 (I), 627 (I), 31 (II), 156 (II), 280 (II), 476 (II), 477 (II)
диффузионизм моноцентрический 374 (I), 375 (I), 426 (I), 571 (I), 625 (I), 476 (II)
диффузионизм ориентоцентрический 543 (I), 601 (I)
диффузионизм полицентрический 374 (I)
диффузионизм центробежный 374 (I), 422 (I), 426 (I), 436 (I), 567 (I)
диффузионизм центростремительный 374 (I)
диффузия 25 (I), 225 (I), 227 (I), 228 (I), 354 (I), 370 (I), 371 (I), 372 (I), 373 (I), 374 (I), 376 (I), 386 (I), 412 (I), 421 (I), 425 (I), 439 (I), 447 (I), 452 (I), 455 (I), 456 (I), 516 (I), 546 (I), 547 (I), 564 (I), 566 (I), 567 (I), 586 (I), 596 (I), 604 (I), 605 (I), 611 (I),612 (I), 613 (I), 614 (I), 618 (I), 619 (I), 620 (I), 627 (I), 628 (I), 640 (I), 653 (I)
доисторический ландшафт 530 (I)
доктрина первородства 518 (I)
дологическое мышление 65 (II), 67 (II)
дольмены 52 (I), 53 (I), 62 (I), 118 (I), 119 (I), 122 (I), 222 (I), 223 (I), 454 (I), 563 (I), 577 (I), 620 (I), 158 (II), 297 (II)
«домики фей» 52 (I), 63 (I)
допотопные древности 274 (I)
допущение о Помпеях 328 (II)

египтоцентризм 375 (I), 376 (I), 567 (I)
единое социальное поле 398 (II), 399 (II)

жизненное пространство 355 (I)

заимствование 354 (I), 368 (I), 370 (I), 371 (I), 372 (I), 376 (I), 383 (I), 386 (I), 455 (I), 516 (I), 562 (I), 563 (I), 566 (I), 570 (I), 571 (I), 611 (I), 618 (I), 619 (I), 657 (I), 661 (I), 56 (II), 105 (II), 147 (I), 457 (I)
«заколдованные клады» 53 (I), 54 (I)
законы об охране памятников 91 (I), 104 (I), 109 (I), 323 (I), 458 (I), 236 (II), 308 (II)
законы подражания 385 (I), 388 (I), 658 (I)
«Змиевы валы» 57 (I)

«Ивановы головки» 60 (I)
идентификация исторических лиц 401 (II)
идиографические науки 367 (I), 199 (II), 241 (II)
иероглифы 93 (I), 128 (I), 185 (I), 239 (I), 242 (I), 274 (I), 337 (I), 415 (I), 416 (I), 422 (I), 582 (I)
изарифмы 220 (II), 223 (II)
изометрическая проекция 598 (I)
иконографический метод 659 (I), 660 (I), 661 (I)
имитация 336 (I), 337 (I), 383 (I), 384 (I), 386 (I), 77 (II), 273 (II), 398 (II), 436 (II), 458 (II)
импрессионизм в археологии 224 (II)
инвазионизм 426 (I), 431 (I), 577 (I), 594 (I), 598 (I), 599 (I), 475 (II), 476 (II)
индивид 25 (I), 182 (I), 287 (I), 293 (I), 294 (I), 316 (I), 356 (I), 365 (I), 366 (I), 377 (I), 378 (I), 384 (I), 385 (I), 470 (I), 574 (I), 55 (II), 63 (II), 64 (II), 66 (II), 96 (II), 97 (II), 110 (II), 158 (II), 166 (II), 182 (II), 186 (II), 222 (II), 309 (II), 310 (II), 342 (II), 345 (II), 353 (II), 360 (II), 364 (II), 366 (II), 367 (II), 375 (II), 396 (II), 397 (II), 398 (II), 399 (II), 400 (II), 401 (II), 402 (II), 403 (II), 404 (II), 414 (II), 419 (II), 422 (II), 440 (II), 441 (II), 453 (II), 454 (II), 455 (II), 456 (II), 458 (II)
индивидуализация методологическая 396 (II)
индивидуализм 103 (I), 284 (I), 292 (I), 293 (I), 296 (I), 317 (I), 503 (I), 396 (II), 397 (II), 398 (II), 399 (II), 401 (II), 404 (II), 422 (II), 445 (II)

индогерманцы 378 (I), 380 (I), 484 (I), 496 (I), 499 (I), 500 (I), 503 (I), 504 (I), 510 (I), 511 (I), 515 (I), 517 (I), 518 (I), 520 (I), 521 (I), 613 (I), 178 (II), 180 (II)
индоевропейцы 382 (I), 415 (I), 493 (I), 598 (I), 609 (I), 610 (I), 613 (I), 614 (I), 625 (I), 670 (I), 26 (II), 130 (II), 177 (II), 186 (II), 295 (II), 373 (II), 428 (II), 429 (II), 430 (II), 431 (II), 432 (II)
индуктивизм 27 (I), 33 (I), 118 (II), 119 (II)
индуктивная процедура исследования 459 (I), 100 (II), 120 (II), 122 (II), 137 (II), 138 (II), 140 (II), 142 (II), 241 (II), 248 (II), 263 (II), 264 (II), 266 (II), 267 (II), 486 (II)
индукция 100 (II), 118 (II), 122 (II), 136 (II), 139 (II), 141 (II), 204 (II), 205 (II), 225 (II), 265 (II), 286 (II), 306 (II), 349 (II)
инновация 373 (I), 375 (I), 56 (II), 57 (II), 166 (II), 199 (II), 441 (II), 457 (II), 463 (II), 481 (II)
интеракционизм 31 (I), 397 (II), 398 (II), 399 (II), 404 (II)
интернализм 17 (I), 471 (II)
интерперсонализм 397 (II), 398 (II), 404 (II), 478 (II)
интуиция 246 (I), 299 (I), 364 (I), 400 (I), 402 (I), 405 (I), 413 (I), 457 (I), 478 (I), 119 (II), 184 (II), 224 (II), 340 (II), 345 (II), 350 (II), 362 (II), 376 (II), 379 (II)
искусственный интеллект археолога 215 (I)
ислам 87 (I), 104 (I), 563 (I), 77 (II), 82 (II)
истории археологических идей 17 (I), 19 (I)
истории дидактические 15 (I), 19 (I), 40 (I)
истории индивидуализирующие 26 (I), 470 (II)
истории интеллектуальные (истории идей) 15 (I), 17 (I), 21 (I), 23 (I)
истории культурные (антропологические) 22 (I), 23 (I)
истории сенсационные 16 (I), 19 (I), 40 (I)
истории социальные 15 (I), 19 (I), 20 (I), 21 (I), 23 (I)
истории школ 23 (I), 24 (I), 36 (I)
историографии предмет 13 (I), 14 (I)
историография археологии 3 (I), 6 (I), 10 (I), 14 (I), 15 (I), 18 (I), 19 (I), 21 (I), 25 (I), 26 (I), 87 (I)
исторический синтез 35 (I), 591 (I), 172 (II), 193 (II), 439 (II), 464 (II)
историческое право 348 (I), 375 (I), 514 (I), 517 (I), 523 (I), 524 (I)
история антропологических учений 4 (I), 26 (I)
история археологии, антологии по 15 (I), 17 (I), 18 (I), 19 (I)
история материальной культуры 13 (I), 14 (I), 16 (II), 17 (II)

камерные могилы 220 (I), 562 (I), 563 (I), 621 (I), 165 (II)
капитализм пост-Фордовский 341 (II)
капитализм Фордовский 341 (II)
Каролинский (Первый) Ренессанс 89 (I)
карты распространения типов 360 (I), 595 (I)
каталоги древностей 93 (I), 128 (I), 168 (I)
катастрофисты 261 (I), 263 (I), 264 (I), 269 (I), 316 (I)
кельтомания 213 (I), 234 (I), 235 (I), 350 (I), 395 (II)
кераунии 49 (I), 50 (I), 120 (I), 121 (I), 138 (I), 139 (I), 147 (I)
кессонный метод раскопок 290 (II), 437 (II)
кибернетика 272 (II), 273 (II)
кладоискательство 53 (I), 54 (I), 153 (I)
«клад Приама» 311 (I), 389 (I), 390 (I), 399 (I), 401 (I), 405 (I), 406 (I)
классификация 27 (I), 34 (I), 140 (I), 141 (I), 156 (I), 170 (I), 200 (I), 217 (I), 218 (I), 219 (I), 220 (I), 266 (I), 305 (I), 336 (I), 381 (I), 445 (I), 467 (I), 632 (I), 634 (I), 642 (I), 644 (I), 648 (I), 655 (I), 13 (II), 68 (II), 95 (II), 99 (II), 110 (II), 134 (II), 142 (II), 146 (II), 147 (II), 205 (II), 223 (II), 224 (II), 226 (II), 233 (II), 238 (II)
классификация филогенетическая 630 (I)
кластеры поселений 114 (II)
климат как определяющий фактор развития 528 (I), 540 I), 544 (I), 551 (I), 462 (II), 463 (II)
ковариации 242 (II)
когнитивная антропология 75 (II), 76 (II), 336 (II)
коллекционирование древностей 75 (I), 76 (I), 92 (I), 116 (I)
комбинационизм 356 (I), 430 (I), 561 (I) 657 (I), 658 (I), 664 (I), 665 (I), 676 (I), 678 (I), 679 (I),4 (II), 145 (II), 199 (II), 475 (II), 476 (II), 477 (II)
компиляция 211 (II), 212, 426 (II)
комплекс in situ 147 (I), 148 (I)
комплекс закрытый, замкнутый 9 (I), 445 (I), 448 (I), 449 (I), 451 (I), 452 (I),

460 (I), 514 (I), 622 (I), 21 (II), 101 (II), 180 (II), 226 (II), 227 (II)
комплекс накопительный 449 (I)
комплексный метод 21 (II)
конвергенция 319 (I), 334 (I), 354 (I), 371 (I), 372 (I), 604 (I), 627 (I), 205 (II), 491 (II)
конструктивизм социальный 349 (II)
контекст 4 (I), 31 (I), 80 (I), 110 (I), 128 (I), 135 (I), 137 (I), 144 (I), 153 (I), 218 (I), 229 (I), 230 (I), 237 (I), 279 (I), 286 (I), 299 (I), 326 (I), 458 (I), 604 (I), 621 (I), 636 (I), 52 (II), 84 (II), 101 (II), 106 (II), 111 (II), 112 (II), 114 (II), 116 (II), 217 (II), 238 (II), 243 (II), 245 (II), 268 (II), 300 (II), 301 (II), 313 (II), 318 (II), 319 (II), 320 (II), 327 (II), 328 (II), 346 (II), 349 (II), 354 (II), 355 (II), 356 (II), 361 (II), 364 (II), 365 (II), 366 (II), 367 (II), 438 (II), 439 (II), 471 (II), 485 (II)
контекстуализм 529 (I), 93 (II), 101 (II), 109 (II), 115 (II), 116 (II), 364 (II), 471 (II), 476 (II), 485 (II), 488 (II)
контроверсное построение 470 (II)
кооперация археологии с естественными науками 530 (I), 543 (I)
кооперация археологических данных с письменными источниками 72 (I), 108 (I), 168 (I), 171 (I), 200 (I), 292 (I), 594 (I), 599 (I), 193 (II), 199 (II), 324 (II), 433 (II)
коридорные гробницы (гробницы со входом) 52 (I), 100 (I), 146 (I), 454 (I), 620 (I)
«король археологии» 413 (I), 439 (I), 456 (I), 461 (I), 478 (I), 525 (I), 583 (I), 489 (II)
корреляция 262 (I), 280 (I), 300 (I), 639 (I), 642 (I), 43 (II), 44 (II), 135 (II), 136 (II), 141 (II), 142 (II), 148 (II), 152 (II), 153 (II), 197 (II) 205 (II), 217 (II), 220 (II) 249 (II), 253 (II), 260 (II), 265 (II), 271 (II), 307 (II), 314 (II), 384 (II), 428 (II)
коэволюция 456 (II)
креационизм 24 (I), 88 (I)
креольские формирования 679 (I)
кризис в археологии 528 (I), 625 (I), 236 (II), 237 (II), 310 (II), 370 (II)
критерий качества 362 (I)
критерий количества 360 (I), 362 (I)
критерий непрерывности 362 (I)
критерий формы 360 (I), 362 (I)
критика источников 105 (I), 168 (I), 202 (I), 120 (II), 169 (II)187 (II), 192 (II), 324 (II), 333 (II), 361 (II), 420 (II)
критическая теория 21 (I), 346 (II), 347 (II), 356 (I), 360 (II), 362 (II), 363 (II), 367 (II), 372 (II), 408 (II), 416 (II), 417 (II), 418 (II), 423 (II), 470 (II), 478 (II), 487 (II), 488 (II)
критический рационализм 238 (II)
кросс-культурный (межкультурный) анализ 42 (II), 59 (II)
культурный процесс 515 (I), 636 (I), 639 (I), 231 (II), 234 (II), 235 (II), 239 (II), 240 (II), 241 (II) 245 (II), 246 (II), 253 (II), 286 (II), 296 (II), 310 (II), 311 (II), 313 (II), 318 (II), 327 (II), 328 (II)
культура — натура (оппозиция) 365 (I)
культура археологическая 9 (I), 25 (I), 399 (I), 348 (I), 353 (I), 365 (I), 369 (I), 370 (I), 493 (I), 494 (I), 515 (I), 520 (I), 605 (I), 611 (I), 622 (I), 633 (I), 648 (I), 27 (II), 107 (II), 108 (II), 113 (II), 127 (II), 169 (II), 173 (II), 178 (II), 180 (II), 181 (II), 184 (II), 185 (II), 186 (II), 187 (II), 192 (II), 193 (II), 196 (II), 197 (II), 199 (II), 244 (II), 264 (II), 265 (II), 266 (II), 267 (II), 295 (II), 296 (II), 309 (II), 322 (II), 338 (II), 358 (II), 364 (II), 396 (II), 420 (II), 434 (II), 465 (II)
культура материальная 13 (I), 14 (I), 57 (I), 64 (I), 66 (I), 337 (I), 350 (I), 353 (I), 359 (I), 369 (I), 493 (I), 536 (I), 663 (I), 9 (II), 16 (II), 17 (II), 52 (II), 53 (II), 58 (II), 107 (II), 130 (II), 134 (II), 166 (II), 198 (II), 204 (II), 246 (II), 273 (II), 279 (II), 313 (II), 314 (II), 315 (II), 319 (II), 322 (II), 323 (II), 358 (II), 360 (II), 361 (II), 363 (II), 365 (II), 367 (II), 369 (II), 377 (II), 395 (II), 403 (II), 420 (II), 422 (II), 424 (II), 434 (II), 435 (II), 439 (II), 440 (II), 441 (II), 442 (II), 443 (II), 445 (II)
культура-и-личность 96 (II)
культурализм 356 (I)
культуремы 353 (II)
культурная традиция 509 (I), 519 (I), 647 (I), 670 (I), 105 (II), 106 (II), 107 (II), 416 (II)
культурное изменение 542 (I), 586 (I), 633 (I), 29 (II), 30 (II), 31 (II), 42 (II), 244 (II), 265 (II), 280 (II), 293 (II), 296 (II), 298 (II), 304 (II), 402 (II), 441 (II), 454

(II), 456 (II), 457 (II), 461 (II), 462 (II), 466 (II)
культурное родство 360 (I)
культурно-историческая школа 300 (I), 301 (I), 362 (I), 363 (I), 370 (I), 480 (I), 484 (I), 618 (I), 630 (I),
культурно-исторический процесс 14 (I), 24 (I), 25 (I), 363 (I), 526 (I), 540 (I), 40 (II), 41 (II), 80 (II), 163 (II), 185 (II), 197 (II), 231 (II), 239 (II), 252 (II), 304 (II), 305 (II), 325 (II), 465 (II), 466 (II), 467 (II), 478 (II)
культурные ареалы 337 (I), 517 (I), 605 (I), 613 (I), 642 (I), 40 (II), 230 (II), 359 (II)
культурные группы 351 (I), 458 (I), 460 (I), 500 (I), 530 (I), 551 (I), 612 (I), 654 (I), 147 (II), 185 (II), 196 (II), 198 (II), 244 (II)
культурные круги 289 (I), 353 (I), 355 (I), 356 (I), 357 (I), 358 (I), 359 (I), 360 (I), 361 (I), 362 (I), 363 (I), 460 (I), 481 (I), 484 (I), 495 (I), 605 (I), 658 (I), 81 (II), 127 (II), 129 (II), 180 (II)
культурные провинции 357 (I), 370 (I), 495 (I), 501 (I), 514 (I), 516 (I), 525 (I), 658 (I), 173 (II), 281 (II), 184 (II), 187 (II), 189 (II)
культурные слои 54 (I), 62 (I), 248 (I), 359 (I), 427 (I), 451 (I), 580 (I), 592 (I), 318 (II)
культурные черты 387 (I), 605 (I), 101 (II)
культурный комплекс 357 (I), 359 (I), 361 (I), 363 (I), 497 (II), 11 (II), 109 (II), 205 (II), 243 (II), 244 (II)
культурный материализм 41 (II), 409 (II), 423 (II)
культурный тип (по Стюарду) 40 (II)
культуртрегерская миссия 518 (I), 172 (II)
культуры телурические 358 (I)
культуры формативные 433 (I), 640 (I), 641 (I), 108 (II), 185 (II), 186 (II), 286 (II), 336 (II)
культуры хтонические 358 (I)
кумулятивизм 350 (II)
кумулятивное построение 27 (I), 646 (I)
курганомания 211 (I)
кьёккенмеддинги 223 (I), 510 (I), 515 (I), 548 (I)

«лабиринты» 55 (I), 56 (I), 416 (I), 418 (I), 570 (I)
лептолит 484 (I)
«лестницы» Хокса (лестницы умозаключений) 161 (II), 163 (II), 164 (II), 165 (II), 315 (II), 335 (II), 337 (II)
лингвистическая палеонтология 380 (I), 430 (II)
лингвистический позитивизм 238 (II), 269 (II)
линейное письмо 422 (I), 54 (II)
логический атомизм 237 (II), 267 (II), 268 (II), 269 (II)
локационный анализ 547 (I), 548 (I), 222 (II), 262 (II), 275 (II), 298 (II), 301 (II)
лугово-степная теория 528 (I)

манчестерская школа 561 (I), 565 (I), 627 (I)
марбургская школа 368 (I), 127 (II), 131 (II), 132 (II), 133 (II), 135 (II), 218 (II)
марксизм ортодоксальный 406 (II), 407 (II)
марксизм экзистенциальный 417 (II), 418 (II)
марксизм-ленинизм 299 (II), 407 (II), 415 (II)
марксистская археология 13 (II), 16 (II), 17 (II), 18 (II), 58 (II), 136 (II), 360 (II), 409 (II), 414 (II)
мастаба 562 (I)
математические методы в археологии 203 (II), 232 (II), 249 (II), 252 (II), 257 (II), 264 (II), 335 (II)
материализм 329 (I), 333 (I), 528 (I), 546 (I), 618 (I), 25 (II), 38 (II), 41 (II), 52 (II), 57 (II), 69 (II), 224 (II), 360 (II), 363 (II), 366 (II), 387 (II), 409 (II), 411 (II), 413 (II)
материализм диалектический 441 (II)
матрица социокультурная 353(II)
матрица сочетаний 259 (II), 260 (II)
мегалитическая идея 627 (I), 157 (II), 160 (II)
мегалиты 18 (I), 31 (I), 48 (I), 52 (I), 62 (I), 94 (I), 107 (I), 118 (I), 122 (I), 128 (I), 220 (I), 223 (I), 224 (I), 251 (I), 327 (I), 454 (I), 479 (I), 503 (I), 562 (I), 563 (I), 564 (I), 567 (I), 571 (I), 577 (I), 597 (I), 612 (I), 614 (I), 619 (I), 620 (I), 621 (I), 622 (I), 130 (II), 156 (II), 157 (II), 158 (II), 159 (II), 160 (II), 169 (II), 280 (II), 297 (II), 300 (II), 344 (II), 402 (II), 430 (II), 426 (I), 429 (I), 431 (I),
междидциплинарный синтез 195 (II)
межкультурный обзор 43 (II)

мелочи в археологии 169 (I), 299 (I), 324 (I), 88 (II)
мемы 403 (II), 453 (II), 454 (II), 460 (II)
местообитание 108 (II), 115 (II), 117 (II)
метод восхождения 12 (II), 13 (II), 18 (II)
метод домино 453 (I), 454 (I)
метод комбинаторный 141 (II), 315 (II)
метод сравнительно-исторический 168 (I), 170 (I), 315 (I), 318 (I), 658 (I)
метод сравнительный 168 (I), 169 (I), 171 (I), 186 (I), 200 (I), 226 (I), 228 (I), 315 (I), 316 (I), 380 (I), 604 (I), 49 (II)
миграции 25 (I), 147 (I), 155 (I), 225 (I), 263 (I), 281 (I), 327 (I), 334 (I), 340 (I), 351 (I), 352 (I), 353 (I), 354 (I), 355 (I), 357 (I), 360 (I), 361 (I), 362 (I), 364 (I), 368 (I), 371 (I), 372 (I), 373 (I), 374 (I), 375 (I), 376 (I), 379 (I), 382 (I), 383 (I), 387 (I), 412 (I), 413 (I), 421 (I), 422 (I), 447 (I), 452 (I), 455 (I), 474 (I), 475 (I), 479 (I), 491 (I), 492 (I), 493 (I), 514 (I), 516 (I), 517 (I), 519 (I), 525 (I), 526 (I), 553 (I), 554 (I), 558 (I), 559 (I), 561 (I), 652 (I), 563 (I), 564 (I), 565 (I), 566 (I), 571 (I), 573 (I), 574 (I), 577 (I), 586 (I), 587 (I), 594 (I), 595 (I), 596 (I), 599 (I), 603 (I), 606 (I), 611 (I), 614 (I), 617 (I), 619 (I), 622 (I), 623 (I), 624 (I), 627 (I), 632 (I), 636 (I), 641 (I), 642 (I), 647 (I), 20 (II), 22 (II), 28 (II), 30 (II), 31 (II), 93 (II), 105 (II), 121 (II), 141 (II), 159 (II), 160 (II), 186 (II), 187 (II), 195 (II), 199 (II), 219 (II), 221 (II), 230 (II), 240 (II), 243 (II), 296 (II), 301 (II), 302 (II), 407 (II), 430 (II), 431 (II), 433 (II), 434 (II), 435 (II), 464 (II), 468 (II), 480 (II)
миграционизм полицентрический 426 (I), 477 (I), 516 (I), 577 (I)
миграционизм центробежный 374 (I), 375 (I), 599 (I)
микенская культура 72 (I), 370 (I), 376 (I), 404 (I), 407 (I), 413 (I), 415 (I), 416 (I), 420 (I), 421 (I), 423 (I), 580 (I), 128 (II)
минойская культура 416 (I), 419 (I), 420 (I), 421 (I), 422 (I), 424 (I), 425 (I), 432 (I)
мировая археология 11 (I), 20 (I), 23 (I), 34 (I), 596 (I), 641 (I), 3 (II), 4 (II), 22 (II), 230 (II), 383 (II), 389 (II), 391 (II), 428 (II), 475 (II), 487 (II), 489 (II)
мистика 141 (I), 145 (I), 192 (I), 206 (I), 112 (II), 199 (II), 337 (II), 342 (II), 343 (II), 344 (II)
«могилы великанов» 52 (I), 94 (I)
модернизм 202 (II), 339 (II), 340 (II), 341 (II), 477 (II)
модули 277 (II), 279 (II)
мозаичная структура общества 399 (II)
моногенез 112 (I), 143 (I)
монотетический принцип 270 (II)
морфогенез 305 (II)
мумии, мумификация 146 (I), 241 (I), 561 (I), 562 (I), 564 (I), 565 (I), 566 (I), 567 (I), 575 (I), 611 (I)

«народ кубков» 554 (I), 595 (I)
народный дух 300 (I), 366 (I), 372 (I), 517 (I), 520 (I)
народы исторические 366 (I)
народы неисторические 366 (I), 181 (II), 183 (II)
наскальные изображения 472 (I), 473 (I)
наследие классическое 89 (I), 106 (I), 107 (I), 113 (I), 414 (II)
натурализм (уподобление естественным наукам) 355 (I)
научность 44 (I), 62 (I), 481 (I), 553 (I), 43 (II), 73 (II), 121 (II), 130 (II), 339 (II), 343 (II), 369 (II), 376 (II), 379 (II), 413 (II), 418 (II), 437 (II)
неандерталец 347 (I), 364 (I), 467 (I), 468 (I), 468 (I), 469 (I), 470 (I), 471 (I), 487 (I), 265 (II), 317 (II), 462 (II)
невидимые города 57 (I), 58 (I)
немецкая историческая школа 301 (I), 366 (I), 367 (I), 368 (I), 119 (II), 120 (II)
немецкая классическая философия 365 (I)
неодарвинизм 448 (II)
неокантианство 358 (I), 360 (I), 367 (I), 368 (I), 602 (I), 202 (II), 241 (II)
неоклассицизм 165 (I), 178 (I), 181 (I), 182 (I), 187 (I), 290 (I)
неолит 16 (I), 48 (I), 51 (I), 52 (I), 56 (I), 121 (I), 271 (I), 274 (I), 318 (I), 326 (I), 332 (I), 334 (I), 338 (I), 373 (I), 378 (I), 419 (I), 444 (I), 453 (I), 454 (I), 455 (I), 474 (I), 484 (I), 487 (I), 494 (I), 496 (I), 510 (I), 511 (I), 536 (I), 548 (I), 551 (I), 564 (I), 586 (I), 597 (I), 623 (I), 624 (I), 625 (I), 626 (I), 649 (I), 27 (II), 28 (II), 34 (II), 46 (II), 71 (II), 108 (II), 132 (II), 138 (II), 156 (II), 162 (II), 167 (II), 176 (II), 180 (II), 181 (II), 184 (II), 195 (II), 196 (II), 197 (II), 198 (II), 263 (II), 285 (II), 296 (II), 297 (II), 300 (II), 301 (II),

336 (II), 367 (II), 369 (II), 396 (II), 402 (II), 429 (II), 431 (II), 443 (II)
неолитические походы индогерманцев 510 (I), 511 (I), 515 (I)
неомарксизм 299 (II), 406 (II), 476 (II)
неопозитивизм 33 (I), 135 (II), 203 (II), 204 (II), 218 (II), 225 (II), 237 (II), 238 (II), 264 (II), 267 (II)
неорационализм 203 (II), 204 (II), 206 (II)
неоромантизм 367 (I)
нео-традиционализм 338 (II)
неоэволюционизм 30 (I), 35 (I), 470 (I), 529 (I), 24 (II), 30 (II), 34 (II), 35 (II), 41 (II), 52 (II), 53 (II), 56 (II), 57 (II), 59 (II), 92 (II), 94 (II), 106 (II), 115 (II), 133 (II), 156 (II), 216 (II), 219 (II), 232 (II), 236 (II), 237 (II), 251 (II), 286 (II), 296 (II), 305 (II), 339 (II), 460 (II), 461 (II), 467 (II), 470 (II), 471 (II), 476 (II), 477 (II), 488 (II)
непредсказуемое изменение 26 (I)
новая археология 18 (I), 29 (I), 547 (I), 20 (II), 22 (II), 34 (II), 36 (II), 61 (II), 85 (II), 93 (II), 103 (II), 107 (II), 108 (II), 109 (II), 115 (II), 133 (II), 135 (II), 142 (II), 168 (II), 199 (II), 216 (II), 225 (II), 229 (II), 230 (II), 231 (II), 232 (II), 234 (II), 235 (II), 236 (II), 238 (II), 239 (II), 240 (II), 241 (II), 242 (II), 244 (II), 245 (II), 249 (II), 250 (II), 251 (II), 252 (II), 253 (II), 254 (II), 255 (II), 257 (II), 258 (II), 269 (II), 272 (II), 274 (II), 279 (II), 280 (II), 281 (II), 282 (II), 283 (II), 284 (II), 285 (II), 286 (II), 287 (II), 288 (II), 293 (II), 295 (II), 296 (II), 302 (II), 303 (II), 304 (II), 305 (II), 306 (II), 309 (II), 310 (II), 312 (II), 314 (II), 315 (II), 316 (II), 318 (II), 322 (II), 327 (II), 328 (II), 329 (II), 333 (II), 336 (II), 337 (II), 338 (II), 339 (II), 345 (II), 357 (II), 358 (II), 359 (II), 360 (II), 361 (II), 364 (II), 365 (II), 366, 371 (II), 376 (II), 378 (II), 401 (II), 407 (II), 409 (II), 417 (II), 429 (II), 432 (II), 435 (II), 437 (II), 439 (II), 446 (II), 470 (II), 473 (II), 475 (II), 476 (II), 477 (II), 484 (II), 485 (II)
новая география 547 (I), 229 (II), 262 (II), 275 (II), 338 (II), 480 (II)
новая история 229 (II)
новая этнография — этносемантика 75 (II), 76 (II), 336 (II)
«новое учение о языке» 9 (II), 10 (II), 11 (II), 14 (II), 18 (II), 20 (II), 430 (II)
номотетические науки 367 (I), 202 (II), 239 (II), 241 (II)
нордические арийцы 379 (I), 509 (I), 511 (I), 27 (II)
нормативная археология 210 (II), 366 (II)

оазисная гипотеза 528 (I), 27 (II)
обейдская культура 429 (I), 430 (I)
обеспечение пищей 536 (I), 58 (II)
образ мышления средневековый 87 (I), 88 (I)
описание, правила описания 207 (II)
«описание с нажимом» 354 (II), 367 (II)
оппозиции 233 (I), 358 (I), 365 (I), 385 (I), 520 (I), 20 (II), 62 (II), 71 (II), 73 (II), 74 (II), 75 (II), 78(II), 339 (II), 398 (II), 441 (II), 454 (II)
оптимизм гносеологический (эпистемологический) 245 (II), 310 (II), 437 (II)
ориентоцентризм 88 (I), 98 (I)
ориньякская баталия 473 (I), 475 (I)
«отец археологии» 42 (I), 43 (I), 44 (I), 47 (I), 129 (I), 169 (I)

палеоантропология 377 (I), 466 (I), 467 (I), 471 (I), 485 (I), 486 (I), 487 (I), 433 (II)
палеолит 12 (I), 16 (I), 17 (I), 23 (I), 35 (I), 222 (I), 223 (I), 251 (I), 274 (I), 280 (I), 281 (I), 289 (I), 318 (I), 326 (I), 328 (I), 331 (I), 332 (I), 334 (I), 335 (I), 336 (I), 339 (I), 340 (I), 342 (I), 441 (I), 453 (I), 454 (I), 465 (I), 467 (I), 469 (I), 471 (I), 472 (I), 473 (I), 474 (I), 475 (I), 477 (I), 478 (I), 479 (I), 480 (I), 482 (I), 484 (I) 487 (I), 542 (I), 544 (I), 546 (I), 577 (I), 645 (I), 646 (I), 647 (I), 648 (I), 19 (II), 21 (II), 28 (II), 52 (II), 53 (II), 57 (II), 68 (II), 108 (II), 162 (II), 183 (II), 196 (II), 243 (II), 317 (II), 407 (II), 431 (II), 432 (II), 461 (II), 462 (II)
палеонтология 17 (I), 42 (I), 171 (I), 167 (I), 218 (I), 261 (I), 262 (I), 267 (I), 268 (I), 278 (I), 279 (I), 280 (I),320 (I), 328 (I), 329 (I), 330 (I), 339 (I), 465 (I), 466 (I), 467 (I), 468 (I), 486 (I), 545 (I), 645 (I), 125 (II), 202 (II), 384 (II), 433 (II)
палеонтология человека 465 (I), 466 (I), 467 (I), 468 (I), 469 (I)
палеоэтнология 330 (I), 598 (I)
палеоэтнологическая школа 11 (II), 12 (II)

палинология 433 (II)
панвавилонизм 375 (I), 569 (I), 570 (I), 571 (I), 475 (II)
пангерманизм 375 (I)
пан-египетская школа 561 (I), 567 (I)
парадигмальное построение 249 (II)
парадигмы 23 (I), 28 (I), 29 (I), 30 (I), 35 (I), 87 (I), 88 (I), 334 (I), 363 (I), 547 (I), 643 (I), 25 (II), 71 (II), 121 (II), 231 (II), 332 (II), 350 (II), 351 (II), 384 (II), 385 (I), 386 (II), 444 (II), 470 (II), 474 (II), 477 (II)
партикуляризм 295 (I), 601 (I), 606 (I), 59 (II), 124 (II), 398 (II), 471 (II)
первобытное общество 13 (I), 14 (I), 61 (I), 62 (I), 319 (I), 386 (I), 538 (I), 541 (I), 559 (I), 16 (II), 19 (II), 26 (II), 28 (II), 63 (II), 70 (II), 299 (II), 394 (II), 421 (II), 438 (II), 444 (II), 459 (II)
пережитки 121 (I), 318 (I), 342 (I), 450 (I), 564 (I), 16 (II), 175 (II)
перекрестная датировка 453 (I), 454 (I), 579 (I), 580 (I)
периодизация изофеноменологическая 484 (I)
периодизация изохронологическая 484 (I)
периодизация палеолита палеонтологическая 280 (I), 281 (I)
периодика археологическая 148 (I), 4 (II)
персонализм 397 (II)
петроглифы 53 (I), 56 (I), 61 (I), 16 (II), 221 (II), 245 (II)
пещерная живопись 388 (I), 473 (I), 475 (I), 477 (I), 83 (II), 84 (II), 90 (II)
пильтдаунский человек 469 (I), 470 (I)
пирамиды 80 (I), 93 (I), 112 (I), 114 (I), 185 (I), 238 (I), 241 (I), 252 (I), 253 (I), 254 (I), 256 (I), 529 (I), 546 (I), 556 (I), 565 (I), 579 (I), 580 (I), 10 (II), 217 (II), 430 (II)
питекантроп 338 (I), 347 (I), 364 (I), 469 (I)
пищевые области 605 (I)
плионы 222 (II)
плюрализм 24 (I), 92 (II), 168 (II), 204 (II), 251 (II), 362 (II), 385 (II), 471 (II), 480 (II)
погребальные урны 58 (I), 160 (I), 120 (I), 148 (I), 156 (I), 211 (I), 214 (I), 217 (I), 403 (I), 415 (I)
подбор археологических прецедентов 518 (I)
подражание 65 (I), 66 (I), 76 (I), 104 (I), 108 (I), 164 (I), 178 (I), 180 (I), 275 (I), 276 (I), 361 (I), 372 (I), 384 (I), 385 (I), 386 (I), 388 (I), 419 (I), 446 (I), 525 (I), 548 (I), 644 (I), 658 (I), 27 (II), 136 (II), 186 (II), 264 (II), 430 (II), 450 (II), 453 (II), 456 (II)
позитивизм 17 (I), 20 (I), 27 (I), 33 (I), 34 (I), 35 (I), 316 (I), 329 (I), 366 (I), 459 (I), 590 (I), 603 (I), 664 (I), 52 (II), 77 (II), 118 (II), 119 (II), 123 (II), 125 (II), 135 (II), 181 (II), 218 (II), 225 (II), 237 (II), 238 (II), 247 (II), 264 (II), 267 (II), 269 (II), 332 (II), 360 (II)
поклонение реликвиям 96 (I)
«ползучий эмпиризм» 14 (II), 118 (II)
полигенез 112 (I), 133 (I)
полигоны Тиссена 547 (I), 277 (II)
политетический принцип 271 (II)
полицентрический миграционизм 426 (I), 477 (I), 516 (I), 577 (I), 586 (I)
польско-немецкая археологическая баталия 522 (I)
понимание (Verstehen) 345 (II), 355 (II)
популяризация археологии 16 (I), 459 (I), 507 (I), 621 (I)
порегионное разнообразие 26 (I)
порождающая грамматика 63 (II), 64 (II)
послойно-квадратный метод 423 (I), 678 (I)
послойные раскопки 304 (I), 668 (I), 114 (II)
поссибилизм 538 (I), 573 (I), 53 (II)
постижение прошлого 435 (II)
пост-марксизм 413 (II), 414 (II)
постмодернизм 35 (I), 335 (II), 339 (II), 340 (II), 342 (II), 354 (II), 356 (II), 357 (II), 361 (II), 375 (II), 377 (II), 378 (II), 379 (II), 380 (II), 381 (II), 401 (II), 437 (II), 439 (II), 480 (II)
постпозитивизм 237 (II), 238 (II), 268 (II)
пост-процессуализм 35 (I) 90 (II), 335 (II), 338 (II), 339 (II), 340 (II), 360 (II), 361 (II), 362 (II), 365 (II), 367 (II), 370 (II), 373 (II), 375 (II), 377 (II), 381 (II), 383 (II), 384 (II), 385 (II), 386 (II), 387 (II), 391 (II), 396 (II), 401 (II), 408 (II), 410 (II), 412 (II), 419 (II), 422 (II), 423 (II), 428 (II), 432 (II), 439 (II), 445 (II), 467 (II), 471 (II), 475 (II), 480 (II), 481 (II), 488 (II)
потребительское общество 341 (II), 371 (II)
прародина 380 (I), 382 (I), 432 (I), 493 (I), 496 (I), 511 (I), 515 (I), 516 (I), 517 (I), 518 (I), 520 (I), 610 (I), 177 (II)

преадамиты 133 (I)
предпонимание 370 (II)
преемственность идей, школ 12 (I), 155 (I), 194 (I), 205 (I), 526 (I), 599 (I), 35 (II), 204 (II), 332 (II), 414 (II)
преемственность культурная (преемственность развития) 24 (I), 25 (I), 52 (I), 57 (I), 274 (I), 298 (I), 316 (), 320 (I), 322 (I), 345 (I), 348 (I), 366 (I), 373 (I), 382 (I), 431 (I), 433 (I), 447 (I), 451 (I), 452 (I), 457 (I), 460 (), 474 (I), 475 (I), 477 (I), 488 (I), 494 (I), 495 (I), 510 (I), 516 (I), 520 (I), 525 (I), 586 (I), 636 (I), 642 (I), 19 (II), 56 (II), 80 (II), 105 (II), 106 (II), 108 (II), 173 (II), 181 (II), 184 (II), 187 (II), 197 (II), 198 (II), 199 (II), 221 (II), 227 (II), 258 (II), 306 (II), 434 (II), 435 (II)
преистория 13 (I), 14 (I), 24 (I), 65 (I), 72 (I), 227 (I), 331 (I), 332 (I), 345 (I), 367 (I), 475 (I), 497 (I), 542 (I), 544 (I), 645 (I), 25 (II), 26 (II), 33 (II), 34 (II), 40 (II), 53 (II), 61 (II), 80 (II), 83 (II), 105 (II), 106 (II), 108 (II), 113 (II), 125 (II), 126 (II), 127 (II), 131 (II), 136 (II), 137 (II), 156 (I), 158 (II), 159 (II), 161 (II), 162 (II), 163 (II), 166 (II), 167 (II), 172 (II), 173 (II), 176 (II), 177 (II), 178 (II), 179 (II), 180 (II), 181 (II), 182 (II), 184 (II), 186 (II), 187 (II), 189 (II), 199 (II), 202 (II), 224 (II), 272 (II), 274 (II), 280 (II), 294 (II), 295 (II), 296 (II), 298 (II), 305 (II), 310 (II), 331 (II), 384 (II), 394 (II), 401 (II), 402 (II), 411 (II), 412 (II), 418 (II), 428 (II), 437 (II), 445 (II), 458 (II), 459 (II), 461 (II), 462 (II), 464 (II)
признаки науки 28 (I), 45 (I), 46 (I), 62 (I), 78 (I)
примитивное общество 394 (II), 395 (II)
природа человека 346 (I), 42 (II), 407 (II), 416 (II), 450 (II), 451 (II), 454 (II), 455 (II), 458 (II), 462 (II), 464 (II)
провиденциализм 88 (I)
провинции 78 (I), 127 (I), 214 (I), 271 (I), 328 (I), 357 (I), 466 (I), 482 (I), 503 (I), 570 (I), 634 (I), 667 (I), 675 (I), 39 (II), 112 (II), 420 (II)
прогресс 68 (I), 70 (I), 71 (I), 123 (I), 131 (I), 151 (I), 167 (I), 217 (I), 218 (I), 221 (I), 226 (I), 230 (I), 281 (I), 283 (I), 294 (I), 315 (I), 317 (I), 318 (I), 320 (I), 322 (I), 323 (I), 326 (I), 327 (I), 329 (I), 332 (I), 333 (I), 335 (I), 336 (I), 337 (I), 342 (I), 343 (I), 348 (I), 362 (I), 367 (I), 368 (I), 371 (I), 446 (I), 447 (I), 469 (I), 477 (I), 484 (I), 487 (I), 488 (I), 509 (I), 514 (I), 518 (I), 534 (I), 537 (I), 538 (I), 539 (I), 540 (I), 546 (I), 561 (I), 566 (I), 571 (I), 583 (I), 586 (I), 589 (I), 594 (I), 603 (I), 604 (I), 610 (I), 617 (I), 618 (I), 619 (I), 631 (I), 662 (I), 667 (I), 20 (II), 22 (II), 29 (II), 38 (II), 53 (II), 55 (II), 56 (II), 59 (II), 77 (II), 95 (II), 106 (II), 108 (II), 123 (II), 131 (II), 136 (II), 160 (I), 181 (II), 184 (II), 327 (II), 350 (II), 352 (II), 379 (II), 434 (II), 449 (II), 458 (II), 459 (II), 461 (II), 472 (II), 474 (II), 475 (II)
прогресса концепция 70 (I)
прогрессизм 282 (I), 283 (I), 315 (I), 463 (I), 543 (I), 598 (I)
протестантизм 366 (II)
протокольные предложения 138 (II), 237 (II)
протолит 484 (I)
процедура дедуктивистская 248 (II)
процедура дедуктивная 247 (II), 248 (II)
процедура индуктивистская 248 (II)
процедура индуктивная 458 (I), 100 (II), 138 (II), 248 (II), 263 (II), 266 (II), 267 (II)
процедура проблемно-установочная 100 (II)
процессуализм, процессуальная археология 19 (I), 35 (I), 36 (I), 59 (II), 216 (II), 229 (II), 231 (II), 240 (II), 246 (II), 252 (II), 253 (II), 256 (II), 257 (II), 284 (II), 286 (II), 303 (II), 304 (II), 309 (II), 311 (II), 313 (II), 318 (II), 319 (II), 327 (II), 328 (II), 335 (II), 338 (II), 339 (II), 363 (II), 376 (II), 382 (II), 386 (II), 387 (II), 403 (II), 435 (II), 441 (II), 445 (II), 476 (II), 479 (II)
«прямой исторический подход» 335 (I), 95 (II)
психическое единство человеческого рода 315 (I)
психология коллективная 300 (I), 301 (I), 302 (I) 384 (I), 385 (I), 451 (II)
пунктуализм 449 (II)

Радиоуглеродная Революция 625 (I), 158 (II), 297 (II), 298 (II), 433 (II), 476 (II)
радиоуглеродный метод датирования 29 (I), 433 (I), 454 (I), 543 (I), 592 (I), 621 (I), 625 (I), 629 (I), 85 (II), 297 (II)

развитие нелинейное 26 (I), 29 (I)
развитие циклическое 26 (I)
развитие, неравномерность развития 315 (I), 323 (I), 330 (I), 419 (II)
развитие, постепенность развития 316 (I), 322 (I), 457 (I), 24 (II), 30 (II), 51 (II), 52 (II), 80 (II), 305 (II)
разграбление древностей 89 (I), 94 (I), 238 (I), 259 (I), 109 (II)
РАИМК — ГАИМК 678 (I), 4 (II), 5 (II), 11 (II), 14 (II), 15 (II), 16 (II), 17 (II), 18 (II)
раннединастический период 429 (I), 430 (I), 431 (I), 51 (II)
ранцевый анализ 249 (II)
раса 224 (I), 225 (I), 230 (I), 334 (I), 335 (I), 337 (I), 353 (I), 377 (I, 378 (I), 379 (I), 482 (I), 496 (I), 509 (I), 510 (I), 517 (I), 519 (I). 520 (I), 556 (I), 563 (I), 564 (I), 566 (I), 70 (II), 127 (II), 164 (II), 198 (II),
раса восточнобалтийская 378 (I)
раса динарская 378 (I)
раса мегалитическая 554 (I), 563 (I), 566 (I), 627 (I), 159 (II)
раса нордическая 378 (I), 379 (I), 509 (I), 510 (I), 515 (I), 520 (I), 614 (I)
раса средиземноморская 378 (I), 564 (I), 566 (I)
раскопки теллей 612 (I), 58 (II)
расовая теория 349 (I), 377 (I), 378 (I), 379 (I), 392 (I), 509 (I), 513 (I), 519 (I), 27 (II), 172 (II), 362 (II), 398 (II)
распакованная неолитическая революция 396 (II)
рационализм 20 (I), 122 (I), 182 (I), 119 II), 141 (II), 204 (II), 217 (II), 224 (II), 238 (II), 345 (II)
ревеляционизм 88 (I)
ревизионизм 406 (II)
революции (научные) 26 (I), 28 (I), 29 (I0, 33 (I), 34 (I), 111 (I), 122 (I), 124 (I), 131 (I), 132 (I), 228 (I), 244 (I), 251 (I), 261 (I), 3 (II), 93 (II), 250 (II), 308 (II), 350 (II)
революция городская 28 (II), 34 (II)50 (II), 51 (II), 233 (II), 287 (II), 305 (II), 337 (II)
революция неолитическая 546 (I), 28 (II), 44 (II), 45 (II), 46 (II), 48 (II), 59 (II), 233 (II), 286 (II), 337 (II), 396 (II), 429 (II)
регрессивная пурификация 193 (II), 199 (II)
редакции 661 (I)
редукционизм 24 (I), 204 (II), 237 (II), 267 (II), 268 (II), 269 (II), 461 (II)
резиденция 108 (II)
реконструкция археологическая 245 (II), 319 (II), 370 (II)
религиозное почитание древностей 48 (I), 68 (I), 98 (I)
релятивизм 12 (I), 246 (II), 352 (II), 360 (II), 361 (II), 362 (II), 389 (II), 395 (II), 417 (II), 485 (II)
ремонтаж 115 (II), 116 (II)
ретроспективный метод 510 (I), 515 (I), 516 (I), 520 (I), 527 (I)
рефлексивная методология 370 (II)
Реформация 59 (I), 101 (I), 104 (I), 111 (I), 112 (I), 113 (I), 118 (I), 119 (I), 120 (I), 132 (I), 154 (I), 157 (I), 238 (I), 244 (I), 254 (I), 251 (II)
ризома 342 (II), 353 (II), 355 (II), 399 (II)
романтизм 20 (I), 33 (I), 35 (I), 43 (I), 145 (I), 182 (I), 192 (I), 205 (I), 206 (I), 209 (I), 210 (I), 211 (I), 214 (I), 235 (I), 236 (I), 274 (I)

«самородные грошки» 58 (I), 59 (I), 119 (I)
самостоятельность археологии 13 (I), 47 (I), 458 (I), 18 (I), 127 (II),
сверхцентрадизованная власть, ее дестабилизирующее воздействие 51 (II)
связи негативные 282 (II), 284 (II), 286 (II)
связи обратные 272 (II), 284 (II), 286 (II), 287 (II), 293 (II), 297 (II), 307 (II)
связи позитивные 284 (II), 287 (II), 293 (II), 297 (II), 307 (II)
сегмент (способ раскопок по сегментам) 148 (I)
секвенция 522 (I), 526 (I), 310 (II), 464 (II), 465 (II)
секвенция колонная 465 (II)
секвенция трассовая 465 (I), 466 (II)
селектогенез 448 (II)
селекционизм 449 (II), 454 (II), 455 (II), 468 (II), 478 (II)
семантический позитивизм 238 (II)
семейные сходства 269 (II)
семиотика 64 (II), 238 (II)
сериация 9 (I), 462 (I), 583 (I), 606 (I), 607 (I), 637 (I), 638 (I), 639 (I), 647 (I), 655 (I), 88 (II), 142 (II), 151 (II), 454 (II)
символы 55 (I), 75 (I), 89 (I), 274 (I), 300 (I), 320 (I), 368 (I), 418 (I), 473 (I), 513 (I), 660 (I), 37 (II), 64 (II), 71 (II), 74 (II), 80 (II), 82 (II), 91 (II), 207 (II), 238 (II), 298 (II), 301 (II), 336 (II), 338 (II),

354 (II), 358 (II), 359 (II), 360 (II), 361 (II), 364 (II), 365 (II), 367 (II), 371 (II), 375 (II), 402 (II), 414 (II), 440 (II), 441 (II), 443 (II)
Синтетическая Теория Эволюции 448 (II)
синтетические высказывания 237 (II)
система динамическая 242 (II), 272 (II), 273 (II)
система коммуникации 325 (II), 466 (II), 478 (II)
система органическая 242 (II), 246 (II), 284 (II)
система трех веков 47 (I), 71 (I), 215 (I), 216 (I), 218 (I), 222 (I), 224 (I), 229 (I), 231 (I), 232 (I), 235 (I), 351 (I), 440 (I), 586 (I), 21 (II), 46 (II), 274 (II), 472 (II), 473 (II)
система трех веков, сопротивление ей 230 (I), 334 (I), 343 (I), 344 (I), 345 (I), 179 (II), 394 (II)
системный подход 644 (I), 48 (II), 59 (II), 61 (II), 242 (II), 244 (II), 251 (II), 252 (II), 272 (II), 273 (II), 299 (II), 305 (II), 306 (II), 309 (II), 310 (II), 358 (II), 360 (II), 401 (II), 419 (II)
системы обеспечения средств к существованию 286 (II)
ситуация социальная 400 (II)
скреперы 85 (I), 598 (I)
«следовики» 56 (I)
смена культур 23 (I), 345 (I), 370 (I), 412 (I), 429 (I), 464 (I), 476 (I), 561 (I), 565 (I), 577 (I), 586 (I), 587 (I), 598 (I), 657 (I), 186 (II), 195 (II), 196 (II), 199 (II), 244 (II), 272 (II), 306 (II), 325 (II), 466 (II)
смешивание, скрещивание 356 (I), 357 (I), 358 (I), 544 (I), 560 (I), 561 (I), 586 (I), 657 (I), 658 (I), 665 (I), 670 (I), 10 (II), 20 (II), 87 (II), 92 (II), 147 (II)
советская археология 6 (I), 7 (I), 23 (I), 24 (I), 44 (I), 64 (I), 526 (I), 614 (I), 650 (I), 653 (I), 18 (II), 30 (II), 33 (II), 57 (II), 115 (II), 118 (II), 140 (II), 178 (II), 185 (II), 192 (II), 203 (II), 206 (II), 230 (II), 234 (II), 244 (II), 254 (II), 296 (II), 297 (II), 301 (II), 307 (II), 407 (II), 412 (II), 413 (II), 415 (II), 432 (II), 434 (II), 435 (II), 477 (II)
сопрягательный подход 97 (II), 101 (II), 115 (II), 364 (II), 473 (II)
сопряжение 435 (I), 667 (I), 108 (II), 260 (II), 265 (II), 425 (II), 437 (II)
социальная археология 20 (I), 531 (I), 546 (I), 300 (II), 301 (II), 335 (II), 401 (II), 440 (II)
социальная стратификация 301 (II), 337 (II), 484 (II)
социобиология 450 (II), 451 (II), 452 (II), 453 (II), 460 (II)
социологизация археологии 22 (I), 17 (II)
социология 7 (I), 13 (I), 28 (I), 31 (I), 284 (I), 382 (I), 385 (I), 458 (I), 59 (II), 94 (II), 96 (II), 99 (II), 112 (II), 164 (II), 182 (II), 197 (II), 202 (II), 203 (II), 239 (II), 252 (II), 353 (II), 365 (II), 370 (II), 383 (II), 396 (II), 416 (II), 450 (II), 481 (II)
сочетаемость вещей в комплексах 452 (I)
«Спасение» (британская группа) 302 (II), 303 (II)
«Спасение» (ленинградская группа) 308
список признаков 606 (I), 635 (I), 643 (I), 205 (II), 232 (II), 242 (II), 243 (II), 270 (II)
списочно-элементный подход 606 (I), 635 (I)
споро-пыльцевой анализ 529 (I), 541 (I), 548 (I)
Среднезападный Таксономический Метод 634 (I), 635 (I), 643 (I), 95 (II), 107 (II)
«стадиальные переходы» 20 (II)
статусный набор 301 (II)
стратиграфическая революция 475 (I), 606 (I), 631 (I), 632 (I)
стратиграфия 25 (I), 34 (I), 47 (I), 137 (I), 145 (I), 153 (I), 155 (I), 213 (I), 216 (I), 223 (I), 230 (I), 248 (I), 271 (I), 273 (I), 281 (I), 295 (I), 304 (I), 310 (I), 311 (I), 324 (I), 330 (I), 359 (I), 401 (I), 423 (I), 449 (I), 467 (I), 473 (I), 474 (I), 475 (I), 479 (I), 480 (I), 541 (I), 559 (I), 579 (I), 585 (I), 592 (I), 599 (I), 606 (I), 607 (I), 619 (I), 620 (I), 626 (I), 630 (I), 631 (I), 632 (I), 634 (I), 637 (I), 21 (II), 133 (II), 203 (II), 486 (II)
«строители холмов» 253 (I), 254 (I), 255 (I), 256 (I), 257 (I), 258 (I), 335 (I), 640 (I), 122 (II), 472 (II)
структурация 400 (II), 422 (II)
структурные позы 244 (II), 249 (II), 317 (II), 326 (II)
Стоунхендж 52 (I), 94 (I), 101 (I), 122 (I), 140 (I), 143 (I), 144 (I), 145 (I), 210 (I), 212 (I), 579 (I), 597 (I), 598 (I), 235 (II), 297 (II), 300 (II), 303 (II), 402 (II)

Субстрат 349 (I), 382 (I), 657 (I), 658 (I), 670 (I), 9 (II), 10 (II), 69 (II), 466 (II)
сумматоры первобытной археологии 124 (II)
сциентизм 202 (II), 203 (II), 237 (II), 239 (II), 249 (II), 267 (II), 476 (II)
сциентификация 43 (II), 217 (II), 224 (II), 227 (II), 449 (II)

ТАГ (Группа Теоретической Археологии) 302 (II), 377 (II), 484 (II)
таксономизм 25 (I), 630 (I), 631 (I), 640 (I), 645 (I), 647 (I), 648 (I), 654 (I), 4 (II), 90 (II), 95 (II), 101 (II), 106 (II), 110 (II), 112 (II), 133 (II), 145 (II), 146 (II), 148 (II), 470 (II), 477 (II)
таксономия 630 (I), 632 (I), 637 (I), 644 (I), 646 (I), 147 (II), 270 (II)
таксономия нумерическая 270 (II)
таксономия числовая 270 (II), 280 (II)
тезаурус 149 (I)
телеконнексия 480 (II), 483 (II)
теоретизм 22 (II), 119 (II)
теоретическая археология 6 (I), 113 (II), 135 (II), 210 (II), 213 (II), 234 (II), 246 (II), 254 (II), 296 (II), 304 (II), 306 (II), 314 (II), 325 (II), 333 (II), 359 (II), 383 (II), 384 (II), 385 (II), 386 (II), 389 (II), 394 (II), 426 (II), 481 (II)
теория активности 400 (II), 401 (II), 402 (II), 403 (II), 420 (II), 421 (II), 422 (II), 476 (II), 478 (II)
теория внешних связей 276 (II)
теория двойной наследственности 456 (II), 457 (II)
теория жизненного цикла 461 (II)
теория изолированных поселений 275 (II)
теория катастроф топологическая 282 (I), 319 (I), 304 (II), 305 (II), 306 (II)
теория коммуникации 325 (II), 464 (II), 466 (II), 478 (II)
теория мировой системы 309 (II)
теория оптимального собирательства 460 (II)
теория приспособления к материальному миру 439 (II), 440 (II), 441 (II), 442 (II), 443 (II), 444 (II), 445 (II)
теория ролевого поведения 397 (II), 398 (II)
Теория Среднего Ряда (Уровня) 326 (II), 327 (II), 328 (II), 331 (II), 383 (II)
теория стадиальности 656 (I), 18 (II), 19 (II), 20 (II), 23 (II), 30 (II), 145 (II), 297 (II), 433 (II), 476 (II)
теория центрального места 276 (II)
термин «археология» 44 (I), 45 (I), 82 (I), 83 (I), 84 (I), 136 (I), 172 (I), 197 (I),
техноморфология 53 (II)
тип археологический 549 (I), 663 (I)
тип иконографический 660 (I), 663 (I)
тип-листы 646 (I), 647 (I), 648 (I), 205 (II)
типологический метод 37 (I), 43 (I), 439 (I), 441 (I), 443 (I), 444 (I), 445 (I), 446 (I), 447 (I), 451 (I), 452 (I), 457 (I), 461 (I), 494 (I), 524 (I), 525 (I), 619 (I), 650 (I), 652 (I), 653 (I), 661 (I), 118 (II), 127 (II), 180 (II), 182 (II), 219 (II), 226 (II), 381 (II)
типологический рудимент 449 (I), 450 (I), 451 (I)
типологический ряд 25 (I), 135 (I), 275 (I), 443 (I), 445 (I), 446 (I)
типология 25 (I), 34 (I), 140 (I), 141 (I), 145 (I), 151 (I), 155 (I), 228 (I), 299 (I), 369 (I), 417 (I), 440 (I), 441 (I), 444 (I), 445 (I), 446 (I)
типус культуры 348 (I), 370 (I), 409 (I)
типы дескриптивные 639 (I)
типы культурные 40 (II), 100 (II), 111 (II), 143 (II), 266 (I), 267 (II)
типы маркерные 639 (I)
типы условные 88 (II), 153 (II), 271 (II)
типы эмпирические 91 (II), 100 (II), 136 (II), 212 (II), 265 (II), 267 (II)
топографически-археологические обозрения 108 (I)
торговообменные связи 587 (I)
траектория культуры 272 (II), 273 (II)
трансмиссия 354 (I), 357 (I), 360 (I), 361 (I), 362 (I), 368 (I), 372 (I), 373 (I), 374 (I), 383 (I), 386 (I), 387 (I), 388 (I), 412 (I), 455 (I), 561 (I), 563 (I), 566 (I), 570 (I), 571 (I), 586 (I), 595 (I), 604 (I), 605 (I), 607 (I), 611 (I), 614 (I), 617 (I), 619 (I), 622 (I), 627 (I), 629 (I), 641 (I), 642 (I), 644 (I), 652 (I), 22 (II), 221 (II), 230 (II), 457 (II), 465 (II), 468 (II)
трансформизм 103 (I), 328 (I), 340 (I)
трансформы 321 (II), 328 (II), 329 (II)

университеты первые 103 (I)
униформизм 264 (I), 283 (I)
урукская культура 429 (I), 430 (I)

фактемы 86 (II)
фактопоклонники 664 (I), 668 (I), 678 (I)
факторный анализ 249 (II), 381 (II)
фальсификация (как испытание на прочность попытками опровергнуть) 238 (II), 444 (II)
фанатизм в археологии 408 (I), 574 (I), 575 (I)
фации 369 (I), 634 (I), 243 (II), 244 (II), 249 (II), 316 (II)
фейзы 633 (I)
феминизм 360 (II), 373 (II), 375 (II), 422 (II), 423 (II)
феноменология 33 (I), 345 (II), 445 (II)
физикализм 37 (II), 237 (II)
филогенетические связи культур 479 (I)
фильтры информации 549 (I), 311 (II), 312 (II), 313 (II), 325 (II)
филэллинизм 76 (I), 300 (I), 309 (I)
флювиалисты 261 (I), 264 (I), 265 (I)
фокус 634 (I), 635 (I)
формализация исследований 203 (II), 208 (II) 210 (II), 214 (II), 216 (II), 265 (II), 267 (II)
формализм 297 (I), 65 (II), 73 (II)
формализованная индукция 204 (II)
формемы 85 (II), 86 (II), 87 (II)
фотограмметрия 598 (I)
«фронт типов» 624 (I)
фундаментализм 88 (I), 131 (I)
функциоально-трасологический метод 15 (II), 21 (II)
функционализм 35 (I), 529 (I), 535 (I), 560 (I), 611 (I), 27 (II), 61 (II), 93 (II), 94 (II), 95 (II), 96 (II), 112 (II), 115 (II), 116 (II), 142 (II), 146 (II). 179 (II), 180 (II), 273 (II), 299 (II), 339 (II), 359 (II), 365 (II), 394 (II), 395 (II), 397 (II), 398 (II), 410 (II), 411 (II), 471 (II), 473 (II), 474 (II)

хабитат 538 (I)
хабитус 400 (II), 422 (II), 441 (II), 443 (II)
халдеи 250 (I), 426 (I), 428 (I), 429 (I), 430 (I)
христианство 59 (I), 87 (I), 95 (I), 98 (I), 112 (I), 120 (I), 143 (I), 206 (I), 301 (I), 327 (I), 386 (I), 463 (I), 484 (I), 487 (I), 72 (II), 414 (II)
хронология 12 (I), 16 (I), 25 (I), 26 (I), 82 (I), 83 (I), 84 (I), 102 (I), 104 (I), 217 (I), 232 (I), 237 (I), 242 (I), 244 (I), 257 (I), 258 (I), 262 (I), 281 (I), 295 (I), 406 (I), 409 (I), 410 (I), 419 (I), 423 (I), 433 (I), 439 (I), 443 (I), 444 (I), 447 (I), 452 (I), 453 (I), 454 (I), 458 (I), 460 (I), 467 (I), 469 (I), 583 (I), 586 (I), 587 (I), 588 (I), 589 (I), 596 (I), 599 (I), 609 (I), 624 (I), 625 (I), 627 (I), 631 (I), 633 (I), 639 (I), 647 (I), 661 (I), 85 (II), 95 (II), 98 (II), 99 (II), 105 (II), 106 (II), 123 (II), 124 (II), 132 (II), 138 (II), 157 (II), 162 (II), 164 (II), 169 (II), 182 (II), 198 (II), 224 (II), 225 (II), 227 (II), 297 (II), 322 (II), 381 (II), 429 (II), 430 (II), 433 (II)
хронология абсолютная 139 (I), 242 (I), 330 (I), 453 (I), 549 (I), 623 (I), 624 (I), 626 (I), 626 (I), 640 (I), 33 (II), 298 (II)
хронология библейская 88 (I), 101 (I),102 (I), 112 (I), 133 (I), 145 (I), 260 (I), 261 (I), 330 (I), 463 (I), 464 (I)
хронология длинная 453 (I), 455 (I), 457 (I), 515 (I), 584 (I), 612 (I)
хронология короткая 101 (I), 261 (I), 453 (I), 454 (I), 598 (I), 612 (I), 625 (I), 628 (I), 165 (II)
хронология относительная 47 (I), 227 (I), 228 (I), 229 (I), 332 (I), 359 (I), 444 (I), 451 (I), 494 (I), 582 (I), 587 (I), 624 (I), 653 (I), 430 (II)

цепи операций 54 (II), 83 (II), 115 (II), 212 (II)
цивилизации 85 (I), 112 (I), 113 (I), 182 (I), 210 (I), 215 (I), 227 (I), 234 (I), 238 (I), 251 (I), 252 (I), 253 (I), 254 (I), 256 (I), 258 (I), 311 (I), 312 (I), 319 (I), 323 (I), 327 (I), 332 (I), 333 (I), 334 (I), 337 (I), 367 (I), 370 (I), 375 (I), 405 (I), 409 (I), 412 (I), 416 (I), 418 (I), 419 (I), 420 (I), 421 (I), 424 (I), 425 (I), 432 (I), 433 (I), 455 (I), 514 (I), 525 (I), 555 (I), 556 (I), 558 (I), 562 (I), 566 (I), 569 (I), 570 (I), 571 (I), 573 (I), 580 (I), 586 (I), 593 (I), 606 (I), 607 (I), 610 (I), 611 (I), 616 (I), 618 (I), 627 (I), 629 (I), 669 (I), 670 (I), 676 (I), 678 (I), 679 (I), 28 (II), 36 (II), 45 (II), 48 (II), 49 (II), 51 (II), 56 (II), 59 (II), 108 (II), 113 (II), 167 (II), 180 (II), 233 (II), 240 (II), 291 (II), 293 (II), 296 (II), 305 (II), 336 (II), 337 (II), 373 (II), 380 (II), 385 (II), 407 (II), 442 (II), 458 (II), 464 (II), 472 (II), 475 (II)
цивилизационый коллапс 52 (II), 240 (II), 291 (II), 304 (II), 305 (II)

широкие раскопки поселений 114 (II)
школа археологии филологическая 202 (I), 205 (I), 206 (I)
школа баденская 358 (I), 367 (I), 368 (I), 602 (I), 202 (II)
школа исторической этнологии 601 (I)
школа кёльнская 358 (I)
школа манчестерская 561 (I), 565 (I), 627 (I)
школа неокантианства марбургская 368 (I)
школа фрейбургская 358 (I)
школы археологии, научные школы 363 (I), 551 (I), 34 (II), 130 (II), 220 (II)
шлюзы на пути информации о прошлом 325 (II)
шумероцентризм 375 (I)
шурфы 255 (I), 397 (I), 401 (I), 607 (I), 636 (I), 220 (II), 288 (II), 289 (II), 290 (II)

эволюционизм 34 (I), 282 (I), 283 (I), 315 (I), 316 (I), 317 (I), 319 (I), 329 (I), 334 (I), 335 (I), 337 (I), 338 (I), 339 (I), 342 (I), 363 (I), 366 (I), 368 (I), 371 (I), 439 (I), 443 (I), 447 (I), 456 (I), 463 (I), 464 (I), 465 (I), 473 (I), 478 (I0, 481 (I), 485 (I), 486 (I), 487 (I), 488 (I), 514 (I), 546 (I), 560 (I), 561 (I), 601 (I), 604 (I), 606 (I), 607 (I0, 610 (I), 618 (I), 619 (I), 651 (I), 654 (I), 657 (I), 662 (I), 4 (II), 24 (II), 25 (II), 30 (II), 32 (II), 35 (II), 40 (II), 48 (II), 52 (II), 56 (II), 59 (II), 92 (II), 95 (II), 108 (II), 116 (II), 120 (II), 130 (II), 133 (II), 160 (II), 181 (II), 216 (II), 296 (II), 394 (II), 395 (II), 433 (II), 445 (II), 448 (II), 455 (II), 463 (II), 467 (II), 468 (II), 470 (II), 473 (II), 474 (II), 475 (II), 476 (II), 478 (II), 480 (II)
эволюционизм катаклизмический 304 (II)
эволюционизм многолинейный 31 (II), 39 (II), 40 (II)
эволюционизм однолинейный 604 (I), 40 (II), 112 (II), 416 (II)
Эволюционизм Третий 448 (II), 466 (II), 467 (II), 476 (II), 477 (II)
эволюционизм эколого-демографический 461 (II)
эволюционизм универсальный 40 (II)
экзистенциализм 408 (II), 417 (II), 418 (II)
эклектизм 339 (II), 364 (II), 385 (II), 415 (II), 486 (II)
экологическая школа британская 528 (I)
экология 31 (I), 32 (I), 536 (I), 540 (I), 541 (I), 596 (I), 52 (II), 106 (II), 164 (II), 251 (II), 286 (II), 304 (II), 306 (II), 309 (II), 322 (II), 380 (II), 460 (II)
экология культурная 40 (II), 47 (II)
экология поведения человека 460 (II)
экономический базис 536 (I), 538 (I), 547 (I)29 (II), 409 (II), 418 (II)
экосистема 539 (I), 287 (II), 291 (II), 293 (II), 306 (II), 399 (II)
экспансия методологическая 480 (II)
экспертная система 215 (II), 217 (II)
экспликация 211 (II), 212 (II)
экстернализм 31 (I), 471 (II)
элементы культуры 318 (I), 357 (I), 359 (I), 360 (I), 361 (I), 362 (I), 368 (I), 370 (I), 383 (I), 495 (I), 511 (I), 517 (I), 561 (I), 563 (I), 570 (I), 603 (I), 604 (I), 611 (I), 644 (I), 40 (II), 129 (II), 140 (II), 242 (II), 243 (II), 245 (II), 313 (II), 318 (II), 319 (II), 380 (II), 450 (II), 453 (II)
эмпатия 345 (II), 354 (II), 362 (II)
эмпиризм 122 (I), 123 (I), 200 (I), 226 (I), 366 (I), 590 (I), 602 (I), 603 (I), 14 (II), 22 (II), 96 (II), 97 (II), 100 (II), 118 (II), 119 (II), 120 (II), 121 (II), 123 (II), 124 (II), 133 (II), 135 (II), 136 (II), 140 (II), 141 (II), 142 (II), 143 (II), 199 (II), 205 (II), 224 (II), 225 (II), 237 (II), 446 (II), 485 (II)
эмпирические школы 118 (II), 121 (II), 122 (II), 123 (II), 135 (II), 477 (II)
эолиты 330 (I), 331 (I), 332 (I), 338 (I), 464 (I), 474 (I), 477 (I), 122 (II)
эпиграфика 104 (I), 105 (I), 135 (I), 204 (I), 668 (I)
эпистемы 28 (I), 351 (II), 352 (II)
Эпоха Просвещения 34 (I), 35 (I), 60 (I), 111 (I), 124 (I), 143 (I), 144 (I), 145 (I), 146 (I), 147 (I), 151 (I), 154 (I), 158 (I), 177 (I), 181 (I), 182 (I), 206 (I), 217 (I), 238 (I), 260 (I), 261 (I), 266 (I), 282 (I), 360 (I), 365 (I), 351 (II)
Эсхатологизм 88 (I)
эсхатологический материализм 304 (II)
этика археологии, этика археолога 392 (II), 393 (II), 394 (II), 405 (II), 428 (II)
этническая атрибуция типа 517 (I)
этнические показатели 382 (I)
этнические ярлычки 232 (I)
этническое истолкование археологических культур 515 (I), 520 (I), 188 (II), 189 (II)
этническое истолкование культурной преемственности 516 (I), 520 (I), 189 (II)

этноархеология 246 (II), 303 (II), 315 (II), 316 (II), 317 (II), 322 (II), 326 (II), 360 (II)
этногенез 342 (I), 678 (I), 679 (I), 20 (II), 22 (II), 428 (II), 432 (II), 433 (II), 434 (II), 435 (II), 447 (II), 465 (II)
этнографические аналогии 151 (I), 228 (I), 537 (I), 21 (II), 50 (II), 83 (II), 108 (II), 245 (II), 252 (II), 256 (II)
этнографические предметы 353 (I), 355 (I), 357 (I), 359 (I), 361 (I)
этнографические раскопки 114 (II)
этноландшафтная теория 551 (I)
этология 450 (II), 451 (II)
эффект присутствия 355 (II)

язык научной документации 208 (II)
язык научный 208 (II)
язык обыденный 208 (II)
яфетическая теория 9 (II), 14 (II), 18 (II), 20 (II)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Арциховский А. В. 7 (II), 12 (II), 13 (II), 18 (II), 33 (II), 203 (II), 245 (II)
Аббас паша хедив Египта 242 (I)
Абрамова З. А. 477 (I)
Абрамович Р. А. 342 (II)
Август II Сильный, король Саксонии и Польши 153 (I), 162 (I)
Августин Св. Блаженный, епископ 83 (I), 98 (I), 102 (I)
Авелино Ф. М. (Avelino F. M.) 303 (I)
Аверкиева Ю. П. 38 (II)
Авиценна (Абу Али ал-Хусейн ибн Абд-Ал-ла ибн-Сина) 51 (I), 261 (I)
Агассиз Л. (Agassiz L.) 265 (I)
Агесилай царь Спарты 74 (I), 75 (I)
Адельсвар-Ферзан Ж. барон (Adelsvard-Fersen J.) 179 (I)
Адлер Фр. (Adler Fr.) 308 (I)
Адорно Т. (Adorno T.) 338 (II), 346 (II), 347 (II), 408 (II), 416 (II)
Адриан I папа римский 89 (I), 90 (I)
Адриан, Публий Элий, император 78 (I), 79 (I), 96 (I), 114 (I), 129 (I)
Айналов Д. В. 660 (I), 663 (I), 667 (I)
Аккоу П. Дж. (Ucko P. J.) 390 (II), 391 (II), 393 (II)
Александр VI Борджиа папа римский 107 (I)
Александров Д. А. 22 (I), 31 (I)
Алексеев В. М. 10 (II), 11 (II)
Алексей Комнин император 51 (I), 94 (I)
Алексэндер Р. Д. (Alexander R. D.) 450 (II), 451 (II)
Алиатт царь лидийский 80 (I)
Ал-Мамун халиф 93 (I)
Алмендариз Р. (Almendariz R.) 252 (I)
Алпатов В. М. 19 (II)
Альба герцог 478 (I)
Альбани А. кардинал (Albani A.) 159 (I), 164 (I), 176 (I), 184 (I), 185 (I)
Альберт I князь Монако 469 (I)
Альберт V герцог Баварии 113 (I)
Альберт принц 186 (I)
Альбин(ус) П. 59 (I), 120 (I) см. Вейссе
Альдрованди Улиссе (Aldrovandi Ulisse) 120 (I)
Алькубиерре Р. Х. (Alcubierre R. J.) 153 (I), 154 (I)
Альмгрен Б. (Almgren B.) 445 (I), 446 (I), 447 (I), 452 (I), 453 (I), 457 (I), 461 (I)
Альмгрен О. (Almgren O.) 456 (I)
Альтин К.-А. (Althin K.-A.) 183 (II)
Альтюсер Л. (Althusser L.) 133 (II), 372 (II), 408 (II), 409 (II). 418 (II), 419 (II), 423 (II)
Альфонсо д'Эсте (Alphonso d'Este) князь 114 (I)
Амальрик А. С. 42 (I), 43 (I), 47 (I), 106 (I), 170 (I), 171 (I)
Аменхотеп III 87 (I), 580 (I)
Аммерман Альб. (Ammerman Alb.) 623 (I), 300 (II)
Аммон (Ammon) 378 (I)
Амфиарай 80 (I)
Амфибал Св. 97 (I)
Андрэ В. (Andrae W.) 569 (I)
Аникович М. В. 17 (II), 23 (II), 427 (II)
Анкель К. (Ankel K.) 207 (II)
Анкерман Б. (Ankermann B.) 359 (I), 361 (I), 605 (I)
Анор Х. (Honour H.) 165 (I)
Антиной 78 (I),
Антоневич Вл. (Antoniewicz W.) 192 (II)
Антонин Тит Аврелий Фульв, император 78 (I)
Антонович В. Б. 57 (I), 667 (I)
Анучин Д. Н. 334 (I), 649 (I), 4 (II), 11 (II)

Аппадюрэ А. (Appadurai A.) 441 (II)
Аптекарь В. Б. 17 (II)
Арамбур К. (Arambourg C.) 470 (I)
Ардити М. (Arditi M.) 186 (I)
Аристов Н. Я. 53 (I), 393 (I)
Арканджели Фр. (Archangeli Fr.) 158 (I), 159 (I), 174 (I), 175 (I), 176 (I)
Аркинто А. (Archinto A.) 161 (I), 162 (I), 164 (I)
Арменини Дж. Б. (Armenini G. B.) 171 (I)
Арминий 210 (I)
Арндт 211 (I)
Арнкель Т. (Arnkel T.) 120 (I)
Арнолд Д. (Arnold D.) 88 (II)
Артамонов М. И. 514 (I), 613 (I), 21 (II), 33 (II), 301 (II), 434 (II), 458 (II)
Арциховский А. В. 7 (II), 12 (II), 13 (II), 18 (II)
Асколи Гр. (Ascoli Gr.) 382 (I), 657 (I)
Астрюк Ж. (Astruc J.) 143 (I), 588 (I)
Ассер Дж. (Ussher J.) 101 (I), 260 (I), 261 (I), 286 (I)
Аугусти Й. Кр. В. (Augusti J. Chr. W.) 224 (I)
Афанасий мних Иерусалимский 51 (I), 149 (I)
Афанасьев А. Н. 49 (I), 64 (II)

Бабасов Э. 486 (I), 490 (I)
Бадер О. Н. 11 (II)
Байер Йоз. (Bayer Jos.) 482 (I)
Байерс Д. С. (Byers D. S.) 637 (I)
Байрон Дж. Г. Н. (Byron G. G. N.) 188 (I), 207 (I), 245 (I)
Байрс Дж. (Byres J.) 191 (I)
Бакл (Бокль) Г. Т. (Buckle H. Th.) 284 (I), 290 (I), 318 (I), 528 (I), 120 (II)
Бакленд А. У. мисс (Buckland A. W. Miss) 562 (I)
Бакленд У. (Buckland W.) 263 (I), 264 (I), 267 (I), 268 (I), 275 (I), 282 (I), 283 (I)
Бакст Л. Н. (Розенберг Л. С.) 669 (I)
Балодис Ф. (Balodis F.) 178 (II)
Бэлфур А. Дж. лорд (Balfour A. J. Earl of) 419 (II)
Бальбин Б. (Balbin B.) 59 (I)
Бальзак О. де (Balzac H. de) 185 (I)
Бальмонт К. Д. 669 (I)
Бан П. Дж. (Bahn P. G.) 111 (I), 547 (I), 428 (II)
Барадере Х. (Baradere J.) 252 (I)
Барберини Фр. кардинал 133 (I)
Бардон Л. (Bardon L.) 465 (I)
Барнав Ант.-П.-Ж.-М. (Barnave Ant.-P.-J.-M.) 462 (II)
Барнс Б. (Barnes B.) 30 (I)
Баррет Дж. К. (Barrett J. C.) 336 (I), 403 (II)
Барт Р. (Barthes R.) 28 (I), 338 (II) 347 (II), 348 (II), 349 (II), 350 (II), 352 (II), 355 (II), 367 (II), 372 (II)
Барт Фр. (Barth Fr.) 46 (II), 49 (II), 397 (II), 399 (II)
Бартелеми де Гленвиль (Barthelemy de Glainville) = Бартоломью Англичанин 43 (I), 44 (I), 59 (I)
Бартон Ч. М. (Barton C. M.) 452 (II)
Бартрэм У. (Bartram W.) 255 (I)
Басилов В. Н. 57 (I), 58 (I)
Бастиан А. (Bastian A.) 318 (I), 354 (I)
Бате Л. Ф. (Bate L. F.) 409 (II)
Батисье (Battissieu) 209 (I)
Баудизий А. (Baudizi A.) 49 (I)
Бахофен Й. Я. (Bachoven J. J.) 158 (II), 375 (II)
Бахтин М. М. 347 (II)
Башляр Г. (Bachelard G.) 28 (I), 204 (II), 206 (II), 212 (II)
Баязет принц 106 (I)
Баярд Д. (Bayard D.) 251 (II), 256 (II), 257 (II)
Бейтсон У. (Bateson W.) 24 (II)
Беккер К. Й. (Becker C. J.) 548 (I)
Белкин А. П. 436 (II)
Белл Дж. (Bell J.) 402 (II)
Беллвуд П. (Bellwood P.) 429 (II)
Бел-Шалти-Ханнар царевна 68 (I)
Белый (Бугаев) А. 669 (I)
Бельцони Дж. Б. (Belzoni G. B.) 240 (I), 241 (I), 259 (I)
Бем Ю. О. 138 (II)
Бёме Я. (Böhme J.) 344 (II)
Бен Ладен У. (Ben Laden O.) 385 (II)
Бен Фр. (Behn Fr.) 507 (I), 175 (II)
Бендер Б. (Bender B.) 419 (II)
Бендорф О. (Bendorf O.) 668 (I)
Бенедикт XIV папа римский 163 (I), 173 (I)
Бенковски (Benkowski) 513 (I)
Бенеке Й. (Benecke J.) 131 (II)
Беннет Д. (Bennet D.)
Беннет Дж. У. (Bennett J. W.) 641 (I), 252 (II), 356 (II)
Беннет К. (Bennett C.) 594 (I)

Беннет Уэнд. С. (Bennett Wend. C.) 635 (I), 640 (I), 94 (II), 95 (II), 96 (II), 116 (II), 642 (I), 252 (II)
Бенфей Т. (Benfey Th.) 386 (I)
Бергман Й. (Bergmann J.) 189 (II)
Бёрд Р. (Bird R.) 392 (II)
Бердяев Н. А. 669 (I), 392 (II)
Беренс Г. (Behrens H.) 5 (I), 179 (II)
Беридзе В. 6 (II)
Бёркит М. Кр. (Burkitt M. Cr.) 478 (I), 535 (I)
Берлин Айз. (Berlin Is.) 183 (II)
Бернал Гарсия И. (Bernal Garcia I.) 20 (I)
Бернал Дж. Д. (Bernall J. D.) 678 (I)
Бернал М. (Bernal M.) 679 (I)
Бернардино де Сахагун (Bernardino de Sahagun) 113 (I)
Бернбек Б. (Bernbeck B.) 410 (II), 422 (II), 425 (II)
Бернгард В. (Bernhard W.) 432 (II)
Бернгард принц Саксен-Мейнингенский 309 (I)
Бернгейм Э. (Bernheim E.) 358 (I), 360 (I), 119 (II), 352 (II)
Бернини Дж. (Bernini G.) 164 (I)
Бернис кардинал де 164 (I)
Берсу Г. (Bersu G.) 507 (I), 596 (I), 598 (I), 129 (II), 131 (II)
Берталанфи Л. фон (Bertalanffy L. von) 136 (II), 242 (II), 272 (II)
Бёртон Р. (Burton R.) 323 (I)
Бертрам Дж. Б. (Bertram J. B.) 317 (II)
Берчу Д. (Berciu D.) 484 (I)
Бёттигер К. Авг. (Bottiger C. Aug.) 124 (I), 196 (I), 205 (I)
Бёттихер Т. Э. (Botticher T. E.) 405 (I)
Бетциг Л. (Betzig L.) 452 (II)
Бецценберг А. (Bezzenberg A.) 126 (II)
Бибби Дж. (Bibby G.) 17 (I), 476 (I)
Бибеску Ал. кн. (Bibescu Al.) 498 (I)
Бизли Г. А. (Beasley G. A.) 532 (I), 608 (I)
Бизли Дж. Д. (Beazley J. D.) 299 (I)
Бикер (Bieker) 513 (I)
Бикерман И. И. 675 (I), 676 (I)
Бинер К. Й. (Biener K. J.) 211 (I)
Бинтлиф Дж. Л. (Bintliff J. L.) 5 (I), 31 (I), 32 (I), 35 (I), 418 (I), 432 (I), 547 (I), 301 (II), 339 (II), 375 (II), 377 (II), 378 (II), 383 (II), 480 (II), 481 (II)
Бинфорд (ур. Шенфилд) С. (Binford, nee Shanfield S.) 233 (II), 234 (II)
Бинфорд Л. Р. (Binford L. R.) 4 (I), 29 (I), 30 (I), 480 (I), 547 (I), 636 (I), 647 (I), 28 (II), 34 (II), 36 (II), 37 (II), 93 (II), 103 (II), 108 (II), 111 (II), 116 (II), 118 (II), 135 (II), 137 (II), 138 (II), 142 (II), 143 (II), 144 (II), 164 (II), 229 (II), 230 (II), 231 (II), 232 (II), 233 (II), 234 (II), 235 (II), 237 (II), 238 (II), 239 (II), 240 (II), 241 (II), 241 (II), 243 (II), 244 (II), 245 (II), 246 (II), 247 (II), 249 (II), 250 (II), 251 (II), 252 (II), 253 (II), 254 (II), 255 (II), 256 (II), 257 (II), 258 (II), 262 (II), 263 (II), 269 (II), 271 (II), 273 (II), 274 (II), 280 (II), 281 (II), 283 (II), 285 (II), 286 (II), 287 (II), 288 (II), 289 (II), 290 (II), 291 (II), 292 (II), 293 (II), 295 (II), 296 (II), 298 (II), 299 (II), 302 (II), 303 (II), 306 (II), 307 (II), 310 (II), 313 (II), 314 (II), 316 (II), 317 (II), 318 (II), 319 (II), 322 (II), 326 (II), 327 (II), 328 (II), 329 (II), 331 (II), 333 (II), 334 (II), 335 (II), 336 (II), 337 (II), 38 (II), 358 (II), 368 (II), 375 (II), 376 (II), 391 (II), 419 (II), 462 (II), 471 (II), 473 (II), 474 (II), 484 (II)
Биондо Флавио (Biondo Flavio) 105 (I)
Бирхерод Т. (Birherod Th.) 146 (I)
Биттель К. (Bittel K.) 484 (I), 129 (II), 132 (II)
Блаватская (в дев. Ган) Е. П. (Blavatsky H.) 344 (II)
Блеген К. У. (Blegen C. W.) 311 (I), 406 (I), 408 (I), 409 (I), 420 (I), 421 (I), 422 (I), 295 (II)
Блитт А. (Blitt A.) 453 (I), 176 (II)
Блок А. А. 669 (I)
Блок Марк (Bloch Marc) 68 (II)
Блок Морис (Bloch Maurice) 420 (II)
Блэк Д. (Black D.) 562 (I)
Блэкет У. С. (Blackett W. S.) 555 (I)
Блэкмор С. (Blackmore S.) 453 (II)
Блэнвиль А.-М. Дюкротэ де (Ducrotay de Blainville H.-M.) 281 (I)
Блэнтон Р. Э. (Blanton R. E.) 310 (II)
Блюме Э. (Blume E.) 497 (I), 502 (I), 507 (I), 513 (I), 516 (I), 525 (I)
Блюменбах Й. (Blumnebach J.) 141 (II)
Блюхер Г. Л. фон, маршал (Blucher G. L. v.) 211 (I)

Боас или Боуэз Ф. (Boas F.) 295 (I), 338 (I), 339 (I), 386 (I), 601 (I), 602 (I), 603 (I), 604 (I), 605 (I), 606 (I), 607 (I), 614 (I), 630 (I), 636 (I), 639 (I), 641 (I), 36 (II), 37 (II), 40 (II), 59 (II), 96 (II), 112 (II), 123 (II), 124 (II), 142 (II), 182 (II), 219 (II), 232 (II), 376 (II), 395 (II), 471 (II), 473 (II)
Бобринский А. А. граф 669 (I), 4 (II), 8 (II)
Богаевский Б. Л. 493 (I)
Богарне Ж. де (Beauharnais J. de) 185 (I)
Богданов А. А. 299 (II), 407 (II)
Бодмер У. (Bodmer W.) 456 (II)
Бодри М. К. (Beaudry M. C.) 422 (II)
Боду Э. (Baudou E.) 19 (I)
Бозеруп Э. (Boserup E.) 304 (II), 462 (II)
Бодзио А. (Bozzio A.) 288 (I)
Бойд Докинз У. (Boyd Dawkins W.) 332 (I), 463 (I)
Бойд Р. (Boyd R.) 456 (II), 457 (II), 458 (II), 459 (II)
Бойл К. (Boyl K.) 431 (II)
Бойрлен К. (Beurlen K.) 185 (II), 448 (II)
Боккаччо Дж. (Boccaccio G.) 61 (I), 103 (I), 104 (I), 105 (I), 106 (I), 109 (I)
Болдуин Дж. М. (Boldwin J. M.) 386 (I), 554 (I)
Боливар С. (Bolivar S.) 199 (I)
Бомон Л. Э. де (Beaumont L. El. de) 279 (I)
Бонгард-Левин Г. М. 668 (I), 675 (I), 680 (I)
Боннер Дж. Т. (Bonner J. T.) 454 (II)
Бонплан Э. (Bonpland E.) 395 (I)
Бонуччи К. (Bonucci C.) 303 (I)
Бонфанте Дж. (Bonfante G.) 658 (I)
Боодт-Боэтиус А. де (Boodt-Boetius A. de) 121 (I)
Бопп Фр. (Bopp Fr.) 379 (I)
Бор Н. (Bohr N.) 27 (I)
Боргезе (Borghese) кн. 271 (I)
Борд Фр.-Л.-Анри (Bordes Fr.-L.-Henri) = Карсак Франсис (Carsac Francis) 35 (I), 428 (I), 629 (I), 645 (I), 646 (I), 647 (I), 648 (I), 655 (I), 656 (I), 57 (II), 115 (II), 133 (II), 196 (II), 205 (II), 206 (II), 234 (II), 243 (II), 244 (II), 298 (II), 317 (II), 389 (II), 470 (II)
Бордмэн Дж. (Boardman J.) 423 (I)
Борисковский П. И. 329 (I), 19 (II)
Борлейз У. К. (Borlase W. C.) 209 (I), 399 (I)
Борн М. (Born M.) 28 (I)
Борхардт Л. (Borhardt L.) 585 (I)
Боссгардт В. (Bosshardt W.) 179 (I)
Боссье Г. (Bossier G.) 304 (I)
Боссюэ Ж. Б. (Bossuet J. B.) 384 (I)
Босх-Жимпера П. (Bosch-Gimpera P.) 507 (I), 513 (I), 526 (I), 612 (I)
Ботта П. Эм. (Botta P. Em.) 246 (I), 247 (I), 248 (I), 249 (I), 258 (I)
Боудн М. С. (Bowden M. C.) 326 (I)
Боулдинг К. (Bolding K.) 242 (II)
Боуэз Дж. (Boas G.) 602 (I)
Бочкарев В. С. 17 (II), 23 (II), 266 (II), 283 (II)
Брайчевский М. Ю. 492 (I)
Брак М. (Brack M.) 270 (I)
Брамфил Эл. (Brumfiel El.) 399 (II)
Брандис К. А. (Brandis K. A.) 307 (I)
Бранкузи К. (Brancusi C.) 436 (II)
Брантон Г. (Branton G.) 582 (I)
Брассёр де Бурбур Ш. Ст. (Brasseur de Bourbourg Ch. St.) 556 (I)
Братер З. (Brather S.) 395 (II)
Браун Т. (Browne Th.) 142 (I)
Браун Э. (Braun E.) 201 (I), 203 (I), 292 (I)
Браччолини Поджо (Bracciolini Poggio) 105 (I)
Брёггер А. В. (Brøgger A. W.) 550 (I), 180 (II)
Брейдвуд (урожд. Шрейбер) Л. (Braidwood/Schreiber L.) 45 (II), 49 (II)
Брейдвуд Р. Дж. (Braidwood R. J.) 256 (I), 258 (I), 595 (I) 30 (II), 44 (II) 45 (II), 46 (II), 47 (II), 48 (II), 49 (II), 51 (II), 57 (II), 58 (II), 59 (II), 60 (II), 233 (II), 234 (II), 236 (II), 244 (II), 250 (II), 251 (II), 252 (II), 285 (II), 286 (II), 407 (II)
Брейли Э. У. (Brayley E. W.) 211 (I)
Брёйль (точнее: Брой) Анри-Эд.-П. (Breuil Henri-Ed.-P., l'Abb.) абб. 40 (I), 44 (I), 47 (I), 465 (I), 469 (I), 471 (I), 472 (I), 473 (I), 474 (I), 475 (I), 476 (I), 477 (I), 478 (I), 479 (I), 482 (I), 487 (I), 488 (I), 490 (I), 514 (I), 599 (I), 601 (I), 629 (I), 646 (I), 84 (II)
Брейтуэйт Р. Б. (Braitwaite R. B.) 264 (II)
Брестед Дж. Г. (Breasted J. H.) 586 (I), 589 (I), 627 (I), 45 (II)
Бриттон Дж. (Britton J.) 211 (I)
Бродель Ф. (Braudel F.) 676 (I), 69 (II)
Бродрик А. Г. (Brodrick A. H.) 44 (I)
Бройль Л. де (Broglie de L.) 9 (I), 28 (I), 41 (I)
Брока П. (Broca P.) 141 (II)

Брокгауз Ф. А. (Brockhaus F. A.) 405 (I), 169 (II)
Брокуэл (Brockwell) 565 (I)
Бромлей Ю. В. 434 (I), 447 (II)
Бросс Ш. де (Brosses Ch. de) 315 (I)
Бротвел Д. (Brothwell D.) 545 (I)
Брохольм Х. К. (Broholm H. C.) 183 (II)
Бру Дж. О. (Brew J. O.) 635 (I), 100 (II), 146 (II), 147 (II), 148 (II), 149 (II), 171 (II), 224 (II), 395 (II)
Бругш Э. (Brugsch E.) 419 (I)
Брун Г. фон (Brunn H. von) 196 (I), 199 (I), 201 (I), 204 (I), 205 (I), 206 (I), 287 (I), 291 (I), 292 (I), 293 (I), 294 (I), 295 (I), 296 (II), 297 (II), 299 (II), 300 (I), 314 (I), 129 (II), 503 (II)
Бруно Дж. (Bruno G.) 112 (I), 133 (I)
Брут Марк Юний Бруцелиус М. (Bruzelius M.) 101 (I), 215 (I), 216 (I), 594 (I)
Бруцелиус Н. Г. (Bruzelius N. G.) 223 (I)
Брэдли Р. Дж. (Bradly R. J.) 300 (II), 301 (II), 305 (II)
Брэдфорд Дж. С. П. (Bradford J. S. P.) 532 (I), 376 (II)
Брэкенридж Г. (Brackenridge H.) 254 (I)
Брюкнер Альфр. (Brueckner A.) 392 (I)
Брюкнер Э. (Bruckner E.) 453 (I)
Брюллов К. П. 186 (I)
Брюсов А. Я. 426 (I), 456 (I), 491 (I), 493 (I), 12 (II), 18 (II), 22 (II), 32 (II), 33 (II), 115 (II), 116 (II), 138 (II), 173 (II), 175 (II), 189 (II), 434 (II)
Бугенвиль Л.-А. де (Bougainville L.-A. de) 394 (I)
Будда 414 (II)
Буе А. (Boue A.) 267 (I), 340 (I)
Буисоньи А. (Bouyssonie A.) 471 (I)
Буисоньи Ж. (Bouyssonie J.) 471 (I)
Буланже Ж. Э. Ж. М. (Boulanger G. E. J. M.) 186 (I), 334 (I)
Булвер-Литтон Э. (Bulwer-Lytton E.) 186 (I)
Булле Г. (Bulle H.) 15 (I), 300 (I)
Буль М. (Boule M.) 465 (I), 466 (I), 467 (I), 468 (I), 469 (I), 470 (I), 471 (I), 474 (I), 487 (I), 490 (I)
Булэнвилье граф А. де (Boulainvillier H. de) 377 (I)
Бунзен Кр. К. И. фон (Bunsen Chr. C. I.) 201 (I)
Бунин И. А. 666 (I), 667 (I), 669 (I), 674 (I)
Буонаротти Ф. (Buonarotti F.) 191 (I)
Буондельмонти Кристофоро (Buondelmonti Cristoforo) священник 106 (I)
Бургон М. (Bourgon M.) 645 (I)
Бурдье П. (Bourdieu P.) 133 (II), 338 (II), 370 (II), 399 (II), 400 (II), 402 (II), 422 (II), 441 (II)
Буре Й. Т. А. (Bureus J. T. A.) 123 (I), 125 (I), 126 (I), 127 (I), 129 (I), 130 (I), 131 (I), 210 (I)
Буржуа Л. (L. Bourgeois) 330 (I), 464 (I), 144 (II)
Буржуа Л.-А. абб. (Bourgeois L.-A., l'Ab.) 122 (II), 123 (II),
Буркхардт Йог. Л. (Burckhardt J. L.) 244 (I), 245 (I), 250 (I), 258 (I)
Буркхардт Як. К. (Burckhardt J. Chr.) 301 (I), 302 (I), 183 (II)
Буров В. А. 56 (I), 63 (I), 493 (I)
Буслаев Ф. И. 658 (I), 659 (I), 661 (I), 680 (I)
Бутинов Н. А. 70 (II), 92 (II)
Бутлер В. (Butler W.) 129 (II), 131 (II)
Бухарин Н. И. 14 (II), 407 (II)
Бушан Г. (Buschan H.) 351 (I)
Буше де Кревкёр Ж.-А.-Г. (Boucher de Creveccer J.-A.-G.) 270 (I), 271 (I)
Буше де Перт, Буше де Кревкёр де Перт Ж. (Boucher de Creveccer de Perthes J.) 9 (I), 47 (I), 270 (I), 271 (I), 272 (I), 273 (I), 274 (I), 275 (I), 277 (I), 278 (I), 279 (I), 280 (I), 282 (I), 284 (I), 286 (I), 311 (I), 328 (I), 329 (I), 330 (I),331 (I), 336 (I), 340 (I), 403 (I), 413 (I), 463 (I), 464 (I), 473 (II), 789 (II)
Бушор Э. (Buschor E.) 193 (I), 289 (I), 296 (I),
Бхаскар Р. (Bhaskar R.) 226 (II)
Быковский С. Н. 15 (II), 17 (II)
Бэйли Дж. (Bayley G.) 547 (I)
Бэкон Фр. (Bacon Fr.) 117 (I), 123 (I), 139 (I), 118 (II), 141 (II), 229 (II)
Бэкон Э. (Bacon E.) 19 (I)
Бэнкрофт Г. Г. (Bancroft H. H.) 554 (I), 557 (I)
Бэр Э. (Baer E.) 448 (II)
Бюнау Г. граф ф. (Bünau H. v.) 161 (I)
Бюрнуф Э. (Burnouf E.) 402 (I), 403 (I)
Бюффон Ж. Л. Леклерк граф де (Buffon G.-L. Leclerc Count de) 180 (I), 262 (I), 263 (I), 282 (I)
Бюшинг Й. Г. Г. (Busching J. G. G.) 232 (I)

Вавилов Н. И. 546 (I), 45 (II), 407 (II)

Вагнер М. (Wagner M.) 351 (I), 352 (I), 353 (I), 354 (I), 356 (I), 375 (I), 376 (I)
Вагнер Р. (Wagner R.) 290 (I), 377 (I)
Вайз Р. Г. (Vyse R. H.) 241 (I), 243 (I)
Вайц Т. (Waitz Th.) 294 (I), 301 (I), 183 (II)
Вайян или Вэйлант Дж. К. (Vaillant G. K.) 433 (I), 639 (I)
Вале Э. (Wahle E.) 3 (I), 5 (I), 11 (I), 17 (I), 18 (I), 33 (I), 88 (I), 382 (I), 492 (I), 493 (I), 513 (I), 526 (I), 528 (I), 611 (I), 625 (I), 127 (II), 129 (II), 172 (II), 173 (II), 174 (II), 175 (II), 176 (II), 177 (II), 178 (II), 179 (II), 180 (II), 181 (II), 182 (II), 183 (II), 184 (II), 185 (II), 186 (II), 187 (II), 188 (II), 190 (II), 193 (II), 195 (II), 197 (II), 198 (II), 199 (II), 200 (II), 201 (II), 219 (II), 272 (II), 310 (II), 367 (II), 396 (II), 405 (II), 477 (II)
Валле П. делла (Vale P. della) 244 (I)
Валленштейн А. герцог (Wallenstein A.) 176 (I)
Вальдгауэр О. Ф. (Waldhauer O. Ph.) 296 (I), 297 (I)
Ван Геннеп А. (Van Gennep A.) 63 (II), 64 (II), 65 (II), 75 (II), 92 (II)
Ван Гог В. В. (Gogh V. W. van) 77 (I)
Ван Рейбрук Д. (Van Reybrouck D.) 31 (I)
Ванга 343 (II)
ВанПул Кр. (VanPool Chr.) 479 (II)
ВанПул Т. (VanPool T.) 479 (II)
Вараньяк А. (Varagnac H.) 56 (II), 57 (II)
Васильев А. А. 675 (I)
Васильев С. А. 4 (I), 648 (I), 114 (II)
Васильчиков Гр. 55 (I)
Васич М. (Vastf M.) 624 (I)
Васко да Гама см. Гама 120 (I)
Ватерболк Х. Т. (Waterbolk H. T.) 548 (I)
Ватле Кл. (Vatlet Cl.) 270 (I)
Ваше де Ляпуж Ж. (Vacher de Lapouge G.) 378 (I)
Вашичек З. (Vašiček Zd.) 5 (I), 19 (I), 25 (I), 212 (II), 262 (II), 389 (II)
Вебер А., (Weber A.) 183 (II) 275 (II), 276 (II), 277 (II),
Вебер К. (Weber K.) 153 (I), 154 (I)
Вебер М. (Weber M.) 457 (I), 182 (II), 183 (II), 366 (II), 394 (II), 396 (II), 397 (II), 399 (II), 400 (II), 402 (II), 404 (II), 408 (II)
Вегнер М. (Wegner M.) 19 (I)
Веделинус 124 (I)
Ведель-Симонсен Л. С. (Vedel-Simonsen L. S.) 215 (I), 216 (I)
Вейссе П. = Альбинус (Weisse = Albinus) 120 (I)
Вельгаузен Ю. (Welhausen J.) 588 (I), 590 (I)
Велькер Ф. Г. (Welcker F. G.) 136 (I), 196 (I), 198 (I), 199 (I), 201 (I), 202 (I), 204 (I), 290 (I), 292 (I), 293 (I), 299 (I), 307 (I)
Вёльфлин Г. (Wölfflin H.) 78 (II)
Венскус Р. (Wenskus R.) 189 (II)
Вентрис М. (Ventris M.) 422 (I), 423 (I)
Верелиус О. (Verelius O.) 136 (I), 137 (I), 154 (I), 155 (I)
Вернадский В. И. 9 (I)
Вернадский Г. В. 662 (I)
Вернер А. (Werner A.) 262 (I)
Вернер Иоах. (Werner Joach.) 484 (I), 624 (I), 625 (I), 129 (II), 132 (II), 139 (II), 140 (II), 193 (II)
Веспасиан, Тит Флавий Сабин, император 75 (I), 78 (I), 104 (I)
Вздорнов Г. И. 663 (I), 680 (I)
Вибрай П. де (Vibrail P. de) 279 (I)
Виганд Т. (Wiegand Th.) 21 (I), 532 (I), 568 (I), 490 (II)
Видаль де ла Блаш П. (Vidal de la Blache P.) 528 (I), 534 (I), 538 (I)
Виктор Эммануил II король Италии 303 (I)
Викторова В. Д. 650 (I), 652 (I), 656 (I)
Виламовиц-Мёллендорф У. ф. 201 (I), 668 (I), 676 (I)
Вилланова Хуан (Villanova Juan) 472 (I), 473 (I)
Вилленёв Л. де (Villeneuve L. de) 465 (I)
Вильгельм I кайзер Германии 309 (I), 310 (I)
Вильзер Л. (Wilser L.) 378 (I)
Вимпос Ф. 398 (I). 399 (I)
Винавер М. М. 674 (I)
Виндельбанд В. (Windelband W.) 358 (I), 367 (I), 602 (I), 183 (II), 202 (II), 345 (II)
Винкельман Й. И. (Winckelmann J. J.) 15 (I), 21 (I), 43 (I), 44 (I), 152 (I), 158 (I), 159 (I), 160 (I), 161 (I), 162 (I), 163 (I), 164 (I), 165 (I), 166 (I), 167 (I), 168 (I), 169 (I), 170 (I), 171 (I), 172 (I), 173 (I), 174 (I), 175 (I), 176 (I), 177 (I), 178 (I), 179 (I), 180 (I), 181 (I), 182 (I), 184 (I), 185 (I), 187 (I), 190 (I), 191 (I), 192 (I), 193 (I), 194 (I), 196 (I), 197 (I), 198 (I), 200 (I), 201 (I), 202 (I), 207 (I), 208 (I), 209 (I), 287 (I), 291 (I), 292 (I), 293 (I),

308 (I), 309 (I), 521 (I), 525 (I), 553 (I), 658 (I), 659 (I), 476 (II)
Винклер Г. (Winckler H.) 567 (I), 568 (I), 569 (I), 475 (II)
Винклер Э.-М. (Winkler E.-M.) 189 (II)
Виргилий (Публий Вергилий Маро) 71 (I)
Вирхов Руд.-К. (Virchow Rud.-C.) 23 (I), 345 (I), 346 (I), 347 (I), 348 (I), 349 (I), 350 (I), 351 (I), 353 (I), 355 (I), 356 (I), 363 (I), 364 (I), 369 (I), 370 (I), 375 (I), 378 (I), 402 (I), 403 (I), 405 (I), 407 (I), 409 (I), 459 (I), 472 (I), 473 (I), 494 (I), 495 (I), 497 (I), 498 (I), 514 (I), 516 (I), 517 (I), 526 (I), 560 (I), 576 (I), 578 (I), 580 (I), 602 (I), 643 (I), 123 (II), 124 (II), 126 (II), 127 (II), 197 (II), 471 (II)
Висконти Дж. Б. (Visconti G. B.) 163 (I), 194 (I)
Висконти К. Л. (Visconti C. L.) 194 (I)
Висконти Л. Т. (Visconti L. T.) 194 (I)
Висконти Люч. (Visconti L.) 194 (I)
Висконти П. Э. (Visconti P. E.) 194 (I)
Висконти Ф. А. (Visconti F. A.) 194 (I)
Висконти Э. Кв. (Visconti E. Qu.) 194 (I), 198 (I)
Виссова Г. (Wissowa G.) 295 (I), 126 (II)
Вита-Финдзи Кл. (Vita-Finzi Cl.) 545 (I), 275 (II)
Витгенштейн К. (Wittgenstein L.) 225 (II), 226 (II), 238 (II), 264 (II), 268 (II), 269 (II), 271 (II), 338 (II)
Витевский В. Н. 53 (I), 63 (I)
Виткин Х. А. (Vitkin H. A.) 396 (II)
Витфогель К. (Wittfogel K.) 39 (II)
Вишняцкий Л. Б. 4 (I), 315 (I), 341 (I), 648 (I), 384 (II), 455 (II), 461 (II), 462 (II), 463 (II), 464 (II), 469 (II)
Владислав Ягелло король (Władysław Jagello) 59 (I)
Воеводский М. В. 654 (I), 11 (II)
Войтова П. 54 (I)
Волков Ф. К. (Вовк Хв.) 4 (II)
Вольтер = Аруэ Ф. М. (Voltaire = Aruet F. M.) 143 (I), 149 (I), 162 (I), 164 (I), 176 (I), 293 (I), 365 (I), 485 (I)
Вольф Фр. А. (Wolf Fr. A.) 196 (I), 200 (I), 207 (I), 397 (I), 484 (I), 129 (II), 131 (II), 144 (II)
Вольфрам С. (Wolfram S.) 15 (I), 192 (I)
Ворбс Й. Г. (Worbs J. G.) 233 (I)
Ворм О. = Вормиус О. (Worm O.) 123 (I), 126 (I), 127 (I), 128 (I), 129 (I), 130 (I), 131 (I), 133 (I), 138 (I), 210 (I), 214 (I)
Воронятов С. В. 5 (I)
Ворсо Е. Я. А. (Worsaae J. J. A.) 36 (I), 47 (I), 221 (I), 222 (I), 223 (I), 224 (I), 225 (I), 226 (I), 227 (I), 228 (I), 229 (I), 230 (I), 231 (I), 235 (I), 236 (I), 260 (I), 269 (I), 281 (I), 311 (I), 324 (I), 329 (I), 440 (I), 443 (I), 449 (I), 458 (I), 548 (I), 122 (II), 160 (II), 167 (II), 490 (II)
Вотцка Г.-П. (Wotzka H.-P.) 626 (I)
Воуджет Ф.У. (Voget F. W.) 59 (II)
Вофрей Р. (Vaufrey R.) 645 (I)
Воцель Й. Э. (Vocel J. E.) 234 (I)
Вригт Г. Х. фон (Wright G. H. von) 225 (II)
Вуд Дж. Т. (Wood J. T.) 190 (I)
Вудбери Р. Б. (Woodbury R. B.) 596 (I), 598 (I)
Вудворд А. Смит (Woodword A. Smith) 469 (I)
Вудхед С. (Woodhead S.) 470 (I)
Вулли миссис (урожд. Киллинг) 428 (I)
Вулли Ч. Л. (Woolley Ch. L.) 21 (I), 426 (I), 427 (I), 428 (I), 429 (I), 430 (I), 431 (I), 432 (I), 433 (I), 436 (I), 571 (I), 596 (I), 599 (I), 619 (I), 474 (II), 490 (II)
Вундт В. (Wundt W.) 352 (I)
Высоцкий Н. Ф. 51 (I), 63 (I)
Вышинский А. Я. 14 (II)

Гадамер Г.-Г. (Gadamer H.-G.) 206 (I), 338 (II), 346 (II)
Газеркоул П. (Gathercole P.) 25 (II)
Гайдн Й. (Haydn J.) 198 (I)
Гайзбергер Й. (Gaisberger J.) 234 (I)
Галилей Г. (Galilei G.) 331 (II)
Галлатин Элб. (Gallatin Alb.) 256 (I)
Галле Ален (Gallay A.) 15 (I), 160 (I), 196 (I), 305 (I), 406 (I), 216 (II), 217 (II), 228 (II)
Гамалиэль раввин 96 (I)
Гамильтон Г. (Hamilton G.) 183 (I)
Гамильтон У. сэр (Hamilton W.) 146 (I), 182 (I), 183 (I), 184 (I), 187 (I), 201 (I), 209 (I), 299 (I)
Гамильтон У. Д. (Hamilton W. D.) 455 (II)
Гамильтон Ш. (Hamilton Ch.) 183 (I)
Гамильтон Э. (Hamilton E.) 183 (I)
Гамио М. (Gamio M.) 607 (I)
Гамкрелидзе Т. В. 430 (II), 435 (II)
Гаммер (Hammer) 513 (I)
Ган Эд. (Hahn Ed.) 176 (II)

Гандерт О. Ф. (Gandert O. F.) 186 (II)
Гане Г. (Hahne H.) 507 (I), 513 (I), 129 (II)
Ганжа А. И. 26 (I), 41 (I)
Ганн Дж. (Gunn J.) 310 (II), 396 (II)
Гарден Ж.-К. (Gardin J. C.) 5 (I), 206 (II), 207 (II), 208 (II), 209 (II), 210 (II), 211 (II), 212 (II), 213 (II), 214 (II), 215 (II), 216 (II), 217 (II), 218 (II), 219 (II), 224 (II), 227 (II), 228 (II), 230 (II), 234 (II), 236 (II), 253 (II), 255 (II), 265 (II), 267 (II), 283 (II), 306 (II), 307 (II), 381 (II), 480 (II)
Гарднер М. (Gardner M.) 574 (I)
Гарднер Э. (Gardner E.) 580 (I)
Гаррод Дор. Э. Э. (Garrod Dor. A. E.) 479 (I), 480 (I), 535 (I), 542 (I), 599 (I)
Гарсиласо де ла Вега (Garcilaso de la Vega) 113 (I)
Гарсия ди Паласио Диего (Garcia di Palacio Diego) 113 (I)
Гарстанг Дж. (Garstang J.) 589 (I), 592 (I)
Гассенди П. (Gassendi P.) 123 (I), 124 (I)
Гау Р. (Gow R.) 211 (I)
Гауптман Г. (Hauptmann G.) 173 (I)
Гахман Р. (Hachmann R.) 5 (I), 460 (I), 461 (I), 462 (I), 493 (I), 175 (II), 179 (II), 186 (II), 187 (II), 189 (II), 192 (II), 193 (II), 194 (II), 195 (II), 196 (II), 199 (II), 200 (II), 201 (II), 324 (II), 433 (II), 435 (II),
Гватари Ф. (Guatari F.) 353 (II), 399 (II)
Гевэрт 124 (I)
Геддон А. см. Хэддон
Гёдель К. (Gödel K.) 237 (II)
Гейгер Л. (Geiger L.) 496 (I)
Гейзенберг В. (Heisenberg W.) 28 (I), 41 (I)
Гейзерих король вандалов 89 (I)
Гейне Г. (Heine H.) 525 (I)
Гейне-Гельдерн Р. (R. Heine-Geldern) 571 (I)
Гейне Кр. Г. (Heyne Chr. G.) 169 (I), 171 (I), 179 (I), 196 (I), 197 (I), 198 (I), 199 (I), 201 (I), 202 (I), 206 (I), 208 (I), 245 (I), 292 (I), 397 (I)
Гейхельгейм Ф. М. (Heicheleim F. M.) 112 (II)
Геккель Э. (Haeckel E.) 330 (I), 351 (I), 352 (I)
Гелланик 83 (I)
Геллнер Э. (Gellner E.) 418 (II)
Гельмгольц Г. фон (Helmgoltz H. v.) 350 (I)
Гемпель К. (Hempel K.) 225 (II), 238 (II), 256 (II), 394 (II)
Геннинг В. Ф. 20 (I), 363 (I), 651 (I), 653 (I), 20 (II), 22 (II),
Геннинг Р. (Henning R.) 493 (I)
Генри Дж. (Henry J.) 122 (II)
Генрих III Валуа 59 (I), 176 (I)
Генрих IV Бурбон король Франции 161 (I)
Генрих IV император 51 (I), 176 (I)
Генрих VIII король Англии 114 (I), 118 (I)
Генрих еп. Винчестерский 90 (I)
Георг III король Англии 146 (I)
Георг Бауэр = Агрикола (Georg Bauer = Agricola) 120 (I)
Георге Шт. (George St.) 521 (I), 78 (II)
Гердер Й. Г. ф. (Herder J. G. v.) 179 (I), 192 (I), 194 (I), 197 (I), 342 (I), 353 (I), 365 (I),
Гёрнес М. (Младший, арх.) (Hoernes M.) 71 (I), 345 (I), 478 (I), 482 (I), 484 (I), 492 (I), 500 (I), 502 (I), 513 (I), 519 (I), 124 (II), 125 (II), 126 (II), 128 (II), 185 (II), 197 (II)
Гёрнес М. (Старший, геол.) (Hoernes M.) 124 (II)
Геродот Галикарнасский 42 (I), 44 (I), 56 (I), 73 (I0, 74 (I), 80 (I), 81 (I), 83 (I), 85 (I)
Герострат 190 (I)
Герхард Э. (Gerhard E.) 169 (I), 170 (I), 175 (I), 179 (I), 191 (I), 196 (I), 197 (I), 200 (I), 201 (I), 202 (I), 203 (I), 206 (I), 207 (I), 209 (I), 293 (I), 297 (I), 204 (I), 306 (I), 307 (I)
Гессен И. В. 674 (I)
Гёте Й. В. (Goethe J. W.) 9 (I), 13 (I), 159 (I), 174 (I), 177 (I), 178 (I), 179 (I), 183 (I), 192 (I), 193 (I), 194 (I), 198 (I), 267 (I), 268 (I), 283 (I), 284 (I), 294 (I)
Гётце А. (Gootze A.) 214 (I), 350 (I), 351 (I), 370 (I), 494 (I), 549 (I), 129 (II)
Гешвандт (Geschwandt) 513 (I)
Гибер из Ножана (Guibert de Nogent), аббат 99 (I), 471 (I)
Гивенс Д. Р. (Givens D. R.) 19 (I)
Гиг царь лидийский 80 (I)
Гидденс Э. (Giddens A.) 399 (II), 400 (II), 402 (II), 422 (II),
Гилмэн А. (Gilman A.) 409 (II)
Гильберг О. (Gillberg A.) 19 (I)
Гильдебранд Ад. Ф. (Hildebrand Ad. von) 298 (I)
Гильдебрандт Бенгт (Hildebrandt Bengt) 512 (I)

Гильдебранд Бр. Э. (Hildebrand Br. Э.) 218 (I), 219 (I), 221 (I), 226 (I), 229 (I), 440 (I), 441 (I), 446 (I)
Гильдебранд Г. (Hildebrand H.) 440 (I), 441 (I), 443 (I), 444 (I), 446 (I), 447 (I), 456 (I), 459 (I), 460 (I), 461 (I), 462 (I), 125 (II), 375 (II)
Гимбутас М. (Gimbutas M.) 382 (I), 573 (I), 177 (II), 186 (II), 295 (II), 373 (II)
Гиммельман-Вильдшютц Н. (Himmelmann-Wildschuotz N.) 81 (II)
Гиммлер Г. (Himmler H.) 521 (I), 550 (I), 131 (II), 177 (II)
Гиппий Великий 82 (I), 83 (I)
Гиппократ Косский (Hippocrates) 42 (I)
Гиральдус Камбриенсис (Джеральд Кембриджский) 97 (I)
Гиро (точнее Жиро) П. (Giraud P.) 120 (II)
Гироу Дж. М. (Gero J. M.) 373 (II), 374 (II), 410 (II)
Гирц Кл. (Geertz C.) 354 (II), 355 (II), 356 (II), 372 (II)
Гистасп 245 (I)
Гитлер А. (Hitler A.) 131 (I), 385 (I), 424 (I), 521 (I), 677 (I), 29 (II), 133 (II), 398 (II)
Гиффен Альб. Э. ван (Giffen Alb. E. van) 120 (II), 144 (II)
Гладстон У. Э. (Gladstone W. E.) 414 (I)
Глазунов А. К. 669 (I)
Глакман Х. М. (Gluckman H. M.) 399 (II)
Глёден В. барон ф. (Gloeden W. v.) 179 (I)
Глёзиу С. (Gleuziou S.) 133 (II)
Гловер Я. (Glover I.) 30 (I), 113 (II)
Глори А. (Glory A.) 465 (I)
Глэдуин Х. (Gladwin H.) 555 (I), 633 (I), 634 (I), 638 (I), 647 (I), 655 (I)
Го Можо 110 (II), 407 (II)
Гоббс Т. (Hobbes Th.) 139 (I), 402 (II)
Гоген Э. А. Поль (Gauguin E. H. Paul) 298 (I), 419 (I), 77 (II)
Гогенгейм Т. Б. ф. (Hoheheim Th. B. v.) = Парацельс (Paracelsus) 112 (I), 133 (I)
Годелье М. (Godelier M.) 299 (II), 338 (II), 372 (II), 409 (II), 418 (II)
Годловский К. (Godlowski K.) 135 (II)
Годри А. (Gaudry A.) 466 (I), 467 (I), 478 (I)
Годуин Г. (Godwin H.) 536 (I)
Голль Ш. Ж. А. М. де (Gaulle Ch. J. A. M. de) 206 (II)
Гомер 7 (I), 69 (I), 72 (I), 73 (I), 82 (I), 221 (I), 222 (I), 310 (I), 311 (I), 312 (I), 395 (I), 397 (I), 398 (I), 399 (I), 400 (I), 401 (I), 402 (I), 404 (I), 405 (I), 406 (I), 407 (I), 409 (I), 410 (I), 416 (I), 558 (I)
Гонзалес Марсен П. (Gonzales Marcen P.) 387 (II)
Гордон Дж. Б. (Gordon G. B.) 427 (I)
Городцов В. А. 440 (I), 445 (I), 456 (I), 458 (I), 648 (I), 649 (I), 650 (I), 651 (I), 652 (I), 653 (I), 654 (I), 655 (I), 664 (I), 3 (II), 4 (II), 5 (II), 12 (II), 13 (II), 16 (II), 17 (II), 118 (II), 382 (II), 470 (II), 475 (II)
Госден Кр. (Gosden Chr.) 440 (II), 443 (II)
Готье Ю. В. 660 (I), 13 (II)
Гоудин С. (Godin S.) 453 (II)
Гоффман-Крайер Эд. (Hoffmann-Kreier Ed.) 183 (II)
Градман Роб. (Gradmann Rob.) 528 (I), 529 (I), 530 (I), 127 (II), 175 (II), 176 (II), 177 (II), 181 (II), 474 (II)
Граймз У. Ф. (Grimes W. F.) 34 (II), 357 (II)
Грамши А. (Gramsci A.) 408 (II), 423 (II)
Грбич М. (Grbić M.) 624 (I)
Гребнер Фр. (Graebner Fr.) 358 (I), 359 (I), 360 (I), 361 (I), 362 (I), 374 (I), 382 (I), 481 (I), 500 (I), 517 (I), 561 (I), 562 (I), 604 (I), 605 (I), 606 (I), 614 (I), 658 (I)
Грегоровиус Ф. (Gregorovius F.) 186 (I)
Грёнан М. (Groenen M.) 23 (I)
Грецкий М. Н. 62 (II), 71 (II)
Гримм Я. (Grimm J.) 232 (I), 380 (I)
Гринуэлл У. (Greenwell W. Canon) 213 (I)
Гринфилд У. (Greenfild W.) 323 (I)
Гриоль М. (Griaule M.) 343 (II)
Грифит Ф. Лл. (Griffith F. Ll.) 579 (I), 582 (I)
Гриффин Дж. Б. (Griffin J. B.) 595 (I), 635 (I), 636 (I), 637 (I), 639 (I), 640 (I), 641 (I), 98 (II), 137 (II), 141 (II), 142 (II), 143 (II), 232 (II), 233 (II), 234 (II), 235 (II), 289 (II)
Гроновиус Я. (Gronovius J.) 149 (I)
Гротефенд Г. Фр. (Grotefend G. Fr.) 245 (I), 246 (I)
Гроуз Фр. (Grose Fr.) 211 (I)
Грумон Н. Т. де (Grummond N. T. de) 110 (I)
Грэвиус (или Грэве, Грэфе) Й. Г. (GraeviusJ. G.) 149 (I)
Грэзлунд Б. (Gräslund B.) 217 (I), 220 (I), 439 (I), 440 (I), 447 (I), 452 (I), 457 (I), 218 (II)
Грэф Б. (Graef B.) 78 (II), 79 (II)
Грязнов М. П. 142 (II), 203 (II)
Гудинаф У. (Goodenough W.) 76 (II)

Гудмэн Дж. (Goodman J.) 344 (II)
Гук Р. (Hooke R.) 261 (I)
Гулд Р. А. (Gould R. A.) 233 (II), 246 (II), 316 (II), 317 (II), 323 (II), 328 (II)
Гулд Ст. Дж. (Gould St. J.) 448 (II)
Гуман К. (Humann C.) 304 (I), 306 (I), 307 (I), 568 (I)
Гумбольдт А. ф. (Humboldt A. v.) 113 (I), 179 (I), 198 (I), 199 (I), 394 (I), 395 (I), 602 (I), 603 (I), 119 (II), 121 (II), 386 (II)
Гумбольдт В. (Humboldt W.) 198 (I), 201 (I)
Гумилев Л. Н. 356 (I), 551 (I), 552 (I), 136 (II), 344 (II), 478 (II)
Гуммель Г. (Gummel H.) 513 (I)
Гундлах Р. (Gundlach R.) 207 (II)
Гункель Й. Ф. Герм. (Gunckel J. Fr. Herm.) 567 (I)
Гуревич А. Я. 88 (I), 342 (II)
Гурина Н. Н. 55 (I)
Гурлит Й. (Gurlitt J.) 196 (I), 203 (I)
Гуссерль Э. (Husserl E.) 338 (II), 345 (II)
Густав Адольф II король Швеции 125 (I), 126 (I)
Густафсон А. (Gustaffson A.) 33 (I)
Гуте К. (Guthe K.) 635 (I), 639 (I)
Гэлтон Ф. (Galton F.) 319 (I), 578 (I), 43 (II), 141 (II)
Гэмбл Кл. (Gamble C.) 547 (I), 253 (II), 443 (II)
Гэфни В. Л. (Gaffney V. L.) 383 (II)
Гэфни Кр. Ф. (Gaffney Chr. F.) 383 (II)
Гюнтер Г. (Günther H.) 375 (I), 378 (I), 379 (I), 509 (I), 521 (I), 130 (II)

Давид Ж.-Л. (David J.-L.) 177 (I)
Даглас или Дуглас Дж. (Duglas J.) 212 (I)
Даглас или Дуглас О. (Duglas O.) 86 (II)
Дайаменд Дж. (Diamond J.) 464 (II)
Дайаменд Ст. (Diamond St.) 420 (II)
Дайм Ф. (Daim F.) 5 (I), 432 (II)
Дайон М. (Dion M.) 436 (II), 437 (II)
Дайсон С. (Dyson S.) 19 (I)
Дайсон Р. Г. (Dyson R. H.) 594 (I)
Даламбер Ж. (d'Alembert J. le Rond) 394 (I)
Даннейль Й. Ф. (Danneil J. F.) 219 (I), 230 (I)
Даннел Р. С. (Dunnell R. C.) 256 (I), 645 (I), 272 (II), 335 (II), 449 (II), 454 (II), 455 (II)
Данте Алигиери 103 (I)
Дарамбер Ш. (d'Aramberg Ch.) 295 (I)
Дарвин Ч. (Darwin Ch.) 34 (I), 45 (I), 218 (I), 274 (I), 283 (I), 284 (I), 291 (I), 317 (I), 318 (I), 319 (I), 320 (I), 326 (I), 330 (I), 336 (I), 338 (I), 347 (I), 351 (I), 352 (I), 356 (I), 441 (I), 443 (I), 466 (I), 542 (I), 578 (I), 602 (I), 24 (II), 47 (II), 57 (II), 141 (II), 169 (II), 233 (II), 334 (II), 449 (II), 451 (II), 452 (II), 455 (II), 456 (II)
Дарвин Э. (Darwin E.) 283 (I)
Дарем У. (Durham W.) 456 (II)
Дарий царь персов 245 (I)
Дарт Р. А. (Dart R. A.) 562 (I)
Датт Р. Палм (Datt R. Palm) 609 (I), 26 (II), 28 (II), 29 (II)
Дворжак М. (Dvořák M.) 79 (II)
Де Каро С. (De Caro S.) 21 (I)
Девер У. Г. (Dever W. G.) 590 (I), 591 (I)
Девис Н. (Davies N.) 460 (II)
Декарт Р. (des Cartes R., Cartesius) 139 (I), 119 (II), 141 (II), 204 (II), 205 (II), 211 (II), 217 (II), 218 (II), 227 (II)
Делёз Ж. (Deleuze G.) 353 (II), 399 (II)
Делич Ф. (Delitzsch F.) 567 (I), 568 (I), 569 (I), 570 (I), 588 (I), 176 (II), 475 (II)
Дельбрюк Р. (Delbrück R.) 78 (II), 79 (II)
ДеМаррэ Э. (DeMarrais E.) 440 (II), 441 (II), 443 (II)
Демокрит из Абдеры 70 (I)
Демпстер Т. (Dempster Th.) 191 (I)
Ден В. (Dehn W.) 484 (I), 129 (II), 131 (II), 132 (II)
Деникен Э. фон (Deniken E. v.) 574 (I), 362 (II), 489 (II)
Деникин А. И. 674 (I)
Деннет Д. (Dennett D.) 453 (II)
Деннис Дж. (Dennis G.) 191 (I)
Денон Д. В. барон (Denon D. V. baron) 185 (I), 239 (I), 240 (I)
Державин А. Г. 14 (II)
Дёрпфельд В. (Dörpfeld W.) 308 (I), 310 (I), 311 (I), 313 (I), 404 (I), 405 (I), 406 (I), 409 (I), 419 (I), 79 (II)
Деррида Ж. (Derrida J.) 338 (II), 352 (II), 372 (II)
Детлефсен Э. (Dèthlefsen E.) 88 (II)
Дефер Д. (Defert D.) 351 (II)
Дешелетт Ж. (Déchelette J.) 530 (I), 652 (I), 124 (II), 125 (II), 126 (II)
Деэй Ж. (Deshayes J.) 210 (II)
Джавахишвили И. А. 7 (II)
Джакометти А. (Giakometti A.) 436 (II)
Джарви Я. С. (Jarvie I. C.) 559 (I)

Джармэн М. Р. (Jarman M. R.) 546 (I), 547 (I)
Джеймс У. (James W.) 251 (I), 145 (II)
Джеймсон Ф. (Jameson F.) 342 (II)
Джексон У. (Jackson W.) 564 (I), 565 (I)
Джелинек А. (Jelinek A.) 636 (I)
Джерзи лорд (Jersey Lord) 557 (I)
Джефферсон Т. (Jefferson Th.) 253 (I), 254 (I), 255 (I), 335 (I)
Джинджиан Фр. (Djindjian Fr.) 210 (II)
Джойс Дж. (Joyce J.) 326 (I)
Джонсон М. Х. (Johnson M. H.) 5 (I), 214 (I), 163 (II), 401 (II), 402 (II), 422 (II), 479 (II)
Джонстон Я. (Johnston I.) 120 (I)
Джоунс Д. (Jones D.) 344 (II)
Джоунс Дж. (Jones G.) 455 (II)
Джоунс С. (Jones S.) 432 (II)
Джоунс Ст. Д. (Jones St. D.) 395 (II)
Джоффри из Монмаута (Geoffry of Monmouth) 101 (I)
Джуна 342 (II)
Дидро Д. (Diderot D.) 394 (I)
Дизель Р. Кр. К. (Diesel R. Chr. K.) 290 (I)
Дизраэли Б. (Disraeli B.) 404 (II)
Дикеарх (Dikaiarchos) 69 (I), 70 (I)
Диксон Р. (Dickson R.) 565 (I)
Дильтей В. (Dilthey W.) 345 (II)
Диоген из Синопа 161 (II)
Диодор Сицилийский 70 (I)
Дионисий Галикарнасский 83 (I)
Дитц Джеймс Дж. Ф. (Deetz James J. F.) 85 (II), 86 (II), 87 (II), 88 (II), 102 (II), 118 (II), 231 (II), 292 (II), 310 (II), 314 (II)
Длужневская Г. В. 5 (II), 23 (II)
Дмитриев А. В. 62 (I)
До Ж. (Daux G.) 28 (I), 33 (I), 152 (I)
Добжанский Т. (Dobrzanski T.) 448 (II)
Добрс М. А. (Dobres M. A.) 403 (II)
Добровски Й. (Dobrovsky J.) 233 (I)
Добролюбский А. О. 204 (II)
Добужинский М. В. 669 (I)
Дойел Т. (Deuel Th.) 94 (II)
Дойел Л. (Deuel L.) 17 (I), 532 (I)
Докинс Р. (Dawkins R.) 452 (II), 453 (II), 454 (II)
Долуханов П. М. 382 (I), 623 (I), 434 (II)
Дольник В. Р. 451 (II), 452 (II)
Доме О. (Daumet H.) 187 (I)
Доналд М. (Donald M.) 441 (II), 442 (II)
Доналдсон Т. Л. (Donaldson T. L.) 190 (I)
Доннан Кр. Б. (Donnan Chr. B.) 316 (II)
Доноп-Вакенбарт фон (Donop-Wackenbart v.) 234 (I)
Допш А. (Dopsch A.) 181 (II)
Доран Дж. (Doran J.) 335 (II), 484 (II)
Досн (Даусон) Дж. У. (Dawson J. W.) 338 (I), 464 (I)
Досн (Даусон) У. Р. (Dawson W. R.) 565 (I)
Досн (Даусон) Ч. (Dawson Ch.) 469 (I), 470 (I)
Достоевский Ф. М. 379 (I)
Драгадзе Т. 434 (II)
Дрейфус А. (Dreyfuss A.) 334 (I)
Дреруп Э. (Drerup E.) 80 (II)
Дроветти Б. 240 (I), 241 (I)
Дройзен Й. Г. (Dreusen J. G.) 301 (I), 137 (II), 345 (II)
Дру У. (Drew W.) 141 (I)
Дрэпер В. (Draper V.) 528 (I)
Дьюи Дж. (Dewey J.) 94 (II), 101 (II), 145 (II), 146 (II), 148 (II)
Дьяконов И. М. 390 (I), 430 (II)
Дэвис Эдв. Г. (Davis Edw. H.) 255 (I), 335 (I), 122 (II)
д'Эльбёф князь 153 (I)
Дэниел Г. Э. (Daniel G. E.) 3 (I), 6 (I), 11 (I), 15 (I), 18 (I), 19 (I), 24 (I), 26 (I), 29 (I), 30 (I), 31 (I), 33 (I), 34 (I), 40 (I), 41 (I), 42 (I), 43 (I), 47 (I), 65 (I), 108 (I), 111 (I), 141 (I), 155 (I), 209 (I), 210 (I), 213 (I), 215 (I), 220 (I), 222 (I), 226 (I), 228 (I), 229 (I), 235 (I), 241 (I), 243 (I), 261 (I), 269 (I), 326 (I), 422 (I), 468 (I), 478 (I), 492 (I), 514 (I), 524 (I), 535 (I), 567 (I), 571 (I), 572 (I), 584 (I), 598 (I), 601 (I), 613 (I), 619 (I), 620 (I), 621 (II), 622 (I), 627 (I), 25 (II), 33 (II), 48 (II), 146 (II), 156 (II), 157 (II), 158 (II), 159 (II), 160 (II), 161 (II), 162 (II), 167 (II), 168 (II), 169 (II), 170 (II), 175 (II), 200 (II), 235 (II), 263 (II), 274 (II), 280 (II), 281 (II), 293 (II), 294 (II), 295 (II), , 335 (II), 351 (II), 385 (II), 386 (II), 395 (II), 445 (II), 471 (II), 488 (II)
Дэниелс Стив. Дж. Х. (Daniels St. G. H.) 311 (II), 312 (II), 313 (II), 315 (II), 333 (II)
Дюбуа Э. (Dubois E.) 338 (I), 347 (I), 469 (I)
Дюваль А. (Duval A.) 24 (I)
Дюгем П. (Duhem P.) 350 (II)
Дюмон Альб. (Dumont Alb.) 312 (I)
Дюмуль Ж.-П. (Dumoul J.-P.) 5 (I)
Дюпэ Г. 252 (I)
Дюран (Duran) 554 (I)

Дюркгейм Э. (Durkheim E.) 339 (I), 457 (I), 47 (II), 52 (II), 57 (II), 66 (II), 182 (II), 394 (II), 399 (II), 404 (II), 411 (II), 474 (II)
Дюшен Э. (Duchene H.) 409 (I)

Евгений IV папа римский 105 (I), 107 (I)
Евгения императрица Франции 243 (I)
Евсевий Св. 288 (I)
Егерстранд Т. (Hägerstrand T.) 372 (I), 219 (II), 221 (II)
Егерстрём (Хегерстрём) Акс. (Hägerström Ax.) 218 (II)
Егоров Д. Н. 392 (I), 401 (I)
Екатерина II императрица России 53 (I), 185 (I)
Елена императрица 96 (I)
Елисеев А. В. 55 (I)
Ельмслев Л. (Hjelmslev L.) 62 (II)
епископ Озерра 98 (I)
Ёссинг Г. (Gjessing G.) 43 (I)
Ефименко П. П. 19 (II), 142 (II), 203 (II)

Жебелёв С. А. 43 (I), 207 (I), 663 (I), 664 (I), 668 (I), 671 (I), 675 (I), 15 (II)
Живаго С. А. 393 (I)
Жоффруа Сент-Илер Э. (Geoffroy Saint-Hilaire É.) 281 (I), 283 (I), 317 (I)
Жуанне Фр. В. де (Jouannet Fr. V. de) 266 (I), 267 (I)
Жуков Б. С. 653 (I), 654 (I), 655 (I), 11 (II), 16 (II)
Жюссье А. де (Jussieu A. de) 122 (I), 150 (I), 151 (I)

Забелин И. Е. 45 (I), 50 (I), 22 (II)
Заброу Э. (Zubrow A.) 252 (II), 336 (II)
Закен Э. фон (Sacken E. von) 234 (I)
Залеман К. Г. 7 (II)
Замятнин С. Н. 329 (I), 139 (II)
Зангмейстер Э. (Sangmeister E.) 129 (II), 130 (II), 132 (II)
Зауэр Б. (Sauer B.) 15 (I)
Захарук Ю. Н. 644 (I), 140 (II), 208 (II), 480 (II)
Звелебил М. (Zvelebil M.) 373 (I), 387 (I), 431 (II)
Звенигородский С. кн. 55 (I)
Зедльмайр Г. (Sedlmayr H.) 78 (II)
Зелинский Ф. Ф. 667 (I)
Зельнов И. (Selnow I.) 315 (I)
Земпер Г. (Semper G.) 290 (I), 291 (I), 292 (I), 297 (I), 300 (I), 302 (I), 77 (II)
Зетцлер Ф. М. (Setzler F. M.) 638 (I)
Зибенкес Й. Ф. (Siebenkees J. Ph.) 203 (I)
Зиглин В. (Sieglin W.) 378 (I)
Зиммермэн Л. Дж. (Zimmerman L. J.) 393 (II)
Зихтерман Г. (Sichtermann H.) 65 (I), 297 (I)
Зоммергоф Г. (Sommerhoff G.) 264 (II)
Зуев В. Ю. 668 (I), 669 (I), 672 (I), 673 (I), 674 (I)
Зюсс Эд. (Suefi Ed.) 124 (II)

Ибрагим ибн Вазиф-шах 93 (I)
Ибсен Х. Й. (Ibsen H. J.) 391 (I)
Иванов Вяч. Вс. 430 (II), 435 (II)
Иванов Вяч. И. 669 (I)
Иверсен Йох. (Iversen Joh.) 548 (I)
Иеремия 568 (I)
Иисус Христос 56 (I), 87 (I), 96 (I), 97 (I), 98 (I), 100 (I), 101 (I), 176 (I), 17 (II), 64 (II), 251 (II), 414 (II), 428 (II), 436 (II)
Инал-ипа Ш. Д. 52 (I), 53 (I)
Ингерсол Д. У. (Ingersol D. W.) 315 (II)
Иностранцев А. А.4 (II)
Иосиф Флавий 83 (I), 437 (II)
Иосия 121 (I), 589 (I), 592 (I)
Иоффе А. Ф. 10 (II)
Ипполито д'Эсте (Hippolito d'Este) кардинал 114 (I)
Иуда Галеви 102 (I), 570 (I)

Йеллен Дж. (Yellen J.) 316 (II)
Йеху сын Омри царь Израиля 249 (I)
Йоффи Н. (Yoffee N.) 304 (II), 403 (II)
Йошуа царь 254 (I)

Каваб принц 66 (I)
Кавалли-Сфорца Л. Л. (Cavalli-Sforza L. L.) 373 (I), 623 (I), 300 (II), 431 (II), 456 (II)
Кавачеппи Б. (Cavaceppi B.) 172 (I), 174 (I)
Каден В. (Kaden W.) 186 (I),
Казанова Джак. (Casanova Giac.) 164 (I)
Казанова Джов. (Casanova Giov.) 172 (I), 179 (I)
Кайзер Г. (Kayser H.) 15 (I)
Кайл М. (Kyle M.) 589 (I)
Калверт Фр. (Calvert Fr.) 390 (I), 397 (I), 398 (I), 399 (I), 400 (I), 405 (I), 406 (I), 408 (I)
Калигула (Гай Цезарь) 76 (I)
Каллен Б. С. (Cullen B. S.) 453 (II)
Калокеринос М. (Kalokerinos M.) 413 (I), 417 (I)

Кальвин И. (Calvinus I.) 414 (II)
Кальмер Й. (Callmer J.) 86 (II), 386 (II)
Каменецкий И. С. 208 (II), 210 (II)
Кандлер-Пальсон А. (Kandler-Palsson A.) 432 (II)
Каннингтон Р. Х. (Cunnington R. H.) 212 (I), 213 (I), 235 (I)
Канова А. (Canova A.) 188 (I)
Кант И. (Kant I.) 44 (I), 143 (I), 177 (I), 282 (I), 293 (I), 317 (I), 319 (I), 365 (I), 366 (I), 602 (I), 607 (I), 17 (II), 119 (II), 218 (II)
Капер Э. или Купер А. (Kuper A.) 394 (II), 395 (II)
Капитан Л. (Capitan L.) 465 (I), 471 (I), 473 (I)
Карвер М. (Carver M.) 337 (II)
Карега-Мунене 390 (II)
Карл I Стюарт король Англии 132 (I)
Карл II король Англии 140 (I)
Карл III Бурбон король Испании и Неаполитанского королевства 153 (I)
Карл IX король Швеции 125 (I)
Карл X 283 (I)
Карл Великий король франков 89 (I), 90 (I), 101 (I), 189 (II)
Карлайл Т. (Carlyle Th.) 293 (I), 183 (II)
Кармов Т. М. 5 (I)
Карнап Р. (Carnap R.) 237 (II), 267 (II)
Карнейро Р. (Carneiro R.) 462 (II)
Каро Г. (Karo G.) 21 (I)
Карр Э. Х. (Carr E. H.) 19 (I), 120 (II)
Картальяк Эд.-Ф.-Эмиль (Cartailhac Ed.-Ph.-Emil) 332 (I), 338 (I), 465 (I), 466 (I), 472 (I), 473 (I), 478 (I), 489 (I)
Картер Г. (Carter H.) 582 (I)
Карус К. Г. (Carus K. G.) 141 (II)
Карштедт У. (Kahrstedt U.) 186 (II)
Каски Л. Д. (Caskey L. D.) 295 (II)
Кассирер Э. (Cassirer E.) 368 (I)
Кастанеда К. (Castaneda C.) 62 (I), 343 (II), 344 (II)
Кастаньеда Х. Люц. (Castañeda H. Luc.) 252 (I)
Катлер М. (Cutler M.) 254 (I)
Катрфаж А. де (Quatrefages A. de) 349 (I), 464 (I)
Каугилл Дж. Л. (Cowgill G. L.) 88 (II), 304 (II), 443 (II), 445 (II)
Кауниц кн. В. А. ф. (Kaunitz Fuorst W. A. v.) 174 (I), 176 (I)
Кауперт Й. А. (Kaupert J. A.) 308 (I)
Каутский К. (Kautski K.) 407 (II)
Кафисодор 78 (I)
Кашниц М.-Л. (Kaschnitz M.-L.) 79 (II)
Кашниц фон Вейнберг Гв. (Kaschnitz von Weinberg G.) 79 (II), 80 (II), 81 (II), 82 (II)
Кашпировский А. М. 342 (II)
Кейв Э. Дж. И. (Cave A. J. E.) 470 (I)
Кейзер Р. (Keyser R.) 218 (I), 219 (I)
Кейлюс А.-Кл.-Ф. де Тюбьер де Гримор де Пестель де Леви граф де (Caylus A. Cl. Ph. de Thubieres de Grimoard de Pestels de Levy Comte de) 149 (I), 151 (I), 152 (I), 153 (I), 154 (I), 155 (I), 163 (I), 166 (I), 167 (I), 187 (I), 198 (I), 202 (I), 228 (I)
Кекуле фон Штрадониц Р. (Kekule von Stradonitz R.) 196 (I), 299 (I), 309 (I), 125 (II), 128 (II)
Келлер В. (Keller W.) 589 (I), 590 (I)
Келлер Ф. (Keller F.) 231 (I), 232 (I), 234 (I), 311 (I), 334 (I)
Келли Э. (Kelly E.) 85 (II)
Кёльман В. (Kölmann W.) —
Кембл Дж. М. (Kemble J. M.) 230 (I), 345 (I)
Кёне Б. В. (Б. К. Э.) (Köhne B. K. E.) 199 (I)
Кеньон К. М. (Kenyon K. M.) 591 (I), 592 (I), 593 (I), 594 (I), 599 (I), 46 (II)
Кеньон Фр., сэр (Kenyon Fr., Sir) 591 (I)
Кеплер Й. (Kepler J.) 261 (I)
Кёпп Фр. (Koepp Fr.) 15 (I), 19 (I), 194 (I), 597 (I)
Керам К. В. (Keram K. W.) = Марек К. 16 (I), 17 (I), 33 (I)
Кербелите Б. 57 (I)
Керенский А. Ф. 672 (I), 678 (I)
Кетле Ад. (Quetelet Ad.) 385 (I), 141 (II)
Кеттерштейн К. (Ketterstein K.) 234 (I)
Киддер Элфр. В. (Kidder Alfr. V.) 35 (I), 607 (I), 631 (I), 632 (I), 633 (I), 635 (I), 638 (I), 652 (I), 654 (I), 47 (II), 95 (II), 98 (II), 108 (II), 146 (II), 330 (II)
Кикебуш Альб. (Kikebusch Alb.) 502 (I), 526 (I), 130 (II)
Килер Ал. (Keiller Al.) 597 (I)
Кили Л. (L. Keeley) 463 (II)
Килиан Кл. (Kilian Kl.) 625 (I)
Килиан Л. (Kilian L.) 189 (II)
Кильмейер, (Killmeyer) 465 (I)
Киммиг В. (Kimmig W.) 132 (II)
Кин А. (Keen A.) 410 (II)
Кин Б. (Keen B.) 21 (I)

Кинахан Дж. (Kinahan J.) 391 (II), 399 (II)
Кинг Эдв. виконт Кингсборо (King Edw. Viscount Kingsborough) 554 (I)
Кингсборо лорд 252 (I)
Кипарисов Ф. В. 15 (II), 16 (II)
Киперт Г. (Kiepert H.) 190 (I)
Кипшидзе И. А. 8 (II)
Кириак из Анконы (Ciriaco de' Piccicolli, Кириако де Пиччиколли) 42 (I), 44 (I), 105 (I), 106 (I)
Кирхнер Х. (Kirchner H.) 186 (II)
Киселев С. В. 12 (II), 18 (II)
Кихоу Э. (Kehoe A.) 189 (II)
Клакхон Кл. (Kluckhohn Cl.) 653 (I)
Клавдий I (Тиберий Клавдий Друз Нерон Германик) 78 (I), 265 (I)
Клайндинст М. Р. (Kleindienst M. R.) 316 (II), 317 (II)
Клакхон Кл. (Kluckhohn Cl.) 85 (II), 93 (II), 96 (II), 97 (II), 98 (II), 99 (II), 100 (II), 102 (II), 103 (II), 105 (II), 109 (II), 110 (II), 116 (II), 146 (II), 252 (II), 474 (II)
Клапрот Г. Ю. фон (Klaproth H. J. von) 233 (I), 379 (I)
Кларк Д. В. (Clark D. B.) 402 (II)
Кларк Дж. Гр. Д. (Clark J. Gr. D.) 5 (I), 40 (I), 216 (I), 221 (I), 415 (I), 528 (I), 529 (I), 535 (I), 535 (I), 536 (I), 537 (I), 538 (I), 539 (I), 540 (I), 541 (I), 542 (I), 543 (I), 544 (I), 545 (I), 546 (I), 547 (I), 551 (I), 595 (I), 596 (I), 597 (I), 608 (I), 610 (I), 613 (I), 619 (I), 25 (II), 26 (II), 33 (II), 45 (II), 58 (II), 161 (II), 162 (II), 163 (II), 167 (II), 168 (II), 219 (II), 258 (II), 259 (II), 260 (II), 262 (II), 263 (II), 264 (II), 265 (II), 267 (II), 268 (II), 269 (II), 270 (II), 271 (II) — 275 (II), 276 (II), 286 (II), 293 (II), 294 (II), 296 (II), 300 (II), 303 (II), 306 (II), 307 (II), 308 (II), 309 (II), 333 (II), 357 (II), 364 (II), 411 (II), 443 (II), 445 (II), 471 (II), 474 (II), 489 (II)
Кларк Дж. Д. (Clark J. D.) 648 (I)
Кларк Дж. Э. (Clark G. A.) 452 (II)
Кларк Дэв. Л. (Clarke Dav. L.) 5 (I), 29 (I), 547 (I), 548 (I), 596 (I), 170 (II), 229 (II), 231 (II), 253 (II), 257 (II), 258 (II), 262 (II), 263 (II), 279 (II), 280 (II), 281 (II), 282 (II), 283 (II), 285 (II), 286 (II), 293 (II), 294 (II), 295 (II), 298 (II), 301 (II), 306 (II), 311 (II), 312 (II), 313 (II), 314 (II), 318 (II), 338 (II), 357 (II), 358 (II) 375 (II), 380 (II), 381 (II), 386 (II), 445 (II), 471 (II)
Кларк Р. (Clark R.) 294 (II)
Кларк Эдв. Д. (Clark Edw. D.) 244 (I), 250 (I)
Классен Х. Й. М. (Claessen H. J. M) 59 (II)
Клаузевиц К. ф. (Clausewitz K. v.) 191 (II), 192 (II), 193 (II)
Клейн Л. С. (Klejn L. S.) 6 (I), 14 (I), 23 (I), 24 (I), 26 (I), 27 (I), 72 (I), 78 (I), 106 (I), 217 (I), 221 (I), 228 (I), 382 (I), 390 (I), 407 (I), 418 (I), 419 (I), 421 (I), 437 (I), 445 (I), 491 (I), 493 (I), 630 (I), 644 (I), 645 (I), 652 (I), 653 (I), 658 (I), 91 (II), 133 (II), 147 (II), 153 (II), 169 (II), 170 (II), 178 (II), 194 (II), 195 (II), 208 (II), 234 (II), 254 (II), 265 (II), 282 (II), 296 (II), 299 (II), 314 (II), 324 (II), 380 (II), 384 (II), 388 (II), 402 (II), 409 (II), 411 (II), 412 (II), 442 (II), 444 (II), 458 (II), 459 (II), 460 (II), 465 (II), 467 (II), 485 (II), 487 (II)
Клемент VIII папа римский 101 (I), 260 (I)
Клемент XIV папа римский 163 (I)
Клемент Св., папа римский 97 (I)
Клемм Г. (Klemm G.) 232 (I), 300 (I), 301 (I), 302 (I), 320 (I), 366 (I), 183 (II)
Клиндт-Енсен О. (Klindt-Jensen O.) 20 (I), 33 (I), 34 (I), 127 (I), 138 (I), 447 (I), 453 (I)
Клиффорд Дж. (Clifford J.) 356 (II)
Клопфлейш Фр. (Klopfleisch Fr.) 214 (I), 350 (I), 595 (I)
Клоуз А. (Close A.) 5 (I)
Клоуз Ч. (Close Ch.) 532 (I)
Клюлау К. У. (Clewlow C. W., Jr.) 316 (II)
Кобетт Л. (Cobett L.) 533 (I)
Кобленц В. (Coblenz W.) 129 (II), 132 (II)
Ковалева И. Ф. 57 (I)
Ковалевская В. Б. 652 (I), 653 (I), 207 (II), 210 (II), 467 (II)
Коген Г. (Cohen H.) 218 (II)
Кодри А. (Codrie A.) 275 (I)
Койре А. (Koyre A.) 27 (I), 31 (I)
Кокерелл Ч. Р. (Cockerell Ch. R.) 188 (I)
Кол Ф. Л. (Kohl Ph. L.) 411 (II), 417 (II), 419 (II)
Кола ди Риенцо (Cola di Rienzo, или di Rienzi) 104 (I), 109 (I), 111 (I)
Колаковски Л. (Kolakowski L.) 412 (II)
Колдер III У. М. (Calder III, W. M.) 391 (I), 392 (I)

Колдуэлл Дж. Р (Caldwell J. R.) 230 (II), 231 (II)
Коллингвуд Р.Дж. (Collingwood R. G.) 11 (I), 154 (II), 155 (II), 156 (II), 162 (II), 168 (II), 223 (II), 365 (II), 366 (II), 395 (II)
Коллинз Г. (Collins H.) 637 (I)
Коллис Дж. (Collis J.) 395 (II)
Колпаков Е. М. 648 (I), 383 (II), 384 (II)
Колт-Хор Р. (Colt Hoare R.) 212 (I), 213 (I), 216 (I), 218 (I), 231 (I), 235 (I)
Колумб Хр. (Columbus Chr.) 120 (I), 409 (I)
Колчак А. В. 674 (I)
Колчин Б. А. 139 (II)
Кольдевей Р. (Koldewey R.) 568 (I), 569 (I)
Комарович В. Л. 57 (I), 58 (I)
Конан Дойл А. сэр (Conan Doyle A. Sir) 470 (I)
Кондаков Н. П. 295 (I), 561 (I), 658 (I), 659 (I), 660 (I), 661 (I), 662 (I), 663 (I), 664 (I), 665 (I), 666 (I), 667 (I), 668 (I), 670 (I), 671 (I), 679 (I), 680 (I), 3 (II), 4 (II), 475 (II)
Кондорсе М. Ж. А. К. де (Condorcet M. J. A. C. de) 226 (I), 316 (I), 319 (I)
Конки Марг. У. (Conkey Marg. W.) 84 (II), 88 (II), 373 (II)
Конклин Г. С. (Conklin H. C.) 76 (II)
Константин (Кирилл) Философ 97 (I)
Константин Великий император Византии 89 (I), 96 (I), 97 (I), 301 (I)
Конт О. (Comtes A.) 316 (I), 603 (I), 119 (II), 120 (II), 183 (II), 185 (II)
Конуфис жрец 75 (I)
Конце Ал. (Conze Al.) 204 (I), 304 (I), 305 (I), 306 (I), 307 (I), 310 (I), 311 (I), 314 (I), 392 (I), 397 (I), 79 (II)
Коньерс Дж. (Coniers J.) 265 (I), 266 (I)
Копперс В. (Koppers W.) 482 (I)
Копытов И. (Kopytoff I.) 442 (II)
Корнелий Св. 288 (I),
Коротаев А. В. 59 (II)
Коррес Г. (Korres G.) 392 (I)
Кортес Хернандес 112 (I), 556 (I)
Корфман М. (Korfmann M.) 406 (I)
Косарев М. Ф. 382 (I), 462 (II)
Косидовский З. (Kosidowski Z.) 16 (I)
Косинна Г (Kossinna G.) 6 (I), 35 (I), 370 (I), 382 (I), 409 (I), 426 (I), 455 (I), 456 (I), 460 (I), 484 (I), 491 (I), 492 (I), 493 (I), 494 (I), 495 (I), 496 (I), 497 (I), 498 (I), 499 (I), 500 (I), 501 (I), 502 (I), 504 (I), 505 (I), 506 (I), 507 (I), 508 (I), 509 (I), 510 (I), 511 (I), 512 (I), 513 (I), 514 (I), 515 (I), 516 (I), 517 (I), 518 (I), 519 (I), 520 (I), 523 (I), 524 (I), 525 (I), 526 (I), 530 (I), 595 (I), 601 (I), 610 (I), 613 (I); 126 (II), 128 (II), 129 (II), 140 (II), 172 (II), 176 (II), 181 (II), 182 (II), 190 (II), 433 (II), 470 (II), 474 (II), 489 (II)
Коссак Г. (Kossack G.) 5 (I), 624 (I); 129 (II), 193 (II)
Костшевский Юз. (Kostrzewski Józ.) 426 (I), 492 (I), 507 (I), 513 (I), 522 (I), 523 (I), 526 (I), 187 (II)
Косцюшко Т. (Kosciuszko T.) 211 (I)
Котрелл Л. (Cottrell L.) 17 (I)
Коттон Р. (Cotton R.) 118 (I)
Коу Дж. (Coe J.) 232 (II)
Коу М. Д. (Coe M. D.) 433 (I), 285 (II)
Коул Дж. Р. (Cole J. R.) 574 (I), 344 (II)
Коул Р.-К. (Cole R.-C.) 635 (I)
Коул Ф.-К. (Cole F.-C.) 47 (II), 94 (II), 478 (II)
Коулз Дж. М. (Coles J. M.) 294 (II), 315 (II)
Коулстон У. (Coulston W.) 386 (I)
Коултер С. С. (Coulter C. C.) 105 (I)
Кох Г. (Koch H.) 78 (II), 81 (II)
Кохен Г. А. (Cohen G. A.) 152 (II)
Коэн М. Н. (Cohen M. N.) 462 (II)
Крадин Н. Н. 59 (II)
Крайнов Д. А. 648 (I)
Крамер Сэм. Н. (Cramer Sam. N.) 571 (I)
Крамер В. (Kramer W.) 624 (I)
Крамер Г. (Krahmer G.) 81(II)
Крамер К. (Kramer C.) 316 (II)
Крамли К. М. (Crumley C. M.) 399 (II)
Краузе Фр. (Krause Fr.) 361 (I)
Крёбер А. (Kroeber A.) 607(I), 635 (I), 639 (I), 647 (I), 39 (II), 94 (II), 97 (II), 105 (II), 106 (II), 108 (II), 142 (II), 143 (II), 264 (II)
Кребс Дж. (Krebs J.) 460 (II),
Крез царь лидийский 80 (I), 190 (I), 390 (I)
Крейцер Г. Фр. (Creuzer G. Fr.) 203 (I), 206 (I)
Кригер А. (Krieger A.) 643 (I), 142 (II), 264 (II)
Криничная Н. А. 53 (I)
Крист Й. Фр. (Christ J. Fr.) 196 (I), 202 (I)
Кристаллер В. (Christaller W.) 275 (II), 276 (II), 277 (II), 293 (II)
Кристева Ю. (Kristeva J.) 349 (II)
Кристи Аг., Дама = леди Мэллоуэн, урожд. Миллер (Christie A. Dame, Cl., Lady

Mallowan, née Miller) 428 (I), 437 (I), 617 (I)
Кристи Г. (Christy H.) 279 (I), 280 (I), 337 (I), 490 (II)
Кристиан Фредерик принц датский 216 (I)
Кристиансен К. (Kristiansen K.) 5 (I), 548 (I), 192 (II), 324 (II), 370 (II), 378 (II), 391 (II), 403 (II), 406 (II), 419 (II), 420 (II), 421 (II), 478 (II), 479 (II), 484 (II)
Кристоль Ж. де (Christol J. de) 268 (I), 284 (I)
Кристоф Ж. (Christophe J.) 206 (II)
Кричевский Е. Ю. 18 (II)
Криш Э. Г. (Krisch E. G.) 399 (I), 400 (I), 403 (I), 410 (I)
Крокер Ф. (Crocker Ph.) 212 (I)
Кроль В. (Kroll W.) 295 (I), 126 (II)
Кромвель О. (Cromwell O.) 132 (I)
Кромер М. (Kromer M.) 59 (I)
Крос Г. (Cros G.) 207 (II)
Кроуфут Дж. У. (Crowfoot J. W.) 592 (I)
Крофорд Осб. Г. Ст. (Crawford Osb. G. St.) 20 (I), 35 (I), 36 (I), 48 (I), 228 (I), 229 (I) 392 (I), 528 (I), 529 (I), 530 (I), 531 (I), 532 (I), 533 (I), 535 (I), 551 (I), 595 (I), 597 (I), 599 (I), 613 (I), 616 (I), 619 (I), 621 (I), 25 (II), 127 (II), 219 (II), 446 (II), 471 (II), 474 (II), 475 (II)
Кроче Б. (Croce B.) 676 (I)
Круглов А. П. 19 (II), 20 (II), 301 (II)
Крупнов Е. И. 648 (I)
Крупп Ф. (Krupp F.) 179 (I)
Крывелев И. А. 590 (I)
Крэгг Б. Дж. (Cragg B. G.) 450 (II)
Ксенофан из Колофона 70 (I)
Ксеркс царь персов 245 (I)
Кувер А. (Couvert H.) 313 (I)
Кудар А. (Coudart A.) 133 (II)
Кудеяр 54 (I)
Кузмин М. А. 669 (I)
Куибел Дж. Б. (Quibell J. B.) 582 (I)
Кук Дж. (Cook J.) 394 (I)
Кук К. (Cook K.) 305 (II)
Кук Л. Дж. (Cook L. J.) 422 (II)
Кук Р. М. (Cook R. M.) 65 (I), 82 (I)
Кулаковский Ю. А. 667 (I)
Кулешов В. С. 5 (I)
Кун Н. (Kuhn H.) 193 (II)
Кун Ад. (Kuhn Ad.) 380 (I)
Кун Т. (Kuhn Th.) 28 (I), 29 (I), 30 (I), 238 (II), 331 (II), 349 (II), 350 (II), 351 (II), 415 (II)
Кунст М. (Kunst M.) 36 (I), 37 (I), 475 (II)
Купер Дж. Фен. (Cooper J. Fen.) 607 (I)
Куприн А. И. 669 (I)
Куратов А. А. 55 (I), 56 (I)
Курбэн П. (Courbin P.) 56 (II), 133 (II), 134 (II), 135 (II), 138 (II), 486 (II)
Куригалзу II царь 68 (I)
Куруниотис К. (Kuruniotis K.) 422 (I)
Курциус Л. (Curtius L.) 296 (I)
Курциус Э. (Curtius E.) 196 (I). 294 (I), 307 (I), 308 (I), 309 (I) 310 (I), 311 (I), 359 (I), 397 (I), 399 (I), 401 (I), 408 (I), 409 (I), 79 (II), 490 (II)
Кучера М. П. 57 (I)
Кызласова И. Л. 660 (I), 663 (I)
Кэдогэн Дж. (Cadogan G.) 420 (I)
Кэзервуд Фр. (Catherwood Fr.) 252 (I), 253 (I)
Кэллон М. 31 (I)
Кэмден У. (Camden W.) 113 (I), 114 (I), 115 (I), 116 (I), 118 (I), 124 (I), 126 (I), 129 (I), 130 (I), 140 (I), 143 (I), 144 (I), 155 (I), 210 (I), 211 (I)
Кэмпбелл Л. (Campbell L.) 384 (II), 385 (II)
Кэннинг Стр. (Canning Str.) 248 (I)
Кэплан Х. (Caplan H.) 461 (II)
Кэссон Ст. (Casson St.) 17 (I), 21 (I), 18 (I)
Кэтон-Томпсон Г. (Caton-Thompson G.) 591 (I)
Кэттел Дж. МакК. (Cattell J. McK.) 141 (II)
Кювье Ж (Cuvier G.) 141 (I), 167 (I), 218 (I), 221 (I), 226 (I), 228 (I), 262 (I), 263 (I), 265 (I), 267 (I), 268 (I), 270 (I), 273 (I), 278 (I), 279 (I), 280 (I), 281 (I), 283 (I), 286 (I), 340 (I), 53 (II)
Кюн Г. (Kühn H.) 11 (I), 16 (I), 28 (I), 33 (I), 34 (I), 513 (I), 526 (I), 68 (II), 129 (II)

Ла Бом В. (La Baume W.) 173 (II)
Ла Гарди М. Г. де (La Gardie M. G.) 136 (I)
Ла Пейрер И. = Лапейрер И. (La Peyrere I.) 133 (I)
Лаббок, Леббок Дж. (Labbock J.) 226 (I), 274 (I), 280 (I), 284 (I), 317 (I), 318 (I), 319 (I), 323 (I), 326 (I), 327 (I), 336 (I), 342 (I), 369 (I), 413 (I), 472 (I), 571 (I), 120 (II), 125 (II), 475 (II)
Лазарев В. Н. 660 (I), 661 (I), 663 (I), 667 (I)
Лайель Ч. (Lyell Ch.) 34 (I), 264 (I), 265 (I), 269 (I), 275 (I), 277 (I), 279 (I), 282 (I), 283 (I), 317 (I), 340 (I)
Лаймен Р. Л. (Lyman R. L.) 455 (I)

Лайтфуд Дж. (Lightfood J.) 260 (I)
Лакатош И. (Lakatos I., Лакатос) 29 (I), 30 (I), 350 (II)
Ламарк Ж.-Б. (Lamarck J.-B.) 268 (I), 281 (I), 283 (I), 317 (I), 336 (I), 449 (II)
Ламбер Э. аббат (E. Lambert) 463 (I), 464 (I)
Лэмберг-Карловски К. Ч. (Lamberg-Karlovsky C. Ch.) 594 (I), 309 (II)
Лампрехт К. Г. (Lamprecht K. G.) 301 (I), 352 (I)
Лампрехт П. (Lamprecht P.) 160 (I), 162 (I)
Ламсден Ч. Дж. (Lumsden Ch. J.) 451 (II), 453 (II), 456 (II)
Ламэнь-Амперер А. (Laming-Emperaire A.) 17 (I)
Ланда Диего ди (Landa Diego di) 113 (I)
Лаплас Ж. Л. (Laplace G. L.) 282 (I), 317 (I), 646 (I), 205 (II), 207 (II), 208 (II), 265 (II), 306 (II)
Ларсен М. Т. (Larsen M. T.) 246 (I)
Ларте Эд. А. И. И. (Lartet Éd. A. I. H.) 268 (I), 269 (I), 278 (I), 279 (I), 280 (I), 281 (I), 319 (I), 328 (I), 329 (I), 330 (I), 331 (I), 332 (I), 337 (I), 338 (I), 467 (I), 472 (I), 126 (II), 473 (II), 490 (II)
Латышев В. В. 675 (I)
Лауэр Ж.-Ф. (Lauer J.-Ph.) 93 (I)
Лафито Ж.-Ф. (Lafiteau J.-F.) 151 (I)
Лацарус М. (Lazarus M.) 300 (I)
Ле Брюн Ш. (Le Brun Ch.) 125 (I)
Ле Гофф Ж. (Le Goff J.) 69 (II)
Ле Плонжон Ал. (Le Plongeon Al.) 575 (I)
Ле Плонжон О. Л. (Le Plongeon Aug. L.) 556 (I), 557 (I), 558 (I), 489 (II)
Ле Прево Р. (Le Prevot R.) 141 (I)
Лебедев Г. С. 3 (I), 22 (I), 23 (I), 31 (I), 33 (I), 35 (I), 357 (I), 651 (I), 653 (I), 344 (II)
Лебланк Ст. А. (LeBlanc St. A.) 241 (II), 247 (II), 301 (II)
Лебон Г. (Le Bon G.) 384 (I), 385 (I)
Лебуло 240 (I)
Лев III папа римский 89 (I)
Лев X папа римский 113 (I)
Левада Ю. А. 486 (I)
Левецоу Я. Андр. (Levezow J. Andr.) 207 (I)
Леви Ф. (Lévy F.) 207 (II)
Леви-Брюль Л. (Lévy-Bruhl L.) 57 (II), 65 (II), 66 (II), 67 (II), 68 (II), 70 (II), 351 (II)
Левин К. (Levin K.) 31 (I), 396 (II), 397 (II), 398 (II)
Левин М. (Levin M.) 404 (II)
Леви-Стросс Кл. (Lévi-Strauss C.) 57 (II), 61 (II), 62 (II), 69 (II), 70 (II), 71 (II), 72 (II), 73 (II), 74 (II), 75 (II), 77 (II), 83 (II), 84 (II), 85 (II), 88 (II), 133 (II), 242 (II), 345 (II), 347 (II), 351 (II), 355 (II), 372 (II), 397 (II), 399 (II)
Лёви Эмм. (Löwy Emm.) 305 (I), 79 (II)
Лейбниц Г. В. (Leibnitz G. W.) 133 (I), 147 (I), 316 (I), 141 (II)
Лейтон Р. (Layton Rob.) 31 (I), 397 (II)
Лейтур Б. 31 (I)
Леланд Дж. (Leland J.) 114 (I), 116 (I), 118 (I), 129 (I), 130 (I), 226 (I),
Лелоррэн Ж. (Lelorrain J.) 241 (I),
Леман Т. (Lehman Th) 212 (I), 213 (I), 602 (I)
Ленин (Ульянов) В. И. 385 (I), 532 (I), 672 (I), 677 (I), 678 (I), 679 (I), 4 (II), 11 (II), 14 (II), 57 (II), 169 (II), 299 (II), 407 (II), 408 (II), 417 (II), 423 (II), 475 (II)
Леонард Р. (Leonard R.) 455 (II)
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 107 (I), 119 (I), 261 (I)
Леопольд Бурбон, граф Сиракузский 303 (I)
Леопольд эрцгерцог Бельгии 134 (I)
Лепсиус К. Р. (Lepsius K. R.) 242 (I), 302 (I)
Леруа Ладюри Э. (Le Roy Ladurie E.) 69 (II)
Леруа-Гуран Андре-Ж.-Л. (Leroi-Gourhan Andre-G.-L.) 24 (I), 36 (I), 629 (I), 52 (II), 53 (II), 54 (II), 55 (II), 56 (II), 57 (II), 59 (II), 75 (II), 82 (II), 83 (II), 84 (II), 85 (II), 90 (II), 92 (II), 114 (II), 115 (II), 133 (II), 216 (II), 217 (II), 407 (II), 418 (II), 471 (II), 488 (II)
Леси де (Lecy de) 554 (I)
Лессинг Г. Э. (Lessing G. E.) 177 (I), 179 (I), 194 (I)
Летурно Ш. (Letourneau Ch.) 342 (I)
Лехлер Георг (Йорг) (Lechler Georg/Jorg) 513 (I)
Лец Е. (Lec J.) 108 (I)
Лёш А. (Lösch A.) 275 (II), 276 (II), 277 (II), 293 (II)
Лёшке Г. (Loeschke G.) 296 (I), 128 (II),
Ли Дж. И. (Lea J. I.) 231 (I)
Ли Цзи 109 (II), 116 (II)
Ли Шицзин 50 (I)
Ли Шоули 92 (I)
Ли Э. С. (Lee E. S.) 382 (I)
Либби У. (Libby W.) 29 (I), 629 (I), 297 (II)

Ливингстон Д. (Livingston D.) 587 (I)
Лиги П. (Ligi P.) 414 (II)
Лигорио Пирро (Ligorio Pirro) 129 (I)
Лики М. Н. (Leakey M. N.) 390 (II)
Ликок Эл. (Leacock El.) 420 (II), 422 (II)
Лилиенталь М. (Liliental M.) 147 (I)
Лилли М. (Lilley M.) 387 (I), 431 (II)
Линг Ш. (Ling Sh.) 186 (I)
Линдберг Ч. (Lindberg Ch.) 632 (I)
Линденшмидт В. Младший (Lindenschmidt W. Junior, der Juongere) 344 (I)
Линденшмидт В. Старший (Lindenschmidt W. Senior, der Ältere) 344 (I)
Линденшмидт Л. Младший (Lindenschmidt L. Junior, der Juongere) 344 (I), 459 (I)
Линденшмидт Л. Старший (Lindenschmidt L. Senior, der Ältere) 343 (I), 344 (I), 345 (I), 349 (I), 363 (I), 364 (I), 444 (I)
Линней К. (Linne C.) 217 (I), 282 (I)
Линтон Р. (Linton R.) 555 (I), 604 (I), 96 (II), 97 (II), 98 (II), 232 (II), 474 (II)
Лиони М. П. (Leone M. P.) 5 (I), 25 (II), 85 (II), 231 (II), 232 (II), 362 (II), 363 (II), 375 (II), 419 (II), 478 (II)
Лиотар Ж. Ф. (Lyotard J. F.) 338 (II), 342 (II)
Липпольд Г. (Lippold G.) 296 (I)
Липс Юл. (Lips J.) 361 (I)
Лиссауэр Абр. (Lissauer Abr.) 349 (I), 530 (I), 595 (I)
Лиха лакедемонянин 31 (I), 74 (I)
Лихман О. 54 (I), 77 (I)
Лич Э. (Leach E.) 61 (II), 70 (II), 90 (II), 110 (II), 299 (II), 356 (II), 359 (II), 394 (II)
Лиш Фр. (Lisch Fr.) 216 (I), 219 (I), 230 (I), 233 (I), 234 (I)
Ллойд С. (Lloyd S.) 17 (I), 50 (II)
Лоден Л. (Laudan L.) 342 (II)
Лойд Э. (Lhwyd или Lhuyd E.)143 (I), 154 (I), 155 (I), 210 (I),
Локк Дж. (Locke J.) 139 (I), 143 (I), 118 (II), 119 (II), 141 (II)
Лонг Р. (Long R_j) 436 (II), 437 (II), 438 (II)
Лонг Э. (Long E.) 144 (I)
Лонгакр (Longacre W.) 85 (II), 233 (II), 235 (II), 239 (II)
Лопарев Х. М. 57 (I), 63 (I)
Лопес де Гомара Фр. (Lopes de Gomara Fr.) 554 (I)
Лоран Г. (Laurent G.) 266 (II)
Лоренс Т. Э. (Нед) (Lawrence Th. E. = Ned), Лоренс Аравийский 427 (I), 583 (I), 587 (I)
Лорентино Медичи (Lorentino de Medici) 427 (I), 490 (II)
Лоренц К. (Lorenz K.) 450 (II), 451 (II), 587 (II)
Лотман Ю. М. 64 (II), 65 (II), 342 (II)
Лотроп С. К. (Lothrop S. K.) 433 (I)
Лоу Б. С. (Low B. S.) 452 (II)
Лоуи Р. Г. (Lowie R. H.) 368 (I), 371 (I), 567 (I), 35 (II)
Лу Далин 93 (I)
Лукиан пресвитер 96 (I)
Лукреций Кар, Тит 70 (I)
Луначарский А. В. 652 (I)
Лунд П. В. (Lund P. W.) 147 (I), 215 (I), 216 (I), 217 (I), 218 (I), 221 (I), 226 (I), 229 (I), 269 (I), 372 (I)
Луп Серват де Ферьер (Loup Servat Abbede Ferriere) 98 (I), 99 (I)
Луций Маммий 76 (I)
Лушан Ф. фон (Luschan F. von) 176 (II), 179 (II)
Лыжины бр. 397 (I)
Лынша В. А. 59 (II)
Лэйард Ост. Г. (Layard Aust.H.) 21 (I), 246 (I), 248 (I), 249 (I), 288 (I)
Лэнг Э. (Lang A.) 342 (I), 481 (I)
Лэнгхэм Я. (Langham I.) 559 (I)
Лю Чжан 93 (I)
Любин В. П. 646 (I)
Людвиг I Баварский 186 (I), 188 (I)
Людвик из Бжега князь 98 (I)
Людовик XV король Франции 176 (I)
Людовик Благочестивый король Франции 90 (I)
Люмлей А. де (Lumley H. de) 647 (I), 216 (II)
Люнинг Й. (Lüning J.) 625 (I)
Люснер М. (Lüssner M.) 234 (I)
Люсьен Бонапарт принц Канино 186 (I)
Лют Ф. (Luth F.) 626 (I)
Лютер М. (Luther M.) 112 (I), 119 (I), 177 (I), 386 (I), 478 (I), 414 (II)
Люшер А. (Luchaire A.) 96 (I)

Мабийон Ж. (Mabillon J.) 141 (I), 154 (I), 320 (I)
Мавзол царь Лидии 190 (I)
Магаффи Дж. Ф. (Mahaffy J. Ph.) 403 (I)
Магнус Йоханнес (Magnus Johannes) 118 (I)
Магнус Олаус (Mgnus Olaus) 118 (I)

Маевский Э. (Majewski E.) 519 (I), 520 (I)
Майер Ф. Г. (Maier F. G.) 8 (I), 21 (I)
Майлз Д. (Miles D.) 123 (II)
Майрс Дж. Л. (Myres J. L.) 216 (I), 413 (I), 416 (I), 570 (I), 595 (I), 596 (I), 609 (I), 611 (I), 613 (I), 177 (II)
Майтэн С. (Mithen S.) 339 (II), 457 (II)
Макалистер Р. А. С. (Macalister R. A. S.) 561 (I)
Макарий митрополит Иерусалимский 96 (I)
Макаров Н. А. 53 (I), 499 (I)
МакБёрни Ч. (McBurney Ch.) 544 (I)
МакГуайр Р. Х. (McGuire R. H.) 322 (II), 409 (II), 411 (II), 412 (II), 413 (II), 414 (II), 415 (II), 417 (II), 422 (II), 423 (II), 424 (II), 425 (II)
МакДоналд У. Э. (McDonald W. A.) 428 (II), 440 (II), 490 (II)
МакИнери Дж. (MacEnery J.) 267 (I), 268 (I), 275 (I), 285 (I)
МакКай (McKie) 252 (I)
МакКаллоу Дж. Х. (McCulloh J. H.) 256 (I)
МакКендрик П. (MacKendrick P.) 105 (I)
Маккензи Д. (Mackenzie D.) 417 (I), 419 (I), 423 (I)
Маккензи И. (Mackenzie I.) 384 (II)
МакКерн С. У. (McKern W. C.) 634 (I), 635 (I), 637 (I), 640 (I), 643 (I), 47 (II), 107 (II), 146 (II)
МакКинли У. (McKinley W.) 404 (II)
МакЛарен Ч. (McLaren Ch.) 390 (I)
МакЛеллан Д. (McLellan D.) 407 (II)
МакЛеннан Дж. Ф. (MacLennan J. F.) 284 (I), 318 (I), 319 (I), 158 (II)
МакНиш Р. Ст. (MacNeish R. St.) 44 (II), 47 (II), 48 (II), 285 (II), 289 (II), 291 (II), 292 (II), 293 (II)
МакНэрн Б. (McNairn B.) 608 (I)
Максимилиан I император 113 (I), 128 (I), 129 (I)
Максимилиан II император 118 (I)
Максимов П. 50 (I), 51 (I)
МакТаггарт Дж. МкТ. Э. (McTaggart J.McT. E.) 154 (II)
Мак-Фарленд Д. (McFarland D.) 450 (II)
Малафурис Л. (Malafouris L.) 440 (II), 443 (II)
Малина Я. (Malina Jar.) 5 (I), 6 (I), 19 (I), 25 (I), 212 (II), 262 (II), 389 (II)
Маллер Дж. (Muller J.) 88 (II)
Мальмер М. Э. Г. С. П. (Malmer M. E. G. S. P.) 5 (I), 455 (I), 457 (I), 153 (II), 218 (II), 219 (II), 220 (II), 221 (II), 222 (II), 223 (II), 224 (II), 225 (II), 226 (II), 227 (II), 231 (II), 234 (II), 236 (II), 253 (II), 262 (II), 263 (II), 267 (II), 271 (II), 275 (II), 306 (II), 381 (II), 420 (II)
Мальтус Т. Р. (Malthus Th. R.) 304 (II), 462 (II)
Мангельсдорф П. (Mangelsdorf P.) 42 (II)
Мандельштам О. Э. 669 (I)
Мандера Г.-Э. (Mandera H.-E.) 189 (II)
Мануврие Л. (Manouvrier L.) 467 (I)
Мао Цзедун 57 (II)
Марат Ж.-П. (Marat J.-P.) 328 (I), 384 (I)
Марбод еп. Реннский 51 (I), 94 (I)
Маретт Р. (Marett R.) 16 (I), 342 (I), 371 (I), 479 (I)
Мариньи Т. Де 53 (I)
Мариэтт Ж.-П. (Mariette J.-P.) 191 (I), 192 (I)
Мариэтт О. (Mariette A.) 242 (I), 243 (I), 579 (I)
Мария-Терезия императрица 174 (I)
Марквардт У. Г. (Marquardt W. H.) 423 (II), 425 (II)
Маркс К. (Marx K.) 44 (I), 84 (I), 177 (I), 220 (I), 235 (I), 263 (I), 291 (I), 448 (I), 457 (I), 532 (I), 13 (II), 17 (II), 21 (II), 24 (II), 25 (II), 31 (II), 32 (II), 36 (II), 38 (II), 39 (II), 41 (II), 57 (II), 59 (II), 69 (II), 70 (II), 85 (II), 113 (II), 185 (II), 205 (II), 299 (II), 352 (II), 394 (II), 402 (II), 404 (II), 408 (II), 409 (II), 411 (II), 414 (II), 415 (II), 416 (II), 418 (II), 422 (II), 423 (II), 443 (II), 474 (II)
Маркузе Г. (Marcuse H.) 346 (II), 408 (II), 416 (II)
Маркус Дж (Marcus J.) 307 (II), 336 (II), 337 (II)
Маркус Дж. Э. (Marcus G. E.) 356 (II)
Марлиано (Marliano) 116 (I), 117 (I)
Марпург Ф.-В. (Marpurg F.-W.) 161 (I)
Марр Дж. 5 (II),
Марр Н. Я. 678 (I), 5 (II), 6 (II), 7 (II), 8 (II), 9 (II), 10 (II), 11 (II), 13 (II), 14 (II), 15 (II), 17 (II), 18 (II), 19 (II), 20 (II), 21 (II), 22 (II), 430 (II)
Марри М. (Murray M.) 585 (I)
Марри Т. (Murray T.) 5 (I), 11 (I), 14 (I), 211 (I), 419 (I)
Мартин П. С. (Martin P. S.) 102 (II), 231 (II), 232 (II), 235 (II), 237 (II), 251 (II), 318 (II)
Мартынов А. И. 451 (I), 453 (I)

Маруяма Магоро (Maruyama Magoroh) 284 (II), 287 (II), 295 (II), 296 (II), 297 (I), 307 (II)
Марциал, Марк Валерий 162 (I)
Маршак Б. И. 136 (II), 139 (II), 210 (II)
Маршальк-Туриус Николаус (Marschalk-Turius Nicolaus) 107 (I), 234 (I)
Масленников В. И. 236 (II)
Масперо Г. (Maspero G.) 562 (I), 579 (I), 580 (I)
Массон В. М. 22 (II), 28 (II), 58 (II), 59 (II), 272 (II)
Массон Кр. (Musson Chr.) 303 (II)
Масуди (al-Mas'udi) 93 (I)
Матезиус Й. (Matesius J.) 120 (I)
Матиассен Т. (Matiassen Th.) 548 (I)
Матунга Х. (Matunga H.) 390 (II)
Матус Хуан дон 343 (II)
Матц Фр. Младший (Matz Fr. der Juongere) 79 (II), 81 (II), 82 (II)
Матюшин Г. Н. 462 (II)
Мау А. (Mau A.) 668 (I), 670 (I)
Махмуд I султан Турции 187 (I)
Мацулевич Л. А. 16 (II)
Мачинский Д. А. 344 (II)
Маш А. Г. (Masch A. G.) 234 (I)
Маюдель Н. (Mahudel N.) 150 (I), 216 (I)
Маяковский В. В. 525 (I), 389 (II)
Меггерс Б. (Meggers B.) 41 (II), 96 (II), 287 (II)
Мего В. (Megaw V.) 613 (I)
Мегре В. 62 (I)
Медина Сильва Р. 344 (II)
Мейасу К. (Meillassoux Cl.) 299 (II), 338 (II), 418 (II)
Мейе Ант. (Meillet A.) 7 (II), 10 (II),
Мейер фон Кнохау Г. (Meyer von Knochau G.) 173 (I)
Мейер Эд. (Meyer Ed.) 370 (I), 419 (I), 492 (I), 499 (I), 500 (I), 501 (I), 502 (I), 513 (I), 519 (I), 522 (I), 570 (I), 119 (II)
Мейер Эр. (Meyer Er.) 392 (I)
Мейербер Дж. (Meyerbeer G.) комп. 377 (I)
Мейерович М. А. 389 (I)
Мейн (Мэн) Г. Дж. С. (Maine H. J. S.) 284 (I)
Мейнеке Ф. (Meinecke F.) 183 (II)
Мейстерлин С. (Meisterlin S.) 103 (1)
Меллаарт Дж. (Mellaart J.) 594 (I)
Мельцер Д. Дж. (Meltzer D. J.) 28 (I)
Менассе бен Йозеф бен (Menasseh ben Yossef ben Yisrael) 554 (I)
Менгин Осв. Ф. А. (Menghin Osw. F. A.) 7 (I), 455 (I), 482–485 (I), 487 (I), 490 (I), 596 (I), 624 (I), 128 (II), 129 (II), 175 (II)
Менгс А. Р. (Mengs A. R.) 172 (I), 179 (I)
Менделеев Д. И. 124 (II)
Мендель Г. Й. (Mendel G. J.) 24 (II)
Менес 431 (I)
Меньян Ж.-Р. де (Meignan G.-R. de) 463 (I), 464 (I),
Мёрдок Дж. П. (Murdock G. P.) 641 (I), 42 (II), 43 (II), 44 (II), 52 (II), 53 (II), 54 (II), 75 (II), 110 (II), 111 (II), 112 (II), 116 (II), 141 (II), 415 (II)
Мережковский Д. С. 669 (I)
Меркати М. (Mercati M.) 121 (I), 122 (I), 151 (I)
Мерло-Понти М. (Merleau-Ponty M.) 408 (II), 418 (II), 441 (II)
Мернепта фараон 583 (I)
Меровей 134 (I)
Мерперт Н. Я. 626 (I), 32 (II), 33 (II)
Мертон Р. К. (Merton R. C.) 94 (II)
Мерхарт фон Бернег Г. К. М. (Merhart von Bernegg G. K. M.) 624 (I), 126 (II), 127 (II), 128 (II), 129 (II), 130 (II), 131 (II), 132 (II), 174 (II), 193 (II), 196 (II)
Мес-калам-дуг царь Шумера 431 (I)
Месторф И. (Mestorf J.) 126 (II)
Мехмет II султан 195 (I)
Меховский М. (Mechowski M.) 59 (I), 60 (I)
Мечников Л. Ил. 651 (I)
Мещанинов И. И. 9 (II), 14 (II)
Мид Дж Г. (Mead G. H.) 397 (II), 398 (II), 400 (II)
Мид Р. (Mead R.) 31 (I)
Мидас царь фригийский 80 (I)
Миков В. 626 (I)
Милин Н. 77 (I)
Милл Дж. Ст. (Mill J. St.) 319 (I), 458 (I), 120 (II)
Миллен А. Л. (Millin A. L.) 186 (I), 205 (I), 209 (I)
Миллер Д. (Miller D.) 362 (II), 370 (II), 371 (II), 421 (II)
Миллер М. А. 118 (II)
Милойчич Вл. (Milojčić Vl.) 623 (I), 624 (I), 625 (I), 626 (I), 627 (I), 628 (I), 158 (II), 179 (II)
Мильххофер А. (Milchhoefer A.) 413 (I), 415 (I)
Милюков П. Н. 669 (I), 672 (I), 674 (I), 675 (I)

Миннз Э. (Minns E.) 671 (I), 677 (I), 295 (II)
Минх А.Н. 53 (I), 54 (I)
Михаил III император 97 (I)
Михаэлис А. (Michaelis A.) 16 (I), 188 (I), 196 (I), 104 (I), 307 (I), 312 (I), 408 (I)
Мовиус Х. (Movius H.) 480 (I), 109 (II), 116 (II)
Маруяма Могоро (Maruyama Mogoro) 284 (II)
Можолич Ам. (Mozsolics Am.) 484 (I)
Мойер К.К. (Moyer C. C.) 648 (I), 115 (II)
Моль А. (Moles A.) 353 (II)
Мольтке Г.К.Б. фельдмаршал граф фон (Moltke H. K. B. Feldmarschal Graf von) 379 (I), 397 (I)
Момзен Т. (Mommsen Th.) 498 (I)
Момильяно А. (Momigliano A.) 83 (I)
Монгайт А.Л. 3 (I), 20 (I), 42 (I), 43 (I), 47 (I), 106 (I), 170 (I), 171 (I), 492 (I), 551 (I), 614 (I), 25 (II),93(II),175(II),266 (II)
Монтелиус Г.Оск. А. (Montelius G. Osc. A.)34 (I), 36 (I), 40 (I), 43 (I), 135 (I), 371 (I), 413 (I), 439 (I), 440 (I), 441 (I), 442 (I), 443 (I), 444 (I), 445 (I), 446 (I), 447 (I), 448 (I), 449 (I), 450 (I), 451 (I), 452 (I), 453 (I), 454 (I), 455 (I), 456 (I), 457 (I), 458 (I), 459 (I), 461 (I), 462 (I), 480 (I), 494 (I), 495 (I), 503 (I), 516 (I), 524 (I), 525 (I), 526 (I), 551 (I), 570 (I), 582 (I), 583 (I), 586 (I), 594 (I), 601 (I), 611 (I), 612 (I), 614 (I), 625 (I), 643 (I), 650 (I), 653 (I), 661 (I), 674 (I), 684 (I), 39 (II), 126 (II), 127 (II), 160 (II), 176 (II), 179 (II), 180 (II), 182 (II), 184 (II), 216 (II), 218 (II), 219 (II), 226 (II), 227 (II), 311 (II), 375 (II), 389 (II), 470 (II), 475 (II), 477 (II), 479 (II), 489 (II), 490 (II)
Монтена Х. (Montena J.) 409 (II)
Монфокон дом Б. (Montfaucon dom B.) 149 (I), 150 (I), 153 (I), 155 (I), 196 (I), 228 (I)
Монфор П.де (Montfort P.de) 61 (I)
Морган Ж.де (Morgan J. de) 7 (II), 28 (II)
Морган Л.Г. (Morgan L. G.) 226 (I), 284 (I), 318 (I), 319 (I), 335 (I), 336 (I), 337 (I), 342 (I), 601 (I), 603 (I), 604 (I), 607 (I), 633 (I), 17 (II), 19 (II), 21 (II), 26 (II), 28 (II), 30 (II), 35 (II), 36 (II), 39 (II), 158 (II), 297 (II), 375 (II), 449 (II)
Морган Т.Х. (Morgan Th. H.) 24 (II)
Морелли (Лермольев) Дж. (Morelli G. = Lermolieff) 298 (I), 299 (I)
Морено Й. Л. (Moreno J. L.) 141 (II)
Морло А. (Morlot A.) 15 (I), 229 (I)
Моррис Д. (Morris D.) 450 (II)
Моррис У. (Morris W.) 291 (I)
Мортилье Л.-Л.-М.-Габриель де (Mortillet L.-L.-M.-Gabriel de) 216 (I), 263 (I), 328 (I), 329 (I), 330 (I), 331 (I),332 (I), 333 (I), 334 (I), 336 (I), 337 (I), 338 (I), 339 (I), 340 (I), 342 (I), 347 (I), 370 (I), 439 (I), 440 (I), 441 (I), 443 (I), 461 (I), 463 (I), 464 (I), 465 (I), 467 (I), 468 (I), 469 (I), 471 (I), 472 (I), 473 (I), 474 (I), 477 (I), 479 (I), 488 (I), 489 (I), 525 (I), 563 (I), 570 (I), 586 (I), 622 (I), 650 (I), 4 (II), 19 (II), 47 (II), 120 (II), 122 (II), 126 (II), 160 (II), 470 (II), 471 (II), 475 (II)
Мортон Сэм. Дж. (Morton Sam. J.) 256 (I), 41 (II)
Мосс М. (Mauss M.) 52 (II), 397 (II)
Мохаммед Али паша хедив Египта 240 (I), 242 (I), 247 (I)
Мохаммед Керити Оглу 247 (I), 248 (I)
Мрозовски С.Дж. (Mrozovsky S.J.) 422 (II)
Муберг К.-А. (Moberg K.-A.) 543 (I), 219 (II), 264 (II), 281 (II), 296 (II), 306 (II)
Мудир 243 (I)
Музелис Н. (Mouzelis N.) 414 (II)
Мулуд Н. 62 (II)
Мур С. (Moore S.) 256 (I)
Мураль Л.ф. 396 (I)
Мури П.Р.С. (Moorey P.R. S.) 594 (I)
Муромцева-Бунина В.Н. 666 (I)
Мусгард М. (Mushard M.) 148 (I)
Муссолини Б. (Mussolini B.) 385 (I)
Мууримяки Э. (Muurimäki E.) 226 (II)
Мух М. (Much M.) 382 (I), 496 (I), 500 (I), 510 (I), 513 (I), 518 (I), 613 (I), 124 (II), 433 (II)
Мух Р. (Much R.) 496 (I), 128 (II)
Мухаммед (Магомет) пророк 87 (I)
Мысливченко А.Г. 218 (II)
Мэдисон еп. (Madison) 255 (I), 675 (I)
Мэллоуэн М.Э.сэр Л. (Mallowan M. E. L., Sir) 428 (I), 436 (I), 617 (I)
Мэсн О. (Masson O.) 337 (I), 603 (I)
Мэтьюз У.Х. (Mathews W. H.) 578 (I)
Мэшнер Г.Д.Дж. (Mashner H. D. G.) 457 (II)
Мюлленгоф К. (Müllenhoff K.) 493 (I), 495 (I), 526 (I)

Мюллер Г. А. (Müller G. A.) 186 (I)
Мюллер К. Отфр. (Müller K. O.) 201 (I), 307 (I), 196 (I), 203 (I), 290 (I), 292 (I), 307 (I)
Мюллер Макс (Müller Max) 284 (I), 317 (I), 327 (I), 400 (I), 401 (I)
Мюллер С. О. (Müller S. O.) 34 (I), 36 (I), 40 (I), 189 (I), 214 (I), 349 (I), 369 (I), 439 (I), 443 (I), 444 (I), 447 (I), 451 (I), 452 (I), 453 (I), 454 (I), 455 (I), 456 (I), 457 (I), 458 (I), 459 (I), 460 (I), 461 (I), 513 (I), 570 (I), 582 (I), 583 (I), 601 (I), 631 (I), 647 (I), 650 (I), 652 (I), 4 (II), 100 (II), 120 (II), 126 (II), 160 (II), 176 (II), 179 (II), 180 (II), 182 (II), 184 (II), 218 (II), 219 (II), 227 (II), 389 (II), 470 (II), 475 (II), 479 (II), 489 (II)
Мюллер ф. канцлер (Müller v.) 194 (I)
Мюллер-Карпе Г. (Müller-Karpe H.) 623 (I), 129 (II), 132 (II), 133 (II), 136 (II), 137 (II)
Мюльман В. Э. (Mühlmann W. E.) 182 (II), 398 (II), 432 (II)
Мюнстер Ю. (Münster S.) 15 (I), 59 (I), 120 (I)
Мюнтер Фр. (Münter Fr.) 214 (I), 215 (I), 216 (I)
Мюрат Ж. (Murat J.) 186 (I)
Мялешка М. 49 (I)

Набоков В. Д. 669 (I), 674 (I)
Набонид царь 42 (I), 44 (I), 66 (I), 67 (I), 68 (I), 84 (I), 431 (I)
Набузерлишир писец 68 (I)
Нагель Э. (Nagel E.) 238 (II)
Наймэн Фр. Д. (Neiman Fr. D.) 455 (II)
Наполеон III (Луи-Наполеон) император 181 (I), 186 (I), 277 (I)
Нарр К. Й. (Narr K. J.) 485 (I), 186 (II)
Науман Г. (Naumann H.) 183 (II)
Небукаднецар (Навуходоносор) II царь 67 (I), 68 (I), 596 (I)
Нейдек О. ф. 59 (I)
Нейрат О. (Neurath O.) 237 (II)
Нелсон Н., С. (Nelson N. C.) 607 (I), 640 (I)
Нельсон Г. адмирал (Nelson H. Admiral) 183 (I), 185 (I), 216 (I), 239 (I)
Ненниус монах 101 (I)
Нерон (Н. Клавдий Цезарь Друз Германик) 76 (I), 77 (I), 78 (I)
Нестеров М. В. 669 (I)
Нестор И. (Nestor I.) 129 (II)
Неуступны Э. (Neustupny E.) 5 (I), 297 (II)
Нибур Б. Г. (Niebuhr B. G.) 201 (I), 366 (I), 119 (II)
Нибур К. (Niebuhr K.) 244 (I)
Нидерле Л. (Niederle L.) 169 (II)
Низовский А. Ю. 53 (I)
Никодем 96 (I)
Николай V папа римский 107 (I)
Никольский В. К. 18 (II), 21 (II)
Ниль Ф. (Niel F.) 567 (I)
Нильсон С. (Nilsson S.) 43 (I), 226 (I), 227 (I), 228 (I), 315 (I)
Ниман Г. (Niemann G.) 305 (I)
Нируп Р. (Nyerup R.) 215 (I), 216 (I)
Нкуанга Э. (Nkuanga A.) 390 (II)
Нокс Р. (Knox R.) 251 (I)
Нордблад Я. (Nordbladh J.) 5 (I), 19 (I)
Нума Помпилий царь сабинский 75 (I)
Ньютон И. сэр (Newton I. Sir) 139 (I), 144 (I), 145 (I), 261 (I), 32 (II)
Ньютон Ч. Т. (Newton Ch. Th.) 190 (I), 302 (I), 304 (I), 397 (I), 400 (I), 408 (I), 415 (I)
Нюра, баба 342 (II)

Оберг Н. (Aberg N.) 419 (I), 441 (I), 456 (I), 457 (I), 218 (II)
Обермайер Град Х. (Obermaier Grad H.) 231 (I), 465 (I), 473 (I), 478 (I), 479 (I), 486 (I), 487 (I), 607 (I), 128 (II)
О'Брайен М. Дж. (O'Brien M. J.) 455 (II)
Обри Дж. (Aubrey J.) 139 (I), 140 (I), 141 (I), 142 (I), 144 (I), 145 (I), 154 (I), 155 (I)
Овербек Й. (Overbeck J.) 196 (I), 292 (I), 294 (I)
Оглэндер Дж. сэр (Oglander J. Sir) 115 (I), 116 (I)
Оготеммели 343 (I)
Одобеску А. И. (Odobescu A. I.) 42 (I)
Озгуд К. (Osgood C.) 641 (I)
Окладников А. П. 254 (II)
Октавиан (Цезарь Октавиан Август) 94 (I)
Олаус Магнус епископ (Olaus Magnus) 118 (I), 122 (I)
Олбен Св. 100 (I)
Олбрайт У. Ф. (Albright W. F.) 587 (I), 588 (I), 589 (I), 590 (I), 591 (I), 594 (I)
Олеарий (Olearius) 148 (I)
Олег князь 61 (I)
Оливер Д. (Olivier D.) 86 (II)
Оливье Л. (Olivier L.) 126 (II)

Ольсен Б. Й. (Olsen B. J.) 387 (II), 388 (II), 389 (II)
Омоль Теоф. (Homolle Taeoph.) 312 (I)
Онгер Р. (R. Aunger) 453 (II)
Оппельн-Брониковски Фр. (Oppeln-Bronikowski Fr.) 16 (I)
Орбели И. А. 7 (II)
Орм Б. (Orme B.) 27 (I)
Орнатская Л. А. 365 (I)
Ортон Кл. (Orton Cl.) 547 (I), 357 (II)
Оруэлл Дж. (Orwell G.) 617 (I), 359 (II), 376 (II)
Освальд В. (Oswald W.) 352 (I)
Остин Р. Г. (Austen R. G.) 267 (I), 275 (I)
Островский А. Б. 70 (II)

Павел II папа римский 106 (I), 107 (I)
Павел апостол 96 (I), 97 (I)
Павлов И. П. 46 (I), 97 (II)
Павсаний периегет 44 (I), 82 (I)
Пайк К. Л. (Pike K. L.) 75 (II), 76 (II), 77 (II), 480 (II)
Палацкий Фр. (Palacký Fr.) 234 (I)
Палмер (Памер) Л. Р. (Palmer L. R.) 421 (I), 423 (I)
Пампелли Раф. (Pumpelli Raph.) 528 (I), 607 (I), 27 (I), 46 (I), 58 (I)
Панофка Т. С. (Panoffka Th. S.) 201 (I)
Панченко А. А. 56 (I)
Паньини К. (Pagnini C.) 175 (I)
Паола-Мария (Полина) Бонапарт-Боргезе (Paola-Marie = Pauline Bonapart-Borghese) 271 (I),
Паолоцци Эд. (Paolozzi Ed.) 436 (II)
Паркер М. (Parker M.) 118 (I)
Парсонс Т. (Parsons T.) 94 (II), 96 (II), 399 (II)
Паскаль Бл. (Pascal Bl.) 123 (I)
Пассионеи кардинал 162 (I)
Патнем Р. (Putnam R.) 254 (I)
Патнем Фр. (Putnam Fr.) 336 (I), 337 (I), 342 (I)
Паули А. (Pauli A.) 199 (I), 295 (I), 126 (II)
Пауэлл Дж. У. (Powell J. W.) 335 (I), 336 (I), 337 (I), 603 (I)
Пашуто В. Т. 174 (II)
Пейнтер Р. (Paynter R.) 410 (II)
Пейреск Н. Кл. Ф. де (Peiresc N. Cl. F. de) 117 (I), 123 (I), 124 (I), 125 (I), 131 (I)
Пейрони Д. (Peyrony D.) 465 (I), 473 (I), 477 (I), 478 (I), 479 (I), 646 (I)
Пембрук Т. Г. граф (Pembruck Th. H. Earl of) 144 (I)
Пенджели У. (Pengelly W.) 275 (I)
Пендлбери Дж. (Pendleburry J.) 420 (I), 424 (I)
Пенк А. (Penk A.) 453 (I)
Пенка К. (Penka K.) 378 (I), 478 (I), 496 (I)
Пенни Н. (Penny N.) 115 (I)
Перетц В. Н. 57 (I)
Перри У. Дж. (Perry W. J.) 370 (I), 565 (I), 566 (I), 567 (I), 571 (I), 604 (I), 620 (I)
Перро Ж. (Perrot G.) 187 (I)
Перро Ж. (Perrot J.) 646 (I)
Перро Кл. (Perrault Cl.) 123 (I)
Перро Ш. (Perrault Ch.) 123 (I), 164 (I)
Пескарева К. М. 5 (II)
Петр I царь России 35 (I), 141 (I)
Петрарка Фр. (Petrarca Fr.) 103 (I), 105 (I), 397 (I)
Петрович И. (Petrović I.) 624 (I)
Петроний (Гай, или Тит, Петроний Нигер) 162 (I)
Петти У. (Petty W.) 117 (I)
Пиаже Ж. (Piaget J.) 65 (II), 68 (II)
Пивето Ж. (Piveutot J.) 470 (I)
Пиготт Ст. (Piggott St.) 11 (I), 30 (I), 35 (I), 326 (I), 594 (I), 595 (I), 597 (I), 598 (I), 599 (I), 608 (I), 610 (I), 613 (I), 136 (II), 161 (II), 164 (II), 165 (II), 166 (II), 167 (II), 168 (II), 170 (II), 274 (II), 280 (II), 281 (II), 386 (II)
Пиддок Э. (Pyddoke E.) 535 (I), 610 (I)
Пий II папа римский = Эний Сильвий Пикколомини (Aeneas Silvius или Enea Silvio de'Piccolomini) 106 (I), 107 (I)
Пий VI папа римский 163 (I)
Пий IX папа римский 288 (I), 556 (I)
Пий XII папа римский 482 (I), 486 (I)
Пик Г. (Peak G.) 597 (I), 27 (II), 45 (II)
Пик Х. Дж. Э. (Peake H. J. E.) 530 (I), 534 (I)
Пикар К. (Picard C.) 271 (I), 272 (I), 274 (I), 277 (I), 320 (I)
Пикассо П. (Picasso P.) 436 (II)
Пиктэ Ад. (Pictet Ad.) 380 (I)
Пиотровский Б. Б. 480 (II)
Пипер Ф. (Piper F.) —
Пиранези Дж. Б. (Piranesi G. B.) 163 (I), 191 (I)
Пирс Ч. С. (Pearce Ch. S.) 145 (II)
Пирсон К. (Pearson K.) 141 (II)
Пит Э. (Peat E.) 563 (I), 169 (II)

Питри Дж. (Petrie J.) 232 (I)
Питри У. М. Флиндерс (Petrie W. M. Flinders) 44 (I), 55 (I), 243 (I), 323 (I), 324 (I), 376 (I), 409 (I), 415 (I), 417 (I), 425 (I), 426 (I), 429 (I), 431 (I), 514 (I), 525 (I), 565 (I), 578 (I), 579 (I), 580 (I), 582 (I), 583 (I), 584 (I), 585 (I), 586 (I), 587 (I), 592 (I), 594 (I), 596 (I), 599 (I), 602 (I), 606 (I), 607 (I), 628 (I), 631 (I), 632 (I), 647 (I), 100 (II), 120 (II), 124 (II), 142 (II), 445 (II), 475 (II)
Питт-Риверс (прежде Лэйн-Фокс) О. Г. (Pitt Rivers, former Lane-Fox, A. H) 44 (I), 135 (I), 319 (I), 321 (I), 322 (I), 323 (I), 324 (I), 325 (I), 326 (I), 336 (I), 337 (I), 338 (I), 339 (I), 340 (I), 342 (I), 413 (I), 439 (I), 446 (I), 447 (I), 498 (I), 579 (I), 580 (I), 603 (I), 615 (I), 617 (I), 649 (I), 120 (II), 160 (II), 290 (II), 377 (II), 445 (II), 446 (II), 470 (II), 475 (II), 489 (II), 490 (II)
Питт барон Риверс Г. 323 (I)
Пифагор 141 (I)
Пич Й. Л. (Pič J.L.) 530 (I)
Плас В. (Place V.) 249 (I), 250 (I)
Платон (Аристокл) 44 (I), 57 (I), 69 (I), 82 (I), 113 (I), 165 (I), 294 (I), 419 (I), 555 (I)
Платонов С. Ф. 5 (II)
Платонова Н. И. 5 (II)
Плеханов Г. В. 385 (I), 407 (II)
Плешчыньска Э. (Pleszczyńska E.) 281 (II)
Плиний Старший (Гай Плиний Секундус) 173 (I)
Плог Т. Фр. (Plog Fr. T.) 241 (II), 247 (II), 305 (II)
Плот Р. (Plot R.) 142 (I)
Плутарх из Херонеи 74 (I), 78 (I)
Плюшоу В. (Pluschow W.) 179 (I)
Подгаецкий Г. В. 19 (II), 20 (II)
Подцувейт Кр. (Podzuweit Chr.) 625 (I)
Покровский М. Н. 4 (II)
Полгрейв Фр. (Palgrave Fr.) 169 (II)
Поливанов Н. П. 50 (I), 51 (I)
Помпадур Ж. А. маркиза де (Pompadour J. A. Marquise de) 185 (I), 394 (I)
Помпоний Лэт (Pomponius Laetus, по-итальянски Джулио Помпонио Лето, Julio Pomponio Leto) 106 (I), 109 (I)
Помяловский И. В. 667 (I)
Пономарев Пр. дед 396 (I)
Пономарев Пр. Ив. внук 396 (I)
Понтопидан Э. (Pontopidan E.) 146 (I), 147 (I)
Поппер К. (Popper C.) 27 (I)
Порфирий философ 70 (I)
Посидоний из Апамеи 71 (I)
Пост Л. ф. (Post L. v.) 528 (I), 548 (I)
Прайест Дж. (Priest J.) 255 (I)
Пракситель 169 (I), 295 (I), 309 (I), 77 (II)
Прейдель Г. (Preidel H.) 173 (II)
Преллер Л. (Preller L.) 196 (I), 197 (I), 203 (I), 204 (I), 207 (I), 293 (I), 305 (I)
Прескот У. (Prescott W.) 556 (I)
Престуич Джоз. (Prestwich Jos.) 275 (I), 277 (I), 278 (I)
Придик Е. М. 53 (I)
Принсеп Дж. (Prinsep J.) 251 (I)
Пропп В. Я. 61 (II), 64 (II), 65 (II), 73 (II), 75 (II), 85 (II), 91 (II), 342 (II), 347 (II)
Протагор из Абдеры 70 (I)
Процюк Г. 54 (I), 77 (I)
Прудон П. Ж. (Proudhon P. J.) 291 (I), 328 (I)
Прусел Р. У. (Preucel R. W.) 321 (II), 387 (II), 479 (II)
Пряхин А. Д. 20 (I), 651 (I)
Псевдо-Аристотель 72 (I)
Пуанкаре А. (Poincaré H.) 28 (I), 204 (II)
Пунин Н. Н. 674 (I)
Пуссен Н. (Poussin N.) 125 (I)
Пушкин А. С. 22 (I), 525 (I)
Пфуль Э. (Pfuhl E.) 78 (II)
Пшибышевский Б. 43 (I)
Пыпин А. Н. 661 (I)
Пьетро Мартире д'Ангиера 120 (I)
Пьетт Л.-Эдуард-Ст. (Piette L.-Edouard-St.) 332 (I), 465 (I), 471 (I), 472 (I), 473 (I), 474 (I)
Пэпуорт М. (Papworth M.) 233 (II)
Пэрис Мэтью (Paris Matthew) 99 (I)
Пэрри Дж. (Parry G.) 145 (I)
Пэттерсон Т. С. (Patterson Th. C.) 21 (I), 236 (II), 417 (II)

Рабле Фр (Rabelais Fr.) 116 (I), 117 (I), 118 (I), 122 (I), 347 (II)
Равдоникас В. И. 19 (I), 36 (I), 492 (I), 514 (I), 523 (I), 551 (I), 15 (II), 16 (II), 17 (II), 18 (II), 19 (II), 21 (II), 118 (II), 301 (II), 384 (II)
Раглэн Ф. Р. С. (Raglan F. R. S.) 571 (I),

Радж У. Л. (Rathje W. L.) 319 (II), 322 (II), 323 (II), 329 (II), 330 (II), 331 (II), 332 (II)
Радин П. (Radin P.) 182 (II)
Радней О. 62 (I)
Райл Г. (Ryle G.) 354 (II)
Райснер Дж. (Reisner G.) 582 (I)
Райт Г. Эрн. (Wright G. Ern.) 589 (I), 590 (I)
Райт Т. (Wright Th.) 230 (I), 345 (I)
Рамзауэр Й. Г. (Ramsauer J. G.) 234 (I)
Рамсей Э. (Ramsay A.) 275 (I), 277 (I)
Рамсес II фараон 66 (I), 240 (I), 241 (I), 244 (I)
Рамус П. = Ла Раме П. (Ramus P.) 127 (I)
Рандсборг К. (Randsborg K.) 5 (I), 430 (II), 481 (II), 484 (II), 485 (II), 486 (II), 488 (II)
Ранке Йог. (Rancke Joh.) 301 (I), 351 (I), 366 (I), 459 (I), 127 (II)
Ранке Л. ф. (Ranke L. von) 119 (II), 120 (II), 128 (II)
Рантцау Генрих (Rantzau Heinrich) 119 (I)
Расмуссен Р. (Rassmussen R.) 379 (I)
Рассам О. (Rassam H.) 248 (I), 249 (I)
Рассел Б. (Russell B.) 167 (II), 237 (II), 267 (II), 268 (II), 269 (II)
Ратц Ф. Э. (Rahtz Ph. A.) 303 (II)
Ратцель Фр. (Ratzel Fr.) 23 (I), 351 (I), 352 (I), 353 (I), 354 (I), 355 (I), 357 (I), 358 (I), 359 (I), 360 (I), 361 (I), 363 (I), 368 (I), 371 (I), 374 (I), 375 (I), 376 (I), 386 (I), 495 (I), 514 (I), 516 (I), 526 (I), 566 (I), 602 (I), 603 (I), 605 (I), 658 (I), 126 (II), 473 (II)
Рауз или Раус И. Б. (Rouse I. B.) 43 (I), 382 (I), 640 (I), 641 (I), 642 (I), 643 (I), 644 (I), 645 (I), 647 (I), 652 (I), 654 (I), 655 (I), 97 (II), 103 (II), 110 (II), 111 (II), 116 (II), 141 (II), 145 (II), 146 (II), 147 (II), 251 (II), 252 (II), 267 (II), 272 (II), 281 (II), 384 (II), 470 (II)
Раус Джон (Rous John) 107 (I), 153 (II)
Рафаэль М. (Rafael M.) 85 (II)
Рафаэль Санти = Санцио Рафаэлло (Raphael, Raffaello Sanzio) 113 (I)
Рахманинов С. В. 669 (I)
Реветт Н. (Revett N.) 187 (I)
Регирер Е. И. 46 (I), 170 (II)
Редин Е. К. 288 (I)
Редмен Ч. Л. (Redman Ch. L.) 5 (I), 241 (II), 247 (II), 302 (II)
Редфилд Р. (Redfield R.) 635 (I), 47 (II), 48 (II)
Рей Л. (Rey/Ray L.) 532 (I)
Рейган Р. У. (Reagan R. W.) 342 (II), 401 (II), 404 (II), 454 (II)
Реймэн Дж. Э. (Reyman J. E.) 103 (II)
Рейнак С. (Reinach S.) 332 (I), 337 (I), 338 (I), 463 (I), 570 (I), 596 (I), 125 (II), 128 (II), 139 (II)
Рейнеке П. (Reinecke P.) 296 (I), 459 (I), 460 (I), 461 (I), 492 (I), 513 (I), 624 (I), 128 (II), 175 (II), 489 (II)
Рейнерт Г. (Reinerth H.) 513 (I), 526 (I), 550 (I), 551 (I), 127 (II), 131 (II), 173 (II), 174 (II)
Рейснер Дж. Э. (Reisner G. A.) 431 (I), 529 (I), 585 (I), 586 (I), 588 (I), 589 (I), 594 (I), 607 (I), 632 (I), 654 (I)
Рен Св. 98 (I)
Ренфру Э. К. лорд Кеймсторн (Renfrew A. C. Lord Kaimsthorn) 5 (I), 10 (I), 382 (I), 447 (I), 596 (I), 625 (I), 22 (II), 61 (II), 161 (II), 196 (II), 237 (II), 251 (II), 274 (II), 280 (II), 281 (II), 284 (II), 293 (II), 294 (II), 295 (II), 296 (II), 297 (II), 298 (II), 299 (II), 300 (II), 301 (II), 302 (II), 304 (II), 305 (II), 306 (II), 307 (II), 329 (II), 335 (II), 336 (II), 337 (II), 338 (II), 339 (II), 357 (II), 358 (II), 364 (II), 371 (II), 376 (II), 378 (II), 381 (II), 388 (II), 390 (II), 394 (II), 401 (II), 402 (II), 413 (II), 428 (II), 429 (II), 430 (II), 431 (II), 432 (II), 433 (II), 434 (II), 435 (II), 436 (II), 437 (II), 438 (II), 439 (II), 440 (II), 441 (II), 442 (II), 443 (II), 444 (II), 445 (II), 446 (II), 471 (II), 484 (II), 488 (II), 490 (II)
Риверс У. Х. Р. (Rivers W. H. R.) 36 (I), 375 (I), 559 (I), 560 (I), 561 (I), 562 (I), 564 (I), 566 (I), 567 (I), 571 (I), 614 (I), 658 (I), 665 (I), 678 (I), 92 (II), 395 (II), 470 (II), 488 (II)
Ривьер Эм. (Rivierre Em.) 334 (I), 338 (I)
Риг О. (Rygh O.) 370 (I)
Ригль А. (Riegl A.) 78 (II), 79 (II)
Риголло М.-Ж. (Rigollot M.-J.) 275 (I)
Рид Дж. (Read J.) 319 (II)
Ридэзель барон (Ridesel) 174 (I)
Рикёр П. (Ricoeur P.) 338 (II), 346 (II), 361 (II), 372 (II)

Риккерт Г. (Rickert H.) 358 (I), 359 (I), 367 (I), 368 (I), 602 (I), 183 (II), 202 (II), 345 (II)
Риль В.Г.фон (Riehl W. H. von) 300 (I)
Рио Ант. дель (Rio Ant. del) 252 (I)
Ристоро д'Ареццо 92 (I)
Рисх Р. (Risch R.) 387 (II)
Риттер К. (Ritter C.) 352 (I), 528 (I), 602 (I)
Ритчи У.Э. (Ritchie W. A.) 640 (I), 98 (II)
Рихтгофен Б.фон (Richthofen B. v.) 522 (I), 523 (I), 174 (II)
Рич Кл. Дж. (Rich Cl. J.) 244 (I), 245 (I), 246 (I), 248 (I), 258 (I)
Рич М. (Rich M.) 245 (I)
Ричард II Львиное Сердце, король Англии 98 (I)
Ричерсон П.Дж. (Richerson P. J.) 456 (II), 457 (II), 458 (II), 459 (II)
Ричков (Рычков) М.О. 56 (I)
Роан-Чермак Г.де (Rohan-Csermak G. de.) 56 (II)
Робб Дж. (Robb J.) 403 (II), 443 (II)
Роберт граф Сент Олбен 97 (I), 99 (I)
Роберт К. (Robert C.) 207 (I), 297 (I), 300 (I)
Робертс Фр. Г.Х. Младший (Roberts Fr. H. H. Jr.) 98 (II)
Робертсон У. (Robertson W.) 360 (I)
Робеспьер Макс. Ф.М.И.де (Robespierre Max. F. M. I. de) 185 (I), 384 (I)
Робиан Кр.-П.де (Robien Chr.-P.) 152 (I)
Родден Дж. (Rodden J.) 217 (I), 218 (I)
Роде А.А. (Rhode A. A.) 148 (I), 155 (I)
Роде К.Д. (Rhode K. D.) 148 (I)
Роден О.Р. (Rodin A. R.) 77 (II)
Родс С.Дж. (Rhodes C. J.) 587 (I)
Розен В.Р. 6 (II)
Розенберг А. (Rosenberg A.) 550 (I)
Рой генерал (Roy, General) 492 (I)
Ролинсон Г.Кр. (Rawlinson H. Cr.) 21 (I), 246 (I), 250 (I), 258 (I), 319 (I), 395 (I), 431 (I), 490 (II)
Роллан Н. (Rolland N.) 648 (I), 115 (II)
Рольф Ф. (псевд.: барон Корво) (Rolfe Fr., Baron Corvo) 179 (I)
Роозенс Эуг. Э. (Roosens Eug. E.) 432 (II)
Роро те Пуке (Roro te Puke) 390 (II)
Росс Л. (Ross L.) 189 (I), 209 (I), 308 (I)
Росс Э. (Ross E.) 386 (I)
Росси Дж. де (Rossi G. de) 288 (I), 289 (I), 534 (I)
Россиньяно 240 (I)
Ростовцев М.И. 561 (I), 663 (I), 664 (I), 665 (I), 667 (I), 668 (I), 669 (I), 670 (I), 671 (I), 672 (I), 673 (I), 674 (I), 675 (I), 676 (I), 677 (I), 679 (I), 680 (I), 3 (II), 4 (II), 489 (II)
Роу Т. (Rowe T.) 117 (I)
Роули-Конуи П. (Rowley-Conwy P.) 535 (I), 541 (I)
Роулэндз М.Дж. (Rowlands M. J.) 679 (I), 300 (II), 310 (II), 419 (II), 484 (II)
Рошер Г.В. (Roscher H. B.) 295 (I)
Рубенс Альб. (Rubens) 125 (I)
Рубенс П.П. (Rubens P. P.) 124 (I), 125 (I)
Рудбек или Рюдбек О. (Rudbeck или Rydbeck O.) 137 (I), 311 (I)
Руденко С.И. 530 (I), 551 (I)
Рудольф II император 59 (I), 118 (I), 121 (I)
Рузвельт Т. (Roosevelt Th.) 385 (I), 638 (I)
Румпф Андр. (Rumpf Andr.) 300 (I)
Рупрехт Св. 95 (I)
Русанова Е.Е. 649 (I)
Руссо Ж.- Ж. (Rousseau J. J.) 43 (I), 143 (I), 149 (I), 177 (I), 180 (I), 365 (I), 394 (I), 70 (II), 71 (II)
Рут Д. (Root D.) 410 (II)
Рушд С. (Rushd S.) 385 (II)
Рыбаков Б.А. 57 (I), 18 (II), 33 (II), 446 (II)
Рэвенстайн Э.Г. (Ravenstein E. G.) 382 (I)
Рэдклиф-Браун Р. (Radcliffe-Brown R.) 31 (I), 535 (I), 559 (I), 561 (I), 611 (I), 27 (II), 69 (II), 70 (II), 71 (II), 75 (II), 93 (II), 94 (II), 96 (II), 112 (II), 179 (II), 398 (II), 399 (II), 400 (II), 471 (II)
Рюрик князь 61 (I)

Сабуров граф П.А. 294 (I)
Савельев П.С. 214 (I)
Савинов Д.Г. 17 (II)
Савиньи Ф.К.ф. (Savigny Fr. K. von) 366 (I)
Савушкина Н.И. 57 (I), 58 (I)
Сад Д.А.Ф.маркиз де (Sade D. A. F. Marquis de) 164 (I)
Саид паша хедив Египта 242 (I), 243 (I),
Сайкс Бр. (Sykes Br.) 373 (I)
Сайта Д. (Saitta D.) 410 (II), 423 (II), 425 (II)
Саксон Грамматик 52 (I)
Салин Б (Salin B.) 456 (I), 51 (II), 218 (II)
Салинз М. (Sahlins M.) 36 (II), 41 (II), 42 (II), 60 (II), 286 (II), 302 (II), 407 (II)
Салманасар III царь Ассирии 250 (I)
Салов В.И. 174 (II)

Сальмон Ф. (Salmon Ph.) 332 (I), 334 (I)
Сальо Э. (Salliot E.) 295 (I)
Самнер У. Г. (Sumner W. G.) 35 (II), 42 (II), 111 (II)
Самойлов Л. см. Клейн Л. С.
Самоквасов Д. Я. 43 (I), 22 (II)
Сантаяна и Боррас Х. А. Н. Р. де (Santayana y Borras G. A. N. R. de) 146 (II), 154 (II)
Саргон царь Аккадский 67 (I)
Сарданапал (Ашурбанипал) 567 (I)
Сартр Поль (Sartre P.) 44 (I), 347 (II), 408 (II), 417 (II), 418 (II)
Саутуола граф дон Марселино Санз де (Marcelino Sainz de Sautuola don) 338 (I), 472 (I), 473 (I)
Сафар Ф. (Safar F.) 50 (II)
Сведенборг Э. (Svedenborg E.) 294 (I), 344 (II)
Светоний (Гай Светоний Транквилл) 49 (I), 76 (I), 78 (I)
Се Хуйлянь 92 (I)
Седова М. В. 51 (I)
Семенов С. А. 15 (II), 21 (II), 315 (II), 407 (II)
Семенов Ю. И. 478 (II)
Сенека Младший, Луций Эней 36 (II)
Сент-Илер Ж. (St.Hillaire G.) 281 (I), 283 (I), 317 (I)
Сепир Э. (Sapir E.) 635 (I), 641 (I)
Сервис Э. (Service E.) 41 (II), 297 (II), 302 (II)
Сергеенко М. Е. 303 (I)
Сёренсен М. Л. С. (Sørensen M. L. S.) 221 (II)
Серлио Себастьяно (Serlio Sebastiano) архитектор 106 (I)
Сернандер Р. (Sernander R.) 453 (I), 176 (II)
Серр М. де (Serres M. de) 268 (I), 284 (I)
Сетос жрец 81 (I)
Сигеле С. (Sighele S.) 384 (I)
Сигизмунд Габсбург император 105 (I)
Сидни Ф. сэр (Sidney Ph. Sir) 114 (I)
Сикст IV папа римский 106 (I), 107 (I), 116 (I)
Сикст Св. 288 (I)
Силбермэн Н. А. (Silberman N. A.) 20 (I)
Силверберг Р. (Silverberg R.) 20 (I), 256 (I)
Сили Дж. (Seely J.) 251 (I)
Сильвестр II папа римский (Герберт из Орильяка) 94 (I)
Сименс семейство магнатов (Siemens) 568 (I)
Симий 75 (I)
Симпсон Дж. Г. (Simpson G. G.) 448 (II)
Синицын А. А. 208 (II)
Сире Л. (Siret L.) 376 (I)
Сире Э. (Siret H.) 376 (I)
Скалигер Ю. Ц. (Scaliger J. C.) 167 (I), 260 (I)
Скарр Кр. (Scarr Chr.) 440 (II)
Сквайер Э. Дж. (Squier E. G.) 335 (I)
Скленарж К. (Sklenař K.) 20 (I), 29 (I), 34 (I), 232 (I), 175 (II)
Скотт П. (Scott P.) 85 (II), 88 (II)
Скуайер Э. Дж. (Squier E. G.) 355 (I)
Скуайер Эф. (Squier Ef.) 122 (II)
Смирнов А. П. 12 (II), 18 (II)
Смирнов Вас. 53 (I), 57 (I)
Смирнов Е. С. 270 (II)
Смирнов Ив. Ив. 17 (II)
Смирнов Я. И. 663 (I)
Смит А. (Smith A.) 293 (I), 397 (II)
Смит Гр. Эллиот (Smith Gr. Elliot) 370 (I), 374 (I), 375 (I), 469 (I), 525 (I), 561 (I), 562 (I), 563 (I), 564 (I), 565 (I), 566 (I), 567 (I), 571 (I), 573 (I), 575 (I), 601 (I), 604 (I), 611 (I), 614 (I), 619 (I), 627 (I), 27 (II), 156 (II), 470 (II), 475 (II)
Смит М. (Smith M.) 164 (II), 315 (II)
Смит У. (Smith W.) по прозвищу Strata Smith 218 (I), 262 (I), 263 (I)
Смит Ф. Э. Л. (Smith Ph. E. L.) 462 (II)
Смит Х. (Smith H.) 94 (II)
Смит Э. О. (Smith E. A.) 460 (II)
Смит Ч. Пьяззи (Smith Ch. Piazzi) 579 (I)
Смитсон Дж. (Smithson J.) 121 (II)
Смолла Г. (Smolla G.) 133 (I)
Сокал Р. Р. (Sokal R. R.) 270 (II)
Соколова В. К. 53 (I)
Сократ 82 (I), 83 (I)
Соллас У. Дж. (Sollas W. J.) 338 (I)
Соломон царь 254 (I), 588 (I), 590 (I)
Солт Г. 240 (I), 241 (I)
Сомов К. А. 669 (I)
Сондерс Т. (Saunders T.) 409 (II)
Сонневиль-Борд Д. (Sonneville-Bordes D.) 205 (II), 266 (II)
Сорокин П. А. (Sorokin P.) 290 (I), 676 (I), 96 (II), 434 (II)
Соссюр Ф. де (Saussure F. de) 62 (II), 63 (II), 69 (II), 73 (II), 418 (II)
Сото де (Soto de) 254 (I)
Соудски Б. (Soudsky B.) 299 (II)
Соффер О. (Soffer O.) 5 (I)

Спектор Дж. (Spector J.) 373 (II)
Спенс Л. (Spence L.) 556 (I)
Спенсер Герб. (Spencer Herb) 284 (I), 317 (I), 319 (I), 320 (I), 342 (I), 384 (I), 35 (II), 57 (II), 182 (II), 449 (II)
Спенсер Ф. (Spencer F.) 466 (I)
Спербер Д. (Sperber D.) 355 (I)
Спинден Г. Дж. (Spinden H. J.) 432 (I), 433 (I), 434 (I), 435 (I), 606 (I), 640 (I)
Спинелли Д. (Spinelli D.) 304 (I)
Спиноза Б. (Spinoza, d'Espinoza B.) 141 (II)
Спирмэн Ч. Э. (Spearman Ch. E.) 141 (II)
Спицын А. А. 35 (I), 55 (I), 370 (I), 515 (I), 530 (I), 664 (I), 4 (II), 5 (II), 13 (II), 15 (II)
Сполдинг Э. С. (Spaulding A. C.) 636 (I), 640 (I), 48 (II), 95 (II), 105 (II), 116 (II), 135 (II), 136 (II), 141 (II), 142 (II), 143 (II), 151 (II), 152 (II), 153 (II), 169 (II), 203 (II), 210 (II), 224 (II), 230 (II), 232 (II), 233 (II), 234 (II), 235 (II), 238 (II), 253 (II), 260 (II), 264 (II), 265 (II), 267 (II), 380 (II), 474 (II)
Спон Ж. (Spon J.) 133 (I), 135 (I), 136 (I), 172 (I), 196 (I)
Спригтс М. (Spriggs M.) 409 (II), 413 (II)
Спринг проф. (Spring prof.) 269 (I)
Стайлз Э. (Styles E.) 254 (I)
Сталин (Джугашвили) И. В. 673 (I), 677 (I), 4 (II), 11 (II), 14 (II), 15 (II), 20 (II), 30 (II), 32 (II), 34 (II), 121 (II), 122 (II), 407 (II), 433 (II), 434 (II), 476 (II)
Стаматакис П. (Stamatakis P.) 402 (I)
Стеббинс Л. (Stebbins L.) 448 (II)
Стеенструп Я. (Steenstrup J.) 223 (I), 231 (I), 311 (I), 548 (I)
Стейнли Элис (Stainley Al.) 319 (I)
Стенон Ник. (Steno Nic. или Stensen Niels) 262 (I), 266 (I)
Стёрди Д. (Sturdy D.) 547 (I)
Стёртевант У. (Sturtevant W.) 76 (II)
Стефан Св. 96 (I)
Стефани Л. Э. 201 (I)
Стибинг У. Х. (Stiebing W. H.) 17 (I), 31 (I), 35 (I), 241 (I), 249 (I), 584 (I), 585 (I)
Стивенс Дж. Л. (Stephens J. Ll.) 252 (I), 253 (I)
Стивенсон Дж. (Stephenson G.) 289 (I)
Стилмэн У. Дж. (Stilman W. J.) 413 (I), 416 (I)
Столяр А. Д. 17 (II)
Стори Дж. (Story J.) 609 (I)
Стоу Дж. (Stow J.) 118 (I)
Стоун Л. (Stone L.) 229 (II)
Стош Ф. барон (Stosch Ph.) 164 (I), 171 (I), 174 (I)
Страбон 76 (I), 242 (I)
Страда Дж. (Strada J.) 117 (I), 118 (I)
Страда О. (Strada O.) 118 (I)
Страус У. Л., Мл. (Straus W. L., Jr.) 470 (I)
Стронг У. Д. (Strong W. D.) 640 (I), 93 (II), 94 (II), 95 (II), 103 (II), 105 (II), 106 (II), 108 (II), 116 (II), 141 (II), 142 (II), 203 (II)
Струве В. В. 663 (I), 667 (I)
Струве П. Б. 674 (I)
Струвер Ст. (Struever St.) 233 (II), 235 (II)
Стъюкли У. (Stukely W.) 144 (I), 145 (I), 154 (I), 155 (I), 210 (I), 597 (I), 598 (I)
Стэнли Г. М. (Stanely H. M.) 587 (I)
Стюард Джул. Х. (Steward J. H.) 30 (I), 641 (I), 642 (I), 35 (II), 39 (II), 40 (II), 41 (II), 42 (II), 44 (II), 47 (II), 50 (II), 51 (II), 54 (II), 95 (II), 103 (II), 105 (II), 106 (II), 108 (II), 116 (II), 138 (II), 139 (II), 146 (II), 219 (II), 230 (II), 252 (II), 296 (II), 336 (II), 460 (II), 470 (II), 476 (II)
Стюарт Джеймс (Stuart J.) 187 (I)
Суббарао Б. (Subbarao B.) 535 (I)
Суворов А. В. 7 (I), 379 (I)
Сум П. Ф. (Sum P. Ph.) 215 (I)
Сумцов Н. 57 (I)
Суровецкий В. (Surowiecki W.) 233 (I)
Сыма Цянь (Sima Qian [Ssu-ma Ch'ien]) 68 (I), 79 (I)
Сэблоф Дж. (Sabloff J.) 19 (I), 28 (I), 30 (I), 31 (I), 34 (I), 36 (I), 631 (I), 40 (II), 103 (II), 108 (II), 146 (II), 231 (II), 234 (II), 240 (II), 313 (II)
Сэйс А. Х. (Sayce A. H.) 392 (I), 403 (I), 416 (I),
Сэкет Дж. Р. (Sackett J. R.) 29 (I), 278 (I), 475 (I), 235 (II), 295 (II)
Сэксон Э. (Saxon E.) 547 (I)
Сэмаксон Д. (Samachson D.) 17 (I)
Сэмаксон Дж. (Samachson J.) 17 (I)

Табачыньски С. (Tabaczyński St.) 281 (II)
Табидзе Тиц. 7 (II)
Тайлер Ст. (Tyler St.) 336 (II)
Тайлор Э. Б. (Tylor E. B.) 226 (I), 284 (I), 318 (I), 319 (I), 342 (I), 366 (I), 367 (I), 371 (I), 560 (I), 35 (II), 39 (II), 93 (II), 120 (II), 125 (II), 449 (II)
Тальгрен А. М. (Tallgren A. M.) 535 (I), 146 (II), 174 (II)

Танкред король Сицилии 98 (I)
Танудирйо Д. 391 (II)
Тард Г. де (Tarde G. de) 361 (I), 385 (I), 386 (I), 566 (I), 658 (I), 182 (II)
Тарский А. (Tarski A.) 237 (II)
Тассо Торквато (Tasso T.) 103 (I)
Таунли Ч. (Townley Ch.) 184 (I)
Тауфа'ахау Тупоу IV король о. Тонгу 301 (II)
Тацит Корнелий 76 (I), 106 (I), 233 (I), 234 (I), 345 (I), 499 (I), 181 (II)
Тевел Э. (Thevel A.) 554 (I)
Тейяр де Шарден М. Ж. Пьер (Teilhard de Chardin M. J. Pierre) 465 (II), 469 (II), 470 (II), 485 (II), 486 (II), 487 (II)
Теодорих Великий король остроготов 89 (I)
Теокрит 74 (I)
Тереза служанка 158 (I)
Тёрнбалл У. (Turnbull W.) 436 (II)
Тёрнер В. У. (Turner V. W.) 64 (II)
Тёрнер Э. (Turner E.) 392 (II)
Тиберий (Т. Клавдий Нерон Цезарь) 78 (I)
Тийе царица 66 (I)
Тилли Кр. (Tilley Chr.) 30 (I), 133 (II), 340 (II), 360 (II), 362 (II), 370 (II), 372 (II), 376 (II), 377 (II), 421 (II), 438 (II), 439 (II), 441 (II), 471 (II), 488 (II)
Тинберген Н. (Tinbergen N.) 450 (II)
Тиссен А. Г. (Thiessen A. H.) 547 (I), 277 (II)
Титев М. (Titiev M.) 639 (I), 148 (II)
Титов В. С. 382 (I)
Титова Е. Н. 56 (I)
Тихонов И. Л. 4 (I)
Тишлер О. (Tischler O.) 350 (I), 351 (I), 493 (I), 494 (I), 514 (I), 516 (I), 526 (I), 197 (II)
Тодд М. (Todd M.) 608 (I)
Тоззер Элфр. (Tozzer Alfr.) 432 (I)
Токарев С. А. 23 (I), 24 (I), 356 (I), 357 (I), 358 (I), 361 (I), 55 (II)
Толстов С. П. 11 (II), 45 (II), 407 (II)
Толстой И. И. 662 (I)
Толстой П. 56 (I)
Томас Д. Х. (Thomas D. H.) 98 (II), 335 (II), 396 (II)
Томас Дж. (Thomas J.) 360 (II), 370 (II), 372 (II), 377 (II), 387 (II), 391 (II), 396 (II), 421 (II), 438 (II), 441 (II)
Томас С. Дж. (Thomas C. G.) 335 (I), 336 (I), 95 (II)
Томпсон Р. Г. (Thompson R. H.) 153 (II)
Томпсон Ст. (Thompson St.) 386 (I)
Томсен Кр. Ю. (Thomsen Chr. J.) 36 (I), 43 (I), 44 (I), 47 (I), 111 (I), 170 (I), 215 (I), 216 (I), 217 (I), 218 (I), 219 (I), 220 (I), 221 (I), 222 (I), 223 (I), 225 (I), 226 (I), 227 (I), 228 (I), 229 (I), 230 (I), 235 (I), 270 (I), 281 (I), 315 (I), 324 (I), 332 (I), 440 (I), 441 (I), 449 (I), 623 (I), 30 (II), 160 (II)
Томпсон Э. П. (Thompson E. P.) 224 (I), 409 (II)
Торвальдсен Б. (Thorvaldsen B.) 177 (I), 188 (I), 198 (I)
Торквемада Т. де (Torquemada T. de) 384 (I)
Торндайк Э. Л. (Thorndike E. L.) 321 (II)
Трёй Г. (Treu G.) 308 (I)
Трейл Д. Э. (Traill D. A.) 391 (I), 392 (I)
Трейчке Г. фон (Treitschke H. von) 359 (I), 183 (II)
Трёльс-Смит Х. (Troels-Smith H.) 548 (I)
Третьяков П. Н. 189 (II), 434 (II)
Триггер Б. Г. (Trigger B. G.) 3(I), 4 (I), 5 (I), 11 (I), 12 (I), 14 (I), 15 (I), 17 (I), 21 (I), 24 (I), 26 (I), 28 (I), 30 (I), 33 (I), 35 (I), 36 (I), 39 (I), 40 (I), 68 (I), 84 (I), 87 (I) 216 (I), 221 (I), 257 (I), 258 (I), 284 (I), 327 (I), 422 (I), 529 (I), 586 (I), 608 (I), 613 (I), 631 (I), 645 (I), 34 (II), 59 (II), 106 (II), 109 (II), 111 (II), 112 (II), 113 (II), 114 (II), 116 (II), 118 (II), 146 (II), 164 (II), 175 (II), 221 (II), 243 (I), 251 (II), 293 (II), 304 (II), 309 (II), 322 (II), 376 (II), 378 (II), 387 (II), 393 (II), 406 (II), 407 (II), 409 (II), 410 (II), 411 (II), 415 (II), 416 (II), 417 (II), 418 (II), 420 (II), 458 (II), 471 (II), 472 (II), 473 (II), 474 (II), 475 (II), 478 (II), 486 (II), 487 (II), 488 (II), 489 (II), 491 (II)
Трифонов В. А. 212 (II)
Тройон Фр. (Troyon Fr.) 232 (I), 311 (I)
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 4 (II), 407 (II)
Трубецкой Н. С. князь (Trubetskoy N. S.) 430 (II)
Тулмин С. Э. (Toulmin S. E.) 27 (I), 28 (I)
Тункина И. В. 22 (I), 23 (I), 31 (I), 666 (I), 668 (I), 674 (I)
Тураев Б. А. 663 (I), 667 (I)
Турналь П. (Tournal P.) 268 (I), 284 (I), 285 (I)
Турнвальд Р. (Thurnwald R.) 93 (II), 180 (II), 397 (II), 398 (II)
Турнэр Альб. (Tournaire Alb. или Tourner) 313 (I)

Тутмос IV 562 (I)
Тыльковски В. Ад. (Tylkowski W. Ad.) 50 (I)
Тыркова-Уильямс А. 674 (I)
Тэйлор Д. Е. (Taylor D. Y.) 427 (I)
Тэйлор У. У. (Taylor W. W.) 11 (I), 36 (I), 630 (I), 631 (I), 643 (I), 94 (II), 96 (II), 97 (II), 98 (II), 99 (II), 100 (II), 101 (II), 102 (II), 103 (II), 105 (II), 107 (II), 108 (II), 109 (II), 110 (II), 111 (II), 115 (II), 116 (II), 118 (II), 141 (II), 148 (II), 156 (II), 182 (II), 212 (II), 230 (II), 234 (II), 235 (II), 239 (II), 248 (II), 250 (II), 252 (II), 253 (II), 265 (II), 338 (II), 364 (II), 470 (II), 471 (II), 473 (II), 474 (II), 479 (II), 490 (II)
Тэкс С. (Tax S.) 94 (II), 96 (II)
Тэн И. 120 (II)
Тэтчер М. (Thatcher M.) 342 (II), 401 (II), 404 (II), 445 (II), 454 (II)
Тюнен Й. Г. фон (Thünen J. H. von) 275 (II), 276 (II), 277 (II)
Тюрго А. Р. Ж., барон де ль'Ольн (Turgot A. R. J. baron de l'Aulne) 316 (I), 319 (I)

Уайлд У. Р. (Wilde W. R.) 232 (I)
Уайли Э. (Wylie A.) 373 (II), 375 (II), 423 (II)
Уайт Л. Э. (White L. E.) 25 (I), 636 (I), 639 (I), 35 (II), 36 (II), 37 (II), 38 (II), 39 (II), 41 (II), 42 (II), 43 (II), 51 (II), 53 (II), 54 (II), 55 (II), 57 (II), 59 (II), 138 (II), 141 (II), 148 (II), 232 (II), 233 (II), 234 (II), 235 (II), 237 (II), 239 (II), 242 (II), 243 (II), 245 (II), 246 (II), 253 (II), 423 (II), 449 (II), 462 (II), 470 (II), 476 (II)
Уайт Ч. (White Ch.) 282 (I)
Убер Г. (Uber G.) 119 (I)
Уваров А. С. 49 (I), 51 (I), 201 (I), 214 (I)
Уварова П. С. 4 (II)
Узенер Г. (Usener H.) 297 (I)
Уилер Р. Э. Морт. (Wheeler R. E. Mort.) 254 (I), 326 (I), 426 (I), 532 (I), 534 (I), 572 (I), 591 (I), 592 (I), 594 (I), 595 (I), 596 (I), 597 (I), 598 (I), 601 (I), 614 (I), 615 (I), 616 (I), 617 (I), 618 (I), 619 (I), 627 (I), 628 (I), 159 (II), 160 (II), 161 (II), 175 (II), 290 (II), 437 (II), 486 (II), 489 (II)
Уилер Т. (Wheeler T.) 591 (I)
Уилк П. П. (Wilk P. P.) 21 (I), 31 (I)
Уилли Г. Р. (Willey G. R.) 11 (I), 31 (I), 34 (I), 36 (I), 432 (I), 631 (I), 639 (I), 640 (I), 642 (I), 647 (I), 40 (II), 49 (II), 95 (II), 96 (II), 103 (II), 105 (II), 106 (II), 107 (II), 108 (II), 109 (II), 112 (II), 114 (II), 115 (II), 116 (II), 118 (II), 141 (II), 146 (II), 153 (II), 230 (II), 231 (II), 234 (II), 239 (II), 240 (II), 252 (II), 275 (II), 313 (II), 394 (II), 470 (II), 474 (II)
Уилсон Д. М. (Wilson D. M.) 230 (II)
Уилсон Дж. Э. (Wilson J. A.) 17 (I)
Уилсон Т. (Wilson Th.) 336 (I)
Уилсон Ч. Э. (Wilson Ch. E.) 236 (II)
Уилсон Э. О. (Wilson E. O.) 450 (II), 451 (II), 452 (II), 453 (II), 456 (II)
Уильям из Вустера (William of Worcester) 107 (I)
Уильям из Малмсбери (William of Malmesbury) 94 (I), 95 (I)
Уильямс Р. (Williams R.) 255 (I), 235 (II)
Уильямс-Фримэн Дж. П. (Williams-Freeman J. P.) 530 (I)
Уинтемберг У. (Wintemberg W.) 94 (II)
Уинтерхолдер Б. (Winterhalder B.) 460 (II)
Уисслер Кл. (Wissler Cl.) 605 (I), 641 (I), 219 (II), 229 (II)
Уитли Д. С. (Whitley D. S.) 336 (II)
Уитмэн Ч. О. (Whitman Ch. O.) 450 (II)
Уле М. (Uhle M.) 583 (I), 606 (I), 607 (I)
Ульдалль Х. Й. (Uldall H. J.) 62 (II)
Унгер Э. (Unger E.) 68 (I)
Унферцагт В. (Unverzagt W.) 507 (I), 624 (I)
Уокоп Р. (Wauchope R.) 17 (I), 433 (I), 553 (I), 557 (I), 631 (I)
Уоллерстайн Им. (Wallerstein Im.) 309 (II), 407 (II), 419 (II), 420 (II)
Уоллон Р. (Whallon R.) 85 (II), 233 (II), 235 (II), 305 (II), 333 (II)
Уолф Э. (Wolf E.) 330 (II), 420 (II)
Уоррен П. (Warren P.) 422 (I)
Уотмоу Дж. (Whatmough J.) 45 (I)
Уотсон Дж. (Watson J.) 321 (II)
Уотсон П. Дж. (Watson P. J.) 5 (I), 102 (II), 103 (II), 239 (II), 241 (II), 247 (II), 250 (II), 255 (II), 302 (II), 316 (II), 317 (II)
Уотсон Р. (Watson R.) 241 (II), 255 (II)
Уошберн Д. К. (Washburn D. K.) 88 (II)
Урбан О. Г. (Urban O. H.) 126 (II)
Услар Р. фон (Uslar R. von) 132 (II)
Уэбб Б., урожд. Поттер (Webb B., née Potter) 532 (I)
Уэбб С. Дж. (Webb S. J.) 532 (I)
Уэбб У. (Webb W.) 94 (II), 98 (II)
Уэбстер Гр. (Webster Gr.) 303 (II)
Уэбстер Н. (Webster N.) 254 (I)

Уэдел У. (Wedell W.) 95 (II)
Уэджвуд Дж. (Wedgewood J.) 183 (I), 184 (I)
Уэйлз Дж. (Wales J.) 251 (I)
Уэйнберг С. (Weinberg S.) 295 (II), 296 (II)
Уэйс Ал. Дж. Б. (Wace Al. J. B.) 65 (I), 420 (I), 421 (I)
Уэллз Бр. (Wells Br.) 677 (I)
Уэлч Б. (Welch B.) 112 (II)

Фабрициус Г. (Fabritius G.) 59 (I)
Файф Т. (Fyfe Th.) 417 (I)
Фармаковский Б. В. 294 (I), 296 (I), 663 (I), 664 (I), 665 (I), 667 (I), 675 (I), 678 (I), 4 (II)
Фаулер М. Л. (Fowler M.) 289 (II)
Фаулер П. Дж. (Fouler P. J.) 303 (II)
Февр Л. (Febvre L.) 68 (II), 69 (II)
Федоров-Давыдов Г. А. 210 (II)
Фейген Б. М. (Fagan B. M.) 542 (I)
Фейерабенд П. К. (Feyerabend P. K.) 226 (II), 372 (II)
Фейербах Л. А. (Feuerbach L. A.) 291 (I)
Фейст З. (Feist S) 499 (I), 513 (I)
Фейт У. (Veit U.) 133 (II), 175 (II)
Фелдмэн М. У (Feldman M. W.) 456 (II)
Феллоуз Ч. (Fellows Ch.) 189 (I), 190 (I)
Фень Хуцзи 79 (I)
Фергюсон Джеймс (Fergusson James) 230 (I), 251 (I), 334 (I), 563 (I), 577 (I)
Фергюсон Эд. (Ferguson Ad.) 226 (I), 227 (I), 315 (I), 316 (I), 319 (I), 595 (I)
Фердинанд I император 59 (I), 113 (I), 148 (I), 303 (I)
Фернандес Д. (Fernandez D.) 175 (I)
Фернандес Овиедо Д. Г. (Fernandez Oviedo D. G.) 554 (I)
Фёрт Р. (Firth R.) 355 (II), 394 (II)
Феттен Ф. Г. (Fetten F. G.) 24 (I)
Фидий 188 (I), 308 (I), 309 (I)
Фидлер К. (Fidler K.) 298 (I)
Фидоний 74 (I)
Фик Авг. (Fick Aug.) 380 (I)
Филд Ст. (Field St.) 557 (I)
Филиос Д. (Philios D.) 313 (I)
Филипп II 69 (II)
Филлипс Э. Д (Phillips E. D.) 71 (I), 84 (I), 642 (I), 647 (I). 655 (I), 103 (II), 106 (II), 107 (II), 108 (II), 153 (II), 239 (II)
Финли М. И. (Finley M. I.) 85 (I)
Фиорелли Джуз. (Fiorelli Gius.) 303 (I), 304 (I), 310 (I), 408 (I), 578 (I), 124 (II)
Фихте Й. Г. (Fichte J. G.) 177 (I), 197 (I), 293 (I)
Фишер Г. (Fischer G.) 602 (I)
Фишер Р. А. (Fischer R. A.) 456 (II), 461 (II)
Фишер Ст. Кл. (Fisher St. Cl.) 558 (I)
Фишер У. (Fischer U.) 551 (I), 140 (II), 186 (II), 196 (II), 197 (II), 198 (II), 199 (II), 200 (II), 356 (II)
Флавий Веспасиан 437 (II)
Флавий Иосиф (Иосиф бен Маттиас) 83 (I), 437 (II)
Фланден Э. (Flandin E.) 247 (I), 258 (I)
Флеге Б. доктор (Flege B.) 158 (I)
Флёр Дж. (Fleure J.) 530 (I), 534 (I)
Флетчер Р. (Fletcher R.) 280 (I), 281 (I)
Флиндерс А. (Flinders A.) 578 (I)
Флиндерс М. (Flinders M.) 578 (I)
Флиндерс Питри У. М. см. Питри У. М. Флиндерс
Флэннери К. В. (Flannery K. V.) 4 (I), 28 (II), 139 (II), 231 (II), 233 (II), 235 (II), 242 (II), 251 (II), 252 (II), 253 (II), 284 (II), 285 (II), 286 (II), 287 (II), 288 (II), 289 (II), 290 (II), 291 (II), 292 (II), 293 (II), 294 (II), 295 (II), 297 (II), 303 (II), 305 (II), 306 (II), 329 (II), 330 (II), 333 (II), 336 (II), 337 (II), 338 (II), 441 (II), 446 (II), 471 (II), 489 (II)
Фой В. (Foy V.) 361 (I)
Фойстель Р. (Feustel R.) 28 (II)
Фокенер Х. (Falconer H.) 275 (I)
Фокнер Н. (Faulkner N.) 372 (II)
Фокс С. (Fox C.) 533 (I), 534 (I), 535 (I), 595 (I), 596 (I), 156 (II), 160 (II), 219 (II), 471 (II), 474 (II)
Форд Г. (Ford H.) 342 (II)
Форд Дж. Э. (Ford J. A.) 35 (I), 433 (I), 637 (I), 638 (I), 639 (I), 640 (I), 643 (I), 647 (I), 655 (I), 95 (II), 105 (II), 108 (II), 116 (II), 141 (II), 142 (II), 143 (II), 146 (II), 148 (II), 149 (II), 150 (II), 151 (II), 152 (II), 153 (II), 203 (II), 205 (II), 224 (II), 234 (II), 267 (II), 271 (II), 342 (II), 395 (II)
Формозов А. А. 22 (I), 28 (I), 31 (I), 33 (I), 34 (I), 55 (I), 56 (I), 257 (I), 665 (I), 4 (II), 5 (II), 14 (II), 17 (II)
Форссандер Й. (Forssander J.) 457 (I)
Фортс М. (Forts M.) 398 (II)
Форхгаммер Й. Г. (Forchhammer J. G.) 73 (I), 223 (I), 548 (I)

Фосетт Бр. (Faucett Br.) 212 (I)
Фосс А. (Voß A.) 347 (I), 498 (I)
Фотий патриарх Константинопольский 94 (I)
Фракастори Дж. (Fracastori G.) 107 (I), 113 (I)
Франклин Б. (Franklin B.) 254 (I)
Франц-Иосиф император Австро-Венгрии 234 (I)
Фредерик V король Дании 147 (I),
Фредерик VII король Дании 223 (I), 226 (I)
Фредерик кронпринц Дании 147 (I), 183 (I), 222 (I),
Фрей О.-Г. (Frey O.-H.) 129 (II), 132 (II)
Фрейд З. (Freud S.) 71 (II), 96 (II), 347 (II), 352 (II), 459 (II)
Фрёнер В. (Fröhner W.) 305 (I)
Фрер Дж. Х. (Frere J. H.) 266 (I), 267 (I), 277 (I), 285 (I)
Фридмэн Дж. (Friedman J.) 300 (II), 419 (II)
Фридрих II король Пруссии 160 (I), 173 (I), 185 (I), 293 (I), 524 (I)
Фридрих II Остолбенение Мира император 90 (I), 101 (I)
Фридрих Барбаросса император 89 (I)
Фридрих Вильгельм III 307 (I), 379 (I)
Фридрих М. Х. (Fridrich M. H.) 88 (II)
Фридрих-Август II король Саксонии 162 (I)
Фриз Х. М. де (Vries H. M. de) 24 (II), 448 (II)
Фримэн Л. (Freeman L.) 233 (II)
Фриц М. Дж. (Fritz J. M.) 241 (II), 247 (II)
Фриче В. М. 653 (I), 12 (II), 13 (II), 18 (II)
Фробениус Л. (Frobenius L.) 355 (I), 356 (I), 357 (I), 358 (I), 360 (I), 362 (I), 363 (I), 374 (I), 376 (I), 605 (I), 619 (I), 658 (I), 665 (I), 79 (II)
Фромм Э. (Fromm E.) 346 (II), 408 (II), 416 (II)
Фрэнкфорт Г. (Frankfort H.) 429 (I), 45 (II)
Фуке Ф. (Fouquae Ph.) 446 (I)
Фукидид (Thukydides) 65 (I), 81 (I), 82 (I), 83 (I), 85 (I), 155 (II), 188 (II)
Фуко М. (Foucault M.) 13 (I), 28 (I), 133 (II), 345 (II), 349 (II), 350 (II), 351 (II), 352 (II), 353 (II), 355 (II), 367 (II), 372 (II)
Фулькой де Бове (Foulcoie de Beauvais) архидьякон 100 (I)
Фульрот Й. К. (Fullrott J. C.) 347 (I)
Фунари П. П. (Funari P. P.) 391 (II)
Фуртвенглер Ад. (Furtwängler Ad.) 196 (I), 289 (I), 294 (I), 295 (I), 296 (I), 297 (I), 299 (I), 308 (I), 309 (I), 416 (I), 459 (I), 79 (II), 125 (II), 129 (II)
Фюстель де Куланж Н. Д. (Fustel de Coulange N. D.) 284 (I), 318 (I), 120 (II)

Хабиб 96 (I)
Хадорф Й. (Hadorf J.) 136 (I), 147 (I)
Хадсон К. (Hudson K.) 20 (I)
Хайдеггер М. (Heidegger M.) 206 (I), 128 (II), 338 (II), 345 (II), 417 (II), 438 (II)
Хайзер Р. Ф. (Heizer R. F.) 17 (I), 18 (I), 28 (I), 220 (I)
Хаймз Д. Т. (Hymes D. T.) 76 (II), 88 (II), 281 (II)
Хайнд Р. (Hinde P.) 450 (II)
Хаксли (Гексли) Дж. С. (Huxley J. S.) 319 (I), 448 (II)
Хаксли (Гексли) Т. (Huxley Th.) 284 (I), 317 (I), 466 (I)
Халлер фон Халлерштейн К. (Haller von Hallerstein K.) 188 (I)
Хаммурапи царь 67 (I)
Ханнерберг Д. (Hannerberg D.) 219 (II)
Хант Дж. (Hunt J.) 323 (I), 377 (I), 559 (I)
Хантингтон Э. (Huntington E.) 528 (I)
Харви Д. (Harvey D.) 339 (II), 342 (II)
Харви У. = Гарвей В. (Harvey W.) 139 (I)
Хардинг Э. Ф. (Harding A. F.) 5 (I)
Харре Р. (Harre R.) 226 (II)
Харрис Д. (Harris D.) 114 (II)
Харрис Дж. (Harris J.) 547 (I)
Харрис М. (Harris M.) 35 (II), 41 (II), 44 (II), 281 (II), 409 (II), 414 (II), 415 (II), 423 (II)
Харрис Тад. М. (Harris Thad. M.) 255 (I)
Харрисон У. Г. (Harrison W. H.) 255 (I)
Хартхабер официант 158 (I)
Хассан Ф. (Hassan F.) 88 (II)
Хатт Г. (Hatt G.) 219 (II)
Хаттон Дж. (Hutton J.) 264 (I), 282 (I), 317 (I)
Хатчинсон Д. (Hutchinson J.) 547 (I)
Хатчинсон генерал (Hutchinson) 239 (I)
Хаузер Ал. (Hauser Al.) 305 (I)
Хаузер О. (Hauser O.) 477 (I)
Хаупт П. (Haupt P.) 588 (I), 589 (I)
Хаус Дж. Х. (House J. H.) 322 (II)
Хаэмвасет древнеегип. принц (Хэмуа) 66 (I)
Хвойко В. В. 370 (I)
Хёг-Хульдберг 147 (I)
Хед Г. (Head H.) 559 (I)
Хеемскерк М. ван (Heemskerck M. van) 113 (I)

Хеере Л. де (Heere L. de) 122 (I)
Хейвен Сэм. (Haven Sam.) 335 (I), 122 (II),
Хейдер К. Х. (Heider K. H.) 316 (II)
Хейердал Тур (Thor Heyerdahl) 572 (I), 573 (I), 574 (I), 575 (I), 315 (II)
Хейерли Й. (Heierli J.) 128 (II)
Хейнрот О. (Heinroth O.) 450 (II)
Хельбиг В. (Helbig W.) 405 (I)
Хельмих М. (Helmich M.) 528 (I)
Хельмих Ф. (Helmich F.) 69 (I), 70 (I), 71 (I)
Хен (или Ген) В. (Hehn V.)386 (I)
Хентшел Ф. С. Д. (Hentshel F. C. D.) 423 (I)
Хеопс фараон 66 (I), 80 (I), 189 (I)
Хербст Кр. Фр. (Herbst Chr. Fr.) 223 (I)
Херман Й. (Herrmann J.) 214 (I)
Херман Л. Д. (Herrmann L. D.) 148 (I)
Хернандес ди Кордоба, Франциско (Hernandez di Cordoba, Francisco) 112 (I)
Хеттнер А. (Hettner A.) 176 (II), 177 (II), 179 (II)
Хефрен фараон 80 (I)
Хиггз Э. (Higgs E.) 543 (I), 544 (I), 545 (I), 546 (I), 547 (I), 596 (I), 275 (II), 286 (II), 490 (II)
Хилд Б. Э. (Hild B. E.) 320 (I)
Хилл Дж. Н. (Hill J. N.) 85 (II), 101 (II), 233 (II), 235 (II), 247 (II), 248 (II), 251 (II), 253 (II), 310(II), 318 (II), 319 (II), 396 (II)
Хилл К. (Hill K.) 461 (II)
Хильдерик I король франков 9 (I), 134 (I), 320 (I)
Хинкс Эдв. (Hinks Edw.) 246 (I), 250 (I), 431 (I)
Хлобыстина М. Д. 451 (I)
Хмелевский Б. 60 (I)
Хогарт А. С. (Hogarth A. C.) 281 (II), 303 (II)
Хогарт Д. Дж. (Hogart D. G.) 21 (I), 417 (I), 427 (I), 428 (I), 435 (I), 529 (I), 565 (I), 582 (I), 587 (I)
Хогенберг Ф. (Hogenberg F.) 118 (I)
Ходдер Я. (Hodder I.) 5 (I), 30 (I), 326 (I), 547 (I), 548 (I), 133 (II), 253 (II), 263 (II), 276 (II), 277 (II), 305 (II), 335 (II), 338 (II), 339 (II), 357 (II), 358 (II), 359 (II), 360 (II), 361 (II), 362 (II), 363 (II), 364 (II), 365 (II), 366 (II), 367 (II), 368 (II), 369 (II), 370 (II), 372 (II), 375 (II), 376 (II), 378 (II), 380 (II), 381 (II), 391 (II), 396 (II), 401 (II). 421 (II), 435 (II), 438 (II), 440 (II), 441 (II), 445 (II), 471 (II)
Хокс Дж. (Hawkes J.) 17 (I), 617 (I), 621 (I), 280 (II), 281 (II), 338 (II)
Хокс Ч. Фр. Крист. (Hawkes Ch. Fr. Christ.) 326 (I), 371 (I), 594 (I), 595 (I), 596 (I), 597 (I), 598 (I), 599 (I), 136 (II), 161 (II), 162 (II), 163 (II), 164 (II), 165 (II), 167 (II), 168 (II), 170 (II), 184 (II), 217 (II), 280 (II), 315 (II), 335 (II), 337 (II), 395 (II), 428 (II), 445 (II)
Холл Г. Р. (Hall G. R.) 427 (I)
Холлэнд Т. Д. (Holland T. D.) 539 (I), 455 (II)
Холмс У. Г. (Holmes W. H.) 336 (I), 337 (I), 339 (I), 342 (I)
Холодулькин Д. 54 (I)
Холпайк К. Р. (Hallpike C. R.) 68 (II)
Хольсте Фр. (Holste Fr.) 131 (II)
Хомский Н. (Chomsky N.) 63 (II)
Хопкинс Дж. (Hopkins J.) 588 (I)
Хори Э. У. (Haury E. W.) 98 (II), 323 (II)
Хоркхеймер М. (Horkheimer M.) 408 (II), 416 (II)
Хостман Кр. (Hostmann Chr.) 344 (I), 345 (I)
Хофмен М. (Hoffman M.) 17 (I)
Христиан IV король Дании 125 (I)
Хрущев Н. С. 31 (II), 122 (II), 433 (II), 458 (II)
Худяков М. Г. 19 (I)
Хьюелл лорд (Whevell Lord) 616 (I)
Хьюелл У. (Whewell W.) (неправ.: Уэвелл) 27 (I)
Хэверфилд Ф. Дж. (Haverfield F. J.) 530 (I)
Хэгетт П. (Haggett P.) 547 (I)
Хэддон или Геддон Э. С. (Haddon A. C.) 375 (I), 562 (I)
Хэлли Э. = Галлей (Halley E.) 144 (I)
Хэммонд Н. (Hammond N.) 263 (II)
Хэнзель Б. (Hänsel B.) 625 (I), 123 (II)
Хэнсон Н. Р. (Hanson N. R.) 28 (I)
Хэрке Г. (Härke H.) 5 (I), 132 (II), 133 (II), 137 (II)
Хюландер С. (Hylander Sv.) 217 (I)
Хюлле В. (Hülle W.) 513 (I)

Цаппас Конст. Эв. 308 (I)
Цветаев Н. 292 (I)
Цезарь, Гай Юлий 76 (I), 99 (I), 193 (II), 324 (II), 365 (II)
Цезелий (Кэзелий) Басс 77 (I)
Цейс Г. (Zeuß H.) 173 (II)

Цетлин Ю. Б. 649 (I)
Цецилия Св. 288 (I)
Цигерт Г. (Ziegert H.) 137 (II)
Цицерон, Марк Туллий 71 (I), 76 (I)
Цоэга Г. (Zoëga G.) 196 (I), 198 (I), 209 (I)

Чаадаев П. Я. 11 (II)
Чайлд В. Г. (Childe V. G.) 30 (I), 35 (I), 40 (I), 85 (I), 382 (I), 383 (I), 429 (I), 455 (I), 493 (I), 535 (I), 546 (I), 566 (I), 572 (I), 595 (I), 596 (I), 597 (I), 598 (I), 601 (I), 608 (I), 609 (I), 610 (I), 611 (I), 612 (I), 613 (I), 614 (I), 615 (I), 616 (I), 619 (I), 620 (I), 621 (I), 622 (I), 627 (I), 628 (I), 629 (I), 678 (I), 679 (I), 22 (II), 25 (II), 26 (II), 27 (II), 28 (II), 29 (II), 30 (II), 31 (II), 32 (II), 33 (II), 34 (II), 36 (II), 40 (II), 44 (II), 46 (II), 47 (II), 48 (II), 49 (II), 50 (II), 52 (II), 58 (II), 59 (II), 92 (II), 93 (II), 106 (II), 110 (II), 112 (II), 113 (II), 121 (II), 128 (II), 140 (II), 156 (II), 157 (II), 158 (II), 164 (II), 165 (II), 167 (II), 174 (II), 175 (II), 177 (II), 180 (II), 186 (II), 206 (II), 216 (II), 234 (II), 286 (II), 287 (II), 293 (II), 296 (II), 305 (II), 337 (II), 341 (II), 364 (II), 366 (II), 375 (II), 376 (II), 406 (II), 407 (II), 409 (II), 415 (II), 416 (II), 420 (II), 424 (II), 445 (II), 446 (II), 453 (II), 473 (II), 474 (II), 476 (II), 477 (II), 478 (II), 488 (II), 489 (II)
Часко У. Дж. (Chasco W. J.) 317 (II)
Чаянов А. В. 407 (II)
Чейни Р. П. (Chaney R. P.) 30 (I)
Чемпион Т. (Champion T.) 262 (II), 294 (II)
Черри Дж. (Cherry J.) 302 (II)
Чжан Воджун 109 (II)
Чжан Гуанчжи (Chang Kuang Chih) 631 (I), 643 (I), 664 (I), 88 (II), 89 (II), 109 (II), 110 (II), 111 (II), 112 (II), 113 (II), 114 (II), 116 (II), 234 (II), 245 (II), 246 (II), 275 (II), 314 (II), 316 (II), 415 (II), 416 (II)
Чиппиндейл Кр. (Chippindale Chr.) 19 (I), 621 (I), 385 (II)
Чорли Р. Дж. (Chorley R. J.) 547 (I), 262 (II), 275 (II)
Чумак А. В. 342 (II)
Чухрий Гр. 53 (I)
Чэдуик Адр. (Chadwick A.), 370 (II), 386 (II)
Чэдуик Дж. (Chadwick J.) 423 (I)
Чэдуик С. (Chadwick S.) 164 (II)
Чэмберс М. (Chambers M.) 637 (I)
Чэмберс Р. (Chambers R.) 284 (I)
Чэндлер Р. (Chandler R.) 187 (I)
Чэпмэн Р. У. (Chapman R. W.) 263 (II), 282 (II)

Шаляпин Ф. И. 669 (I)
Шамполион Ж. Ф. (Champollion J. F.) 185 (I), 239 (I), 241 (I), 242 (I)
Шампуазо (Champoiseau) 305 (I)
Шанидзе А. Г. 7 (II)
Шаркалишарри царь Аккада 68 (I)
Шарп П. Х. (Sharp P. H.) 532 (I)
Шарпли Н. (Sharpley N.) 401 (II)
Шафарик П. Й. (Safank P. J.) 233 (I)
Шахермейр Фр. (Schachermeyr Fr.) 623 (I), 624 (I)
Шахматов А. А. 669 (I)
Шваб Р. (Schwab R.) 231 (I)
Швантес Г. (Schwantes G.) 446 (I), 447 (I), 507 (I)
Шварц Д. (Schwartz D.) 18 (I)
Швейцер Б. (Schweitzer B.) 79 (II), 80 (II), 82 (II), 88 (II)
Шебеста П. (Schebesta P.) 482 (I)
Шейнин Ю. М. 236 (II)
Шеннан Ст. (Shennan S.) 5 (I), 263 (II), 301 (II), 302 (II), 335 (II), 338 (II), 403 (II), 453 (II), 460 (II), 461 (II)
Шер Я. А. 445 (I), 451 (I), 453 (I), 136 (II), 139 (II), 210 (II)
Шернквист Б. (Stjernquist B.) 196 (II)
Шеррат Э. (Sherratt A.) 548 (I), 610 (I). 28 (II), 34 (II), 203 (II), 377 (II), 403 (II)
Шестаков В. П. 57 (I), 58 (I)
Шиллер Ф. (Schiller F.) 177 (I), 199 (I), 293 (I), 525 (I)
Шиллер Фр. фон (Schiller Fr. von) 177 (I), 199 (I), 293 (I)
Шиндевольф О. (Schindewolf O.) 185 (II), 448 (II)
Шиндлер В. (Schindler W.) 391 (I)
Ширинг В. (Schiering W.) 15 (I), 299 (I)
Широн Л. (Chirond L.) 338 (I)
Шиффер М. Б. (Schiffer M. B.) 5 (I), 9 (I), 235 (II), 240 (II), 253 (II), 293 (II), 305 (II), 318 (II), 319 (II), 321 (II), 323 (II), 324 (II), 325 (II), 327 (II), 328 (II), 329 (II), 331 (II), 332 (II), 333 (II), 364 (II), 373 (II), 381 (II), 420 (II), 479 (II), 484 (II), 489 (II)

Шиффле Ж.-Ж. (Chifflet J.-J.) 134 (I), 135 (I), 155 (I), 320 (I), 446 (I)
Шлабрендорф граф ф. (Schlabrendorf v.) 173 (I)
Шланже Н. (Schlanger N.) 5 (I), 10 (I)
Шлегель А.-В. (Schlegel A.-W.) 198 (I), 203 (I)
Шлегель Ф. (Schlegel F.) 198 (I), 203 (I)
Шлейермахер Ф. (Schleiermacher F.) 206 (I), 345 (II)
Шлейхер Авг. (Schleicher Aug.) 284 (I), 317 (I), 318 (I), 380 (I), 386 (I), 657 (I), 658 (I), 9 (II)
Шлёцер А. (Schloayer A.) 119 (II)
Шлик М. (Schlick M.) 237 (II)
Шлиман Агамемнон (Schliemann Agamemnon) 404 (I), 406 (I)
Шлиман Андромаха (Schliemann Andomacha) 404 (I), 406 (I)
Шлиман Генр. первонач. назван Й. Л. Юл. (Schliemann H., перв. им. J. L. Jul.), русск. Андр. Ар. 15 (I), 16 (I), 21 (I), 34 (I), 40 (I), 85 (I), 287 (I), 296 (I), 310 (I), 311 (I), 370 (I), 389 (I), 390 (I), 391 (I), 392 (I), 393 (I), 394 (I), 395 (I), 396 (I), 397 (I), 398 (I), 399 (I), 400 (I), 401 (I), 402 (I), 403 (I), 404 (I), 405 (I), 406 (I), 407 (I), 408 (I), 409 (I), 410 (I), 411 (I), 412 (I), 413 (I), 415 (I), 416 (I), 420 (I), 421 (I), 422 (I), 425 (I), 455 (I), 478 (I), 494 (I), 498 (I), 514 (I), 525 (I), 557 (I), 578 (I), 580 (I), 628 (I), 7 (II), 124 (II), 331 (II), 475 (II), 477 (II), 490 (II)
Шлиман Ек. Петр. (урожд. Лыжина) 397 (I)
Шлиман Л. (Schliemann L.) 393 (I)
Шлиман Софья (в девичестве Энгастроменос или Кастриотис) 392 (I)
Шлиман Э. 392 (I), 393 (I)
Шлиц А. (Schliz A.) 378 (I), 509 (I), 513 (I), 528 (I)
Шлоттгейм Э. Фр. фон (Schlottheim E. Fr. von) 267 (I)
Шлюмберже Д. (Schlumberger D.) 206 (II)
Шмерлинг Ф.-Ш. (Schmerling Ph.-Ch.) 268 (I), 269 (I), 284 (I), 340 (I)
Шмидт А. В. 16 (II)
Шмидт Вильг. (Schmidt Wilh.) 360 (I), 362 (I), 363 (I), 369 (I), 375 (I), 382 (I), 480 (I), 481 (I), 482 (I), 484 (I), 485 (I), 487 (I), 561 (I), 614 (I), 68 (II), 96 (II)
Шмидт Губ. (Schmidt Hub.) 507 (I)
Шмидт И. (Schmidt J.) 386 (I), 657 (I), 658 (I), 10 (II), 430 (II)
Шмидт Р. Р. (Schmidt R. R.) 550 (I), 624 (I), 129 (II)
Шназе К. (Schnaase C.) 298 (I), 660 (I)
Шнапп А. (Schnapp A.) 5 (I), 6 (I), 11 (I), 22 (I), 28 (I), 47 (I), 65 (I), 66 (I), 67 (I), 75 (I), 77 (I), 79 (I), 82 (I), 83 (I), 87 (I), 89 (I), 99 (I), 100 (I), 104 (I), 110 (I), 111 (I), 123 (I), 127 (I), 128 (I), 129 (I), 141 (I), 145 (I), 213 (I), 133 (II)
Шоу Б. (Shaw B.) 170 (II), 292 (II)
Шохин К. В. 57 (I), 58 (I)
Шпенглер О. (Spengler O.) 356 (I), 357 (I), 79 (II), 80 (II), 344 (II)
Шпрокгоф Э. (Sprockhoff E.) 596 (I), 130 (II), 132 (II)
Шрадер О. (Schrader O.) 380 (I), 492 (I), 500 (I), 501 (I), 502 (I), 513 (I), 519 (I), 567 (I), 177 (II)
Шрейбер Г. (Schreiber H.) 234 (I), 320 (I), 45 (II)
Штампфус Р. (Stampfuß R.) 513 (I)
Штарк Б. (Stark B.) 15 (I), 401 (I)
Штейнер Р. (Steiner R.) 344 (II)
Штейнталь Х. (Steinthal H.) 300 (I)
Штерн Э. 4 (I)
Штиф С. (Stieff S.) 214 (I)
Штоль Г. А. (Stoll H. A.) 389 (I), 392 (I)
Штэлин Ф. (Staelin F.) 80 (II)
Шубад царица Шумера 431 (I)
Шульц В. (Schulz W.) 507 (I), 513 (I)
Шумахер К. (Schumacher K.) 507 (I), 513 (I)
Шурц Г. (Schurz H.) 352 (I), 355 (I)
Шухардт Г. (Schuchardt H.) 380 (I), 382 (I), 657 (I), 10 (II)
Шухардт К. (Schuchhardt C.) 348 (I), 405 (I), 406 (I), 492 (I), 493 (I), 497 (I), 498 (I), 499 (I), 502 (I), 506 (I), 507 (I), 512 (I), 513 (I), 520 (I),521 (I), 522 (I), 532 (I), 549 (I), 596 (I), 609 (I), 126 (II), 129 (II), 130 (II), 132 (II), 174 (II), 176 (II), 177 (II), 470 (II)
Шэкли М. (Shackley M.) 322 (II)
Шэнкс М. (Shanks M.) 30 (I), 340 (II), 369 (II), 370 (II), 372 (II), 376 (II), 421 (II), 439 (II), 441 (II), 471 (II),
Шютценбергер М. (Schutzenberger M.) 88 (II)
Шютцрумпф (Schutzrupf) 551 (I)

Щавелев С. П. 53 (I)

Щукин М. Б. 4 (I), 627 (I), 465 (II)

Эббельсен К. (Ebbelsen K.) 192 (II)
Эббот Ч. (Abbott Ch.) 336 (I)
Эбендорфер Т. (Ebendorfer T.) 119 (I)
Эберкромби Дж. (Abercromby J.) 594 (I), 595 (I), 598 (I), 599 (I), 259 (II)
Эберт М. (Ebert M.) 502 (I), 507 (I), 512 (I), 513 (I), 549 (I), 124 (II), 126 (II), 128 (II), 129 (II), 130 (II), 180 (II)
Эвальд поэт 214 (I)
Эванс А. (Evans A.) 9 (I), 85 (I), 275 (I), 277 (I), 376 (I), 405 (I), 409 (I), 412 (I), 413 (I), 414 (I), 415 (I), 416 (I), 417 (I), 418 (I), 419 (I), 420 (I), 421 (I), 422 (I), 423 (I), 424 (I), 425 (I), 426 (I), 429 (I), 431 (I), 432 (I), 433 (I), 570 (I), 580 (I), 591 (I), 594 (I), 596 (I), 599 (I). 609 (I), 610 (I), 611 (I), 629 (I), 445 (II), 475 (II), 477 (II)
Эванс Дж. Д. (Evans J. D.) 65 (I), 80 (I), 216 (I)
Эванс Джоан (Evans Joan) 277 (I), 324 (I), 416 (I), 418 (I), 423 (I), 424 (I)
Эванс Джон (Evans John) 9 (I), 275 (I), 276 (I), 277 (I), 278 (I), 283 (I), 285 (I), 320 (I), 322 (I), 323 (I), 324 (I), 332 (I), 334 (I), 413 (I), 446 (I), 447 (I)
Эванс Л. (Evans L.) 414 (I)
Эванс-Причард Э. И. (Evans-Pritchard E. E.) 543 (I), 355 (II), 356 (II), 398 (II)
Эвгемер 57 (I)
Эгган Фр. (Eggan Fr.) 635 (I), 49 (II), 94 (II), 189 (II)
Эггерс Г. Ю. (Eggers H. J.) 11 (I), 16 (I), 18 (I),43 (I), 460 (I), 461 (I), 497 (I), 524 (I), 525 (I), 548 (I), 549 (I), 551 (I), 173 (II), 174 (II), 175 (II), 186 (II), 187 (II), 188 (II), 188 (II), 189 (II), 190 (II), 191 (II), 192 (II), 193 (II), 197 (II), 199 (II), 200 (II), 223 (II), 324 (II), 333 (II), 361 (II), 381 (II), 420 (II), 433 (II), 434 (II), 477 (II)
Эггерт М. К. Г. (Eggert M. K. H.) 5 (I), 625 (I), 626 (I), 251 (II), 336 (II)
Эдамс Р. МакК. (Adams R. McC.) 44 (II), 48 (II), 49 (II), 50 (II), 51 (II), 57 (II), 58 (II), 59 (II), 106 (II), 231 (II), 304 (II)
Эдамс У. Й. (Adams W. Y.) 25 (I), 587 (I)
Эдвардс Ам. Бл. (Edwards Am. Bl.) 579 (I), 580 (I), 582 (I)
Эдвардс мисс (Edwards, Miss) 492 (I)
Эдэйр Дж. (Adair J.) 255 (I)
Эдинг Д. Н. 16 (II)
Эдмонсон М. (Edmonson M.) 623 (I)
Эзе Л. (Heuzey L.) 187 (I)
Эзер А. Ф. (Oeser A. F.) 161 (I), 192 (I)
Эйнштейн А. (Einstein A.) 138 (II), 268 (II), 350 (II)
Экенбрехер Г. ф. (Eckenbrecher G. v.) 390 (I)
Эккарт Й. Г. (Eccart J. G.) 147 (I)
Элгин и Кинкардайн Т. Б. граф (Elgin and Kincardine Th. B. Earl of) 184 (I), 187 (I), 188 (I), 189 (I), 209 (I)
Элдред (Aeldred), настоятель 99 (I)
Элдредж Н. (Eldredge N.) 448 (II)
Эленшлегер Ад. (Oelenschlaeger Ad.) 214 (I)
Элиаде М. (Eliade M.) 344 (II)
Элмер (Elmer), настоятель 100 (I)
Эмбри Л. (Embree L.) 254 (II)
Эмерих Фр. (Emmerich Fr.) 432 (II)
Эммермен А. Дж. (A. J. Ammerman) 456 (II)
Эмерсон Р. У. (Emerson R. W.) 294 (I)
Энгельгард К. (Engelhard K.) 223 (I)
Энгельс Ф. (Engels F.) 263 (I), 17 (II), 21 (II), 24 (II), 26 (II), 28 (II), 29 (II), 30 (II), 36 (II), 113 (II), 133 (II), 139 (II), 205 (II), 299 (II), 407 (II), 418 (II), 422 (II), 442 (II)
Энгельстад Э (Engelstad E.) 373 (II), 374 (II)
Энтон С. (Anton C.) 392 (II)
Эпаминонд Фиванский 78 (I)
Эпперсон Ф. (Apperson Ph.) 585 (I)
Эрдман Б. (Erdmann B.) 602 (I)
Эрендл Т. Г. граф (Arundel Th. H. Earl of) 117 (I)
Эрл Г. У. (Earle G. W.) 321 (II)
Эрлин Х. (Urlin H.) 583 (I)
Эрлих П. (Ehrlich P.) 304 (II)
Эрман А. (Ermann A.) 585 (I)
Эрнести Й. А. (Ernesti J. A.) 196 (I)
Эспер Й. Ф. (Esper J. Fr.) 266 (I)
Этуотер К. (Attwater C.) 255 (I), 335 (I)
Этьен Св. 97 (I)
Эшби У. Р. (Ashby W. R.) 274 (II)

Юань Тянь 79 (I)
Юбер Э. (Hubert E.) 339 (I)
Юденич Н. Н. 674 (I)
Юлиан Отступник, Клавдий, император 95 (I)
Юлиана королева Датская 147 (I), 211 (I), 216 (I)

Юлий II папа римский 116 (I)
Юлий III папа римский 116 (I)
Юм Д. (Hume D.) 154 (II)
Юнг К.-Г. (Jung C.-G.) 344 (II)
Юань-Цзя 92 (I)
Юра Р. А. 57 (I)
Юсти К. (Justi C.) 197 (I)
Юхансен А. Б. (Johansen A. B.) 226 (II)

Ягутис-Эмден М. (Jaguttis-Emden M.) 138 (II)
Якимович Р. (Jakimowicz R.) 523 (I)
Якобсен Т. (Jacobsen Th.) 49 (II), 50 (II)
Якобсон Р. (Jacobson R.) 49 (II), 50 (II), 52 (II), 69 (II)
Якобсталь П. (Jacobsthal P.) 596 (I), 78 (II), 128 (II), 129 (II), 131 (II), 132 (II)
Якоб-Фризен К. Г. (Jacob-Friesen C. H.) 71 (I), 520 (I), 126 (II), 127 (II), 129 (II), 130 (II), 173 (II), 174 (II), 188 (II), 193 (II), 194 (II), 199 (II), 200 (II)
Яков II Стюарт (James II Stuart) 143 (I)
Яковлев Н. Ф. 19 (II), 504 (II)
Ян Длугош (Jan Dlugosz) 58 (I)
Ян М. (Jahn M.) 43 (I), 497 (I), 507 (I), 513 (I), 525 (I), 173 (II), 189 (II), 196 (II)
Ян О. (Jahn O.) 196 (I), 202 (I), 203 (I), 204 (I), 206 (I), 287 (I), 292 (I), 300 (I), 305 (I), 668 (I)
Янин В. Л. 12 (II)
Янкун Г. (Jankuhn H.) 548 (I), 549 (I), 550 (I), 551 (I), 106 (II), 114 (II), 174 (II), 179 (II), 192 (II)
Яннакис Ник. Зафирос 399 (I), 400 (I)
Янсен К. (Jansen K.) 216 (I)
Ясперс К. (Jaspers K.) 167(II), 417 (II)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ V. МЕТОДОЛОГИИ, ВЫДВИГАЕМЫЕ КАК ПАРАДИГМЫ, И ПРОТИВОСТОЯЩИЕ ИМ ШКОЛЫ

Глава 27. Стадиализм и марксизм 3

1. Археология в революции и революция в археологии (1917–1934) ..... —
2. Катастрофа и смена структур (1917–1924) 4
3. Академик Марр, лингвист и археолог 5
4. «Яфетическая теория» и «новое учение о языке» 9
5. Революция в археологии: московский порыв (1924–1929) 11
6. Арциховский: «метод восхождения» 12
7. Революция в археологии: ленинградская кампания (1930–1934) 13
8. Красный Равдоникас 15
9. Возможна ли марксистская археология? 17
10. Теория стадиальности 18
11. Марксистский социологизм 21

Глава 28. Неоэволюционизм 24

1. Неоэволюционизм как направление ..... —
2. Чайлд как марксист 25
3. От диффузии к эволюции: экономика первобытного общества 26
4. Функционализм и эволюция: хозяйственно-культурные революции 27
5. Советские влияния: марксизм и возрождение Моргана 28
6. Лондонское десятилетие: решение загадки европейской уникальности 30
7. Кризис и уход 32
8. Социо-антропологический неоэволюционизм в Америке 35
9. Неоэволюционизм Лесли Уайта ..... —
10. «Многолинейный эволюционизм» Стюарда 39
11. Ученики Уайта и Стюарда 40
12. Кросс-культурный анализ неоэволюциониста Мёрдока 42
13. Роберт Брейдвуд и неолитическая революция 44
14. Ричард МакНиш и археоботанические исследования 47
15. Роберт Эдамс и судьба городских цивилизаций 48
16. Предварительный итог: эволюционизм и неоэволюционизм 52
17. Французский неоэволюционизм: Андре Леруа-Гуран ..... —
18. Неоэволюционист во Франции: глас вопиющего в пустыне 56
19. Советская археология: эволюция и марксизм 57
20. Кризис неоэволюционизма 59

Глава 29. Структурализм 61

1. Введение ..... —
2. Зарождение структуралистских идей в лингвистике — Соссюр, Трубецкой, Якобсон 62
3. Провозвестник структурализма в культурной антропологии Ван Геннеп 63
4. Идеи филологического структурализма в Советском Союзе: Пропп и Лотман. 64
5. Леви-Брюль, Жан Пиаже и дологическое мышление 65
6. Структурализм школы Анналов 68
7. Леви-Строс — биография 69
8. Идея единства человеческого разума и основных ментальных структур: бинарные оппозиции 70
9. Структуры и история 72
10. Леви-Строс — анализ мифов ..... —
11. Как Леви-Строс использовал идеи структурной лингвистики 73
12. Леви-Строс — основа успеха 74
13. Леви-Строс — значение вклада 75
14. Американский антропологический структурализм: Кеннет Пайк, когнитивная антропология и «Новая Этнография» ..... —

15. Идеи структурализма в искусствоведении ... 77
16. Идеи структурализма в немецкой античной (классической) археологии ... 78
17. Андре Леруа-Гуран и палеолитическое искусство ... 82
18. Структурализм в американской археологии: Джеймс Дитц и операции с формемами ... 85
19. Заключение ... 90
20. Некоторые уроки ... 91

Глава 30. Контекстуализм ... 93

1. Введение ... —
2. Функционализм в Америке: Данкен Стронг ... —
3. Научная родословная Тэйлора ... 96
4. Уолтер Тэйлор и его «Исследование археологии» ... 97
5. Археология как дисциплина и ее место среди наук ... 98
6. Теория ... 99
7. Типология по Тэйлору ... 100
8. Проблемно-установочная процедура исследования ... —
9. Сопрягательный подход Тэйлора или контекстуализм ... 101
10. Восприятие книги Тэйлора и его судьба ... —
11. Развитие и систематизация у контекстуалистов. Гордон Уилли ... 103
12. Поселенческая археология: Чжан Гуанчжи и Брюс Триггер ... 109
13. Контекстный подход во Франции ... 114
14. Заключение и некоторые уроки ... 115

Глава 31. Эмпирические школы ... 118

1. Введение ... —
2. Эмпиризм, индуктивизм, позитивизм ... —
3. Стимулы эмпиризма ... 121
4. Джозеф Генри и Смитсоновский институт ... 122
5. Оправдания аббата Буржуа ... —
6. Эмпиризм Вирхова и Боаса ... 123
7. Сумматоры первобытной археологии ... 124
8. Сепаратная археология Якоб-Фризена ... 126
9. Марбургская школа Мерхарта ... 127
10. Курбэн против Новой Археологии ... 133
11. Проявления и признаки эмпиризма в археологии ... 135
12. Статистические концепции: Элберт Сполдинг ... 141
13. Некоторые уроки ... 143

Глава 32. Гиперскептицизм ... 145

1. Введение ... —
2. Условность классификаций: Бру и Форд ... 146
3. Философия истории археолога и философа Коллингвуда ... 154
4. Гиперскептицизм Глина Дэниела ... 156
5. Сподвижники Дэниела ... 161
6. «Лестницы» Хокса ... —
7. Модели Пиготта ... 165
8. Причины вспышки гиперскептицизма ... 167
9. Критика гиперскептицизма в археологии ... 168

Глава 33. Автономная археология в историческом синтезе и эмергентизм ... 172

1. На руинах «археологии обитания» ... —
2. Биография Вале ... 175
3. Учение Вале ... 179
4. Эггерс и внутренняя критика археологических источников ... 187
5. Рольф Гахман и «регрессивная пурификация» ... 192
6. Ульрих Фишер: археологические культуры как одежды ... 196
7. Заключение и некоторые уроки ... 199

Глава 34. Сциентистская археология 202

1. Сциентизм в археологии ..... —
А. Дескриптивная археология и французский логицизм 203
2. Неорационализм ..... —
3. Дескриптивная археология 204
4. Формализация и научный уровень 208
5. Археологические конструкты Гардена и его логистический принцип 210
6. Галле и «археология завтрашнего дня» 216
Б. Шведский рационализм на путях сциентификации 217
7. Шведский рационализм в философии ..... —
8. От 2М к 3Н 218
9. Матс Мальмер и его пространственная археология 219
10. «Неолитические штудии» 221
11. Классификация как центр тяжести 223
12. «Рационализм» Мальмера 224
13. Три М 226
14. Заключение и некоторые уроки 227

Глава 35. Новая археология (процессуализм). Гемпелианское направление 229

1. Сциентистская революция в археологии США и Новая Археология ..... —
2. Льюис Бинфорд 232
3. Социальная среда и корни 235
4. Нео- и постпозитивизм: влияние Гемпеля и проблема достоверности знания 237
5. Археология как антропология — против истории 239
6. Объяснение 241
7. Системная концепция культуры 242
8. Потенциал источников 245
9. Дедуктивная процедура 247
10. Математические методы 249
11. Критика Новой Археологии 250
12. Кризис процессуализма 252
13. Некоторые уроки 254

Глава 36. Новая археология (процессуализм). Аналитическое направление 257

1. Второе направление Новой Археологии ..... —
2. Жизненный путь Дэвида Кларка 258
3. Мираж «аналитической машины» 263
4. Редукционизм 267
5. Вариабельность 269
6. Системная концепция культуры у Кларка 272
7. Модели в археологии 273
8. Пространственная археология 275
9. Общая теория 279
10. Обсуждение аналитической археологии 280
11. Некоторые частные уроки 282

Глава 37. Новая Археология (процессуализм). Серутанское направление 284

1. Третье течение Новой археологии ..... —
2. Кент Флэннери и становление производящего хозяйства 285
3. Флэннери среди типичных образов 287
4. Флэннери и происхождение цивилизации 293
5. Колин Ренфру, сверстник Дэвида Кларка ..... —
6. Шеффилд: взлет к славе 295
7. Неомарксизм в Англии 299
8. Саутгемптон: социальная археология 300
9. Группа «Спасение» и ТАГ 302
10. Саутгемптон: теория катастроф 304
11. Заключение 305
12. Некоторые уроки 306

Глава 38. Поведенческая археология ... 309

1. Поляризация интересов: глобализм и индивид ... —
2. Кризис Новой Археологии ... 310
3. Стивен Дэниелс и признаки отхода от процессуализма у Дэвида Кларка ... 311
4. Бинфорд: «два контекста исследований» и «соединяющий аргумент» ... 313
5. Экспериментальная археология и этноархеология ... 315
6. Бинфорд: этноархеология нунамиутов ... 316
7. Поведенческая археология Майкла Шиффера ... 318
8. Мусорная археология Уильяма Раджа ... 322
9. Археологические источники у Л. С. Клейна ... 324
10. Бинфорд: Теория Среднего Уровня ... 326
11. «Допущение о Помпеях» ... 328
12. Золотой Маршалтаун ... 329
13. Некоторые уроки ... 333

ЧАСТЬ VII. ПОСТМОДЕРНИЗМ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Глава 39. Пост-процессуализм ... 335

1. Кембридж и Мичиган: когнитивная археология ... —
2. Приход пост-процессуализма ... 338
3. Постмодернизм против модернизма ... 339
4. Социально-экономические корни модернизма и постмодернизма ... 340
5. Мистицизм как прелюдия и предзнаменование ... 343
6. Идейные корни: ... 345
   а) феноменология ... —
   б) герменевтика ... —
   в) критическая теория ... 346
   г) пост-структурализм: Михаил Бахтин и Ролан Барт ... 347
   д) пост-структурализм Куна и социальный конструктивизм Мишеля Фуко ... 349
   е) пост-структурализм Абраама Моля ... 353
7. Этнография как «описание с нажимом» — Клифорд Гирц ... 354
8. Ян Ходдер — лидер постпроцессуализма ... 357
9. От этноархеологии к символам ... 358
10. Чтение прошлого ... 360
    а) интерпретирующая текст археология ... 361
    б) герменевтика и релятивизм ... —
    в) критическая археология ... 362
    г) структуралистские и контекстуалистские идеи ... 363
    д) исторический идеализм ... 365
11. Ходдер и пост-процессуализм ... 367
12. Ученики ... 370
13. Феминистская археология ... 373
14. Критика пост-процессуализма ... 375
15. Личное добавление ... 378
16. Оценка постмодернизма ... 379
17. Некоторые уроки ... 381

Глава 40. Антисистемные движения ... 383

1. Современное состояние дисциплины и перспективы развития ... —
2. Археологический антиглобализм ... 387
3. Конкурентный глобализм как вид антиглобализма ... 390
4. Кому принадлежит прошлое? ... 392
5. Этика в Кембридже и везде ... 393
6. Разрушение основных понятий ... 394
7. Волна индивидуализма ... 396
8. Ситуации, поля и роли в психологии и антропологии ... —
9. Этнос и личность в антропологии ... 397
10. «Единое социальное поле» и интеракционизм ... 398
11. Пост-структурализм Бурдье и Гидденса ... 399

12. Археология и «теория активности» ... 401
13. Интерперсонализм в археологии ... 404
14. Заключение и некоторые уроки ... —

Глава 41. Неомарксизм в археологии ... 406

1. Марксизм как антисистемное движение? ... —
2. Разновидности марксизма ... —
3. Марксизм в археологии ... 409
4. Перспективы марксизма в археологии ... 411
5. Марксизм или пост-марксизм? ... 413
6. Пара-марксистские археологии? ... 416
7. Заключение и некоторые уроки ... 425

Глава 42. Синтез и постижение ... 428

1. Кембридж: этнические проблемы ... —
2. Российское соответствие ... 433
3. Переход к постижению прошлого ... 435
4. Теория приспособления к материалу ... 439
5. Заключение и некоторые уроки ... 445

Глава 43. Третий эволюционизм ... 448

1. Возобновление эволюционизма ... —
2. Социобиология ... 450
3. Эгоистичный ген и неуловимый мем ... 452
4. Селекционизм (Дарвиновская археология) ... 454
5. Коэволюция ... 456
6. Природа человека и цивилизация — взгляд из России ... 458
7. Экология поведения человека ... 460
8. Эколого-демографический эволюционизм ... 461
9. Секвенции и теория коммуникации ... 464
10. Заключение и некоторые уроки ... 467

Глава 44. Заключение: итоги и перспектива ... 470

1. Характер и ход истории археологического мышления ... —
2. Альтернативные археологии ... 471
3. Дробить или объединять? ... 473
4. Эпохи и традиции ... 474
5. Структура изложения ... 476
6. Кандидаты на внимание ... 477
7. Проблема взаимодополнительности ... 478
8. Выбор и полемика ... 479
9. Телеконнексия и источники новаций ... 480
10. Использование теорий и Клаус Рандсборг ... 481
11. Самооценка и «критическая теория» ... 487
12. Некоторые уроки ... 489

Литература ... 492

Сокращения ... 551

Предметный указатель ... 553

Именной указатель ... 572

***Leo S. Klejn.* History of archaeological thought (Annotation)** ... 614

Contents ... 615

History of archaeological thought

Leo S. Klejn

Annotation

The book is the first comprehensive monograph on the world history of archaeology. When it comes to the history of their discipline, archaeologists tend to be reliant upon just two basic works, namely Glyn Daniel's history of archaeology and Bruce Trigger's history of archaeological thought. The first was published in the middle of the last century, the second in 1989 (with a new edition in 2006). Both are very good, but they are devoted almost exclusively to prehistoric archaeology at the expense of all else. Moreover the first book is overly reliant upon English and French literature and does not mention Slavic and German works, while the second is written with very broad strokes and does not describe schools and personalities in any detail. The present work is more substantial and is structured differently. For early phases the development of archaeology is considered by periods, and from the middle of the 19th century by schools. This work is based on a course of lectures given by the author at the Leningrad—Petersburg University, and subsequently at Vienna University. As distinct from the more customary historiography, this course (and this monograph) is focused not solely on archaeological discoveries and administrative events (although they are touched on), but on the movement and analysis of archaeological thought, the characteristics of the various schools and the biographies of scholars. For the first time all branches of archaeology are united — prehistoric, classical, medieval and so on.

The work includes about 200 illustrations, subject and name indices, and an expansive bibliography. Although the work is planned as a textbook, all quotations are supported by references, for this is simultaneously a research monograph. The work is intended both for archaeologists and for the scholars working in adjacent fields (history, sociology, anthropology, ethnography etc.).

CONTENTS

I

Foreword 3
Preface to the lecture course of 2004–2006 6

Ch. 1. Introduction. The aims of studying and principles of exposition 9
1. The importance of history of archaeology ..... —
2. The subject matter of historiography 13
3. Books on the history of archaeology (the survey of literature) 14
4. The "damned question" of archaeology 24
5. Methodological approaches 25
6. The impetus for development 30
7. The choice of exposition structure 31
8. From periods to trends 33
9. Conclusion 40

PART I. STAGES IN THE MOVEMENT TO ARCHAEOLOGY

Ch. 2. The problem of the beginning of archaeology 42
1. Adjudicating affiliations ..... —
2. When did archaeology begin? 44
3. Attributes of scholarship 45
4. "Popular archaeology" 48
5. Conclusion 61

Ch. 3. Shoots of archaeology in the ancient world 64
1. Making sense of terminological disorder ..... —
2. "Sacral archaeology": archaeological knowledge in the Ancient Orient 65
3. Classical notions of prehistory 68
4. Antiquities in the Homeric epics 72
5. Material antiquities as sanctuaries ("sacral archaeology" in the classical world) 73
6. Taking a fancy to antiquities 75
7. The veneration of antiquities in ancient Eastern Asia 79
8. Archaeological consideration in the classical world: Herodotus and Thucydides 80
9. Terms and concepts 82
10. The tenacity of "sacral archaeology" 84
11. Was archaeology necessary? ..... —

Ch. 4. The Middle Ages and antiquities 87
1. The Medieval way of thinking ..... —
2. The Classical heritage among medieval antiquities 89
3. Medieval passion for antiquities in Asia 92
4. "Popular archaeology" in the Middle Ages 94
5. Events as "sacral archaeology" in the Middle Ages 95
6. The Archaeological situation 98
7. Biblical history and the short chronology 101
8. Innovations of the Renaissance 102
9. Orientation to classical antiquities 104
10. Conclusion 107

Ch. 5. Early antiquarianism 110
1. Antiquarianism as a phenomenon ..... —
2. The Renaissance and its ideas 111
3. Attitudes to antiquities at the time of the Reformation. Camden 113
4. Dilettanti and antiquaries 116
5. The Discredit of "popular archaeology" 119
6. Scientific revolution and the view of ancient epochs 122
7. Antiquaries of the Age of Reason. Bure and Worm 123
8. Preliminary conclusion 129

Ch. 6. Late antiquarianism 132

1. Turning point of the century ..... —
2. Antiquaries of France and Sweden during the culmination of the Age of Reason: Spon, Verelius and Rydbek 133
3. Antiquaries of England of the Age of Reason: Aubrey 139
4. Novelties of the Age of Enlightenment and material antiquities 143
5. Antiquaries of the Age of Enlightenment in England. Stukeley 144
6. Antiquaries of the Age of Enlightenment in Scandinavia 146
7. Antiquaries of the Age of Enlightenment in Germany 147
8. Antiquaries of France: Mountfaucon and Caylus 149
9. The first excavation of Herculanum and Pompei 153
10. Conclusion. At the threshold of archaeology 154

PART II. BRANCHES OF ARCHAEOLOGY IN THE MAKING AND THE FORMATION OF THE FIRST ARCHAEOLOGICAL CONCEPTIONS

Ch. 7. Winckelmann 158

1. A mysterious murder ..... —
2. Prussian dismal existence 159
3. Secretary in Saxony 161
4. Blissful Italy. Aware of the mission 162
5. Style equals epoch 166
6. "Father of archaeology" 169
7. The kiss of Zeus 172
8. Two journeys and three layers of mystery 173
9. Winckelmann's Renaissance 177

Ch. 8. Classical archaeology in the making 181

1. The Fruits of Enlightenment and the Ancient World ..... —
2. Diplomats-antiquaries 182
3. The Archaeology of Bonapartes 184
4. Discovery of the real Greece 187
5. Two miracles of the world are uncovered 189
6. The discovery of the Etruscans 190
7. Goethe and the classical antiquities 192
8. The genealogical tree of Professors and archaeology 194
9. The professors and their teaching: Heine, Gerhard a. o. 197
10. The philological school 202
11. The impact of Romanticism on the early classical archaeology: morphology and hermeneutics 205

Ch. 9. Birth of domestic archaeologies 209

1. Romanticism and archaeologists ..... —
2. Barrow-mania in England 211
3. The Danish compensation 214
4. Christian Thomsen and his System of Three Ages 215
5. Worseau, Thomsen's successor 221
6. Worseau and medieval archaeology 224
7. Swen Nilsson and his integration of archaeology with ethnography 226
8. Danish archaeological revolution 227
9. The resistance to the Three Ages 229
10. Stratigraphic proofs 230
11. Ethnic labels: toward the glory of ancestors 232
12. Conclusion: some lessons 235

Ch. 10. The rise of archaeological study of Non-European lands 237

1. Branches of archaeology and its history ..... —
2. Birth of oriental archaeology: Egypt 238
3. Mariette-bey 242
4. Birth of oriental archaeology: the Holy Land, Mesopotamia and Persia 244

5. The discovery of Assyria: Botta and Layard 246
6. The forerunners of biblical archaeology 250
7. The Evidence of monuments of India 251
8. The beginning of New World archaeology: the civilization of the Maya ..... —
9. The beginning of New World archaeology: "Mount Builders" 253
10. Russia and oriental archaeology 257
11. Conclusion ..... —
12. Some lessons 258

Ch. 11. The discovery of the depth of the past 260
1. Biblical archaeology ..... —
2. Catastrophists and Fluvialists. The naturalists' offensive against Biblical archaeology 261
3. Mammoth and man. The chronicle of lost possibilities 265
4. Boucher de Perthes: on the way to discovery 270
5. Boucher de Perthes: the struggle for recognition 273
6. Eduard Lartet 278
7. Paleontological periodisation of Palaeolithic 280
8. Evolution nearby 281
9. Some lessons 284

Ch. 12. Divergence of the classical archaeology 287
1. The divergence of the history of art from the history of culture ..... —
2. The expansion of the art-studying archaeology into the neighbouring branches ..... —
3. The impact of the Age of Technology 289
4. Individualism and descriptivism 292
5. The autonomy of shape 297
6. The impact of the German culture-historical school 300
7. Fiorelli in Pompei 303
8. Alexander Konze in Samophrakia and Humann in Pergam 304
9. Ernst Curtius in Olympia 307
10. Schliemann at Troy 310
11. Conclusion 312

Ch. 13. Evolutionism 315
1. Evolutionism as a trend ..... —
2. Evolutionism in other disciplines 317
3. Evolutionism of Pitt-Rivers 319
4. Lubbock, archaeologist and cultural anthropologist 326
5. Gabriel de Mortillet 328
6. Evolutionism and Europe 334
7. Evolutionists in North-American archaeology 335
8. The departure 337
9. Summation 339
10. Some lessons 340

PART III. CULTURAL-HISTORICAL ARCHAEOLOGY

Ch. 14. The beginning of cultural-historical archaeology and migrationism 342
1. Geography and the spirit of the time ..... —
2. Resistance to the Three Age System in Germany 343
3. Virchow and the focus on separate cultures 345
4. Ratzel's anthropogeography and migrationism 351
5. Frobenius and cultural circles 355
6. Cologne school of Graebner 358
7. Cultural circles in Vienna school 362
8. Cultural-historical archaeology 363
9. Some lessons ..... —

Ch. 15. Culture and diffusionism 365
1. The Concept of 'culture' in the making ..... —
2. The Concept of 'culture' as understood by the Evolutionists and in anthropogeography 366

3. Culture as understood by Diffusionists 368
4. Archaeological culture 369
5. Diffusionism as a teaching 370
6. Diffusionism and politics 375
7. Migration in the system of Diffusionism 376
8. 'Racial theory' 377
9. Indo-European linguistics as a basis of Migrationism 379
10. Demographic, social and archaeological study of migrations 382
11. Influences and borrowings in the system of Diffusionism 383
12. The Psychological basis of imitation ..... —
13. Support of transmission in linguistics and folklore studies 386
14. Some lessons 387

Ch. 16. Schliemann 389

1. The Legend on Schliemann ..... —
2. Biography 391
3. Upbringing 392
4. Andrey Aristovich in St.Petersburg 393
5. Transformation 394
6. A New Odysseus 396
7. The first campaign of excavation in Ilios and the 'Priamus' Hoard' 399
8. Schliemann at Mycenae and the 'mask of Agamemnon' 402
9. The second campaign in Ilios — with Burnouf and Virchow ..... —
10. Schliemann in Orchomenus 404
11. The third campaign of excavations — with Dörpfeld ..... —
12. Schliemann in Tiryns ..... —
13. The fourth campaign of excavation in Ilios and the catastroph 405
14. The fate of Schliemann's treasures 406
15. The significance of Schliemann 407
16. Some lessons 410

Ch. 17. Imperial Diffusionism: the cradle of civilisations 412

1. Diffusion and diffusionism ..... —
2. Schliemann in Crete ..... —
3. Evans in Bosnia and the migrations of the Belguians 413
4. Evans in Crete and the excavations of Knossus 416
5. Evans as the leader of British archaeology 419
6. The idea of a sea power ..... —
7. Egocentrism and the first European script 422
8. The dramatic end 423
9. Fate and Justice 424
10. A comparison of figures 425
11. Leonard Woolley 426
12. Woolley and his invasions 429
13. Woolley and the precedence of the Sumerians 431
14. The 'Archaic hypothesis' of Spinden 432
15. Conclusion and some lessons 433

SUPPLEMENT: The poetry of Agatha Christie 437

Ch. 18. Scandinavian Diffusionism: Montelius and Sophus Müller 439

1. The revision of historiographical schemes ..... —
2. Montelius and Mortillet ..... —
3. Montelius and Sophus Müller 443
4. Typological method 444
5. The criticism of typological method and Sophus Müller's method 451
6. Long or short chronology? 453
7. Montelius and Sophus Müller as diffusionists 455
8. Montelius as a scholar and personality 456
9. Sophus Müller as a scholar and personality 458
10. The reflection of Scandinavian Diffusionism in the Central Europe. Paul Reinecke 459
11. Some lessons 461

Ch. 19. Anti-Evolutionism 463

1. The Church against evolution ..... —
2. Boule and the palaeontology of man 465
3. The Neanderthal man from Chapelle 467
4. The fate of Boule's construction 470
5. Breuil and the Palaeolithic depictions 471
6. 'La bataille Aurignacienne' and the change of industries after Breuil 473
7. Breuil and the separate Palaeolithic cultures 475
8. Breuil, the specificity of the personality 477
9. Obermaier and Peyrony 478
10. Migrationism of Dorothy Garrod and the parallel cultures of Movius 479
11. Viennese school 480
12. Two lives of Oswald Menghin 482
13. The Christian Evolutionism of Teilhard de Chardin 485
14. The confrontation of Evolutionism and anti-Evolutionism 487
15. Some lessons 489

Ch. 20. German migrationsim 491

1. Investigating traces of Kossinna ..... —
2. 'Kossinism' 492
3. At the craddle of 'prehistoric ethnology' 493
4. The beginning of 'Siedlungsarchäologie' (archaeology of residence) 495
5. Confrontation and the struggle for domination 498
6. The 'extremely national discipline' 502
7. Gold bowls and the split 506
8. War and graves 507
9. Nordic Aryans and the appeal to anthropology 509
10. War marches of Indo-Germans in the Neolithic 510
11. Personality and the heritage of Kossinna 512
12. The composition and the roots of Kossinnism 513
13. The working out of ethnic history — the origins of peoples and of linguistic families 515
14. The underlying principles of culture history 518
15. Critics of Kossinna 519
16. The significance of Kossinna's heritage 524
17. Some lessons 526

PART IV. THE CRISIS OF CULTURAL-HISTORICAL ARCHAEOLOGY AND THE OUTLETS FROM IT

Ch. 21. Environmentalism (The Ecological direction) 528

1. The geographic approach to archaeology ..... —
2. Crawford 529
3. Fox 533
4. Graham Clark 535
5. The "Economic basis" 538
6. "Star Carr" and other books by Clark 541
7. Higgs 544
8. The Spatial Archaeology 547
9. Danish ecologic tradition 548
10. Hamburg Geographic Archaeology and Jankuhn's 'Siedlungsarchäologie' ..... —
11. Some lessons 551

Ch. 22. Hyperdiffusionism 553

1. Dilettantism and scientific norms ..... —
2. The lost tribes of Israel and the Greek fleet 554
3. Atlantis, America and Egypt 555
4. The conversion of Rivers 559
5. Rivers as a diffusionist 560
6. Manchester school of Elliot Smith 561
7. Other hyperdiffusionists 567
8. Roots of diffusionism 571

9. Thor Heyerdahl ... 572
10. Fanaticism and research ... 574
11. Some lessons ... 575

Ch. 23. Invasionism and Biblical archaeology ... 577

1. Migrationism as invasionism ... —
2. Flinders Petrie's route to archaeology ... 578
3. Dynastic Egypt, methods of excavation and 'cross-dating' ... 579
4. Predynastic Egypt and the method of 'sequence-dating' ... 582
5. The scholar and man ... 583
6. Ideological position ... 586
7. William Albright — 'the dean of Biblical archaeology' ... 587
8. "What remains of the House That Albright Built?" ... 589
9. Kathleen Kenyon and the excavations of Jericho ... 591
10. British Invasionism: Abercromby, Hawkes and Piggott ... 594
11. Italian Invasionism ... 598
12. Conclusion and some lessons ... 599

Ch. 24. The Moderate Diffusionism ... 601

1. Polarisation ... —
2. American Diffusionism: Boas ... —
3. Cultural areas ... 605
4. Seriation and the 'Stratigrahic Revolution' ... 606
5. Uniqueness of Childe ... 608
6. Australia — Oxford — Australia. Childe before his turn to archaeology ... —
7. "The Dawn" ... 609
8. The development of the theme of diffusion ... 613
9. Mortimer Wheeler ... 614
10. The convictions of a colossus ... 617
11. The Moderate Diffusionism of Glynn Daniel ... 619
12. Methodical elaborations of the Moderate Diffusionism ... 622
13. Vladimir Milojčić and his chronological scheme ... 624
14. The result ... 627
15. Some lessons ... —

Ch. 25. Taxonomism ... 630

1. Taxonomism as a trend in archaeology ... —
2. Kidder and the Pecos conference ... 631
3. Competing taxonomies ... 632
4. The Michigan centre and James Griffin ... 635
5. The southeast USA and James Forde ... 637
6. Irving Rouse, the peak of Taxonomism ... 640
7. François Bordes ... 645
8. The Taxonomic trend in Russia: Gorodtsov ... 648
9. Palaeoethology of Boris Zhukov ... 653
10. Conclusion and lessons ... 654

Ch. 26. Combinationism ... 657

1. An Unnoticed trend ... —
2. Kondakov: the Moscow beginning ... 658
3. Odessa period ... 659
4. The iconographic method ... —
5. Petersburg period ... 662
6. The school ... 663
7. Combinationism ... 664
8. Social position ... 665
9. Emigration ... 666
10. Rostovtsev's background in Russia ... 667
11. Asking history ... 668
12. The Study of Scythia ... 670
13. The member of the Academy in politics ... 672

14. The beginning of emigration 674
15. America and Dura-Europos 675
16. Farmakovsky 678
17. Modern combinationism ..... —
18. Some lessons 679

II

PART V. METHODOLOGIES ADVANCED AS PARADIGMS AND SCHOOLS CONFRONTING THEM

Ch. 27. Stadialism and Marxism 3

1. Archaeology in the Revolution and the Revolution in archaeology (1917–1934) .... —
2. Catastrophe and changing structures (1917–1924) 4
3. Member of the Academy N. Ya. Marr, linguist and archaeologist 5
4. 'Japhetic theory' and the 'New Teaching on Language' 9
5. Revolution in archaeology: the Moscow impulse (1924–1929) 11
6. Artsikhovsky: the 'method of ascending' 12
7. Revolution in archaeology: Leningrad campaign (1930–1934) 13
8. The red Ravdonikas 15
9. Is Marxist archaeology possible? 17
10. Theory of stadiality 18
11. Marxist sociologism 21

Ch. 28. Neoevolutionism 24

1. Neoevolutionism as a direction ..... —
2. Childe as a Marxist 25
3. From diffusion to evolution: the economy of prehistoric society 26
4. Functionalism and evolution: economic-cultural revolutions 27
5. Soviet influences: Marxism and the revival of Morgan 28
6. London decade: the solving of the riddle of European uniqueness 30
7. Crisis and departure 32
8. Socio-anthropological Neo-Evolutionism in America 35
9. Neo-Evolutionism of Leslie White ..... —
10. 'Multilinear Evolutionism' of Julian Steward 39
11. Disciples of White and Steward 40
12. The Cross-cultural analysis of Neo-Evolutionist Murdock 42
13. Robert Braidwood and the Neolithic Revolution 44
14. Richard MacNeish and archaeobotanic studies 47
15. Robert Adams and the fate of urban civilisations 48
16. The preliminary summations: evolutionism and neo-evolutionism 52
17. French Neo-Evolutionism: André Leroi-Gourhan ..... —
18. Neo-Evolutionist in France: the voice in the wilderness 56
19. Soviet archaeology: evolution and Marxism 57
20. The crisis of the Neo-Evolutionism 59

Ch. 29. Structuralism 61

1. Introduction ..... —
2. Birth of structural ideas in linguistics — Saussure, Trubetskoy and Jacobson 62
3. The precursor of Structuralism in cultural anthropology Van Gennep 63
4. The ideas of philological Structuralism in the Soviet union: Propp and Lotman ... 64
5. Levy-Bruhl, Jean Piaget and pre-logical thinking 65
6. Structuralism of the Annales school 68
7. Levy-Strauss, the biography 69
8. The idea of the unity of the human mind and of the main mental structures: binary oppositions 70
9. Structures and history 72
10. Levy-Strauss — the analysis of myths ..... —

11. How Levy-Strauss used the ideas of structural linguistics 73
12. Levy-Strauss — the basis of success 74
13. Levy-Strauss — the significance of his contribution 75
14. American anthropological structuralism: Kennet Pyke, cognitive anthropology and the 'New Ethnography' ..... —
15. Ideas of structuralism in art-studies 77
16. Ideas of structuralism in the German classical archaeology 78
17. André Leroi-Gourhan and Palaeolithic arts 82
18. Structuralism in American archaeology: James Deetz and operations with formemes 85
19. Conclusion 90
20. Some lessons 91

Ch. 30. Contextualism 93

1. Introduction ..... —
2. Functionalism in America: Duncan Strong ..... —
3. The Scholarly pedigree of Walter Taylor 96
4. Walter Taylor and his 'Study of archaeology' 97
5. Archaeology as a discipline and its place among other disciplines 98
6. Theory 99
7. Typology after Taylor 100
8. Problem-setting research design ..... —
9. The Conjunctive approach of Taylor, or Contextualism 101
10. Perception of Taylor's book and his fate ..... —
11. The development and systematisation in Contextualists. Gordon Willey 103
12. Settlement archaeology: Chang Guang Chih and Bruce Trigger 109
13. The Contextual approach in France 114
14. Conclusion and some lessons 115

Ch. 31. Empirical schools 118

1. Introduction ..... —
2. Empiricism, inductivism, and positivism ..... —
3. The Stimuli of empiricism 121
4. Joseph Henry and Smithsonian Institution 122
5. L'Abbé Bourgeois' apology ..... —
6. The Empiricism of Virchow and Boas 123
7. Summarisers of prehistoric archaeology 124
8. The distinctive archaeology of Jacob-Friesen 126
9. The Marburg school of Merhart 127
10. Courbin vs, New Archaeology 133
11. Manifestations and attributes of empiricism in archaeology 135
12. Statistical ideas: Albert Spaulding 141
13. Some lessons 143

Ch. 32. Hyperscepticism 145

1. Introduction ..... —
2. The relativity of classifications: Brew and Forde 146
3. The philosophy of history of the archaeologist and philosopher R. G. Collingwood 154
4. The Hyperscepticism of Glynn Daniel 156
5. Fellow-champions of Faniel 161
6. Hawkes 'Ladders' ..... —
7. Models of Piggott 165
8. The causes of the outburst of Hyperscepticism 167
9. The criticism of Hyperscepticism in archaeology 168

Ch. 33. Autonomous archaeology in the hystorical synthesis and Emergentism 172

1. On the ruins of 'Siedungsarcharchäologie' ..... —
2. The biography of Ernst Wahle 175
3. Teaching of Wahle 179
4. Eggers and the inner criticism of archaeological sources 187

5. Rolf Hachmann and the 'regressive purification' 192
6. Ulrich Fischer: archaeological cultures as costumes 196
7. Conclusion and some lessons 199

PART VI. THE PEAK OF MODERNISM IN ARCHAEOLOGY

Ch. 34. Scientific archaeology 202

1. Scientism in archaeology ..... —
A. Descriptive archaeology and the French logicism 203
2. Neorationalism ..... —
3. Descriptive archaeology 204
4. Formalisation and the scientific level 208
5. Gardin's archaeological constructs and his logistic principle 210
6. Gallay and the 'tomorrow archaeology' 216
B. The Swedish rationalism on the ways of scientification 217
7. Swedish rationalism in philosophy ..... —
8. From 2M to 3H 218
9. Mats Malmer and his spatial archaeology 219
10. 'Neolithic studies' 221
11. Classification as the centre of gravity 223
12. Malmer's 'rationalism' 224
13. Three M 226
14. Conclusion and some lessons 227

Ch. 35. New archaeology (processualism). Hempelian trend 229

1. Scientific revolution in archaeology of U.S.A. and the New Archaeology ..... —
2. Lewis Binford 232
3. Social background and roots 235
4. Neo- and post-Positivism: the inflence of Hempel and the problem of reliability 237
5. Archaeology as anthropology — against history 239
6. Explanation 241
7. Systemic understanding of culture 242
8. The Potential of sources 245
9. Deductive research design 247
10. Mathematical methods 249
11. The Criticism of the New Archaeology 250
12. The crisis of the Processualism 252
13. Some lessons 254

Ch. 36. New Archaeology (processualism). Analytical trend 257

1. The second trend of the New Archaeology ..... —
2. David Clarke: his life 258
3. The mirage of the 'analytical machine' 263
4. Reductionism 267
5. Variability 269
6. Systemic understanding of culture in Clarke 272
7. Models in archaeology 273
8. Spacial archaeology 275
9. General theory 279
10. The discussion of analytical archaeology 280
11. Some particular lessons 282

Ch. 37. New Archaeology (processualism). Serutan trend 284

1. A trend of New Archaeology ..... —
2. Kent Flannery and the formation of the producing economy 285
3. Flannery among the typical images 287
4. Flannery and the origin of civilisation 293
5. Colin Renfrew, the contemporary of David Clarke ..... —
6. Sheffield, the ascent to glory 295
7. Neomarxism in England 299

8. Southampton: social archaeology 300
9. The group "Salvage" and TAG 302
10. Southampton: theory of catastrophes 304
11. Conclusion 305
12. Some lessons 306

Ch. 38. Behavioural Archaeology 309

1. Polarisation of interests: globalism and the individual ..... —
2. The crisis of New Archaeology 310
3. Stephen Daniels and David Clarke's signs of disillusionment with Processualism .. 311
4. Binford: 'two contexts of research' and the 'bridging argument' 313
5. Experimental archaeology and ethnoarchaeology 315
6. Binford: ethnoarchaeology of Nunamiuts 316
7. The Behavioral Archaeology of Michael Shiffer 318
8. William Ratje's garbage Archaeology 322
9. Archaeological sources in Leo Klejn 324
10. Binford: Middle Range Theory 326
11. 'The Pompeii Premise' 328
12. Golden Marshaltown 329
13. Some lessons 333

PART VII. POSTMODERNISM AND
THE CONTEMPORARY TRENDS IN ARCHAEOLOGY

Ch. 39. Post-Processualism 335

1. Cambridge and Michigan: Cognitive Archaeology ..... —
2. The coming of Post-Processualism 338
3. Post-Processualism against Modernism 339
4. Social-economical roots of Modernism and Post-Modernism 340
5. Mysticism as a prelude and presage 343
6. Mental roots: 345
   a) phenomenology ..... —
   b) hermeneutics ..... —
   c) critical theory 346
   d) post-structuralism: Michail Bakhtin and Roland Barthes 347
   e) post-structuralism of Thomas Kuhn and social constructivism of Michel Foucault 349
   f) post-structuralism of Abraham Moles 353
7. Ethnography as 'thick description' — Clifford Geertz 354
8. Ian Hodder, the leader of Post-Processualism 357
9. From ethnoarchaeology to symbols 358
10. Reading the past 360
   a) archaeology interpreting the text 361
   b) hermeneutics and relativism ..... —
   c) critical archaeology 362
   d) structuralist and contextualist ideas 363
   e) historical idealism 365
11. Hodder and Post-Processualism 367
12. Disciples 370
13. Feminist archaeology 373
14. Criticism of Post-Processualism 375
15. Personal addition 378
16. The appraisal of Post-Modernism 379
17. Some lessons 381

Ch. 40. Anti-Systemic movements 383

1. Current state of the discipline and the prospects of its development ..... —
2. Archaeological Antiglobalism 387
3. Competitive Globalism as a kind of Antiglobalism 390
4. Who owns the past? 392
5. Ethics at Cambridge and everywhere else 393

6. The destruction of the main concepts 394
7. The wave of individualism 396
8. Situations, fields and roles in psychology and anthropology ..... —
9. Ethnos and personality in anthropology 397
10. 'The integral social field' and Interactionism 398
11. Post-Structuralism of Bourdieu and Giddens 399
12. Archaeology and 'agency theory' 401
13. Interpersonalism in archaeology 404
14. Conclusion and some lessons ..... —

Ch. 41. Neo-Marxism in archaeology 406

1. Marxism as anti-Systemic movement? ..... —
2. Kinds of Marxism ..... —
3. Marxism in archaeology 409
4. Prospects of Marxism in archaeology 411
5. Marxism or post-Marxism? 413
6. Parai-Marxist archaeologies? 416
7. Conclusion and some lessons 425

Ch. 42. Synthesis and "figuring it out" 428

1. Cambridge: ethical problems ..... —
2. Russian correspondence 433
3. The transfer to taking up the past 435
4. Theory of material engagement 439
5. Conclusion and some lessons 445

Ch. 43. The Third Evolutionism 448

1. Resumption of Evolutionism ..... —
2. Sociobiology 450
3. The Egoistic gene and the elusive meme 452
4. Selectionism (Darwinian Archaeology) 454
5. Co-evolution 456
6. The nature of man and civilisation — the view from Russia 458
7. Ecology of human behaviour 460
8. Ecological-demographic evolutionism 461
9. "Sequentions" and theory of communication 464
10. Conclusion and some lessons 467

Ch. 44. Conclusion: summations and a prospect 470

1. The character and course of the history of archaeological thinking ..... —
2. Alternative archaeologies 471
3. To split up or to lump together? 473
4. Epochs and traditions 474
5. Structure of exposition 476
6. Candidates for attention 477
7. The Problem of mutual complementarity 478
8. Choice and polemics 479
9. Teleconnection and the sources of innovation 480
10. The use of theories, and Clavs Randsborg 481
11. Self-appraisal and 'critical theory' 487
12. Some lessons 489

Bibliography 492

Abbreviation 551

Indices 553

***Leo S. Klejn.* History of archaeological thougth (Annotation)** 614

Подписано в печать 31.12.2010. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 50,86. Заказ №240
Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

II

"...Являясь шедевром мировой археологической науки, книга Л. С. Клейна подчеркивает интеллектуальную притягательность археологии. Трудно представить, что когда-либо может появиться книга, где будет дана более целостная, масштабная и захватывающая картина развития археологии от ее начала и до конца XX века.

Л. Б. Вишняцкий, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН

Профессор *Лев Самуилович Клейн*, доктор исторических наук, один из самых известных в мире археологов. Преподавал в Санкт-Петербургском университете, читал курсы лекций в Берлине, Вене, Копенгагене, Дареме, Вашингтоне, выступал с докладами и лекциями в Кембридже, Оксфорде, в университетах Лондона, Мадрида, Стокгольма. Опубликовал 17 монографий по археологии, антропологии и филологии, многие из которых не раз переиздавались и переводились на иностранные языки.

"...На протяжении всей истории археологического мышления можно было убедиться, что, несмотря на материальную незаинтересованность, археология все же всегда оставалась наукой, задевающей людей за живое. Но это происходило по причинам идейным, и археология поставляла доказательства и опровержения для идеологических концепций религиозных, расовых, национальных, классовых и государственных.

...История эта показывает, что археология и ее отрасли неоднократно менялись. Не нужно считать, что современное состояние той или иной отрасли археологии, да и всей дисциплины, вечно. Нужно смотреть вперед и равняться на требования будущего, насколько их можно увидеть. Не оправдывать свое наплевательское отношение к передовым требованиям пессимизмом, неверием в будущее. Будущее очень быстро становится настоящим, а затем и прошлым, которое можно изучать. Все мы живем под объективом истории. Это не стоит забывать. Не знаю, как вы, а я давно уже это ощущаю, и это ощущение не оставляет меня ни на минуту. Я живу в истории нашей науки.

Лев Клейн

Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета

»...Являясь шедевром мировой археологической науки, книга Л. С. Клейна подчеркивает интеллектуальную притягательность археологии как для специалистов, так и для более широкого круга читателей. Перед нами одновременно и энциклопедия открытий, и не имеющий себе равных по степени охвата тем, времен и языков историографический обзор, и биографический справочник, и авантюрный роман, и руководство по разным течениям философской мысли, и оригинальный анализ множества сугубо археологических проблем. Трудно представить, что когда-либо может появиться книга, где будет дана более целостная, масштабная и захватывающая картина развития археологии от ее начала и до конца XX века.

Л. Б. Вишняцкий, д-р ист. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры РАН

Монография, рожденная из курса лекций, который автор читал в течение многих лет в российских и западных университетах, наглядно представляет историю археологического мышления: накопление и смену понятий, представлений и теорий.

Л. С. Клейн показывает развитие археологических идей не только в связи с социально-экономическими и политическими процессами, но и в конкретном историческом контексте — во взаимодействии сложившихся традиций и характеров личностей. Большое внимание уделено биографиям и работам ведущих ученых, представлены конкретные научные школы, отражена логика их появления и развития. Главы объединены в семь тематических блоков, отражающих конкуренцию различных течений, их связи, взаимодействие и роль в истории науки.

- Этапы продвижения к археологии
- Становление отраслей археологии и формирование первых теоретических концепций
- Культурно-историческая археология
- Кризис культурно-исторической археологии и выходы из него
- Методологии, выдвигаемые как парадигмы, и противостоящие им школы
- Пик модернизма в археологии
- Постмодернизм и современные течения в археологии

Аппарат книги включает обширную библиографию, именной и предметный указатели. Издание содержит более 300 иллюстраций и таблиц.

На лицевой странице суперобложки — *Антон фон Марон.* Портрет Иоганна Иоахима Винкельмана (фрагмент). 1768

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

II

Профессор *Лев Самуилович Клейн*, доктор исторических наук, один из самых известных в мире археологов. Преподавал в Санкт-Петербургском университете, читал курсы лекций в Берлине, Вене, Копенгагене, Дареме, Вашингтоне, выступал с докладами и лекциями в Кембридже, Оксфорде, в университетах Лондона, Мадрида, Стокгольма. Опубликовал 17 монографий по археологии, антропологии и филологии, многие из которых не раз переиздавались и переводились на иностранные языки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ Санкт-Петербургского государственного университета